G Walde

1984
1955
80
142208

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ИЗЪ ИСТОРІИ НАРОДНЫХЪ ДВИЖЕНІЙ

Царства двухъ монаховъ. — Революціонный анабаптизмъ. — Пролетаріатъ во Франціи.

ЦАРСТВА ДВУХЪ МОНАХОВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Пятнадцатый вѣкъ въ Европѣ—это агонія стараго застоя и зарожденіе новаго движенія.

Среди многихъ другихъ знаменательныхъ явленій, открытіе Америки какъ бы создало новые горизонты человѣчеству, указало на преимущества силы цивилизаціи передъ силой варварства, дало извѣстный толчокъ къ болѣе широкому развитію. Для народовъ Европы, которымъ жилось тогда такъ плохо, такъ тѣсно дома, открывалась широко дверь въ новыя страны, гдѣ можно было искать счастья, открывался путь для бѣгства отъ тогдашняго подневольнаго житья на родинѣ. Въ то же время изобрѣтеніе книгопечатанія открыло такой же новый путь къ обмѣну мыслями между совершенно незнакомыми другъ съ другомъ людьми и къ передачѣ народной массѣ на разныхъ пунктахъ земли результатовъ мышленія, изслѣдованій, знанія, всего того, что прежде было только достояніемъ монастырскихъ келій и кабинетовъ ученыхъ и богачей. Къ началу пятнадцатаго столѣтія вошелъ во всеобщее употребленіе въ Европѣ порохъ. Занесенный съ Востока еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ въ Испанію, онъ только въ первой половинѣ четырнадцатаго столѣтія сталъ извѣстенъ въ Германіи, такъ что даже считали его изобрѣтателемъ нѣмца Бертольда Шварца. Къ началу пятнадцатаго вѣка онъ былъ уже во всеобщемъ употребленіи и тоже послужилъ причиною не малаго переворота: закованные въ броню рыцари были безпомощны передъ этой новой доступной каждому силой; въ рыцарской бронѣ было даже труднѣе бороться съ этой силой; безпомощными стали и рыцарскіе за́мки передъ пушками, которыми могли пользоваться и управлять массы простого народа. Рядомъ съ этимъ

въ пятнадцатомъ вѣкѣ мы видимъ на папскомъ престолѣ людей, пошатнувшихъ окончательно незыблемую до той поры вѣру въ авторитетъ католической церкви. Однѣ такія личности, какъ папы Павелъ II, Сикстъ IV, Иннокентій VIII и Александръ VI, пошатнули уваженіе къ папству гораздо сильнѣе, чѣмъ самые злѣйшіе его враги, и никакіе инквизиторы не могли уже спасти католичества и возстановить его въ прежней его силѣ, а между тѣмъ оно со своими застывшими формами являлось опаснымъ тормозомъ въ дѣлѣ развитія тогдашняго общества. «Религіозные и политическіе законы, по мѣткому замѣчанію Шиллера, одинаково вредны, когда они сковываютъ силу человѣческаго духа, когда они ставятъ его въ положеніе застоя. Законъ, которымъ нація обязывается пребывать неизмѣнно въ извѣстныхъ рамкахъ, казавшихся, можетъ-быть, превосходными въ тотъ или другой періодъ времени,—такой законъ былъ бы посягательствомъ на человѣчество, и никакія соображенія не могли бы оправдать его. Онъ былъ бы непосредственно направленъ противъ высшаго блага, противъ высшей цѣли общества». Такимъ закономъ было тогда католичество и его-то начали подрывать сами главные его представители. Пятнадцатый вѣкъ, такимъ образомъ, сдѣлался не только вѣкомъ возрожденія наукъ и искусствъ, но и зарею реформаціи, то-есть шестнадцатаго вѣка, когда сдѣланный въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ ноту и въ крови посѣвъ далъ обильную жатву. Виклеффъ, Иванъ Гуссъ, Жижка, Іеронимъ Пражскій, гусситы, табориты, Савонарола, все это предшественники Лютера, Кальвина, Денка, Мюнцера, анабаптистовъ. Мысль о необходимости реформаціи католической церкви была не нова и въ рѣзкихъ нападеніяхъ на эту церковь не было никогда недостатка. И въ четвертомъ вѣкѣ вы найдете у Іеронима сравненіе Рима съ Вавилономъ и замѣчаніе: «читайте, читайте Апокалипсисъ: вы увидите, что говорится о женщинѣ въ пурпурѣ съ богохуленіемъ на челѣ. Взгляните на конецъ этого гордаго города: поистинѣ онъ заключаетъ въ себѣ святую церковь, въ которой видишь трофеи апостоловъ и мучениковъ, гдѣ исповѣдуютъ имя Іисуса Христа и апостольское ученіе, но высокомѣріе, гордость, надменность отвращаютъ вѣрныхъ отъ истиннаго благочестія». Подобныя замѣчанія о новомъ Вавилонѣ и его представителяхъ, папахъ, повторяются во всѣ вѣка и иногда отличаются особенною рѣзкостью. Такъ, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ папѣ Адріану IV одинъ изъ его друзей говорилъ: «Римская

церковь мать всѣхъ церквей, но она часто является для нихъ не матерью, а мачехой. Ею управляютъ книжники и фарисеи, налагающіе на шею людей тяжелое и невыносимое бремя и не желающіе стукнуть пальца о палецъ. Они накопляютъ драгоцѣнныя вещи, обременяютъ столы золотомъ и серебромъ, урываютъ даже кое-что лично для себя изъ алчности. Рѣдко или, вѣрнѣе сказать, никогда не допускаются къ нимъ бѣдняки, если же они и допускаются, то не ради Христа, а изъ пустого тщеславія. Эти люди вносятъ въ церкви путаницу, начинаютъ процессы, оказываются безсострадательными къ затрудненіямъ несчастныхъ, наслаждаются тѣмъ, что ограбятъ у церкви, и считаютъ страхъ Божій только предметомъ торговли. За деньги у нихъ добудешь все сегодня, а завтра не достанешь ничего безъ денегъ» [1]). Жившій на рубежѣ тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій Данте сравнивалъ папство съ блудницей, сурово нападалъ на преемниковъ Петра за ихъ жадность и насилія и, чтобы придать болѣе силы и значенія своимъ проклятіямъ, вкладываетъ свои обвиненія въ уста самого апостола Петра: его кровь воздвигла церковь не для того, чтобы она сдѣлалась предметомъ торговли и продавалась на вѣсъ золота; ключи, ввѣренные ему Сыномъ Божіимъ, не должны служить знаменемъ, во имя котораго побиваютъ христіанскіе народы; онъ не думалъ, что люди, называющіеся его преемниками, будутъ волками кровожадными въ одеждѣ пастырей; онъ обвиняетъ божественное мщеніе за его медлительность въ дѣлѣ наказанія виновныхъ. Данте приходитъ къ заключенію, что спасеніе христіанства заключается въ разрушеніи свѣтской власти папства [2]). Далѣе въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка Петрарка даетъ характеристики Рима и Авиньона, говорящія, что папству некуда идти далѣе по старому пути: «Римъ это дорога всѣхъ преступленій, всѣхъ гадостей; это адъ живыхъ, когда-то возвѣщенный въ пророческихъ словахъ Давида. Что произойдетъ тамъ, гдѣ добродѣтель умерла и погребена, въ этомъ вертепѣ, гдѣ царствуетъ гордость, зависть, расточительность и жадность, гдѣ возвышается все худшее, гдѣ щедрый разбойникъ превозносится до небесъ, гдѣ честный бѣднякъ притѣсненъ, гдѣ простота называется безуміемъ, а хитрость мудростью, гдѣ презираютъ Бога и поклоняются грѣховному міру? Ты видишь своими глазами, ты ощупы-

[1]) *A. Rudelbach.* Hieronymus Savonarola. Hamburg. 1835. S. 7—8.
[2]) *F. Laurent.* La papauté et l'empire. 1860, p. 496.

ваешь своими руками этотъ новый Вавилонъ, возбужденный, растерзанный, безстыдный, страшный... Все, что есть въ мірѣ предательскаго, лукаваго, жестокаго, горделиваго, все, что есть въ мірѣ безстыднаго и безгранично развращеннаго, наконецъ все, что существовало когда-либо безбожнаго и преступнаго, все это соединилъ въ себѣ Римъ». «Въ папскомъ Авиньонѣ поклоняются одному Богу---золоту; Іисуса Христа продаютъ за золото... Будущая жизнь считается басней, адъ изобрѣтеніемъ поэтовъ, воскресеніе мертвыхъ и послѣдній судъ поставлены въ число разныхъ глупостей. Истина здѣсь идетъ за глупость, воздержаніе за грубость нравовъ, цѣломудріе за самый страшный позоръ; чѣмъ грязнѣе жизнь, тѣмъ она болѣе славна; чѣмъ больше совершается преступленій, тѣмъ больше слава; честное имя хуже грязи, добрая слава послѣдній изъ товаровъ... Я не говорю о наслѣдіи Симона, объ этой ереси, торгующей мірскими вещами... Я ничего не говорю о жестокости, о наглости, о тщеславіи... Я спѣшу перейти къ предмету, настолько же смѣшному, насколько и отвратительному. Кто можетъ не смѣяться при видѣ этихъ старцевъ-дѣтей, которые какъ бы опровергаютъ слова Виргилія о холодности старости? Ихъ видишь предающимися съ горячностью тѣлеснымъ наслажденіямъ, они настолько погружаются въ постыдное распутство, какъ будто вся ихъ слава состоитъ въ оргіяхъ и безстыдствѣ... Говорить ли объ оскорбленіяхъ, о блудодѣяніяхъ, о незаконныхъ связяхъ, о забавахъ папскаго разврата? Говорить ли, какъ изгоняются мужья похищаемыхъ женъ, чтобы избѣжать жалобъ, какъ отдаютъ обезчещенныхъ и беременныхъ женъ обратно мужьямъ и послѣ родовъ снова заставляютъ мужей выдавать этихъ женщинъ для разврата? Всѣ эти ужасы знаю не я одинъ; они настолько публичны, что даже боязнь не мѣшаетъ говорить о нихъ»[1]). Такіе взгляды на католическую церковь до пятнадцатаго вѣка являлись не рѣдко, но все они были выраженіемъ частныхъ и исключительныхъ мнѣній, тогда какъ мысль о необходимости реформаціи наполняла уже весь пятнадцатый вѣкъ, такъ сказать, носилась въ воздухѣ. Безъ реформаціи уже не видѣли спасенія для католической церкви. «Я могу доказать, рѣшительно и пророчески говорилъ Савонарола, что стоитъ католической церкви пойти еще немного старымъ путемъ, и вѣры вовсе не будетъ существовать, а потому я говорю, что католи-

[1]) *Ibid.*, p. 497.

ческая церковь должна обновиться» [1]). Эта мысль была уже не единичнымъ мнѣніемъ—она созрѣла во всѣхъ умахъ лучшихъ людей той эпохи. Но идеи реформъ всегда сильно опережаютъ осуществленіе этихъ реформъ, требуя не мало времени, не мало жертвъ; въ пятнадцатомъ вѣкѣ всѣ реформаціонныя попытки подавлялись сжиганіемъ реформаторовъ. Представители папской власти жгли несчастныхъ по суду и безъ суда, жгли живыми, какъ Ивана Гусса, или мертвыми, какъ Виклеффа, и нерѣдко самъ народъ таскалъ охапки хвороста для костровъ мучениковъ, восклицавшихъ съ трогательною покорностью: «sancta simplicitas!» Эта «святая простота» не вѣдала, что она творитъ, такъ какъ время для этого пониманія еще не настало для нея. И надъ Христомъ наругалась толпа, прежде чѣмъ она стала поклоняться Ему... Тѣмъ не менѣе именно этотъ пятнадцатый вѣкъ изобрѣлъ силу, которая дѣлала костеръ безполезнымъ,—эта сила была книгопечатаніе: на кострѣ можно было сжигать человѣка, но въ книгѣ навѣки отпечатывались и разносились по землѣ его идеи, укореняясь въ народномъ сознаніи, просвѣщая темныя массы. Папы поняли это тотчасъ же и установили просмотръ книгъ. Уже въ 1475 году въ Кельнѣ появилась первая процензурованная папскими властями книга. Папа Сикстъ IV издалъ въ 1479 году общее строгое постановленіе о просмотрѣ книгъ, а майнскій архіепископъ Бертольдъ фонъ-Геннебергъ учредилъ для своей епархіи особую комиссію для просмотра книгъ. При папѣ Павлѣ IV былъ составленъ уже цѣлый списокъ запрещенныхъ книгъ—index librorum prohibitorum [2]). Но, по выраженію Берне, въ паутинѣ застреваютъ только мелкія мухи, а крупныя прорываютъ ее. Такъ было и тутъ: задорныя и трескучія произведенія, говорившія больше о раздражительности ихъ авторовъ, чѣмъ о серьезности ихъ мысли, погибали безслѣдно, а тяжелая артиллерія Лютеровъ, Меланхтоновъ и Кальвиновъ дѣлала свое дѣло. Безъ изобрѣтенія книгопечатанія въ пятнадцатомъ вѣкѣ—въ шестнадцатомъ, вѣроятно, не удалось бы дѣло Лютера, такъ какъ и ему, подобно Гуссу, пришлось бы остаться безъ поддержки народной массы. Книга просвѣтила умы этой массы, и послѣдняя уже не спѣшила воздвигать костровъ для людей, такъ или иначе желавшихъ ей добра.

Эти два вѣка, связанные между собою гораздо тѣснѣе,

[1]) *Hase.* Savonarola. Leipzig. 1861. S. 13.
[2]) *Kolb.* Culturgeschichte. Leipzig. 1873. B. II. S. 283.

тѣмъ другія предшествовавшія имъ столѣтія, слѣдовавшія одно за другимъ, имѣли такимъ образомъ огромное значеніе, и, интересуясь исторіей развитія человѣческихъ обществъ, нельзя не интересоваться выдающимися представителями этихъ двухъ вѣковъ, когда Европа попробовала двинуться впередъ при помощи своихъ болѣе или менѣе смѣлыхъ вожаковъ. Эти попытки тѣмъ болѣе интересны, что онѣ не ограничивались одной узкой сферой церковнаго переустройства. Такая узкость немыслима. Крупныя движенія въ человѣческихъ обществахъ никогда не ограничиваются одной какой-нибудь стороной общественной жизни: Гуссъ затронулъ вопросы чисто церковные, а его послѣдователи волей-неволей затронули политическіе и соціальные вопросы; дѣятельность Лютера ограничивалась почти исключительно богословской сферой, а Мюнцеръ, Іоаннъ Лейденскій и другіе анабаптисты сдѣлали попытку пересоздать весь строй человѣческой жизни; въ Англіи рядомъ съ реформаціей появляется, между прочимъ, трактатъ Томаса Мора, говорящій, что въ воздухѣ назрѣваютъ вопросы и о реформахъ иного порядка. Этихъ примѣровъ не оберешься. Къ числу людей, стремившихся къ преобразованію существовавшаго порядка вещей, безспорно нужно причислить и Савонаролу, и Кампанеллу, о жизни которыхъ я буду говорить въ этихъ очеркахъ. Эти люди видѣли необходимость пересоздать тогдашнюю католическую церковь и обновить итальянское общество; они сдѣлали попытки для достиженія своей цѣли, работая и теоретически, и практически; ихъ судили не только въ качествѣ еретиковъ, но и въ качествѣ революціонеровъ. Правда, ихъ попытки пересоздать существовавшій тогда въ Италіи порядокъ вещей не увѣнчались и ни въ какомъ случаѣ не могли увѣнчаться никакимъ успѣхомъ, не имѣя подъ собою надлежащей почвы. Одному изъ нихъ удалось взять въ свои руки власть на очень короткое время, а другому пришлось попасть въ руки враговъ на первыхъ шагахъ дѣятельности, оставивъ только трактатъ о новомъ строѣ общества. Разсматривая эти попытки теперь, мы видимъ всю ихъ несостоятельность и всю ихъ ошибочность, несмотря на всѣ добрыя намѣренія этихъ людей. Тѣмъ не менѣе и сами эти люди, и ихъ идеи интересны и поучительны, какъ интересна и поучительна исторія каждой свѣтлой или выдающейся личности, независимо отъ принесенныхъ ею практическихъ результатовъ. Послѣдніе нерѣдко бываютъ послѣдствіемъ случайнаго стеченія счастливыхъ

обстоятельствъ, а вовсе не высокаго значенія самой личности или ея идей. Каждый изъ насъ, конечно, знаетъ, какая масса самыхъ отъявленныхъ авантюристовъ добивалась иногда извѣстныхъ успѣховъ, что, разумѣется, вовсе не увеличивало значенія этихъ личностей и ихъ идей. На счастливый успѣхъ своихъ попытокъ Савонарола и Кампанелла не могли особенно сильно разсчитывать уже потому, что въ Италіи всегда зорко слѣдили за всякими новыми идеями и новшествами и жестоко наказывали новаторовъ. Списокъ итальянскихъ мучениковъ идеи очень длиненъ и поучителенъ: Данте два раза былъ приговоренъ къ смерти и его домъ былъ разграбленъ, Арнольдъ Брешіанскій былъ сожженъ живымъ, Іоаннъ Падуанскій былъ сожженъ живымъ, Савонарола былъ сожженъ живымъ, Платина и римскіе академики его времени были подвергнуты пыткѣ, Макіавелли былъ подвергнутъ пыткѣ, Спинула былъ утопленъ, Бонафидіо былъ обезглавленъ и сожженъ, Солленуціо былъ удавленъ, Тибертусъ былъ обезглавленъ, Карнесеки былъ сожженъ живымъ, Палеаріо былъ сожженъ живымъ, Монтальцино былъ удавленъ, Доминисъ былъ сожженъ живымъ, Джіордано Бруно былъ сожженъ живымъ, Ванини лишенъ языка и сожженъ живымъ, Кампанелла былъ семь разъ подвергнутъ пыткѣ и двадцать семь лѣтъ содержался въ тюрьмѣ [1]). Предвидя такой конецъ, нужно было имѣть много смѣлости, чтобы говорить то, что̀ выходило за предѣлы старыхъ общепринятыхъ идей. Этою смѣлостью и отличались и Савонарола, и Кампанелла...

Матеріалы, бывшіе у меня подъ рукой при составленіи настоящихъ очерковъ, обозначены мною въ отдѣльномъ спискѣ и въ подстрочныхъ указаніяхъ. Главными изъ нихъ были два труда: сочиненіе Виллари о жизни Савонаролы и изслѣдованіе Амабиле о жизни Кампанеллы. Первый трудъ переведенъ на разные европейскіе языки и достаточно общеизвѣстенъ, чтобы говорить здѣсь о его несомнѣнныхъ достоинствахъ; но второе сочиненіе, появившееся недавно только въ итальянскомъ подлинникѣ, распространено очень мало, и о немъ я долженъ сказать нѣсколько словъ. Несмотря на длинноты, на сухость и нѣкоторую сбивчивость изложенія съ постоянными ссылками на послѣдующія или на предыдущія части книги, несмотря на довольно тяжелый и далеко не безукоризненный итальянскій языкъ, работа

---

[1]) *E. Quinet.* Les révolutions d'Italie. Paris. 1857. 12, p. 458.

Амабиле имѣетъ огромное значеніе, проливая новый свѣтъ на жизнь и дѣятельность Кампанеллы и выясняя, на основаніи новыхъ изысканій и вновь открытыхъ документовъ, всю запутанную исторію заговора, за который поплатился такъ дорого Кампанелла. Положительно можно сказать, что до изданія книги Амабиле никто не имѣлъ полнаго понятія о Кампанеллѣ и его заговорѣ. Къ сожалѣнію, этотъ кропотливый трудъ едва ли будетъ пользоваться такимъ успѣхомъ, какимъ пользуется художественное сочиненіе Виллари о Савонаролѣ, и причиною неуспѣха, конечно, послужитъ чисто внѣшняя форма труда, одолѣть который есть своего рода подвигъ.

«Divide et impera» или, говоря иначе, «разъедини союзниковъ и господствуй надъ ними». Это старое и неизмѣнно вѣрное правило, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ народамъ. Но есть народы, которыхъ и не нужно было разъединять для побѣды надъ ними, такъ какъ они сами внутри себя носили задатки розни и никогда не умѣли сплотиться между собою, чтобы противостоять врагамъ. Достаточно указать на славянскіе народы, терявшіе и теряющіе все ради этой внутренней розни. Таковы были и народы Италіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Весь итальянскій полуостровъ распадался съ давнихъ поръ на отдѣльныя государства, и всѣ эти государства смотрѣли одно на другое не какъ на случайно распавшіяся части одного цѣлаго, а какъ на враговъ. Враждовали между собою не однѣ болѣе или менѣе крупныя области, но даже отдѣльные города. Въ спорахъ между собою враги нерѣдко призывали на помощь иностранцевъ, французовъ, испанцевъ, турокъ, и эти послѣдніе не только поживлялись на счетъ спорящихъ, но и грабили нейтральныя провинціи, черезъ которыя имъ приходилось проходить. Отсутствіе національнаго духа вездѣ было полное, и слово «Италія» было пустымъ звукомъ—въ дѣйствительности Италіи, какъ политическаго цѣлаго, не было. Враждебныя отношенія мелкихъ итальянскихъ государствъ или еще дальше; они повторялись внутри этихъ государствъ между представителями отдѣльныхъ фамилій, такъ что то одна фамилія, то другая пускали въ ходъ другъ противъ друга ядъ, кинжалъ, ссылку. Гвельфы и Гибелины, Монтекки и Капулети, Берголини и Распанти, Торріани и Висконти, Орсини и Колонны,—все это были непримиримые враги. Рѣзня или открытая и тай-

ная, убивали на улицахъ, среди бѣла дня, предательски, изъ-за угла [1]).

При такомъ неестественномъ порядкѣ вещей неестественнымъ было и развитіе итальянскихъ государствъ. Съ одной стороны конкурирующіе между собою правители старались щегольнуть передъ врагами развитіемъ наукъ и искусствъ, которыя были доведены въ Италіи до процвѣтанія, неизвѣстнаго въ остальной Европѣ. Данте, Аріосто, Тассо, Рафаэль, Микель Анжело, Макіавелли, Петрарка, Боккаціо, всѣ эти люди такъ или иначе были обязаны покровительству меценатствующихъ наперерывъ другъ передъ другомъ папъ, герцоговъ, королей. При помощи тѣхъ же меценатовъ возникли и расширились итальянскіе университеты, давшіе не малое число ученыхъ, бывшіе разсадниками дѣятелей возрожденія наукъ, гуманизма. Это была свѣтлая сторона медали. Съ другой стороны вѣчныя междоусобныя распри, деспотизмъ отдѣльныхъ правителей, безумная жизнь фамилій, выдвигавшихся впередъ насиліемъ, приводили къ всеобщей деморализаціи и къ вѣчнымъ попыткамъ отдѣльныхъ личностей свергнуть то или другое правительство, достигнувшее въ свою очередь власти при помощи насилія.

Трудно въ нѣсколькихъ словахъ очертить паденіе нравственности вообще въ Италіи въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Я остановлюсь только на характеристикѣ нѣсколькихъ папъ, какъ лицъ, по своему положенію и власти дававшихъ тонъ остальнымъ правителямъ Италіи.

Уже предательства и алчность папы Павла II, такъ много проповѣдывавшаго противъ гусситовъ и еретиковъ, набросили достаточную тѣнь на папство. Онъ самъ мучилъ римскихъ академиковъ, заподозрѣнныхъ въ уваженіи къ ученіямъ Платона, и одинъ изъ нихъ даже умеръ отъ пытки въ его рукахъ. Онъ дѣлалъ все, чтобы одолѣть чеховъ, и даже натравилъ на нихъ турокъ, долженствовавшихъ быть палачами Богеміи. Чтобы накопить побольше доходовъ, онъ оставлялъ вакантными мѣста епископовъ, и надъ нимъ смѣялись, что онъ когда-нибудь останется единственнымъ католическимъ епископомъ. Но за Павломъ II папой является Сикстъ IV, и весь Римъ сталъ указывать пальцами на кардиналовъ, получившихъ столько-то и столько-то за выборъ папы. Дѣйствительно, такой человѣкъ, какъ Сикстъ, могъ достигнуть папскаго престола только при помощи под-

[1]) *J. Perrens.* Jérome Savonarole. Paris. 1859, pp. 22. 24.

купа. Сынъ простого рыбака, онъ постыдно сдѣлалъ первый шагъ къ высшему общественному положенію при помощи своей женственной красоты; онъ попалъ подъ покровительство одного изъ богачей; во дворцѣ этого богача его развратили до мозга костей, но въ то же время дали ему разностороннее образованіе. Дальнѣйшій его путь былъ путемъ невообразимѣйшаго разврата, алчнаго добыванія денегъ всѣми средствами и бросанья этихъ денегъ зря направо и налѣво. Его поведеніе превосходило всѣ самые невѣроятные разсказы Светонія. Женщины ему въ сущности не нужны, онъ живетъ по-турецки, онъ требуетъ только пажей. Эти миньоны, вырастая, дѣлаются пастырями душъ, епископами, кардиналами [1]). Приживъ отъ родной сестры дѣтей, онъ даетъ полную волю своимъ племянникамъ-сыновьямъ, не уступающимъ ему въ распущенности. «Никогда Содомъ и Гоморра, говорятъ современники, не были ареной такихъ гнусностей, какія происходили теперь». Не мудрено, что такому человѣку приписывались даже такіе поступки, которые и во снѣ не снились ему. Такъ, нѣкоторые историки серьезно доказывали, что папа разрѣшилъ своимъ племянникамъ безнаказанно совершать противоестественные грѣхи въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ, и эту басню приходилось потомъ такъ же серьезно оспаривать, доказывая, что именно въ эти лѣтніе мѣсяцы менѣе всего было нужно подобное разрѣшеніе въ Италіи [2]). Всѣ скандалы казались недостаточными, и Сикстъ IV имѣлъ наглость издать буллу, гдѣ объявлялось, что племянники и незаконныя дѣти папъ пользуются правами римскихъ князей [3]). Хуже всѣхъ изъ папскихъ племянниковъ былъ Піетро Піаріо. Про отношенія этого юноши къ папѣ ходили самые грязные слухи. Папа сдѣлалъ его константинопольскимъ патріархомъ и архіепископомъ флорентійскимъ. Расточительность этого молодого кардинала была безгранична. «Роскошь его празднествъ превосходитъ роскошь этрусскovъ, говоритъ его современникъ, и они превосходятъ изобиліемъ пиры язычниковъ» [4]). Когда онъ ѣхалъ ко двору, его свита едва умѣщалась на улицахъ Рима. Его пріемы были пышнѣе папскихъ. На пиръ, данный имъ французскому послу, со всей

[1]) *S. Michelet.* Renaissance. 1861, pp. 161, 215.
[2]) *Histoire des papes,* Tome IV, à la Haye chez Henri Scheurleer. MDCCXXXIII. pp. 260—261.
[3]) *Histoire de papes.* Paris. 1844. VI. pp. 281. 302.
[4]) *Zeller.* Italie et Renaissance. Paris. 1869, p. 40.

страны было свезено все рѣдкое и драгоцѣнное и стихотворныя описанія этого пира облетѣли всю Европу. При проѣздѣ черезъ Римъ Елеоноры Арагонской весь путь передъ нею до папскаго дворца былъ устланъ драгоцѣнными коврами. На это время Піетро Піаріо построилъ на площади святыхъ апостоловъ дворецъ, въ которомъ стѣны были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ породъ деревьевъ, а вся утварь была изъ чистаго золота и серебра [1]). Піетро Піаріо умеръ очень молодымъ отъ избытка чувственныхъ наслажденій во время его пребыванія въ Венеціи [2]). Чтобы содержать подобныхъ расточителей, нужно было имѣть много доходовъ, и папа не брезгалъ ничѣмъ, начиная съ продажи церковныхъ должностей и оплачиваемыхъ отпущеній грѣховъ и кончая содержаніемъ домовъ терпимости, которые приносили ему болѣе двадцати тысячъ дукатовъ въ годъ. Развращенный, онъ былъ и жестокимъ. Любимымъ зрѣлищемъ папы были бои двухъ соперничающихъ между собою лицъ. Такіе бойцы не смѣли начать драки, прежде чѣмъ папа подойдетъ къ окну и благословитъ ихъ драться на смерть. Не лучше была и политика Сикста. Это былъ вполнѣ воинствующій папа. Его кондотьери заливали кровью Италію, и онъ не обращалъ даже вниманія на серьезныя и угрожающія указанія со стороны французскаго короля, германскаго императора и англійскаго короля на то, что единство Италіи необходимо нужно для безопасности Европы отъ турокъ. Воюя съ итальянскими владѣтельными особами, онъ воевалъ и со своими приближенными, заподозрѣнными въ измѣнѣ, засаживалъ кардиналовъ въ крѣпость св. Ангела, отравилъ при помощи одного изъ своихъ племянниковъ кондотьери Роберта Малатести, подослалъ убійцъ во Флоренцію для истребленія Медичи, и т. д. [3]). Тогдашнее общество не было избаловано хорошими правителями и все же современники называютъ счастливѣйшимъ днемъ день смерти папы Сикста IV [4]). «Нынче, говоритъ одинъ изъ его современниковъ, Богъ освободилъ народъ отъ руки этого безбожнаго и безсовѣстнаго человѣка, въ душѣ котораго не было ни страха Божія, ни любви къ христіанскому народу, но царствовали

[1]) *P. Villari.* Geschichte Girolomo Savonarola's. Leipzig. 1868. B. I. S. 22.
[2]) *Zeller,* p. 40.
[3]) *Ibid.,* pp. 42—46.
[4]) *J. Meier.* Girolamo Savonarola. Berlin. 1836. S. 5.

сластолюбіе, алчность и пустое тщеславіе» [1]). Въ этотъ радостный день народъ не нашелъ ничего лучшаго для изъявленія своей радости, какъ полное разграбленіе дома одного изъ племянниковъ папы, бѣжавшаго со своими драгоцѣнностями изъ Рима. Разнузданная толпа не только разбила молотами въ куски драгоцѣнныя статуи во дворцѣ, но вырвала съ корнями вѣковыя деревья въ его саду. Это было бурное мщеніе за позорное прошлое. Народъ не предвидѣлъ, что новый папа будетъ не лучше. Жанъ-Батистъ Сибо, занявшій папскій престолъ подъ именемъ Иннокентія VIII, вышелъ въ люди тоже при помощи своей красоты, тоже былъ съ дѣтства развращенъ и, вступая на папскій престолъ, имѣлъ семерыхъ или восьмерыхъ, а можетъ-быть и болѣе незаконнорожденныхъ сыновей и дочерей. «Дѣйствительно теперь въ Римѣ есть «*папа*», смѣялись по этому поводу остряки. Про него говорили, что эта безстыдная личность, не отличавшаяся даже умомъ своего предшественника, все готова сдѣлать за деньги. Что дѣлалось въ Римѣ при этомъ бездѣятельномъ старцѣ—это трудно описать въ короткихъ словахъ. Возьмите отчеты о любомъ мѣсяцѣ, и вы изумитесь тому, какъ жилось тогда въ вѣчномъ городѣ: 21 февраля 1485 года совершается убійство священника въ церкви; 26 числа происходитъ вооруженное столкновеніе народа съ папской гвардіей; 27 числа совершается пять казней; 29 числа господа Орсини и господа Колонна со своими приверженцами вступаютъ въ битву на улицахъ Рима и т. д. Дѣло дошло до того, что въ Римѣ насчитывалось по двѣсти убійствъ въ двѣ недѣли. Сами кардиналы дерутся между собою и ихъ приходится разнимать. Впрочемъ, кардинальское званіе давалось уже безъ особеннаго разбора. Довольно сказать, что одинъ изъ сыновей Медичи былъ сдѣланъ кардиналомъ на тринадцатомъ году жизни. Ни одного дня не проходило въ Римѣ безъ мелкихъ убійствъ, такъ какъ за деньги убійцы оставались безнаказанными. Трактирщикъ убилъ двухъ своихъ дочерей, а потомъ и слугу: за 800 дукатовъ его простили. «Богъ не желаетъ смерти грѣшника, глумились папскіе прислужники, а пусть онъ платитъ и живетъ» [2]). Когда одинъ изъ викаріевъ издалъ запрещеніе патерамъ имѣть любовницъ, папа разсердился. «Жизнь такъ сложилась, объяснилъ онъ, что у

[1]) *A. Rudelbach*, 12—13.
[2]) *Zeller*, pp. 48, 50. *Michelet*, p. 216.

всѣхъ должны быть возлюбленныя или по крайней мѣрѣ гуляющія женщины». Послѣднихъ было въ Римѣ теперь 6,800, не считая женщинъ, жившихъ на содержаніи у одного или нѣсколькихъ человѣкъ [1]). Не мудрено, что такому папѣ могли приписывать всякія преступленія, которыхъ онъ даже и не совершалъ. Такъ, говорили, будто бы онъ приказалъ убить трехъ младенцевъ, чтобы перелить въ него ихъ кровь и продлить его угасавшую жизнь. Казалось, что хуже уже не можетъ быть человѣка на папскомъ престолѣ; но это только казалось: послѣ смерти Иннокентія VIII для занятія вакантнаго престола нашелся Родериго Борджіа, подкупившій пятнадцать кардиналовъ изъ двадцати избирателей и удостоившійся избранія подъ именемъ Александра VI. Онъ превзошелъ своихъ предшественниковъ не только развратомъ, предательствами и убійствами, но и полнымъ индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, когда эти дѣла не сулили ему выгодъ. Большой говорунъ, любезникъ, человѣкъ широкихъ обѣщаній, неизсякаемый лгунъ, фактотумъ прежнихъ папъ и дѣлецъ прежде всего, этотъ Фигаро на папскомъ престолѣ былъ вѣчно подъ властью женщинъ, сначала двухъ римлянокъ, матери и дочери Ваноцца, потомъ Лукреціи Борджіи, воспѣтой разными поэтами дочери Александра VI, которую онъ любилъ слишкомъ сильно для своей чести. «Гораздо легче, говоритъ извѣстный итальянскій историкъ Нарди, совсѣмъ не говорить объ этомъ папѣ, чѣмъ говорить о немъ сдержанно. Онъ соединялъ съ самыми великими пороками очень мало добродѣтелей или, скорѣе, не имѣлъ вовсе добродѣтелей. Онъ подкупомъ достигъ престола св. Петра и удерживался на немъ безчестными средствами. Я не нашелъ до сихъ поръ ни одного историка изъ писавшихъ при немъ или послѣ него, который отнесся бы къ нему съ похвалой» [2]). Недаромъ же такой серьезный ученый, какъ Ф. Лоранъ, говоря о папахъ, въ негодованіи восклицаетъ: «Какой-нибудь Іоаннъ XXIII, десять разъ заслуживавшій смерть на эшафотѣ по нашему уголовному кодексу, негодяй, уличенный въ убійствахъ, въ отравленіи, въ прелюбодѣяніи, въ симоніи, приравнивался къ Богу! Какой-нибудь Александръ VI Борджіа, зараженный преступленіями и развратомъ, отъ которыхъ покраснѣли бы на галерахъ и въ лупанарахъ, приравнивался къ Богу!» [3]).

---

[1]) *A. Rudelbach*, S. 13—14.
[2]) *Zeller*, p. 294.
[3]) *F. Laurent*, p. 481.

Такова была нравственность тѣхъ лицъ, которыя возводились на престолъ св. Петра и должны были служить живымъ примѣромъ для своихъ духовныхъ дѣтей, то-есть для всѣхъ правителей и народовъ католической Европы.

Не лучше были въ это время и свѣтскія власти въ Италіи.

Въ Неаполѣ послѣ великодушнаго Альфонса тронъ занялъ жестокій Фердинандъ I, умѣвшій обезоруживать враговъ только хитростью, коварствомъ и предательствомъ и, ради жадности, наживавшійся на счетъ своихъ подданныхъ. Онъ, враждуя съ папой Иннокентіемъ, не находитъ ничего болѣе удобнаго, какъ устраивать въ Римѣ заговоры, на что паша, конечно, отвѣчаетъ тѣмъ же, и Фердинандъ предательски убиваетъ заговорщиковъ, не смѣя ихъ наказать публично. Все это не мѣшаетъ ему въ свое время въ покаянной одеждѣ испрашивать прощеніе въ Римѣ у святѣйшаго отца. Это была мелкая и злая душа, не способная ни къ какимъ благороднымъ порывамъ. Въ Миланѣ храбрый кондотьери и хитрый политикъ Франческо Сфорца оставилъ престолъ слабому по уму и способностямъ Галеаццо Сфорца. Впрочемъ, неспособность и безсиліе не мѣшали Галеаццо Сфорца быть жестокимъ тираномъ. Насколько онъ былъ жестокъ, это видно изъ его любимаго наказанія: онъ приказывалъ зарывать виновныхъ въ землю по горло и кормить ихъ нечистотами, наслаждаясь продолжительностью ихъ мученій. Въ Венеціи на мѣсто ловкаго и честолюбиваго политика Франческо Фоскари въ управленіе вступилъ Паскуале Малипіеро, для котораго самыми важнѣйшими событіями были его празднества, устраиваемыя имъ на площади св. Марка. Во Флоренціи послѣ смерти умнаго и ловкаго банкира Козьмы Медичи, безъ котораго, казалось, не могли существовать флорентійцы, взялъ бразды правленія совсѣмъ неспособный Піетро Медичи, въ немногіе годы едва не потерявшій власти надъ Флоренціей и для себя, и для своей семьи. «Такая смѣна сильныхъ слабыми или ничтожными людьми среди представителей власти могла бы показаться чѣмъ-то роковымъ и таинственнымъ, говоритъ историкъ Вилари, если бы дѣло не объяснялось просто: отцы достигали троновъ или утверждали свою власть среди тысячи опасностей, препятствій всякаго рода, въ борьбѣ съ безчисленными врагами, тогда какъ сыновья родились среди мира и выросли среди придворныхъ изнѣженными и распущенными» [1]).

[1]) *Villari*, *S.* 23.

Упадокъ умственный и нравственный среди правителей всегда отражается губительнымъ образомъ и на развитіи общества. При-деморализованныхъ правителяхъ трудно было остаться нравственнымъ обществу, и поговорка: «каковъ попъ—таковъ и приходъ» всегда оправдывается въ самомъ широкомъ смыслѣ. Итальянскіе правители этого не понимали и развращали народъ и подрывали уваженіе къ власти, подкапывая фундаментъ созданнаго ими же зданія. Деморализація въ Италіи была полная. О флорентійцахъ того времени, напримѣръ, говорилось: «они приложили всѣ старанія, чтобы жить среди изнѣженности, пробили себѣ путь ко всѣмъ самымъ постыднымъ и самымъ отвратительнымъ порокамъ. Ихъ отцы, при помощи труда, усилій, добродѣтели, воздержанія и честности, сдѣлали свое отечество очень цвѣтущимъ; имъ же, напротивъ, отбросившимъ въ сторону всякій стыдъ, казалось, нечего было терять: они предавались игрѣ, вину, низкимъ удовольствіямъ. Погрязшіе въ разгулѣ, они предавались безстыднымъ связямъ, безсмѣннымъ оргіямъ. Они были запятнаны всякими предательствами, всякими преступленіями. Презрѣніе къ закону и справедливости обезпечивало имъ полную безнаказанность. Храбрость для нихъ замѣняли наглость и нахальство; свободой нравовъ считалась преступная снисходительность; свѣтское обращеніе состояло въ злословіи и пустой болтовнѣ. Они исполняли все медленно, лѣниво и безпорядочно, такъ какъ лѣнь и низость были правилами ихъ жизни [1]).

Но какъ бы ни пало общество, среди него всегда находятся болѣе свѣтлыя личности, которыя чувствуютъ необходимость поднять нравственный и умственный уровни этого общества. Для нихъ открывается вездѣ и всюду только два пути для достиженія этой цѣли: попытка измѣнить существующій порядокъ силой или мирная пропаганда извѣстныхъ идей. Первый путь всегда кажется самымъ скорымъ и легкимъ, несмотря на всѣ горькіе уроки исторіи, говорящіе о томъ, какъ онъ невѣренъ и скользокъ, а потому въ эти тяжелыя для Италіи времена мы встрѣчаемъ не мало несчастныхъ заговорщиковъ. Въ Миланѣ несчастные юноши Висконти, Ольгіати и Лампуньяни убили Галеаццо Сфорцу. Всѣ трое поплатились жизнью—первые два были убиты на мѣстѣ преступленія въ храмѣ, третій подвергся пыткѣ раскаленными щипцами и во время казни живымъ былъ изрѣзанъ на куски. Миланъ же остался въ прежнемъ поло-

[1]) *F. Perrens*, p. 32.

женіи. Въ Феррарѣ Николай Эсте съ шестью стами товарищами попробовалъ устроить возстаніе и погибъ со всѣми своими сообщниками. Такъ же подавилось возстаніе Джироламо Джентили, попробовавшаго сбросить съ Генуи иго Милана. Всѣ подобныя попытки только утверждали еще сильнѣе деспотизмъ и дѣлали правителей еще болѣе жестокими.

Въ это-то время явился во Флоренціи представитель другого рода борьбы съ злоупотребленіями, съ паденіемъ нравственности, съ общественной неурядицей—борьбы при помощи слова, проповѣди, личнаго примѣра.

II.

Въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ 1490 года на послѣднемъ холмѣ Апеннинъ стоялъ путникъ и задумчиво смотрѣлъ на Флоренцію. Красиво раскинулась она внизу вокругъ высокой башни наряднаго дворца и купола собора, окруженная оливковымъ лѣсомъ, съ монастыремъ по ту сторону Арно, высящимся среди кипарисовъ. Путникъ былъ нищенствующій монахъ. Онъ былъ средняго роста, скорѣй низенькій, чѣмъ высокій, но онъ умѣлъ держать себя, и всѣ его движенія и жесты были благородны и граціозны. Онъ казался скорѣе полнымъ, чѣмъ худощавымъ, хотя, всматриваясь въ него, можно было замѣтить, что его маленькія руки костлявы и обтянуты одной кожей, что эта блѣдная, покрытая легкимъ загаромъ на лицѣ, кожа говоритъ о малокровіи, что его возвышенный и благородный лобъ изрѣзанъ морщинами далеко не по лѣтамъ. Лицо путника нельзя было назвать правильнымъ и красивымъ, но оно привлекало своею выразительностью. Большой горбатый орлиный носъ, крупныя плотно сжатыя губы, выражавшія твердость характера, блестящіе синіе съ зеленымъ оттѣнкомъ глаза, напоминавшіе не то южное небо, не то южное море; красиво очерченныя брови, густыя длинныя рѣсницы и наконецъ мягкая, грустная улыбка, все это невольно останавливало на немъ вниманіе. Остановившись на холмѣ, онъ глядѣлъ серьезно и въ то же время грустно на городъ, куда его призывали на скромное мѣсто проповѣдника,—призывали уже не въ первый разъ—и онъ помнилъ, что въ этомъ городѣ онъ потерпѣлъ неудачу, которая, быть-можетъ, ожидала его и теперь [1]).

[1]) *Hase. S. 10.*

Это былъ Савонарола или, какъ его звали въ монашествѣ, фра Джироламо—братъ Іеронимъ.

Много гордыхъ надеждъ возлагала на него его семья: онъ, какъ ей казалось, не оправдалъ ихъ, взявъ на себя роль скромнаго монаха. Его старинный родъ происходилъ изъ Падуи. Въ началѣ XV столѣтія, семья переселилась въ Феррару по приглашенію Николая III, любившаго науки и искусства и пожелавшаго видѣть при своемъ дворѣ знаменитаго врача падуанской школы, Михаила Савонаролу, прославившагося не только своими знаніями, но и любовью къ бѣдному люду. У Михаила Савонаролы былъ сынъ Николай, не мало занимавшійся, какъ дилетантъ, философіей, сводившейся тогда на простую схоластику, но еще болѣе занимавшійся проѣданіемъ при феррарскомъ дворѣ скопленныхъ его отцомъ капиталовъ. Онъ былъ женатъ на Еленѣ Буонакорзи, происходившей изъ знаменитой мантуанской дворянской семьи и отличавшейся возвышенностью души и почти мужскимъ складомъ ума и характера. У этой пары 21 сентября 1452 года родился третій ребенокъ, сынъ Іеронимъ. Ребенокъ былъ не особенно красивъ, не отличался ни дѣтской веселостью, ни дѣтской безпечностью; серьезный, вдумчивый, сосредоточенный, онъ не былъ ни для кого интересенъ. Но два его старшіе брата были неудачниками—одинъ пошелъ въ солдаты, другой управлялъ отцовскими имѣніями—и семья сосредоточила всѣ свои надежды на третьемъ сынѣ, предназначила Іеронима съ дѣтства къ роли великаго врача. Дѣдъ началъ умѣло и толково посвящать ребенка въ тайны естествознанія чуть не съ колыбели, преподавая ему въ то же время грамматику и латинскій языкъ. Ребенокъ оказался крайне воспріимчивымъ и сообразительнымъ и схватывалъ познанія на лету. Къ несчастью, дѣдъ умеръ, когда мальчику шелъ всего десятый годъ. Тогда образованіемъ ребенка занялся отецъ, преподавая ему философію, какъ необходимый, по тогдашнимъ понятіямъ, подготовительный предметъ передъ изученіемъ естественныхъ наукъ и медицины. Подробностей относительно посѣщенія мальчикомъ школы и именъ его учителей біографы Іеронима Савонаролы не знаютъ. Извѣстно только, что онъ удивлялъ всѣхъ своими способностями и умѣньемъ диспутировать [1]). Ѳома Аквинатъ и арабскіе толкователи Аристотеля увлекли юношу до такой степени, что онъ могъ проводить цѣлые

[1]) *J. F. Picus de Mirandula*, Vita R. P. Tr. Hieronymi Savonarolae, 1674, p. 9.

часы въ этомъ лабиринтѣ, разбираясь среди несвязанныхъ между собою силлогизмовъ. Все глубже и глубже уходилъ онъ въ науку, читалъ библію, вникалъ въ ея смыслъ, искалъ правды, серьезный, вдумчивый, отдыхая иногда отъ этой работы за рисованіемъ, музыкой, писаніемъ стиховъ.

А рядомъ съ нимъ шла шумная придворная жизнь.

Тогда Феррара, теперь запущенная и пустынная, съ заросшими то тутъ, то тамъ травою улицами, жила бьющей ключомъ жизнью, имѣя до ста тысячъ жителей. Правившая ею семья Эсте—Николай III и наслѣдовавшіе ему незаконнорожденные его сыновья, сперва Ліонелло, а потомъ Борзо — умѣла не только не впутываться въ распри сосѣднихъ государствъ, когда смуты вызывали все, — и прекращеніе фамиліи Висконти, и возстаніе Милана, и честолюбіе Венеціи,—но стяжала Феррарѣ названіе «страны мира» и привлекла въ нее ученыхъ, довела до цвѣтущаго состоянія университетъ, положила основаніе знаменитому музею Эсте, построила госпиталь св. Анны, укрѣпила городъ со стороны По, развила книгопечатаніе. Цвѣтущее состояніе города, богатство и широкая жизнь правителей, все это прославило Феррару въ такой степени, что изъ Индіи были посланы въ нее богатые дары, такъ какъ правителя Феррары считали тамъ королемъ всей Италіи. Пиры здѣсь слѣдовали за пирами. Особенно шумно отпраздновали въ Феррарѣ проѣздъ папы Пія II, задумавшаго устроить новый крестовый походъ противъ турокъ. Къ мысли о походѣ всѣ отнеслись вполнѣ равнодушно, но празднествъ было много. Когда предпріятіе не удалось, и папа снова ѣхалъ черезъ Феррару,—празднества были еще великолѣпнѣе, еще шумнѣе. Что-то развратное, языческое было въ этихъ пирахъ, гдѣ папа являлся окруженный языческими божествами, гдѣ духовенство встрѣчалось громомъ свѣтской музыки. 27 мая 1471 года умеръ послѣдній изъ двухъ незаконнорожденныхъ сыновей Николая III, Борзо. Остались въ живыхъ Николай, сынъ покойнаго Ліонелло, и Эрколе I, законный сынъ Николая III; эти два наслѣдника вступили въ борьбу изъ-за престола. Произошла братоубійственная рѣзня въ Феррарѣ. Побѣдителемъ остался Эрколе I, и на другой же день на улицахъ, обагренныхъ кровью гражданъ, началось прежнее безумное веселье. Прибавьте къ этимъ фактамъ, тяжело вліявшимъ на молодую душу Іеронима Савонаролы, мрачный замокъ съ башнями и подъемными мостами, стоящій среди города, какъ укрѣпленный вражескій лагерь. Здѣсь въ залахъ

гремитъ музыка, сверкаетъ драгоцѣнное серебро и золото, звенитъ венеціанскій хрусталь, танцуютъ нарядные люди, а внизу, въ подземельяхъ, за семью рѣшетками, изнываютъ несчастные узники, совершаются страшныя сцены пытокъ. Противорѣчія были на каждомъ шагу.

Чѣмъ безпутнѣе была эта жизнь, тѣмъ грустнѣе становился Іеронимъ Савонарола. Онъ худѣлъ и блѣднѣлъ, сторонился отъ людей, былъ молчаливъ; разъ посѣтивъ замокъ, онъ далъ себѣ слово, что его нога не будетъ болѣе тамъ, и, уходя въ пустынныя церкви, онъ съ жаромъ повторялъ:

Heu fuge crudeles terras, fuge litus avarum [1]).

Въ сосѣдствѣ съ домомъ Савонаролы жилъ одинъ флорентійскій изгнанникъ изъ славной семьи Строцци. Въ лицѣ этого изгнанника Савонарола увидалъ впервые новаго человѣка, не похожаго на окружавшихъ его феррарцевъ,—страдальца за любовь къ свободѣ, къ отчизнѣ. У Строцци была незаконнорожденная дочь. Савонарола влюбился въ нее. Въ душѣ молодого человѣка зароились яркія надежды на лучшую долю, на личное счастье. Но чѣмъ свѣтлѣе были эти надежды, чѣмъ обольстительнѣе были эти мечты, тѣмъ сильнѣе былъ нанесенный юношѣ ударъ. Гордые флорентійцы отвергли его предложеніе и оскорбили его, сказавъ, что «Строцци никогда не могутъ породниться съ какими-нибудь Савонаролами». Еще мрачнѣе стало настроеніе юноши, искавшаго забвенія въ музыкѣ, въ поэзіи... «Я вижу разрушеннымъ весь міръ, пишетъ онъ въ своемъ стихотвореніи «De ruina mundi»,—и безнадежно попранными добродѣтели и добрые нравы; нигдѣ нѣтъ живого свѣта и нѣтъ существа, стыдящагося своихъ пороковъ... Счастливъ только тотъ, кто живетъ грабежомъ, кто питается кровью ближняго, кто обираетъ вдовъ и опекаемыхъ имъ сиротъ и толкаетъ въ пропасть бѣдняковъ. Образованнымъ и мудрымъ считается только тотъ, кто побѣждаетъ силой и коварствомъ, пренебрегаетъ Христомъ и Богомъ и вѣчно думаетъ, какъ бы погубить ближняго... Но у меня есть еще надежда, которая спасаетъ меня отъ окончательнаго отчаянія: я знаю, что въ другой жизни будетъ ясно, чья душа была благородна и возносилась высоко въ своихъ порывахъ». Религіозное чувство одно спасало молодого человѣка, и онъ просилъ Бога:

— О, Господи, укажи мнѣ путь, по которому долженъ идти я!

Какой же могъ быть тогда иной путь для спасенія, кромѣ

[1]) *Villari*, S. 3—11.

бѣгства отъ этого свѣта? Надо отказаться отъ весе́лья, пьянства, разврата, роскоши, отъ всего, что покупается одними цѣною пота и крови угнетенныхъ ближнихъ, и ради чего другіе идутъ на всякія преступленія, на грабежъ, на убійства. На этотъ путь спасенія толкало теперь все Іеронима Савонаролу—и любовь къ Ѳомѣ Аквинату, и случайно услышанная въ Фаенцѣ проповѣдь августинскаго монаха. Хотѣлось бѣжать въ монастырь не для того, чтобы изъ свѣтскаго аристократа превратиться въ духовнаго аристократа, отъ Аристотеля въ міру перейти къ Аристотелю въ монастырѣ, какъ это дѣлалось тогда. Нѣтъ, хотѣлось сдѣлаться послѣднимъ слугою ближнихъ, чернорабочимъ, шить монашескія рясы, копать землю въ саду, прислуживать на кухнѣ. Этимъ только можно искупить грѣхъ своего происхожденія, своего положенія въ свѣтѣ, своей жизни на счетъ ближнихъ. Но какъ же уйти? Что скажутъ отецъ и мать главное, мать? Вотъ она смотритъ на любимаго сына испытующимъ взоромъ, точно спрашиваетъ:

Что ты задумалъ?

У него нѣтъ силы сознаться; онъ потупляетъ глаза передъ нею; горячо любимой, обожаемой имъ. 23 апрѣля 1475 года, вечеромъ, онъ игралъ на лютнѣ, замечтавшись, забывши окружающее, переносясь мыслью въ тишину монастыря. Изъ-подъ его пальцевъ лились тихіе, хватающіе за сердце звуки.

- Сынъ мой, это значитъ: разлука?—послышался тихій, скорбный вопросъ матери.

Онъ не смѣлъ поднять на нее глазъ, а грустные звуки стали еще грустнѣе [1]).

На слѣдующій день въ Феррарѣ было большое празднество. Всѣ родные Іеронима Савонаролы были на пиру въ герцогскомъ замкѣ. Только онъ, по обыкновенію, уклонился отъ пира и пошелъ за городъ по дорогѣ къ Болоньѣ. Вотъ монастырь св. Доминика. Молодой человѣкъ постучался въ него. Дверь отворили, и путникъ очутился за оградой.

Ночью, въ тишинѣ монастырской кельи онъ взялся за перо и сталъ писать къ отцу:

Мой глубокоуважаемый отецъ! Я не сомнѣваюсь, что васъ глубоко огорчитъ мой отъѣздъ, тѣмъ болѣе, что я ушелъ тайно. Но это письмо должно вамъ открыть состояніе моей души и мои намѣренія, чтобы вы утѣшились и поняли, что я пришелъ къ своему рѣшенію не по-дѣтски,

[1]) *Villari*, S. 14.

какъ, вѣроятно, подумаютъ иные. Прежде всего прошу васъ, какъ человѣка, любящаго справедливость и презирающаго все ничтожное и преходящее, прислушайтесь болѣе къ голосу правды, чѣмъ къ голосу страсти, которой подчиняются женщины, и разсудите на основаніяхъ разума, правъ ли я, покидая міръ и исполняя свои предначертанія. Что меня побудило вступить въ монастырь—это страшное ничтожество свѣта и испорченность людей; развратъ, нарушенія святости брака, обманъ, высокомѣріе, нечестіе, проклятіе и кощунства всѣхъ родовъ дошли въ свѣтѣ уже до того, что не находишь болѣе въ немъ честныхъ людей. Какъ часто вслѣдствіе этого я въ слезахъ пѣлъ: «Heu fuge crudeles terras, fuge litus avarum!» Я не могъ выносить злобу ослѣпленныхъ народовъ Италіи, гдѣ угасли всѣ добродѣтели и торжествуетъ порокъ. Этотъ свѣтъ могъ мнѣ дать только глубочайшую скорбь. Потому ежедневно я просилъ Господа Іисуса Христа, чтобы онъ избавилъ меня изъ этой грязи, и неустанно возсылалъ искреннимъ сердцемъ короткую молитву Богу: укажи мнѣ путь, по которому я долженъ идти, такъ какъ къ Тебѣ устремляется душа моя. И Господь въ безконечной благости Своей услышалъ меня и сжалился надо мною, хотя я и не стою этой великой милости. Отвѣтьте же мнѣ: развѣ не хорошо и не справедливо, когда человѣкъ бѣжитъ отъ низости и испорченности ничтожнаго свѣта, чтобы жить, какъ разумному существу, а не какъ животному среди свиней? И не было ли бы великой неблагодарностью съ моей стороны сперва молить Бога объ указаніи мнѣ настоящаго пути, по которому я долженъ идти, а потомъ, когда Онъ въ Своемъ милосердіи указалъ мнѣ на этотъ путь, не слѣдовать по немъ? О, Господь и Богъ мой, лучше мнѣ тысячу разъ умереть, чѣмъ быть неблагодарнымъ передъ Тобою. Потому, любимый мой отецъ, вы должны не печалиться, а скорѣе благодарить Господа Іисуса за то, что Онъ далъ вамъ сына и не только сохранилъ его такимъ до двадцатидвухлѣтняго возраста, но еще и оказалъ ему милосердіе, сдѣлавъ его воинствующимъ рыцаремъ. Или вы не считаете за великую милость того, что вашъ сынъ дѣлается воиномъ Христовымъ? Говоря короче: или вы любите меня, или—я знаю, что вы не скажете этого,—вы не любите меня. Если же вы любите меня, то что вамъ дороже во мнѣ: тѣло или душа? Вы не можете отвѣтить: «тѣло», такъ какъ вы не любили бы меня, любя во мнѣ худшую изъ частей человѣка. Если же вы любите душу, то почему же вы не

ищете и спасенія этой души? Вы должны торжествовать и радоваться этой побѣдѣ. Я хорошо знаю, что безъ нѣкоторой боли тѣла не обойдется, но тѣло нужно обуздывать разумомъ, особенно такому умному и сердечному человѣку, какъ вы. Вы повѣрите, что мнѣ стоила разлука съ вами горячихъ слезъ. Надѣюсь, да. Никогда еще съ моего рожденія я не испытывалъ большей скорби, болѣе глубокаго горя, чѣмъ теперь, когда я разстался со своею семьею и пошелъ къ неизвѣстнымъ людямъ, чтобы принести въ жертву Іисусу Христу мое тѣло и отдать свою свободную волю въ руки людей, которыхъ я никогда еще не видалъ. Но когда я думаю о томъ, что меня призываетъ Богъ и что Онъ Самъ не пренебрегъ явиться слугою среди насъ, червяковъ,—я понимаю, что у меня недостало бы духу не послѣдовать на Его кроткій и святой призывъ, говорящій намъ: «Пріидите ко Мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и Я успокою васъ, возьмите бремя Мое на себя...» Я знаю, что вы жалуетесь на меня за то, что я ушелъ такъ тайно и какъ бы бѣжалъ отъ васъ; но поймите, что мои скорбь и горе, при мысли о разлукѣ съ вами, были такъ велики, что я былъ увѣренъ въ одномъ—разскажи я вамъ свои намѣренія, и во мнѣ прежде разорвалось бы сердце, чѣмъ я рѣшился бы оставить васъ, и новый оборотъ мысли помѣшалъ бы осуществленію моего плана. Потому не удивляйтесь, что я молчалъ. Впрочемъ, на окнѣ за книгами я оставилъ нѣсколько листковъ, изъ которыхъ вы узнаете мое душевное состояніе. И такъ, прошу васъ, дорогой отецъ, не жалуйтесь болѣе на судьбу и не причиняйте мнѣ еще болѣе печали и горя, которыхъ у меня и такъ много; я не раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ, и я бы поступилъ такъ же, если бы даже зналъ, что меня ждетъ участь выше участи Цезаря, но вѣдь и я плотской человѣкъ, какъ и вы, и чувства ведутъ и во мнѣ борьбу противъ разума. Это заставляетъ меня бороться всѣми силами, чтобы дьяволъ не осѣдлалъ меня, особенно когда я слышу ваше сѣтованіе. Эти дни, когда страданія еще свѣжи, пройдутъ скоро, и потомъ, я надѣюсь, мы оба утѣшимся въ этомъ мірѣ милосердіемъ Божіимъ, въ томъ—славою. Въ заключеніе, возлагаю на васъ, какъ на мужчину, утѣшить мою мать, которую, какъ и васъ, я прошу о благословеніи и о спасеніи души которой я горячо молюсь».

«Если бы я даже зналъ, что меня ждетъ участь выше участи Цезаря—я поступилъ бы такъ же», — говоритъ Са-

вонарола въ этомъ письмѣ и, конечно, онъ не предчувствовалъ, что и здѣсь, въ монастырской тишинѣ, его ждетъ безсмертная слава.

Послушаніе—законъ для монаховъ: и вотъ человѣку, который хотѣлъ послужить ближнимъ въ качествѣ простого работника, приказали учить и поучать людей. Онъ долженъ былъ повиноваться.

III.

Не мало лѣтъ прошло со дня вступленія Савонаролы въ монастырь и до появленія его во второй разъ во Флоренціи, гдѣ его ожидалъ теперь цѣлый рядъ знаменательныхъ событій—слава проповѣдника, политическая власть, страданія и смерть на кострѣ. Протекшіе годы его монашеской жизни не отличались ничѣмъ особенно выдающимся съ чисто внѣшней стороны, но они были хорошею школой подготовленія къ болѣе широкой дѣятельности. Въ величественномъ болонскомъ монастырѣ Санъ-Доминико, гдѣ покоится прахъ гордаго основателя этого монастыря подъ удивительнымъ памятникомъ работы Николо Пизано, среди тихихъ келій и пустынныхъ монастырскихъ галлерей и переходовъ, провелъ Савонарола семь лѣтъ въ молитвахъ и покаяніи, учась и обучая въ то же время новичковъ по приказанію настоятеля. Онъ принялся за дѣло обученія молодыхъ монаховъ не ради одного обязательнаго для монаха послушанія: познакомившись ближе съ положеніемъ современной ему католической церкви, онъ увидалъ всѣ ея страшные недостатки, и въ немъ проснулось страстное желаніе обновить ее, подготовить ей лучшихъ служителей. Въ первый же годъ своего пребыванія въ монастырѣ онъ написалъ страстное стихотвореніе «о паденіи церкви», гдѣ горячо спрашиваетъ: «гдѣ же старые учители и старые святые, гдѣ ученость, христіанская любовь, чистота старыхъ временъ?» Эти алмазы, эти горящіе свѣтильники, эти сапфиры [1]), какъ онъ иносказательно называетъ ихъ, не существуютъ болѣе. Въ Римъ проникло гордое честолюбіе и загрязнило все, такъ-что приходится только бѣжать отъ него куда-нибудь въ пустынную келью, кончая въ ней жизнь въ скорби и слезахъ. Несмотря на иносказательную, нѣсколько вычурную форму, это стихотвореніе проникнуто искреннею горечью и изъ него уже можно понять, что этотъ монахъ не ограничится однимъ постомъ и молитвою, прислуживаньемъ на кухнѣ и копаньемъ

[1]) «De ruina ecclesia», вторая строфа.

грядъ. Его идеалы выше этого идеала тѣхъ эгоистовъ, которые вѣчно считаютъ свою избу съ краю и заботятся только о личной своей чистотѣ. Не даромъ же онъ взывалъ теперь къ Богу, чтобы тотъ далъ ему силу «сломить эти мощныя крылья — крылья испорченности, крылья гордой вавилонской блудницы» [1]). Не ограничиваясь даннымъ Савонаролѣ порученіемъ обучать новичковъ, настоятель монастыря возложилъ на молодого монаха и обязанности проповѣдника. Савонарола съ жаромъ взялся и за это дѣло: оно было ему по душѣ при его тогдашнемъ настроеніи. Онъ на первыхъ же порахъ уклонился отъ обычной манеры ученыхъ проповѣдниковъ того времени, отъ безконечныхъ софизмовъ схоластики, отъ постоянной возни съ Аристотелемъ, и все болѣе и болѣе сталъ руководиться библіей, которая потомъ и сдѣлалась его неизмѣнной спутницей въ жизни, его книгою книгъ. Тѣмъ не менѣе, его проповѣди не имѣли особеннаго успѣха и, можетъ-быть, это нужно приписать главнымъ образомъ тому, что онъ не поражалъ внѣшностью, былъ слишкомъ истощенъ постничествомъ, являлся до крайности слабымъ, не могъ даже громко говорить [2]). Его проповѣдничество въ Болоньѣ въ эту пору прошло такъ незамѣтно, что о немъ не упомянулъ ни одинъ изъ писателей того времени. Даже въ его родной Феррарѣ, гдѣ имъ могли интересоваться люди, какъ землякомъ, и куда онъ былъ посланъ въ 1482 году, его проповѣдь осталась совершенно безслѣдной [3]).

Именно въ это время совершилось событіе, долженствовавшее измѣнить кореннымъ образомъ всю жизнь Савонаролы.

Въ Феррарѣ началась война, и Савонаролѣ пришлось снова проститься съ роднымъ городомъ. Его послали во Флоренцію. Совершая путь въ этотъ городъ, молодой монахъ могъ близко познакомиться съ тѣмъ, что дѣлалось тогда въ Италіи. Война, начавшаяся въ Феррарѣ, охватила весь полуостровъ, и всѣ знали, какую гнусную роль играетъ въ этой братоубійственной рѣзнѣ папа Сикстъ IV, всѣ знали, какія корыстныя цѣли руководятъ этимъ презрѣннымъ старцемъ. На Савонаролу пахнуло той страшною дѣйствительностью, той безпощадно бьющей въ глаза правдою жизни, которая превосходила самыя страшныя отвле-

[1]) De ruina ecclesiæ, седьмая строфа.
[2]) *K. Meier.* S. 20.
[3]) *Villari,* S. 25.

ченныя разсужденія о «ruinae mundi». И рядомъ съ этимъ, какое чарующее впечатлѣніе произвели на него прелестная, нарядная Флоренція и величавый монастырь Санъ-Марко, гдѣ онъ поселился жить. Монастырское зданіе было построено за сорокъ лѣтъ до прибытія во Флоренцію Савонаролы; прежде здѣсь жили крайне распущенные даже для того времени монахи; заботами Козимо Медичи они были выселены, и на ихъ мѣсто вступили въ новое зданіе реформированные доминиканцы. При монастырѣ была одна изъ лучшихъ по манускриптамъ библіотека, которая, согласно волѣ завѣщавшаго ее монастырю Никколо Никколи, явилась первою публичной библіотекою въ Италіи. Сюда стекались ради библіотеки ученѣйшіе люди изъ монаховъ и мірянъ. Въ отношеніи искусства монастырь тоже славился, такъ какъ его стѣны были расписаны кистью Джіованни-да-Фіезоле, извѣстнаго подъ именемъ Беато Анджелико [1]). Еще больше прославился монастырь дѣятельностью его учредителя Санъ-Антонино, одного изъ неутомимѣйшихъ благодѣтелей бѣдноты и послѣдователей евангельской любви къ ближнимъ. У всѣхъ еще была въ памяти самоотверженная дѣятельность этого изумительно добраго и безупречнаго человѣка во время флорентійскихъ чумы и голода въ 1448 году [2]). Вступивъ въ монастырь Санъ-Марко, Савонарола былъ сразу охваченъ разсказами о широкой и благотворной дѣятельности Санъ-Антонино и вездѣ находилъ ея слѣды въ видѣ различныхъ пріютовъ, братствъ, госпиталей. Образъ этого человѣка, проходящаго по опустошенному чумой и голодомъ городу съ лошадью, навьюченною хлѣбомъ, одеждами и массой другихъ вещей для страдальцевъ-бѣдняковъ, возставалъ, какъ живой, въ воображеніи Савонаролы. И какъ величественна, какъ привлекательна была сама Флоренція съ ея чудной природой, съ ея сокровищами искусства. Не даромъ же ею управлялъ въ то время великолѣпный Лоренцо Медичи, находившійся въ то время на верху славы и силы. Флоренція, эта «монархическая республика», какъ удачно выражается Целлеръ, была въ среднія вѣка итальянскимъ городомъ по преимуществу [3]). Уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ она была нравственно столицею Италіи, и тоскапское нарѣчіе стало литературнымъ язы-

---

[1]) Фра Джіованни Анджелико-да-Фіезоле родился 1387 г.; умеръ 1455 г.

[2]) Санъ-Антонино родился 1389 г. во Флоренціи; умеръ тамъ же въ 1459 году.

[3]) *Zeller*, p. 51.

комъ всей Италіи. Флорентійская республика превращается въ сущности въ монархію еще при Козимо Медичи, этомъ либеральномъ банкирѣ, который распоряжается войной и миромъ во всей Италіи, даетъ взаймы Франциску Сфорцѣ денегъ, чтобы тотъ могъ завоевать Миланъ и герцогскую корону послѣ Висконти; защищаетъ этого узурпатора противъ Венеціи и короля арагонскаго, находя союзника себѣ въ лицѣ французскаго короля Карла VII; добываетъ во время голода хлѣбъ у того же французскаго короля, облегчая положеніе страны. Деньги вездѣ и всегда играли видную роль, и не одни нѣмецкіе банкиры Фуггеры распоряжались участью императорской короны. Не мудрено, что страстная и увлекающаяся «дочь Рима», какъ называли старые историки Флоренцію, приписываетъ все процвѣтаніе города, всѣ успѣхи искусствъ именно Козимо Медичи и сама поступается своей свободой, осыпаемая благодѣяніями своего либеральнаго «отца отечества», а при его внукѣ Лоренцо уже совершенно пьянѣетъ среди безсмѣнныхъ пировъ, спектаклей, маскарадовъ, празднествъ, народныхъ увеселеній, не слыша голосовъ политическихъ партій подъ звуки canti carnascialeschi и canzoni a ballo — карнавальныхъ пѣсенъ и бальныхъ канцонъ [1]). Самъ Лоренцо проводитъ свободное отъ пировъ и государственныхъ дѣлъ время среди поэтовъ, художниковъ и философовъ изъ платоновской академіи, гдѣ создается модная «платоновская теологія». Подъ всѣмъ этимъ ослѣпительнымъ блескомъ скрывались безъисходныя сомнѣнія, полное безвѣріе, и вѣчная холодно-насмѣшливая улыбка была на лицахъ флорентійцевъ, знавшихъ и греческій, и латинскій языки, и Платона, и Аристотеля, и гордившихся тѣмъ, что даже флорентійскія женщины отличаются разносторонней ученостью, не уступающей учености мужчинъ. Не много дней нужно было прожить Савонаролѣ среди флорентійцевъ, чтобы на него пахнуло холодомъ отъ этихъ рабовъ внѣшности и душевной пустоты. И какъ смѣшонъ показался имъ этотъ появившійся на каѳедрѣ въ церкви Санъ-Лоренцо тщедушный проповѣдникъ съ его едва слышнымъ, сиповатымъ голосомъ, съ его неуклюжими манерами, съ его провинціальнымъ нарѣчіемъ, съ его порой грубыми и чисто народными выраженіями! Онъ рѣшился нападать съ каѳедры на пороки и маловѣріе свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, презрительно относился къ вылощеннымъ поэтамъ и философамъ, порицалъ фанатиче-

[1]) *Zeller*, pp. 64—67. *Villari*, S. 33.

ское поклоненіе передъ древними классиками и цитировалъ только одну книгу—библію, совѣтуя всѣмъ читать ее, тогда какъ всѣ они знали, что библейская латынь была не безупречная, и что подобное чтеніе могло только попортить ихъ стиль! Уже въ 1483 г. у Савонаролы бывало въ церкви не болѣе двадцати пяти слушателей [1]), тогда какъ у фра Маріано-да-Дженнаццано, любимца Лоренцо Медичи, церковь не могла вмѣстить всѣхъ слушателей. Дженнаццано, изысканный по слогу и изящный по манерамъ, былъ въ модѣ, и ходить и слушать его было такимъ же казовымъ концомъ, какъ восторженно восхищаться подвигами Санъ-Антонино, какъ горячо толковать и спорить о платоновской теологіи, какъ щедро покровительствовать раболѣпствовавшимъ передъ богачами литературѣ и искусствамъ, тогда какъ въ душѣ всѣхъ этихъ разбогатѣвшихъ холодныхъ и издѣвавшихся надъ всѣмъ въ душѣ лавочниковъ и ростовщиковъ былъ одинъ кумиръ—золото и одно наслажденіе распутство. Даже близкіе и уже увлекавшіеся смысломъ проповѣдей Савонаролы люди сознавали причины его неуспѣха и говорили ему съ грустью о томъ, что онъ долженъ бы поучиться у Дженнаццано умѣнью красивыхъ фразъ и граціозныхъ тѣлодвиженій. Одни эти ослиныя сожалѣнія о незнакомствѣ соловья съ пѣтухомъ могли убить всякую энергію въ другомъ человѣкѣ, но Савонарола вѣрилъ теперь въ свое призваніе до того, что у него уже начались видѣнія, ободрявшія его идти избраннымъ путемъ. «Церковь должна быть обуздана, потомъ обновлена, и это должно свершиться скоро» [2]) — вотъ лозунгъ, во имя котораго шелъ онъ на свой подвигъ.

Въ 1484 и 1485 годахъ ему приказано было проповѣдывать въ маленькомъ городкѣ Санъ-Джеминіано въ сіенскихъ горахъ, и здѣсь онъ увидалъ, что его могутъ понять люди, еще близкіе къ природѣ и еще не испорченные утонченнымъ внѣшнимъ образованіемъ. Здѣсь слушатели стекались толпами въ церковь послушать суроваго проповѣдника, и подъ сводами храма то тутъ, то тамъ слышались тяжкіе вздохи и сдержанныя рыданія. Этотъ успѣхъ придалъ ему бодрости. Укрѣпившись здоровьемъ среди сіенскихъ горъ, полный энергіи, воспламеняемый вѣрой въ свое призваніе, онъ является въ 1486 году въ Брешіи, и тутъ его проповѣди на темы Апокалипсиса звучатъ уже пламенно и повс-

[1]) *Villari*, S. 57.
[2]) *Ibid.*, S. 63—64

лительно, а голосъ начинаетъ гремѣть, какъ громъ. Онъ грозитъ народу наказаніемъ за грѣхи, пророчествуетъ объ ужасахъ, ожидающихъ на землѣ порочныхъ людей, и призываетъ всѣхъ къ покаянію и исправленію. Слушателей охватывалъ ужасъ, и въ городѣ всѣ только и говорили, что о новомъ проповѣдникѣ. Это рѣшило участь Савонаролы: его имя пронеслось по Италіи, и онъ съ этой поры уже окончательно не сомнѣвался въ своихъ силахъ. «Для него засіялъ новый свѣтъ», — какъ онъ говорилъ самъ [1]). Въ январѣ 1490 года онъ уже сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ писемъ къ обожаемой матери: «Я отказался отъ этого міра и въ различныхъ мѣстахъ воздѣлываю вертоградъ Господа, чтобы спасти не только свою душу, но и души другихъ. Если Богъ послалъ мнѣ Свои дары, то я долженъ примѣнять ихъ по волѣ Его къ дѣлу. И такъ какъ Онъ призвалъ меня къ этому священному служенію, то простите мнѣ, если я исполняю свой долгъ внѣ отечества, сознавая, что я принесу больше добра въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ въ Феррарѣ. Тамъ случилось бы со мной то же, что съ Христомъ, когда его земляки говорили про Него: «не плотникъ ли это и не сынъ ли онъ плотника?» Но внѣ моей родины обо мнѣ не говорятъ такъ, а напротивъ того, мужчины и женщины плачутъ, когда я ухожу, и высоко цѣнятъ мои слова». Въ это же время на его долю выпалъ совершенно случайно еще болѣе шумный и рѣшающій его участь успѣхъ: въ Реджіо собрался капитулъ доминиканцевъ для обсужденія спорныхъ вопросовъ теологіи и нѣкоторыхъ пунктовъ дисциплины. Въ собраніи присутствовалъ и Савонарола. Среди большого числа духовныхъ лицъ были и свѣтскіе ученые и писатели, между которыми обращалъ на себя особенное вниманіе богатый и красивый юноша, двадцатитрехлѣтній Джіованни Пико, князь делла Мирандола, «фениксъ среди умовъ», какъ называли его тогда люди, прославляя его первымъ человѣкомъ во всей Италіи послѣ Лоренцо Медичи. Пико страстно увлекался всѣмъ прекраснымъ, добрымъ и честнымъ и былъ однимъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ, которые совершенно не знаютъ чувства зависти и страсти интриговать. Савонарола, сидя въ собраніи, не вмѣшивался въ схоластическіе споры, но когда дѣло коснулось дисциплины, онъ горячо заговорилъ, и его голосъ грянулъ громомъ противъ испорченности духовен-

[1]) *Meier*, S. 24.

ства. Онъ не могъ самъ сдержать своего порыва и произвелъ потрясающее впечатлѣніе на своихъ высокопоставленныхъ слушателей, особенно же на юнаго, восторженнаго Пико, который съ этой минуты сдѣлался его лучшимъ другомъ и страстнымъ поклонникомъ. Онъ началъ съ свойственнымъ ему искреннимъ увлеченіемъ трубить по всей Италіи о Савонаролѣ и уговорилъ Лоренцо Медичи призвать великаго проповѣдника снова въ монастырь Санъ-Марко.

Савонарола былъ въ Генуѣ, когда пришло приглашеніе, призывавшее его снова во Флоренцію. Покорный волѣ монастырскаго настоятеля, Савонарола вернулся въ монастырь Санъ-Марко и принялся усердно за обученіе новичковъ, не желая вторично подвергать себя неуспѣху проповѣдями. Но онъ уже былъ моднымъ человѣкомъ для флорентійцевъ, такъ какъ Пико разнесъ повсюду его славу, а Пико, блестящій представитель лучшей части золотой молодежи, былъ тогда законодателемъ модъ. Къ Савонаролѣ начали неотступно приставать, чтобы онъ рѣшился, наконецъ, сказать проповѣдь. Онъ сдался, и вотъ на дворѣ монастыря Санъ-Марко, подъ тѣнью дамасскихъ розъ, свято поддерживаемыхъ монахами и до нашихъ дней, Савонарола началъ среди небольшого числа слушателей объяснять Апокалипсисъ. Число слушателей со дня на день стало расти и расти, и Савонаролу осаждали уже просьбами вступить на каѳедру. Въ одну изъ субботъ онъ сказалъ:

— Завтра будемъ мы говорить въ церкви, это будетъ и урокъ, и проповѣдь.

Густая толпа любопытствующихъ наполнила церковь Санъ-Марко 1 августа 1490 года. Савонарола поднялся на каѳедру и началъ проповѣдь о необходимости обновленія церкви и близкой гибели нераскаявшихся грѣшниковъ. Смѣлость рѣчи, мощный голосъ, истинное воодушевленіе и громкая слава проповѣдника разомъ сдѣлали свое дѣло: успѣхъ проповѣди былъ громадный, и съ каждымъ днемъ число жаждущихъ услышать Савонаролу стало увеличиваться. Онъ, чтобы показать смотрѣвшимъ на него свысока ученымъ, что онъ не чуждъ и философскаго образованія, поспѣшилъ издать въ это время нѣсколько философскихъ сочиненій и тутъ же выпустилъ въ свѣтъ рядъ произведеній религіозно-нравственнаго характера. Философія Савонаролы, несмотря на многіе своеобразные его взгляды, была, можетъ-быть, не ниже, но во всякомъ случаѣ и не настолько выше того, что писалось другими фи-

лософами того времени, чтобы оставить по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи философіи. Для нашего времени всѣ эти колебанія между Аристотелемъ, Платономъ и Ѳомой Аквинатомъ, съ тщетными попытками смѣло выйти изъ заколдованнаго круга, не имѣютъ уже ровно никакого значенія. Напротивъ того, религіозно-нравственныя сочиненія Савонаролы, вполнѣ рисующія этого человѣка, не отдѣлявшаго слова отъ дѣла, были крайне интересны и подкупали сердца. На минуту мы должны остановиться на нихъ. «Смиреніе и христіанская любовь,—писалъ онъ:—это двѣ добродѣтели, составляющія два крайніе конца духовнаго зданія. Смиреніе есть основаніе, на которомъ зиждется вся постройка, а христіанская любовь заканчиваетъ и вѣнчаетъ ее. Потому вѣрующій долженъ смиряться передъ Богомъ и сознавать, что онъ самъ по себѣ не можетъ дѣлать доброе и что безъ помощи Божіей его дѣла были бы одними грѣхами. Недостаточно, чтобы въ этой истинѣ былъ убѣжденъ одинъ разумъ; она должна быть въ то же время глубокимъ сознаніемъ души. Воля человѣка свободна. Потому человѣкъ долженъ всею силою стараться истребить въ себѣ гордость и приготовиться принять благодать; для этого внѣшнія дѣла не только полезны, но и необходимы. И такъ, да смирится вѣрующій передъ высшими и равными ему, да смирится онъ также и передъ низшими. Если же онъ, достигнувъ этого, будетъ думать, что онъ сдѣлалъ нѣчто великое, то его внѣшнее смиреніе явится только ко вреду внутренняго и потеряетъ всякую цѣну. Пусть же онъ будетъ твердо убѣжденъ въ своемъ ничтожествѣ». Вообще Савонарола, какъ человѣкъ великой искренности, не допускалъ лицемѣрія и понималъ, что это худшій изъ грѣховъ. «Къ правдѣ, какъ говоритъ онъ самъ, онъ стремился всегда изо всѣхъ своихъ силъ и неустанно желалъ присоединить къ ней людей; ложь, которую онъ ненавидѣлъ, вызывала его всегда на борьбу. Чѣмъ больше труда требовало это дѣло, тѣмъ больше дѣлалось желаніе послужить ему, хотя бы поплатившись за это жизнью [1]). Правдивость онъ считаетъ не законной, а нравственной обязанностью: «это долгъ чести человѣка относительно ему подобныхъ людей. Высказывать правду значитъ исполнять долгъ справедливости». Все показное было противно душѣ Савонаролы, и это яснѣе всего сказалось въ его разсужденіи о молитвѣ. «Когда кто мо-

[1]) *Meier*, S. 21.

лится,—говоритъ онъ:—то долженъ говорить съ Богомъ такъ, какъ будто Богъ стоитъ передъ нимъ; Богъ вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ людяхъ, особенно же въ душѣ праведныхъ. Его нечего искать въ небѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но надо искать въ своемъ сердцѣ; надо уподобиться пророку, говорящему: «Я послушаю, что скажетъ во мнѣ Господь». При молитвѣ человѣкъ можетъ обращать вниманіе на самыя слова, и это будетъ нѣчто вполнѣ матеріальное; онъ можетъ обращать вниманіе на смыслъ словъ, и это будетъ скорѣе умственною работою, чѣмъ молитвою; наконецъ, онъ можетъ устремить всѣ свои помыслы къ Богу, и только это будетъ истинной молитвой. Не слѣдуетъ останавливаться на выборѣ выраженій и словъ, но нужно подняться духомъ надъ ними и какъ бы потеряться въ помыслахъ о Богѣ. Тогда только забудетъ человѣкъ міръ и свои желанія и въ нѣкоторой степени предвкуситъ небесное блаженство. До этой высоты такъ же легко можетъ достигнуть незнающій, какъ и ученый; бываетъ даже, что произносящій псалмы, не разумѣя ихъ вполнѣ, приноситъ болѣе святую молитву, чѣмъ ученый, умѣющій истолковать ихъ. Слова не непремѣнно нужны для молитвы; напротивъ, когда человѣкъ вполнѣ одушевленъ, произносимая молитва является почти стѣсненіемъ и уступаетъ мѣсто духовной молитвѣ. Изъ этого слѣдуетъ, какъ ложно предписывать опредѣленное число молитвъ. Господь требуетъ не множества словъ, но глубокой душевной вѣры. На это мнѣ возразятъ тѣ, кто умѣетъ защищать только церемоніи и внѣшнія обрядности церкви. Имъ я отвѣчу словами Спасителя самарянкѣ: «Повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Но настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ». Это означаетъ, что Господь желаетъ внутренняго служенія безъ всякихъ церемоній, и такъ было въ первобытной церкви, когда не нуждались въ столькихъ органахъ и пѣніяхъ, чтобы вознести духъ къ Богу. Когда пламенная вѣра утратилась, понадобились церемоніи, какъ лѣкарство, вводимое въ душу. Теперь же мы похожи на больного, потерявшаго всѣ жизненныя силы, и лѣкарство уже не имѣетъ на насъ никакого дѣйствія». Конечною цѣлью человѣка Савонарола считаетъ блаженство. «Но только Богъ блаженъ Самъ по Себѣ; человѣку для этого нужно сдѣлать много усилій: они состоятъ въ добрыхъ дѣлахъ, которыя называются замсу-

гами, такъ какъ блаженство есть награда за добродѣтельныя дѣйствія». Онъ считаетъ могучимъ рычагомъ любовь, «потому что любовь дѣлаетъ все, движетъ всѣмъ, пересиливаетъ и побѣждаетъ все. Ничто не создается безъ любви. А такъ какъ христіанская любовь есть величайшая среди другихъ родовъ любви, то она и создаетъ великое и чудесное. Она исполняетъ легко и кротко весь божественный законъ, такъ какъ она есть мѣрило и путеводная нить для всѣхъ мѣръ и законовъ. Каждый отдѣльный законъ есть мѣрка и правило для извѣстнаго, опредѣленнаго дѣйствія и ни для какого другого: не такова христіанская любовь, такъ какъ она мѣрило и путеводная нить для всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Потому, кто обладаетъ этимъ закономъ христіанской любви, тотъ можетъ хорошо управлять собою и другими и слѣдовать правильно всѣмъ законамъ. Это ясно видно на тѣхъ духовныхъ пастыряхъ, которые берутъ за путеводную нить только то, что находятъ въ каноническихъ законахъ; это спеціальные законы, и потому они безъ христіанской любви, являющейся общей мѣркой и общимъ закономъ, никогда не могутъ быть хорошей путеводной нитью». Онъ подкрѣпляетъ эти мысли цѣлымъ рядомъ выхваченныхъ изъ жизни примѣровъ. «Вотъ врачъ, съ любовью и самоотреченіемъ приступающій къ ложу больного: если онъ хорошо и съ любовью изслѣдовалъ и позналъ все—никто не можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ онъ. Ты увидишь, какъ любовь поможетъ ему и дастъ должную мѣрку и законъ для всѣхъ правилъ и законовъ медицины. Онъ подвергнетъ себя тысячамъ усилій, не обращая вниманія на трудъ; онъ разспроситъ все, пропишетъ лѣкарство и наблюдетъ самъ за нимъ; онъ не отступитъ отъ постели больного. Если онъ бѣжитъ за наживой—его мало заботитъ больной, и сама наука измѣняетъ ему. Взгляни сюда, что можетъ сдѣлать любовь. Посмотри на мать и ея дитя. Кто вдругъ научилъ эту молодую женщину, не имѣвшую прежде дѣтей, воспитывать дитя? Любовь. Какіе труды выноситъ она днемъ и ночью, ухаживая за нимъ, и какъ все кажется ей легко! Какая этому причина? Любовь. Какъ милуетъ и цѣлуетъ она свое дитя; сколько ласковыхъ и нѣжныхъ словъ находитъ она для него. Кто научилъ ее этому? Любовь. Взгляни на Іисуса Христа, Который, одушевленный глубочайшей любовью, сдѣлался ради насъ безпомощнымъ ребенкомъ и во всемъ—въ перенесеніи голода, жажды, холода, жара и недуговъ—сравнялся съ дѣтьми человѣка. Что по-

будило Его къ этому? Любовь. Онъ имѣлъ общеніе то съ праведниками, то съ мытарями и велъ такую жизнь, что всѣ мужчины и женщины, малые и большіе, богатые и бѣдные, каждый по-своему и въ своемъ родѣ могутъ подражать Ему и этимъ достигнуть блаженства. И что же заставило Его вести такую простую, такую бѣдную жизнь? Безъ сомнѣнія, любовь. Любовь привязала Его къ столбу, любовь привела ко кресту, любовь воскресила изъ мертвыхъ...» [1]). «Мы всегда можемъ вообще дѣлать добрыя дѣла, такъ какъ намъ дана свободная воля... Если что насъ отличаетъ отъ животныхъ, такъ это свободная воля. Свобода не качество и не привычка, но самая сущность воли. Наша воля не можетъ быть пагубнымъ образомъ направляема ни звѣздами, ни нашими страстями, ни даже Самимъ Богомъ. Творецъ поддерживаетъ, а не разрушаетъ; Онъ направляетъ всѣ созданія и всѣ вещи по законамъ ихъ природы. Наша же воля по своему существу и по своей природѣ свободна; она есть сама свобода. Значитъ, Богъ не можетъ ее вести иначе, какъ въ полной свободѣ, если Онъ не желаетъ ее разрушить». Почти все, что высказывалъ Савонарола по части нравственно-религіозныхъ взглядовъ, шло въ разрѣзъ съ тогдашними понятіями, господствовавшими во Флоренціи. Не даромъ же онъ съ горькой ироніей говорилъ флорентійцамъ: «Священное писаніе передъ этимъ полнымъ ума образованіемъ, конечно, дѣтски-наивно; вѣра является не болѣе какъ дѣломъ монаховъ и чувствительныхъ женщинъ; оскверняя все невинное и святое, вы и Пресвятую Мадонну рисуете въ образѣ модницы» [2]). Въ виду паденія нравовъ, вѣры, церкви, онъ съ одной стороны уже не могъ провести дня безъ проповѣди, а проповѣдывать для него равнялось теперь призыву къ преобразованіямъ, къ покаянію, къ обновленію, и рядомъ съ этимъ шли угрозы, что міръ долженъ рушиться, если не обновятся люди. Его слушали съ возрастающимъ вниманіемъ, съ тревогой, съ рыданіями. Начинало твориться нѣчто новое для ликующей Флоренціи. Церковь св. Марка была уже мала для желающихъ слушать Савонаролу, и въ посту 1491 года его проповѣдь раздалась въ соборной церкви Санта-Марія дель Фіоре.

Если въ домѣ повѣшеннаго, по пословицѣ, не говорятъ о веревкѣ, то еще неудобнѣе среди пира и веселья говорить

[1]) *Villari*. S. 127.
[2]) *Hase*, S. 17.

о похоронахъ: великолѣпный Лоренцо Медичи началъ морщиться, слыша о пророчествахъ какой-то катастрофы, которою запугивалъ умы Савонарола. Въ одинъ прекрасный день Савонаролу посѣтили пять знатныхъ флорентійскихъ гражданъ и осторожно замѣтили ему, что онъ долженъ быть умѣреннѣе въ своихъ рѣчахъ, такъ какъ онѣ могутъ навлечь непріятности государству и монастырю.

— Вы пришли не сами по себѣ!—горячо перебилъ ихъ Савонарола. — Васъ прислалъ Лоренцо. Скажите же ему, чтобы онъ приготовился къ покаянію за свои грѣхи, такъ какъ Богъ не щадитъ никого и не боится князей земли.

— Но тебя, отче, могутъ выслать,—замѣтили ему.

— Я не боюсь высылки изъ Флоренціи,—отвѣтилъ Савонарола: — такъ какъ вашъ городъ чечевичное зерно въ сравненіи съ землей. Но хотя я здѣсь пришлецъ, а Лоренцо флорентійскій гражданинъ—покинуть первымъ этотъ городъ придется не мнѣ, а ему.

И съ увлеченіемъ онъ высказалъ свои взгляды на общественныя дѣла передъ гражданами, которыхъ удивило серьезное знаніе и тонкое пониманіе Савонаролой политическихъ событій. Тутъ же онъ прибавилъ, что и папа, и Лоренцо, и неаполитанскій король стоятъ одной ногой въ могилѣ. Ихъ смерть должна быть началомъ чреватаго событіями времени.

Въ церкви продолжалась попрежнему грозная проповѣдь. Савонарола клеймилъ высшее духовенство и свѣтскихъ правителей, признавая, что именно они-то и являются развратителями итальянскаго народа. Они должны были служить примѣромъ для низшихъ, а между тѣмъ они были предателями, убійцами и развратниками. Лоренцо Медичи, несмотря на весь свой умъ, несмотря на покровительство наукамъ и искусствамъ, былъ однимъ изъ такихъ правителей, и Савонарола видѣлъ въ немъ общественнаго врага, съ которымъ никогда не могла примириться его душа. Лоренцо, тревожно прислушиваясь къ рѣчамъ суроваго обличителя пороковъ, попробовалъ милостями задобрить Савонаролу и дозволилъ монахамъ выбрать послѣдняго въ пріоры монастыря. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ пріоры ходили благодарить Лоренцо. Савонарола не пошелъ и сказалъ:

— Я благодарю за избраніе Бога и буду послушенъ Его волѣ.

Лоренцо жаловался окружающимъ:

— Смотрите, я допустилъ въ мой домъ иноземца, и онъ не оказалъ мнѣ даже чести своимъ посѣщеніемъ.

Стараясь, однако, быть сдержаннымъ, Лоренцо сталъ часто посѣщать монастырь Санъ-Марко и иногда долго бродилъ по саду, ожидая появленія Савонаролы. Но тотъ не прерывалъ своихъ работъ. Близкіе люди осторожно замѣчали пріору:

— Лоренцо ходитъ у насъ по саду.

— Онъ звалъ меня?—спрашивалъ Савонарола.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ пусть гуляетъ...

Лоренцо попробовалъ положить въ монастырскую кружку нѣсколько золотыхъ монетъ. При осмотрѣ кружки пріоръ отобралъ золото отъ мелкихъ монетъ и сказалъ:

— Для монастырскихъ нуждъ довольно серебра и мѣди, а золото отдайте попечителямъ бѣдныхъ Санъ-Мартини, пусть раздадутъ городскимъ нищимъ.

На слѣдующій день въ проповѣди онъ замѣтилъ:

— Хорошій песъ лаетъ, защищая домъ своего хозяина, и если разбойникъ бросаетъ ему кость, онъ ее отодвигаетъ въ сторону и не перестаетъ лаять [1]).

Лоренцо убѣдился, что тутъ «нѣтъ почвы для насажденія его винограда», какъ говоритъ одинъ изъ біографовъ Савонаролы. Онъ все же сдѣлалъ еще одинъ опытъ: Маріано Дженнаццано произнесъ по его приказанію противъ пророчествъ Савонаролы проповѣдь на текстъ: «не знаемъ ни времени, ни часа». Проповѣдь была похожа на доносъ, на клевету, и скорѣе возмутила слушателей, чѣмъ убѣдила ихъ. Савонарола въ свою очередь сказалъ отвѣтную проповѣдь: «Нѣтъ, я не пророкъ, не сынъ пророка,—говорилъ онъ:—я не ищу этого страшнаго имени; но событія, которыя я возвѣщаю, произойдутъ, потому что я опираюсь на христіанское ученіе и на духъ милосердія. Поистинѣ ваши грѣхи, грѣхи Италіи силою дѣлаютъ меня пророкомъ и должны бы были сдѣлать такими же пророками каждаго изъ васъ. Ты не хочешь, чтобы я пророчествовалъ, Маріано? О, все полно, полно пророчествъ; Святой Завѣтъ полонъ ихъ; настоящія времена полны ихъ; ты самъ здѣсь, Маріано, являешься знаменіемъ ихъ». Пико, находившійся въ церкви, говоритъ, что онъ чувствовалъ, какъ у него поднимаются волоса на головѣ. Савонарола проповѣдывалъ:

---

[1]) *Hase*, S. 18.

«Я вижу прелатовъ, не заботящихся о своей духовной паствѣ, но развращающихъ ее своими дурными примѣрами. Священники разбрасываютъ достояніе церкви; проповѣдники проповѣдуютъ пустое тщеславіе; служители религіи отдаются всякимъ излишествамъ; вѣрные не повинуются болѣе прелатамъ; отцы и матери дурно воспитуютъ дѣтей; князья давятъ народы, разжигая страсти; граждане и купцы думаютъ только о наживѣ, женщины о пустякахъ, крестьяне о кражѣ, солдаты о богохульствахъ и всякихъ преступленіяхъ. Я хотѣлъ бы молчать, но я не могу; слово Божіе въ моемъ сердцѣ горитъ неугасимымъ огнемъ; если я не уступлю ему, оно сожжетъ мозгъ костей моихъ. Князья Италіи посланы ей въ наказаніе. Ихъ дворцы—убѣжище дикихъ звѣрей и земныхъ чудовищъ, то-есть негодяевъ и развратниковъ, потакающихъ ихъ развращеннымъ желаніямъ и ихъ дурнымъ страстямъ. Тамъ злые совѣтники, изобрѣтающіе безъ конца новые налоги, высасывая кровь изъ бѣдныхъ; тамъ придворные философы и поэты, разсказывающіе тысячи сказокъ, чтобы довести до боговъ генеалогію своихъ владыкъ; тамъ, что еще хуже, духовныя лица слѣдуютъ тѣмъ же заблужденіямъ... Это дѣйствительно Вавилонъ, братія, городъ безумцевъ и злодѣевъ, который хочетъ разрушить Господь. Ступайте въ Римъ! Вмѣсто христіанства, тамъ прелаты отдаются поэзіи и краснорѣчію. Въ ихъ рукахъ вы найдете творенія Горація, Виргилія или Цицерона; изъ этихъ книгъ они учатся управлять душами. Они изучаютъ тайну управленія церковью по созерцанію звѣздъ, а не по размышленіямъ о Богѣ. Съ внѣшней стороны она прекрасна, эта ихъ церковь, съ ея украшеніями и позолотою, съ блестящими церемоніями, роскошными облаченіями, съ золотыми и серебряными свѣтильниками, съ богатыми дароносицами, съ золотыми митрами, съ драгоцѣнными каменьями... но въ первоначальной церкви дароносицы были деревянныя, а прелаты были золотые. Это праздники ада празднуютъ теперь наши прелаты; они не вѣрятъ болѣе въ Бога и издѣваются надъ Его таинствами... О, Римъ, готовься, твоя казнь будетъ ужасна! Ты будешь опоясанъ желѣзомъ, ты пройдешь сквозь мечи, огонь и пламя. Бѣдные народы, я вижу васъ удрученными невзгодами! Италія, ты больна тяжкимъ недугомъ, и ты, Римъ, ты боленъ, боленъ смертельной болѣзнью. Если ты хочешь исцѣлиться, откажись отъ своей ежедневной духовной пищи, отъ своей гордости, отъ своего честолюбія, отъ своей расточительности, отъ

своей алчности. Но Италія смѣется, она отказывается отъ лѣкарства и говоритъ, что ея врачъ заблуждается. О, невѣрующіе, не желающіе ни слушать, ни обращаться на путь истинный! Господь говоритъ вамъ: такъ какъ Италія полна людей крови, куртизанокъ, сводниковъ и негодяевъ, то Я наведу на нее худшаго изъ враговъ; Я низвергну ея князей и подавлю гордыню Рима. Этотъ врагъ переступитъ порогъ въ ея святая святыхъ и загрязнитъ ея церкви. Римъ сдѣлался жилищемъ блудницъ—Я превращу его въ обиталище лошадей и свиней. Когда настануть ужасъ и смятенія, тогда захотятъ грѣшники обратиться на путь истинный, но они уже не смогутъ сдѣлать этого. О, Италія, казни пойдутъ за казнями; бичъ войны смѣнится бичомъ голода; бичъ чумы дополнится бичомъ войны, казни будутъ и тутъ, и тамъ... У васъ не хватитъ живыхъ, чтобы хоронить мертвыхъ; ихъ будетъ столько въ домахъ, что могильщики пойдутъ по улицамъ и станутъ кричать: «У кого есть мертвецы?» и будутъ ихъ наваливать на телѣги до самыхъ лошадей, и цѣлыми горами, сложивъ ихъ, начнутъ ихъ сжигать. Они пойдутъ по улицамъ, крича: «У кого есть мертвецы? у кого есть мертвецы?»—а вы выйдете, говоря: «Вотъ мой сынъ, вотъ мой братъ, вотъ мой мужъ». И пойдутъ они далѣе, крича: «Нѣтъ ли еще мертвецовъ?» О, Флоренція! о, Римъ! о, Италія! прошло время пѣсенъ и праздниковъ. Покайтесь! Господи, Ты свидѣтель, что я съ братьями моими старался поддерживать словомъ своимъ эту падающую руину; но я не могу больше, силы мнѣ измѣняютъ. Я не хочу болѣе, я не знаю, что еще говорить объ этомъ. Мнѣ остается только плакать и изойти слезами на этой каѳедрѣ. Милосердія, милосердія, Господи! Минута настала. Идетъ мужъ, который завоюетъ всю Италію въ нѣсколько недѣль, не вынимая изъ ноженъ меча. Онъ перейдетъ черезъ горы, какъ нѣкогда Киръ. Haec dicit Dominus Christo meo Суго, и утесы и крѣпости падутъ передъ нимъ [1])».

Савонарола уже предвидѣлъ зоркимъ умомъ приближавшееся нашествіе на Италію французовъ,—можетъ-быть, содрогался при мысли, что придутъ не они, а испанцы, нѣмцы, турки: раздробленная, раздираемая на части внутренними врагами, Италія была похожа на добычу, брошенную псамъ.

Для Лоренцо между тѣмъ наставалъ всегдашній конецъ развратниковъ и гулякъ—тяжкія болѣзни и суевѣрный страхъ не-

[1]) *Zeller,* pp. 253—256.

редъ загробной жизнью. Передъ его разстроеннымъ воображеніемъ вставали ужасы прошлаго, грязь окружавшихъ его клевретовъ, ихъ рабское низкопоклонство. Онъ думалъ объ отпущеніи грѣховъ. Но кто отпуститъ ему его грѣхи? Не одинъ ли изъ тѣхъ священнослужителей, которые сами утонали въ развратѣ и которые не смѣли никогда ни единымъ словомъ противорѣчить своему повелителю? Что будетъ значить отпущеніе грѣховъ подобными людьми? И въ его воображеніи, помимо его воли, возставалъ одинъ свѣтлый образъ суроваго обличителя грѣховъ и въ то же время кроткаго друга всѣхъ, кто искалъ у него совѣта, помощи, любви. Это былъ образъ Савонаролы. Онъ неотступно преслѣдовалъ его во время тяжкой болѣзни. Всѣ, а въ томъ числѣ и Лоренцо, знали, какъ добръ, мягокъ и нѣженъ этотъ проповѣдникъ въ отношеніи къ людямъ [1]). Не даромъ же онъ говорилъ: «мы не должны осуждать грѣшника, но скорѣе обязаны оплакивать его грѣхи и имѣть состраданіе къ нему, потому что покуда есть свободная воля и милосердіе Божіе, онъ всегда еще можетъ обратиться къ Богу и исправиться» [2]). Да, это единственный монахъ, къ которому можно обратиться съ исповѣдью, не кощунствуя, не превращая святого таинства въ жалкое шутовство. И вотъ, по волѣ Лоренцо, Савонарола появляется у смертнаго одра того, кого онъ обвинялъ прежде всего за нравственное паденіе Флоренціи,—появляется съ видомъ искренняго участія къ страдальцу. Лоренцо кается передъ нимъ въ трехъ грѣхахъ: въ безчеловѣчномъ разграбленіи Вольтерры, гдѣ не только грабили богатства, но и позорили женщинъ; въ разбойническомъ похищеніи денегъ изъ сберегательной кассы дѣвушекъ Monte difanciulli, при чемъ многія изъ ограбленныхъ дѣвушекъ погибли потомъ нравственно, и въ пролитіи крови ни въ чемъ неповинныхъ людей послѣ заговора Пацци, члена ограбленной самимъ Лоренцо семьи [3]). Лоренцо волнуется во время исповѣди и Савонарола успокаиваетъ его:

— Богъ добръ, Богъ милосердъ!

Лоренцо кончилъ исповѣдь.

— Но нужно исполнить три условія для отпущенія грѣховъ,—говоритъ Савонарола.

— Какія, отче?—спрашиваетъ Лоренцо.

---

[1]) *Hase*. S. 18.
[2]) *Villari*, S. 126.
[3]) *Rudelbach*, S. 70.

— Первое,—поясняетъ съ глубокой серьезностью духовникъ, поднимая вверхъ правую руку: — ты долженъ имѣть твердую, живую вѣру въ милосердіе Бога.

— Эта вѣра живетъ во мнѣ,—шепчетъ Лоренцо.

— Второе,—продолжаетъ монахъ: — ты долженъ возвратить все несправедливо взятое тобою или приказать сдѣлать это своему сыну.

Лоренцо удивляется этому неожиданному требованію, но подавляетъ неудовольствіе и киваетъ въ знакъ согласія головой. Тогда духовникъ поднялся во весь ростъ и точно выросъ передъ съежившимся отъ ужаса Лоренцо.

— Послѣднее же,—произнесъ Савонарола:—ты долженъ возвратить Флоренціи свободу.

Его лицо было полно торжественности, его голосъ былъ могучъ, его глаза устремились прямо въ лицо Лоренцо въ ожиданіи отвѣта.

Лоренцо собралъ всѣ силы и быстро повернулся спиною къ духовнику. Духовникъ вышелъ, не причастивъ больного, и тотъ умеръ, мучимый страшными терзаніями совѣсти.

Это было 8 апрѣля 1492 года [1]).

Слѣдомъ за Лоренцо умеръ 25 апрѣля 1492 года и папа Иннокентій VIII.

На мѣсто этихъ людей во Флоренціи вступилъ въ управленіе Пьеро Медичи, а въ Римѣ былъ избранъ папою Александръ VI Борджіа.

Не мудрено, что Савонарола, а за нимъ и народъ видѣли въ этихъ событіяхъ начало исполненія предсказаній о приближеніи великихъ перемѣнъ. Савонарола даже видѣлъ вѣщій сонъ или видѣнія: руку на небѣ, вооруженную мечомъ, съ надписью: «Gladius Dei super terram cito et velociter—скоро и быстро опустится на землю мечъ Божій». Онъ услыхалъ ясно многіе голоса, обѣщавшіе добрымъ милосердіе, а злымъ наказаніе и кричавшіе о близости гнѣва Божія. Мечъ быстро опустился на землю, въ воздухѣ потемнѣло, посыпались мечи, стрѣлы и огонь, раздались страшные раскаты грома, и вся земля опустошилась войной, го-

---

[1]) Изъ первоначальныхъ біографовъ Савонаролы только Полиціано передаетъ эту сцену иначе; изъ новѣйшихъ біографовъ стоятъ за Полиціано только Перренсъ и совершенно ничтожный по значенію своего труда Растрелли. Есть полное основаніе думать, что они ошибаются и что эта сцена происходила именно такъ, какъ говорятъ о ней Бурламаки, Нико, Варзанти, Фра Марко делля Каза, Вилари, Рудельбахъ и десятки другихъ старинныхъ и новѣйшихъ біографовъ.

лодомъ, заразой. Не удивительно, что этого человѣка Пьеро Медичи, при своемъ вступленіи на престолъ, постарался при помощи римскихъ или миланскихъ высшихъ духовныхъ лицъ выпроводить на время изъ Флоренціи. Уже въ апрѣлѣ Савонарола появился проповѣдывать въ Пизѣ, а затѣмъ въ 1493 году въ великомъ посту мы видимъ его въ Болоньѣ, гдѣ произошло одно событіе, характеризующее Савонаролу. Жена суроваго болонскаго правителя Бентивогліо взяла за обыкновеніе приходить ежедневно въ церковь для слушанія проповѣдей Савонаролы. Но, сопровождаемая свитой придворныхъ дамъ, кавалеровъ и пажей, она приходила всегда въ половинѣ проповѣди и прерывала ее своимъ шумнымъ приходомъ. Савонарола, видя нарушеніе благочестія слушателей, не выдержалъ и воскликнулъ, однажды, увидавъ входящую Бентивогліо съ ея свитою:

— Вонъ, вонъ діаволъ идетъ нарушать слово Божіе!

Бентивогліо охватило такое бѣшенство, что она тотчасъ же отдала приказаніе двумъ слугамъ убить Савонаролу на каѳедрѣ. Но у слугъ въ рѣшительную минуту не хватило мужества исполнить этотъ приказъ. Тогда она, возмущенная неслыханной обидой, нанесенной ей ничтожнымъ монахомъ, послала къ нему въ келью двухъ своихъ тѣлохранителей съ приказаніемъ нанести ему какое-нибудь тяжелое оскорбленіе. Савонарола принялъ ихъ съ такою твердостью и заговорилъ съ ними такимъ властнымъ тономъ, что они ушли въ полномъ смущеніи. Затѣмъ, прощаясь въ церкви съ народомъ, онъ сказалъ съ каѳедры:

Сегодня вечеромъ я направлю мои стопы во Флоренцію со своимъ посохомъ и деревянной флягою и ночью остановлюсь въ Піанцаро. Если кто желаетъ чего-нибудь отъ меня, пусть придетъ ко мнѣ прежде моего ухода. Но знайте, что моей смерти не отпразднуютъ въ Болоньѣ [1]).

Смерть ждала его во Флоренціи.

IV.

«Горе странѣ, которая въ вѣкъ насилія посвятитъ свои силы служенію искусствамъ, пренебрегая суровыми добле-стями, которыя однѣ могутъ обезпечить независимость народа»,—эту великую истину высказалъ Прескотъ... [2]) Такою страною была Италія. Лазурное небо и лазурное море, вѣчно цвѣтущіе лѣса и плодородныя долины, процвѣтаніе наукъ

[1]) *Villari.* S. 115—116.
[2]) *Prescott.* Histoire du règne de Philippe II. Paris, 1860. T. I, p. 179

и искусствъ, добытыя торговлею сокровища и величавыя зданія, все влекло къ ней людей. Ученые и художники мечтали попасть въ Италію, чтобы воспользоваться въ ней дарами искусства и науки; правительства и солдаты мечтали перейти ея горы, чтобы разграбить ея сокровища. «Impresa d'Italia» была грезою всѣхъ: дошедшихъ до вершины своего могущества турокъ, уже ступившихъ твердою ногою на европейскую почву; сломившихъ желѣзный деспотизмъ французовъ, умѣвшихъ объединиться въ сильное государство; ощутившихъ особенный подъемъ народнаго духа нѣмцевъ, стоявшихъ наканунѣ реформаціи; изгнавшихъ мавровъ и присоединившихъ къ себѣ Арагонію и Кастилію испанцевъ, уже узнавшихъ, подобно аргонавтамъ, прелести путешествій за золотымъ руномъ въ чужія страны; къ услугамъ же всѣхъ этихъ народовъ стояли тогдашніе солдаты-добровольцы Европы—швейцарцы, готовые за деньги служить всѣмъ и каждому и убивать всякаго, кого имъ прикажутъ [1]). Италія же, вѣчно бушевавшая у себя дома, не имѣла ни войска, годнаго къ болѣе серьезной войнѣ, ни военныхъ способностей, которыя развиваются суровой военной практикой. Этого мало. Она переживала страшное время упадка народнаго духа—переживала періодъ, когда лучшіе ея сыны, недовольные существовавшимъ ходомъ дѣлъ, въ какомъ-то ослѣпляющемъ отчаяніи ждали спасенія именно отъ иноземцевъ. Когда 25 января въ 1494 году умеръ sine lux, sine crux — безъ креста, безъ свѣта---не доброй памяти неаполитанскій король Фердинандъ, иноземцы должны были явиться въ Италію въ лицѣ французовъ, предводительствуемыхъ хилымъ уродцемъ, невѣжественнымъ до безграмотности, сластолюбивымъ до неприличія королемъ Карломъ VIII или, вѣрнѣе, вертѣвшими имъ, какъ игрушкой, Этьенномъ де Веръ, прежде камердинеромъ, а теперь герцогомъ де Бокэръ, и Гильомомъ Бриссонэ, прежде мелкимъ торговцемъ, а теперь генераломъ и министромъ финансовъ. Предлогомъ для похода въ Италію были наслѣдственныя права Карла VIII на неаполитанскій престолъ. Прибытіе въ страну сорока шести тысячъ иноземнаго войска не могло сулить странѣ особеннаго благополучія. Такія лица, какъ герцогъ изъ лакеевъ и министръ финансовъ изъ мелочныхъ лавочниковъ, управлявшіе государственными дѣлами, тоже не способны были возбуждать надеждъ на спасеніе страны. Про короля же можно

[1]) *Villari*, S. 142.

было сказать одно: въ Ліонѣ онъ такъ веселился, что всѣ начинали сомнѣваться, перейдетъ ли онъ Альпы; когда же онъ перешелъ ихъ и былъ встрѣченъ герцогомъ миланскимъ, выѣхавшимъ къ нему съ цѣлымъ кортежемъ дамъ, то онъ такъ увлекся наслажденіями, что всѣ были убѣждены, что далѣе онъ уже не двинется; онъ не могъ далѣе тѣниться въ Асти и слегъ — одни говорили, отъ оспы, другіе утверждали, отъ той новой болѣзни, которая разразилась именно въ этотъ годъ, наводнила Европу и получила названіе французской [1]). Тѣмъ не менѣе надеждъ на французовъ было много въ Италіи, такъ она изстрадалась отъ тиранніи узурпаторовъ-правителей надъ народомъ, отъ тиранніи крупныхъ итальянскихъ государствъ надъ мелкими, отъ тиранніи большихъ итальянскихъ городовъ надъ малыми. Вотъ одинъ крайне характерный эпизодъ пріѣзда Карла VIII въ Пизу, подавленную Флоренціей. «Король вступилъ въ Пизу. Онъ направлялся, окруженный своими офицерами, къ знаменитому «Собору», гдѣ онъ хотѣлъ отслушать обѣдню. Онъ проѣзжалъ мимо косой пизанской колонны, мимо баптистеріи и Campo-Santo, этой чтимой всѣми площади, полной остатковъ древностей далекихъ среднихъ вѣковъ. На порогѣ храма къ нему бросился человѣкъ, растерянный, похожій на безумца; онъ охватилъ короля за колѣни, прильнулъ къ его ногамъ. Онъ говорилъ по-французски съ большой легкостью. Король не могъ освободиться отъ него, не выслушавъ длинной его рѣчи. Это была исторія Пизы, самая трагическая изъ исторій Италіи,—исторія города, умершаго разомъ, въ одинъ день, когда весь его народъ былъ переселенъ въ Геную; потомъ его продали купцамъ, Медичисамъ, которые высосали его жизнь, разрушили его торговлю, заперли передъ нимъ море; сама земля, при помощи умышленной и убійственной небрежности, была превращена въ болото; исчезли каналы; начались лихорадки для окончательнаго уничтоженія народа... Тутъ говорившаго начали такъ душить рыданія, что онъ смолкъ; но всѣ въ оцѣпенѣніи продолжали еще слушать. Тогда онъ поднялся, страстный, въ бѣшенствѣ, и изъ его устъ полились грозныя обвиненія противъ конкуренціи, жестокости лавки, которая не позволила Пизѣ даже добывать пропитаніе шелкомъ, шерстью, и обрекла ее умирать въ мукахъ Уголино... «Но благодареніе Богу, черезъ сто лѣтъ приходитъ свобода!» При словѣ

[1]) *Michelet.* Renaissance. Paris 1861. p. 197.

«свобода», единственномъ, дошедшемъ до слуха народа, въ толпѣ грянули крики и рыданія, надорвавшіе сердца французовъ. Король повернулся, вѣроятно, потому, что онъ самъ плакалъ, и вошелъ въ церковь. Но его близкіе, взволнованные, смѣлые отъ волненія,—это еще не были куртизаны, хорошо воспитанные и выдрессированные при дворѣ Людовика XIV — окружили его и продолжали слушать рѣчь пизанца. Одинъ совѣтникъ изъ парламента Дофинэ, Рабо, бывшій въ милости и приближенный къ королю, сказалъ громко: «Ей-Богу, государь, это достойно сожалѣнія! Вы должны хорошо вознаградить... Я не встрѣчалъ никогда людей, вынесшихъ большія несправедливости, чѣмъ эти люди!» Король, ни о чемъ не думая, неопредѣленно отвѣтилъ, что онъ думаетъ то же. Рабо оставилъ его, вернулся на паперть, гдѣ еще тѣснился народъ, и крикнулъ: «Дѣти, французскій король дастъ вашему городу вольности!» «Да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ свобода!» Всѣ бросились къ мосту черезъ Арно. Огромный флорентійскій левъ, помѣщавшійся здѣсь на колоннѣ, былъ снесенъ, какъ ураганомъ, и внизъ головой полетѣлъ въ рѣку. Безъ всякаго умысла, въ полномъ невѣдѣніи король разрѣшилъ великій процессъ вѣка. Это былъ процессъ между Пизой и Флоренціей; это былъ процессъ между подчиненными городами и столицами [1]). Пизанцы привѣтствовали въ лицѣ французовъ освободителей отъ тиранніи Флоренціи; флорентійцы видѣли въ французахъ освободителей отъ тиранніи Медичисовъ.

Во Флоренціи творилось нѣчто необыкновенное. Пьеро Медичи, усмотрѣвъ, что флорентійцы не намѣрены поддерживать его союзъ съ Неаполемъ, поспѣшилъ съ повинной къ французскому королю въ сопровожденіи нѣсколькихъ пословъ и, не спрашивая никого, какъ низкій растерявшійся трусъ, самъ предложилъ Карлу VIII въ полное распоряженіе на все время войны всѣ тосканскія крѣпости, при чемъ надавалъ разныхъ обѣщаній относительно поддержки французовъ войсками и деньгами. Это было больше, чѣмъ могли ждать и требовать сами французы. Возмущенные послы въ полномъ негодованіи оставили Пьеро Медичи и Карла VIII и вернулись во Флоренцію. Страшная буря поднялась въ городѣ, когда здѣсь разнесся слухъ, что Пьеро Медичи предалъ всю республику въ руки Карла VIII. Бушующая чернь поднялась со всѣхъ сторонъ, бросая мастерскія и лавки,

---

[1]) *Michelet*, pp. 207 -208.

готовясь разнести все. Это была стихійная буря. Въ городѣ былъ только одинъ человѣкъ, который могъ усмирить ее словомъ. Это былъ Савонарола, и онъ, волей-неволей, неожиданно для самого себя, явился передъ бушующей толпой, простирая въ воздухѣ руки и призывая всѣхъ къ любви и единенію. Толпа стихла, воздержалась отъ насилій, отъ грабежа, покорная любимому проповѣднику. Тогда проснулась, униженная Медичисами, почти устраненная отъ управленія страною сеньорія и собралась для совѣщанія. Было рѣшено отправить новое посольство къ Карлу VIII, которое должно было заявить, что Флоренція готова была принять съ достодолжными почестями французскаго короля, какъ друга, но не какъ покорителя страны. Въ посольствѣ принужденъ былъ принять участіе опять-таки Савонарола, котораго глубоко уважалъ, почти боялся Карлъ VIII, знавшій о пророчествахъ Савонаролы насчетъ прихода «новаго Кира». Посольство поѣхало къ королю; Савонарола, по своему обычаю, пошелъ пѣшкомъ. Узнавъ о посольствѣ, Пьеро Медичи опять испугался, тотчасъ же пообѣщалъ королю дать двѣсти тысячъ дукатовъ, а самъ поскакалъ во Флоренцію, предчувствуя, что тамъ происходитъ что-то недоброе, и приказавъ по дорогѣ своему свояку Паоло Орсини собрать войско. Во Флоренціи онъ былъ холодно встрѣченъ сеньоріей, давшей ему понять, что онъ уже лишился прежняго значенія. Пьеро Медичи попробовалъ силой занять прежнее свое положеніе и наткнулся на возмущеніе черни. Народъ и уличные ребятишки преслѣдовали его свистками и гиканьемъ. Въ это время начальникъ полиціи попробовалъ со своими людьми защитить преслѣдуемаго Пьеро Медичи. Чернь обезоружила полицейскій конвой, и полицейское вооруженіе послужило ей первымъ оружіемъ при завоеваніи свободы. Пьеро Медичи, какъ и въ другихъ случаяхъ, оказался все тѣмъ же трусомъ и бѣжалъ, какъ безумный, изъ Флоренціи, оставивъ въ ней и своего брата-кардинала, и свои сокровища. Кардиналъ Джіованни Медичи оказался хладнокровнѣе и бѣжалъ изъ города позже брата, переодѣвшись простымъ монахомъ и припрятавъ предварительно свои драгоцѣнности въ монастырѣ Санъ-Марко. Сеньорія назначила цѣну за головы Пьеро и Джіованни Медичи, а народъ принялся за грабежъ, срывая гербы съ надписью «Медичи» и замѣняя это слово словомъ «Popolani». Въ это время вернулись полные безнадежности флорентійскіе послы отъ Карла VIII, принявшаго ихъ сухо и почти враждебно,

такъ какъ ему улыбались болѣе выгодныя предложенія Пьеро Медичи. Флорентійцы ушли духомъ. Но пока они выслушивали горькіе разсказы пословъ и соображали, что дѣлать, въ лагерь французскаго короля пришелъ худой, испостившійся монахъ; это былъ Савонарола. Онъ прошелъ сквозь густыя толпы солдатъ прямо къ королю, окруженному своей свитой, и сильнымъ голосомъ повелительнымъ тономъ заговорилъ: «Христіаннѣйшій король! Ты орудіе въ рукѣ Господа, посылающаго тебя, чтобы освободить Италію отъ ея страданій, какъ я уже предсказывалъ это въ теченіе многихъ лѣтъ, и чтобы преобразовать церковь, лежащую въ униженіи. Но если ты не справедливъ и не милосердъ, если ты не станешь уважать и цѣнить городъ Флоренцію, его женъ, его дѣтей и его свободу, если ты забудешь дѣло, къ которому призвалъ тебя Господь, то Онъ изберетъ другого для выполненія Его воли. Тогда Онъ наложитъ на тебя свою гнѣвную десницу и смиритъ тебя страшными наказаніями. Это возвѣщаю я тебѣ по повелѣнію Господа». Карлъ VIII и его свита выслушали эту рѣчь съ глубокимъ уваженіемъ къ проповѣднику, и Флоренція съ этой минуты могла надѣяться на лучшее отношеніе къ ней французскаго короля...

Торжество въѣзда во Флоренцію Карла VIII имѣло странный характеръ: этотъ «союзникъ» успѣлъ уже допустить возстаніе городовъ, подвластныхъ Флоренціи, и въѣзжалъ въ нее на боевомъ конѣ, съ копьемъ у бедра, что означало, что онъ «побѣдитель»; флорентійцы тоже со своей стороны разукрасили городъ коврами и цвѣтами, а въ домахъ спрятали «на всякій случай» вооруженныхъ людей, готовыхъ по первому призыву побить союзниковъ. Не лучше были и переговоры: Карлъ VIII попробовалъ заговорить о возвращеніи Пьеро Медичи и предложилъ Флоренціи невозможныя условія; уполномоченные города со своей стороны желали какъ можно дешевле купить его протекторатъ флорентійской свободѣ; на улицахъ въ это время дошло до открытой стычки французскихъ и флорентійскихъ солдатъ, а во дворцѣ Медичисовъ, гдѣ помѣстился Карлъ VIII, обмѣнивались угрозами—«мы прикажемъ трубить въ трубы», гнѣвно воскликнулъ король, а флорентійскій патріотъ Коппони говорилъ: «а мы велимъ звонить набатъ въ колокола». Наконецъ, пришли къ заключенію, что республика и король будутъ добрыми друзьями, оказывая другъ другу взаимную помощь; король будетъ носить титулъ возстановителя и защитника флорентійской свободы; въ три срока ему выплатятъ крупную

сумму денегъ и на два года оставятъ за нимъ флорентійскія крѣпости, если война съ Неаполемъ не окончится раньше. При этомъ пришлось еще разъ обратиться къ тому же Савонаролѣ, чтобы онъ поторопилъ короля поскорѣй выѣхать изъ Флоренціи, гдѣ каждую минуту ждали столкновенія съ французами. Король и его приближенные ограбили сокровища дворца Медичисовъ и городъ проводилъ съ великой радостью покровителей своей свободы. Тотчасъ же былъ созванъ весь народъ для выбора, по старому обычаю, двадцати «аккаппіатори» или «центральныхъ уполномоченныхъ», которые и должны были по выбору назначать людей на тѣ или другія должности. Но флорентійцы давно отвыкли отъ самоуправленія и двадцать новичковъ, выбранныхъ изъ разныхъ сословій и не сходныхъ въ мнѣніяхъ, явились вполнѣ безсильными на первыхъ же порахъ и не могли согласиться между собою даже при выборѣ должностныхъ лицъ. Прежде чѣмъ освоились эти выборные со своимъ положеніемъ, явилась уже мысль о замѣнѣ ихъ новыми лицами, явилось въ то же время и сознаніе, что старыя республиканскія формы отжили свой вѣкъ и должны быть замѣнены новыми, за выработку которыхъ и засѣли стоящіе во главѣ управленія люди. Рядомъ съ этимъ начались усиленныя интриги партій и возсталъ грозный призракъ безденежья въ ту минуту, когда деньги нужны были и для уплаты обѣщанныхъ суммъ французамъ, и для подавленія возстаній въ подчиненныхъ Флоренціи городахъ, слѣдовавшихъ примѣру Пизы. Все это не могло не испугать богатыхъ людей, промышленниковъ и торговцевъ, и они встали въ ожидательное положеніе: широкая жизнь, производительность, торговля, все вдругъ какъ бы замерло, и рабочій народъ шлялся безъ дѣла по улицамъ, то тутъ, то тамъ стоналъ отъ голода и порою грозилъ бунтомъ, благо въ воздухѣ вѣяло возстаніями и безпорядками, охватившими подчиненные Флоренціи города. Насталъ одинъ изъ тѣхъ повторяющихся нерѣдко въ исторіи моментовъ, когда обуздываютъ чернь и спасаютъ отъ ея стихійной бури не политики, не ученые, не военные, а люди высокіе по нравственности и на словахъ, и на дѣлѣ, воодушевленные пламенные патріоты, Минины и Жанны д'Аркъ, около которыхъ еще при ихъ жизни создаются народомъ легенды о нихъ. Однимъ изъ такихъ людей былъ Савонарола. Обстоятельства, помимо его желанія, принуждали его поднять голосъ, и онъ заговорилъ снова: «Откажитесь отъ роскоши и тщеславія, продайте излишнія вещи

и раздайте бѣднымъ. Граждане, позвольте намъ собирать милостыню во всѣхъ церквахъ для бѣдныхъ въ городѣ и въ храмѣ. Употребите на нихъ, хотя на одинъ годъ, деньги пизанскаго университета, и если этого мало, то позвольте наложить руку на сосуды и украшенія церквей. Я сдѣлаю это первый... Но прежде всего составьте законъ, повелѣвающій открыть лавки, и дайте работу народу, лежащему теперь праздно на улицахъ... Воспойте Господу пѣсню новую!.. Господь желаетъ, чтобы все обновилось, чтобы все прошлое уничтожилось, чтобы ничего не осталось отъ дурныхъ обычаевъ, дурныхъ законовъ и дурного правительства. Теперь пришло время, когда слова должны уступить мѣсто дѣламъ и благочестіе пустымъ церемоніямъ. Господь говоритъ: «Я былъ голоденъ и вы не накормили Меня, Я былъ нагъ и вы не одѣли Меня». Но Онъ не говорилъ: «вы Мнѣ не построили красивыхъ церквей и красивыхъ монастырей». Онъ считаетъ только дѣла любви. Любовью вы должны обновить все» [1]). Такъ какъ правители продолжали бездѣйствовать, а новые законы не могли создаться однимъ взмахомъ пера, народъ же находился въ страшномъ положеніи, то Савонарола волей-неволей выступилъ настоящимъ политическимъ дѣятелемъ и изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ. Эти взгляды были возвышенны, но усвоить ихъ и провести въ жизнь, къ сожалѣнію, могли не флорентійцы того времени, а развѣ какія-нибудь идеально совершенныя существа, какой-нибудь народъ, состоявшій сплошь изъ Савонаролъ. Онъ считалъ республиканскую форму правленія единственною пригодною для Флоренціи системою. Каждый, кто захватилъ бы во Флоренціи власть въ свои руки, явился бы узурпаторомъ, то-есть страшнѣйшимъ изъ тирановъ. Чтобы устроить республику, флорентійцы должны очистить свои сердца, бдительно слѣдить за общимъ благомъ и забыть свои частные интересы. Сдѣлавъ это, Флоренція дастъ толчокъ къ реформѣ во всей Италіи. Реформа должна начаться съ духовной области: эта область выше матеріальной стороны. Мірское благо должно быть слугою нравственнаго и религіознаго блага, отъ котораго оно зависитъ. «Государства, какъ говорятъ, не управляются молитвою «Отче нашъ», но это говорятъ враги Бога и общаго блага». «Очистивъ сердца, улучшивъ свои стремленія, предавъ осужденію игру, разврать и клятвы», нужно приложить руку

[1]) *Villari*, S. 193.

къ созданію законовъ, сперва въ общемъ наброскѣ, а потомъ приступить къ разработкѣ частностей и улучшеній. Общій набросокъ долженъ состоять изъ слѣдующаго: никто не получаетъ должности или обязанности помимо общаго собранія, которое одно создаетъ и власть, и законы. Лучшая форма управленія для города—большой совѣтъ на образецъ венеціанскаго. Весь народъ долженъ собраться подъ предводительствомъ шестидесяти гонфалоньеровъ—знаменоносцевъ; каждый изъ этихъ отдѣловъ составитъ планъ закона; изъ нихъ знаменоносцы выберутъ четыре лучшихъ и представятъ сеньоріи, которая послѣ торжественной молитвы, въ свою очередь, выберетъ изъ этихъ проектовъ лучшій. Въ Венеціи нѣтъ ни безпорядковъ, ни заговоровъ съ той поры, какъ ею правитъ большой совѣтъ. Каждое сколько-нибудь видное мѣсто должно быть выборнымъ. Налоги должны быть пересмотрѣны, такъ какъ они обременительны, и въ то же время государство нуждается [1]). Наконецъ, собравъ въ соборъ всѣхъ властей и народъ, Савонарола высказалъ слѣдующіе четыре пункта новаго положенія дѣлъ: «Страхъ Божій и возстановленіе добрыхъ нравовъ; любовь къ демократическому законодательству и къ общему благу съ забвеніемъ частныхъ выгодъ; общая амнистія всѣмъ друзьямъ прежняго порядка, приговореннымъ къ денежнымъ пенямъ, и снисхожденіе къ государственнымъ должникамъ; установленіе правительства на широчайшемъ основаніи, чтобы всѣ граждане принимали участіе въ управленіи городомъ».

«Consiglio Grande at modo veneziano»—эти слова съ этой минуты сдѣлались лозунгомъ всего флорентійскаго народа.

Началась законодательная работа, которая, казалось, совершалась во всѣхъ мелочахъ подъ диктовку проповѣдей Савонаролы: итальянскіе ученые говорятъ, что ни одна изъ законодательныхъ работъ, происходившихъ во все долгое существованіе Флоренціи, не отличалась такою стройностью и серьезностью, какъ эта работа. Прежде всего былъ установленъ «большой совѣтъ»—«Consiglio Maggiore», куда могли войти членами всѣ «cittadini beneficiati», которымъ исполнилось двадцать девять лѣтъ; этихъ гражданъ набралось во всей Флоренціи не болѣе 3,200 человѣкъ и они должны были, раздѣлившись на три части, засѣдать по шести мѣсяцевъ, управляя страною. Для признанія собранія законнымъ требовалось, чтобы въ засѣданіи было не менѣе двухъ

[1]) *Villari*, S. 194—197.

третей членовъ. «Для поощренія юношей и пробужденія среди гражданъ доблестныхъ мужей» каждые три года въ собраніи избирались 60 гражданъ изъ не «beneficiati» и 24 молодыхъ человѣка двадцатичетырехъ-лѣтняго возраста. Съ 15 января слѣдующаго года долженъ былъ составиться «совѣтъ восьмидесяти», состоящій изъ восьмидесяти гражданъ не моложе сорока лѣтъ, обновляющійся каждые шесть мѣсяцевъ и служащій совѣтникомъ сеньоріи, которая собираетъ его не менѣе раза въ недѣлю. Великій совѣтъ и совѣтъ восьмидесяти являлись какъ бы парламентомъ и сенатомъ. Каждый новый законъ долженъ былъ представляться сеньоріи, ея предсѣдателямъ, мѣнявшимся каждые три дня, потомъ совѣту восьмидесяти и затѣмъ великому совѣту. Такъ какъ существовавшіе законы города страдали неясностью и противорѣчіями, то было избрано извѣстное количество гражданъ для пересмотра и приведенія въ порядокъ законовъ. Въ то же время избрана была комиссія изъ десяти гражданъ для пересмотра налоговъ, денежныхъ штрафовъ и тому подобнаго. Уже 5 февраля 1495 года былъ введенъ поземельный налогъ или «десятина», какъ онъ былъ названъ законодателями. Все это совершалось по той программѣ, которую послѣдовательно начертывалъ Савонарола въ проповѣдяхъ. Особенно сильно настаивалъ онъ на необходимости общаго умиротворенія и амнистіи, зная, какъ несправедливо распоряжались партіи свободой, состояніемъ и жизнью враговъ. Не будучи поборникомъ несчастной теоріи непротивленія злу, онъ былъ поборникомъ такой же несчастной въ практическомъ отношеніи теоріи непротивленія зломъ. Законодатели издали законъ, согласный съ его требованіями: простили всѣхъ за старыя преступленія и дали права осуждаемымъ сеньоріей или совѣтомъ восьмидесяти апеллировать въ теченіе четырнадцати дней передъ великимъ совѣтомъ. При этомъ законодатели уклонились отъ желанія Савонаролы, чтобы апеллировали къ совѣту восьмидесяти, а не къ массѣ часто неопытныхъ членовъ великаго совѣта. Эту мѣру отстаивали особенно сильно дальновидные враги Савонаролы и потомъ оказалось, что они очень умѣло составили планъ будущихъ козней противъ него. Самъ Савонарола въ этотъ день провозглашенія всеобщаго примиренія молчалъ, хотя въ его слѣдовавшей за этимъ событіемъ проповѣди послышалась извѣстная горечь. Коснувшись преступленій и амнистіи, принялись за преобразованіе юстиціи вообще и снова подняли, между прочимъ, значеніе «Casa della Mercatanzia»,

торговаго трибунала, пришедшаго въ упадокъ при Медичисахъ. Издано было и постановленіе о выборѣ сеньоріи, составъ которой мѣнялся черезъ каждые два мѣсяца. Дальнѣйшее существованіе при этихъ законахъ аккашіатари и парламентовъ потеряло смыслъ, и они сошли со сцены. Савонарола придавалъ этому большое значеніе, такъ какъ созывомъ парламентовъ пользовались Медичисы, когда надо было посильнѣе забрать власть въ свои руки. Савонарола сталъ проповѣдывать устройство «Monte di Pietà», совѣтуя каждому, особенно женщинамъ, пожертвовать на это дѣло все лишнее, нести на него не гроши, а червонцы. Народъ нуждался и долженъ былъ занимать деньги у евреевъ, платя по $32^1/_2$ процента на капиталъ и уплачивая, кромѣ того, проценты на проценты, такъ что взятые въ долгъ 100 червонцевъ черезъ 50 лѣтъ возрастали до баснословныхъ суммъ [1]). Еще при Лоренцо Медичи фра Бернардино-да-Фельтре проповѣдывалъ о необходимости устроить «Monte di Pieta», но евреи подкупили правителей и фра Бернардино былъ изгнанъ изъ Флоренціи. Къ апрѣлю 1496 г. Савонаролѣ удалось осуществить и эту идею: заемщики должны были платить за ссуды 6 процентовъ, при чемъ они должны были давать только клятву, что «на занятыя деньги они не будутъ играть».

Свободная Флоренція была окончательно организована въ одинъ годъ и на платформѣ палаццо сеньоріи можно было по праву поставить принадлежавшую Медичисамъ статую знаменитаго скульптора Донателло Юдиѳь, убивающую Олоферна, какъ символъ побѣды свободы надъ тиранiей. Подъ статуей была помѣщена знаменательная надпись:

Exemplum salutis publicae cives posuere MCCCCXCV.

V.

Несмотря на прекрасно составленный планъ республиканскаго управленія, Савонарола не былъ ни спокоенъ, ни радостенъ. Его проповѣди были скорбны и, исполненный какимъ-то пророческимъ духомъ, видѣвшій мрачныя видѣнія, онъ въ крайнемъ экстазѣ пророчилъ дурной конецъ Флоренціи и всей Италіи, «если люди не исправятся и не покаятся». Намъ нечего пускаться въ разсужденія о томъ, былъ ли данъ Савонаролѣ свыше даръ пророчества, въ который онъ, всегда искренній, глубоко вѣрилъ самъ и еще

---

[1]) *Villari*, S. 293.

болѣе вѣрили приближенные къ нему монахи, въ родѣ страстнаго фра Доменико и мистика фра Сильвестро; мы только должны остановиться на томъ, что, и помимо пророческаго дара, умному человѣку можно было предвидѣть, что испорченное флорентійское общество было неспособно воспользоваться данной ему прекрасной формой правленія. Забыть свои личные интересы, возвыситься до безкорыстнаго патріотизма, самоотверженно послужить благу своихъ ближнихъ — все это было подвигомъ, а подвиговъ нельзя требовать отъ всей массы людей и притомъ людей, испорченныхъ въ конецъ долголѣтней тираніей, пороками, развратомъ. Это, по большей части, упускаютъ изъ виду всѣ реформаторы... Снаружи установилось правильное республиканское правленіе, внутри шла подпольная борьба партій: «сѣрые» мечтали о возвращеніи Пьеро Медичи, «бѣсующіеся» жаждали аристократическаго республиканскаго правленія, стремясь къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ Медичисовъ и ненавидя «бѣлыхъ», то-есть мирныхъ послѣдователей Савонаролы, которыхъ они презрительно называли «плаксами» — «piagnoni». Представители партій хорошо понимали, что прежде всего нужно побѣдить Савонаролу, чтобы дѣйствовать съ развязанными руками: онъ далъ Флоренціи чисто народное республиканское правленіе, онъ подавляетъ умы своими проповѣдями, онъ покоряетъ сердца предсказаніями о будущемъ, это не простой правитель, а «святой» въ глазахъ массы, и потому бороться съ нимъ трудно. Первою вылазкою противъ него было обвиненіе его духовными лицами за то, что онъ вмѣшивается въ свѣтскія дѣла; но обвиненіе это пало само собою, такъ какъ въ священномъ писаніи не было запрещенія духовнымъ лицамъ управлять свѣтскими дѣлами, да кромѣ того во Флоренціи была масса примѣровъ, доказывающихъ благотворное вліяніе духовныхъ лицъ на мірское управленіе: кардиналъ Латинусъ, Петръ Мученикъ, Катерина Сіенская, Антонинъ, — все это были святые защитники Флоренціи. Затѣмъ воспользовались проповѣдью Савонаролы о необходимости церковной реформы: въ этой проповѣди Савонарола говоритъ, что гнѣвъ Божій виситъ надъ князьями и прелатами церкви. Проповѣдь напечатали, распространили по Италіи и добились въ Римѣ приказанія, чтобы Савонарола шелъ проповѣдывать въ Лукку. Удаливъ его изъ Флоренціи, враги могли уничтожить начатое имъ дѣло. Савонарола покорился папскому приказанію и прочелъ четыре проповѣди, прощаясь съ прихожа-

нами и заклиная ихъ быть единодушными, продолжать развитіе народнаго управленія, жертвовать излишнимъ для бѣдныхъ. Слушатели были глубоко потрясены, плакали и въ Римъ полетѣли просьбы объ оставленіи Савонаролы во Флоренціи на постъ. Папа взялъ назадъ свой указъ и позволилъ Савонаролѣ остаться во Флоренціи на постъ. Савонарола сталъ проповѣдывать о нравственной жизни. Только нравственно возродившіеся люди могли спасти республику. Истинная дружба, основанная на правдивости, честности и добродѣтели; сущность свободы и горькое положеніе рабовъ страстей; единодушіе гражданъ, дающее силу обществу; любовь и милосердіе, на которыхъ должно созидаться общество; высокое призваніе женщинъ поддерживать патріотизмъ въ мужчинахъ и вскармливать грудью, воспитать дѣтей-гражданъ; вотъ главная сущность проповѣдей, съ которыми обратился Савонарола къ флорентійцамъ въ великомъ посту 1495 года. Исхудалый, полу-больной, съ горящими глазами, съ благостнымъ выраженіемъ лица, съ страстной рѣчью, прерываемой слезами, онъ довелъ толпу до послѣдней степени увлеченія: женщины, одѣтыя просто и скромно, несли свои драгоцѣнности въ даръ для раздачи бѣднымъ, брачущіеся давали обѣты воздержанія и цѣломудрія, молодежь перестала кутить, смолкли свѣтскія пѣсни; рабочіе въ праздничные дни засѣли за чтеніе библіи, церкви были полны народа, всѣ стремились возможно чаще исповѣдываться и, наконецъ, дѣло дошло до того, что купцы и банкиры приносили въ жертву бѣднымъ нечестно пріобрѣтенныя деньги [1]).

— Плаксы! молельщики! смиренники! опущенныя головы! — осыпали ихъ насмѣшками «бѣснующіеся», выходя изъ себя отъ злобы на Савонаролу.

А изъ окрестностей Флоренціи цѣлыя массы народа стекались послушать знаменитаго проповѣдника и въ монастырь Санъ-Марко, гдѣ, вмѣсто пятидесяти монаховъ, теперь уже было двѣсти тридцать восемь монаховъ; въ монахи вступали дѣти знатныхъ фамилій, ученые, профессора, литераторы, врачи.

Эти быстрые результаты проповѣдей Савонаролы должны были радовать великаго проповѣдника, но участь народовъ и государствъ зависитъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ причинъ, предотвратить которыя нельзя никакими проповѣдями. Опасность ждала Флоренцію не отъ внутрен-

---

[1]) *Villari*, S. 260.—*Perrens*, pp. 146—154.

ихъ неурядицъ и интригъ, а отъ чисто внѣшнихъ событій. Безумное предпріятіе французовъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось не меньшимъ безуміемъ. Лодовико Сфорца призвалъ Карла VIII придти въ Италію для предъявленія правъ анжуйскаго дома на неаполитанскій престолъ. «Этотъ безумный проектъ, по замѣчанію одного стараго писателя, былъ съ поспѣшностью принятъ французскимъ совѣтомъ, скучавшимъ среди мира, не имѣя способностей извлечь изъ него пользу... Едва рѣшивъ вопросъ о предложенномъ Сфорцою предпріятіи, стали торопливо дѣлать къ нему приготовленія или, вѣрнѣе сказать, не имѣли даже терпѣнія сдѣлать ихъ передъ походомъ въ Италію... Недоставало даже денегъ, настолько недоставало, что уже при вступленіи въ Ломбардію Карлъ VIII былъ доведенъ до горькой необходимости заложить бриллианты, одолженные ему герцогиней Савойской и маркизой Монферра... Съ первыхъ же дней послѣ прибытія въ Неаполь, Карлъ VIII бѣжалъ съ поспѣшностью изъ этого города, проходя съ трудомъ по Италіи, гдѣ онъ считалъ себя какъ бы плѣнникомъ, и даже блестящая побѣда при Форново выигралась, казалось, только затѣмъ, чтобы король могъ свободнѣе бѣжать въ свое государство» [1]). Неаполитанцы въ это время уже думали о возвращеніи на престолъ арагонской династіи. Въ остальной Италіи тоже началось броженіе противъ французовъ и, за исключеніемъ флорентійцевъ, всѣ итальянскія государства заключили союзъ для изгнанія иноземцевъ. Дѣло сдѣлалось быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Когда Карлъ VIII, оставивъ Неаполь, направился въ обратный путь, лежавшій черезъ Флоренцію, онъ, какъ всегда, безтактный и легкомысленный, захватилъ съ собою Пьеро Медичи. Какъ только дошелъ до Флоренціи слухъ объ этомъ, флорентійцы поднялись, какъ одинъ человѣкъ: вооружились всѣ, мужчины, женщины, дѣти; всѣ улицы забаррикадировали, дома обратились въ крѣпости. Дѣло не могло обойтись безъ помощи Савонаролы, и онъ снова отправился на свиданіе съ Карломъ VIII. Грозя ему на словахъ и въ письмахъ гнѣвомъ Божіимъ, онъ успѣлъ отвратить отъ Флоренціи опасность нашествія французовъ, которые, повеселившись въ Пизѣ, миновали Флоренцію и ушли во Францію. Но онъ не могъ такъ легко справиться съ итальянскими владѣтелями, заключившими союзъ противъ французовъ. Они негодовали

[1]) *L'abbé de Mably.* Collection complète des oeuvres. Paris. 1794—1795. T. III, pp. 69—73.

на Флоренцію, которая была союзницей Франціи, негодовали на ея республиканское правленіе, негодовали на изгнаніе ею Пьеро Медичи, который теперь собралъ, при помощи Вирджиніо Орсини, войско и готовился завоевать Флоренцію. Савонарола снова вошелъ на каѳедру и началъ говорить о политикѣ, призывая народъ къ борьбѣ противъ тирана. Голова Пьеро Медичи и голова его брата Джіульяно были оцѣнены. Энергично собрали флорентійцы войско, и Пьеро Медичи былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами: истративъ всѣ деньги и потерявъ даромъ время, лишенный своевременной поддержки со стороны желавшихъ его возвращенія во Флоренцію союзниковъ, онъ долженъ былъ снова пуститься въ бѣгство и прибылъ въ Римъ. Герцогъ миланскій Лодовико Сфорца, одинъ изъ величайшихъ интригановъ того времени, агитировавшій и за французовъ, и противъ нихъ, былъ ненавистникомъ Пьеро Медичи и потому интриговалъ противъ него, но въ то же время онъ еще болѣе ненавидѣлъ обличителя князей — Савонаролу и держалъ руку «бѣснующихся», стремясь низвергнуть флорентійскую демократическую республику и, въ концѣ-концовъ, надѣясь завладѣть самой Флоренціей. Этотъ-то человѣкъ и началъ вести подпольную интригу противъ Савонаролы, стараясь вооружить противъ послѣдняго папу. Изъ Флоренціи и Милана стали приходить въ Римъ письма, въ которыхъ Савонарола описывался, какъ противникъ духовенства и самого папы. Братъ Лодовико Сфорцы — кардиналъ Асканіо Сфорца и фра Маріано да Дженнаццано были главными орудіями интриги въ Римѣ. Возбужденный противъ Савонаролы Александръ VI—этотъ тайный убійца и отравитель—очень нѣжнымъ письмомъ пригласилъ Савонаролу въ Римъ, чтобы «при помощи его лучше узнать волю Божію». Нѣжный тонъ прикрывалъ замыселъ убить Савонаролу на дорогѣ или засадить его въ крѣпость Св. Ангела въ Римѣ. Друзья совѣтовали Савонаролѣ не ѣздить въ Римъ, ради безопасности жизни и сохраненія цѣлости юной республики. Къ счастью, уже за нѣсколько дней до полученія папскаго посланія, Савонарола объявилъ съ каоедры, что его здоровье не позволяетъ ему на нѣкоторое время проповѣдывать. Получивъ посланіе папы, онъ могъ сослаться на тяжкій недугъ, мѣшающій ему идти въ Римъ. Савонарола, такъ какъ хитрость не была изъ числа его добродѣтелей, отвѣтилъ папѣ откровенно и безъ увертокъ, что онъ самъ желалъ бы посѣтить святой городъ, но у него такъ много враговъ, что

онъ ежеминутно опасается за свою жизнь даже здѣсь, а между тѣмъ, созданное имъ демократическое управленіе еще не окрѣпло и требуетъ его поддержки въ виду различныхъ враждебныхъ партій; какъ только будетъ у него возможность, онъ самъ поспѣшитъ въ Римъ [1]). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и въ монастырѣ Св. Креста, бывшемъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ монастыремъ Санъ-Марко, получилось посланіе папы, приказывавшее препроводить въ Римъ «нѣкоего фра Джироламо», распространяющаго ложныя ученія. Затѣмъ явилось третье посланіе папы, запрещавшее Савонаролѣ проповѣдывать. Теперь дѣло шло уже не о борьбѣ на почвѣ политики, а на почвѣ религіозныхъ воззрѣній: Савонарола является ересникомъ. Какъ было бороться тутъ противъ папы? Одинъ изъ кардиналовъ Санъ-Пьеро въ Винкулѣ, восшедшій потомъ на папскій престолъ подъ именемъ Юлія II, уже давно проповѣдывалъ о необходимости созванія собора, такъ какъ папа Александръ VI достигъ престола подкупомъ. Карлъ VIII, къ которому приставалъ кардиналъ Санъ-Пьеро съ требованіями созванія собора, былъ согласенъ, что слѣдуетъ созвать соборъ. Савонарола ухватился за эту мысль и тоже вступилъ съ Карломъ VIII въ переписку по этому дѣлу. Больной, озабоченный несчастіями, постигшими въ это время его горячо любимую имъ семью, лишенный права проповѣдывать, Савонарола не безъ тяжелаго чувства узналъ, что «бѣснующіеся» готовятся справить карнавалъ 1496 года такъ, какъ справлялись карнавалы при Медичисахъ, когда разгулу, безпутству и цинизму не было предѣловъ. Бороться противъ карнавальныхъ распутствъ пробовали многіе, но всѣ попытки оставались безуспѣшными. Страннымъ образомъ карнавалъ сдѣлался особенно дорогимъ для дѣтей и подростковъ: они безцеремонно загораживали большими жердями улицы, нагло требуя отступныхъ денегъ отъ веселящейся толпы, проматывали эти деньги въ кутежахъ къ вечеру, вечеромъ зажигали огни на площадяхъ, плясали и пѣли вокругъ костровъ и, въ концѣ-концовъ, начинали сражаться бросаньемъ каменьевъ, при чемъ бывали всегда и убитые. Все это можетъ показаться почти невѣроятнымъ, если мы не напомнимъ, что во Флоренціи «дѣтьми» назывались молодые люди почти до двадцатилѣтняго возраста. Савонарола предпринялъ «преобразованіе дѣтей», видя въ нихъ будущихъ гражданъ, ко-

[1]) *Meier*. S. 96—98

торымъ придется поддерживать созданную имъ республику. Не отмѣняя карнавала, онъ превратилъ его въ духовное празднество: на перекресткахъ, гдѣ дѣти загораживали путь жердями, воздвиглись маленькіе алтари, у которыхъ дѣти собирали попрежнему деньги, но эти деньги должны были идти не на кутежъ, а на бѣдныхъ. Вмѣсто грязныхъ пѣсенъ для дѣтей составились духовные гимны, написанные самимъ Савонаролой, принявшимся снова за стихи, и поэтомъ Джироламо Бенивіени. Чтобы ввести большій порядокъ въ дѣло, Савонарола поручилъ своему товарищу фра Доменико собрать дѣтей и назначить изъ ихъ среды предводителей, которые и отправились къ сеньоріи объяснить затѣянное предпріятіе. Поощренные сеньоріей и гордые своимъ избраніемъ, подростки серьезно принялись за дѣло. Хотя карнавалъ былъ, по обыкновенію, довольно шумнымъ, но уже ребятишки не кутили и не дрались каменьями, собравъ до трехсотъ дукатовъ на бѣдныхъ. Въ послѣдній день карнавала устроена была процессія изъ дѣтей, которыхъ было до десяти тысячъ: они пѣли гимны и направлялись къ собору, чтобы вручить «попечителямъ» бѣдныхъ собранныя деньги. Массы народа собрались поглазѣть на невиданное зрѣлище; большинство ликовало, прославляя новую затѣю Савонаролы. Въ Римѣ нашлись люди, выхлопотавшіе между тѣмъ у папы позволеніе Савонаролѣ снова проповѣдывать. Одинъ доминиканецъ, которому папа поручилъ разсмотрѣть проповѣди Савонаролы, даже пришелъ къ тому заключенію, что эти проповѣди не только не слѣдуетъ запрещать, но нужно дать за нихъ проповѣднику званіе кардинала. Папа принялъ совѣтъ и черезъ одного посланца-доминиканца предложилъ Савонаролѣ кардинальскую шапку, «если онъ измѣнитъ тонъ своихъ проповѣдей». Это была новая ловушка папы-предателя. Савонарола былъ такъ возмущенъ предложеніемъ, что могъ сказать посланцу папы одно:

— Приходите на мою слѣдующую проповѣдь и вы услышите мой отвѣтъ Риму.

Не легко было добраться теперь въ соборъ на проповѣдь Савонаролы: не только церковь наполнялась слушателями, но кругомъ нея былъ выстроенъ высокій амфитеатръ, наполнявшійся сплошь почти исключительно дѣтьми и подростками, которые являлись теперь постоянными слушателями Савонаролы и къ которымъ онъ часто сталъ обращаться въ проповѣдяхъ, заботясь о воспитаніи новыхъ людей для новой республики. Далеко не въ безопасности, окруженный

вооруженными приверженцами, пробирался онъ къ собору, такъ какъ его уже намѣревались убить «бѣснующіеся» и носились слухи о подосланныхъ къ нему Лодовикомъ Сфорцой убійцахъ. Въ первой же проповѣди онъ высказалъ мысль, что догматы церкви непогрѣшимы, но что можно и даже должно не исполнять произвольныхъ приказаній высшихъ, если эти приказанія противорѣчатъ христіанской любви Евангелія: это ученіе есть ученіе католической церкви, Ѳомы Аквината и другихъ ея учителей и папъ. Вотъ почему и онъ не слушаетъ того, что противорѣчитъ христіанской любви и Евангелію. Зная, что его отъѣздъ изъ города, нуждающагося въ немъ, будетъ гибеленъ, онъ не выѣхалъ бы изъ города ни по чьему приказанію. Его заставили молчать, и онъ исполнилъ приказаніе, хотя оно было издано подъ вліяніемъ лживыхъ слуховъ и извѣтовъ. Но, видя, что многое доброе теряетъ энергію, что злые становятся смѣлѣе, а дѣло Господне гибнетъ, онъ принялъ рѣшеніе, во что бы то ни стало, вернуться на свое мѣсто. Заканчивая проповѣдь, онъ обратился къ юношамъ, говоря, что они счастливы тѣмъ, что развиваются во дни свободы, что они не испорчены тиранiей, что они привыкнутъ къ готовящейся имъ роли правителей. Его проповѣдь была какъ бы программой для слѣдующихъ проповѣдей. Во второе воскресенье великаго поста, вступивъ на каѳедру, Савонарола началъ проповѣдь со словъ пророка Амоса: «Слушайте слово сіе, телицы Васанскія, которыя на горѣ Самарійской, — вы, притѣсняющія бѣдныхъ, угнетающія нищихъ, говорящія господамъ своимъ: «Подавай, и мы будемъ пить». «Кто эти телицы?»—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «Эти жирныя телицы — блудницы Италіи и Рима. Тысячи ихъ можно насчитать въ Римѣ, десять тысячъ, сорокъ тысячъ и то мало! Въ Римѣ этимъ ремесломъ занимаются и мужчины, и женщины». Страстно громя пороки и обличая лицемѣріе, онъ замѣтилъ: «Вы испорчены въ конецъ въ рѣчахъ и въ безмолвіи, въ дѣйствіяхъ и въ бездѣятельности, въ вѣрѣ и въ безвѣріи», и главнымъ образомъ напалъ на внѣшній блескъ, на церемоніи, на тщеславіе церкви, лишенной истинной религіозности [1]). «Почему, — говоритъ онъ:—когда я прошу десять дукатовъ на бѣдныхъ — ты не даешь, когда же я прошу сто дукатовъ на часовню Санъ-Марко — ты даешь? Потому, что въ этой часовнѣ ты

---

[1]) *Villari*, II, S. 43.

желаешь повѣсить свой гербъ». Опять онъ пророчилъ Италіи гибель, если не обновится церковь, не обновятся люди. Въ послѣднихъ проповѣдяхъ этого времени, когда происходили выборы въ большой совѣтъ, онъ снова коснулся политики, призывалъ народъ поддерживать «большой совѣтъ» и остерегаться возвращенія тирана, то-есть Пьеро Медичи. Обращаясь почти каждый разъ, между прочимъ, къ дѣтямъ въ проповѣдяхъ этого времени, Савонарола въ вербное воскресеніе устроилъ особую процессію дѣтей, которыя должны были открыть «Monte di Pietà». Держа въ рукахъ распятіе, онъ обратился на площади къ народу со словами:

— Флоренція, вотъ Царь вселенной, Онъ хочетъ быть и твоимъ Царемъ! Желаешь ли ты Его?

— Да!—грянули тысячи голосовъ потрясенныхъ до слезъ гражданъ.

Затѣмъ дѣти въ бѣломъ одѣяніи въ торжественной процессіи пошли по церквамъ, распѣвая гимны и собирая милостыню, которая и была ими вручена избраннымъ начальникамъ «Monte de Pietà».

Заканчивая проповѣдь великаго поста, онъ пророчески замѣтилъ, что концомъ его дѣятельности будетъ: въ общемъ побѣда, въ частности гибель. Предвидѣть гибель было не трудно: съ одной стороны тысячи народа носили, такъ сказать, на рукахъ своего проповѣдника, ловили каждое его слово, его проповѣди переводились на иностранные языки, ихъ перевели даже на турецкій языкъ для султана, а съ другой,—папа, итальянскіе князья, властолюбцы Флоренціи считали себя лично задѣтыми и обиженными этимъ монахомъ, мечтавшимъ и писавшимъ во времена безсовѣстнаго отравителя Александра Борджіи и коварнаго интригана Лодовико Сфорца «о простотѣ христіанской жизни».

VI.

Раздробленная на отдѣльныя государства, каждое изъ которыхъ старалось выработать свои особенности въ формѣ правленія и должно было, въ борьбѣ за свое существованіе, зорко слѣдить главнымъ образомъ за политикой, Италія сдѣлалась колыбелью съ одной стороны политическихъ дѣятелей и съ другой — законодателей по преимуществу. Политика итальянцевъ была не безупречна. «Итальянцы,—говоритъ Мабли: — ослѣпленные своими ненавистями и своимъ честолюбіемъ, всегда льстили себя надеждою поправить эти непоправимые недостатки высшею ловкостью своего образа

дѣйствій и, злоупотребляя хитростью и тонкостями, были приведены къ тому, что пускали въ дѣло, при своихъ политическихъ сношеніяхъ, только мошенничество и коварство» [1]). Но, соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ, нельзя не признать, что́ своеобразная жизнь итальянскихъ государствъ способствовала выработкѣ выдающихся законодателей, и Италія сдѣлалась родиной Макіавеллей, Мазарини, Беккарій, Наполеоновъ, и даже въ послѣднее время изъ нея же идутъ новыя вѣянія, напримѣръ, въ области воззрѣній на уголовное право въ лицѣ Ламброзо, Ферри и другихъ дѣятелей. Савонарола былъ тоже изъ тѣхъ умовъ, которые ясно видѣли хорошія и дурныя стороны того или другого законодательнаго и политическаго строя. Подъ его вліяніемъ быстро создалось, какъ мы видѣли, новое устройство республики, создался новый законодательный кодексъ. Но, какъ бы ни была удачна форма правленія страною, эта форма не можетъ спасти страну въ извѣстныя минуты отъ чисто стихійныхъ бѣдствій и оградить ее въ борьбѣ съ коалиціей болѣе сильныхъ внѣшнихъ враговъ. Исторія доказываетъ это массой примѣровъ и такимъ примѣромъ была флорентійская республика. Волненія послѣднихъ лѣтъ, застой въ торговлѣ и промышленности, уплата денегъ французскому королю, война съ пизанцами — все это потрясло финансы Флоренціи, все это потрясло и частныя богатства, такъ какъ республика требовала денегъ и денегъ. Началась дороговизна, началась безкормица, изъ деревень прибывали въ городъ умирающіе отъ голода люди, сказывались и послѣдствія голода — заразныя болѣзни, чума. Рядомъ съ этимъ шли интриги Лодовико Сфорцы, ворочавшаго дѣлами итальянской лиги, къ которой не примыкала Флоренція, какъ союзница Франціи. Лодовико Сфорца для подкрѣпленія лиги не нашелъ ничего лучшаго, какъ призвать изъ-за Альпъ другого чужеземца — нѣмецкаго императора Максиміліана, который и долженъ былъ получить желѣзную корону, обновить авторитетъ римскаго государства, помочь пизанцамъ. Папа, жаждавшій гибели демократической республики, понялъ очень хорошо, что стоитъ отнять у республики ея проповѣдника, и она окончательно падетъ духомъ. Онъ снова издалъ приказаніе, чтобы Савонарола не проповѣдывалъ. По этому поводу произошла переписка Савонаролы съ Римомъ, не приведшая ни къ какимъ резуль-

[1]) *Mably*, t. III, p. 68.

татамъ. Голодающій городъ, гдѣ ежедневно умирали люди на улицахъ, приходилъ въ отчаяніе. «Бѣснующіеся» ликовали, говоря:

— Теперь никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что фра Джироламо обманулъ насъ. Вотъ оно обѣщанное Флоренціи счастіе!

Сеньорія со своей стороны устраивала крестные ходы съ чудотворнымъ образомъ Мадонны делль Импрунета и неотступно настаивала, чтобы Савонарола исполнилъ свой долгъ относительно отчизны—вошелъ бы на каѳедру. Фра Джироламо силою обстоятельствъ снова былъ поставленъ между двухъ огней; для спасенія Флоренціи была нужна его проповѣдь, а проповѣдывать значило объявить войну Риму; любовь къ республикѣ побѣдила, и 28 октября Савонарола снова явился на каѳедру передъ толпой голоднаго народа, жаждавшаго поддержки, ободренія. Произошелъ необыкновенный случай: черезъ два дня, когда всѣ граждане шли за чудотворной иконой, въ городъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіями о прибытіи въ Ливорно изъ Марселя вспомогательнаго войска и провіанта.

— Проповѣдь фра Джироламо снова спасла насъ!—кричали люди, плача и обнимаясь отъ радости.

Всѣ преувеличивали размѣры въ сущности ничтожной помощи,—преувеличивали не только во Флоренціи, но и въ самомъ Ливорно, гдѣ палили изъ пушекъ отъ радости и даже обратили въ бѣгство перепугавшихся императорскихъ солдатъ, одержавъ, такимъ образомъ, безкровную побѣду.

Стараясь еще болѣе поднять духъ народа, Савонарола училъ теперь людей не дорожить жизнью. «Мы живемъ, братья,—говорилъ онъ:—чтобы научиться умѣнью хорошо умирать». Онъ самъ ежеминутно ожидалъ смерти, такъ какъ его подстерегали враги, но тѣмъ не менѣе онъ не складывалъ оружія. Заканчивая свои проповѣди въ этомъ году, онъ говорилъ горячо о борьбѣ партій, которыя больше занимаются вопросомъ о немъ, бѣдномъ монахѣ, чѣмъ о благѣ родины, и призывалъ всѣхъ думать и заботиться только о послѣднемъ, такъ какъ враги республики не дремлютъ. Дѣйствительно, враги республики не дремали, и папа нашелъ средство посѣять раздоры и неурядицы среди монаховъ: онъ новымъ указомъ уничтожилъ самостоятельность монастыря Санъ-Марко, соединивъ всѣ доминиканскіе монастыри Тосканы въ одну конгрегацію, при чемъ викарій, по статуту доминиканцевъ, долженъ былъ мѣняться каждые два года:

новое постановленіе понижало значеніе монастыря Санъ-Марко и давало просторъ интригамъ враждовавшихъ между собою доминиканскихъ монастырей. Подрывали созданное Савонаролою зданіе не одни враги: вредили ему и друзья. Народный вождь, Катонъ Флоренціи, пылкій и благородный Франческо Валори въ 1497 году сдѣлался гонфалоньеромъ, знаменоносцемъ юстиціи, и съ преданной ему сеньоріей, вопреки совѣтамъ Савонаролы, нѣсколько измѣнилъ законъ о поступленіи въ члены «большого совѣта»: въ члены этого совѣта могли вступать теперь люди не съ тридцатилѣтняго возраста, а съ двадцати четырехъ лѣтъ. Цѣлью этого измѣненія было желаніе Валори привлечь въ совѣтъ возможно больше гражданъ. Но Савонарола былъ дальновиднѣе Валори: онъ зналъ, какъ развращена флорентійская «золотая молодежь», какъ негодуетъ она на прекращеніе пировъ и карнавальныхъ безобразій, какъ безчинствуетъ она, ходя съ оружіемъ въ рукахъ по улицамъ и слывя среди народа подъ именемъ «дурныхъ пріятелей». Эти «кампаньяцци» ненавидѣли Савонаролу. Не прошла безслѣдно и обострившаяся борьба партій изъ-за закона, который хотѣла провести сеньорія. Вопросъ шелъ о «decima scalata»—«прогрессивномъ налогѣ», противъ котораго возстали всѣ богачи и за который ухватились всѣ бѣдняки. Страстные споры объ этомъ законѣ вызвали враждебныя отношенія партій и оставили извѣстную горечь въ сердцахъ, хотя самъ законъ и былъ отвергнутъ. Савонарола въ это время удалился въ свою келью, держа корректуру своего «Тріумфа креста» и приготовляя къ изданію свои мелкія сочиненія, которыя могли пріобрѣсти ему новыхъ поклонниковъ и сторонниковъ въ его борьбѣ съ Римомъ. Духовными дѣлами правилъ за него фра Доменико, его страстный приверженецъ, такая же горячая и рѣшительная натура, какъ Валори, также всегда хватавшій черезъ край. Именно въ это-то горячее время «бѣснующіеся» задумали возстановить карнавалъ въ его прежнемъ видѣ. Фра Доменико загорячился, собралъ дѣтей, и они стали стучать въ двери богачей, прося или требуя въ пользу бѣдныхъ «суетности» или «анаѳемы», то-есть маскарадные костюмы, маски, безнравственныя произведенія искусства и т. д. Всѣ эти вещи должны были послужить предметомъ для особаго празднества, придуманнаго фра Доменико и Савонаролой: на большой площади была воздвигнута пирамида изъ всѣхъ этихъ «безстыдныхъ анаѳемъ», въ число которыхъ попало, между прочимъ, чѣ-

сколько экземпляровъ «Декамерона» и циничныхъ сочиненій того времени, которыми зачитывались монахини и монахи; на вершинѣ пирамиды помѣщалась аллегорическая фигура карнавала; пирамиду окружали пришедшіе въ торжественной процессіи флорентійцы и помѣстившіяся на возвышеніи дѣти; подъ звуки духовныхъ гимновъ и сатирическихъ пѣсенъ противъ карнавала пирамида зажглась и пламя истребило все то, что Савонарола считалъ безстыднымъ, безнравственнымъ и вреднымъ. Этимъ развлеченіемъ была на этотъ разъ замѣнена игра въ камни, заканчивавшая обыкновенно карнавалы. Враги, конечно, начали кричать, что сожжены были чуть ли не цѣлыя изданія «Декамерона», а въ позднѣйшее время нѣкоторые писатели готовы были утверждать, что сжигались знаменитыя картины и чуть ли не мраморныя статуи. Преувеличенія коснулись и дѣтей: разсказывали, что они преслѣдовали взрослыхъ издѣвательствами, силой отнимали суетности, сдѣлались домашними шпіонами и т. д....[1]). Великопостная проповѣдь Савонаролы теперь загремѣла противъ Рима. Прежде всего онъ коснулся свѣтскихъ владѣній церкви. Не отрицая правъ церкви владѣть имуществомъ, чтобы не явиться прямо еретикомъ, онъ смѣло высказалъ, что богатство испортило церковь, что она должна отказаться отъ него, какъ отказываются мореходцы отъ своихъ сокровищъ во время бури, бросая все въ море. Безъ боязни высказалъ онъ теперь весь свой ужасъ передъ распутствомъ Рима и свою готовность встать во главѣ движенія, направленнаго для преобразованія и улучшенія церкви. «Они,—говорилъ онъ про духовныхъ лицъ Рима:—не спасаютъ никого, но скорѣе убиваютъ души людей своимъ дурнымъ примѣромъ. Они удалились отъ Бога; ихъ культъ—проводить ночи съ безпутными женщинами и весь день сидѣть на хорахъ и болтать. Алтарь сталъ для духовенства лавочкой» [2]). Говоря это, онъ не скрывалъ ни передъ кѣмъ того, что ждетъ его за его смѣлость, и въ послѣдней проповѣди сказалъ: «Если бы я хотѣлъ поддаться льстивымъ рѣчамъ, я не былъ бы теперь во Флоренціи, не носилъ бы разодранной рясы и сумѣлъ бы избѣжать опасностей. Но, о Господи, я не хочу этого, я желаю нести свой крестъ; даруй мнѣ, чтобы они меня преслѣдовали. Я молю Тебя объ одной милости, чтобы Ты не попустилъ меня умереть на моемъ ложѣ, но далъ бы мнѣ пролить за Тебя мою

[1]) *Perrens*, p. 155—157.
[2]) *Villari*. II Th., S. 133.

кровь, какъ Ты пролилъ за меня Свою». Не скрывая отъ народа близости борьбы, Савонарола горячо надѣялся въ то же время на близкое созваніе собора, который низложитъ папу. Однако, для Флоренціи въ данную минуту страшнѣе папы и всѣхъ подобныхъ враговъ было ея матеріальное положеніе: дороговизна, безработица, голодъ, большое число больныхъ, среди которыхъ попадались все чаще жертвы чумы, росли съ каждымъ днемъ, и «сѣрые»,· сторонники Медичи, поняли, что наступило удобное время для интригъ. Имъ удалось въ новой сеньоріи избрать въ «гонфалоньеры» на мартъ и апрѣль Бернардо дель Неро, вліятельнаго сторонника Медичи, о чемъ тотчасъ же сообщили въ Римъ, а изъ Рима понеслись ко всѣмъ властямъ Италіи просьбы Пьеро Медичи, о денежной помощи. Во Флоренцію прилетѣла даже первая ласточка, долженствовавшая возвѣстить о наступленіи новаго времени—времени возвращенія Медичисовъ. Это былъ Маріано да Дженнаццано, проживавшій въ послѣднее время въ Римѣ, гдѣ жилъ и Пьеро Медичи со своимъ братомъ кардиналомъ, пьянствуя и развратничая по цѣлымъ днямъ, запутавшись въ долгахъ до того, что про него говорили: «ему каждый фіоринò обходится въ восемь лиръ» [1]), и въ то же время составляя длинные списки тѣхъ лицъ, которыя будутъ лишены имущества, изгнаны изъ родного города и казнены, когда они, оба Медичи, вернутся во Флоренцію. Узнавъ объ избраніи гонфалоньеромъ Бернардо дель Неро, Пьеро Медичи рѣшился завладѣть Флоренціей. Его отговаривали дѣлать преждевременныя попытки. Но Пьеро Медичи былъ не изъ тѣхъ людей, которые слушаютъ умныхъ совѣтовъ. Гордый въ свою мать, урожденную Орсини, онъ былъ глупъ, такъ что его отецъ говорилъ про него: «У меня три сына: одинъ добрый (Джіульяно), другой умный (Джіованни, потомъ Левъ X) и третій дуракъ (Пьеро)»[2]). Этотъ-то «дуракъ» собралъ теперь наскоро тысячу триста солдатъ и быстро двинулся къ Флоренціи, ожидая почему-то, что она сейчасъ приметъ его съ открытыми объятіями. Флорентійцевъ извѣстилъ о походѣ Пьеро Медичи случайно увидавшій войска крестьянинъ, и флорентійцы успѣли закрыть ворота и выставить на стѣну пушки. Пьеро подошелъ къ городу, увидалъ запертыя ворота, увидалъ пушки и бѣжалъ снова, охваченный обычною грусостью. Это было болѣе, чѣмъ пораженіе: это былъ фарсъ,

[1]) Фіорино тогда стоилъ отъ 5 до 6 лиръ.
[2]) *Ribbach.* Geschichte der bildenden Künste. Berlin. 1884. S. 390.

гдѣ роль шута разыгралъ претендентъ на престолъ. Сконфуженные этимъ происшествіемъ, «сѣрые» опустили головы, но зато «бѣснующіеся» начали агитировать еще сильнѣе прежняго, такъ какъ на этотъ разъ въ сеньоріи почти всѣ члены были изъ ихъ партіи. Видя «сѣрыхъ» и безъ того униженными, они опрокинулись всей своей силой на Савонаролу и народную партію, завербовавъ себѣ въ помощники пьяныхъ и развратныхъ «кампаньяцци». Эта безшабашная золотая молодежь всегда готова была рѣзать и грабить, не имѣя ни совѣсти, ни чести, ни идеаловъ. Она задумала даже взорвать проповѣдника прямо на каѳедрѣ въ церкви и только смутилась, вспомнивъ, что народъ за это можетъ разорвать ее на куски. Страшило не самое преступленіе, а наказаніе за него. Рѣшено было или убить Савонаролу на улицѣ, или опозорить его во время проповѣди въ день Вознесенія, намазавъ нечистотами каѳедру, воткнувъ гвозди въ тѣ мѣста, куда онъ клалъ руки. Народная партія уговаривала Савонаролу отказаться отъ проповѣди въ Вознесеніе; онъ отвѣтилъ:

— Изъ страха передъ людьми я не могу оставить народъ безъ проповѣди въ тотъ день, когда Господь повелѣлъ своимъ ученикамъ возвѣстить міру Его ученіе!

Роковой день насталъ. Каѳедру рано утромъ вычистили приверженцы Савонаролы до его прибытія въ храмъ. Онъ пришелъ въ церковь, окруженный тѣсной толпой друзей, миновавъ толпу нарядной золотой молодежи, нагло смотрѣвшей на него. Онъ началъ проповѣдь о значеніи вѣры, обратился къ добрымъ объ ожидающихъ ихъ страданіяхъ, перешелъ къ злымъ, которые не знаютъ, что творятъ, и прибавилъ:

— Я замолчалъ бы только тогда, когда моя проповѣдь могла бы принести вредъ или если бы я боялся произвести ею безпорядки...

Вдругъ раздался трескъ сваленной на полъ желѣзной кружки, грянулъ барабанный бой, начался грохотъ скамьями и наполовину выломанныя двери храма распахнулись настежь. Всѣ бросились бѣжать, кто куда попало; какіе-то защитники Савонаролы добыли оружіе; ихъ испугались еще болѣе, считая за золотую молодежь, пришедшую рѣзать кого попало.

— А! злые не хотятъ прощенія!—крикнулъ Савонарола, стараясь заглушить шумъ.—Подождите же, успокойтесь!..

Никто не слушалъ. Онъ поднялъ распятіе и крикнулъ:

— Надѣйтесь на Него и ничего не бойтесь!

Голосъ затерялся среди смятенія. Тогда Савонарола склонилъ колѣни и сталъ молиться...

Не скоро могли его вывести обратно въ монастырь Санъ-Марко, гдѣ онъ и докончилъ, среди кружка монаховъ, свою проповѣдь, прерванную ловко устроеннымъ безчинствомъ милыхъ «кампаньяцци».

«Бѣснующіеся» торжествовали: оставивъ безчинствовавшую молодежь безъ наказанія, они предали пыткамъ нѣкоторыхъ изъ народниковъ, издали запрещеніе монахамъ проповѣдывать и стали обсуждать вопросъ объ изгнаніи изъ города Савонаролы, ради народнаго спокойствія. Послѣдняго они не сдѣлали, такъ какъ со дня на день ожидалось папское отлученіе Савонаролы отъ церкви. Маріано да Дженнаццано, опять бѣжавшій въ Римъ, торопилъ папу отлучить отъ церкви «губителя флорентійскаго народа» и «орудіе дьявола». Тщетно попробовалъ Савонарола письменно образумить папу, доказавъ свою правоту,—отлученіе было подписано 12 мая. Оно было написано осторожно, въ видѣ письма, и обращено не прямо къ народу, а къ монахамъ монастыря Сантиссима Аннунціата. Отъ монаховъ оно перешло во Флоренцію и послѣ долгихъ колебаній было вывѣшено въ главныхъ церквахъ разныхъ кварталовъ города. Что-то нерѣшительное и трусливое было въ этомъ отлученіи: ученіе Савонаролы называлъ папа «подозрительнымъ» и оговаривался, что проповѣди кажутся ему такими, «насколько онъ слышалъ о нихъ». Савонарола принялъ вызовъ и уже 19 іюня появилось его первое посланіе противъ отлученія, гдѣ онъ признавалъ «отлученіе недѣйствительнымъ передъ Богомъ и людьми, такъ какъ оно составлено на основаніяхъ и обвиненіяхъ, измышленныхъ его врагами». Во второмъ посланіи противъ отлученія онъ прямо говоритъ, что «было бы ослинымъ терпѣніемъ, заячьей трусостью и глупостью подчиняться всякому и каждому осужденію». Тѣмъ не менѣе 22 іюня все флорентійское духовенство и францисканскіе монахи собрались въ соборъ, зазвонили въ колокола, при красноватомъ свѣтѣ четырехъ факеловъ прочли отлученіе, затѣмъ погасили всѣ огни, и церковь охватили тьма и гробовая тишина [1]).

VII.

Флоренція сразу сдѣлалась неузнаваемой. Члены сеньоріи состояли въ это время почти сплошь изъ «бѣснующихся»

[1]) *Villari,* Th. II, S. 154.

и потому они допустили золотую молодежь безчинствовать, сколько ей угодно. Городъ наводнился сразу пасквилями, грязными пѣснями, безстыдными сатирами противъ доминиканцевъ и Савонаролы. Пьяные кутилы и падшія женщины какъ бы рѣшились вознаградить себя за долгое время воздержанія, и городъ казался сплошнымъ публичнымъ домомъ. Но черезъ мѣсяцъ сеньорія, избранная на іюль и августъ, явилась сторонницей Савонаролы, и въ Римъ отправилась просьба объ отмѣнѣ отлученія. Флорентійскій посланникъ въ Римѣ усердно искалъ покровителей для Савонаролы и не безъ успѣха, хотя среди людей, готовыхъ хлопотать за Савонаролу, были и такіе, которые прямо требовали крупныхъ взятокъ, такъ какъ въ Римѣ за деньги добывалось все. Въ это время произошло происшествіе, смутившее на минуту самого Александра Борджію: герцогъ Кандія, старшій сынъ папы, убилъ и бросилъ въ Тибръ своего брата, кардинала Валенціи, приревновавъ къ нему свою сестру, знаменитую Лукрецію Борджіа. Потрясенный папа заперся въ своемъ дворцѣ, приказалъ кардиналамъ серьезнѣе взглянуть на церковныя дѣла и, казалось, былъ готовъ начать новую жизнь. Савонарола, вѣрившій въ возможность перерожденія людей, написалъ трогательное письмо къ папѣ, утѣшая его и говоря о покаяніи. Рядомъ съ этимъ письмомъ отправились въ Римъ еще два посланія, защищавшія Савонаролу и подписанныя— одно 250 доминиканцами, другое 363 гражданами. Просили отмѣны отлученія уже ради того, что Савонарола былъ необходимъ, какъ поддержка во время господствовавшей въ городѣ чумы. Чума заглянула и въ монастырь Санъ-Марко, откуда Савонаролѣ предлагали удалиться за городъ; онъ воспользовался этимъ предложеніемъ богатыхъ гражданъ, но не для себя, а для молодыхъ послушниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и его братъ Ауреліо; удаливъ ихъ, онъ могъ удобнѣе размѣстить остальныхъ монаховъ и избавить монастырь отъ скученности народа. Практическая распорядительность не покидала его никогда. Самъ онъ, хотя и былъ обреченъ на бездѣйствіе, былъ бодръ, утѣшалъ ближнихъ и даже издалъ «Медицинскій трактатъ о чумѣ», въ которомъ говорилъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать, чтобы сохранить въ порядкѣ и спокойствіи душу и тѣло, и совѣтовалъ быть умѣренными въ пищѣ и питьѣ, не терять бодрости и веселости, самоотверженно служить больнымъ, даже если это враги. Чума, страшно встревожившая городъ, прошла, однако, скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Но прошла она — яви-

лась новая тревога: открылся заговоръ Пьеро Медичи противъ республики, въ который были замѣшаны очень видные люди и, между прочимъ, старикъ Бернардо дель Неро. Виновныхъ привлекли къ суду «восьми», которые завѣдывали политическими и уголовными судебными дѣлами и мѣнялись каждые четыре мѣсяца, и эти судьи испугались исполнить свои обязанности и навлечь на себя въ будущемъ мщеніе родни подсудимыхъ. Повелся запутанный процессъ, который выказалъ трусость однихъ передъ сторонниками Медичисовъ и страстное озлобленіе другихъ противъ Медичисовъ. Кончилось дѣло казнью и конфискаціею имуществъ пяти человѣкъ. Затѣмъ начались снова распутства и наглыя выходки золотой молодежи и женщинъ легкаго поведенія. А Савонарола все сидѣлъ въ своей кельѣ, писалъ новыя сочиненія, издалъ «Тріумфъ креста», замѣчательное изложеніе значенія христіанской вѣры, но тѣмъ не менѣе не могъ проповѣдывать, хотя проповѣдь была нужна, хотя его друзья настаивали на необходимости его проповѣди. Настало Рождество. Савонарола рѣшился отслужить обѣдню, причастилъ монаховъ и толпу сошедшихся къ нему гражданъ, сказалъ передъ церковью торжественную рѣчь собравшимся. Это было начало активнаго протеста противъ отлученія. Друзья извѣстили Савонаролу, что, съ разрѣшенія сеньоріи, въ соборѣ опять устроены сидѣнья и ступени около оконъ, то-есть все готово для новой проповѣди любимаго проповѣдника. Онъ далъ обѣщаніе выйти на каѳедру въ воскресенье 11 февраля 1498 г. Тщетно попробовалъ флорентійскій архіепископъ Леонардо де-Медичи протестовать противъ этого: сеньорія объявила ему, что, въ случаѣ его сопротивленія, его въ два часа лишатъ сана и признаютъ мятежникомъ. Смѣлый шагъ протеста противъ Рима былъ сдѣланъ, и Савонарола заговорилъ снова, на этотъ разъ объ отлученіи, объ авторитетѣ папы, о свободѣ совѣсти и правѣ не подчиняться неправильнымъ распоряженіямъ. Онъ прямо высказалъ, что его преслѣдуютъ не ради религіи, а ради того, что хотятъ уничтожить республику и снова вернуть въ страну тирана. Они ненавидятъ и его, Савонаролу, не за противорѣчія догматамъ религіи, а за то, что онъ обличаетъ ничтожное духовенство. «Ты былъ въ Римѣ,—восклицалъ онъ:—и знаешь жизнь этихъ священнослужителей. Скажи же мнѣ, кажутся ли они носителями церкви или свѣтскими людьми? У нихъ придворные, оруженосцы, лошади и собаки; ихъ дома полны тканыхъ обоевъ, шелковыхъ тканей, ароматныхъ куреній и слугъ: похоже

ли все это на церковь Божію? Ихъ высокомѣріе наполняетъ весь свѣтъ и не меньше того ихъ алчность. Все дѣлается за деньги; ихъ колокола звонятъ для ихъ корысти; они кричатъ только о добычѣ денегъ, хлѣба и свѣчей. Для вечеренъ и молебновъ они становятся въ хоръ, надѣясь что-нибудь заработать, а на заутренѣ ихъ не увидишь, такъ какъ тутъ ничего не добудешь. Они продаютъ мѣста, продаютъ таинства, продаютъ обрядъ крещенія, продаютъ все. И они еще толкуютъ объ отлученіи». Горячо протестуя въ послѣдней своей проповѣди передъ карнаваломъ противъ отлученія, Савонарола доказывалъ, что онъ стоитъ за безупречную жизнь, за добродѣтели, что отлученіе, запрещающее ему дѣлать доброе дѣло, исходитъ отъ дьявола. «И какое отлученіе можетъ заставить насъ бездѣйствовать, когда дѣло идетъ о спасеніи людей? Этотъ *долгъ* выше всякихъ отлученій, отъ кого бы они ни исходили. Если бы стали подчиняться несправедливымъ рѣшеніямъ, то какой-нибудь дурной папа могъ бы погубить всю церковь, и ему все-таки пришлось бы подчиняться. Впрочемъ, нужно сказать, что такія отлученія въ наши дни дешевый товаръ. За четыре лиры можно отлучить кого угодно; потому отлученія и не стоятъ ничего». Послѣ этой проповѣди Савонарола заявилъ, что въ послѣдній день карнавала онъ будетъ служить обѣдню и благословитъ народъ на площади Санъ-Марко. «И пусть каждый молится въ это время,—страстно сказалъ онъ:—чтобы Господь ниспослалъ на меня свой пламень и низвергъ бы меня въ адъ, если моя проповѣдь исходитъ не отъ Него». Этотъ послѣдній день карнавала прошелъ торжественно: Савонарола причастилъ и благословилъ народъ, по городу собирали на бѣдныхъ, на площади второй разъ происходило сожженіе суетныхъ вещей, но разнузданная золотая молодежь и на этотъ разъ то тутъ, то тамъ оскорбляла «плакальщиковъ» и «нытиковъ», то-есть партію Савонаролы, и производила скандалы. Вообще каждый даже недальновидный наблюдатель могъ теперь замѣтить, что страшная буря близка и что дѣло идетъ уже не о какой-нибудь одной флорентійской республикѣ, а о папствѣ, о католической церкви. По Италіи, по Франціи, по Германіи разносились брошюры, говорившія о проповѣдяхъ Савонаролы, вездѣ видѣли въ немъ великаго поборника обновленія церкви. Въ вѣчномъ городѣ прелаты, кардиналы и самъ папа были въ ярости на монаха, осмѣлившагося видѣть высшій авторитетъ только въ Богѣ и въ своей совѣсти; флорентійскаго

посла осуждали недовольные Флоренціей и сеньоріей люди, а въ августинской церкви передъ избранной публикой и князьями церкви Маріано да Дженнаццано кричалъ, какъ бѣсноватый, противъ Савонаролы, раздраживъ, впрочемъ, слушателей своей безсодержательной площадной руганью [1]). Кардиналы изъ болѣе дальновидныхъ итальянцевъ подсказали, наконецъ, папѣ, что медлить нельзя, что готовится въ церкви расколъ и что стоитъ только во главѣ противниковъ встать вліятельному лицу, чтобы дѣло стало опаснымъ. Они указали даже на такое лицо—на кардинала Санъ-Пьеро въ Винкулѣ. Папа обратился съ посланіемъ къ сеньоріи, выражая неудовольствіе за ея поведеніе и требуя отправки Савонаролы въ Римъ или заключенія его въ тюрьму и отлучая отъ церкви всѣхъ, кто будетъ говорить съ нимъ или слушать его. Хотя сеньорія, выбранная на мартъ и апрѣль, была враждебна Савонаролѣ и находилась подъ предсѣдательствомъ родственника Пьеро Медичи, тоже Пьеро Медичи, перемѣнившаго только послѣ революціи 1494 года свою фамилію на Пополаски и оставшагося тѣмъ же волкомъ и въ этой лисьей шкурѣ, тѣмъ не менѣе сама сеньорія не рѣшилась изречь своего приговора надъ Савонаролой, боясь народа, и созвала особое собраніе для обсужденія разныхъ безотложныхъ дѣлъ, а въ томъ числѣ и вопроса о Савонаролѣ. На собраніи выяснилось, что дѣла республики плохи до послѣдней степени: расходы превышали доходъ, кругомъ были враги, борьба была почти немыслима. Но какъ ни страшно было положеніе государства, а все же нельзя было исполнить требованіе папы относительно Савонаролы, такъ какъ могъ начаться народный мятежъ. Папу извѣстили объ этомъ, уклончиво замѣтивъ, что «Савонарола опять удалился изъ собора въ свой монастырь». Онъ и точно удалился въ монастырь, гдѣ написалъ сочиненіе «О правленіи и законодательствѣ города Флоренціи». Въ этомъ сочиненіи онъ изложилъ общія мысли о томъ, что человѣкъ нуждается для своей свободы въ правительствѣ и что при хорошемъ правителѣ единодержавіе можетъ идти хорошо. Но что такая форма правленія пригодна не для всякаго народа и измѣнчивые, неспокойные и честолюбивые флорентійцы нуждаются въ правительствѣ, въ которомъ принимали бы участіе всѣ, то-есть въ республикѣ. Вторую часть труда онъ посвятилъ разбору единодержавія при дурномъ

---

[1]) *Villari*, Th. II, S. 201.

правителѣ или тиранiи. Описанiе тирана было сдѣлано имъ страстно и ярко. Въ третьей части онъ обсуждаетъ конституцiонное правленiе, зиждущееся на великомъ совѣтѣ. Этотъ совѣтъ долженъ назначать людей на должности, чтобы избѣжать анархiи народа и тиранiи олигархiи. Не ограничиваясь этимъ, Савонарола принялся въ монастырѣ и за проповѣди; такъ какъ церковь была не велика, то на проповѣдь допускались одни мужчины. Проповѣди теперь вращались около разъясненiя вопроса о томъ, можетъ ли папа заблуждаться? Отвѣтъ былъ утвердительный: «папа можетъ заблуждаться, какъ человѣкъ вообще; можетъ заблуждаться, какъ дурной человѣкъ, ненавидящiй христiанскую любовь; такъ дурной папа Бонифацiй VIII слушался голоса дьявола; онъ прошелъ въ папы, какъ лисица, и умеръ, какъ песъ». Впервые въ этихъ проповѣдяхъ онъ явно заговорилъ «о соборѣ», который долженъ избрать реформаторовъ для возобновленiя церкви... Папа призвалъ обоихъ флорентiйскихъ пословъ и объявилъ, что онъ болѣе не потерпитъ недостойнаго поведенiя сеньорiи и отлучитъ отъ церкви всю Флоренцiю. Онъ былъ гнѣвенъ и просто ругался. Въ этомъ же духѣ онъ написалъ посланiе къ сеньорiи, и она опять собрала экстренное собранiе, которое теперь волей-неволей рѣшалось говорить противъ проповѣди Савонаролы. Въ этотъ день онъ сказалъ послѣднюю проповѣдь женщинамъ, а вечеромъ получилъ извѣщенiе о запрещенiи проповѣдывать и на другой же день, 18 марта 1498 года, простился съ народомъ. У великаго проповѣдника оставалась одна надежда на созванiе собора: онъ хотѣлъ призвать къ отвѣту папу, показать его въ настоящемъ свѣтѣ развратника и убiйцы, доказать, что онъ достигъ престола подкупомъ, наконецъ, обличить его, какъ еретика и безбожника.

— Настанетъ день, когда я воскликну: Lazare, veni foras,—говорилъ онъ.

Этотъ день, казалось ему, теперь близокъ и, всегда прямой и честный до наивности, Савонарола послалъ коротенькое извѣщенiе папѣ о томъ, что онъ болѣе не надѣется на него, а вступитъ съ нимъ въ борьбу при помощи Божiей. Онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать открыто даже съ такими коварными злодѣями, какъ Александръ Борджiа, воображая, что словомъ можно побѣдить и ядъ, и кинжалъ. Созванiе собора казалось вполнѣ осуществимымъ, такъ какъ на это соглашался Карлъ VIII, этого требовалъ кардиналъ Санъ Пьеро изъ Винкулы, это же считали необходимымъ многiе

кардиналы для избѣжанія раскола. Савонарола приготовилъ свое знаменитое «Письмо къ князьямъ», то-есть къ французскому королю, къ испанскому королю, къ англійскому королю, къ германскому императору. Прежде всего онъ послалъ это письмо къ Карлу VIII...

Что-то роковое было всегда въ судьбѣ Савонаролы, какъ это ясно видно изъ моего разсказа о его жизни: не самъ онъ выдвинулся въ свѣтъ изъ монастырской кельи, гдѣ искалъ успокоенія, гдѣ хотѣлъ быть чернорабочимъ; не самъ онъ вмѣшался въ политическую дѣятельность, превратившись изъ простого проповѣдника въ человѣка, предписывающаго законы; не самъ онъ стремился продолжать свою проповѣдь въ тяжелыя минуты, когда его требовалъ на каѳедру народъ, а встревоженная смутой сеньорія заставляла проповѣдывать для усмиренія толпы. Это нѣчто роковое случилось и теперь: Лодовико Сфорца, разбойничавшій на большихъ дорогахъ, ограбилъ курьера, везшаго среди другихъ писемъ и письмо Савонаролы во Францію. Этотъ документъ, свидѣтельствовавшій о желаніи Савонаролы низвергнуть папу, — былъ тотчасъ же доставленъ Александру Борджіа. Судьба Савонаролы была рѣшена разомъ, такъ какъ щадить его уже было невозможно.

VIII.

Флорентійцы, казалось, вдругъ потеряли головы и, охваченные паническимъ страхомъ, не знали, что дѣлать: республикѣ грозили и папа, и Сфорца, и вся лига итальянскихъ князей, — и все это, какъ казалось, изъ-за одного монаха. Отъ Савонаролы разомъ отшатнулись почти всѣ, кромѣ немногихъ преданныхъ ему лицъ и его монаховъ. Все общество было охвачено стаднымъ малодушіемъ, никто не зналъ, что дѣлать, и вдругъ одинъ монахъ изъ другого ордена предложилъ испытать справедливость ученія Савонаролы при помощи огненной пробы: всѣ разомъ вздохнули свободнѣе—сгоритъ Савонарола и конецъ; не сгоритъ—они оправдаются передъ папой! Бѣснующіеся, сеньорія, сѣрые, золотая молодежь были убѣждены, что онъ сгоритъ: туда и дорога! Сторонники Савонаролы, плакальщики, монахи были увѣрены, что онъ не сгоритъ: значитъ ихъ вѣрованія святы! Только нѣсколько вполнѣ трезвыхъ людей въ созванномъ сеньоріей совѣтѣ стыдили остальныхъ: «дѣло не въ монахѣ или не-монахѣ, не въ бѣснующихся или небѣснующихся, а въ томъ, что отечество въ опасности; надо думать не о

томъ, какъ погибнутъ тѣ или другіе люди, въ огнѣ, въ водѣ, въ землѣ или въ воздухѣ, а о томъ, какъ спасти республику; наши предки опустили бы руки, если бы они знали, что наше государство дойдетъ до такого позора и посмѣшища!» А что же дѣлалъ Савонарола? Его даже и не спросили, какъ онъ отвѣтитъ на вызовъ францисканца, такъ какъ страстный фра Доменико уже согласился на огненную пробу, а визіонеръ фра Сильвестро утверждалъ, что онъ уже видѣлъ ангеловъ фра Джироламо и фра Доменико, и они утверждали, что послѣдній выйдетъ изъ огня живымъ. Савонарола глубоко вѣрилъ въ видѣнія фра Сильвестра и еще болѣе вѣрилъ въ правоту своего дѣла и потому не протестовалъ противъ рѣшенія фра Доменико, принявшаго вызовъ францисканца. На 6 апрѣля была назначена огненная проба: однако, уже 5 апрѣля вечеромъ ее отложили на 7 число. Въ назначенный день, съ самаго ранняго утра, вся Флоренція собралась на площадь, гдѣ были приготовлены подмостки, на которыхъ должны были горѣть францисканецъ и доминиканецъ. Фра Доменико явился съ Савонаролой, причастился и сталъ молиться. Францисканецъ, струсившій теперь за себя, не являлся и о чемъ-то переговаривался во дворцѣ съ сеньоріей, ожидавшей изъ Рима приказанія отмѣнить огненную пробу. Нетерпѣніе толпы росло съ каждой минутой, а францисканецъ все не выходилъ изъ дворца и началъ переговоры о томъ, что красная одежда фра Доменика заколдована и ее надо снять. Савонарола отвѣтилъ, что всѣ условія огненной пробы обговорены ранѣе и теперь спорить не о чемъ. Нетерпѣніе проголодавшейся толпы лопалось и было достаточно одного слова, одного вызова, чтобы поднялась свалка. Вызванная какимъ-то конюхомъ буря началась, и бѣснующіеся, ожидавшіе этой минуты, бросились на Савонаролу. Командовавшій отрядомъ солдатъ Маркуччіо Сальвіати бросился со своими людьми къ Савонаролѣ, успѣлъ окружить его и крикнулъ:

— Кто подойдетъ, тотъ испробуетъ моего меча!

Мало-по-малу толпа стихла вновь и стала опять ожидать. Францисканецъ, попрежнему, не являлся. Внезапно разразившійся ливень, громъ и молнія не могли разогнать толпу, и когда они опять прекратились, изъ дворца сеньоріи явился посланецъ для объявленія фра Доменико, что онъ долженъ оставить распятіе, горѣть съ которымъ ему не позволятъ.

— Мнѣ все равно, — сказалъ фра Доменико, оставляя крестъ.—Я принялъ святое причастіе.

— Какъ, ты хочешь сжечь тѣло Христово?

Начался диспутъ, долгій, скучный, съ цитатами...

Тогда раздался приказъ сеньоріи объ отмѣнѣ огненной пробы, такъ какъ ливень смочилъ горючіе матеріалы.

— Это все продѣлки Савонаролы и фра Доменико!—распространяли въ толпѣ злоумышленники.—Доминиканцы струсили! Савонарола вызвалъ волшебствомъ дождь!

Толпа опять пришла въ ярость и было не легко защитить Савонаролу, фра Доменико и ихъ друзей, возвращавшихся въ монастырь Санъ-Марко, гдѣ весь этотъ день женщины молились о спасеніи фра Доменико. Наскоро разсказавъ имъ все пережитое за этотъ тяжелый день, Савонарола заперся въ отчаяніи въ своей кельѣ. Эта исторія была только прелюдіей къ концу страшной драмы: на слѣдующій день вся Флоренція была въ сильнѣйшемъ возбужденіи; бѣснующіеся и золотая молодежь энергично вызывали плакальщиковъ на бой, послѣдніе упали духомъ и тоже толковали, что фра Доменико и самъ Савонарола должны были идти въ огонь и чудомъ доказать свою правоту. Буря надвигалась въ теченіе всего дня и послѣ обѣда на улицахъ начались первыя стычки; въ соборѣ, гдѣ собрался народъ, золотая молодежь напала на плакальщиковъ, а черезъ нѣсколько минутъ раздались крики: «Въ Санъ-Марко! въ Санъ-Марко!» Это былъ сигналъ для осады монастыря. Доминиканцы были предупреждены о готовящемся на нихъ нападеніи и запаслись оружіемъ, шлемами, латами. Это было кстати, такъ какъ разъяренные противники Савонаролы дѣйствительно осадили монастырь, подожгли двери, перелѣзали черезъ стѣны и въ переходахъ и галлереяхъ монастыря началась битва. Тщетно уговаривалъ Савонарола и фра Доменико молодыхъ монаховъ, надѣвшихъ на бѣлоснѣжныя рясы латы и шлемы, оставить оружіе, тщетно хотѣлъ Савонарола отдаться прямо врагамъ. Монахи уже не слушались. Какія страшныя и какія трогательныя сцены происходили въ этой роковой борьбѣ! Вотъ молодой бѣлокурый нѣмецъ, по имени Генрихъ, живущій въ монастырѣ, одинъ дѣлаетъ нападеніе на штурмующую монастырь толпу, захватываетъ ружье и стрѣляетъ мѣтко и безостановочно, радостно крича при каждомъ выстрѣлѣ: «Salvem fac populum Tuum, Domine!» Вотъ толпа врывается на хоры, гдѣ молятся монахи; при видѣ враговъ монахи

вскочили и начали сражаться съ осаждающими деревянными и желѣзными распятіями и горящими восковыми свѣчами, какъ мечами. Вотъ молодой Джироламо Джини, членъ народной партіи, жаждавшій вступить въ доминиканскій орденъ, защищаетъ монастырь, идетъ навстрѣчу смерти за Іисуса Христа и, смертельно раненый, доползаетъ до Савонаролы, прося посвященія въ монахи передъ смертью. А за стѣнами монастыря враги настигаютъ доблестнаго патріота, Франческо Валори, убиваютъ его передъ его домомъ, заодно съ нимъ убиваютъ и его жену, показавшуюся у окна, врываются въ домъ, ломаютъ все, грабятъ и, срывая пологъ постели, сами того не замѣчая, раздавливаютъ ребенка Валори.

— Бѣги, бѣги, фрате!—уговариваютъ приверженцы Савонаролу, зная, что онъ можетъ спастись задними ходами.

Онъ на минуту колеблется.

— Развѣ пастырь не долженъ предать своей жизни за овецъ своихъ?—раздается коварный голосъ нѣкоего фра Малатесты.

Глубоко пораженный этими словами, Савонарола обнялъ своего Іуду, обнялъ другихъ монаховъ и отдался въ руки слугъ сеньоріи, которая уже давно требовала его выдачи.

Радостныя вѣсти полетѣли отъ сеньоріи въ Римъ, въ Миланъ, въ Парижъ, гдѣ роковымъ для Савонаролы образомъ уже не было для него защитника, такъ какъ Карлъ VIII умеръ наканунѣ жалкимъ образомъ, какъ жилъ, въ дорогѣ, въ грязи, на гнилой соломѣ...

Собственно драма была окончена и сталъ разыгрываться только эпилогъ—слѣдствіе надъ Савонаролой, фра Доменико и фра Сильвестро. Чѣмъ было слѣдствіе того времени—это извѣстно всѣмъ. Савонаролу, испостившагося, хилаго, нервнаго, подняли на дыбу и такъ быстро потомъ опустили веревку, что можно было сойти съ ума отъ одной этой встряски; потомъ его опять поднимали на дыбу и прижигали ему въ это время подошвы горячими угольями; далѣе его пытали четырнадцать разъ въ одинъ день. Продливъ эти пытки въ теченіе нѣсколькихъ дней, ему дали передохнуть и послѣ отдыха принялись опять за новыя пытки, за которыми послѣдовали еще отдыхъ и еще пытки. Все это дѣлалось съ цѣлью добыть «добровольныя» признанія. Иногда у несчастнаго мутился разумъ, иногда онъ восклицалъ «Господи, Господи, Тебѣ предаю духъ мой», или «Господи, Господи, довольно!» Но показанія его пришлось все же под-

дѣлывать и искажать, потому что онъ, даже при всемъ желаніи, не могъ признать за собой еретическихъ мнѣній въ религіи, грѣха въ желаніи блага родной странѣ, и только относительно пророческаго дара онъ могъ теперь поколебаться на минуту. Въ минуты пытокъ онъ подписывалъ все, что его заставляли подписывать, и послѣ окончанія пытокъ снова стоялъ твердо за свою правоту. Несмотря на пытки, несмотря на подложныя показанія, несмотря на оскорбленія со стороны папскихъ клевретовъ, Савонарола нашелъ еще силы написать три небольшихъ, но важныхъ по своему католическому духу статьи въ тюрьмѣ: «На Тебя, Господи, уповаю», «Размышленія о Miserere» [1]) и «Указаніе къ христіанской жизни», написанное на переплетѣ одной книги, по просьбѣ тюремнаго стража, благоговѣвшаго передъ Савонаролой,—онъ нашелъ силы попрежнему удивлять людей своимъ достоинствомъ и покорять сердца своею чистотой и мягкостью, такъ что даже всѣ подлоги не могли вооружить противъ него ни фра Доменико, ни фра Сильвестро. Разумѣется, приговоръ суда не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ приговоромъ къ убійству, носящему на юридическомъ языкѣ названіе «смертной казни». «Преступники» должны были быть повѣшены, а потомъ сожжены. Цѣлый рядъ трогательныхъ и глубоко запечатлѣвшихся въ памяти флорентійцевъ сценъ произошелъ въ день казни. Оскорбленный чернью, поруганный, шелъ Савонарола къ тому мѣсту, гдѣ возвышалась висѣлица въ видѣ креста. Кто-то подошелъ къ нему съ словами утѣшенія.

— Въ послѣдній часъ,—ласково отвѣтилъ Савонарола:—утѣшить можетъ только Богъ.

Священникъ Неротто спросилъ его, добровольно ли онъ принимаетъ мученическую смерть.

— Господь столько страдалъ за насъ!—отвѣтилъ Савонарола.

Передъ нимъ шли воодушевленные фра Доменико и фра Сильвестро; первый, подходя къ висѣлицѣ, громкимъ голосомъ пѣлъ: «Тебя Бога хвалимъ»; второй, вошедши на платформу и повиснувъ въ воздухѣ, проговорилъ спокойно: «Въ Твои руки, Господи, предаю духъ мой». Когда очередь дошла до Савонаролы, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на толпу: она, когда-то нетерпѣливо ожидавшая каждаго слова изъ его устъ, теперь нетерпѣливо ждала съ факелами въ

---

[1]) Псаломъ 50 по русской «Библіи»; по Лютеру псаломъ 51.

рукахъ, скоро ли можно будетъ поджечь помостъ. Гробовая тишина воцарилась въ толпѣ, когда палачъ надѣвалъ веревку на шею Савонаролы. Вдругъ раздался голосъ:

— Пророкъ, пришло время: сотвори чудо!

Палачъ, чтобы доставить удовольствіе толпѣ, началъ играть, какъ куклою, висѣвшимъ тѣломъ Савонаролы, еще содрогавшимся въ послѣднихъ конвульсіяхъ, и, крутя и качая его, чуть не полетѣлъ съ помоста. Едва успѣлъ соскочить палачъ съ подмостковъ, какъ къ нимъ поднесены были факелы.

— Наконецъ-то я подожгу того, кто думалъ меня сжечь!— радостно воскликнулъ одинъ изъ державшихъ факелы.

Вдругъ внезапный вихрь отнесъ далеко въ сторону отъ труповъ вспыхнувшее пламя.

— Чудо! чудо!—раздались голоса, и множество людей трусливо отхлынули отъ помоста.

Но вѣтеръ улегся, и пламя охватило горячими языками тѣла мучениковъ. Народъ снова прихлынулъ къ помосту. Въ это время уже перегорѣла веревка, связывавшая руки Савонаролы; онѣ медленно зашевелились, и правая рука слегка приподнялась, какъ бы благословляя народъ.

А въ небѣ сіяло яркое южное солнце — майское солнце. Это было 23 мая 1498 года. Савонаролѣ было всего сорокъ пять лѣтъ.

Вмѣстѣ съ Савонаролой погибло и начатое имъ дѣло, погибла созданная имъ республика.

Горе побѣжденнымъ, кто бы они ни были. Толпа вездѣ толпа. Она поклоняется только успѣху и спѣшитъ проявить смѣлость осла, когда умираетъ левъ. Павшій Савонарола сдѣлался предметомъ порицаній и брани. Его упрекали за то, что онъ далъ «дѣтямъ» власть и превратилъ ихъ въ какихъ-то шпіоновъ, которые обличали, преслѣдовали и обижали взрослыхъ, нарушавшихъ правила нравственной жизни. Обыкновенно забывали при этомъ, что «дѣтьми» во Флоренціи считались юноши до двадцатилѣтняго возраста и что эти дѣти до Савонаролы были разнузданы, назойливы и жестоки, забавляясь играми въ родѣ уличныхъ битвъ каменьями, и обѣщали въ будущемъ сдѣлаться лихими «кампаньяцци»—этимъ зломъ распутной Флоренціи. Савонарола, организовавъ «дѣтей», далъ другое направленіе имъ и только желалъ выработать изъ нихъ будущихъ достойныхъ гражданъ. Его упрекали за сожженіе имъ будто бы предме-

товъ искусства и литературы. Нечего и говорить о томъ, что ни драгоцѣнныхъ картинъ, ни библіотекъ, ни мраморныхъ статуй не могло быть сожжено въ два карнавальныя сожженія «суетностей». Но этого мало. Обвинители забывали, что Савонарола былъ величайшимъ поклонникомъ искусства вообще. Онъ заставилъ монаховъ Санъ-Марко употребить монастырскія деньги на покупку библіотеки Медичи, чтобы всякій могъ пользоваться этою библіотекою. Онъ постоянно былъ окруженъ извѣстнѣйшими художниками того времени, хлопоталъ о томъ, чтобы юные послушники учились живописи. Однимъ изъ самыхъ горячихъ его поклонниковъ былъ Микель Анджело, этотъ гигантъ итальянскаго искусства, котораго «дуракъ» Пьеро Медичи заставлялъ дѣлать статуи изъ снѣга; Микель Анджело постоянно слушалъ проповѣди Савонаролы въ юности и свято сохранилъ до старости воспоминанія и о Савонаролѣ, и о его политическихъ идеяхъ, которымъ великій художникъ былъ вѣренъ до смерти [1]). Знаменитый фра Бартоломео не только развился подъ вліяніемъ Савонаролы, но послѣ смерти послѣдняго на нѣсколько лѣтъ даже бросилъ въ отчаяніи живопись. Савонарола не только самъ занимался поэзіей, но и высказывалъ свои воззрѣнія на прекрасное, при чемъ говорилъ, что прекраснымъ можетъ быть то, что отличается не одной внѣшнею формою, но и внутреннимъ содержаніемъ; прекрасное всегда нравственно, такъ какъ безнравственность не можетъ быть прекрасна, какъ ложь и извращеніе здоровой человѣческой натуры. Онъ проповѣдывалъ, что искусство должно служить Богу и свободѣ, правдѣ и родинѣ, а все безцѣльное, безнравственное, извращающее человѣческую натуру онъ не считалъ ни прекраснымъ, ни принадлежащимъ къ предметамъ искусства и преслѣдовалъ, какъ суетности, какъ вредныя вещи. Вообще долгое время Савонаролу представляли какимъ-то исключительно суровымъ и сухимъ аскетомъ. И точно, онъ велъ самъ въ высшей степени аскетическую жизнь, былъ почти нищимъ; но трудно было бы представить болѣе мягкаго, болѣе нѣжнаго, болѣе сердечнаго человѣка. Мать, братья, старики-монахи, юные послушники, женщины и дѣти, всѣ одинаково знали, какъ онъ умѣетъ любить. Эта любовь сквозитъ въ его интимной перепискѣ и является почти женственной. Преслѣдуя разврать, разгулъ, разнузданность, онъ никогда не проповѣ-

---

[1]) *Ribbach*, S. 391.

дывалъ, въ сущности, исключительно аскетизма, безбрачія, хотя и желалъ, чтобы бракъ былъ святъ, какъ тѣсный союзъ любящихъ сердецъ, чтобы онъ никогда не былъ простымъ развратомъ съ разрѣшенія церкви. Но его дѣло проигралось, его республика пала. Гдѣ же кроются причины этого? Я уже говорилъ, какимъ роковымъ образомъ сложились враждебныя для республики чисто внѣшнія обстоятельства. Только чудомъ могла уцѣлѣть республика, какъ бы ни была она хороша, въ борьбѣ съ папой, съ Сфорцой, съ лигой князей, ставшихъ за своего собрата Медичи, съ бѣснующейся аристократіей, съ разнузданной золотой молодежью, съ безденежьемъ, съ голодомъ, съ чумой. Чудесъ въ политической жизни государствъ, увы! не бываетъ. Было и еще одно обстоятельство, которое съ самаго начала говорило о томъ, что республикѣ трудно будетъ бороться съ врагами, если она не измѣнитъ своей политикѣ. Это обстоятельство—стремленіе Савонаролы бороться исключительно чистыми и безупречными средствами съ политическими разбойниками и злодѣями. «Вѣчная слава Савонаролѣ и его партіи,—говоритъ восторженно Мишле: — за то, что они погибли только ради своего благородства. Аристократы, согласные съ Савонаролой относительно изгнанія Медичисовъ, желали начать противъ нихъ и ихъ многочисленныхъ друзей конфискаціи, мщеніе, казни. Партія святыхъ отказалась, Савонарола требовалъ амнистіи. Въ этотъ день онъ уже подписалъ свой смертный приговоръ. Онъ уничтожилъ страхъ передъ терроромъ, сдерживавшій его враговъ. Успокоенные, всѣ соединились между собою. Сѣрые, дурные товарищи вошли въ стачку противъ него; всеобщая лига князей, духовенства, скептиковъ, атеистовъ и монаховъ образовалась противъ пророка и возвела его на костеръ» [1]). Все это прекрасно: вѣчная слава досталась на долю Савонаролѣ, но тѣмъ не менѣе его дѣло было проиграно и за этотъ-то проигрышъ заплатилъ своей кровью народъ. Принципъ прощенія врагамъ—высокій принципъ, но его держаться имѣетъ право только тотъ, кто прощаетъ «своихъ» враговъ, такъ сказать, «за свой счетъ». Его нравственное ученіе было возвышено, его планъ республиканскаго правленія былъ широкъ, его взгляды на необходимость воспитать хорошихъ гражданъ для хорошихъ законовъ были ясны и вѣрны, онъ былъ великимъ теоретикомъ, но у него

[1]) *Michelet*, p. 245.

недоставало того, что, къ несчастію, требуется для практическаго государственнаго дѣятеля. Онъ никогда не примирялся съ тѣмъ, что цѣль оправдываетъ средства, что для борьбы пригодно всякое оружіе, что клинъ надо выбивать клиномъ, что съ волками надо выть по-волчьи; однимъ словомъ, онъ былъ слишкомъ честенъ для роли политическаго дѣятеля.

«Онъ погибъ, потому что не смогъ или не сумѣлъ побѣдить завистниковъ», сказалъ про него Макіавелли [1]).

IX.

Прошло почти сто лѣтъ...

Бѣдствія междоусобій, какъ это случалось и съ другими странами, довели въ концѣ-концовъ Италію до послѣдней степени политическаго паденія: въ первой четверти шестнадцатаго столѣтія она уже окончательно подпала подъ вліяніе иноземцевъ. «Войска Карла V въ 1527 году прошли ее всю, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, говоритъ Форнеронъ въ своей прекрасной исторіи Филиппа II [2]), — и только папа Павелъ IV попробовалъ не подчиниться императору-побѣдителю». Сопротивленіе папы стоило, однако, Риму не дешево: Римъ былъ взятъ; папа, убѣгая изъ Ватикана, не имѣетъ времени и для прочтенія трижды своего «Credo»; побѣдители-католики восемь дней грабили священный католическій городъ, превращая святыя базилики въ конюшни или мѣста оргій, выбрасывая святыя мощи на помость, таская по улицамъ плѣнныхъ монахинь, раздѣвая до-гола кардиналовъ и стегая ихъ, оставленныхъ даже безъ рубахъ, розгами; нѣмцы болѣе всего заботились о грабежѣ денегъ, испанцы убивали защищающихъ жилища и хлопотали только о томъ, чтобы завладѣть женскими общежитіями. Въ день, когда извѣстіе объ этой постыдной побѣдѣ дошло до Карла V, его жена Изабелла разрѣшалась отъ бремени инфантомъ, котораго назвали Филиппомъ и которому суждено было надѣлать особенно много зла Италіи. Это было 21 мая 1527 года.

Хуже всего пришлось отъ испанцевъ Неаполю, гдѣ испанскіе вице-короли, не боясь никого, предавались необузданной тиранніи и грабительству. Они мѣнялись очень часто и, за исключеніемъ такихъ вице-королей, какъ Донъ-Педро Альварецъ де Толедо, пробывшій двадцать одинъ годъ вице-

[1]) *Meier*, S. 321.
[2]) *H. Forneron.* Histoire de Phillippe II. Paris. 1881. T. I, p. 1.

королемъ неаполитанскимъ, просиживали на мѣстѣ не долго: иногда четыре, иногда пять лѣтъ, сурово исполняя обязанности «новой метлы» и алчно торопясь набить свои карманы. Строгости были крайнія: кто носилъ оружіе—наказывался смертью; кто былъ застигнутъ на веревочной лѣстницѣ у балкона — подвергался смертной казни; за второе ложное, иногда вынужденное самосохраненіемъ, показаніе—тоже смерть. Палачамъ было много работы: въ восемнадцать первыхъ лѣтъ Донъ-Педро Альварецъ де Толедо казнилъ восемнадцать тысячъ человѣкъ да столько же отослалъ на галеры. При этомъ онъ вывезъ изъ страны двадцать милліоновъ золотыхъ [1]). Политика его преемниковъ, какъ и его политика состояла въ устраненіи знатныхъ неаполитанцевъ отъ всякихъ должностей, въ высасываніи у нихъ денегъ, въ униженіи ихъ всѣми способами и въ то же время въ оставленіи въ ихъ рукахъ феодальныхъ правъ, позволявшихъ этой знати въ свою очередь давить и разорять народъ: они такимъ образомъ выжимали подати, а потомъ сами разорялись королевскими властями. Въ Испанію, помимо всѣхъ государственныхъ издержекъ, нужно было посылать ежегодно по два съ половиною милліона дукатовъ подати да прибавлять «добровольно» въ подарокъ милліонъ дукатовъ. Это были законные расходы. Рядомъ шло ничѣмъ не узаконенное грабительство вице-королей: такъ Гонзальвъ де-Кордова во время неурожая 1505 года скупилъ зерновой хлѣбъ и добылъ на его перепродажѣ сорокъ тысячъ дукатовъ, когда народъ умиралъ съ голоду. Высокомѣріе испанцевъ доходило до наглости и раздражало, пожалуй, болѣе ихъ грабительства. Герцогъ Оссуна, принимая итальянскихъ дворянъ, заставлялъ ихъ ожидать не въ пріемной комнатѣ, а вмѣстѣ со стражею и нищими; маркизъ Мондехаръ ставилъ выше всѣхъ знатныхъ людей государства своего незаконнорожденнаго сына; жена одного вице-короля прибила публично по щекамъ и по плечамъ своею туфлею жену судьи и грозила тѣмъ же нѣкоторымъ придворнымъ дамамъ. Распространяться подробно о высокомѣріи и распущенности испанцевъ того времени было бы здѣсь очень затруднительно, такъ какъ въ короткихъ словахъ трудно представить все паденіе этой націи въ ту эпоху. Испанцы того времени могли бы взять своимъ девизомъ слова: «нищи, но заносчивы». «Испанія,—съ грустью замѣчаетъ одинъ англичанинъ:—это источникъ гордости въ до-

---

[1]) *Forneron.* Т. III, pp. 278—280.

линѣ нищеты». Нищета была вездѣ: у народа, у грандовъ, у короля. Народъ завистливо удивлялся, какъ много ѣдятъ и пьютъ въ Англіи, «тамъ выпивается болѣе пива, чѣмъ воды въ Валадолидѣ». У него же, по его поговоркѣ, «были не каждый день хлѣбъ и орѣхи» и «дней было больше, чѣмъ сосисокъ». Дворянство набирало очень много денегъ, но никогда не жило процентами съ капитала, а тратило самый капиталъ. «Они алчно загребали жаръ, по одному удачному выраженію, и расточали его на мелкій огонь». Самъ король въ 1575 году съ ужасомъ говорилъ о своей бѣдности: «Мнѣ сорокъ восемь лѣтъ, и какая старость ждетъ меня! Она подходитъ, а я не знаю, чѣмъ я буду жить завтра; я не знаю, какъ я и теперь живу съ этимъ горемъ, которое мнѣ причиняютъ денежныя заботы». Это не мѣшало ни безумнымъ тратамъ, ни нестершимой заносчивости. Гранды заботились не столько о своемъ вліяніи на дѣла государства, сколько о какой-нибудь должности при дворѣ, о правѣ таскать за кѣмъ-нибудь шлейфъ и въ то же время пользоваться пустой привилегіей оставаться въ присутствіи монарха съ накрытой головой. Быстро шедшій къ разоренію «король тратилъ на содержаніе своего двора столько денегъ, что на нихъ можно бы было завоевать цѣлое государство», какъ замѣчали протестующіе противъ неурядицъ кортесы, а гранды, подражая ему, содержали цѣлыя стаи мажордомовъ, придворныхъ камергеровъ, великихъ конюховъ, гидальго, рыцарей и слугъ, тогда какъ жены этихъ грандовъ были окружены фрейлинами и пажами, раболѣпно склонявшими колѣна передъ своими повелительницами, подавая имъ вино [1]). Въ Испаніи большіе города кишѣли забіяками, праздношатающимися, обманщиками, содержателями падшихъ дѣвушекъ. Этихъ людей кормили куртизанки и знатные господа. Маркизъ Фавара не выходилъ изъ дома безъ сопровожденія двадцати подобныхъ господъ, вооруженныхъ пистолетами и готовыхъ перебить кости проходящимъ; герцогъ Пастрана держалъ до двѣнадцати подобныхъ молодцовъ, чтобы обрѣзать носы тѣмъ, кто не приглянется ему на пути; княгиня Эболи, тоже содержавшая шайку подобныхъ молодцовъ, уволила одного изъ нихъ отъ должности за то, что онъ во время своей службы убилъ всего только одного человѣка. Всѣ продѣлки этихъ господъ, стоявшихъ подъ защитой своихъ патроновъ, для которыхъ они служили

[1]) *Prescott.* Histoire du règne de Philippe II. Paris. 1860. T. V; pp. 161—166.

и сводниками, и защитниками, оставались безнаказанными. Судьи при этомъ были подкупны настолько, что въ народѣ вошла въ поговорку фраза: «представители закона, если ихъ не смазывать, скрипятъ хуже телѣжныхъ колесъ», и всѣ хорошо знали, что въ Испаніи «благосклонность выше справедливости и права» [1]). Разумѣется, въ чужой странѣ эти люди церемонились еще меньше. Тяжелое положеніе Неаполя при такихъ правителяхъ должно было сдѣлаться еще тяжелѣе, когда Римъ становился во враждебныя отношенія къ Филиппу, а такія отношенія начались тотчасъ же по восшествіи на престолъ послѣдняго. Папа Павелъ IV ненавидѣлъ испанцевъ, такъ какъ самъ онъ былъ неаполитанецъ по рожденію. Испанцы были любимою темою его разговоровъ. Онъ называлъ ихъ отбросами міра, проклятою Богомъ расою, состоящее изъ еретиковъ и схизматиковъ, сѣменемъ мавровъ и жидовъ; онъ оплакивалъ униженіе Италіи, согнувшейся подъ игомъ столь гнуснаго народа [2]). Папа, воодушевленный мыслью объ освобожденіи своихъ соотечественниковъ, началъ въ то же время проповѣдывать, что испанцы скоро лишатся своихъ итальянскихъ владѣній, и Италія будетъ свободна, при чемъ, соединившись съ французскимъ королемъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ призвать на помощь себѣ противъ испанскаго короля турокъ; Филиппъ отдалъ приказаніе примѣрно и строго наказывать всякихъ распространителей папскихъ буллъ и, съ благословенія удалившагося отъ дѣлъ Карла V, приказалъ сдѣлать заемъ у Фуггера въ Антверпенѣ на военныя издержки, при чемъ герцогъ Альба велѣлъ перелить въ пушки колокола неаполитанскихъ монастырей и церквей. Такимъ образомъ Неаполь очутился между двухъ огней: испанцы обирали въ немъ деньги и колокола для военныхъ цѣлей, а турецкій флотъ, остановившись передъ городомъ, захватилъ изъ Сорренто тысячу пятьсотъ плѣнныхъ и цѣлый дѣвичій монастырь, а затѣмъ отбылъ въ Триполи. Ни французы, ни турки не могли завоевать для Италіи побѣды. Какъ и въ другія войны, Италія явилась, по старой поговоркѣ, «могилой французовъ», и они были рады, когда могли бѣжать изъ нея со своимъ главнокомандующимъ, герцогомъ Гизомъ, восклицавшимъ въ отчаяніи, что, «должно-быть, самъ Господь сталъ испанцемъ». Турки, въ свою очередь, не только не помогли Италіи, но еще хуже, чѣмъ всякіе враги, разорили

[1]) *Forneron*, t. I. pp. 129—138.
[2]) *Prescott*, t. I. pp. 149—150.

сей. Въ результатѣ оказалось, что неаполитанское королевство, помимо опустошенія его границъ, бывшихъ театромъ войны, осталось обремененнымъ долгами, которые легли на шею послѣдующимъ поколѣніямъ [1]). Италія, и послѣ окончанія войны Филиппа съ Павломъ, продолжала страшно страдать каждый разъ, когда Испанія воевала съ турками, цѣлыя селенія отводились въ плѣнъ, безчисленное множество ребятъ похищалось и обращалось въ евнуховъ, въ рабовъ, въ магометанство [2]). Сбросить съ себя иго она уже не могла, не смѣла, не желала, какъ блудница, дошедшая до послѣдней степени нравственнаго паденія, и папа Павелъ IV съ горечью жаловался въ концѣ своей жизни венеціанскому посланнику на упадокъ національной гордости. «Каковы бы ни были чувства другихъ людей,—говорилъ этотъ старецъ:—я все же желаю служить моей странѣ. Если мой голосъ и не будетъ услышанъ, то я по крайней мѣрѣ буду имѣть утѣшеніе въ сознаніи, что я поднималъ его для защиты такого великаго дѣла, и буду думать, что когда-нибудь люди скажутъ, что хоть одинъ итальянецъ, старикъ, стоявшій на краю могилы и, повидимому, долженствовавшій думать только о своемъ покоѣ и оплакивать свои грѣхи, былъ преисполненъ славныхъ плановъ» [3]). Дѣйствительно, въ то время въ Италіи объ этихъ планахъ думали немногіе...

Италія, находившаяся подъ давленіемъ чужеземцевъ и перестрадавшая къ тому же чуму 1576 года, которая унесла въ могилы до шестисотъ тысячъ народу и съ которой такъ самоотверженно боролся Карлъ Барромео, переносила въ эту эпоху и отъ своихъ собственныхъ властей самыя суровыя преслѣдованія за каждую новую или смѣлую мысль. Напуганное реформаціей католичество, не дѣлая никакихъ попытокъ къ обновленію, только подвергало строгому пересмотру каждую книгу, и инквизиторы работали неутомимо въ погонѣ за еретиками. Начался упадокъ въ литературѣ, въ истинной поэзіи и на ея мѣсто водворилась глубокая безнравственность, которая такъ ярко сказалась въ грязныхъ произведеніяхъ Піетро Аретино и въ новелахъ Банделло, людей, поощряемыхъ папами. Самъ Торквато Тассо, уже боящійся инквизиціи на землѣ и ада за гробомъ, старается въ своемъ «Завоеванномъ Іерусалимѣ» истребить все язы-

---

[1]) *Prescott*, t. I, pp. 182, 197.
[2]) *Pomeron*, t. I, pp. 73—82, 352.
[3]) *Prescott*, t. I, p. 200.

ческое, все свѣтское и доходитъ до умопомѣшательства [1]). Но среди упадка не все еще замерло: итальянцы слышатъ, что на сѣверѣ Европы идетъ торжество реформаціи, что среди фламандскаго дворянства происходятъ заговоры противъ Испаніи, и вотъ то тутъ, то тамъ, появляются протестующіе голоса: въ области науки является Джіордано Бруно изъ Нолы и проповѣдуетъ такія вещи, что его признаютъ еретикомъ и въ концѣ концовъ сжигаютъ; въ области политики идетъ дѣятельная подземная работа тайнаго общества неаполитанцевъ и эти «бѣлые» — «los Bancos» — такъ пугаютъ Филиппа, что у него вырывается восклицаніе:

— Perdido tenemos el reino de Napoles — мы считаемъ потерянымъ неаполитанское королевство!

Но у него есть человѣкъ, начертившій себѣ девизомъ слова: «если прекрасно жить, то хорошо и умереть»; это холодный и жестокій герцогъ Оссуна. Онъ является въ Неаполь вице-королемъ, устрашаетъ дворянство угрозой напустить на него чернь, подавляетъ «бѣлыхъ» и потомъ казнитъ народъ, видя, что послѣдній оставленъ аристократіей. Затѣвается бунтъ для освобожденія заключенныхъ; отвѣтомъ на него служитъ повѣшеніе сорока человѣкъ: «Это была не болѣе какъ чернь, босоногая, едва одѣтая, ничтожная». Этимъ несчастнымъ нечего было и думать о борьбѣ на улицахъ Неаполя; они были страшнѣе въ горахъ. Fuoasciti или бандиты избрали изъ своей среды неаполитанскаго короля, Марко Берарди, котораго назвали Марконе. Онъ держался въ горахъ Калабріи, содержа гвардію въ шестьсотъ человѣкъ, онъ раздавалъ привилегіи, подписывалъ декреты, содержалъ секретарей. За нимъ явился Марко Сціарра въ Абруццахъ: онъ грабилъ города, раздѣлывался съ епископами, держалъ войско въ четыре тысячи человѣкъ; въ каждомъ селѣ у него были агенты, дававшіе совѣты народу; монахи нѣсколькихъ монастырей давали его людямъ пріютъ, спасая ихъ отъ испанцевъ, переносили депеши бандитовъ, продавали ихъ добычу [2]).

Въ такое-то тяжелое и смутное время недалеко отъ Таррента, въ знойной и плодородной, хотя нездоровой и часто страдающей отъ землетрясеній Калабріи пятаго сентября 1568 года у Джеронимо Мартелло, по прозвищу Кампанелла, одного изъ бѣднѣйшихъ обывателей города Стило,

---

[1]) *M. Philippson,* Geschichte der Neueren Zeit. Berlin, 1886, T. I, S. 524—525.

[2]) *Forneron,* t. III, pp. 282—283.

древняго Конзулинума, или, вѣрнѣе, въ предмѣстіи этого городка С. Біаджіо [1]), родился сынъ Джіованни Доменико. Имени этого ребенка, удивлявшаго учителей своими способностями, суждено было впослѣдствіи попасть въ словарь знаменитыхъ дѣтей, изданный ученымъ труженикомъ Адріеномъ Байэ [2]). Взрослымъ онъ былъ извѣстенъ, какъ ученый, мыслитель и поэтъ. Подъ старость, уже удалившись на покой въ монастырь, онъ давалъ мудрые политическіе совѣты даже такимъ людямъ, какъ знаменитый кардиналъ Ришелье, вспоминавшій о немъ съ благодарностью [3]). Блестящія способности, поэтическія произведенія, ученые труды, политическіе совѣты этого человѣка теперь давнымъ-давно уже забыты, но имя его тѣмъ не менѣе уцѣлѣло въ исторіи, благодаря его попыткѣ освободить свою родину отъ владычества пришлецовъ-испанцевъ и его плану создать на новыхъ началахъ новое государство. За попытку освободить свою родину Кампанелла заплатилъ очень дорогой цѣной, какъ мы увидимъ ниже, и ужасы перенесенныхъ имъ пытокъ заставили многихъ ученыхъ не только идеализировать его и считать наказаніе слишкомъ жестокимъ, но и признать Кампанеллу вообще «невинною жертвой», которую враги, будто бы безъ всякой виновности съ ея стороны, обвинили въ государственной измѣнѣ и ереси.

Такъ какъ виновность или невиновность Кампанеллы составляли до настоящаго времени спорный вопросъ въ ученомъ мірѣ, несмотря на цѣлую литературу, создавшуюся по этому предмету, то я долженъ болѣе или менѣе подробно коснуться этого вопроса, который разрѣшился только теперь, благодаря изысканіямъ профессора неаполитанскаго университета Амабиле, окончательно выяснившаго это дѣло.

X.

Семья Кампанеллы жила въ большой бѣдности и вовсе не принадлежала къ числу образованныхъ людей. Отецъ и братъ Кампанеллы были безграмотны и занимались сапожнымъ мастерствомъ, содержа съ трудомъ многочисленную семью. Одинъ только Джіованни Доменико, обнаруживши съ самаго дѣтства необыкновенную даровитость, былъ опредѣленъ въ школу. Здѣсь онъ обучался сначала грамматикѣ,

---

[1]) *M. Baldacchini.* Vita di Tommaso, Campanella. Napoli, 1847, p. 9.
[2]) *A. Baillet* (1649—1706). Les enfants célèbres par leurs écrits et leurs études. 1688.
[3]) *J. Michelet.* Richelieu et la fronde. Paris, 1858, p. 25.

потомъ логикѣ и физикѣ по системѣ Аристотеля. Онъ считался въ это время уже клирикомъ при церкви С. Біаджіо, а затѣмъ скоро надѣлъ и рясу доминиканскаго монаха подъ именемъ Томазо. Мальчикъ обращалъ на себя вниманіе преподавателей быстротою соображенія и феноменальною памятью, при чемъ могъ бы доставить и любопытный предметъ для наблюденій френолога семью рѣзко очерченными выпуклостями своего черепа, которыя онъ называлъ впослѣдствіи «семью холмами, даромъ Божіимъ». На тринадцатомъ году онъ такъ хорошо зналъ латинскій языкъ и правила стихосложенія, что легко излагалъ въ прозѣ и въ стихахъ все, что желали. Стиховъ въ эту пору жизни онъ писалъ очень много, и если они не носили еще слѣдовъ вдохновенія, то были вполнѣ правильны по формѣ [1]). Незадолго до окончательнаго поступленія Кампанеллы въ монашество вся его семья вмѣстѣ съ нимъ переселилась изъ Стило въ Стиньяно, избѣгая чумы, занесенной въ Мессину изъ Алжира. Онъ перенесъ здѣсь жестокую перемежающуюся лихорадку, которою страдалъ и въ болѣе раннемъ возрастѣ. Интересно замѣтить, какъ смотрѣли тогда на лѣченіе: по словамъ самого Кампанеллы, на первый разъ, съ позволенія ученаго богослова пріора Антоніо Запнавинья, была призвана знахарка, которая и вылѣчила мальчика; въ другой же разъ во время лома въ бедрѣ сочли нужнымъ обратиться къ ученому доктору; ученый докторъ пустилъ кровь изъ руки больного,—рука потеряла способность движенія; тогда докторъ пустилъ кровь изъ ноги больного,—съ ногой сдѣлалось то же [2]). Для поступленія Кампанеллы въ монашество въ юномъ возрастѣ было нѣсколько причинъ: въ числѣ учителей мальчугана былъ одинъ доминиканскій монахъ, преподававшій Кампанеллѣ логику; мальчикъ слушалъ, между прочимъ, его проповѣди и былъ такъ увлеченъ его краснорѣчіемъ, что сталъ мечтать о роли проповѣдника, затѣмъ, начитавшись книгъ о жизни Альберта Великаго и Ѳомы Аквината, онъ страстно жаждалъ идти по ихъ слѣдамъ [3]). Рѣшеніе было принято, но торопиться его исполненіемъ заставилъ особый случай: отецъ молодого Кампанеллы рѣшился отослать сына въ Неаполь подъ ученое руководство своего брата, Джуліо Чезаре Кампанеллы,

---

[1]) *Th. Rixner und Th. Sieber.* Leben und Lehrmeinungen berühmter Physiker. Sultzbach. 1826. Th. VI, S. 3.

[2]) *Ibid.*, S. 4.

[3]) *Baldacchini*, p. 23.

преподавателя гражданскаго и уголовнаго права. У молодого Кампанеллы вовсе не было желанія изучать юриспруденцію, и онъ поспѣшилъ вступить въ монастырь. Потерялъ онъ, конечно, немного въ научномъ отношеніи, такъ какъ Джуліо Чезаре былъ въ то время однимъ изъ тѣхъ не оставлявшихъ слѣда въ наукѣ преподавателей, которые, еще не добившись ученой степени доктора, давали, безъ всякаго права на это, ради куска хлѣба, частные уроки и читали лекціи, рискуя подвергнуться серьезному взысканію по требованію присяжныхъ ученыхъ. Въ какомъ монастырѣ произнесъ Кампанелла монашескій обѣтъ—это вопросъ не рѣшенный: по всей вѣроятности, юноша переходилъ изъ одного монастыря въ другой уже въ очень раннемъ возрастѣ [1]). Достовѣрно извѣстно только то, что въ С. Джіорджіо онъ въ присутствіи многочисленныхъ гражданъ и поселянъ произнесъ привѣтственную рѣчь въ формѣ «героическихъ стиховъ саффическаго размѣра» въ честь новаго владѣльца помѣстья синьора Джіакомо Милано, женатаго на Изабеллѣ дель Туфо, а также составилъ множество стиховъ и надписей для тріумфальныхъ арокъ и для монастырской церкви. Эти надписи сохранялись долгое время [2]). Фамилія дель Туфо встрѣчается здѣсь впервые въ жизни Кампанеллы и, вѣроятно, только съ этого времени начинаются его близкія отношенія къ этой семьѣ. Кругъ его знакомыхъ начинаетъ расширяться: при переходѣ въ Никастро, гдѣ онъ продолжалъ учиться, онъ сошелся особенно близко съ молодыми монахами-студентами, Діонизіо Понціо и его двумя братьями Ферранте и Піетро, а также съ Джіованни Бантисто Инцони. Недовольство и броженіе, какъ я уже говорилъ, въ Калабріи было повсемѣстное, и въ головахъ умной и страстной молодежи, окружавшей Кампанеллу, бродили мысли о лучшей будущности для родины — мысли, носившіяся тогда въ воздухѣ именно въ этой мѣстности. Кампанелла, выросшій среди живописной и въ то же время дикой природы Калабріи, этомъ вѣчномъ пріютѣ бандитовъ, страстный по натурѣ, рожденный въ бѣдности, скитавшійся изъ мѣста въ мѣсто, якшавшій съ народомъ и съ молодежью, никогда не жившій ни отшельникомъ, ни аскетомъ, наслушавшійся множества толковъ недовольныхъ испанцами, не могъ остаться чуждымъ злобѣ дня. Одинъ изъ его друзей свидѣтельствовалъ во время процесса, что, по словамъ самого обви-

[1]) *Amabile.* Fra Tommaso Campanella. Napoli. 1882. T. I. p. 7.
[2]) *Th. Rixner und Th. Sieber,* S. 5.

няемаго, «онъ подумывалъ о лучшемъ будущемъ для родины еще на своемъ четырнадцатомъ году и тогда же довѣрялъ это своему товарищу, фра Діонизіо». Въ характерѣ дюжаго по сложенію, круглолицаго и румянаго Кампанеллы въ эту пору уже рѣзко сказываются его боевыя наклонности, его стремленія къ протесту. Еще въ С. Джіорджіо онъ вступалъ въ горячіе ученые споры со своими наставниками, и они не находили въ себѣ достаточнаго запаса логики и знаній, чтобы побѣдить его аргументацію. Въ Никастро боевое настроеніе пытливаго ума развилось еще болѣе и даже создало ему не мало враговъ между схоластиками, признававшими авторитетъ только одного Аристотеля. Его стали обвинять въ томъ, что онъ слѣдуетъ Бернардину Телезію, котораго называли развращеннымъ и отверженнымъ за то, что онъ опровергалъ нѣкоторыхъ философовъ и преимущественно Аристотеля. Дѣйствительно Бернардино Телезіо [1]), учившій въ Падуѣ, Римѣ и Неаполѣ, гдѣ онъ основалъ, понынѣ существующую, Телезіанскую академію, отвергалъ Аристотелевскую физику и старался основать зиждущуюся на опытѣ натуръ-философію. Его сочиненіе «De natura» появилось уже въ 1568 году въ неполномъ видѣ въ Римѣ, а затѣмъ въ полномъ изданіи въ 1586 году въ Неаполѣ [2]). «Я очень обрадовался тому, что у меня есть сотоварищъ по мысли и руководитель,—пишетъ Кампанелла:—сотоварищъ, по которому я могъ провѣрять свои сужденія и оправдать ихъ въ глазахъ другихъ. Я отправился тотчасъ же въ Козенцу и добылъ книгу Телезія отъ одного ученаго мужа, его послѣдователя. Едва прочтя первую главу сочиненія, я понялъ уже напередъ все, что̀ заключалось въ послѣдующихъ, благодаря строгой логичности построенія, не грѣшащаго, какъ у Аристотеля, безсвязностью или даже противорѣчіемъ между правилами и заключеніями. Но пока я находился здѣсь, великій Телезій скончался, и мнѣ пришлось увидать его только въ гробу»... Въ другомъ мѣстѣ Кампанелла разсказываетъ еще подробнѣе тѣ же факты, упоминая и объ элегіи, написанной имъ на смерть высокочтимаго имъ философа. Козенца была не то, что С.-Джіорджіо: она принадлежала къ числу тѣхъ итальянскихъ городовъ, гдѣ тогда болѣе или менѣе процвѣтала наука, поддерживаемая

[1]) Род. 1508 г. въ Козенцѣ въ Нижней Калабріи, гдѣ и умеръ въ 1588 году.

[2]) *Th. Rixner und Sieber.* Leben und Lehrmeinungen berühmter Physiker. Sultzbach. 1821. III Heft.

разными владѣтельными князьями. Эта родина знаменитаго Телезія ничѣмъ не напоминала скромные маленькіе городки, гдѣ бывалъ прежде Кампанелла. Когда Кампанелла попалъ сюда, его умъ былъ уже всецѣло поглощенъ не богословскими науками, а философіей, онъ занимался гораздо болѣе мнѣніями свѣтскихъ ученыхъ, чѣмъ библіей и святыми отцами. Полагая, что въ ученіи перипатетиковъ, которыми ему приходилось заниматься до этой поры, не все истина, что тутъ много ошибокъ и искаженій, онъ прочелъ въ Козенцѣ всѣхъ доступныхъ ему греческихъ, латинскихъ и арабскихъ комментаторовъ Аристотеля, обращая по преимуществу вниманіе на то, насколько сама природа въ ея живой дѣйствительности соотвѣтствуетъ этимъ ученіямъ. Платонъ и Плиній, Галенъ и стоики, послѣдователи Демокрита и представитель новой философіи Телезій,—все было имъ прочитано и связано съ книгою книгъ—природой—«cum mundi, codice primario, originali et autographo». Насколько разъѣдали его душу тяжелыя сомнѣнія, это видно изъ того, что онъ тогда уже говорилъ: «Я даже сомнѣваюсь, былъ ли Карлъ Великій, какимъ его рисуютъ народныя преданія и романцеро, въ дѣйствительности». Нѣкоторые біографы предполагаютъ, на основаніи не совсѣмъ ясныхъ словъ самого Кампанеллы, что онъ былъ посланъ въ Козенцу своимъ монастыремъ для публичнаго диспута съ францисканцами, что онъ воспользовался этимъ для полученія книги Телезія, но не былъ допущенъ до свиданія съ этимъ ученымъ тѣмъ же духовнымъ начальствомъ, которое препроводило его затѣмъ посѣщно въ Алтомонте въ Верхніе Абруццы. Но причиною этого отъѣзда были скорѣе другія обстоятельства: отчасти возможность добыть другія философскія книги отъ своихъ друзей, врачей Кастровиллари и Рольяно и другихъ лицъ, принадлежавшихъ, какъ и Телезій, къ антиперипатетикамъ и побудившихъ Кампанеллу написать его «*Philosophia sensibus demonstrata*» въ опроверженіе тяжеловѣсной книги Антоніо Марта, защитника Аристотеля, издавшаго плодъ своего одиннадцатилѣтняго труда подъ названіемъ «Propugnaculum Aristotelis» [1]). Кампанелла посвятилъ на свое сочиненіе семь мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Алтомонте, при чемъ ему удалось познакомиться здѣсь съ нѣкоторыми знатными лицами и снискать ихъ расположеніе. Между ними былъ Маріо дель Туфо, который пріютилъ у себя въ Неаполѣ Кампанеллу во время печатанія вышеназваннаго его сочиненія. «Читатели нашего

[1]) *Amabile*, I, p. 15.

времени,—замѣчаетъ Балдакини:—не могутъ себѣ составить вполнѣ яснаго понятія о томъ, какія опасности грозили тому, кто осмѣливался идти противъ ученія перипатетиковъ [1])». И дѣйствительно, уже съ этой поры для Кампанеллы начинаются непріятности. Въ разсказахъ объ этомъ времени Кампанелла говоритъ о врагахъ, старавшихся очернить его передъ отцомъ провинціаломъ, Піетро Понціо, дядею его друзей. Эти происки не достигли цѣли, но Понціо былъ скоро смѣненъ, и его мѣсто заступилъ отецъ Сильвестръ изъ Алтомонте. Былъ ли этотъ послѣдній тѣмъ преслѣдующимъ его начальникомъ, о которомъ часто повторяетъ Кампанелла, остается невыясненнымъ, какъ вообще затемнено имъ дѣло о его выѣздѣ изъ Козенцы, относительно котораго онъ только намекаетъ на какія-то «тяжелыя времена и затруднительнѣйшія обстоятельства»... Существуетъ сказаніе, основанное на разсказѣ одного школьнаго товарища Кампанеллы, по которому будто бы Кампанелла былъ въ самой ранней юности грубъ и неразвитъ до смѣшного, но, познакомясь съ однимъ еврейскимъ раввиномъ и проведя съ нимъ только одну недѣлю за изученіемъ кабалы, сталъ ученѣйшимъ мужемъ [2]). Въ этой сказкѣ кроется часть истины: не недѣлю, а нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ Кампанелла на изученіе тайныхъ наукъ, и не въ ранней юности, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, именно во время его бытности въ Козенцѣ и Алтомонте. Это обстоятельство вызвало убѣжденіе не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ въ его общеніи съ духами и пріобрѣтеніи изумительной учености отъ дьявола. Этимъ понятнѣе объясняется та общая ненависть противъ него, которую онъ старается приписать одному своему несогласію съ Аристотелемъ. Лѣтъ за десять до начала процесса Кампанеллы, въ Козенцу прибылъ странствующій еврей, приблизительно лѣтъ тридцати, по имени Авраамъ; онъ былъ высокъ ростомъ, довольно полный, блѣдный, съ рѣдкою бородой, голубыми глазами; умѣлъ угадывать прошедшее, настоящее и будущее, называя себя астрологомъ, некромантомъ, вызывателемъ духовъ. Многіе въ Козенцѣ старались съ нимъ познакомиться, зазывали его къ себѣ обѣдать, такъ что онъ жилъ на счетъ своихъ поклонниковъ. Онъ проникъ въ доминиканскій монастырь, увидалъ фра Томазо Кампанеллу, сошелся съ нимъ и сдѣлалъ его скоро предметомъ своихъ предсказаній, при чемъ предвѣщалъ, что «быть ему власти-

[1]) *Baldacchini*, p. 40.
[2]) *Cyprianus*. Vita Campanella. 1741, p. 4.

тѣломъ вселенной»... Какъ видно, ученѣйшій фра Томазо слишкомъ коротко сблизился съ евреемъ, встрѣчался съ нимъ въ обществѣ и наединѣ, что не могло не привлечь на себя вниманія духовнаго начальства. Его выслали въ Алтомонте, еврей послѣдовалъ за нимъ, и сношенія ихъ не прекращались. Когда Кампанелла снова воротился въ Козенцу, тамъ уже господствовалъ слухъ о его намѣреніи покинуть монашество и уѣхать вмѣстѣ съ евреемъ въ Неаполь. Настоятель алтомонтскаго монастыря сталъ укорять Кампанеллу; этого было довольно, чтобы вспыльчивый Кампанелла рѣзко отвѣтилъ, что онъ и точно сниметъ рясу, потому что надѣлъ ее, будучи еще малолѣтнимъ. Однако, онъ не исполнилъ этого, а только уѣхалъ въ Неаполь,—самовольно или съ надлежащаго разрѣшенія, осталось неизвѣстнымъ, но, по общей молвѣ, онъ отправился не одинъ, а все съ тѣмъ же евреемъ, который впослѣдствіи былъ, какъ говорила молва, казненъ, по однимъ свидѣтельствамъ, въ Неаполѣ, какъ турецкій шпіонъ, по другимъ,—въ Римѣ, какъ еретикъ [1]). Все это подтвердилось во время процесса совершенно добровольнымъ разсказомъ фра Діонизіо Понціо, который, спрошенный неожиданно, передалъ, что «дядя его, бывшій отцомъ-провинціаломъ въ Калабріи, писалъ ему въ Неаполь, чтобы онъ не водился съ Кампанеллой, бѣжавшимъ изъ Калабріи съ однимъ проходимцемъ-евреемъ, что послужило къ немалому соблазну». Послѣ этого становятся понятными «затрудненія и тяжелыя времена», о которыхъ говоритъ фра Томазо, и необходимость для него искать себѣ защитниковъ въ лицѣ такого энергичнаго человѣка, какимъ былъ Маріо дель Туфо, баронъ Аквафромоза и искусные въ адвокатской діалектикѣ Кастровиллари и Роліона, потому что дѣло шло уже не объ опроверженіи Аристотеля, а объ оправданіи себя въ вѣроотступничествѣ и сношеніяхъ съ чернокнижникомъ. Вообще, знакомясь близко и подробно съ характеромъ юнаго Кампанеллы, невольно вспоминаешь того удальца-монаха, про отвѣтъ котораго поется въ новогреческой пѣснѣ:

«Разстригутъ? Клобукъ свой сброшу,
Алый фесъ надѣну я...»

Прибывъ въ Неаполь въ концѣ 1589 г., какъ разсчитываетъ Амабиле, или въ 1591 г., какъ говорятъ Берти и другіе біографы [2]), Кампанелла тотчасъ же заставилъ гово-

---

[1]) *Amabile*, I, p. 20.
[2]) *Ibid.*, I, p. 22.

рить о себѣ. Вступивъ въ городъ, онъ увидалъ у церкви св. Маріи, принадлежавшей францисканцамъ, большую толпу народа, узналъ, что тутъ происходитъ публичный диспутъ, вошелъ въ храмъ, вступилъ въ споръ, побѣдилъ противниковъ и былъ отнесенъ съ торжествомъ въ доминиканскій монастырь. Этотъ анекдотъ очень правдоподобенъ, если принять во вниманіе нравы времени и характеръ самого вѣчно увлекающагося Кампанеллы. Подобныя публичныя состязанія ученыхъ богословъ или философовъ были въ обычаѣ и намеки на происходившее въ церкви св. Маріи находятся въ «Политической бесѣдѣ противъ лютеранъ и кальвинистовъ» Кампанеллы, равно какъ въ другихъ его сочиненіяхъ. На основаніи архивныхъ документовъ видно, что эти диспуты происходили въ тѣ времена въ церквахъ, а не въ монастыряхъ, какъ утверждаетъ Балдакини [1]), и, большею частью, по воскреснымъ днямъ послѣ полудня. О мѣстѣ и часѣ такого словеснаго турнира возвѣщалось особыми рукописными или печатными афишами, которыя расклеивались по стѣнамъ и заборамъ; на афишѣ значились имена диспутантовъ, поддерживаемые ими тезисы и пр. Затѣмъ появлялись другія афиши за подписью предсѣдательствовавшаго на диспутѣ или профессоровъ-экспертовъ, которые свидѣтельствовали о побѣдѣ того или другого изъ состязавшихся, или о томъ, что обѣ стороны блистательно защитили свои положенія.

Странно, повидимому, что Кампанелла, скомпрометировавшій себя въ Козенцѣ, поселился въ Неаполѣ снова у доминиканцевъ, какъ бы пренебрегая дальнѣйшими преслѣдованіями; но вся административная система той эпохи представляетъ собою такую смѣсь крайней слабости съ крайнею строгостью, что онъ могъ разсчитывать на безопасность въ виду той свободы и даже распущенности, которая господствовала въ монастыряхъ. Папскій нунцій Альдобрандини писалъ въ Римъ о необходимости обуздать распутство и своеволіе монаховъ, между которыми вели себя неприличнѣе всѣхъ доминиканцы. Получивъ разрѣшеніе отъ папы, нунцій выселилъ ихъ изъ одного монастыря, въ который ввелъ шестьдесятъ другихъ монаховъ того же, но реформированнаго ордена, отличавшихся болѣе строгимъ образомъ жизни. Однако, не прошло и недѣли, какъ изгнанные монахи воротились съ оружіемъ и подмогою изъ другихъ монастырей, взяли штурмомъ свое прежнее жилище, выгнали изъ него

[1]) *Baldacchini*, p. 38.

новую братію и заперлись въ монастырскихъ стѣнахъ, превративъ монастырь въ настоящую крѣпость: они баррикадировали окна и двери, запаслись продовольствіемъ на полгода и стали звонить въ колокола, возбуждая народъ и часть дворянъ въ свою пользу. Вице-король растерялся, не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, а торжествующіе монахи продержались въ засадѣ три мѣсяца, отъ 1 апрѣля 1595 года до 22 іюня, послѣ чего добровольно отворили монастырскія ворота, насмѣявшись не только надъ нунціемъ, но и надъ самимъ его святѣйшествомъ. Папа потребовалъ присылки отъ нихъ двухъ депутатовъ для объясненія инцидента, настаивая, однако, на томъ, чтобы они очистили монастырь и впустили монаховъ, набранныхъ изъ другихъ четырехъ обителей, но мятежные святые отцы не исполнили ни одного изъ этихъ приказаній, а вице-король не посмѣлъ употребить свѣтскую силу для понужденія ихъ къ покорности передъ папой. Подобныхъ эпизодовъ было не мало и впослѣдствіи, во время всей нунціатуры Альдобрандини [1]). Кампанелла скоро переселился къ Маріо дель Туфо; онъ часто видался съ фра Діонизіо Поццо, который держалъ сторону доминикапцевъ, и часть нерасположенія, падавшаго на Діонизіо, отразилась и на Кампанеллѣ. Незначительное обстоятельство имѣло, можетъ-быть, важное вліяніе на его участь: нѣкто фра Марко, впослѣдствіи епископъ торпейскій, предложилъ предоставить право голоса въ извѣстныхъ вопросахъ однимъ студентамъ неаполитанскаго происхожденія. Отчужденные студенты рѣшили жаловаться папѣ и выбрали при этомъ своимъ депутатомъ фра Діонизіо. Это усилило уже существовавшую между нимъ и фра Марко вражду, подкрѣпляемую тѣмъ фактомъ, что Марко былъ настоятелемъ того монастыря, нѣкоторые монахи котораго были возвращены на мѣсто доминикапцевъ и потомъ прогнаны ими. Этотъ-то фра Марко былъ посланъ потомъ комиссаромъ въ Калабрію при обвиненіи Кампанеллы и его сообщниковъ.

Синьоры дель Туфо, покровители Кампанеллы, были, какъ и большинство дворянъ того времени, если не особенно образованными, то способными цѣнить знаніе. Имъ нравился молодой ученый, успѣвшій уже пріобрѣсти извѣстность своею горячею защитою Телезія, котораго они лично весьма уважали, и другими сочиненіями, обличавшими его замѣчательныя способности. Маріо дель Туфо поручилъ ему обра-

[1]) *Amabile*, I, p. 27.

зованіе своего старшаго сына и познакомилъ его со многими изъ своихъ родственниковъ и друзьями, которые и были впутаны потомъ въ калабрійскіе процессы. Между такими лицами особенно отличались братья делла Порта, чрезвычайно образованные покровители наукъ и искусствъ. Домъ ихъ съ богатою библіотекою и самыми рѣдкими коллекціями статуй, рѣзныхъ камней, медалей посѣщался почти обязательно всѣми пріѣзжими иностранцами, писателями, художниками, хотя сами делла Порта не были богаты и почти всѣ свои доходы тратили на пріобрѣтеніе рѣдкихъ книгъ и вещей. Особенною ученостью отличался второй братъ делла Порта, Джіованни Баптистіо, ученикъ извѣстнаго Пизано, сдѣлавшій нѣсколько открытій по части физики, содѣйствовавшій усовершенствованію подзорной трубы, камеръ-обскуры. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей. Никогда не унижался онъ до перебранокъ со своими завистниками и врагами. Онъ прожилъ всю жизнь холостякомъ, не желая, чтобы новыя привязанности стали между нимъ и его нѣжно любимымъ имъ братомъ. Согласно духу времени, онъ славился между современниками преимущественно своими познаніями въ астрологіи, въ составленіи гороскоповъ, и именно поэтому его такъ усердно приглашали къ себѣ кардиналъ д'Эсте и другія знатныя лица. Великій герцогъ тосканскій присылалъ къ нему своего врача Шунто для изученія «тайнъ»; герцогъ мантуанскій посѣщалъ его съ той же цѣлью; наконецъ, самъ императоръ Рудольфъ II велъ съ нимъ переписку и отправилъ къ нему своего капеллана Германіо съ просьбою прислать къ его двору какого-нибудь своего ученика, свѣдущаго въ тайныхъ наукахъ [1]). Кампанелла, мечтавшій о новой философской системѣ на экспериментальныхъ началахъ и увлекаемый страстью ко всему чудесному, не могъ не привязаться къ такому человѣку. Частыя бесѣды съ нимъ побудили молодого монаха написать свое извѣстное *Sensu rerum*. Въ этомъ сочиненіи ясно сказывается вліяніе делла Порты: здѣсь Кампанелла говоритъ, что въ юности онъ не вѣрилъ въ астрологію, возставалъ даже противъ нея, а теперь убѣдился, что среди многихъ нелѣпостей эта наука включаетъ великія истины. Въ четвертой части «Магіи» онъ уже прямо упоминаетъ имя делла Порты. Тѣмъ не менѣе при всей вѣрѣ въ чудесное, Кампанелла явно ищетъ основы ему въ законахъ

1) *Michaud.* Biographie universelle Paris. C. Desplaces. T. XXXIV, p. 124—125.

природы, расходясь въ этомъ съ другими писателями той эпохи.

Во время этихъ литературныхъ занятій и научныхъ бесѣдъ съ друзьями, Кампанелла былъ неожиданно вынужденъ отправиться въ Римъ. Причиной этого путешествія послужила одна изъ тѣхъ выходокъ, на которыя всегда былъ способенъ удалой монахъ. Въ Неаполѣ онъ посѣщалъ нерѣдко монастырь св. Доминика, обладавшій богатою библіотекою. Передъ самымъ входомъ въ библіотеку на стѣнѣ небольшой прихожей находится и понынѣ высѣченный на камнѣ указъ папы Пія V, грозящій отлученіемъ отъ церкви всякому, кто дерзнетъ безъ разрѣшенія папы или, по мѣньшей мѣрѣ, отца-провинціала, брать и уносить книги изъ библіотеки. Глумясь надъ этимъ указомъ, Кампанелла, вообще любившій грубоватыя шутки, сказалъ при свидѣтеляхъ:

— Com'e questa scomunica? Si mangia? Что это за отлученіе? Ѣдятъ его, что ли?... [1]).

На другой же день онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу въ домѣ нунція. Впослѣдствіи, при процессѣ, возникшемъ по обвиненію Кампанеллы въ ереси, главнымъ свидѣтелемъ по вышесказанной его выходкѣ явился товарищъ Кампанеллы по ученію, фра Франческо Мерлино, который говорилъ кстати о сношеніяхъ обвиняемаго съ евреемъ и о томъ, что онъ, по слухамъ, былъ такъ ученъ не по дѣйствительному прилежанію, а благодаря колдовству, чему онъ, Франческо, впрочемъ, не вѣрилъ, потому что зналъ, какими способностями былъ надѣленъ Кампанелла съ самой юности. При судѣ по поводу вышеприведенныхъ нечестивыхъ словъ, Кампанелла обвинялся тоже въ имѣніи своего духа для послугъ—avere spiriti sorpa. Несмотря на завѣсу, прикрывающую это дѣло, нѣкоторыя данныя позволяютъ воспроизвести его общую картину. Юрисдикціи папскаго нунція подлежали общіе проступки монаховъ и другихъ духовныхъ лицъ, напримѣръ, рыцарей Іерусалимскаго ордена, причислявшихъ себя тоже къ духовенству и извѣстныхъ крайнею распущенностью нравовъ; тоже клириковъ-приставодержателей, укрывавшихъ у себя разныхъ бѣглецовъ, и т. п. Но въ дѣлахъ, касающихся вѣры, составъ судилища увеличивался мѣстнымъ викаріемъ и комиссаромъ отъ центральнаго инквизиціоннаго трибунала. Разобравъ дѣло, судьи должны были посылать его въ Римъ и, уже по полученіи

---

[1]) *Amabile*, I, p. 45.

его обратно, произносили приговоръ именемъ папы. Случалось и такъ, что самого обвиняемаго вызывали въ Римъ вмѣстѣ съ его дѣломъ, «чѣмъ нунцій и оставался доволенъ, въ виду недостаточности тюремныхъ помѣщеній въ его дворцѣ» и необходимости часто просить вице-короля о перемѣщеніи наиболѣе важныхъ арестантовъ въ Кастельнуово. Особая фелука подъ командою капитана Винченцо Сгуэлла служила для транспорта заключенныхъ изъ Неаполя въ Римъ, и на ней былъ отправленъ скованный Кампанелла. Подробности этого перваго процесса неизвѣстны; несомнѣнно лишь то, что Кампанелла былъ присужденъ «къ отреченію отъ своихъ заблужденій» и что это происходило въ 1591 г. Послѣ того онъ прожилъ еще годъ въ Римѣ, вѣроятно, на эшитеміи въ какомъ-нибудь монастырѣ, согласно обычаю того времени, и затѣмъ перебрался въ Тоскану. Неизвѣстно, подвергался ли онъ пыткѣ, хотя это можно предположить, потому что церемоніи отреченія отъ ереси всегда предшествовала пытка; а Кампанелла, какъ видно изъ писемъ нунція и другихъ свидѣтельствъ, судился не за одну свою дерзкую выходку, но «за многія еретическія понятія». Въ это самое время папа Клементъ VIII, по настоянію инквизиціи, включилъ въ число вреднѣйшихъ сочиненій три книги Телезія; Кампанелла же былъ отъявленнымъ телезіанцемъ, такъ что опасность могла угрожать ему и съ этой стороны. Кампанелла не могъ оставаться бездѣятельнымъ и написалъ за годъ своего пребыванія въ монастырѣ въ Римѣ нѣсколько философскихъ и медицинскихъ сочиненій: «*Della filosofia di Empedocle*», «*De insomniis*», «*De sphera Aristarchi*» и пр. Кампанелла не оставался безъ друзей въ Римѣ; особенно покровительствовалъ ему одинъ родственникъ семьи дель Туфо, Леліо Орсини; неудивительно поэтому, если Кампанелла былъ обязанъ ему относительно счастливымъ исходомъ своего дѣла и самымъ выѣздомъ изъ Рима. Маріо дель Туфо или Леліо Орсини хлопотали о томъ, чтобы доставить Кампанеллѣ каоедру философіи въ Пизѣ, и великій герцогъ относился благосклонно къ этому ходатайству. Онъ принялъ очень ласково фра Томазо, совѣтовалъ ему забыть о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергли его злые люди, снабдилъ его небольшими деньгами и приказалъ своему секретарю испросить письменно для Кампанеллы отъ его духовнаго начальства позволеніе заняться профессурой въ пизанскомъ университетѣ и печатать свои сочиненія. Баччіо Валори, въ вѣдѣніи котораго была Палатин-

ская библіотека, допустилъ Кампанеллу къ ея обозрѣнію по распоряженію великаго герцога и отзывался самымъ лестнымъ образомъ о познаніяхъ молодого человѣка. «Онъ создастъ совершенно новую систему философіи», писалъ Валори къ Узимбарди, рекомендовавшему ему фра Томазо отъ имени великаго герцога. При посѣщеніи библіотеки, Кампанелла спорилъ съ двумя учеными о самыхъ тонкихъ предметахъ и поразилъ всѣхъ своими познаніями и умомъ, если не успѣлъ убѣдить, потому что онъ не уважаетъ Аристотеля. Эти ученые были, какъ можно предполагать, Ферранте Росси и падре Медичи, который доказывалъ, что и животныя воскреснутъ и получатъ свое воздаяніе по дѣламъ своимъ въ день послѣдняго Суда. Кампанелла говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Я спорилъ съ однимъ ученымъ флорентійцемъ насчетъ воскресенія звѣрей, которое онъ выводитъ изъ изреченія ап. Павла. Я доказывалъ, что оскорбительно для святыни предположить, что всякая муха и тля тоже возстанутъ къ славѣ Божіей и что, наконецъ, земли нашей не хватитъ для помѣщенія всѣхъ существъ... Онъ началъ сдаваться» [1]). Упоминая о неуваженіи Кампанеллы къ Аристотелю и его поклоненіи Телезію, Валори давалъ понять среди своихъ похвалъ, что лучше не связываться слишкомъ тѣсно съ молодымъ ученымъ, презиравшимъ признанный всѣми авторитетъ Аристотеля и скомпрометировавшимъ себя противъ Рима своимъ поклоненіемъ Телезію. Такимъ образомъ вражда къ Аристотелю повредила и здѣсь Кампанеллѣ. Впрочемъ, и безъ вражды къ Аристотелю Кампанелла едва ли могъ приглянуться Валори въ качествѣ кандидата на профессорскую каѳедру... Понявъ свое положеніе, Кампанелла отблагодарилъ великаго герцога за его милости, выразилъ свою надежду на нихъ и впослѣдствіи повторилъ то же синьору Узомбарди и отправился въ Падую, но остановился въ Болоньѣ, гдѣ начались снова его невзгоды. Главный начальникъ доминиканскаго ордена, отецъ Ипполито Беккаріа, отвѣчалъ великому герцогу на его письмо, что «изъ желанія угодить его свѣтлости», онъ разсмотритъ вновь сочиненія фра Томазо Кампанеллы и допуститъ ихъ къ напечатанію, если въ нихъ не окажется ничего противнаго постановленіямъ трентскаго собора... Въ этомъ отзывѣ сказывалось желаніе угодить великому герцогу, вмѣстѣ съ намѣреніемъ оградить себя самого отъ отвѣтственности,—мо-

[1]) *Ibid.*, I, p. 61. Примѣчаніе (a).

жетъ-быть, даже открыть новыя еретическія воззрѣнія въ заподозрѣнныхъ сочиненіяхъ. «Въ бытность мою въ Болоньѣ,— разсказываетъ Кампанелла,—у меня отобрали всѣ книги и нѣкоторые латинскіе стихи, не лишенные достоинства, равно какъ и первый томъ «Физіологіи», включавшій диспуты противъ разныхъ сектъ и за которымъ должны были слѣдовать уже задуманные мною еще девятнадцать томовъ...» «Всѣ книги, взятыя у меня въ Болоньѣ, были найдены мною въ инквизиціи въ Римѣ, гдѣ я ихъ запрашивалъ, но не требовалъ обратно, желая передѣлать ихъ къ лучшему...» Прибывъ въ Падую осенью 1592 года, Кампанелла остановился въ монастырѣ св. Августина, какъ онъ вспоминаетъ о томъ самъ въ своемъ письмѣ къ Галилею. Замѣчательно, что онъ выдавалъ себя въ Падуѣ за испанца, а не за калабрійца, объясняя это впослѣдствіи, при своемъ содержаніи въ неаполитанской тюрьмѣ, своею преданностью Испаніи. Въ студенты и лекторы въ падуанскихъ училищахъ записывались по націямъ и весьма можетъ быть, что пріобрѣтеніемъ испанскихъ матрикулъ Кампанелла разсчитывалъ выиграть что-либо въ денежномъ или учебномъ отношеніи. Но онъ вскорѣ былъ замѣшанъ снова въ очень непріятное дѣло. Черезъ трое сутокъ по его прибытіи въ падуанскій монастырь случилось крайне скандальное происшествіе изъ числа обычныхъ между распущенной и развращенной монашеской молодежью того времени, какъ говоритъ самъ Кампанелла. Отецъ-настоятель подвергся грубому насилію, che non occore specificare, какъ говоритъ Амабиле [1]), и Кампанелла былъ привлеченъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ прочею развратничавшею братіею. Въ письмахъ своихъ Кампанелла говоритъ о несправедливости взведеннаго на него обвиненія и нѣсколько наивно замѣчаетъ, что стоитъ только взглянуть на его лицо, чтобы не повѣрить обвиненію [2]). Но, разумѣется, не взглядъ на его лицо послужилъ къ его оправданію, а то, что онъ спалъ на одной постели съ другимъ монахомъ и тотъ могъ свидѣтельствовать за него. Освобожденный, наконецъ, по недостатку уликъ и успѣвъ ихъ опровергнуть, онъ принялся снова за свои работы. «Не падая духомъ по поводу утраты моихъ писаній,— пишетъ онъ,—я принялся въ Падуѣ снова за «Философію Эмпедокла» и новую «Физіологію», посвящая ее Леліо Орсини. Еще одна книга, именно «*Apologetico dell'origine delle*

[1]) *Ibid.*, I. p. 64.
[2]) *Rixner und Sieber*, S. 14.

vene, de'nervi e delle arterie e della pulsazione», написанная по заказу того же Орсини, служила комментаріемъ на положенія Телезія и опровергала ученіе Кіоко, философа, врача, поэта, историка и натуралиста, извѣстнаго въ медицинской литературѣ, но сочиненія котораго составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Въ то же время Кампанелла послалъ венеціанскому патрицію Анджело Коррео записку о допущеніи пословъ каждаго государства къ произнесенію рѣчей передъ венеціанскимъ сенатомъ на ихъ родномъ языкѣ, написалъ «Комментарій на христіанское монаршее право» и пр. Необычайная литературная плодовитость Кампанеллы, прославившая его, помогла ему сносить бодро разныя житейскія невзгоды. Кромѣ признательности, питаемой имъ къ Леліо Орсини и Маріо дель Туфо, вѣроятно, и нужда заставляла его посвящать свои писанія этимъ лицамъ, вознаграждавшимъ его, безъ сомнѣнія, за это деньгами, по обычаю того времени. Онъ жилъ бѣдно въ Падуѣ, несмотря на свои лекціи и уроки и подвергаясь надзору, мелочному и придирчивому, но подводившему его часто подъ серьезную опасность. Это заставляло его обращаться съ новыми просьбами къ великому герцогу тосканскому. Между прочимъ, въ одну изъ минутъ отчаянія онъ рѣшился даже написать, что не осмѣливается принять предлагаемой ему каѳедры въ Падуѣ, считая себя обязаннымъ помнить обѣщанное ему содѣйствіе его свѣтлости великаго герцога, который, конечно, не измѣнилъ своихъ мыслей, «что и не подобаетъ высокопоставленнымъ лицамъ...» Онъ прибавлялъ къ этому, что, въ случаѣ нужды, онъ «сумѣетъ лучше другого говорить въ духѣ Аристотеля», и умолялъ герцога увѣдомить его о томъ, можетъ ли онъ надѣяться на полученіе каѳедры или долженъ былъ ждать еще. Отвѣтъ получился уклончивый и былъ переданъ Кампанеллѣ Галилеемъ, состоявшимъ лекторомъ въ Падуѣ. На Кампанеллу сыпались въ это время разныя обвиненія; онъ не обозначаетъ съ точностью ни одного, но говоритъ, въ письмѣ къ Шіоппіо о своихъ «пяти процессахъ». Одинъ изъ нихъ былъ возбужденъ по поводу книги «*De tribus impostoribus*» и за послѣдованіе философіи Демокрита; другой «за недонесеніе объ одномъ жидовствующемъ», съ которымъ онъ имѣлъ споръ о дѣлахъ вѣры. Кампанелла могъ отвѣтить по первому обвиненію, что приписываемая ему книга была отпечатана за 30 лѣтъ до его рожденія, а самъ онъ всегда возставалъ противъ Демокрита. Но ему было труднѣе опро-

вергнуть второе обвиненіе. Донесеніе о еретичествѣ было тогда обязательнымъ и умолчаніе въ такомъ случаѣ считалось соумышленностью; диспутъ и побѣда на немъ не освобождали Кампанеллу отъ обязанности доноса. Ему удалось, повидимому, оправдаться на этотъ разъ, по недостатку уликъ, но онъ подвергался сильной опасности, какъ рецидивистъ, будучи уже вторично привлекаемъ къ суду по дѣламъ вѣры. А въ такихъ случаяхъ расправа была извѣстная: духовный лишался своего сана и передавался въ руки свѣтской власти съ обычнымъ приглашеніемъ «наказать его безъ пролитія крови и изувѣченія членовъ», что не исполнялось на дѣлѣ, или же исполнялось обреченіемъ осужденнаго на костеръ. Если онъ оставался нераскаяннымъ—его сожигали живымъ; если каялся—его вѣшали, а потомъ уже сожигали его трупъ. Про подобную казнь говорилось, что она «et humanius est, et viam desperationis claudit, et ad penetentiam provocat». Находясь въ падуанской тюрьмѣ, Кампанелла написалъ свою «Monarchia de'Christiani» и тотчасъ вслѣдъ затѣмъ «Del regime della Chiesa», представляющую собой сводъ самыхъ ультратеократическихъ доктринъ. Хотя, въ сущности, онъ былъ всегда на сторонѣ теократическаго правленія, желалъ почти насильственнаго искорененія всякихъ религіозныхъ сектъ для соединенія всего просвѣщеннаго человѣчества въ одинъ тѣсный союзъ, и находилъ строгую религіозную дисциплину главнѣйшимъ орудіемъ народнаго преуспѣянія, но эти двѣ книги и нѣкоторыя другія, написанныя имъ въ критическія минуты жизни, полны такихъ преувеличеній и крайностей, что выдаютъ цѣль, ради которой были написаны. Заподозрѣнному надо было обѣлить себя, и онъ дѣлалъ это со всею силою своего знанія и искусной діалектики. Кромѣ двухъ пунктовъ обвиненія противъ Кампанеллы, о которыхъ я уже упомянулъ, были еще другіе: «богохульственный сонетъ на Спасителя, пріобрѣтеніе недозволенной книги, еретическія воззрѣнія въ его «Sensu rerum». Онъ доказалъ, что сонетъ принадлежитъ не ему, а Аретино; недозволенную книгу онъ хотѣлъ отнести къ духовному начальству; обвиненія же въ ереси онъ опровергалъ, ссылаясь на отцовъ церкви, св. Григорія и св. Августина, которые, подобно ему, «признавали міровую душу, потому что, по ихъ мнѣнію, все сущее обладаетъ своей душой, исходящей или отъ божества, какъ у человѣка, или изъ элементовъ, какъ у животныхъ, растеній и пр.». Ученые судьи, кардиналы Асколано, Санторіо и Сариано,

остались удовлетворенными этими отвѣтами. Такъ или иначе, онъ успѣлъ освободиться, при чемъ ему помогло, безъ сомнѣнія, покровительство такихъ могущественныхъ друзей, какъ Лоліо Орсини, бывшій въ лучшихъ отношеніяхъ съ римской куріей и самимъ папой, или главный комиссаръ инквизиціи фра Альберто Трагаліоло. Наконецъ, за обвиняемаго заступились и еще болѣе высокія лица—эрцгерцогъ Максимиліанъ и самъ императоръ, которому Кампанелла послалъ конію съ своихъ «Рѣчей». По выходѣ изъ тюрьмы, проживая въ монастырѣ св. Сабины, Кампанелла продолжалъ писать, посвящая свои сочиненія различнымъ кардиналамъ и другимъ сановникамъ съ цѣлью заручиться ихъ благосклонностью; но ему долго еще не удавалось выхлопотать себѣ позволеніе воротиться въ Калабрію. Въ особенности было ему полезно снискать покровительство кардинала С.-Джіорджіо, извѣстнаго уже своимъ заступничествомъ за несчастнаго Торквато Тассо. Кампанелла посвятилъ ему свою «Poetica». Вообще, за время своего пребыванія въ Римѣ, онъ написалъ болѣе десяти сочиненій и говоритъ самъ, что такое обиліе литературныхъ трудовъ вызывалось у него заключеніемъ; на свободѣ онъ писалъ менѣе.

Изъ Рима Кампанелла выбылъ не раньше начала 1598 года; по крайней мѣрѣ онъ находился еще тамъ въ ноябрѣ 1597 г., когда папа замыслилъ походъ на Феррару. Альфонсъ Феррарскій умеръ, не оставивъ дѣтей; предъявлявшій свои права на престолъ, двоюродный братъ покойнаго, донъ Чезаре д'Эсте былъ не признанъ папою и подвергнутъ имъ отлученію отъ церкви. Церемонія отлученія происходила на архіепископскомъ дворѣ: всѣ каноники стояли кругомъ съ черными свѣчами въ рукахъ во время чтенія карательныхъ призываній на голову отлученнаго, и затѣмъ бросили свои свѣчи о-земь... Возбужденіе въ Рима было всеобщее, и всѣ стихоплеты считали своимъ долгомъ выразить его въ виршахъ. Не устоялъ при этомъ и Кампанелла и написалъ приличный случаю сонетъ, самый неудачный изъ его поэтическихъ произведеній, но послужившій ему въ глазахъ куріи лучше всѣхъ другихъ сочиненій. Ему вскорѣ было дано разрѣшеніе выѣхать изъ Рима [1]). Остановясь въ Неаполѣ для поправленія разстроеннаго здоровья, Кампанелла проживалъ опять у Маріо дель Туфо и употребилъ свои досуги на новыя сочиненія. Онъ дополнилъ начатую еще

[1]) *Amabile*, I, p. 90.

въ Римѣ «Физіологію» «Этикой», къ которой прибавились впослѣдствіи «*La Politica*», «*L'Economica*» и «*La Citta del Sole*», сочиненіе, наиболѣе прославившее имя Кампанеллы въ послѣдующіе вѣка. Въ это время въ Римѣ ходили уже тревожные толки, не разъ возникавшіе въ Европѣ послѣ введенія христіанства,—толки о близкой кончинѣ міра, которую пріурочивали къ наступавшему окончанію столѣтія; Кампанелла принималъ участіе въ этихъ разсужденіяхъ, вызывая увѣренность въ томъ, что этой кончинѣ будутъ предшествовать важныя государственныя перемѣны. Онъ самъ сознается въ этомъ въ одномъ своемъ заявленіи, отысканномъ теперь въ симанхскомъ архивѣ. Въ Неаполѣ тоже толковали о концѣ міра, ожидали какихъ-то важныхъ перемѣнъ, и Кампанелла, по его собственному признанію, утѣшалъ надеждою на эти перемѣны принца Бизиньяна, имѣвшаго свои счеты съ римской куріей. Этотъ принцъ, промотавшій свое громадное состояніе, надѣлавшій долговъ, то ссорившійся, то опять сходившійся съ своею женою, особою тоже весьма сомнительныхъ качествъ, содержался, наконецъ, въ тюрьмѣ, потомъ былъ отданъ на поруки своему родственнику, тому же Леліо Орсини, который внесъ за него залогъ въ 20 тысячъ дукатовъ, что не помѣшало принцу бѣжать, сдѣлавъ завѣщаніе въ пользу короля. Сидя въ тюрьмѣ цѣлыя восемь лѣтъ, онъ былъ крайне ожесточенъ противъ правительства и охотно бесѣдовалъ съ Кампанеллой, навѣщавшимъ его, вѣроятно, совмѣстно съ Орсини, при чемъ главнымъ предметомъ разговоровъ были грядущія важныя перемѣны во всемъ порядкѣ вещей. Эти изліянія и были причиной привлеченія Бизиньяно тоже въ калабрійскій процессъ. Наконецъ, въ началѣ лѣта 1598 г. Кампанелла отправился на родину въ Калабрію, вынуждаемый къ тому, по его словамъ, болѣзненнымъ состояніемъ: онъ страдалъ глазною болью, килою, ломотою въ ногѣ, чахоткою, параличнымъ состояніемъ, въ чемъ приводилъ свидѣтельства трехъ врачей. Вѣроятно, онъ преувеличивалъ число своихъ недуговъ, но нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что частыя и продолжительныя тюремныя заключенія въ послѣднія девять лѣтъ не могли не нарушить его здоровья. На килу и на чахотку онъ могъ ссылаться и ради того, чтобы избавиться отъ дыбы, которой не подвергали лицъ, страдавшихъ этими болѣзнями, замѣняя этотъ образъ пытки, впрочемъ, другимъ, не менѣе ужаснымъ, преимущественно ножными тисками.

Въ то время, когда Кампанелла прибылъ въ Неаполь, гдѣ прожилъ нѣсколько болѣе полугода, между вице-королемъ и мѣстною знатью были большія несогласія по поводу новаго привилегированнаго банка, который могъ приносить выгоды лишь его учредителю, Салуццо, фавориту вице-короля, а не населенію. Недовольные послали тайно въ Мадридъ Джіованни Бранкаччіо, брата епископа тарантскаго, что привело въ негодованіе вице-короля, графа Олиареса, арестовавшаго Маттео Аквавиву, принца казертскаго, который былъ схваченъ на улицѣ, вытащенъ грубо изъ экипажа и заключенъ въ Кастель дель Ово, гдѣ ему не дали даже и постели. Подобнымъ же образомъ были брошены въ тюрьмы Альфонсо ди Дженнаро и Оттавіо Санъ Фелизе. Многія знатныя лица искали спасенія въ бѣгствѣ, другія сдѣлали представленіе вице-королю, который далъ имъ успокоительныя обѣщанія, но продолжалъ дѣйствовать попрежнему. Особенно потерпѣлъ при этомъ старый герцогъ ди Віетри, уважаемый всѣми за свои заслуги. Но въ средѣ самой неаполитанской знати господствовали раздоры, и Оливаресъ пользовался ими въ свою пользу. Нѣкоторое спокойствіе водворилось въ Неаполѣ лишь съ отозваніемъ Оливареса и назначеніемъ графа ди Лемосъ на его мѣсто, но недовольныхъ осталось много и было неудивительнымъ, если они ждали съ нетерпѣніемъ «важныхъ перемѣнъ», о которыхъ возвѣщалъ Кампанелла вмѣстѣ съ другими учеными астрологами...

Такова была жизнь Кампанеллы до времени открытія заговора и мученическаго процесса; таковъ былъ онъ самъ: большія способности и огромныя знанія, вѣчная страсть къ скитальчеству и безпокойная жизнь, близкое знакомство съ положеніемъ народа и общественными дѣлами, грубоватость и рѣзкость простолюдина, боевыя наклонности характера и цѣлый рядъ неудачъ, вызванныхъ всею совокупностью этихъ присущихъ ему качествъ. Онъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени, сыномъ своего народа и вполнѣ годился къ роли тѣхъ заговорщиковъ, изъ среды которыхъ вышли съ одной стороны освободители Италіи—карбонаріи, а съ другой бичи той же Италіи—каммористы. Онъ былъ головою выше окружавшихъ его людей, но не умѣлъ заставить ихъ забыть или простить ему это, совершенно не обладая тѣми чарующими качествами, которыя привлекали сердца всѣхъ къ такимъ лицамъ, какъ Савонарола.

XI.

Лѣтомъ 1598 года, послѣ девятилѣтняго отсутствія, Кампанелла снова вернулся въ родную Калабрію. Онъ остановился въ монастырѣ Аннунціаты въ Никастро [1]). Настоятелемъ монастыря состоялъ его другъ Діонизіо Понціо. Это былъ человѣкъ весьма образованный, извѣстный ораторъ, но онъ не отличался примѣрною нравственностью. Кампанелла самъ не особенно сильно напиралъ на эту сторону при выборѣ друзей. Крайне вспыльчивый, раздражительный, Діонизіо Понціо уже судился однажды за рану, нанесенную имъ монаху, и любилъ непристойное общество. У него было не мало враговъ, особенно между монахами той партіи, которую онъ обвинялъ въ убійствѣ его дяди, отца-провинціала, Піетро Понціо. Особенно былъ озлобленъ противъ него фра Полистино, просидѣвшій нѣсколько времени въ тюрьмѣ по его обвиненію. Братъ фра Діонизіо, Піетро Понціо, былъ человѣкъ болѣе умѣреннаго нрава и тоже больной другъ Кампанеллы. Въ томъ же монастырѣ состоялъ лекторомъ нѣкто Пиццони, человѣкъ весьма ученый, но тоже крайне развратнаго поведенія. Монашество и развратъ шли тогда рука объ руку. Пиццони то занималъ духовныя степени, то былъ изгоняемъ за всевозможные проступки, былъ приговоренъ къ наказаніямъ, навлекъ на себя «вендетту» двухъ братьевъ, которые убили изъ-за него свою родную сестру и были вынуждены бѣжать, присталъ къ Полистинѣ, укралъ у фра Діонизіо его проповѣди и толкованія Апокалипсиса, которыя перепродалъ, а съ заключеніемъ Полистины въ тюрьму перешелъ на сторону Діонизіо. Такія похожденія не помѣшали ему занимать каѳедру въ Козенцѣ, затѣмъ состоять «богословомъ» при епископѣ никастрскомъ, съ которымъ ему пришлось разбирать «бѣды и страданія» вассаловъ умершаго герцога ди Ногера, приносившаго повинную въ своихъ злоупотребленіяхъ въ своей духовной. Затѣмъ онъ былъ назначенъ въ Никастро, куда прибылъ съ болѣзнями, «свидѣтельствовавшими о его развратномъ образѣ жизни». Братъ его, Сильвестро Лоріано, вполнѣ невѣжественный и преданный всякимъ порокамъ, жилъ тутъ же и имѣлъ самыя предосудительныя знакомства. Кампанелла, видя въ Пиццони лишь стараго сотоварища, имѣлъ несчастіе сдружиться съ нимъ и повѣрять ему всѣ

---

[1]) *Ibid.*, I, p. 110.

свои мысли [1]). Калабрія, гдѣ никогда не утихали вполнѣ волненія, была особенно неспокойна въ это время. Епископы вели нескончаемую борьбу съ свѣтскою властью, превышали свои права, посылали въ Римъ доносъ за доносомъ; епископъ никастрскій, Піетро Монторіо, позволялъ себѣ прямо не слушаться королевскихъ распоряженій: онъ выгналъ отъ себя и отлучилъ отъ церкви комиссара, посланнаго къ нему графомъ ди Никастро съ рѣшеніемъ верховнаго совѣта, при чемъ объявилъ весь городъ Никастро подъ интердиктомъ. Въ то же время онъ доносилъ въ Римъ о воздвигнутыхъ на него гоненіяхъ. Правительство отставило епископа отъ должности и наложило секвестръ на его доходы, а онъ отвѣтилъ на это отлученіемъ отъ церкви исполнявшихъ этотъ приказъ, виконта Гонзаго и его помощниковъ. Нѣкоторые изъ знати взяли сторону епископа, за что подверглись насиліямъ отъ другихъ. Такіе случаи борьбы свѣтскихъ и духовныхъ лицъ были не рѣдкостью въ то время. Тяготясь вердиктомъ, жители выбрали Діонизіо Поццо и Инвико Франца для ходатайства объ отмѣнѣ запрещенія передъ папою, находившимся въ это время въ Феррарѣ. Кампанелла былъ при этомъ на сторонѣ епископа, къ чему его обязывало, можетъ-быть, его духовное званіе. Изъ Никастро онъ отправился на свою родину, въ Стило, гдѣ, какъ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ, тоже были волненія по поводу несогласій между духовенствомъ и свѣтской администраціей. Къ какимъ средствамъ прибѣгалось при этомъ, видно изъ того, что всѣ сосѣдніе монастыри были полны бандитами, которыхъ епископъ милетскій прокармливалъ, когда полиція ихъ слишкомъ тѣснила. Прокуроръ Харафа, тоже отлученный отъ церкви, вмѣстѣ съ губернаторомъ дель Пиццо и принцемъ Сцилла, распускалъ, въ свою очередь, слухъ о мятежѣ, подготовляемомъ духовенствомъ. Понятно, что Кампанелла, прибывшій съ епископомъ милетскимъ, принадлежавшимъ къ фамиліи дель Туфо, и сопровождавшій его потомъ къ морскимъ купаньямъ, не могъ заслужить особенное благорасположеніе гражданскихъ властей. Ему приписывали потомъ дурное вліяніе на епископа, принимавшаго черезчуръ рѣзкія мѣры, хотя, повидимому, Кампанелла пробылъ при епископѣ весьма короткое время и жилъ потомъ въ Стеньяно у своего отца или, главнымъ образомъ, въ Стило. Но онъ

---

[1]) *Ibid.* I, 113.

самъ повторяетъ не разъ, что общественное смятеніе было такъ велико, что, приводя его въ связь съ «необычными метеорологическими явленіями», онъ не могъ не придти къ мысли о концѣ міра и не провозгласить ее, послѣ чего нѣкоторыя лица и задумали возмущеніе. Личность епископа милетскаго была одною изъ замѣчательнѣйшихъ при этомъ движеніи: это былъ человѣкъ крайне энергичный, крутой, вершившій правосудіе по-своему; онъ руководился, однако, въ своихъ дѣйствіяхъ не личными интересами, какъ епископъ никастрскій, но глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, хотя бы и ошибочнымъ. Королевскій прокуроръ Харафа, которому Кампанелла приписываетъ всѣ свои несчастія, былъ отлученъ этимъ епископомъ отъ церкви. Неудивительно, если прокуроръ былъ ожесточенъ противъ нихъ обоихъ. Впрочемъ, отлученія становились тогда дѣломъ самымъ обычнымъ: разбойники и всякіе преступники находили себѣ пріютъ въ монастыряхъ, хотя правительство и отнимало у этихъ послѣднихъ и у церквей право убѣжища въ отношеніи «наиболѣе тяжкихъ злодѣяній», но едва исполнительная власть вступалась въ дѣло, мѣстные іерархи сыпали на нее своими отлученіями. Рыцари іерусалимскаго ордена, подлежавшіе духовной юрисдикціи, совершали не хуже турокъ безнаказанно цѣлые набѣги на мирныхъ жителей; по самымъ непростительнымъ заступничествомъ епископовъ пользовались, такъ называемые, дикіе, или лѣсные діаконы, спеціальность которыхъ особенно процвѣтала въ Калабріи [1]). Это были міряне, имѣвшіе женъ и дѣтей, но получавшіе отъ епископа разрѣшеніе носить черную рясу, вслѣдствіе чего объявляли себя не обязанными болѣе платить налоги, нести постойную и другія повинности. Какъ правительство, такъ и бароны, и города возставали противъ такихъ уклоненій, обращавшихъ всѣ общественныя или феодальныя тяготы на остальныхъ, неправшихъ жителей; высшія гражданскія власти дѣлали требуемыя распоряженія, но исполнявшіе ихъ подвергались отлученію. Одинъ изъ такихъ «лѣсныхъ дьяконовъ», Маркантоніо Канито, прибилъ одного базиліанскаго монаха и спрятался въ церкви; епископъ не дозволилъ взять его оттуда и не согласился тоже наказать его заключеніемъ въ тюрьму при епископскомъ дворѣ. Донъ Луисъ Харафа не послушался запрещенія, взялъ Канито и посадилъ его въ тюрьму Ницце,

[1]) «Diaconi selvaggi». *Amabile*, I, 118.

за что и былъ отлученъ вмѣстѣ съ двумя другими лицами. Епископъ подославъ своего брата Плацидо дель Туфо, который успѣлъ подкупить сторожей и устроилъ побѣгъ арестанта, укрывшагося затѣмъ въ епископскомъ дворцѣ. Вице-король приказалъ тогда арестовать Плацидо, но онъ бѣжалъ, а впослѣдствіи былъ прощенъ. Таковы были крайне характерныя и оригинальныя отношенія между испанскимъ правительствомъ и епископомъ милетскимъ, но и прочія духовныя власти дѣйствовали въ томъ же духѣ. Самъ нунцій доносилъ въ Римъ о томъ, что они покрывали за деньги всякіе проступки своихъ подчиненныхъ. Къ «лѣснымъ діаконамъ» прибавились еще у санъ-северинскаго архіепископа «слуги», которые вовсе не жили у него, но которыхъ онъ тоже объявлялъ освобожденными отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ повинностей, грозя отлученіемъ тѣмъ, кто вздумалъ бы ихъ принуждать; другіе епископы придумали еще «праздничныхъ распорядителей», присвоивая этимъ мірянамъ тоже вышесказанныя права; освобождали отъ платежа городскихъ пошлинъ женщинъ, самовольно причислявшихъ себя къ монашескимъ орденамъ [1]). Однимъ словомъ, духовенство изыскивало всѣ средства для освобожденія отъ платежей возможно бо́льшаго числа лицъ, ведя борьбу съ Испаніей. Оно, кромѣ того, требовало освобожденія самыхъ гнусныхъ преступниковъ подъ самыми нелѣпыми предлогами: одинъ былъ взятъ въ пасхальную недѣлю, чего не дозволялось; другой служилъ у монахини; третій имѣлъ при себѣ молитву св. Патрикія, которую духовенство должно было разсмотрѣть, и т. д. Нѣкоторыя продѣлки были уже чисто святотатственными; такъ, напримѣръ, солдаты окружаютъ разбойничій притонъ и готовы взять злодѣевъ; вдругъ показываются патеры съ св. дарами; они входятъ въ домъ и затѣмъ выводятъ оттуда всю шайку, которая проходитъ съ усмѣшкою между рядами колѣнопреклоненныхъ въ смущеніи солдатъ. Эти образчики тогдашнихъ нравовъ крайне характерны и интересны, такъ какъ подъ ихъ-то вліяніемъ и образовалась та сила бандитовъ и каммористовъ, съ которой тщетно борются въ Италіи до нашего времени. Какъ же смотрѣлъ тогда Римъ на такое положеніе дѣлъ? Римъ заботился только о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою; онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ безобразій, совершавшихся

---

[1]) *Ibid.*, I, 121, 122.

подъ эгидой религіи, и нунцій получалъ въ отвѣтъ на свои представленія одни совѣты «разсмотрѣть дѣло тщательнѣе и, если нужно, заступиться за несправедливо обвиняемыхъ прелатовъ».

Подобно этимъ препирательствамъ, росли и распри между баронами, городами и гражданами каждаго города изъ-за личныхъ счетовъ, преобладанія на выборахъ въ общественныя должности. Въ главныхъ городахъ Калабріи, Катанцаро и Реджіо междоусобія достигали колоссальныхъ размѣровъ, вынуждая правительство то примирять враждующихъ, то арестовывать наиболѣе яростныхъ изъ нихъ. Цѣлые округи дѣлились на партіи, и ежедневныя убійства стали дѣломъ обычнымъ. Въ самомъ королевскомъ совѣтѣ не было согласія. Особенною неучтивостью и высокомѣріемъ отличался здѣсь Харафа: если озлобленный противъ него Кампанелла выставляетъ его чудовищемъ, то и другіе современники не скрываютъ его деспотизма и любостяжательности. Это былъ человѣкъ энергичный, нужный для испанскаго правительства, и оно снисходительно относилось къ его недостаткамъ, да и могли ли испанцы называть недостатками наглую заносчивость и грабительство своего собрата? Никакое усердіе по части безпощадности и жестокости не могло казаться излишнимъ иноземному правительству, видѣвшему въ обществѣ и народѣ своихъ враговъ. Къ безпорядкамъ въ управленіи присоединялись открытые разбои, при чемъ шайки въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ бѣглыхъ лицъ изъ дворянъ часто знатныхъ весьма фамилій, выдерживали настоящія сраженія съ правительственными войсками, брали и разоряли цѣлые города. Гонзальво Марино, какъ это часто случалось между родовитыми итальянцами, враждовавшій съ родомъ Джеронимо, уничтожилъ почти до тла Терранову, проникнувъ въ нее первый разъ хитростью, во второй разъ открытымъ нападеніемъ, при чемъ умертвилъ жестокимъ образомъ всѣхъ Джеронимо и грозилъ вернуться и въ третій разъ [1]). Комендантъ города растерялся до того, что могъ только присовѣтовать жителямъ уйти всѣмъ заранѣе, не дожидаясь погрома, что и было бы исполнено, если бы одинъ изъ сподвижниковъ Гонзальво не убилъ его самого, «изъ жалости къ людямъ». Венеціанскій резидентъ ярко описываетъ современную ему картину общественной жизни: вражда партій плодила преступленія; осуждаемые за нихъ скрыва-

[1]) *Ibid.*, I, 131.

лись и умножали собою ряды злоумышленниковъ, поступавшихъ опять на службу той или другой партіи, между тѣмъ какъ администраторы вели между собою ту же войну. Самые законы способствовали умноженію числа преступниковъ. При важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь,—а число таковыхъ, какъ я уже говорилъ, было весьма обширно,—обыкновенная процедура измѣнялась по вице-королевскому разрѣшенію: обвиняемые вызывались черезъ объявленія, при чемъ срокъ явки былъ сокращаемъ до того, что она становилась даже физически невозможной; виновные же въ неявкѣ обвинялись въ уклоненіи отъ суда и, какъ таковые, внѣ закона. Такіе люди или уже прямо въ разбойничьи ряды и, какъ ни терпѣло населеніе отъ ихъ насилій, оно укрывало ихъ, частью изъ страха, но преимущественно изъ ненависти къ правительственнымъ чиновникамъ. Духовенство, со своей стороны позволяя преступникамъ укрываться въ монастыряхъ, способствовало этимъ самымъ крайнему развращенію монаховъ. Всѣ жалобы правительственныхъ лицъ оставались безъ результата до 1599 г., то-есть до открытія заговора. Но и тогда папскимъ декретомъ дозволялось забирать преступниковъ изъ церквей и монастырей въ теченіе шести мѣсяцевъ; по прошествіи же этого времени власти должны были указать, требуется ли еще продолженіе такой мѣры. Духовенство умѣло затягивать дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а по прошествіи шестимѣсячнаго срока принималось за прежнее, и нунцій тщетно взывалъ къ папскому престолу о необходимости продлить дѣйствіе декрета.

Кампанелла, въ виду всего происходившаго вокругъ него, не могъ не сознавать слабости испанскаго правительства; въ это же время произошли обстоятельства, о которыхъ онъ не считаетъ нужнымъ упоминать, но которыя имѣли большое значеніе. Въ заливѣ Скиллаче, въ сентябрѣ 1598 г., явился съ турецкой флотиліей Бассо Чикала и высадился близъ Стило, чтобы запастись водой, при чемъ, по обыкновенію, разорилъ часть берега и захватилъ плѣнныхъ, легко отдѣлавшись отъ мѣстной милиціи; потомъ, отойдя къ мысу Спартивенто, онъ уклонился отъ встрѣчи съ неаполитанскими и сицилійскими галерами, но заявилъ о своемъ желаніи повидаться съ матерью, жившею въ Мессинѣ,—на что вице-король сицилійскій поспѣшилъ дать ему разрѣшеніе. Еще до того, въ маѣ 1595 г., онъ произвелъ нападеніе на побережье у Стило, захватилъ мѣстнаго коменданта

и милиціонпаго командира, не считая другихъ лицъ, и взялъ за нихъ выкупа 8 тысячъ скуди. Этотъ Чикала, которому такъ старались угодить испанскіе проконсулы и который былъ замѣшанъ въ заговоръ Кампанеллы, лицо весьма замѣчательное, какъ замѣчательны и условія, при которыхъ онъ могъ проявлять свою дѣятельность. Отецъ Бассы Чикалы, мессинскій генуэзецъ, былъ пиратъ, но попался въ плѣнъ туркамъ, вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, который былъ взятъ въ сераль и силою обращенъ въ мусульманство. Мать Бассы была турчанка, дочь одного бея, взятая Чикалой-отцомъ въ плѣнъ при его набѣгѣ на Катарро. Онъ обратилъ ее въ христіанство, женился на ней и имѣлъ отъ нея нѣсколько дочерей и трехъ сыновей, изъ которыхъ второй, Сципіонъ, превратился потомъ въ Бассу Чикалу. Старшій братъ, Филиппо, и меньшой, Карло, получали отъ испанской короны пенсіи «за заслуги отца», то-есть за пиратство. Сципіону было 16 лѣтъ, когда онъ попалъ къ туркамъ. Отца его отпустили за выкупъ, но мальчикъ понравился падишаху, который оставилъ его при себѣ, потомъ вскорѣ отправилъ на войну съ персами, гдѣ онъ отличился своею отвагой и занялъ высокій военный постъ. Онъ женился сначала на одной, потомъ, за смертью ея, на другой дочери Рустема Бассы, женатаго на дочери султана Солимана, имѣвшей большое вліяніе въ сералѣ. Благодаря этимъ связямъ и своимъ способностямъ, онъ достигъ самыхъ высшихъ почестей. Онъ наводилъ ужасъ на южную Италію своими опустошительными набѣгами, а въ 1596 году былъ героемъ сраженія при Агріи, за которое былъ сдѣланъ великимъ визиремъ; впослѣдствіи, по разнымъ интригамъ, онъ былъ удаленъ отъ двора, но вскорѣ, въ 1598 году, занялъ снова важную должность морского министра, которая нравилась ему даже болѣе, чѣмъ визирство. Венеціанскіе резиденты въ Константинополѣ не любили его, находя его лживымъ, корыстолюбивымъ, надменнымъ до крайности, но признавали за нимъ извѣстныя достоинства, заискивали его расположенія и слѣдили за каждымъ его шагомъ, не щадя и роскошныхъ приношеній ему при всякомъ случаѣ, сверхъ 2.000 цехиновъ, выплачиваемыхъ ему ежегодно изъ венеціанской казны. Судьба Чикалы и отношенія къ нему испанскихъ вице-королей и венеціанскихъ резидентовъ не могли не произвести впечатлѣнія на Кампанеллу [1]). Между различными предвѣщаніями, на которыя онъ обращалъ

[1]) *Ibid.*, *I*, 134—141.

особенное вниманіе, было одно, сдѣланное врачомъ и астрологомъ Аркато, гласившее, что Оттоманская имперія раздѣлится на двѣ части; одна изъ нихъ приметъ христіанство и поборетъ другую. Свиданіе Чикалы съ матерью могло вести къ осуществленію предсказанія, хотя, на дѣлѣ, Чикала хотѣлъ обратить мать, а вмѣстѣ съ нею и своего брата въ мусульманскую вѣру. Поступки Чикалы судились превратно и въ Константинополѣ: великій муфтій, бывшій его врагомъ, обвинялъ его въ томъ, что онъ, «залучивъ мать на свою галеру, не снялъ съ нея христіанства, чѣмъ согрѣшилъ передъ Аллахомъ и былъ за то достоинъ кары». Но и безъ всякихъ пророчествъ, ясно обнаруживалась передъ Кампанеллой слабость правительства, не имѣвшаго силъ оборонить югъ Италіи отъ разоренія Чикалой, и затѣмъ, вмѣсто всякаго отмщенія, исполнявшаго его пожеланія. Въ то же время носились слухи о болѣзни испанскаго короля; 8-го октября онъ умеръ и мѣсто грознаго Филиппа II занялъ принцъ слабохарактерный, не пользовавшійся ничьимъ уваженіемъ. Лица, сносившія съ трудомъ испанское иго, не могли не радоваться такой перемѣнѣ. Отъ такихъ перемѣнъ всегда ждутъ добра.

Живя въ Стило, Кампанелла занимался попрежнему: «писалъ, читалъ лекціи; онъ пользовался общимъ уваженіемъ, ревностно исполнялъ свои монашескія обязанности, прихожанамъ нравилась его церковная служба, на его проповѣди собирался весь городъ. Вообще онъ считался почтенною личностью». Таковы свидѣтельскія показанія знавшихъ Кампанеллу въ то время. Впослѣдствіи народились многія злостныя обвиненія, но среди общихъ благопріятныхъ отзывовъ судьи могли отыскать лишь одно, ничѣмъ не подкрѣпленное указаніе на «грѣховное свиданіе фра Томаза съ нѣкоей Джуліей въ его собственной кельѣ». Сверхъ того, лучшій, вѣрный другъ Кампанеллы, фра Піетро изъ Стило, показалъ, что «фра Томазо имѣлъ предосудительную связь съ сестрою фра Доменико изъ Стиньяно, за что тотъ сталъ его врагомъ и грозился даже его убить». Но этотъ фра Доменико, дружившій съ Кампанеллой, сталъ потомъ самымъ опаснымъ свидѣтелемъ противъ него въ процессѣ, и потому можно догадываться, что фра Піетро говорилъ вышесказанное съ главною цѣлью выставить вражду Доменико къ Кампанеллѣ и ослабить тѣмъ его показанія [1]). Защищаясь при своемъ процессѣ, Кампанелла доказывалъ свою преданность

[1]) *Ibid.*, *I*, 144.

религіи еще тѣмъ, что усиѣлъ склонить населеніе на постройку новой церкви при монастырѣ, въ которомъ онъ находился. Но говоря проповѣди «въ чисто католическомъ духѣ и разъясняя превосходно Евангеліе», какъ о томъ свидѣтельствовало мѣстное населеніе, Кампанелла, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ вѣрности астрологическихъ и другихъ предвѣщаній, сталъ, подобно Савонаролѣ, открыто толковать сперва въ частныхъ бесѣдахъ, а потомъ и въ церковныхъ о «важныхъ перемѣнахъ и событіяхъ, которыя должны были знаменовать скорую кончину міра». Далѣе, находя сочувственныхъ слушателей, онъ сталъ втайнѣ внушать наиболѣе смѣлымъ изъ нихъ, что настало время основать «святую всемірную республику», для чего необходимо вербовать сторонниковъ, запасать оружіе. «При новомъ порядкѣ будутъ новые законы, новые нравы и обычаи». Можно сказать съ достовѣрностью, что Кампанелла былъ не корыстнымъ агитаторомъ, но человѣкомъ вполнѣ убѣжденнымъ, какъ въ скоромъ концѣ вселенной, такъ и въ высокомъ назначеніи, къ которому онъ былъ призванъ, ради служенія на пользу людей. Возвышенный образъ его мыслей сказался особенно ярко въ его поэтическихъ произведеніяхъ, написанныхъ потомъ въ тюрьмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему представлялся теперь наилучшій моментъ для свержешія испанскаго ига и замѣны его теократическимъ правленіемъ. Передъ окончательнымъ разрушеніемъ міра, человѣчество должно было вкусить прелесть золотого вѣка, пожить тѣми счастливыми днями, которые провидѣли мудрецы, философы, прорицатели. При своей громадной эрудиціи, Кампанелла ссылался не только на пророковъ и Апокалипсисъ, но и на видѣнія и слова св. Бригитты, св. Екатерины, св. Серафимо, разныхъ другихъ мучениковъ и угодниковъ, на Савонаролу, на писанія Климента Александрійскаго, Тертуліана, Оригена, разныхъ отцовъ церкви, наконецъ, и на поэтовъ, Петрарку и Данте, у которыхъ онъ тоже находилъ подтвержденіе своихъ идей. Наконецъ, у него самого въ семьѣ была личность, изумлявшая всѣхъ видѣніями и предсказаніями, какъ фра Сильвестро изумлялъ своими Савонаролу и его друзей: это была двоюродная сестра Кампанеллы Эмилія, «лежавшая три дня замертво, потомъ снова очнувшаяся и разсказавшая дивныя вещи, которыя поразили многихъ ученыхъ богослововъ». При ея видѣніяхъ ею руководилъ одинъ капуцинъ [1]). Кампанелла не засталъ уже его въ живыхъ, прибывъ въ Стило.

[1]) *Ibid.*, *I*, 151.

Все это утверждало Кампанеллу въ его мысляхъ, также и въ томъ, что доминиканскіе монахи должны проповѣдывать всюду объ этихъ близкихъ событіяхъ и приготовлять къ нимъ народъ, при чемъ, естественно, онъ самъ долженъ былъ быть первымъ глашатаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи сочиненій Скалигера, Аркато и др., равно какъ собственныхъ вычисленій и наблюденій, онъ убѣдился «въ сокращеніи разстоянія между солнцемъ и землею, въ сужепіи зодіака, въ смѣщеніи апогеевъ и другихъ пертурбаціяхъ»... Сдѣлало на него тоже большое впечатлѣніе появленіе новой звѣзды въ 1572 г., совпаденіе частыхъ затменій 1601, 1605 и 1607 гг. съ «великою конъюнктурой», ожидавшейся на 24 октября 1603 г. Даже въ стихотвореніяхъ Кампанеллы упоминается объ этихъ явленіяхъ. Впрочемъ, онъ не обозначалъ этого послѣдняго года, какъ срока для предсказываемыхъ перемѣнъ, но ожидалъ ихъ въ болѣе раннемъ времени. Взволнованное странными толками населеніе было поражено ужасомъ, когда наступили разныя народныя бѣдствія. Страшное наводненіе опустошило столицу католическаго міра въ послѣдніе дни 1598 г. Цѣлыя трое сутокъ Тибръ и По не входили въ свои берега. Фра Діонизіо, бывшій очевидцемъ этой катастрофы на своемъ пути изъ Феррары, привезъ страшную вѣсть въ Калабрію. Кампанелла предсказалъ тогда, что будутъ землетрясенія, что подтвердилось впослѣдствіи. Необыкновенное нашествіе гусеницъ, а затѣмъ ужасньйшій ливень распространили опустошеніе, особенно въ Стило. Отъ землетрясеній пострадали преимущественно Мессина и Реджіо, и ко всему этому показалась на небѣ комета «очень близко къ землѣ и шедшая съ востока на западъ». Кампанелла поясняетъ «знаменія», предвѣщая «народныя волненія въ области и вооруженное возстаніе противъ ея правителей»... Это предвѣщаніе весьма полно значенія, именно по моменту, въ который оно дѣлалось. При этомъ, Кампанелла указывалъ и на внутреннія неурядицы въ Калабріи, какъ на признаки имѣющаго совершиться переворота: «душевное угнетеніе жителей, набѣги невѣрныхъ, злодѣянія бѣглыхъ и бродягъ, распри въ администраціи, отлученіе отъ церкви должностныхъ лицъ, все это говорило ясно о наступающихъ перемѣнахъ». Кампанелла писалъ потомъ, что всѣ обыватели въ это время жаловались, всѣ жаждали какихъ-либо измѣненій, потому и онъ былъ увѣренъ въ ихъ близости [1]). Нѣтъ со-

[1]) *Ibid.*, *I*, 153.

мнѣнія, что состояніе умовъ подстрекало Кампанеллу къ дѣйствію, и что онъ могъ съ нѣкоторою достовѣрностью разсчитывать на успѣхъ, и началъ дѣло не совсѣмъ легкомысленно. Испанскія власти не обращали на него вниманія, пока онъ ограничивался своими рѣчами о близкихъ переменахъ; ободренный этимъ, онъ принялся довольно ловко за дальнѣйшее движеніе, но слишкомъ надѣясь на общее сочувствіе и на то, что примѣръ Калабріи не замедлитъ увлечь и другія провинціи. Предсказанія Кампанеллы о кончинѣ міра отличались отъ другихъ подобныхъ тѣмъ, что онъ не убѣждалъ людей, какъ другіе проповѣдники, заботиться лишь о спасеніи души. По его убѣжденію, міръ долженъ былъ вполнѣ насладиться жизнью передъ своимъ концомъ, но что ожидаемый такимъ образомъ золотой вѣкъ могъ наступить лишь послѣ претерпѣнныхъ людьми большихъ бѣдствій. Должно было произойти нашествіе варваровъ; часть магометанъ принимала христіанство и основывала республику, обращая къ ней потомъ и прочихъ своихъ соплеменниковъ, которые убѣждались, «что именно эта республика прославляла имя Божіе, а не ихъ рай»; евреи тоже обращались къ истинной вѣрѣ. Сонмъ святыхъ побѣждалъ Гога и Магога; Антихристъ тоже появлялся съ цѣлью ниспровергнуть республику, но могъ продержаться лишь два съ половиною или три съ половиною года. Король испанскій покорялъ всѣ народы и соединялъ всѣ государства воедино, «какъ нѣкій Киръ», а надъ этимъ всемірнымъ царствомъ долженъ былъ стать главою папа римскій, осуществляя изреченіе «едино стадо и единъ пастырь». При этомъ выиграли бы оба, и король, и папа,—и король даже болѣе, нежели папа. Въ ожиданіи этого, Кампанелла со своими калабрійцами, вооруженными и удалившимися въ горы, чтобы оборониться отъ враговъ короля и папы, «устроилъ бы небольшое подобіе великой всемірной республики,—вовсе не съ желаніемъ отложиться, но лишь съ цѣлью образовать на пользу папы и короля школу, изъ которой вышли бы замѣчательные государственные люди, ученые и военноначальники». Какъ республика Савонаролы должна была служить образцомъ для основанія другихъ республикъ, такъ и государство Кампанеллы должно было сдѣлаться школой для другихъ государствъ. Такъ говоритъ Кампанелла въ своихъ «Защитахъ», но трудно представить себѣ, чтобы онъ мечталъ о Золотомъ вѣкѣ подъ главенствомъ римскихъ первосвященниковъ и «Кировъ», въ родѣ Фи-

липпа III. Это «seminario di nomini illustri», это училище, выпускающее одпѣ знаменитости на служеніе королю и папѣ, вызываетъ улыбку, какъ слишкомъ наивный способъ защиты революціонера. Всѣ біографы Кампанеллы, даже тѣ, которые не признаютъ его заговора, согласны въ томъ, что онъ хотѣлъ основать нѣчто подобное тому, что выведено имъ въ его «Солнечномъ городѣ». Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ мечталъ о республикѣ съ теократическимъ режимомъ, какъ и Платонъ, но принципы, которые должны были лечь въ основу золотого вѣка на землѣ, рѣшительно не походили на провозглашенные всемірными соборами и прагматикою Испаніи. Немыслимо потому, чтобы самъ онъ вѣрилъ въ возможность установленія одного всемірнаго государства черезъ посредство испанской короны, какъ и въ то, чтобы этимъ единымъ государствомъ управлялъ римскій папа. Но онъ не скрывалъ въ себѣ только революціонера подъ маскою пророка. Нѣтъ, онъ искренно вѣровалъ въ тайныя науки, въ астрологію, въ то высокое назначеніе, къ которому онъ былъ призванъ, по его собственнымъ заключеніямъ и по предсказаніямъ другихъ вѣщуновъ, иначе и трудно понять, какимъ образомъ онъ могъ рѣшиться на борьбу противъ Испаніи съ своими ничтожными средствами. Велика была тоже вѣра многихъ въ него и его силу. Простое оповѣщеніе о близкомъ концѣ міра, бывавшее и въ прежнія времена, могло бы подвигнуть калабрійцевъ развѣ только на пожертвованіе своихъ имуществъ церкви ради спасенія ихъ душъ, но сподвижники Кампанеллы, вербовавшіе ему сторонниковъ, говорили не только о близкихъ политическихъ перемѣнахъ, но о «снятіи семи печатей» и о томъ, что въ республикѣ, устанавливаемой на правилахъ, сходныхъ съ изложенными въ «Солнечномъ городѣ», будетъ главою новый пророкъ, новый законодатель, новый Мессія, онъ, Кампанелла, изучившій все, умѣющій предвидѣть грядущее и повелѣвающій духами, хотя онъ и отрицалъ всегда это послѣднее [1]).

Первымъ лицомъ, съ которымъ заговорилъ Кампанелла объ имѣющей быть республикѣ, былъ Дж. Баттиста Пиццони. Подвергнутый пыткѣ, Кампанелла показалъ, что «Пиццони, готовясь къ диспуту передъ Капитуломъ, совѣтовался съ нимъ по вопросу о наилучшихъ формахъ правленія», при чемъ Кампанелла и заговорилъ «о той респуб-

[1]) *Ibid.*, *I*, 155.

ликѣ, которая должна была наступить передъ кончиной міра». Потомъ говорилъ о ней съ фра Діонизіо, разсказъ котораго объ ужасномъ разлитіи Тибра производилъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Далѣе, онъ толковалъ и съ другими, а наконецъ, отбросивъ всякую осторожность, заговорилъ объ этомъ предметѣ и съ церковной каѳедры,—въ первый разъ 2 февраля 1599 года, въ день Срѣтенія Господня, во второй—на Пасхѣ того же года [1]). Въ церкви онъ говорилъ довольно сдержанно, но многіе смущенные прихожане обращались потомъ къ нему за разъясненіями, и тутъ онъ уже менѣе стѣснялся. Онъ не былъ фанатикомъ въ родѣ Савонаролы и умѣлъ остерегаться, когда находилъ это нужнымъ. Нѣкоторымъ изъ разспрашивавшихъ онъ отвѣчалъ тоже уклончиво, напримѣръ, капитану Плутино, который передалъ ему предсказанія аббата Идрунтино о перемѣнахъ, долженствующихъ наступить въ Силиціи, Калабріи, Тосканѣ. Наконецъ, самъ губернаторъ провинціи, Алонзо де Рохасъ, обратился къ нему письменно «изъ любопытства», прося пояснить, что за перемѣны ожидаются всѣми. Кампанелла отвѣтилъ ему и послалъ при этомъ же случаѣ свою «Monarcia di Spagna». Губернаторъ остался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Кампанеллой, повидимому, ничмало не подозрѣвая его намѣреній. Изъ самаго факта этихъ сношеній видно, что онъ имѣлъ обширныя связи и большое вліяніе, такъ что его собственныя указанія на то, что «такой ничтожный инокъ, какъ онъ, не могъ даже помыслить о какомъ-либо заговорѣ», не заслуживаютъ вниманія и написаны подъ давленіемъ обстоятельствъ. Самъ онъ, въ другихъ мѣстахъ, говоритъ, что его осаждали съ разспросами о будущемъ, а простые люди останавливали его на дорогѣ цѣлыми толпами, прося у него лѣкарствъ для себя или для своихъ животныхъ, и когда онъ удовлетворялъ просьбамъ, «всѣ уходили, славя Господа». Во время процесса, всѣ, свидѣтельствовавшіе за или противъ него, одинаково признавали его за «ученѣйшаго мужа, познавшаго всѣ науки, человѣка великаго» [2]). Къ нему «притекали тысячи людей», и вѣрный другъ его, Піетро изъ Стило, даже предостерегалъ его отъ такого общенія съ мірянами. И среди этихъ «притекавшихъ» были такія важныя лица, какъ маркизъ д'Арена и принцъ делла Роччела, жившіе въ окрестностяхъ Стило и зазывавшіе Кампанеллу въ свои замки. Онъ обла-

[1]) *Ibid.*, *I*, 155.
[2]) *Ibid.*, *I*, 157.

далъ «необыкновеннымъ даромъ убѣжденія»; когда говорилъ, то «нельзя было не принимать его сторону». На массу дѣйствовала, вѣроятно, не столько его ученость; какъ то, что онъ «повелѣваетъ духами». Откуда была у него эта сила, отъ Бога или отъ дьявола—этого никто не зналъ въ точности, большинство склонялось къ тому, что отъ дьявола. Нѣкоторые открыли даже, гдѣ сидитъ его демонъ; оказывалось—въ ногтѣ. Къ такой догадкѣ привела, можетъ-быть, привычка Кампанеллы во время разговора разсматривать свои ногти. Этому настолько серьезно вѣрили, что во время процесса ему срѣзали ноготь, на который онъ смотрѣлъ [1]). Многіе изъ вступавшихъ въ его заговоръ обращались къ нему съ просьбою дать имъ такого демона, который помогалъ бы имъ въ картахъ или въ любви, и пр., и пр. Кампанелла сердился обыкновенно при такихъ просьбахъ и говорилъ, что онъ не вѣритъ ни въ дьявола, ни въ адъ, что весьма скандализировало иныхъ. Но онъ позволялъ себѣ, ради шутки, и дѣйствительныя богохульства, что видно изъ свидѣтельства его вѣрнаго друга, фра Піетро, который старается его извинить, говоря, что то были праздныя рѣчи, дурачества, за которыя онъ ему и выговаривалъ.

Въ это время прибыли въ Стило, для примиренія, не совсѣмъ искренняго, представители враждовавшихъ издавна семей Контестабиле и Карневали. Со стороны послѣднихъ былъ выбранъ для этого другъ дома, Маурицio ди Рипальди, который, какъ и Маркантоніо Контестабиле, скоро сдружился съ Кампанеллой. Эти молодые люди часто сходились у Кампанеллы; онъ открылъ имъ всѣ свои планы, не скрывая, что беретъ прямо на себя роль реформатора и законодателя, и они привлекли за собою всѣхъ своихъ друзей, большею частью принадлежавшихъ къ самымъ знатнымъ мѣстнымъ фамиліямъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ отличался наибольшими достоинствами Маурицio, который выказалъ потомъ крайнюю твердость духа, не выдавъ ничего среди самыхъ ужаснѣйшихъ мученій. Маурицio присоединился охотно къ заговору Кампанеллы, указывая лишь на то, что безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать, но тотъ отвѣчалъ, что Маркантоніо Контестабиле достанетъ ихъ, и намекнулъ, что въ движеніи примутъ участіе важныя лица, напримѣръ, Леліо Орсини, что было только предположеніемъ Кампанеллы. Фра Діонизіо долженъ былъ отправиться возмутить округъ Катанцаро, но

[1]) *Ibid.*, *I*, 158. (Примѣчаніе a).

прежде переговорить съ турками, которые крейсировали у береговъ. Бывшій при разговорѣ Престиначе спросилъ Кампанеллу насчетъ общности женщинъ въ будущей республикѣ. Кампанелла отвѣтилъ утвердительно, прибавя, что для порожденія здороваго и сильнаго потомства будутъ выбираемы сильные, здоровые люди, какъ значится и въ «Солнечномъ городѣ» [1]). Далѣе Кампанелла обѣщалъ «вскрыть семь печатей», сжечь латинскія книги и замѣнить ихъ понятными для всѣхъ. О Христѣ онъ отзывался лишь какъ о великомъ человѣкѣ, не упоминая о Его божественности. Это возмутило Маурицio; тогда Кампанелла успокоилъ его, говоря, что хочетъ лишь искоренить нѣкоторыя злоупотребленія по части религіи. Кампанелла былъ пиціаторомъ и душою всего дѣла; какъ участники движенія, такъ и доносчики, и судьи, и посторонніе лица не изъявили никогда ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Главнымъ совѣтникомъ Кампанеллы былъ Дж. Григорію Престиначе, сумѣвшій оставаться въ тѣни и скрывшійся при началѣ преслѣдованій. Онъ былъ отличнымъ знатокомъ всего калабрійскаго быта, доставлялъ Кампанеллѣ необходимыя свѣдѣнія; онъ содѣйствовалъ укрѣпленію дружбы между Кампанеллой и Маурицio, въ видѣ противовѣса нежелательному для него вліянію Маркантоніо въ заговорѣ. Маурицio и Маркантоніо были людьми, на которыхъ лежала собственно военная часть предпріятія, руководство прочею молодежью. Фра Діонизіо и Пиццони, въ качествѣ монаховъ, дѣйствовали пропагандою между населеніемъ, считая, повидимому, не лишнимъ подрывать вѣру въ народѣ и соблазнять его непристойностями и богохульными шутками, изъ которыхъ многія были потомъ приписаны Кампанеллѣ. Фра Піетро, близкій другъ Кампанеллы, зналъ его замыслы, можетъ-быть, даже ранѣе другихъ, но не принималъ въ нихъ участія, не вѣря въ ихъ исполнимость, и даже подсмѣивался надъ ними. Сношенія съ турками остаются спорными, потому что Кампанелла всегда отрицалъ всякое свое участіе въ этомъ дѣлѣ, увѣряя, что все было сдѣлано безъ его согласія, и что онъ всегда возставалъ противъ подобнаго союза съ невѣрными. Но надо имѣть въ виду, что призывъ турокъ возбудилъ уже слишкомъ большое негодованіе въ королевствѣ; Кампанеллѣ надо было снять съ себя, прежде всего, это обвиненіе, чтобы возбудить сочувствіе къ своей участи; съ другой стороны, онъ

[1]) *Ibid.*, I, 172.

былъ ловкій агитаторъ и умѣлъ заставлять другихъ исполнять его планы, не выражая своихъ желаній прямо, но наводя близкихъ людей на мысль, которую онъ могъ потомъ выдавать за ихъ собственную. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ чертахъ характера, онъ былъ крайнею противоположностью Савонаролы. Дѣйствительно, съ турками, находившимися тогда близъ Стило подъ командою Амурата, переговаривался Маурицio, являвшійся на галеры подъ предлогомъ выкупа четырехъ плѣнныхъ; фра Діонизіо отправился въ это же время, въ іюнѣ 1599 года, въ Мессину по дѣламъ заговора, а Кампанелла посѣтилъ маркиза д'Арена, гостившаго по близости отъ Стило. По всей вѣроятности, маркизъ разспрашивалъ его также о наступающихъ перемѣнахъ, но онъ напрасно обвинялся потомъ, какъ соучастникъ движенія; напротивъ того, онъ былъ въ числѣ намѣченныхъ заговорщиками жертвъ [1]).

Фра Діонизіо, набирая сторонниковъ въ Мессинѣ, дѣйствовалъ по своему обычному методу, то-есть, старался вселять невѣріе, говорилъ, что вмѣсто Бога надо чтить одну природу, смѣялся надъ таинствами и обѣщалъ въ лицѣ фра Томазо Кампанеллы новаго Мессію, который введетъ и новые порядки въ людскую жизнь, преувеличивая при этихъ рѣчахъ значеніе и силу своей партіи. Это не помѣшало ему, остановясь въ Баньяро, сказать прекрасную проповѣдь на евангельскій текстъ, потому что, какъ онъ признавался одному изъ новоприобрѣтенныхъ сторонниковъ, «онъ умѣлъ поучать и тому, и другому». Въ разныхъ городахъ и монастыряхъ Діонизіо повторялъ свои богохульныя рѣчи, насмѣхаясь надъ самыми основами христіанской религіи, и расхваливалъ поступокъ того англичанина, который опрокинулъ въ Римѣ ковчегъ съ дарами, при чемъ не произошло никакого чуда. Подобные разговоры приходились по вкусу грубымъ слушателямъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что фра Діонизіо умѣлъ въ это же время видѣться съ Чикалой, стоявшимъ у Мессины. Во время процесса, поѣздка въ Мессину разсматривалась лишь по отношенію къ ереси Кампанеллы и его сообщниковъ, а не въ связи съ приглашеніемъ турокъ къ нападенію, но это было какимъ-то страннымъ опущеніемъ со стороны обвиненія. Число сторонниковъ Кампанеллы росло, но это были почти все люди невѣжественные или же самые безнравственные;

[1]) *Ibid.*, I, 176.

между ними было не мало убійцъ, находившихъ себѣ пріютъ въ монастыряхъ, особенно въ тѣхъ, которые были подъ властью епископа милетскаго. Клаудзіо Крисно, Піетро Сольданіеро и друг. судились за убійства, нѣкоторые бѣжали изъ тюремъ, гдѣ содержались за грабежи и насилія, и т. д. Такимъ людямъ нечего было терять, а всякая перемѣна могла сулить имъ только выгоды, и они охотно шли за новымъ вождемъ, мало заботясь о его высшихъ взглядахъ и лишь ожидая бо́льшаго простора для своеволія. Мауриціо получилъ, тѣмъ временемъ, отъ турокъ увѣреніе въ ихъ содѣйствіи, о чемъ былъ увѣдомленъ Кампанелла. Главные вожди заговора сходились нѣсколько разъ въ Арено, въ Пиццони, Никастро, Таверно и проч. Округъ Катанцаро былъ выбранъ пунктомъ главной вспышки возстанія, и Кампанелла отправился, по приглашенію Мауриція, въ одинъ изъ мѣстныхъ городовъ, Даволи, съ цѣлью произнести тамъ нѣсколько зажигательныхъ рѣчей. Но въ бытность его здѣсь произошелъ случай, говорящій объ обычной рѣзкости Кампанеллы и имѣвшій на этотъ разъ весьма важныя послѣдствія. Въ Даволи прибылъ тоже, по какой-то надобности, фра Доменико Полистина, который обратился публично къ Кампанеллѣ съ дружескими поклонами и привѣтствіями, но Кампанелла отвѣчалъ ему, что между ними не могло быть никакой пріязни, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ другомъ Дж. Баттиста Полистины, а другой другомъ фра Діонизіо, которые были заклятыми врагами [1]). Озадаченный такимъ пріемомъ, Доменико ушелъ, но Кампанелла сдѣлалъ большую ошибку, погорячась въ этотъ разъ, такъ какъ долженъ былъ знать, что это не пройдетъ ему даромъ. Проганный такъ неблагоразумно, Доменико направился въ Суріано, къ Джуліо Сольданіеро, который былъ недругомъ фра Діонизіо и даже передавалъ объ его нечестивыхъ рѣчахъ аббату суріанскаго монастыря и другимъ, замышляя уже давно объ измѣнѣ дѣлу Кампанеллы. Личность этого человѣка была характерна. Это былъ мѣстный землевладѣлецъ двадцати двухъ лѣтъ, но уже успѣвшій жениться. Онъ былъ осужденъ за убійство своихъ двоюродныхъ братьевъ, Марчело и Піетро Солданьеро, и еще одной родственницы, ради полученія наслѣдства. Бѣжавъ послѣ суда, онъ сталъ атаманомъ шайки разбойниковъ и примкнулъ къ дѣлу Кампанеллы. Доменико разсказалъ ему, что былъ вынужденъ сво-

[1]) *Ibid.*, I, 201.

ротить съ прямой дороги, которая шла лѣсомъ, потому что его поджидали тамъ съ цѣлью убить, какъ его предупредилъ о томъ его провожатый. Справедливъ или нѣтъ былъ разсказъ, но онъ былъ на руку такому лицу, какъ Солданьеро, ставшему потомъ самымъ ярымъ доносчикомъ на своихъ бывшихъ друзей. На послѣдней сходкѣ въ Даволи были приняты окончательныя рѣшенія; между прочимъ, Маурицio Ринальди долженъ былъ овладѣть городомъ Катанцаро съ помощью турокъ, другія лица получили тоже свое назначеніе. Фра Діонизіо продолжалъ разъѣзжать по провинціи, вербуя людей между самыми отчаянными головорѣзами и не стѣсняясь для этого никакими средствами, какъ говоритъ самъ Кампанелла. Личности эти обрисовываются хорошо во время самаго процесса. Діонизіо успѣвалъ увѣрять ихъ, что самъ папа и многіе кардиналы принимаютъ участіе въ заговорѣ. Онъ называлъ тоже нѣкоторыхъ почтенныхъ епископовъ, и толпа, зная вошственный задоръ многихъ духовныхъ сановниковъ и ихъ постоянное враждебное отношеніе къ правительству, слѣпо вѣрила такимъ словамъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ этихъ епископовъ были обречены на смерть тѣми же заговорщиками. То же самое распространялъ фра Діонизіо и о знати. Разсуждая спокойно, нельзя было бы не подивиться тому, что теперь говорится объ участіи въ заговорѣ кардиналовъ и папы, между тѣмъ какъ во всѣ прежніе мѣсяцы о нихъ упоминалось лишь съ насмѣшкою и презрѣніемъ; но умы были такъ возбуждены, что это противорѣчіе не вызывало сомнѣній. Еще нелѣпѣе оказывался союзъ папы съ турками, не прекращавшими съ нимъ войны на морѣ и на сушѣ, но масса не разбирала ничего.

Въ августѣ все было готово къ развязкѣ: Маурицio доносилъ Кампанеллѣ, что двѣсти бѣглыхъ готовы проникнуть ночью въ Катанцаро, чтобы составить ядро, вокругъ котораго сплотятся жители города, подготовленные Діонизіемъ Поццio, Томазо Франціей, Паоло кордуанскимъ и барономъ Кранаци. Въ то же время, Маркантонio Контестабиле долженъ былъ осадить замокъ маркиза д'Арена. Наконецъ, въ Стило и другихъ мѣстахъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого Кампанеллы, были готовы къ дѣйствію тоже революціонныя банды. Чикала, съ своими турками, обѣщалъ явиться въ первой половинѣ сентября. Общая же, необычайная вѣра всего населенія въ Кампанеллу, какъ астролога, или какъ ученаго, или какъ повелѣвавшаго духами,

должна была двинуть за нимъ и всю народную массу; смутныя ожиданія неизбѣжныхъ, будто бы, перемѣнъ устраняли страхъ и недовѣріе къ своимъ силамъ въ борьбѣ съ могуществомъ такого колосса, какъ Испанія. И всѣ эти надежды, всѣ эти грезы нашли себѣ выраженіе на банкетѣ, устроенномъ Кампанеллою и его приверженцами на горѣ Стило, но, еще до дня этого торжественнаго собранія, правительство было уже извѣщено о подготовлявшемся въ Калабріи. Доносчики всегда находятся въ рѣшительныя минуты.

XII.

Въ числѣ лицъ, слушавшихъ рѣчи фра Діонизіо Понціо въ Катанцаро, были два человѣка, Фабіо ди Лауріа и Джіованни Баттиста Библіа. Они укрывались отъ долговъ въ одномъ изъ мѣстныхъ монастырей. Фра Діонизіо считалъ ихъ, повидимому, искренно примкнувшими къ заговору. Они оказались предателями. 10 августа 1599 г., они подали формальный доносъ на Кампанеллу и его сообщниковъ вице-королю, графу ди Лемосъ, черезъ королевскаго прокурора при калабрійскомъ судѣ, дона Луиса Харафу. Въ этомъ документѣ говорилось, что доносчики «изъ радѣнія къ Богу и королю», успѣли развѣдать съ точностью, что «фра Томазо Кампанелла, монахъ ордена св. Доменика, человѣкъ почитаемый всѣми за первѣйшаго по учености и содержавшійся даже нѣсколько лѣтъ въ инквизиціонной тюрьмѣ, по подозрѣнію въ томъ, что подобныя изумительныя познанія могутъ быть лишь дѣломъ сатанинскимъ, что нынѣ и подтверждается, задумалъ совмѣстно съ синьоромъ Леліо Орсини, принцемъ ди Бевиньяно, герцогомъ ди Ветри, епископомъ никастрскимъ и многими другими епископами, знатными лицами и владѣтельными особами, между прочимъ самимъ святѣйшествомъ, именемъ котораго выступаетъ кардиналъ Санъ-Джіорджіо, наконецъ, съ турками и при содѣйствіи фра Діонизіо и фра Піетро Понціо и множества другихъ монаховъ-проповѣдниковъ разныхъ орденовъ, горожанъ, землевладѣльцевъ и корпорацій, какъ этой, такъ и другихъ провинцій, возмутить народъ противъ его величества короля, обзывая его тираномъ и указывая на страшную испорченность его министровъ, которые, будто бы, продаютъ, какъ на базарѣ, человѣческую кровь и правосудіе, питаются потомъ народнымъ... Всѣ они, поименованные выше, говорятъ, что испанскіе короли прокляты за захватъ церковныхъ областей, что настало время положить конецъ такому грѣху, такой тира-

ніи... И должно это совершиться посредствомъ намѣстника Христова, который, соболѣзнуя бѣдствіямъ народа, хочетъ возвратить ему республиканскую свободу подъ главенствомъ св. церкви, которая удовольствуется лишь малою данью съ него, не желая вводить его въ разореніе [1]). Далѣе въ этомъ длинномъ доносѣ указывалось на дѣйствія Маурицio Ринальди, на его переговоры съ турками, на шифрованную переписку между заговорщиками и пр. Доносчики прибавляли, что знаютъ все преимущественно отъ самого фра Діонизіо, который имъ довѣрялся, «будучи ихъ многолѣтнимъ пріятелемъ». Черезъ три дня, именно 13 августа, они послали вице-королю новое заявленіе о томъ, что «стараясь болѣе развѣдать и продолжая выставлять себя самыми ревностными приверженцами движенія», они узнали слѣдующее: вся область была уже подготовлена; въ Катанцаро между мятежниками было болѣе 100 важнѣйшихъ лицъ; королевское интендантство въ ихъ рукахъ; идетъ дѣятельный обмѣнъ курьерскихъ депешъ между разными городами. Они, доносчики, стараются овладѣть которыми-нибудь изъ этихъ депешъ, но находятся постоянно въ смертельномъ страхѣ, ожидая себѣ гибели за свою вѣрность королю, надѣются, однако, на защиту правительства и на то, что получатъ вознагражденіе за свою услугу. Но мѣры противъ мятежа должны не замедлить, «иначе произойдетъ общій страшный переворотъ». Первый донос прибылъ въ Неаполь 18 августа; второй, посланный прямо туда, 24 того же мѣсяца. Вице-король послалъ копію съ обоихъ въ Мадридъ, вмѣстѣ съ отчетомъ о принятыхъ имъ по этому случаю мѣрахъ. Еще 18 числа, тотчасъ по полученіи перваго доноса, пересланнаго ему Харафой, онъ отправилъ курьера къ испанскому посланнику при римскомъ дворѣ, герцогу ди Сесса, увѣдомляя его обо всемъ и приложивъ къ своему письму другое, «которое онъ могъ показать папѣ». Въ этомъ послѣднемъ письмѣ онъ передавалъ, что нѣкоторые монахи и другія духовныя лица въ Калабріи вели переговоры съ Чикалой и потому надо было испросить у его святѣйшества разрѣшеніе на арестъ заподозрѣнныхъ лицъ. Папа соглашался охотно, прося вице-короля препроводить сказанныхъ въ тюрьму при неаполитанской нунціатурѣ или же поступить съ ними, какъ будетъ найдено наилучшимъ. Вице-король считалъ все дѣло вздорнымъ, лишеннымъ всякаго

---

[1]) *Ibid.*, I, 226—229.

основанія; но его мнѣнію, совершенно пренебречь имъ было нельзя, но и придавать ему большую огласку не слѣдовало; потому, онъ рѣшилъ произвести секретное слѣдствіе и выбралъ для этого дона Карло Спинелли, человѣка не только храбраго на войнѣ, но проницательнаго и ловкаго, уже доказавшаго свои административныя способности во время бывшихъ, при герцогѣ д'Оссуна, безпорядкахъ въ Неаполѣ. Такой выборъ оправдывался еще тѣмъ, что отправка Спинелли въ Калабрію не могла вызвать никакихъ особенныхъ толковъ: всѣ повѣрили бы тому, что ему поручено защитить берега отъ нападенія турокъ, какъ то бывало и прежде. «Но мнѣ кажется слишкомъ нелѣпымъ внутываніе папы и кардинала С. Джіорджіо въ одно дѣло съ султаномъ. Другое дѣло, если бы рѣчь шла о французскомъ королѣ или итальянскихъ владѣтеляхъ. Такія интриги бывали, какъ сообщалъ мнѣ и герцогъ ди Сесса, но теперь, полагаю я, это все выдумки какихъ-нибудь монаховъ»...[1]) Все, касавшееся принца ди Бевиньяно, герцога ди Віетри и Леліо Орсини, казалось вице-королю тоже праздным вымысломъ, но, при всемъ томъ, прибавлялъ онъ, «для того, чтобы не ошибаться, надо всегда предполагать худшее». Онъ предписалъ Харафѣ отправиться въ портъ св. Евфиміи, гдѣ долженъ былъ высадиться Спинелли, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, такъ «чтобы прочіе члены суда и не подозрѣвали, что онъ ѣдетъ съ цѣлью переговорить обстоятельно обо всемъ съ Спинелли и условиться съ нимъ насчетъ необходимыхъ мѣръ». Въ заключеніе письма, графъ Лемосъ повторялъ снова, что считаетъ все вздоромъ или злонамѣренною выдумкою монаховъ. Но эти предосторожности оказались напрасными, потому что 25 числа того же августа, нѣсколько катанцарскихъ обывателей подали отъ себя доносъ, уже прямо въ Совѣтъ. Документъ этотъ былъ подписанъ двумя братьями Стривери, Маріемъ Флаккавенто, Дж. Баттистой Сансеверино и тѣмъ Томазо Франціа, который присутствовалъ на свиданіи Кампанеллы съ разными лицами въ Даволи. Доносчики указывали на спѣшное прибытіе фра Діонизіо въ Катанцаро для сообщенія «пророчествъ» Кампанеллы, при чемъ онъ говорилъ о близкомъ переворотѣ, имѣющемъ быть въ половинѣ сентября, «объ участіи въ немъ папы, многихъ важныхъ особъ, двухсотъ монаховъ и такого же числа ссыльныхъ или бѣглыхъ. Эти

[1]) *Ibid.*, I. 230.

послѣдніе должны были подать сигналъ къ возмущенію, при чемъ ожидалась и помощь отъ турокъ, «флотъ которыхъ прибудетъ еще къ 6 сентября». Сверхъ того, фра Діонизіо просилъ ихъ, доносчиковъ, впустить его тайно ночью въ городъ съ 400 вооруженными людьми. Они отклонили его предложеніе и, не будь онъ монахъ, связали бы его и отправили въ тюрьму, но должны теперь удовольствоваться тѣмъ, что доносятъ на него правительству, какъ подобаетъ вѣрноподданнымъ [1]). По всей вѣроятности, между заговорщиками прошелъ слухъ, что дѣло открыто; совѣщанія Библіи и Лауры съ Харафой не могли пройти незамѣченными, и Франціа съ товарищами надумали спасти себя, выдавъ прочихъ. Въ доносѣ говорится преимущественно о фра Діонизіо; Кампанелла упомянутъ только мелькомъ; это объясняется тѣмъ, что въ Катанцаро велъ переговоры одинъ фра Діонизіо и доносчикамъ было невыгодно выказать, что они знаютъ и еще многія подробности задуманнаго переворота. Такъ, Франціа вовсе не желалъ объявлять о томъ, что оставался въ Даволи съ Кампанеллою, Маурпціемъ, Кордовою и пр. Съ полученіемъ доноса Совѣтомъ, настоящая цѣль посылки Спинелли въ Калабрію сдѣлалась извѣстной и самъ губернаторъ не считалъ нужнымъ сохранять тайну, на что жаловался Спинелли вице-королю. Такъ или иначе, но въ самый день доноса катанцарскій епископъ зналъ уже все и, будучи пріятелемъ фра Діонизіо и всего доминиканскаго ордена, который оказывался очень скомпрометированнымъ, онъ посовѣтовалъ фра Діонизіо подумать о своемъ спасеніи и бѣжать изъ Катанцаро. Тотъ сѣлъ на первую попавшуюся ему монастырскую лошадь и скрылся.

Скрывшись изъ Катанцаро, фра Діонизіо поспѣшилъ въ Стило, чтобы сообщить Кампанеллѣ, находившемуся въ тамошнемъ монастырѣ, что заговоръ открытъ и Спинелли находится уже близко. Но онъ не совѣтовалъ Кампанеллѣ бѣжать, напротивъ того, Діонизіо настаивалъ на томъ, чтобы Кампанелла выступилъ въ поле съ нимъ, съ Маурпціо, и Доменико Петроло, «торопилъ его и пугалъ», говоря, что, не соглашаясь на это, «онъ себя губитъ». Онъ увѣщавалъ его написать въ томъ же смыслѣ Клаудіо Криспѣ. Кампанелла не рѣшился, однако, на такой смѣлый шагъ, полагая лучшимъ обратиться къ аудитору Давиду съ письмомъ въ свое оправданіе, для чего хотѣлъ явиться въ Катанцаро.

[1]) *Ibid.*, I. 240.

Онъ передумалъ, впрочемъ, и отправился въ Стиньяно. Огорченный фра Діонизіо тоже не остался въ Стило и сталъ отыскивать Маурицію и другихъ участниковъ заговора, чтобы принять сообща необходимыя мѣры. Въ Стиньяно Кампанелла остановился не у своего отца, а у одного священника, Марко Петроло, но вскорѣ долженъ былъ искать другого убѣжища, когда хозяинъ «высказалъ ему, что перемѣнилъ свои мысли». То же начали дѣлать, одинъ за другимъ, и многіе другіе сторонники переворота. Съ этого момента, событія растутъ, спутываются и чередуются съ такой быстротою, что трудно было бы передать ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Для насъ и не важны всѣ мелочи, не касающіяся собственно Кампанеллы. Довольно сказать, что Спинелли высадился въ портѣ св. Евфиміи 27 августа, встрѣтился здѣсь съ Харафой, а 28 числа былъ уже въ Катанцаро, гдѣ съ 31 августа и начался судъ. Вице-король, скоро убѣдясь въ томъ, что заговоръ не былъ пустымъ вымысломъ, принялъ разныя мѣры предосторожности въ Неаполѣ, предписавъ еще болѣе строгія для Калабріи,—но самъ продолжалъ пока наслаждаться спокойною жизнью подъ сѣнью чудныхъ рощъ Позилипо, посѣщая съ своею супругою пиры и балы, которые давались въ его честь мѣстною знатью. Но это служило ему только для замаскированія своихъ намѣреній. Онъ заявилъ въ военномъ совѣтѣ о необходимости оградить королевство отъ турокъ, которые, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, хотѣли разграбить Ланціано въ Абруццахъ, а затѣмъ и Салерно, лежавшій ближе къ Неаполю, во время ярмарокъ, открываемыхъ въ этихъ мѣстахъ въ сентябрѣ; когда же совѣтъ нашелъ сказанныя извѣстія неправдоподобными, онъ сталъ выражать опасенія по поводу чумы, показавшейся на Адріатикѣ. Онъ запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, не только какія-либо сношенія съ судами изъ «зараженныхъ» мѣстъ, но даже и впускъ кого-либо, прибывающаго съ этой стороны въ королевство. Всѣ проходы въ Сангермано, Фонди, Таліакоццо, были заняты военными командами; едва не было даже прервано всякое сообщеніе съ самимъ Римомъ. Но, убѣдясь вскорѣ, что трудно будетъ скрыть истинное положеніе вещей, и успокоясь тоже донесеніями объ успѣшномъ подавленіи мятежа въ Калабріи, вице-король отмѣнилъ все вышесказанное, равно какъ и другія мѣры, принятыя противъ воображаемой чумы въ Римской области. Взамѣнъ того, онъ приказалъ удвоить строгость въ Калабріи и не медлить рас-

правою съ тѣми, которые уже попались или попадутся. Пятеро катанцаровъ, подавшихъ въ судъ доносъ, показавшійся вице-королю запоздалымъ, были посажены въ тюрьму по его приказу. Вызвавъ губернатора дона Алонзо де-Рохасъ въ Неаполь, «для предоставленія Спинелли бо́льшаго простора дѣйствій», вице-король предписалъ тотчасъ же Спинелли задержать «съ подобающимъ почтеніемъ» тѣхъ епископовъ, которые окажутся виновными и попытаются бѣжать, при чемъ увѣдомлять его обо всемъ не медля. Онъ самъ хотѣлъ доложить тогда уже дѣло папѣ, поставляя ему на видъ, что эти лица позволяютъ себѣ злоупотреблять его именемъ, вслѣдствіе чего, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, «его святѣйшество не замедлитъ выдать ихъ ему головою для примѣрнаго наказанія». Впрочемъ, Спинелли долженъ былъ отмѣчать все, касавшееся знати, епископовъ и папы, отдѣльно, не внося въ процессуальный актъ. Спинелли, съ своей стороны, не нуждался въ особенномъ поощреніи къ усердію. Онъ уже увѣрился въ существованіи обширнаго заговора, а ежедневные новые доносы, словесные и письменные, открыли ему, что, помимо революціонныхъ замысловъ, возникала въ странѣ еще ересь. Первымъ доносчикомъ по этому новому преступленію Кампанеллы былъ, повидимому, фра Корнеліо изъ Ниццы, тоже сторонникъ Кампанеллы вначалѣ, потомъ доносилъ о томъ и Петроло, у котораго пріютился Кампанелла въ Стиньяно, поступившій съ особенной хитростью: по обязанности, ему приходилось доносить о ереси своему духовному начальству, поэтому онъ и сочинилъ письмо на имя епископа скилласкаго, но поручилъ нѣкоему Ламберти, взявшему доставить его, повидаться сначала съ Спинелли. Случилось то, что онъ, разумѣется, предвидѣлъ: Спинелли съ Харафой прочитали письмо и задержали его для пріобщенія къ дѣлу о заговорѣ, а Петроло, исполнившій свой долгъ доносчика епископу, выставилъ себя и передъ свѣтскимъ правительствомъ вѣрнымъ слугою, потому что выражалъ въ своемъ письмѣ пожеланія гибели не только еретикамъ, но и мятежникамъ, «желающимъ вводить новые порядки». Но тотъ же Ламберти, призванный впослѣдствіи для дачи показаній, долженъ былъ заявить, что Кампанелла проживалъ въ Стиньяно у Петроло, и Петроло былъ тоже посаженъ въ тюрьму. Въ Стило тоже нашлись предатели: клирикъ Джуліо Контестабиле, тотчасъ же за выѣздомъ Кампанеллы въ Стиньяно, донесъ на него какъ на богохульца и мятежника, вслѣдствіе чего баронъ Карло

Руффо, помощникъ Спинелли, поручилъ своему родственнику Джеронимо ди Франческа изловить Кампанеллу и его сообщниковъ. Но Кампанелла былъ взятъ уже ранѣе въ другомъ мѣстѣ и потому Франческо ограничился тѣмъ, что захватилъ его родныхъ. Спинелли послалъ въ это время аудитора ди Лега арестовать Кампанеллу, выбравъ этого человѣка какъ наиболѣе способнаго совершить все безъ шума и подъ благовиднымъ предлогомъ, но ди Лега воротился ни съ чѣмъ: Кампанелла успѣлъ уже скрыться. Тогда, чтобы захватить его и Маурицiо, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить высадку Чикалы, появленiе котораго позволило бы мятежникамъ развернуть свои силы, Спинелли послалъ капитана Антонiо Марике занять Стило и Гуардавалле, родину Маурицiо; другая рота была отправлена въ Стиньяно и другiя мѣста съ порученiемъ отрѣзать всѣ выходы бѣглецамъ.

Между тѣмъ, число арестованныхъ возрастало и содержать ихъ въ Катанцаро было затруднительно, особенно при отдѣльномъ заключенiи каждаго изъ нихъ; поэтому Спинелли перевелъ судъ въ замокъ Скилаче, арестовавъ владѣтеля его, Джеронимо дель Туфо, тоже оговореннаго въ одномъ изъ доносовъ. Такимъ образомъ настоящiй судъ начался собственно въ Скилаче, продолжаясь, уже гораздо позднѣе, въ Гераче. Надо полагать, что приказы изъ Неаполя были очень настойчивы, если Спинелли, не болѣе какъ черезъ пять или шесть дней послѣ начала процесса, считалъ нужнымъ уже оправдываться въ томъ, что «не подвергалъ еще никого пыткѣ единственно потому, что былъ крайне озабоченъ поимкою разныхъ лицъ, поименованныхъ въ доносахъ и которыя могли скрыться при малѣйшей потерѣ времени». Между арестованными былъ баронъ Кроцани, какъ получившiй письмо отъ одного изъ вожаковъ революцiи. Остальные арестанты принадлежали къ мелкимъ обывателямъ Катанцаро. Давая отчетъ вице-королю о всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ, Спинелли сообщалъ, что епископъ никастрскiй и принцъ Бевиньяно должны были прибыть тайно въ Калабрiю. Между прочимъ, епископъ прислалъ сюда «весь свой домъ», оставаясь въ Римѣ съ однимъ лишь слугою; слѣдовало, поэтому, навести справки въ Римѣ и, если бы его тамъ не оказалось, подозрѣнiя на его счетъ получили бы большое основанiе. Во всѣхъ портахъ былъ учрежденъ самый строжайшiй надзоръ; никто не могъ выѣхать въ море безъ особаго разрѣшенiя; кромѣ того, у береговъ крейсировала фелука, командиръ которой долженъ былъ осматривать каждую лодку,

каждое судно, такъ что побѣгъ моремъ былъ совершенно немыслимъ...

Вице-король довелъ до свѣдѣнія папы, что фра Томазо Кампанелла, фра Діонизіо и фра Пістро Понціо старались взбунтовать Калабрію, толкуя народу, что «они имѣли на то повелѣніе отъ того, кто имѣлъ право имъ повелѣвать», какъ доносилъ ему Спинелли. Называя въ числѣ участвовавшихъ, будто бы, въ заговорѣ, нѣкоторыхъ сановниковъ королевства, они увѣряли, что самъ папа выразилъ имъ свое благоволеніе черезъ кардинала Санъ-Джіорджіо, такъ что главными дѣятелями являлись во всемъ папа, султанъ и сказанный кардиналъ. Сверхъ того, монахи проповѣдывали разную ересь. Нѣкоторые епископы, согласно собраннымъ свѣдѣніямъ, казались тоже виновными, вслѣдствіе чего, «если таковыя вины подтвердятся», правительство должно будетъ подвергнуть аресту этихъ духовныхъ лицъ, соблюдая должную почтительность къ ихъ сану и увѣдомивъ тотчасъ папу. Вице-король, недовольный, между тѣмъ, что главные виновники не были еще пойманы, предписалъ Спинелли издать прокламацію съ обѣщаніемъ тому, кто возьметъ Маурицію Ринальди живымъ, полнаго прощенія, не только ему, взявшему, но и его товарищу, лишь бы товарищемъ этимъ не былъ одинъ изъ трехъ монаховъ, т. е. Кампанелла, Діонизіо или Пістро Понціо; за мертваго Маурицію получалъ прощеніе лишь одинъ, представившій его трупъ. Точно такъ же обѣщалось прощеніе тѣмъ, кто возьметъ «трехъ монаховъ». Вице-король находилъ такое обѣщаніе лучшимъ средствомъ къ поимкѣ бѣглецовъ руками самихъ заговорщиковъ, основываясь на томъ, что между ними дружба плохая. Дѣйствительно, трудно было предполагать тѣсную дружескую связь между тѣмъ сбродомъ, который вербовался въ заговорщики. Въ то время поимка преступниковъ представляла своего рода подрядъ: извѣстныя лица являлись съ предложеніемъ изловить бѣглеца за большую или меньшую плату, при чемъ получали на то патентъ съ разрѣшеніемъ обшаривать весь округъ во главѣ вооруженной команды и съ правомъ требовать всякаго содѣйствія отъ жителей. Такія лица назывались «сельскими комиссарами» и нечего говорить, что они зачастую распоряжались такъ, что правительство высылало противъ нихъ другихъ «комиссаровъ». Иногда же поимку бѣглецовъ поручали такъ-называемъ fuorusciti (высланнымъ по приговору суда или бѣжавшимъ отъ него), которые получали названіе Guidati («охранные», отъ слова «охранный

листъ»; которымъ они снабжались, вмѣстѣ съ письменнымъ договоромъ, въ которомъ точно обозначался родъ требуемой отъ нихъ услуги, дававшей имъ потомъ право на помилованіе отъ всякой кары за ихъ прежнія преступленія). При подавленіи возмущенія въ Калабріи дѣйствовалъ тотъ и другой родъ сыщиковъ. Изъ числа «охранныхъ» отличались особенно Джуліо Солданьеро съ Валеріо Бруно, а «комиссарами» не пренебрегали быть и многіе дворяне, напримѣръ Джеронимо Морано, братъ барона Гальято, Карло Руффо, родственникъ Спинелли, получившій впослѣдствіи, за эти услуги, титулъ герцога. Нѣкоторые аристократы, какъ принцы делла Рочелла, ди Сцила, ди Скалеа, приняли на себя обязанность отражать турокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они занимались и ловлею бѣжавшихъ. Делла Рочелла получилъ свой княжескій титулъ за геройскую оборону своего замка Кастельветере противъ Чикалы въ 1594 г., но теперь его усердіе направилось не противъ турокъ, а противъ Кампанеллы, къ которому онъ такъ благоволилъ въ прежнее время, восхваляя его литературные труды, особенно трагедію «Марія Стюартъ». Онъ не только выдалъ Спинелли сношенія Кампанеллы съ Пизано и другими, но прибылъ впослѣдствіи въ Неаполь съ тѣми самыми галерами, на которыхъ перевозили туда въ цѣпяхъ его ученаго друга съ его товарищами по несчастію. Кромѣ этихъ помощниковъ Спинелли и Харафы большія услуги оказали правительству визитаторъ фра Марко и его помощникъ, фра Корнеліо, учредившіе, одновременно съ свѣтскимъ судомъ, свой духовный трибуналъ. Оба процесса, какъ свѣтскій, такъ и духовный, начались одновременно съ промежуткомъ лишь одинѣхъ сутокъ между ними. Первыми доносчиками на ересь Кампанеллы и его товарищей были оба Полистины и фра Корнеліо. Доменико Полистина, послѣ непріятной встрѣчи съ Кампанеллою въ Даволи, отправился въ Соріано къ Джуліо Солданьеро, который «разсказалъ ему все, что зналъ, о богохульствѣ фра Діонизіо и его надеждахъ на скорую революцію, замышленную Кампанеллой». Доменико поспѣшилъ тотчасъ же въ Катанцаро, гдѣ находился при визитаторѣ фра Корнеліо, и разсказалъ ему все. Тотъ, не теряя времени, именно 14 августа, отправилъ доносъ къ начальнику доминиканскаго ордена, Ипполиту Беккаріа, которому послалъ затѣмъ и добавочныя свѣдѣнія о томъ же предметѣ. Сначала онъ ссылался на какого-то «дворянина»; впослѣдствіи въ Римѣ признался, что первымъ сообщилъ ему объ ереси Кампа-

неллы Доменико Полистина; до отъѣзда же въ Римъ, онъ указалъ на молодого двадцатилѣтняго человѣка, по имени Фабіо ди Лаура... Изъ этого послѣдняго имени можно заключить, что Корнеліо входилъ въ сношенія съ первыми доносчиками по дѣлу заговора,—весьма вѣроятно, при посредствѣ того же Полистины и не безъ переговоровъ съ Харафою. Корнеліо писалъ и прямо къ великому инквизитору, кардиналу Санъ-Северино, обличая Кампанеллу въ томъ, что онъ издѣвается надъ распятіемъ, не признаетъ таинствъ, обѣщаетъ введеніе новыхъ порядковъ и пр., «и заражаетъ такими злодѣйскими мыслями разныя мѣста». Корнеліо обѣщалъ, если его вызовутъ въ Римъ, дать болѣе пространныя словесныя показанія, однако, не сдержалъ этого и даже признался, что повторялъ, въ общемъ, лишь рѣчи Полистины, Солданьеро, епископа катанцарскаго, доносчиковъ и даже самихъ правительственныхъ лицъ; вслѣдствіе этого, въ инквизиціи остались имъ недовольны и даже не повѣрили тому, чтобы ересь успѣла уже такъ распространиться. Подобно тому же, послѣдующій свѣтскій судъ въ Неаполѣ призналъ, что многое было говорено имъ «изъ непріязни». Такимъ образомъ остается официально заявленнымъ, что въ процессѣ играла роль злонамѣренность и что обвиненіе было построено на свѣдѣніяхъ, добытыхъ черезъ Полистину, Солданьеро, Лауру, Харафу и епископа катанцарскаго. Но для того, чтобы начать процессъ противъ ереси, необходимъ былъ доносчикъ, а такимъ могъ быть лишь Солданьеро, потому что Полистина и другіе монахи были слишкомъ открытыми врагами фра Діонизіо, а свидѣтельства враговъ, по уставу инквизиціи, хотя принимались, но не имѣли должнаго значенія. Между тѣмъ Солданьеро, охотно говорившій обо всемъ съ Полистиной или Корнеліо, вовсе не хотѣлъ выступать въ роли публичнаго доносчика. Надо было его къ тому принудить. Съ этою цѣлью, фра Корнеліо и фра Доменико Полистина окружили соріанскій монастырь солдатами и другими вооруженными людьми и предложили укрывавшемуся здѣсь Солданьеро на выборъ: или донести на фра Діонизіо и Кампанеллу, или быть отведеннымъ въ тюрьму, изъ которой онъ не могъ выйти иначе, какъ на висѣлицу, по приговору суда за прежнія преступленія. Въ духовномъ судилищѣ, занявшемся однако не одною ересью, но и заговоромъ, все велось именемъ визитатора, фра Марко, но собственно душою дѣла былъ фра Корнеліо, присвоивавшій себѣ въ бумагахъ всевозможныя наименованія: «члена визи-

таціи», «секретаря», «письмоводителя», «потаріуса» и даже иногда «доктора того и другого права».

Первымъ былъ допрошенъ Дж. Баттиста Пиццони, взятый при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ проживалъ въ монастырѣ близъ мѣстечка Пиццони, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Лауріано. Въ ночь на 3 сентября прибыли къ нимъ тоже фра Діонизіо и Томазо Каччіа, но вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, часа два до разсвѣта, монастырь былъ окруженъ солдатами. Пиццони воскликнулъ: «Попались мы по дѣламъ Кампанеллы!», а Каччіа спросилъ солдатъ, что они за люди? Командиръ ихъ, Карло Паоло, отвѣтилъ, что возвращается въ Скилаччѣ съ своей командой; однако фра Діонизіо и Лауріано ударили въ набатъ; окрестные жители сбѣжались, но солдаты сказали имъ, что хотятъ только прослушать раннюю обѣдню, а потомъ уйдутъ... Томазо Каччіа вышелъ къ Паоло, котораго зналъ, но фра Діонизіо успѣлъ переодѣться въ чье-то платье и ушелъ незамѣтно. Пиццони сталъ служить обѣдню, дрожа отъ страха; Паоло и солдаты выслушали ее, а затѣмъ взяли Пиццони и Лауріано и отвели ихъ въ Монтелеоне [1]). Пиццони, допрошенный въ тотъ же день визитаторомъ и фра Корнеліо, скрылъ присутствіе фра Діонизіо въ ту ночь, а о себѣ (на вопросъ: какъ онъ полагаетъ, за что арестованъ?) заявилъ, что его, вѣроятно, хотятъ допросить, «какъ свидѣтеля», насчетъ Кампанеллы и фра Діонизіо, бывшихъ въ Пиццони въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ. Онъ отозвался о нихъ, какъ о «негодныхъ людяхъ». Кампанелла говорилъ ему о разныхъ пророчествахъ, о скорой революціи, о необходимости быть готовымъ къ ней, вооружиться, и убѣждалъ его, какъ имѣющаго сношенія съ бѣглыми, посодѣйствовать къ привлеченію ихъ. Но онъ, Пиццони, отклонилъ эти предложенія, и Кампанелла, озлобясь, сказалъ ему, что недаромъ Полистина называлъ его измѣнникомъ. Кампанелла давалъ ему тоже понять, что «считалъ себя избраннымъ отъ Бога на проповѣдываніе истины и искорененіе церковныхъ злоупотребленій, что таинства были учреждены по государственнымъ соображеніямъ, что мѣніе при богослуженіи было только праздной потѣхой». Не удовлетворяясь этими показаніями, слѣдователи пригрозили Пиццони тюрьмою, послѣ чего онъ сталъ заявлять еще многое изъ ереси Кампанеллы относительно евхаристіи, таинствъ вообще, дѣвственности Маріи, дѣяній апостоль-

[1]) *Ibid.*, I, 264.

скихъ, чудесъ, демоновъ, папы, св. Троицы и пр. Все это «слышалъ онъ изъ устъ самого Кампанеллы, частью въ Стило, частью въ Ницціи. Фра Діонизіо еще ранѣе говорилъ ему то же и разсказывалъ о богохульной выходкѣ съ жертвеннымъ хлѣбомъ, и онъ, Ницціи, подозрѣвалъ, что богохульникомъ этимъ былъ не кто иной, какъ Кампанелла... Далѣе, Ницціи признался, что слышалъ отъ Кампанеллы о переговорахъ Маурицio съ Амуратомъ, о чемъ говорилъ ему тоже и фра Діонизіо, называя разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и владѣтельныхъ особъ, которыя обѣщали помогать революціи. Въ Стило, Даволи, Катанцаро, и пр. мѣстахъ было уже все подготовлено. Венеція тоже на сторонѣ мятежниковъ. Баронъ Кропати былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. Предполагалось убить губернатора и другихъ правительственныхъ лицъ, послѣ чего провозгласить республику. Послѣ Ницціи былъ допрошенъ Солданьеро, въ мѣстѣ своего жительства, т. е. въ соріанскомъ монастырѣ. Снималъ съ него показанія фра Корнеліо, въ присутствіи настоятеля и другого монаха. Солданьеро повторилъ то же, что и Ницціи, прибавляя лишь слѣдующее: фра Діонизіо говорилъ ему, что, помогая Кампанеллѣ, оба они достигнутъ большихъ почестей; Кампанелла призвалъ турокъ съ тѣмъ, чтобы «предать имъ королевство», революція будетъ производиться «и мечомъ, и языкомъ». Кампанелла былъ богохульникъ; онъ говорилъ, что литеры надъ распятіемъ I. N. R. I. означаютъ грубѣйшее издѣвательство и т. д. Но, заявляя все это, Солданьеро признался тутъ же, что никогда не видывалъ самъ Кампанеллы, а слышалъ обо всемъ отъ фра Діонизіо, фра Дж. Баттиста Ницціи и фра Пістро изъ Стило. Затѣмъ слѣдовало заявленіе о заговорѣ противъ короля, о приглашеніи турокъ получать дань съ королевства, объ участіи въ этомъ заговорѣ разныхъ знатныхъ лицъ. Относительно кощунственныхъ рѣчей фра Діонизіо, Солданьеро могъ говорить правду, потому что тотъ употреблялъ всегда этотъ пріемъ при вербовкѣ сторонниковъ въ свою партію, но все остальное было прибавлено, безъ сомнѣнія, къ его показанію изъ другихъ источниковъ, потому что было матеріально даже невозможнымъ, чтобы фра Діонизіо успѣлъ передать ему столько подробностей при одномъ свиданіи, раскрывъ ему всѣ развѣтвленія заговора, долю участія каждаго изъ дѣйствовавшихъ лицъ и проч. Черезъ день еще былъ допрошенъ Лауріано. На обычный вопросъ о томъ, какъ онъ былъ арестованъ и за что, онъ разска-

залъ о сценѣ въ монастырѣ, не скрывъ тоже прибытія Каччіи съ фра Діонизіо и бѣгства этого послѣдняго при прибытіи солдатъ. Онъ заявилъ и о восклицаніи Пиццони: «Попались мы по дѣламъ Кампанеллы!» Разсказывая о своихъ отношеніяхъ къ фра Діонизіо и Кампанеллѣ, онъ назвалъ ихъ также «людями негодными», но о Пиццони отозвался, какъ о человѣкѣ хорошемъ. Относительно ереси Кампанеллы, онъ повторилъ то же, что было говорено другими: фра Томазо не признавалъ Бога, говорилъ, что подъ этимъ именемъ разумѣется лишь природа, отвергалъ таинства, чудеса и т. д. Самъ онъ, будто бы, могъ творить такія же чудеса и творилъ ихъ и проч. Сначала онъ объявилъ Пиццони невиннымъ въ такихъ коцунствахъ, но потомъ, подъ угрозою тюрьмы и лишенія шести годовъ каторги, онъ обвинилъ и его. Его дальнѣйшія показанія на Кампанеллу и Маурицio еще болѣе подозрительны, потому что онъ былъ слишкомъ ничтожною личностью и не могъ быть посвященъ въ подробности заговора и удостоенъ довѣрія главныхъ руководителей. Онъ состоялъ при Пиццони слугою, «кухаремъ», какъ онъ самъ говорилъ, исполнялъ всякую кухонную работу. Если онъ слышалъ что-нибудь, то лишь мелькомъ и не могъ установить между этимъ слышаннымъ никакой связи; но онъ былъ сначала такъ обольщенъ, а потомъ запуганъ судомъ и Карломъ Руффо, что показывалъ все, что хотѣли, а потомъ, перезабывъ все и потерявъ голову отъ страха и угрызеній совѣсти, сталъ говорить уже совершенно несообразное. Гдѣ же былъ Кампанелла?

Какъ было сказано выше, онъ бѣжалъ изъ Стило, вопреки совѣту фра Діонизіо, и прибылъ въ Стиньяно, но и здѣсь, выданный Маркомъ Петроло, у котораго остановился, и Джуліемъ Контестабиле, бывшимъ ученикомъ и другомъ, пріискалъ себѣ другое убѣжище, тоже въ Стиньяно. Маурицio, вѣроятно, увѣдомленный Діонизіемъ, прибылъ въ Стило для переговоровъ съ Кампанеллой; не заставъ уже его здѣсь, онъ писалъ ему, умоляя его воротиться въ Стило, «что было бы его спасеніемъ», но Кампанелла отказался отъ свиданія съ нимъ, уступая, будто бы, просьбамъ отца, который со слезами не выпускалъ его изъ Стиньяно. Узнавъ, что Кампанелла въ монастырѣ св. Маріи, близъ Стиньяно, Маурицio поспѣшилъ туда, но Кампанелла, обѣдавшій въ то время съ фра Доменико Петроло, выскочилъ вонъ и ускакалъ. Маурицio гнался за нимъ цѣлыхъ семь миль, но безуспѣшно, а Кампанелла укрылся близъ Роччеллы, въ

домѣ одного поселянина, по имени Антоніо Мезурака, который, въ благодарность за услугу, оказанную ему однажды Кампанеллой-отцомъ, пріютилъ фра Томазо и его спутника, Доменико. Такъ разсказываетъ о своемъ бѣгствѣ самъ Кампанелла, но Доменико Петроло прибавляетъ къ этому еще нѣкоторыя подробности и, между прочимъ, крайне неправдоподобное предположеніе о томъ, что «Маурицio хотѣлъ ихъ убить и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе». Трое сутокъ пробыли здѣсь бѣглецы, прячась въ стогахъ соломы, но Мезурака рѣшилъ, что ему будетъ выгоднѣе выдать своихъ гостей. Этотъ смѣтливый человѣкъ пошелъ съ доносомъ прямо къ своему барону, принцу делла Рочелла, который тотчасъ же обѣщалъ ему щедрую награду за такую услугу. Арестованные были связаны и перевезены въ Кастельветере. Кампанелла сказалъ бравшимъ его: «Я пойду добровольно и объясню, что предполагалось сдѣлать и на основаніи какихъ причинъ». Потомъ онъ попросилъ Мезураку отнести его прощальный привѣтъ родителямъ, потому что онъ шелъ на смерть. Но Петроло кричалъ: «Убейте меня! Не берите живымъ». Кампанелла винилъ Контестабилей, говоря, что это они помогли его взять, а Мезурака оправдывался тѣмъ, что онъ обязанъ былъ такъ поступить, какъ вассалъ принца, а что иначе было бы еще хуже, потому что прибыли уже Харафа, баронъ делла Баньяра и баронъ ди-Гальято съ 200 солдатъ и грозились, что убьютъ Кампанеллу [1]). Весь этотъ жалкій конецъ и странное, непонятное, повидимому, упорство Кампанеллы, не послѣдовавшаго совѣтамъ фра Діонизіо и даже избѣгавшаго встрѣчи съ Маурицio, объясняются характеромъ дѣйствовавшихъ лицъ. Фра Діонизіо, отважный, не задумывавшійся ни надъ чѣмъ, требовалъ открытой борьбы съ правительствомъ, разъ уже заговоръ былъ обнаруженъ; Маурицio, храбрость котораго стояла внѣ всякаго сомнѣнія, былъ, однако, благоразумнѣе и сознавалъ всю безполезность такой попытки въ виду уже собраннаго числа милиціи и, главное, той деморализаціи, которая обнаруживалась въ рядахъ самихъ заговорщиковъ. Но онъ хотѣлъ спасти Кампанеллу и пренебрегъ очевидной опасностью, слѣдуя изъ Гуардавалле въ Стило, изъ Стило въ Стиньяно и далѣе, по дорогамъ, уже занятымъ сторожевыми постами. Подозрѣніе его въ замыслахъ на жизнь Кампанеллы нелѣпо, не говоря уже о томъ,

---

[1]) *Ibid.*, I, 275.

что оно противорѣчитъ его благородному характеру и всѣмъ послѣдующимъ его дѣйствіямъ; для того, чтобы получить прощеніе, надо было заручиться сначала охраннымъ листомъ и формальнымъ обѣщаніемъ властей, а какъ могъ бы получить это Маурицio, самъ преслѣдуемый, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ вожаковъ революціи? Петроло, природный трусъ и совершенно упавшій духомъ при видѣ опасности, могъ бояться сближенія съ Маурицio и совѣтовалъ Кампанеллѣ бѣжать отъ него. Но поведеніе самого Кампанеллы загадочно. Самъ онъ говоритъ потомъ, что Маурицio преслѣдовалъ его съ цѣлью спасти, но онъ самъ уклонялся отъ него, «перемѣнивъ о немъ мнѣніе»; потомъ, въ своей «Защитѣ», онъ заявляетъ, что Маурицio хотѣлъ его убить, боясь, что Кампанелла выдастъ его договоръ съ турками и, злобствуя на него, Кампанеллу, за то, что онъ спасъ однажды Джулія Контестабиле отъ его ярости. Еще позднѣе, въ «Narrazione», онъ обвиняетъ уже Маурицio въ томъ, что онъ искалъ его смерти ради полученія себѣ прощенія. Пiстро ди Стило, нѣжно привязанный къ Кампанеллѣ, повторяетъ то же обвиненіе. Какъ можно догадываться, Кампанелла надѣялся болѣе на свою изворотливость, нежели на какую-нибудь вооруженную помощь, и находилъ ее даже помѣхою при наступившемъ уже положеніи вещей, почему и старался, прежде всего, разъединиться съ фра Діонизіо и съ Маурицiемъ, порывая всякую солидарность съ этими двумя наиболѣе выдающимися представителями движенія. Чувство самосохраненія говорило въ немъ сильнѣе всего прочаго въ эту минуту, но оно не оправдываетъ тѣхъ нападокъ, которыми онъ пятналъ, даже позднѣе, самую память несчастнаго Маурицio. Лишь только былъ взятъ Кампанелла, на мѣсто происшествія прибыли главные «комиссары», Моранo и Руффо, съ своими командами; каждому изъ нихъ хотѣлось показать свое участіе въ дѣлѣ, но честь его принадлежала принцу делла Рочелла, то-есть была ему приписана, потому что вся его заслуга состояла въ томъ, что онъ послалъ своихъ вооруженныхъ людей взять бѣглецовъ и обѣщалъ, именемъ короля, хорошее вознагражденіе Мезуракѣ.

Одновременно съ Кампанеллой были доставлены въ Кастельветере еще тринадцать лицъ; дорогою приставники стращали Кампанеллу и старались выѣдать отъ него, кто были его сообщники, при чемъ имъ удалось узнать нѣсколько именъ, между ними, будто бы, и имя Маріо дель Туфо, но

Кампанелла отрицалъ это, утверждая, что сказалъ только, что Маріо и всѣ его, Кампанеллы, друзья должны остерегаться, чтобы ихъ не взяли. Черезъ нѣсколько дней, въ Кастельветере прибылъ Харафа, который, по порученію Спинелли, «долженъ былъ лично вывѣдать все отъ Кампанеллы, прежде нежели съ нимъ успѣли столковаться другіе». Харафа успокоилъ арестованнаго, обошелъ его ласковыми словами, для того чтобы получить отъ него собственноручное «заявленіе» въ желаемомъ духѣ. Кампанелла поддался ловушкѣ и написалъ свое «заявленіе» съ извѣстной угодливостью. Это обстоятельство, потомъ постоянное умолчаніе Кампанеллы объ этомъ собственноручномъ письменномъ заявленіи и смертельная ненависть къ Харафѣ, выражавшаяся и въ прозѣ, и въ стихахъ, указываютъ ясно, что онъ не могъ никогда простить «этой лисѣ» то, что она сумѣла обойти и его, тоже считавшаго себя мастеромъ по части «догадки и изворотливости». Въ «заявленіи» Кампанелла говоритъ о своихъ занятіяхъ по предугадыванію будущаго, о своемъ ожиданіи перемѣнъ въ королевствѣ, «всегда наклонномъ къ переворотамъ», о подобныхъ же мнѣніяхъ разныхъ замѣчательныхъ людей, мѣстныхъ и иноземныхъ, о необычныхъ знаменіяхъ того года и о своихъ истолкованіяхъ такихъ явленій; онъ упоминаетъ далѣе о своей попыткѣ примирить фамиліи Карневале и Контестабиле, и затѣмъ разсказываетъ крайне многословно о желаніяхъ освободиться отъ испанскаго ига, повѣданныхъ ему Джеронимомъ ди Франческо и Джуліемъ Контестабиле, о ненависти этого послѣдняго къ испанскимъ властямъ, объ оскорбленіи имъ портрета короля Филиппа въ присутствіи Петроло, о его довѣріи къ разнымъ лицамъ и даже туркамъ. Кампанелла называлъ разныхъ жителей Стило, съ которыми разсуждалъ о близкомъ переворотѣ: съ Пиццонѣ и фра Діонизіо онъ говорилъ объ этомъ предметѣ особенно часто, и они ему сочувствовали; Маурицio тоже радовался будущимъ перемѣнамъ; онъ утверждалъ, что если будетъ такъ, то Кампанелла привлечетъ къ себѣ многихъ, на что онъ, Кампанелла, отвѣтилъ, что, имѣя много сторонниковъ, можно стать великимъ, и приводилъ примѣры тому. Находясь въ Аренѣ и въ Пиццони, онъ видѣлся съ Криспо, который хвалился, что можетъ вывести въ бой много людей, если потребуется. Потомъ, Джуліо Контестабиле извѣстилъ его письмомъ, что Маурицio договаривался съ Амуратомъ, о чемъ самъ Маурицio подтвердилъ Кампанеллѣ въ Даволи, говоря, что турки

обѣщали ему помочь занять Катанцаро и всю область. Но, по заключенной съ ними «капитуляціи», они могли господствовать тутъ лишь временно, оказывая помощь калабріянцамъ только на морѣ, а потомъ должны были удовольствоваться лишь правомъ торговли въ странѣ. Маурпціо показывалъ ему при этомъ какую-то бумагу на турецкомъ языкѣ, но онъ, Кампанелла, крайне осудилъ такое соглашеніе, доказывая, что турки никогда не соблюдали своихъ договоровъ, и рѣшился порвать всякія сношенія съ нимъ. Онъ видѣлся здѣсь же, въ Даволи, съ Франціей, Кордовой и еще съ кѣмъ-то третьимъ, приглашеннымъ Маурпціо, не могъ не подтвердить готовящихся перемѣнъ, когда его спросили о нихъ, но когда ему стали предлагать стать во главѣ движенія и говорить проповѣди, онъ отказался и удалился въ огорченіи. Между тѣмъ, фра Діонизіо, котораго визитаторъ преслѣдовалъ за разные поступки, отправился въ Катанцаро и сталъ проповѣдывать мятежъ на основаніи пророчествъ его, Кампанеллы, завѣряя, ради успѣха своей пропаганды, что и папа, и кардиналъ С. Джіорджіо, и епископъ милетскій, и сеньоры Леліо Орсини, дель Туфо и проч., принимали участіе въ возстаніи, но онъ, Кампанелла, можетъ поклясться, что никогда не говорилъ ничего подобнаго и даже не имѣлъ въ мысляхъ, что могло бы возникнуть такое движеніе при посредствѣ ихъ, монаховъ. Фра Діонизіо уговаривалъ его «выступить въ поле», но онъ не хотѣлъ этого и удалился въ Стиньяно; Маурпціо звалъ его тоже, суля спасеніе, но онъ не послушалъ и его, удалясь въ монастырь св. Маріи. Маурпціо старался настигнуть его и здѣсь, но онъ бѣжалъ снова и пріютился у Мезураки, который продержалъ его трое сутокъ, обѣщая доставить его къ морю, но выдалъ властямъ. Въ заключеніе, Кампанелла упоминалъ, что въ Римѣ и въ Неаполѣ тоже ходили толки о предстоящихъ перемѣнахъ; онъ былъ готовъ дать его величеству королю отчётъ въ томъ, что «Богъ вѣщаетъ для общаго блага...» Радѣя лишь на пользу общую, онъ былъ готовъ и умереть за нее. Фра Діонизіо долженъ выяснить остальное, потому что *онъ занимался фактической стороною дѣла, между тѣмъ, какъ онъ, Кампанелла, участвовалъ въ немъ лишь словомъ.* Потомъ онъ прибавилъ имена разныхъ лицъ, съ которыми Маурпціо хотѣлъ овладѣть Катанцаро, и заявилъ, что третьимъ лицомъ, явившимся въ Даволи съ Франціей и Кордовой, былъ Рапія, какъ ему напомнилъ о томъ Харафа.

Какъ видно изъ этого «заявленія», существованіе заговора нимало не отрицается, напротивъ того, Кампанелла разсказываетъ даже мелкія подробности дѣла и поясняетъ тотъ пунктъ, который оставался еще смутнымъ для правительства, а именно, участіе папы, епископовъ и дворянъ, совмѣстно съ турками. Авторъ старается только сложить всю отвѣтственность на другихъ, а себя выставляетъ невинною причиною смуты, возбужденной на основаніи его предсказаній и истолкованія имъ тѣхъ знаменій, которыя вѣщали о перемѣнахъ. Онъ погрѣшилъ безсознательно только этимъ, да еще отчасти тѣмъ, что совѣтовалъ людямъ быть готовыми на всякій случай, вооруженными и въ числѣ...[1])

Нельзя не признать, что все это «заявленіе» составлено съ обычною ловкостью Кампанеллы, несмотря на то, что онъ писалъ его при самомъ угнетенномъ состояніи духа. Отрицать совершенно своего участія онъ не могъ, но умалилъ его по возможности, выказывая какъ бы равнодушіе къ перемѣнамъ, которыя могли совершиться, какъ Богу будетъ угодно, но никакъ не по почину такихъ ничтожныхъ лицъ, какъ монахи. Но, выгораживая себя, онъ выдавалъ многихъ, особенно фра Діонизіо и Мауриціо; быть-можетъ, онъ надѣялся, что они успѣли уже спастись, но онъ долженъ былъ пережить ужасныя минуты, встрѣтясь потомъ въ тюрьмѣ, лицомъ къ лицу, съ этими двумя бывшими его друзьями. Но если совершенно понятно, что его упрекала совѣсть и онъ негодовалъ на Харафу, выманившаго у него это «заявленіе», то онъ слишкомъ уже смѣлъ, когда утверждаетъ, что весь заговоръ былъ измышленіемъ этого Харафы, доносчиковъ и испанскихъ властей.

Заручась такимъ важнымъ документомъ, Харафа отправился въ Монтелеоне, чтобы добыть подобное же «заявленіе» отъ Пиццони, тоже собственноручное, причемъ два лица расписались на документѣ, какъ свидѣтели. Къ этому заявленію былъ приложенъ шифръ, служившій при перепискѣ Кампанеллы съ Пиццони, но о немъ въ самой бумагѣ не говорится и происхожденіе его весьма сомнительно. Пиццони всегда отрицалъ, что велъ шифрованную переписку. Нѣкоторые изъ арестованныхъ, какъ это видно изъ документовъ, думали облегчить свое положеніе, сочинивъ доносъ на Чезаре Пизано, своего сотоварища по тюрьмѣ, котораго они обвиняли, въ бытность еще ихъ всѣхъ на свободѣ, въ про-

---

[1]) *Ibid.*, I, 280; III, 28—33.

пагандѣ мятежа и ереси, по наущенію Кампанеллы. Расчетъ ихъ оказался невѣрнымъ; они были обвинены въ томъ, что не донесли своевременно, но положеніе самого Кампанеллы при этомъ ухудшилось, потому что доносъ подтверждалъ заявленія Ницціони и опровергалъ увѣренія Кампанеллы въ его маломъ причастіи къ дѣлу. Два письма, найденныя при самомъ Крисно во время арестованія, еще болѣе компрометировали Кампанеллу. Въ одномъ изъ нихъ Маурицio говорилъ о себѣ, что онъ «одно лицо съ Кампанеллой»; въ другомъ самъ Кампанелла приглашалъ Крисно пріѣхать къ нему «съ кѣмъ-нибудь изъ друзей, напримѣръ, Дж. Франческо д'Ализандрія». У арестованнаго тоже фра Паоло делла Гротеріа было найдено еще письмо Кампанеллы съ сильными противъ него уликами, такъ что неучастіе его въ заговорѣ опровергалось подлинными документами. Аресты множились съ каждымъ днемъ, несмотря на укрывательство монаховъ со стороны населенія; между прочими былъ взятъ и Піетро ди Стило. На допросѣ онъ показалъ, что многіе предсказывали ему, что онъ потерпитъ за дѣло Кампанеллы, но онъ не хотѣлъ бѣжать, сознавая себя виновнымъ. Онъ былъ издавна друженъ съ Кампанеллою и считалъ его, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, хорошимъ человѣкомъ, а въ «другихъ» большимъ злодѣемъ, судя по тому, «что о немъ слышалъ». Судьямъ было мало такихъ показаній; они требовали свѣдѣній «о лично слышанномъ отъ самого Кампанеллы», и чтобы добиться того присудили Піетро «на болѣе тяжкое заключеніе». Впослѣдствіи стало извѣстно, что его продержали десять дней въ «ямѣ» и лишь по истеченіи этого срока перевели въ прежнюю тюрьму. При этомъ ему то грозили, то обольщали его, обѣщая немедленную свободу, какъ Ницціони, который, будто бы, уже освобожденъ, потому что открылъ все, или совѣтуя исповѣдываться, въ виду предстоявшей уже, будто бы, на утро казни. Визитаторъ убѣждалъ его не скрывать ничего относительно ереси, чтобы черезъ это подлежать лишь суду духовному. Такъ чередовались угрозы и льстивыя приманки,—безъ занесенія ихъ въ протоколъ, разумѣется. Узнавъ, впослѣдствіи, отъ Ницціони, что тотъ, дѣйствительно, выдалъ многое о ереси, чтобы избѣжать свѣтскаго суда, фра Піетро пошелъ на нѣкоторыя уступки, но весьма умѣренныя. Во всякомъ случаѣ онъ выказалъ бо́льшую твердость, нежели кто-либо другой среди госпо́дствовавшаго страха и общей деморализаціи. Доменико Петроло держалъ себя иначе; онъ сразу призналъ себя

«виновнымъ передъ Богомъ и королемъ»; сначала онъ еще выгораживалъ Кампанеллу, но потомъ, подъ угрозою «строгаго и тяжкаго заключенія», разсказалъ въ подробности о еретическихъ взглядахъ фра Томазо на всѣ религіозные догматы и обряды и назвалъ разныхъ лицъ, какъ его соумышленниковъ. Между прочимъ, по его словамъ, Піетро ди Стило говорилъ, что монахамъ нельзя жить безъ женъ. На вопросъ о политическихъ замыслахъ Кампанеллы, онъ выдалъ уже все извѣстное о его пророчествахъ, о договорѣ съ турками и пр.

Между тѣмъ изъ Рима, гдѣ еще не знали, что Кампанелла уже арестованъ, пришло требованіе арестовать его, фра Діонизіо и другихъ, и доставить ихъ въ Неаполь, въ распоряженіе нунція. Зная о враждѣ, господствовавшей между самими доминикацами, и о лицепріятіи испанскихъ властей, въ Римѣ, очевидно, не довѣряли справедливости судей въ Калабріи. Самыя письма фра Корнелія къ отцу-генералу доминиканскаго ордена и кардиналу С. Северино дышали такимъ озлобленіемъ, что позволяли сомнѣваться въ безстрастіи слѣдствія. Св. инквизиція въ Италіи старалась, конечно, по-своему, быть болѣе правосудною, чѣмъ, напримѣръ, распоряжавшаяся въ Испаніи. Такимъ образомъ, римская курія и инквизиція пришли на помощь Кампанеллѣ: онъ не могъ болѣе подвергаться допросу въ Калабріи. Но фра Корнеліо, вынужденный выпустить изъ рукъ свою добычу, наверстать потерянное тѣмъ, что сталъ усиленно допрашивать другихъ арестованныхъ, съ цѣлью накопить цѣлую массу уликъ противъ него и фра Діонизіо. Спинелли доносилъ, между тѣмъ, вице-королю, что успѣлъ «захватить главу мятежа и ереси съ однимъ изъ его товарищей», при чемъ столь важнымъ арестомъ правительство было обязано его, Спинелли, «племяннику», принцу делла Рочелла, и одному вассалу того принца, Мезуракѣ, которому обѣщана за то должная награда. Такъ какъ Кампанелла не собирался бѣжать въ Римъ, то было ясно, что «папа былъ ни при чемъ въ этомъ заговорѣ, хотя то и разглашалось Кампанеллою и фра Діонизіо...» Изъ дальнѣйшаго видно, что Харафа доносилъ вице-королю о многомъ самостоятельно, помимо Спинелли, и что оба они, въ щекотливыхъ вопросахъ относительно знатныхъ лицъ и епископовъ, говорили только намеками, очень сдержанно и не заносили многаго въ протоколы. Спинелли выставлялъ очень на видъ заслуги Карла Руффо и принца делла Рочелла, постоянно напоминая о родствѣ съ

нимъ этихъ лицъ и прося вознаградить ихъ за усердіе и вѣрную службу. Онъ хвалилъ тоже весьма отца визитатора, бывшаго пѣшкою въ рукахъ фра Корнеліо, за то, что онъ оказывалъ ему содѣйствіе, то-есть нарушалъ инквизиціонный уставъ въ его пользу, давая ему копіи съ допросовъ и допуская Руффо присутствовать при духовномъ судѣ. Онъ продолжалъ однако подозрѣвать многихъ калабрійскихъ епископовъ и въ морѣ постоянно крейсировали двѣ фелуки, наблюдавшія затѣмъ, чтобы кто-либо не успѣлъ бѣжать этимъ путемъ. Всѣхъ арестованныхъ было пока 34 человѣка. Въ своемъ письмѣ отъ 14 сентября, отправляя вице-королю копію съ «заявленія» Кампанеллы и со своего слѣдственнаго производства, Спинелли писалъ, что было бы необходимо подвергнуть нѣкоторыхъ подсудимыхъ пыткѣ, чтобы «выяснить весь тотъ вредъ, который могъ принести Кампанелла, столь высоко почитаемый населеніемъ и привлекшій къ себѣ такъ многихъ въ весьма короткое время». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доносилъ о новыхъ арестахъ, о мѣрахъ къ поимкѣ бѣжавшаго Маурицio и, сверхъ того, о появленіи первыхъ турецкихъ судовъ, а затѣмъ и всей турецкой эскадры. Тогда начались пытки; первымъ пострадалъ Кордова, провисѣвшій семь часовъ на дыбѣ; онъ не прибавилъ ничего къ данному уже имъ довольно обстоятельному показанію; братъ его, Муціо, былъ потомъ пытанъ безъ всякаго повода дыбою и водою. Его послѣ дыбы обливали холодной водой и подвѣшивали снова. Это была страшная пытка. Франціи, Флаккавито и Стривери были тоже, повидимому, подвергнуты пыткѣ, но документальныхъ данныхъ о томъ не осталось. Крисно, спрошенный тоже на дыбѣ о значеніи найденныхъ при немъ писемъ, показалъ, между прочимъ, что самъ Кампанелла посылалъ Маурицio къ туркамъ для заключенія съ нимъ союза. Оказывается, что на предварительномъ слѣдствіи Крисно сказалъ немногое, но зато при пыткѣ далъ пространное показаніе, содержаніе котораго Спинелли передавалъ вице-королю лишь въ короткихъ словахъ, прибавляя, что подсудимый уличался въ томъ, что былъ на турецкихъ судахъ. Крисно не могъ никакимъ образомъ знать многое изъ того, что показывалъ; ясно, что это было внушено ему прочтеніемъ заявленій другихъ подсудимыхъ и вынуждено отъ него путемъ страшныхъ мученій. Какой именно способъ пытки былъ употребленъ противъ этого несчастнаго, неизвѣстно; Кампанелла говоритъ только, что пытали Крисно страшнымъ образомъ и не вписывая способа пытокъ въ про-

токолъ. Надо замѣтить, что пытка немедленная примѣнялась лишь въ случаяхъ государственной измѣны; въ обыкновенныхъ преступленіяхъ слѣдствіе ограничивалось простымъ допросомъ, послѣ чего обвиняемому вручалась копія съ добытыхъ противъ него уликъ, и затѣмъ уже судъ прибѣгалъ къ пыткамъ. Но при дѣлахъ о государственной измѣнѣ пытка употреблялась и во время слѣдственнаго процесса,—при чемъ могли назначаться «мученія не обычныя, но жестокія». Въ этомъ отношеніи фигурируетъ всего чаще дыба, потому что она была, какъ говорилось, «главою пытокъ» и служила основой къ разнообразнѣйшимъ дополнительнымъ мученіямъ: подсудимаго не только вздергивали на дыбу, но оставляли на ней висѣть по нѣсколько часовъ, привѣшивали ему къ ногамъ тяжести, вставляли ему между ногъ доску, чтобы удалить нижнія оконечности одну отъ другой, обливали его водой, били плетями. Всѣ эти подробности видны изъ пытокъ, которымъ подвергались въ данномъ дѣлѣ лица, еще менѣе значившія что-нибудь, нежели Крисно. Маурицio не былъ еще пойманъ, но уже были взяты многіе его родственники, друзья и его слуга, Томазо Тиротта, который показалъ, что зналъ объ отношеніяхъ своего господина къ Кампанеллѣ и фра Діонизіо, о мѣстахъ ихъ свиданій, о бумагѣ, которую Маурицio, будто бы, показывалъ имъ и еще другимъ присутствовавшимъ, при чемъ иные говорили, что это охранный листъ, выданный ему турками. Допросы были перерваны отъѣздомъ Спинелли, которому было донесено о появленіи двухъ турецкихъ галеръ; онѣ пришли съ двухъ разныхъ сторонъ, соединились у мыса Гуардавалле, потомъ одна изъ нихъ ушла обратно къ мысу Колонна, а вторая въ открытое море, но воротилась на другую ночь и начала зажигать сигнальные огни въ виду берега. Потомъ, 13 сентября, показались остальныя суда, числомъ 26, ведя съ собою два рагузскія судна. Спинелли собралъ на берегу значительные милиціонные отряды и принялъ разныя мѣры предосторожности противъ высадки: когда двѣ галеры, пущенныя, очевидно, на рекогносцировку, подошли къ Реджіо, онѣ были встрѣчены выстрѣлами изъ двухъ орудій и принуждены были удалиться. Но, зайдя въ безопасное мѣсто, онѣ захватили тутъ барку, нагруженную хлѣбомъ, и увели ее. Двое христіанъ, бѣжавшихъ съ турецкихъ судовъ, привезли извѣстія о составѣ эскадры, о томъ, что на ней находился самъ Чикала съ осадною и полевою артиллеріею, которую онъ намѣревался свезти на берегъ, чтобы бомбар-

дировать разные города; они говорили, что эскадра пополнится скоро еще другими судами, которыхъ она будетъ дожидаться въ заливѣ С.-Джіованни. Все это не могло признаваться вполнѣ достовѣрнымъ, потому что турки часто распускали подобнымъ же путемъ ложныя вѣсти; тѣмъ не менѣе наблюденіе за берегомъ было усилено. Вовсе не допускать турокъ выходить на него за запасомъ воды было трудно, потому что источники были у самаго берега и турки охраняли своихъ водоносовъ мѣткими выстрѣлами съ кормы своихъ судовъ. Донъ Діего д'Айяла, оборонявшій этотъ пунктъ, доносилъ только объ одной схваткѣ турокъ съ его солдатами. Вообще здѣсь были сосредоточены значительныя силы и высадкѣ трудно было состояться. Съ судовъ подавали разные сигналы, но, не получая никакихъ отвѣтныхъ, турки догадались, вѣроятно, о положеніи дѣлъ и 20 сентября ушли снова въ море. Вскорѣ изъ Корфу было получено донесеніе о проходѣ турецкой эскадры мимо этого острова по направленію въ Босфоръ. Донося объ этихъ происшествіяхъ въ Мадридъ, равно какъ о ходѣ процесса, вице-король удвоивалъ строгость въ Калабріи. Римская курія продолжала требовать высылки заподозрѣнныхъ монаховъ въ Неаполь, но ея распоряженіе, на ихъ несчастіе, не было послано, почему-то, сухимъ путемъ: ожидалось удобное время для отправки его моремъ. Изъ переписки кардинала С.-Джіорджіо съ нунціемъ видно, что вице-король просилъ папу прислать лучше своего уполномоченнаго въ Калабрію для производства духовнаго суда на мѣстѣ, но папа не изъявилъ на это согласія, приказывая нунцію считать Кампанеллу и прочихъ своими арестантами по прибытіи ихъ въ Неаполь.

Еще до прихода турокъ были арестованы оговоренные въ заявленіи Кампанеллой Джуліо Контестабиле и Джеронимо Франческа и многіе другіе. Всѣ они были допрошены; немногіе изъ нихъ выпущены на свободу, большинство же подверглось пыткамъ и двое, Крисно и Чезаре Милери, обречены на казнь. Читая ихъ показанія, трудно понять, почему были выбраны именно эти двое (особенно семнадцатилѣтній Милери), потому что, въ сущности, они заявляли то же, что и большинство, относительно Кампанеллы и фра Діонизіо. Описаніе казни, совершенной, «для бо́льшаго внушенія», въ городѣ Катанцаро, можно прочесть въ донесеніи самого Харафы. Оба осужденные юноши были приговорены къ колесованію, рванію щипцами и удавленію по серединѣ площади; здѣсь же они были повѣшены за одну ногу; въ-

ронно, уже ихъ трупы; потомъ, черезъ 24 часа, четвертованы и головы ихъ выставлены на шестахъ надъ городскими воротами съ ихъ именами и надписью объ ихъ преступленіи. А дома ихъ срыты и имущество конфисковано. Во время казни они кричали, что у нихъ пыткою вынудили ложныя признанія. Послѣ этой казни, судъ перенесъ свои засѣданія въ Гераче, куда перевели всѣхъ подсудимыхъ, «по-парно, но связанныхъ веревкою такъ, что они образовали собою одну цѣпь». Петроло, шедшій позади Кампанеллы, слышалъ, что испанецъ-офицеръ, командовавшій конвоемъ, сказалъ Кампанеллѣ что-то о смерти. Кампанелла отвѣтилъ:

— Смерти нѣтъ, а есть только перемѣна бытія.

«Комиссару» Морано посчастливилось: 28 сентября онъ успѣлъ нагнать фра Діонизіо въ Монополи, потомъ, арестовавъ въ Нардо какого-то Тодеско, онъ узналъ отъ него, что Маурицio сѣлъ на Бриндизи на одну марсельскую шхуну, которая должна была зайти за грузомъ тоже въ Монополи. Шхуну задержали, по распоряженіи Морано, и Маурицio былъ взятъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Витало. Всѣ четверо арестованныхъ были доставлены къ Спинелли, который донесъ о томъ тотчасъ же вице-королю. Маурицio не выдалъ ничего, несмотря на жесточайшія мученія. Онъ объяснялъ свой побѣгъ тѣмъ, что хотѣлъ избѣжать ареста, заслышавъ, что беруть всѣхъ, знакомыхъ съ Кампанеллой и фра Діонизіо. А онъ видѣлся однажды съ Кампанеллою въ домѣ Джакомо Сабинуса, потомъ еще одинъ разъ, въ Даволи, но они толковали между собою лишь о гороскопахъ. Венеціанскій резидентъ писалъ, что «Маурицio, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, перенесъ сорокъ часовъ дыбы и другихъ пытокъ». Монсиньоръ Мандина, участвовавшій въ духовномъ судѣ въ Неаполѣ и имѣвшій, безъ сомнѣнія, самыя точныя свѣдѣнія, пишетъ о «семидесяти часахъ», разумѣя, быть-можетъ, еще одинъ только пытки въ Неаполѣ, «страшныхъ мученій, не вынудившихъ у Маурицio никакихъ признаній». Между тѣмъ, такая стойкость не могла принести пользы ни общему дѣлу, ни лично Маурицio, потому что судъ «прилагалъ пытку не для того, чтобы узнать истину, а для того, чтобы получить сознаніе въ ней», и съ помощью такой оговорки уничтожалось всякое значеніе отрицательныхъ отвѣтовъ на пыткѣ. Маурицio, оставался не признающимъ себя виновнымъ, но все же уличеннымъ различными тождественными показаніями другихъ, а во главѣ этихъ показаній стояло заявленіе самого Кампанеллы,—и

затѣмъ свидѣтельствовали противъ него письма. Дж. Баттиста Витале хотѣлъ подражать Маурицiо, но не выдержалъ. Показанiе его дало немного новаго, но подкрѣпило прежнiя обвиненiя. Его подвергали страшнымъ мукамъ, наконецъ, привязали къ хвосту лошади, которую гоняли по городу; не удивительно, если онъ называлъ лицъ, которыхъ даже вовсе не зналъ. Епископъ герачскiй, фра Винченцо Бонардо, усердно помогалъ Спинелли и Харафѣ; весьма вѣроятно, что эти послѣдніе перенесли судъ въ Гераче, именно желая пользоваться крайнею угодливостью этого Бонардо, позволявшаго имъ смѣшивать объ категорiи подсудимыхъ и прибѣгать ко всякимъ злоупотребленiямъ, умышленной неполнотѣ протоколовъ и пр. Съ соизволенiя епископа и визитатора, допросы поручались одному фра Корнелiо, «какъ болѣе знакомому съ дѣломъ», во всемъ вообще слѣдовало подобострастное согласiе на желанiя Спинелли и Харафы. Все это открылось впослѣдствiи, мало-по-малу, при судѣ надъ доставленными въ Неаполь. Такъ, фра Корнелiо ходилъ по тюрьмѣ, уговаривая, по одиночкѣ, каждаго заключеннаго показывать «какъ можно болѣе по ереси», чтобы «избѣжать свѣтскаго суда». Иногда сопровождалъ фра Корнелiо и визитаторъ, и если увѣщанiя не помогали, то оба они «ругались, грозили, плевали въ лицо». Въ засѣданiяхъ участвовали епископъ, визитаторъ, фра Корнелiо, дѣлопроизводитель епископской курiи, Бiаджiо Перлонго, и какой-нибудь священникъ, въ качествѣ свидѣтеля. Фра Корнелiо, именуя себя «докторомъ правъ», руководилъ допросомъ, стараясь всегда выставлять себя впередъ, что и видно изъ протоколовъ. Однако, онъ унижался передъ присутствовавшими тутъ же Спинелли, Харафой и Руффо, онъ сидѣлъ на скамьѣ «безъ особаго почета», а Спинелли и Харафа «занимали кресла, какъ судьи». Они допрашивали подсудимыхъ тоже относительно ереси и на одномъ изъ такихъ странныхъ засѣданiй присутствовалъ даже совсѣмъ посторонiй, принцъ ди Скалеа. Тутъ же возникали иногда пререканiя по поводу несогласiя словесныхъ показанiй съ письменными, которыя пополнялись и исправлялись потомъ дополнительнымъ допросомъ въ самыхъ тюрьмахъ. Обо всемъ этомъ протоколы умалчиваютъ, равно какъ о насилiяхъ, учинявшихся подсудимымъ лично Харафою и другими. Руффо сорвалъ разъ одежду съ Петроло, такъ что тотъ воротился въ тюрьму «въ видѣ рыбака», т. е. полунагой [1]).

[1]) *Ibid.*, I, 311.

Уступая настояніямъ римской куріи, вице-король потребовалъ отправленія подсудимыхъ въ Неаполь, но, прежде того, Спинелли и Харафа должны были казнить четырехъ изъ нихъ, наболѣе виновныхъ. Вскорѣ было получено подтвержденіе тороиться отъѣздомъ и казнь отложить, но бури задержали суда, посланныя въ Калабрію, такъ что отъѣздъ состоялся лишь въ началѣ ноября, а до тѣхъ поръ были произведены еще новые аресты, какъ клириковъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Всѣхъ отправляемыхъ въ Неаполь оказалось 156 человѣкъ, при чемъ тутъ были и просто заподозрѣнные, и признанные виновными, и свидѣтели. Вмѣстѣ съ фра Томазо Кампанеллою находился его старикъ отецъ, Джеронимо, и братъ Дж. Піетро; съ фра Діонизіо былъ его братъ, Піетро Понціо и пр. Но весьма многіе успѣли бѣжать, напримѣръ, Оттавіо Сабинисъ, Паоло и Фабриціо Кампанелла, Раніери и др. Нѣкоторые, по усмотрѣнію самихъ судей, были открыто, или подъ рукою, освобождены. Самъ Кампанелла говоритъ, что въ Неаполь повезли далеко не всѣхъ: многіе откупились, пошли на сдѣлку. Всѣ подсудимые были очень молоды, но даже крайняя юность нѣкоторыхъ изъ нихъ не внушала состраданія не только судьямъ, но и большинству населенія, считавшему ихъ «врагами Бога и короля». Слухи о томъ, что они хотѣли предать Калабрію туркамъ и ввести «еретическіе и развратные обычаи», возбуждали негодованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніемъ, которымъ награждается, обыкновенно, всякое неудавшееся предпріятіе. Кампанелла, такъ превозносимый вначалѣ, подвергался теперь грубымъ насмѣшкамъ, на которыя такъ щедра толпа. Фра Томазо долженъ былъ разочароваться и повѣрить, что «народъ грубое и непостоянное животное», какъ онъ выражается впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ сонетовъ. Въ Монтелеоне монахи іезуитскаго ордена приготовили къ смерти осужденныхъ, изъ которыхъ одинъ, Витале, вѣрный воззрѣніямъ фра Діонизіо, отвергъ утѣшенія религіи [1]). Но казнь была отложена до Неаполя по недостатку времени: море становилось опаснымъ и галеры должны были торопиться прибыть въ Неаполь. Маурицio, признанный главою политическаго заговора, былъ присужденъ «быть распиленнымъ живымъ между двумя досками», но казнь не могла совершиться въ Монтелеоне, по причинѣ невозможности для судовъ продержаться въ гавани при сильныхъ вѣтрахъ, и потому была отложена до Неаполя.

[1]) *Ibid.*, I, 360.

Въ Римѣ были слишкомъ недовольны процедурой епископа герачскаго и было назначено новое разслѣдованіе ереси, порученное Томазо Сирлето, епископу скиласскому. Но этотъ допросъ, веденный уже съ меньшимъ пристрастіемъ, послужилъ не къ оправданію Кампанеллы. Помимо подтвержденія его невѣрія, его насмѣшливаго отношенія къ высшему духовенству, церковнымъ догматамъ и обрядамъ, нѣкоторые свидѣтели говорили о его намѣреніи основать новую секту, при чемъ входили въ подробности, весьма совпадающія съ приводимыми имъ въ его «Солнечномъ городѣ», напримѣръ, относительно обязательной одежды или свободы половыхъ сношеній. Въ этой массѣ сообщеній много навѣяннаго суевѣріемъ, убѣжденіемъ въ сверхъестественной силѣ Кампанеллы или же враждою къ нему; большею частью свидѣтели передаютъ лишь слухи или разсказы третьихъ лицъ; тѣмъ не менѣе, въ общемъ, получается впечатлѣніе виновности Кампанеллы если не въ открытой пропагандѣ раціоналистическаго ученія, то въ частомъ несдержанномъ выраженіи мнѣній, далеко не ортодоксальныхъ. Можетъ-быть, это слѣдствіе въ Скилачче отозвалось наиболѣе тягостно на душѣ Кампанеллы и заставило его упрекать въ неблагодарности тотъ Стило, который былъ такъ дорогъ ему, и тѣхъ друзей, которые дали матеріалъ для «нагроможденія процесса на процессъ», какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

XIII.

«Послѣ полудня 8 ноября 1599 г. въ виду Неаполя показались четыре галеры. Навстрѣчу имъ пошла казенная плюшка, а къ вечеру онѣ вошли въ портъ и тогда оказалось, что на передней мачтѣ у каждаго судна болтается по человѣку, а двухъ еще расчетверговали живьемъ между самыми галерами, на устрашеніе здѣшнему городскому населенію, сбѣжавшемуся поглазѣть на такое ужасное зрѣлище»... [1]). Такъ пишетъ венеціанскій резидентъ. Вице-король, въ своемъ донесеніи въ Мадридъ, заявляетъ, что «двое четвертованныхъ были сначала, по его приказу, задушены. Передъ смертью имъ было предоставлено утѣшеніе религіи и они умерли, покаясь, какъ слѣдуетъ, въ своихъ преступленіяхъ, за исключеніемъ одного, упорствовавшаго почти до конца»... Какъ видно изъ показанія монаха, которому пришлось напутствовать Витале, онъ былъ, дѣйстви-

[1]) *Ibid.*, II, 1.

тельно, сначала удавленъ, а потомъ уже четвертованъ, но передъ самою смертью онъ объявилъ, что «все, что показывалъ противъ разныхъ лицъ, особенно противъ монаховъ, какъ въ отношеніи мятежа, такъ и ереси, было несправедливо и только вынуждено пытками, которымъ его подвергалъ Харафа»... Капелланъ одной изъ галеръ, Елиджіо Марти, слышалъ въ пути такія же заявленія отъ Каччіа и Пизано. Потомъ, передъ смертью, какъ разсказываетъ Марти, Каччіа и Витале громко, въ присутствіи самого Харафы, объявили свои прежнія показанія ложными и требовали, чтобы это было занесено въ протоколъ, послѣ чего были удавлены и четвертованы. Вице-король не упоминаетъ ничего подобнаго, приводя, между тѣмъ, такую подробность, какъ долгое сопротивленіе религіозному наутствованію со стороны одного изъ осужденныхъ. По всей вѣроятности, они отрицали лишь часть своихъ показаній, потому что, дѣйствительно, показывали на пыткѣ болѣе, чѣмъ знали. Витале такъ мало допрашивали по вопросу о ереси, что ему почти нечего было отрицать въ этомъ смыслѣ [1]). Вице-король старался раздувать важность дѣла, чтобы выслужиться болѣе передъ мадридскимъ дворомъ; онъ говорилъ резиденту, что всѣхъ обвиняемыхъ 156, и что 86 изъ нихъ подлежатъ казни, остальные другимъ взысканіямъ. Въ сношеніяхъ съ нунціемъ вице-король дѣйствовалъ очень двусмысленно. Онъ желалъ, чтобы нунцій послалъ въ Калабрію своего делегата въ составъ суда надъ духовными лицами, но папа, не соглашаясь на это, требовалъ, чтобы подсудимые были доставлены въ Неаполь и въ распоряженіе нунція. Вынужденный исполнить это, вице-король ставилъ различныя препятствія дѣлу, требуя вызова епископа милетскаго, подъ предлогомъ, что между подсудимыми были восемь вольныхъ или дикихъ, лѣсныхъ клириковъ изъ его епархіи, что было ложно, то поставлялъ на видъ необходимость допустить въ духовное судилище и членовъ отъ правительства. Онъ удерживалъ подсудимыхъ въ городскихъ тюрьмахъ, заявляя нунцію, что они всегда въ его распоряженіи, а между тѣмъ дѣлопроизводитель нунціатуры не могъ добиться свиданія съ ними и т. д. Нунцій доносилъ обо всемъ этомъ въ Римъ, прибавляя, что фра Корнеліо сообщилъ ему всѣ документы по суду въ Калабріи, и онъ, нунцій, «принялъ ихъ къ свѣдѣнію», изъ чего можно заключить, что ему до того времени

---

[1]) *Ibid.*, II, 3.

и не было сообщаемо ничего изъ производившагося въ Калабріи, хотя въ Римъ посылались о томъ донесенія.

Борьба между представителями церковнаго и свѣтскаго владычества кончилась въ пользу послѣднихъ: кардиналъ С. Джіорджіо оповѣстилъ нунція, что папа считалъ разумнымъ допущеніе какого-либо правительственнаго лица въ составъ духовнаго суда, равно какъ и вызовъ епископа милетскаго въ Неаполь, по желанію вице-короля. Вообще, «его святѣйшество считалъ всѣ требованія вице-короля достойными уваженія», но, прибавлялъ кардиналъ въ своемъ наставленіи нунцію, «вы заботитесь о томъ, чтобы сказанный членъ суда, участвуя въ немъ, не могъ бы вмѣшиваться въ остальное, особенно въ подлежащее вѣдѣнію инквизиціи». 23 ноября нунцій могъ послать своего аудитора, Антоніо Пери, къ тюремному коменданту съ требованіемъ допустить его къ заключеннымъ. На этотъ разъ комендантъ былъ настолько предупредителенъ, что не только отвелъ аудитору камеру для допроса, но «предоставилъ въ его распоряженіе палачей и все, что нужно для пытокъ». Нунцій, повидимому, былъ такъ польщенъ подобной услужливостью, что счелъ даже нужнымъ сообщить о ней въ Римъ. Аудиторъ удовольствовался, на этотъ разъ, лишь отобраніемъ краткихъ свѣдѣній отъ каждаго и при этомъ былъ допрошенъ и Кампанелла. Допросъ его записанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Былъ спрошенъ нѣкій молодой человѣкъ съ черною бородой, въ мірскомъ платьѣ, черноволосый, въ черномъ кафтанѣ, кожаныхъ штанахъ, шерстяномъ плащѣ изъ такъ-называемаго домашняго сукна темнаго цвѣта; по принесеніи присяги, онъ сказалъ: «Синьоры, зовутъ меня Томазо Кампанелла, я монахъ ордена св. Доменико, родился въ мѣстечкѣ Стило въ южной Калабріи. Отца моего зовутъ Джеронимо Кампанелла, мать—Катерина Базиле. По роду занятій я духовное лицо, совершаю службы и требы, проповѣдую и исповѣдую, мѣстожительство имѣю въ Стило, въ монастырѣ св. Маріи Матери Божіей того же доминиканскаго ордена, и если одѣтъ такимъ образомъ, то потому, что бѣжалъ отъ злобы враговъ, меня преслѣдовавшихъ, а именно королевскаго прокурора, дона Алоизія Харафы и Дж. Джеронимо Морано, которые гнались за мной». «Принялъ монашескіе обѣты, какъ кажется, въ 1581 г.; ранѣе числился клирикомъ» [1]). Спрошенный затѣмъ Піетро ди

[1]) *Ibid.*, II, 13.

Стило заявилъ, что состоялъ викаріемъ вышесказаннаго монастыря, при которомъ было четыре священнослужителя, считая и его самого: Піетро, Томазо Кампанелла, Доменико ди-Ріачи и Симоне делла Мота... «Фра Діонизіо имѣлъ привычку врываться, какъ бѣшеный, то являлся, то уходилъ»... «Изъ названныхъ выше» бѣжалъ одинъ Кампанелла, узнавъ отъ фра Діонизіо о пріѣздѣ Спинелли.

Отбирая показанія, аудиторъ увидѣлъ, что арестованныхъ духовныхъ было не 14 человѣкъ, а 21.

Большинство подсудимыхъ находилось въ Кастельнуово. Кампанелла содержался въ одной изъ уголовныхъ башенъ замка, такъ-называемой Комендантской, подъ помѣщеніемъ самого коменданта и надъ тюрьмою Маурицію, которому онъ «спускалъ на веревочкѣ свои сонеты» [1]). Въ перемежку съ калабрійцами были здѣсь и всякіе другіе арестанты. Всѣ получали на содержаніе по одному карлину въ сутки (около 10 к. с.), но имѣвшіе средства могли покупать себѣ провизію черезъ сторожей или родственниковъ; такъ, одинъ мальчикъ, сынъ арестованнаго тоже Дж. Анжело, прислуживалъ, кромѣ отца, еще обоимъ Поццію, Петроло, Лауріанѣ и Ницціи, покупая имъ «зелень, бобы, артишоки и другое съѣдобное». Понятно, что арестанты пользовались этимъ способомъ для тайной своей переписки. Содержимые даже и въ секретныхъ камерахъ находили возможность перекидываться словами изъ своихъ оконъ, особенно монахи, употреблявшіе латинскій языкъ. Такъ-называемыя «ямы», находившіяся въ подвальныхъ этажахъ, не были еще заняты; судьи сажали въ нихъ впослѣдствіи тѣхъ, отъ которыхъ хотѣли вынудить признанія. Самою ужасною изъ нихъ слыла называемая «Крокодиловою», въ которую былъ посаженъ Кампанелла передъ пыткою. Эти ямы были страшны. При перестройкѣ ямы подъ арсеналъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія на стѣнахъ «ямъ» было найдено много надписей съ грустнымъ повѣствованіемъ о страданіяхъ заключенныхъ. Были найдены и человѣческія кости.

Пользуясь возможностью сношеній съ другими арестантами, Кампанелла поддерживалъ твердость духа однихъ (Ницціи и Петроло) и убѣждалъ другихъ, просьбами и «угрозами», какъ показывали, вѣрно или невѣрно, нѣкоторые, отречься отъ своихъ показаній. Лауріана самъ писалъ ему, еще въ Гераче, что отречется отъ всего, прося ука-

[2]) *Ibid.*, II, 21.

зать лучшій способъ для этого. Переговоры съ Пиццони велись посредствомъ молитвенника, пересылавшагося имъ къ Кампанеллѣ и обратно, при чемъ они уговаривались наводить на себя возможно болѣе такихъ обвиненій, которыя подвергали бы ихъ суду инквизиціи. Оба приводили примѣры изъ отцовъ церкви о томъ, что позволяется солгать ради избѣжанія смерти. Кампанелла написалъ въ томъ же духѣ къ фра Діонизіо, содержавшемуся въ другой «секретной», и вложилъ свою записку въ посылаемый ему пирогъ. Эта продѣлка была открыта, при чемъ былъ отобранъ и молитвенникъ. Фактъ переписки достовѣренъ, но серьезность ея подлежитъ сомнѣнію, потому что Пиццони не исполнилъ ничего изъ обѣщаемаго имъ, а Кампанелла, говорившій, что «радуется его словамъ даже до слезъ», припряталъ, на всякій случай, двѣ записки Пиццони, который могъ потомъ назвать «враньемъ». Кампанелла поддерживалъ сношенія и съ Маурицio, преимущественно словесно, потому что камеры ихъ находились случайно одна надъ другой, но при этомъ ему приходилось не требовать чего-нибудь отъ Маурицio, а, напротивъ того, извиняться передъ нимъ. Какъ стало извѣстно впослѣдствіи, онъ продолжалъ сообщать ему нѣкоторыя подробности по дѣлу о заговорѣ, но однажды Маурицio, уже разочарованный во всемъ, отвѣтилъ ему, «что въ ихъ настоящемъ ужасномъ положеніи пора вспомнить Бога и что его возмущаетъ говореніе Кампанеллою въ Стило о Христѣ, Который былъ, по его мнѣнію, лишь благимъ человѣкомъ, а не Сыномъ Божіимъ». Кампанелла возразилъ ему на это, что онъ, Маурицio, «не смыслитъ ничего въ дѣлахъ», и не вошелъ въ дальнѣйшія объясненія [1]). Сонеты, написанные Кампанеллой съ цѣлью воодушевить своихъ сторонниковъ, относятся тоже, большею частью, къ первому періоду процесса. Духъ Кампанеллы вполнѣ сказался въ этихъ сонетахъ, которые вообще почти всѣ были написаны во время его долгаго заключенія въ тюрьмѣ. Въ сонетѣ о народѣ онъ говоритъ: «Народъ—это звѣрь, измѣнчивый и грубый, онъ не знаетъ своей силы, переноситъ удары и самыя невозможныя тягости. Онъ позволяетъ руководить собою слабому ребенку, котораго могъ бы столкнуть однимъ взмахомъ. Но онъ его боится, угождаетъ всѣмъ его капризамъ. Онъ не подозрѣваетъ, какія внушаетъ опасенія, и не знаетъ, что его повелители соста-

[1]) *Ibid.*, II, 25.

вяютъ для него напитокъ, который одуряетъ его. Неслыханная вещь! своими собственными руками онъ себя поражаетъ и заковываетъ, онъ дерется и умираетъ за одинъ изъ тѣхъ карлини, которые отдастъ королю. Все, что между небомъ и землей, принадлежитъ ему, но онъ этого не знаетъ, а если кто ему сообщаетъ это, онъ того поражаетъ и убиваетъ». Въ сонетѣ къ Христу онъ пишетъ: «Теперешніе христіане гораздо болѣе походятъ на тѣхъ, которые Тебя распяли, чѣмъ на самого Тебя, о Распятый! до такой степени они удаляются, Христосъ, отъ законовъ, предписанныхъ Твоимъ божественнымъ духомъ!.. Ты вооружаешь противъ своихъ Твоихъ ложныхъ друзей, чему примѣромъ служу я, Ты это знаешь, если читаешь въ моемъ сердцѣ; на моей жизни и моихъ несчастіяхъ лежитъ Твоя печать. Если Ты снова спустишься на землю, приди вооруженнымъ, Господи! Твои враги готовятъ Тебѣ другіе кресты, не среди турокъ или евреевъ, а среди самихъ христіанъ». Онъ взываетъ ко всѣмъ націямъ: «Обитатели міра, обратите взоры къ высшему разуму и вы увидите, до какого униженія довела васъ грубая тиранія, наряженная въ прекрасную мантію благородства и доблести. Потомъ, полюбуйтесь козними лицемѣрія; сначала оно было божественнымъ культомъ, почитаемой святыней, наконецъ обаяніемъ софистовъ, противоположнымъ разуму, который я ставлю такъ высоко. Противъ софистовъ выступилъ проницательный Сократъ; противъ тирановъ Катонъ справедливый; противъ лицемѣровъ Христосъ, небесный свѣточъ. Но недостаточно сорвать маску съ безбожника, обманщика и несправедливаго. Недостаточно имѣть смѣлость бѣжать навстрѣчу смерти, если мы всѣ не посвятимъ свои сердца истинной мудрости». Въ отрывкѣ изъ «Poesie filosofiche» онъ замѣчаетъ: «Всѣ стояли во тьмѣ,—иные погрузясь въ сонъ невѣжества и убаюкиваемые въ этомъ позорномъ снѣ наемною музыкой; другіе, бдящіе, грабили почести, имущества, кровь, или соединялись съ обоими полами, насмѣхаясь надъ людьми печальными. Я зажегъ свѣточъ». Въ сонетѣ «на положеніе Италіи» говорится: «Судьбы Италіи зависятъ нынѣ отъ истины или лжи этой революціи, къ которой вынуждаютъ калабрійцевъ Карлъ и Харафа, но которая не оскорбляетъ ни государство, ни короля. И если графъ, правящій здѣсь, станетъ еще доказывать, что ихъ доводы хороши и вѣрны, ради обостренія нашихъ золъ, которое имъ желательно, тогда предвидимая ихъ гибель будетъ тѣмъ ужаснѣе (такъ

вѣщаетъ духъ), потому что праведная кровь вопіетъ объ отмщеніи къ Богу и къ людямъ. О, Италія, слѣпая среди твоего разграбленія! До которой поры будетъ дремать твой разумъ? И если я желалъ тебѣ блага, что же я тебѣ сдѣлалъ?» Онъ пишетъ на мотивъ псалма «Saepe expugnaverunt me». «Часто меня преслѣдовали, могу повторить это, и съ самой моей юности,—увы!—даже слишкомъ часто... Но имъ не удалось заставить меня уступить, ибо меня Богъ поддерживаетъ, Онъ меня ободряетъ. На плечи мои, едва не ежечасно, налагали гоненіе за гоненіемъ, они вели свое злобное дѣло, но небесный мечъ сражался за меня. Близокъ тотъ день, въ который надменные умы и хитрецы, и лживые языки, всѣ будутъ преданы на сожраніе тиграмъ, медвѣдямъ, пантерамъ. Сѣно крышъ, сгорѣвшее въ зародышѣ, прежде чѣмъ его собрали, гибнетъ проклятое: таковы передъ Богомъ и продолжительныя тиранніи». Обращаясь къ самому себѣ, онъ восклицаетъ: «Въ узахъ или разрѣшенный отъ нихъ, съ другими или наединѣ, спокойный или вопіющій, я смущаю гордый престолъ; безумцемъ кажусь въ низменномъ мірѣ, но мудръ передъ Божественнымъ разумомъ высшей сферы. Когда крылья пригнетены къ землѣ, то малъ полетъ къ небу души радостной въ жалкомъ тѣлѣ, но если теперь меня тянетъ къ низу грубая тяжесть, все же крылья воздымаютъ меня надъ жестокою почвой. Двойная борьба подводитъ итоги свойствамъ: коротко всякое время противъ вѣчности, ничто не легче добровольнаго груза. Несу на челѣ своемъ образъ моей любви и вѣрю, что радостно посѣю туда, гдѣ я всегда понятъ и безъ словъ». Онъ обратился съ совѣтомъ ко всѣмъ заключеннымъ по дѣлу заговора. «Лишаютъ васъ рѣчи и общенія, запрещаютъ ихъ вамъ, о избранныя души! и потому это, что одна доблесть вашихъ сердецъ налагаетъ узы на гордость тирановъ. И если милосердіе приведетъ васъ къ концу тѣлами врозь, но душой воедино, то да будутъ благословенны, — какъ нѣкогда крестъ,—висѣлицы, огонь, крючья и пилы. Умѣнье умереть приравниваетъ человѣка къ богамъ; только тутъ мудрая и подобающая мужу отвага раскрываетъ великіе трофеи своей славы. Здѣсь чистая душа обрѣтаетъ вновь сладостную свободу и видитъ ту истину, что безъ нея самый рай былъ бы ничтоженъ». Въ хвалу заключенныхъ и мучимыхъ за защиту невинности Кампанелла писалъ: «Вижу души, обращенныя къ Создателю; онѣ издѣваются надъ муками, надъ смертью, преодолѣваютъ орудія тирана, шутятъ среди стра-

данiй, на позоръ и досаду мавританскаго сердца. Таковъ въ нихъ пылъ свободы и разума, что, идя по стезямъ тѣхъ, которые мудры, они считаютъ сладостью боль, роскошью невзгоду, въ своемъ всеоружiи чести и славы. Первымъ изъ нихъ Ринальди перенесъ, въ теченiе шести дней и шести ночей, древнiя пытки, насмѣялся и надъ новыми, на украшенiе и любованiе Калабрiи. Глубокое презрѣнiе собратьевъ его къ страшному звѣрству гренадскаго чудовища служитъ всѣмъ другимъ примѣромъ непоколебимой твердости». При этомъ поэтъ написалъ отдѣльный мадригалъ въ честь Маурицiя Ринальди: «Великодушный Ринальдъ, истый отпрыскъ рода Монте Альбано, ты заслужилъ почесть всего королевства и повергъ въ прахъ суетный Совѣтъ, мавританскую спесь и звѣрскiй гнѣвъ разбойниковъ-судей. Ты выставилъ королю залогъ своей вѣрности, вытерпѣвъ, въ продолженiе трехсотъ часовъ, съ гордымъ духомъ, неслыханныя мýки, — одинокъ и нагъ, и только Господь послалъ тебѣ щитомъ твою честь». Не остался забытымъ и Харафа, которому Кампанелла посылалъ свои проклятiя: «Кампанелла не былъ никогда главою еретиковъ и мятежниковъ въ Калабрiи, но его заклеймили тѣмъ, по правительственному расчету, Руффи, Гарафи, Мораши и Спинелли. Но всѣхъ Iудъ и всѣхъ демоновъ превзошелъ гренадецъ Харафа, судья, истецъ и свидѣтель, онъ же жесточайшiй палачъ. Говорятъ, что онъ рожденъ отъ мавра и женщины-иновѣрки, потомковъ лукаваго еврейства, силою обращенныхъ въ христiанство. Онъ отлученникъ, онъ гнойще атеизма, онъ невѣжественъ, въ немъ нѣтъ души человѣческой, на основанiи чего и построилъ Карлъ свой силлогизмъ» [1]).

Возвращаюсь къ разсказу о процессѣ. Членами королевскаго суда надъ мятежниками были назначены Марко Антонiо д'Апонте и прокуроръ донъ Джiованни Санхецъ, при дѣлопроизводителѣ—Джуліано Канале. Разобравъ всѣ судебные документы, доставленные изъ Калабрiи, они должны были подкрѣпить ихъ провѣркою, не замедляя хода правосудiя. Первыми были допрошены двое, уже приговоренныхъ къ казни, Маурицiо и Пизано. Первый изъ нихъ, уже перенесшiй жестокiя пытки въ Калабрiи, былъ подвергнутъ новымъ страшнымъ мученiямъ, память о которыхъ самъ Кампанелла увѣковѣчилъ въ приведенномъ мною сонетѣ.

[1]) *Ibid.*, III, 549—581. — *Louise Colet.* Oeuvres de Campanella. Paris, 1844.

Маурицio присудили къ одной изъ самыхъ звѣрскихъ пытокъ, называемой просто «лишеніемъ сна», но обстановленной утонченными мучительствами, до которыхъ не доходило воображеніе канибаловъ. Продолжительность такой пытки полагалась въ 40 часовъ, но ограничивалась нѣсколько меньшимъ временемъ, потому что самые здоровые, крѣпкіе люди впадали въ полное изнеможеніе по прошествіи 30—35 часовъ, и тогда пытка прекращалась, потому что судьи отвѣчали за смерть подсудимаго, послѣдовавшую во время ея. Повидимому, Маурицio подвергался дважды такому мученію съ промежуткомъ въ нѣсколько дней, что и совпадаетъ со счетомъ монсиньора Мандина, упоминающаго о 70 часахъ пытки. Но Маурицio не сознавался и тутъ, несмотря на то, что ему было извѣстно, какъ низко выдалъ его Кампанелла въ своемъ «Заявленіи». Онъ подавилъ свою личную обиду и выслушалъ твердо свой смертный приговоръ,—смягченный, впрочемъ, противъ постановленнаго въ Калабріи: вмѣсто распиливанія между досокъ, онъ былъ присужденъ къ повѣшенію и къ четвертованію трупа. Санхецу эта смерть была выгодна, такъ какъ къ нему переходила часть наслѣдства Маурицio [1]). Пизано былъ тоже приговоренъ къ казни, узнавъ о чемъ, нунцій жаловался вице-королю на то, что этого клирика судили, какъ мірянина; притомъ «Пизано былъ изъ друзей Кампанеллы и могъ открыть многое насчетъ его секты». Нунцій надѣялся, что «вице-король не захочетъ, чтобы дѣло о мятежѣ земномъ считалось важнѣе мятежа противъ Бога. Повременивъ, можно будетъ покарать за то и за другое». Вице-король, повидимому, согласился съ этими доводами, и Пизано былъ оставленъ въ живыхъ, но ненадолго. По обычаю, Маурицio долженъ былъ пройти бо́льшую часть города прежде нежели прибыть къ мѣсту казни; но онъ былъ уже такъ слабъ, что его везли на телѣжкѣ. Масса народа слѣдовала за нимъ, но подъ самою висѣлицею случилось нѣчто неожиданное и лишившее зѣвакъ ожидаемаго зрѣлища: Маурицio, не признававшійся ни въ чемъ среди страшныхъ мученій, объявилъ, что скажетъ все,—вслѣдствіе чего онъ былъ обратно отведенъ въ тюрьму. Какъ объяснить это внезапное признаніе человѣка, молчавшаго до тѣхъ поръ и заявившаго теперь, что не ждетъ помилованія? Самъ Маурицio говорилъ, что дѣлаетъ это единственно для облегченія своей

[1]) *Amabile*, II, 28.

совѣсти. Такъ писалъ и нунцій, когда уже начался процессъ по дѣлу о ереси: «Придя къ висѣлицѣ, онъ добровольно, для облегченія совѣсти, рѣшился выдать все то, что утаивалъ при пыткѣ».. Въ томъ же смыслѣ пишетъ и венеціанскій резидентъ. Но Кампанелла, сначала въ своей «Защитѣ», потомъ въ письмахъ своихъ и въ «Narrazione», разсказываетъ дѣло совершенно иначе, что и служитъ причиной различія взглядовъ на существованіе заговора или, по крайней мѣрѣ, на участіе въ немъ самого Кампанеллы. Въ «Защитѣ» онъ говоритъ, что «Маурицio хотѣлъ ему отомстить за заявленное о немъ», и что «онъ надѣялся спастись такимъ признаніемъ, какъ увѣрилъ его въ томъ именемъ короля *одинъ фискалъ, переодѣтый монахомъ...*» Въ письмахъ къ папѣ, королю, кардиналамъ Фарнезе и С.-Джіорджіо, Кампанелла повторяетъ, что «именемъ короля Маурицio уговорили сказать множество ложнаго, и онъ, готовясь *уже умереть за другія преступленія*, взвелъ небылицы» и т. д. Наконецъ, въ «Narrazione», написанной гораздо позднѣе, онъ излагаетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: «Санхецъ видѣлъ, что нельзя доказать заговора, потому что Маурицio продолжалъ его отрицать, несмотря на страшнѣйшія мученія, претерпѣнныя въ Калабріи отъ Харафы который пыталъ его снова уже послѣ того, какъ онъ былъ осужденъ и исповѣданъ, сказавъ ему, что исповѣдавшій его былъ мірянинъ, переодѣтый монахомъ для того, чтобы вывѣдать отъ него все... Въ Неаполѣ его тщетно пытали снова; тогда нѣкоторые чиновники нарядились монахами и притворились, что ведутъ его на казнь, а Санхецъ и одинъ іезуитъ, духовникъ вице-короля, обѣщали ему королевскимъ именемъ помилованіе, если онъ сознается подъ висѣлицею о мятежѣ, потому что тогда это будетъ имѣть видъ правдоподобія. И Маурицio, боясь умереть по королевскому указу за убійство своего родственника и одной женщины, и за то, что былъ на турецкихъ галерахъ, рѣшился, для спасенія себѣ жизни, покаяться подъ висѣлицей, куда пошелъ, будто бы готовясь быть повѣшеннымъ». Это сбивчивое разъясненіе только позоритъ Кампанеллу, какъ и его первоначальное «Заявленіе» противъ Маурицio. Маурицio, какъ мятежникъ, былъ приговоренъ къ смерти еще въ Калабріи и, главнымъ образомъ, по винѣ самого Кампанеллы. Не зачѣмъ было искать *правдоподобія* мятежу, когда Кампанелла самъ такъ ясно подтвердилъ его въ своемъ «Заявленіи», разсказывая съ точностью о посвященіи Маурицiемъ турец-

кихъ судовъ. Наконецъ, уже восемь человѣкъ были казнены за участіе въ этомъ самомъ мятежѣ, слѣдовательно, такъ или иначе, но онъ считался доказаннымъ. Смѣшеніе убійствъ, совершенныхъ въ прежнее время Маурпціемъ, съ его настоящимъ дѣломъ и разсказъ о притворномъ приготовленіи къ казни не выдерживаютъ критики; Кампанелла какъ бы не знаетъ о прежнемъ судѣ и произнесенномъ еще въ Калабріи приговорѣ, но особенно неблагородна попытка его выставить Маурпціо какимъ-то подлымъ трусомъ, послѣ его доказанной и прославленной самимъ Кампанеллой въ его стихахъ истинно геройской стойкости и возвышенности характера. Весьма вѣроятно, что Санхецъ и духовникъ вицекороля дѣлали попытки къ тому, чтобы склонить Маурпціо на признаніе, но онъ не былъ такъ простъ, чтобы повѣрить обѣщаніямъ въ родѣ упоминаемыхъ Кампанеллой. Относительно мнимыхъ монаховъ, можно предположить, что и настоящій, неряженый монахъ, напутствуя осужденнаго, могъ, въ избыткѣ усердія, внушать ему мысль облегчить себѣ душу полнымъ признаніемъ. Во всякомъ случаѣ, поступокъ Маурпціо могъ казаться напраснымъ, но побужденіемъ къ нему послужили не низкія цѣли и никто изъ современниковъ не говорилъ о трусости Маурпціо или его корыстномъ расчетѣ. Онъ былъ отведенъ обратно въ тюрьму и далъ тамъ пространное показаніе [1]). Въ этомъ показаніи Маурпціо не щадитъ уже Кампанеллы, фра Діонизіо, Петроло и пр. Въ общемъ заявленіе Маурпціо мало разнится отъ «Заявленія» самого Кампанеллы, и если этотъ послѣдній выставленъ инпціаторомъ движенія, то это слишкомъ согласно со всѣми данными, по которымъ можно судить о событіяхъ. Безъ пророчествъ Кампанеллы, безъ его твердой увѣренности въ неминуемости и необходимости переворота, безъ общаго довѣрія къ его личности и къ его словамъ, революціонная затѣя не могла бы принять столь широкихъ размѣровъ. Самое поведеніе Кампанеллы въ тюрьмѣ указываетъ на то, что онъ, и никто иной, былъ главой заговора: разсуждаетъ ли онъ съ Маурпціо, восхваляетъ ли или поноситъ его въ своихъ стихахъ, вездѣ видно, что онъ считаетъ его лишь орудіемъ, а не душою дѣла. Признаніе Маурпціо, для возымѣнія должной силы противъ его сообщниковъ, должно было подтвердиться новою пыткой, которая, по уставу, давалась не позже послѣдующаго дня, при чемъ

[1]) *Ibid.*, II, 35.

страдальцу, поднятому на дыбу, читалось его показаніе «отъ слова до слова», а онъ долженъ былъ утверждать его «во всемъ и о всѣхъ». Затѣмъ было рѣшено дать ему очную ставку съ Кампанеллой. Съ каждымъ днемъ ожидали папскаго указа на составъ трибунала для суда духовныхъ, обвиняемыхъ въ мятежѣ; но его еще не было и пока шелъ судъ надъ мірянами. Данныя по этому суду крайне недостаточны. Какъ извѣстно, онъ длился цѣлые года. Кампанелла, въ своихъ письмахъ, показываетъ различно общее число допрошенныхъ и пытанныхъ мірянъ и духовныхъ: 50—80—100 человѣкъ; онъ говоритъ, что Харафа давалъ имъ «записки съ указаніями, что говорить». Наступилъ и 1660 г., не принеся, однако, ничего новаго. Папскій указъ все еще не прибылъ; въ ожиданіи его вице-король хлопоталъ о снятіи съ принца ди Сцилла отлученія отъ церкви, наложеннаго на него епископомъ милетскимъ, и о вызовѣ въ Неаполь самого епископа. Отлученіе было снято; послѣ того прибылъ въ Неаполь и епископъ, ѣхавшій не торопясь, съ роздыхами и выводившій тѣмъ изъ терпѣнія вице-короля, который намѣревался уже объявить его уклоняющимся отъ явки. Нунцій долженъ былъ выслушивать жалобы вице-короля, винившаго епископа за его потворство виновнымъ клирикамъ, такимъ, напримѣръ, какъ Пизано, котораго онъ старался освободить отъ свѣтскаго суда. Но онъ подготовилъ ему свое мщеніе: въ тотъ самый день, когда былъ полученъ папскій указъ о сформированіи суда надъ монахами, причастными заговору, вице-король отдалъ свое приказаніе: повѣсить Чезаре Пизано. Въ предсмертномъ своемъ показаніи, очень пространномъ и названномъ на инквизиціонномъ языкѣ «доносомъ», Пизано повторилъ прежнее, лишь отчасти облегчая вины фра Діонизіо и усиливая обвиненія противъ Кампанеллы и себя самого. Для формальнаго скрѣпленія показанія несчастный былъ вздернуть на дыбу, при чемъ заявилъ, что «показывалъ истинно». Затѣмъ онъ прибавилъ, обращаясь къ архіепископу Ерколе Баккари, руководившему лично пыткой: «Монсиньоръ, сжальтесь, я не ѣлъ четыре дня, ослабъ». Тогда его спустили, выправили ему руки, одѣли, и архіепископъ произнесъ ему приговоръ, какъ еретику, приказывая ему при этомъ отречься тотчасъ же отъ ереси, что тотъ и исполнилъ, произнеся извѣстную формулу. Остается прибавить, что на пути уже къ мѣсту казни Пизано говорилъ напутствовавшимъ его монахамъ, что показывалъ много лишняго въ калабрійскихъ

судахъ, вынуждаемый къ тому пытками. Пизано былъ казненъ въ виду тюрьмы, въ которой были заключены его товарищи. Венеціанскій резидентъ поясняетъ поспѣшность вице-короля тѣмъ, что Пизано, будто бы, хотѣлъ отравить Маурпціо, который продолжалъ разоблачать ходъ заговора. Но это былъ, очевидно, слухъ, пущенный самимъ правительствомъ, съ цѣлью оправдать слишкомъ явное превышеніе власти со стороны свѣтскаго суда. Далѣе резидентъ сообщаетъ, что Пизано былъ казненъ въ священнической одеждѣ—въ рясѣ, присвоенной клирикамъ. Это обстоятельство подтверждается письмами другихъ лицъ и служило къ толкамъ объ оскорбленіи, нанесенномъ духовной власти. Нунцій, цѣнившій выше всего свое спокойствіе, занимался такъ мало своимъ дѣломъ, что былъ весьма озадаченъ, узнавъ о томъ, что уже совершилось. Онъ долженъ былъ донести въ Римъ о неожиданной казни Пизано, при чемъ промолчалъ, однако, о томъ, что его повѣсили въ рясѣ. А когда онъ сталъ объясняться съ вице-королемъ, тотъ отвѣтилъ ему, что былъ въ отсутствіи, положился на судей и «даже ничего не зналъ тоже о казни». Графъ Lемосъ умѣлъ вообще прикидываться весьма простодушнымъ. Первыя засѣданія духовнаго суда произошли 17 и 18 января. Спрошенный Кампанелла отвѣчалъ на все отрицательно, несмотря на предъявленное ему его собственноручное «Заявленіе», «которое онъ тоже не признавалъ»,—пишетъ нунцій. Тогда ему была дана очная ставка съ Маурпціо, Франціей, Кордовой и др. Они подтвердили прежнее, а «Маурпціо сказалъ въ глаза Кампанеллѣ, что они замышляли вмѣстѣ заговоръ, что для этого онъ и былъ на турецкихъ галерахъ». Кампанелла продолжалъ все отрицать; тогда прокуроръ потребовалъ пытки, но хотя она и примѣнялась на предварительномъ слѣдствіи въ исключительныхъ случаяхъ, нунцій настоялъ на томъ, чтобы испросить на нее разрѣшеніе у папы. Это новое пререканіе лишь ухудшало положеніе Кампанеллы и его товарищей, потому что усиливало тайное недовѣріе неаполитанскаго двора къ римской куріи. Въ ожиданіи отвѣта были допрошены фра Діонизіо, который не сознавался, затѣмъ Пиццони и Петроло, то отрицавшіе, то бравшіе назадъ свои отрицанія. Послѣ очной ставки съ послѣднимъ, Кампанелла былъ посаженъ въ «крокодилову яму, которая, какъ онъ пишетъ, была вырыта почти ниже морского дна, совершенно темна и крайне сыра. Онъ «лежалъ тамъ на землѣ, со скованными ногами, его

едва кормили одинъ разъ въ день». Онъ пробылъ въ этой страшной тюрьмѣ цѣлую недѣлю и больной, истощенный, былъ выведенъ изъ нея лишь для того, чтобы подвергнуться пыткѣ. Маурицio, подтвердившій снова свое показаніе при очной ставкѣ съ фра Діонизіо и наканунѣ своей смерти, былъ казненъ 4-го февраля, тоже на площади передъ тюрьмою Кастельнуово. Онъ предлагалъ шесть тысячъ дукатовъ за то, чтобы его не вѣшали, а обезглавили, какъ дворянина. Но его все же повѣсили [1]). Послѣ Маурицio осталась вдова его, Джулія Витале, трехлѣтняя дочь, Констанца, и вдовая сестра, тоже Костанца. Венеціанскій резидентъ, описывая смерть Маурицio, называетъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ... «Всѣ его дѣйствія, какъ при жизни, такъ и передъ кончиной, ставятся всѣми такъ высоко, что по нимъ можно судить о значеніи, котораго онъ могъ бы достичь, если бы его революціонные замыслы увѣнчались успѣхомъ... Даже вице-король, тронутый его добровольнымъ признаніемъ, сдѣланнымъ единственно по душевному побужденію, дозволилъ, чтобы его имущество, вмѣсто обычной конфискаціи, было подѣлено на три части: одна изъ нихъ пойдетъ на церковь, а другія двѣ останутся женѣ и дочери». Допросы въ тюрьмѣ или своимъ чередомъ. Маріо Флаккавенто, Дж. Баттиста Сансеверино и другіе тоже уличали фра Діонизіо на очныхъ ставкахъ, усиливая тѣмъ и обвиненія противъ Кампанеллы. Наконецъ, по полученіи разрѣшенія отъ римской куріи, а именно 7 февраля 1600 года, наступила очередь мученій и для него. Въ числѣ орудій пытки было одно, собственно неаполитанскаго происхожденія. Это было, такъ-называемое, «полледро», родъ пирамидальной лѣстницы съ заостренными перекладинами, которыя врѣзались во все тѣло пытаемаго, отъ его затылка до пятокъ [2]). Голова его вкладывалась въ деревянное углубленіе, которымъ лѣстница заканчивалась наверху; по бокамъ вдоль всей лѣстницы были отверстія съ продѣтыми въ нихъ тонкими ремешками или веревками, которыми руки и ноги несчастнаго привязывались на-крѣпко — ремни закручивали палками; такой же ремень притягивалъ голову. Всѣхъ ремней употреблялось тринадцать. Пытка была непродолжительна, потому что Кампанелла не могъ вынести страшной муки. Онъ заявилъ, что готовъ признаться. Признаніе было не короткое: оно заняло два засѣданія и,

[1]) *Ibid.*, II, 35.
[2]) *Ibid.*, II, 61.

какъ видно изъ письма Кампанеллы къ папѣ, при второмъ онъ былъ снова пытанъ и тѣмъ же способомъ. Въ общемъ, онъ сознавался, что хотѣлъ учредить республику и, съ этою цѣлью, онъ и его товарищи вели соотвѣтственную пропаганду, но лишь на тотъ случай, если бы наступили предвидѣнныя имъ перемѣны. Онъ приводилъ то, что выражено въ его «пророчествахъ»; если онъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ оружію, то только ради защиты. Переговоры съ турками затѣялъ одинъ Маурицio. Въ своей «*Narrazione*», Кампанелла особенно поставляетъ на видъ свое крайне болѣзненное состояніе, видимо стыдясь того, что онъ сознался, когда прочіе монахи, пытанные послѣ него, вовсе не сознавались или не прибавляли ничего къ сказанному ими ранѣе. Онъ говоритъ: «И Кампанеллу, больного, подвергли пыткѣ на полледро, не давъ оправиться. Кампанелла видѣлъ, что приходится ему умереть, тѣмъ болѣе, что Санхецъ приказывалъ палачамъ мучить его на смерть; веревки, которыми притягивали его, даже лопались и ихъ замѣняли другими; боль дѣлалась столь ужасною, что онъ лишался чувствъ и терялъ разсудокъ. Тогда, понимая, что умретъ, если не заговоритъ, онъ сказалъ, что сознается. И такъ какъ Санхецъ и судьи были несвѣдущи въ богословіи и астрологіи, онъ сталъ имъ искусно доказывать, на основаніи этихъ наукъ, что проповѣдывалъ о міровыхъ и государственныхъ переворотахъ лишь на основаніи этихъ наукъ. И провозгласилъ бы онъ республику лишь по наступленіи этихъ переворотовъ. Если онъ совѣтовалъ многимъ запасаться оружіемъ, то потому, что при наступленіи переворотовъ могла быть надобность защищаться и имѣть средства для учрежденія всеобщей республики, предвѣщенной въ Апокалипсисѣ св. Іоанна. Онъ могъ назвать многихъ, согласившихся съ нимъ, но онъ не признавался ни въ какой ереси, ни въ мятежѣ, ни въ желаніи возмущать. Когда Маурицio его спрашивалъ, какъ же достигнуть всего, онъ отвѣчалъ ему, что не надо возставать противъ правительства, но что *если наступятъ перемѣны*, то слѣдуетъ основать республику въ горахъ и защищаться тамъ, какъ защищались испанцы противъ мавровъ. И онъ разсказывалъ все такъ, что судьи считали, будто онъ сознается и лишь отрицаетъ союзъ съ турками, который онъ отрицалъ настоятельно, говоря, что даже порицалъ Маурицio за то, что онъ былъ на галерахъ у Амурата. Судьи же, не зная вовсе того, что сказываютъ Аркватъ астрологъ, Скалигеръ, Кар-

дано, Тиконе, Джемма, Фризіо и другіе астрологи о перемѣнахъ при исходѣ нашего столѣтія, равно какъ и того, что говорено святыми Екатериной, Бригитой, Винченціемъ, Діонизіемъ Картезіанскимъ, воображали, что всѣ эти пророчества были измышлены Кампанеллою для возмущенія народа, и были ложны, не удовлетворились его показаніемъ, надѣясь, что въ инквизиціонномъ трибуналѣ онъ признается, что задуманная имъ республика была бы еретическою, а въ такомъ случаѣ, его осудятъ на костеръ». Такое заключеніе очень странно, потому что суду по дѣлу о мятежѣ не было никакого повода заботиться о еретическомъ характерѣ этого мятежа; было совершенно достаточно того, что Кампанелла сознавался въ намѣреніи учредить республику, какая бы она ни была, для того, чтобы онъ оказывался государственнымъ преступникомъ и подлежалъ бы всей карѣ законовъ; не имѣла тоже значенія та оговорка, что республика была бы провозглашена лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ, равно какъ и то, что народъ вооружался бы лишь для своей защиты, а не для нападенія, и что помогли бы движенію турки или другіе иноземцы. Всѣ эти подробности не измѣняли сущности дѣла, съ чѣмъ соглашались судьи и самъ нунцій, писавшій въ Римъ, что при всѣхъ оговоркахъ Кампанеллы «замыселъ остается разоблаченнымъ настолько, что трудно будетъ его оправдать»; но громадная ученость и начитанность Кампанеллы такъ смущали монсиньора нунція, что онъ просилъ кардиналовъ С. Джіорджіо и С. Северино прислать для предстоявшаго суда по дѣлу о ереси какого-нибудь изъ богослововъ поученѣе и поизворотливѣе для препирательства съ Кампанеллой, который хотя и отрекался отъ лжеученій, но былъ «мастеръ поддерживать свои мнѣнія». Согласно процедурѣ того времени, тотчасъ же вслѣдъ за допросомъ, скрѣпленнымъ на другой же день подтвержденіями подсудимаго при его новой пыткѣ, судьи предписывали выдать ему копію со всѣхъ слѣдственныхъ актовъ и съ заключеніемъ прокурора, при чемъ назначали срокъ обыкновенно короткій, въ нѣсколько дней, на приготовленіе защиты. Въ случаѣ нужды, судъ назначалъ и офиціальнаго защитника. Адвокатъ, ознакомясь съ дѣломъ, писалъ защитительный актъ и подавалъ его въ судъ въ назначенный срокъ и затѣмъ ждалъ призыва къ словесной защитѣ, что ограничивалось, впрочемъ, лишь спросомъ у него: не имѣетъ ли чего прибавить къ письменной защитѣ? Адвокатомъ Кампанеллы былъ назна-

ченъ д-ръ Дж. Баттиста ди Леонардисъ, «королевскій адвокатъ для бѣдныхъ», на котораго была возложена защита и прочихъ монаховъ. Епископъ термолійскій, одинъ изъ судей по ереси, писалъ въ Римъ, что «не нашлось ни одного доктора правъ, который взялся бы защищать ихъ *de jure*». Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что никто не бралъ на себя защиты ихъ добровольно. Впрочемъ, нанять себѣ адвоката имѣлъ бы средства одинъ фра Діонизіо; Кампанелла и прочіе были не въ состояніи это сдѣлать. Но отказъ адвокатовъ могъ быть вызванъ и другими соображеніями. Защищать политическихъ преступниковъ имѣютъ смѣлость немногіе.

Фра Діонизіо былъ тоже подвергнутъ пыткѣ, но не признался ни въ чемъ. Изъ одного письма епископа термолійскаго видно, что несчастнаго пытали тоже посредствомъ «полледро» и что «изъ 13 веревокъ или ремней лопнули 7 во время допроса о мятежѣ». Онъ былъ такъ измученъ, что, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода процесса, до самаго іюня не могъ подписывать бумаги иначе, какъ держа перо въ зубахъ; руки отказывались дѣйствовать. Послѣ него пытали Пиццони на дыбѣ съ придачею ремней, въ продолженіе двухъ часовъ, но онъ не сознался, какъ пишетъ тотъ же епископъ, прибавляя: «Онъ былъ обвязанъ ремнями и поднятъ на дыбу, послѣ чего остался съ искалѣченною рукою». Неизвѣстно, что отвѣчали спрошенные затѣмъ Кортезе и Милано, упомянутые въ одномъ письмѣ Клаудіо Кристо, сообщавшемъ о наступленіи революціи въ сентябрѣ. Вслѣдъ за ними былъ снова пытанъ Пизано два часа на дыбѣ, не выдавши опять ничего. Джуліо Контестабиле, допрошенный въ первый еще разъ, и Битонто послѣдовали тому же примѣру. Оказывалось, что изъ шести пытанныхъ сознался одинъ Кампанелла.

Все это происходило въ концѣ февраля: изъ числа заподозрѣнныхъ монаховъ и клириковъ были выпущены на свободу 12 человѣкъ. Въ заключеніи оставались девять монаховъ, считая и Кампанеллу, и одинъ клерикъ, Джуліо Контестабиле. Онъ первый представилъ свою защиту, благодаря тому, что имѣлъ средства нанять себѣ особаго адвоката и скоро добыть различные оправдательные документы. Защита Кампанеллы была представлена его адвокатомъ, Леонардисомъ, въ первой половинѣ марта. Изъ нея видно, что у Кампанеллы не было ни свидѣтелей, ни документовъ въ его пользу, и что самъ защитникъ считалъ дѣло про-

химъ, потому что нельзя было выставить подсудимаго не уличеннымъ или хотя бы не сознавшимся. Онъ нашелъ возможнымъ поэтому лишь восхвалять милосердіе и благость Филиппа III, повелѣвшаго вести такую защиту, заявлялъ, что самъ онъ охотно разорвалъ бы на части, съ *неронов-скимъ* сладострастіемъ, «такихъ гнуснѣйшихъ преступниковъ», но, повинуясь приказу вице-короля, имѣлъ честь представить нунцію и прочему трибуналу слѣдующія соображенія: если Кампанелла, принявъ его вину противъ величества доказанной, могъ и долженъ былъ подлежать свѣтскому суду, согласно соизволенію папы, то все же должно было принять во вниманіе обстоятельства дѣла и личность обвиняемаго. Кампанелла не могъ считаться «уличеннымъ законно», потому что свидѣтельствовавшіе противъ него были въ то же время и его сообщниками, могущими лишь подтверждать фактъ заговора, но никакъ не ту степень виновности, которая влекла за собою смертный приговоръ, особенно если дѣло касалось личности клирика рукоположеннаго, противъ котораго требовались нѣсколько иныя, льготныя формы суда. Сверхъ того, всѣ свидѣтели называютъ Кампанеллу главою заговора, который нельзя однако признать существующимъ, потому что тѣ же свидѣтели обусловливаютъ его перемѣнами, имѣвшими еще наступить, такъ что Кампанелла винится въ намѣреніи возстать противъ правительства, котораго уже не было бы. Далѣе, подсудимый никогда не одобрялъ союза съ турками. Заговоръ имѣлъ цѣль отдаленную и которая, можетъ-быть, и не привелась бы никогда въ исполненіе. Наконецъ, въ случаѣ дѣйствительно сбывшихся переворотовъ, планъ могъ имѣть ту хорошую сторону, что лучше было учрежденіе республики именемъ папы и короля, нежели завоеваніе страны иноземнымъ народомъ. Въ заключеніе, защитникъ взывалъ къ справедливости и милосердію судей [1]).

Наступившая Пасха прервала дѣятельность суда. Прежде чѣмъ началась снова эта дѣятельность, случилось одно неожиданное обстоятельство. Уже въ началѣ апрѣля у Кампанеллы обнаружился внезапный припадокъ помѣшательства, о которомъ онъ самъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ отъ 1606—1607 г. Въ одномъ изъ нихъ, онъ говоритъ: «Защита была отвергнута и тогда наступило сумасшествіе». Въ другомъ: «Они довели меня до помѣшательства своими

[1]) *Ibid.*, II. 79.

мученіями и не допуская къ защитѣ». Позже (1614 г.) въ одномъ примѣчаніи къ своимъ стихотвореніямъ онъ говоритъ: «Я сжегъ свою постель и сталъ безумнымъ дѣйствительно или притворно». Еще позднѣе (1620 г.), въ своей *Narrazione*, онъ описываетъ подробно, что «Санхецъ и прочая шайка (т. е. нунцій и ди Вера) лишили Кампанеллу возможности писать, слѣдить за дѣломъ, защищаться, имѣть книги, совѣщаться съ адвокатами. И его заключили въ башню въ цѣпяхъ, говорили ему, что онъ долженъ умереть. что ему нужно готовиться къ принятію таинствъ, а не къ защитѣ. И послали къ нему іезуитовъ и другихъ монаховъ для напутствія передъ смертью. Онъ хотѣлъ представить суду книги, въ которыхъ писалъ о переворотахъ въ мірѣ и наступленіи царства Христова, когда будетъ одно стадо и одинъ пастырь. Эти книги были поднесены Кампанеллою еще за два года передъ тѣмъ кардиналу С. Джіорджіо; изъ нихъ можно было видѣть, что теперь не было придумано ничего новаго противъ церкви или противъ короля. Онъ хотѣлъ представить еще сочиненіе объ испанской монархіи, весьма полезное для правительства, и «трагедію Марія Стюартъ», написанную въ пользу Испаніи противъ Англіи, также «Рѣчи къ итальянскимъ властямъ», которымъ, ради общаго блага, не слѣдовало противодѣйствовать испанской коронѣ. Всѣ эти книги Кампанелла вытребовалъ себѣ съ родины. Но Санхецъ не допустилъ его ни до чего, заключилъ въ тюрьму съ затворенными окнами, запугалъ всѣхъ желавшихъ ему помочь и такъ мучилъ бѣднаго Кампанеллу, что тотъ лишился разсудка, сжегъ свою постель и его самого нашли на утро полумертвымъ, и онъ оставался помѣшаннымъ 50 дней». Этотъ разсказъ страдаетъ неточностями. Помѣшательство длилось 14 мѣсяцевъ слишкомъ, послѣ чего подверглось испытанію посредствомъ самой страшной пытки. Книги, о которыхъ идетъ рѣчь, тоже не были доставлены тотчасъ съ родины Кампанеллы и въ его собственноручной «Защитѣ», появившейся спустя 14 мѣсяцевъ по обнаруженія его сумасшествія, онъ требовалъ у судей этихъ книгъ и другихъ, находящихся у него въ Стило. Сверхъ того, онъ былъ подвергнутъ пыткѣ 7 и 8 февраля, а припадокъ помѣшательства обнаружился у него 2 апрѣля; равнымъ образомъ, неправдоподобно то обстоятельство, чтобы съ нимъ обращались особенно сурово въ то время, когда онъ долженъ былъ писать свою «Защиту». Обыкновенно, тутъ предоставлялись подсудимымъ извѣстныя льготы.

Весьма вѣроятно, что случаемъ и предлогомъ къ помѣшательству Кампанеллы послужили крайнія требованія патеровъ, навѣщавшихъ заключенныхъ съ особымъ усердіемъ, по причинѣ страстной седьмицы и наступившаго праздника. Одинъ изъ этихъ монаховъ, доминиканецъ Піетро Гонзалецъ, былъ спеціальнымъ духовникомъ при тюрьмѣ и Піетро ди Стило говоритъ о немъ: «Онъ являлся часто и назидательно увѣщавалъ насъ, заходя, какъ я слышалъ, особо еще къ Кампанеллѣ, и ругалъ его грубо». Но епископъ термолійскій сомнѣвался, чтобы рѣчи этого монаха напугали Кампанеллу до потери разсудка. Епископъ, какъ и нунцій, не особенно довѣрялъ этому Гонзалецу, который дружилъ съ нѣкоторыми вліятельными лицами, расположенными къ Кампанеллѣ, и былъ прежде въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ монаховъ, напримѣръ съ Петроло, съ которымъ жилъ въ Миланѣ. Могло быть, что онъ обращался такъ съ Кампанеллой нарочно, по согласію съ нимъ, для того чтобы придать больше правдоподобія его неожиданному припадку безумія. Тюремщикъ Алонзо Мартинецъ показывалъ на допросѣ, что, «обходя утромъ въ день Пасхи камеры, онъ увидѣлъ, что фра Томазо сжегъ кровать, столъ, соломенный тюфякъ, одѣяло, при чемъ вся камера была полна дыма и самъ Томазо лежалъ на полу». Сначала тюремщикъ счелъ его мертвымъ, но потомъ, услышавъ его стоны, поднялъ его и помѣстилъ въ другое мѣсто. «Когда фра Томазо очнулся,—продолжалъ Мартинецъ:—я хотѣлъ свести его къ обѣднѣ, какъ имѣлъ на то разрѣшеніе, но онъ бросился на меня, чуть не оторвалъ мнѣ носъ, и съ этой минуты говорилъ безтолково со мной и съ другими». Пасха въ томъ году была 2 апрѣля и потому можно съ точностью опредѣлить день обнаруженія помѣшательства Кампанеллы. Узнавъ о происшествіи, Санхецъ приказалъ тайно наблюдать за помѣшаннымъ. Ему донесли о двухъ ночныхъ бесѣдахъ Кампанеллы съ Піетро Понціо 10 и 14 апрѣля. Два писца, Марчелло Андреанисъ и Франческо Тарталія, записывали, по порученію Санхеца, то, что подслушивали ночью изъ камеръ Кампанеллы и Піетро Понціо, находившихся рядомъ. Въ три часа ночи на 10 апрѣля они услышали слѣдующій разговоръ: *Кампанелла* спрашивалъ: «Что съ моимъ отцомъ и братомъ?» *Фра Піетро* отвѣчалъ: «Они въ гражданскомъ отдѣленіи, вмѣстѣ съ Джузеппе Грилло и Франческо Оливіеро». *Кампанелла:* «А твой братъ?» *Піетро:* «Ферранте тоже съ разною мелюзгою въ гражданскомъ».

Кампанелла: «О, какъ жаль, что и этотъ бѣдняжка Оливіеро»... Послѣ нѣкотораго молчанія, *фра Піетро* спросилъ по-латыни: «Ты много писалъ сегодня?» *Кампанелла:* «Много... все». *Піетро:* «Мартинеца нѣтъ въ замкѣ, а Онофріо (другой тюремщикъ) позванъ къ коменданту; намъ можно поговорить?» *Кампанелла* (по-латыни): «Ты не знаешь, что за народъ эти испанцы!» *Піетро* (тоже по-латыни): «Знаю, что за народъ; знаю ихъ злодѣйства». *Кампанелла:* «Не знаешь ли, освободили Томазо д'Ассаро?» *Піетро:* «Не знаю; спроси у того, кто въ верхнемъ этажѣ (т. е. надъ камерою фра Піетро)». *Кампанелла:* «Не могу... Постарайся, чтобы я могъ передать завтра записку фра-Піетро (разумѣется, вѣроятно, Піетро ди Стило), потому что говорить мнѣ нельзя, да и пахнетъ что-то людьми...» *Піетро:* «Ты ихъ закляни и говори по-латыни: они глупы и не знаютъ латинскаго языка». Нѣсколько времени оба молчали, потомъ фра *Піетро* началъ снова: «Никого нѣтъ, унесъ ихъ развратъ... Есть у тебя свѣтъ?» *Кампанелла:* «Нѣтъ, почти уже гаснетъ. Ляжемъ спать, потому что я завидѣлъ огонь». *Піетро:* «Ляжемъ». Изъ такого разговора видно, что Кампанелла могъ писать, писалъ въ этотъ день «много», «все», что какая-то его записка должна была передаться фра Піетро ди Стило. Донесеніе подписано обоими писцами. Другое, подписанное однимъ Тарталіей, тоже весьма любопытно. Тарталія говоритъ, что, дежуря цѣлыхъ двѣнадцать ночей въ тюремномъ коридорѣ по приказу Санхеца, онъ слышалъ, какъ Кампанелла «преотлично» разговаривалъ съ фра Піетро, а однажды, именно 14 апрѣля, онъ, Тарталія, въ присутствіи обоихъ тюремщиковъ, Онофріо и Мартинеца, услышалъ такой разговоръ: фра Піетро окликнулъ Кампанеллу четыре раза: «фра Томазо, фра Томазо... Слышишь меня или нѣтъ, сердце мое?..» *Кампанелла* отвѣчалъ: «Добраго вечера, добраго вечера!..» *Піетро:* «О, сердце мое, какъ поживаешь? Ободрись, завтра пріѣдетъ нунцій и мы что-нибудь узнаемъ». *Кампанелла:* «О, фра Піетро, почему не придумаешь, какъ бы намъ спать вмѣстѣ и наслаждаться?» *Піетро:* «Видитъ Богъ, я готовъ бы заплатить десять дукатовъ тюремщику, а тебя, сердце мое, готовъ бы цѣловать двадцать разъ въ часъ. Я распространилъ по всему Неаполю твои сонеты, знаю ихъ наизусть и ничто не доставляетъ мнѣ столько удовольствія, какъ чтеніе какого-нибудь плода твоего творчества!» *Кампанелла:* «Я хочу теперь сочинить сонетъ нунцію».

Пiетро: «Да, сердце мое, но прошу тебя, сдѣлай милость, сочини сперва для меня и тоже для моего брата, а потомъ уже для нунція». *Кампанелла:* «Иди спать, добраго вечера!» На основаніи этого разговора епископъ казертскій заподозрилъ чистоту отношеній между друзьями [1]). Кромѣ сонетовъ, Кампанеллѣ надо было подумать о прозѣ; онъ писалъ въ это же время свою «Защиту», «Пророчества», «Апологію». Въ «Защитѣ» Кампанелла, признавая священныя книги за основу всякаго законодательства, указываетъ на то, что въ нихъ именуются преступными противъ величества лишь возстающіе съ оружіемъ противъ своего государя по злокозненности или по честолюбію, а не тѣ, которые замышляютъ переворотъ, руководясь пророчествами. «Фра Томазо Кампанелла руководился не честолюбіемъ и не злокозненностью, и если составилъ заговоръ, то лишь по внушенію людскихъ и божественныхъ предсказаній. Этотъ заговоръ не былъ направленъ противъ короля, но служилъ лишь извѣстною охраною противъ варварскаго нашествія и предвареніемъ обывателей о томъ, что имъ надо укрыться въ горахъ въ случаѣ, если предсказываемое бѣдствіе сбудется, — на основаніи чего онъ, Кампанелла, не мятежникъ и не повиненъ смерти». Далѣе говорится, что онъ не могъ мечтать о престолѣ, потому что гдѣ же было ему, бѣдняку, исторгать власть у столь могущественнаго короля? Только безумный могъ заблуждаться до такой степени... Онъ напоминалъ о своемъ мирномъ характерѣ, слабомъ здоровьи, страсти къ наукамъ; все это было слишкомъ несогласно съ воинственными замыслами, «свидѣтельствомъ чему могло служить и малодушіе, высказанное имъ при пыткѣ». «Тѣ, которые взводили на него обвиненіе въ стремленіи къ верховной власти, говорили чудовищную вещь». Сама благодарность къ испанцамъ и австрійцамъ, всегда благоволившимъ къ нему,—тутъ перечислялись высокопоставленныя лица—не позволяла ему питать злого умысла противъ короля. Она внушила ему тотъ «Трактатъ», въ которомъ онъ доказывалъ, что Италія, для своего блага, должна была желать оставаться подъ испанской короной, равно какъ «*Діалогъ*», направленный противъ лютеранъ и кальвинистовъ и пр. и пр. Онъ часто говорилъ проповѣди по приглашенію губернатора въ Калабріи, причемъ всегда выражалъ въ нихъ преданность королю, дока-

[1]) *Ibid.*, II, 89.

зывалъ, что Богъ вручилъ монаршую власть испанцамъ за то, что они 700 лѣтъ боролись противъ мавровъ, враговъ христіанства, между тѣмъ какъ другіе властители дрались только между собою. Король истребилъ бы турокъ, когда они раздѣлились бы, согласно предвѣщанію астролога Аквато. Если въ государствѣ было зло, то виною тому былъ не король, но его министры или самъ народъ. Истолковывая далѣе всѣ свои слова и дѣйствія въ смыслѣ благопріятномъ для королевской власти, Кампанелла не забывалъ и папу: «король пріумножалъ бы свои владѣнія, а папа присоединялъ бы новыя паствы къ своему стаду. И такая республика, предвѣстница другой, небесной, предметъ желаній философовъ, поэтовъ и пророковъ, осуществилась бы сліяніемъ всѣхъ государствъ въ одно подъ духовнымъ главою, какъ то принимаетъ и Платонъ. Нельзя было осуждать его, Кампанеллу, если пророчества его не сбывались: онъ говорилъ вслѣдъ за пророками и святыми; они могли ошибаться. А кому знаменія открываются, тотъ долженъ о нихъ оповѣщать; примѣромъ тому Іеремія и св. Петръ. Изъ его, Кампанеллы, «Всемірной христіанской монархіи», находящейся у кардинала С. Джіорджіо, можно видѣть, чего онъ хотѣлъ, не для себя лично, а для папы и короля: онъ «хотѣлъ подготовить имъ разсадникъ людей съ великимъ научнымъ и военнымъ знаніемъ, людей, способныхъ на все въ мирѣ и въ войнѣ и пр. и пр. Предвидя, что его спросятъ: «кто же возлагалъ на него такую миссію?» онъ отвѣчалъ заранѣе, что «чувствовалъ божественное наитіе, поддержанное знаменіями и пророчествами»... Господь посылалъ ему эти знаменія и онъ рѣшилъ «воспользоваться худыми событіями для добра: онъ не сталъ бы провозглашать республики, если не произошли бы ранѣе того перевороты; это видно изъ его заявленія». «И какъ венеціанцы не были мятежниками, спасаясь на скалахъ и водахъ Адріатики отъ варваровъ и основавъ свою республику, такъ и они, калабрійцы, не были бы такими, занявъ горы въ случаѣ наступленія перемѣнъ». Свидѣтели показывали, что «онъ замышлялъ бунтъ съ помощью турокъ, разбойниковъ и проповѣдниковъ», но они говорили или съ чужихъ словъ, или по враждѣ и соглашенію съ злыми людьми. Притомъ, и свидѣтельствуя противъ него, они признавали, что онъ хотѣлъ ввести республику лишь послѣ переворотовъ; въ этомъ всѣ ихъ показанія однородны, между тѣмъ какъ въ вымышленныхъ своихъ частяхъ очень разнорѣчивы. Простая

проповѣдь о перемѣнахъ принимается часто за мятежъ: всѣ пророки, Михей, Іеремія, Амосъ, апостолы, самъ Іисусъ Христосъ обвинялись въ такомъ преступленіи; что же было удивительнаго, если обвинили и его, бѣднаго? Относительно турокъ самъ Маурицio, хотя и недругъ ему, не говорилъ, что былъ посланъ къ нимъ Кампанеллой, а признавалъ, что пошелъ по собственному почину. Сталъ же онъ недругомъ ему вслѣдствіе того, что онъ, фра Томазо, упрекалъ его въ полученіи охраннаго листа отъ турокъ и заявилъ это. И еще за то, что онъ, фра Томазо, увѣдомилъ Джуліо Контестабиле, что Маурицio собирается его убить. И когда это убійство не удалось, Маурицio бросился въ монастырь св. Маріи, чтобы умертвить самого его, фра Томазо, и преслѣдовалъ его цѣлыя семь миль. «И потому этому Маурицio можно было вѣрить въ томъ, что не Кампанелла посылалъ его къ туркамъ, но не въ другомъ чемъ, выдуманномъ злостно, вслѣдствіе вражды... Притомъ онъ преступникъ, убившій нѣсколько человѣкъ и мстящій фра Томазо за показанное имъ въ Кастельветере». «Маурицio не слушался его увѣщаній относительно союза съ турками, имѣя деньги отъ друзей, и злоупотреблялъ его, фра Томазо, словами, подобно злодѣямъ и еретикамъ, которые злоупотребляютъ даже апостольскими изреченіями». «Фра Томазо хотѣлъ воспользоваться услугами бандитовъ, но не противъ короля, а лишь какъ вооруженною силой, для доброй цѣли. Что касалось показаній Криспо, то они были даны имъ среди страшныхъ мученій, «не занесенныхъ въ протоколъ»; притомъ онъ былъ разбойникъ, человѣкоубійца и врагъ его, Кампанеллы. Качіа и Пизано были допрошены не въ духовномъ судѣ. Качіа былъ разбойникъ и убійца, тоже врагъ его, фра Томазо, но и онъ отрекся отъ своихъ показаній передъ смертью. Пизано и Витале были злодѣи, показывали ложно, въ чемъ Витале признался передъ смертью. Пиццони былъ развратникъ, злодѣй, мерзавецъ. Кампанелла поименовываетъ подробно всѣ его проступки съ явною злобою; онъ обѣщалъ при перепискѣ черезъ молитвенникъ отречься отъ всего, одинъ разъ отрекся, потомъ опять показалъ прежнее. Самъ Богъ отвергалъ его. Лауріана былъ способенъ на подлоги, какъ доказываютъ его письма къ фра Діонизіо и братьямъ Понціо; прежняя жизнь его самая гнусная. Доменико Петроло не заслуживалъ тоже довѣрія, потому что стакнулся съ Лауріаной, сидя съ нимъ въ одной тюрьмѣ, въ которую былъ посаженъ за лжесвидѣтельство. Сверхъ

того, еще въ Ломбардіи на него была наложена эпитемія. Опорочивая всѣхъ свидѣтелей, Кампанелла не щадитъ и судей, разбираетъ правовые вопросы и выводитъ свои заключенія. Фра Марко былъ пзстари врагомъ фра Діонизіо изъ-за нѣкоторыхъ церковныхъ споровъ. Фра Корнеліо тоже имѣлъ личные счеты съ Фра Діонизіо, притомъ былъ взяточникъ; онъ взялъ 100 дукатовъ съ Мезураки за возбужденіе одного уголовнаго процесса, 50 дукатовъ съ родственниковъ Чезаре Пизано за то, чтобы обѣлить его, 100 дукатовъ съ фра Родина и фра Алессандро С. Джіорджіо за освобожденіе ихъ изъ тюрьмы. Харафа былъ одновременно судьею и истцомъ; онъ раздулъ дѣло о возмущеніи ради того, чтобы выслужиться передъ королемъ, состоялъ уже два года отлученнымъ отъ церкви епископомъ милетскимъ, покровителемъ его, Кампанеллы. Онъ выдумалъ, что мятежъ поддерживается прелатами и принцами, и добывалъ пыткою преувеличенныя показанія, когда калабрійцы, уже по самой природѣ своей, всегда готовы наговорить лишнее не только про враговъ своихъ, но даже и про друзей. «Не слѣдуетъ основываться на томъ, что показываютъ о его ереси ложные свидѣтели; надо разобрать эту ересь, а не начинать это дѣло съ предвзятымъ уже убѣжденіемъ въ ней. Онъ не сознавался въ ней и уличенъ не былъ, хотя и подозрѣвался весьма; но подозрѣвались тоже пророки и святые, которыхъ тоже осуждали, какъ еретиковъ и смутителей. Въ Калабріи нельзя ввести ереси, не располагая большими силами, какъ онъ самъ доказывалъ это въ своемъ сочиненіи «О монархіи»; потому, будь у него такое намѣреніе, ему лучше было бы отправиться въ Германію или Константинополь. Такимъ образомъ, могутъ быть предосудительными его рѣчи, понятыя превратно, но не нравственность и поступки, которые онъ проситъ разслѣдовать, не боясь позора. Во всякомъ случаѣ, даже и по свидѣтельскимъ показаніямъ, онъ только условный мятежникъ, такъ какъ ставилъ возстаніе въ зависимость отъ извѣстныхъ событій, а есть различіе между преступленіемъ замышленнымъ или же содѣяннымъ, равно какъ между направленнымъ противъ государства или особы короля. Кто совершилъ, повиненъ смерти; кто только задумалъ, заслуживаетъ меньшую кару; а задумавшій условно—еще меньшую, нежели задумавшій совершить непосредственно: не-подданный менѣе виновенъ, нежели подданный, монахъ—менѣе клирика. Притомъ доминиканскій орденъ зависитъ только

отъ папы. Если соумышленники Катилины, готовившіеся погубить отечество и дававшіе ложную присягу, нашли защитниковъ въ лицѣ нѣсколькихъ сенаторовъ, которые вмѣстѣ съ Цезаремъ рѣшили, что ихъ можно не казнить, то неужели онъ, фра Томазо, не найдетъ милосердія въ христіанахъ, когда не совершилъ никакого злодѣянія? По папскому указу должны быть преданы свѣтскому суду лишь уличенныя духовныя лица, а фра Томазо не уличенъ по недостатку самого состава преступленія, также и потому, что всѣ свидѣтели или соумышленники его, или враги, или же преступники, притомъ они разнорѣчивы относительно самаго дѣла, его мѣста и времени. Уличеніе же можетъ быть, разумѣться, въ смыслѣ чего содѣяннаго, а не лишь замышленнаго, и приговоръ, во всякомъ случаѣ, долженъ основываться на правѣ каноническомъ, а не гражданскомъ. Такъ совѣтуетъ и здравый политическій смыслъ, потому что гнусно проливать кровь священника, особенно изъ-за пророчествъ. И народъ будетъ чествовать его, Кампанеллу, если случится какое бѣдствіе. Всѣ свидѣтели на пыткѣ отрицаютъ свое участіе въ намѣреніи фра Томазо основать республику; стало-быть, онъ хотѣлъ устроить ее единолично, что, однако, немыслимо, и самыя ихъ отрицанія подтверждаютъ его правоту... Если онъ и покаялся, то лишь избирая меньшее зло для себя, подъ вліяніемъ пытки, изможденный заключеніемъ, ямою, голодомъ. Лучше оставить его подъ стражею до срока пророчествъ, дабы народъ могъ убѣдиться въ ихъ лживости. Иначе не пришлось бы сожалѣть, какъ при Іереміи. Если настанутъ бѣдствія для королевства, онъ, фра Томазо, берется вознаградить за нихъ вдвое, между тѣмъ какъ смерть его внушитъ народу одно негодованіе, а не благолѣпное чувство, именно если притомъ произойдетъ катастрофа, какъ то было съ погибшими судами» [1]).

XIV.

Папа, какъ я уже говорилъ, согласился на разслѣдованіе дѣла о ереси въ Неаполѣ, но нунцій, испуганный ученостью Кампанеллы, просилъ прислать изъ Рима какого-нибудь богослова, способнаго вести пренія съ такимъ начитаннымъ человѣкомъ. Выборъ палъ на епископа термолійскаго, фра Альберто Трагальола, уже знавшаго Кампанеллу по

[1]) *Ibid.*, II, 108.

римскимъ процессамъ и тогда относившагося къ нему благосклонно. Судъ открылся 10 мая въ одной изъ залъ Кастельнуово. Первымъ былъ допрошенъ Пиццони, который подтвердилъ, въ общемъ, свои показанія, данныя въ Калабріи, прибавляя, что Кампанелла грозилъ ему, черезъ разныхъ лицъ, что запутаетъ его еще болѣе, если онъ не отопрется отъ сказаннаго. Онъ старался оправдать себя въ глазахъ суда тѣмъ, что выгналъ Кампанеллу изъ пиццонскаго монастыря и будто бы доносилъ на него духовнымъ властямъ; но эта ссылка не подтвердилась. Петроло, допрошенный въ томъ же засѣданіи, говорилъ приблизительно то же, упоминая и объ угрозахъ Кампанеллы, слышанныхъ лично отъ него или черезъ другихъ. Нунцій присутствовалъ лишь на двухъ первыхъ засѣданіяхъ, потомъ, видимо тяготясь дѣломъ, уѣхалъ подъ предлогомъ обзора своей епархіи, и мѣсто его заступилъ его аудиторъ, падре Антоніо Пери. Именно въ этомъ третьемъ засѣданіи былъ призванъ къ допросу Кампанелла, но онъ продолжалъ казаться помѣшаннымъ, и когда отъ него потребовали обычной присяги, онъ какъ будто не понялъ ничего. Ему приказали перестать притворяться, грозя пыткою въ случаѣ упорства, и подали часословъ, положивъ руку на который онъ долженъ былъ произнести присяжную формулу, но онъ возразилъ: «Прочитайте...», продолжая казаться непонимающимъ, послѣ чего былъ отведенъ обратно въ тюрьму. Піетро ди Стило показывалъ, сколько могъ, въ пользу Кампанеллы и фра Діонизіо, признавая лишь то, что нельзя уже было скрыть, и называлъ въ числѣ друзей Кампанеллы только тѣхъ, которые успѣли уже бѣжать, какъ Маркантоніо Контестабиле, Престиначе, или казненныхъ, какъ Каччіо; Лауріана прибавилъ къ прежнимъ показаніямъ лишь то, что Кампанелла и фра Діонизіо постоянно ему угрожали, требуя, чтобы онъ отрекался отъ прежнихъ признаній, и что они переписывались между собою. Фра Паоло делла Гротеріа и Битонто говорили, по возможности, въ пользу Кампанеллы. Между тѣмъ въ это время пришло новое обвиненіе противъ него. Фра Агостино Кавалло, бывшій отцомъ-провинціаломъ въ Калабріи въ этомъ году, доводилъ до свѣдѣнія епископа термолійскаго, что, еще десять лѣтъ тому назадъ, Кампанелла, въ бытность свою въ Козенцѣ, водилъ большую дружбу съ евреемъ Абрамо, подозрѣвавшимся въ занятіяхъ черной магіей и въ имѣніи подвластныхъ духовъ. Тотъ же еврей былъ весьма друженъ и съ фра Діонизіо. Фра Джіу-

зеппе Даттило, занимавшій тоже важный постъ въ доминиканскомъ орденѣ, подтвердилъ сказанное, за исключеніемъ дружбы еврея съ фра Діонизіо, но изъ различныхъ данныхъ можно заключить, что оба духовныя лица, не отличавшіяся умомъ, были только искусно настроены къ тому, чтобы «облегчить свою совѣсть», какъ писалъ фра Агостино, такимъ заявленіемъ, которое не приходило имъ въ голову въ теченіе десяти лѣтъ; весьма вѣроятно, что враги Кампанеллы, а еще болѣе враги фра Діонизіо, во главѣ съ Полистиной, научили почтенныхъ отцовъ написать этотъ доносъ. Епископъ термолійскій старался вести дѣло съ полною справедливостью, при чемъ не довольствовался данными калабрійскихъ процессовъ, считая ихъ, очевидно, веденными далеко не добросовѣстно. Но при всемъ расположеніи къ Кампанеллѣ, онъ не могъ не написать въ Римъ, что помѣшательство подсудимаго кажется ему притворнымъ, вслѣдствіе чего онъ находитъ необходимою пытку, какъ средство «для полученія точныхъ отвѣтовъ». Но прежде того продолжались и повторялись другіе допросы, въ присутствіи воротившагося нунція. Пиццони и Битонто говорили, въ общемъ, въ пользу Кампанеллы, также Піетро ди Стило и Петроло, но Лауріана не переставалъ распространяться о его ереси, приводя примѣры его крайняго нечестія. Наконецъ, былъ допрошенъ, въ первый разъ, и фра Діонизіо, который энергично отрицалъ всякую вину противъ вѣры со своей стороны. Онъ назвалъ цѣлый рядъ своихъ враговъ, начиная съ Полистины и другихъ, судившихся по дѣлу объ убіеніи его дяди, Піетро Поцціо, обвинялъ даже Піетро ди Стило за привязанность будто бы къ Полистинѣ, Лауріану уличалъ въ воровствѣ и т. д. Допрошенный, вслѣдъ за тѣмъ, еще три раза, онъ повторилъ свои отрицанія противъ всего, въ чемъ обвиняли его Солданьеро, Лауріана, Пизано и др. А обвиняли они его въ ереси и страшныхъ кощунствахъ. Джуліо Контестабиле старался оправдать себя ссылкою на свое малое знакомство съ Кампанеллой, отъ котораго его предостерегалъ братъ, Джеронимо Контестабиле. Солданьеро, считавшійся важнымъ свидѣтелемъ, оказался несостоятельнымъ при допросѣ. Онъ обвинялъ, въ общихъ чертахъ, Кампанеллу и фра Діонизіо, но, приглашенный сказать, что именно повторялъ ему Діонизіо изъ поученій Кампанеллы, онъ отговорился запамятованіемъ и просилъ прочесть свои первыя показанія. Видѣлъ онъ Діонизіо всего разъ (прежде говорилъ два раза), слы-

шалъ отъ него вещи, которымъ дивились Полистина и фра Дж. Баттиста. Въ то же самое засѣданіе, именно 18 іюля, Кампанелла былъ подвергнуть пыткѣ на дыбѣ въ продолженіе одного часа. Когда его привели, онъ принялъ, въ этотъ разъ, часословъ, но отвѣчалъ несвязно и безтолково на первый предложенный ему вопросъ. Онъ былъ въ мірской одеждѣ и держалъ въ рукахъ черную шляпу, говоря: «Эта шляпа изорвана и все платье на мнѣ изорвано». Потомъ хотѣлъ накрыться шляпой, а когда сторожъ отнялъ ее, то онъ кинулся на него, крича: «Смотри, онъ ее беретъ... Пусть придетъ папа и разберетъ все это...» Когда его вздернули на дыбу, онъ сталъ кричать: «Умираю! О, предатели, дѣтища рогатыхъ, блудники... Убиваютъ меня... помоги мнѣ, пресвятая Мадонна!» Далѣе въ протоколѣ повторяются тѣ же вопли, тѣ же просьбы о пощадѣ и обращенія къ папѣ. Его допрашивали: сколько времени онъ сидѣлъ въ римской тюрьмѣ, навѣщалъ ли его врачъ и даже, съ непристойной шутливостью спросили, ѣлъ ли онъ что хорошее за обѣдомъ. Онъ отвѣчалъ невпопадъ, хотя ему угрожали даже снова мукой «полледро». Отецъ и братъ Кампанеллы подверглись тоже допросу. Бѣдный старикъ отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно, но «прежде всѣ его называли счастливымъ, а теперь зовутъ несчастнымъ», умолялъ отпустить его домой, гдѣ у него были на рукахъ девять женскихъ душъ, дочерей и племянницъ, томившихся въ нищетѣ. Онъ защищалъ Кампанеллу отъ всякой ереси, говоря, что готовъ дать себя повѣсить, если то правда, что выдумываетъ Петроло. Измученный допросами, часть которыхъ было даже ему непонятна, онъ сталъ на колѣни передъ судьями, восклицая: «Синьоры, насъ всѣхъ разметали по странѣ. Если виновны эти монахи, накажите ихъ, именемъ Бога прошу». Онъ разумѣлъ, конечно, подъ этимъ только просьбу о скорѣйшемъ окончаніи всего дѣла, забывая, что между монахами былъ и его Томазо. Піетро Кампанелла заявилъ тоже, что никогда не слышалъ отъ брата чего-либо еретическаго; братъ, вообще, говорилъ мало съ нимъ, неученымъ. Подобно отцу, Піетро, по своей безграмотности, не могъ подписать протокола, а поставилъ только крестъ [1]). На новомъ допросѣ, 20 іюля, Кампанелла продолжалъ оказываться помѣшаннымъ. Послѣ него были опять передопрошены разные свидѣтели и подсудимые, и

---

[1]) *Ibid.*, II, 141.

слѣдственный процессъ, называвшійся тоже обвинительнымъ, долженъ былъ перейти въ повторительный. Вице-король не переставалъ понуждать нунція къ скорѣйшему судопроизводству, желая продолжать прерванное на это время дѣло о политическомъ заговорѣ, но епископъ термолійскій, дѣйствительно добивавшійся истины, требовалъ еще новыхъ пояснительныхъ свѣдѣній изъ Скиллаче, присылки нѣкоторыхъ свидѣтелей изъ Калабріи и пр. Это было исполнено и начались новые допросы, не мѣшавшіе, впрочемъ, ходу «повторительнаго» процесса. Такой процессъ, согласно законоположенію, касался собственно лишь свидѣтелей со стороны прокуратуры. Прокуроръ, разсмотрѣвъ и приведя въ порядокъ всѣ данныя предварительнаго процесса, составлялъ обвинительный актъ, которымъ «онъ могъ, предлагалъ, намѣревался и надѣялся» доказать, что всѣ собранныя свидѣтельства, справки и прочее справедливы и что «онъ, прокуроръ, находитъ лишними всякія дальнѣйшія доказательства». Представляя длиннѣйшій, такъ сказать, формуляръ каждаго отдѣльнаго показанія, свидѣтельства, даже слуха, прокуроръ требовалъ «повторенія», на основаніи чего судъ приказывалъ выдать копію съ представляемыхъ обвинительныхъ статей каждому подсудимому, назначая ему срокъ для подачи списка тѣхъ пунктовъ, по которымъ должны были подвергнуться передопросу свидѣтели, выставляемые обвиненіемъ, равно какъ для просьбы о назначеніи ему, подсудимому, защитника. Прокуроръ выставлялъ противъ Кампанеллы двадцать обвинительныхъ статей, начиная каждую изъ нихъ заявленіемъ, что онъ можетъ, предлагаетъ и намѣревается доказать данное обвиненіе. Большинствомъ этихъ статей Кампанелла уличался въ отрицаніи всѣхъ главнѣйшихъ догматовъ христіанской религіи и возмутительнѣйшемъ кощунствѣ. Отрицалъ Бога, признавалъ химерою ученіе о св. Троицѣ, Христа называлъ простымъ нищимъ, воскресеніе Его подлогомъ, затменіе солнца во время распятія явленіемъ естественнымъ, таинство евхаристіи лишь символическимъ напоминаніемъ, учрежденіе таинствъ дѣломъ государственныхъ соображеній, переходъ Моисея черезъ Чермное море удачнымъ воспользованіемъ временемъ прилива и отлива; далѣе, онъ отрицалъ существованія рая и ада, загробную жизнь вообще, обѣщалъ ввести новую вѣру, лучше, нежели христіанская, опровергалъ понятіе о грѣхѣ, св. писаніе называлъ вымысломъ апостоловъ, магометанскую вѣру лучшею, нежели христіан-

ская [1]). Противъ фра Діонизіо было 17 параграфовъ съ подобными же обвиненіями, противъ Пиццони только 4; но въ нихъ повторялись главнѣйшія изъ обвиненій, формулированныхъ противъ Кампанеллы и Діонизіо. Послѣ всѣхъ допросовъ и передопросовъ, убѣдившихъ, можетъ-быть, другихъ членовъ суда, епископъ термолійскій находилъ все болѣе и болѣе сомнительнымъ дѣло не только о ереси, но и о политическомъ заговорѣ. Епископъ, доходившій въ своемъ участіи къ заключеннымъ даже до того, чтобы называть самый заговоръ лишеннымъ всякой основы, не сознавалъ, вѣроятно, тѣхъ тонкостей, которыми руководилась курія въ отношеніяхъ къ неаполитанскому двору. Нунцій понималъ все это лучше и потому не содѣйствовалъ своему товарищу, а скорѣе затруднялъ отправленіе правосудія. Несмотря на это, епископъ успѣлъ бы, вѣроятно, достигнуть своего, но смерть лишила Кампанеллу и его товарищей добраго защитника: въ самый первый день наступившаго 1601 года епископъ термолійскій скончался въ своей обычной резиденціи, въ монастырѣ св. Екатерины въ Формелло. Подробности этой смерти совершенно неизвѣстны. Нунцій, писавъ о ней черезъ два дня, именно 3 января, отмѣчаетъ ее просто, даже безъ всякаго слова сожалѣнія: Кампанелла, въ своей «Narrazione», намекаетъ на какую-то загадочность, говоря, что «вице-король и другіе старались и угрозами, и обѣщаніями заставить епископа покинуть свой постъ при судѣ, а потомъ онъ и умеръ, по неизвѣстной причинѣ, говоря: «Не хотѣлось бы мнѣ умирать, не освободивъ этихъ двухъ монаховъ, но я писалъ о нихъ папѣ» [2]). Несмотря на частыя письма нунція, котораго не переставалъ понукать вице-король, кардиналъ С. Северина написалъ ему лишь 24 марта, что назначается епископъ казертскій, которому «поручено дѣйствовать совершенно въ духѣ покойнаго епископа». Біографы монсиньора превозносятъ до небесъ его справедливость, милосердіе и всякія добродѣтели, говорятъ, что онъ не захотѣлъ даже преслѣдовать тѣхъ, которые хотѣли, однажды, его отравить. Но всѣ эти похвалы мало вяжутся съ его пріемами во время процесса. Кардиналъ С. Северина приказывалъ ему, именемъ папы, разсмотрѣть тщательно все противорѣчивое въ дѣлѣ, сличить новые допросы въ Скилачче съ произведенными въ Неаполѣ и проч., сверхъ того призвать врачей для освидѣтельствованія Кампанеллы.

[1]) *Ibid.*, II, 152.
[2]) *Ibid.* II 207.

при чемъ «отобрать отъ нихъ письменныя заявленія». Однако, тутъ же прибавлялось, что папа разрѣшаетъ, если то будетъ найдено нужнымъ, подвергнуть Кампанеллу и пыткѣ, именно лишенію сна. По распоряженію новаго епископа, адвокату Кампанеллы были вручены, 30 марта, одиннадцать дополнительныхъ обвинительныхъ пунктовъ съ двухдневнымъ срокомъ для заготовленія передопроса свидѣтелямъ. Въ это время, именно 14 мая 1601 г., умеръ одинъ изъ главныхъ свидѣтелей противъ Кампанеллы, бывшій его другъ, а потомъ врагъ, Дж. Баттиста Пиццони. Искалѣченный пыткою на дыбѣ, онъ зачахъ и умеръ отъ апоплексіи, пролежавъ безъ языка четверо сутокъ [1]). Согласно распоряженію изъ Рима, два врача навѣщали въ это время Кампанеллу и записывали свои наблюденія, но, не дожидаясь ихъ рапортовъ, въ тюрьмѣ дѣлались приготовленія къ пыткѣ, все потребное для которой было доставлено изъ викаріата, откуда прибылъ тоже одинъ изъ палачей, знакомый съ дѣломъ. Эти приготовленія не могли оставаться тайною и возбудили понятное волненіе между подсудимыми. Всѣ догадывались, что страшная, рѣдко даже употребляемая пытка назначается для котораго-нибудь изъ двухъ главныхъ обвиняемыхъ, — Кампанеллѣ или фра Діонизіо, третьяго уже не было въ живыхъ; но затѣмъ могла наступить очередь и для остальныхъ; поэтому каждый сталъ думать о средствахъ хотя бы удалить ужасную муку. Піетро ди Стило отправилъ къ епископу казертскому нѣкоторыя рукописи Кампанеллы, сочинивъ о нахожденіи ихъ у него довольно неправдоподобный разсказъ. То были объ «Защиты» Кампанеллы вмѣстѣ съ «Пророчествами». Фра Діонизіо обратился тоже къ судьямъ, прилагая къ своему письму другое, полученное имъ отъ Петроло еще въ концѣ мая и въ которомъ тотъ, бывшій больнымъ, просилъ его постараться о томъ, чтобы его вновь передопросили относительно его, фра Діонизіо. Все это дѣлалось, очевидно, съ цѣлью оттянуть время, но судъ приступилъ все же къ пыткѣ, предоставляя себѣ разсмотрѣть присланныя бумаги въ продолженіе ея. Несчастный Кампанелла былъ подвергнутъ первый тому страшному мученію, которое называлось «бдѣніемъ». Этотъ родъ пытки былъ изобрѣтенъ въ 1550 г. Ипполитомъ Марсельскимъ, знаменитымъ болонскимъ криминалистомъ и судьею въ Валле-Лугано, «для упорствующихъ и такихъ, которые не боялись

---

[1]) *Ibid.*, II, 215.

другихъ страданій». Вначалѣ подсудимаго сажали на простую скамейку и не давали ему засыпать въ теченіе 40 часовъ; едва онъ начиналъ дремать, какъ двое сторожей, сидѣвшихъ у него по бокамъ, толкали его подъ голову, заставляя его держать ее прямо. Сторожа, разумѣется, смѣялись, но пытаемый оставался на мѣстѣ и донъ Ипполитъ замѣчаетъ съ удовольствіемъ, что его выдумка, казавшаяся ему самому сперва скорѣе шутовствомъ, нежели мукою, оказывалась, однако, ужасною до такой степени, что «не находилось человѣка столь лютаго, чтобы ей противостоять». Почтенный изобрѣтатель даритъ эпитетомъ «лютаго» не себя и не судей, а пытуемаго. Самые крѣпкіе люди выдерживали, самое большее, полтора сутокъ и потомъ, при обѣщаніи отдыха, готовы были показать все. Выгода такой попытки состояла еще въ томъ, что, при всей своей жестокости, она не калѣчила тѣлъ, «и поэтому судья не подвергался никогда отвѣтственности». Она вошла тотчасъ же въ употребленіе, «она очень нравилась, выгоды ея цѣнимы», какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, Паоло Грильяндо въ своемъ трактатѣ о судахъ. Но съ теченіемъ времени полезное изобрѣтеніе было усовершенствовано: пытаемаго накармливали хорошенько, давая притомъ и вина, для того, чтобы его болѣе клонило ко сну, а затѣмъ обыкновенная скамья стала казаться слишкомъ простою. Ее возвысили, такъ что ноги подсудимаго не могли упираться на полъ, а гладкую доску замѣнили срѣзанной угломъ, отчего самая скамья получила названіе *козла* или *кобылы*. Къ этому присоединили слѣдующее: руки скручивали вверхъ, а плечи притягивали ремнями или веревками къ боковымъ стѣнамъ камеры; грудь была охвачена перевязью, прикрѣпленною къ задней стѣнѣ,—все это, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы пытаемый не могъ, покачиваясь, облегчать себѣ сидѣнье на остромъ хребтѣ скамьи. Наконецъ, прибавилось еще слѣдующее: нижнія конечности удалялись одна отъ другой и приподнимались насильственно посредствомъ длинной палки, къ которой и привязывали въ такомъ положеніи. Отъ этой палки шла другая веревка къ противоположной стѣнѣ, тоже для того, чтобы несчастный не могъ, прижимаясь бедрами къ скамьѣ, приподниматься сколько-нибудь для облегченія мягкихъ частей, въ которыя врѣзывалась кобыла. Современный криминалистъ, Просперо Фариначео, даже не хочетъ описывать пытки «veglia», говоря, что онъ «не палачъ и не полицейскій приставникъ»; другой, Амбро-

зило. описывать подробно скамью. вышиною въ 7 или 8 пальмъ, около 21/2 арш., на трехъ подпоркахъ и съ закругленнымъ хребтомъ, на который сажали подсудимаго, обнаженнаго сзади: по Амброзино видалъ скамьи и съ заостреннымъ хребтомъ, «способнымъ довести до смерти черезъ врѣзываніе въ соприкасавшіяся съ нимъ части». Извѣстный врачъ, Паоло Цаккіа, писавшій вскорѣ послѣ пытокъ Кампанеллы и прочихъ, подтверждаетъ страшную картину такого мученія [1]). Самъ Кампанелла описываетъ пытку, данную ему по этому усовершенствованному способу: «веревки врѣзывались ему въ тѣло до костей, острая скамья терзала клочьями мясо, раны послѣ того гнили и не заживали шесть мѣсяцевъ, изъ перерѣзанныхъ жилъ вытекла масса крови. Врачи дивились его выздоровленію. Но онъ не сознался ни въ ереси, ни въ мятежѣ и оставался помѣшаннымъ непритворно»... При этомъ Кампанелла слагаетъ всю вину на Санхеца, оставляя въ тѣни судей духовнаго званія; онъ зналъ, что такое представленіе дѣла будетъ пріятнѣе римской куріи, но ему удалось ввести въ заблужденіе и потомство, которое приписываетъ, до сего времени, страшную пытку Кампанеллы жестокости неаполитанскихъ властей. Между тѣмъ она была предписана изъ Рима. Весьма вѣроятно, что вице-король и Санхецъ настаивали на необходимости опредѣлить дѣйствительность помѣшательства Кампанеллы, но они не назначали ему страшной «veglia». Кампанелла былъ приведенъ тюремщикомъ Мартинецомъ; всѣ судьи были налицо. На приглашеніе принести присягу, Кампанелла отвѣтилъ несвязно; когда его предостерегли насчетъ того, что его ожидало, онъ произнесъ: «Десять бѣлыхъ коней». Потомъ, когда его тронулъ приставъ, онъ крикнулъ: «Не трогайте меня, я отлученъ отъ церкви буллою во имя вечери Божіей» [2]). Въ 7 час. утра его связали и усадили на кобылу. Пока его связывали, онъ повторялъ: «Вяжите хорошо, смотрите, чтобы не изувѣчить». Потомъ сталъ кричать, страдая особенно отъ сильно стянутыхъ запястьевъ: «Я умираю. Ничего не сдѣлалъ. Я святой, я патріархъ». Одного изъ судей онъ называлъ «монсиньоромъ», другого «дядею протопресвитеромъ». Когда его трогали, онъ кричалъ, что его четвертуютъ. Услышавъ звуки трубъ съ галеръ, стоявшихъ у мола близъ Кастельнуово, началъ говорить: «Трубите, трубите, убили меня!» Глядя на дверь,

[1]) *Ibid.*, II, 218.
[2]) *Ibid.*, II 221.

онъ просилъ сторожа: «Отвори мнѣ, братъ, отвори!» На вопросъ, согласенъ ли онъ отвѣчать, сказалъ: «согласенъ!» но когда его спустили, замолчалъ. Тогда его посадили снова на кобылу. Онъ продолжалъ кричать и стонать, но не отвѣчалъ на вопросы. Такъ продолжалось до 8 часовъ вечера; онъ уже только стоналъ; въ 9 час. попросилъ пить, что было дозволено. Онъ все не отвѣчалъ на вопросы, но вслушивался въ слова окружающихъ, смотрѣлъ на всѣхъ. Иногда называлъ своихъ родныхъ, но больше молчалъ. Къ утру, полагая, что онъ лишается чувствъ, судьи велѣли снять его съ кобылы. Онъ попросилъ дать ему проглотить яйцо; ему дали три и немного вина. Было 7 час. (пытка длилась уже 24 часа). Онъ сказалъ, что умираетъ, пусть позовутъ священника; обѣщалъ сказать все. Но, оправясь, опять сталъ упорствовать. Тогда его посадили въ третій разъ на кобылу. И опять протоколъ заноситъ вопли, стоны, минуты молчанія, прерываемыя восклицаніями:

— Oh, mamma mia!

Судьи, чтобы не терять времени, допрашивали тутъ же фра Діонизіо. Они велѣли ему попытаться уговорить Кампанеллу отвѣчать толково на вопросы. Фра Діонизіо сталъ увѣщавать несчастнаго и добился согласія; тогда мученика сняли опять, дали ему подкрѣпиться пищей. Ему позволили даже выйти по своей надобности вмѣстѣ съ фра Діонизіо и они остались вдвоемъ цѣлый часъ, такъ что фра Діонизіо имѣлъ полный досугъ для убѣжденія своего друга, но можно сомнѣваться, чтобы онъ говорилъ въ духѣ, желаемомъ судьями. Воротясь, Кампанелла былъ подозванъ къ судейскому столу, но на вопросъ: «Почему онъ въ тюрьмѣ?» онъ отвѣтилъ: «Чего вы отъ меня хотите?» И тогда его снова посадили на кобылу въ четвертый разъ. Онъ оставался на ней молчаливо, какъ бы не чувствуя ничего, и лишь едва произносилъ по временамъ:

— Умираю!.. Умираю!..

Когда судьи увидѣли, что онъ не молвитъ болѣе уже ни слова, не движется, даже не выказываетъ признака боли, они велѣли его снять, выправить ему руки, одѣть его и отнести въ его камеру. Вся пытка продолжалась около 36 часовъ [1]).

Кампанелла выказалъ тутъ необычайную стойкость, тѣмъ болѣе удивительную, что «полледро» вынудило его пока-

---

[1]) *Ibid.*, II. 222.

заться слабѣе. Друзья его, особенно Піетро ди Стило, прославляли его мужество. Тосканскій агентъ, Тураминисъ, писалъ во Флоренцію: «Кампанелла выдержалъ «veglia» по распоряженію римской инквизиціи въ продолженіе 37 час., и оставилъ всѣхъ въ томъ же недоумѣніи насчетъ его помѣшательства». Изъ этого видно, что увѣренность всѣхъ въ притворствѣ Кампанеллы нѣсколько поколебалась. Лишь послѣ пытки Кампанеллы были поданы врачами-экспертами, Петро Веккіоне и Джуліо Джазолино, ихъ заключенія объ умственномъ состояніи подсудимаго. Первый изъ нихъ, заявляя, что навѣщалъ фра Томазо нѣсколько разъ съ цѣлью узнать, притворяется ли онъ или дѣйствительно впалъ въ меланхолію и безуміе, находилъ, что «соображеніе, память, связь въ разговорѣ у него отсутствовали; но другихъ, обычныхъ при помѣшательствѣ, симптомовъ не оказывалось, и такъ какъ, притомъ же, ему было полезно симулировать помѣшательство, то врачу нельзя было не придти къ сомнѣнію въ истинѣ болѣзни. Но, прибавлялъ Веккіоне, «для точнаго приговора необходимо продолжительное и умѣлое наблюденіе за испытуемымъ, а это было немыслимо въ той тюрьмѣ, въ которой содержался Кампанелла, на основаніи чего я и воздерживаюсь отъ точнаго отвѣта. Насколько же я могу угадывать по всему тому, что успѣлъ замѣтить, болѣзнь эта притворная». Джазолино, выражая тѣ же сомнѣнія, склонялся тоже въ пользу притворства. Человѣкъ, относившій Кампанеллу въ его тюрьму послѣ пытки, увѣрялъ, подъ присягою, что подсудимый сказалъ ему дорогою:

— Неужели они думали, что я такъ глупъ, что заговорю?

Никто, кромѣ свидѣтеля, не могъ слышать этихъ словъ, и они остаются сомнительными, хотя, при характерѣ Кампанеллы, они не могутъ считаться неестественными съ его стороны. Но свидѣтельство пытки считалось выше всякихъ другихъ, хотя бы и данныхъ ученѣйшими врачами. Кампанелла не отрекся отъ своего помѣшательства, когда его терзали, поэтому онъ былъ юридически признанъ безумнымъ, хотя бы всѣ кругомъ полагали иное. А признаніе инквизиціи имѣло громадное значеніе для судьбы подсудимаго: Кампанелла уже судился однажды въ Римѣ за ересь и если бы теперь вторичное обвиненіе въ томъ же преступленіи было доказано, онъ, какъ «*relaps*», лишался своего сана и передавался бы въ руки свѣтской власти, иначе говоря, обрекался на смерть. Но помѣшаннаго нельзя было осудить, а если бы даже онъ былъ осужденъ уже заранѣе (до обна-

руженія помѣшательства), его не могли казнить, на основаніи того, что помѣшанный можетъ еще выздоровѣть и тогда принести покаяніе. Вслѣдствіе лѣтнихъ жаровъ судебное разбирательство нѣсколько пріостановилось. Но въ первыхъ дняхъ августа одинъ изъ заключенныхъ монаховъ, Камилло Адимари, поссорился съ Піетро Понціо, при чемъ дѣло дошло до драки, въ которой приняли участіе и другіе арестанты. Сторожа и солдаты розняли съ трудомъ обѣ стороны, но при этомъ оказалось много побитыхъ и раненыхъ, а вслѣдствіе того начались и доносы изъ мщенія. Солданьеро донесъ, между прочимъ, на фра Діонизіо, у котораго вслѣдствіе того былъ сдѣланъ обыскъ и найдена бумага, въ которой Гальярдо обвинялъ судъ въ неправильномъ записываніи свидѣтельскихъ показаній; у самого Гальярдо нашли рукописныя наставленія по черной магіи и пр. При обыскѣ у Кампанеллы, лежавшаго на своей койкѣ, не нашли ничего, но его братъ стоялъ у отвореннаго окна, изъ котораго онъ могъ что-нибудь бросить, какъ то заподозрилъ сержантъ Аларконъ. «Сбѣжавъ внизъ,—говоритъ сержантъ въ своемъ рапортѣ:—мы нашли тамъ тетрадь въ 10 или 12 листовъ, которую я передалъ синьору коменданту». Всѣ отобранныя бумаги были доставлены вице-королю. Дѣло осложнялось всѣми этими новыми происшествіями; между тѣмъ вице-король заболѣлъ и 19 октября его не стало. Временнымъ правителемъ королевства остался второй сынъ его донъ-Франческо ди Кастро, уже занимавшій однажды этотъ постъ. О несчастныхъ заключенныхъ какъ бы забыли; между тѣмъ они терпѣли такую крайнюю нужду, что даже нунцій очнулся изъ своей апатіи, сталъ справляться, куда дѣвались опять деньги, собранныя для нихъ по калабрійскимъ монастырямъ? Но эти справки не вели ни къ чему; сборъ долженъ былъ перейти столько разъ изъ рукъ въ руки, пока доходилъ до Неаполя, что таялъ дорогою. Нуждаясь во всемъ необходимомъ, заключенные писали въ Римъ и къ епископу казертскому, которому было ближе извѣстно ихъ положеніе. Но епископъ и прочіе судьи были заняты разборомъ дѣлъ, возникшихъ по поводу упомянутой выше ссоры. Сама она не имѣла значенія для суда, но жалобы и доносы участвовавшихъ въ ней усложняли и тормозили ходъ главнаго дѣла. Къ нему было приступлено лишь 19 января 1602 г., и, наконецъ, все судебное разбирательство съ заключеніями суда было отослано въ Римъ, откуда пришла резолюція, по которой Кампанелла, все еще считавшійся помѣшаннымъ,

былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ инквизиціонной тюрьмѣ въ Римѣ «безъ всякой надежды на освобожденіе». Лауріана и Піетро ди Стило, послѣ новой «умѣренной дыбы и если не представится противъ нихъ ничего новаго», должны были покаяться, какъ слегка заподозрѣнные въ ереси, и понести нѣкоторыя «полезныя» наказанія. Петроло, послѣ болѣе тяжкой дыбы, долженъ былъ принести покаяніе, какъ сильно заподозрѣнный въ ереси, и выполнить тоже извѣстную эпитемію; всѣ трое: Лауріана, Піетро и Петроло—подлежали высылкѣ изъ королевства и поселенію, подъ строжайшимъ надзоромъ, въ монастыряхъ, какіе будутъ указаны духовнымъ начальствомъ, но это надлежало выполнить «безъ нанесенія ущерба производству дѣла о заговорѣ». Фра Паоло могъ быть выпущенъ на свободу лишь съ наложеніемъ нѣкоторой эпитеміи. Піетро Понціо «освобождался совершенно по отношенію всего, подлежавшаго вѣдѣнію инквизиціи». Въ Неаполѣ были недовольны этимъ рѣшеніемъ, подозрѣвая въ немъ новую попытку Рима показать свое верховенство. Въ это время правительство испытало еще новую непріятность: Битонто и другой, болѣе важный преступникъ, именно фра Діонизіо, успѣли бѣжать, подговоривъ съ собою тюремщика. Фра Діонизіо скрывался около года на мальтійскихъ галерахъ, потомъ успѣлъ пробраться въ Константинополь. Его побѣгъ весьма повредилъ Кампанеллѣ, потому что неаполитанское правительство заподозрѣло Римъ въ содѣйствіи бѣглецу, хотя подобные побѣги случались и во время самаго процесса: уже ранѣе бѣжалъ одинъ изъ подсудимыхъ, Антоніо Капече. По этой или другой причинѣ, но объявленіе приговора почему-то затягивалось и лишь 8 января 1603 г. подсудимые были приведены въ присутствіе и каждому изъ нихъ отдѣльно былъ прочитанъ пространно изложенный и мотивированный приговоръ св. римской инквизиціи [1]). Первымъ былъ вызванъ Кампанелла, которому аудиторъ прочелъ бумагу. Въ отчетѣ о томъ говорится, что читалось ему «слушающему и понимающему», слѣдовательно, онъ не принимался за сумасшедшаго? Между тѣмъ, позднѣе, 30 марта 1603 г., Піетро ди Стило требуетъ за него, какъ «за безумнаго на его попеченіи», ту часть денегъ, которая слѣдовала ему изъ присланныхъ вновь изъ Калабріи. Прочимъ подсудимымъ былъ прочитанъ приговоръ въ тотъ же день и въ тотъ же день

[1]) *Ibid.*, II, 320.

были подвергнуты пыткѣ Піетро ди Стило и Лауріана. Длилась она не долго, лишь полчаса, но въ теченіе этихъ тридцати минутъ несчастнаго Піетро вздергивали на дыбу четыре раза, заставляя измѣнить прежнія показанія; несмотря на страшную мýку, «заставлявшую его кричать, чтобы его опустили и онъ скажетъ всю правду», онъ снова говорилъ:

— Нѣтъ, не спускайте... не могу показывать то, что не истинно!..

По прошествіи получаса слишкомъ, пытка кончилась, но онъ ничего не сказалъ и былъ отпущенъ. Лауріана сначала тоже стойко выдерживалъ, но, наконецъ, произнесъ среди воплей:

— Монсиньоръ, помилуйте меня. Кампанелла гнусный лютеранинъ... Сожгите его!..

Его спустили, но на вопросъ: въ чемъ состояло это лютеранство, онъ отвѣтилъ:

— Справьтесь съ моими прежними показаніями...

Прошло полчаса слишкомъ и его тоже спустили съ дыбы. Петроло былъ подвергнутъ, согласно предписанію, болѣе тяжкой пыткѣ. Въ общемъ онъ подтвердилъ свое прежнее показаніе, говоря, что фра Корнеліо многое прибавилъ къ его словамъ въ Калабріи и потому онъ показывалъ послѣ многое иначе. Еретикомъ онъ никогда не былъ. Этимъ еще не кончилось. Подсудимые должны были принести торжественное покаяніе, стоя въ церкви на колѣняхъ и кланяясь, что отрекаются отъ всякой ереси, проклинаютъ ее, предаютъ анаѳемѣ, послѣ чего должны были внести по 25 унцій золотомъ въ залогъ того, что не нарушатъ приговора, изгонявшаго ихъ изъ предѣловъ королевства на жительство въ указанныхъ начальствомъ монастыряхъ. За неимѣніемъ требуемой суммы, она замѣнялась «службою за гребца на папскихъ галерахъ». Бѣднякамъ неоткуда было взять денегъ, и они предпочли галеры...

Такъ закончился процессъ о «ереси Кампанеллы и соумышленниковъ», длившійся съ 10 мая 1600 г. по мартъ 1603 г. Осужденныхъ оказывалось всего четыре, а съ умершимъ Ниццони и бѣжавшими Діонизіо и Битопто было бы семь... Таковы были размѣры столь громко начатаго дѣла.

По окончаніи процесса о ереси, Кампанелла и его товарищи могли бы считать порѣшеннымъ и дѣло о политическомъ заговорѣ; но вмѣсто временнаго правителя, Франческо ди Кастро, былъ назначенъ новый вице-король, донъ Алонзо Пименгель де Геррера, а при всякой подобной перемѣнѣ

наступала остановка въ дѣлахъ; сверхъ того, Піетро ди Вера (допущенный папою къ участію въ судѣ лишь подъ условіемъ принятія полупостриженія) вздумалъ жениться, несмотря на свои зрѣлые годы... Надо было ждать новаго назначенія изъ Рима, откуда, по обыкновенію, не торопились отвѣчать. Между тѣмъ пришло извѣстіе о приближеніи турецкаго флота, на которомъ находился «бѣглый монахъ, замѣшанный въ дѣло Кампанеллы, фра Діонизіо» и еще два другіе ренегата. Такія вѣсти не могли не подкрѣпить подозрѣній неаполитанскаго правительства относительно союза Кампанеллы съ Чикалой, который, по слухамъ, шелъ именно съ цѣлью его освободить. Какъ прежде, такъ и теперь, фра Діонизіо вредилъ только своему другу, распуская подобныя хвастливыя вѣсти. Строгость тюремнаго заключенія Кампанеллы тотчасъ же усилилась, хотя по разнымъ причинамъ Чикала и не приставалъ вовсе въ этомъ году къ берегамъ Калабріи. Относительно ди Вера послѣдовала довольно странная резолюція изъ Рима: женатому было непристойно судить лицъ духовныхъ; поэтому нунцій долженъ былъ «судить и рѣшать единолично», но ди Вера «могъ присутствовать, помогая ему совѣтомъ».

Къ этому времени относится эпизодъ, доставившій Кампанеллѣ впослѣдствіи горячаго покровителя. Принцъ нассаускій, путешествуя инкогнито съ небольшой свитою, былъ ошибочно принятъ за родственника графа Морица Фландрскаго, возмутившагося противъ испанскаго короля. Его арестовали и посадили въ Кастельнуово. Ошибка разъяснилась скоро, но Кампанелла успѣлъ сойтись и подружиться съ однимъ изъ спутниковъ принца, барономъ Христофоромъ Пфлугомъ, который принялъ въ немъ большое участіе и обѣщалъ дѣятельно хлопотать о немъ черезъ посредство принца. Въ мартѣ 1604 года Кампанелла содержался въ отдѣльномъ казематѣ Кастельнуово, но въ іюлѣ того же года былъ переведенъ въ замокъ Сантъ-Эльмо, «вслѣдствіе попытки бѣжать», какъ извѣщалъ о томъ нунцій. Но если и былъ, дѣйствительно, такой планъ побѣга, то переводить арестанта въ другую тюрьму не было надобности; вѣроятною причиною перемѣщенія было желаніе вице-короля изъять Кампанеллу изъ числа прочихъ подсудимыхъ, иначе говоря, изъ-подъ власти нунція, который все еще подозрѣвался въ желаніи судить его снисходительно. Это былъ новый ходъ со стороны Неаполя противъ Рима, который подозрѣвался если не въ участіи въ заговорѣ, то въ попустительствѣ,

чтобы заговорщики выгребли для него жаръ своими руками. Съ января 1605 г. по декабрь того же года, когда нунцій былъ отозванъ въ Римъ, Кампанелла былъ, повидимому, забытъ совершенно какъ нунціемъ, такъ и Римомъ. Но друзья и послѣдователи Кампанеллы помнили о немъ. Они представили нунцію записку, начинавшуюся словами: «Пресвѣтлѣйшему и досточтимому синьору и пр. Мы, друзья, родственники и ученики священнослужителя доминиканскаго ордена фра Томазо Кампанеллы, содержащагося нынѣ въ С.-Эльмо»... Къ сожалѣнію, этотъ документъ, цитируемый Никодемомъ и Ципріано, безвозвратно потерянъ; но онъ свидѣтельствуетъ о гражданскомъ мужествѣ лицъ, не побоявшихся заявить себя сторонниками несчастнаго ученаго и просить о смягченіи его участи.

Монахи, за исключеніемъ Петроло, который препровождался въ Папскую область для службы на римскихъ галерахъ, были выпущены изъ тюрьмы, но Кампанела оставался въ замкѣ С.-Эльмо. Онъ говоритъ, что «всѣ они были скоро произведены въ пріоры и пр., между тѣмъ какъ его не судили въ Неаполѣ, зная, что его нельзя осудить, и не переводили въ римскія тюрьмы, потому что были увѣрены, что его тамъ тотчасъ освободятъ». «И его содержали въ С.-Эльмо въ темной ямѣ на глубинѣ 23 футовъ подъ землею, сырой, смрадной и наполнявшейся водою при дождѣ. Туда не проникалъ никогда лучъ свѣта, и онъ, Кампанелла, лежалъ на мокрой соломѣ, получая едва по полуреалу на пропитаніе». Дѣйствительно, Петроло и другіе осужденные на изгнаніе были помилованы очень скоро: таковъ былъ обычай куріи: нѣтъ сомнѣнія, что и Кампанелла отдѣлался бы легкимъ взысканіемъ, если бы ему удалось попасть въ Римъ. Въ этомъ страшномъ С.-Эльмо заканчивается періодъ сумасшествія Кампанеллы. Уже показывая себя въ полномъ разсудкѣ, онъ обращается къ вице-королю, черезъ посредство фра Серафимо Ночеры, предлагая разные проекты для преуспѣянія королевства, затѣмъ проситъ нунція и епископа казертскаго навѣстить его, бесѣдуетъ съ ними о своихъ изслѣдованіяхъ по разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и о кончинѣ міра, передаетъ имъ, что его вводилъ въ заблужденіе діаволъ, но, милостью Божіею, онъ теперь прозрѣлъ, получилъ свыше откровенія истинныя и потому можетъ совершать чудныя дѣла на пользу и славу христіанства. Съ тѣми же обѣщаніями и проектами обращался онъ къ папѣ, кардиналамъ, императору, королю испанскому и разнымъ высоко-

поставленнымъ лицамъ, тоже къ ученымъ, выражавшимъ ему свое участіе. Онъ перечислялъ при этомъ всѣ написанныя имъ, уже въ заточеніи, книги, стараясь оправдать себя изложенными въ нихъ правилами и предсказаніями; при этомъ онъ продолжалъ жаловаться на свою ужасную «яму», но, надо полагать, что онъ былъ переведенъ уже въ лучшее помѣщеніе, если имѣлъ возможность такъ много писать. Многія изъ его стихотвореній относятся къ этому періоду. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится о презрѣніи къ смерти, о вѣрѣ въ загробную жизнь, о полномъ проникновеніи ученіемъ Христа, но, что замѣчательно, это обращеніе къ церковнымъ догматамъ ставится въ какую-то связь съ появленіемъ діавола, которое какъ будто и убѣдило Кампанеллу въ святыхъ истинахъ. Кампанелла нѣсколько разъ повторяетъ разсказы о явленіяхъ демоновъ и ангеловъ, руководясь, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ расчетомъ. Недаромъ же говаривалъ онъ, что «ложь хороша, если этою ложью достигается высшая цѣль», и приводилъ въ подтвержденіе того примѣры изъ общей и священной исторіи. «Многіе мудрецы, говоритъ онъ, вынуждены прикидываться безумцами, хотя, про себя, знали, что думать»... Положеніе его было такъ ужасно, что нельзя винить его въ притворномъ помѣшательствѣ и въ этихъ розсказняхъ о небывалыхъ видѣніяхъ. Слава Галилея не умаляется отъ того, что онъ былъ вынужденъ къ извѣстному отреченію; такъ и на Кампанеллу не ложится пятна, если пытки и тягость тюрьмы заставляли его лгать и пользоваться предразсудками своего вѣка для облегченія своей участи и полученія возможности «снова ратовать, какъ онъ говоритъ, противъ тиранніи, софистики и лицемѣрія». Покровители Кампанеллы продолжали заботиться о немъ, но лишь въ 1608 г. положеніе его улучшилось переводомъ его изъ С.-Эльма снова въ Кастельнуово. За Кампанеллу просилъ письменно эрцгерцогъ Максимиліанъ. Въ Кастельнуово Кампанелла пользовался уже нѣкоторыми удобствами; самъ онъ пишетъ Галилею въ 1618 году: «И почти на свободѣ». Съ этимъ вторичнымъ пребываніемъ Кампанеллы въ Кастельнуово связанъ романическій эпизодъ, на который есть намекъ въ хроникѣ Булифона, писателя конца XVII и начала XVIII вѣка: «Въ Кастельнуово родился у одного испанскаго офицера сынъ, впослѣдствіи знаменитый математикъ, Джіованни Альфонсо Борелли. Дѣйствительнымъ отцомъ его считаютъ извѣстнаго Кампанеллу, находившагося въ то время въ той же тюрьмѣ»... Борелли умеръ въ 1680 г.

Многіе біографы называютъ его сыномъ Кампанеллы. Прошли еще года и самые акты процесса успѣли частью сгорѣть, частью затеряться, прежде нежели испанскій король разрѣшилъ Кампанеллѣ жить въ монастырѣ св. Доминика въ Неаполѣ. Какъ извѣстно, онъ бѣжалъ оттуда въ Римъ, гдѣ благоволившій къ нему папа Урбанъ VIII приказалъ для виду посадить его въ инквизиціонную тюрьму для суда за ересичество. Нѣсколько времени пришлось играть комедію и держать Кампанеллу въ Римѣ подъ арестомъ, хотя онъ въ сущности и былъ вполнѣ свободенъ. Прежде всего пришлось бѣдняку лѣчиться послѣ долгихъ истязаній, лишеній и нездоровыхъ вліяній тюрьмы. Онъ лѣчился самъ по своей методѣ, принималъ массу желѣза, носилъ особый поясъ съ магнитнымъ порошкомъ, чтобы притягивать къ желудку желѣзо [1]). Тѣмъ не менѣе тюрьма отозвалась и въ 1629 г. онъ едва не умеръ, впавъ въ тяжкій летаргическій сонъ. Этотъ годъ былъ первымъ годомъ его полнаго освобожденія. Папа Урбанъ VIII осыпалъ теперь его своими милостями. Но папскія милости не могли спасти его отъ ненависти враговъ и главнымъ образомъ испанцевъ. Кампанелла написалъ одно сочиненіе, сблизившее его съ французами и съ французскимъ посланникомъ Франсуа де-Ноалемъ. Они часто видѣлись, бесѣдовали, и испанцы, заподозривъ, что Кампанелла готовитъ заговоръ противъ Испаніи, намѣревались его схватить. Ни папа, ни весь Римъ не могли бы защитить бѣднаго монаха, если бы герцогъ де-Ноаль не перевезъ его къ себѣ и не далъ ему возможности переодѣтымъ бѣжать изъ Рима во Францію. Рекомендательныя письма къ консуламъ и владѣтельнымъ князьямъ дали возможность Кампанеллѣ счастливо добраться до Марсели. Въ маѣ онъ былъ уже въ Парижѣ и, встрѣченный епископомъ С. Флеромъ, братомъ герцога де-Ноаля, былъ представленъ Людовику XIII. Король и кардиналъ Ришелье назначили ему ежегодную пенсію въ 2.000 франковъ и поселили его въ доминиканскомъ монастырѣ въ предмѣстьѣ С.-Оноре. Здѣсь пошла уже тихая жизнь безъ приключеній, писались новыя сочиненія, старыя издались въ X томахъ, ученые и государственные люди, самъ король продолжали совѣтоваться съ Кампанеллой относительно государственныхъ вопросовъ...

21 мая въ 4 часа утра 1639 года, на 71 году жизни, умеръ Кампанелла отъ тяжелой горячки, окруженный всѣми

[1]) *Rixner und Siebel, S.* 21.

братьями монастыря, исповѣдовавшись и пріобщившись св. таинъ, какъ истинный христіанинъ. На слѣдующій день, при стеченіи массы народа, ученыхъ, высшихъ сановниковъ и духовенства, совершились его торжественныя похороны. Самъ Кампанелла боялся вліянія созвѣздій и ждалъ смертельнаго припадка на іюнь 1639 года. «Но, говоритъ одинъ ученый, онъ не дожилъ до этого дня, чтобы всѣмъ было явно, что ключъ жизни и смерти находится не у созвѣздій, а въ рукахъ Царя царей» [1]).

XV.

Таковы были заговоръ Кампанеллы и страданія, испытанныя этимъ патріотомъ, задумавшимъ освободить родину отъ тиранніи иноземцевъ. Я изложилъ все это дѣло подробно, такъ какъ оно было до сихъ поръ очень мало извѣстно людямъ, писавшимъ о немъ по смутнымъ слухамъ, не имѣя подъ руками тѣхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, которые собралъ теперь въ трехъ томахъ своего сочиненія о Кампанеллѣ профессоръ Амабиле. Плохо извѣстно большинству и то сочиненіе Кампанеллы, гдѣ онъ излагаетъ идеалъ своего государства,—того государства, которое онъ мечталъ создать, какъ университетъ для другихъ государствъ, въ калабрійскихъ горахъ, и въ которомъ онъ самъ долженъ былъ явиться правителемъ. Говоря объ этомъ идеалѣ, писатели нерѣдко забывали всѣ его частности и подробности и помнили только одно, что Кампанелла былъ борцомъ за родину и мечталъ объ ея освобожденіи, что онъ мечталъ о свободѣ людей и стремился къ общности имущества. Такъ, даже такой крупный писатель, какъ Эдгаръ Кине, говоритъ о Кампанеллѣ въ такомъ восторженномъ тонѣ, какъ будто Кампанелла былъ дѣйствительно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ новаторовъ, въ своемъ городѣ Солнца, а не простымъ подражателемъ Платону и Томасу Мору [2]), и какъ будто этотъ городъ Солнца дѣйствительно сулилъ человѣчеству равенство, братство и свободу, а не самое ужасное рабство. Къ несчастію, всѣ эти восторги только красивыя фразы, но не выводы знанія. Кампанелла ясно видѣлъ бѣдствіе своей страны, но предлагалъ для ея спасенія невозможныя средства, несмотря на все благородство его намѣреній. Планъ того государства, которое должно было сдѣ-

[1]) *Ibid., S.* 26.
[2]) *Edgar Quinet.* Les révolutions d'Italie. Paris. 1857, in 12°, pp. 117—157.

латься «университетомъ для другихъ государствъ», начертанъ имъ подробно въ его «Городѣ Солнца». Это произведеніе написано подъ вліяніемъ «Республики» Платона и «Утопіи» Томаса Мора. Какъ всѣ подобныя сочиненія, произведеніе Кампанеллы довольно скучно и далеко не даровито, какъ однообразная сказка. По формѣ это своего рода «разговоръ въ царствѣ мертвыхъ». Капитанъ генуэзскаго корабля случайно натолкнулся подъ экваторомъ на островъ Тапробанъ, гдѣ находится городъ Солнца, изучилъ его порядки и потомъ передалъ о своемъ открытіи магистру ордена страннопріимцевъ. Магистръ задаетъ капитану болѣе или менѣе краткіе вопросы, капитанъ пространно отвѣчаетъ на нихъ. Многое кажется магистру невѣроятнымъ, тогда капитанъ говоритъ, что онъ спорить не мастеръ, но что это такъ, а не иначе. На вѣру тутъ приходится брать все, хотя многое крайне невѣроятно, какъ, напримѣръ, полное перерожденіе человѣка изъ эгоиста въ существо, живущее только общественными интересами и довольствующееся единственно исполненіемъ предписанныхъ ему обязанностей. Граждане города Солнца соединились для избавленія себя отъ безчеловѣчія маговъ, злодѣевъ и тирановъ, которые тѣснили ихъ въ Индіи, и основали республику, которая управляется «законами естественными, а не полученными черезъ откровеніе». Жители повинуются добровольно предсѣдателю управленій, называя его королемъ. Это имя имъ не противно, потому что они понимаютъ его иначе, нежели невѣжды. Глава республики лицо духовное, именуемое Гогъ, но можно его назвать Метафизикомъ. Онъ пользуется вполнѣ неограниченной властью надъ всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, но постъ его можетъ занимать лишь тотъ, кто изучилъ вполнѣ исторію всѣхъ народовъ, знаетъ всѣ обрядности, жертвенные порядки, законы въ республикахъ и монархіяхъ, всѣхъ законодателей и изобрѣтателей, всѣ явленія земныя и небесныя, астрологическія, метафизическія и богословскія, кто постигъ при этомъ необходимость, судьбу и гармонію вселенной, могущество, мудрость и любовь божественности, постепенность всего сущаго и его символику; кто, наконецъ, путемъ долгаго изученія, можетъ пророчествовать и читать по звѣздамъ. Замѣчу кстати, что среди заговорщиковъ одинъ Кампанелла могъ, правда, по его собственному убѣжденію, удовлетворить такимъ условіямъ. Ему могли препятствовать развѣ только года: избираемый долженъ былъ имѣть за собой уже «семь пятилѣтій»; но Кампанелла достигъ уже и

этого возраста, когда закончилъ свою книгу. У Гога являются три помощника: Пона—Сила, Сина—Мудрость и Мора—Любовь. Война и миръ находятся въ вѣдѣніи Силы. Мудрость занимается науками. Любовь руководитъ брачными дѣлами и воспитаніемъ дѣтей. Городъ Солнца съ храмомъ солнца посрединѣ состоитъ изъ крѣпости, построенный на холмѣ и окруженной стѣною, и шести концентрическихъ круговъ, состоящихъ также изъ стѣнъ. Всѣ эти семь стѣнъ защищаютъ городъ отъ непріятелей, которымъ трудно взять самый городъ, такъ какъ стѣны, приближаясь къ центру, дѣлаются все толще и крѣпче. Военными дѣлами, сухопутными и морскими силами, а также иностранными сношеніями завѣдуетъ Сила. Подъ вѣдѣніемъ Мудрости находятся начальники отдѣльныхъ научныхъ частей: астрологъ, космографъ, геометръ, ариѳметикъ, исторіографъ, поэтъ, логикъ, грамматикъ, риторъ, физіологъ, медикъ, политикъ, моралистъ. Подъ ихъ вѣдѣніемъ и руководствомъ всѣ стѣны города и стѣны храма расписаны прекрасными чертежами и рисунками, содержащими въ себѣ всѣ науки для наглядnаго обученія. На стѣнахъ храма изображены звѣзды и въ трехъ стихахъ обозначаются ихъ величина, свойства и движеніе. Математическія фигуры со стихами, обозначающими ихъ свойства, помѣщаются на внутренней сторонѣ первой городской стѣны. На ея наружной сторонѣ изображенія земли и отдѣльныхъ странъ. Изображая такимъ образомъ всѣ науки на стѣнахъ, Мудрость даетъ возможность для широкаго просвѣщенія народа. Въ городѣ Солнца вообще существуетъ только одна книга подъ заглавіемъ «Мудрость», въ которой содержатся всѣ знанія. Изъ этой книги ученые читаютъ народу отрывки, чтобы знаніе было общимъ достояніемъ. Городъ украшенъ также изображеніями подвиговъ великихъ людей, прославившихся своимъ знаніемъ, изданными ими законами или воинскими подвигами. Тутъ находятся Моисей и Озирисъ, Юпитеръ и Ликургъ, Меркурій и Пиѳагоръ, Замолхъ и Солонъ и даже Магометъ, хотя онъ признается лжеучителемъ. Выше прочихъ помѣщаются изображеніе Христа съ изображеніями двѣнадцати апостоловъ, которыхъ солнціяне весьма уважаютъ и превозносятъ надъ другими людьми. На наружныхъ портикахъ помѣщены Цезарь, Александръ, Пирръ, Аннибалъ и другіе воины. Солнціяне ведутъ жизнь философскую, пользуясь всѣмъ сообща; у нихъ нѣтъ частной собственности. Они спятъ въ общихъ спальняхъ, на общихъ постеляхъ, при чемъ черезъ каждые

шесть мѣсяцевъ власти назначаютъ жителямъ, въ какомъ округѣ, въ какой спальнѣ и на какой постели они должны спать. Всѣ сверстники у нихъ называются братьями и сестрами; кто старше другого на двадцать два года, тотъ называется отцомъ или матерью, а кто моложе другого на столько же лѣтъ, тотъ носитъ названіе сына или дочери. Причина этому та, что мужчины на двадцать первомъ году женятся, а дѣвушки девятнадцати лѣтъ выходятъ замужъ. Въ Индіи, откуда переселились солнціяне, не было общности женъ, но они ввели ее у себя, единственно ради господствующаго у нихъ принципа имѣть все общимъ и пользоваться чѣмъ-либо не иначе, какъ по справедливому распредѣленію правящихъ. Такъ какъ дѣторожденіе считается актомъ религіознымъ, имѣющимъ въ виду благо республики, а не частныхъ лицъ, то соединеніе лицъ различнаго пола, найденныхъ, по своему сложенію и развитію, достойными производить будущее поколѣніе, совершается согласно указаніямъ философіи со множествомъ обрядностей и по правиламъ, выработаннымъ врачами, матронами и астрологами. О любви не можетъ быть и рѣчи, такъ что въ этомъ отношеніи даже животныя пользуются большимъ правомъ выбора. Здравый подборъ совершается не вслѣдствіе здравыхъ понятій самихъ брачущихся, но по волѣ другихъ. Люди, завѣдующіе браками, знаютъ до тонкости всѣ душевныя и тѣлесныя особенности брачущихся, такъ какъ они наблюдаютъ ихъ и во время ученья, и во время гимнастики въ гимнастическомъ залѣ, гдѣ и юноши, и дѣвушки являются совершенно нагими. Наблюдающіе за ними присматриваются къ ихъ физическимъ особенностямъ. Соединяютъ бракомъ такія пары, которыя могли бы дать хорошій приплодъ: худощавые соединяются съ полными, низенькіе съ высокими и т. д. Вообще во всей процедурѣ брачныхъ соединеній у Кампанеллы масса цинизма и въ подробностяхъ описаній, и въ самой сущности взгляда на сближеніе половъ. Кромѣ характера и тѣлосложенія брачущихся важную роль играетъ и астрологическая часть ихъ сближенія. Астрологи опредѣляютъ, какіе часы благопріятны для браковъ. Если бракъ женщины останется безплоднымъ, она тотчасъ же переходитъ къ другому мужу, — вѣрнѣе къ другимъ мужьямъ, такъ какъ опыты дѣлаются еще нѣсколько разъ— переходитъ опять по опредѣленію завѣдующихъ брачными дѣлами, а потомъ, когда ее признаютъ окончательно безплодной, она дѣлается общественною соб-

ственностью и ея сношенія съ мужчинами уже не руководятся никѣмъ. Изображая такое положеніе дѣлъ, Кампанелла тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что «въ Солнечной республикѣ принята общность женъ и потому нѣтъ блуда», а въ оправданіе своего правила жители «опираются на мнѣнія Сократа, Катона, Платона и Климента Римскаго, согласно которому, по апостольскому совѣту, жены должны быть общими». Съ безплодными и уродливыми женщинами можетъ сближаться каждый, но иногда за разные поступки человѣка лишаютъ этого права. Дѣтямъ даются не вошедшія во всеобщее употребленіе имена, а новыя кличкн, сообразныя съ тѣлесными особенностями дѣтей: Толстый, Худой, Косматый. Дѣти воспитуются вмѣстѣ въ общемъ воспитательномъ домѣ и находятся сначала подъ вѣдомствомъ Любви, завѣдующимъ воспитаніемъ дѣтей, продовольствіемъ жителей, медициной, одѣяніемъ, браками и имѣющимъ среди своихъ начальниковъ и лицъ женскаго пола. Матери находятся при дѣтяхъ до четырехлѣтняго возраста послѣднихъ. Физическому развитію дѣтей придается большое значеніе. Учить ихъ начинаютъ съ чтенія, при чемъ обходятъ городскія стѣны, имѣющія весь алфавитъ. Изучивъ математику, естественныя науки, исторію, то-есть все, что есть на городскихъ стѣнахъ, эти вѣчно путешествующіе по городу ученики обучаются земледѣлію, ремесламъ. Выборъ занятій зависитъ отъ усмотрѣнія учителей, подъ надзоромъ которыхъ занимался юноша. Преуспѣвшіе въ той или другой отрасли наукъ дѣлаются начальниками по своей спеціальности. Чѣмъ разностороннѣе способности учащагося, тѣмъ больше у него шансовъ попасть въ званіе Силы, Мудрости, Любви и даже, въ будущемъ, въ званіе Метафизика. Эти четыре власти несмѣняемы, хотя Сила, Мудрость и Любовь сами отказываются отъ должностей, когда узнаютъ, что есть люди, болѣе достойные занимать ихъ должности. Особенное значеніе придаетъ Кампанелла механическимъ наукамъ и усовершенствованіямъ, облегчающимъ трудъ. Вообще трудъ въ городѣ Солнца легокъ; онъ назначается по силамъ каждаго и длится не болѣе четырехъ часовъ въ день, послѣ чего жители города или предаются любимымъ своимъ занятіямъ, или играютъ. Не имѣя никакой собственности, солнціяне не отличаются другъ отъ друга и по одеждѣ, которая у нихъ почти одинакова для мужчинъ и женщинъ и приспособлена такъ, что въ ней удобно и работать, и воевать. Всѣ носятъ днемъ бѣлую одежду, отвергая черный цвѣтъ, какъ «самый

презрѣтельный»; головнымъ уборомъ служитъ шапка или капюшонъ, который «выше обыкновенныхъ шляпъ». Этимъ мелочамъ придается большое значеніе, такъ что объ особенномъ головномъ уборѣ говорилось даже во время заговора. Хотя, по словамъ генуэзскаго капитана, солнціяне любятъ другъ друга, преданы родинѣ, великодушны и добродѣтельны, въ городѣ Солнца есть все-таки лица, наблюдающія за жителями и носящія названія разныхъ добродѣтелей—Храбрость, Правдивость, Благодѣяніе и т. д. Каждая изъ этихъ добродѣтелей завѣдуетъ своимъ отдѣломъ: Правдивость воюетъ съ ложью, Великодушіе возстаетъ противъ малодушія, неблагодарный предстаетъ передъ судомъ Благодарности и т. д., при этомъ наказываютъ нарушителей порядка. Наказанія различны: лишеніе общаго стола, запрещеніе сношеній съ женщинами и даже смертная казнь. Послѣднимъ наказаніемъ угрожается даже за такіе пустяки, какъ румяна, высокіе каблучки, длиннохвостыя платья. Вообще солнціянъ держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Богохульство, государственная измѣна и посягательство на правительство подлежатъ наказанію смертью. Приговоренный, большею частью, имѣетъ право выбирать способъ смерти и выбираетъ обыкновенно взрываніе себя на воздухъ. Если выборъ смерти не дозволяется, то преступника убиваетъ народъ, ободряя гражданина передъ казнью. Въ отношеніи религіи жители считаютъ обязанностью быть признательными Богу, какъ Отцу, чтить Его одного, какъ Творца и Подателя всего, принося все Ему, какъ все отъ Него полученное, и состоя въ Немъ и съ Нимъ. Этотъ невидимый Богъ проявляется въ троякомъ откровеніи: всемогуществѣ, премудрости и любви. Солнціяне почитаютъ,—но не боготворятъ,—солнце и другія свѣтила, видя въ нихъ нѣчто живое, образа и храмы Божіи, оживленные небесные алтари. Въ солнцѣ они созерцаютъ образъ Божій и называютъ его чуднымъ ликомъ Всемогущаго, живымъ изваяніемъ, источникомъ всякаго добра, дающимъ жизнь, тепло, счастье всему существующему. Звѣзды считаются обитателями ангеловъ, предстателей за родъ людской передъ Господомъ. Благопріятное положеніе созвѣздій, въ четырехъ странахъ свѣта, признано столь же необходимымъ при постройкахъ, какъ и при зачатіи человѣка; молясь, жители обращаются сначала на востокъ, потомъ на западъ, наконецъ на полдень. Такъ поклоняются они Богу тріединому. Видъ золъ, претерпѣваемыхъ человѣчествомъ, могъ бы повести къ той мысли, что

всѣмъ правитъ одинъ случай, но изученіе міросданія и строенія человѣческаго тѣла, при анатомическихъ изслѣдованіяхъ надъ трупами казненныхъ, заставляетъ солнціянъ признавать громко премудрость и промыслъ божественный. Они вѣрятъ въ безсмертіе души, которая, по выходѣ изъ тѣла, присоединяется къ добрымъ или злымъ духамъ, смотря по своимъ дѣяніямъ на землѣ и въ силу того, что хорошее идетъ къ хорошему, а дурное къ дурному. Мнѣніе жителей о мѣстѣ наказаній или наградъ въ загробной жизни не сходно съ общепринятымъ. Эта часть была выражена опредѣленнѣе въ первой редакціи «Солнечнаго города»; тамъ авторъ поясняетъ, что солнціяне, не зная въ точности, гдѣ находятся мѣста загробнаго возмездія, считаютъ наболѣе основательнымъ предполагать ихъ на небѣ и въ нѣдрахъ земли. Они тоже очень желали бы рѣшить, будутъ ли муки вѣчными. Изъ этого можно заключать, что Кампанелла сомнѣвался въ существованіи ада, но никакъ не въ безсмертіи души. Христіанская религія уважается и жители ожидаютъ, что христіане осуществятъ съ ними совокупно жизнь апостольскую, ибо христіанство принимаетъ, сверхъ законовъ естественныхъ, лишь таинства. Поэтому вѣра христіанская есть единственно истинная и, съ очищеніемъ ея отъ злоупотребленій, должна распространиться по всему міру. Правила, преподанныя десятью заповѣдями, основаны тоже на законахъ естественныхъ, но имъ противорѣчитъ учрежденіе собственности, уничтожающее общность владѣнія. Обиліе всякаго зла на землѣ, отъ котораго не мало страдали прежде и солнціяне, происходитъ, какъ полагаютъ они, отъ союза земныхъ правителей съ какимъ-нибудь низшимъ божествомъ, съ соизволенія Верховнаго существа. «И счастливы еще тѣ христіане, которые признаютъ источникомъ всѣхъ бѣдъ одинъ грѣхъ Адама!» восклицаетъ съ ироніей Кампанелла. Жители вѣрятъ въ предсказаніе Іисуса Христа о знаменіяхъ на солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, они ждутъ, поэтому, конца столѣтія и его обновленія, узнавъ многое о грядущемъ изъ ученія астрологіи и писаній пророческихъ. Одно изъ знаменій заключается и въ соединеніи всѣхъ обитателей земли въ одно стадо. И когда—что не замедлитъ—Сатурнъ вступитъ въ созвѣздіе Козерога, Меркурій въ созвѣздіе Стрѣльца, Марсъ въ созвѣздіе Дѣвы, а въ созвѣздіи Кассіопеи появится новая звѣзда, тогда возникнетъ и новое государство, послѣдуютъ измѣненія въ законахъ и обычаяхъ, станутъ вѣщать пророки и среди возрожденной вселенной

«святой народъ» увидитъ себя осыпаннымъ всякими благами. Но вначалѣ надо будетъ «срубать и корчевать, а затѣмъ уже насаждать и воздвигать». Дѣйствительно, много нужно было бы рубить и корчевать, прежде чѣмъ совершится то перерожденіе человѣчества, при которомъ былъ бы возможенъ такой порядокъ безмятежнаго житія, который рисуется въ городѣ Солнца Кампанеллы. Кампанеллѣ же кажется такъ просто и легко это перерожденіе человѣка. По его мнѣнію, личный интересъ теперь единственный двигатель нашихъ поступковъ, а онъ-то и есть самый великій бичъ міра. Уничтожимъ личный интересъ и останется одинъ интересъ общественный. Вмѣсто разсѣянія и антагонизма общественныхъ силъ, что влечетъ за собою интересъ личный, должны явиться союзъ, единеніе и гармонія силъ, поддерживаемые интересомъ общинъ. Въ городѣ Солнца нѣтъ частной собственности, все общее; но какъ можетъ существовать трудъ безъ собственности? Кампанелла отвѣчаетъ, что любовь къ личной собственности, какъ двигатель труда, должна замѣниться самоотверженіемъ, а корпоративный духъ—желаніемъ содѣйствовать общему благу. Эта замѣна не такъ невозможна, какъ кажется. Развѣ римляне не умирали съ радостью за родину? Когда первые монахи отказывались отъ всякаго честолюбія, навѣки покидали міръ и жертвовали своей общинѣ своими интересами, привязанностями, своей жизнью, не дѣйствовали развѣ они по этому же принципу? Даже въ нашемъ обществѣ мы видимъ примѣры братскаго труда, самоотверженнаго и ревностнаго. Отчего исключенію не сдѣлаться правиломъ? Впрочемъ, трудъ въ городѣ Солнца не тяжелъ и не грубъ. Онъ дѣлается такимъ привлекательнымъ, что кажется настоящимъ праздникомъ и никто отъ него не отказывается. Дѣти съ самаго ранняго возраста окружаются орудіями всѣхъ искусствъ и ремеслъ, чтобы дать возможность пробудиться ихъ призванію; слава состоитъ въ знаніи бо́льшаго количества искусствъ и въ способности къ бо́льшему числу профессій. «И надъ всѣми нами, говоритъ Кампанелла, смѣются солнціяне, такъ какъ мы съ трудомъ связываемъ идею низости, а идею благородства съ праздностью. Надо, впрочемъ, замѣтить, что идея привлекательности самаго труда, дѣлающая корыстный двигатель безполезнымъ, играетъ побочную роль въ организаціи теократической и самодержавной республики; эта идея сливается съ самоотверженіемъ, чтобы сдѣлать трудъ болѣе легкимъ. Трудъ привлекательный былъ основой только ассоціаціи

Фурье. Изобрѣтатель фаланстера удалился отъ Кампанеллы и другихъ утопистовъ въ томъ, что не уничтожилъ коренного двигателя, но включаетъ его въ число двигателей страстныхъ. Впрочемъ, несмотря на всѣ прекрасныя слова о кротости и смиреніи солнціянъ, которые по своей кротости и смиренію даже быковъ почти не бьютъ и питаются только овощами, Кампанелла считаетъ нужными не только наказанія и самую смертную казнь, а даже и другія еще болѣе подозрительныя въ царствѣ свободы и братства мѣры: въ городѣ Солнца сохраняется исповѣдь; исповѣдуются передъ свѣтскими начальниками, которые передаютъ исповѣдь министрамъ, не называя имент.. а министры докладываютъ обо всемъ Метафизику, который, такимъ образомъ, знаетъ, что дѣлается въ народѣ; въ городѣ Солнца на слѣпыхъ и хромыхъ возлагается обязанность прислушиваться къ тому, что говорятъ въ народѣ, и передавать эти разговоры правительству, чтобы облегчить ему управленіе страною. Вообще шпіонство поддерживаетъ всю систему этого самодержавнаго правленія.

Таково было движеніе, возбужденное Кампанеллой; таковы были люди, принимавшіе участіе въ этомъ движеніи; таковы были цѣли, къ достиженію которыхъ должно было привести это движеніе. Монахи, судящіеся за грязныя насилія и кощунствующіе надъ религіей «ради убѣжденія и ради привлеченія себѣ адептовъ изъ черни»; разбойники большихъ дорогъ и убійцы, превращающіеся въ революціонеровъ ради расчетовъ на поживу; горсть воодушевленныхъ патріотизмомъ вожаковъ возстанія противъ чужеземцевъ,—вожаковъ въ родѣ Кампанеллы и Маурицio Ринальди, не имѣющихъ даже возможности быть разборчивыми при вербовкѣ своихъ сподвижниковъ и потому запутавшихся среди предателей, доносчиковъ, продажныхъ тварей, готовыхъ на все за деньги,—вотъ изъ какихъ элементовъ состояли заговорщики, грязнившіе потомъ другъ друга на допросахъ. Какъ все это было не похоже на Савонаролу и его друзей, на ту партію «святыхъ», послѣ паденія которой даровитый художникъ фра Бартоломео бросилъ въ отчаяніи на много лѣтъ свои краски и кисти, а великій Микель Анжело до самой старости съ благоговѣніемъ вспоминалъ не только идеи, фразы и слова, но самый голосъ, самые жесты любимаго своего «учителя». Люди, принимавшіе участіе въ заговорѣ Кампанеллы, настолько же не походили на сотоварищей Савонаролы. насколько Неаполь, порабо-

щенный испанцами, не походилъ на Флоренцію тѣхъ блестящихъ временъ процвѣтанія наукъ и искусствъ, когда дѣйствовалъ Савонарола. И въ какомъ видѣ представлялась новая жизнь Кампанеллѣ, какія мѣры казались ему нужными для поддержанія этой новой жизни, которую онъ долженъ былъ создать съ помощью бандитовъ, гулящихъ монаховъ и лѣсныхъ дьяковъ? Граждане солнечнаго города въ сущности должны были быть рабами, стадомъ, которымъ управляютъ привилегированные избранники; у членовъ этого стада нѣтъ своей воли, ихъ черезъ каждые шесть мѣсяцевъ перемѣщаютъ съ мѣста на мѣсто, имъ назначаютъ спеціальности для труда, у нихъ нѣтъ выбора даже въ области любви, женщина низводится у нихъ на степень племенной самки, и если она послѣ нѣсколькихъ опытовъ оказывается непригодной для этой цѣли, то ее отдаютъ въ собственность всѣмъ и каждому, грозя всѣмъ за проступки запретить сношенія даже съ этими принадлежащими всѣмъ женщинами; поддерживать этотъ порядокъ считаютъ нужнымъ строгими наказаніями, грозя смертной казнью даже за такіе проступки, какъ стремленіе нарумяниться или надѣть длинное платье, при чемъ слѣдятъ за тайными помыслами народа при помощи слѣпыхъ и хромыхъ, при помощи исповѣдующихъ чиновниковъ, и предполагаютъ, что всѣ люди, составляющіе этотъ народъ, способны быть палачами, такъ какъ исполненіе смертной казни въ извѣстныхъ случаяхъ возлагается на всѣхъ. Тутъ нѣтъ и помина о стремленіи Савонаролы сдѣлать всѣхъ гражданъ свободными и сознательными участниками въ управленіи, поднять женщину до роли матери-гражданки, вскармливающей своею грудью и воспитывающей своихъ дѣтей на пользу родины, довести дѣтей воспитаніемъ до сознанія возвышенности ожидающихъ ихъ въ будущемъ обязанностей, развить въ гражданахъ твердое убѣжденіе, что безчестность, пороки и развратъ, все злое и вредящее и лично человѣку, и государству, надо каждому вырвать съ корнемъ и изъ себя самого, и изъ общества,—нѣтъ, однимъ словомъ, вѣры въ человѣка, признанія человѣка въ человѣкѣ. Но Савонарола жилъ въ вѣкѣ надеждъ и упованій, на зарѣ реформаціи, когда еще можно было мечтать объ обновленіи католической церкви, а Кампанелла дѣйствовалъ уже тогда, когда многіе не только махнули безнадежно рукою на католическую церковь, но и сознали, какъ гусситы, табориты, анабаптисты, что и сама совершившаяся реформація крайне недостаточна для обно-

вленія церкви и общества и что нуженъ какой-то переворотъ. Мало того, мечтая объ этомъ переворотѣ, Кампанелла не могъ даже вѣрить въ свободное нравственное перерожденіе людей, какъ вѣрилъ въ это Савонарола, потому что, начиная свое дѣло, онъ былъ окруженъ не такими благородными лицами, какъ фра Бартоломео, Микель-Анжело, фра Доменико, Валори, а такимъ монастырскимъ сбродомъ, какъ фра Діонизіо, Пиццони, убійцы и насильники. Для перерожденія этихъ людей нужны были ежовыя рукавицы и шпіонство слѣпцовъ, хромоногихъ, исповѣдниковъ-чиновниковъ.

Читая объ этомъ движеніи, невольно вспоминаешь о пророчествахъ Савонаролы, говорившаго, что безъ нравственнаго обновленія церкви и общества Италія должна пасть. Это паденіе совершилось и оно ярче всего сказалось въ движеніи Кампанеллы, гдѣ самою благородною личностью явился Маурицio Ринальди, хлопотавшій о призваніи турокъ для избавленія отечества отъ испанцевъ и забрызганный грязью выдавшимъ его Кампанеллою за то, что и онъ сознался во всемъ, будучи обреченъ на казнь. У нихъ не было даже мужества умереть, какъ умиралъ фра Джироламо, фра Доменико и фра Сильвестро.

ПРОЛЕТАРІАТЪ ВО ФРАНЦІИ 1789—1852 гг.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Изучая законы труда и положенія бѣдныхъ классовъ народа, мы не занимается исключительно одною матеріальною стороною дѣла, говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей рабочаго вопроса во Франціи [1]). Намъ дѣлаются ясными и многія темныя стороны общества, и непонятыя до сихъ поръ отношенія людей другъ къ другу, и внутренняя необходимость прогресса. Понять несчастія—значитъ понять исторію, потому что она есть не что иное, какъ мученичество человѣчества. Въ извѣстномъ смыслѣ, можно сказать: исторія есть развитіе сознанія матеріальныхъ нуждъ и идеальныхъ границъ человѣчества. Этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, несмотря на все возрастающее сознаніе матеріальныхъ нуждъ, сами нужды постоянно уменьшаются. Неравномѣрное распредѣленіе имуществъ за сто лѣтъ было больше, чѣмъ теперь. Но бѣдняки становятся тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ болѣе они образованы, чѣмъ яснѣе становится имъ ихъ положеніе. Люди начинаютъ сознавать свою наготу не впотьмахъ, но только тогда, когда пройдетъ ночь. Конечно, народъ въ прошломъ столѣтіи былъ несчастнѣе, нежели въ настоящее время, но теперь его несчастіе выставлено на показъ, а прежде оно забивалось въ

[1]) *Sigmund Englaender.* Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen. 1864. I B. 1—16 SS.

темный уголъ. Противорѣчія и потребности общества освѣтились болѣе яркимъ и рѣзкимъ свѣтомъ при помощи промышленности. Промышленность—это явленіе новѣйшаго времени, неизвѣстное старому. Рядомъ съ офиціальнымъ міромъ, въ Западной Европѣ существуетъ неофиціальное, неизвѣданное царство людей будущаго, людей труда, сфера рабочихъ классовъ. Эта новая сила долгое время держалась въ черномъ тѣлѣ и считалась чуть ли не опасною, но, наконецъ, исторія обратила на нее вниманіе, вывела ее на свѣтъ и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не создастъ лучшихъ условій жизни для этой массы.

Нигдѣ не можетъ быть поучительнѣе наблюденіе надъ рабочимъ классомъ, какъ во Франціи. Это тѣмъ болѣе удобно въ настоящее время, что въ самой Франціи смотрятъ на дѣло болѣе хладнокровно, чѣмъ смотрѣли прежде. Теперь работникъ означаетъ тамъ просто человѣка, живущаго трудомъ, тогда какъ еще за нѣсколько лѣтъ это слово непріятно говорило о требованіяхъ подавленной части общества. Блуза, казавшаяся въ Парижѣ до второго декабря мундиромъ людей будущности, потеряла всю свою важность и у входовъ публичныхъ выставокъ и садовъ снова можно прочесть краснорѣчивыя слова: «лицамъ, одѣтымъ въ блузы, входъ воспрещается». Журналы, редактированные работниками и основанные на мѣдные гроши изъ ихъ сбереженій, давно прекратились. Клубы ихъ разсѣяны. Публичные банкеты стали невозможны. Безчисленныя попытки къ эмансипаціи исчезли безслѣдно и смолкли голоса ея прежнихъ проповѣдниковъ. Но путь для рабочихъ намѣченъ, и они неуклонно идутъ по этому пути, основывая ассоціаціи. Среди этого спокойствія удобнѣе всего разсматривать прошлое съ его хорошими и дурными сторонами и дѣлать заключеніе о будущемъ. Самый интересный эпизодъ изъ новѣйшей исторіи рабочихъ во Франціи составляютъ ихъ попытки достигнуть благосостоянія при помощи устройства рабочихъ ассоціацій, такъ какъ послѣднія отражаютъ въ себѣ не только духъ французскихъ рабочихъ, но и вліяніе на нихъ тѣхъ или другихъ партій, занимавшихся разрѣшеніемъ вопроса о производительности и потребленіи.

Что касается до вопроса о производительности, то тутъ соглашались почти всѣ партіи еще до 1848 года и говорили, что работники должны соединяться въ общества, чтобы успѣшно производить. Устройство производительныхъ обществъ или ассоціацій проповѣдывали журналы всѣхъ от-

тѣниковъ: «National», съ его союзниками, «Atelier» и «Revue Nationale»; «Fraternité» и даже «Annales de la Charité» или «Revue Populaire», предлагая скромныя мѣры и видя все въ розовомъ свѣтѣ, сходились на этомъ пунктѣ съ болѣе рѣзкими и отважными дѣятелями. Яблокомъ раздора и разногласія всѣхъ западно-европейскихъ партій, занимавшихся общественными экономическими теоріями, былъ только одинъ вопросъ о томъ, какъ должно быть организовано въ ассоціаціяхъ распредѣленіе и потребленіе плодовъ. Причина этого явленія очень понятна. Наука старается облегчить человѣческій трудъ и, въ то же время, улучшить человѣческую жизнь. Ей легко было понять, что людямъ удобнѣе трудиться вмѣстѣ, сообща, раздѣляя работы такъ, чтобы Петръ дѣлалъ то, чего не умѣетъ дѣлать Иванъ, и наоборотъ, или даже просто оба дѣлали бы одно и то же дѣло, но закупали бы вмѣстѣ матеріалы для своихъ работъ, что очень выгодно, и вмѣстѣ продавали бы свои произведенія, что тоже представляетъ не мало удобствъ, прекращая эксплуатацію со стороны покупщиковъ, прижимающихъ отдѣльнаго продавца-работника и не могущихъ прижать цѣлое общество работниковъ-продавцовъ и сбить цѣну съ ихъ произведеній. Самые отсталые люди не могли спорить противъ этихъ очевидныхъ истинъ и понимали, что дѣло производительныхъ рабочихъ ассоціацій не есть что-нибудь исключительное, новое, и потому, можетъ-быть, опасное. Они понимали, что эти общины есть не что иное, какъ снимки съ коммерческихъ и фабричныхъ компаній въ рабочемъ классѣ; вся разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что въ рабочихъ обществахъ вносился общій трудъ, а въ купеческихъ компаніяхъ—капиталъ. Въ обоихъ случаяхъ была очевидною польза всего народонаселенія. Продукты удешевлялись, промышленность развивалась, руки находили дѣло, тишина и спокойствіе водворялись.

Но рабочія ассоціаціи составлялись не только для непосредственной пользы всего народонаселенія, но и для частной пользы Ивана и Петра, членовъ одной и той же рабочей общины. И тому, и другому было легче работать сообща, но это облегченіе не разрѣшало всѣхъ вопросовъ ассоціацій. Иванъ и Петръ, люди съ разными силами, но съ одинаковыми потребностями. Тутъ возникъ невольный, нерѣшенный до сихъ поръ никѣмъ, вопросъ: какъ распредѣлить между этими лицами количество труда и количество заработка? «Свободный союзъ капитала, труда и таланта,

говорили одни, долженъ соединяться съ соотвѣтствующимъ, математически точно расчисленнымъ по праву каждаго раздѣленіемъ прибыли».—«Каждому по его работѣ»—сужили другіе это правило.—«Нужно ли, спрашивали третьи, заставить сильнаго, одинокаго Ивана работать вдвое болѣе, чѣмъ слабаго семейнаго Петра, и дать первому столько же денегъ, сколько послѣднему, или заплатить Петру столько, сколько онъ могъ заработать, и оставить его погибать въ нищетѣ и выращать необразованныхъ дѣтей, тогда какъ Иванъ будетъ не только жить въ довольствѣ, но и скопить значительныя суммы для воспитанія и даже для праздной жизни своихъ будущихъ дѣтей? Не слѣдуетъ ли давать каждому столько заработной платы, сколько ему нужно, и столько работы, сколько онъ можетъ исполнить?» Самый безпощадный и оригинальный цѣнитель всѣхъ существовавшихъ экономическихъ теорій, Прудонъ, возражалъ на это очень энергично, и замѣтилъ, что слабый Петръ можетъ опредѣлить свои способности къ труду цифрою 90, когда онѣ будутъ равняться цифрѣ 100, а потребности цифрою 100, когда онѣ будутъ равняться цифрѣ 90. Такимъ образомъ Петръ успѣетъ обмануть общество на 20% [1]). Другіе противники говорили почти то же, но другими словами. Они доказывали невозможность подобнаго распредѣленія и преждевременность появленія этой гуманной, но неприложимой къ дѣлу теоріи многими доводами. Во-первыхъ, говорили они, какъ опредѣлить потребности? Наука еще не выработала на это отвѣта. Нужны ли человѣку только пища, кровъ и одежда, или нужны ему и наслажденія въ родѣ чтенія романовъ, поэтическихъ и ученыхъ произведеній, слушанія музыки, посѣщенія театровъ и т. п.? Все это можетъ вліять благотворно на человѣка, но вліяетъ ли это настолько благотворно, чтобы окупать затраты на эти наслажденія и чтобы поставить ихъ въ число необходимыхъ потребностей? Тутъ можно написать и за, и противъ десятки томовъ фразъ, не имѣющихъ ничего общаго съ научными истинами. Во-вторыхъ, человѣчество еще до сихъ поръ ведетъ жизнь при весьма дурныхъ физическихъ и нравственныхъ условіяхъ, неравномѣрность силъ, способностей, здоровья, образованія, честности и охоты къ труду такъ велика, что постоянно найдутся сотни людей, неспособныхъ вовсе или мало способныхъ на трудъ; еще болѣе

[1]) *Proudhon.* Idée de la révolution etc. 2 éd., p. 104—105.

найдется такихъ, которые, имѣя и силы, и способности, посиѣшатъ, ничего не дѣлая, воспользоваться плодами чужихъ трудовъ. Эти люди лягутъ тяжелымъ бременемъ на небольшую массу честныхъ тружениковъ. Наука и здѣсь совершенно безсильна, какъ въ дѣлѣ предупрежденія этого зла, такъ и въ дѣлѣ пресѣченія его. Въ-третьихъ, наука еще не нашла способовъ извлекать все, что возможно, изъ земли. На каждаго изъ людей приходится весьма ограниченное число продуктовъ. Если давать каждому по его потребностямъ, и лѣнивому, и прилежному, и слабому, и сильному, то, во-первыхъ, всѣ будутъ бѣдны, а, во-вторыхъ, и у прилежныхъ пропадетъ, при маломъ вознагражденіи, охота къ труду, и у сильныхъ исчезнетъ, при недостаточномъ питаніи, сила къ работѣ. Значитъ, покуда, нужно помириться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и стараться, чтобы хотя прилежный и сильный былъ удовлетворенъ въ своихъ потребностяхъ. Слабымъ и лѣнивымъ, при этомъ положеніи дѣлъ, будетъ плохо, но надо надѣяться, что когда-нибудь общественныя науки поднимутъ нравственность человѣка, гигіена уравновѣситъ, насколько возможно болѣе, силы людей, а естественныя науки вообще помогутъ человѣку извлекать какъ можно болѣе выгодъ изъ земли». Много успокоительныхъ рѣчей, по вопросу о распредѣленіи, могли бы мы привести здѣсь, но мы ограничиваемся только вышеизложенными. Изъ нихъ ясно видно, что о дѣлѣ толковали многіе, но это были чисто отвлеченныя, теоретическія разсужденія объ устройствѣ ассоціацій вообще, а не исключительно о промышленныхъ «рабочихъ ассоціаціяхъ». Послѣднія осуществились на практикѣ не этими людьми и, часто, помимо этихъ теорій. Тѣмъ интереснѣе ихъ исторія для насъ. Она можетъ, хотя отчасти, показать, какъ поступали до сихъ поръ практическіе люди и въ чемъ сходились они съ теоретиками, что изъ теорій послѣднихъ было примѣнено къ дѣлу, что отбросилось, какъ нелѣпое, негодное или преждевременное.

Возвышенно стремленіе человѣка не оставаться неподвижнымъ, не считать своего дурного положенія за нѣчто роковое и неизмѣнно существующее, но стремиться къ улучшенію своего быта. Еще возвышеннѣе это стремленіе, если оно зарождается въ душѣ необразованнаго, бѣднаго труженика и проявляется не безплодною ломкою существующаго порядка вещей, но полнымъ смысла, общимъ самоотреченіемъ. Въ этомъ смыслѣ, исторія рабочихъ ассоціацій во

Франціи есть исторія добродѣтели, человѣческаго достоинства, братской любви и состраданія, и, читая ее, вѣришь въ будущее этой массы. Работникъ, произнесшій въ 1848 году безсильному временному правительству въ «Hôtel de Ville» замѣчательныя слова: «Рабочіе прощаютъ вамъ три мѣсяца нищеты», былъ только представителемъ тысячъ работниковъ, переносившихъ, дѣйствительно, съ изумительнымъ терпѣніемъ нищету, чтобы дать время обществу на разрѣшеніе насущныхъ вопросовъ. Къ исторіи такихъ людей, каковы бы ни были ихъ ошибки, невольно обращаешься съ любовью и удивленіемъ, какъ къ одной изъ блистательнѣйшихъ главъ въ исторіи мужественной и стойкой части человѣчества.

II.

Во времена старой французской монархіи, вмѣшательство правительства въ дѣла общества было полное. Правительство раздавало привилегіи на право того или другого фабричнаго производства; налагало дорожныя и другія пошлины за право торговли, ввоза и вывоза тѣхъ или другихъ мануфактурныхъ и земледѣльческихъ произведеній; издавало различныя постановленія для промышленныхъ обществъ; опредѣляло величину хлѣба, ширину тканей; утверждало, за извѣстными лицами, право охоты; рѣшительно, но тщетно приказывало землевладѣльцамъ-дворянамъ учреждать по двѣ школы въ каждомъ сельскомъ приходѣ, хотя и не давало на это средствъ; запрещало просить милостыню,—повелѣвало «заключать здоровыхъ нищихъ, наказывать ихъ потерею свободы, заставлять ихъ работать» и посылало на галеры этихъ людей, виноватыхъ въ томъ, что у нихъ не было ни хлѣба, ни работы. Одинъ разъ (въ 1786 г.) ихъ было схвачено 50.000 человѣкъ. Привилегіи, монополіи, уставы, комиссары, надсмотрщики, инспектора, составляли цѣлую систему препятствій для дѣятельности частныхъ лицъ. Но, вмѣшиваясь во все, налагая на людей свою опеку, торгуя патентами и устанавливая налоги, старая французская монархія не считала нужнымъ проявлять свою силу и заботливость тамъ, гдѣ общество дѣйствительно требовало помощи. Такъ, устроивъ, напримѣръ, больницы, она содержала ихъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ началѣ царствованія Людовика XVI, Тенонъ публиковалъ отчетъ о состояніи парижскаго Hôtel-Dieu, гдѣ, по его словамъ, клали по шести и по восьми больныхъ на одну кровать: на ка-

ждаго приходилось мѣсто въ шесть съ половиною дюймовъ ширины; нужно было лежать на боку, или ждать своей очереди спать; одинъ изъ больныхъ умеръ, — его трупъ остался лежать, въ теченіе многихъ часовъ, между живыми и уже началъ гнить, когда его унесли. Въ Бисетрѣ, въ Сальпетріерѣ было то же самое [1]). Каковъ былъ характеръ опеки правительства надъ обществомъ, таковъ былъ и характеръ опеки мастеровъ надъ рабочими. Всѣ рабочіе дѣлились на корпораціи; въ Парижѣ было шесть такихъ корпорацій или купеческихъ цеховъ. Онѣ образовались еще въ царствованіе Людовика Святого и основою ихъ служило братское чувство [2]). Благотворительность была однимъ изъ главныхъ принциповъ этихъ обществъ, группировавшихся около церкви. Послѣдняя опредѣляла часы работы, она же возвѣщала и часы отдыха. Когда колоколъ звонилъ къ молитвѣ Пресвятой Богородицѣ, тогда умолкалъ шумъ рабочихъ въ мастерскихъ, и они отправлялись на отдыхъ, ожидая новаго звона съ ближайшаго аббатства, возвѣщавшаго наступленіе новаго рабочаго дня. Помощь неимущимъ, заступничество за слабыхъ проглядывало во всемъ. Бѣдные не забывались, и если у булочниковъ находили цеховые присяжные хлѣба недостаточной величины, то ихъ «раздавали, во имя Бога, нищимъ». Уставы постоянно напоминаютъ о честности людямъ, занятымъ провѣркою и надзоромъ за рабочимъ дѣломъ; запрещаютъ возвышать цѣны на простое вино — напитокъ черни; приказываютъ, чтобы съѣстные припасы, привозимые изъ деревень, продавались на торговыхъ площадяхъ и чтобы купцы, для избѣжанія барышничества, могли покупать ихъ только тогда, когда будутъ удовлетворены всѣ прочіе жители. Всѣ процессіи и празднества корпорацій носили духовный характеръ. Самое установленіе учениковъ и мастеровъ не было слѣдствіемъ желанія стѣснить низшихъ рабочихъ, но просто давало возможность неопытнымъ въ дѣлѣ людямъ учиться отъ стариковъ. Но таково было состояніе корпорацій въ средніе вѣка, когда промышленность была еще въ младенческомъ состояніи, когда католическая церковь имѣла еще цивилизующее начало, когда она изъ варвара создавала новаго человѣка и заботилась не о накопленіи матеріальныхъ богатствъ, но о привлеченіи въ свою среду вѣрныхъ дѣтей. Къ концу XVIII вѣка, дѣла измѣнились окончательно. Кор

[1]) *Levasseur.* Histoire des classes ouvrières en France. 1867. t. I. p. [illegible]
[2]) *L. Blanc.* Histoire de la révolution, t. I. pp. 478—479.

порацiи уже успѣли выйти изъ-подъ крыла церкви, да и она сама давно перестала быть доброю матерью-воспитательницею дѣтей и стала правительницею, оспаривающею тѣ или другія права у свѣтской власти. Теперь, говоря о ней, скорѣе всего можно было сказать, что «священный законъ сталъ нынѣ прекраснымъ рыцаремъ, искателемъ приключенiй, вожакомъ на пирахъ, покупщикомъ земель, подгоняющимъ своего наряднаго коня отъ дому къ дома, ведущимъ по своимъ слѣдамъ свору собакъ, подобно господину, и заставляющимъ слугъ услуживать ему на колѣняхъ».

Не къ лучшему измѣнились и сами корпорацiи; французскiе короли всѣми мѣрами старались покровительствовать имъ, но мы видѣли характеръ правительственнаго покровительства Францiи: оно состояло въ раздачѣ ничего не стоящихъ, даже выгодныхъ королямъ, но пагубныхъ для народа привилегiй. Скоро началось ограниченiе числа учениковъ; пошла продажа патентовъ на мастерство, тогда какъ прежде патенты получались только послѣ пребыванiя человѣка въ ученьи и послѣ испытанiя его способностей: стали продаваться права на открытiе лавочекъ и магазиновъ; создались и стали предметомъ продажи и купли десятки служебныхъ мѣстъ—синдиковъ, контролеровъ, инспекторовъ, мѣряльщиковъ, комиссаровъ надъ рабочими. «Одинъ Людовикъ XIV, говоритъ Левассеръ, придумалъ тысячи оригинальныхъ мѣръ для выжиманiя денегъ отъ корпорацiй» [1]). Корпорацiямъ пришлось платиться какъ за правительственныя привилегiи, такъ и за притѣснительныя мѣры. Онѣ могли съ полнымъ правомъ сказать: «Минуй насъ, пуще всѣхъ печалей, и барскiй гнѣвъ, и барская любовь!» Чтобы имѣть возможность платить, нужно было увеличить доходы, то-есть наложить большую плату на учениковъ, возвысить цѣну товаровъ и, такимъ образомъ, обрушить всю тяжесть новаго порядка дѣлъ на народъ. Управленiе корпорацiй состояло уже не просто изъ однихъ мастеровъ, но только изъ «главныхъ мастеровъ». Самое число мастеровъ ограничилось: такъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ въ Парижѣ могло быть только 300. Никто не могъ открыть мастерскую, за исключенiемъ ихъ, такъ какъ явилась боязнь передъ конкурентами. За этимъ ограниченiемъ неизбѣжно должна была послѣдовать большая трудность попасть изъ учениковъ въ мастера: записаться въ ученье,

---

1) *Levasseur.* His. des cl. ouvr., t. I. pp. 43—63.

пробыть восемь лѣтъ въ ученьи, потомъ въ подмастерьяхъ, представить работу, достойную званія мастера,—все это обходилось ученику, не считая постороннихъ расходовъ, по меньшей мѣрѣ въ двѣ тысячи ливровъ. Прибавьте къ этому, что простые ученики встрѣчали непобѣдимую конкуренцію со стороны сыновей мастеровъ, освобожденныхъ по статутамъ отъ ученья, и вы поймете, каково было добраться до званія мастера.

Къ концу XVIII вѣка полуразоренныя правительствомъ корпораціи дошли до крайней степени деспотизма въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и раздѣлились на враждебныя и тѣснившія другъ друга группы. Подмастерья, изъ личныхъ видовъ, вполнѣ соглашались съ мастерами насчетъ ограниченія числа учениковъ; мастера, для огражденія своихъ частныхъ интересовъ, соглашались между собою насчетъ непозволенія подмастерьямъ работать для своихъ выгодъ; старшины соглашались насчетъ невозможности общей для всѣхъ мастеровъ подачи голосовъ; наконецъ, ученики, подмастерья, мастера и старшины соглашались насчетъ запрещенія всякой другой корпораціи производить какую бы то ни было работу, которая подходитъ къ характеру издѣлій ихъ собственной корпораціи, и противодѣйствовали возникновенію и составленію всякихъ другихъ ассоціацій внутри ихъ общины. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла свобода личности и самая личность подавлялись корпоративнымъ деспотизмомъ. Никто не заботился объ усовершенствованіи производства, никто не думалъ объ удешевленіи произведеній, нигдѣ не являлось изобрѣтателей, отъ всѣхъ далека была мысль о распространеніи отрасли своихъ занятій и увеличеніи числа товарищей. Принадлежавшіе къ корпораціямъ люди держались за нихъ и ревниво отстраняли отъ себя новобранцевъ. И съ полнымъ правомъ, не краснѣя, писали корпораціи противъ реформъ Тюрго, что «за исключеніемъ нѣсколькихъ бродягъ, не только всѣ мастера и купцы, но и всѣ, которые надѣются сдѣлаться таковыми. отвергаютъ новыя идеи, какъ для себя, такъ и для своихъ дѣтей, и всѣ говорятъ, что имъ милѣе всего неизмѣнное, старое «statu quo». Это сознаніе было со стороны корпорацій произнесеніемъ своего смертнаго приговора.

III.

Однѣ крайности всегда вызываютъ другія крайности, противоположныя первымъ. До XVIII вѣка была безусловная

опека правительства надъ обществомъ, дворянъ надъ народомъ, мастеровъ надъ учениками. Измученные ею люди не могли хладнокровно разсмотрѣть, была ли эта опека дѣйствительнымъ покровительствомъ или только средствомъ высасывать возможно бо́льшее количество денегъ изъ опекаемыхъ лицъ, доводившихся опекою до нищенства. Ожесточенные существовавшимъ порядкомъ дѣлъ, эти люди стали требовать полнѣйшаго невмѣшательства правительства въ дѣла частныхъ лицъ и полнѣйшаго уничтоженія привилегій: сословныхъ, корпоративныхъ и всякихъ другихъ. Фраза Гурнэ: «laissez faire, laissez passer» произнеслась, возбудила восторгъ и никто не понималъ, что она можетъ быть переведена словами: «laissez faire, laissez mourir». Ее признавали какъ поклонники Гурнэ, т.-е. люди, видѣвшіе все спасеніе въ промышленности, такъ и поклонники Кенэ, физіократы, признававшіе важность только за земледѣліемъ. Всѣ стѣснительныя привилегіи, патенты, монополіи, пошлины, установленія мѣры, цѣны и вѣса должны были уничтожиться, личность не должна была быть стѣсняема въ своей дѣятельности. Свобода, индивидуализмъ и конкуренція должны были стать на мѣсто старыхъ принциповъ. Главные изъ знаменитыхъ французскихъ мыслителей XVIII вѣка, и преимущественно первой его половины, работали въ этомъ направленіи. Эти же идеи нашли примѣненіе на практикѣ, когда вспыхнула первая французская революція.

Во вторникъ, 4-го августа 1789 г., депутатами Національнаго Собранія, было, между прочимъ, рѣшено: «Уничтоженіе крѣпостного состоянія и неотъемлемыхъ имуществъ, подъ какимъ бы видомъ они ни появлялись; уничтоженіе судебной расправы господъ; уничтоженіе всѣхъ привилегій и денежныхъ льготъ; уравненіе налоговъ, каковы бы они ни были, начиная съ 1789 года, въ размѣрѣ, который опредѣлится провинціальными собраніями; допущеніе всѣхъ гражданъ ко всѣмъ военнымъ и гражданскимъ должностямъ; реформы купеческихъ цеховъ».

Naec nox est!»—восклицаетъ съ энтузіазмомъ одинъ молодой публицистъ того времени [1]), возвѣщая читателемъ эту великую новость,—«эта ночь уничтожила цехи и исключительныя привилегіи. Кто хочетъ, тотъ и торгуй въ Индіи. Кто можетъ, тотъ и открывай лавку. Мастеръ-портной, мастеръ-сапожникъ, мастеръ-парикмахеръ восплачутъ но бу-

[1]) Камиль Демулэ.

дутъ радоваться ученики и праздничные огни зажгутся въ лачугахъ. О, ночь, гибельная для всѣхъ барышниковъ! О, чудная ночь! О, vere beata nox, счастливая для торговца, которому обезпечена свобода торговли, счастливая для ремесленника, котораго трудъ сталъ свободенъ!»

На слѣдующій недѣлѣ, 11-го августа 1789 года, Собраніе издало новый декретъ, которымъ торжественно объявило полное уничтоженіе феодальнаго порядка, допущеніе всѣхъ гражданъ ко всѣмъ занятіямъ и провозгласило Людовика XVI *«возстановителемъ французской свободы»*. Тщетно Людовикъ, въ интимномъ письмѣ къ одному изъ архіепископовъ, говорилъ, что онъ не согласится на эти жертвы, не согласится ограбить духовенство и дворянство: онъ согласился, предчувствуя, что отказъ вызоветъ грозу въ средѣ народныхъ депутатовъ.

Черезъ нѣсколько времени Собранію были предложены вопросы: «1) Рабочія корпораціи будутъ ли уничтожены, т. е. будетъ ли право работать общимъ правомъ? 2) Будутъ ли инспектора и регламенты, т. е. останется ли промышленность подъ опекою государства? 3) Сохранятся ли королевскія мануфактуры и привилегіи, данныя нѣкоторымъ фабрикантамъ? 4) На какомъ основаніи устроятся торговыя сношенія съ иностранцами?» Отвѣчать на эти вопросы, послѣ 4-го августа, было почти не нужно, и слова депутата Делларда: «промышленность есть душа торговли; душа промышленности—свобода», можно было предчувствовать впередъ.

Итакъ, рабочія и купеческія корпораціи, какъ и всѣ другія феодальныя учрежденія, пережившія до корня, превратились въ прахъ и исчезли съ лица земли и, кажется, никто не предвидѣлъ, что въ эти памятные дни посѣялось сѣмя новыхъ страданій для цѣлой массы человѣчества, что эти постановленія революціи носили зародышъ другой, не менѣе страшной, но болѣе продолжительной борьбы, однимъ словомъ, что въ это время возникалъ, такъ-называемый «рабочій вопросъ». Голодному человѣку было впервые сказано «Ты свободенъ!»—и не мудрено, если онъ не сразу понялъ настоящій смыслъ этихъ двухъ словъ и на время увлекся ими.

II.

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

1789—1799.

I.

Въ день, рѣшившій паденіе корпорацій, въ Парижѣ, по словамъ очевидцевъ, проявлялись страшныя и шумныя изъявленія восторга. Работники покидали толпами своихъ хозяевъ и мастеровъ [1]). Они бѣгали по городу, растерявшись отъ радости. Нѣкоторые тріумфально катались въ коляскахъ, въ то время, какъ бо́льшая часть изъ нихъ, наполнивъ залы, справляла веселый пиръ во славу эмансипаціи и хоромъ повторяла столь сладко ей дорогое въ ту пору слово: «свобода!». Но мало-по-малу восторгъ долженъ былъ утихнуть подъ ударами страшной дѣйствительности: у народа не было ни хлѣба, ни работы.

Революція и всякіе другіе крутые перевороты въ общественной жизни на первыхъ порахъ всегда гибельно дѣйствуютъ на трудъ: они, возбуждая страхъ общества передъ новымъ положеніемъ, изгоняютъ капиталы изъ оборотовъ, уменьшаютъ потребленіе и парализуютъ торговлю.

Революція 1789 года должна была вызвать эти же явленія и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ, такъ какъ она привела въ движеніе общество, уже ослабленное торговымъ кризисомъ и двухгодичнымъ голодомъ. Хлѣба было вездѣ мало, и онъ былъ очень дорогъ; голодный народъ возмущался противъ хлѣбныхъ торговцевъ, грабилъ возы съ мукой, бунтовалъ противъ тѣхъ, кто пробовалъ вывозить хлѣбныя зерна изъ одного города въ другой, и часто приходилось употреблять военную силу противъ этой отощавшей и измученной толпы. При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, начались въ обществѣ сокращенія расходовъ на всѣ другія второстепенныя жизненныя потребности, что отозвалось на фабрикахъ. Еще гибельнѣе, чѣмъ это стремленіе къ экономіи, было для фабричнаго дѣла пораженіе привыкшихъ къ мотовству и роскоши старыхъ дворянъ, духовныхъ лицъ и высшихъ чиновниковъ; эти люди вызвали своими безпутными прихотями

---

[1]) *Louis Blanc.* Histoire de la révolution. t. I. p. 572.

цѣлыя отрасли мануфактурнаго и фабричнаго производства, отрасли, въ которыхъ никогда не нуждался народъ, а теперь не нуждались и сами богатые классы общества. Эти отрасли должны были исчезнуть на время и, такимъ образомъ, оставить безъ дѣла цѣлую массу рабочихъ, занимавшихся производствомъ предметовъ роскоши. Прибавьте ко всему этому стремленіе членовъ общества скопить копейку на черный день, имѣя въ виду непрочность своего положенія, шатаемаго революціей, и вы поймете, каковъ былъ застой на фабрикахъ. Рабочіе оставались безъ дѣла на рукахъ муниципальныхъ властей, на которыхъ и безъ того тяжелымъ бременемъ лежала обязанность кормить своихъ нищихъ и забота о доставленіи достаточнаго количества продовольствія для столицы, куда, по случаю засѣданій Національнаго Собранія, стеклось множество народа.

Среди этого страшнаго бѣдствія, въ Парижѣ стали носиться темные и ложные слухи, будто вся бѣда происходитъ вслѣдствіе тайныхъ сдѣлокъ барышниковъ и интригъ аристократовъ. Легковѣрная толпа, брошенная обществомъ безъ всякаго образованія, не могла не вѣрить этимъ слухамъ. Уже національной гвардіи не разъ приходилось браться за оружіе для предупрежденія мятежа; наконецъ, 20-го октября 1789 года, толпа женщинъ бросилась къ булочнику Франсуа съ требованіемъ хлѣба [1]). Этотъ булочникъ былъ поставщикомъ членовъ Національнаго Собранія. Онъ объявилъ, что онъ испекъ шесть партій хлѣбовъ, но что теперь у него нѣтъ товара и что покупателямъ придется ждать, когда онъ вынетъ седьмую партію изъ печки. Онъ даже впустилъ одну женщину удостовѣриться въ истинѣ его словъ, но она нашла у него три хлѣба, спрятанные для его работниковъ. Овладѣвъ этими хлѣбами, она показала ихъ другимъ женщинамъ, ругая булочника. Начались крики. Стража была разогнана; толпа ворвалась въ булочную; начался обыскъ и было найдено значительное число маленькихъ хлѣбовъ, предназначенныхъ для членовъ Собранія. Булочникъ былъ не виноватъ, но въ глазахъ столько разъ обманутаго народа онъ былъ преступникомъ. «Къ фонарю! къ фонарю!» крикнула толпа и поволокла несчастнаго булочника. Всякая защита была безплодна: къ вечеру булочникъ былъ повѣшенъ на фонарѣ, и его голова носилась на пикѣ по всему Парижу для устрашенія хлѣбопековъ.

---

[1]) *Cabet.* Histoire populaire de la révolution. 1839. t. I. pp. 328—334.

Объ этомъ страшномъ происшествіи тотчасъ же доложили Національному Собранію, и оно сочло нужнымъ издать военный законъ, «loi martiale», о которомъ оно и безъ того уже хлопотало за нѣсколько дней. Въ Шателе, между тѣмъ, Лафайетъ и національная гвардія захватили двухъ какихъ-то бѣдняковъ, на которыхъ донесли, что они убійцы. Во время бурныхъ преній объ этомъ законѣ, Петіонъ сказалъ: «Какъ бы ни были мы озабочены состояніемъ столицы, но мы должны думать и о своемъ положеніи. Насъ приглашаютъ заботиться о продовольствіи Парижа, но всѣ наши средства къ этому ограничиваются изданіемъ необходимыхъ декретовъ. Нашъ комитетъ продовольствія сдѣлался ненужнымъ: наши декреты *не были приведены въ исполненіе*... Дадимъ же понять народу, что о приведеніи въ дѣйствіе указовъ должна заботиться исполнительная власть». На это Віанци замѣтилъ: «Недостаточно устрашать народъ строгими законами, но надо еще успокоить его... Пустыя слова раздражаютъ народъ; *одинъ военный законъ, самъ по себѣ, уже можетъ вызвать возмущеніе*»... «Если мы не проснемся, окончилъ Робеспьеръ, то со свободой будетъ покончено. У васъ просятъ хлѣба и солдатъ,—но для чего? Чтобы отстранить народъ именно въ ту минуту, когда различными происками многіе стараются погубить настоящую революцію. Подстрекатели предвидѣли, что народныя волненія представятъ удобный случай требовать у васъ законовъ для подавленія народа и свободы. Когда народъ умираетъ съ голода, онъ скучивается вмѣстѣ: нужно добраться до причинъ волненій, чтобы успокоить ихъ; нужно принять мѣры для открытія виновниковъ, затушить заговоръ, угрожающій намъ и оставляющій насъ при одной безполезной преданности дѣлу; не должно позволять королевскому прокурору въ Шателе исполнять роль генеральнаго прокурора націи. Выбравъ судей въ своей средѣ, вы должны заниматься разборомъ всѣхъ заговоровъ, всѣхъ козней, направленныхъ противъ національной свободы. Здѣсь епископы издаютъ поджигательныя приказанія, тамъ начальники пограничныхъ провинцій допускаютъ вывозъ хлѣба за границу. Нечего столько толковать о конституціи! Это слово довольно усыпляло насъ. Вспомните, что въ то время, когда хотѣли задушить свободу въ колыбели, намъ не переставали говорить о конституціи». «И что сдѣлаютъ всѣ ваши военные законы, когда голодныя толпы народа крикнутъ: «У хлѣбопековъ нѣтъ хлѣба! Какое чудовище отвѣтитъ на этотъ крикъ ружейнымъ вы-

стрѣломъ?» воскликнулъ Мирабо. Но каковы бы ни были толки въ Собраніи, однако было рѣшено издать слѣдующія постановленія противъ сходокъ и возмущеній: «1) Муниципальные офицеры должны объявить, что военная сила будетъ употребляться; 2) это объявленіе сдѣлаютъ, выставивъ въ главномъ окнѣ ратуши и во всѣхъ улицахъ красное знамя; 3) и 4) вооруженная сила, съ краснымъ знаменемъ впереди, будетъ сопровождаема, по крайней мѣрѣ, однимъ муниципальнымъ офицеромъ; 5) муниципальные офицеры спросятъ у собравшихся людей, какая *причина* заставила ихъ собраться и какую *жалобу* они хотятъ принести; они могутъ отдѣлить изъ своей среды шестерыхъ для изложенія дѣла и подачи просьбы; 6) муниципальный офицеръ обязанъ произнести громко три раза слѣдующее предостереженіе: *сейчасъ будутъ стрѣлять! пусть удалятся мирные граждане!* и т. д.». Вотъ все, что могло выдумать Національное Собраніе для облегченія народныхъ страданій. Обыкновенно замедляющій утвержденіе законовъ, Людовикъ XVI утвердилъ этотъ законъ сейчасъ же и такимъ образомъ это постановленіе было обсуждено, составлено и утверждено въ одинъ день.

Голодъ, разумѣется, не уменьшался. Но были и другія собранія народа, совсѣмъ не имѣвшія того кроваваго характера, какимъ отличалось собраніе черни у булочной Франсуа. На лугу передъ Лувромъ, 18-го августа [1]), впервые собрались портные въ числѣ около трехъ тысячъ, безъ всякаго шума, безъ всякихъ злыхъ умысловъ, и послали депутацію съ просьбой «гарантировать имъ во всякое время года поденную плату въ 40 су и запретить лоскутникамъ шить новыя платья». Черезъ нѣсколько дней, на Елисейскихъ поляхъ собрались парикмахеры для обсужденія касавшихся ихъ вопросовъ; какъ скромно вело себя это собраніе, видно ужъ изъ того, что какой-то офицеръ хотѣлъ напасть на рабочихъ, но былъ обезоруженъ своими собственными солдатами. Затѣмъ сошлось до шестисотъ башмачниковъ; они выбрали комитетъ для наблюденія за интересами ихъ общества, для сбора денегъ ежемѣсячно откладываемыхъ въ пользу тѣхъ изъ ихъ среды, у которыхъ нѣтъ работы, и рѣшили исключить изъ общества того, кто сдѣлаетъ хотя пару сапогъ ниже условленной платы. Таково было первое, еще блѣдное стремленіе рабочихъ къ ассо-

[1]) *Levasseur.* Histoire des classes ouvrières, t. I. pp. 136—137

ціаціи. Среди общаго волненія, среди тайной и явной, незаконной и освященной закономъ рѣзни, эти простые люди могли представить примѣръ, достойный подражанія, даже самому Національному Собранію, бушевавшему противъ короля и оставлявшему въ той же страшной нищетѣ народъ.

II.

Но скоро сходки превратились изъ мирныхъ въ довольно бурныя и приняли характеръ стачекъ и коалицій. Иначе и не могло быть. Рабочіе увидали невозможность позволить кому-нибудь изъ своихъ собратьевъ стоять внѣ ихъ союза, такъ какъ эти отщепенцы, соглашаясь работать за малую плату и подчиняясь всѣмъ старымъ неудобствамъ своего положенія, придавали силу фабрикантамъ, и послѣдніе могли смѣяться надъ требованіями соединившихся рабочихъ. Тутъ должна была повториться всѣмъ знакомая исторія: Петръ говорилъ, что онъ не можетъ работать за такую-то плату и при такихъ-то условіяхъ, а ему спокойно отвѣчали, что это въ его волѣ, что объ этомъ плакать не станутъ, такъ какъ Иванъ соглашается дѣлать то же дѣло за еще меньшую плату. Нужно было отречься отъ своихъ требованій или привлечь въ свой кругъ непонимающаго своихъ выгодъ Ивана, хотя бы насиліемъ, но все-таки привлечь, чтобы не погибло начатое дѣло. Другихъ исходовъ не представлялось. Такимъ образомъ, соединившіеся рабочіе, по необходимости, стали насильно, деспотически, вербовать себѣ союзниковъ и вдругъ увидѣли передъ собою три группы враговъ: правительство, боявшееся сходокъ, буржуазію, видѣвшую свои выгоды въ разъединеніи рабочихъ, и наконецъ, самихъ рабочихъ-отщепенцевъ. Война началась на смерть. Сильнѣе всего стояли за свое дѣло каменщики, плотники и рабочіе типографій и писчебумажныхъ фабрикъ. Рабочіе двухъ послѣднихъ категорій, при сильномъ развитіи прессы, а значитъ и сильномъ спросѣ на бумагу и трудъ наборщиковъ, видѣли, какъ быстро наживаются фабриканты, и сознавали, что именно теперь представляется удобный случай принудить хозяевъ къ уступкамъ.

На просьбу коалицій, составленныхъ плотниками и наборщиками, просившими «увеличить ихъ рабочіе дни и запретить другимъ мастеровымъ работать по меньшей цѣнѣ и безъ ихъ вѣдома», 29 апрѣля 1791 года было издано предувѣдомленіе — *avis*, гдѣ выражалось такое мнѣніе [1]):

[1]) *Cabet.* Hist. pop. de la rév., t. II, pp. 227—234.

«Всѣ граждане равны въ правахъ, но они не равны и не будутъ равными въ способностяхъ, талантахъ и средствахъ. Потому невозможно, чтобы они льстили себя надеждой на равные барыши. Законъ, опредѣляющій таксу платы за трудъ и уничтожающій надежду одного заработать больше другого, былъ бы несправедливъ. Такимъ образомъ, коалиція работниковъ, стремящихся уравнять рабочую плату и заставить всѣхъ собратьевъ по ремеслу подчиниться этому постановленію, была бы противна интересамъ самихъ рабочихъ... Сверхъ того, она была бы насиліемъ надъ закономъ, уничтоженіемъ общественнаго порядка, покушеніемъ на общіе интересы и средствомъ довести неизбѣжнымъ прекращеніемъ работъ до нищеты даже тѣхъ, кто устроилъ коалицію; она была бы настоящимъ преступленіемъ. Итакъ, муниципальная власть приглашаетъ всѣхъ рабочихъ не противорѣчить тѣмъ доказательствамъ ихъ патріотизма, которыя уже были сдѣланы ими, и не доводить эту власть до необходимости употребить противъ нихъ средства насилія, находящіяся у нея въ распоряженіи для сохраненія общественнаго порядка». Всѣ подобныя разсужденія, обыкновенно, не ведутъ ни къ чему. Нужда свирѣпствовала, попрежнему, и послѣ этого воззванія къ патріотизму бѣдняковъ и приглашенія успокоиться, сдѣланнаго муниципальною властью. Предостереженіе осталось безъ всякаго вліянія на ходъ дѣлъ. Пришлось издать «рѣшеніе»—un arrêté [1]; въ немъ уже твердо объявлялось, что неконституціонныя и необязательныя постановленія рабочихъ признаются за неимѣющія никакого значенія (nuls); что запрещается рабочимъ впредь дѣлать подобныя постановленія; что рабочая плата должна назначаться по свободному соглашенію между ними и тѣми, кто ихъ нанимаетъ, и такъ какъ силы и способности, по необходимости, различны, то и не можетъ быть назначено никакой таксы на трудъ». Кромѣ того, отдается приказъ арестовать ослушниковъ. Тюрьмы стали наполняться голодными и раздраженными рабочими. Коаліціи между тѣмъ все продолжались. На другой же день, послѣ изданія этого рѣшенія, рабочіе моста Людовика XVI и плотники отправили новую депутацію въ ратушу. Получился новый отказъ мэра и, сверхъ того, власти обратились къ Собранію съ просьбой дать имъ въ руки законное оружіе для подавленія упорной толпы.

---

[1]) *Levasseur*. Hist. des clas. ouvr., t. I, pp. 138—143.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ тоже говорили, «что ни мэръ, ни кто другой не имѣетъ права опредѣлять норму заработной платы противъ воли тѣхъ, кто ее выдаетъ: все дѣло сводится на тотъ простой принципъ, что было бы тиранiей, если бы между работникомъ и нанимателемъ вмѣшивалось третье лицо и противъ воли условливающихся сторонъ предписывало имъ законы». Разсуждавшіе такимъ образомъ люди не замѣчали или не хотѣли замѣтить, что власть вмѣшивается въ сдѣлки продавцовъ и покупателей, назначая таксу на хлѣбъ, на говядину и т. п. Они не хотѣли замѣтить, что законы, управляющіе государствомъ, распоряжаются всѣмъ,—свободою, работою, запрещая или позволяя ее, деньгами, взимаемыми въ видѣ налоговъ, собственностью, которая берется у собственниковъ для общественной пользы, наконецъ даже жизнью гражданъ, если она нужна обществу во время его борьбы съ непріятелемъ или если она приноситъ вредъ обществу, какъ напр. жизнь разбойника. Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, противники рабочихъ хотѣли только поскорѣе подавить бушевавшую толпу.

Эта толпа уже видѣла собиравшуюся грозу и не знала, къ кому прибѣгнуть подъ защиту, кому принести жалобу. Въ это время одинъ человѣкъ, игравшій потомъ такую страшную роль въ революціи, стоялъ ближе всѣхъ другихъ революціонныхъ дѣятелей къ народу. Это былъ Маратъ. Бѣднякъ, знающій докторъ, написавшій десятки довольно замѣтныхъ изслѣдованій, онъ постоянно былъ, въ одно и то же время, и дѣйствующимъ лицомъ, и зрителемъ народныхъ страданій и пришелъ къ убѣжденію, что трудъ, при существовавшемъ порядкѣ дѣлъ, вѣчно будетъ сопровождаться нищетою и всевозможными паденіями. Постоянное озлобленіе, пробужденное и поддерживаемое дѣйствительными страданіями, сдѣлалось его нормальнымъ настроеніемъ, перешло въ idée fixe и иногда доходило до аффектаціи, до стремленія постоянно выставлять напоказъ и бередить нанесенныя старымъ порядкомъ раны. Всѣ люди, вышедшіе не изъ народной массы, не изъ подвала, казались ему подозрительными, такъ какъ онъ постоянно видѣлъ въ жизни обманы и сознавалъ, что только тотъ умѣетъ понимать страданье и серьезно бороться для облегченія мукъ, кто самъ прошелъ тяжелую школу этихъ нравственныхъ и физическихъ пытокъ. Члены собранія принадлежали, по большей части, къ благороднымъ сословіямъ, и потому Маратъ былъ вѣчно на стражѣ со своими угрожающими подозрѣ-

піями: «Чтеніе такого-то проекта,—писалъ онъ въ своемъ журналѣ «Другъ народа»:—вызвало живыя рукоплесканія въ собраніи, — значитъ еще однимъ основаніемъ больше не терять изъ виду докладчика». И народъ понималъ, что Маратъ чуетъ уже въ этомъ докладчикѣ тайнаго врага—аристократа. Во время борьбы противъ Неккера Маратъ писалъ: «Какъ! Для поддержанія кредита капиталистовъ, пенсіонеровъ принца, ненужныхъ посланниковъ, опасныхъ правителей и полководцевъ, развратныхъ любовницъ, барышниковъ, лѣнивыхъ и невѣжественныхъ академиковъ, софистовъ, скомороховъ, гаеровъ, шутовъ, неспособныхъ ex-министровъ, отставныхъ полицейскихъ, шпіоновъ и этой блестящей ватаги разныхъ креатуръ, составляющихъ звенья въ цѣпи несправедливостей, для всего этого должны отдавать послѣднія жалкія лохмотья бѣдные мастеровые, бѣдные работники, бѣдные поденщики, никогда ничего не выигрывающіе ни на министерскихъ торжищахъ, ни въ революціонныхъ волненіяхъ!» Такія рѣчи, сказанныя въ это время полнѣйшаго возбужденія страстей, не могли не привлечь къ писателю раздраженную толпу. Каково было значеніе этого мрачнаго глашатая народной скорби въ глазахъ массы, видно уже изъ извѣстнаго восклицанія одной женщины: «Мой мужъ солдатъ; если онъ арестуетъ Марата, — я раздроблю ему голову!» Во время коалиціи рабочихъ, Маратъ предлагалъ средства къ улучшенію ихъ положенія; онъ совѣтовалъ «во-первыхъ, правильно устроить выучку мастеровыхъ; во-вторыхъ, назначить честную рабочую плату, чтобы никто не могъ впасть въ нищету иначе, какъ по своей ошибкѣ; въ-третьихъ, подталкивать рабочихъ къ хорошему поведенію тѣмъ, что давать, черезъ три года, средства устроиться на свой счетъ всѣмъ, кто отличится умѣньемъ и порядочнымъ поведеньемъ; устроить это можно изъ сбереженій, которыя будутъ вноситься, въ теченіе десяти лѣтъ, въ общественную кассу безсемейными рабочими» и т. д. Кромѣ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, Маратъ представилъ планъ возможности поддержать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, 10,000 голодныхъ. «Краснѣешь отъ стыда и содрогаешься отъ скорби,—писалъ онъ съ обычною своею грубою рѣзкостью:—видя классъ столь полезныхъ несчастливцевъ, брошенныхъ въ жертву горсти мошенниковъ, жирѣющихъ отъ ихъ пота и варварски ворующихъ жалкіе плоды ихъ работъ. Такого рода злоупотребленія должны бы обратить на себя вниманіе Національнаго Собранія и занять нѣко-

торые изъ его часовъ, посвященныхъ иногда столькимъ безплоднымъ словопреніямъ и смѣшнымъ препираніямъ». Къ этому-то, страшному для общественнаго спокойствія, человѣку обратилось 340 рабочихъ церкви св. Женевьевы; онъ не могъ ничего сдѣлать, кромѣ какъ бороться за нихъ перомъ. Они это сознавали, но, все-таки, рѣшились излить накипѣвшее на сердцѣ горе. Мы выпишемъ изъ ихъ письма нѣкоторыя строки, чтобы дать понять читателю, до чего были доведены эти люди и какъ сильно было ихъ раздраженіе. Они писали «Другу народа».

«Дорогой пророкъ, истинный защитникъ класса бѣдняковъ, позвольте работникамъ открыть вамъ всѣ злоупотребленія и подлости, которыя затѣваютъ наши хозяева,—каменщики,—чтобы, доведя насъ до отчаянія, довести до возстанія. Эти низкіе люди, пожирающіе въ бездѣйствіи облитый потомъ плодъ нашихъ трудовъ и не принесшіе ни разу никакой услуги націи, прятались въ подземельяхъ 12, 13 и 14 іюля [1]). Когда они увидали, что классъ несчастныхъ одинъ сдѣлалъ революцію, тогда они вышли изъ своихъ засадъ, чтобы поступить съ нами, какъ съ разбойниками; потомъ, когда они видѣли, что опасность прошла, они стали интриговать въ округахъ, для захвата должностей; они надѣли мундиры и эполеты. Въ настоящее время, считая себя сильными, они хотѣли бы согнуть насъ подъ еще болѣе суровое ярмо; они давятъ насъ безъ сожалѣнія и безъ угрызеній совѣсти».

Далѣе работники указываютъ на десятерыхъ каменщиковъ, начавшихъ жизнь поденщиками, и объясняютъ, какъ они нажили состояніе въ 100.000 ливровъ годового дохода.

«Вотъ они, продолжаетъ письмо, наши вампиры и ихъ скандалезныя богатства! Но повѣрите ли вы, что, осыпанные богатствами, они остаются непомѣрно жадными и стараются уменьшить наши поденные заработки, сводящіеся на 48 су, опредѣленные намъ администраціей. Они не хотятъ знать, что мы заняты только шесть мѣсяцевъ въ году, что сводитъ нашъ поденный заработокъ на 24 су. И на эту-то скудную плату мы должны нанимать жилище, одѣваться, кормиться и содержать семейство, если у насъ есть жены и дѣти. Такъ, истощивъ свои силы на службѣ государству, претерпѣвъ несправедливости старшихъ, изнурившись отъ

[1]) Въ эти дни, въ 1789 г., вышелъ на сцену Камиллъ Демулэнъ, былъ отставленъ Неккеръ, пролилась первая кровь народа и была взята народомъ Бастилія.

голода и усилій, мы часто не имѣемъ никакого другого исхода, какъ идти кончать свою жизнь въ Бисетръ (въ тюрьму); между тѣмъ наши вампиры живутъ въ роскошныхъ домахъ, пьютъ лучшія вина, спятъ на пуху, катаются въ экипажахъ и забываютъ, среди излишествъ и удовольствій, наши несчастья, часто отказываясь выдать жалованье за начало рабочаго дня семейству работника, раненаго или убитаго до полудня!...»

Это очень рѣзкое письмо, написанное притомъ къ такому человѣку, какъ Маратъ, испугало Національное Собраніе и заставило его поторопиться изданіемъ закона, котораго требовали муниципальныя власти, фабриканты и работники, отдѣлившіеся отъ заговорщиковъ.

Основою новаго закона послужилъ проектъ Шапелье. «Сходки рабочихъ, говорилъ докладчикъ, возрождаютъ корпораціи, уничтоженныя конституціей... Конечно, всѣмъ гражданамъ позволено собираться, но нельзя позволить гражданамъ извѣстныхъ профессій собираться для обсужденія ихъ мнимыхъ (sic) общихъ интересовъ. Въ государствѣ нѣтъ болѣе корпорацій и нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ частныхъ интересовъ отдѣльной личности и интересовъ общихъ всему государству. Рабочіе говорятъ, что они соединяются для поддержанія своихъ больныхъ и оставшихся безъ работы собратьевъ, но это дѣло націи,—доставлять работу и помощь слабымъ... Итакъ, надо возвратиться къ принципу свободнаго соглашенія личности съ личностью, при опредѣленіи платы каждаго изъ рабочихъ»...

Далѣе Шапелье говоритъ о свободѣ личности и замѣчаетъ: «Я не стану входить въ разсмотрѣніе вопроса, каковъ долженъ быть нормальный заработокъ *(а именно это-то и было нужно)*, но я сознаюсь, что онъ долженъ бы быть значительнѣе, чѣмъ теперь; потому значительнѣе, что въ свободной націи заработки должны быть настолько велики, чтобы каждый, получающій ихъ, стоялъ внѣ безусловной зависимости, которую создаютъ лишенія первыхъ жизненныхъ потребностей и которая есть зависимость голода...» Вотъ именно этого-то рабства, созданнаго свободою безпомощности слабой личности и свободою разнузданности сильной личности, и боялись рабочіе. Шапелье тоже признавалъ возможность рабства голода; Собраніе соглашалось съ нимъ, но тѣмъ не менѣе былъ изданъ декретъ, которымъ, во имя «Объявленія правъ» (Déclaration des droits de l'homme), запрещались не только разсужденія, но и всякія соглашенія, касающіяся опредѣленія

заработной платы, часовъ работы и отдыха, — однимъ словомъ, всего того, изъ-за чего хлопотали рабочіе. Такимъ образомъ, если бы эти бѣдняки согласились скорѣе умереть съ голода, чѣмъ позволить эксплоатировать себя, то и это, совершенно свободное, единогласное рѣшеніе сочлось бы несостоятельнымъ во имя свободы личности! Въ Парижѣ былъ страшный ропотъ. Но войско стояло наготовѣ разбить толпу мятежниковъ.

III.

Изъ рѣчи Шапелье мы видѣли, что, не признавая правъ рабочихъ на ассоціаціи, разгоняя выстрѣлами мирныя сходки, считая дѣломъ личнаго соглашенія между рабочимъ и хозяиномъ всякое опредѣленіе платы, Національное Собраніе оставляло исключительно за націею право помогать больнымъ и доставлять работу тѣмъ, у кого ея не было. Потому необходимо будетъ взглянуть, что сдѣлала нація для этихъ несчастныхъ тружениковъ.

Первое спасеніе рабочихъ отъ нищеты и голода она нашла въ устройствѣ «національныхъ мастерскихъ».

Съ національными мастерскими у насъ обыкновенно связывается воспоминаніе о 1848 годѣ и Луи Бланѣ, но мастерскія, которыхъ потомъ требовалъ онъ, далеко отличались отъ тѣхъ, къ которымъ привыкла Франція и которыя имѣли благотворительный характеръ. Первыя подобныя мастерскія— les ateliers de charité—мы встрѣчаемъ въ 1545 году [1]), когда одинъ указъ повелѣвалъ употреблять на общественныя работы здоровыхъ нищихъ; указы: 13 апрѣля 1685 года, 10 февраля 1699 года, 6 августа 1709 года, организуютъ правильную полицію этихъ мастерскихъ. Людовикъ XVI указами отъ 11 мая 1786 года и декабря 1788 года распространилъ этотъ родъ помощи на все королевство и открылъ, на время безработицы, въ каждой провинціи подобныя публичныя работы, поддерживая ихъ разными льготами. Въ 1790 году, начало общественныхъ волненій заставило прекратить занятія на многихъ частныхъ фабрикахъ и оставило громадное число рабочихъ безъ дѣла. Боясь нищенства, грабежей и возмущеній, почти всѣ члены Національнаго Собранія потребовали открытія новыхъ публичныхъ мастерскихъ. Онѣ были устроены въ обширныхъ размѣрахъ въ окрестностяхъ столицы; здѣсь всѣмъ безъ разбора мужчинамъ

[1]) *Dictionnaire de l'économie politique*, 1853, t. I, p. 102, ateliers nationaux.

назначались земляныя работы, а всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ—прядильныя. Кромѣ того, на каждый департаментъ отпускалось по 30,000 франковъ для доставленія занятій лицамъ по плану, принятому въ столицѣ. Каждая мастерская состояла изъ двухъ отдѣленій, каждое во сто человѣкъ, подъ управленіемъ старшины и двухъ его помощниковъ; плата производилась по субботамъ, въ присутствіи контролера, который повѣрялъ—снабжены ли работники необходимыми инструментами. Плата равнялась 20 су (25 к.) въ день.

Легко сразу понять, что все это предпріятіе было если не низкимъ обманомъ, то одною сплошною ошибкою, и потому должно погибнуть. Въ начатыхъ работахъ не чувствовалось никакой другой потребности, кромѣ отвлеченія отъ бездѣлья бродящихъ силъ; эти работы были переливаньемъ воды изъ пустого въ порожнее; это, вслѣдъ за правительствомъ, сознавали какъ сами рабочіе, такъ и администраторы мастерскихъ. При такомъ сознаніи рабочіе развращались, правительство разорялось, и самыя мастерскія гнили со дня своего появленія на свѣтъ. Всѣ, сознавая безплодность своихъ занятій, старались ничего не дѣлать и получать плату за бездѣлье, то-есть жить на содержаньи; сверхъ того, бо́льшая часть рабочихъ просто чувствовала, что, при всѣхъ усиліяхъ, она не способна къ этому труду, такъ какъ портному или парикмахеру трудно было вдругъ превратиться въ землекопа, а модисткѣ—въ пряху. Суммы въ тридцать тысячъ, отпускаемыя въ каждый департаментъ, тоже были очень ничтожны для устройства не только порядочныхъ, но и какихъ бы то ни было мастерскихъ. Но каково бы ни было положеніе этого учрежденія, а народъ все-таки видѣлъ въ немъ возможность добыть хоть по 20 су въ день. Эта плата не могла накормить до-сыта работника; но отчасти спасала его отъ голодной смерти, и притомъ спасала, почти не требуя его труда, а потому въ мастерскія съ каждымъ днемъ прибывало все болѣе и болѣе народа. Не только столичные работники, оставшіеся безъ дѣла, но и провинціальные мастеровые стремились въ парижскія мастерскія. Къ 16 іюня 1791 года цифра рабочихъ дошла до 19,000 чел., по словамъ Ла-Рошфуко, а по другимъ свѣдѣніямъ до 28,000 чел. Удовлетворять всѣхъ рабочихъ не было никакой возможности, а они уже привыкли къ полученію обычнаго вознагражденія за пересыпанье песку и требовали назначенной правительствомъ платы за бездѣлье.

Дѣло становилось опаснымъ, начался мятежъ. Лафайетъ, во главѣ національной гвардіи, разогналъ бунтовщиковъ и возстановилъ спокойствіе [1]). А между тѣмъ, правительство, въ одинъ 1790 годъ, успѣло истратить на свое предпріятіе 15.000,000. Самъ мэръ Парижа требовалъ или закрытія мастерскихъ, или болѣе осмысленной организаціи работъ. Чтобы отвлечь наплывъ бѣдняковъ въ столицу, правительство выдало департаментамъ 2.600.000 ливровъ на мастерскія. Но и это не помогло. Въ Собраніи уже слышались негодующіе голоса, говорившіе, что «мастерскія созданы для поддержанія революціи въ Парижѣ...» Нужно было распустить рабочихъ: ихъ разослали по округамъ, отмѣнили выдачу денегъ, продали инструменты, назначили тяжелыя наказанія за неповиновеніе и сходки.

Такъ окончилась единственная практическая попытка революціоннаго правительства помочь работникамъ, доставивъ имъ занятія. Она, какъ нарочно, была устроена самымъ нелѣпымъ образомъ. Послѣ полнѣйшей неудачи на этомъ пути, революціонное правительство принялось за теоретическія разсужденія о рабочемъ вопросѣ и за составленіе различныхъ проектовъ. Эти разсужденія были иногда удивительно гуманны, проекты широко и великолѣпно задуманы; но по недостатку средствъ, по быстрой смѣнѣ однѣхъ партій другими и по множеству другихъ обстоятельствъ, почти всѣ эти великія стремленія были—слова, слова и слова. Но въ этихъ словахъ таились зародыши тѣхъ идеаловъ, къ которымъ стремились послѣ многія партіи, занятыя разрѣшеніемъ вопроса о пролетаріяхъ, о поденщикахъ,—потому-то въ очеркахъ исторіи рабочаго сословія во Франціи мы не можемъ пропустить этого періода теоретическихъ разсужденій о благѣ угнетеннаго класса людей, хотя послѣднимъ и не становилось легче послѣ составленія разныхъ неосуществимыхъ плановъ.

IV.

Начнемъ съ описанія занятій и проекта нищенскаго комитета, гдѣ главнымъ членомъ былъ Ла-Рошфуко, извѣстный уже до революціи устройствомъ хорошей частной школы въ Ліанкурѣ.

У всѣхъ членовъ Національнаго Собранія были въ памяти и слова Монтескье, что «государство обязано доставлять

[1]) *Levasseur.* Hist. des clas. ouvr., t. I, pp. 149—150.

каждому гражданину обезпеченное существованіе», и изреченіе Руссо, что «когда бѣдные допустили существованіе богатыхъ, то богатые обязались кормить всѣхъ тѣхъ, кому нечѣмъ жить». Эти же мысли высказались и въ докладѣ Ла-Рошфуко-Ліанкура объ уничтоженіи нищенства. «Гдѣ существуетъ классъ людей безъ средствъ къ существованію, говорилъ онъ, тамъ существуетъ нарушеніе правъ человѣчества, тамъ порвано соціальное равновѣсіе». Прежде чѣмъ придти къ какому-нибудь заключенію, первый нищенскій комитетъ посѣтилъ госпитали и пріюты [1]). Вездѣ нашлись заскорузлыя злоупотребленія; рутина парализовала всѣ честныя стремленія; большія суммы плохо употреблялись въ дѣло; больные лежали въ зараженной атмосферѣ, въ «смрадныхъ клоакахъ»; дѣти воспитывались въ тунеядствѣ; благотворительность являлась тираномъ и палачомъ взятыхъ ею на свое воспитаніе людей. «Такъ пожираетъ Сальпетріеръ,— писалъ докладчикъ:—цѣлыя поколѣнія, на воспитаніе которыхъ это заведеніе собираетъ огромныя суммы».—«Каждый шагъ, сдѣланный въ госпиталяхъ,—говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—убѣждаетъ все болѣе и болѣе, что это притоны предразсудковъ, которые сохраняются здѣсь еще долгіе годы послѣ того, какъ они исчезли во всемъ остальномъ мірѣ». Въ виду этого зла Ла-Рошфуко предложилъ государству собрать въ свои руки всѣ имѣющіяся для помощи бѣдняковъ суммы и разсылать ихъ соразмѣрно съ требованіями муниципальныхъ совѣтовъ. На поддержку бѣдняковъ, онъ предполагалъ достаточнымъ 50 милліоновъ,— сумма эта равнялась доходамъ благотворительныхъ заведеній, существовавшихъ въ 1789 г. 40.000.000 должны были идти на обыкновенныя пособія, 5.000.000 на устройство вспомогательныхъ мастерскихъ, остальные 5,000.000 должны были оставаться въ запасѣ на непредвидѣнные расходы. Чтобы мѣстныя муниципальныя власти не преувеличивали нуждъ своего округа, онѣ обязаны были вносить изъ своихъ средствъ четвертую часть требуемой суммы для вспомогательныхъ мастерскихъ; чтобы благотворители не охладѣли къ пожертвованіямъ, поступающимъ въ общую казну, имъ позволялось опредѣлять на пятьдесятъ лѣтъ ту цѣль, на которую должны идти ихъ деньги. Во всякомъ департаментѣ и округѣ долженствовалъ находиться наблюдательный комитетъ изъ четырехъ лицъ, выбранныхъ ихъ согражданами. Шесть комиссаровъ отъ пра-

---

[1]) *Ibid.*, pp. 152—162.

вительства имѣли бы обязанностью смотрѣть за законностью распредѣленія суммъ и хорошимъ управленіемъ ими. Помощи раздѣлялись на обыкновенныя и чрезвычайныя. Къ первымъ относились: уходъ за больными, дѣтьми, стариками и страдающими физическими недостатками. По возможности, всѣ эти лица не должны быть оторваны отъ благотворно вліяющей семьи. Лѣкарство, доктора, бабки должны быть даровые. Кромѣ того для неимѣющихъ семьи въ каждомъ городѣ назначаются госпитали. Дѣтей отдавать въ семейства за умѣренную плату, по 90 ливровъ въ первый годъ, по 40—въ слѣдующіе года, до четырнадцати лѣтъ; кромѣ того, откладывать на нихъ небольшой капиталъ и давать имъ образованіе. Пріюты будутъ существовать только для дѣтей, не имѣющихъ родни и знакомыхъ, и для стариковъ свыше семидесяти лѣтъ. Но и послѣдніе могутъ требовать пенсіи и удаляться на житье въ чужую семью. Сыновья обязаны кормить и содержать отцовъ. Если они бѣдны,—имъ выдается на это помощь. Бѣдность часто бываетъ слѣдствіемъ простого неимѣнья работы, потому, не раздавая ни денегъ, ни хлѣба здоровымъ людямъ, не превращая нищенства въ профессію, комитетъ откроетъ на эту зиму окружныя мастерскія, гдѣ производились бы полезныя работы и выдавалась бы плата, немного меньшая, чѣмъ въ частныхъ заведеніяхъ. Если случится кризисъ, то мастерскія будутъ существовать и лѣтомъ, на что и откладываются пять запасныхъ милліоновъ. «Безъ сомнѣнія,—пишетъ Ла-Рошфуко,—помогать бѣднымъ есть обязанность общества, но не менѣе святъ и необходимъ долгъ общества предупреждать развитіе бѣдности». Кромѣ того, нищенскій комитетъ, при помощи комитета финансовъ и земледѣлія, обѣщался представить собранію планъ сохранной казны для каждаго департамента. Сохранныя казны будутъ, кромѣ того, обществами для застрахованія работниками своихъ доходовъ, самихъ себя на время болѣзни, на случай смерти и т. д.

Конечно, при такомъ широкомъ планѣ можно было назначить строгія наказанія за нищенство. И, вообще, гуманный Ла-Рошфуко дѣйствительно назначилъ въ своемъ отчетѣ строгія наказанія для нищихъ. «Человѣкъ, занимающійся нищенствомъ,—пишетъ докладчикъ:—повидимому, говоритъ обществу: «я хочу жить въ праздности; уступите мнѣ даромъ часть вашей собственности, работайте за меня»—предложенія во всякомъ случаѣ антисоціальныя, такъ какъ тотъ, кто потребляетъ, не производя, поглощаетъ жизненныя

средства полезнаго человѣка». Значитъ, нужно наказывать за такое преступленіе, и въ докладѣ предполагалось заключать ппщихъ, на первый разъ, на три мѣсяца въ исправительные дома, при четвертомъ же повтореніи преступленія— ссылать въ каторжныя работы отъ восьми до тридцати двухъ лѣтъ». Немного круто. На эту систему нападали болѣе всего за то, что удобство получать постоянную помощь и работу отъ государства могло подорвать частную промышленность, такъ какъ работники нашли бы болѣе удобнымъ имѣть дѣло съ государствомъ, чѣмъ съ частными эксплоататорами. Дѣйствительно, планъ былъ широкъ и выходилъ изъ рамокъ гроповой благотворительности, помогающей голоднымъ только наполовину. Рѣшаясь принять этотъ планъ, государство должно было выйти изъ роли сборщика податей и обязывалось приняться за дѣятельную роль организатора работъ и заботливаго попечителя своихъ членовъ. Всѣ такіе широкіе планы остаются обыкновенно только на бумагѣ, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Вмѣсто проведенія въ дѣло проекта во всей его цѣлости, Собраніе удовольствовалось принятіемъ нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ мѣръ; но такое рѣшеніе равнялось полнѣйшей гибели проекта и сводило все дѣло на палліативныя филантропическія мѣры въ духѣ людей стараго порядка. Но въ принципѣ планъ былъ принятъ, вошелъ въ конституцію, гдѣ въ одной статьѣ говорилось: «Будетъ создано и организовано общее учрежденіе общественной помощи для воспитанія покинутыхъ дѣтей, для помощи бѣднымъ калѣкамъ и для доставленія работы здоровымъ бѣднякамъ, у которыхъ ея не будетъ». «Будетъ создано и организовано общественное воспитаніе,—говорилось далѣе:—общее для всѣхъ гражданъ и даровое—по части неизбѣжныхъ для каждаго знаній».

Послѣдній вопросъ, т. е. вопросъ о воспитаніи, было поручено разсмотрѣть Талейрану. «Люди объявлены свободными,—говорилъ онъ:—но извѣстно, что воспитаніе безпрестанно расширяетъ область свободы и одно оно можетъ поддерживать политическую свободу противъ всѣхъ родовъ деспотизма. Люди признаны равными, и все же настолько мало чувствовалось бы это равенство по праву — de jure, насколько мало существовало бы оно въ дѣйствительности— de facto, если бы образованіе не дѣлало усилій подвести всѣхъ подъ одинъ уровень и, по крайней мѣрѣ, ослабить тѣ различія, которыя оно не можетъ уничтожить вполнѣ». Создался и по этому вопросу обширный планъ. Не только

первоначальные предметы грамотности обратили вниманіе составителя плана, но онъ счелъ нужнымъ включить въ число предметовъ преподаванія и изученіе правъ человѣка и конституціи, какъ знаніе, необходимое для гражданина; не забылъ онъ также тѣлесныя упражненія, способныя выработать здоровыхъ и сильныхъ людей. Заботясь о возможномъ расширеніи и ускореніи дѣла воспитанія, комитетъ предложилъ издать одинъ изъ разумнѣйшихъ декретовъ, «позволявшій каждому частному лицу, подчиняющемуся общимъ законамъ относительно преподаванія, открыть школы, для чего требовалось только извѣстить объ этомъ муниципальныя власти и изложить правила открываемой школы». Кромѣ безплатности обученія, оно еще должно было вознаграждать самыхъ лучшихъ учениковъ. «Такимъ образомъ, говорилось въ докладѣ, ни одинъ истинный талантъ не будетъ заброшенъ, не погибнетъ для общества, и оно вполнѣ расквитается за свой долгъ воспитывать гражданъ». И этотъ планъ остался въ формѣ проекта, и Собраніе снова ограничилось частными перемѣнами въ дѣлѣ обученія.

Кромѣ плана обученія, составленнаго Талейраномъ, явился, 20-го апрѣля 1789 года, болѣе подробный планъ Кондорсэ. Кондорсэ считалъ нужнымъ устроить школы пяти разрядовъ: первоначальныя (по школѣ на каждые 400 человѣкъ жителей), гдѣ обучались бы дѣти письму, чтенію, счисленію, знанію произведеній страны, способамъ земледѣлія, искусствамъ и первымъ началамъ морали; второстепенныя учебныя заведенія (по одному на каждыя 4.000 чел. жителей), гдѣ дѣтямъ сообщались бы нѣкоторыя математическія свѣдѣнія, естественная исторія, необходимая для ремеслъ химія, болѣе развитыя понятія нравственности, соціальная наука и элементарныя начала науки торговли; въ-третьихъ — институты, въ числѣ 114, нѣчто въ родѣ промышленныхъ школъ, гдѣ «мало заботились бы о латыни и много о наукахъ»; четвертую степень должны были составлять девять лицеевъ, гдѣ науки преподавались бы во всей своей обширности и, наконецъ, учредилось бы «Національное общество наукъ и искусствъ», обязанное давать движеніе и способствовать развитію всѣхъ человѣческихъ знаній. Публичныя конференціи и полная безплатность при обученіи были необходимыми условіями, постановляемыми планомъ. Но такъ какъ безплатное обученіе еще не уравнивало судьбы всѣхъ учениковъ, такъ какъ родители могли взять нѣкоторыхъ изъ первоначальной школы, не имѣя ни средствъ, ни желанія

обучать ихъ далѣе, то государство обязывалось содержать *воспитанниковъ отечества*. Дѣти имѣли бы возможность поступать въ эту категорію при выходѣ изъ первоначальныхъ школъ послѣ успѣшной сдачи публичнаго экзамена; потомъ, послѣ новаго испытанія, ихъ принимали бы въ институты и, наконецъ, въ лицеи. Планъ Кондорсэ постигла та же участь, какая постигла планъ Талейрана.

Далѣе, Робеспьеръ требовалъ, «чтобы всѣ дѣти, безъ различія и безъ исключенія, дѣвочки и мальчики, съ пятилѣтняго возраста, воспитывались до двѣнадцати лѣтъ вмѣстѣ, на счетъ республики, подъ святымъ закономъ равенства, и получали бы одинаковую одежду, одинаковую пищу, одинаковое обученіе и одинаковый уходъ». Сверхъ того, Робеспьеръ не безъ грусти замѣчалъ: «О, если бы можно было воспитать поколѣніе людей подъ этимъ кроткимъ закономъ общинной жизни до зрѣлыхъ лѣтъ мужества. Не разъ я сладко мечталъ объ этомъ съ Платономъ». Объ этомъ же мечталъ Рабу Сентъ-Этьеннъ, предлагавшій создать мастерскія для дѣтей всѣхъ возрастовъ и не признавать гражданами, не принимать на службу тѣхъ изъ юношей двадцати одного года, которые не знаютъ никакого ремесла. Развивая свои мысли, Робеспьеръ призналъ не только необходимость безплатнаго обученія, но требовалъ его обязательности и наказаній для тѣхъ, кто не будетъ обучать своихъ дѣтей. Чтобы не было тягостнымъ это постановленіе, онъ считалъ необходимымъ: назначить таксу платы за обученіе съ богатыхъ; личные доходы дѣтей отдавать ихъ воспитателямъ до окончанія ученья; наконецъ, дѣтей, принужденныхъ добывать работой пропитаніе, кормить съ восьмилѣтняго возраста на счетъ государства. Калѣки и старики должны были жить при школахъ; взрослые и здоровые юноши должны были «пользоваться честью служить имъ и ходить за ними». «Какой это будетъ живой урокъ соціальныхъ обязанностей!» восклицаетъ онъ. Республика Платона была постоянно въ памяти у Робеспьера.

И опять все это осталось въ области теорій.

Рядомъ съ этими планами, возникаютъ планы организаціи благотворительности, снова является желаніе: 1) устроить вспомогательныя мастерскія; 2) давать пособія на дому больнымъ и убогимъ; 3) создать госпитали и пріюты; 4) подавать помощь въ непредвидѣнныхъ случаяхъ.

На дѣлѣ не осуществилось почти ничего.

Говорятъ, что всему виной была утопичность плановъ.

Говорятъ, что надо было держаться стараго устройства школъ, госпиталей и мастерскихъ. Но мы видѣли, каковы были эти учрежденія, по отчетамъ ревизіонныхъ комиссій. На это возражаютъ, что, дѣйствительно, всѣ эти заведенія прогнили до корня, но что нужно было только обновить ихъ. Но, обновивъ ихъ, пришлось бы снова, черезъ нѣсколько лѣтъ, увидать ихъ въ прежнемъ положеніи, такъ какъ безплодныя обновленія дѣлались уже не разъ. Говорятъ, что народъ сталъ теперь несчастнѣе, но онъ былъ несчастливъ и прежде, хотя и молчалъ, какъ лошадь, не умѣющая кричать, когда ее бьютъ; онъ былъ несчастливъ, несмотря на то, что скудная часть отобранныхъ у него денегъ шла на дрянныя постройки нѣсколькихъ пріютовъ и госпиталей, гдѣ могли умереть, въ зараженной атмосферѣ, его искалѣченные собратья.

Причина неудачи всѣхъ попытокъ была въ интригахъ различныхъ партій, въ антагонизмѣ различныхъ сословій, въ голодѣ и безденежьи, подъ зловѣщимъ вліяніемъ которыхъ началася переворотъ.

V.

Страданія и нищета народа и государства были доведены старымъ порядкомъ до такихъ размѣровъ, что никакія мѣры не могли, повидимому, принести осязательной пользы. Вслѣдствіе этого сознанія, революціонное движеніе все усиливалось, идеи развивались все шире и шире и въ направленіи ихъ чувствовался крутой поворотъ. Члены «Генеральныхъ Штатовъ», собравшіеся обсудить вопросы налоговъ, податей и пошлинъ, смѣнились членами «Учредительнаго Собранія», провозглашающаго свободу и равенство; его члены уступили свое мѣсто членамъ «Конвента», который уже понималъ, что свободный народъ точно такъ же могъ умереть съ голода, какъ и народъ порабощенный. Принципы 1789 года и принципы 1793 года носили слѣды коренного различія. «Собраніе» еще не рѣшалось обвинить Суассонскія муниципальныя власти за то, что онѣ позволили народу силою остановить возы съ зерновымъ хлѣбомъ, но Робеспьеръ уже вступился за властей, говоря, что голодный народъ не можетъ не безпокоиться за свое существованіе, и народные представители встрѣтили эту защиту съ восторгомъ. Доктрина, которою оправдывалось даже подавленіе личной свободы, во имя народнаго спасенія, начала торжествовать. Въ журналѣ «*Парижскія революціи*»

уже писалось: «Бѣдняки сдѣлали революцію, но они сдѣлали ее не къ своей выгодѣ, потому что съ 14 іюля они находятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ были до того... Бѣдняки эти — честные нищіе, которые заставили революціонный плодъ дать ростки, когда-нибудь, можетъ-быть, войдутъ въ обладаніе тою землею, которой они любимыя дѣти». Собственность еще продолжала признаваться правомъ гражданъ, но теперь они могли ею пользоваться только въ *размѣрахъ, гарантированныхъ закономъ.* Въ своей рѣчи о продовольствіи Робеспьеръ прямо отвергаетъ теорію безусловной свободы, проповѣдуемой буржуазными экономистами. «Никто, говоритъ онъ, не имѣетъ права копить большіе запасы хлѣба, когда рядомъ съ нимъ умираетъ съ голода его ближній. Въ чемъ заключается главное стремленіе общества? Въ сохраненіи неотъемлемыхъ правъ человѣка. Какое первое изъ этихъ правъ? Право существованія. Значитъ, главный соціальный законъ заключается въ гарантіи всѣмъ членамъ общества средствъ къ существованію; всѣ другіе законы подчинены этому закону; собственность была учреждена и гарантирована только для подкрѣпленія этого закона: имущество мы имѣемъ только для того, чтобы жить. Ложно мнѣніе, что собственность можетъ стоять въ враждебномъ отношеніи къ существованію людей. Необходимая человѣку пища такъ же священна, какъ и самая жизнь. Все, что необходимо для сохраненія жизни, есть общественная собственность. Только излишнее можетъ быть частною собственностью и предметомъ торговыхъ оборотовъ. Всякая торговая спекуляція, сдѣланная на счетъ жизни своего ближняго, есть не просто плутня, но разбой и братоубійство. Но этому принципу законодательству предстоитъ разрѣшить слѣдующую задачу относительно продовольствія: нужно обезпечить каждому члену общества пользованіе необходимою для его существованія частью произведеній земли; собственникамъ и земледѣльцамъ обезпечить плату за ихъ трудъ; остальное же излишнее отдать въ руки свободной торговли. Никакой горячій защитникъ собственности не оспоритъ этихъ принциповъ, если только онъ не признается открыто, что подъ собственностью онъ понимаетъ право грабить и убивать своихъ ближнихъ [1])». Для преобразованія правовъ, Сенъ-Жюстъ признавалъ необходимымъ дать на каждаго клочокъ земли и не оставлялъ ни за кѣмъ права

[1]) Oeuvres de Robespierre, recueillies par Vermorel, pp. 85—86.

лишать наслѣдства или дѣлать завѣщанія. Въ то же время онъ произнесъ фразу, что «мужчина и женщина, любящіе другъ друга, есть уже супруги». Этой фразой сразу сравнивались права законныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Декретъ 17 іюля 1793 года уничтожилъ феодальную систему вообще и не назначилъ никакого вознагражденія дворянамъ за утрату податныхъ сборовъ; имѣнія эмигрантовъ были конфискованы и назначены въ продажу по частямъ въ пользу націи. Дворянство, лишенное въ 1789 г. привилегій, лишилось теперь собственности. Продажа и раздача по частямъ казенныхъ имѣній и имѣній духовенства и эмигрантовъ умножили классъ мелкихъ землевладѣльцевъ и собственность перешла изъ рукъ дворянства въ руки простолюдиновъ. Демократія, получившая въ 1789 г. только права на свободу, начинала съ 1793 г. пріобрѣтать и средства къ жизни. Первая перемѣна была важна, какъ возстановленіе извѣстныхъ принциповъ, вторая имѣла практическій смыслъ.

Въ это время, между тѣмъ, усилились внѣшнія революціонныя войны, юношество вербовалось въ солдаты и въ особенности масса рабочихъ стремилась въ полки. Трудовыя силы частью отвлекались изъ государства и толпы праздная народа, просящаго работы, значительно уменьшились, дѣло дошло даже до того, что оружейникамъ, за недостачею рукъ, позволено было возвращаться изъ арміи въ Парижъ на казенный счетъ. Но оставшіеся на родинѣ рабочіе голодали попрежнему и ожесточались съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Опасность отъ постоянныхъ волненій вызвала рядъ декретовъ, которыми правительство думало доставить работу народу. Такъ съ 1-го февраля 1793 года, изъ желанія подорвать промышленность Англіи, были прекращены съ нею коммерческія сношенія,—это должно было усилить на время производство французскихъ мануфактуръ. Ввозъ товара сталъ допускаться только на французскихъ судахъ. 21 сентября того же года былъ изданъ указъ, объявлявшій, что французскими кораблями будутъ считаться только тѣ, которые построены на французской землѣ и съ составомъ французскихъ матросовъ; дозволялось быть только одной четверти иностранцевъ во всей массѣ строителей. Это тоже должно было способствовать занятію рабочихъ рукъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій, сама промышленность принимаетъ національный и демократическій харак-

теръ [1]). До революціи, она служила удовлетворенію прихотей роскоши, вырабатывала богатыя платья для богачей, убранство для ихъ комнатъ, игрушки для ихъ капризной фантазіи. Послѣ начала революціи, прекращается вывозъ изготовленной въ Парижѣ одежды и мебели, золотошвейныхъ матерій изъ Ліона, батиста и лино изъ Валансіена и Камбрэ, кружевъ и блондъ изъ Фландріи и Нормандіи и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти ненужные предметы прихоти сжигаются возмутившеюся чернью. Такимъ образомъ, промышленность демократизируется. Бо́льшая часть большихъ фабрикъ разоряются и на ихъ мѣсто становятся мелкіе фабриканты, какъ на мѣсто крупныхъ землевладѣльцевъ стали небогатые разночинцы. Самая одежда французовъ, сшитая изъ французскихъ матерій, дѣлается простою; мѣсто шелка заступаетъ шерсть; самые богатые люди вплоть до директоріи носятъ *карманіолу*, коротенькую куртку вмѣсто фрака и фуражку вмѣсто шляпы. Духъ изобрѣтательности тоже усиливается; толчокъ данъ необходимостью существовать безъ помощи иностранныхъ товаровъ. Наука идетъ на помощь промышленности. Главнымъ образомъ способствуетъ промышленности Лавуазье своими химическими открытіями. Являются новые способы приготовленія селитры, пороху и оружія. Такъ какъ ввозъ селитры прекратился, то ее ищутъ въ погребахъ, на кладбищахъ, вездѣ, гдѣ она содержится въ землѣ. Въ Гренеллѣ, близъ Парижа, изготовляется до 30.000 фунтовъ пороху. Война мѣшаетъ ввозу берлинской лазури и Лассанъ, Клуэ, Ла-Фоли предлагаютъ новые химическіе способы для приготовленія этого матеріала внутри страны. То же явленіе замѣчается въ производствѣ другихъ ввозныхъ продуктовъ. Книгопечатаніе тоже развивается съ каждымъ днемъ все быстрѣе и быстрѣе.

Но, къ сожалѣнію, несмотря на все это, только одна часть рабочихъ и народа успѣваетъ устроить свои дѣла, другая часть остается въ прежней нищетѣ и само правительство, уже сознавшее необходимость помогать народу. мечтавшее, въ лицѣ Робеспьера и его единомышленниковъ, устроить на соціальныхъ основаніяхъ пріюты, богадѣльни и школы, — было, какъ мы сказали выше, лишено всякихъ средствъ и видѣло все возраставшія потребности новыхъ затратъ. Внутренній долгъ, число ассигнацій, выпуски мѣди все росли и росли, а между тѣмъ внѣшнія войны поглощали

---

[1]) *Sigmund Englaender*. Gesch. d. Arb. Ass. I, B, S. 45.

ежедневно громадныя суммы, такъ что въ промежутокъ одного года пришлось выпустить 3.300 милліоновъ ассигнацій. Пошли въ ходъ насильственныя мѣры въ родѣ неплатежа богатымъ обладателямъ королевскихъ ассигнацій. Но это все оставалось безъ серьезныхъ послѣдствій, и нищета продолжала расти. Съѣстные припасы дорожали день ото дня. Причинъ для этого находилось много: волненія въ колоніяхъ, внѣшнія и внутреннія войны, оставленіе народомъ полей безъ обработки, интриги спекуляторовъ, удерживавшихъ товаръ до лучшаго времени сбыта; боязнь промѣнять дѣйствительныя цѣнности, представляемыя разными продуктами, на ничего не стоящія ассигнаціи,—все это вліяло на состояніе торговли. Голодная часть народа, какъ мы видѣли, прибѣгала нерѣдко къ насилію, отбивая товары. Разъ толпа захватила вывозимый изъ Парижа сахаръ и самовольно продавала его, на мѣстѣ разграбленія возовъ, по 20 су за ливръ прохожимъ [1]). Вмѣшалась полиція, два жандарма были ранены и съ трудомъ отбили сахаръ отъ народа. Въ другой разъ возставшій народъ сдѣлалъ нападеніе на дома торговцевъ сахаромъ, изломавъ и уничтоживъ все, что попалось подъ руку. На слѣдующій день одинъ бакалейщикъ въ улицѣ Сенъ-Дени, боясь такой же участи, сталъ продавать сахаръ по 26 и по 24 су, хотя цѣна сахару была въ 30 су. Это вызвало новыя волненія, послуживъ доказательствомъ, что барышники нарочно возвышаютъ цѣну, чтобы уморить съ голоду народъ. Опять нѣсколько магазиновъ было изломано и разграблено. Послѣ сентябрьскихъ дней появилась въ Парижѣ шайка человѣкъ въ двадцать; они грабили прохожихъ, какъ въ лѣсу, останавливали женщинъ, брали съ нихъ цѣнныя вещи, говоря, что это «патріотическое пожертвованіе». На улицахъ люди защищали свою жизнь вооруженною рукой, и хвалились, убивъ того или другого изъ согражданъ. Всѣ подобныя волненія были совершенно ничтожны передъ ужасающей рѣзней и грабежомъ сентябрьскихъ дней, когда народъ дошелъ до крайней степени раздраженія. Кровь лилась ручьями; женщины, старики и дѣти не находили пощады, и, между тѣмъ, правительство, засаживая въ тюрьмы виновныхъ, все-таки не могло не признать, что раздраженіе имѣло свои причины, въ которыхъ виноватъ не народъ. Министръ Дантонъ, Наблюдательный Комитетъ,

---

[1]) *Levasseur.* Hist. etc., t. I, pp. 178—179.

мэръ Пэтіонъ, начальникъ національной гвардіи Бриссо, всѣ допускаютъ эту рѣзню, зная о ней уже 1-го сентября. 3-го и 20-го сентября Ролланъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, оправдывалъ ее, какъ послѣдствіе «долго испытываемаго терпѣнія народа» [1]). «*Монитеръ*», «*Прюдомъ*», журналъ жирондиста Горзаса, называютъ эту рѣзню «страшнымъ, но необходимымъ судомъ народа». Народонаселеніе прямо говоритъ, «что если бы оставить жить убитыхъ, то они передушили бы народъ». Жирондисты, министръ Гара, всѣ выражаются въ этомъ духѣ. Революціонное правительство понимало, что нищета народа и дороговизна были однѣми изъ главныхъ причинъ сентябрьскихъ убійствъ и вообще всѣхъ неурядицъ. Оно теперь уже не стало задаваться прежнимъ принципомъ: «laissez faire, laissez passer»; оно не проповѣдывало, что каждая личность должна быть свободна во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, что всѣ ея поступки зависятъ отъ личныхъ соглашеній нанимателей и нанимающихся, продавцовъ и покупателей,—нѣтъ, оно находило теперь нужнымъ назначить насильственную таксу на жизненные припасы, для прекращенія возрастающей дороговизны. Противъ таксы боролись жирондисты, но борьба не могла продолжаться долго, потому что короля не стало и въ народѣ уже говорили: «санкюлоты требуютъ хлѣба у Конвента, а онъ имъ отказываетъ» [2]). Тутъ слышалась угроза. Сначала назначили вмѣсто таксы maximum, опредѣляемый въ каждомъ департаментѣ соразмѣрно съ цифрою средней стоимости продукта. Это было 2-го мая 1793 г., а уже съ 29-го сентября начинаютъ выходить декреты за декретами, все понижающіе maximum и стѣсняющіе торговлю. Тридцать девять родовъ различныхъ предметовъ торговли были включены въ число первыхъ жизненныхъ потребностей и отданъ приказъ, чтобы каждый купецъ, имѣющій эти товары, объявилъ ихъ количество, написавъ его на дверяхъ лавочки, и продавалъ бы товаръ по мелочамъ и по назначенной правительствомъ цѣнѣ. Полиція наблюдала за вѣрностью показаній купцовъ. Этимъ путемъ надѣялись противодѣйствовать барышничеству и спекуляторамъ.

Магазины стали закрываться. Ловкіе крупные мошенники стали продавать недоброкачественные товары по тарифной цѣнѣ. Мелкіе городскіе торговцы, постоянно нахо-

[1]) *Cabet.* Hist. pop. etc., t. III, pp. 88—104.
[2]) *Levasseur.* Hist. des clas. ouvr., t. I, pp. 181—192.

дящіеся подъ надзоромъ народа, разорялись. Доносы на купповъ слѣдовали одинъ за другимъ.

Изъ донесеній (1-го и 17-го вентоза II года республики, то-есть 19-го февраля и 7-го марта 1794 года) видно [1]), что одинъ мясникъ не хотѣлъ продавать говядины по таксѣ; торговка вздумала набить пять су на чечевицу, у одной изъ лавочекъ недоброжелатели говорили толпѣ: «это еще цвѣточки, ягоды будутъ послѣ»; одинъ гражданинъ жаловался на данное трактирщикамъ позволеніе держать запасы говядины, несмотря на голодъ, когда у отцовъ семейства, имѣющихъ больныхъ женъ, нѣтъ возможности положить въ горшокъ куска мяса; народъ толкуетъ, что причиной голода являются главнымъ образомъ правители; нѣсколько женщинъ произвели безпорядки на рынкѣ; народъ вышелъ изъ терпѣнія, не видя привоза продовольствія, и собирается толпами на рынки, женщинъ тутъ было не менѣе 3.000; ходятъ толки о необходимости принудить крестьянъ къ привозу припасовъ; раздаются жалобы, что аристократамъ привозятъ и мясо, и яйца; замѣчаютъ, что не должно позволять крупнымъ торговцамъ наживать болѣе пяти процентовъ; бѣдняки ропщутъ, что имъ не продаютъ свѣчей, и замѣчаютъ, что надо бы нѣсколькихъ гильотинировать, тогда все пошло бы хорошо; купцы признаются виновниками дороговизны; женщины остановили телѣгу съ масломъ и расхватали товаръ, отчасти заплативъ по таксѣ, отчасти не заплативъ ничего, при этомъ многія изъ нихъ были передавлены и ранены; предложено просить у Конвента запрещенія пирожникамъ дѣлать пироги, на которые идетъ много масла и яицъ, и парикмахерамъ употреблять картофель на пудру и т. д. Мы долго не кончили бы, если бы вздумали выписать всѣ факты, помѣщенные въ полицейскихъ донесеніяхъ только въ теченіе двухъ дней. Но и по части приведенныхъ нами фактовъ видно, каковъ былъ ропотъ въ Парижѣ. Рабочіе прямо говорили [2]), что они сидятъ безъ работы и хлѣба, вслѣдствіе заключенія въ тюрьму всѣхъ богачей, какъ патріотовъ, такъ и не-патріотовъ.

Крики: «хлѣба! хлѣба!» принимали все болѣе и болѣе свирѣпый оттѣнокъ. Въ правительствѣ снова чувствовалась перемѣна настроенія. Такса была признана, послѣ страшной борьбы, никуда негодною и была отмѣнена 3-го января 1795 года. Свобода торговли и промышленности про-

[1]) *Dauban.* Paris en 1794, éd. 1869, pp. 57—65 et 171—175.
[2]) *Ibid.*, 62 et 81.

возгласилась снова. Но и это не могло теперь помочь голодной массѣ народа.

Между тѣмъ, въ составѣ правительства произошли значительныя перемѣны. Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и тому подобные люди крайнихъ увлеченій, для которыхъ служили библіею произведенія Ж. Ж. Руссо, которые мечтали пересоздать общество до основанія, теперь пали, всѣми оклеветанные и забросанные грязью. Новое правительство—Директорія, заступило ихъ мѣсто. Оно кровожадно боролось противъ такъ-называемыхъ патріотовъ и было снисходительно къ роялистамъ; подавляло народъ, спасая буржуазію; характеръ революціи измѣнялся и шла борьба не изъ-за политической и соціальной свободы, а ради военной славы и завоеваній, наставало царство торгашей, готовыхъ выжимать послѣдній сокъ изъ народа, и солдатъ, готовыхъ образумить штыками этотъ народъ, если онъ вздумаетъ крикнуть. Во главѣ этого правительства становится Бонапарте.

Но прежде полнаго торжества новаго порядка, въ обществѣ совершается еще одна изъ безсильныхъ попытокъ спасти народную партію и осуществить крайнія идеи, которыми были проникнуты Робеспьеръ и его товарищи. Я говорю о Бабефѣ и его сообщникахъ.

VI.

Франсуа-Ноэль Бабефъ родился въ Сенъ-Кентэнѣ въ 1764 году [1]). Подъ руководствомъ своего отца онъ изучилъ геометрію, служилъ помощникомъ архитектора-землемѣра и потомъ былъ комиссаромъ по межеванію, когда вспыхнула революція. Нѣсколько сочиненій, помѣщенныхъ большею частью въ «*Correspondant Picard*», довели его до ареста, послѣ чего парижскій судъ оправдалъ его 14 іюля 1790 года. По возвращеніи домой онъ снова поступилъ на службу въ секретаріатъ округа Мондидье; сдѣлавъ ошибку: написавъ въ дѣловой бумагѣ одно имя вмѣсто другого, былъ судимъ заочно и приговоренъ къ двадцатилѣтнему заключенію, что, однако, не привелось въ исполненіе. Прибывъ снова въ Парижъ, онъ поступилъ въ бюро комиссіи продовольствія въ сенскій округъ, гдѣ имъ былъ обвиненъ прокуроръ Манюэль въ умышленномъ поддержаніи голода. Новый судъ имѣлъ счастливый исходъ для Бабефа. Во время термидора

1) *Cabet.* Hist. de la révolution, t. IV, pp. 300—334. — Al. *Sudre.* Histoire du communisme, pp. 289—306. — *L. Reybaud.* Etudes sur les réformateurs, t. II, pp. 83—93 et 423—453.

Бабефъ является противникомъ Робеспьера. Послѣ паденія послѣдняго, Бабефъ основалъ вмѣстѣ съ Фуше и Тальеномъ «*Журналъ свободы прессы*», который потомъ былъ названъ «*Народнымъ Трибуномъ*». Онъ сдѣлался ультра-термидорцемъ и ратовалъ противъ террора и тиранiи; имъ же первымъ было дано названiе террористовъ якобинцамъ,—названiе, которымъ такъ страшно воспользовались враги народа. Сдѣлавшись главнымъ вожакомъ одного изъ клубовъ, онъ требовалъ неограниченной свободы печати и всеобщихъ выборовъ на всѣ публичныя должности. Его петицiя объ этомъ была разослана ко всѣмъ термидорцамъ Парижа, чтобы они приняли ее до представленiя конвенту. Но якобинцы считали эти двѣ мѣры антиреволюцiонными, гибельными для народа и республики, такъ какъ въ эту пору только многочисленные роялисты и термидорцы могли бы издавать журналы и присутствовать на выборахъ. Далѣе мы встрѣчаемъ Бабефа выражающимъ сожалѣнiе за свои нападки на Робеспьера, развивающимъ свою доктрину объ общемъ счастьѣ—*bonheur commun*,—принимающимъ названiе *Кая-Гракха, трибуна народнаго*. Комитетъ общественной безопасности арестуетъ его, какъ террориста, и заключаетъ въ Аррасъ на девять мѣсяцевъ. Здѣсь Бабефъ познакомился съ Бодсономъ, который посвятилъ всю жизнь на изученiе общественныхъ золъ и «лучше чѣмъ кто-нибудь уяснилъ себѣ взгляды Робеспьера». Выпущенный на свободу, Бабефъ ведетъ борьбу съ Директорiей, ближе сходится съ монтаньярами и прощенными демократами, которые носятъ названiе равныхъ (égaux). Защищая память Робеспьера, Бабефъ говоритъ, что народъ былъ подло обманутъ 8 и 9 термидора, и проповѣдуетъ общность имущества,—эта доктрина укоренилась въ его умѣ при помощи Бодсона.

Видя, въ какую пропасть ведетъ революцiонное правительство народную партiю, Бабефъ, Буонаротти и Дарте, два поклонника Робеспьера, Фонтенель и другiя лица организуютъ партiю. Послѣ многихъ преній, они соглашаются устроить тайный комитетъ и публичное общество, которое будетъ собираться въ трапезной комнатѣ, или въ подземельѣ одного монастыря близъ Пантеона и назовется «Обществомъ Пантеона». Число членовъ быстро возрастаетъ до 2.000 человѣкъ, такъ какъ уже въ теченiе 18 мѣсяцевъ патрiоты были лишены возможности публично собираться вмѣстѣ и обрадовались возникновенiю новаго общества. Въ

Парижѣ образуются двѣ крайнія партіи: роялисты и демократы; первые требуютъ конституцію 91 года и монархію; вторые—конституцію 93 года и исполненіе законовъ объ истребленіи нищенства и отдачѣ одного милліарда изъ національнаго имущества защитникамъ отечества. Директорія желаетъ держаться середины, она хочетъ поставить опаснаго ей Бабефа въ нейтральное положеніе и сначала тщетно предлагаетъ ему министерство финансовъ, а потомъ старается уронить его въ общественномъ мнѣніи и отрываетъ неисполненный когда-то приговоръ, по которому Бабефа должно постигнуть двадцатилѣтнее заключеніе. Несмотря на оправданія Бабефа, ему приходится скрываться.

Все болѣе и болѣе трусливая Директорія создастъ министерство полиціи, получаетъ право распоряжаться тайными суммами и издаетъ законъ противъ печати. Въ «Общество Пантеона» забирается множество прикидывающихся патріотами шпіоновъ, имѣющихъ обязанностью посѣять тамъ сѣмена раздора и вывать безпорядки. Главные демократы ничего не могли сдѣлать противъ интригъ этихъ агентовъ Директоріи—и скоро роялистскіе журналы и журналы Директоріи стали кричать противъ террористовъ и разбойниковъ, обозначая этимъ именемъ членовъ «Общества Пантеона». Тогда Буонаротти, Дарте, Феликсъ Лепеллетье, Бодсонъ и другіе демократы соединились въ комитетѣ монтаньяровъ у Амара и серьезно занялись вопросомъ о возстаніи. Но какой интересъ заставляетъ ихъ рѣшиться на это?—Желаніе обезпечить счастіе народа. Потому у нихъ идутъ долгіе толки о томъ общественномъ устройствѣ, которое скорѣе всего могло бы осчастливить народъ. Руководителемъ преній является Бодсонъ, этотъ, такъ сказать, воспитатель Бабефа. Всѣ члены признали, что виною всѣхъ безпорядковъ въ обществѣ — неравенство. Бодсонъ прочелъ по этому поводу статью, гдѣ доказывалъ, что система раздѣленія имущества и личная собственность, главнымъ образомъ, порождаютъ всякое неравенство. Потому было предложено «остановиться на общности имуществъ и работъ, равномъ распредѣленіи обязанностей и наслажденій, такъ какъ эта система наиболѣе нравственная, наиболѣе философская, наиболѣе филантропическая и наиболѣе способная сохранить навсегда общественный порядокъ». Бодсонъ понималъ, что имя Робеспьера еще слишкомъ сильно вызываетъ различныя антипатіи, и потому предложилъ основать эту систему, указавъ на ученіе Ли-

курга, Руссо или Мабли. Общность имуществъ и работъ не могла быть введена сразу, и потому рѣшено было остановиться на время на конституціи 1793 года, какъ на переходной ступени. Нѣкоторыя несогласія раздѣлили комитетъ на два отдѣленія: Амаръ и монтаньяры требовали отдачи власти конвенту, то-есть имъ самимъ, а демократы (равные) требовали избранія народомъ временнаго правительства. Между тѣмъ скрывавшійся Бабефъ продолжалъ воевать съ Директоріей въ своемъ «Народномъ Трибунѣ», а «Общество Пантеона», освободившее и поддержавшее арестованную распространительницу этой газеты, отважную жену Бабефа, съ изумительнымъ тактомъ молчало о немъ самомъ, чтобы не выдать его. Комитетъ равныхъ создалъ въ Парижѣ нѣсколько мелкихъ и тайныхъ клубовъ; рѣшено было, что демократы объявятъ себя деистами, создадутъ новый культъ, посвятятъ себя проповѣди естественной нравственности. Пренія, объявленія, просьбы «Общества Пантеона» стали пробуждать народъ,—клубы начали являться и въ департаментахъ.

Но никакая осторожность секретнаго комитета не могла сдержать съ одной стороны нетерпѣливыхъ выходокъ слишкомъ рьяныхъ демократовъ, а съ другой — предательства агентовъ полиціи. Дарте въ свою очередь сдѣлалъ тоже ошибку, прочитавъ въ обществѣ враждебный Директоріи нумеръ «Народнаго Трибуна» и вызвавъ чтеніемъ жаркія рукоплесканія. Бонапарте, начальникъ внутренней арміи, закрылъ «Общество Пантеона» и прекратилъ существованіе всѣхъ другихъ обществъ. Директорія начала распространять клеветы на демократовъ. Осторожные и трусливые патріоты стали вслѣдствіе этого угрожать Бабефу за его желаніе довести народъ до возстанія. Злополучный неисполненный судебный приговоръ, прежнія нападки Бабефа на Робеспьера, старыя сношенія съ термидорцами, все это пустилось теперь въ ходъ и вредило какъ успѣху «Народнаго Трибуна», такъ и успѣху его доктрины. Тѣмъ не менѣе Бабефъ рѣшился еще болѣе настойчиво руководить партіей демократовъ и подготовить возстаніе для осуществленія своей доктрины. Тутъ начинается дѣло, которое носитъ названіе *заговора Бабефа.*

Распустивъ всѣ бывшіе комитеты, главный заговорщикъ, при помощи Антонелля, Сильвена, Марешаля, Феликса Лепеллетье, Буонаротти, Дарте и Бодсона образуетъ *Directoire secret de salut publique.* Двѣнадцать революціонныхъ агентовъ въ двѣнадцати округахъ должны были подготовлять

возстаніе, сообразно съ приказами и инструкціями «тайной директоріи», которые будутъ передаваться четырьми агентами-посредниками. «Тайная директорія, говоритъ Буонаротти, ожидаетъ успѣха своему дѣлу только отъ прогресса общественнаго мнѣнія и торжества истины», а потому, заговорщики и рѣшаются издать «*Анализъ доктрины Бабефа*». Въ этомъ «Анализѣ» говорилось слѣдующее: «Ст. 1) Природа дала каждому человѣку равное право на наслажденіе всѣми благами. 2) Цѣль общества защищать это равенство, на которое часто нападаютъ въ естественномъ состояніи сильные и злые, и увеличивать при содѣйствіи всѣхъ общія наслажденія. 3) Природа наложила на каждаго обязанность работать; никто не можетъ, не дѣлая преступленія, уклониться отъ работы. 4) Работы и наслажденія должны быть общія. 5) Если одинъ истощается въ работѣ и терпитъ лишенія во всемъ, а другой ничего не дѣлаетъ и живетъ въ изобиліи, то это слѣдствіе притѣсненія. 6) Никто не могъ, не дѣлая преступленія, присвоить исключительно себѣ богатства земли или промышленности. 7) Въ настоящемъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. 8) Богатые, не желающіе отказаться отъ излишковъ въ пользу бѣдныхъ — враги народа. 9) Никто не можетъ никакими средствами лишить другого образованія, необходимаго для его счастья; образованіе должно быть общее. 10) Цѣль революціи — разрушить неравенство и возстановить общее счастье. 11) Революція не кончена, такъ какъ исключительно богатые поглощаютъ богатства и управляютъ всѣмъ, тогда какъ бѣдные работаютъ, какъ настоящіе рабы, томятся въ нищетѣ и ничего не значатъ въ государствѣ. 12) Конституція 93 года есть настоящій законъ французовъ, потому что ее торжественно призналъ народъ; потому что конвентъ не имѣлъ права измѣнить ее; потому что онъ, чтобы достигнуть измѣненія, разстрѣливалъ народъ, требовавшій исполненія конституціи; потому что конвентъ разогналъ и задушилъ депутатовъ, исполнявшихъ свой долгъ защищенія конституціи; потому что терроръ противъ народа и интриги эмигрантовъ вліяли на составленіе и мнимое принятіе конституціи 3 года, которая не имѣла за себя и четвертой части голосовъ, поданныхъ за конституцію 93 г.; потому что конституція 93 г. освятила за каждымъ гражданиномъ неотчуждаемыя права соглашаться на изданія законовъ, собираться вмѣстѣ, требовать то, что они считаютъ полезнымъ, и не умирать съ голода. 13) Каждый

гражданинъ обязанъ возстановить и защищать конституцію 1793 г., какъ выраженіе воли и блага народа. 14) Всѣ власти, существующія вслѣдствіе конституціи 3 года, незаконны. 15) Всѣ, наложившіе руку на конституцію 93 г., виновны въ оскорбленіи народнаго величества».

Этотъ «Анализъ» могъ испугать аристократію и буржуазію, но онъ не могъ наэлектризировать столько разъ обманутый народъ, которому никакіе *планы* не могли доказать возможности общности имуществъ. Но Бабефъ не остановился на этомъ: брошюры слѣдовали за брошюрами и развивали вполнѣ всю доктрину. Суть ея заключалась въ томъ, что всѣ государственныя имущества, пріюты, благотворительныя заведенія и все подлежащее конфискаціи составитъ одно общее національное имущество; наслѣдованіе по завѣщанію и *ab intestat* уничтожится; устроятся общинныя мастерскія, управляемыя выборными начальниками; обширные магазины должны принимать произведенія земледѣлія и промышленности и раздача этихъ произведеній возложится на особыя лица; національная коммуна обезпечиваетъ для каждаго члена умѣренное и необходимое довольство: общіе обѣды будутъ устроены, какъ было въ Лакедемонѣ или на островѣ Критѣ; торговля въ существующемъ смыслѣ уничтожится; земля раздѣлится на округи и администрація будетъ пополнять дефициты однихъ округовъ излишками другихъ; плоды другихъ климатовъ будутъ получаться отъ иностранцевъ при помощи обмѣна; только люди, остающіеся по своей волѣ внѣ общины, подвергаются налогамъ; частные и общественные долги уничтожаются, такъ же какъ и монета; золото и серебро не будутъ ввозиться; не занимающіеся полезными работами лишаются политическихъ правъ; полезными работами признаются: земледѣліе, скотоводство, рыболовство и мореходство, механическія и ручныя работы, мелочная продажа[1]), перевозка, военная и гражданская служба, обученіе и занятіе науками (изящная литература и изящныя искусства исключаются изъ этого списка полезныхъ занятій); люди, лишенные политическихъ правъ, будутъ считаться иностранцами, которымъ республика просто оказываетъ гостепріимство, но это гостепріимство будетъ не очень-то пріятнымъ, ибо за ними будетъ наблюдать полиція, у нихъ отберутъ всякое оружіе и администрація всегда будетъ имѣть право наказать ихъ, если ихъ роскошь, праздн-

[1]) То-есть обмѣнъ, такъ какъ торговля, по плану, не будетъ существовать.

ность или развратное поведеніе подадутъ дурной примѣръ. Всѣ эти вопросы подняли толки и споры въ журналистикѣ. Сильнѣе всѣхъ другихъ журналовъ способствовали распространенію доктрины «*Народный Трибунъ*», «*l'Éclaireur*», органъ, созданный для рабочихъ Симономъ Дюплэ, и «*Плебейскій Ораторъ*», а потомъ «*Журналъ свободныхъ людей*», газеты Антонелля и Феликса Лепеллетье. Антонелль признавалъ доктрину Бабефа непримѣнимой къ дѣлу—*impraticable*, и потому сильно полемизировалъ съ «Народнымъ Трибуномъ», не переставая, однако, выражать свое восхищеніе передъ ученіемъ противника, какъ передъ теоріей.

Тайная же директорія продолжала работать, привлекла на свою сторону полицейскій легіонъ въ 6.000 солдатъ, кромѣ того 4.000 старыхъ санкюлотовъ, 1.500 членовъ изъ старыхъ революціонныхъ властей, 1.000 артиллеристовъ, 500 отставныхъ офицеровъ и еще около 4.000 человѣкъ изъ военнаго сословія. Выбраны были военные агенты и въ числѣ ихъ является нѣкто Гризель, личность, выдающая себя за самаго яркаго революціонера, но въ сущности мелкая и страстная къ чинамъ. Онъ составляетъ военную брошюру, ревностно распространяетъ ее въ массѣ, предлагаетъ тайной директоріи составить еще брошюры для солдатъ, совѣтуетъ подстрекать послѣднихъ къ ограбленію богачей, однимъ словомъ, выказываетъ такое рвеніе, на какое способны только слишкомъ неопытные глуповатые юноши или записные шпіоны-подстрекатели, добивающіеся довѣрія своихъ жертвъ.

Между тѣмъ зимою 1795—96 г. нужда народа дошла до крайнихъ предѣловъ, и онъ былъ болѣе чѣмъ когда-нибудь склоненъ къ возстанію. Раздраженіе, вызванное закрытіемъ политическихъ обществъ, угрозы демократическихъ журналовъ, сборища на улицахъ,—все возвѣщало мятежъ. Этимъ рѣшился воспользоваться въ свою пользу существовавшій, отдѣльно отъ общества Бабефа, «*Комитетъ Монтаньяровъ*», съ Амаромъ во главѣ; роялисты же и старые термидорцы выказали стремленье привлечь массу на свою сторону. Тайной директоріи представился вопросъ: нужно ли воспользоваться возстаніемъ, вызываемымъ монтаньярами, или бороться противъ него, такъ какъ оно стремится возстановить только *свои* принципы. Рѣшено было, что демократы будутъ дѣйствовать отдѣльно и потомъ подавятъ монтаньяровъ, вызывавшихъ или допустившихъ 9-е термидора, т. е. паденіе партіи Робеспьера. Но, къ несчастію, самъ пред-

водитель демократовъ, какъ мы знаемъ, былъ прежде термидорцемъ и даже ультра-термидорцемъ. Роялисты предлагаютъ свои услуги демократамъ, надѣясь подкопаться подъ Директорію и анархіей дойти до реставраціи. Но, отвергнутые демократами, они вдругъ соединяются противъ нихъ съ правительствомъ. Оно же издаетъ законъ противъ ассоціацій, обществъ и прессы и называетъ демократовъ переодѣтыми роялистами, якобинцами, жаждущими террора, анархіи или королевства. Въ партіи демократовъ эти законы вызываютъ негодованіе и приготовленія къ возстанію идутъ еще быстрѣе. Составляется *актъ возстанія*, гдѣ, между прочимъ, пишется: «11) Исполнительная Директорія и два законодательные совѣта будутъ немедленно судимы народомъ. 12) Всякое сопротивленіе будетъ подавлено на мѣстѣ силою. 15) Жизненные припасы всякаго рода будутъ безвозмездно раздаваться народу на площадяхъ. 17) Имущества эмигрантовъ, заговорщиковъ и враговъ отечества раздѣляются между защитниками отечества и несчастными. Вещи, принадлежащія народу и заложенныя въ *Mont de Piété*, возвратятся ему безвозмездно. Несчастные республики немедленно будутъ снабжены мебелью и помѣщены въ домахъ заговорщиковъ. Семейства убитыхъ въ возстаніи гражданъ будутъ усыновлены народомъ. 18) Общественная и частная собственность будетъ охраняться народомъ» и т. д. Можно судить, какой ужасъ и какое негодованіе вызвалъ бы этотъ тайный, предвѣщающій кровопролитіе актъ, если бы онъ былъ открытъ ранѣе срока Директоріей или аристократіей. Кромѣ этого акта, составляются еще конституціонный декретъ и манифестъ равныхъ. Правительство, между тѣмъ, уже держитъ въ рукахъ нить заговора и распускаетъ преданныхъ заговорщикамъ солдатъ. Несмотря на это, нѣкоторые заговорщики не только надѣются на успѣхъ, но даже торопятъ тайную директорію начать мятежъ. Она назначаетъ пять генераловъ и офицеровъ, которые должны будутъ руководить возстаніемъ и въ числѣ которыхъ опять находится Гризель. Этимъ людямъ опрометчиво открывается весь планъ возстанія. Это было въ началѣ мая. Послѣ нѣсколькихъ споровъ между тайной директоріей и комитетомъ монтаньяровъ, день возстанія назначенъ 10-го или 12-го мая. Сильнѣе всѣхъ хлопочетъ о дѣлѣ отважный Гризель: онъ горячѣй всѣхъ ненавидитъ тирановъ, онъ вполнѣ преданъ народу, онъ исполненъ революціоннымъ огнемъ, онъ менѣе всѣхъ способенъ къ излишней осторожности или тру-

сости,—однимъ словомъ, онъ уже предалъ все дѣло, во всѣхъ его подробностяхъ, полиціи.

Наканунѣ возстанія, Бабефъ, Буонаротти и другіе вожаки заговора были арестованы, ихъ бумаги схвачены. Оставшіеся на свободѣ заговорщики рѣшились дѣйствовать, во что бы то ни стало, и Гризель предупредительно указалъ имъ, гдѣ будетъ расположена преданная имъ военная сила: они собрались на это мѣсто и были раздавлены, растерзаны, изрублены однимъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ народа—начальникомъ драгунъ Мало. Оставшихся въ живыхъ мятежниковъ судятъ военнымъ судомъ и разстрѣливаютъ. Общество вдругъ узнаетъ, что среди его находились люди, желавшіе разбить весь Законодательный Корпусъ, всю Директорію, всѣхъ начальниковъ и разграбить городъ. Паническій страхъ распространяется на всѣхъ, кто успѣлъ уже завербовать себѣ положеніе въ свѣтѣ, и названіе «бабувистъ» становится страшнѣе «якобинца» или «террориста». Директоріи тотчасъ же даютъ право дѣлать все, что она считаетъ нужнымъ. Начинается судъ, изрекаются смертные приговоры. Бабефъ и Дарте дѣлаютъ попытки къ самоубійству, но слабое оружіе ломается и остается въ груди Бабефа. Ранепаго, его казнятъ на слѣдующій день вмѣстѣ съ Дарте. Выразивъ еще разъ свою любовь къ народу, Бабефъ поручилъ ему свою семью. Тѣла бросили безъ погребенья; приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ съ ругательствами и угрозами увезли въ желѣзныхъ клѣткахъ въ Шербургъ; Гризель получилъ награду—и все кончилось. Остался только страшный урокъ довѣрчивымъ, увлекающимся, плохо разсчитывающимъ людямъ, да уцѣлѣла доктрина. Но урокъ, какъ это всегда бываетъ, помнился людямъ именно въ то время, когда это было вовсе не нужно, и забывался ими, какъ только разгорались страсти и являлась попытка выйти, во что бы то ни стало, изъ тягостнаго положенія; зато при каждой изъ этихъ попытокъ воскресала доктрина казненнаго мечтателя Бабефа.

VII.

Идеи Бабефа остались неосуществившимися мечтами, онѣ не примѣнились и не могли примѣниться къ жизни, въ нихъ многое вызвало бурю брани и негодованія, многое было признано сумасбродными бреднями, но разбирать, сколько на чьей сторонѣ правды, совершенно не входитъ въ планъ нашихъ очерковъ. Намъ важны идеи Бабефа, какъ и всѣ

другіе, хорошіе и дурные совершившіеся и неизгладимые факты, повліявшіе, такъ или иначе, на умы или отразившіеся на послѣдующей судьбѣ рабочихъ классовъ. Фраза III. Дюнойэ: *je n'impose rien, je ne propose même rien, j'expose*, лишена всякаго здраваго смысла, если ею руководствуются въ политико-экономическихъ статьяхъ, но этимъ же правиломъ можно руководствоваться, не дѣлая ошибки, при изложеніи историческихъ событій. При чтеніи исторической статьи, читателю важны не столько личные вкусы симпатіи и антипатіи автора статьи, сколько самые историческіе факты. Вотъ почему мы, не считая возможнымъ пропустить изложеніе доктрины Бабефа, въ то же время не считаемъ нужнымъ разбирать ее и этимъ разборомъ совершенно безполезно удлинять наши статьи. Какою бы шаткою и несостоятельною ни была теорія Бабефа въ практическомъ смыслѣ, но она имѣла за собою историческую необходимость, являясь послѣднимъ словомъ революціоннаго движенія. Это было *resumé* революціонныхъ идей. Коммунистическія идеи высказывались уже не разъ. Томасъ Морусъ, Кампанелла, Локкъ, Руссо, Монтескье, Морелли, Гельвецій, Мабли, такъ или иначе, намекали на необходимость общности имуществъ, хотя и сознавались иногда, что это, можетъ-быть, никогда не осуществится въ дѣйствительности. Революція усвоила всѣ разбросанныя здѣсь и тамъ идеи этихъ писателей и занялась обсужденіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, системъ, доктринъ, соціальныхъ и политическихъ теорій, обращаясь за примѣрами то къ Спартѣ, то къ Аѳинамъ и Риму, то къ Англіи и Соединеннымъ Штатамъ Америки. Эти идеи развивались быстро и послѣдовательно, все шире и шире. Сіэсъ и Учредительное Собраніе провозгласили свободу; жирондисты принимали *почти ровное распредѣленіе* богатствъ, и Кондорсэ, ихъ главный писатель, требуетъ дѣйствительнаго, абсолютнаго равенства, «къ которому стремится человѣчество съ перваго дня своего существованія»; Парижская община, «Избирательное Собраніе», Моморо, Тальенъ—толкуютъ объ аграрномъ законѣ и новомъ устройствѣ собственности; аббатъ Фоше, послѣ епископъ Кальвадосскій и депутатъ жирондистовъ, проповѣдуетъ уничтоженіе *рабства голода* и принятіе принциповъ общности имуществъ; Анахарзисъ Клоцъ, богачъ и баронъ, говоритъ о всеобщей республикѣ братьевъ или равныхъ; Комитетъ Народнаго Спокойствія и Конвентъ до 9-го термидора всѣми силами стремятся къ уравненію имуществъ и даже къ ихъ

общности, учреждая обширныя національныя владѣнія, составленныя изъ имуществъ духовенства, эмигрантовъ и заговорщиковъ — контръ-революціонеровъ. Еще ближе подходили къ идеямъ Бабефа идеи Геберта Шометта, Робеспьера и Сенъ-Жюста. Бабефъ не сказалъ ничего новаго, почти за каждое изъ его положеній, взятое отдѣльно, боролись тѣ самые люди, которые пришли въ содроганіе отъ его ученія, представленнаго во всей цѣлости; они испугались не новизны, но логическаго вывода изъ своихъ собственныхъ идей, и поспѣшно пошли на дорогу отреченія отъ прошлаго, стали уступать одну за другою свои идеи. Дѣйствительно, таково свойство всякаго революціоннаго движенія въ соціальной жизни: человѣкъ на революціонномъ пути долженъ приготовиться къ самымъ крайнимъ логическимъ выводамъ изъ своихъ идей, или, если его испугаютъ эти выводы, онъ долженъ отказаться не отъ одного какого-нибудь вывода, не отъ одной какой-нибудь революціонной идеи, но отъ всей ихъ массы, такъ, напримѣръ, онъ не только не можетъ требовать *неограниченной* свободы личности, но не можетъ даже впередъ опредѣлить и предѣловъ, за которыми должны кончиться эти ограниченія. Вотъ почему, отказавшись торжественно отъ крайнихъ идей Бабефа, создавшая ихъ революція изрекла свой собственный смертный приговоръ.

Бабефомъ заканчивается революціонный періодъ во Франціи.

Далѣе придется говорить о временахъ первой имперіи, Людовика XVIII и Карла X. Въ этотъ періодъ мы встрѣтимъ работника почти все въ томъ же бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, въ какомъ онъ находился и до революціи и во времена революціи. Но зато совершенно измѣнился въ послѣднее десятилѣтіе, съ 1789—1799 г., характеръ рабочаго. Все, происходившее передъ глазами рабочаго, убѣдило его, что предъ нимъ открывается широкая дорога, что надъ нимъ не стоитъ никто и что онъ можетъ стремиться ко всему [1]). Франція болѣе другихъ націй обращала вниманіе на внѣшность и народъ яснѣе всего видѣлъ признаки равенства и свободы въ исчезнувшемъ различіи одеждъ. Всѣ платья съ золотыми и серебряными галунами, всѣ круглыя шляпы съ золотыми коймами, всѣ вышитые кафтаны и пурпуровыя мантіи, — однимъ словомъ, всѣ костюмы аристократіи, всякая роскошь и гербы исчезли

[1]) *Sigmund Englaender.* Gesch. etc. I, B. 61—83, SS.

и вся нація поспла одинъ и тотъ же нарядъ, съ единственнымъ украшеніемъ—трехцвѣтной кокардой. Богатые дома, отъ которыхъ прежде бѣгалъ работникъ со страхомъ, носили теперь надписи: «Братство или смерть. Національное имущество». Вмѣсто роскошнаго убранства садовъ, въ нихъ виднѣлись одни слѣды стремленія къ довольству, такъ какъ въ общественныхъ садахъ росли овощи и въ Тюльерійскомъ саду былъ посаженъ картофель. Куда ни обращался взоръ рабочаго, вездѣ виднѣлись ясные признаки того, что старое время прошло. Въ самой средѣ рабочихъ уничтожились прежнія іерархіи. Въ мастерскихъ мастеръ уже не сидѣлъ на болѣе высокомъ мѣстѣ, чѣмъ его подмастерья, и послѣдніе перестали играть роль мелкихъ властителей передъ своими собратьями. Прежнее различіе въ парикахъ мастеровъ, подмастерьевъ и прическѣ учениковъ, различіе въ парикахъ мастеровъ разныхъ профессій уже не существовало, какъ не существовали и самые парики. Перестали крестьяне приходить съ условными приношеніями натурою къ парикмахеру, чтобы онъ остригъ имъ волосы, перестали мастера являться съ назначенными дарами къ своимъ господамъ. Кончились запрещенія, не дозволявшія переселяться подмастерьямъ шелковыхъ фабрикъ и типографій. Получилъ работникъ возможность работать, гдѣ ему угодно, а не только въ томъ городѣ, гдѣ онъ провелъ ученическіе годы. Не существовало болѣе запрещенія для старьевщика продавать старое платье; люди, занимавшіеся починкою сапогъ, имѣли право шить новые сапоги не только себѣ (чего прежде имъ не позволяли), но даже и посторонним. Не нужно было платить громадныхъ суммъ за патенты, тогда какъ еще недавно какой-нибудь прожникъ платилъ въ гильдію за титулъ «ancien» 1.200 ливровъ, а дѣвушка, связывавшая живые цвѣты, должна была отдать 200 ливровъ, чтобы сдѣлаться «maîtresse bouquetière». Не требовалось теперь учиться подобнымъ искусствамъ, какъ связываніе букетовъ, что можно выучить въ двѣ, три минуты, тогда какъ прежде нужно было пробыть для этого 4 года въ ученикахъ и 2 года въ подмастерьяхъ. Рабочій отвыкъ отъ опеки. Онъ старается выбиться изъ сквернаго положенія при помощи своихъ собственныхъ силъ. Онъ пересталъ быть тупымъ, безотвѣтнымъ воломъ и созналъ, что онъ такой же гражданинъ, какъ и фабриканты, и члены администраціи. Онъ научился бороться за свои права, онъ даже черезчуръ пристрастился къ отстаиванью вооруженной

рукою своихъ интересовъ. Его прежняя выносливость смѣнилась крайнею нетерпѣливостью. Никакія полумѣры, никакіе благотворительные богадѣльни и госпитали не могутъ удовлетворить его теперь, потому что онъ сталъ читать ежедневно газеты, иногда издававшіяся именно для него; онъ побывалъ въ шумныхъ клубахъ и слышалъ, къ чему можетъ стремиться человѣкъ. Въ его средѣ уже могутъ образоваться тѣ горячія головы, которыя создаютъ своимъ пламеннымъ воображеніемъ разные планы, часто неосуществимые, слишкомъ грандіозные, слишкомъ фантастическіе, но именно потому и увлекающіе массу и вносящіе броженіе въ застой будничной жизни,—броженіе, котораго уже, конечно, не вызоветъ какое-нибудь весьма разумное и очень исполнимое обѣщаніе богача прибавить еще пару кроватей въ госпиталь для изувѣченныхъ на его фабрикѣ мастеровыхъ.

Такимъ человѣкомъ сталъ французскій, или, вѣрнѣе сказать, парижскій рабочій по окончаніи революціи, но, надо замѣтить, что этотъ человѣкъ, кромѣ того, былъ человѣкомъ усталымъ, требовавшимъ прежде всего отдыха и спокойствія.

III.

ПЕРВАЯ ИМПЕРІЯ.

1799—1815.

I.

Въ то же время, когда идеалистъ Бабефъ мечталъ осчастливить и надѣлить равными правами всѣхъ людей, другой человѣкъ-практикъ разсчитывалъ осчастливить только себя и сдѣлать всѣхъ людей равно безправными передъ собою. Съ перваго взгляда должно казаться, что перваго ждалъ полнѣйшій успѣхъ, а второго—полнѣйшая неудача. Но такое мнѣніе чистая ошибка. Дѣло перваго касалось всѣхъ и потому требовало безусловной откровенности, дѣло второго касалось только одной личности и потому обусловливалось скрытностью. Первый долженъ былъ прямо говорить, что онъ уничтожитъ все старое и отжившее и грозитъ цѣлой массѣ привилегированныхъ классовъ гнѣвомъ старыхъ привилегій; второй долженъ былъ давать всѣмъ какія угодно обѣщанія, чтобы исподтишка воздвигать свое зданіе, и его

расчеты сулили этой же привилегированной массѣ полнѣйшее огражденіе ея интересовъ, такъ какъ и самые эти расчеты могли осуществиться только при ея содѣйствіи. Идеалистъ долженъ былъ пасть, практикъ долженъ былъ выиграть. Мы уже видѣли, какъ палъ Бабефъ, теперь намъ необходимо взглянуть, какъ возвысился Наполеонъ. Сіэсъ высказалъ при началѣ революціи свою знаменитую фразу: «что такое среднее сословіе? — Все. — Чѣмъ оно было до сихъ поръ въ политическомъ отношеніи?—Ничѣмъ.—Чего оно проситъ?—Сдѣлаться чѣмъ-нибудь».—И среднее сословіе—буржуазія—дѣйствительно, стремилось стать на первый планъ, подавляя съ одной стороны аристократію, сдерживая съ другой попытки народа—а въ томъ числѣ и рабочихъ—завоевать и себѣ обезпеченное положеніе. Разъединеніе этихъ трехъ общественныхъ элементовъ—аристократіи, буржуазіи и народа—главнымъ образомъ, повредило успѣхамъ революціи и заставляло цѣлыя массы людей бороться противъ тѣхъ или другихъ реформъ, если съ ихъ осуществленіемъ соединялась польза одного котораго-нибудь изъ этихъ трехъ общественныхъ элементовъ. Каждая мѣра, долженствовавшая принести выгоду работникамъ или народу, казалась нарушеніемъ свободы и несправедливостью буржуазіи и аристократіи, и наоборотъ. Французское общество сложилось при такихъ условіяхъ, что иначе не могло и быть, и для того, чтобы дать какое-нибудь право одному сословію, нужно было лишать какой-нибудь привилегіи другія сословія. Уступки же, какъ извѣстно, не дѣлаются безъ борьбы.

При такомъ положеніи общества трудно было ожидать единодушія всѣхъ сословій и успѣха для самаго дѣла, но легко было выдвинуться впередъ одному какому-нибудь человѣку, особенно если этотъ человѣкъ не принадлежалъ ни къ одному изъ названныхъ нами сословій, а стоялъ въ средѣ защитниковъ отечества, т. е. въ средѣ военнаго сословія. Люди военнаго сословія уже давно играли не послѣднюю роль въ революціонной Франціи. Они спасали ее отъ внѣшнихъ враговъ; они постоянно разгоняли голодный народъ, добывавшій грабежомъ и насиліемъ свой хлѣбъ; они являлись пугаломъ для эмигрирующей аристократіи, стремившейся интригами возстановить старый порядокъ; они закрывали и уничтожали тайныя общества,—однимъ словомъ, давали возможность грознымъ декретамъ не оставаться пустыми риторическими фразами. Чѣмъ сильнѣе дѣлалась опасность отъ внутреннихъ волненій и неурядицъ, чѣмъ чаще

приходилось сдерживать раздраженныя массы рабочаго народа, тѣмъ выше становилось значеніе того лица, которое, пользуясь вооруженною силою, вносило ружейными прикладами миръ въ толпу. Такая роль въ послѣднее время выпала на долю генерала Бонапарте, и онъ сумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. «Зачѣмъ впустили сюда эту сволочь? Нужно бы пушечными выстрѣлами вымести четыреста-пятьсотъ человѣкъ, а остальные разлетѣлись бы сами»,—говорилъ онъ, смотря на ворвавшійся въ Тюльери народъ, и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ правиломъ.

Сперва, во времена могущества Робеспьера, онъ является поклонникомъ этого человѣка и другомъ его младшаго брата. Потомъ, во времена послѣднихъ дней Конвента, онъ, въ качествѣ генерала второй внутренней арміи, которою командуетъ Баррасъ, защищаетъ отечество противъ внутреннихъ враговъ, т. е. послѣднихъ приверженцевъ идей Робеспьера. Далѣе, во времена Директоріи, Баррасъ дѣлается директоромъ и поручаетъ внутреннюю армію Бонапарте, который становится другомъ, своимъ человѣкомъ, въ домѣ этого развратнаго, подкупного и подкупающаго циника, даже не скрывающаго ни своихъ оргій, ни своихъ подлостей. Борьба противъ демократовъ, закрытіе клуба «Пантеона», арестъ Бабефа, захватъ роялистовъ, все это совершается подъ вліяніемъ Бонапарте [1]). Ему 27 лѣтъ; онъ еще ни разу не присутствовалъ въ правильномъ сраженіи съ внѣшними врагами; Директорія знаетъ, что есть люди старше и опытнѣе его въ этомъ дѣлѣ; но развратникъ Баррасъ, по своему обыкновенію и съ свойственною ему откровенностью, предлагаетъ своему молодому любимцу-генералу руку своей любовницы Жозефины и начальство надъ итальянской арміей: жену Бонапарте беретъ 9 марта, за приданымъ, т. е. за начальствомъ надъ итальянской арміей, ѣдетъ 21 марта. Съ этой поры его слава растетъ быстро.

Маленькій, худой, блѣдный, съ римскимъ профилемъ, съ проницательнымъ взглядомъ, то остроумный, то повелительный, то увлекающій въ разговорахъ, образованный лучше другихъ генераловъ, болѣе ихъ способный, какъ писатель, дѣятельный, самоувѣренный, заботящійся о своей славѣ, геніальный и честолюбивый, онъ одерживаетъ побѣды, пріобрѣтаетъ популярность въ арміи, становится во главѣ ея, совершаетъ походъ въ Египетъ и возвращается въ Парижъ,

---

[1]) *Cabet.* Hist. pop. etc., t. IV, pp. 341 etc.

гдѣ его братья и родные уже подготовили почву для его дѣйствій, возглашая наподобіе герольдовъ о славѣ великаго героя. Цѣлью генерала становится ниспроверженіе Директоріи. Для этого онъ соединяется съ ненавистнымъ ему и ненавидящимъ его Сіэсомъ. Подкопы подъ Директорію и подъ Барраса-благодѣтеля ведутся искусно, опорой служитъ армія и военная слава. Блескъ этой славы дѣлается еще ярче при помощи слуховъ о намѣреніяхъ тайныхъ злодѣевъ убить генерала. Эти слухи главнымъ образомъ распускаетъ Люсьенъ Бонапарте, братъ генерала. Но покуда ни самъ генералъ, ни Люсьенъ не признаются, что они стремятся захватить диктатуру для старшаго изъ нихъ. Они на всякомъ шагу, при всякомъ удобномъ случаѣ отрекаются отъ подобной мысли. «Носятся слухи о новомъ Кромвелѣ, о новомъ Цезарѣ, — говоритъ генералъ:—говорятъ, что я хочу устроить военное правительство... Граждане, если бы я хотѣлъ подавить свободу моей страны и похитить верховную власть, то эту роль мнѣ было легко принять на себя по возвращеніи изъ Италіи, во время чуднаго тріумфа, когда армія, нація и партіи приглашали меня принять эту роль. Я не хотѣлъ этого тогда, *не хочу и теперь*». Во-первыхъ, ему *не предлагали* верховной власти, во-вторыхъ, *онъ хотѣлъ* ее захватить... Люсьенъ еще торжественнѣе отрицаетъ стремленіе брата къ диктатурѣ. «Говорятъ, — восклицаетъ онъ:—что мой братъ хочетъ быть диктаторомъ! Это страшная ложь! Да если бы онъ могъ угрожать свободѣ, то я первый,—Люсьенъ вытащилъ свою шпагу,—я первый сдѣлался бы Брутомъ!» И, несмотря на эти увѣренія, генералъ дѣлается диктаторомъ, консуломъ, и законодательная комиссія уже собирается въ его покояхъ, какъ у царствующей особы. Всѣ непріятные ему журналы запрещаются при помощи простыхъ консульскихъ приказовъ, остается только 13 періодическихъ изданій, да и тѣмъ грозятъ смертью, если они будутъ говорить не то, чего отъ нихъ требуютъ. Онъ предписываетъ изгнаніе г-жи Сталь, у которой въ салонѣ осуждали его дѣйствія. Раздача должностей вполнѣ зависитъ отъ него. Онъ посѣщаетъ учебныя и благотворительныя заведенія, какъ глава государства. Сенаторы пресмыкаются предъ нимъ. Сенатъ поздравляетъ его за счастливое окончаніе разныхъ дипломатическихъ переговоровъ. По его приказу схватываютъ герцога Энгіенскаго, находящагося вблизи французской границы, привозятъ несчастнаго во Францію и разстрѣливаютъ, то-есть просто убиваютъ

ни въ чемъ не виноватаго и беззащитнаго человѣка за то только, что онъ принадлежалъ къ числу родственниковъ прежней династіи. Послѣ этого, какъ выразился императоръ Александръ I, «преступнаго нарушенія человѣческихъ правъ» оставался только одинъ шагъ къ подчиненію всего своей силѣ.

«При видѣ различныхъ покушеній на вашу жизнь, при которыхъ Провидѣніе всегда спасало героя, необходимаго для высшихъ цѣлей, — первая мысль сената была та, что, стараясь погубить васъ, враги хотятъ гибели Франціи... Великій человѣкъ, окончите свое дѣло, сдѣлавъ его безсмертнымъ, какъ ваша слава! Вы вызвали насъ изъ хаоса прошлаго; вы заставляете насъ благословлять благодѣянія настоящаго; гарантируйте же намъ наше будущее!» Такъ пресмыкался сенатъ въ своемъ адресѣ консулу. Консулъ былъ провозглашенъ императоромъ и Брутъ-Люсьенъ болѣе всѣхъ другихъ хлопоталъ, чтобы эта новость была хорошо принята обществомъ. Тутъ дѣйствительно можно было воскликнуть: et tu quoque, Brute! Съ этой минуты Наполеонъ считаетъ себя единственнымъ представителемъ націи, и законодательный корпусъ дѣлается просто его совѣтомъ, а Франція его собственностью. «Мой народъ, мои города, мои префекты, мои мэры», сталъ теперь говорить тотъ самый человѣкъ, который еще недавно говорилъ народнымъ представителямъ: «Представители, не смотрите на меня, какъ на низкаго интригана, прикрывающагося маской лицемѣрія. Я доказалъ свою преданность республикѣ и всякое притворство для меня безполезно. Спасемте равенство, свободу! Я объявляю вамъ, что *лишь только пройдутъ опасности*, давшія мнѣ чрезвычайную власть, какъ тотчасъ же я *откажусь отъ этой власти*. Я не хочу быть ничѣмъ инымъ въ отношеніи правительства, которое вы учредите, какъ *рукою*, готовою поддерживать это правительство и исполнять его приказы». Теперь было не то, онъ сталъ императоромъ, и всѣ европейскія державы, за исключеніемъ Россіи и Англіи, признали законность этого факта.

— Фарсъ сыгранъ!—выразился одинъ изъ его современниковъ.

— У насъ, господа, есть теперь повелитель,—насмѣшливо замѣтилъ Сіэсъ послѣ провозглашенія Наполеона консуломъ.— Онъ все знаетъ, онъ всѣмъ распоряжается, и онъ все можетъ сдѣлать.

Что же онъ сдѣлалъ для народа и для рабочаго класса?

II.

Главнымъ и единственнымъ стремленіемъ Наполеона было достиженіе неограниченной власти надо всѣмъ. Онъ никогда не думалъ водворить во Франціи братство, равенство и свободу, и тѣхъ, кто думалъ на дѣлѣ осуществить эти принципы, онъ или презиралъ, какъ глупыхъ мечтателей, или ненавидѣлъ, какъ опасныхъ возмутителей. Онъ могъ бы сдѣлаться кровожаднымъ тираномъ и угнетателемъ народа, какъ это часто бываетъ съ подобными людьми, но онъ обладалъ слишкомъ сильнымъ и практическимъ умомъ. Умный человѣкъ и практикъ прежде всего, онъ понялъ, что властвовать можно только надъ успокоеннымъ народомъ и что французы только тогда забудутъ всѣ толки о свободѣ, о всеобщей подачѣ голосовъ, о равенствѣ и тому подобныхъ вещахъ, когда у нихъ будетъ хлѣбъ. И вотъ, съ первыхъ дней своего царствованія Наполеонъ стремится, во-первыхъ, забрать въ свои руки все правленіе, во-вторыхъ, болѣе всего хлопочетъ о продовольствіи страны и, въ-третьихъ, старается, какъ можно тверже, опираться на войско: послѣднее дѣлается ради разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, и Наполеонъ по опыту знаетъ, какъ тверда эта опора. «Великій порядокъ, управляющій всѣмъ міромъ,—говоритъ Наполеонъ:—долженъ управлять и каждою отдѣльною частью міра; правительство находится въ центрѣ обществъ, какъ солнце; различныя учрежденія должны протекать вокругъ него по своимъ орбитамъ, никогда не уклоняясь въ сторону. Правительство должно управлять всѣми ихъ соображеніями, такимъ образомъ, чтобы всѣ они способствовали поддержанію общей гармоніи». Сообразно съ этимъ взглядомъ создается цѣлая лѣстница администраціи: префекты во главѣ округовъ, мэры во главѣ общинъ, члены совѣтовъ для опредѣленія бюджетовъ,—и всѣ эти личности, отъ перваго сенатора до послѣдняго чиновника, назначаются верховною властью и каждый изъ нихъ является, въ нѣкоторомъ родѣ, однимъ изъ лучей этой власти, такъ что, оскорбляя его, общество оскорбляетъ не просто человѣка, а эту власть. Потому-то при распряхъ должностныхъ и частныхъ лицъ ихъ судитъ не обыкновенный судъ, но спеціальные трибуналы, совѣты префектуры, въ которыхъ совѣтники, опять-таки, назначаются и отрѣшаются отъ должностей непосредственно верховною властью. По той же причинѣ, если чиновникъ, при исполненіи своихъ обязанностей, сдѣлалъ

бы преступленіе, то отдать его подъ судъ могъ бы только государственный совѣтъ, а не частное лицо, имѣвшее право предать въ руки правосудія простого вора. На тѣхъ же основаніяхъ запрещена была чиновникамъ всякая торговля, какъ дѣло, равняющее и связывающее вмѣстѣ интересы продавца и покупателя. Всѣ эти мѣры должны были сосредоточить власть въ рукахъ Наполеона и сохранить уваженіе общества не только къ нему, но и къ послѣднему исполнителю его воли. А этихъ исполнителей его воли было столько, что общество совершенно опуталось ими, и отъ ихъ глазъ не ускользала никакая частная дѣятельность: они скорѣе походили на господъ, берущихъ оброкъ и помыкающихъ обществомъ, чѣмъ на слугъ, нанятыхъ обществомъ для сохраненія своей безопасности и своего спокойствія. Подъ надзоромъ этихъ гувернеровъ, всегда имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи военную силу, общество успокоилось и утихло. Но чтобы общество сознавало вполнѣ, какъ прекрасно его настоящее положеніе, нужно было, чтобы это общество не голодало, — и вотъ Наполеонъ употребляетъ всѣ средства для доставленія странѣ хлѣба и жизненныхъ припасовъ. Никакіе труды, никакія войны не могли отвлечь вниманія императора отъ этого предмета, и здѣсь онъ ясно показалъ, какъ хорошо онъ знаетъ дѣло. «Цѣны на хлѣбъ увеличились въ Парижѣ, гражданинъ-министръ,—пишетъ онъ Люсьену Бонапарте [1]):—мука вздорожала. Въ разныхъ концахъ государства жалуются на вывозъ зерна за границу. Прошу васъ обратить вниманіе на этотъ интересный предметъ» (10 сентября 1800 года). «Министръ внутреннихъ дѣлъ разсмотритъ, не удобно ли городу Парижу вступить во владѣніе запасными магазинами Корбейля... Они должны содержать къ 1-му марта сполна весь провіантъ; и съ этой минуты вплоть до жатвы министръ не долженъ ничего отпускать изъ нихъ» (14-го февраля 1806 г.). «Обратите, прошу васъ, побольше вниманія на поставку двойного запаса хлѣба, чѣмъ я уже распорядился передъ моимъ отправленіемъ. Неужели опытъ не научитъ насъ ничему, и мы станемъ еще ждать, когда наступитъ нужда въ хлѣбѣ. Тутъ всякіе *но* и *если* неумѣстны и нужно сдѣлать успѣшно это дѣло, во что бы то ни стало» (4 апрѣля 1807 г.). «Франція и мы богаты десятилѣтнимъ опытомъ, послѣ многихъ заблужденій во Франціи составилось мнѣніе, что только одно

---

[1]) *Levasseur*. Hist. des clas. ouvr., t. I, pp. 237—250.

правительство, смотря по обстоятельствамъ, можетъ открывать и закрывать заставы для вывоза хлѣба, и было бы очень безразсудно предлагать это дѣло на разсмотрѣніе составителей законовъ» (7 іюля 1802 г.). Такъ же сильно заботился Наполеонъ о доставленіи народу другихъ жизненныхъ припасовъ. Префекты полиціи слѣдятъ за продажею масла, сыра, яицъ, говядины. Старые законы, относящіеся къ этому предмету, возобновляются, чтобы по возможности прекратить барышничество перекупщиковъ привезенныхъ изъ деревень товаровъ. Наблюденіе полиціи, таксы, узаконеніе мѣры и вѣса, все это было пущено въ ходъ для удешевленія припасовъ, возстановились даже нѣкоторыя корпораціи торговцевъ, но это уже были не старыя корпораціи, а нѣчто совершенно новое, зависящее вполнѣ отъ администраціи, состоящее подъ постояннымъ надзоромъ полиціи. Свободы торговли болѣе не существовало. Успокоенное правительствомъ общество перестало волноваться. Если же гдѣ и были бродящія силы, то онѣ уходили въ военную службу, такъ какъ война, поддерживавшая популярность Наполеона, все продолжалась. Чтобы изгладить изъ памяти французовъ и послѣднія воспоминанія о недавнемъ прошломъ, Наполеонъ выпустилъ изъ тюремъ духовенство, ввелъ снова воскресные отдыхи, разрѣшилъ отправленіе католическихъ церковныхъ обрядовъ, отмѣнилъ празднованіе революціонныхъ годовщинъ.

При такомъ положеніи общества, если не могло особенно улучшиться положеніе рабочихъ, то, по крайней мѣрѣ, они могли найти себѣ работу. Успокоенные и находящіеся внѣ всякой опасности отъ внутреннихъ смутъ, богачи принялись теперь снова за постройки, за заказы украшеній для своихъ отелей, за шитье нарядовъ. Производство предметовъ роскоши, совершенно прекратившееся во времена революціи, ожило вновь и заняло тысячи рукъ. Кромѣ того, Наполеонъ, помѣстившись въ Тюльери, мало-по-малу, ввелъ въ моду парадные пріемы новой знати и возобновилъ отчасти формы стараго этикета. «Шпага и шелковые чулки,—говоритъ одинъ современникъ:—замѣнили и саблю, и сапоги». Императрица привлекла въ свои салоны семейства аристократовъ, которымъ былъ дозволенъ въѣздъ въ отечество. Вслѣдъ за главою имперіи начали устраивать рауты и министры, въ особенности Талейранъ. Блестящіе балы, великолѣпное убранство комнатъ, наряды женщинъ, парадныя одежды мужчинъ,—все это доставляло средства рабочимъ не

сидѣть безъ дѣла и напоминало жизнь старой монархіи. Но Наполеонъ хлопоталъ о занятіи рабочихъ рукъ и другимъ дѣломъ: онъ предпринималъ всевозможныя постройки, требовавшія сотенъ тысячъ людей.

Чтобы понять, сколько рукъ занято было казенной работой, довольно взглянуть на расходы имперіи по этому предмету за десять лѣтъ [1]).

На императорскіе дворцы и казенныя зданія истрачено	62.000.000
» фортификаціонныя работы . . .	144.000.000
» морскія гавани	117.000.000
» дороги	277.000.000
» мосты	31.000.000
» каналы, осушку болотъ	123.000.000
» публичныя зданія въ городахъ и департаментахъ	149.000.000
» парижскія городскія работы . .	102.000.000
Итого . .	1.005.000.000

Это было уже нѣчто очень существенное, и потому не мудрено, что долго обманываемые революціей и утомившіеся въ борьбѣ работники на время забыли революціонныя идеи объ общности имуществъ и о равноправности. Ко всему этому прибавьте, что при большихъ наборахъ рабочихъ рукъ было меньше прежняго, что обмундировка громаднаго войска, приготовленіе оружія, фабрикація пороху, тоже доставляли работу, и вы поймете, почему недавно бушевавшій народъ сталъ теперь спокойнымъ.

Далѣе мы поближе взглянемъ на его развитіе и бытъ.

III.

Наполеонъ заботился объ успокоеніи рабочихъ, но не о доставленіи имъ равноправности съ прочими людьми, что было задачею революціонныхъ правительствъ. Потому всѣ его распоряженія по этому предмету имѣли двоякій характеръ: съ одной стороны онъ заботился всѣми мѣрами развивать промышленную дѣятельность, чтобы рабочіе могли найти работу и хлѣбъ; а съ другой стороны издавалъ стѣснительные для свободы мастеровыхъ законы, чтобы эти люди не могли волноваться, и совершенно не давалъ имъ средствъ къ образованію, чтобы оно не вносило въ ихъ

[1]) *Baron de Nervo.* Les finances françaises. Paris, Michel Lévy, t. II, p. 505.

умы опасныхъ идей и стремленій. При такомъ положеніи дѣла намъ необходимо сперва взглянуть, до чего довела его опека промышленность, и потомъ сказать, какъ повліялъ его надзоръ на работниковъ. Въ концѣ мы увидимъ, была ли достигнута главная цѣль—успокоеніе общества.

«Франція такая богатая и промышленная страна, что лишь только отгумѣла гроза, такъ тотчасъ же исчезли всѣ слѣды несчастія; старыя мастерскія наполнились снова народомъ; новыя возникаютъ ежедневно, и если бы война не прерывала торговли, то процвѣтаніе страны было бы полнѣе, чѣмъ въ самыя блестящія времена старой монархіи». Такъ писалъ одинъ изъ наполеоновскихъ современниковъ, Виталь-Ру [1]), и дѣйствительно, онъ не ошибся въ томъ, что въ промышленности было вызвано сильное оживленіе. Но Виталь-Ру не замѣтилъ, что это оживленіе носило совершенно другой характеръ, чѣмъ во времена старой монархіи, и не возникло само собою, а вызывалось всевозможными мѣрами со стороны правительства, боявшагося застоя въ работѣ. Кромѣ того, въ промышленности явился теперь новый двигатель—наука. Правительственныя мѣры, въ родѣ субсидій фабрикантамъ или приказовъ покупать только французскія издѣлія, часто вредили дѣлу; наука принесла ему громадную пользу.

До сихъ поръ наука въ заводскомъ и фабричномъ дѣлѣ замѣнялась во Франціи рутиною, ловкостью рабочаго и преданіемъ, которымъ руководствовались въ извѣстныхъ производствахъ. Только во второй половинѣ XVIII вѣка настоящая наука попробовала ступить на почву мануфактурной дѣятельности; но сначала неподвижная замкнутость корпорацій, а потомъ революціонныя волненія остановили попытки науки въ самомъ зародышѣ. Въ 1791 году Леблянъ устроилъ новую фабрику искусственной соды, но вскорѣ разорился. Въ 1799 году одинъ эссонскій работникъ попробовалъ начать машинное изготовленіе бумаги, но долженъ былъ отправиться со своимъ изобрѣтеніемъ въ Англію. Въ эту эпоху во Франціи было крайне малое число даже такихъ бумагопрядильныхъ машинъ, какъ англійская mull-jenny. Внутренній миръ, наставшій съ первыхъ дней консульства, сдѣлалъ возможнымъ приложеніе научныхъ открытій къ фабричному дѣлу. Многіе замѣчательные люди того времени поняли, что свобода была по необходимости при-

---

[1]) *Levasseur*. Hist. des cl. ouvr., t. I, pp. 299—327.

несена въ жертву возстановленію порядка, и рѣшили, что нужно, по крайней мѣрѣ, хотя «вносить свѣтъ, поддерживать таланты и побуждать соревнованіе» въ средѣ рабочаго сословія, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить народъ за обманутыя надежды. Съ этою цѣлью въ 1801 г. возобновилось уже существовавшее въ 1789 г., или, вѣрнѣе сказать, создалось вновь «Общество поощренія національной промышленности». Главными учредителями были такіе люди, какъ знаменитый химикъ Шапталь, математикъ и одинъ изъ основателей политехнической школы Монжъ, химики Бертолетъ и Фуркруа, изобрѣтатель аэростата Монгольфье и другія, не менѣе извѣстныя личности. Они поставили себѣ задачею собирать свѣдѣнія о всѣхъ полезныхъ открытіяхъ по части искусства, распространять и поощрять промышленное образованіе, вызывать научные опыты, помогать несчастнымъ художникамъ-ремесленникамъ и раздавать награды. Съ перваго же разу на это дѣло откликнулось триста человѣкъ; подъ вліяніемъ предложенныхъ «Обществомъ» на конкурсъ вопросовъ и розданныхъ имъ наградъ, возникло множество изобрѣтеній и усовершенствованій по части мануфактурныхъ производствъ; такъ возникли машины для изготовленія рыболовныхъ сѣтей, для пряденія и чесанія шерсти, усовершенствовалось приготовленіе берлинской лазури, улучшилось горшечное ремесло, были изобрѣтены безопасныя лампы, надежные замки новаго устройства, упростился чулочный ткацкій станокъ, явились новыя экономическія приложенія по части топлива,—однимъ словомъ, куда бы мы ни взглянули, отъ типографіи до послѣдней бумагопрядильни, вездѣ встрѣчаются слѣды дѣятельности «Общества поощренія національной промышленности». Наполеонъ, желавшій присутствовать вездѣ и слѣдить за всѣмъ, взялъ на свою долю также сотню акцій «Общества», и то одинъ, то въ сопровожденіи членовъ «Общества» посѣщалъ мастерскія, разспрашивалъ фабрикантовъ и давалъ приказанія министру внутреннихъ дѣлъ продолжать эти посѣщенія, если его самого удерживали отъ того государственныя дѣла. Независимо отъ того «Общества», Наполеонъ изъ государственныхъ суммъ назначилъ промышленные конкурсы, выдавалъ пособія нѣкоторымъ фабрикамъ, кромѣ того, приглашалъ префектовъ посылать въ Пасси на городскія деньги избранныхъ работниковъ-ткачей для изученія управленія новоизобрѣтеннымъ челнокомъ. Онъ самъ отправился въ Сенъ-Кентэнъ, гдѣ шли раздоры между инженерами по поводу

плана новаго канала, и заставилъ начать при себѣ работы, обѣщавшія большія удобства и выгоды для торговли. На нѣсколько дней онъ остановился въ Ліонѣ и былъ очень обрадованъ тѣмъ, что шелковыя фабрики начинали поправляться отъ разоренія. «Здѣсь,—писалъ онъ,—всѣ умы, какъ мнѣ казалось, полны дѣятельности, но не той, которая разрушаетъ государство, а той, которая создаетъ его и производитъ его процвѣтаніе и богатство». Дѣйствительно, утомленное общество теперь и не думало о разрушеніи, и если вся Франція была похожа на громадную тюрьму, то надо сознаться, что тюрьма выглядѣла очень богато, арестанты были, повидимому, сыты, довольны и спокойны. Мы еще увидимъ, чѣмъ все это должно было неизбѣжно кончиться.

Неутомимый дѣятель, изобрѣтатель, мануфактуристъ, администраторъ и ученый, Шапталь былъ призванъ къ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Первымъ его дѣломъ было устройство промышленной выставки въ 1801 году. Первая выставка была уже во времена Директоріи, но на ней красовались произведенія одного парижскаго округа, теперь же на выставку привезлись произведенія всей Франціи, по приглашенію министра. Раздача медалей, поощренія Наполеона, удовольствіе публики,—все это сдѣлало выставку настолько удачной, что въ слѣдующемъ году число экспонентовъ возвысилось съ 229 человѣкъ на 540. На второй выставкѣ присутствовали лордъ Корнвалисъ и Фоксъ, прибывшіе въ Парижъ по случаю переговоровъ о мирѣ. Фоксъ лукаво замѣтилъ, что онъ видитъ превосходныя произведенія, но что все это предметы роскоши, а не тѣ дешевыя произведенія, которыя могли быть по средствамъ народу. Въ отвѣтъ на это Шапталь повелъ англичанина въ отдѣленіе дешевыхъ товаровъ и показалъ ему между прочимъ складные ножи въ три су. Фоксъ до того былъ восхищенъ дешевизной этихъ ножей, что наполнилъ ими всѣ свои карманы и замѣтилъ, «что онъ уноситъ съ собой совершенно другое понятіе о французской промышленности, чѣмъ то, которое онъ имѣлъ о ней до сихъ поръ». По порученію министра, префекты начали доставлять статистическія свѣдѣнія о состояніи фабричнаго дѣла и изъ этихъ отчетовъ было видно, что дѣло быстро подвигалось впередъ, хотя еще и не успѣло сравняться съ состояніемъ промышленности при Людовикѣ XVI. Такъ Лувіеръ производилъ въ 1789 г. 4.360 кусковъ сукна, а въ 1801 г. только 3.095; производство Анделиса спустилось съ 1.766 кусковъ на 700; въ

Бернэй съ 12.000 на 3.600. Но прогрессъ противъ революціоннаго періода все-таки былъ очевиденъ, такъ какъ въ Ліонѣ вмѣсто 5.800 ткачей, занимавшихся работой въ 1800 году, было къ 1812 году 12.700 работниковъ. Производство Реймса дошло до изумительнаго процвѣтанія: оно въ 1810 г. не только сравнялось со своимъ прежнимъ положеніемъ, но доставляло, кромѣ того, на рынки 400.000 локтей различныхъ матерій и 32.800 платковъ и кашемировыхъ шалей, которые одни стоили 3 1/2 милліона и «не уступали индійскимъ». Кромѣ того, возникли новые роды тканей, вызванныя модой. Въ одномъ департаментѣ Марны въ 1810 году было выдѣлано шерстяныхъ товаровъ на 19.690.579 франковъ.

Особенную пользу принесли фабричному дѣлу химическія открытія и усовершенствованія. Сами ученые, изъ которыхъ назовемъ Конте, Фуркруа, Бертолета и Воклэна, вышли изъ своихъ ученыхъ кабинетовъ и спустились на фабрики, чтобы непосредственно служить мануфактурному дѣлу. Началась новая связь между двумя разъединенными до сихъ поръ классами, между рабочими и учеными. Первые набирались новыхъ познаній; вторые, при постоянномъ столкновеніи съ практическою дѣятельностью, наводились на новые для нихъ и очень полезные для науки факты. Такія честныя отношенія къ жизни не проходятъ безплодно. И дѣйствительно, прогрессъ въ способахъ фабричнаго производства сталъ замѣтенъ вездѣ. Улучшеніе приготовленія азотной и сѣрной кислотъ, новые успѣхи въ приготовленіи искусственной соды, добываніе нашатыря, бѣлилъ, очищеніе квасцовъ,— все это могло совершиться только при помощи химіи, а между тѣмъ постоянныя войны именно теперь-то и дѣлали необходимымъ добываніе этихъ предметовъ на мѣстѣ, такъ какъ нельзя было попрежнему выписывать ихъ изъ Испаніи, Сициліи и Англіи. Только при помощи улучшеній въ кожевенномъ производствѣ можно было обезпечить теперь все возраставшую поставку кожи на многочисленную армію. Сафьянъ сталъ съ этого времени приготовляться во Франціи и, говорятъ, былъ лучше, чѣмъ привезенный изъ Леванта. Очищеніе масла, которое могло бы горѣть въ комнатныхъ лампахъ Карселя; добываніе по способу Дарсе клея изъ костей; бѣленіе тканей при помощи хлора по методѣ Бертолета, избавившее фабрикантовъ отъ необходимости разстилать на лугахъ полотно на цѣлые мѣсяцы; тотъ же способъ бѣленія, примѣненный Шапталемъ къ писче-

бумажному производству; новое дистиллированіе алькоголя по способу Эдуарда Адама, превзошедшее всѣ старые способы,—все это относится ко временамъ имперіи. Въ красильномъ искусствѣ снова были введены въ употребленіе вайда и марена, вытѣсненныя изъ дѣла послѣ открытія Индіи—индиго и кашенилью, и при лучшей обработкѣ получились отличные результаты; производство сурика сдѣлалось настолько удовлетворительнымъ, что уже можно было въ этомъ отношеніи не стоять въ зависимости отъ Голландіи и Англіи. Менѣе важны были успѣхи по части механики, такъ какъ паръ еще не вошелъ въ употребленіе. Паровыя машины были уже извѣстны, но онѣ еще не проникли въ мануфактуры, и всѣ машины, которыя появлялись покуда на фабрикахъ, были ручныя. Одинъ англичанинъ, Дугласъ, приглашенный во Францію Шапталемъ, устроилъ свой механическій заводъ вблизи Парижа и представилъ на выставку цѣлый рядъ машинъ для пряденія, чесанія и вообще для обработки шерсти. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ продалъ до 340 машинъ суконнымъ фабрикантамъ и даже вызвалъ подражателей. То тамъ, то тутъ представлялись новыя машины, при введеніи которыхъ можно было замѣнить однимъ или двумя работниками—десять, или даже 20 рабочихъ рукъ.

Но ни хозяева, ни рабочіе на привыкли еще къ этому нововведенію, да и самыя машины были неуклюжи, грубы, скоро портились, и такъ какъ онѣ приводились въ движеніе рабочими или лошадьми, то ихъ скорѣе можно назвать усовершенствованными инструментами, чѣмъ настоящими машинами. Самое замѣчательное изобрѣтеніе того времени по этой части былъ ткацкій станокъ Жакара, давшій возможность ткать безъ прежнихъ затрудненій узорчатыя ткани. Но такъ какъ этотъ станокъ дѣлалъ, съ одной стороны, ненужнымъ трудъ множества женщинъ, занимавшихся прежде при ткаиьѣ узорчатыхъ матерій страшно утомительнымъ предергиваньемъ веревокъ подъ станкомъ, а съ другой стороны, дѣлалъ болѣе трудною работу мужчинъ, нисколько не утомлявшихся при прежнемъ устройствѣ ткацкаго станка, то изобрѣтеніе Жакара и было встрѣчено волненіемъ: работники обвинили его въ желаніи отнять хлѣбъ у ихъ женъ, а присяжные изломали на площади его станокъ. Но «Общество поощренія національной промышленности» стало на сторону Жакара, дало ему средства усовершенствовать его изобрѣтеніе и прежде паденія имперіи новый станокъ по-

лучилъ право гражданства на всѣхъ ліонскихъ фабрикахъ, и самому Жакару городъ сталъ выдавать по 3.000 фр. ежегодной пенсіи и по 50 фр. преміи за каждый сдѣланный по его методѣ станокъ. При помощи этого станка возможно было безъ всякихъ новыхъ затратъ разнообразить рисунки и продавать ткани по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ прежде; потому сбытъ шелковыхъ матерій увеличился, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число рабочихъ.

Невозможность, по причинѣ блокады, привозить изъ-за границы хлопчато-бумажныя ткани заставила французовъ выдѣлывать дома нанки, мусселины, коленкоры и т. п. матеріи. Наполеонъ покровительствовалъ этому дѣлу, но онъ ясно сознавалъ, что оно не можетъ процвѣтать при отсутствіи хлопка, и потому всѣми силами сталъ заботиться подорвать хлопчато-бумажныя издѣлія—льняными тканями. Онъ предложилъ награду въ милліонъ франковъ «тому, кто, какой бы онъ ни былъ націи, изобрѣтетъ лучшую машину для пряденія льна». Конкурсъ былъ открытъ въ теченіе трехъ лѣтъ, однако награда не была выдана никому, такъ какъ всѣ изобрѣтенія, по мнѣнію экспертовъ, страдали какими-нибудь недостатками. Но, несмотря на эти недостатки, нѣкоторыя машины все-таки принесли пользу и особенно машина стараго марсельскаго профессора Филиппа Жирара; она могла, смотря по надобности, сучить и самыя толстыя нити, и годныя для тончайшаго кружева. Въ концѣ концовъ Жираръ разорился по случаю войны, а одинъ англичанинъ, тайно узнавшій устройство его машины, взялъ на нее привилегію въ Лондонѣ, и потомъ ввезъ ее, какъ нѣчто совершенно новое, во Францію. При введеніи въ фабричное дѣло машинъ неизбѣжно должно было увеличиться и усовершенствоваться производство желѣза, служащаго основнымъ матеріаломъ при издѣліяхъ подобнаго рода. Прогрессъ на этомъ пути былъ такъ великъ, что въ 1812 году Франція употребляла въ дѣло 99.000 тоннъ чугуну и 929.000 тоннъ каменнаго угля, тогда какъ въ 1789 году перваго шло на дѣло только 61.000 тоннъ, а второго 250.000 тоннъ.

И между тѣмъ все это великое, блестящее зданіе, гдѣ свобода принесена въ жертву сытой неволѣ и шуму военной славы, была построено на пескѣ. Наполеонъ, достигшій власти при помощи своей популярности въ арміи и при помощи своихъ побѣдъ, могъ сдерживать привыкшій къ волненіямъ и блестящимъ надеждамъ народъ и подталкивать промышленность только искусственными, насильственными

мѣрами: цѣлымъ войскомъ администраторовъ и полицейскихъ надзирателей, громадными арміями, нелѣпою континентальною системою, замкнувшею передъ иностранными товарами двери французскихъ рынковъ, таксами, стѣсненіями и наконецъ хвастливыми, щекотавшими самолюбіе французовъ, бюллетенями о блистательныхъ побѣдахъ надъ пруссаками, австрійцами и русскими. Распатайся одна какая-нибудь изъ этихъ безчисленныхъ подпорокъ, которыми нужно было поддерживать «прочное» зданіе благоденствовавшей имперіи, и это несокрушимое зданіе непремѣнно должно было рушиться. Участь случайно попавшаго на престолъ Наполеона походила на участь небогатаго человѣка, открывшаго при помощи займовъ банкирскій домъ, занимающаго все бо̀льшія и бо̀льшія суммы для вѣрной уплаты старыхъ долговъ и для поддержанія своего кредита и не думающаго, что его долгъ все растетъ и когда-нибудь, сдѣлавшись неоплатнымъ, подорветъ сразу и навсегда всѣ его денежныя операціи, всю его славу и вызоветъ только проклятія разоренныхъ имъ довѣрителей. Наполеонъ, не имѣя никакихъ законныхъ правъ на власть, поставилъ себя въ такое роковое положеніе, что не могъ отказаться отъ дорого-сто̀ящаго опекунства надъ Франціей, не могъ отказаться отъ содержанія дорого-сто̀ящаго громаднаго войска, не могъ отказаться отъ гибельныхъ для государственнаго благосостоянія, но поддерживающихъ его славу войскъ. Вотъ почему все его царствованіе представляетъ какое-то переходное состояніе къ чему-то неизвѣстному, какой-то ночлегъ на станціи: всѣ, начиная съ главы государства и кончая простымъ работникомъ, чувствуютъ, что ихъ настоящее положеніе есть нѣчто временное, преходящее, что цѣль ихъ стремленій все еще находится гдѣ-то впереди. Самъ Наполеонъ идетъ все дальше и дальше съ побѣдоносными войсками, точно ему нужно непремѣнно завоевать весь міръ для водворенія прочнаго спокойствія и прочнаго процвѣтанія въ государствѣ. Общество гордится его побѣдами, но все-таки трепещетъ за свою участь, не зная, чѣмъ кончатся войны, и находясь какъ бы на бивуакахъ. И чѣмъ дольше длятся войны, тѣмъ слышнѣе становится ропотъ на эти вѣчныя тревоги и яснѣе выражается желаніе скопить какъ можно больше денегъ для себя на черный день или, по крайней мѣрѣ, пожить какъ можно веселѣе до черпаго дня. Отсутствіе уютности, домовитости, комфорта, сознаніе непрочности насиженнаго гнѣзда, вотъ отличительныя черты тоскливо,

лихорадочно трэвожной жизни общества во времена имперіи.

Постараемся нарисовать въ общихъ чертахъ ея картину.

IV.

Правительство Наполеона, какъ это всегда бываетъ, могло административными и искусственными мѣрами возбудить дѣятельность въ промышленности, хотя временную, преходящую, но все же дѣятельность. Запретивъ ввозъ иностранныхъ товаровъ, оно непремѣнно должно было вызывать производство отчественныхъ издѣлій. Давъ субсидію такой-то фабрикѣ и сдѣлавъ на ней большіе заказы для себя, оно могло ввести въ моду издѣлія этой фабрики. Назначивъ премію за такія-то изобрѣтенія, оно могло вызвать рядъ подобныхъ изобрѣтеній. Но несостоятельность искусственныхъ и принудительныхъ мѣръ должна была прежде всего отразиться на состояніи искусства, которое никогда не можетъ развиваться по официальной программѣ, и на состояніи общественной жизни гражданъ, которая можетъ слагаться только свободно. А между тѣмъ, только искусство можетъ придать издѣліямъ промышленности ту форму, которая болѣе всего согласовалась бы съ нашими современными понятіями объ удобствѣ, комфортѣ и вкусѣ и только общественная жизнь можетъ выработать тѣ понятія, при которыхъ возможно какъ громкое заявленіе о народныхъ нуждахъ, такъ и стремленіе общими силами помочь этимъ нуждамъ и поднять погрязнувшихъ въ невѣжество рабочихъ. Во времена имперіи искусство было мертво, общественной жизни не было. Эпоха революціи была эпохой чистѣйшаго классицизма. Всѣ революціонеры были классиками, воспитали свой умъ, развили свои идеи подъ вліяніемъ чтеній о гражданскомъ мужествѣ, о геройскихъ подвигахъ, о безчисленныхъ возстаніяхъ, о политическихъ переворотахъ древняго міра. Ихъ знакомство съ древними писателями Греціи и Рима не было тѣмъ поверхностнымъ знакомствомъ, какимъ были богаты французскіе представители псевдо-классицизма, усвоившіе себѣ только внѣшнюю форму древнихъ. Нѣтъ, революціонеры глубоко вникли въ смыслъ классическихъ произведеній. И дѣйствительно, ничто не можетъ такъ воспламенить воображеніе, какъ исторія о подвигахъ такихъ людей, какъ Муцій Сцевола или Брутъ, какъ разсказы о такомъ полномъ развитіи общинной жизни, какъ общинная жизнь Спарты, или какъ изложеніе такой стройной системы,

какъ система, изложенная въ республикѣ Платона. Всѣ эти люди, подписавшіе смертный приговоръ Людовика XVI, проповѣдывавшіе коммунистическія идеи, восторгавшіеся подвигомъ гражданки Шарлоты Кордэ, стремились даже въ одеждѣ подражать древнимъ: женщины носили греческое платье, а депутаты народнаго собранія одѣвались въ римскія тоги. Это вліяніе классицизма отразилось и на искусствѣ: простота и строгость царствовали какъ въ живописи, такъ и въ ваяніи и архитектурѣ. Главнымъ представителемъ этого направленія въ живописи былъ знаменитый Давидъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Конвента и распорядитель на революціонныхъ празднествахъ. Во времена Наполеона, съ которымъ онъ былъ связанъ дружескими отношеніями, онъ сдѣлался официальнымъ придворнымъ живописцемъ. Наполеонъ, воспитанный на чтеніи Плутарха, любившій героевъ древняго міра, былъ далеко не артистъ по натурѣ и, какъ военный человѣкъ, любилъ прямыя и неподвижныя линіи, отсутствіе прикрасъ, строгую сдержанность,—однимъ словомъ, дисциплину вездѣ и во всемъ. Вкусы Давида хотя и не были настолько склонны къ полицейскому надзору въ дѣлѣ живописи, но все-таки довольно близко подходили ко вкусамъ Наполеона и фигуры на его картинахъ были не только классически просты и строги, но часто сухи, тощи, холодны и безжизненны. Недостатки учителя увеличились въ произведеніяхъ его учениковъ, старавшихся поддѣлаться подъ вкусы главы государства. Кромѣ того, въ это богатое войнами время сильно плодились картины батальнаго содержанія. Подобныя картины бываютъ, большею частію, могилой для развитія ихъ творцовъ. Неподвижныя массы вылитыхъ въ одну форму существъ, деревянныя фигуры отдѣльныхъ личностей, неэстетическія, грубыя формы принадлежностей войны, ружей, пушекъ, казенныхъ фуръ, однообразные клубы дыма, застилающіе и безъ того по большой части плоскую и некрасивую мѣстность, громадные размѣры картины и несоотвѣтствующая имъ мелкость дѣйствующихъ лицъ,—все это губитъ талантъ, который никогда не спасетъ себя созданіемъ среди этого пестраго ситца двухъ-трехъ отдѣльныхъ драматическихъ сценъ битвы, тѣмъ болѣе, что и самыя эти сцены крайне однообразны и воспроизводились уже тысячи разъ. Еще сильнѣе отразилась военная дисциплина и полицейская распорядительность Наполеона въ архитектурѣ. Давидъ представилъ ему двухъ юныхъ архитекторовъ: Фонтэня и Персье,

я эти двѣ личности въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ оставались придворными архитекторами, долгое время управляли строительнымъ совѣтомъ, такъ что всѣ сооруженія дворцовъ, постройка публичныхъ зданій, возобновленіе старыхъ казенныхъ строеній совершались подъ ихъ вліяніемъ. И это вліяніе распространялось на всю Францію въ эти времена страшной централизаціи, когда нельзя было прорубить какого-нибудь окна на дворъ въ казенномъ или публичномъ строеніи безъ разрѣшенія строительнаго совѣта, распространялось оно не только на строенія, но на рисунки мебели, бронзовыя украшенія, обои, посуду. Менѣе даровитые, чѣмъ ихъ покровитель, эти два архитектора были еще болѣе сухи, чѣмъ онъ. Что было казарменною сухостью и наготою въ ихъ постройкахъ, то дѣлалось дубоватостью и неуклюжестью въ проектированныхъ ими комнатныхъ украшеніяхъ. Если же что-нибудь и выходило недурнымъ подъ ихъ руками, то это были плоды рабскаго подражанія древности. Положеніе скульптуры было не лучше, и только одинъ скульпторъ возбуждалъ заслуженный восторгъ,—но это былъ случайный гость Парижа, иностранецъ Канова. Эта все убивающая солдатчина и все обезличивающая казенщина, въ которую выродились стремленія къ классицизму, неизбѣжно должна была отразиться не только на произведеніяхъ искусства, но и на формахъ и рисункахъ произведеній промышленности. Такъ, Севрская фабрика, пользовавшаяся поддержкою правительства и являвшаяся законодательницею въ фарфоровомъ производствѣ, обогатясь, при помощи науки, новыми красками, выдѣлывала великолѣпныя вещи, но никогда еще рисунки и формы ея издѣлій не были столь антипатичны и мертвенны, какъ теперь. Въ этихъ мелкихъ вещицахъ, предназначенныхъ для украшенія комнатъ и праздничныхъ столовъ, не было и слѣда граціи или воображенія; однообразная монументальность и неподвижная дубоватость появилась на нихъ вмѣсто игривыхъ и разнообразныхъ пейзажей и фигуръ прошлаго времени; на тарелкахъ и чашкахъ появлялись памятники, тріумфальныя арки и т. п. предметы съ прямыми линіями, не останавливающими ничьего вниманія. Дорогія ткани, парчи, бархаты, крепы, тюли, нашедшія сбытъ, благодаря роскоши новаго двора и новой знати, послѣ не болѣе слѣдовъ вкуса, чѣмъ фарфоръ. Тутъ появлялись рисунки тѣхъ же башенъ, колоннадъ и монументовъ. Такъ, на брюссельскихъ кружевахъ, изъ которыхъ было сдѣлано платье Жозефины, была изображена колоннада. Ко-

донны и храмы на кружевахъ,—недоставало только часовыхъ съ ружьями! То же можно сказать о произведеніяхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, бронзовщиковъ и мебельщиковъ. Если бы вы заглянули въ одинъ изъ тогдашнихъ салоновъ, то васъ поразило бы отсутствіе всякой гармоніи и еще болѣе непріятно подѣйствовало бы на васъ отсутствіе всякаго удобства и уютности. Что-то напоминающее роскошно убранную казарму было во всемъ этомъ блескѣ. Сами хозяева и гости этихъ роскошныхъ дворцовъ и отелей, подлаживавшіеся подъ вкусы командира-императора, были какъ будто не на своемъ мѣстѣ, не дома. Старая аристократія чувствовала себя неловко въ гостиныхъ выскочекъ имперіи и въ душѣ ненавидѣла эту имперію; новая аристократія, вышедшая Богъ знаетъ изъ какихъ трущобъ, была ослѣплена блескомъ своего новаго положенія, но еще не поняла, что блескъ только тогда хорошъ, когда онъ является создателемъ комфорта, удобства, и рядилась въ дорогіе наряды, обставлялась дорогою мебелью не потому, что это было удобно, не потому, что это дѣйствуетъ пріятно на чувства красотою формъ, а только потому, что это дорого. И за то, какъ уродливо выглядѣли всѣ эти вчерашніе солдаты, всѣ эти походныя барыни, не то маркитантки, не то женщины легкаго поведенія, въ своихъ безобразныхъ, но драгоцѣнныхъ нарядахъ, на своихъ угловатыхъ, неловкихъ, но роскошныхъ креслахъ и диванахъ. Зачесанные кверху, въ видѣ башенъ, отягченные тяжелыми обручами волосы, узкія платья съ перетянутыми подъ грудью тальями,—все это дѣлало женщинъ похожими на какіе то столбы съ перехватами близъ верхней оконечности и орнаментами наверху; казалось, что онѣ не смѣютъ сѣсть, боясь прихода грознаго начальника своихъ мужей. И всѣ эти dames de l'Empire, несмотря на свое богатство, чувствовали себя неловко и крайне скучали. Въ сущности, всѣ эти люди были на бивуакахъ, въ отнятомъ у непріятеля городѣ и ждали, что вотъ-вотъ непріятель снова отобьетъ этотъ городъ и вытуритъ изъ него непрошенныхъ гостей. Голоса Бурбоновъ раздавались еще въ ихъ ушахъ. Война же все продолжалась, пушки грохотали попрежнему и каждый выстрѣлъ отзывался болью и страхомъ въ сердцахъ ширующихъ побѣдителей: но бюллетени покуда все еще продолжали возвѣщать о побѣдахъ, а потому нужно было показывать, что завоевателямъ очень весело въ чужомъ городѣ, въ чужой одеждѣ. Среди подобнаго положенія, оторванная

отъ прошлой поземельной и господской связи съ крѣпостным народомъ, старая аристократія заботилась еще менѣе прежняго о рабочей массѣ и была чужда, по большей части, всякой полезной дѣятельности. Новая аристократія, чувствуя непрочность своего положенія и спѣша пользоваться имъ, заботилась о черни тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе она старалась позабыть свою недавнюю принадлежность къ бѣднымъ классамъ общества. Потому работникамъ нечего было ждать ни отъ старыхъ, ни отъ новыхъ аристократовъ. Ближе къ рабочему классу стояло постоянно умножавшееся сословіе разбогатѣвшей буржуазіи, фабрикантовъ и купцовъ. Имѣя постоянное дѣло съ рабочимъ народомъ, это сословіе могло оказывать на него сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ, какъ мы увидимъ ниже, въ видахъ сохраненія общественнаго спокойствія, отдалъ большую часть работниковъ буквально подъ опеку фабрикантамъ и мастерамъ. Но могли ли эти опекуны думать о выгодахъ работника? На ихъ глазахъ совершились, вслѣдствіе политическихъ смутъ, сотни банкротствъ, разореній и разграбленій фабрикъ и лавокъ. Это обстоятельство сильно запугало фабрикантовъ и торговцевъ и заставляло ихъ наживать всѣми средствами, какъ можно скорѣе, капиталъ, чтобы имѣть возможность вовремя отстраниться отъ невѣрной промышленной и торговой дѣятельности. Первые годы консульства стали немного успокоивать ихъ; но уже въ 1803 г. начало военныхъ дѣйствій прервало на нѣсколько мѣсяцевъ работы на нѣкоторыхъ фабрикахъ и повлекло за собою банкротство нѣсколькихъ торговыхъ домовъ. Этому началу не предвидѣлось конца: каждая новая война вела за собою денежные кризисы и грозила капиталистамъ. Наполеонъ негодовалъ, дѣлалъ распоряженія для предупрежденія кризисовъ, но отъ войны отказаться не могъ, и потому всѣ распоряженія были безплодны. Паническій страхъ овладѣлъ умами капиталистовъ, и они стали смутно чувствовать приближеніе конца этому процвѣтанію ихъ дѣла. Мало склонные вообще къ благодѣтельствованію рабочимъ, они, видя теперь свою близкую гибель, ожидая черныхъ дней, рѣшительно перестали думать о низшемъ классѣ и ловили удобныя минуты для накопленія богатствъ: накоплять богатства можно было въ это время, только притѣсняя рабочихъ и повышая плату за товары. Имъ было все равно, какъ могъ жить изъ малыхъ средствъ, гдѣ могъ образоваться при полнѣйшемъ отсутствіи школъ, куда могъ пріютиться подъ старость не сдѣлавшій сбере-

женій работникъ, но они приносили жалобы, что онъ не хочетъ работать столько-то часовъ въ день подъ рядъ. Бѣдные люди, и они боялись, что не успѣютъ нажиться до той поры, когда и ихъ выгонитъ изъ ихъ временнаго помѣщенія непріятель.

V.

Если рабочему трудно было ожидать помощи отъ общества, трепетавшаго за свою собственную участь и спѣшившаго нажиться, то еще менѣе могъ онъ ожидать участія отъ правительства Наполеона, которое съ первой минуты своей дѣятельности стало во враждебныя отношенія къ нему, какъ къ недавнему бунтовщику. Прижимки являлись со всѣхъ сторонъ. Началось съ числа рабочихъ часовъ. Выучка мастеровыхъ и согласіе ихъ заниматься работой являются совершенно частными актами личнаго соглашенія хозяевъ съ рабочими, но правительство поспѣшило навязать и этимъ актамъ разныя условія закона и нагнуло вѣсы на сторону фабрикантовъ. Многіе промышленники желали возстановленія старыхъ статутовъ и обычаевъ, заставлявшихъ работника начинать трудъ съ пятаго или шестого часа утра, и вычисляли, что одинъ Парижъ теряетъ милліоны ливровъ съ тѣхъ поръ, какъ рабочіе, предоставленные самимъ себѣ, ежедневно работаютъ почти на два часа меньше прежняго. «Такъ,—писалъ одинъ защитникъ богатыхъ промышленниковъ:—плохіе расчеты лѣности и невѣжества въ одно и то же время возвысили заработную плату и уменьшили рабочіе часы, воруя у самихъ рабочихъ, у ихъ семействъ, у государства цѣнность производимаго»[1]). Но покуда государственный совѣтъ постарался благоразумно отклонить эти требованія фабрикантовъ, сказавъ, что «добровольныя соглашенія между рабочими и нанимателями должны исполняться», и опредѣливъ срокъ контрактовъ промежуткомъ одного года, чѣмъ думалъ спасти бѣдняковъ отъ закабаленія изъ-за нужды. Дѣйствительно, продолжительные контракты очень часто вызываются безысходной нуждой и дѣлаютъ работника крѣпостнымъ рабомъ фабриканта, но есть мѣры, которыя еще болѣе способны закрѣпостить мастерового; и къ одной изъ нихъ прибѣгло наполеоновское правительство. Придерживаясь того мнѣнія, что между работниками могутъ быть люди, склонные къ бродяжничеству, къ обману, во-

---

[1]) *Levasseur.* Hist. des cl. ouvr., t. I, pp. 283—290.

ровству и мятежу, оно признало, что рабочій, при поступленіи его на мѣсто, необходимо долженъ имѣть аттестатъ отъ стараго своего хозяина. Но вѣдь и хозяинъ, какъ человѣкъ, могъ быть въ свою очередь и несправедливъ, и жестокъ. Этимъ постановленіемъ законодатель ясно показалъ, что онъ видитъ въ рабочемъ и фабрикантѣ не два существа съ равными ошибками и добродѣтелями, но признаетъ за однимъ изъ нихъ склонность ко всякому обману, а въ другомъ—полное отсутствіе стремленія къ угнетенію или эксплоатаціи. Старый фабрикантъ непремѣнно раздражался на уходящаго работника и могъ дать ему дурной аттестатъ, вслѣдствіе чего новый хозяинъ непремѣнно долженъ былъ смотрѣть косо на поступающаго къ нему мастерового. Подчиненный этою статьею закона фабриканту, рабочій не могъ прибѣгнуть и къ соглашенію со своими собратьями, потому что и этотъ путь поспѣшили заградить предъ нимъ, опредѣливъ, какъ и въ революціонный періодъ, наказанія за всякія собранія и соглашенія рабочихъ, которые вздумали бы одновременно отказаться отъ работы на какой-нибудь фабрикѣ. Впослѣдствіи этотъ параграфъ закона смягчился и подвергалъ наказанію какъ фабрикантовъ, такъ и мастеровыхъ, которые рѣшились бы на коалицію, чтобы заставить рабочихъ одновременно прекратить работы. Но коалиціи фабрикантовъ не могли быть многочисленны по числу членовъ и могли совершаться въ тишинѣ, въ ихъ квартирахъ, ускользая отъ надзора полиціи; сверхъ того, у фабрикантовъ были сотни оправданій при внезапномъ прекращеніи дѣла, оправданій въ родѣ упадка торговли, недостатка торговли, недостатка кредита, пониженія курса и другихъ причинъ, передъ которыми правительство, по необходимости, должно было хранить молчаніе. Коалиціи же рабочихъ трудно было не замѣтить, еще труднѣе было найти голоднымъ рабочимъ причины, по которымъ они вдругъ отказывались отъ заработка своего, составляющаго ихъ единственное средство къ существованію, и почти невозможно было рѣшить, кто именно заставилъ прекратить работы и кто былъ въ этомъ дѣлѣ только слѣпымъ орудіемъ другихъ. Такимъ образомъ смягченіе закона не вело ни къ чему. Эти законы не были простымъ слѣдствіемъ временной реакціи послѣ десятилѣтнихъ смутъ. Нѣтъ, Наполеонъ желалъ процвѣтанія промышленности, поощрялъ фабрикантовъ, видящихъ выгоду во внутреннемъ мирѣ, чѣмъ бы онъ ни былъ купленъ, и враждебно смотрѣлъ на рабо-

чихъ, какъ на людей, считавшихъ необходимымъ добыть себѣ хотя насиліемъ какія-нибудь права. Онъ не хотѣлъ замѣтить, что буржуазія и народъ-земледѣлецъ выиграли хоть что-нибудь во времена революціи, воспользовавшись уничтоженіемъ привилегій и отнятіемъ земель у аристократіи, но что не выигралъ ничего рабочій классъ, что онъ остался въ прежней нищетѣ и безпомощности и еще долженъ былъ переносить новыя униженія. Эта вражда къ рабочему возмутительно выразилась даже въ сводѣ гражданскихъ законовъ, изданномъ Наполеономъ. «Хозяину,—говоритъ 1781 статья закона: – вѣрится на слово относительно размѣра условленной платы. относительно выдачи жалованья за истекшій годъ, а также относительно денегъ, взятыхъ въ счетъ текущаго года». Такимъ образомъ при каждомъ спорѣ о деньгахъ хозяина съ рабочимъ первый оставался непремѣнно правъ, а второй постоянно виноватъ. Закономъ не оставлялось даже никакой лазейки для иного исхода дѣла: одинъ могъ представлять какія-угодно доказательства—ему все-таки не вѣрили, а другому нечего было и доказывать, потому что самое неопровержимое доказательство было одно его слово. А кто же станетъ обвинять себя?

Исходя все изъ того же убѣжденія, что рабочій способенъ къ бродяжничеству, законъ повелѣваетъ ему имѣть у себя записную книжку, которая подвергалась тѣмъ же формальностямъ полицейскаго надзора, какъ и паспортъ, хотя и не замѣняла его, не дѣлала его ненужнымъ. Она была чѣмъ-то въ родѣ формулярнаго списка рабочаго; хозяинъ имѣлъ право требовать, чтобы работникъ при поступленіи на мѣсто отдавалъ ее въ хозяйскія руки, какъ гарантію исправности и вѣрности ея обладателя; хозяинъ могъ вписывать въ нее всѣ выданныя рабочему впередъ деньги, могъ не отдавать ее мастеровому, пока тотъ не заработаетъ забранныхъ денегъ, могъ выгнать должника-работника, удержавъ эту книжку, и такимъ образомъ послѣднему приходилось вступить на новое мѣсто не иначе, какъ выпросивъ у новаго хозяина сумму денегъ для уплаты долга, то-есть закабаливъ себя на новой фабрикѣ, которой онъ еще не зналъ. Полицейское управленіе, еще полное воспоминаній о старомъ порядкѣ, всегда склонное къ превышенію власти, употребляло при этомъ всевозможныя мѣры притѣсненій и всегда находило себѣ извиненіе въ глазахъ правительства, оправдываясь неотразимымъ аргументомъ — безопасностью

Парижа. Полиція требовала, чтобы каждый работникъ запасся въ теченіе трехъ дней книжкою, за которую приходилось платить семьдесятъ пять сантимовъ (19 копеекъ), чтобы онъ визировалъ ее у комиссара при каждой перемѣнѣ должности и мѣста жительства. Особые комиссары, захватившіе монополію наблюденія за рабочими извѣстныхъ профессій, тѣснили до-нельзя этотъ народъ и устроили у себя справочныя мѣста для работниковъ, запретивъ кому бы то ни было мѣшаться въ это дѣло. Официозная опека перешла въ официальную и рабочій жилъ буквально подъ наблюденіемъ полиціи, такъ что относительно его она потеряла совершенно свое настоящее значеніе нанятой всѣмъ обществомъ, а значитъ и рабочимъ народомъ, охранительницы спокойствія ея нанимателей. Заручившись разными мнимыми требованіями порядка, полиція стала вмѣшиваться даже въ чисто частныя дѣла и сдѣлки промышленности и торговли. Во многихъ случаяхъ она замѣнила свободу контрактныхъ условій регламентаціей. Такъ, она постановила, что работникъ, если онъ прослужилъ два мѣсяца у одного мясника, можетъ перейти на службу къ новому хозяину только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы лавка послѣдняго отдѣлялась отъ помѣщенія перваго не менѣе какъ тремя мясными лавками. Подъ предлогомъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ, она въ нѣкоторомъ родѣ уничтожила доступъ къ Сенѣ, запретивъ имѣть гондолы, пирóги и тому подобныя мелкія лодки, за исключеніемъ официально признанныхъ плоскодонныхъ паромовъ не менѣе восьми метровъ длины; паромщики допускались къ занятію префектурою не иначе, какъ получивъ свидѣтельство четырехъ старыхъ моряковъ-лоцмановъ, ручавшихся за ихъ способности; тарифъ для перевозовъ и рѣчныхъ катаній заканчивалъ эти правила. Многіе изъ промышленниковъ, обязанныхъ по роду своихъ занятій постоянно переходить изъ одной мѣстности въ другую, какъ, напримѣръ, угольщики, комиссіонеры, носильщики, обязаны были брать билеты изъ префектуры; эта мѣра, какъ и распоряженіе о записной книжкѣ для рабочихъ, могла бы быть не дурна только развѣ въ томъ случаѣ, если бы билетъ служилъ замѣною паспорта; но администрація, которой была поручена раздача билетовъ, вообразила, что имѣетъ право не только выдавать билеты, но и не выдавать ихъ по своему капризу, и такимъ образомъ не только ограничила число своихъ избранниковъ, заботясь, чтобы у нихъ не было конкурентовъ, но даже и

предписала имъ свои условія. Для плотниковъ, каменщиковъ и тому подобныхъ рабочихъ администрація опредѣлила не только количество рабочихъ часовъ, но и время начала работъ во всякую пору года, часы обѣда, отдыха, ужина, окончанія занятій. Недоставало только опредѣлить, когда работникъ можетъ говорить и когда онъ долженъ молчать, чтобы создать положеніе настоящихъ каторжниковъ для мирныхъ гражданъ, виновныхъ только въ своемъ безсиліи. Придравшись къ тому предлогу, что инструменты плотниковъ могутъ сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ неблагонамѣренныхъ рукахъ, а въ сущности боясь неспокойнаго духа плотниковъ, полиція заставила каждаго мастера положить на эти инструменты особое клеймо, и не подумала о томъ, что каждый подмастерье имѣетъ свои собственные инструменты. Она запретила и частнымъ лицамъ нанимать подмастерьевъ болѣе чѣмъ на два дня, не заявивъ ей объ этомъ. Шляпникамъ, подъ предлогомъ возможности пожаровъ въ мастерскихъ, запрещено было нанимать помѣщеніе безъ особаго разрѣшенія. Даже въ контрактныя условія этихъ ремесленниковъ успѣла вмѣшаться администрація. Не была оставлена въ покоѣ и прислуга; она должна была брать особые билеты отъ комиссаровъ, не имѣла права нанимать безъ вѣдома господъ комнаты для себя и оставаться въ Парижѣ болѣе мѣсяца безъ мѣста. Черезъ три года эти правила распространились на всѣ большіе города. Правительство держало страну въ осадномъ положеніи.

Префектъ полиціи и мэры должны были рѣшать споры между рабочими, учениками и фабрикантами. Эти некомпетентные судьи могли подавлять, но не рѣшать распри и безпорядки. На этотъ разъ промышленники не выдержали и заявили императору, что они желаютъ имѣть свой собственный судъ. Этимъ требованіямъ сдѣлана уступка и были учреждены совѣты присяжныхъ, одно изъ довольно порядочныхъ учрежденій того времени, уменьшавшее расходы тяжущихся и устранявшее излишнія формальности. Но работники все-таки не были допущены въ число этихъ совѣтовъ, гдѣ царили фабриканты.

Находясь въ такомъ угнетеніи, рабочіе имѣли, по крайней мѣрѣ, возможность сократить срокъ ученичества [1]). Этотъ срокъ убавился почти на половину. Но, не обязанные болѣе закономъ оставаться извѣстное число лѣтъ въ учени-

---

[1]) *Ibid.*, pp. 357—384.

кахъ, рабочіе не выживали теперь иногда и того числа лѣтъ, которое обозначили въ своихъ частныхъ условіяхъ съ мастерами. Число учениковъ увеличивалось и даже отдѣльные работники—не мастера—имѣли учениковъ, чего не бывало при старомъ порядкѣ. Мальчики поступали въ ученье на двѣнадцатомъ и четырнадцатомъ году, но уже въ большихъ фабричныхъ центрахъ начался пріемъ малолѣтнихъ дѣтей на фабрики и нерѣдко можно было встрѣтить тамъ семилѣтнихъ ребятъ за дѣломъ.

Ежедневные расходы увеличились во время имперіи, такъ какъ многіе жизненные припасы стали дороже. Разумѣется, и работникъ сталъ требовать большей платы за трудъ и уменьшилъ число рабочихъ часовъ. Главною причиною, давшею возможность рабочему привести въ исполненіе эти требованія, были наборы. Солдатчина являлась сильнымъ конкурентомъ промышленности, увлекая въ полки безчисленное множество юношей. Сперва вербовались молодые люди съ 20 и 25 лѣтъ, потомъ съ 18 лѣтъ. Война искала самыхъ здоровыхъ и дюжихъ людей, милліонами отрывала ихъ отъ семьи, отъ родины, отъ дѣла и погребала на чужихъ поляхъ въ то время, какъ большая часть пощаженныхъ ею приготовляла на нихъ одежду, оружіе, пищу. Съ 1801 по 1820 г. умирало по 23.000 мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ, тогда какъ въ обыкновенное время умирало только 3.000 мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ. И даже эта первая цифра не вѣрна и была бы гораздо крупнѣе, если бы въ офиціальной статистикѣ велись правильные списки всѣхъ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Вотъ почему сильный и знающій работникъ не могъ остаться безъ дѣла въ эту пору и могъ иногда получить порядочную плату. Довольство имѣло свои обыкновенныя послѣдствія: число браковъ и рожденій увеличилось. Оно увеличивалось до 1809 года, а съ этой поры стало быстро уменьшаться, какъ стало уменьшаться и счастіе Наполеона, доигрывавшаго послѣднюю партію своей азартной игры,—въ 1813 г., число браковъ вдругъ увеличилось на 100.000 браковъ, но ихъ уже вызвало не довольство, а страхъ передъ разнесшимся слухомъ: говорили, что всѣхъ холостыхъ возьмутъ въ солдаты. Этотъ страхъ отражался вообще ужасно на рабочемъ классѣ. Чѣмъ больше дѣлалась заработная плата, тѣмъ съ большею скорбью покидалъ рабочій свою мастерскую. Всѣми силами старался онъ обойти законъ. Уже съ перваго набора, въ 1804 г., число бѣглецовъ равнялось одной трети числа рекрутовъ.

Одни бѣжали до пріема въ рекруты — *réfractaires*, другіе бѣжали послѣ пріема — *déserteures*. Чѣмъ губительнѣе и ожесточеннѣе была война, тѣмъ многочисленнѣе были бѣглецы. Отцы, матери, родные, посторонніе крестьяне спѣшили прятать и укрывать эту цвѣтущую здоровьемъ молодежь, какъ бы обреченную заранѣе на жертву. Правительство начало борьбу съ этой народной оппозиціей и употребляло крутыя мѣры противъ ослушниковъ и укрывателей. Строгости и наказанія вызвали тысячи проклятій, и Наполеонъ, когда-то любимый народомъ, возбуждалъ теперь глубочайшую ненависть, какъ источникъ народныхъ страданій.

Другая причина негодованія и страданій народа заключалась въ продолжительномъ голодѣ и кризисѣ, закончившихъ это царствованіе. Особенно страдала столица, гдѣ народонаселеніе возросло на 100.000 душъ въ десять лѣтъ. Въ 1813 году на 66.850 работниковъ Парижа уже считалось 21.950 рабочихъ безъ занятія. Двѣ трети всѣхъ мебельщиковъ, три четверти всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ остались на мостовой безъ хлѣба. Роскошь, вызвавшая ихъ на ненужное дѣло, теперь прекратилась, потому что пирующая на чужомъ пиру аристократія выскочекъ чувствовала конецъ комедіи и заботилась не о дурацкихъ погремушкахъ расточительности, а о спасеніи своей жалкой жизни. А хлѣбъ въ четыре фунта стоилъ между тѣмъ отъ 16 до 18 су. Правительство пробовало помочь горю, но не могло ничего сдѣлать. Декреты и приказы не вели ни къ чему. Въ предмѣстіи святого Антонія рабочіе напали на лавки, раздались крики: «работы или хлѣба!», на стѣнахъ появились прокламаціи и пасквили противъ императора. Полиція вмѣшалась въ дѣло, подавила безпорядки, но не прекратила зла и ненависти.

Только занятіе Франціи непріятелемъ примирило народъ съ императоромъ, но это позднее примиреніе было просто сожалѣніемъ къ падшему человѣку, котораго судьба слилась теперь въ одно съ судьбою порабощенной отчизны.

Наполеонъ, создавая институтъ, нормальную школу, медицинскія академіи, ничего не сдѣлалъ для народнаго образованія. Число первоначальныхъ школъ было почти то же, какое было при старомъ порядкѣ въ 1789 году, и преподаваніе въ нихъ далеко не улучшилось. Состояніе этихъ школъ, по словамъ современныхъ отчетовъ, было возмутительное. Онѣ отданы были подъ власть университета, пору-

чались различнымъ христіанскимъ братствамъ, сестрамъ милосердія и стоили государству, тратившему десятки милліоновъ на военныя издержки, 4.250 франковъ. Довольно узнать эту цифру, чтобы понять, какъ мало думалъ Наполеонъ о воспитаніи народа, и улыбнуться, читая его разсужденія о необходимости этого воспитанія.

Не много было сдѣлано и по части благотворительныхъ заведеній, хотя филантропія, какъ нельзя болѣе, согласовалась съ общимъ характеромъ опекунскаго правленія. Правительство возвратило этимъ заведеніямъ имущества, принадлежавшія имъ въ 1789 году, дало возможность дѣлать большія приношенія въ ихъ пользу, призвало себѣ на помощь сестеръ милосердія, позволило произвести реформы въ этой конгрегаціи, разрѣшило сестрамъ набирать помощницъ и получать имущества по духовнымъ завѣщаніямъ. Подъ наблюденіемъ сестеръ находились госпитали и богадѣльни. Кромѣ того, для прекращенія нищенства и бродяжничества, устроились нищенскіе комитеты, нѣчто среднее между тюрьмой и богадѣльней, гдѣ захваченные нищіе принуждались къ работѣ. Такихъ комитетовъ возникло 77 и въ теченіе пяти лѣтъ они воевали съ нищенствомъ, какъ Донъ-Кихотъ съ вѣтряными мельницами. Успѣхъ былъ такъ же великъ, какъ успѣхъ этого рыцаря печальнаго образа. А между тѣмъ Наполеонъ, устраивая эти комитеты, толковалъ даже о томъ, что онъ «оставитъ ими слѣды своего существованія въ потомствѣ». Воображая, что, бросивъ народъ безъ всякаго образованія, стѣсняя каждый его шагъ, не пріучивъ его ни къ какой работѣ, можно подавить нищенство, Наполеонъ не только смотрѣлъ съ тяжелымъ чувствомъ на эту общественную язву, но и издавалъ суровые декреты противъ тѣхъ, которые, стоя по развитію и образованію на равной ступени съ дикими, предавались бродяжничеству. Ихъ хватали на большихъ дорогахъ, сажали въ тюрьмы, выпускали послѣ законнаго срока заключенія— и они снова возвращались къ своему старому ремеслу—къ бродяжничеству. Но что же и могли они сдѣлать? Чему ихъ учило, что имъ дало, какъ обезпечило ихъ общество? Эти бродяги могли, можетъ-быть, не питать глубокой ненависти къ правительству, но зато они смотрѣли на него вполнѣ равнодушно и имъ было все равно, настанетъ ли завтра новая революція, возвратятся ли на престолъ изгнанные Бурбоны или явится какой-нибудь новый генералъ, чтобы столкнуть бывшаго генерала Бонапарте. Но среди непро-

свѣщеннаго, брошеннаго или подавляемаго народа было все-таки движеніе. Правительство запретило рабочимъ всякія сходки, оно не старалось покровительствовать возникновенію ассоціацій въ этой массѣ, оно не указывало ей средствъ для избѣжанія нужды, оно давило ее, и она, помимо его воли, помимо не заботившагося о ней общества, соединилась въ одну большую, своеобразную, странную общину. У нея явились свои обряды, свои условные знаки, свои пѣсни, свои герои, своя исторія, и одинъ изъ ея членовъ насмѣшливо замѣтилъ, уже въ сороковыхъ годахъ, обществу: «Ученые, роющіеся въ древностяхъ и воскрешающіе въ своихъ сочиненіяхъ память многочисленныхъ старыхъ сектъ, давно исчезнувшихъ съ земли, не видѣли нашего общества, не говорили о насъ. Какъ можно быть настолько свѣдущимъ въ дѣлахъ другихъ вѣковъ и другихъ странъ и такъ мало знать то, что существуетъ въ наше время и передъ нашими глазами? Зачѣмъ убивать столько безсонныхъ ночей на изученіе мертвыхъ предметовъ и пренебрегать живыми событіями, имѣющими болѣе дѣйствительное значеніе для общества?..» — «Если,—говоритъ онъ далѣе:—французская армія считаетъ въ обыкновенное время отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ солдатъ, то армія французскихъ рабочихъ состоитъ тоже не менѣе, какъ изъ сотни тысячъ членовъ. Она имѣетъ громадное вліяніе на умы и нравы Франціи и не философы, но политики тѣ, которые не знаютъ ея, которые съ презрѣніемъ относятся къ ней, какъ къ предмету, не имѣющему серьезнаго значенія...» [1]).

Рѣчь идетъ о «товариществѣ подмастерьевъ»—*compagnonage*. Это подвижное, странствующее по Франціи государство въ государствѣ. Всѣ достоинства и недостатки рабочаго народа, развившагося безъ помощи остального общества, отразились здѣсь яркими, самобытными чертами и только здѣсь мы видимъ дѣйствительный народъ, а не ту массу, которая обязана въ извѣстный часъ дня вставать, въ извѣстную минуту обѣдать, прилично молчать, когда ее несправедливо обвиняютъ въ судѣ, состоящемъ изъ фабрикантовъ, работать клейменными инструментами, получать аттестаты и, можетъ-быть, носить въ этихъ аттестатахъ обвиненіе въ небывалыхъ порокахъ. Тутъ являются не отвлеченныя теоріи соціалистовъ и коммунистовъ, но самая жизнь заставляетъ людей сойтись въ одну дружную общину,

[1]) *Agricol Perdiguier*. Le livre du compagnonage, deuxième éd. 1841. t. I, pp. 8 et 68.

заставляетъ сойтись тогда, когда никто еще систематически и не проповѣдывалъ здѣсь этихъ теорій, и менѣе всего знали о ихъ существованіи сами рабочіе.

VI.

Какъ у всякой секты есть ею самою составленная исторія, такъ и у «Товарищества подмастерьевъ» была имъ самимъ составленная исторія. Какъ всякая исторія общества начинается съ мноа, такъ и эта исторія начиналась съ мноа. Дѣло было вотъ какъ [1]):

Царь Соломонъ, покровитель мирныхъ ремесленниковъ, задумалъ строить храмъ во славу Всемогущаго и призвалъ на помощь Хирама, царя Тирскаго, который долженъ былъ прислать ему работниковъ и матеріаловъ. Между строителями особенно замѣчателенъ былъ мастеръ Жакъ, родившійся въ Галліи, въ маленькомъ городкѣ, по имени Картъ, и отправившійся на пятнадцатомъ году въ Грецію, гдѣ въ то время процвѣтали искусства. Здѣсь онъ развился подъ вліяніемъ философовъ и, услыхавъ, что Соломонъ собираетъ мастеровъ, отправился въ Египетъ, а потомъ въ Іерусалимъ. Когда храмъ былъ построенъ, Соломонъ наградилъ всѣхъ мастеровъ, и они пошли на родину. Мастеръ Жакъ и его соотечественникъ мастеръ Субизъ отправились въ свою Галлію, давъ обѣщаніе другъ другу никогда не разставаться. Но мастеръ Субизъ былъ человѣкъ грубый, завистливый, онъ сталъ завидовать другу, потому что тотъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ учениковъ. Зависть заставила мастера Субиза отдѣлиться отъ своего друга и выбрать другихъ учениковъ.

Разставшись, друзья отправились въ разные города: мастеръ Жакъ въ *Марсель*, мастеръ Субизъ въ *Бордо*. Мастеръ Жакъ взялъ себѣ тринадцать подмастерьевъ и сорокъ учениковъ. Одинъ изъ тринадцати покинулъ его; Жакъ выбралъ на его мѣсто новаго; три года путешествовалъ онъ, оставляя вездѣ память о своихъ великихъ способностяхъ и добродѣтеляхъ. Однажды, отдалившись на время отъ своихъ учениковъ, онъ былъ застигнутъ десятью учениками мастера Субиза, которые хотѣли его убить. Желая спастись, онъ упалъ въ болото, гдѣ тростники поддерживали его и скрыли отъ враговъ. Пока враги старались проникнуть къ нему сквозь тростники, пришли его ученики и спасли его. Тогда

---

[1]) *Ibid.*, pp. 26—78.

онъ удалился въ Сентъ-Бомъ, гдѣ одинъ изъ его учениковъ, Жеронъ или Жамэ, измѣнилъ ему и предалъ его въ руки учениковъ мастера Субиза. Однажды утромъ, до восхода солнца, мастеръ Жакъ былъ одинъ на обычной молитвѣ; тогда пришелъ предатель со своими палачами, далъ ему, по обычаю, поцѣлуй мира, который сталъ теперь сигналомъ къ убійству. Поздно пришли ученики мастера Жака, онъ уже умиралъ. «Я умираю,—сказалъ онъ:—такъ угодно Богу. Я прощаю убійцамъ и запрещаю вамъ преслѣдовать ихъ: они также несчастны: придетъ день ихъ покаянія. Я предаю душу въ руки Бога и въ ваши, мои друзья; примите мой послѣдній поцѣлуй мира. Когда я предстану предъ Всевышнимъ, я буду слѣдить за вами; я хочу, чтобы послѣднее лобзаніе, данное мною вамъ, передавалось тѣмъ товарищамъ, которыхъ вы изберете, какъ поцѣлуй ихъ отца: я буду слѣдить за ними всюду, куда они пойдутъ, пока они будутъ вѣрны Богу и своему долгу...» Онъ произнесъ еще нѣсколько словъ и умеръ на сорокъ седьмомъ году, черезъ четыре года и девять дней послѣ выхода изъ Іерусалима. Ученики сняли съ него одежду и нашли небольшой тростникъ, посимый учителемъ въ память тростниковъ, спасшихъ ему жизнь. Набальзамировавъ тѣло учителя, его похоронили въ пустынѣ Кабра. Погребеніе длилось три дня; въ это время разразилась страшная буря. Могилу завалили большими камнями, закрѣпили желѣзными засовами, потомъ зажгли костеръ и сожгли все, что употребляли при погребеніи. Одежды спрятали въ ящикъ. Послѣ этой катастрофы дѣти мастера Жака рѣшились разстаться и раздѣлили его одежды слѣдующимъ образомъ: его шляпа досталась шляпочникамъ; туника — каменщикамъ; сандаліи — слесарямъ; плащъ—столярамъ; поясъ—плотникамъ, а его посохъ—каретникамъ. Послѣ раздѣла платья, былъ произнесенъ трогательный и прекрасный символъ вѣры, данный мастеромъ Жакомъ, и его ученики разошлись въ разныя стороны... Такова легендарная исторія основанія общества «Товарищество подмастерьевъ», отразившаяся на внутреннемъ устройствѣ этого общества. Историческіе же акты упоминаютъ о его существованіи не ранѣе XIV вѣка, а въ XVI столѣтіи существованіе «Товарищества» дѣлается уже настолько замѣтнымъ, что начинаются дикія преслѣдованія противъ него. Вотъ что писалось о немъ въ 1645 году: «У подмастерьевъ ремесленниковъ различныхъ профессій были нѣкоторыя гнусныя и святотатственныя правила, которыя

назывались «Товариществомъ подмастерьевъ», — правила тѣмъ болѣе опасныя, что они скрывались подъ покровомъ внѣшней набожности и что ихъ можно было принимать съ полною увѣренностью на безнаказанность, такъ какъ они были неизвѣстны духовнымъ судьямъ; но увѣдомленные *служителемъ* Бога, который не могъ разрушить «Товарищества» своими благотворными убѣжденіями, духовные судьи, по настоянію этого человѣка, осудили и запретили подъ угрозою отлученія отъ церкви эти пагубныя сходки подмастерьевъ. Тогда подмастерья перенесли свои собранія въ другое мѣсто, находившееся внѣ судебнаго вѣдомства архіепископа, однако, были выгнаны и отсюда указомъ уѣзднаго судьи, по просьбѣ *добраго Генриха*, испросившаго у архіепископа тулузскаго указъ объ отлученіи отъ церкви тѣхъ людей этой шайки, которые предавались подобному разврату. Наконецъ, добрый Генрихъ, несмотря на всѣ препятствія, встрѣченныя имъ въ его святомъ предпріятіи, имѣлъ утѣшеніе видѣть полное разрушеніе «Товарищества подмастерьевъ».

Этотъ добрый Генрихъ, или иначе Мишель Бушъ, одинъ изъ монашествующихъ фанатиковъ, добивался собственно не уничтоженія «Товарищества», но изъявлялъ нелѣпое желаніе — превратить его въ духовное братство, обязанное, подобно монашескимъ братствамъ, дать обѣтъ безбрачія. Это безсмысленное стремленіе, конечно, не могло исполниться, такъ какъ у «Товарищества» были совершенно иныя, чисто земныя и утилитарныя цѣли и стремленія. Точно такъ же не удалось доброму Генриху, несмотря на его преждевременную радость, совсѣмъ уничтожить «Товарищество». Оно продолжало жить и дѣлать свое дѣло, перенося гоненія духовенства и преслѣдованія правительства, способствовавшія, можетъ-быть, только сильнѣйшему развитію мистической и таинственной, вредной стороны полезнаго по своей сущности общества.

Причина возникновенія этого общества была проста: самые отважные изъ французскихъ работниковъ въ молодые годы издавна ходили изъ города въ городъ искать занятія, и такимъ образомъ, учась и работая, обходили всю Францію и заканчивали этимъ осмысленнымъ путешествіемъ свое ремесленное образованіе, начатое въ маленькихъ мастерскихъ разныхъ незначительныхъ мастеровъ родного города. Этотъ прекрасный обычай, знакомящій человѣка съ отечествомъ, а не съ однимъ насиженнымъ гнѣздомъ, и дѣлаю-

ціи изъ баловня семьи смѣлаго гражданина, способнаго къ самостоятельной жизни, существуетъ и въ Германіи. Знакомство съ рабочими другихъ городовъ, стремленіе имѣть товарищей въ новыхъ мѣстностяхъ, необходимость находить денежную помощь на чужбинѣ, въ случаѣ недостатка въ работѣ, потребность ухода въ случаѣ болѣзни,—все это заставило рабочихъ организовать одинъ тѣсный и прочный союзъ, охватившій въ скоромъ времени все рабочее населеніе Франціи. Рабочіе подмастерья посѣщали по преимуществу среднюю и южную полосы государства, какъ самыя промышленныя мѣстности. Станціями служили извѣстные большіе города, носившіе на ихъ языкѣ названіе «путевыхъ» городовъ Франціи — *les villes du tour de France*. У подмастерьевъ явились особые постоялые дворы или харчевни, гдѣ ихъ принимали и кормили до тѣхъ поръ, покуда «Товарищество» добывало имъ работу. Жена хозяина постоялаго двора носила названіе *матери*, подмастерья назывались ея *дѣтьми* и обязаны были уважать ее, она же обязана была заботиться о нихъ. Слуги харчевни считались братьями и сестрами подмастерьевъ. Солидарность подмастерьевъ по отношеніямъ къ матери была почти безусловная и каждый изъ нихъ отвѣчалъ за поступки другого. Въ «Товариществѣ» сохранились, какъ нѣчто священное, имена нѣкоторыхъ изъ этихъ женщинъ и рѣдко можно найти что-нибудь болѣе чистое и трогательное по своей простотѣ, чѣмъ пѣсня, сѣтая на прощаньи съ дѣтьми одною изъ подобныхъ женщинъ, госпожею Жоанни. Иногда хозяинъ постоялаго двора дѣлался вдовцомъ, а работники все-таки продолжали говорить, что они идутъ жить къ своей матери, какъ будто ея тѣнь присутствовала въ ихъ жилищѣ. Здѣсь не только жили и обѣдали подмастерья, но здѣсь же въ первое воскресенье каждаго мѣсяца собирались сходки, на которыхъ вносились денежные вклады и обсуждались общіе для всего товарищества вопросы. Ежегодно справлялся патрональный праздникъ: поутру выслушивалась обѣдня; вечеромъ задавался пиръ и балъ; въ продолженіе дня избирались почетные члены: *первый товарищъ*, который завѣдывалъ дѣлами всего общества, и членъ, носившій названіе *распорядителя*, обязанный созывать членовъ въ собранія, знакомить новичковъ съ хозяиномъ, къ которому они поступали, *очищать счеты* уходившихъ, то-есть удостовѣряться въ томъ, что за ними не осталось никакихъ долговъ ни хозяину, ни матери. За недостаткомъ работы въ

городѣ - *первый товарищъ* отправлялъ изъ него въ другое мѣсто тѣхъ, которые прежде другихъ прибыли сюда и успѣли кое-что заработать; если оказывался спросъ на работу въ другомъ городѣ, онъ тотчасъ же посылалъ туда работниковъ. Состояніе промышленнаго дѣла въ главныхъ городахъ Франціи всегда могло быть извѣстно первому товарищу, такъ какъ «Товарищество» развѣтвлялось по всей странѣ. Это обстоятельство было очень важно: оно могло спасать рабочихъ отъ мѣстныхъ кризисовъ и правительство избавилось бы отъ волненій, вспыхивавшихъ то въ той, то въ другой мѣстностяхъ, гдѣ рабочіе вдругъ лишались работы.

«Товарищество» въ этомъ случаѣ могло бы указать волнующейся массѣ, гдѣ требуютъ ея рукъ и гдѣ могутъ дать ей работу. Но общество и правительство Франціи только давили и преслѣдовали «Товарищество», почему-то боясь этого учрежденія, спасавшаго отъ голода, а значитъ и отъ преступленій многочисленный классъ рабочаго люда. Если одинъ изъ товарищей заболѣвалъ, то его сдавали на попеченіе хозяйки, или, если у него было свое жилище, то другой товарищъ посылался ухаживать за нимъ во время болѣзни, и самъ *распорядитель* навѣщалъ его отъ времени до времени; ему даже выдавалось ежедневно, въ случаѣ необходимости, денежное пособіе въ нѣсколько су. Тѣмъ, которые по законной причинѣ не могли сдѣлать сбереженій, выдавались деньги, чтобы они могли свободно продолжать свой путь изъ одного города въ другой. Всѣмъ уходившимъ дѣлались *проводы*, то-есть товарищи или съ ними вмѣстѣ на извѣстное разстояніе отъ города и прощались всѣ поочередно, на условленномъ мѣстѣ. Когда одинъ изъ товарищей умиралъ, то всѣ члены ассоціаціи были обязаны присутствовать на похоронахъ, которыя и совершались на ихъ счетъ; на могилѣ умершаго произносилось надгробное слово. Въ теченіе года его имя произносилось на собраніяхъ.

Мастера, въ случаѣ нужды въ работникахъ, обращались къ *первому товарищу*, который, при посредничествѣ распорядителя, доставлялъ имъ необходимыхъ для нихъ мастеровыхъ. Если мастеръ былъ недоволенъ работникомъ, онъ приносилъ на него жалобу первому товарищу. Если работникъ былъ недоволенъ, онъ также доводилъ это до свѣдѣнія перваго товарища, который старался удовлетворить всѣхъ, насколько это было возможно. Если мастеръ былъ слишкомъ жестокъ и слишкомъ требователенъ относительно своихъ рабочихъ, то общество подмастерьевъ, которое вело

съ нимъ дѣла, переставало доставлять ему рабочихъ; въ такомъ случаѣ онъ обращался къ другому обществу; но если онъ все-таки не перемѣнялъ своего образа дѣйствій, то снова лишался работниковъ. Когда какой-нибудь мастеръ постоянно старался уменьшать плату рабочимъ, то все «Товарищество», состоявшее изъ нѣсколькихъ обществъ, возмущалось, такъ какъ зло дѣлалось заразительнымъ. Тогда общества сговаривались и прекращали на нѣсколько лѣтъ или даже навсегда всякія сношенія съ опальной мастерской. Это, конечно, сильно вредило мастеру, онъ разорялся, но «Товарищество» не трогалось и говорило во всеуслышаніе:—«Онъ хотѣлъ отнять кусокъ хлѣба у работниковъ, однако онъ безъ нихъ не можетъ жить; онъ былъ эгоистъ, эксплоатировалъ ихъ безъ сожалѣнія; мы его оставили существовать на свои средства, которыхъ оказалось недостаточно. Это послужитъ предостереженіемъ тѣмъ, которые хотѣли бы подражать ему!» Дѣйствительно, при такомъ единодушіи рабочихъ, эксплоатація со стороны мастеровъ должна была сдѣлаться невозможной, а это равнялось невозможности объединѣнія для работника, такъ какъ онъ всегда можетъ безбѣдно прожить своимъ трудомъ, если у него не крадутъ платы за этотъ трудъ.

«Заработная плата,—говоритъ Агрикола Пердигье:—похожа въ этомъ случаѣ на гирю, которая приводитъ въ движеніе часовой механизмъ; эта гиря, естественно, опускается сама собою; но надо, когда она опустится довольно низко, искусственнымъ образомъ поднять ее, безъ чего она опустилась бы до земли, колеса перестали бы дѣйствовать одно на другое и часы остановились бы. Работники нѣсколько разъ принуждены были употреблять не то чтобы грубую силу, а извѣстную силу инерціи; если бы они не прибѣгали никогда къ этому средству, то плата такъ бы понизилась, что промышленная машина остановилась бы и даже самъ мастеръ ужасно пострадалъ бы отъ этого». Когда товарищъ приходилъ въ городъ, его нанимали въ мастерскія; если у него не было денегъ, ему открывали кредитъ; если настоятельная необходимость заставляла его снова удалиться и у него на это не имѣлось средствъ, то общество оказывало ему помощь отъ города до города, пока онъ не достигалъ цѣли своего путешествія. Если членъ общества попадалъ въ тюрьму за дѣла, не обезпечивающія его, то для него дѣлали все, что только можно сдѣлать. Если общество одного города постигла бѣда и оно просило помощи, то общества

другихъ городовъ не оставались глухи къ его голосу и быстро, всѣми способами, помогали ему. Законы «Товарищества» предписывали прежде всего любовь и самоотреченіе. Когда какой-нибудь молодой человѣкъ выходилъ изъ одного общества подмастерьевъ, чтобы войти въ другое подобное же общество, то принимающіе его товарищи обязаны были справиться о его поведеніи въ обществѣ, къ которому онъ раньше принадлежалъ, и очистить его счеты, го-есть уплатить долги. Пробывъ три-четыре года членомъ «Товарищества», путешествующій работникъ обыкновенно выходилъ изъ общества, оставаясь навсегда его преданнымъ поклонникомъ, и возвращался на родину, чтобы начать осѣдлую, семейную жизнь. «Товарищество» выдавало ему свидѣтельство въ его нравственности и скромномъ поведеніи. Но привычка къ взаимной помощи и ассоціаціи такъ укоренялась въ рабочихъ въ эти три-четыре года, что они, и по выходѣ изъ «Товарищества», устраивали на родинѣ небольшія, частныя ассоціаціи для взаимнаго вспоможенія; великій принципъ союза сроднялся съ ихъ умами. Такимъ-то путемъ думалъ народъ спасти отъ бродяжничества не находящихъ сразу занятія работниковъ, но французское правительство не одобряло этого способа и противупоставило ему свой патентованный способъ тюремнаго заключенія и каторжныхъ работъ.

Вотъ въ чемъ заключалась серьезная причина прочнаго существованія «Товарищества», этого великаго учрежденія, созданнаго самимъ народомъ, помимо разныхъ опекуновъ. Къ этой хорошей сторонѣ дѣла примѣшивалось множество мистическихъ обрядовъ, почти неизбѣжныхъ при несчастной непросвѣщенности заброшеннаго народа. Сообразно съ легендарною частью исторіи «Товарищества», оно дѣлилось на множество обществъ. Члены однихъ обществъ назывались *дѣтьми Соломона*, такъ, напр., каменотесы, носившіе названіе *Иноземныхъ товарищей* или *Волковъ;* столяры, носившіе названіе *товарищей Долга Свободы*, сюда же принадлежали слесаря. Члены другихъ обществъ назывались *дѣтьми мастера Жака;* сюда принадлежали каменотесы, носившіе названіе *Товарищей Долга, Прохожихъ товарищей* или *Оборотней*, столяры, носившіе названіе *Собакъ*, и другіе. Кромѣ того, часть каменотесовъ назывались *дѣтьми отца Субиза*. Дѣти Соломона, мастера Жака и мастера Субиза нерѣдко сильно враждовали между собой, хотя уже и слышались голоса противъ этой вражды. Съ каждымъ годомъ

къ этимъ обществамъ прибавлялись новыя общества, составлявшіяся изъ рабочихъ разныхъ профессій. Посвященіе въ члены общества сопровождалось особыми, довольно странными формальностями. Члены разныхъ обществъ имѣли свои прозвища, какъ, напримѣръ, Авиньонецъ Скромность, Шалонецъ Честное Сердце, Правда Бордо и т. п.; они носили отличительные знаки на одеждѣ, украшались лентами разныхъ цвѣтовъ, ходили съ палками, изъ которыхъ однѣ были короткія, другія длинныя, окованныя желѣзомъ или мѣдью, и служили орудіемъ въ битвахъ. Въ дни церемоній эти палки украшались лентами. При встрѣчѣ товарищей употреблялась извѣстная форма привѣтствій, до окончанія которыхъ нельзя было начать разговора. Всякое дѣйствіе сопровождалось условными формальностями, иногда доходившими до мелочности. Нужно было такъ, а не иначе брать свой стаканъ, пить изъ него извѣстнымъ образомъ, прикалывать по условной формѣ свои ленты. При проводахъ и погребеніяхъ существовалъ неизмѣнный церемоніалъ: опредѣлялось, какъ нужно было держать ноги при прощаньи, какой *вой* [1]) нужно было испускать, какія вещи класть на гробъ и т. д. Малѣйшее отступленіе отъ обычаевъ подвергало виновнаго штрафу. Титулъ «Товарища» покупался довольно долгимъ временемъ искуса и въ нѣкоторыхъ обществахъ вступающимъ, носившимъ названія или *молодыхъ людей*, или *лисицъ*, приходилось довольно плохо. Особенно скверно обращались со вступающими въ товарищество дѣти отца Субиза. Тамъ товарищи считали себя господами новичковъ, хвалились даже такими прозвищами, какъ *Гроза лисицъ, Бичъ лисицъ* и доходили до того, что не допускали *лисицъ* спать въ одной комнатѣ съ собою, сидѣть за однимъ столомъ, танцовать рядомъ на балу. Они заставляли ихъ чистить себѣ сапоги, наливать вино въ стаканы и т. п. Но, впрочемъ, такими постунками отличались только дѣти отца Субиза, да и въ ихъ обществѣ время должно было уничтожить эти недостатки. Дѣти отца Субиза и дѣти мастера Жака постоянно соперничали между собою, какъ и надо было ожидать, зная легенду о происхожденіи «Товарищества». Иногда дѣло доходило до большихъ битвъ. Особенно памятны битвы 1730 и 1816 годовъ.

При такомъ устройствѣ «Товарищества», если бы пра-

[1]) Товарищи дѣлились *на воющихъ и не-воющихъ;* воющими назывались тѣ, которые имѣли привычку пѣть тихо, не выговаривая словъ, что потомъ перешло въ неизмѣнный обычай.

вительство подало ему руку помощи и не преслѣдовало бы его, то оно, вѣроятно, развилось бы въ нѣчто очень полезное и прочное. Но, къ сожалѣнію, преслѣдованіямъ не было конца. Работники, которые плохо понимали великіе отвлеченные принципы революціи и видѣли только то, что новое революціонное правительство на дѣлѣ гонитъ ихъ ассоціаціи, такъ же какъ и старое, не стараясь руководить и просвѣщать ихъ, сохраняли «Товарищество» со всѣми его недостатками именно такимъ, какимъ передало имъ его начало XVIII столѣтія и какимъ оно должно было остаться на долгое время при отсутствіи гласности въ его дѣлахъ. «Учредительное собраніе» думало разрушить окончательно этотъ союзъ декретомъ о сходкахъ. Однако мы видимъ, что тайно продолжали существовать его остатки, такъ какъ именно въ революціонный періодъ къ «Товариществу» присоединились кузнецы и обжигатели гипса. Во времена исторіи, когда въ рабочемъ мірѣ снова началась дѣятельность и когда общество перестраивалось заново, заимствуя многое изъ учрежденій прошлаго, работники, которыми занимались теперь только съ полицейской точки зрѣнія, не поколебались вполнѣ возстановить дорогія для нихъ учрежденія прошедшаго, и процвѣтаніе «Товарищества» началось снова.

Оно продолжало приносить свои плоды, какъ хорошіе, такъ и дурные. Аристократическія отличія въ его средѣ остались такъ же замѣтны, какъ прежде. Въ нѣкоторыхъ мастерствахъ эти отличія даже стали еще рѣзче; такъ, столярамъ, принадлежавшимъ къ обществу «Долга Свободы», показалось недостаточнымъ имѣть кандидатовъ и членовъ-товарищей, и они установили въ 1800 году еще іерархію между товарищами, которыхъ раздѣлили на принятыхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ и посвященныхъ: только послѣдніе могли пользоваться титуломъ почетныхъ членовъ. Споры были не менѣе часты и не менѣе ожесточенны, чѣмъ прежде. Въ 1801 году произошла драка въ Нантѣ, куда въ день праздника мѣстнаго святого явились кожевники, украшенные лентами условныхъ цвѣтовъ; несмотря на мѣры префекта, ссылавшагося на законъ 1791 года, смуты повторились и въ слѣдующемъ году. Въ 1804 и 1806 годахъ, тотъ же городъ былъ театромъ кровавыхъ стычекъ, сначала между коновалами и кузнецами, которые не хотѣли признать первыхъ за своихъ дѣтей, а потомъ между столярами и кровельщиками, питавшими другъ къ другу наслѣдственную ненависть. Сапожники составляли прежде часть «Товари-

щества»; въ XVII столѣтіи они вышли изъ него, а теперь желали снова примкнуть къ нему. Въ одно изъ воскресеній 1808 года одинъ кожевникъ, сидя въ кабакѣ съ тремя сапожниками, открылъ имъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ тайну своего общества. Это былъ день собранія. Одинъ изъ этихъ сапожниковъ, оставивъ кожевника съ своими товарищами, въ качествѣ заложника, отважился явиться въ собраніе, воспроизвелъ въ точности всѣ условные знаки и былъ встрѣченъ, какъ собратъ; потомъ, завладѣвъ въ дѣйствительности тайною общества, онъ посвятилъ въ свою очередь другихъ сапожниковъ и вскорѣ тайна распространилась между сапожниками по всей Франціи. Кожевники узнали объ этомъ. Стыдясь такого предательства, они рѣшились собраться въ Ангулемѣ, гдѣ сапожники находились въ довольно большомъ числѣ и всякій день получали новыя подкрѣпленія. Тамъ завязалась битва, продолжавшаяся 8 дней; оказались и раненые, и убитые. Войско должно было вмѣшаться въ дѣло и правосудію пришлось произвести множество приговоровъ; нѣсколькихъ присудили на 20 лѣтъ на галеры. Происходили состязанія и болѣе мирныя, но не менѣе противорѣчившія духу свободы. Въ 1804 году столяры, принадлежавшіе къ обществу «Дѣтей мастера Жака», начали борьбу въ Монпелье. Они рѣшились «разыграть городъ», т. е. открыть конкурсъ и предоставить монополію мѣста тому изъ двухъ обществъ, которое выиграетъ премію. Конкуренты должны были сдѣлать въ назначенное время каѳедру для церкви. Каждая партія призвала своихъ лучшихъ мастеровъ. По истеченія срока, столяры, принадлежавшіе къ обществу «Дѣтей мастера Жака», представили каѳедру, сдѣланную безъ помощи клея и гвоздей; столяры общества «Дѣтей Соломона» не успѣли окончить своей работы, но она была верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Каждый претендовалъ на премію и воспѣвалъ свою побѣду... Иногда побѣжденный признавался въ своемъ пораженіи. Такъ, въ 1804 году слесаря «разыгрывали» Марсель и предложили предметомъ конкурса замокъ. Обоихъ конкурентовъ держали взаперти нѣсколько мѣсяцевъ. По истеченіи срока членъ общества «Дѣтей Жака» представилъ великолѣпный замокъ, а соперничавшій съ нимъ «Сынъ Соломона» употребилъ все свое время на приготовленіе совершеннѣйшихъ инструментовъ для выдѣлки и даже еще не начиналъ дѣлать замка. «Дѣти Соломона» оставили мѣсто за своими соперниками, но они подозрѣвали, что выбранный ими ма-

стеръ подкупленъ врагами и преслѣдовали его своею ненавистью.

Всѣ эти событія кажутся выхваченными изъ другихъ вѣковъ и, только смотря на нихъ, видишь, какъ мало было сдѣлано французскимъ обществомъ для развитія народа. Необходимо нужно было позаботиться о народномъ образованіи. Но кто же могъ заботиться объ этомъ въ ту пору, о которой идетъ теперь рѣчь? Правительство? Аристократія? Буржуазія? Все это было занято спасеніемъ своихъ собственныхъ угловъ.

Развязка была близка...

VII.

Наполеонъ пораженъ и бѣжитъ изъ Россіи. Въ Парижѣ новая аристократія трепещетъ за свою участь, старая радуется, предвидя начало конца. Банкротства слѣдуютъ одно за другимъ и буржуазія раздражена до крайности. Голодъ свирѣпствуетъ въ средѣ народа, народъ проклинаетъ императора. Въ ночь съ 22 на 23 октября 1812 года, генералъ Малле, ярый противникъ имперіи, не перестававшій агитировать въ продолженіе царствованія Наполеона, внезапно является въ полной формѣ въ казармѣ одного полка и объявляетъ, что императоръ умеръ въ Москвѣ и что сенатъ назначилъ его самого начальникомъ дивизіи. Полкъ спросонья вѣритъ извѣстію. Малле освобождаетъ двухъ заключенныхъ республиканскихъ генераловъ Лагори и Гюидаля и отправляется дѣлать аресты. Министръ полиціи, префектъ полиціи — арестованы, дивизіонный генералъ Гюллемъ убитъ,—но одно изъ начальствующихъ лицъ, арестованное генераломъ Малле и бѣжавшее изъ-подъ ареста, захватываетъ его самого и разрушаетъ его планъ. Сенатъ, кажется, сочувствуетъ этому возмущенію, хотя и сохраняетъ полное бездѣйствіе. По крайней мѣрѣ, самъ Малле, близко знавшій настроеніе сенаторовъ, увѣренъ въ ихъ сочувствіи. «Кто были ваши сообщники?»—спрашиваютъ его при допросѣ.—«Вся Франція,—отвѣчаетъ онъ сенаторамъ:—и вы первые, если бы мое дѣло удалось...» [1]) Однако, оно не удалось, и Наполеонъ явился въ Парижъ среди всеобщаго страха, негодованія и попытокъ къ заговору. Но сенатъ имѣлъ еще гнусную смѣлость снова писать Наполеону о его благодѣяніяхъ, о его заботахъ, о его гуманности, о его славѣ,

[1]) *Cabet.* Hist. pop. de la révol. T. IV, pp. 548—598.

о несокрушимой силѣ его династіи и преимуществахъ его правленія передъ республикой. Не менѣе смѣло отвѣчалъ Наполеонъ: «Судьбы моихъ народовъ,—писалъ онъ:—связаны съ моимъ тономъ... Моя армія потерпѣла потери, но въ этомъ виновата преждевременная суровость зимы... Если народъ выказываетъ столько любви къ моему сыну, то это потому, что убѣжденъ въ благодѣяніяхъ монархіи... *Всѣ несчастія, перенесенныя нашею прекрасною Франціею, нужно приписать идеалогіи и темной метафизикѣ.* Эти заблужденія произвели поколѣніе людей крови (!)...» Но еще безсмысленнѣе ругаетъ онъ русскихъ за то, что они не приняли его съ распростертыми объятіями: «Стая татаръ,—горитъ онъ въ законодательномъ собраніи:—наложила свои отцеубійственныя руки на лучшія провинціи Россіи, зажгла 4.000 селъ и 50 городовъ, подъ предлогомъ остановить нашъ походъ, окруживъ насъ пустыней. Но мы восторжествовали надо всѣми этими препятствіями (!?)». Сенатъ и законодательное собраніе аплодируютъ и жертвуютъ на 300 милліоновъ собственности, принадлежащей общинамъ, и снова объявляется наборъ; императору даютъ до 500.000 новыхъ солдатъ, изъ которыхъ болѣе 100.000 національной гвардіи и болѣе 200.000 такихъ юношей, которымъ не вынести трудностей похода. Кромѣ того, ему даютъ 10.000 почетной конной гвардіи, набранной среди богатаго юношества, не имѣющаго правъ поставить за себя солдатъ и обязаннаго сдѣлать на свой счетъ все нужное для военной службы. Кромѣ всего этого 300.000 человѣкъ назначается для внутренней стражи. Но все напрасно. Пруссія и Россія, а втайнѣ и Австрія, наводняютъ Европу прокламаціями, въ которыхъ смѣло призывается молодежь и народъ къ оружію, «чтобы завоевать независимость и политическую свободу,—какъ пишется въ воззваніяхъ:—чтобы сломить скипетръ этого Наполеона, который выказалъ себя настолько же врагомъ народовъ, насколько врагомъ государей, отнимая у первыхъ свободу, у вторыхъ достоинство, чтобы дать націямъ настоящее конституціонное управленіе, основанное на національныхъ интересахъ и равенствѣ». Вездѣ въ Европѣ возникаютъ тайныя общества, полныя энтузіазма и требующія либеральной конституціи; вездѣ государи обѣщаютъ исполнить эти требованія, и молодежь и народъ возстаютъ противъ Наполеона при крикахъ: «конституція, независимость и свобода». Людовикъ XVIII, жившій въ Гартвеллѣ въ Англіи, тоже издаетъ прокламацію противъ опустошителя

Европы. Война въ полномъ разгарѣ. Французскія войска дерутся изумительно храбро. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться счастливыми обстоятельствами, Наполеонъ дѣлаетъ страшную ошибку, соглашаясь на перемиріе, съ 5 іюня по 22 іюля, и на Пражскій конгрессъ. Конгрессъ представляетъ свои требованія, Наполеонъ соглашается только на одну часть изъ нихъ и конгрессъ спѣшитъ разойтись, такъ какъ время выиграно и теперь европейскія власти твердо желаютъ войны, а не мира. Черезъ нѣсколько времени Наполеонъ уже соглашается на всѣ уступки, но ему отвѣчаютъ: слишкомъ поздно. Даже его тесть, которому Англія обѣщаетъ выдавать по 12 милліоновъ пособія въ мѣсяцъ, объявляетъ ему войну. Поражаемый и отступающій Наполеонъ оканчиваетъ войну 1813 года; его армія не находитъ ни госпиталей, ни перевязочныхъ пунктовъ, ни хорошей пищи и страдаетъ отъ тифа. Но все же сенатъ поздравляетъ императора и назначаетъ новый наборъ рекрутовъ на 1814 и 1815 г. въ числѣ 280.000. Это было 9 октября, а къ 15 октября къ этому числу прибавляется еще 360.000. Такимъ образомъ было завербовано въ годъ 1.140.000 человѣкъ. Это была настоящая бойня человѣчества. Союзныя силы очень ловко объявляютъ между тѣмъ, что они ведутъ войну только противъ Наполеона. Чувствуя необходимость оправдаться, Наполеонъ позволяетъ законодательному собранію и сенату назначить двѣ комиссіи, которымъ онъ сообщаетъ дипломатическіе документы, чтобы доказать, что не онъ желалъ войны. Это и позднее и тщетное стремленіе. Долго молчавшіе люди поднимаютъ крики и члены комиссіи требуютъ мира, свободы и прочныхъ учрежденій, говоря, что «страданія Франціи дошли до крайняго предѣла». Наполеонъ, прочитавъ рапортъ комиссіи, поспѣшилъ запретить, уничтожить его и разразился гнѣвной рѣчью противъ членовъ законодательнаго собранія, которое было внезапно распущено. «Нація больше нуждается во мнѣ, чѣмъ я въ ней!—кричалъ онъ въ бѣшенствѣ.—Что станетъ она дѣлать безъ руководителя и правителя?» Въ это же время работаетъ роялистское агентство, состоящее изъ старой аристократіи. Духовенство, давно озлобленное на Наполеона за его деспотическое обращеніе съ папой, стоитъ тоже противъ него, и онъ тщетно даетъ свободу папѣ,—все это слишкомъ поздно.

При такомъ положеніи Наполеонъ не могъ даже прибѣгнуть къ средству, столько разъ употреблявшемуся въ другихъ государствахъ при подобныхъ случаяхъ, — къ на-

ціональной войнѣ. Онъ хотѣлъ и могъ бороться только при помощи солдатъ и боялся такъ же національной войны, какъ роялистовъ и союзныхъ силъ враговъ. Работники въ это время просили оружія и могли бы защищать столицу, но министръ Савари, которому одинъ старый революціонеръ совѣтовалъ дать рабочимъ 150.000 ружей, отвѣтилъ: «Что вы выдумываете! Развѣ вы не знаете, что казаки предмѣстія святого Антонія опаснѣе казаковъ съ Дона?» Слуга въ этомъ случаѣ выражалъ мысль господина. Вотъ какъ смотрѣлъ Наполеонъ на народъ, которому льстилъ, когда дѣло шло объ его избраніи. Этотъ народъ теперь старались обмануть бюллетенями о побѣдахъ французскихъ войскъ и удержать отъ волненія. Не довѣряя ему, правительство думало, что онъ пойдетъ не на враговъ Франціи, а за нихъ. Такъ какъ вся пресса находилась въ рукахъ правительства, то и можно было, чуть не наканунѣ вступленія непріятелей въ Парижъ, увѣрять бюллетенями чернь, что враги находятся еще за 50 лье отъ Парижа. Народъ ничего не ожидалъ, когда 29 февраля онъ увидалъ солдатъ, бѣгущихъ съ криками объ измѣнѣ, и многочисленныя толпы крестьянъ, спасавшихъ имущество и скотъ. Черезъ нѣсколько времени народъ увидалъ прокламацію Іосифа, извѣщавшую о томъ, что члены регентства, назначеннаго во время отсутствія Наполеона, удаляются изъ столицы. Тутъ же гражданъ приглашали защищаться,—но даже въ этомъ случаѣ не обошлись безъ обмана и гражданамъ сказали, что «приближается только колонна союзниковъ, которую преслѣдуетъ императоръ съ побѣдоносною арміею!» Мало этого, Савари переодѣваетъ агентовъ полиціи и заставляетъ успокаивать народъ при помощи обмана и лжи.

Трудно сказать, кто не спѣшилъ теперь разыграть роль предателя относительно того правительства, которому всѣ такъ рабски служили. Но удивляться тутъ нечему: рабы могутъ быть только у господствующихъ и никогда не бываетъ ихъ у побѣжденныхъ. Какъ только вошли въ Парижъ союзные государи и войска, такъ тотчасъ же журналы заговорили противъ Наполеона. *Journal de l'Empire*, рабски преданный Наполеону, превращается въ *Journal des Débats* и ярко защищаетъ Бурбоновъ и иностранцевъ. Шатобріанъ печатаетъ брошюру о необходимости присоединиться къ законнымъ принцамъ. Аббатъ де-Прадтъ, возведенный императоромъ въ архіепископскій санъ, назначенный имъ посланникомъ въ Варшаву, называлъ теперь своего покро-

вителя Юпитеромъ-Скапеномъ. Главный совѣтъ Парижа печатно призналъ императора «единственнымъ виновникомъ всѣхъ золъ, самымъ ужаснымъ притѣснителемъ, какой когда-нибудь тяготѣлъ надъ человѣческимъ родомъ». Но это все не очень важно, а замѣчательнѣе всего слѣдующія строки, написанныя 3 апрѣля: «*Принимая во вниманіе:* — что въ конституціонной монархіи монархъ существуетъ только во имя конституціи и соціальнаго соглашенія;—что Наполеонъ Бонапартъ въ теченіе нѣкотораго времени твердаго и разумнаго правленія далъ возможность націи надѣяться увидать въ будущемъ умныя и справедливыя учрежденія, но потомъ онъ нарушилъ условія, соединившія его съ французскимъ народомъ, взимая незаконнымъ образомъ подати и создавая таксы; — что онъ посягнулъ на права народа тогда, когда онъ безъ нужды распустилъ собраніе законодательнаго корпуса, и уничтожилъ, какъ нѣчто преступное, рапортъ этого корпуса, у котораго онъ оспаривалъ его значеніе и его право на національное представительство;—что онъ началъ рядъ войнъ, нарушая конституцію; — что онъ неконституціоннымъ образомъ издалъ нѣсколько декретовъ, вносящихъ смертную казнь, особенно же два декрета 5 марта, стремящіеся представить войну національнымъ дѣломъ, а не слѣдствіемъ его личнаго чрезмѣрнаго самолюбія; — что онъ нарушилъ конституціонные законы учрежденіемъ своихъ государственныхъ тюремъ;—что онъ уничтожилъ отвѣтственность министровъ, смѣшалъ всѣ власти и разрушилъ независимость законодательныхъ учрежденій;— что свобода печати, утвержденная и освященная, какъ одно изъ правъ націи, была подвергаема предупредительной цензурѣ его полиціи, и что въ то же время онъ пользовался прессою для наполненія Франціи и Европы вымышленными фактами, ложными принципами, доктринами, полезными деспотизму, и оскорбленіями противъ иностранныхъ правительствъ; — что акты и рапорты, слушанные сенатомъ, постоянно появлялись въ печати въ искаженномъ видѣ; — что вмѣсто того, чтобы царствовать, согласно съ данною присягою, для пользы, счастія и славы французскаго народа. Наполеонъ довелъ до крайняго предѣла несчастіе отечества, во-первыхъ, своимъ отказомъ заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, на которыя заставляли его согласиться народные интересы и которыя нисколько не компрометировали чести французовъ; во-вторыхъ, тѣмъ злоупотребленіемъ, съ которымъ онъ распоряжался ввѣренными ему

деньгами и людьми; въ-третьихъ, оставленіемъ раненыхъ безъ медицинскаго пособія, безъ помощи, безъ пищи; въ-четвертыхъ, различными мѣрами, слѣдствіемъ которыхъ было разореніе городовъ, опустѣніе деревень, голодъ и заразительныя болѣзни;—что вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ императорское правительство перестало существовать и что открытое желаніе всѣхъ французовъ стремится къ новому порядку дѣлъ, первыми слѣдствіями котораго должны быть общій миръ и дружба между всѣми государствами великой европейской семьи; — *признается*, что: 1) Наполеонъ Бонапарте лишается трона и права наслѣдства, установленаго для его фамиліи; 2) народъ и армія освобождаются отъ принесенной ими присяги на вѣрность».

Вы думаете, что этотъ официальный актъ составленъ какими-нибудь ярыми врагами Наполеона, можетъ-быть остатками не вполнѣ уничтоженныхъ имъ бабувистовъ? Нѣтъ, вы ошибаетесь. Этотъ актъ написанъ тѣмъ самымъ сенатомъ, который еще такъ недавно пресмыкался у ногъ властелина и соглашался на одинъ рекрутскій наборъ вслѣдъ за другимъ и на безчисленныя выдачи громадныхъ суммъ; тѣмъ самымъ сенатомъ, который, какъ вы, вѣроятно, помните, говорилъ Наполеону, что для счастія Франціи нужно только его согласіе на принятіе короны и на утвержденіе закона о престолонаслѣдіи въ его фамиліи. Но что же за люди были члены этого сената? А вотъ не угодно ли прочесть характеристики двухъ изъ этихъ членовъ. «Талейранъ — это циникъ, развращенный человѣкъ безъ убѣжденій, всегда готовый продать себя и продать каждому, кто дастъ больше; онъ предавалъ всѣ партіи, всѣ личности. Умный и осторожный, но всегда предатель, онъ былъ въ вѣчномъ союзѣ съ Фортуной...» «Фуше не заслуживалъ никогда ни моего довѣрія, ни моего уваженія: онъ былъ вѣчно низкопоклонникомъ. Террористъ и глава якобинцевъ, онъ предалъ, принесъ въ жертву своихъ старыхъ товарищей и сообщниковъ. Это былъ мерзавецъ всѣхъ цвѣтовъ... Онъ былъ очень богатъ; но его богатства были пріобрѣтены скернымъ путемъ: онъ клалъ въ свои карманы часть налоговъ на игорные дома, назначенныхъ на устройство богадѣльни для бѣдныхъ...» Вы думаете, что врагъ этихъ правительствующихъ лицъ написалъ приведенныя мною убійственныя характеристики? Нѣтъ, вы ошибаетесь. Эти характеристики написаны Наполеономъ, который возвелъ Талейрана въ званіе министра, сенатора, князя Бене-

вентскаго, въ члены регентства; который возвелъ Фуше тоже въ званіе министра, сенатора, герцога Отрантскаго; который дозволялъ и поручалъ этимъ лицамъ, достойнымъ, по его описанію, тюрьмы и каторги, править народомъ, судить и наказывать народъ.

Такіе историческіе факты сильно отрезвляютъ человѣка, и онъ необходимо долженъ, познакомившись съ ними, серьезно подумать о томъ, какъ часто люди бранятъ иныя вещи, иныя теоріи, иныя личности только потому, что онѣ или еще не вошли въ жизнь, или потерпѣли неудачу; еще чаще люди поклоняются тому, отъ чего они первые готовы отречься въ минуту паденія предмета ихъ поклоненія. Наполеонъ встрѣтилъ удачу на первыхъ шагахъ своей политической дѣятельности и его безсмысленное, систематическое давленіе Франціи вызвало восторгъ сената; этотъ сенатъ не требовалъ ни свободы печати, ни отвѣтственности министровъ, ни свободы суда, ни ограниченій войска, ни конституціи, онъ готовъ былъ кричать, что все это глупости, выдумки идеалоговъ, бредни вредныхъ и опасныхъ метафизиковъ. Но Наполеонъ палъ и всѣ эти вещи оказались необходимыми и отсутствіе ихъ вмѣняется въ преступленіе падшему человѣку. И самъ падшій человѣкъ объявляетъ мерзавцами тѣхъ, кого онъ поставилъ во главѣ правленія, давъ имъ право тѣснить народъ. Гдѣ же правда? Одни и тѣ же лица бранятъ и хвалятъ одну и ту же теорію, одну и ту же личность, за одни и тѣ же дѣйствія. Подумайте, и вы увидите, что ложь часто лежитъ не въ теоріи, не въ личности, не въ дѣйствіи, а въ той точкѣ зрѣнія, съ которой люди имѣютъ возможность или считаютъ выгоднымъ смотрѣть въ данную минуту на эти предметы.

IV.

РЕСТАВРАЦІЯ.

1815—1830.

I.

Возстановленіе на престолъ Франціи Бурбоновъ было дѣломъ тайныхъ интригъ небольшой партіи ловкихъ людей, которая воспользовалась неоткровенными отношеніями другъ къ другу членовъ другихъ партій, всеобщею подозритель-

ностью и боязнью дѣйствовать прямо [1]). Императоръ Александръ I, желавшій, чтобы французскій народъ самъ указалъ на то лицо, которое онъ хочетъ видѣть на тронѣ Франціи, смотрѣлъ недовѣрчиво на потомковъ старой династіи. «Возвести ее снова на престолъ,—говорилъ онъ:—это значитъ открыть путь къ страшной мести за прошлое». «И сверхъ того,—прибавлялъ онъ:—какіе голоса поднимаются во Франціи за Бурбоновъ? Нѣсколько эмигрантовъ нашептываютъ намъ, что ихъ страна полна роялистскихъ чувствъ,—но представляютъ ли они общественное мнѣніе?» Такъ же холодно и недовѣрчиво смотрѣли на Бурбоновъ правительства Австріи и Англіи. Они считали неспособную, забытую и устарѣлую династію «невозможною» и не хотѣли идти противъ общественнаго мнѣнія, отстаивая несостоятельный принципъ [2]). Но какъ было узнать, чего желаетъ народъ? Подъ тяжелою рукою Наполеона этотъ народъ давно отвыкъ заявлять свои желанія и хранилъ безмолвіе. Сверхъ того, его и не спрашивали ни о чемъ. При такомъ пассивномъ положеніи народа было очень удобно завязать интригу и при помощи ея возстановить даже ту династію, къ которой относился антипатично самъ императоръ Александръ I и о которой совсѣмъ не думалъ французскій народъ. Если послѣдній пересталъ ненавидѣть Бурбоновъ въ теченіе прошедшаго двадцатипятилѣтія, то онъ не чувствовалъ и особенной любви къ нимъ и очень изумился, узнавъ изъ налѣпленныхъ на стѣнахъ Парижа объявленій, что онъ страстно желаетъ возвращенія на тронъ этой фамиліи. Никто не спрашивалъ у приверженцевъ Бурбоновъ, откуда и какимъ путемъ узнали они о чувствахъ народа, никто не соображалъ, что трудно узнать желанія этой массы безъ помощи всеобщей подачи голосовъ.

Не изумлялась и радовалась этому событію буржуазія. Правда, что возвращеніе Бурбоновъ при помощи враговъ ставило Францію въ подчиненное и зависимое положеніе. Но что за дѣло было высшей буржуазіи до этого жалкаго состоянія родины, если слѣдствіями такого порядка дѣлъ были прочный миръ, открытіе портовъ, расширеніе и прочность торговыхъ сношеній, наконецъ, царство промышленности? Для пріобрѣтателей денегъ нравственное униженіе

[1]) *L. Blanc.* Histoire de dix ans, neuvième éd. 1849. T. I. *Introduction.*

[2]) *Poxay.* Исторія Франціи. Изд. М. Антоновича и Пыпина, ч. I, стр. 5.

достаточно вознаграждалось матеріальною прибылью. «Но Людовикъ XVIII долженъ былъ привести за собой эмигрантовъ. Не нужно ли было ему платить старые долги, сдѣланные въ изгнаніи? Не станетъ ли старое дворянство, униженное въ 89 г., стараться овладѣть прежней властью, отмщать за наказанную гордость? Не воскреситъ ли дворъ все то, что было оскорбительнаго для плебеевъ въ его церемоніалахъ? Наконецъ, не отнимутъ ли у перекупщиковъ пріобрѣтенныя ими въ революціонный періодъ имѣнія дворянъ?» Вотъ тревожные вопросы, представлявшіеся, можетъ-быть, буржуазіи въ это время, но все же она знала, что ея выборъ будетъ выгоденъ для нея. И она не ошиблась. Съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVIII воцарился во Франціи либерализмъ и создалась конституція, давшая силу политическому значенію буржуазіи. Король, незнакомый народу, забывшій народъ, введенный врагами въ отечество, напоминавшій своею особою униженіе Франціи, носившій имя казненнаго народомъ предка, могъ удержаться на престолѣ и смыть пятно своего происхожденія и своего успѣха только продолжительнымъ миромъ и либеральной политикой. Но уже съ первыхъ же дней царствованія Людовика XVIII видно было, что должна начаться борьба между двумя сословіями, между старой аристократіей и буржуазіей. Назначеніе министрами жалкихъ представителей униженныхъ аристократовъ; стремленіе короля, еще ничего не сдѣлавшаго для Франціи, назначить къ своему двору гофмаршаловъ, гардеробмейстеровъ, церемоніймейстеровъ и разныхъ другихъ мейстеровъ; отдача эмигрантамъ еще не проданныхъ имѣній; принятіе королемъ тридцати милліоновъ для уплаты долговъ; устройство комиссіи для сооруженія въ Квиберонѣ памятника эмигрантамъ, славно умершимъ за алтарь и тронъ; приказаніе носить ежегодно при дворѣ трауръ въ память «самаго злодѣйскаго преступленія» 21 января; возстановленіе невѣрующимъ королемъ стараго ханжества и приказаніе подъ страхомъ большихъ штрафовъ закрывать лавки и прекращать работы въ воскресные дни,— все это непріятно дѣйствовало на умы буржуазіи, которая при всѣхъ своихъ ошибкахъ отличается именно тѣмъ здравымъ практическимъ смысломъ, который заставляетъ человѣка восторгаться, если государство дастъ движеніе какой-нибудь отрасли промышленности, поможетъ устроить какую-нибудь одну дымную, но дѣятельную фабрику, и который возбуждаетъ въ человѣкѣ только презрительную усмѣшку или ненависть,

если государство создасть десятки, сотни различныхъ памятниковъ эмигрировавшей знати или возведетъ въ разныя почетныя и не приносящія пользы званія жалкихъ потомковъ этихъ первыхъ обитателей дамскихъ будуаровъ. Но еще большее негодованіе должно было пробудить въ настоящемъ случаѣ смѣшное, но все же показавшееся наглостью слово, произнесенное въ собраніи хранителемъ великой печати, д'Амбрэ. «Указъ о реформѣ», такъ осмѣлился онъ выразиться о конституціонной хартіи, и по залѣ пробѣжалъ шумный ропотъ, покрывшій его голосъ.

Въ эту минуту стало понятно, что должна начаться борьба избирательнаго права съ наслѣдственнымъ, власти собраній съ властью короля, закона съ «указами».

Съ этого времени начинается періодъ «борьбы партій во Франціи», очень удачно очерченный однимъ изъ нашихъ писателей [1]). Вокругъ престола борются ультра-роялисты и либералы; аристократія и буржуазія; дворяне, эмигранты, духовные сановники, потомки древнихъ фамилій съ одной стороны и сыновья депутатовъ, банкиры, мануфактуристы, купцы, покупщики конфискованныхъ имуществъ, медики, адвокаты—съ другой. Каждая партія въ свою очередь хочетъ овладѣть старымъ, слабымъ и безцвѣтнымъ Людовикомъ XVIII. Одни хотятъ, чтобы нація была чисто земледѣльческой; чтобы возстановилась крупная, наслѣдственная для старшихъ въ родѣ, поземельная собственность; чтобы духовенство было вознаграждено государственными лѣсами; чтобы административная централизація была разрушена; чтобы страна возвратилась снова къ аристократическому порядку дѣлъ. Противная партія нападаетъ именно на всѣ эти идеи. Первая негодуетъ въ лицѣ Шатобріана, что вся администрація находится въ рукахъ старыхъ наполеоновскихъ чиновниковъ. Вторая покровительствуетъ этимъ чиновникамъ. Первая воюетъ противъ неконституціоннаго вліянія короля на выборы въ Па-де-Кале, защищаетъ свободу прессы, поднимаетъ крики противъ произвольнаго запрещенія одного журнала. Вторая приготовляетъ законы цензурной системы, предупредительныхъ арестовъ, запрещаетъ въ лицѣ Вильменя журналы, и въ лицѣ Ройэ-Коллара говоритъ, что «тамъ, гдѣ существуютъ партіи, журналы перестаютъ быть органами личныхъ мнѣній, но, — преданные интересамъ кружка, орудіе его политики, арена

[1]) Н. Чернышевскій. «Борьба партій во Франціи», въ «Современникѣ» 1858 г. №№ 8 и 9.

для его битвъ, — они дѣлаютъ изъ своей свободы свободу разнузданныхъ партій». Такимъ образомъ, ультра-роялисты либеральничаютъ, либералы защищаютъ монархическіе интересы. Такой порядокъ дѣлъ существуетъ въ первое время реставраціи, когда палата депутатовъ состоитъ премущественно изъ ультра-роялистовъ и носитъ оставшееся за нею навсегда названіе «Chambre introuvable». Но по закону 5 февраля 1817 г. избирателями сдѣлались всѣ тѣ, кто вноситъ 300 франковъ податей; избираемыми могли быть всѣ вносящіе 1.000 франковъ налоговъ. Первыхъ было 90.878 человѣкъ. Вторыхъ не болѣе семнадцати тысячъ. Почти всѣ они принадлежали къ буржуазіи и такимъ образомъ она овладѣла парламентскою властью. Съ этого времени роли измѣняются. Буржуазія перестала нуждаться въ королевской власти и стала защищать противъ нея тѣ самые принципы свободы, которые до того времени защищала противъ самой буржуазіи феодальная партія. Теперь либералы требовали уничтоженія законовъ о предупредительныхъ арестахъ, о цензурѣ. И чѣмъ болѣе унижался монархическій принципъ, тѣмъ требовательнѣе дѣлалась его недавняя защитница. Выборы 1818 года ознаменовались тѣмъ, что въ Вандеѣ былъ два раза избранъ отъявленный противникъ правительства Манюэль, а Сарта послала на скамью депутатовъ самаго знаменитаго врага королевской фамиліи Лафайетта.

Борьба противъ королевской власти и ничтожество этой власти были такъ ясны, что въ Европѣ начали безпокоиться за участь Бурбоновъ тѣ люди, которые хотѣли устроить во Франціи самый прочный порядокъ. Эти опасенія были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ страшнѣе подѣйствовала реакція на недавнихъ опекуновъ французскаго народа, еще за нѣсколько времени передъ тѣмъ писавшихъ прокламаціи о деспотизмѣ Наполеона. На ахенскомъ конгрессѣ шли толки о французскихъ дѣлахъ и герцогъ Ришелье возвратился въ Парижъ съ предложеніемъ измѣнить избирательный законъ 5 февраля. Члены ахенскаго конгресса полагали, что вся бѣда произошла отъ этого закона. Но дѣло было не въ немъ, а въ самомъ избирательномъ принципѣ. Ничтожная и непопулярная монархія должна была остаться попрежнему ничтожной и непопулярной при какихъ угодно народныхъ представителяхъ. Попытки Ришелье, разумѣется, не удались и только ускорили его паденіе. Деказъ, котораго считали главнымъ виновникомъ существованія милаго буржуазіи за-

кона, восторжествовалъ и призвалъ на помощь себѣ генерала Дессоля, такъ что новое министерство поставило главною цѣлью отстаивать избирательный законъ. Это означало почти то, что монархія выбираетъ въ министры тѣхъ людей, чью программу составляетъ разрушеніе монархіи. Палата дѣлала, что ей угодно, правительство соглашалось на все. Король возвратилъ изгнанниковъ, военный министръ открылъ доступъ въ полки старымъ наполеоновскимъ офицерамъ, министръ юстиціи предлагалъ всѣмъ генеральнымъ прокурорамъ уважать личную свободу, министръ внутреннихъ дѣлъ устраивалъ пышныя выставки промышленности; эти празднества труда совершались въ то время, когда при дворѣ уже не совершалось никакихъ особенныхъ торжествъ. Проектъ закона объ отвѣтственности министровъ какъ бы ставилъ выше ихъ политическое значеніе буржуазіи, а проектъ закона о подчиненіи печати суду присяжныхъ какъ бы признавалъ полную юридическую власть той же буржуазіи. Но буржуазія находила и это все недостаточнымъ, и когда палата пэровъ снова вздумала смягчить законъ 5 февраля, то для противовѣса большинству голосовъ въ этой палатѣ и словно въ наказаніе ей министры добились возведенія въ званіе пэровъ большого числа богатыхъ буржуа. Слышались нерѣдко рѣчи такого свойства, что онѣ ясно показывали неуваженіе буржуазіи къ правительству, и не могли не воспламенять молодежь. Такъ Баву, разбирая уголовные законы, коснулся статьи, назначавшей наказаніе за простой умыселъ лишить жизни короля. «Наказаніе Марзіаса Діонисіемъ Сиракузскимъ за сонъ, какъ за оскорбленіе величества,—говорилъ Баву,—и смерть дворянина, казненнаго на площади за то, что у него явилась только мысль убить Генриха III, не есть ли это факты, узаконенные нашимъ современнымъ кодексомъ, несмотря на всеобщее и постоянное порицаніе этихъ фактовъ потомствомъ?» Слѣдствіемъ такихъ рѣчей были волненія между студентами-юристами. Баву былъ призванъ къ суду. Но буржуазія пришла въ восторгъ отъ его смѣлости и присяжные оправдали его. Студенты окружили его при выходѣ изъ суда и сдѣлали ему овацію.

Не мало разжигали умы и внѣшнія извѣстія. Страшная реакція и давленіе въ Европѣ, наступившія послѣ окончанія войны, когда народъ и молодежь уже стали не нужны для спасенія ихъ отечествъ, вызвали множество тайныхъ обществъ. Ихъ антимонархическіе манифесты дѣлались по-

пулярными во Франціи. Убійство юнымъ Зандомъ низкаго Коцебу нашло восторженныхъ поклонниковъ. Нашли отголосокъ во французской прессѣ и страшные голоса манчестерскихъ реформаторовъ и такія агитаціи, какъ агитаціи Коббета. Въ парижскихъ журналахъ появлялись программы безчисленныхъ собраній, тревожившихъ Великобританію рѣзкими обвиненіями противъ развратничавшей и унижавшей свое достоинство аристократіи. Подобныя обвиненія, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали ненависти буржуазіи къ партіи феодаловъ.

Феодалы или ультра-роялисты, въ свою очередь, старались раздражить буржуазію противъ министровъ и дѣлали намеки на то, что ей льстятъ министры, чтобы ловчѣе ее обмануть. Сверхъ того они всѣми средствами старались показать правительству, что ея члены принадлежатъ къ опаснымъ якобинцамъ. «Вы должны сознаться,—писалось въ *Journal des Débats*,—что то, что вы называете Европой, народами, вѣкомъ, при послѣднемъ анализѣ сводится на нѣсколькихъ мелкихъ торговцевъ, возсѣдающихъ на тюкахъ съ хлопчатой бумагой и на бочкахъ съ сахаромъ въ улицѣ Ромассе въ Руанѣ, на нѣсколькихъ безбородыхъ школьниковъ Іенскаго университета съ длинными волосами и въ коротенькихъ курткахъ, на нѣсколько сотенъ честныхъ радикаловъ, вдохновленныхъ парами водки».

На подобныя обвиненія «мелкіе торговцы» отвѣтили тѣмъ, что выбрали въ депутаты знаменитаго Грегуара, подписавшаго смертный приговоръ Людовика XVI. Такая злая насмѣшка не могла перенестись при дворѣ: король пришелъ въ ужасъ, какъ будто передъ нимъ промелькнула тѣнь его казненнаго брата. Съ этой минуты уничтоженіе закона 5 февраля было рѣшено при дворѣ. Министры, желавшіе сохраненія этого закона, должны были взять отставку и во главѣ новаго министерства появился, къ удивленію всѣхъ, тотъ самый Деказъ, который былъ главнымъ защитникомъ прежняго избирательнаго закона, который негодовалъ на палату пэровъ, который заставилъ выйти въ отставку герцога Ришелье. Теперь этотъ фаворитъ короля измѣнилъ своей партіи. Онъ дорого поплатился за свою измѣну. Первымъ слѣдствіемъ его измѣны были аресты его собственныхъ друзей, какъ личностей подозрительныхъ. Либеральная партія стала дѣлать сборы въ пользу этихъ пострадавшихъ, и сборы были такъ велики, что ихъ считали за приготовленіе къ возстанію.

Во время этихъ событій Парижъ вдругъ былъ взволнованъ страшной вѣстью: наслѣдникъ престола, герцогъ Беррійскій, былъ пораженъ кинжаломъ при выходѣ изъ театра. Подобные несчастные случаи уже не разъ служили сильнымъ орудіемъ для партіи ретроградовъ. Она знала, какъ можно воспользоваться шальнымъ выстрѣломъ, безсмысленнымъ ударомъ кинжала, и кричала, указывая на противную партію либераловъ: «вотъ они, убійцы!» То же самое было и теперь: враги буржуазіи говорили, что герцогу нанесенъ ударъ либеральной идеей; на Деказа указывали, какъ на сообщника убійцы, Лувеля. Это все была наглая ложь, гнусная клевета, но все же Деказъ палъ, и Ришелье былъ снова призванъ къ должности: ультра-роялисты не могли надѣяться на Деказа, не могли любить его, но отъ Ришелье они ждали многаго. Борьба пошла на жизнь и смерть. Буржуазія пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы отстоять законъ 5 февраля. Пренія начались.

Въ это время въ Парижѣ существовала, кромѣ другихъ тайныхъ обществъ, ассоціація или клубъ, имѣвшій чисто политическія цѣли, которыя плохо прикрывались разными массонскими обрядами. Онъ носилъ названіе «*Ложи друзей истины*» и состоялъ изъ молодежи, юристовъ, медиковъ, аптекарей и т. п. «Друзья истины» воспользовались удобною минутою для возбужденія народа. Около палаты депутатовъ собрались толпы народа съ криками: «да здравствуетъ конституція!». Военные люди, принадлежавшіе къ партіи феодаловъ, прибѣжали тоже на мѣсто сходки съ палками. Началась драка. Одинъ изъ юношей, Лалеманъ, былъ убитъ. Его похороны были великолѣпны и не обошлись безъ демонстрацій. Весь гарнизонъ Парижа былъ на ногахъ. Въ предмѣстьи св. Антонія къ молодежи присоединились и голодные рабочіе. Трудно рѣшить, чѣмъ бы кончилось волненіе, если бы кавалерія да проливной дождь не разсѣяли эту толпу. Заговоры открывались повсюду. Въ палатѣ между тѣмъ царствовало всеобщее смущеніе. Отецъ несчастнаго Лалемана написалъ письмо, чтобы отмстить за память своего сына, оскорбленнаго даже послѣ смерти нѣсколькими преданными двору газетами. Это письмо было прочитано въ палатѣ депутатовъ. Больной Манюэль явился въ собраніе и, весь блѣдный, опираясь рукой о трибуну, съ негодованіемъ произнесъ, обращаясь къ роялистамъ: «убійцы!..». Въ собраніи не было конца мрачнымъ разсказамъ депутатовъ буржуазіи о наглости и жестокости войска, давив-

шаго невооруженныя толпы народа. Но не побѣдивъ на улицахъ феодальную партію, буржуазія, какъ и слѣдовало ожидать, была побѣждена на время правительствомъ: законъ 5-го февраля палъ и была назначена двойная избирательная система, при которой аристократія могла имѣть своихъ депутатовъ. Но монархія все-таки не была спасена. Для ея спасенія нужно было совсѣмъ уничтожить избирательную систему, уничтожить собраніе народныхъ депутатовъ. Завладѣвъ парламентскою властью, партія феодаловъ, въ свою очередь, сразу стала во враждебныя отношенія къ правительству, и слабый старикъ король почти со слезами воскликнулъ: «Я имъ отдалъ права моей короны, они не хотятъ и этого,—это урокъ!..» Дѣйствительно это былъ урокъ, который долженъ былъ кончиться революціей 1830 года.

Я распространился объ этой борьбѣ буржуазіи съ феодалами и правительствомъ, чтобы показать силу буржуазіи и ничтожество тогдашней королевской власти. Буржуазія теперь имѣла такое же вліяніе на ходъ дѣлъ, какъ ея отдѣльныя революціонныя партіи, торжествовавшія въ теченіе извѣстныхъ промежутковъ времени съ 1789 по 1799 г., какъ Наполеонъ и его клевреты, безотвѣтственно управлявшіе всѣми дѣлами въ продолженіе пятнадцати лѣтъ.

II.

Когда союзники вступили въ Парижъ, то буржуазія весело танцовала съ ними на балахъ, кутила на пирушкахъ, обыгрывала ихъ въ игорныхъ домахъ. Униженіе переносилось легко, потому что даже и здѣсь можно было нажиться. Союзники тратили громадныя суммы въ Парижѣ, содержали дорогихъ любовницъ, абонировали ложи въ театрахъ, задавали обѣды у извѣстнаго въ то время Вери. Въ сорокъ дней два человѣка изъ нихъ оставили въ Парижѣ 1.500.000 рублей; Блюхеръ, получившій отъ французскаго правительства 3 мил. франковъ, заложилъ свои имѣнія и вернулся на родину, разоренный игрою. Бо́льшая часть богатствъ главныхъ купцовъ Парижа возникла именно въ 1815 году. Такимъ образомъ, Парижъ получилъ награду за позоръ и отмстилъ врагамъ рабскою местью, истощивъ ихъ карманы и отравивъ ихъ здоровье. Но зато несчастная Франція была истощена окончательно; деревни опустѣли, земледѣліе было запущено, города платили непосильныя контрибуціи. Такъ же точно наживались крупные капиталисты и гибли мелкіе торговцы.

Расходы на продовольствіе многочисленныхъ союзныхъ войскъ, увеличеніе налоговъ всѣхъ родовъ, насильственные займы, выдача условныхъ суммъ за освобожденіе,—все это отозвалось на мелкой буржуазіи. Но крупные капиталисты воспользовались займомъ, сдѣланнымъ правительствомъ Франціи при посредствѣ иностранныхъ банкировъ Баринга и Гопе. Этотъ заемъ давалъ парижскимъ капиталистамъ отъ 20 до 22 процентовъ барыша. Сдѣлка была постыдна, но выгодна. Въ этихъ событіяхъ отражаются всѣ соціальныя отношенія буржуазіи: банкъ порабощаетъ торговлю и промышленность, частный кредитъ приноситъ пользу сильнымъ и вредитъ слабымъ, конкуренція уничтожаетъ мелкія богатства и подрываетъ среднія, въ концѣ концовъ наступаетъ настоящій финансовый феодализмъ или, пожалуй, олигархія банкировъ.

Понятное дѣло, что при такомъ положеніи общества господствующее сословіе стремилось сохранять въ странѣ порядокъ и спокойствіе. Къ этому же стремилось и правительство, и потому всѣ наполеоновскіе чиновники, выдрессированные для содержанія общества въ уѣздѣ, остались на своихъ мѣстахъ даже и тогда, когда власть перешла изъ рукъ Деказа и либераловъ въ руки ультра-роялистовъ. Помирившись по необходимости съ наполеоновскимъ чиновничествомъ, роялисты не могли такъ легко помириться съ свободой труда, провозглашенной въ день паденія корпорацій, во времена революціи. Они стали требовать возстановленій стараго сословія цеховыхъ присяжныхъ, мастеровъ и корпоративнаго устройства для искусствъ и ремеслъ [1]). Эти требованія сдѣлались для ультра-роялистовъ delenda Carthago и повторялись ежегодно при каждой новой сессіи въ собраніи депутатовъ, но повторялись безплодно, такъ какъ общественное мнѣніе и буржуазія были противъ корпорацій. Однако, эти ежегодныя повторенія о прелестяхъ корпоративнаго устройства рабочихъ подталкивали на размышленія и въ обществѣ уже начинали поговаривать о томъ, что «учрежденіе рабочихъ корпорацій, которыя не мѣшали бы промышленности и не имѣли бы печальныхъ послѣдствій старыхъ цеховъ и старыхъ отношеній мастеровыхъ къ рабочимъ, могло бы способствовать развитію духа ассоціацій и взаимной помощи, могло бы дать гарантіи для образованія и честнаго поведенія рабочихъ...» Такимъ

[1]) *E. Levasseur.* Histoire des classes ouvrières, t. I, pp. 390—404.

образомъ отсталыя требованія вели къ развитію новыхъ идей даже въ средѣ буржуазныхъ писателей. Положеніе рабочихъ въ отношеніи къ государству носило между тѣмъ все тотъ же характеръ, какой оно имѣло во времена имперіи: рабочіе должны были имѣть по-старому записную книжку, не смѣли устраивать сходокъ, попрежнему приходилось въ теченіе двадцати четырехъ часовъ объявлять полиціи имена, фамиліи и адресы жительства взятыхъ для работы плотниковъ. Полиція назначала часы для открытія и закрытія кофейныхъ, давала разрѣшенія на ѣзду общественнымъ экипажамъ и, что важнѣе всего, ограничивала по произволу эти разрѣшенія, распоряжалась насчетъ продажи говядины исключительно на рынкахъ, считала даже возможнымъ во время мѣстныхъ праздниковъ запрещать жителямъ сельскихъ общинъ танцовать въ ихъ собственныхъ домахъ. Куда бы мы ни взглянули, вездѣ намъ встрѣтится во времена реставраціи одно и то же: буржуазное общество, отстаивающее и проводящее въ жизнь, когда это выгодно для него, принципы теоріи *laissez faire, laissez passer,* принципы поклонниковъ индивидуализма, наконецъ, короче, принципы революціи 1789 года и администрацію, состоящую изъ бездушныхъ формалистовъ, желающихъ вытянуть въ струнку всѣхъ гражданъ, изъ усердствующихъ чиновниковъ, мечтающихъ сдѣлать перепись не только физическимъ примѣтамъ, но даже нравственнымъ качествамъ своихъ нечиновныхъ соотечественниковъ, изъ этихъ тюремныхъ смотрителей, не замѣтившихъ, что они получили совсѣмъ другія должности, и потому притѣснявшихъ, какъ массу каторжниковъ, невинную, ввѣренную ихъ попеченію толпу людей — однимъ словомъ, администрація состояла изъ наполеоновскихъ креатуръ. Характеристическою же новою чергою, которую ввела въ жизнь реставрація, была—та, освященная закономъ, легальная война общества съ королемъ и короля съ обществомъ, которая носитъ названіе конституціоннаго правленія. Самая сущность конституціи уже ясно показывала, что интересы короля не были интересами общества и наоборотъ. Если бы эти интересы совпадали, то для чего были бы нужны двѣ палаты? Народъ, лишенный тѣхъ политическихъ правъ, которыя выпали теперь на долю буржуазіи, покуда былъ безмолвнымъ зрителемъ этой легальной войны противъ короля, но должно было скоро наступить то время, когда и онъ подниметъ свой голосъ, тѣмъ болѣе, что и въ его образѣ жизни совершался значительный переворотъ: не

могли же пройти даромъ пятнадцать лѣтъ развитія фабричной и промышленной дѣятельности.

III.

Вліяніе продолжительнаго мира и преобладанія въ обществѣ буржуазіи отразилось въ періодъ реставраціи на оживленіи торговли и процвѣтаніи фабричной дѣятельности. Но каковъ могъ быть характеръ торговыхъ сношеній, когда торговля находилась въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ? Чего могли они требовать отъ торговли? Конечно, запретительной и покровительственной системы и именно такой, которая покровительствовала бы ихъ интересамъ даже въ ущербъ интересамъ страны. Богатые фабриканты, въ свою очередь, тоже выбивались изъ силъ, чтобы усовершенствовать фабричное и заводское дѣло, вводили машины, улучшали свои произведенія, расширяли фабрики, искали искусныхъ мастеровыхъ, но о выгодахъ самихъ работниковъ не заботились нисколько: они знали, что испорченная машина принесетъ имъ убытокъ, и полагали, что испорченный работникъ, безъ всякаго убытка для нихъ, можетъ быть замѣненъ новымъ работникомъ. Изъ этого должно было произойти то, что купцы выиграютъ, имѣя возможность продавать свои товары по дорогой цѣнѣ, а народъ пострадаетъ отъ запретительной торговой системы, не имѣя возможности покупать товары по дешевой цѣнѣ; фабриканты могутъ нажиться при усовершенствованномъ фабричномъ производствѣ, а работники впадутъ въ нищету, такъ какъ выше ихъ станутъ машины и паръ. Эти характерныя черты реставраціоннаго періода не могли ускользнуть отъ вниманія людей ученыхъ, занимавшихся общественными и экономическими вопросами, и эти ученые начали борьбу съ предразсудками преобладающаго въ обществѣ сословія: противъ поклонниковъ запретительной и покровительственной торговой системы поднялся голосъ Жана Батиста Сэ, стоявшаго за полную свободу и требовавшаго примѣненія принциповъ *laissez faire, laissez passer* въ торговлѣ; противъ эксплоататоровъ чужой рабочей силы поднялись голоса Фурье, Сенъ-Симона. Съ этой поры начинается послѣдовательная, вызванная, какъ мы сейчасъ указали, положеніемъ общества борьба съ господствующей буржуазіей французскихъ экономистовъ съ одной стороны и съ другой—коммунистовъ и соціалистовъ.

Сначала намъ нужно взглянуть на состояніе торговли, а

потомъ мы перейдемъ къ описанію фабричной дѣятельности и положенія рабочихъ.

Повидимому, съ первыхъ же дней реставраціи долженъ былъ положиться конецъ континентальной системѣ и ея уже въ самомъ дѣлѣ не существовало *de facto* даже тогда, когда она не была еще отмѣнена *de jure*, такъ что въ первые дни возвращенія Бурбоновъ сахаръ продавался уже по 38 су за ливръ, хотя онъ по закону еще былъ обложенъ пошлиною въ 44 су [1]). Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Парижъ графа Артуа подписанъ законъ объ уничтоженіи стѣснительной пошлины на сахаръ, кофе и необдѣланную хлопчатую бумагу. Эта мѣра встрѣтила живое сопротивленіе, какъ въ наполеоновской администраціи, привыкшей опекать общество, такъ и въ крупныхъ промышленникахъ, все еще воображавшихъ, что они своими особами представляютъ всю французскую промышленность и что ихъ личные интересы совпадаютъ съ ея интересами. Началась борьба съ правительствомъ. Владѣльцы хлопчато-бумажныхъ фабрикъ на западѣ и сѣверѣ Франціи обратились съ просьбами къ правительству, говоря, что «при пониженіи пошлинъ безчисленная масса народонаселенія будетъ доведена до отчаянія», что «запретительная система есть политическое и соціальное право», что «начиная съ фабриканта и кончая работникомъ, всѣ имѣютъ право исключительно поставлять матеріалъ для удовлетворенія потребностей той страны, гдѣ они живутъ». Кромѣ того, они требовали 30.000.000 вознагражденія за убытки... и запретительная система восторжествовала. Вызванная во времена имперіи войною, теперь она перестала быть случайностью и возвелась въ правильную систему. То же самое было и съ другими сырыми продуктами; напримѣръ, желѣзо обложилось очень большой пошлиной. Въ засѣданіяхъ 1816 и 1817 годовъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ понизить пошлины; но, какъ феодалы, засѣдавшіе въ *Chambre introuvable* и давно привыкшіе къ покровительствамъ всякаго рода, такъ и либералы, овладѣвшіе властью въ 1817 году и состоявшіе изъ крупныхъ промышленниковъ, вѣчно требующихъ охраны для своихъ накопленныхъ богатствъ, стояли за запретительную систему. Главный директоръ таможенъ во время этой послѣдней сессіи робко высказалъ нѣсколько похвалъ свободному обмѣну продуктовъ между націями и тутъ же поспѣшилъ прибавить,

[1]) *Ibid.*, pp. 405—408.

что «все-таки не должно нарушать запретительной системы и нужно уважать ее, пока .сами мануфактуристы будутъ считать ее своей главной поддержкой». Но депутаты требовали не только уваженія къ существующему порядку торговыхъ дѣлъ, но желали усиленія достолюбезной имъ системы, и законъ 27 марта 1817 года внесъ новыя стѣсненія для привоза товаровъ. Такія же стѣсненія были сдѣланы въ 1821 г. относительно ввоза хлѣба, для котораго сильно облегчили вывозъ. Палата, диктуя свои правила на этотъ счетъ, ничего не думала о народѣ, питающемся исключительно хлѣбомъ. Она радовалась, что можетъ отправлять за границу хлѣбъ, потому что на ней-то не могла отозваться дороговизна, а чернь могла ѣсть, что ей угодно. Одинъ депутатъ даже доказывалъ, что дороговизна хлѣба полезна для работниковъ, такъ какъ она «заставляетъ его работать съ большимъ усердіемъ, чтобы имѣть возможность существовать...» Но хорошіе урожаи, къ счастью народа, обманули ожиданія крупныхъ торговцевъ хлѣбомъ, и цѣна на него все падала вплоть до 1825 года. Алчность богатыхъ торгашей не имѣла предѣловъ, и пошлины дѣлались все выше и выше въ 1820, 1822 и 1826 годахъ. Сахаръ, шерсть, мясо, чугунъ, кофе, все рѣшительно было обложено чрезмѣрно большими пошлинами. Такъ, напримѣръ, необдѣланная шерсть облагалась въ 10 франковъ въ 1820 году, 30 франками въ 1823 году, а съ 1824 года пошлина возвысилась до 40 франковъ. А, между тѣмъ, этотъ предметъ торговли былъ очень важенъ для простого народа. Дѣло дошло до того, что чугунъ былъ почти запрещенъ къ ввозу, и графъ де-Лабортъ долженъ былъ заплатить за ввозъ одной паровой машины 7.000 франковъ пошлины. Но чѣмъ же оправдывали такія нелѣпости сами поклонники покровительственной системы? Да все тѣмъ же, чѣмъ оправдываютъ они и понынѣ свои взгляды: «позвольте свободный ввозъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей, фаянса, желѣза, чугуна, сахара и другихъ произведеній, которыхъ вы не можете производить по такой же дешевой цѣнѣ, какъ ваши сосѣди, и непосредственными послѣдствіями этого будутъ разореніе вашихъ колоній, паденіе вашихъ фабрикъ, нищета двухъ милліоновъ работниковъ, быстрый вывозъ звонкой монеты и еще болѣе быстрое уменьшеніе вашихъ доходовъ». Эти рѣчи были бы очень разумны, если бы на свѣтѣ не существовало другихъ государствъ, которыя имѣютъ досадную привычку платить тою же монетою, какою пла-

тятъ имъ самимъ. Дѣло въ томъ, что стѣснительныя мѣры для ввоза иностранныхъ товаровъ вызвали неудовольствіе въ сосѣднихъ государствахъ, и Франціи пришлось или входить въ переговоры, дѣлать необходимыя уступки, или терпѣть дурныя послѣдствія своей системы и пробовать на своей спинѣ прелесть палочныхъ ударовъ. Испанія отвѣтила Франціи, когда послѣдняя наложила большую пошлину на шерсть, тѣмъ, что запретила совсѣмъ ввозъ французскихъ шерстяныхъ издѣлій, и уменьшеніе спроса на французскія сукна, происшедшее по этому поводу, вдругъ понизило цѣнность этихъ суконъ. Угрозы Соединенныхъ Штатовъ заставили французское правительство подписать въ 1822 году условія, уравновѣшивавшія отношенія двухъ государствъ, такъ что Франція должна была выплачивать въ пошлинахъ Соединеннымъ Штатамъ ту же сумму, которую они платятъ ей. Подобную же уступку пришлось сдѣлать въ 1826 г. и въ отношеніи Англіи.

Такой характеръ коммерческой политики, какъ мы уже сказали, необходимо долженъ былъ обратить вниманіе развитыхъ людей, занимавшихся политической экономіей. Вопросъ о пошлинахъ и таможняхъ сдѣлался при сильномъ развитіи торговыхъ сношеній однимъ изъ главныхъ вопросовъ и въ другихъ государствахъ Европы. Въ Англіи Гескиссонъ явился проповѣдникомъ свободы торговли [1]). Когда высокія пошлины, наложенныя Англіею на товары, привозимые на чужихъ судахъ, вызвали подобныя же мѣры въ Соединенныхъ Штатахъ, Голландіи и Португаліи и встревожили англійскихъ монополистовъ, тогда Гескиссонъ воспользовался удобною минутою и доказалъ необходимость измѣнить систему, подточенную уже тѣмъ однимъ, что ей подражали въ другихъ государствахъ. «Срокъ нашей привилегіи окончился,—говорилъ онъ въ 1824 года:—оставаться на этомъ пути, значитъ, требовать, чтобы во всемірной торговлѣ употреблялся двойной капиталъ на перевозку товаровъ, чтобы американскій корабль приходилъ къ намъ съ балластомъ и возвращался съ грузомъ, чтобы англійскія суда брали грузъ только на обратномъ пути, тогда какъ одно и то же судно за половинныя издержки могло бы перевозить англійскіе товары въ Америку и американскіе въ Англію. Что подумали бы мы про извозчика, который послалъ бы порожнякомъ свои экипажи изъ Лондона, чтобы они

[1]) Jos. *Garnier*. Dictionnaire de l'écon. pol. éd. 1853, t. I, pp. 974—977.

привезли кладь изъ Бирмингэма? Но именно таково теперь состояніе торговли...» Слѣдствіемъ такихъ событій и взглядовъ на дѣло было стремленіе Англіи войти въ соглашеніе съ иностранными державами и болѣе братски смотрѣть на другія государства. Въ Германіи въ это же время слышался голосъ Листа, заявлявшаго о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ таможеннаго союза, который и былъ заключенъ при помощи дѣятельности этого человѣка, хлопотавшаго также объ устройствѣ новыхъ путей сообщенія—желѣзныхъ дорогахъ [1]). «Самыя высокія ассоціаціи человѣческихъ единицъ,—говорилъ онъ, между прочимъ:—осуществившіяся покуда, это государства и націи; самая высшая ихъ ассоціація, какую можно себѣ вообразить, это родъ человѣческій. Насколько личность счастливѣе въ средѣ государства, чѣмъ въ одинокомъ состояніи, настолько сильнѣе процвѣтали бы всѣ націи, если бы онѣ всѣ были соединены правами, постояннымъ миромъ и свободою обмѣна. Природа ведетъ мало-по-малу къ этой высшей ассоціаціи всѣ народы, принуждая ихъ разнообразіемъ климатовъ, почвы и произведеній къ обмѣну, а чрезмѣрной густотою народонаселенія и изобиліемъ талантовъ и капиталовъ — къ эмиграціи и созданію колоній. Международная торговля, пробуждая дѣятельность и энергію новыми, созданными ею, потребностями, пропагандируя отъ одной націи къ другой идеи, открытія и силы, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій цивилизаціи и процвѣтанія народовъ. Но въ настоящее время союзъ народовъ посредствомъ торговли еще очень не полонъ, такъ какъ онъ ослабляется и прерывается войнами и эгоистическими мѣрами тѣхъ или другихъ націй».

И во Франціи въ это время высказала вполнѣ свои принципы насчетъ торговли та школа, которую у насъ называютъ школой французскихъ экономистовъ. Въ лицѣ Жана Батиста Сэ, она возстала противъ запретительной и покровительственной торговой системы. Жанъ Батистъ Сэ, издавшій еще въ 1803 г. «Трактатъ политической экономіи», сталъ все яснѣе и полнѣе излагать свои взгляды, составлявшіе крайнюю противоположность теоріямъ тогдашнихъ торговцевъ и фабрикантовъ. Кромѣ дополненныхъ изданій трактата въ 1814, 1817, 1819 и 1826 годахъ, Сэ распространилъ свои идеи съ 1819 г. въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ, гдѣ ему была дана Деказомъ каѳедра. Этотъ

---

[1]) Jos. *Garnier*. Diction. de l'écon. pol., t. I., pp. 428—455.

человѣкъ былъ вполнѣ представителемъ идей 1789 года, когда онъ самъ издалъ первую свою брошюру о «свободѣ прессы» и когда теорія *laissez faire, laissez passer* считалась теоріею истинной свободы. Знакомя французовъ по большей части съ идеями Адама Смита, являясь только ихъ популяризаторомъ, онъ яснѣе и самостоятельнѣе всего развилъ теорію сбыта товаровъ. Въ этой *Théorie des débouchés* онъ доказывалъ, что націи платятъ за продукты только продуктами и что всѣ законы, запрещающіе покупать, запрещаютъ въ то же время и продавать, что никакое несчастіе въ одной странѣ не остается безъ послѣдствій въ другой; когда въ одномъ мѣстѣ плохъ урожай, то въ другомъ страдаютъ мануфактуры; если въ одной странѣ царствуетъ процвѣтаніе, то всѣ ея сосѣди чувствуютъ на себѣ его благодѣтельныя послѣдствія, или потому, что она увеличиваетъ свои спросы на товары, или потому, что наступаетъ дешевизна вслѣдствіе избытка продуктовъ; такимъ образомъ, націи бываютъ солидарными, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, и, слѣдовательно, каждая изъ нихъ должна заботиться о благѣ другой. Замѣчательно, что подобные принципы высказывалъ тотъ самый человѣкъ, который считалъ сумасшествіемъ теоріи другихъ людей, требовавшихъ именно такой братской солидарности для всѣхъ людей. Какъ будто легче сдѣлаться солидарными отдѣльнымъ народамъ, живущимъ на разныхъ концахъ свѣта, воспитаннымъ въ различныхъ религіозныхъ принципахъ, при совершенно разныхъ климатическихъ условіяхъ и обстановкѣ, чѣмъ членамъ одной націи, разъединеннымъ только различіемъ въ количествѣ богатства и связанною съ этимъ обстоятельствомъ разницею въ образованіи, въ интересахъ, въ привычкахъ и т. п., разницею, все-таки не столь большою, какъ разница между отдѣльными націями.

Конечно, идеи Жана Батиста Сэ не имѣли почти никакого успѣха въ палатѣ депутатовъ и за нихъ поднялось только нѣсколько голосовъ лѣвой стороны. Тщетно попробовало стать за свободу торговли и министерство Мартиньяка, самое либеральное министерство временъ реставраціи. Протекціонисты не сдавались. И почти вся Европа въ это время придерживалась покровительственной и запретительной торговой системы, несмотря на войну съ этой системой тогдашнихъ экономистовъ. Но все же можно было предвидѣть, что такая система должна была пасть отъ вызванныхъ ею послѣдствій; каждое государство старалось

наложить такія же пошлины на товары своего сосѣда, какія онъ налагалъ на его товары, и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, серьезное дѣло должно было превратиться въ какую-то безполезную игру. Дѣло въ томъ, что тутъ бойцы были почти равны по силамъ. Тутъ шла борьба не между фабрикантомъ и работникомъ, не имѣющимъ средствъ жить безъ работы и потому соглашающимся работать за самую малую плату, но между государствами, имѣющими всегда возможность обойтись на долгое время безъ произведеній другого государства и отплачивающими своимъ врагамъ ихъ же монетою. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, солидарность между націями, хотя бы и кажущаяся или вынужденная, менѣе похожа на утопію, чѣмъ солидарность между отдѣльными личностями, и Сэ, какъ проповѣдникъ солидарности націй, былъ не правъ и не послѣдователенъ только въ томъ отношеніи, что онъ признавалъ не одну трудность достиженія такой же солидарности между отдѣльными личностями, а считалъ безуміемъ даже самое желаніе достигнуть ея. Но таковы всѣ теоріи, которыя въ разныя эпохи приходились по вкусу той или другой партіи буржуазіи, какъ послѣ пришлась ей по вкусу теорія свободы торговли: требуя солидарности націй, буржуа называютъ безуміемъ солидарность личностей; стоя за покровительство фабрикантамъ и торговцамъ, они желаютъ невмѣшательства правительства въ дѣла рабочихъ.

Господствующая торговая система, между прочимъ, привела французскихъ купцовъ къ очень быстрой развязкѣ, гораздо прежде, чѣмъ они прониклись идеями Сэ: цѣны товаровъ, возвышенныя до крайности спекуляторами, внезапно упали, вывозъ произведеній почти остановился, банкротства слѣдовали за банкротствами и въ три послѣдніе мѣсяца 1826 г. банку пришлось протестовать на 8.000.000 векселей. До конца своего существованія, реставрація осталась подъ гнетомъ этого кризиса, и въ два года дисконтъ спустился сначала съ 668 на 556, а потомъ на 407 милл. Такія событія подталкиваютъ на измѣненія существующихъ системъ сильнѣе, чѣмъ сотни ученыхъ доказательствъ или журнальныхъ статей, хотя и ученыхъ, и журналистовъ часто упрекали въ подрываніи существующаго строя дѣлъ, не замѣчая, что самъ этотъ строй содержалъ въ себѣ задатки своей гибели, а пресса только указывала тотъ путь, по которому должны были идти дѣла въ будущемъ.

IV.

Состояніе мануфактуръ и фабрикъ во времена реставраціи было не менѣе блестяще, чѣмъ состояніе торговли [1]). Какъ и во времена Имперіи, въ этотъ періодъ главною помощницею фабричнаго производства была наука. Химія и физика дѣлали попрежнему свое дѣло на этой почвѣ, но сильнѣе всего содѣйствовали прогрессу въ работѣ машины, стоявшія во времена Наполеона на второмъ планѣ. Въ 1817 году Дугласъ устроилъ двѣ водоподъемныя паровыя машины въ руанскихъ прядильняхъ, вскорѣ другіе прядильщики послѣдовали его примѣру, и уже на выставкѣ 1823 года два строителя машинъ получили награды, а въ 1827 г. явилось еще четыре конкурента по этому дѣлу. Во времена Имперіи насчитывалось едва 15 паровыхъ машинъ, въ 1820 г., по росписи, ихъ было 65, въ концѣ 1830 г.—625, и онѣ представляли около 10.000 лошадиныхъ силъ. Въ это же время стали строить пароходы, а потомъ и желѣзныя дороги. На выставкѣ 1819 года присяжные говорили о шерстяномъ производствѣ, «что введеніе машинъ сдѣлалось здѣсь столь общимъ, что небольшое число фабрикъ, отставшихъ на старомъ пути, скоро будетъ не въ состояніи конкурировать съ другими фабриками». То же могли бы они сказать обо всѣхъ другихъ производствахъ, гдѣ уже трудно было обойтись безъ паровыхъ машинъ. Фабриканты наперерывъ другъ передъ другомъ старались улучшить свои произведенія, и каждая новая выставка представляла новыя доказательства прогресса въ промышленности. Въ Ліонѣ станокъ Жакара вошелъ окончательно въ употребленіе и былъ усовершенствованъ при помощи Депулы. При помощи его могли мѣшать шелкъ съ бумагой и прясть шелковые охлопки, какъ это дѣлалось въ Англіи; такимъ образомъ получались новые сорта недорогихъ матерій, занимавшихъ, несмотря на ихъ огромный сбытъ, очень немногое число рукъ. Производство шелковаго тюля, усовершенствованнаго Боннардомъ, давало работу 2.000 станкамъ въ окрестностяхъ Ліона. Затканныя шали, доступныя въ періодъ Имперіи только богачамъ, теперь сдѣлались по карману даже небогатымъ людямъ и стали важнымъ предметомъ работы въ Парижѣ, Ліонѣ и Нимѣ. Производство лентъ и въ особенности газовыхъ лентъ, выдуманныхъ въ это время, занимало трудомъ

[1]) *E. Levasseur.* Hist. de clas. ouvr., t. I, pp. 428—455.

и увеличивало народонаселеніе Сентъ-Этьена и Сенъ-Шамонда. Въ 1828 году начали приготовлять, по примѣру Германіи, шелковый плюшъ, который скоро сталъ важнѣйшимъ предметомъ въ шляпномъ дѣлѣ. Расширеніе работъ въ Ліонѣ во времена реставраціи было изумительно: тамъ насчитывалось до 27.000 рабочихъ станковъ. Хлопчато-бумажное дѣло шло тоже отлично: въ императорскій періодъ хлопка употреблялось 10 мил. килогр. въ годъ, во дни реставраціи—30 мил.; въ первый періодъ нити сучилось только до 80 нумера, а въ половинѣ второго—до 291, такъ что изъ одного и того же количества матеріала (половины килограмма) получалось въ первомъ случаѣ 80.000 метровъ, а во второмъ—291.000. Всевозможныя бумажныя ткани теперь доходили до совершенства; бумажный тюль занималъ множество работниковъ въ Руанѣ и Дуэ; мусселинъ обогащалъ Сенъ-Кентэнь и Тараръ; Рубэ выдѣлывалъ ткани изъ смѣси бумаги съ шерстью; изъ 27 эльзасскихъ мануфактуръ, въ 1827 году, было выпущено 527.000 кусковъ ситца, и у Дольфусовъ, Кехлиновъ, Гаусмановъ, Романовъ, Шлумбергеровъ, и тому подобныхъ фабрикантовъ начинала создаваться традиція въ дѣлѣ труда; владѣніе фабрикой передавалось сыновьямъ, какъ управленіе феодальнымъ имѣніемъ. Мы долго не кончили бы, если бы намъ пришлось пересчитывать всѣ успѣхи, сдѣланные теперь въ фабричномъ дѣлѣ, и всѣ имена, прославившіяся на различныхъ поприщахъ труда. Въ эту пору ввелась во Франціи литографія, конкурировавшая съ дорогимъ гравировальнымъ искусствомъ; типографіи выпустили въ 1812 г. только 44.000 печатныхъ листовъ, а въ 1825 г. число печатныхъ листовъ дошло до 75.000; типографскихъ станковъ было до 1.500; книжныхъ магазиновъ до 1.100; Брегѐтъ завоевалъ себѣ всемірную славу производствомъ карманныхъ часовъ; фабрики потребляли каменнаго угля, котораго ввозъ былъ ограниченъ тарифомъ, вмѣсто 600.000 тоннъ 1.700.000 тоннъ—и все-таки его недоставало; на стеклянныхъ заводахъ новая метода выдуванія стекла, изобрѣтенная простымъ работникомъ Робинэ, усовершенствовала форму и удвоила количество произведеній и доставила пенсію и монтіоновскую награду изобрѣтателю.

Среди этихъ успѣховъ промышленности, повидимому, было бы нужно позаботиться о тѣхъ, которые болѣе всего способствовали ея развитію, то-есть о рабочихъ. Но фабриканты разсуждали, по своему обыкновенію, что были бы

деньги, а рабочія руки всегда найдутся, и ничего не дѣлали въ пользу мастеровыхъ. А именно теперь-то заботы о рабочемъ классѣ были необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь, такъ какъ введеніе въ дѣло машинъ готовило сильный ударъ труженикамъ. Рабочіе уже замѣчали, что пной станокъ требовалъ для дѣла вмѣсто прежнихъ двухъ работниковъ только одного, а англійская mull-jenny исполняла при помощи одного ребенка работу сотни или даже двухъ сотъ прядильщицъ. Ежедневно рабочіе толпами увольнялись хозяевами, вводившими новыя паровыя машины или разорившимися отъ невозможности конкурировать съ фабрикантами, употреблявшими машины. Прежде чѣмъ эти бѣдняки находили новое занятіе, наступила зима и нищета. Всѣ, которые, по старымъ предразсудкамъ, по рутинѣ, по неумѣнью приняться за новое дѣло, оставались при старыхъ способахъ труда, пробивались малымъ заработкомъ и падали все ниже и ниже—при каждомъ новомъ усовершенствованіи въ фабричномъ производствѣ. Какова бы ни была сила характера у человѣка, но онъ не можетъ спокойно переносить несчастія, постигнувшія его при новой реформѣ, хотя реформа и обѣщаетъ ему величайшія блага въ будущемъ. Да, въ будущемъ счастье и богатство, но сегодня все-таки нуженъ хоть кусокъ хлѣба. Менѣе всего можно было требовать отъ необразованныхъ и безъ того измученныхъ рабочихъ этого спокойнаго перенесенія, можетъ-быть, и временнаго, но все же страшнаго голода. Потому очень понятно, что они страшно роптали. Ихъ ропотъ не ускользнулъ отъ нѣкоторыхъ изъ ихъ ученыхъ современниковъ, и въ литературѣ появилась цѣлая партія противниковъ машинъ. Во главѣ этихъ экономистовъ, боровшихся противъ введенія машинъ, стоялъ очень сильный авторитетъ того времени—Сисмонди. Не рѣшаясь вполнѣ отрицать необходимость машинъ, онъ приписывалъ имъ уменьшеніе числа рабочихъ, пониженіе заработной платы, несоразмѣрную съ спросомъ производительность, заваливающую рынки товарами и ведущую къ кризисамъ, наконецъ скандалезный контрастъ роскоши мануфактуристовъ съ нищетою ихъ поденщиковъ, и приглашалъ правительство поспѣшить на помощь слабымъ противъ гнета капиталистовъ. «Прошло семь лѣтъ,—писалъ онъ во время кризиса 1827 г.:—и факты побѣдоносно воевали за мои идеи. Они доказали лучше, чѣмъ могъ доказать я, что ученые, отъ которыхъ я отдѣлился, стояли за ложное процвѣтаніе, что ихъ теоріи, примѣненныя къ практикѣ, могли способ-

ствовать матеріальному богатству, но что онѣ уменьшали массу наслажденій, выпадающихъ на долю каждой отдѣльной личности; если онѣ дѣлали богача еще болѣе богатымъ, то онѣ въ то же время дѣлали бѣдняка еще болѣе бѣднымъ, еще болѣе зависимымъ и безпомощнымъ». Журналы и брошюры подхватили эти идеи и борьба противъ машинъ началась во всѣхъ видахъ. Но что такое машина? Одинъ англійскій работникъ опредѣлилъ этотъ предметъ слѣдующими словами: «машина все то, чѣмъ, за исключеніемъ зубовъ и ногтей, можно работать». Дѣйствительно, на чемъ остановиться, начиная съ простого плуга и кончая сложнымъ паровымъ механизмомъ? Что причислить къ машинамъ, что отнести къ необходимымъ инструментамъ? Какъ остановить усовершенствованіе инструментовъ? И была ли бы подобная остановка разумною, была ли бы она просто возможною? Но если это невозможно, если машины должны совершенствоваться, должны умножаться, то къ чему могли вести нападенія на нихъ и нѣтъ ли въ самихъ этихъ нападеніяхъ ошибки? Ошибка была. Сисмонди, честно и искренно сочувствуя рабочимъ, видѣлъ зло, видѣлъ, что оно стало увеличиваться со дня введенія въ дѣло машинъ, и указалъ на нихъ, какъ на главный источникъ зла, тогда какъ этотъ источникъ былъ только въ отношеніяхъ общества къ рабочей силѣ, въ эксплоатированіи этой силы, наконецъ въ самомъ состояніи труда. Въ выгодахъ фабриканта было нанять по возможности дешевле рабочаго, уменьшить до крайности число рабочихъ, воспользоваться всею прибылью съ фабрики, не прибавлять ни гроша рабочему при увеличеніи этой прибыли; онъ уменьшалъ при помощи машинъ число рабочихъ, но онъ точно такъ же уменьшилъ бы ихъ плату при сильномъ наплывѣ рабочихъ рукъ; онъ точно такъ же уменьшилъ бы ихъ число, назначивъ гораздо большее число часовъ для работы, если бы къ нему стеклось много голоднаго люда. Никакое уничтоженіе машинъ не могло помочь въ этомъ случаѣ, и исходъ былъ только одинъ: самостоятельная ассоціація рабочихъ, которые были бы въ одно и то же время и собственниками, и мастеровыми фабрикъ и мануфактуръ, получали бы не произвольно назначаемое жалованье, а дѣлили бы сполна между собою весь барышъ.

V.

Нравственное положеніе рабочихъ не могло быть хорошо

во времена реставраціи [1]): множество старыхъ работниковъ впадало въ нищету и предавалось бродяжничеству, потому что ихъ увольняли съ фабрикъ, разорившихся или вводившихъ машины и искавшихъ болѣе дешевыхъ рукъ; еще большее число сельскихъ жителей внезапно привлеклось на фабрики и этотъ непривыкшій къ городской жизни народъ развращался, скучиваясь на плохо устроенныхъ мануфактурахъ и не имѣя сколько-нибудь сносныхъ жилищъ; молодыя дѣвушки, получая очень малую плату, работая рядомъ съ мастеровыми, живя въ подвалахъ, часто въ одной и той же каморкѣ съ мужчинами, завидуя наглой роскоши фабрикантовъ, невольно вовлекались въ развратъ; не женатые, плохо образованные работники, послѣ тяжелаго дня, искали поневолѣ отдыха въ кабакахъ, такъ какъ другихъ наслажденій общество не приготовляло для нихъ; женатые бѣжали въ тѣ же кабаки, чтобы не слыхать плача голодныхъ женъ и дѣтей, не видать мерзости своихъ подваловъ. Дѣйствительно, кабаки процвѣтали, туда относилась бо́льшая часть заработковъ. Пьянство доводило до дракъ и до убійствъ, такъ что изъ 903 убійствъ, съ 1826 по 1830 годъ, 416 произошли вслѣдствіе кабачныхъ ссоръ. Бѣдность, отчаянье и развращенные нравы заставляли замужнихъ женщинъ освобождаться отъ своихъ дѣтей и отдавать ихъ въ воспитательные дома, куда принимали дѣтей сначала безъ всякихъ затрудненій, но въ теченіе пяти лѣтъ цифра подкидышей возросла до 17.000, и потому правительство рѣшилось представить хоть нѣкоторыя препятствія для пріема брошенныхъ дѣтей. Но, несмотря на эти мѣры, число подкидышей все-таки превышало число незаконнорожденныхъ: въ 1826 г. подкидышей было 100.000 человѣкъ, а незаконнорожденныхъ — 72.000. Число незаконнорожденныхъ тоже увеличивалось съ каждымъ годомъ и колебалось въ каждомъ департаментѣ, соразмѣрно съ большею или меньшею фабричною дѣятельностью мѣстности. Средняя цифра незаконнорожденныхъ равнялась на 1.000 рожденій:

Съ 1817—1819 годъ	66	чел.
» 1820—1822 »	70	»
» 1823—1825 »	72	»
» 1826—1828 »	73	»
Въ департам. Жиронды	104	»
» Нижней-Сены . . .	118	»

[1]) *Ibid.*, pp. 456—484.

Въ департам.	Кальвадоса	119	чел.
»	Саоны	119	»
»	Роны	145	»
»	Сены	316	»

Эти цифры все понижаются, если приближаться къ департаментамъ Бретани, гдѣ фабричная дѣятельность и густота населенія были незначительны; такъ въ Котъ-дю-Нордъ незаконнорожденныхъ только 17 на 1.000 рожденій. Нищенство было довольно сильно распространено по странѣ, и одинъ Парижъ считалъ въ 1830 году 62.705 нищихъ, почти одну десятую часть всего народонаселенія. Къ этой арміи бѣдняковъ присоединились еще новыя толпы, когда наступали холодныя зимы или голодные годы. Такою страшною зимою была зима 1817 года, когда хлѣбъ стоилъ 38 фр. 35 сант. за гектолитръ; правительству пришлось выписать хлѣбъ изъ-за границы и истратить до 70 милліоновъ.

Причины такого нравственнаго положенія рабочихъ лежали главнымъ образомъ не въ одной бѣдности этого класса, но въ устройствѣ самихъ мануфактуръ, въ отношеніяхъ къ рабочимъ общества и фабрикантовъ, въ недостаткѣ образованія. Это уже ясно изъ того, что когда заработная плата начала повышаться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и браки заключались чаще, то все-таки нравственное состояніе рабочихъ не могло подняться. Они чувствовали весь гнетъ своего положенія и смотрѣли съ ненавистью на Бурбоновъ, которыхъ не любили и съ самаго начала. Эта ненависть выражалась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, тѣмъ болѣе, что сами Бурбоны разжигали ее своею безтактностью. При вступленіи своемъ въ Парижъ, они хотѣли съ эффектомъ стащить съ Вандомской колонны статую Наполеона и велѣли привязать къ ней веревки. Агенты правительства и его льстецы стали тянуть веревки, но бронза не поддавалась усиліямъ толпы. Пришлось выстроить лѣса и очень просто, безъ всякаго эффекта, снять бронзоваго императора. Одинъ изъ работниковъ сѣлъ въ это время верхомъ на статую и далъ ей пощечину. Но онъ страшно поплатился за эту продѣлку. Его стали избѣгать его собратья и, несмотря на всѣ усилія полиціи, онъ не могъ нигдѣ найти работы и долженъ былъ оставить Парижъ. Такая же участь постигла одного лавочника, тащившаго бронзовую статую съ колонны. Когда возвратились на родину французскіе солдаты, бывшіе въ плѣну, то имъ дали, вмѣсто всякаго награжденія, отставку, и имъ

пришлось, для спасенія себя отъ голода, приняться за плугъ или идти на фабрики. Они примкнули къ числу оскорбленныхъ и недовольныхъ и распространяли это недовольство въ народѣ. Ихъ раны, ихъ походы, ихъ анекдоты о другихъ народахъ давали имъ видное мѣсто въ народѣ, и чѣмъ болѣе отдалялись событія прошлаго, тѣмъ большею поэзіею озарялось оно и все дороже и дороже становилась память «маленькаго капрала»—Наполеона. Бурбоны казались передъ нимъ сущимъ ничтожествомъ. Политическія и религіозныя преслѣдованія бонапартистовъ и протестантовъ тоже не могли не заронить въ народъ новыхъ сѣмянъ раздраженія. Народъ давно отвыкъ отъ ханжества. Миссіонеры изъ ненавистныхъ ему іезуитовъ, посланные въ 1816 году для подкрѣпленія вѣры въ массѣ, вызывали своими процессіями и проповѣдями множество скандаловъ; въ 1826 г., по случаю одного торжества, произошли даже волненія въ Брестѣ, Руанѣ, Ліонѣ. Ненависть къ іезуитамъ была одинаково сильна и въ народѣ, и въ буржуазіи, и графъ Монтлозье сдѣлался популярнымъ, заявивъ правительству, что по указу Людовика XV іезуиты не имѣютъ права жить во Франціи, а тѣмъ болѣе проповѣдывать и заниматься обученіемъ дѣтей. Законъ, предписывавшій праздновать воскресенье, былъ встрѣченъ тоже непріязненно. Здѣсь рабочій классъ оказалъ больше сообразительности, чѣмъ само правительство. Оно воображало, что въ воскресный день грѣхъ заниматься работой, что онъ принадлежитъ Богу. Но оно не поняло, что рабочій народъ не можетъ же провести цѣлый день въ церкви, что дома у него грязь, нищета, горе, что онъ уйдетъ отъ этого горя въ кабакъ, что другихъ удовольствій, приготовленныхъ для воскресныхъ дней богача, оно, правительство, не приготовило для народа, что, наконецъ, день безъ заработка только увеличитъ нищету. Все это знали по опыту рабочіе. Еще сильнѣе вызвалъ негодованіе при Карлѣ X законъ, наказывавшій, какъ преступленіе, неисполненіе обрядовъ католической церкви и поручавшій полиціи наблюденіе за уваженіемъ къ Богу. Ропгали и на то, что Карлъ X при своемъ восшествіи на престолъ назначилъ милліардъ для вознагражденія эмигрантовъ; голодному народу было трудно смотрѣть безъ злобы, какъ награждаютъ богачей деньгами, выжатыми изъ его тощаго кармана налогами и пошлинами. Можно ли удивляться, что при такомъ настроеніи духа въ низшемъ классѣ сдѣлался любимцемъ Беранже, клеймившій въ своихъ пѣсняхъ знать, іезуитовъ, полицію,

цензуру? Волненія были многочисленны и часты. Карбонаризмъ, внесенный во Францію изъ Италіи, подъ вліяніемъ раздраженнаго состоянія умовъ, быстро распространялся. Въ его составъ входили большею частью молодые люди и работники, а во главѣ стояли очень значительныя личности. Раздѣляясь на небольшіе отдѣлы въ 19 человѣкъ, чтобы не подпасть подъ преслѣдованіе закона, его члены собирались еженедѣльно и всегда готовы были взяться за оружіе. Въ сентябрѣ 1822 г. было возстаніе, и нѣсколько человѣкъ были казнены. Работники собрались на площадь и ждали сигнала, чтобы освободить осужденныхъ. Но сигнала не было подано, и работники увидали, что дѣло проиграно. Были также битвы и между членами «Товарищества подмастерьевъ».

Что дѣлало правительство въ виду такого положенія?

VI.

Оно и вмѣстѣ съ нимъ высшія сословія думали помочь рабочему народу различными филантропическими мѣрами. Большая часть домовъ для нищихъ уничтожилась, и эти дома превратились въ исправительныя заведенія; въ Парижѣ устроились благотворительныя бюро и бюро для помѣщенія дѣтей, вышедшихъ изъ пріютовъ и больницъ; давались балы и дѣлались сборы въ пользу бѣдныхъ; шла раздача пособій въ торжественные дни, празднуемые королемъ; иногда даже сами члены королевской фамиліи посѣщали несчастныхъ людей. Все это не вело ни къ чему, могло скорѣе увеличить зло, чѣмъ уничтожить его. Болѣе разсудительные люди попробовали въ это же время устроить сберегательныя кассы и развить народное образованіе. Эти двѣ мѣры могли быть очень полезны, но сберегательныя кассы могли принести пользу только не очень бѣднымъ рабочимъ, имѣющимъ возможность откладывать гроши на черный день, чего не въ состояніи была сдѣлать масса, получавшая скудную заработную плату; образованіе, въ свою очередь, могло только тогда благотворно подѣйствовать на рабочій народъ, когда бы оно было въ рукахъ порядочныхъ и дѣльныхъ исполнителей, чего нельзя было ожидать во времена Бурбоновъ, при сильномъ значеніи католическаго духовенства и въ особенности іезуитовъ.

Первая «касса сбереженій и предусмотрительности» открылась въ 1818 г. 1 декабря, при помощи Бенжамена Де-

лессера и уже знакомаго нашимъ читателямъ Ла-Рошфуко [1]). Она должна была принимать небольшія суммы, не менѣе одного франка, отъ мужиковъ, рабочихъ, ремесленниковъ, прислуги и т. п. Проценты въ первый годъ равнялись 5 на сто. Деньги выдавались вкладчику черезъ недѣлю послѣ заявленія его о желаніи взять свой капиталъ. Директора, въ числѣ 25, принадлежали къ богатымъ капиталистамъ и служили даромъ, изъ филантропіи. Уже начало показало, что эту кассу ожидаетъ кое-какой успѣхъ; въ первый же мѣсяцъ 505 вкладчиковъ внесли 54.867 франковъ, а въ 1829 году уже внеслось 6.278.134 франка 138.722 вкладчиками. Такимъ образомъ, въ первый годъ средняя величина капитала, отложеннаго каждымъ вкладчикомъ, равнялась 108 фр. 65 сант., а въ 1829 г.—45 фр. 33 сант. Довольно взглянуть на эти цифры, чтобы понять, что сберегательныя кассы для народа, которому почти нечего ѣсть,—просто пошлость. Но все же общество радовалось, что бѣдняки имѣютъ возможность откладывать капиталы. По примѣру этой кассы, открылись такія же кассы въ 13 другихъ городахъ Франціи. Но не входя ни въ какія спекуляціи, отдавъ свои деньги государству, кассы стали въ слишкомъ сильную зависимость отъ правительства и не могли даже увеличивать своихъ доходовъ. Гораздо полезнѣе могли бы быть общество «помѣщенія на мѣста молодыхъ учениковъ», основанное въ 1821 г.; общество «друзей дѣтства», основанное въ 1828 г., и, наконецъ, общество «взаимной помощи». Но члены общества «взаимной помощи» — *Mutuellistes*, несмотря на свои хорошія стремленія, на желаніе самостоятельно выбиться изъ нужды, не могли отложить такихъ большихъ суммъ, чтобы имѣть средства помогать во время болѣзни, старости и нужды своимъ собратьямъ. Правительство не относилось къ этимъ обществамъ враждебно, но просто не думало о нихъ и только раза два очень снисходительно заявило, что «принципъ взаимной помощи» будетъ въ будущемъ однимъ изъ главныхъ эле-

---

[1]) Этотъ человѣкъ, принесшій много пользы на своемъ вѣку, принадлежалъ къ либеральной партіи. Правительство реставраціи ненавидѣло его и, несмотря на его заслуги, несмотря на его 80-ти-лѣтній возрастъ, лишило его всѣхъ должностей, которыя онъ занималъ безъ жалованья во многихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Когда онъ умеръ, его гробъ понесли воспитанники одной основанной имъ промышленной школы, но полиція напала на нихъ, повалила гробъ на землю, и онъ разбился въ куски. Министръ внутреннихъ дѣлъ не постыдился оправдать и даже похвалить полицію (*Рожау*. Ист. Фр., ч. I, 208 стр.).

ментовъ прогресса цивилизаціи». Духовенство тоже устраивало разные благотворительные пріюты для падшихъ женщинъ, для сиротъ, для вышедшихъ изъ тюремъ юношей и т. п. Но все это не вело ни къ чему: падшія женщины не исправлялись отъ проповѣдей и, одолѣваемыя скукой и зѣвотой, неизбѣжными слѣдствіями сухихъ и безполезныхъ наставленій, бѣжали снова на веселую жизнь въ публичные дома: мальчики, вышедшіе изъ тюремъ, выучивались молитвамъ, заповѣдямъ, священной исторіи, но, выходя изъ благотворительнаго заведенія, оставались такими же нищими, также не умѣли работать, или не находили работы, попрежнему видѣли весь страшный контрастъ между богатствомъ привилегированныхъ классовъ и своей нищетой — и воровали, грабили, убивали точно такъ же, какъ въ тѣ дни, когда они еще не знали ни одной заповѣди: еще менѣе чувствовалось пользы отъ стремленія основать между рабочими, полными жизненныхъ инстинктовъ, духовныя, монашескія ассоціаціи. И результатомъ всѣхъ этихъ филантропическихъ потѣхъ была ненависть, глубокая, неискоренимая ненависть рабочихъ къ католическому духовенству; народъ понималъ, что ему проповѣдуютъ воду люди, пьющіе вино.

Вопросъ о первоначальномъ образованіи сдѣлался довольно важнымъ вопросомъ и вышелъ изъ того пренебреженія, въ какомъ онъ находился во времена имперіи. Графъ Делабардъ и баронъ Жерандо, въ 1814 г., начали съ жаромъ проповѣдывать о необходимости доставить народу школы за дешевую цѣну и съ малымъ числомъ учителей, такъ какъ и денегъ, и учителей въ наличности было не много. Англія въ этомъ случаѣ послужила примѣромъ, представляя довольно удобную методу Белля и Ланкастера, методу взаимнаго обученія. За нее-то ухватились либералы, понимая, что способъ взаимнаго обученія можетъ при малыхъ затратахъ и немногихъ учителяхъ образовать большое количество учениковъ. Но противъ этой методы возстало духовенство и партія феодаловъ, стоявшія за одновременное обученіе, такъ какъ послѣднее давало гораздо большее значеніе учителю. Борьба между защитниками этихъ двухъ методъ пошла очень сильная. И духовенство просто дѣлало доносы на ланкастерскую методу, видя въ ней начало безнравственности, непокорности, невѣрія и революціи; приверженцы взаимнаго обученія, въ свою очередь, обвиняли католическое духовенство въ проповѣди обскурантизма и

были, конечно, правы. Преобладаніе той или другой изъ этихъ системъ колебалось сообразно съ перемѣнами въ министерствѣ, но даже въ самое цвѣтущее для ланкастерской методы время, правительство тратило на народное образованіе только 50.000 франковъ въ годъ, да и эти-то деньги шли не на одинъ школы, а изъ нихъ вознаграждались составители руководствъ, учителя, и основывались образцовыя школы, — все изъ 50.000 франковъ. — Въ 1817 году было только 100 школъ взаимнаго обученія съ 10 или 12.000 учениковъ, въ 1820 году число школъ дошло до 1.073. Но, несмотря на всѣ старанія и доводы министровъ, изъ 37.000 общинъ, 25.000 были лишены школъ. Такому плохому положенію дѣла нечего удивляться, когда вспомнишь, что учителя во времена реставраціи должны были: во-первыхъ, представлять ректору удостовѣреніе о хорошемъ поведеніи отъ мэра и священника той общины, гдѣ они жили не менѣе трехъ лѣтъ; во-вторыхъ, подвергнуться экзамену передъ чиновниками народнаго просвѣщенія, назначенными ректоромъ, и послѣ этого экзамена получить «свидѣтельство въ способности»—*brevet de capacité*, въ-третьихъ, подать просьбу въ кантональный комитетъ, гдѣ рѣшать — не слишкомъ ли наполнена община учителями; въ-четвертыхъ, получить отъ ректора спеціальное, годное только въ извѣстной опредѣленной мѣстности, разрѣшеніе, которое должно быть засвидѣтельствовано префектомъ. Послѣ полученія всѣхъ этихъ разрѣшеній, можно было открыть вольную школу, подвергавшуюся только ревизіямъ ректоровъ, инспекторовъ академіи, кантональныхъ комитетовъ и спеціальныхъ наблюдателей, обязывавшуюся подчиняться всѣмъ правиламъ министерства внутреннихъ дѣлъ, принимать узаконенныя методы преподаванія и обучать по официально-одобреннымъ и рекомендованнымъ учебникамъ; вольный учитель, конечно, могъ быть смѣненъ каждымъ изъ лицъ, наблюдавшихъ за школою, и «свидѣтельство въ способности» могло быть отнято по волѣ ректора. И между тѣмъ, правительству реставраціи ставили въ заслугу заботы о народномъ воспитаніи. Въ 1824 году всѣ народныя школы были, къ довершенію ихъ гибели, подчинены духовенству: взаимное обученіе объявилось подозрительнымъ, и большая часть его школъ закрылась. Монашествующіе братья и сестры овладѣли дѣлами первоначальнаго образованія, открыли безплатныя школы, но народъ боялся принимать милостыню отъ духовенства и не довѣрялъ его учебнымъ заведеніямъ.

Въ 1828 году, во время либеральнаго министерства Мартиньяка, взаимное обученіе еще разъ воскресло. Предвидя наступающій переворотъ, правительство стало хлопотать объ устройствѣ школъ, и указъ 1830 года уже совершенно преобразовывалъ дѣло народнаго образованія,—но было поздно: революція приближалась.

Пріюты, гдѣ бѣдные родители могли бы оставлять дѣтей на время своего отсутствія изъ дома, стали, главнымъ образомъ, возникать тоже въ это время. Устройство ихъ принадлежало частнымъ лицамъ и было заимствовано изъ Англіи. Баронъ Жерандо заботился о введеніи ихъ во Франціи, — и одна женщина, госпожа Милле, по его совѣту отправилась въ Англію для изученія устройства подобныхъ заведеній. Въ 1827 году были открыты первые такіе пріюты въ Парижѣ. Опять духовенство встревожилось и начало вредить этимъ учрежденіямъ, заимствованнымъ у протестантской Англіи. Но эти пріюты были еще въ зародышѣ, а власть католическаго духовенства приближалась къ концу.

Среди такого положенія дѣлъ, недовольныхъ и негодующихъ было много во всѣхъ классахъ общества. И какъ запретительная система вызвала теорію Ж. Б. Сэ, такъ положеніе трудящихся классовъ должно было вызвать новыя соціальныя теоріи.

Въ 1819 году былъ привлеченъ къ суду одинъ писатель за изданіе небольшой брошюры, носившей названіе «Параболы» и надѣлавшей шуму въ офиціальномъ мірѣ. Авторъ спрашивалъ въ ней, что сдѣлалось бы, если бы Франція внезапно потеряла пятьдесятъ лучшихъ своихъ физиковъ, пятьдесятъ лучшихъ живописцевъ, пятьдесятъ лучшихъ банкировъ, шестьсотъ лучшихъ земледѣльцевъ и т. д., вообще до трехъ тысячъ ученыхъ, артистовъ и ремесленниковъ, и что сдѣлалось бы, если бы она потеряла, также вслѣдствіе внезапной смерти, герцога Ангулемскаго, герцога Беррійскаго, великихъ генераловъ королевскаго дома, кардиналовъ, архіепископовъ, десять тысячъ богатѣйшихъ, роскошно живущихъ помѣщиковъ, тоже вообще до тридцати тысячъ значительныхъ человѣкъ. «Это послѣднее событіе, — отвѣчалъ авторъ: — конечно, очень опечалило бы французовъ, такъ какъ они добры, но изъ этого не произошло бы никакой политической бѣды для государства. Въ первомъ же случаѣ Франція лишилась бы разнообразныхъ талантовъ, которые никѣмъ не могутъ быть замѣнены на другой день послѣ ихъ смерти, и нація стала бы тѣломъ безъ души». «Такимъ

образомъ,—заключалъ онъ:—современное общество представляется дѣйствительно свѣтомъ навыворотъ, такъ какъ въ немъ всѣ приносящіе дѣйствительную пользу подчинены безполезными лицами». Это дерзкое оскорбленіе, брошенное въ лицо господствующей части общества, было оправдано присяжными. *Въ этомъ памфлетѣ, написанномъ графомъ Сенъ-Симономъ, заключалась главная идея всей системы сенъ-симонистовъ, — системы, отдававшей преимущество въ дѣлѣ общественной жизни таланту и труду передъ богатствомъ.

VII.

Графъ Клодъ-Генри де-Сенъ-Симонъ [1]), внукъ знаменитаго автора мемуаровъ, герцога Сенъ-Симона, родился 17 октября 1760 года. Къ нему, по наслѣдству, должны были перейти пэрство и герцогство, званіе испанскаго гранда и пятьсотъ тысячъ ливровъ годового дохода. Но герцогъ Сенъ-Симонъ разссорился съ его отцомъ и лишилъ послѣдняго наслѣдства. Получивъ воспитаніе подъ руководствомъ д'Аламбера, пропитанный идеями XVIII вѣка, шестнадцатилѣтній юноша вступилъ въ военную службу, велъ веселую свѣтскую жизнь и въ 1779 году оставилъ свой полкъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ другими молодыми французскими аристократами въ Америку, въ ряды инсургентовъ, воевавшихъ за независимость страны.

Служба его шла удачно, хотя онъ и не былъ призванъ къ военному званію. «Сама война,—пишетъ онъ:—не интересовала меня, но одна цѣль къ войнѣ занимала меня,—и эта цѣль заставляла меня переносить безъ отвращенія службу. У меня не было призванія къ солдатской службѣ; я былъ склоненъ совсѣмъ къ другому роду дѣятельности. Изучать ходъ человѣческаго ума, чтобы потомъ работать надъ совершенствованіемъ цивилизаціи, было моею задачею». Не мудрено, что, задавшись такой цѣлью, пылкій юноша заставлялъ своего слугу будить себя всѣмъ извѣстною и столько разъ осмѣянною фразою: «Вставайте, графъ, вамъ нужно дѣлать великія дѣла». Въ этомъ memento vitae, конечно, менѣе комизма и, во всякомъ случаѣ, болѣе смысла, чѣмъ въ memento mori траппистовъ. Юноша, дѣйствительно, задумывалъ, со всею юношескою самонадѣянностью, совершить великое дѣло. Во время пребыванія въ Америкѣ, онъ

[1]) *Oeuvres de H. Saint-Simon.* Paris. Naquet, 1832, 2 vol.—Louis Reybaud. Études sur les réformateurs. t. 1, pp. 67—87.

изучалъ нравы и соціальное положеніе американцевъ, этого народа, призваннаго, по мнѣнію лучшихъ современниковъ Сенъ-Симона, подать сигналъ Европѣ къ освобожденію. Какъ только былъ заключенъ миръ, молодой Сенъ-Симонъ, побывавшій въ плѣну у англичанъ, занялся различными проектами. Проекты должны были впослѣдствіи наполнить всю его жизнь. Онъ представилъ мексиканскому вице-королю планъ устройства водяного сообщенія на Панамскомъ перешейкѣ, между двумя океанами. «Мой проектъ,—пишетъ онъ въ автобіографіи:—былъ принятъ холодно,—я его бросилъ. Возвратясь во Францію, я былъ произведенъ въ чинъ полковника, мнѣ было только 23 года. Праздность, въ которой проходило мое время, скоро мнѣ надоѣла. Упражняться на ученьяхъ лѣтомъ, вести придворную жизнь зимою—это было невыносимо для меня. Я уѣхалъ въ 1785 году въ Голландію». Здѣсь шли толки объ устройствѣ, при помощи Франціи, экспедиціи противъ англійскихъ колоній въ Индіи. Дѣло не состоялось. Сенъ-Симонъ возвратился снова на родину, опять почувствовалъ тягость бездѣйствія, и отправился въ 1787 году въ Испанію, съ предложеніемъ испанскому правительству набрать легіонъ въ 6.000 иностранцевъ для прорытія канала, который соединилъ бы Мадридъ съ моремъ. Во Франціи между тѣмъ вспыхнула революція, и Сенъ-Симонъ вернулся туда. «Я не хотѣлъ мѣшаться въ революціонное дѣло,—пишетъ онъ:—съ одной стороны, потому, что былъ убѣжденъ въ необходимости конца стараго порядка, съ другой—потому, что имѣлъ отвращеніе къ разрушенію, а между тѣмъ, политическую карьеру можно было начать, только примкнувъ къ придворной партіи, желавшей уничтожить національное представительство, или къ революціонной партіи, желавшей уничтожить королевскую власть... Моя дѣятельность обратилась на путь финансовыхъ спекуляцій. Я отдался спекуляціямъ по дѣлу покупки національныхъ имуществъ и сдѣлался компаньономъ одного пруссака, графа Редерна... Я желалъ добиться богатства, какъ средства для организаціи большого промышленнаго заведенія для устройства ученой школы усовершенствованія,—однимъ словомъ, для содѣйствія прогрессу просвѣщенія и улучшенія участи человѣчества. Таковы были дѣйствительные предметы моихъ желаній. Я работалъ въ этомъ финансовомъ направленіи до 1797 года съ жаромъ, увѣренностью и успѣхомъ. Удачно окончивъ свои спекуляціи, я былъ въ состояніи начать устройство промышленнаго заве-

денія. Въ улицѣ Булуа еще видны остатки предпринятыхъ мною построекъ: пріѣздъ Редерна остановилъ мои работы. Я ошибся насчетъ этого компаньона; я думалъ, что онъ идетъ по одной дорогѣ со мною, а между тѣмъ, наши пути были весьма различны: онъ стремился къ грязному болоту, посреди котораго богатство воздвигло свой храмъ, тогда какъ я съ трудомъ взбирался на голую и отвѣсную гору, на вершинѣ которой воздвигнуты алтари славы». Обманувшись въ своемъ компаньонѣ, Сенъ-Симонъ взялъ изъ своей части капитала 144.000 ливровъ, оставивъ остальныя деньги въ рукахъ Редерна. Эта остальная часть капитала никогда не была уплачена Редерномъ. Около того же времени Сенъ-Симонъ чуть не погибъ въ тюрьмѣ. Вслѣдствіе ошибки въ именахъ, его велѣли арестовать. Его не было въ это время въ Парижѣ и потому за него былъ арестованъ хозяинъ отеля, гдѣ Сенъ-Симонъ нанималъ квартиру. Узнавъ объ арестѣ хозяина отеля, Сенъ-Симонъ поспѣшилъ явиться въ Парижъ, и отправился въ тюрьму. Вѣроятно, онъ дорого поплатился бы за ошибку республиканскихъ властей, смѣшавшихъ его имя съ именемъ какого-то другого человѣка, но настало девятое термидора, и Сенъ-Симона освободили, вмѣстѣ съ десятками другихъ заключенныхъ.

«Я,—продолжаетъ Сенъ-Симонъ, преслѣдующій одну и ту же задачу своей жизни:—рѣшился открыть новую карьеру для человѣческаго ума,—карьеру физико-политическую. Я составилъ проектъ заставить общество сдѣлать новый шагъ къ наукѣ и оставить инициативу въ этомъ дѣлѣ за французской школой. Это предпріятіе требовало предварительныхъ работъ; я долженъ былъ начать изученіе физическихъ наукъ, опредѣлить ихъ современное положеніе и убѣдиться, при помощи историческихъ изысканій, въ какомъ порядкѣ были сдѣланы открытія, обогатившія ихъ. Для пріобрѣтенія этихъ знаній, я не ограничивался изысканіями въ библіотекахъ; я началъ снова воспитаніе, я слушалъ лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ, я нанялъ квартиру противъ политехнической школы; я завязалъ дружескія связи съ профессорами этой школы; въ теченіе трехъ лѣтъ я занимался единственно пріобрѣтеніемъ всѣхъ добытыхъ наукою свѣдѣній о простыхъ тѣлахъ. Я употреблялъ мои деньги, чтобы запастись знаніями: обѣдъ, хорошее вино, предупредительность относительно профессоровъ, которымъ былъ открытъ мой кошелекъ, легко доставили мнѣ возможность достигнуть желаемаго». Точно такъ же сошелся Сенъ-Симонъ

съ профессорами медицинской школы, поближе къ дому которой переѣхалъ онъ въ 1801 году, чтобы заняться физіологіей. Потомъ онъ предпринялъ путешествіе съ ученой цѣлью за границу, въ Англію, въ Женеву и Германію. «Отсюда,—пишетъ онъ далѣе:—вынесъ я убѣжденіе, что вообще наука находится еще въ младенческомъ состояніи, такъ какъ она основывается на мистическихъ принципахъ». Въ это же время онъ задумалъ жениться, чтобы «воспользоваться женитьбою, какъ средствомъ изучить ученыхъ». Жена его, урожденная Шампаньякъ, дочь его друга и товарища по службѣ въ Америкѣ, извѣстная потомъ, какъ писательница, подъ именемъ госпожи Баврь, имѣла много знакомыхъ между учеными и артистами, могла привлечь людей этихъ двухъ классовъ въ свой салонъ и такимъ образомъ дать мужу возможность изучить ихъ. Но, кажется, главнымъ мотивомъ для женитьбы на Шампаньякъ было желаніе Сенъ-Симона помочь этой бѣдной дѣвушкѣ, такъ какъ онъ сперва предлагалъ ей просто половину своего имущества и, когда она отказалась отъ этого, то женился на ней, говоря, что онъ будетъ скорѣе ея отцомъ, чѣмъ мужемъ. Его салонъ сдѣлался мѣстомъ сборища для профессоровъ, ученыхъ и артистовъ. Хозяинъ присутствовалъ на собраніяхъ молчаливымъ наблюдателемъ, говорилъ мало и старался подмѣтить, какое вліяніе оказываетъ каждая профессія на умъ, страсти и нравственность каждой отдѣльной личности. «Спокойный среди шума, наблюдающій за другими, не будучи наблюдаемъ ими, испытывая все: доброе и злое, игру, оргіи, серьезные разговоры, возвышенные споры, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ характерахъ, о всѣхъ страстяхъ; гастрономъ, кутила, расточитель, но болѣе по системѣ, чѣмъ по личному интересу, Сенъ-Симонъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ въ одинъ годъ: желая получить прежде времени опытность старика, онъ бросился въ жизнь, вмѣсто того, чтобы медленно идти къ ней; онъ употреблялъ все и злоупотреблялъ всѣмъ, чтобы имѣть возможность принять когда-нибудь это все въ соображеніе при своихъ расчетахъ, такъ рисуетъ его Луи Рейбо, не сочувствующій его идеямъ. Оставшись черезъ годъ нищимъ, Сенъ-Симонъ разошелся по обоюдному согласію съ женою, не желая связывать ея судьбу со своею судьбою авантюриста, и съ спокойствіемъ человѣка, сознающаго важность своей цѣли, пошелъ на тяжелую дорогу нуждъ, считая нужду новымъ средствомъ для своихъ опытовъ. Чтобы жить, онъ опредѣлился на службу въ ко-

ролевскій ломбардъ. «Это занятіе переписчикомъ,—пишетъ онъ:—приносило тысячу франковъ въ годъ за девять часовъ дневной работы; я исполнялъ его въ теченіе шести мѣсяцевъ; мой личный трудъ могъ подвигаться впередъ только при помощи уменьшенія часовъ сна. Я харкалъ кровью, мое здоровье находилось въ самомъ скверномъ положеніи, когда случай свелъ меня съ единственнымъ человѣкомъ, котораго я могу назвать другомъ». Этотъ человѣкъ былъ Діаръ, служившій у Сенъ-Симона во дни его богатства. Онъ предложилъ Сенъ-Симону располагать всѣмъ его состояніемъ, сознавая, что занятіе переписчика недостойно способностей Сенъ-Симона. Предложеніе было принято, но черезъ два года Діаръ умеръ, и нищета Сенъ-Симона стала еще страшнѣе. «Уже въ теченіе пятнадцати дней я питаюсь только хлѣбомъ и пью одну воду,—писалъ онъ въ 1812 г.:—я работаю безъ огня и продалъ даже свое платье, чтобы имѣть матеріалъ для переписки моего труда. Въ это состояніе нищеты привела меня страсть къ наукѣ и общественному счастью, привело желаніе найти средство окончить мирнымъ путемъ кризисъ, въ которомъ находится европейское общество. Потому я, не краснѣя, могу сознаться въ своей нищетѣ и просить необходимой помощи, чтобы имѣть возможность продолжить свое дѣло». Не просивъ ничего у имперіи, Сенъ-Симонъ не просилъ помощи и у правительства періода реставраціи, хотя оно, вѣроятно, посчитало бы помочь потомку герцога Сенъ-Симона. Мы дошли до того періода жизни Сенъ-Симона, когда кончается его долгая и несбыденная подготовка къ работѣ и начинается рядъ произведеній, представляющихъ добытые имъ выводы и заключенія.

Первая книга, изданная Сенъ-Симономъ, появилась въ Женевѣ въ 1802 г. и носила названіе «Писемъ жителя Женевы къ своимъ современникамъ»; второе сочиненіе появилось въ 1807 году, подъ заглавіемъ: «Введеніе къ ученымъ работамъ XIX вѣка». Въ этихъ первыхъ произведеніяхъ Сенъ-Симона уже видны основныя положенія его системы, хотя тутъ еще много невыработанности и противорѣчій самому себѣ. Въ «Письмахъ» главная идея та, что «управленіе обществомъ принадлежитъ по праву самымъ способнымъ личностямъ, и что власть не должна имѣть никакой другой цѣли, кромѣ общаго интереса». Подобно Фурье, онъ признаетъ здѣсь принципъ тождественности физическихъ и моральныхъ явленій и говоритъ, что онъ своими идеями дѣлаетъ шагъ къ разрѣшенію долго отыскиваемой

задачи о «приведеніи человѣка въ такое положеніе, чтобы его личный интересъ постоянно шелъ бы однимъ путемъ съ интересомъ общимъ». Проклиная войны, онъ пророчитъ ихъ близкій конецъ, сознавая, что только миръ можетъ способствовать развитію знаній и счастья человѣчества. «Довольно прославлять Александровъ,—восклицаетъ онъ:—да здравствуютъ Архимеды!» Въ концѣ этого сочиненія онъ пророчитъ, что папа, наконецъ, перестанетъ говорить отъ имени Бога, что человѣчество усовершенствуется въ знаніи добра и зла, что на землѣ будетъ рай и т. д.

Но тутъ же, среди этихъ идей, онъ высказываетъ еще и такія мысли, что временная власть (т. е. фактическое управленіе) должна находиться въ рукахъ собственниковъ и только власть духовная должна принадлежать ученымъ. Средства для достиженія предназначенной имъ цѣли являются здѣсь крайне несостоятельными и странными. Эти противорѣчія между частностями и главной идеей ясно показываютъ, что Сенъ-Симонъ въ это время еще не выработалъ вполнѣ своихъ взглядовъ. Въ «Введеніи», вызванномъ предложенною ученымъ со стороны Наполеона программою, Сенъ-Симонъ говоритъ, что «школа въ теченіе столѣтія во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ подробностяхъ изслѣдовала область науки; теперь пришло время снова взглянуть на науку съ общей точки зрѣнія. Мы должны заняться соединеніемъ въ одно цѣлое отдѣльныхъ картъ, сдѣланныхъ во сто лѣтъ». Авторъ слѣдитъ за ходомъ человѣческой мысли, въ теченіе двухъ вѣковъ переходящей отъ синтеза при Бэконѣ и Декартѣ къ анализу при Ньютонѣ и Локкѣ и доживающей до борьбы, которая окончилась побѣдой естественниковъ надъ теологами. Опираясь на принципъ Кондорсэ о безконечномъ усовершенствованіи, Сенъ-Симонъ рисуетъ картину прогресса общей идеи, послѣдовательныя измѣненія которой обозначали главнѣйшія фазы цивилизаціи: фетишизмъ, политеизъ и монотеизмъ. Здѣсь же впервые онъ употребилъ раздѣленіе исторіи на эпохи органическія и эпохи критическія: первые тѣ, въ продолженіе которыхъ существуетъ извѣстная хорошая или дурная система, плотно соединяющая различныя части общества и всѣми признанная; отличительныя черты вторыхъ эпохъ — стремленіе перейти отъ существующаго порядка къ новому. Такъ, онъ видѣлъ органическую эпоху въ язычествѣ до Сократа, другую такую же эпоху онъ указываетъ въ христіанствѣ до Лютера. Онъ показываетъ все возвышающееся вплоть до

Григорія VII и еще благотворное вліяніе духовенства, называемаго имъ сословіемъ профессоровъ деизма; затѣмъ показываетъ, какъ оно понижалось съ той минуты, когда перевѣсъ учености пересталъ быть на его сторонѣ и когда философія дала перевѣсъ разуму и опыту надъ чувствомъ и вѣрою. Здѣсь же, касаясь общепринятой морали, онъ говоритъ, что принципъ любви къ ближнему долженъ бы быть дополненъ не менѣе важнымъ принципомъ, а именно: обязанностью каждаго человѣка работать. «Самый счастливый человѣкъ,—говоритъ онъ:—тотъ, который работаетъ; самая счастливая семья та, которой члены полезно употребляютъ свое время; самая счастливая нація та, въ которой менѣе всего празднаго народу. Человѣчество наслаждалось бы всѣмъ счастіемъ, на какое оно можетъ разсчитывать, если бы не было праздности». Вслѣдствіе этого убѣжденія, Сенъ-Симонъ приходитъ къ тому выводу, что праздные люди — это рантье, не служащіе собственники, не занимающіеся улучшеніемъ и устройствомъ своей собственности. «Моралистъ,—говоритъ онъ:—долженъ заставить общественное мнѣніе наказать празднаго собственника лишеніемъ его всякаго значенія».

Между изданіемъ «Писемъ къ жителямъ Женевы» и изданіемъ «Введенія» прошло, какъ мы видѣли, только пять лѣтъ, а между тѣмъ еще смутныя въ 1802 году идеи Сенъ-Симона уже сложились къ 1807 году въ довольно ясную и опредѣленную систему.

Съ 1812 года семейство Сенъ-Симона стало выплачивать ему небольшую пенсію, при помощи которой онъ могъ кое-какъ существовать и работать. Около этого же времени онъ уже имѣлъ одного изъ своихъ многихъ знаменитыхъ впослѣдствіи сотрудниковъ, Огюстена Тьерри, и издалъ вмѣстѣ съ нимъ, въ 1814 году, книгу подъ заглавіемъ: «Реорганизація европейскаго общества или о необходимости и средствахъ соединить европейскіе народы въ одно политическое цѣлое, сохранивъ за каждымъ изъ нихъ его національность». Далѣе учениками Сенъ-Симона дѣлаются Огюстъ Контъ и Олиндъ Родригъ. Несмотря на недостатокъ средствъ, онъ издаетъ одно произведеніе за другимъ и совершенно выясняетъ свою доктрину. Онъ дѣлитъ общество на людей трудящихся и на людей праздныхъ и признаетъ, что будущее принадлежитъ по праву и будетъ принадлежать de facto первымъ. Самая точная классификація трудящихся людей является сама собою: человѣкъ чувствуетъ, думаетъ

и дѣйствуетъ; отсюда является раздѣленіе труда на трудъ артистовъ, производящій вліяніе на чувство человѣчества, на трудъ ученыхъ, развивающій умственныя способности человѣчества, и на трудъ промышленниковъ, приводящій въ движеніе наши мускулы. Сначала Сенъ-Симонъ думалъ, что преобразованіе общества должно совершиться по иниціативѣ ученыхъ. Но сословіе ученыхъ мертво; оно само нуждается въ подталкиваніи къ дѣятельности и никакъ не можетъ подталкивать къ ней общество. Промышленность же, напротивъ того, не существуетъ для промышленности, какъ искусство для искусства и наука для науки; она знаетъ, что она существуетъ для общества, для его насущныхъ потребностей; она расширяется съ каждымъ днемъ, оживляетъ общество, смѣло береть во всемъ на себя иниціативу и побѣдитъ, наконецъ, царство грубой силы, силы меча. Сообразно съ этими выводами, Сенъ-Симонъ рѣшился обратиться къ промышленникамъ и сказалъ, что пришло время вырвать пальму первенства у праздности, что настаетъ царство труда. Девизомъ второго періода его дѣятельности стали слова: «все при помощи промышленности; все для промышленности». Сознавая необходимость мира для развитія и процвѣтанія труда, Сенъ-Симонъ говоритъ, что всѣ народы Европы должны соединиться въ одно цѣлое. Большой общеевропейскій парламентъ, состоящій изъ достойнѣйшихъ людей, съ второю палатою, гдѣ депутатами были бы негоціанты, ученые члены магистратуры и администраціи, могъ бы заниматься всѣми дѣлами европейскаго общества. Онъ изслѣдовалъ и разрѣшалъ бы всѣ вопросы общаго интереса, устранялъ бы недоразумѣнія между государствами, управлялъ бы общественными работами, направлялъ бы дѣятельность народовъ къ полезной цѣли, наконецъ, сдѣлалъ бы земной шаръ повсюду равно удобнымъ для жизни. Этотъ же парламентъ направлялъ бы европейское воспитаніе, установилъ бы одну общую мораль, гарантировалъ бы полную свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, но онъ подавилъ бы тѣ религіи, которыя не согласовались бы съ признанною всѣми нравственностью. Конечно, такой парламентъ могъ бы возникнуть только тогда, когда каждое отдѣльное государство приняло бы парламентскую форму правленія. Но отчасти можно бы ускорить время его образованія тѣснымъ союзомъ Англіи и Франціи. «Пусть французы и англичане соединятся вмѣстѣ,—пишетъ онъ:—и учредятъ общій парламентъ; главная задача этого союза будетъ состоять

въ привлеченіи къ себѣ другихъ народовъ, въ покровительствѣ и поддержкѣ у всѣхъ народовъ стремленія къ представительному, конституціонному правленію. Каждая страна, съ той минуты, какъ она приметъ форму представительнаго правленія, можетъ посылать депутатовъ въ общій парламентъ, и устройство Европы незамѣтнымъ образомъ пойдетъ впередъ безъ войнъ, безъ катастрофъ, безъ политическихъ революцій». Чего требуетъ онъ отъ правительства вообще, это видно изъ его сочиненія: «Промышленность», гдѣ онъ пишетъ: «Люди преувеличиваютъ, когда говорятъ, что французская революція закончила разрушеніе теологическихъ и феодальныхъ властей; она не уничтожила ихъ: она только уменьшила довѣріе къ принципамъ, служившимъ имъ основою, такъ что теперь эти власти не имѣютъ достаточно силы и кредита, чтобы служить связью для общества. Но въ какихъ идеяхъ найдемъ мы эту органическую, необходимую связь? Въ промышленныхъ идеяхъ. Только тутъ мы должны искать себѣ спасенія и конца революціи. По моему мнѣнію, единственная цѣль, къ которой должны стремиться всѣ мысли и усилія, — это организація, насколько возможно болѣе благопріятная для промышленности, конечно, для промышленности, принимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, охватывающей всѣ роды полезныхъ работъ, какъ теорію, такъ и приложеніе, какъ работу ума, такъ и работу рукъ; организація, насколько возможно болѣе благопріятная для промышленности, т. е. такое правленіе, гдѣ дѣятельность и сила политической власти высказывались бы лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы никто и ничто не нарушало полезныхъ работъ; правленіе, гдѣ все было бы устроено такъ, что работники, представляющіе собою дѣйствительное общество, могли бы обмѣниваться между собою непосредственно и съ полной свободою продуктами своего труда; наконецъ, правленіе, вполнѣ представляющее собою общество, которое одно можетъ знать о своихъ потребностяхъ, желаніяхъ и предпочтеніяхъ, одно можетъ судить о достоинствѣ и полезности работъ. «Правительства» не будутъ болѣе руководить людьми,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—ихъ дѣятельность ограничится только наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы полезныя работы не нарушались. Въ ихъ распоряженіи будетъ только очень малое количество власти и денегъ, потому что этой цѣли можно достигнуть и безъ большихъ матеріальныхъ средствъ. Эти необходимыя средства будутъ доставляться добровольными

подписками и подписчики сами будутъ наблюдать, какимъ образомъ употребятся и распредѣлятся ихъ деньги».

Вслѣдъ за изданіемъ «Промышленности» Сенъ-Симонъ издалъ еще нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ первый нумеръ журнала «Организаторъ», гдѣ была помѣщена извѣстная нашимъ читателямъ «Парабола», произвелъ сильное впечатлѣніе на общество, увидавшее, какъ мало цѣны придаетъ авторъ статьи жизни герцога Ангулемскаго, герцога Беррійскаго и тому подобныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Сенъ-Симонъ былъ оправданъ судомъ, признавшимъ, что авторъ «Параболы» былъ болѣе невѣжливъ, чѣмъ виноватъ, относительно высокихъ особъ, задѣтыхъ имъ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Сенъ-Симона все сильнѣе и сильнѣе начали звучать слова любви. «Любите другъ друга, и помогайте другъ другу,—говорилъ онъ.—Кто любитъ другихъ, тотъ исполнилъ законъ. Въ словахъ: люби ближняго, какъ самого себя, — заключается все». Онъ окончательно нападаетъ на безполезность и вредность рантье, праздныхъ собственниковъ, законниковъ и военныхъ, и ставитъ на ихъ мѣсто промышленниковъ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ вообще весь трудящійся людъ, которому онъ обѣщаетъ свѣтлую будущность, сознавая, что рабочіе классы съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все большее значеніе. Возможно скорое приближеніе этого будущаго, когда трудъ будетъ составлять основу общественнаго существованія, когда вся общественная жизнь будетъ построена на чисто экономическихъ началахъ, должно, по его мнѣнію, сдѣлаться въ XIX вѣкѣ задачею каждаго человѣка. Эти очень простыя мысли были новостью въ его время, и изъ этихъ-то мыслей было выведено его послѣдователями правило: «Каждому по его способностямъ; каждой способности по ея дѣламъ». Главная проблема, которую предлагалъ онъ къ разрѣшенію, было отысканіе лучшаго распредѣленія орудій производства. Сенъ-Симонъ говоритъ, что владѣніе орудіями производства составляетъ въ настоящее время наслѣдственное право, пріобрѣтаемое человѣкомъ по рожденію, такъ что вслѣдствіе права уступать орудія производства за довольно высокое вознагражденіе, ихъ владѣтель можетъ пользоваться частью трудовъ производителя, не участвуя лично въ трудѣ. Орудіями производства Сенъ-Симонъ считаетъ, подобно всѣмъ другимъ соціалистамъ, его послѣдователямъ, всѣ тѣ средства, которыми можно производить. Весь внѣшній міръ, то-есть всѣ сырые матеріалы, принадлежитъ поэтому къ

орудіямъ производства. Сенъ-Симонъ ограничился только постановкой проблемы о неравномѣрности распредѣленія орудій производства и, проистекающей отсюда, неравномѣрности распредѣленія плодовъ труда между праздными и трудящимися. У него не было возможности указать на практическія средства къ разрѣшенію задачи. Мы уже видѣли, что онъ желалъ одного, отдачи правленія въ руки промышленниковъ, устройства общеевропейскаго парламента и ждалъ отъ этихъ нововведеній благотворныхъ практическихъ результатовъ. Нисколько не враждуя съ господствующею во Франціи династіею, онъ предлагалъ нѣсколько разъ королю сдѣлаться королемъ промышленниковъ, соединиться съ послѣдними и отказаться отъ праздныхъ собственниковъ, законниковъ и военныхъ.

Но тутъ возникалъ вопросъ: какъ можетъ промышленность удовлетворить и направить нравственную и умственную стороны человѣчества? Отвѣтъ на это Сенъ-Симонъ думалъ дать въ своей послѣдней книгѣ: «Новое христіанство». Прежде чѣмъ мы обратимся къ изложенію ея содержанія, намъ надо сказать о послѣднихъ дняхъ его жизни, такъ какъ эта книга была какъ бы загробнымъ словомъ, завѣщаніемъ учителя ученикамъ.

Все чаще и чаще потомокъ богатѣйшей французской фамиліи былъ принужденъ питаться хлѣбомъ и водой; все чаще оставался онъ зимою безъ огня въ своемъ жилищѣ, чтобы только напечатать какую-нибудь брошюру на послѣдніе гроши. Сенъ-Симонъ предвидѣлъ всѣ эти страданія, онъ бодро шелъ имъ навстрѣчу, какъ человѣкъ, глубоко убѣжденный въ полезности и истинѣ своего дѣла. Но годы шли, приближалась старость, лишенія переносились труднѣе. Одинъ разъ у старика не хватило силъ долѣе бороться съ нищетой; онъ рѣшился на самоубійство. Эта мысль пришла ему въ голову во второй разъ въ жизни: еще ребенкомъ онъ былъ укушенъ бѣшеной собакой; онъ положилъ на руку раскаленный уголь и взялъ заряженный пистолетъ, чтобы тотчасъ же застрѣлиться, какъ почувствуетъ первые припадки бѣшенства. Тогда все окончилось счастливо: послѣдствія отъ укушенія бѣшеной собаки еще могутъ быть устранены; но послѣдствіе честной нищеты труженика — это голодная смерть; и ее не устранитъ въ большей части случаевъ ничто, кромѣ преступленія или униженія. Положивъ на столъ часы, Сенъ-Симонъ сѣлъ за работу, рѣшась застрѣлиться, когда стрѣлка покажетъ время, назначенное

имъ для жизни. Это было 9-го марта 1823 г. Стрѣлка подошла къ назначенному часу, въ комнатѣ раздался выстрѣлъ. Но пули прошли черезъ глазъ и не повредили мозга. На выстрѣлъ прибѣжали Сарладьеръ и Контъ. Они нашли своего друга окровавленнымъ. «Какъ это можетъ человѣкъ имѣть въ головѣ семь пуль и все-таки жить и думать?»—очнувшись, говорилъ Сенъ-Симонъ своимъ друзьямъ. Врачъ, дѣлавшій операцію, не находя ни одной пули, думалъ, что больной умретъ въ ночь. «Ну, такъ воспользуемся немногими часами жизни и поговоримъ о нашихъ ученыхъ трудахъ», — сказалъ Сенъ-Симонъ. Однако, онъ выздоровѣлъ и съ еще большею энергіею предался труду: онъ увидѣлъ въ неудавшейся попыткѣ къ самоубійству какъ бы подтвержденіе необходимости его труда. Прошло два года, его здоровье разстроилось окончательно, и онъ слегъ. Это были чудные, тихіе дни его тяжелой жизни. Окруженный учениками, вызывающій ихъ удивленіе, онъ видѣлъ, что дѣло его не погибло. Когда докторъ спросилъ его, въ послѣдній день его жизни, страдаетъ ли онъ, то Сенъ-Симонъ отвѣтилъ:—«Нѣтъ!»—«Ни въ одной части тѣла?»—спросилъ врачъ, знавшій, что страданія больного очень мучительны и сильны. «Я бы преувеличивалъ, если бы сказалъ, что не страдаю совсѣмъ,—отвѣтилъ умирающій:—но это не важно. Будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ». Онъ пригласилъ бывшихъ въ комнатѣ друзей окружить его, и когда ученики подошли, Сенъ Симонъ сказалъ имъ прерывающимся отъ предсмертнаго хрипѣнья голосомъ: «Въ теченіе двѣнадцати дней занимался я соображеніемъ, какъ бы устроить успѣхъ нашему журнальному предпріятію (*Le producteur*). Три часа я думаю теперь, несмотря на свои страданія, какъ бы лучше пояснить вамъ свои мысли. Вы приближаетесь къ той эпохѣ, когда хорошо разсчитанныя усилія дадутъ огромный результатъ... Плодъ поспѣлъ, вы его сорвете... Послѣдняя часть моихъ работъ, «Новое христіанство» будетъ понято не тотчасъ. Люди думаютъ, что всякая религіозная система должна исчезнуть, потому что доказана дряхлость католичества. Они ошибаются: религія не можетъ исчезнуть, она только приметъ другую форму. Родригъ, не забудьте это и помните, что для совершенія великихъ дѣлъ нужно быть одушевленнымъ страстью... Вся моя жизнь выражается въ одной мысли: обезпечить всѣмъ людямъ вполнѣ свободное развитіе ихъ способностей». Прошло нѣсколько минутъ молчанія, потомъ

умирающій произнесъ въ послѣдней агоніи: «Не пройдетъ и сорока восьми часовъ послѣ нашего второго изданія, какъ дальнѣйшая судьба рабочаго люда будетъ утверждена: будущее наше». Онъ поднялъ руку къ головѣ и умеръ. Это было 19 мая 1825 года.

Въ «Новомъ христіанствѣ» Сенъ-Симонъ хотѣлъ указать на ту роль, которую должно, по его мнѣнію, принять на себя христіанство относительно общества. Какъ промышленность должна вести общество къ благосостоянію, такъ христіанство должно вести общество къ любви и братству. Изъ великаго принципа: любите другъ друга, онъ выводитъ заключеніе, что «религія должна направлять общество къ великой цѣли возможно скораго улучшенія быта самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса работниковъ».

«Мы, — говоритъ онъ: — стоимъ, безъ сомнѣнія, гораздо выше нашихъ предшественниковъ въ дѣлѣ положительно полезныхъ и спеціальныхъ знаній; только съ XV вѣка, и преимущественно съ начала послѣдняго столѣтія, мы сдѣлали большіе успѣхи въ математикѣ, физикѣ, химіи и физіологіи. Но есть болѣе важная наука для общества, чѣмъ знанія физическія и математическія: это наука, устраивающая общество, служащая ему основаніемъ: это мораль. Но мораль шла совершенно противоположнымъ путемъ съ науками физическими и математическими. Ея основной принципъ высказанъ за восемнадцать столѣтій до нашего времени, и съ этой поры всѣ изысканія величайшихъ геніевъ человѣчества не могли найти принципъ болѣе высокій по своей всеобщности или по своей точности, чѣмъ принципъ основателя христіанства. Я скажу болѣе: съ той поры, когда общество потеряло изъ виду этотъ принципъ, когда перестало брать его за норму для своего поведенія, оно быстро подпало подъ иго Цезаря, то-есть подъ власть физической силы, подчиненной этимъ принципомъ силѣ духовной». Онъ указываетъ, какъ возникли двѣ противоположныя одна другой по своимъ стремленіямъ власти: духовная и временная власть, церковь и государство. Направленіе матеріальныхъ интересовъ человѣчества перестало принадлежать къ атрибутамъ духовной власти, она ограничилась теологическими диспутами, посвящала всѣ свои силы изученію различныхъ догматовъ безъ матеріальнаго и практическаго ихъ приложенія, пренебрегала улучшеніемъ участи бѣдныхъ и даже проповѣдывала убіеніе плоти и святость страданія. Съ развитіемъ позитивныхъ наукъ, съ прогрессомъ въ математикѣ,

физикѣ, астрономіи и т. д. вдругъ возникло двѣ науки: наука свѣтская, практическая, и наука священная, теологическая, очень часто враждебныя одна другой. Государство, имѣвшее прежде только временную власть, теперь получило власть духовную, принадлежавшую прежде одной церкви. Разсматривая обязанности церкви, Сенъ-Симонъ признаетъ ее божественнымъ учрежденіемъ и ея дѣйствія непогрѣшительными, но только въ такомъ случаѣ, если она сохраняетъ главную заповѣдь своего божественнаго Основателя, т. е. если она можетъ направить людей къ божественной цѣли. Эта цѣль заключается въ принципѣ Христа: «Люди должны любить другъ друга, какъ братья». «Богъ,—говоритъ онъ:—не высказалъ бы систематически своей воли, если бы Онъ основалъ религію на нѣсколькихъ принципахъ. Но вся Его воля высказалась въ одномъ принципѣ, и съ точки зрѣнія этого основного принципа можно судить различныя вѣроисповѣданія, сложившіяся на лонѣ христіанства. Все, что удаляетъ ихъ отъ этого принципа, все, что мѣшаетъ въ нихъ осуществленію этой формулы, то-есть устройству на землѣ братскаго отношенія между людьми, заражено ересью». Съ этой точки зрѣнія Сенъ-Симонъ доказываетъ несостоятельность существующаго католичества и протестантизма. Онъ обвиняетъ первое за то, «во-первыхъ, что оно даетъ ложное воспитаніе свѣтскимъ людямъ; во-вторыхъ, что, давая семинаристамъ дурное воспитаніе, оно образуетъ пастырей, лишенныхъ способности мыслить и лишенныхъ необходимаго имъ знанія для дѣльнаго управленія ввѣренною имъ паствою; въ-третьихъ, что оно само является блестящимъ доказательствомъ своего безсилія и ошибочности въ дѣлѣ соціальнаго управленія, такъ какъ изъ всѣхъ государствъ Европы римскія владѣнія имѣютъ самую дурную и вредную для общественныхъ интересовъ администрацію; въ-четвертыхъ, что оно допустило образоваться въ своей средѣ и покровительствовало двумъ самымъ противоположнымъ духу христіанства учрежденіямъ—инквизиціи и іезуитизму». Протестантизмъ подвергается не меньшимъ нападеніямъ. Но, нападая на ученіе Лютера, Сенъ-Симонъ отдаетъ полную справедливость его критикѣ, приготовившей доступъ къ новымъ путямъ христіанства. Итакъ, характеръ «Новаго христіанства», по мнѣнію Сенъ-Симона, долженъ быть въ развитіи первой заповѣди Христа. Эта заповѣдь, учреждавшая индивидуальное братство во времена, когда люди дѣлились на господъ и рабовъ, теперь

расширится и обратится въ заповѣдь соціальнаго братства. «Общество,—повторяетъ онъ:—должно стремиться къ возможно скорому улучшенію матеріальнаго и нравственнаго существованія бѣднаго и многочисленнаго класса, общество должно организоваться такимъ образомъ, чтобы ему удобнѣе всего было достигнуть этой цѣли... Новое христіанство призвано связать между собою ученыхъ, артистовъ, промышленниковъ и дать имъ руководителей, общихъ какъ для всего человѣческаго рода, такъ и для отдѣльныхъ интересовъ каждаго народа. Оно призвано поставить во главѣ священнаго знанія искусства, опытныя и промышленныя науки, тогда какъ католики ставятъ эти знанія въ число свѣтскихъ знаній—*connaissances profanes*. Оно призвано изречь проклятія, какъ на нѣчто безбожное, на всякую доктрину, стремящуюся научить человѣка пріобрѣсти вѣчную жизнь какимъ-нибудь другимъ способомъ, а не работою, работою изо всѣхъ силъ на пользу улучшенія участи нашихъ ближнихъ».

Сенъ-Симонъ хотѣлъ продолжать изложеніе своихъ идей о «Новомъ христіанствѣ», но это желаніе не исполнилось, такъ какъ онъ умеръ, едва окончивъ это произведеніе.

Мнѣ нечего извиняться передъ читателемъ, что я слишкомъ долго занималъ его вниманіе Сенъ-Симономъ. Ученіе Сенъ-Симона, каково бы оно ни было по своей сущности, очень важно въ исторіи рабочихъ классовъ во Франціи. Какъ мы видѣли, онъ въ сущности не построилъ никакой полной системы соціальнаго устройства и только намѣтилъ путь, по которому должно въ XIX вѣкѣ идти общество, и указалъ цѣль, къ которой, по его мнѣнію, оно должно стремиться. Эта цѣль—сдѣлать наслажденіе въ извѣстной мѣрѣ доступнымъ для всѣхъ членовъ общества. Достигнуть ея нужно посредствомъ справедливаго распредѣленія плодовъ человѣческой дѣятельности и посредствомъ увеличенія производства при помощи «организаціи труда». Одной изъ главныхъ задачъ должно быть наиболѣе цѣлесообразное употребленіе всѣхъ индивидуальныхъ силъ, соединеніе ихъ и правильное взаимное отношеніе между ними. Вознагражденіе каждаго должно измѣряться по его способностямъ и результатамъ его труда. Существовавшія до сихъ поръ мораль, право наслѣдства и положеніе собственности должны быть измѣнены. Общеевропейскій парламентъ могъ бы отчасти постепенно измѣнить положеніе дѣлъ, но парламентская форма правленія вообще есть только переходная

ступень между старымъ и будущимъ порядкомъ дѣлъ. Составляя планы будущей организаціи, Сенъ-Симонъ имѣлъ преимущественно въ виду образецъ католической церкви: ея непогрѣшимое папство, ея іерархію, ея религіозный тонъ; ея торжественныя формы онъ думалъ перенести въ новый міръ, но этотъ міръ существенно отличался отъ христіанскаго по содержанію, такъ какъ христіанскій міръ, по мнѣнію Сенъ-Симона, пережилъ себя. Но собственно теорія организаціи, устройства общества создалась его учениками; онъ же, какъ мы сказали, старался указать только цѣль и путь.

Совсѣмъ иной характеръ носила дѣятельность другого человѣка, жившаго въ это же время. Онъ стремился къ той же цѣли, къ которой стремился Сенъ-Симонъ. Но стремленіе выражалось главнымъ образомъ въ созданіи формъ новой жизни, въ подробнѣйшихъ планахъ новаго устройства общества. Этотъ человѣкъ былъ Шарль Фурье.

VIII.

Сынъ довольно богатаго и уважаемаго въ его родномъ городѣ торговца, Франсуа-Мари-Шарль-Фурье [1]) родился 7-го апрѣля 1772 года въ Безансонѣ. Уже ребенкомъ онъ былъ замѣченъ въ школѣ, какъ очень способный и живой мальчикъ. На двадцатомъ году онъ сдѣлался приказчикомъ одного торговаго дома; большею частію проживалъ въ Руанѣ и Ліонѣ; посѣтилъ по дѣламъ Германію и Голландію; на двадцать первомъ году получилъ наслѣдство послѣ смерти отца, равнявшееся 80.000 франковъ; открылъ магазинъ бакалейныхъ товаровъ; разорился въ конецъ; во время революціи попалъ въ тюрьму и едва спасся изъ нея. Изъ этихъ первыхъ событій своей жизни онъ вынесъ глубочайшую ненависть къ торговлѣ и отвращеніе къ революціи, которую называлъ «новою плутнею философовъ, совершенною во имя цивилизаціи». Словомъ «цивилизація» онъ обозначалъ одно изъ страшныхъ золъ. Прослуживъ недолгое время по необходимости въ военной службѣ, представивъ во времена Директоріи непринятый ею проектъ продовольствія, онъ снова принялся за торговлю въ качествѣ частнаго маклера. Одинъ торговый домъ поручилъ ему въ это время тайно бросить въ море грузъ рису, чтобы поддержать искусственными мѣрами торговлю. Эта продѣлка еще болѣе

[1]) *Oeuvres de Ch. Fourier, 6 vol. 1841—1846.—Louis Reybaud. Études etc., t. I, pp. 144—202.*

увеличила ненависть Фурье къ существующему въ торговлѣ порядку дѣлъ. Печатая мелкія статьи въ одномъ изъ ліонскихъ журналовъ, онъ былъ замѣченъ правительствомъ, и оно удивилось, что авторъ статей, выказавшій большое знаніе политики, не кто иной, какъ молодой бѣдный торговецъ. Почти въ это же время, то-есть въ 1808 году, Фурье издалъ первое большое произведеніе «*Théorie des quatre mouvements et des destinées générales, prospectus et annonce*» Въ 1821 году онъ напечаталъ «*Traité de l'Association domestique et agricole*», а въ 1829 году обнародовалъ «*Nouveau monde industriel*». Кромѣ этихъ обширныхъ трудовъ, онъ написалъ много мелкихъ произведеній. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ слогъ страшно тяжелъ и не ровенъ; яснаго, систематическаго порядка, изящнаго изложенія, вообще красоты формы и строгости метода нѣтъ и слѣда. Очень часто встрѣчаются здѣсь необузданныя заблужденія фантазіи; ребяческія сказки выдаются за исторію будущаго; ни на чемъ неосновательные расчеты серьезно представляются за несомнѣнныя математическія аксіомы. Все это заставило однихъ бросить сочиненія Фурье, какъ книги, написанныя не для чтенія; другихъ — назвать его сумасшедшимъ и сумасбродомъ; третьихъ — опровергать и осмѣивать его мнѣнія о превращеніи воды въ моряхъ въ лимонадъ, о принятіи человѣческой душою 810 различныхъ формъ, о перемѣнѣ суроваго климата въ Охотскѣ и Якутскѣ въ теплый, о противосозданіи звѣрей, то-есть о созданіи противо-льва, противо-тигра, противо-кита и т. п. Всѣ эти замѣчанія могутъ быть очень остроумны, но насъ они нисколько не интересуютъ, такъ какъ ни слогъ, ни сумасшествіе Фурье, ни его толки о будущей способности человѣка къ летанью и путешествіямъ на противо-львахъ не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи рабочаго сословія во Франціи. Намъ приходится заняться исключительно тою частью его произведеній, противъ которой можно сильно спорить, но которой въ то же время даже ея враги не могутъ отказать не только въ серьезномъ значеніи, въ основательномъ изслѣдованіи, въ замѣчательной проницательности, но даже иногда и въ геніальности. Именно эта часть его произведеній имѣла сильное вліяніе на умы во Франціи и вызывала какъ брань, такъ и восторгъ.

Человѣкъ XVIII вѣка, Фурье усвоилъ и методъ, и данныя своего вѣка. Онъ отрѣшился отъ всѣхъ завѣщанныхъ по преданію нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ авто-

ритетовъ и задумалъ разрѣшить вопросъ о судьбахъ общества посредствомъ полнаго переворота въ наукѣ. Онъ разсматривалъ положеніе общества при помощи индуктивнаго, свойственнаго естественнымъ наукамъ, метода, и полагалъ, что всѣ дѣйствія людей повинуются единому, общему и постоянному закону—притяженію наклонностей—*l'attraction passionelle*. Прежде чѣмъ вполнѣ изложить свою доктрину, Фурье бросаетъ критическій взглядъ на положеніе общества и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: все общество въ своихъ внѣшнихъ и интимныхъ отношеніяхъ находится въ состояніи раздора и анархіи. Онъ видитъ въ исторіи распри и войны между націями, варварство и цивилизація постоянно сталкиваются между собою, каждое общество разрывается на части междоусобными войнами, волнуется партіями и революціями. Заглянувъ глубже во внутреннюю организацію общества,—встрѣчаешь и тутъ анархію и насиліе: всѣ интересы разъединены, противорѣчивы; каждый принужденъ заботиться только о себѣ, въ ущербъ другому; если же составляется какая-нибудь ассоціація, то это только интересы отдѣльныхъ лицъ, соединившихся для войны съ интересами другихъ людей; богачи и бѣдные, сильные и слабые, всѣ классы, всѣ отрасли промышленности и всѣ члены этихъ отраслей находятся въ состояніи конкуренціи, войны, коалицій; они нападаютъ другъ на друга,—и только этою цѣною могутъ купить свое существованіе. «Вездѣ—говоритъ Фурье:—видишь, какъ одинъ классъ для своихъ интересовъ желаетъ гибели другихъ классовъ; личный интересъ находится въ противорѣчіи съ интересомъ общимъ. Законовѣдъ желаетъ тяжебъ и ссоръ между богатыми фамиліями, чтобы создать хорошіе процессы; медикъ желаетъ своимъ согражданамъ только хорошихъ лихорадокъ и хорошихъ катаровъ; военный желаетъ хорошей войны, которая уничтожила бы половину его товарищей и дала бы ему возможность повыситься въ чинѣ; пасторъ заинтересованъ тѣмъ, что даетъ смерть, и радъ хорошимъ покойникамъ, т.-е. похоронамъ, приносящимъ 1.000 франковъ; судья желаетъ, чтобы Франція продолжала доставлять 15.700 ежегодныхъ преступленій; барышникъ хочетъ хорошаго голода, поднимающаго вдвое и втрое цѣну хлѣба: также виноторговецъ проситъ хорошаго града во время виноградной уборки и хорошихъ морозовъ, когда завязывается первая почка; архитекторъ, каменщикъ, плотникъ—желаютъ хорошаго пожара, который истребилъ бы сотню домовъ и оживилъ бы ихъ

промыселъ». Указавъ въ другомъ мѣстѣ на гибельное вліяніе ажіотажа, барышничества и банкротствъ на промышленность и на самое государство, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ этихъ золъ, коммерческой конкуренціи. «По нашимъ обычаямъ,—говоритъ онъ:—мы употребляемъ сотни людей на дѣло, едва требующее одного человѣка. Достаточно двадцати человѣкъ для доставки провизіи на городской рынокъ, куда теперь отправляется тысяча крестьянъ. Въ дѣлѣ промышленнаго механизма мы такіе же новички, какъ народы, которые не знали бы употребленія мельницъ и занимали бы полсотни работниковъ растираніемъ зерень, что у насъ дѣлаетъ одна мельница. Потому купцы кишатъ вездѣ, начиная съ городовъ и кончая мелкими деревушками. Главы семействъ отказываются отъ земледѣлія, чтобы сдѣлаться странствующими торгашами. Хотя бы имъ пришлось продать какую-нибудь одну коровенку, они идутъ терять цѣлые дни, толкуя на площадяхъ, рынкахъ и въ кабакахъ. Свободная конкуренція безконечно умножаетъ число купцовъ и торговыхъ агентовъ. Въ большихъ городахъ, какъ Парижъ, считается до трехъ тысячъ продавцовъ бакалейныхъ товаровъ, тогда какъ для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей вполнѣ достало бы трехсотъ человѣкъ. Иной маленькій городокъ заключаетъ въ себѣ теперь до ста ходебщиковъ и странствующихъ торгашей, тогда какъ въ 1788 году ихъ было тутъ не болѣе десяти. Эта многочисленность соперниковъ подталкиваетъ ихъ на самыя безумныя и самыя разрушительныя для общества мѣры; эти излишніе члены просто грабятъ общество, потребляя и ничего не производя. Теперь доказано, что испанскіе монахи, число которыхъ доходило до пятисотъ тысячъ, могли бы производить жизненныхъ припасовъ на два милліона человѣкъ, если бы они обратились къ земледѣлію. То же самое можно сказать объ излишнихъ негоціантахъ, которымъ нѣтъ числа. Съ нѣкотораго времени только и слышишь, что о разореніи между купцами. Сдѣлавшись слишкомъ многочисленными, они злобно оспариваютъ другъ у друга право продажи, сдѣлавшейся довольно трудною отъ избытка конкурентовъ. Вѣдь городъ, потреблявшій прежде при десяти торговцахъ тысячу бочекъ сахару, будетъ потреблять ту же тысячу бочекъ, если у него число купцовъ вмѣсто десяти дойдетъ до сорока. Въ настоящее время въ этихъ торговыхъ муравейникахъ только и слышишь жалобы на застой въ торговлѣ, а между тѣмъ они должны бы жаловаться на

излишекъ торговцевъ. Они пожираютъ себя при помощи обмановъ и ненависти: они рѣшаются на самыя безумныя затраты, чтобы имѣть удовольствіе уничтожить своихъ соперниковъ. Ошибается тотъ, кто считаетъ купца преданнымъ исключительно однимъ интересамъ и барышамъ; онъ до послѣдней степени рабъ своей зависти и своей гордости... Если трофеи Мильтіада тревожили сонъ Ѳемистокла, то можно сказать, что ходкая торговля лавочника тревожитъ сонъ его сосѣда-торговца. Одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ конкуренціи мы видѣли въ борьбѣ заведеній почтовыхъ каретъ: эти заведенія, чтобы повредить другъ другу, готовы были возить даромъ путешественниковъ. Видя постоянное пониженіе платы за провозъ, въ обществѣ говорили, что почтовыя заведенія скоро станутъ давать премію тому, кто вздумаетъ прокатиться въ ихъ экипажахъ. Эти господа походятъ на тѣхъ японцевъ, которые выкалываютъ себѣ глазъ у двери своего врага, чтобы судъ выкололъ этому врагу оба глаза...» Касаясь положенія людей, не имѣющихъ собственности, перебивающихся трудомъ, Фурье показываетъ, что этотъ классъ пролетаріевъ несчастнѣе класса варваровъ. Послѣдніе пользуются естественнымъ правомъ ловить рыбу, охотиться гдѣ имъ угодно, пасти скотъ на обширныхъ пастбищахъ, не покупать дѣтямъ образованія. «Въ цивилизаціи же человѣкъ теряетъ свои естественныя права, и общество ничего не даетъ за ихъ утрату и за принятіе имъ извѣстныхъ обязательствъ, хотя самая священная обязанность общества обезпечить каждому своему члену право на трудъ и образованіе или развитіе способностей, дающее возможность пользоваться всѣми благами искусства, науки и промышленности. Ничего этого не дается многочисленному классу бѣдняковъ; они не могутъ не только воспитать своихъ дѣтей, но даже должны лишать послѣднихъ простого физическаго ухода. Дѣти бѣдныхъ, лишенныя молока, лишенныя надзора матерей, умираютъ тысячами. Такъ же безпомощны эти люди во время болѣзни, старости, безработицы. Госпитали, пріюты и богадѣльни являются не предупредительными средствами для отвращенія нищеты, но просто слѣдствіемъ эгоизма богачей, которые желаютъ охранить себя отъ зрѣлища выставляющихъ раны и умирающихъ на улицахъ бѣдняковъ, отъ грабежа и преступленій со стороны этихъ людей. Но эти учрежденія, куда нищіе набиваются, какъ животныя, недостаточны для всей ихъ массы. Имъ не можетъ помочь никакая безцѣнная, эгоисти-

ческая филантропія, она только раздражаетъ ихъ, когда они видятъ, что имъ бросаютъ гроши люди, живущіе въ роскошныхъ отелахъ, разъѣзжающіе въ блестящихъ экипажахъ, наслаждающіеся всѣми благами земли. Эти бѣдняки могутъ быть признаны равными съ другими передъ закономъ и все-таки умираютъ съ голода; свобода ихъ заключается въ правѣ умереть на соломѣ, брошенными подобно собакамъ; равенство ихъ заключается въ правѣ сгнить въ одной и той же землѣ рядомъ съ богачами. Такое положеніе доводитъ до преступленій, заставляетъ общество строить острогъ за острогомъ, предписывать ссылку за ссылкой на галеры и умножать число сыщиковъ, полицейскихъ и судей». Заглядывая глубже въ семейный бытъ, Фурье находитъ ту же анархію и тѣ же распри и тутъ; мужья, жены, дѣти, родители, братья, сестры, по большей части, представляютъ тѣ же различія чувствъ и интересовъ; дѣти являются жертвами родительскихъ ссоръ, домашнихъ неурядицъ и безпорядковъ; старики становятся обузой семьи; наслѣдство, доставляя матеріальную прибыль цѣною утраты человѣка, портитъ душу, порождаетъ низкое желаніе смерти ближнему ради полученія денегъ. Самые браки, по мнѣнію Фурье, заключаются въ цивилизованномъ обществѣ вслѣдствіе двухъ причинъ: интриги, или видовъ на богатство. «Отцы,—пишетъ онъ:—знаютъ это, и потому больше заботятся о накопленіи приданаго, чѣмъ о воспитаніи дочерей. Что касается до интриги, то отцы не очень сильны въ этомъ дѣлѣ; какъ бы они ни старались приманить къ себѣ холостяковъ, они все-таки уступаютъ въ этомъ случаѣ ловкости любой дѣвушки, всегда умѣющей самостоятельно вести интригу и пустить въ ходъ, за исключеніемъ добродѣтелей, множество различныхъ орудій, помогающихъ атакѣ... И сколько лицемѣрія въ волокитствѣ молодыхъ людей! Они льстиво втираются въ семейства и, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, унижаются заигрываньями, простирающимися какъ на хозяина дома, такъ и на послѣднюю собачонку. Можетъ-быть, любовь и придастъ прелесть этимъ мерзостямъ, но какъ отвратительной кажется подобная роль, когда на дѣло посмотришь хладнокровно! И можно ли удивляться, что подобная любовь оканчивается обыкновенно ледянымъ равнодушіемъ, когда пресыщеніе покажетъ любовникамъ въ настоящемъ свѣтѣ эти грустныя истины...»

Слѣдствіемъ такого положенія цивилизованныхъ обществъ является, по мнѣнію Фурье, непрочность и постоянная смѣна

теорій, законовъ, формъ правленія. Одно правительство признаетъ справедливыми извѣстные законы, извѣстныя формы, извѣстныя теоріи; слѣдующее за нимъ правительство уничтожаетъ все это, считая ложнымъ и вреднымъ то, что недавно еще считалось полезнымъ и справедливымъ. Общество невольно можетъ придти къ убѣжденію, что и формы, признанныя справедливыми въ данную минуту, также ложны и недолговѣчны. «Цивилизованныя націи!—восклицаетъ онъ:— отчего, когда варвары, лишенные вашего просвѣщенія, умѣютъ поддерживать въ теченіе тысячъ лѣтъ свои общества и свои учрежденія, ваши общества и ваши учрежденія уничтожаются такъ быстро и часто даже въ теченіе того же вѣка, когда они родились? Постоянно слышишь вашъ плачъ о непрочности вашихъ созданій и жестокости природы, быстро уничтожающей ваши удивительныя творенія. Перестаньте приписывать времени и случаю эти истребленія; они слѣдствія божественной мести противъ вашихъ преступныхъ обществъ, не обезпечивающихъ бѣднякамъ средствъ къ труду и существованію. Природа подняла свой мечъ на ваши государства и превращаетъ ихъ въ развалины, чтобы довести васъ до признанія вашего невѣжества. На минуту я, какъ эхо, повторю ваши политическія элегіи: что сталось съ памятниками цивилизованной гордости? Ѳивы и Вавилонъ, Аѳины и Карѳагенъ превращены въ груды пепла; какое предзнаменованіе для Парижа и Лондона и для этихъ новыхъ государствъ, которыхъ меркантильныя безумства равно противны и уму, и природѣ! Утомленная этими обществами природа уничтожаетъ ихъ одно за другимъ, осмѣиваетъ безразлично какъ наши добродѣтели, такъ и пороки; законы, признанные за изреченія безошибочной мудрости, и эфемерные кодексы агитаторовъ равно ведутъ насъ къ политическимъ крушеніямъ. Для довершенія обиды, мы видѣли грубое законодательство Китая и Индіи не склоняющимъ головы подъ ударами времени въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ, тогда какъ чудеса цивилизованной философіи исчезли подобно призракамъ. Наши науки послѣ столькихъ усилій, потраченныхъ на утвержденіе государствъ, повидимому, вырабатывали только новыя игрушки для вандализма, который періодически воскресаетъ, чтобы въ короткій промежутокъ времени уничтожить работы многихъ вѣковъ. Нѣкоторые памятники остались цѣлы, но, къ стыду политики, Римъ и Византія, нѣкогда столицы великой имперіи, стали двумя

метрополіями смѣшного: въ Капитоліи храмы Цезаря заняты богами темной Іуден; на Босфорѣ базилики христіанства осквернены богами невѣжества. Здѣсь Іисусъ, вознесенный на пьедесталъ Юпитера, тамъ Магометъ помѣщается на алтарѣ Іисуса! Римъ и Византія, природа пощадила васъ, чтобъ предать презрѣнію націй, когда-то порабощенныхъ вами; вы превратились въ двѣ арены политическихъ маскарадовъ, въ два ящика Пандоры, изъ которыхъ распространились на Востокѣ зараза и вандализмъ, на Западѣ суевѣріе и его изувѣрство. Вашимъ униженіемъ природа кладетъ пятно на разрушенную ею имперію: вы двѣ муміи, сохраненныя для украшенія ея тріумфальной колесницы и для указанія новѣйшимъ столицамъ на судьбу, которая постигнетъ памятники и произведенія ихъ цивилизаціи... Перестаньте удивляться, что ваши общества уничтожаютъ одно другое, и не надѣйтесь ни на что прочное подъ управленіемъ вашихъ законовъ, созданныхъ однимъ человѣкомъ, подъ вліяніемъ вашихъ наукъ, враждебныхъ божественному духу, стремящемуся установить на всемъ земномъ шарѣ то единство, которое царствуетъ въ воздушномъ пространствѣ. Миръ, лишенный союзнаго правителя, не походитъ ли на вселенную, гдѣ звѣзды носились бы безъ опредѣленнаго порядка и постоянно сталкивались бы между собою, какъ различныя націи, не представляющія глазамъ мудреца ничего, кромѣ арены для дикихъ звѣрей, бѣшено раздирающихъ другъ друга и взаимно уничтожающихъ свои произведенія?.. Проповѣдники заблужденій, моралисты и политики! послѣ столькихъ доказательствъ ослѣпленія, не думаете ли вы еще просвѣщать человѣчество? Народы отвѣчаютъ вамъ: «Если ваши знанія, продиктованныя мудростью, служили только къ продолженію нищеты и раздоровъ, то лучше дайте намъ знанія, продиктованныя безуміемъ, только бы успокоить бѣшенство вражды, только бы прекратить страданія народа». О, какъ мы далеки отъ этого обѣщаннаго вами счастья; вы только умѣли довести человѣка до положенія худшаго, чѣмъ положеніе животнаго: если животное лишено иногда необходимаго, то оно не чувствуетъ безпокойства насчетъ удовлетворенія своихъ потребностей раньше, чѣмъ явятся эти потребности. Левъ, тепло одѣтый, хорошо вооруженный, беретъ себѣ пропитаніе, гдѣ оно попадется, и не мучится заботами о семьѣ, объ опасностяхъ завтрашняго дня. Его судьба гораздо лучше судьбы бѣдныхъ работниковъ, лишенныхъ работы, терзаемыхъ кредиторами и

ихъ сыщиками, доходящихъ послѣ долгой борьбы, послѣ страшнаго отвращенія до нищенства и проносящихъ свои раны, свою наготу, своихъ голодныхъ дѣтей по вашимъ городамъ, оглашаемымъ ихъ мрачными стонами! Вотъ, философы, плоды вашихъ знаній,—нищета и вѣчно нищета; но вы воображаете, что вы усовершенствовали разумъ, тогда какъ вы умѣли только вести насъ отъ одной бездны къ другой. Вчера вы упрекали фанатизмъ за Варѳоломеевскую ночь, сегодня онъ упрекаетъ васъ за сентябрьскія тюрьмы; вчера Европу опустошили крестовые походы, сегодня равенство скосило три милліона цвѣтущихъ молодостію людей, а завтра—завтра какая-нибудь новая галлюцинація обагритъ кровью цивилизованныя государства...» «Вы хвалитесь своими метафизическими теріями; но на что же вы употребляете и ихъ, если вы пренебрегаете изученіемъ притяженія, управляющаго вашими душами и вашими страстями?..» «Мы видимъ Бога, управляющаго только при помощи притяженія планетами, твореніями неизмѣримо высшими, чѣмъ мы: неужели же одинъ человѣкъ лишенъ счастія достигать соціальнаго благополучія при помощи притяженія планетами, твореніями неизмѣримо высшими, чѣмъ мы: неужели же одинъ человѣкъ лишенъ счастія достигать соціальнаго благополучія при помощи притяженія? Откуда явился бы этотъ перерывъ въ лѣстницѣ міровой системы? Почему притяженіе, божественный законъ для планетъ и животныхъ, достаточный для поддержанія гармоніи, сталъ бы недостаточнымъ для счастія человѣка, занимающаго середину между планетами и животными? Гдѣ же единство божественной системы, если пружина общей гармоніи, если притяженіе не приложимо къ человѣческимъ обществамъ, какъ оно приложимо къ планетамъ и животнымъ, если притяженіе не приложимо къ земледѣлію и мануфактурной промышленности, составляющимъ основу соціальнаго механизма? Является же промышленность—эта пытка для поденщиковъ и рабовъ,—источниковъ наслажденій для различныхъ созданій, какъ, напримѣръ, бобры, пчелы, осы, муравьи, животныя вполнѣ свободныя предпочитать бездѣйствіе труду; но Богъ надѣлилъ ихъ соціальнымъ устройствомъ, которое привлекаетъ къ промышленности и заставляетъ находить въ ней счастіе. Почему же не далъ Онъ намъ того же блага, какимъ надѣлены эти животныя? Какая разница между ихъ и нашимъ промышленнымъ положеніемъ? Какой-нибудь алжирецъ работаетъ изъ боязни плети и палочныхъ ударовъ:

англичанинъ, французъ изъ боязни голода, преслѣдующаго ихъ жалкое хозяйство; греки и римляне, свобода которыхъ такъ часто прославлялась нами, работали руками рабовъ, грозя послѣднимъ муками, какъ мы грозимъ неграмъ въ нашихъ колоніяхъ. Вотъ каково счастіе человѣка при отсутствіи законовъ притяженія въ промышленности...» «Но каково было бы наше благополучіе, если бы Богъ сдѣлалъ насъ подобными трудолюбивымъ животнымъ?..» «Наша жизнь была бы цѣлымъ рядомъ наслажденій, у насъ родились бы неисчерпаемыя богатства; тогда какъ, при недостаткѣ притягательной силы въ промышленности, мы являемся обществомъ каторжниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые сумѣли избѣжать труда и составили коалицію для сохраненія своей праздности. Они ненавидимы массою, которая, подобно имъ, склонна освободиться отъ труда: отсюда родятся ковы революціонеровъ, агитаторовъ, обѣщающихъ сдѣлать народъ счастливымъ, богатымъ и праздднымъ и по достиженіи, при помощи переворотовъ, желаемой роли давящихъ толпу, порабощающихъ ее, чтобы сохранить за собой роль праздныхъ людей или управлять тружениками, что равняется праздности». «Можетъ существовать только два метода въ производствѣ, а именно: раздробленное состояніе или обработка земли отдѣльными семьями, что мы видимъ почти вездѣ, и общинное состояніе, то-есть обработка земли многочисленными собраніями людей, имѣющими опредѣленныя правила для вѣрнаго раздѣленія вознагражденія, сообразно съ тремя производительными силами: «капиталомъ, трудомъ, талантомъ». Теперь уже встрѣчаются начала ассоціацій въ мелкихъ частностяхъ сельской экономіи, какъ, напримѣръ, устройство общинныхъ печей. Деревушка во сто семей признаетъ, что если построить, поддерживать и топить сто печей, то расходы на постройку, управленіе и топливо будутъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ затраты, требуемыя общинной печью; выгода и сбереженія будутъ въ двадцать и тридцать разъ болѣе, если село будетъ заключать въ себѣ двѣсти или триста семействъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если прилагать систему ассоціаціи къ каждому отдѣлу домашнихъ и сельскихъ занятій и производствъ, то получится экономія среднимъ числомъ въ девять-десятыхъ на всю сложность работъ, не считая произведеній, которыя дадутся свободными и направленными къ отправленію другихъ занятій рабочими руками...» «Бываешь просто пораженъ, когда представишь себѣ на минуту картину громадныхъ выгодъ, которыя дало

бы соединеніе 300 хозяйствъ въ одномъ зданіи, гдѣ находились бы жилища различныхъ цѣнъ, ходы защищенные отъ дурной погоды, различнаго достоинства обѣды, разнообразныя обязанности, наконецъ все, что можетъ укоротить, облегчить и сдѣлать привлекательной работу. Приступимъ къ подробностямъ. Я теперь разсмотрю преимущества общинныхъ кладовыхъ. Триста кладовыхъ, необходимыхъ теперь тремстамъ семействамъ поселянъ (1,500 или 1,600 человѣкъ), замѣнились бы одной обширной и хорошо вентилированной кладовой, раздѣленной на части, спеціально назначенныя для тѣхъ или другихъ родовъ съѣстныхъ припасовъ. Тутъ можно бы озаботиться обо всѣхъ удобствахъ вентиляціи, безопасности, отопленія, укладки, — обо всемъ, о чемъ не можетъ и думать поселянинъ, такъ какъ часто и самая его изба поставлена въ самыя дурныя условія для сохраненія припасовъ. Расходы этой обширной кладовой, по части постройки, стѣнъ, плотничьей работы и т. д. будутъ едва ли равняться десятой части расходовъ по постройкѣ трехсотъ сельскихъ одноэтажныхъ кладовыхъ. Мѣры противъ пожаровъ и порчи, предпринятыя общиною относительно одного помѣщенія, были бы источникомъ большихъ выгодъ. Предосторожности противъ насѣкомыхъ и животныхъ въ нашихъ селахъ просто призрачны, такъ какъ вся масса населенія не содѣйствуетъ этому дѣлу. Охота на волковъ нисколько не мѣшаетъ этимъ животнымъ размножаться. Если вслѣдствіе сильныхъ стараній вамъ удастся уничтожить въ своихъ кладовыхъ крысъ, то вы вскорѣ будете осаждены крысами своихъ сосѣдей и живущими на поляхъ и не истребленными тамъ общими мѣрами, — мѣрами, невозможными въ «цивилизаціи»... «Общинное веденіе дѣлъ даетъ мѣсто множеству другихъ сбереженій относительно другихъ дѣлъ, которыя мы считаемъ производительными: напримѣръ, триста семействъ земледѣльческаго поселенія посылаютъ на рынки и торговыя площади не разъ въ годъ, но двадцать. Крестьянинъ, хотя бы ему нужно было продать какой-нибудь четверикъ чечевицы, проводитъ цѣлый день въ городѣ и изъ этого составляется для трехсотъ семействъ потеря шести тысячъ рабочихъ дней, не считая расходовъ на поѣздку, которые будутъ въ двадцать разъ болѣе подобныхъ расходовъ ассоціаціи, продающей свои припасы оптомъ...» Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Фурье предлагаетъ устройство особеннаго рода ассоціаціи, не уничтожающей собственности и семейства, не вводящей

однообразія въ жизни. Каждый членъ ассоціаціи, входя въ нее, вноситъ весь свой капиталъ и получаетъ соотвѣтственное взносу число акцій. Онъ можетъ жить тамъ, какъ ему нравится; онъ находитъ для себя жилище, смотря по своимъ средствамъ; если онъ хочетъ жить отдѣльно, то имѣетъ отдѣльное хозяйство; если считаетъ болѣе удобною жизнь въ обществѣ, то пускай и живетъ въ немъ. Но на всѣхъ налагается одно обязательство: люди должны соединяться по 2,000 человѣкъ въ общину, которую называетъ Фурье фаланстеромъ. Она помѣщается въ одномъ зданіи. Конечно, этимъ получаются огромныя сбереженія. Домъ съ садами, съ крытыми ходами, съ библіотеками, съ залами для балокъ, для концертовъ, съ хорошо устроенными кладовыми будетъ стоить дешевле, чѣмъ 400 маленькихъ домовъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ. Да кромѣ этихъ 400 домовъ потребуются зданія для библіотеки, для клубныхъ залъ, сверхъ того, разбросанность домовъ на значительномъ пространствѣ заставляетъ людей или издерживаться на проѣздъ другъ къ другу, или подвергаться вліянію дурной погоды, что устраняется въ фаланстерѣ; всякія хозяйственныя и торговыя операціи облегчатся и упрочатся, такъ какъ онѣ будутъ производиться одновременно для всѣхъ при помощи одного или весьма немногихъ агентовъ; вся земля общины будетъ обрабатываться сообща, и потому уничтожится дробленіе какъ въ самомъ хозяйствѣ, такъ и въ землѣ; конечно, при такомъ положеніи община, обладая большимъ капиталомъ, можетъ сдѣлать большія затраты на улучшеніе почвы и на введеніе въ дѣло лучшихъ способовъ обработки. Чтобы богатые не оставались праздными, какъ это бываетъ при существующемъ порядкѣ, чтобы бѣдные не работали только изъ страха наказанія и голода, Фурье считаетъ нужнымъ такъ руководить склонностями и страстями, что человѣкъ непремѣнно займется полезною дѣятельностію. Для отвращенія отупляющаго и убивающаго однообразія въ трудѣ нужно ввести весьма частое разнообразіе въ родѣ занятій и работать всегда сообща, что гораздо пріятнѣе, чѣмъ одинокій трудъ. Каждый будетъ заниматься тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ чувствуетъ склонность; кто имѣетъ нѣсколько различныхъ склонностей, тотъ можетъ мѣнять роды занятій. Раздѣленіе труда должно быть возможно обширнѣе. Фурье раздѣляетъ людей по склонностямъ на группы изъ 7—9 лицъ; 24—32 группы составляютъ серію, а серіи образуютъ фаланстеръ. Серія можетъ состоять изъ

женщинъ, мужчинъ и дѣтей. При распредѣленіи общей прибыли, капиталъ, трудъ и талантъ получаютъ свою часть: трудъ получаетъ $^5/_{12}$, капиталъ $^4/_{12}$, талантъ $^3/_{12}$ изъ всей суммы. Послѣ общаго распредѣленія слѣдуетъ раздѣленіе прибыли между отдѣльными лицами. Капиталисты получаютъ столько, сколько приходится имъ по величинѣ внесеннаго капитала. Общая прибыль, выпадающая на долю талантовъ, дѣлится между отдѣльными лицами, смотря по должности или по степени, занимаемой ими въ группѣ или серіи; такъ какъ всѣ мѣста назначаются по выборамъ, то вознагражденіе таланту производится на основаніи уже признанныхъ заслугъ. Что касается труда, то онъ вознаграждается по новому способу, совершенно противоположному существовавшимъ до сихъ поръ способамъ вознагражденія. Трудъ дѣлится на необходимый, полезный и пріятный. Самое большое вознагражденіе получаетъ первый, самое меньшее послѣдній. Такимъ образомъ, необходимыя работы, которыя всегда бываютъ менѣе пріятны, какъ, напримѣръ, работа каменщика, разбивающаго камень на дорогахъ, получаютъ новую привлекательность, дѣлаясь болѣе прибыльными. Занятія же, которыя сами по себѣ доставляютъ удовольствіе, какъ, напримѣръ, трудъ какого-нибудь фокусника, пѣвца или живописца, должны быть вознаграждены самою незначительною платою. Этимъ средствомъ Фурье хотѣлъ установить между трудящимися постоянную перемѣну занятій и вѣчный переходъ отъ одного занятія къ другому, такъ какъ бѣднякъ будетъ всегда имѣть возможность выйти изъ своего положенія, взявшись за работу болѣе трудную, значитъ и болѣе прибыльную. Фаланстеръ долженъ составлять отдѣльный міръ и вмѣстѣ съ тѣмъ только одно звено въ ряду другихъ соціальныхъ общинъ; онъ соединенъ съ ними мѣной продуктовъ, соревнованіемъ, общими предпріятіями и празднествами. Государство и церковь въ существующемъ смыслѣ слова не имѣютъ совершенно никакого мѣста въ системѣ Фурье. Культъ, какого хочетъ эта система, относится просто къ земнымъ силамъ, служащимъ человѣческому благу, природѣ, любви и красотѣ. Впрочемъ, стѣсненій въ вѣрѣ нѣтъ никакихъ; Фурье вообще старается проходить молчаніемъ все касающееся церкви. Онъ до мельчайшихъ подробностей рисуетъ картину какъ устройства самого фаланстера, такъ и занятій его членовъ и его дальнѣйшаго развитія. Несмотря на свой слогъ, на сбивчивость изложенія, на странныя фантазіи и иллюзіи,

онъ умѣетъ иногда придать много чарующей прелести этимъ картинамъ общаго мира, довольства и богатства. Излагая свою систему, онъ тѣмъ болѣе могъ надѣяться на ея успѣхъ, что онъ не подрывалъ ею въ сущности никакихъ основъ существующаго порядка: капиталъ можетъ существовать и приносить прибыль попрежнему, семейство сохраняетъ всю свою силу; индивидуальности не уничтожаются, цѣлая лѣстница правителей остается неприкосновенною и даже увеличивается множествомъ новыхъ чиновъ, искусство и науки получаютъ вознагражденіе,—однимъ словомъ, онъ не стремился уничтожить ничего, что уничтожали другіе проповѣдники соціальныхъ и коммунистическихъ теорій. Напротивъ того, онъ нападаетъ какъ на революціонеровъ, такъ и на коммунистовъ. «Когда экономисты,—говоритъ онъ:—случайно пробуютъ развить какую-нибудь новую идею, какъ, напримѣръ, промышленную ассоціацію, они спѣшатъ затемнить и запутать ее, прикрѣпляя къ ней свои старые и даже самые смѣшные софизмы, въ родѣ общности имуществъ, сладостнаго братства и т. п.». Онъ только обезпечивалъ бѣдняку, который въ фаланстерѣ могъ оставаться попрежнему бѣднякомъ, возможность существовать, такъ какъ каждый членъ фаланстера могъ разсчитывать на полученіе *minimum'a* пищи. Не мудрено, что Фурье, давая подобныя обѣщанія, надѣялся на скорое принятіе обществомъ новой теоріи.

Добиваясь скораго осуществленія своего плана, онъ тщательно старался показать каждому сословію, какія выгоды его ждутъ въ будущемъ, если устроены фаланстеры, и искалъ опоры среди богатыхъ и сильныхъ. Онъ понималъ, что его теорія можетъ только тогда занять умы, когда создастся хоть одинъ фаланстеръ, чего нельзя было сдѣлать безъ помощи богачей. Но въ то же время онъ не могъ понять, что богачи и сильные слишкомъ счастливы и довольны своею настоящею судьбою, чтобы интересоваться его обѣщаніями—для богачей это были журавли въ небѣ, ради которыхъ никто не выпуститъ изъ рукъ синицы. Тщетно заискивалъ Фурье передъ Наполеономъ, напрасно потомъ обѣщалъ эмигрантамъ милліардъ вознагражденія за ихъ потери, и предлагалъ подписку въ пользу устройства фаланстера. Онъ попрежнему находился въ самомъ тяжеломъ положеніи и имѣлъ покуда только одного ученика и поклонника, Жюста Мюирона, который и помогъ учителю издать его второе произведеніе. Разсказываютъ, что въ эти долгіе

годы страшной нужды и мучительной тоски, когда отвсюду слышались вѣчно убійственныя во Франціи насмѣшки надъ новой теоріей, одинокій старикъ Фурье, создавшій въ воображеніи цѣлый міръ счастливыхъ, довольныхъ и примиренныхъ между собою людей, ежедневно оставался дома въ опредѣленный часъ и все ждалъ появленія перваго подписчика на его предпріятіе. Дни шли за днями, подписчики не являлись, но худой, съ глубокимъ и исполненнымъ горечи и страданія взглядомъ, — глубина и проницательность этого взгляда поразительны, — старикъ все продолжалъ вѣрить, что люди, наконецъ, опомнятся и подумаютъ о своемъ счастіи. Въ этой вѣрѣ старика, въ этомъ многолѣтнемъ, изодня-въ-день въ опредѣленный часъ повторявшемся ожиданіи, — было что-то и горькое, и трогательное. Но въ 1829 году у Фурье явилась сильная надежда на близкое осуществленіе его проектовъ. Въ это время, при образованіи кабинета Полиньяка, былъ открытъ департаментъ общественныхъ работъ; Фурье доставилъ министру чрезъ одного члена министерства, Капелля, планъ ассоціаціи и просилъ привести этотъ планъ въ исполненіе. «Будьте увѣрены,—отвѣчалъ министръ письмомъ отъ 24 іюля 1830 года:— что вашъ проектъ будетъ разсмотрѣнъ съ тою тщательностію, какой онъ заслуживаетъ. Но министерство обременено въ настоящее время занятіями и потому разсмотрѣніе должно быть отложено на нѣсколько дней...» Черезъ нѣсколько дней настала революція. Недаромъ ненавидѣлъ ее Фурье, даже не считавшій нужнымъ разсматривать, какъ неизбѣжна была она въ настоящемъ случаѣ: неизбѣжность этой революціи за нѣсколько времени до ея начала уже предвидѣли и князь Меттернихъ, и императоръ Николай.

IX.

Недовольство старшею линіею Бурбоновъ было очень сильно во Франціи. Борьба партій продолжалась во все время ихъ царствованія. Убійство герцога Беррійскаго, безчисленное множество демонстрацій, образованіе тайныхъ обществъ, распространеніе карбонаризма, дерзкія выходки журналовъ, популярность Беранже и Лафайета, заговоры, все очень ясно указывало на сильное раздраженіе умовъ и могло предвѣщать революцію. Но все же ее не ожидали ни Карлъ X, убаюканный увѣреніями своихъ клевретовъ, ни члены «*Насьоналя*», этого главнаго журнальнаго органа недовольныхъ, еще 22 іюля относившагося съ презрѣніемъ

къ народу, къ «черни», ни такіе люди, какъ Одилонъ Барро, говорившій въ тотъ же день двумъ горячимъ членамъ общества *Aide-toi:* «Вы вѣрите въ уличное возстаніе! Боже мой, если оно случится, то, побѣжденные, вы будете отведены на эшафотъ и народъ сбѣжится глазѣть на васъ» [1]). Однако, они ошибались и болѣе всего ошибались въ отношеніи парижскаго народа.

Борьба партій, начавшаяся съ первыхъ дней реставраціи, все продолжалась и принимала все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Самая замѣчательная черта въ этомъ явленіи была та, что каждая партія, бравшая верхъ надъ врагами въ извѣстную минуту, вела себя самымъ необдуманнымъ и гибельнымъ для себя образомъ: всѣ дѣйствія господствовавшихъ партій были рядомъ сплошныхъ ошибокъ. Одна изъ такихъ ошибокъ либеральной партіи погубила одно изъ самыхъ либеральныхъ министерствъ того времени — министерство Мартиньяка. Карлъ X выносилъ его существованіе только какъ печальную необходимость и поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда министерство было покинуто большинствомъ палаты. Онъ радовался пораженію ненавистнаго врага, который постоянно мучилъ его, требуя различныхъ уступокъ либерализму. Съ первыхъ же дней своего существованія министерство Мартиньяка предложило палатамъ проектъ закона, относящійся къ формальностямъ выборовъ; этотъ законъ долженъ былъ дать выборамъ новыя обезпеченія противъ превышеній права незаконнаго вліянія и обмановъ со стороны административныхъ вѣдомствъ. Послѣ этого были предложены нѣкоторыя важныя измѣненія въ законахъ о печати: проектъ предлагалъ отмѣнить позволеніе, требовавшееся для изданія новыхъ газетъ, и уничтожить право правительства вводить посредствомъ королевскихъ указовъ цензуру, когда она могла быть признана необходимой при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Кромѣ того правительство сдѣлало уступку мнимымъ уничтоженіемъ «Чернаго Кабинета» [2]); такъ называлось

[1]) *Louis Blanc.* Histoire de dix ans, t. I, chapitre I, etc.

[2]) *Poxay* и другіе историки полагаютъ, что правительство реставраціи дѣйствительно дѣлало подобныя уступки. Но на дѣлѣ уступки были просто офиціальнымъ обманомъ, а старый образъ дѣйствій продолжался попрежнему. Такъ «Черный Кабинетъ», обходившійся въ 600,000 фр. ежегодно и занимавшій дѣломъ 22 человѣка, пересталъ существовать только при почтамтѣ и былъ перенесенъ въ другое мѣсто; онъ уничтожился только въ первые дни революціи. (Paris par Maxime du Camp., éd. 1869, t. I, p. 59).

одно бюро въ почтовомъ управленіи, гдѣ люди занимались не болѣе, не менѣе, какъ вскрытіемъ и прочтеніемъ частной корреспонденціи, т.-е. однимъ изъ самыхъ позорныхъ и незаконныхъ вмѣшательствъ въ частныя дѣла. (Этотъ кабинетъ прекратилъ свое существованіе на долгіе годы и появился снова только при Наполеонѣ III, вѣроятно вслѣдствіе сильнаго довѣрія правителя къ обществу). Но самая ужасная для Карла X уступка, вызвавшая угрызенія его совѣсти, заключалась въ отнятіи у іезуитовъ нѣкоторыхъ правъ: во-первыхъ, нѣкоторыя учебныя заведенія, управляемыя іезуитами, были подчинены государственному надзору, какъ и всѣ другія школы страны; во-вторыхъ, на будущее время запрещалось принимать учительскія мѣста въ подобныхъ заведеніяхъ безъ письменнаго объявленія, что вступающій не принадлежитъ ни къ какой непризнанной государствомъ духовной конгрегаціи; въ-третьихъ, число учениковъ въ этихъ духовныхъ заведеніяхъ ограничивалось 20.000 и опредѣлялись еще нѣкоторыя мѣры, которыя имѣли цѣлью помѣшать этимъ школамъ принимать къ себѣ другихъ воспитанниковъ, кромѣ посвящавшихся духовному званію. За всѣ эти мѣры слышались проклятія духовенства, а король только искалъ удобнаго случая, чтобы смѣнить Мартиньяка. Послѣдній вдобавокъ оскорбилъ чувства короля рѣшительнымъ отказомъ принять въ члены министерства Полиньяка. Это былъ королевскій любимецъ, котораго въ народѣ считали даже сыномъ Карла X. Эта ненавистная для народа уже по своей фамиліи личность была вполнѣ предана основамъ старой монархіи; всѣ знали, что Полиньякъ раздѣляетъ мнѣнія крайнихъ клерикаловъ, что онъ преданъ іезуитамъ, наконецъ, въ обществѣ носились слухи о его умственной ограниченности. Его-то рѣшился король поставить на мѣсто Мартиньяка. Но прежде чѣмъ дать отставку ненавистному министерству, король желалъ дождаться утвержденія бюджета и потому относился покуда къ своимъ нелюбимымъ министрамъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Бюджетъ былъ утвержденъ. Палаты закрылись. Черезъ восемь дней послѣ закрытія палатъ члены министерства внезапно получили отставку. Этого никто не ожидалъ. На прощальной аудіенціи Карлъ X излилъ вполнѣ всю накипѣвшую въ немъ желчь въ упрекахъ ловко обманутымъ министрамъ. Эта сцена была и недостойна короля, и безтактна; она, съ одной стороны, выставляла на свѣтъ тайные помыслы короля, съ другой—показывала всю

его мелочность и все его безсиліе. Новое министерство состояло изъ лицъ съ очень непривлекательной репутаціей, тутъ былъ даже одинъ дезертиръ, покинувшій Наполеона наканунѣ сраженія при Ватерлоо. Либеральная партія ясно поняла грозившую ей опасность, и борьба пошла теперь дѣйствительно на жизнь и смерть. Нѣкоторые либеральные члены государственнаго совѣта, назначенные при прежнемъ министерствѣ, оставили, въ видѣ протеста, свои мѣста: въ однѣхъ провинціяхъ начали составляться общества для открытаго сопротивленія противуконституціоннымъ планамъ новаго министерства; другія провинціи сдѣлали блестящій и шумный пріемъ генералу Лафайету, проѣзжавшему въ то время по Франціи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ нему являлись депутаты, а въ Ліонѣ былъ устроенъ банкетъ, на которомъ Лафайетъ произнесъ смѣлую и вызывающую рѣчь, оканчивавшуюся словами: «никакихъ уступокъ, говоритъ съ полнымъ основаніемъ французскій народъ, который знаетъ свои права и сумѣетъ защищать ихъ!» Посаженный вслѣдствіе судебнаго приговора въ тюрьму, Беранже пѣлъ однѣ изъ самыхъ отважныхъ своихъ пѣсенъ; куплеты одной изъ нихъ кончались припѣвомъ: «Mon bon Roi, vous me le paîrez!» и въ послѣднемъ куплетѣ поэтъ прямо говоритъ, что онъ натянулъ лукъ и готовъ спустить стрѣлу, на которой объяснено ея назначеніе словами: «Pour Charles Dix!» «Journal de Débats» написалъ статью о впечатлѣніи, произведенномъ новымъ министерствомъ на средній классъ; статья оканчивалась словами: «несчастная Франція! несчастный король!» Эта статья подверглась судебному преслѣдованію, которое кончилось оправданіемъ газеты. Король негодовалъ. Противъ обществъ сопротивленія уплатѣ неконституціонныхъ налоговъ были тоже начаты процессы, но и они, по большей части, кончились, такъ какъ суды не находили ничего противузаконнаго въ соглашеніи гражданъ сопротивляться налогамъ, опредѣленнымъ противно конституціи.

При открытіи палатъ 2 марта 1830 года король произнесъ рѣчь, гдѣ слышалась угроза, что онъ сумѣетъ отстранить преступныя интриги для сохраненія общественнаго спокойствія. Палата составила удивительный, по своей силѣ и сдержанности, отвѣтный адресъ, гдѣ прямо высказала, что постоянное согласіе взглядовъ правительства съ желаніями народа считаетъ необходимымъ условіемъ правильнаго хода общественныхъ дѣлъ, и прибавила тутъ же: «Государь, наша прямота и наша преданность заставляютъ насъ ска-

зать вамъ, что этого согласія не существуетъ». Этотъ адресъ оскорбилъ короля, онъ холодно принялъ депутатовъ, отвѣтилъ имъ, что его рѣшенія неизмѣнны, и отсрочилъ палаты до 3 сентября; имъ суждено было явиться снова на сцену, перешагнувъ черезъ баррикады. Въ это время Франція вела африканскую войну. Этой войнѣ сильно противилась оппозиціонная партія; удачный исходъ войны долженъ былъ нанести ей сильный ударъ въ ея политическихъ интересахъ, такъ какъ побѣда должна была увеличить и смѣлость, и силу правительства; 9 іюля телеграфъ принесъ въ Парижъ извѣстіе о завоеваніи Алжира. Министерство Полиньяка и духовенство торжествовали; они надѣялись найти опору въ войскѣ и подталкивали короля на исполненіе задуманнаго имъ переворота. Король распустилъ палату и назначилъ новые выборы, написавъ воззваніе къ французскому народу, гдѣ сыпалъ обвиненія противъ старой палаты. Такъ же нападало на нее и духовенство въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ. Но члены палаты, подписавшіе отвѣтный адресъ, были избраны снова во всемъ своемъ составѣ. Тогда король рѣшился на неконституціонныя, гибельныя для него мѣры: онъ рѣшился, во-первыхъ, распустить палату, не входя ни въ какія дальнѣйшія разсужденія; во-вторыхъ, измѣнить королевскимъ повелѣніемъ избирательный законъ; въ-третьихъ, уничтожить свободу печати и тогда созвать палату, гдѣ можно бы было имѣть благопріятное правительству большинство. Возмущенія не ожидалъ никто; но если бы оно и возникло, то князь Полиньякъ надѣялся на помощь войска, почему-то считая, что гарнизонъ Парижа равняется 42.000, тогда какъ число солдатъ едва ли доходило до 15.000. Но князь насмѣхался надъ лавочниками и говорилъ, «что пушечные выстрѣлы будутъ погромче криковъ сволочи — la canaille».

25 іюля король и его министры подписывали въ Сенъ-Клу знаменитые указы. Всѣ были довольно спокойны, и только министръ Госсе выказалъ тревожное состояніе духа.

— Что съ вами?—спросилъ король.

— Государь,—отвѣтилъ Госсе:—я ищу, не попалъ ли сюда какъ-нибудь случайно портретъ Стаффорда.

Это было довольно смѣлое напоминаніе присутствующимъ объ участи, которая, можетъ-быть, ждетъ ихъ, такъ какъ Стаффордъ, министръ Карла I, обвиненный палатами послѣ паденія короля за высокую измѣну, былъ казненъ въ Англіи.

Король былъ мраченъ; онъ долго приготовлялся сдѣлать подпись, но наконецъ произнесъ:

— Нѣтъ, иначе нельзя!—и подписалъ указы.—Господа, вы можете разсчитывать на меня, какъ я разсчитываю на васъ; мы связаны теперь на жизнь и смерть,—проговорилъ онъ, прощаясь съ министрами. На слѣдующій день «Монитеръ» обнародовалъ королевскія повелѣнія и докладъ королю, служившій имъ предисловіемъ и рѣзко обвинявшій свободу печати. «Пресса,—писали министры въ докладѣ:—произвела безпорядокъ въ самыхъ прямыхъ умахъ, потрясла самыя стойкія убѣжденія и произвела среди общества то смѣшеніе принциповъ, которое помогаетъ гибельнымъ покушеніямъ. При помощи анархіи въ доктринахъ, она достигаетъ анархіи въ государствѣ... Своеволіе, не имѣющее границъ, не уважало даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ ни ясно выраженныхъ желаній короля, ни словъ, сказанныхъ съ трона. Одни не признавались и искажались, другія были предметомъ предательскихъ комментаріевъ и горькихъ насмѣшекъ. Такъ послѣдній актъ высочайшей власти, прокламація, былъ, при помощи прессы, лишенъ цѣны въ глазахъ публики прежде своего появленія... Не менѣе жару выказываетъ періодическая пресса, преслѣдуя своими ядовитыми стрѣлами—религію и священнослужителя. Она желаетъ, она будетъ желать всегда вырвать съ корнемъ изъ сердца народовъ послѣднія сѣмена религіозныхъ чувствъ... Жаркая, ложная и страстная полемика, школа скандала и необузданности, произвела въ правахъ и характерѣ націи серьезныя измѣненія и глубокую порчу; она даетъ ложное направленіе умамъ, наполняетъ ихъ предубѣжденіями и предразсудками, отвращаетъ отъ серьезныхъ занятій науками, вредитъ прогрессу наукъ и искусствъ, вызываетъ среди насъ все возрастающее броженіе, поддерживаетъ даже въ средѣ семейныхъ кружковъ раздоры и можетъ постепенно привести насъ снова къ варварству...» Невозможно себѣ представить, не видавъ этого скандалезнаго доклада, или лучше сказать, доноса министровъ государю, что за обвиненія взводились на печать. Она оказывалась виноватою во всемъ. Министры не замѣчали, какъ они компромстируютъ правительство, показывая публикѣ, что оно не можетъ выдвинуть никакой другой силы противъ печати, кромѣ неконституціоннаго запрещенія и насилія.

Парижъ былъ изумленъ, прочитавъ королевскія повелѣнія. Префектъ полиціи уже извѣстилъ типографщиковъ и редак-

торовъ журналовъ, что они не могутъ продолжать свои изданія безъ особаго разрѣшенія короля. Сверхъ того, онъ отдалъ приказъ задерживать всѣхъ, кто будетъ раздавать изданія, на которыхъ не напечатано настоящаго имени и адреса автора или издателя; потомъ угрожалось каждому содержателю кабинетовъ для чтенія, если онъ будетъ держать подобныя изданія; подобное дѣйствіе признавалось сообщничествомъ съ преступными издателями и вело, кромѣ судебнаго преслѣдованія, немедленное закрытіе читальни. Уже вечеромъ толпа молодежи собралась въ Пале-Роялѣ и устроила демонстрацію. Патрули и жандармы попробовали разогнать народъ и были встрѣчены свистомъ. На галлереяхъ слышались крики: «долой министровъ!» Какой-то молодой человѣкъ вскочилъ на скамью и крикнулъ: «къ Полиньяку! къ Полиньяку!» Толпа двинулась къ отелю князя и разбила камнями нѣсколько оконъ. Однако, къ часу ночи на улицахъ раздавались только мѣрные шаги патрульныхъ. Совсѣмъ другого рода сцены происходили въ оппозиціонной партіи: оппозиціонные депутаты собрались на совѣщаніе у Казимира Перье, а редакторы журналовъ—въ бюро «*Насьоналя*»,—для совѣщанія о протестѣ. Депутаты не рѣшились ни на что, но редакторы напечатали на слѣдующій день протестъ, написанный Тьеромъ и подписанный сорокачетырьмя журналистами. Парижъ былъ, однако, спокоенъ, и только на биржѣ рента уже упала на 4 франка. Народъ еще не понималъ вполнѣ значенія всего происходившаго. Утромъ 27 іюля пять газетъ вышли безъ разрѣшенія правительства, напечатали протестъ и призывали общество къ сопротивленію. Нумера этихъ газетъ читались съ жадностью, молодежь и журналисты объясняли работникамъ и народу значеніе королевскихъ указовъ и доказывали необходимость самозащиты. Но все же уличные толки и мелкія демонстраціи не повели бы ни къ чему. Правительство понимало это и могло не бояться ихъ, но оно не понимало, что въ рукахъ буржуазіи, этихъ лавочниковъ, было страшное средство мгновенно выпустить противъ правительства цѣлый полкъ людей, оставивъ ихъ безъ работы, то-есть безъ пищи и крова. Буржуазія рѣшилась именно на это средство. Множество мануфактуристовъ, хозяевъ бумажныхъ фабрикъ, словолитенъ, переплетныхъ, и почти всѣ типографщики созвали своихъ работниковъ и объявили имъ, что «они не могутъ болѣе давать имъ хлѣба». Типографіи вдругъ опустѣли; зато улицы наполнялись толпами рабочаго народа.

Раздались крики: «Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ свобода! Долой министровъ!». Эти крики подхватились молодежью. Въ тотъ же день правительство сдѣлало ошибку, преслѣдуя непокорные пять журналовъ и желая силою отнять у ихъ типографій станки. Къ вечеру всѣ лавки Парижа были закрыты: многіе торговцы объявили о невозможности платить свои долги; рента понизилась еще; у депутатовъ и литераторовъ шли толки о вооруженномъ сопротивленіи; жандармы и гарнизонъ были подъ ружьемъ. Уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздались выстрѣлы. Въ улицѣ Сентъ-Онорэ какой-то англичанинъ выстрѣлилъ изъ окна въ королевскую гвардію и былъ убитъ вмѣстѣ съ своими двумя слугами. Въ этой же улицѣ какая-то женщина упала подъ пулями гвардейцевъ. Ея тѣло унесли и положили къ подножію статуи Людовика XIV. Какой-то неизвѣстный человѣкъ произнесъ тутъ же рѣчь и пошелъ съ толпою, предшествуемый трупомъ и черным знаменемъ. Картина была мрачная и зловѣщая. Около дворца Полиньяка солдаты говорили рабочему народу вызывающимъ тономъ: «попробуйте, если смѣете; мы васъ ждемъ». У народа не было оружія, но все же онъ приготовлялся къ сопротивленію. Въ нѣсколькихъ улицахъ уже дѣлались баррикады, и войска въ отвѣтъ на ружейные выстрѣлы осыпались градомъ камней. Одинъ офицеръ пятаго линейнаго полка отказался стрѣлять въ народъ и за его отрядомъ тронулась народная толпа съ криками:

— Да здравствуетъ линейный полкъ!

Это были первые солдаты, перешедшіе на сторону народа. Къ ночи появилось въ народѣ трехцвѣтное знамя, и при свѣтѣ факеловъ толпа продолжала возить трупъ женщины, убитой въ улицѣ Сентъ-Онорэ. Съ криками «мщеніе!» народъ, вооруженный палками и старыми саблями, ворвался въ магазины оружейниковъ и захватилъ оружіе. Одинъ батальонъ хотѣлъ очистить улицу, но ему крикнули: «не дѣлайте зла народу!» и мужество солдатъ поколебалось. Только королевская гвардія продолжала стрѣлять, но она все-таки не помѣшала народу овладѣть постомъ жандармовъ близъ биржи и сжечь гауптвахту. Это было въ десять часовъ вечера; толпа мало-по-малу разсѣялась. Князь Полиньякъ въ этотъ день спокойно задавалъ обѣдъ своимъ товарищамъ, а король, проведшій весь предшествовавшій день на охотѣ, день уличныхъ схватокъ провелъ въ Сенъ-Клу, принималъ офиціальныхъ лицъ, работалъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и

удостоилъ чести нашего гравера Уткина принятіемъ въ подарокъ портрета Екатерины [1]). Какъ видно, онъ былъ очень спокоенъ. А уже въ шесть часовъ утра 28 іюля весь Парижъ былъ на ногахъ. Народъ срывалъ вывѣски, гдѣ было написано слово: «королевскій». Возстаніе приняло серьезный характеръ, народъ завладѣлъ нѣсколькими зданіями, старые солдаты національной гвардіи надѣли свою форму, на помощь народу явились всѣ парижскіе студенты, баррикады были уже на каждомъ углу и на нихъ шла раздача патроновъ и ружей, директоръ Водевиля, Этьенъ Араго, раздавалъ оружіе и форменное платье, служившее на сценѣ при представленіи одной воинной пьесы. Предводителями явились ученики политехнической школы. Нечего говорить о сценахъ, происходившихъ въ этотъ день: парижскій народъ выказалъ удивительное мужество; старики, женщины, дѣти, всѣ помогали сражающимся рабочимъ; въ одномъ мѣстѣ пятнадцатилѣтній мальчуганъ раздѣляетъ съ студентомъ-политехникомъ свои заряды за то, что тотъ даетъ ему свое ружье; въ другомъ—юноша, видя, что толпа готова уступить, кричитъ: «я научу васъ умирать!» и бросается подъ выстрѣлы враговъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ; онъ падаетъ мертвымъ, но толпа, воодушевленная имъ, побѣждаетъ. Солдаты роптали; одни говорили: «нужно быть безчувственными, чтобы стрѣлять въ гражданъ!» другіе твердили: «мы не для этого, чортъ возьми, были взяты на службу!» 29 іюля народъ овладѣлъ Лувромъ и бросился черезъ галлереи музея къ тюльерійскому дворцу; черезъ нѣсколько часовъ весь Парижъ былъ въ его рукахъ и ночью съ 29 на 30 число въ городѣ уже не появлялись королевскія войска и тишина нарушалась только народною стражею.

Правительство и либеральные депутаты во все время возстанія дѣйствовали крайне плохо. Маршалъ Мармонъ, которому было поручено командованіе войскомъ, 25 іюля предлагалъ королю принять мѣры для возстановленія мира. Но вмѣсто этихъ мѣръ, король и Полиньякъ объявили Парижъ въ осадномъ положеніи и хотѣли нарядить военный судъ для немедленнаго наказанія возставшихъ и для арестованія тѣхъ людей оппозиціи, которые считались главами возстанія, а именно: Жерара, Лафайета, Могена, Лафитта, Сальверта, Одри де-Пюираво и Марше. Но не было времени учредить

[1]) *Un garde national:* journées des 20 juin et 10 août 1792 et de juillet 1830. Paris, 1848, p. 89. Въ эту книгу занесено много фактовъ изъ уличныхъ сценъ въ дни революцій.

судъ или произвести аресты: возстаніе шло слишкомъ быстро. Оппозиціонные же депутаты собрались въ этотъ день уже въ четвертый разъ; между ними были Лафиттъ и Лафайетъ, личности популярныя и довольно рѣшительныя, но все же депутаты не рѣшились ни на какія мѣры и испугались предложенія объ образованіи временнаго правительства Вмѣсто этого предложенія приняли другое – написать протестъ государственнаго переворота. Трусость ихъ была такъ велика, что даже Вилльмэнъ удивлялся, что «находитъ вмѣстѣ столько трусовъ». Сверхъ того рѣшились хлопотать у маршала о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Къ нему отправилась депутація и уже застала у него Араго, хлопотавшаго о томъ же, чего желала и она. Маршалъ былъ въ нерѣшительности. Онъ негодовалъ на правительство за нарушеніе послѣднимъ конституціи, но не рѣшался прекратить военныя дѣйствія. Онъ предложилъ депутатамъ свиданіе съ Полиньякомъ, но Полиньякъ отказался отъ переговоровъ. Когда депутаты ушли, маршалъ написалъ королю совѣтъ согласиться какъ можно поспѣшнѣе на сдѣланныя предложенія. Между тѣмъ, протестъ депутатовъ еще не былъ напечатанъ, такъ какъ они не давали своихъ именныхъ подписей и послѣ долгихъ колебаній рѣшились написать: *составлено въ присутствіи такихъ-то*, затѣмъ слѣдовали подписи, конечно, только депутатовъ, а не тѣхъ лакеевъ, которые тоже были, можетъ-быть, въ комнатѣ. Большей трусости нельзя было выказать. Правительство же стало еще болѣе надѣяться на успѣхъ, узнавъ, что депутаты просили перемирія. Оно не хотѣло понять, что трусость этихъ лицъ нисколько не ослабляла храбрости народа. 29 іюля маршалъ съ своимъ войскомъ былъ притиснутъ народомъ въ Тюльери и хотя писалъ королю, что можетъ продержаться въ этомъ положеніи три недѣли, однако теперь самъ предложилъ народу перемиріе, видя слабость своихъ наличныхъ силъ и истомленіе войска, стоявшаго въ теченіе двухъ дней подъ ружьемъ при 26 градусахъ жары. Его предложеніе не имѣло никакого вліянія на народъ. Два члена палаты пэровъ стали настаивать на необходимости болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для перемирія съ народомъ, а именно на арестованіи министровъ. Не добившись толку отъ маршала, они поѣхали къ королю. Но было поздно. Часть войска перешла на сторону народа, часть обратилась въ бѣгство, народъ былъ въ Тюльери. Тогда-то выступили впередъ болѣе рѣшительные депутаты оппозиціи. Лафайетъ сталъ во главѣ національной

гвардіи, Жераръ принялъ командованіе надъ войсками. Но трусости, все-таки, не было конца. Собравшись вмѣстѣ, оппозиціонные депутаты совѣщались, когда къ нимъ явились офицеры съ объявленіемъ, что они и солдаты переходятъ на ихъ сторону; но въ это же время на улицѣ раздалась стрѣльба, депутаты вскочили, крикнули: «Измѣна! насъ хотятъ схватить! Спасайся кто можетъ!» и разбѣжались къ великому удивленію двухъ полковъ, собравшихся передъ домомъ Лафитта, чтобы принять своего новаго генерала, и въ подтвержденіе своего нейтральнаго положенія выстрѣлившихъ на воздухъ. Карлъ X между тѣмъ не соглашался ни на какія уступки; но, наконецъ, и онъ убѣдился въ необходимости перемѣнить министерство. Объ этомъ дали знать оппозиціонной партіи. Она не знала, на что рѣшиться: принять или не принять уступку. Тьеръ и Миньe возстали противъ принятія уступки и объявили, что революція сдѣлана и нужно перемѣнить династію. Послѣ долгихъ споровъ и толковъ остановились на особѣ герцога Орлеанскаго. Переговоры съ нимъ окончились успѣшно, и онъ согласился принять власть. Народъ тутъ былъ ни при чемъ. Онъ одинъ совершилъ революцію; онъ велъ себя изумительно въ эти дни: ни умышленнаго кровопролитія, ни грабежа, ни безплодныхъ разрушеній не было совершено имъ въ это время; ни одна касса не была ограблена; даже музеи были сохранены безъ поврежденій и народъ приставилъ къ нимъ охранительную стражу; что-то дѣтски-добродушное выражалось въ различныхъ фразахъ этихъ блузниковъ, пробовавшихъ посидѣть хоть минутку на королевскомъ тронѣ и наивно замѣчавшихъ: «А вѣдь чудакъ былъ этотъ Карлъ, тутъ ему было очень хорошо сидѣть». Теперь этому народу предлагали сохраненіе конституціи, предлагали въ ея охранители герцога Орлеанскаго. Народъ плохо зналъ эту личность: все ея достоинство для него заключалось въ одномъ отрицательномъ качествѣ, что это не Карлъ X. Сначала масса нахмурилась при встрѣчѣ герцога, но ее, вѣчно довѣрчивую, вѣчно добродушную, было легко задобрить: герцогъ взялъ подъ руку Лафайета, взялъ трехцвѣтное знамя и появился въ окнѣ ратуши,— народная толпа въ безконечной радости закричала: «да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!»

Карлъ X, послѣ нѣсколькихъ смѣшныхъ и жалкихъ попытокъ сохранить корону за собой или за своимъ сыномъ, долженъ былъ выѣхать изъ Франціи.

V.

ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.

1830—1848.

I.

Царствованіе Луп-Филиппа—это царствованіе буржуазіи. Самъ король является первымъ буржуа въ своемъ государствѣ [1]). Его характеръ имѣетъ всѣ достоинства и всѣ недостатки характера вышедшаго изъ ничтожества и достигнувшаго значительной роли буржуа. Онъ былъ неспособенъ ни на какія поэтическія возвышенныя идеи или иллюзіи, ни на какіе широкіе планы или утопіи, человѣкъ узкаго здраваго смысла и житейской опытности прежде всего, онъ съ годами превратился въ хитреца и довелъ разсчетливость до скупости. Долгія сношенія съ людьми въ тяжелые годы жизни научили его относиться съ презрѣніемъ и къ дружбѣ, и къ враждѣ, и къ самимъ людямъ. У него былъ большой запасъ знаній, большое умѣнье вести дѣла. онъ умѣлъ хорошо говорить, хотя и не обладалъ способностью произносить мѣткія, остающіяся въ памяти фразы; онъ любилъ искусства, преимущественно архитектуру, но всѣ эти качества, при его скупости и холодности, напоминали въ немъ купца, начавшаго свою карьеру въ качествѣ мальчика, употреблявшагося на побѣгушки въ какой-нибудь лавчонкѣ и вышедшаго потомъ въ люди, нажившаго капиталъ. Подобно всѣмъ разбогатѣвшимъ буржуа, стремящимся забыть тяжелое прошлое и выглядѣть аристократами, онъ гордился своимъ происхожденіемъ, напоминалъ, что и онъ не какой-нибудь выскочка, что и у него славные предки. Онъ былъ храбръ, но эта храбрость была разсчитанная, холодная, являвшаяся слѣдствіемъ разсудочности, а не слѣдствіемъ геронзма. Въ немъ была развита терпимость въ отношеніи чужихъ мнѣній и чужихъ вѣрованій, терпимость практика, презирающаго вліяніе теорій мечтателей; онъ могъ преслѣдовать противниковъ только до той границы, за которою они не могли вредить лично ему. Безукоризненно вѣрный и строгій по своимъ нравамъ мужъ, онъ, несмотря на свою нерелигіозность, съ уваженіемъ относился

[1]) *Louis Blanc.* Révélations historiques. Bruxelles, 1859, t. I. pp. 9—47.

къ религіозности своей жены, какъ къ дѣлу совсѣмъ безвредному: добрый и заботливый отецъ семейства и прекрасный родственникъ, онъ заботился о матеріальномъ благосостояніи своей семьи, даже часто въ ущербъ государству. Терпѣніе и хладнокровіе его были удивительны, онъ называлъ время своимъ первымъ министромъ и, чтобы сохранить свое спокойствіе, не читалъ тѣхъ летучихъ листковъ, гдѣ нападали на него. Эта черта тоже напоминаетъ какого-нибудь разбогатѣвшаго правдой и неправдой ростовщика, не читающаго газетныхъ нападеній на его особу. Человѣкъ, не поставившій задачею всей своей жизни одно свое личное благосостояніе, не можетъ хладнокровно пренебрегать тѣмъ, что говорятъ о немъ, не можетъ не защищаться, не можетъ не отражать нападеній; но кто добивается, во что бы то ни стало, своего личнаго благосостоянія и самодовольнаго покоя, тотъ плюетъ на общественное мнѣніе, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока враждебность общественнаго мнѣнія не можетъ подорвать матеріальныхъ интересовъ самодовольнаго буржуа. Такіе люди не идутъ впередъ и не развиваются. Да и что такое для нихъ развитіе? Развѣ оно нужно для достиженія богатства и значенія?

Буржуазія въ лицѣ Луи-Филиппа любила себя. Этотъ король былъ созданъ ею и созданъ исключительно для нея: она видѣла себя на тронѣ. Матеріальныя выгоды вышли на первый планъ. Пути для достиженія этихъ выгодъ отошли на послѣдній планъ. Самъ король озаботился прежде всего перевести всѣ свои имѣнія на имя дѣтей, чтобы эти имѣнія не сдѣлались принадлежностію короны. Среди самаго разгара государственныхъ занятій онъ поспѣшилъ войти въ сношенія съ одной развратной женщиной и сдѣлать довольно темное дѣло, слѣдствіемъ котораго было завѣщаніе принца Конде, отказавшаго все свое громадное богатство сыну Луи-Филиппа и удавившагося или удавленнаго 26 августа 1830 года,—черезъ нѣсколько дней послѣ составленія завѣщанія. Во все время своего царствованія онъ занимается биржевыми спекуляціями и покупкой акцій даже въ ту пору, когда онъ отсрочиваетъ уплату своихъ долговъ. Отъ палаты онъ постоянно требуетъ новыхъ суммъ для себя и для своихъ дѣтей и доводитъ это христарадничанье до скандала, до того, что ему отказываютъ. Но что за дѣло до отказа ему, когда онъ знаетъ, что деньги дѣлаютъ все на свѣтѣ, что онѣ создаютъ самыхъ преданныхъ друзей и слугъ, что онѣ подкупаютъ честныя души, что онѣ оправдываютъ или спа-

саютъ самыхъ отъявленныхъ преступниковъ? Это его убѣжденія, онъ такъ и обращался съ деньгами, какъ со средствомъ для достиженія всего на свѣтѣ; онъ не копилъ ихъ, какъ скряга, но пускалъ въ выгодные обороты—и какой-нибудь во-время устроенный придворный балъ, какая-нибудь ловко выданная щедрая награда были такими же оборотами и спекуляціями, какъ продажа и покупка акцій; они приносили свои проценты. Такъ жила и вся буржуазія. Ея благосостояніе росло не по днямъ, а по часамъ. Тутъ строились фабрики, тамъ вводились новыя машины, пролагались новыя дороги, тамъ возникали отели, устраивались роскошные магазины, являлись новыя открытія. Промышленность развивалась, торговля расширялась. Франція, вѣчно увлекающаяся, вѣчно готовая идти на бой, была неузнаваема; все въ ней стало предметомъ торговли—репутація, слава, честь, добродѣтель—все это выгодный товаръ. «Каждый для себя, каждый у себя», вотъ вся мудрость, вся наука этой поры. «Заниматься дѣлами, вотъ единственная задача жизни. Религія—это «дѣла»; политика—это «дѣла»; философія, литература, искусство—это «дѣла», «дѣла» и «дѣла». Литераторы буржуазіи стали дѣлаться продавцами идей и открыли лавочки истинъ,—вчера спрашивались потребителями и потому пускались въ продажу тѣ идеи, сегодня другія, вчера были въ модѣ, а потому были и истины тѣ истинны, сегодня другія. Въ это время бракъ занялъ мѣсто среднее между продажею и наймомъ, и все дѣло шло о томъ, сколько процентовъ въ годъ принесетъ любовь. Родственныя и всякія другія чувства, дружба, самопожертвованіе, геронзмъ—осмѣивались публично. Спекуляція дошла до того, что ловкій шарлатанъ, ловкій мошенникъ вызвалъ удивленіе, какъ человѣкъ большого ума. Вы думаете, что все это дурно, потому что является слѣдствіемъ холоднаго расчета, слѣдствіемъ утилитарнаго направленія? Нѣтъ, все это дурно потому, что тутъ нѣтъ ни расчета, ни практичности, ни утилитарнаго направленія, а видно одно шарлатанство, одно мошенничество, одно безразсудное, продолжающееся изо-дня-въ-день поддразниваніе голодной массы своею наглостію, своею безпутною роскошью и своимъ холоднымъ цинизмомъ. Тутъ практичность и утилитарность только кажущіяся, какъ въ дѣйствіяхъ взяточника, наслаждающагося всѣми благами только по сонливости правосудія, какъ въ дѣйствіяхъ вора, наживающаго имущество только по нерадѣнію полиціи; такое торжество продолжается обыкновенно не долго, настаетъ минута, когда

просыпается правосудіе, когда принимается за дѣло полиція, и дѣйствія, казавшіяся еще вчера верхомъ практичности и утилитарности, доводятъ мнимыхъ практиковъ и утилитаристовъ до острога и позорнаго столба.

II.

Царствованіе Луи-Филиппа началось при самыхъ мрачныхъ условіяхъ. Промышленный кризисъ, волненіе умовъ, возбужденное тайными обществами, доктринами Сенъ-Симона и Фурье, возмущеніе голодныхъ пролетаріевъ, холера, казавшаяся народу моровою язвою, сопровождали первые годы этого царствованія. Луи-Филиппъ былъ возведенъ на престолъ только при помощи народа; либералы, литераторы и буржуазія, какъ мы видѣли, были тутъ ни при чемъ. Потому въ первые же дни правленія короля пошли толки о томъ, что онъ долженъ составить счастіе рабочаго класса, купившаго своею кровью корону для него [1]). «Все сдѣланное въ эти три дня было сдѣлано народомъ,—писали 30 іюня 1830 года въ Насьоналѣ:—народъ былъ могучъ и великъ; побѣда исключительно завоевана имъ и всѣ результаты борьбы должны также принадлежать ему». Временное правительство, какъ бы подтверждая эту программу, сказало: «Добродѣтели есть во всѣхъ классахъ; всѣ классы имѣютъ равныя права, эти права обезпечены». Въ первомъ кабинетѣ новаго короля говорились такія же фразы. «Когда случается,—говорилъ Дюпэнъ:—что возникаетъ династія, вслѣдствіе героизма рабочихъ, то эта династія обязана сдѣлать что-нибудь для потомства этихъ работниковъ - героевъ». Привести въ исполненіе эти фразы было довольно трудно. Буржуазія наслаждалась въ театрахъ патріотическими гимнами, король принималъ поздравленія, но въ промышленныхъ дѣлахъ былъ полнѣйшій застой, продолжавшійся въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ іюльской монархіи; бо́льшая часть рабочихъ оставалась безъ работы и хлѣба. Уже съ августа въ Парижѣ начали появляться сборища людей, одѣтыхъ въ рубище или почти полунагихъ, роптавшихъ на правительство, говорившихъ, что имъ живется теперь еще хуже, чѣмъ прежде. Дѣйствительно, побѣжденная партія состояла изъ людей богатыхъ, жившихъ роскошно, и съ ея паденіемъ закрылось множество фабрикъ и прекратилось на время производство ненужныхъ предметовъ роскоши. Пра-

[1]) *Lerasseur.* Hist. des cl. ouv. pp. 3. 9.

вительство принуждено было выдать 30.000.000 на поддержку 145 мануфактуръ и банковъ, чтобы предупредить ихъ полное разореніе. Сверхъ того, оно заняло часть рабочихъ земляными работами — этимъ вѣчнымъ лѣкарствомъ французскаго правительства противъ возмущеній. Оно постоянно считало работу не чѣмъ инымъ, какъ *уздою;* теперь же этотъ взглядъ былъ очень безцеремонно высказанъ выпедшимъ на сцену Гизо. Но если можно было занять часть парижскихъ рабочихъ пересыпаньемъ песку, то этого нельзя было сдѣлать въ провинціи, гдѣ — особенно въ Ліонѣ—цѣлыя массы народа были безъ куска хлѣба. Рабочая плата, преимущественно на шелковыхъ фабрикахъ, понизилась до крайности, и нѣкоторые подмастерья получали не болѣе одного су въ часъ. Въ сѣверной части города, гдѣ гнѣздились бѣдные мастера и подмастерья шелковыхъ фабрикъ, люди трудолюбивые, болѣзненные и боязливые,— населеніе, доведенное до крайней нищеты, стало требовать прибавки платы [1]). Послѣ нѣсколькихъ сходокъ такса была опредѣлена, дома бѣдняковъ были иллюминованы, восторгу не было конца. Но фабриканты отказались исполнять требованія администраціи; ихъ вздумали присудить къ штрафу,— они перестали дѣлать заказы: нищета усилилась. Узнавъ объ этомъ дѣлѣ, правительство велѣло отмѣнить таксу; тогда работники сочли себя преданными, и 21 ноября 1831 года вспыхнуло возстаніе въ Ліонѣ. Толпы народа кричали «къ оружію!» и среди ихъ рядовъ развѣвалось черное знамя съ многознаменательною надписью: «Жить работая или умереть». Предмѣстье съ сѣверной части города было покрыто баррикадами. Начался бой. Гарнизонъ состоялъ только изъ трехъ тысячъ человѣкъ; генералъ Роге, командовавшій имъ, былъ нездоровъ и находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ префектомъ города Бувье-Дюмоляромъ; національная гвардія доставила только тысячу человѣкъ въ первый и сто во второй день. Такимъ силамъ трудно было побѣдить народъ. Префектъ и начальникъ національной гвардіи хотѣли вести переговоры съ возставшими, но были оставлены въ плѣну. Это придало новую силу и увѣренность рабочимъ,—и они устояли противъ атаки войска, а на слѣдующій день уже сами атаковали его. Генералъ Роге боролся энергично, но все-таки побѣда осталась за народомъ: войско пушечными выстрѣлами очи-

---

[1]) *Louis Blanc.* Histoire de dix ans. t. II.

стило себѣ дорогу и вышло изъ Ліона, оставивъ его въ рукахъ рабочихъ. Въ теченіе десяти дней работники оставались хозяевами въ Ліонѣ, въ эти дни все было спокойно, не было ни грабежей, ни убійствъ. Но такое положеніе было тяжело для побѣдителей, не имѣющихъ ни денегъ, ни опредѣленныхъ плановъ, ни руководителей и оставшихся безъ работы; правительство тоже не могло долго допускать подобнаго безначалія; 3 декабря маршалъ Сультъ, герцогъ Орлеанскій и войско—вошли въ городъ. Дюмоляръ, считавшійся главнымъ виновникомъ безпорядковъ, былъ смѣненъ, такса уничтожена, мастерскія начали понемногу наполняться, правительство сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ составѣ совѣта присяжныхъ, учредило кредитную кассу для начальниковъ мастерскихъ,—и все это возстаніе прошло, какъ какой-то странный сонъ, полный побѣдъ, надеждъ, восторга и пустоты въ результатѣ.

Вспыхивали волненія и въ другихъ провинціальныхъ городахъ. Въ Марсели одна процессія дала поводъ къ уличному сраженію между либералами и приверженцами Карла X; въ Тулузѣ, Гренобліѣ. Тулонѣ, извѣстіе о взятіи Варшавы подало поводъ къ народнымъ сходкамъ и попыткамъ возстанія; въ Страсбургѣ національная гвардія требовала уничтоженія тяжелой ввозной пошлины на скотъ; въ Перпиньянѣ налогъ на крѣпкіе напитки произвелъ народное волненіе, дѣло дошло до нападенія на акцизное вѣдомство, до баррикадъ и кровопролитія. Политическія общества пользовались такимъ положеніемъ дѣлъ, продолжали вербовать недовольныхъ и готовились каждую минуту отплатить за «іюльскую мистификацію», какъ они называли дѣйствія правительства. Въ «обществѣ порядка и прогресса» каждый членъ обязывался имѣть одно ружье и пятьдесятъ боевыхъ патроновъ. Это было нѣчто въ родѣ грозовой тучи, висѣвшей надъ обществомъ.

Не спокойнѣе проводилось время и въ Парижѣ.

Въ Парижѣ, подъ вліяніемъ Лафитта, Лафайета и Дюпона *(de l'Eure)*, составилось новое министерство; министры же Карла X были преданы суду. Судебное разбирательство началось 15 декабря. Чтобы защитить отъ народнаго насилія князя Полиньяка и его товарищей, правительство должно было принять разныя военныя мѣры. Національная гвардія получила приказаніе не снимать формы, начиная съ 14 декабря, и быть готовой взяться за оружіе. Лафайету поручили командованіе военными силами, какъ человѣку

самому популярному и въ народѣ, и въ войскѣ. Обвиненіе противъ министровъ произнесъ Персиль: защищали ихъ Мартиньякъ, Геннекенъ, Созе и Кремье; особенное впечатлѣніе произвелъ своею рѣчью, еще мало извѣстный въ то время, Созе. Правительство видимо желало спасти экс-министровъ, но толпа неукротимо требовала ихъ казни. Правительство стояло въ затруднительномъ положеніи, зная, что и войска, и національная гвардія сочувствуютъ народу,— и еще не забыли іюльскихъ дней. 19 декабря началось сильное волненіе въ старыхъ кварталахъ столицы, около Люксенбургскаго дворца. Въ залѣ, гдѣ засѣдалъ судъ пэровъ, слышались звуки барабана, созывавшаго національную гвардію, и бурный шумъ возстанія. Наконецъ, толпа ворвалась въ передніе дворы Люксенбургскаго дворца, и засѣданіе пэровъ было прервано на время. Кое-какъ войску удалось на этотъ разъ успокоить массу безъ кровопролитія. Въ день объявленія приговора суда, пришлось устроить предохранительныя мѣры и увести подсудимыхъ разными окольными путями подъ охраной многочисленной стражи. Въ десять часовъ 21 декабря былъ произнесенъ приговоръ, по которому экс-министры подвергались пожизненному заключенію, а для князя Полиньяка—наказаніе усиливалось, кромѣ того, гражданскою смертью. Парижъ послѣ произнесенія этого приговора былъ буквально въ осадномъ положеніи: войска были подъ ружьемъ, на улицахъ горѣли костры, дома въ безпокойныхъ кварталахъ, гдѣ гнѣздилось бѣдное населеніе, были освѣщены; народъ не спалъ и былъ на ногахъ, готовый по первому сигналу взяться за оружіе: двѣ артиллерійскія батареи національной гвардіи были не прочь присоединиться къ возстанію, если оно начнется. Но ночь прошла кое-какъ безъ особенныхъ катастрофъ, и студенты не мало способствовали укрощенію бурныхъ страстей раздраженнаго народа. Не малую роль играло въ дѣлѣ успокоенія народа и имя Лафайета, командовавшаго войсками. Черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія процесса надъ министрами— было уничтожено званіе главнаго начальника надъ войсками. Лафайетъ былъ глубоко оскорбленъ этимъ опредѣленіемъ палаты депутатовъ и вышелъ въ отставку, несмотря на просьбы короля, который просилъ его сохранить, въ видѣ исключенія, званіе главнокомандующаго. Вслѣдъ за Лафайетомъ вышли въ отставку еще двѣ популярныя личности: Дюпонъ *(de l'Eure)* и Трельяръ. Народъ видѣлъ въ этомъ фактѣ ясное доказательство реакціи и ропталъ.

Не много дней провелъ Парижъ въ затишьи: 14 февраля легитимисты вздумали совершить торжественную панихиду по герцогѣ Беррійскомъ въ церкви *St.-Germain d'Auxerrois*, куда собралось пышною и шумною толпой все аристократическое населеніе Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Полиція совѣтовала не дѣлать этого торжества, но ея не послушались, и она не приняла никакихъ мѣръ для предупрежденія безпорядковъ. Церковное торжество окончилось, затѣмъ выставили и увѣнчали изображеніе герцога Бордосскаго; тогда толпы народа передъ церковью пришли въ движеніе, посыпались насмѣшки, брань и угрозы, одинъ мнимый іезуитъ едва былъ спасенъ отъ массы, готовой бросить его въ Сену. Пока его освобождали, народъ вломился въ церковь. Алтарь, каѳедра, исповѣдальни были разрушены, священническія одежды вытащены, чтобы потомъ послужить святочнымъ костюмомъ, церковныя украшенія, кресты, изображенія святыхъ, все было сорвано, изломано, растоптано. Народъ забрался даже на крышу церкви и въ сосѣдній церковный домъ. Окончивъ свое дѣло, толпа разошлась. На слѣдующій день войска охраняли Пале-Рояль, ожидая новыхъ волненій. Но толпа народа приняла другое направленіе и бросилась къ дому ненавистнаго архіепископа Келана,—этотъ домъ буквально сравняли съ землей и уничтожили все, что было въ немъ. Снова масса начала срывать съ церквей кресты и успокоилась только тогда, когда сломала ихъ вездѣ. Это было мщеніе за фанатизмъ реставраціоннаго правительства, прививавшаго къ народу религію при помощи полицейскихъ преслѣдованій. Кое-какъ протянулся для народа въ подобныхъ мелкихъ вспышкахъ 1831 годъ, а 1832—начался новыми безпорядками. 4 января съ колокольни Notre-Dame послышался набатъ и изъ башенъ собора показались клубы дыма. Прибѣжавшая полиція была встрѣчена пистолетными выстрѣлами и успѣла захватить множество молодыхъ работниковъ, забравшихся въ церковь. Они хотѣли набатомъ и поджогомъ поднять возстаніе. Пока шло разбирательство этого въ сущности неважнаго дѣла, должно было съ 1-го на 2-е февраля вспыхнуть легитимистское возстаніе. Заговорщики хотѣли овладѣть Лувромъ, захватить королевское семейство и провозгласить королемъ герцога Бордосскаго, Генриха V. Главою былъ выставленъ башмачный подмастерье, Понселе, хотя въ сущности это дѣло было совсѣмъ чуждо народной партіи и за спиною Понселе скрывались аристократическіе бун-

товщики. Полиція вѣ-время окружила заговорщиковъ и дѣло кончилось смертью одного изъ полицейскихъ. Понселе не выдалъ никого и держалъ себя на судѣ съ изумительною энергіею и мужествомъ. Но по окончаніи суда правительство узнало, что этотъ заговоръ развѣтвляется по всей Франціи и въ немъ принимаютъ участіе не только Бурбоны, но и иностранные государи, смотрѣвшіе недовѣрчиво и недружелюбно на революціоннаго короля. Главою этого заговора была женщина—герцогиня Беррійская, мать герцога Бордосскаго. Эта авантюристка, горячая и отважная, назначенная Карломъ X регентшей, собрала около себя легитимистовъ, отправила уполномоченныхъ въ Россію, Испанію и Голландію, назначила временное правительство, приняла рѣшенія насчетъ будущаго управленія Франціей; поддерживала сношенія съ легитимистами во французскихъ провинціяхъ, и наконецъ 25 апрѣля 1832 года отправилась на своемъ пароходѣ въ Провансъ, гдѣ должно было начаться возстаніе ея приверженцевъ. Уже давно приверженцы изгнанной королевской фамиліи вели нѣчто въ родѣ войны или разбоя противъ правительства; они грабили дилижансы, захватывали казенныя деньги, возставали противъ поклонниковъ новаго порядка вещей. Особенно отличались въ этомъ дѣлѣ молодые и сильные бретонцы и вандейцы, ненавидѣвшіе солдатчины и потому бѣгавшіе изъ полковъ. Партія герцогини Беррійской надѣялась воспользоваться силами этихъ людей и направить ихъ дѣйствія въ свою пользу. Но первая высадка въ Марсели была неудачна, народъ не присталъ къ легитимистамъ и нѣкоторые изъ нихъ попали въ руки полиціи. Герцогиня отправилась въ Вандею съ фальшивымъ паспортомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ приверженцевъ. Здѣсь до герцогини доходили очень непріятные слухи о неудачахъ легитимистовъ въ Парижѣ. Ей совѣтовали отложить возстаніе, назначенное на 24 мая, до лучшаго времени. Она сначала согласилась, потомъ назначила день возстанія на 7 іюня. Изъ этого произошла страшная путаница. Въ провинціи начались кровопролитныя сраженія; поселяне, горожане и войска совершали страшныя жестокости; старики, женщины и дѣти не находили пощады. Но народъ былъ побѣжденъ, и герцогиня должна была бѣжать въ Нантъ, гдѣ ее скрыли отъ полиціи ея друзья. Не долго оставалось тайной для правительства ея убѣжище: одинъ преданный легитимистамъ крещеный еврей Деппъ, исполнявшій самыя секретныя

порученія Карла X и герцогини, сдѣлалъ предложеніе министру внутреннихъ дѣлъ Тьеру предать свою покровительницу полиціи за полъ-милліона. Конечно, отъ такого предложенія нельзя было отказаться, и герцогиня была схвачена. Съ ней поступали отвратительно; правительство въ этомъ дѣлѣ выказало удивительную неделикатность и ненужную грубость: когда герцогиня объявила, что она вышла замужъ и скоро должна разрѣшиться отъ бремени, то ее стали обыскивать. свидѣтельствовать, къ ней приставили шпіоновъ, составляли протоколы родовъ, назначали офиціальныхъ свидѣтелей-чиновниковъ для присутствованія при родахъ, доводили бѣдную женщину до конвульсій, въ минуту разрѣшенія отъ бремени неожиданно сдѣлали три пушечные выстрѣла, чтобы свидѣтели не опоздали въ цитадель и пр., пр. Во всѣхъ этихъ мерзостяхъ отличался болѣе всѣхъ генералъ Бюжо. Эта исторія кромѣ того показываетъ всю мелочность, сухость и грубость самого Луи-Филиппа, знавшаго обо всемъ происходившемъ въ цитадели города Бле.

III.

Въ это же время во всей Европѣ начали ходить страшные слухи о холерѣ. Французское правительство послало въ Польшу своихъ докторовъ для изслѣдованія этой болѣзни. Они съ изумительнымъ самоотверженіемъ занялись изслѣдованіемъ болѣзни. Ихъ отчетъ показывалъ, что холера не заразительна, но что она свирѣпствуетъ болѣе всего среди бѣднѣйшаго городского населенія, гнѣздящагося въ грязныхъ кварталахъ, въ сырыхъ и холодныхъ жилищахъ, кормящагося несвѣжимъ мясомъ, скернымъ хлѣбомъ, сырыми овощами. Такія сообщенія не были утѣшительны: общество не вѣрило, что болѣзнь не заразительна; бѣдняковъ же въ Парижѣ было столько, что болѣзнь могла принять громадные размѣры. 29 марта 1832 г. въ Парижѣ праздновался послѣдній день карнавала. Въ залахъ оперы тѣснились и безумно веселились многочисленныя толпы народа; было тѣсно, жарко и душно; масса поглощала мороженое, лимонадъ, шампанское... Вдругъ среди танцующаго народа упалъ одинъ танцоръ, пораженный холерой, такая же участь постигла другого. Черезъ нѣсколько минутъ въ больницы было отвезено до пятидесяти больныхъ, умершихъ черезъ нѣсколько часовъ. Бальныя залы опустѣли и масса испуганныхъ гулякъ разнесла по Парижу страшную вѣсть. Съ этого дня началось опустошеніе въ бѣдныхъ квар-

тирахъ города: рабочіе умирали безъ счета: въ иные дни число жертвъ доходило до тысячи. Частная благотворительность, число врачей, масса могильщиковъ, заготовка гробовъ были недостаточны для предупрежденія зла. Правительство почти бездѣйствовало и даже не тотчасъ призвало къ дѣлу докторовъ, изслѣдовавшихъ холеру въ Польшѣ. Бюро для подаванія помощи были устроены не предварительно, но только послѣ наступленія холеры: въ нѣкоторыхъ округахъ ихъ не было совсѣмъ. Народъ толковалъ объ отравѣ. Легитимисты указывали на правительство, какъ на отравителя. Правительство, въ лицѣ префекта, сдѣлало нелѣпость: офиціально объявило, что отравители есть и что они находятся среди его враговъ, то-есть легитимистовъ. Съ минуты этого объявленія начались тѣ сцены обыскиванія прохожихъ, которыя происходили, но не въ такихъ размѣрахъ, и въ другихъ государствахъ, гдѣ была холера въ тридцатыхъ годахъ. Люди, казавшіеся подозрительными народу, убивались безъ всякаго суда толпою. Кромѣ того, началась борьба тряпичниковъ съ полиціей, которыхъ при новомъ способѣ очищенія улицъ лишили ихъ обычной поживы; число этихъ людей доходило до 2.000, и потому крови пролилось не мало. Это страшное положеніе столицы, покинутой богачами, наполненной оставшимися безъ работы пролетаріями и умирающими бѣдняками, не успѣвавшей хоронить мертвецовъ, еще продолжалось, когда умеръ Казиміръ Перье. Буржуазія и люди, видѣвшіе въ іюльской монархіи только продолженіе реставраціи, были глубоко поражены смертью этого представителя ихъ интересовъ, вызвавшаго ненависть оппозиціи. Похороны Перье были торжественны. Прогрессисты уже давно видѣли, что правительство быстро идетъ къ реакціи, и теперь, послѣ распущенія палаты депутатовъ и смерти Перье, главы оппозиціи, рѣшились предупредить новыя опасности, порождаемыя реакціоннымъ движеніемъ. Они собрались у Лафитта и рѣшились издать «Отчетъ депутатовъ оппозиціи»,—это было воззваніе къ націи и формальное обвиненіе правительства, написанное Одилономъ Борро и Кормененомъ и подписанное 150—160 членами палаты депутатовъ. Въ отчетѣ указывалось прямо, что правительство только продолжаетъ реставрацію, тогда какъ народъ привѣтствовалъ въ іюльской монархіи окончательное утвержденіе принциповъ и правъ, провозглашенныхъ революціею 1789 года. Особенно напиралось въ отчетѣ на «выборъ лучшаго основанія для нѣ-

которыхъ налоговъ и менѣе притѣснительный способъ ихъ сбора», и говорилось, что «распредѣливши справедливѣе, налоги стали бы менѣе обременительны для рабочаго класса». Отчетъ уже произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на общество, но это впечатлѣніе должно было еще болѣе усилиться, когда оппозиція рѣшилась устроить демонстрацію на похоронахъ генерала Ламарка, какъ бы въ отплату за торжество похоронъ Казимира Перье. Ламаркъ былъ уважаемъ Наполеономъ, любимъ солдатами, являлся защитникомъ польскихъ эмигрантовъ, принадлежалъ къ числу демократическихъ ораторовъ, его смерть, по разсказамъ очевидцевъ, была замѣчательна по тѣмъ предсмертнымъ словамъ, которыя надолго остаются въ памяти. «Что въ томъ, что я умираю? была бы только жива родина!»—произнесъ онъ, умирая. Все это могло наэлектризовать народъ. 5 іюня толпы народа переполнили, сосѣднія съ домомъ Ламарка, улицы. Масса имѣла угрожающій видъ, хотя этому дню не предшествовало никакого заговора. Правительство, знавшее настроеніе народа, поспѣшило собрать къ этому времени до 24.000 регулярнаго войска, да до 30.000 въ окрестностяхъ столицы. Одно это обстоятельство было способно раздражить массу, еще не замышлявшую ничего и не имѣвшую даже оружія. Эта масса была многочисленна и выглядѣла сурово. Іюльская революція началась менѣе грозно. Процессія должна была пройти черезъ весь Парижъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили съ самаго начала драки съ полиціей, одушевленіе поддерживалось революціонными пѣснями, раздраженіе поддерживалось нелѣпыми поступками правительственныхъ лицъ, такъ герцогъ Фицъ-Джемсъ умышленно не снялъ шляпы передъ гробомъ и былъ осыпанъ камнями. На Аустерлицкомъ мосту всѣ остановились и были произнесены рѣчи. Толпа взволновалась, пронесся слухъ, что въ другихъ частяхъ столицы дерутся, что войска перешли на сторону народа и двинулись въ Тюльери подъ командой перешедшаго на сторону инсургентовъ генерала. Говорятъ, что этотъ слухъ распустили агенты полиціи, чтобы довести народъ до возстанія и потомъ надолго запугать его страшнымъ подавленіемъ мятежа. Какой-то неизвѣстный человѣкъ съ краснымъ революціоннымъ знаменемъ въѣхалъ въ толпу, но она встрѣтила его дурно, и онъ отправился къ генералу Флаго, одному изъ приближенныхъ Луи-Филиппа, и они вмѣстѣ поспѣшно ушли въ Тюльери. Опять гнусное намѣреніе возбудить народъ не удалось. Но правительство, кажется, рѣшилось до-

вести массу до мятежа: въ одной изъ улицъ безъ всякой надобности явился эскадронъ драгунъ. Направляясь къ Аустерлицкому мосту, онъ нарочно тѣснилъ спокойную толпу. Она, наконецъ, вышла изъ терпѣнія: раздалось нѣсколько выстрѣловъ,—драгуны отступили, хотя выстрѣлы были сдѣланы на воздухъ и представители народной партіи тотчасъ же возстановили спокойствіе въ массѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ драгуны объѣхали другими улицами и бросились въ атаку на спокойную толпу у Аустерлицкаго моста, далеко отъ того мѣста, гдѣ раздались первые выстрѣлы. Это было насиліе, не вызванное ничѣмъ. Терпѣніе народа лопнуло. Тогда въ нѣсколько минутъ были построены баррикады и разсѣяны драгуны. Ожесточенная насиліемъ толпа разбѣжалась съ призывными криками по городу, и къ 6 часамъ вечера народъ успѣлъ завладѣть множествомъ прочныхъ и вѣрныхъ позицій. Испуганное правительство собрало военный совѣтъ, чтобы обсудить мѣры для подавленія имъ же вызваннаго мятежа. Въ этомъ совѣтѣ ясно высказалось, что за люди служили правительству. Непопулярный, продававшійся разнымъ правительствамъ маршалъ Сультъ дѣйствовалъ очень двусмысленно и желалъ, повидимому, захватить въ свои руки власть Луи-Филиппа: онъ совѣтовалъ выступить изъ Парижа и оставить его во власти инсургентовъ. Совѣтъ разошелся, не принявъ никакого рѣшенія: всѣ приготовлялись къ бѣгству; при дворѣ былъ паническій страхъ. Ночью маршалъ Сультъ видѣлся съ предводителями республиканцевъ, оставаясь въ то же время защитникомъ короля. Но все это было какою-то ненужною игрою: инсургенты состояли преимущественно изъ молодежи, не имѣвшей никакого значенія; обдуманнаго плана у нихъ не было, и они взялись за оружіе только потому, что ихъ раздражили напоры войска; народъ, обманутый іюльской революціей, къ нимъ почти не приставалъ; большинство оппозиціонныхъ депутатовъ, однихъ изъ главныхъ виновниковъ суматохи, заботилось только о томъ, какъ бы сохранить себя отъ подозрѣнія въ соучастничествѣ съ инсургентами; маршалъ Сультъ, совѣтуя правительству бѣжать изъ Парижа, соглашаясь на тайное свиданіе съ оппозиціей, держалъ себя такъ, что ему не могла вѣрить ни та, ни другая изъ враждующихъ сторонъ. На собраніи оппозиціи рѣшились послать депутацію къ королю, чтобы заявить ему, что причиною всѣхъ волненій служитъ принятая имъ система. На улицахъ между тѣмъ шла борьба. Инсургенты дрались съ отчая-

піемъ, уступали каждый шагъ съ бою и изумляли храбростью и хладнокровіемъ; они не хотѣли идти перевязывать раны, пока не отобьютъ солдатъ; они не посылали за пищею, говоря, что не стоитъ, «такъ какъ черезъ часъ ихъ не будетъ на свѣтѣ». Въ сущности это была горсть людей, а противъ нея должно было бороться многочисленное войско. Возстаніе было подавлено, военный судъ началъ процессы, правительство дѣлало обыски, «приказывало доносить, гдѣ есть раненые». Изъ всей этой страшной исторіи, затѣянной, съ одной стороны, оппозиціей, не имѣвшей ни наличныхъ силъ, ни мужества, а съ другой — правительствомъ, желавшимъ дать незабываемый урокъ народу и струсившимъ въ рѣшительную минуту; общество не выиграло ничего, но зато депутація, посланная въ Тюльери, лично отъ самого короля узнала, что система, приписываемая оппозиціею Казимиру Перье, принадлежитъ не этому человѣку, а самому ему, королю Луи-Филиппу. Это твердо и хладнокровно повторилось нѣсколько разъ, точно король хотѣлъ сказать: «оставьте всякую надежду».

Можно себѣ представить, каково жилось рабочему народу среди всѣхъ этихъ ужасовъ застоя въ промышленности, волненій, холеры и жестокихъ уроковъ, даваемыхъ ему правительствомъ для того, «чтобъ онъ впередъ не баловался».

IV.

Естественно, что во время всѣхъ этихъ уличныхъ волненій и дракъ пропаганда соціалистическихъ и коммунистическихъ идей шла своимъ чередомъ и не ослабѣвала ни на минуту. Парижъ сдѣлался центромъ, къ которому стекались революціонеры всѣхъ странъ. Чтобы имѣть понятіе о безчисленномъ множествѣ тайныхъ обществъ и пропагандистовъ революціонныхъ идей, довольно заглянуть хоть, напримѣръ, въ книжку Люсьена де-ла-Годда [1]), этого шпіона, прикидывавшагося революціонеромъ и втершагося даже въ сотрудники къ Пьеру Леру, издававшему въ концѣ сороковыхъ годовъ Revue Sociale. Среди пропагандистовъ игралъ очень значительную роль одинъ изъ друзей Бабефа, Буонаротти. Онъ поселился въ одномъ изъ бѣдныхъ кварталовъ Парижа и имѣлъ тайную мастерскую, гдѣ собиралось значительное число его поклонниковъ и учениковъ; большею частью это

[1]) *Lucien de la Hodde.* Histoire des sociétés secrètes. Paris. 1850.

были подмастерья различныхъ національностей, съ глубокимъ уваженіемъ и любовью глядѣвшіе на учителя. Буонаротти сохранилъ во всей полнотѣ свои старыя убѣжденія и передавалъ ихъ съ истиннымъ вдохновеніемъ закаленнаго жизнью проповѣдника. При его помощи, его ученики организовались въ тайное общество «Демократическихъ карбонаровъ» и распространились не только по всей Франціи, но и по Германіи, гдѣ проповѣдывали среди рабочаго населенія общность имущества. Буонаротти съ чисто-итальянскою ловкостью опытнаго заговорщика велъ свое дѣло упорно, но осторожно, и успѣлъ ускользнуть отъ вниманія полиціи, такъ что даже шпіоны въ родѣ де-ла-Годда не придавали ему никакого значенія. Гораздо болѣе впечатлѣнія произвела на общество другая партія пропагандистовъ новыхъ идей, выступившая теперь на сцену. 30 іюля 1830 года въ стѣнахъ Парижа появился манифестъ, адресованный въ палату депутатовъ и подписанный: Базаръ-Анфантенъ. Здѣсь говорилось, что «главы сенъ-симонистской религіи опровергаютъ общность имущества и равное раздѣленіе собственности, какъ ересь, нарушающую нравственные законы и несогласную съ общественнымъ порядкомъ и ассоціаціей, гдѣ неравенство должно быть основою и неизбѣжнымъ условіемъ; но они просятъ, чтобы право наслѣдства было уничтожено, чтобы орудія производства, земли и капиталы, составляющіе въ раздробленномъ видѣ частную собственность, принадлежали ассоціаціи, употреблялись ею на дѣло и распредѣлялись пропорціонально, такъ чтобы каждый имѣлъ средства къ производству, соразмѣрныя съ его способностями, и наслажденія, соразмѣрныя съ его произведеніями»... Это объявленіе взволновало палату депутатовъ, и противъ него поднялись многіе голоса. Тогда сенъ-симонисты увидали, что общество недостаточно подготовлено для практическаго примѣненія ихъ ученія, и горячо принялись за пропаганду и разъясненіе своей доктрины, которую всѣ уже считали похороненною съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось изданіе журнала *Le Producteur*, гдѣ ученики Сенъ-Симона излагали идеи своего учителя послѣ его смерти.

Сенъ-симонисты купили для распространенія своего ученія газету *Globe* [1]), прежній органъ доктринеровъ, и горячо принялись за дѣло. Кромѣ газеты для пропаганды служили собранія въ улицѣ Таранн, а потомъ въ улицѣ Монсиньи и

[1]) *Louis Reybaud.* Etudes etc., t. I, pp. 86—143.

въ другихъ мѣстахъ,—собранія, на которыхъ Базаръ сдѣлалъ полное «Изложеніе ученія сенъ-симонистовъ». Вскорѣ общество пріобрѣло хотя не очень многочисленныхъ, но весьма замѣчательныхъ по уму, талантамъ и энергіи людей, въ числѣ которыхъ были: экономистъ Мишель Шевалье, адвокатъ Дюверье, композиторъ Фелисьенъ Давидъ, трое банкировъ изъ евреевъ: Эйхталь, Родригъ и Перейръ, самый замѣчательный членъ республиканской партіи Карно, писатель Жюль Лешевалье, философы Жанъ Рейно и Пьеръ Леру, Фурнель, Талабо и другіе. Въ «Изложеніи» было указано на печальное состояніе европейскихъ обществъ, гдѣ борьба и антагонизмъ губятъ все. Боязнь за себя, взаимное недовѣріе, ненависть, шарлатанство и хитрость царятъ во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ. Эта анархія является въ политикѣ, которая дѣлитъ насъ на приверженцевъ свободы и на поклонниковъ власти, въ наукахъ, которыя ничѣмъ не связаны между собою, въ промышленности, которая распространяетъ язву конкуренціи; въ искусствахъ, которыя лишены всякаго плодотворнаго начала и являются или безполезною забавою, или вредными распространителями ретроградныхъ и развращающихъ понятій. Для избѣжанія этихъ золъ, члены общества должны соединиться въ одной ассоціаціи, состоящей подъ управленіемъ одного выбраннаго «отца». Исповѣдуя пантеизмъ, который, по убѣжденію сенъ-симонистовъ, стоитъ настолько же выше монотеизма, насколько послѣдній выше политеизма, сенъ-симонисты рѣшились устранить католическій дуализмъ, эту борьбу духа съ плотью, ума съ матеріею, и возвратить матеріи ея права. Вмѣсто католическаго девиза: «умерщвляйте плоть и воздерживайтесь», они ставили девизъ: «освящайте себя въ трудѣ и наслажденіи», такъ какъ, по ихъ мнѣнію, этотъ истекающій изъ дуализма католическій принципъ постоянно насиловалъ человѣчество: плоть влекла направо, духъ призывалъ налѣво, и люди не знали, чему отдаться, своимъ ли инстинктамъ или своимъ идеямъ, навѣянному ли традиціями чувству или добытому здравымъ смысломъ убѣжденію. Политическимъ послѣдствіемъ этихъ идей должно было быть уничтоженіе какъ короля, такъ и папы, и возстановленіе на ихъ мѣсто «отца», управляющаго избравшею его ассоціаціею, какъ семействомъ. На первомъ планѣ должно было стоять дѣло улучшенія участи самаго многочисленнаго класса бѣдняковъ и развитіе промышленности подъ тройнымъ вліяніемъ ученыхъ, артистовъ и промышленниковъ. Такимъ

образомъ главными основами ученія явились три формулы: 1) всеобщая ассоціація, основанная на любви и уничтожающая конкуренцію; 2) каждому по его способности, каждому по его трудамъ, отсюда вытекаетъ уничтоженіе права наслѣдства; 3) организація промышленности и вслѣдствіе этой организаціи прекращеніе войны. Повидимому, подобныя доктрины могли сдѣлать полный переворотъ въ обществѣ. Оно и испугалось ихъ. Но онѣ были не страшны и въ сущности страдали, какъ справедливо замѣчаетъ Люи Бланъ, недостаткомъ логики, величія и смѣлости. Общество дѣйствительно идетъ къ замѣненію вражды, слывущей въ промышленности подъ именемъ конкуренціи, товариществомъ и ассоціаціею. Но основаніемъ этого союза служитъ не любовь, являющаяся только его результатомъ; расчетъ и выгода стоятъ здѣсь на первомъ планѣ. Любовь, по замѣчанію Прудона, такъ же, какъ и республика у Платона, инстинктъ у Мишле, сила притяженія у Фурье, великая сила государственной инціативы у Люи Блана или братство у Кабэ, не можетъ объяснить стремленій общества и еще менѣе можетъ предписывать ему законы [1]). Любовь только въ немногихъ случаяхъ, и то въ минуты экзальтаціи, беретъ верхъ надъ расчетомъ. Еще несостоятельнѣе явился второй принципъ сенъ-симонистовъ: основывая право человѣка на пользованіи житейскими благами, на его способностяхъ и на его трудахъ, они забывали, что человѣкъ имѣетъ право на эти блага уже просто, какъ человѣкъ, независимо отъ своего ума или глупости, что даже при малыхъ результатахъ его дѣятельности, онъ все-таки хочетъ ѣсть, что при полномъ осуществленіи ихъ принципа иной геній получалъ бы ненужные ему милліоны, а иной увѣчный бѣднякъ не смѣлъ бы даже и думать не только о благахъ жизни, но даже о правѣ на существованіе. Третій принципъ сенъ-симонистовъ очень вѣренъ: организація промышленности нужна и неизбѣжна. Но они, какъ и Сенъ-Симонъ, видѣли свой идеалъ для общественнаго устройства въ идеализированной ими средневѣковой католической церкви съ однимъ правителемъ во главѣ, стоящимъ выше всѣхъ правилъ, служащимъ и правиломъ, и закономъ для всего общества, — это «живой законъ», по выраженію Базара. «Живой законъ,—говоритъ онъ:—является только въ органическія эпохи, и тогда законъ—это человѣкъ, у этого закона всегда одно имя и онъ

[1]) *Proudhon.* Contradictions économiqu s.

принадлежитъ одному его творцу». Верховный «отецъ» является не только главою духовной и свѣтской власти, не только законодателемъ, но и судьею. Такія идеи можно было проповѣдывать во время экзальтированной любви къ своему учителю, но на такихъ основаніяхъ нельзя было устроить общество.

Пропаганда велась дѣятельно, «*Globe*» раздавалась даромъ, каждое воскресенье устраивались публичныя засѣданія, на которыя стекалось, кромѣ сенъ-симонистовъ, множество любопытныхъ. Члены «новой религіи» надѣвали условный костюмъ: у мужчинъ онъ былъ голубого цвѣта, у дамъ—бѣлаго съ фіолетовыми кружками. Базаръ и Анфантенъ были избраны «верховными отцами». При ихъ появленіи ученики вставали, въ залѣ водворялось молчаніе, начиналось изложеніе теоріи. Младшіе члены общества называли старшихъ отцами, мужчины называли женщинъ матерями, сестрами или дочерьми; всѣ пользовались общимъ столомъ; нѣкоторые члены посылались на проповѣдь въ провинцію. Братская жизнь развивалась вполнѣ. Это было нѣчто въ родѣ монашествующей братіи, основавшей свою общину съ условіемъ трудиться и не исключать изъ своей среды женщинъ. Взглядъ на женщинъ у сенъ-симонистовъ принадлежитъ къ числу крайне отрадныхъ явленій, хотя и ему вредитъ идеализація человѣческаго стремленія къ любви. «Христіанство,—пишетъ Базаръ:—вывело женщинъ изъ рабства; но оно все-таки присудило ихъ къ подчиненію, и вездѣ въ христіанской Европѣ мы видимъ женщинъ, лишенныхъ всякихъ духовныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ. Сенъ-симонисты являются возвѣстить ихъ окончательное освобожденіе, ихъ полную эмансипацію, не думая этимъ уничтожить святое учрежденіе брака, возвѣщенное христіанствомъ; они, напротивъ того, являются для исполненія этого закона, для полнаго освященія его, для учрежденія власти и нерушимости этого освященнаго союза. Они требуютъ, какъ и христіане, чтобы одинъ человѣкъ соединялся съ одной женщиной; но они проповѣдуютъ равноправность жены съ мужемъ...» Стремленіе сохранить, во что бы то ни стало, нерушимость брака ясно показываетъ, какъ идеализировали сенъ-симонисты человѣческія отношенія.

Но чѣмъ дальше развивалась теорія, тѣмъ болѣе вопросовъ представлялось ей для разрѣшенія, тѣмъ болѣе уяснялись эти вопросы, и по нѣкоторымъ изъ нихъ возникли

разногласія. Признавая необходимость соразмѣрнаго со способностями и трудами людей распредѣленія въ богатствѣ, сенъ-симонисты должны были придти къ заключенію, что наслѣдственный переходъ собственности отъ одного лица къ другому долженъ быть измѣненъ, что государство, превратившись въ сенъ-симонистскую ассоціацію, должно будетъ выкупить у частныхъ лицъ всю недвижимую собственность, не нарушая ничьихъ правъ и давая частнымъ лицамъ проценты съ выкупного капитала, который будетъ оставаться собственностью общества. За выдачею вознагражденія своимъ членамъ за ихъ труды, общество имѣло бы въ остаткѣ большія суммы для разныхъ общественныхъ учрежденій, могло бы вполнѣ обезпечить воспитаніе дѣтей. Но если воспитаніе дѣтей и вознагражденіе членовъ общества за трудъ обезпечены, то наслѣдство дѣлается ненужнымъ, какъ явленіе вредное, дающее средства къ праздности. Но главная связь между дѣтьми и родителями при настоящемъ устройствѣ семьи — наслѣдство; если дѣти обезпечены государствомъ, если они ничего не получаютъ отъ родителей, то прочность брачнаго союза ослабляется сама собою. Этотъ-то вопросъ о брачныхъ отношеніяхъ и разъединилъ двухъ главныхъ членовъ сенъ-симонизма Базара и Анфантена. Базаръ, менѣе восторженный, чѣмъ Анфантенъ, счастливый въ семейной жизни, не могъ согласиться съ мыслью, что старыя семейныя отношенія не могутъ ужиться съ теоріей. Но Анфантенъ не только защищалъ необходимость права на разводъ, но находилъ, что вліяніе правителей сенъ-симонистскаго братства должно простираться и на отношенія супруговъ. Подъ этимъ вліяніемъ Анфантенъ подразумѣвалъ чистыя, цивилизующія и безкорыстныя отношенія правителей къ женщинамъ и правительницъ къ мужчинамъ. Идеализація отношеній средневѣковыхъ рыцарей и дамъ, католическихъ исповѣдниковъ и ихъ духовныхъ дочерей, играла очень важную роль при возникновеніи этихъ идей. Базаръ понималъ невозможность подобныхъ платоническихъ отношеній—и зналъ, что они непремѣнно перейдутъ въ матеріальную связь. Верховный совѣтъ сенъ-симонистскаго «семейства» по цѣлымъ днямъ занимался разрѣшеніемъ этого спорнаго вопроса; споры доходили до того, что съ Олиндомъ Родригомъ чуть не сдѣлался однажды ударъ, когда Рейно отвѣтилъ ему «не думаю» на вопросъ, думаетъ ли Рейно, что онъ, Родригъ, говоритъ по вдохновенію. Базаръ, пораженный неотразимою діалектикою Анфантена, тоже упалъ

однажды замертво и, несмотря на всѣ усилія докторовъ, прожилъ послѣ этого потрясенія весьма не долго. Пустое кресло Базара должна была занять женщина, такъ какъ безъ женщины, по мнѣнію Анфантена, «нельзя было разрѣшить окончательно спорныхъ вопросовъ и отступать безъ ся опоры отъ обыкновенныхъ нравственныхъ обычаевъ общества». Бурныя засѣданія продолжались, нѣкоторые члены упрекали Анфантена въ стремленіи къ разврату, нѣкоторые уже совсѣмъ отстали отъ общества, какъ, напримѣръ, Бюше. Небольшой кружокъ, составившійся около «верховнаго отца», дошелъ до крайней степени экзальтаціи, которая, повидимому, не могла продолжаться долго. Анфантенъ, котораго, можетъ-быть, не безъ основанія подозрѣвали въ шарлатанствѣ, рѣшился воспользоваться энтузіазмомъ пламенныхъ приверженцевъ новаго ученія, чтобы, по крайней мѣрѣ, пасть со славою. Онъ имѣлъ на краю Парижа въ Менильмонтанскомъ предмѣстьѣ домъ съ садомъ и задумалъ перенести туда свою общину, чтобы показать первый міру примѣръ братской жизни, основанной на сочетаніи физическаго и умственнаго труда.

20 іюля 1832 года, въ страстную пятницу было объявлено о прекращеніи «*Globe*» по неимѣнію денежныхъ средствъ и въ то же время было рѣшено переселеніе въ новый домъ. «Милыя дѣти,—говорилъ Анфантенъ:—нынѣшній день празднуется, какъ великій день въ теченіе восьмнадцати вѣковъ; въ этотъ день умеръ Божественный Освободитель рабовъ. Въ память святой годовщины да начнется наше отшельничество и да исчезнетъ изъ среды насъ послѣдній слѣдъ рабства—домашняя прислуга». Съ Анфантеномъ переѣхало сорокъ учениковъ. Они стали исполнять всѣ обязанности домашней прислуги, работали надъ поправкою дома, въ саду, въ огородѣ. Чтобы оправдаться отъ взведеннаго на нихъ обвиненія въ нечистыхъ стремленіяхъ къ разврату, они дали слово не прикасаться къ женщинамъ во время своего отшельничества. Весь складъ ихъ жизни былъ таковъ, что не могъ бы просуществовать долго: полнѣйшее повиновеніе волѣ «отца», лишеніе себя многихъ жизненныхъ благъ, постоянныя чтенія жизнеописаній святыхъ, застегиванье, въ знакъ крайняго смиренія, другъ другу жилета и тому подобныя услуги при одѣваньи, все это было или скучно, или дѣтски наивно для того, чтобы существовать долго. Кромѣ того, молодые энтузіасты, честно стремившіеся къ освобожденію рабовъ и женщинъ, не могли

удовлетвориться жизнью монашествующей братіи. Въ ихъ жизни долженъ былъ наступить скорый переворотъ. Но министры Луи-Филиппа, почти не замѣтившіе основанія менильмонтанскаго семейства, такъ какъ это основаніе совпало съ днемъ похоронъ Ламарка, теперь считали своимъ долгомъ подвергнуть сенъ-симонистовъ судебному преслѣдованію. Менильмонтанскій домъ былъ обысканъ, юридическое обвиненіе составлено, пять главныхъ членовъ братства призваны къ суду. Общество, до сихъ поръ обращавшее мало вниманія на сенъ-симонистовъ, невольно заинтересовалось и ими, и ихъ ученіемъ. Оживленныя и энергическія защитительныя рѣчи подсудимыхъ не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на слушателей. Въ сущности, подсудимыми и обвиненными явились не сенъ-симонисты, чистые въ своихъ стремленіяхъ, виновные только въ крайне экзальтированной преданности дѣлу, а зрители и судьи, услышавшіе потрясающія описанія своей собственной жизни. Волей-неволей, имъ пришлось выслушать суровую и безпощадную проповѣдь. Особенно смущалъ ихъ Анфантенъ своимъ безмятежнымъ спокойствіемъ, своими проницательными глазами и медленнымъ произношеніемъ рѣчи. Онъ, кажется, хотѣлъ врѣзать въ память слушателей каждое свое слово, хотѣлъ заставить ихъ задуматься надъ каждымъ изъ этихъ словъ. Президентъ не выдержалъ этого взгляда и хотѣлъ смутить Анфантена.

— Вы часто останавливаетесь,—сказалъ онъ:—вы, вѣроятно, не совсѣмъ приготовились; вамъ нужно обдумать рѣчь.

— Мнѣ нужно видѣть, какіе люди меня окружаютъ, мнѣ нужно, чтобы они видѣли меня. Я желаю, чтобы генералъ-адвокатъ понялъ могущество нашего тѣла, формы чувствъ и для того даю ему испытать могущество взгляда.

— Намъ не время ждать результатовъ вашихъ размышленій,—замѣтилъ раздраженный президентъ.

Тогда Анфантенъ обернулся къ ученикамъ:

— Вотъ еще новое доказательство ихъ несостоятельности. Они отрицаютъ нравственное могущество чувствъ и не понимаютъ, что я однимъ своимъ взглядомъ могу лишить ихъ спокойствія, приличнаго ихъ званію.

Судъ кончился осужденіемъ обвиненныхъ: трое изъ подсудимыхъ были приговорены къ годичному заключенію въ тюрьму, двое должны были внести по 50 франковъ штрафу. Въ сущности, ихъ было не за что судить, и судьи не могли не смутиться, когда Мишель Шевалье напомнилъ имъ слова

Робеспьера: «Конвентъ не позволитъ преслѣдовать мирныхъ служителей различныхъ религій» и прибавилъ: «Вы знаете, господа, что мы мирные люди, и *мы ждемъ отъ васъ терпимости Робеспьера*».

Въ это время, когда правительство и общество обвиняли сенъ-симонистовъ за составленіе ими опаснаго общества, въ Парижѣ нашелся одинъ человѣкъ, болѣе страстный, болѣе смѣлый, болѣе геніальный, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ, и обвинявшій ихъ въ ребячествѣ и шарлатанствѣ. Это былъ Фурье, все еще томившійся въ нищетѣ и имѣвшій попрежнему только одного ученика, преданнаго ему Мюирона. Дѣйствительно, если бы мы не знали, насколько экзальтированы были эти люди, то и намъ пришлось бы назвать ихъ шарлатанами. Проповѣдуя великія идеи учителя объ освобожденіи рабочихъ отъ нищеты и женщинъ отъ зависимости, что сдѣлали они на самомъ дѣлѣ? Они составили общину, куда не вошелъ ни одинъ рабочій, они копали отъ нечего дѣлать землю, чистили сапоги, готовили купанье, совершали, однимъ словомъ, трудъ, на который способенъ каждый неучъ и глупецъ, тогда какъ ихъ способности могли бы употребиться съ большею пользою на болѣе серьезное дѣло; они дали обѣтъ не прикасаться къ женщинамъ, и такимъ образомъ, прямо показывали, что ихъ община не можетъ ни развиться, ни послужить прототипомъ будущихъ подобныхъ общинъ; они оставались въ сущности тѣми аристократами, которые для собственной потѣхи столярничаютъ и плотничаютъ въ своихъ рабочихъ «кабинетахъ». Стоило пройти нѣсколькимъ мѣсяцамъ, чтобы вся эта пустая игра въ сладенькую идиллію кончилась разъ и навсегда, чтобы вчерашніе землекопы превратились сегодня въ банкировъ и сенаторовъ, что и сдѣлалось послѣ. Мѣщанинъ, сынъ народа, Фурье, рѣзкій, какъ и его соотечественникъ Прудонъ, не могъ не назвать эту игру въ мужичковъ «плутнею и шарлатанствомъ». «Если бы у меня была тысяча франковъ, насмѣшливо замѣчаетъ онъ:—то и я могъ бы создать общество такъ же хорошо устроенное, какъ общество сенъ-симонистовъ». Дѣйствительно, подобныя шутовскія коммуны не требуютъ большихъ средствъ и расчетовъ. Онъ понималъ, что ему нужны большія суммы для осуществленія чего-нибудь прочнаго и дѣльнаго. Въ 1832 г. у него явилось нѣсколько учениковъ, въ числѣ ихъ были Викторъ Консидеранъ и г-жа Вигуре; ими былъ основанъ еженедѣльный журналъ «Фаланстеръ» или «Промышленная ре-

форма». Въ это же время явился одинъ капиталистъ, Боде-Дюлари, ставшій во главѣ акціонеровъ для устройства фаланстера. Вскорѣ начаты были и постройки фалансгера, но недостатокъ денегъ помѣшалъ окончить зданіе. Эта неудача отравила послѣдніе дни жизни несчастнаго Фурье, хотя она и не могла подорвать глубокихъ убѣжденій твердаго старика. Онъ умеръ 10 октября 1837 года, проживъ въ нищетѣ, работая дни и ночи и оставивъ кромѣ восьми томовъ большихъ произведеній множество брошюръ и мелкихъ статей. Его дѣло не погибло съ его смертью; Викторъ Консидеранъ, стоя во главѣ его учениковъ, продолжалъ пропагандировать идеи учителя и не разъ пробовалъ осуществить эти идеи на практикѣ. Попытки не удавались по недостатку средствъ. Но идея ассоціаціи, составленной для достиженія возможно большихъ выгодъ и наслажденій, для приложенія своихъ силъ къ гармонирующимъ съ нашими склонностями работамъ, — ассоціаціи, дающей полную свободу жить въ семьѣ или безъ семьи, работать какъ угодно и сколько угодно, — ассоціаціи, не уничтожающей значенія собственности, не платящей тысячъ за какія-нибудь рулады — пѣвицѣ, за какихъ-нибудь вакханокъ — живописцу, за какіе-нибудь стишки — поэту, но щедро вознаграждающій трудъ каменоломщика или землекопа, ассоціаціи, представляющей въ своей средѣ и школу для дѣтей, и балы, и театры для молодежи, и скромныя собранія, и библіотеки для стариковъ; — эта идея осталась навсегда, и сколько бы ни было ошибокъ въ теоріи Фурье, какъ бы ни бранили его за безумныя крайности и за нелѣпые выводы, но все-таки каждая возникающая рабочая артель или община является какъ бы слабымъ зародышемъ его фаланстера. Но рабочимъ было еще далеко до серьезнаго устройства ассоціаціи. Буржуазія была въ полной силѣ и продолжала заботиться только о себѣ.

V.

Въ царствованіе Луи-Филиппа власть была, какъ мы уже сказали, въ рукахъ буржуазіи, и не только одни богачи, но и не слишкомъ богатые собственники и промышленники пользовались теперь избирательнымъ правомъ, такъ какъ избирательный цензъ былъ понизкенъ до 200 франковъ. Буржуазіи не было никакой нужды особенно сильно заботиться о рабочемъ сословіи, и потому она, назвавъ ложными и вредными всѣ соціальныя и коммунистическія теоріи, почти не тронула существовавшихъ во Франціи со вре-

менѣ имперіи и реставраціи законовъ. Полиція съ ея стѣснительными правилами осталась та же, хотя она и старалась какъ можно мягче подтверждать свои постановленія и не просто приказывала рабочимъ держать «записную книжку», чтобы шпіонить за ними, а говорила, что работникъ долженъ «для своего удобства» визировать эту книжку у комиссаровъ [1]). Въ камерахъ коммерческой и совѣщательной для искусствъ и мануфактуръ были сдѣланы улучшенія, но эти улучшенія ничего не давали рабочему классу, а только придали силы буржуазіи и дали ей возможность вести успѣшную борьбу противъ непріятныхъ для нея нововведеній. Таможенные законы и тарифы существовали въ томъ же видѣ, какъ и во времена реставраціи; графъ Дюшатель, сдѣлавшись въ 1834 г. министромъ торговли, попробовалъ предложить таможенную реформу, но, встрѣченная въ портовыхъ городахъ съ восторгомъ, она вызвала угрозы крупныхъ промышленниковъ, говорившихъ министру: «Главное, вспомните, что пониженіе заработной платы уже два раза возмущало Ліонъ». Передъ этой угрозой правительству приходилось отказаться отъ своихъ желаній, такъ какъ въ рукахъ мануфактуристовъ была возможность понизить, когда имъ угодно, заработную плату. Послѣ многихъ попытокъ правительства осуществить свои идеи, оно должно было въ 1845 году окончательно уступить приверженцамъ запретительной системы. Тогда начали движеніе частныя лица, поклонники англійской лиги, которая подъ предводительствомъ Ричарда Кобдена успѣла побѣдить приверженцевъ хлѣбныхъ законовъ и запретительныхъ тарифовъ. Во главѣ приверженцевъ свободнаго обмѣна стоялъ Фредерикъ Бастіа. Уже въ 1846 году въ Бордо составилась «ассоціація для достиженія свободы обмѣна». Это общество рѣшилось достигнуть всѣми законными средствами реформы таможеннаго тарифа и собрало по подпискѣ въ первыя же засѣданія 52.000 франковъ. Въ Парижѣ, Марселѣ, Ліонѣ, Гаврѣ и Реймсѣ послѣдовали этому примѣру. Эти ассоціаціи старались пропагандировать свои принципы. Ихъ засѣданія пользовались успѣхомъ; министръ смотрѣлъ не безъ удовольствія на эту агитацію и говорилъ: «Будьте тверды и мы будемъ покровительствовать вамъ». Приверженцы свободнаго обмѣна вошли въ сношенія и съ иностранными послѣдователями ихъ экономическихъ принциповъ. Ричардъ Кобденъ посѣтилъ Парижъ;

---

[1]) *Levasseur.* Hist. etc., t. II, pp. 50 - 196.

въ 1847 году въ Брюсселѣ былъ назначенъ конгрессъ экономистовъ—этотъ первый примѣръ международнаго ученаго собранія. Но протекціонисты составили лигу противъ лиги, организовали «комитетъ для защиты національнаго труда», основали «*Промышленную газету*» — «*Moniteur industriel*» и забили тревогу: съ одной стороны они обвиняли правительство въ стремленіи къ возмущенію, съ другой—увѣряли фабричныхъ, что «вредные люди работаютъ въ пользу Англіи, чтобы погубить Францію, хотятъ накормить англичанъ и уморить голодной смертью французовъ»; наконецъ, въ одномъ адресѣ они прямо говорили правительству: «не ускоряйте угрожающаго вамъ кризиса своимъ молчаніемъ, которое не вызвано никакими серьезными причинами; не поддерживайте того недоумѣнія, которое охватываетъ всѣ умы и подрываетъ всякое довѣріе; не добивайтесь того, чтобы ваши враги были вооружены тѣми людьми, которые всегда хотѣли содѣйствовать вамъ въ дѣлѣ процвѣтанія страны...» Такія угрожающія фразы могли дѣйствительно написать только тѣ люди, про которыхъ сказалъ одинъ изъ ихъ защитниковъ: «Ни одно общество не можетъ существовать безъ аристократіи, она нужна каждому правительству. Хотите ли вы знать аристократію іюльскаго правительства? Это—крупные промышленники и крупные мануфактуристы, они—феодалы новой династіи». Противъ подобной силы поклонники свободнаго обмѣна, вѣроятно, сдѣлали бы очень немного, но событія 1848 года помѣшали начаться рѣшительной битвѣ.

Въ это же царствованіе началось во Франціи желѣзнодорожное дѣло. Оно встрѣтило ярыхъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и экономистъ Бланки, смотрѣвшій на небольшія линіи желѣзныхъ дорогъ, какъ на разорительныя предпріятія, и считавшій большія линіи, за исключеніемъ двухъ-трехъ, сквернымъ для настоящей минуты спекуляціями. Первыя постройки обошлись частнымъ предпринимателямъ такъ дорого, что запугали капиталистовъ. Правительство рѣшилось взять постройку на себя, но получило отпоръ въ палатѣ депутатовъ; иногда споры шли просто о томъ, по правому или по лѣвому берегу рѣки проводить дорогу, и ради этого спора проектъ дороги отвергался совсѣмъ. Съ 1837 по 1842 г. борьба шла очень неудачно, иногда давались особенныя концессіи разнымъ компаніямъ, изъ которыхъ многія не могли выполнить и одной десятой части своихъ условій. Въ 1842 году 11 іюня дѣло было рѣшено окончательно: Парижъ былъ сдѣланъ центромъ, куда

должны были идти желѣзные пути отъ границъ. Такъ какъ палаты отвергали постройки дорогъ правительствомъ, такъ какъ частные предприниматели не исполняли своихъ условій, то была принята смѣшанная система построекъ. Правительство обязывалось купить землю, сдѣлать насыпи, возвести станціи, съ тѣмъ, чтобы департаменты и общины уплатили ему двѣ трети стоимости земель; съ другой стороны компаніи обязывались усыпать пескомъ насыпи и обложить камнемъ дороги, положить рельсы, доставить вагоны, локомотивы и тому подобное и, наконецъ, содержать дороги въ теченіе извѣстнаго срока, послѣ чего правительство вступитъ во владѣніе своею собственностью, заплативъ компаніямъ за желѣзную дорогу, локомотивы, вагоны и прочее ту цѣну, какая будетъ опредѣлена экспертами. Послѣ многихъ споровъ, дѣло было начато съ успѣхомъ, и тысячи рабочихъ рукъ получили возможность кое-какъ заработать насущный хлѣбъ.

Изъ законовъ этого времени, касавшихся собственно рабочихъ, стоитъ упомянуть законы о выдачѣ ремесленныхъ свидѣтельствъ, о совѣтахъ присяжныхъ и о работахъ дѣтей на фабрикахъ. Правительство, послѣ многихъ споровъ въ палатахъ, гдѣ нѣкоторые депутаты возставали вообще противъ необходимости выдачи ремесленникамъ свидѣтельства, разрѣшило не брать свидѣтельства тѣмъ изъ рабочихъ, которые занимались ремесломъ только при помощи своихъ женъ и дѣтей и не имѣли ни учениковъ, ни подмастерьевъ. Вслѣдствіе этой реформы 150.000 бѣдныхъ ремесленниковъ были освобождены отъ платы за свидѣтельства. Мировые ремесленные судьи или совѣты присяжныхъ, существовавшіе и приносившіе пользу въ провинціи, еще не были введены въ Парижѣ, такъ какъ правительство боялось за общественную безопасность при введеніи этого свободнаго учрежденія. Въ 1844 году къ правительству обратились съ просьбами фабриканты и рабочіе, желавшіе суда присяжныхъ. Въ это же время газета «*Atelier*» посовѣтовала кстати просмотрѣть и старые законы о присяжныхъ и дать имъ болѣе широкое основаніе, ввести въ число присяжныхъ собственно рабочій классъ, а не однихъ фабрикантовъ, какъ это было до сихъ поръ. Но совѣтъ газеты не былъ принятъ во вниманіе, и въ Парижѣ ввелись суды присяжныхъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ они существовали въ провинціи. Конечно, общественное спокойствіе, противъ всѣхъ ожиданій правительства и особенно полиціи, не только не было нарушено,

но даже поддерживалось болѣе прежняго. Еще сильнѣйшіе споры поднялись по поводу закона о дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ. Эти несчастныя созданія представляли, дѣйствительно, мрачное явленіе: съ пяти и шести лѣтъ начинали они работать по четырнадцати и пятнадцати часовъ въ день; страшно было ихъ положеніе особенно на бумажно-прядильныхъ фабрикахъ, гдѣ они нерѣдко замертво падали надъ станками. Общество давно видѣло это зло, знало, что тутъ убиваются и физическія, и нравственныя силы цѣлыхъ поколѣній людей, но пособить дѣлу не могло никакими запрещающими работу дѣтей законами, никакими нравоучительными проповѣдями и филантропическими грошами. Министръ торговли поручилъ Виллерме осмотрѣть фабрики и дать отчетъ о состояніи фабричнаго народа. Страшная картина, нарисованная докладчикомъ, подала поводъ къ нѣсколькимъ проектамъ относительно дѣтей рабочихъ. Нѣсколько голосовъ поднялось противъ всякаго вмѣшательства въ дѣла фабрикантовъ, такъ какъ они свободные граждане; нѣкоторые пэры видѣли въ заботахъ министра о дѣтяхъ рабочихъ слѣды сенъ-симонизма и фаланстеризма. Съ другой стороны, начались толки о правахъ государства вмѣшиваться не только въ злоупотребленія фабрикантовъ, но даже въ злоупотребленія отцовъ семействъ. Рѣшено было ограничить число часовъ и опредѣлить возрасть, ранѣе котораго нельзя брать на фабрику дѣтей. Тогда мануфактуристы обратились къ правительству съ вопросами: «Не думаетъ ли оно такъ же идти въ родительскіе дома этихъ дѣтей и взглянуть, есть ли у нихъ тамъ ѣда?.. И если государство не можетъ гарантировать рабочимъ положительнымъ образомъ результатовъ труда, не можетъ даже обезпечить рабочимъ этотъ трудъ, то по какому праву станетъ оно регламентировать этотъ трудъ?» На эти смѣлые упреки правительство могло отвѣтить тоже только упрекомъ: «Очень странно,—говорило оно:—что тѣ самые люди, которые просили у правительства защиты противъ крайнихъ теорій свободы, теперь хотятъ отнять у правительства право вмѣшательства въ національные интересы». Дѣйствительно, при существовавшемъ порядкѣ дѣлъ и промышленники, и правительство постоянно должны были поступать противъ своихъ собственныхъ принциповъ и то отрицать правительственное вмѣшательство, то требовать его. И о чемъ они хлопотали теперь? объ опредѣленіи рабочихъ часовъ и возраста дѣтей для работъ на фабрикахъ? Но развѣ голодъ отъ этого долженъ былъ умень-

шиться? развѣ на восьмомъ году человѣку не такъ же вредно работать на фабрикѣ, какъ на шестомъ году жизни? Развѣ всѣ эти мѣры ведутъ къ чему-нибудь положительно полезному для общества? Густавъ де-Бомонъ совершенно вѣрно замѣтилъ законодателямъ: «Теперь вы хлопочете только о малолѣтнихъ дѣтяхъ, но будьте увѣрены, что пройдетъ не много времени безъ того, что вамъ предложатъ регламентировать и трудъ юношей».—«Это правда!»—воскликнули въ отвѣтъ ему. «Хорошо ли это? худо ли?—я не разбираю этого; я склоненъ думать, что это хорошо. Но это очень серьезный вопросъ, господа; въ этомъ я могу васъ увѣрить». Точно, это былъ серьезный вопросъ,—вопросъ о злоупотребленіяхъ, объ эксплоатаціи рабочихъ на фабрикахъ,—вопросъ, подготовлявшій революцію. Законы, изданные послѣ этихъ преній, вышли очень нерѣшительные и безполезные: они предписывали посылать дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста, кромѣ фабрики, въ школу; ранѣе восьмилѣтняго возраста не дозволяли употреблять ихъ на фабричный трудъ; до тринадцатилѣтняго возраста ихъ не могли заставлять исполнять ночныя работы; за всѣмъ этимъ должны были смотрѣть инспекторы; фабриканты за нарушеніе законовъ обязаны были платить штрафы. Администраціи, кромѣ того, было предоставлено право расширять эти законы, постановлять minimum возраста для рабочихъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ промышленности. Но кто могъ поручиться, что, проработавъ восемь часовъ на одной фабрикѣ, ребенокъ не будетъ принужденъ работать еще на другой? что онъ не будетъ бродяжничать по окончаніи фабричнаго труда, такъ какъ дома у него нѣтъ ни отца, ни матери, еще не возвратившихся съ фабрики? И сколько нужно было устроить школъ для 70.000 дѣтей фабричныхъ, къ которымъ можно было примѣнить новые законы? Этихъ школъ, несмотря на поощренія префектовъ, учреждалось мало и ихъ существованіе было просто исключительнымъ благомъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Но вопросъ о народномъ образованіи занималъ правительство съ самаго начала іюльской монархіи, потому намъ нужно взглянуть, что было сдѣлано на этомъ пути.

Въ 1831 году Кузенъ и Сенъ-Маркъ Жирарденъ были посланы за границу для изученія дѣла народнаго образованія. Министръ Бартъ внесъ довольно либеральный проектъ народныхъ школъ, гдѣ предлагалъ дать право каждому частному совершеннолѣтнему лицу, имѣющему свидѣтельство о порядочномъ поведеніи, открывать школу при матеріальной

помощи общинъ, департаментовъ и даже государства. Но проектъ былъ сразу отвергнутъ, такъ какъ въ немъ не давалось никакого мѣста духовенству. Такая же участь постигла другой проектъ, предлагавшій полную свободу образованія. Болѣе успѣха имѣлъ проектъ, представленный новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, Гизо. Съ незначительными измѣненіями онъ былъ принятъ 28-го іюня 1833 года и получилъ законную силу. По этому закону «первоначальное народное образованіе дѣлилось на элементарное и высшее». Элементарное заключало въ себѣ обученіе чтенію, письму, началамъ французской грамматики, счисленію и объясненію законной системы мѣры и вѣса. Высшее заключало въ себѣ, кромѣ этихъ предметовъ, основанія геометріи, линейнаго рисованія и межеванія; понятія о физическихъ наукахъ и естественной исторіи, насколько это знаніе необходимо для вседневной жизни; пѣніе, начала географіи и исторіи и въ особенности исторіи и географіи Франціи. Кромѣ того, первоначальное образованіе должно было быть нравственнымъ и религіознымъ. Смотря по потребностямъ и средствамъ мѣстностей, первоначальное образованіе могло расширяться. На вопросъ: должно ли быть первоначальное образованіе произвольнымъ или обязательнымъ? Гизо отвѣтилъ, что «онъ мало придаетъ значенія правиламъ монастырей и казармъ»,— и этимъ разрѣшилъ въ пользу произвольнаго образованія. Но для государства, по его словамъ, должно быть обязательнымъ, чтобы образованіе было доступно всѣмъ. Вслѣдствіе этого каждая община, одна или въ соединеніи съ сосѣдними, должна имѣть элементарную народную школу; всѣ главные города департамента и всѣ общины съ 6.000 жителей обязаны имѣть, кромѣ того, по одной высшей народной школѣ; каждый департаментъ долженъ содержать по одной нормальной первоначальной школѣ для образованія учителей. Всѣ эти обязательства было гораздо легче написать, чѣмъ исполнить. Хотя жалованіе учителямъ назначалось только по 200 франковъ (50 руб.) въ годъ, хотя квартиры и дома подъ школы требовались не роскошные, но все же муниципальные совѣты многихъ общинъ не легко рѣшались на эти расходы. Потому они обязывались, если не могли устроить школъ изъ своихъ средствъ, сдѣлать это изъ добавочнаго налога въ 3 сантима. Если же и этотъ налогъ не дастъ средствъ для устройства школы, что могло случиться въ мелкихъ и бѣдныхъ деревняхъ, то доставить

добавочныя суммы обязывался департаментъ, который могъ на этотъ конецъ собрать добавочную подать въ 2 сантима. Если же и это не могло помочь, то государство брало на себя обязанность дополнить требуемую сумму изъ своихъ общихъ средствъ. Учитель кромѣ жалованья пользовался положенными закономъ взносами за дѣтей; отъ платы за дѣтей избавлялись только тѣ родители, которые имѣли отъ муниципальныхъ совѣтовъ удостовѣреніе въ нищетѣ. Министромъ были учреждены въ департаментахъ комиссіи для выдачи свидѣтельства въ способности къ преподаванію; мѣстные и окружные комитеты учредились для наблюденія за школами и для переписки съ министромъ; инспектора, а потомъ и субъ-инспектора, получили приказаніе осматривать школы. Въ одинъ годъ было открыто 2.275 первоначальныхъ школъ съ 154.000 учениковъ, 15 нормальныхъ и кромѣ того построилось и починилось до 1.272 училищныхъ домовъ. Въ 1840 г. число мужскихъ школъ возросло до 39.460, а въ 1848—ихъ уже было 43,614 школъ съ 2.176.000 учениковъ. Это была очень крупная цифра, такъ какъ во всей Франціи было только около 3.200.000 мальчиковъ отъ 5 — 15 лѣтъ. Если даже эти цифры и преувеличены, то все-таки въ нихъ была доля правды, и можно сказать, что народное образованіе сдѣлало нѣкоторые успѣхи во времена іюльской монархіи. По словамъ Сальванди, составлявшаго отчетъ, правительство временъ реставраціи издержало на первоначальное народное образованіе въ теченіе 16 лѣтъ только 742.000 франковъ, тогда какъ правительство Луи-филиппа въ теченіе 17 лѣтъ истратило на тотъ же предметъ 37.500.000 франковъ. Но сколько бы ни говорили докладчики объ успѣхахъ этого дѣла, а все-таки въ 1846 г. между рекрутами приходилось 40 человѣкъ безграмотныхъ на 100. Это было очень ясное доказательство, что дѣло народнаго образованія требуетъ еще очень многихъ усилій. Кромѣ того, въ законѣ Гизо есть одна неисправимая и постыдная ошибка: онъ совсѣмъ забылъ о женщинахъ. Такъ что даже по пристрастному отчету 1848 г. число учащихся дѣвочекъ на всю Францію равнялось 1.354.056.

Школъ для фабричныхъ рабочихъ было гораздо меньше. Нѣкоторыя изъ нихъ были основаны общинами, но бо́льшую часть изъ нихъ устроили частныя ассоціаціи. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ школъ этого рода была школа, основанная «Обществомъ Политехниковъ», тотчасъ послѣ іюльской революціи. Она считала уже въ 1837 году до 1.500

слушателей, собиравшихся на лекціи по вечерамъ и имѣвшихъ подъ рукою безплатную библіотеку. Нѣсколько другихъ частныхъ благотворительныхъ обществъ тоже устроили школы для фабричныхъ, но все это имѣло въ общей сложности очень мало значенія. Ремесленныхъ школъ тоже было не много, и какъ были онѣ незначительны, видно изъ того, что даже въ ліонской ремесленной школѣ было только около 250 учениковъ, тогда какъ въ парижской было только 70 учениковъ въ 1831 году и 300 учениковъ въ 1848 году. Такимъ образомъ, дѣти работниковъ имѣли подъ руками еще менѣе, чѣмъ поселяне, средствъ къ образованію, которому кромѣ недостатка школъ мѣшала и фабричная работа: утомленному восьмичасовой работой ребенку не могло идти на умъ ученье.

VI.

Несмотря на нежеланіе буржуазіи измѣнить систему тарифовъ, несмотря на медленное улучшеніе путей сообщенія и не всегда удачную постройку желѣзныхъ дорогъ, промышленность, все-таки, развивалась очень замѣтно и была въ состояніи выдержать три кризиса въ 1830, въ 1837 и въ 1846 годахъ, принимая еще болѣе широкіе размѣры послѣ каждаго изъ этихъ кризисовъ. Успѣхи были очень велики, и чтобы дать о нихъ понятіе, мы можемъ, не входя въ излишнія подробности, представить нѣкоторыя сравнительныя цифры. Въ 1831 году по внѣшней торговлѣ вывозилось товаровъ на 1.131 милліонъ, въ 1847 году цѣнность вывозныхъ товаровъ равнялась 2.613 милліонамъ. На судахъ отправлялось въ 1837 году 1.782.000 тоннъ грузу, а въ 1847 году отправлялось 2.627.000 тоннъ. Каналы приносили въ 1832 году 3.734.000 франковъ доходу, а въ 1846 г., несмотря на пониженные тарифы, доходы здѣсь дошли до 9.144.000 фр. 30 милліоновъ килограммовъ хлопчатой бумаги удовлетворяли потребностямъ общества въ концѣ царствованія Карла X, а въ 1846 году спросъ былъ на 64 милліона. Число жителей Парижа возвысилось съ 774.000 до милліона; хозяевъ и мастеровъ въ немъ было до 64.000, а простыхъ работниковъ, мужчинъ и женщинъ, до 342.000. Куда бы мы ни заглянули, вездѣ въ промышленномъ и торговомъ мірѣ была кипучая дѣятельность и замѣчалось изумительное развитіе. Но среди этого прогресса ярко выдавалось одно своеобразное явленіе: промышленность болѣе всего производила «дрянныхъ говаровъ» — *pacotille*. Осо-

бенно много подобныхъ товаровъ производилось для отправки за границу, такъ что выраженіе «работать для вывоза» равнялось выраженію «работать кое-какъ». Это явленіе было, съ одной стороны, слѣдствіемъ все болѣе и болѣе развивавшагося стремленія къ спекуляціямъ, къ барышничеству, къ надувательству; съ другой стороны—не безъ вліянія была здѣсь и наклонность буржуазіи блестѣть дешевою, мишурною роскошью. Хорошіе и прочные товары почти перестали находить покупателей, тогда какъ разныя худенькія матеріи, поддѣлки подъ настоящую бронзу, подъ настоящія кружева, подъ настоящее золото, серебро и драгоцѣнные камни, все это шло въ ходъ, и разбогатѣвшіе мѣщане и мѣщанки имѣли возможность, не дѣлая большихъ тратъ, красоваться въ этой мишурѣ. При такомъ стремленіи общества покупать хоть дрянь, но дешево, должна была упасть, во-первыхъ, добросовѣстность въ исполненіи работы, а во-вторыхъ, должна была понизиться и заработная плата. И то, и другое отзывалось очень невыгодно на рабочихъ. Еще тяжелѣе дѣйствовала на нихъ все сильнѣе развивавшаяся конкуренція. Участь рабочихъ на фабрикахъ была не веселая.

Заработная плата на фабрикахъ, гдѣ были введены машины, понизилась очень сильно. То же самое было на фабрикахъ, гдѣ занимались производствомъ новыхъ, недавно введенныхъ въ употребленіе произведеній; сначала тутъ плата рабочимъ была очень велика, такъ какъ работниковъ, способныхъ къ производству еще мало знакомой работы, было мало; но чѣмъ болѣе привыкали они къ новому роду труда, тѣмъ болѣе понижались ихъ заработки. Такъ, на тюлевыхъ фабрикахъ работники получали въ 1823 году до 15 и даже до 20 франковъ, а въ 1840 г. ихъ заработки понизились до 3 и даже до $1^1/_2$ франка. Иногда мануфактуры устраивались въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ-нибудь въ горахъ, и населеніе, не имѣющее никакого другого занятія, соглашалось работать на фабрикахъ за ничтожную цѣну. То же явленіе подмѣчалось и тамъ, гдѣ все населеніе привыкло къ извѣстному фабричному производству и предлагало излишнее число рабочихъ рукъ. Фабрикантъ пользовался всѣми случаями въ свою пользу. Но еще страшнѣе дѣйствовали на размѣръ платы неожиданные кризисы.

Но даже если въ иныхъ мѣстахъ и въ иныхъ производствахъ заработокъ увеличивался, то все-таки *относительно* онъ былъ меньше, чѣмъ въ прежнее время. Дѣло въ томъ,

что жизненные припасы, одежда, квартира, все становилось дороже въ городахъ съ увеличеніемъ ихъ населенія; кромѣ того одежда носилась и рвалась скорѣе при фабричномъ трудѣ, чѣмъ при домашней работѣ. Чтобы уменьшить расходы на наемъ жилища, рабочіе цѣлыми семействами помѣщались въ грязныхъ углахъ, гдѣ не было ни чистаго воздуха, ни солнечныхъ лучей; они жили буквально въ зараженной атмосферѣ, не имѣя силъ спасаться отъ болѣзней. Лилль, Мюльгаузенъ, Руанъ и другіе города приводили въ ужасъ наблюдателей, посѣщавшихъ рабочіе кварталы, гдѣ жили эти «бѣлые негры», какъ называли фабричныхъ въ Мюльгаузенѣ. Въ Лиллѣ, на пять работниковъ приходился одинъ, который при всѣхъ усиліяхъ не могъ содержать себя на заработную плату. Одна шестая часть была записана въ комитетъ благотворительности, гдѣ записывались нищіе. Въ семействахъ работниковъ-прядильщиковъ новорожденные рѣдко достигали пятнадцатимѣсячнаго возраста. Тогда какъ по статистическимъ свѣдѣніямъ средняя цифра продолжительности жизни въ средѣ фабрикантовъ равнялась 28 годамъ, у работниковъ, занимавшихся ручной работой, она доходила только до девяти лѣтъ, а у фабричныхъ едва достигала одного года и трехъ мѣсяцевъ. По этимъ цифрамъ можно понять, какова была смертность между новорожденными у фабричныхъ. Цѣлыя массы работниковъ оставались въ крайней нищетѣ, какъ только имъ приходилось терять работу, вслѣдствіе болѣзни или старости. Сбереженій у нихъ не могло быть никакихъ, и обществу приходилось воздвигать госпитали за госпиталями и богадѣльни за богадѣльнями. Къ 1847 году во Франціи было до 9.242 благотворительныхъ заведеній, причисляя сюда же и казенныя ссудныя кассы; расходы на эти учрежденія равнялись 115 милліонамъ. Благотворительныя бюро помогали милліону бѣдняковъ, въ госпиталяхъ было до 600.000 больныхъ, въ пріютахъ до 120.000 подкинутыхъ дѣтей, въ богадѣльняхъ до 100.000 стариковъ и убогихъ и до 20.000 сумасшедшихъ. Кромѣ того, частная благотворительность издерживала громадныя суммы для помощи ближнимъ. Только просматривая эти цифры, понимаешь всю нелѣпость этого общественнаго устройства, доводящаго сначала своихъ членовъ до крайней нищеты и неспособности къ работѣ, и потомъ тратящаго безъ всякой пользы милліоны на людей, которые уже не могутъ принести никакой выгоды, чувствуютъ, что они составляютъ обузу для общества и для себя, и желаютъ только смерти. Не

болѣе разумно было ожидать пользы отъ сберегательныхъ кассъ, которыя устраивались въ царствованіе Луи-Филиппа. Правда, ихъ существовало къ 1848 г. до 364; но что значила эта цифра для всей массы рабочаго сословія, и что могло оно откладывать на черный день, когда черными были всѣ дни его жизни отъ колыбели и до могилы? На всю Францію приходилось въ 1845 г. только 134.836 работниковъ, откладывающихъ деньги, и средняя цифра ихъ сбереженій не восходила выше 540 франковъ. Но по скупому расчету Ве, сдѣланному въ 1845 г., при самомъ жалкомъ существованіи работнику нужно было одному 502 франка, а съ женою 750 франковъ въ годъ. По расчету же коммерческой камеры, сдѣланному въ 1847 г., работникъ, чтобы существовать, нуждался въ 1.140 франкахъ въ годъ, если же онъ былъ женатъ, то ему было нужно не менѣе 1.629 франковъ. Что же послѣ этого могли дать ему сбереженные 540 франковъ? Полгода или три четверти года лишняго существованія и больше ничего. Было ли въ этомъ что-нибудь отрадное? Но прибавьте, что и этимъ благомъ могли пользоваться только немногіе члены изъ всего нищенствующаго фабричнаго люда.

Различныя филантропическія общества, какъ «общества взаимной помощи» или «общества предусмотрительности», также не могли принести работникамъ радикальной помощи. При плохомъ устройствѣ фабрикъ, при скудномъ вознагражденіи за трудъ, при скверной домашней обстановкѣ, конечно, не могла развиться въ хорошую сторону и нравственность этого народа. Пьянство между мужчинами доходило до крайнихъ предѣловъ, и кабаки обирали послѣднія средства у этихъ несчастныхъ тружениковъ. Женщины, оторванныя отъ семьи, работающія въ однѣхъ мастерскихъ съ мужчинами, соблазняемыя смотрителями фабрикъ, завидующія роскоши городскихъ жителей, предавались разврату. Изъ числа всѣхъ публичныхъ женщинъ,—по словамъ Паранъ Дюшатле,—значительная доля была незаконнорожденныя, воспитывающіяся въ пріютахъ дѣвушки, почти всѣ онѣ принадлежали къ рабочему классу, бо́льшая часть изъ нихъ была безграмотна [1]). Преступленія дѣлались въ этой

[1]) Въ Парижѣ на 946 законнорожденныхъ проститутокъ приходилось 237 незаконнорожденныхъ. Когда фабрики давали 3.084 проститутки, другія сословія—сословія повивальныхъ бабокъ, актрисъ, продавщицъ, учительницъ музыки, рисовальщицъ, мелкихъ собственницъ—дали только 36 проститутокъ. Изъ 4.470 родившихся въ Парижѣ проститутокъ 2.332

средѣ все чаще и чаще. Въ фабричныхъ мѣстностяхъ приходился одинъ обвиненный за нападеніе на личности — на 10.805 жителей, и одинъ обвиненный въ кражѣ —на 1.792 жителя, тогда какъ въ мѣстностяхъ не-фабричныхъ приходился, въ первомъ случаѣ, одинъ обвиненный на 15.137 жителей, а во второмъ—одинъ на 8.608 человѣкъ. Число незаконнорожденныхъ было въ 1815 г. 84.000, а въ 1828 г. оно дошло до 140.000 человѣкъ. Увеличилась, кромѣ того, и цифра дѣтоубійства и преступленій подобнаго рода; въ 1843 г. было открыто до 144, тогда какъ въ 1830 г. ихъ было 98.

VII.

Но среди этого горькаго существованія все-таки вырабатывался характеръ рабочихъ. Они начали все яснѣе и яснѣе сознавать причины своего несчастія, начали понимать, что ихъ эксплоатируютъ, что хозяева загребаютъ жаръ ихъ руками, что высшіе классы буржуазіи богатѣютъ при ихъ помощи. Газеты и журналы начали проникать въ мастерскія и заносили туда идеи соціалистовъ и коммунистовъ. Нѣкоторые работники стали писать въ журналахъ, у нихъ

не умѣли подписать своихъ именъ, 1.780 подписывались скверно, 240 не дали никакихъ свѣдѣній и только 110 подписывались хорошо. Изъ 3.235 проститутокъ 1 имѣла 12 лѣтъ, 3—13, 8—14, 17 — 15 и, наконецъ, 249—22 года. Съ этого возраста число понижается и 65-ти-лѣтняя проститутка записана только одна. Но, вообще, записаны были проститутки въ полиціи иногда съ 10 лѣтъ и вообще десятилѣтнихъ на 1.000 приходилось 20, 11-ти-лѣтнихъ—30, 13—92 и т. д. Вотъ таблица, показывающая, почему эти женщины сдѣлались проститутками:

Крайняя нужда	1.441
Потеря родителей, изгнаніе изъ дому	1.255
Для поддержки больныхъ родителей	37
Брошенныя жены и вдовы для воспитанія дѣтей .	23
Пріѣхавшія въ Парижъ, чтобы укрыться здѣсь и найти средства къ жизни	280
Старшія въ семьѣ для воспитанія младшихъ сестеръ и братьевъ	29
Привезенныя въ Парижъ военными людьми, торговцами, студентами	404
Прислуга, обольщенная военными и брошенная ими	289
Брошенныя любовницы, не знающія за что взяться	1.425
Итого . . .	5.183

(De la prostitution etc. par *Parent-Duchatelet.* Bruxelles, 1836, pp. 48—69).

были свои газеты, какъ, напримѣръ, газета «*L'Atelier*», они издавали книги, такъ одинъ изъ работниковъ Агрикола Пердигье, въ 1841 году, издалъ «книгу о товариществѣ подмастерьевъ», гдѣ приведено множество писемъ и стихотвореній работниковъ, показывающихъ, что эти люди стремились разъяснить причины своего страннаго положенія въ обществѣ. Сознавая, что общество давитъ ихъ, зная, что ихъ руками произведены всѣ значительные перевороты во Франціи, рабочіе смотрѣли или враждебно, или надменно на всѣ высшія сословія. Эта гордость ярко высказалась около 1846 года, когда нѣсколько фабрикантовъ предложили составить совѣтъ присяжныхъ для вознагражденія работниковъ, выказавшихъ особенное мужество или хорошую нравственность. На это предложеніе рабочіе отвѣтили, что они считаютъ подобный совѣтъ присяжныхъ ненужнымъ, но что они признаютъ болѣе разумнымъ устройство другого совѣта присяжныхъ, «*который поощрялъ бы хорошихъ хозяевъ, такъ какъ хорошіе хозяева создаютъ хорошихъ рабочихъ*». Эти слова ясно показываютъ, до чего додумался тотъ работникъ, котораго называли «бѣлымъ негромъ», «пьяницей», «преступникомъ» и тому подобными, не очень лестными именами. Въ этой средѣ, кромѣ публицистовъ въ родѣ Агриколы Пердигье, появлялись уже и свои поэты, какъ Ребуль или Дюранъ. Развитіе замѣтно подвигалось впередъ. Яснѣе всего сознавали теперь работники необходимость сходокъ, товарищества, ассоціаціи. Но сходки работниковъ были запрещены уголовнымъ закономъ. Нарушенія этого закона стали дѣлаться все чаще. Уже во времена реставраціи, въ 1820 и 1822 годахъ, судились нѣкоторые рабочіе за сходки. Но во время Луи-Филиппа, коалиціи рабочихъ перестали являться единичными фактами и появлялись одна за другою. Въ 1832 году, работники на фабрикѣ Сенъ-Сальви требовали, чтобы поденный трудъ ограничивался десятью часами. Хозяинъ отказалъ имъ въ этомъ требованіи. Тогда они устроили сходку и постановили, чтобы у этой «обезьяны», какъ они называли подрядчика, никто не смѣлъ работать въ теченіе пяти лѣтъ. Дѣло кончилось процессомъ и нѣсколькими наказаніями. Девять мѣсяцевъ спустя затѣялось новое дѣло такого же рода. Судьи произнесли довольно не строгій приговоръ, замѣтивъ подсудимымъ: «помните, что трудомъ вы пріобрѣтаете довольство и уваженіе, а сходками тюремное заключеніе и нищету». Но работники забыли нравоученіе и продолжали устраивать стачки, безъ

которыхъ не проходило ни одного года. Особенно замѣчательна была стачка плотниковъ въ 1845 году. Плотники принадлежали къ «товариществу подмастерьевъ» и требовали прибавки заработной платы. Когда ихъ требованіе было не удовлетворено, они отказались отъ работы, и тутъ-то стала очевидною сила «товарищества». Оно присылало денегъ, хлѣба и говядины для поддержанія оставшихся безъ работы и, такимъ образомъ, дало имъ возможность бороться и выжидать уступокъ со стороны подрядчиковъ. Хотя судъ и присудилъ къ тюремному заключенію главныхъ зачинщиковъ, но купцы понесли сильные убытки и согласились возвысить плату. Иногда дѣло доходило до уличныхъ дракъ, порою приходилось выставлять противъ работниковъ войско.

Стачки работниковъ сами по себѣ были дѣломъ противозаконнымъ, но въ настоящемъ случаѣ назвать ихъ противозаконными могли только поверхностные наблюдатели и пристрастные судьи. Дѣло въ томъ, что явленія подобнаго рода были просто самозащитою, которая допускается законами, являлись неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другихъ противозаконныхъ дѣйствій и если нужно было кого-нибудь наказывать, то, конечно, зачинщиковъ-фабрикантовъ, вызвавшихъ своими незаконными дѣйствіями самозащиту работниковъ. Стачки были запрещены, какъ для работниковъ, такъ и для фабрикантовъ. Но работниковъ было много, а фабрикантовъ мало. Первые должны были сходиться на улицахъ, ихъ шумныя собранія привлекали вниманіе. Вторые же сходились для совѣщанія въ своихъ домахъ, въ тишинѣ, и ихъ стачки ускользали отъ вниманія общества. Но постановленія ихъ засѣданій отзывались на рабочихъ очень сильно, и рабочіе поневолѣ прибѣгали къ тому же средству, которымъ боролись противъ нихъ. Судъ не входилъ въ эти подробности и наказывалъ работниковъ. Это ясно видно изъ дѣла 1844 года. Событіе было вотъ какого рода. Каменноугольныя копи Лоары разрабатывались сначала нѣсколькими компаніями. Потомъ эти компаніи вошли въ соглашеніе между собою. Новый общій директоръ главной компаніи уменьшилъ заработную плату въ тѣхъ каменоломняхъ, гдѣ она была выше, чѣмъ въ другихъ. Это была просто стачка эксплоататоровъ. Она должна была вызвать негодованіе рабочихъ. Они рѣшились на коалицію. Къ этому ихъ побудило, кромѣ ихъ собственныхъ соображеній, изданіе Пьеромъ Леру книги: «Буржуа и Пролетарій», гдѣ соединеніе и коалиція рабочихъ признавались необходимыми. На стѣнахъ домовъ

31 марта 1844 года появились афиши, возвѣщавшія стачку. «Господа работники-каменоломщики, — писалось въ афишахъ:—мы теперь всѣ принуждены околѣть съ голода, по милости этого рогоносца Имберта (*Imbert le cocu*). Возстанемъ всѣ; возстаніе начнется въ понедѣльникъ, и для тѣхъ, которые будутъ продолжать работу, не будетъ недостачи въ камняхъ». Это было дѣйствительное возстаніе. Цѣлыя массы людей, вооруженныхъ палками, наполнили городъ. Работы въ каменоломняхъ прекратились. Кто не хотѣлъ повиноваться опредѣленію большинства, тому досталось дѣйствительно не мало побоевъ и ранъ. Наконецъ, нужно было выслать войско противъ заговорщиковъ. Мятежъ былъ подавленъ. Восемнадцать человѣкъ были наказаны очень строго. Общество, однако, увидало, что стачка работниковъ была вызвана стачкою промышленныхъ компаній, такъ какъ въ палатѣ депутатовъ Делессеръ поднялъ этотъ вопросъ и разъяснилъ дѣло.

Таково было положеніе работника. Лучшіе люди въ обществѣ не могли не замѣтить, что это положеніе не улучшается съ годами, а дѣлается все хуже и хуже. Кромѣ поклонниковъ Сенъ-Симона и Фурье стали появляться и новые пропагандисты различныхъ общественныхъ теорій, разрабатывавшихъ вопросъ о пролетаріатѣ. Изъ нихъ нужно упомянуть о Бюше, Пьерѣ Леру, Кабе, Прудонѣ и Луи Планѣ. Каждый изъ этихъ людей имѣлъ огромное вліяніе въ средѣ рабочаго сословія и заронилъ въ умы пролетаріевъ новыя идеи и новыя стремленія. Эти писатели не были какими-нибудь одиночными явленіями; все общество находилось подъ вліяніемъ соціалистическихъ идей. Соціальная реформа, устройство труда, защита труда отъ капитала, ассоціаціи, все это или съ увлеченіемъ проповѣдывалось однѣми партіями или съ ожесточеніемъ опровергалось другими, но такъ или иначе было на языкѣ у всѣхъ. Романы, повѣсти, драмы были проникнуты этими идеями; романы Жоржъ Санда, «Парижскія тайны» Евгенія Сю и «Парижскій Ветошникъ» Феликса Піа вызывали восторгъ и озлобленіе именно потому, что общество видѣло въ этихъ живыхъ произведеніяхъ тѣ самыя идеи, которыя тревожили всѣхъ. Романы Жоржъ Санда, гдѣ буржуазія является въ очень невыгодномъ для нея свѣтѣ, вызывали просто скрежетъ зубовный между буржуа. Евгеній Сю показалъ весь ужасъ той бездны, куда брошенъ пролетарій. Феликсъ Піа прямо показалъ на сценѣ положеніе бѣдной швеи, неспра-

ведливо обвиненной въ дѣтоубійствѣ, являющейся передъ судомъ, присуждаемой къ ссылкѣ; онъ поставилъ рядомъ съ нею честнаго ветошника-старика и бездушныхъ буржуа, холодно погубившихъ ее и такъ же равнодушно смотрящихъ на ея гибель. Когда Фредерикъ Леметръ сыгралъ нѣсколько сценъ изъ этой драмы передъ королевой Викторіей, то она со слезами на глазахъ спросила его:

— Неужели въ Парижѣ много такихъ бѣдняковъ?

— Много, ваше величество,—отвѣтилъ Леметръ со вздохомъ:—это парижскіе ирландцы!..

Конечно, англійская королева ожидала не такого отвѣта.

Но можно себѣ представить, что чувствовали сами эти «парижскіе ирландцы», когда они смотрѣли на драму Ііа. Не мудрено, что народъ встрѣтилъ революцію, какъ нѣчто давно ожиданное, какъ нѣчто несущее ему спасеніе, и позабылъ, что предшествовавшія революціи пособили въ сущности не ему, а все той же ненавистной ему буржуазіи.

Не меньше вліянія производили на бѣдняковъ и такія фразы, какъ знаменитое изреченіе Прудона: «собственность есть кража»

Прудонъ до 1848 г. издалъ только первыя свои сочиненія «о собственности», «объ экономическихъ противорѣчіяхъ» и «о празднованіи воскресенья». Нападая въ нихъ какъ на экономистовъ, такъ и на соціалистовъ, онъ стоялъ одиноко и покуда вызывалъ только страшныя и несправедливыя нападенія своихъ враговъ. Симпатіи рабочаго народа обратились къ нему только во время революціи, когда онъ началъ издавать «Représentant du peuple» и былъ избранъ большинствомъ 77.094 голосовъ представителемъ Парижа. Гораздо болѣе сильнымъ вліяніемъ пользовались Бюше, Кабе и Луи Бланъ.

VIII.

Необходимость ассоціацій сознавалась всѣми лучшими людьми того времени, и одному изъ нихъ, далеко не самому талантливому, далеко не самому передовому, посчастливилось осуществить на практикѣ то, о чемъ толковали другіе. Я говорю о Бюше. Этотъ дѣятель никогда не былъ популярнымъ во Франціи. Бюше родился въ 1796 году въ арденскомъ департаментѣ [1]). Изучая медицину, онъ въ то же

[1]) *Sigmund Englaender.* Gesch. etc. II T., 1—33. 88.—*Eugène Veron.* Les associations ouvrières. Paris, Hachette. 1865, pp. 180—185.

время занимался политической экономіей, философіей и исторіей. Прослуживъ нѣсколько времени въ парижской городской таможнѣ и въ ратушѣ, онъ отказался отъ службы, тайно участвуя въ заговорахъ противъ правительства. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ ложи «Друзей правды» и потомъ карбонаризма. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ возстанію, едва не поплатившись своею жизнью, Бюше примкнулъ къ сенъ-симонистамъ. Когда сенъ-симонизмъ сдѣлался религіей, Бюше отсталъ отъ него и основалъ особую католическую философскую школу. Его доктрина была смѣсью старыхъ христіанскихъ традицій съ философіею XVIII вѣка. Въ его историческихъ взглядахъ высказывается нѣчто въ родѣ революціоннаго іезуитизма, оправдывающаго съ извѣстной точки зрѣнія даже варѳоломеевскую ночь. По выраженію Сигмунда Энглендера, у него фригійскій колпакъ прикрываетъ бритую макушку католическаго попа и демагогія говоритъ въ его сочиненіяхъ слогомъ ультрамонтанизма. Въ своей критикѣ французской революціи онъ признаетъ эту революцію послѣднимъ слѣдствіемъ новѣйшаго развитія и все новѣйшее развитіе считаетъ приложеніемъ Евангелія. Вообще христіанство является у него исходной точкой всякой демократіи. Бездарность слога споритъ у него съ бездарностью мысли. Но все же ему удалась въ 1830 г. основать свой клубъ и свою школу, гдѣ главными условіями были любовь, самопожертвованіе, честность и аскетическая строгость нравовъ. Онъ основалъ газеты «*Européen*» и «*Atelier*» и потомъ «*Revue nationale*». Если бы у Бюше было болѣе искусства въ пропагандѣ и если бы его ученіе не было такимъ мистическимъ, такимъ католическимъ, то онъ, можетъ-быть, игралъ бы другую, болѣе блестящую роль во время 1848 г. Но его имя осталось почти неизвѣстнымъ народу, хотя онъ и былъ однимъ изъ главныхъ проповѣдниковъ идеи ассоціаціи. Уже во дни іюльской революціи онъ указалъ на необходимость измѣненія въ экономическихъ условіяхъ труда и подвергъ строгой критикѣ существующія отношенія рабочихъ и фабрикантовъ. Видя необходимость орудій производства для рабочихъ и освобожденія послѣднихъ отъ капиталистовъ, Бюше доказывалъ пользу свободной ассоціаціи рабочихъ. Такъ какъ идея ассоціацій была слишкомъ нова даже для либераловъ, то онъ предложилъ воскресить прежнія корпораціи, но только въ новомъ видѣ. Прежнія корпораціи, состоявшія изъ однихъ мастеровъ, считали работника простымъ орудіемъ; теперь

онъ долженъ былъ пользоваться законною частью барыша. Какъ промышленники освободились прежде чрезъ ассоціаціи отъ господства феодаловъ, такъ рабочіе должны теперь освободиться отъ господства капиталистовъ. Проповѣдь Бюше встрѣчалась холодно. Наконецъ, 10-го сентября 1832 года нѣсколько столяровъ согласились устроить ассоціацію по плану Бюше. Срокъ существованія этой ассоціаціи не ограничивался, новые члены могли вступать въ нее постоянно, выбытіе нѣкоторыхъ членовъ или ихъ смерть не могли разрушить самое общество. Взносъ каждаго работника состоитъ въ инструментахъ, которые, сообразно условію, онъ беретъ съ собою или оставляетъ обществу при выходѣ. Вся остальная движимая и недвижимая собственность работника не касается общества. Исполнительная власть принадлежитъ 6-ти избраннымъ членамъ. Избраніе возобновляется ежегодно. Комитетъ назначаетъ часы работы и даетъ плату не за штучную, но за поденную работу, такъ какъ цѣль общества есть «равное и отеческое распредѣленіе работы, а не эксплоатація личности». Право дѣлить работу по способностямъ каждаго принадлежитъ комитету, и онъ является въ этомъ дѣлѣ единственнымъ судьею. Комитетъ можетъ наблюдать за поведеніемъ членовъ ассоціаціи, какъ добрый отецъ. Комитетъ можетъ выдавать векселя за подписью по крайней мѣрѣ трехъ членовъ и принимать всѣ заказы, касающіеся столярной работы. Только при важныхъ предпріятіяхъ спрашивается совѣтъ всей ассоціаціи. Большинство трехъ голосовъ утверждаетъ рѣшеніе. Въ случаѣ чрезмѣрнаго разрастанія ассоціаціи, на собраніе являются повѣренные или присяжные, выбираемые ежегодно изъ каждыхъ десяти членовъ. Послѣ ежегодныхъ отчетовъ изъ чистаго барыша 20% откладываются въ общественный капиталъ, составившійся изъ первоначальныхъ взносовъ. Остальная часть чистой прибыли дѣлится между членами соразмѣрно съ числомъ рабочихъ дней каждаго члена. Помощники, не принадлежащіе къ ассоціаціи, тоже имѣютъ право на часть барыша. Но прежде раздачи членамъ слѣдующей имъ части прибыли изъ этихъ денегъ назначаются пособія больнымъ сочленамъ, вдовамъ и сиротамъ членовъ. Принимаются въ ассоціацію всѣ столяры. Исключаются тѣ, которые возьмутъ работу на свой счетъ, а не для ассоціаціи. Всякій серьезный споръ между сочленами рѣшается посредниками-судьями. Общественный капиталъ или его часть никогда не могутъ быть тронуты членами ассоціаціи,

хотя бы эти члены выходили изъ нея. Полный воспоминаній о религіозныхъ общинахъ, которыя дѣлались богатыми, не нарушая въ то же время своего обѣта нищенства, Бюше хотѣлъ, чтобы и въ его ассоціаціи капиталъ былъ нераздѣльнымъ, неотчуждаемымъ, и росъ бы безконечно, такъ что въ концѣ концовъ ассоціація могла бы быть очень богатой, хотя ея члены и оставались бы попрежнему небогатыми работниками, пользующимися только законной платой и прибылью. Бюше и его послѣдователи, проповѣдуя доктрину братской любви и самоотреченія, не имѣли никакого успѣха. Они упускали изъ виду главное: стремленіе человѣка прежде всего къ своей собственной пользѣ. Несмотря на всю мнимую поэзію ихъ теоріи братской любви, этой теоріи недоставало именно настоящаго, широкаго взгляда на человѣчество. Они не обѣщали какихъ-нибудь особенныхъ благъ человѣку въ будущемъ и говорили только, что при помощи любви къ ближнему, при помощи самоотреченія человѣкъ не умретъ съ голоду. Въ концѣ концовъ это была, пожалуй, и поэзія, но, во всякомъ случаѣ, поэзія мѣщанства, поэзія золотой посредственности, бросившейся въ мистицизмъ. 1848 годъ показалъ, что Бюше боялся широкаго соціальнаго движенія. Созданная имъ газета «Atelier», редактируемая работниками, прямо высказывала, что она не думаетъ пересоздавать общества, уничтожать что-нибудь, но что она стремится только къ организаціи труда или, лучше сказать, къ ассоціаціи въ трудѣ. Вслѣдствіе этого, Бюше и его послѣдователи отнеслись враждебно какъ къ революціонной, такъ и къ соціалистической партіямъ и остались на заднемъ планѣ въ движеніи 1848 г. Единственною заслугою Бюше было его стремленіе внести братство въ рабочіе классы и образовать нравственныхъ, честныхъ и добрыхъ людей. Его ассоціаціи столяровъ и другихъ рабочихъ просуществовали не долго и только ассоціація золотыхъ дѣлъ мастеровъ дождалась лучшей участи. Она существуетъ и теперь, владѣя довольно большимъ капиталомъ; ежегодные дивиденды доходятъ до 20%. Ея члены люди религіозные, согласившіеся жить въ положеніи близкомъ къ бѣдности, тогда какъ ихъ община владѣетъ болѣе чѣмъ 100.000 франковъ. Они даже отказались отъ комитета и отдали власть съ 1843 года въ руки одного члена. Подобныя теоріи и подобные люди не имѣютъ будущаго.

Совсѣмъ другую роль игралъ Кабе.

IX.

Кабе [1]) былъ съ іюльской революціи однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ революціонной партіи, боролся съ существовавшимъ порядкомъ, подвергался судебнымъ преслѣдованіямъ и тюремнымъ заключеніямъ, во время которыхъ написалъ исторію французской революціи для народа. Въ этой исторіи онъ особенно прославлялъ Робеспьера и его товарищей и указывалъ на необходимость коренного измѣненія общества по плану этихъ людей. Удалившись въ Брюссель, онъ коротко познакомился съ «Утопіею» Томаса Моруса, и она послужила образцомъ при составленіи плана его «Путешествія въ Икарію». Икарія—это отдаленная страна, отдѣленная отъ всего остальнаго міра; въ ней царствуетъ полнѣйшее счастіе, и она надѣлена всѣми благами, всѣми средствами для нравственнаго процвѣтанія, для умственнаго развитія, для усовершенствованія художественныхъ талантовъ. Здѣсь есть всѣ средства для возвышенныхъ и благородныхъ наслажденій жизнью. Страна прорѣзана каналами, желѣзными дорогами; земледѣліе находится въ цвѣтущемъ состояніи и даетъ разнообразные плоды; среди полей виднѣются красивыя фермы, полныя изобилія; каждая провинція имѣетъ свой главный городъ, передъ которымъ наши города ничто. Сама «Икара», столица страны, является настоящимъ чудомъ. Дѣйствительно, привлекательная картина благоденствія не могла не вызвать вопроса, что было причиною этого процвѣтанія?—Общность имуществъ, отвѣчаетъ Кабе и описываетъ, какой порядокъ вещей установился въ Икаріи сообразно съ принятымъ ею принципомъ. «Икарійцы не знаютъ ни собственности, ни продажи, ни куплі, по возможности они равны во всемъ»,—пишетъ онъ. Всѣ равномѣрно трудятся для республики и для общества. Республика получаетъ продукты земледѣлія и промышленности и дѣлитъ ихъ равномѣрно между гражданами; она кормитъ, одѣваетъ и учитъ гражданъ и для всѣхъ дѣлаетъ все, въ чемъ они нуждаются, сначала имъ доставляется необходимое, потомъ полезное, и наконецъ, если можно, пріятное. Республика, и только она одна, заставляетъ работниковъ производить въ ихъ мастерскихъ эти предметы, потому что всѣ промыслы, всѣ фабрики, всѣ работники принадлежатъ обществу [2]). Республика

[1]) *Cabet.* Voyage en Icarie, pp. 99—100.

[2]) Эти идеи были простымъ развитіемъ и разъясненіемъ принципа

доставляетъ сырые матеріалы и орудія, распредѣляетъ работы и платитъ за нихъ не деньгами, а натурой; она принимаетъ, наконецъ, всѣ продукты общественнаго труда въ свои складочные магазины, чтобы оттуда раздавать ихъ произведшимъ работникамъ или ихъ дѣтямъ. «Республика, распоряжающаяся такимъ образомъ, есть промышленная комиссія, національное собраніе, цѣлый народъ. Каждый членъ республики выбираетъ ремесло по своему вкусу и способностямъ, такъ какъ главное условіе въ республикѣ давать каждому по его силамъ и каждому по его потребностямъ». Но мастерскія такъ хорошо устроены, машины такъ облегчаютъ трудъ, что работа вообще перестаетъ быть пугаломъ для людей и дѣлается настолько пріятной, что у икарійцевъ лѣность и праздность считаются настолько же скверными пороками, какъ воровство и грабежъ въ другихъ обществахъ. Всѣ занятія одинаково почетны, и люди, отличающіеся особенной дѣятельностью, талантами, умомъ, геніемъ, не получаютъ за это никакихъ наградъ. «Эти качества,—говоритъ Кабе:—просто дары природы [1]). То неужели было справедливо наказывать нѣкоторымъ образомъ тѣхъ, которые менѣе богато одарены судьбою? Не долженъ ли здравый смыслъ общества сгладить неравенства, вызванныя слѣпымъ случаемъ? Не будетъ ли тотъ, кто по своему уму приноситъ больше пользы, достаточно вознагражденъ въ своемъ сознаніи и въ своемъ довольствѣ собою?» Вопросъ о семействѣ и объ уничтоженіи брака Кабе старался обойти и, когда одинъ изъ журналовъ сдѣлалъ ему настоятельный запросъ по этому поводу, онъ отвѣтилъ: «Неужели коммуна не можетъ существовать въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго числа лѣтъ съ бракомъ и семьею, оставляя за собой право уничтожить и то, и другое, когда она захочетъ или когда ее принудитъ къ этому необходимость? Развѣ не мало трудностей уже въ одномъ распространеніи идеи коммунизма? Развѣ одна эта идея не является самымъ гигантскимъ изъ всѣхъ умственныхъ переворотовъ? Развѣ идея объ уничтоженіи брака и семьи не является главнымъ пугаломъ, которое отталкиваетъ общество отъ коммунизма? Развѣ не эта идея убила сенъ-симонистовъ и навлекла на нихъ со стороны враговъ коммунизма самыя черныя и вредныя клеветы?» Управленіе страной будетъ

Морелли: «каждый гражданинъ есть членъ общества, онъ долженъ кормиться и поддерживаться на средства общества».

[1]) *Cabet.* Voyage en Icarie, p. 102.

ввѣряться извѣстному числу лицъ, выбранныхъ всѣмъ народомъ безъ исключенія. Исполнительная власть будетъ въ рукахъ пятнадцати министровъ и одного президента совѣта, выбранныхъ народомъ. Жалованья не будетъ даваться никому изъ нихъ, такъ какъ они явятся простыми работниками и будутъ вознаграждаться за трудъ наравнѣ съ прочими членами республики. Въ дѣлѣ религіи допускается полная терпимость и индифферентизмъ. Если храмы и священники будутъ существовать, то только для того, чтобы первые могли служить удобнымъ мѣстомъ для сборовъ, а вторые могли давать нравственные и философскіе наставленія и совѣты. Всякія мистическія эмблемы не имѣютъ мѣста въ храмѣ. Никакихъ церемоній и обрядовъ, дающихъ особенное значеніе священнослужителямъ, не допускается. До шестнадцатилѣтняго возраста ребенку ничего не говорятъ о религіи и о божествѣ. Только послѣ этого возраста профессора философіи, но отнюдь не священники, излагаютъ передъ юношею всѣ религіозныя системы, чтобы онъ выбралъ любую изъ нихъ, если ему хочется.

Кабе думалъ, что общность имущества и соотвѣтствующія ей учрежденія возникнутъ только послѣ революціи, которая дастъ диктатуру человѣку, любящему народъ, а онъ добросовѣстно воспользуется ею для утвержденія всеобщаго счастья. Цѣлый рядъ мѣръ, рекомендуемыхъ диктатору Икаріи, спустя нѣсколько лѣтъ по появленіи книги Кабе, вслѣдствіе февральской революціи, или дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе или, по крайней мѣрѣ, предложенъ. При этихъ мѣрахъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду не осуществленіе общности имуществъ, но переходное состояніе, которое должно было продолжаться 50 лѣтъ и подготовлять постепенное введеніе коммунизма. Прогрессивный налогъ на богатства, бюджетъ и опредѣленіе заработной платы для работниковъ, національныя мастерскія, такса на первыя жизненныя потребности, всеобщая подача голосовъ занимали первое мѣсто въ числѣ мѣръ, предложенныхъ для этой цѣли. На устройство мастерскихъ, на доставленіе жилищъ для бѣдныхъ полагалось по крайней мѣрѣ 500 милліоновъ франковъ ежегодно.

Кабе не ошибся, избравъ форму романа для пропаганды своей доктрины. Эта форма, сильно дѣйствуя на воображеніе, если и не всегда убѣждала, то увлекала именно тѣхъ людей, для которыхъ писалъ Кабе. Пять изданій «Путешествія въ Икарію», сдѣланныя въ короткое время, пока-

зали, съ какою жадностью читается романъ. Кромѣ романа, доктрина Кабе развивалась въ газетѣ «*Populaire*» и въ множествѣ брошюръ. Рабочіе не называли его иначе, какъ «отецъ Кабе», и во многихъ городахъ устраивались собранія—cours *icariens*—для чтенія его произведеній. Особенной симпатіей пользовался онъ въ кругу женщинъ, на которыхъ, разумѣется, сильнѣе всего отзывались всѣ невзгоды существовавшаго порядка дѣлъ и которыя всегда готовы увлечься страстною проповѣдью любви и братства. Со всѣхъ сторонъ посылались къ Кабе письма, гдѣ просили его наставленій, гдѣ спрашивали его взглядовъ на тѣ или другія событія общественной жизни. Вообще рѣдко кому удавалось пользоваться такою популярностью и стоять въ такихъ отношеніяхъ къ бѣднымъ классамъ народа. Кабе, такимъ образомъ, дѣятельно участвовалъ въ приготовленіи революціи 1848 г., но ему не удалось добиться отъ новой республики желанныхъ уступокъ для себя и для своей системы, хотя на эти уступки онъ, какъ ему казалось и, можетъ-быть, не безъ основанія, имѣлъ право. Потому онъ рѣшился оставить Францію и искать болѣе благодарной почвы для своей дѣятельности по ту сторону океана. Это въ сущности была ошибка. Хотя и говорятъ, что никто не бываетъ пророкомъ въ своей отчизнѣ, но въ концѣ концовъ сдѣлать что-нибудь можно только на родинѣ, гдѣ намъ знакомо все, начиная съ почвы и кончая характерами людей. Нѣсколько учениковъ Кабе послѣдовали за нимъ въ Америку и принялись за основаніе колоніи. Но имъ нужно было сдѣлать все съ начала и у нихъ недостало матеріальныхъ средствъ, затѣмъ пошли раздоры, несправедливости, и коммуна пала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ померкла и слава Кабе, который пересталъ былъ для работниковъ послѣ своей эмиграціи «отцомъ» и былъ заслоненъ другими личностями, другими пропагандистами.

Рядомъ съ Кабе выступилъ на журнальное поприще Луи Бланъ. Онъ уже былъ извѣстенъ въ республиканской партіи, какъ историкъ. Его главныя идеи высказались яснѣе всего въ сочиненіи «*Organisation du travail*», гдѣ онъ развилъ экономическую теорію, которая, повидимому, не имѣла ничего общаго съ коммунизмомъ, основывалась на признаніи личной собственности и признавала неприкосновенными святость брака и семейнаго союза. Блестящій слогъ, ясность мысли, всегда горячее сочувствіе трудящемуся классу придавали особенную прелесть и привлекательность произведе-

ніямъ этого человѣка. Отсутствіе тѣхъ фантастическихъ картинъ невозмутимаго счастья, которыми были полны сочиненія Фурье и Кабе, заставляли смотрѣть съ довѣріемъ на планы этого писателя и тѣхъ людей, которые были не очень склонны довѣряться слишкомъ блестящимъ надеждамъ и которые не вѣрятъ въ полное разрушеніе стараго строя жизни. При осуществленіи теоріи Луи Блана, казалось, этотъ строй не нарушался совершенно, но только дѣлался лучше, и матеріальныя средства распредѣлялись справедливѣе. Какъ соціалисты и коммунисты, Луи Блапъ началъ критикой настоящаго соціальнаго положенія; указавъ бѣдственное матеріальное и моральное состояніе общества, онъ сказалъ, что этотъ порядокъ долженъ привести всѣхъ къ гибели, если не будетъ употреблено во-время чрезвычайныхъ врачебныхъ средствъ. Главнымъ образомъ, по его словамъ, губитъ общество отсутствіе общественности и торжество конкуренціи. «Конкуренція,— пишетъ онъ:—производитъ нищету: это фактъ, доказанный цифрами. Дойдя до этого положенія, общество можетъ выбирать только одно изъ двухъ: или убивать бѣдныхъ, или кормить ихъ даромъ; первое—жестокость, второе—безуміе». Для уничтоженія конкуренціи нужно воспользоваться тѣмъ же оружіемъ, то-есть конкуренціею же, которую должно вести или поддерживать государство, пока оно не поглотитъ всѣ враждебныя ей другія конкуренціи. «Правительство,—пишетъ онъ:—есть высшій руководитель производствами; для осуществленія этой задачи ему должна быть предоставлена сильная власть. Намъ нужно сильное правительство, потому что при владычествѣ неравенства, подъ которымъ мы живемъ, есть много слабыхъ людей, нуждающихся въ защитѣ соціальной силы. Мы желаемъ правительства, которое вмѣшивалось бы въ промышленность, потому что тамъ, гдѣ всѣ даютъ ссуды богатому, необходимо нуженъ общественный банкиръ и для бѣдныхъ.—Правительство должно стать верховнымъ законодателемъ и администраторомъ производства. Съ этой цѣлью оно должно взимать налогъ, спеціально предназначенный для устройства мастерскихъ, фабрикъ и вообще новыхъ центровъ производства, которые замѣнили бы нынѣ существующія частныя учрежденія этого рода.—Правительство дѣлаетъ займы для этихъ мастерскихъ. Оно даетъ въ ссуду этимъ мастерскимъ нужный имъ капиталъ, *безпроцентно*, и мастерскія подчиняются правиламъ, которыя имѣютъ полную силу законовъ.—Оно опредѣляетъ ихъ статуты. Рабо-

чая плата въ такихъ мастерскихъ опредѣляется по занятіямъ, іерархически примѣняясь въ этомъ случаѣ къ существующему, въ этомъ отношеніи, различію.—Личное распредѣленіе рабочихъ по должностямъ, на первый годъ, дѣлается правительствомъ, на слѣдующее время самими рабочими по выбору. Чистая прибыль въ концѣ года раздѣляется на три части. Одна дѣлится поровну между рабочими мастерской; другая идетъ на призрѣніе стариковъ, больныхъ и помощь другимъ мастерскимъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи, третья, наконецъ, идетъ на покупку матеріаловъ и орудій для расширенія производства. Деньги, приходящіяся на долю работника, поступаютъ въ его полное и произвольное распоряженіе. Капиталисты призываются къ участію въ мастерскихъ чрезъ взносъ въ нихъ капиталовъ, на которые имъ гарантируется процентъ изъ доходовъ государства. Въ дальнѣйшихъ выгодахъ предпріятій они могутъ участвовать только въ качествѣ работниковъ». Далѣе онъ исчисляетъ выгоды отъ устройства центральныхъ мастерскихъ, съ которыми невозможно будетъ конкурировать частнымъ промышленникамъ. Такимъ образомъ, уничтожается конкуренція. Правительственныя же мастерскія одной и той же индустріи будутъ не конкурировать между собою, но помогать одна другой и въ сущности будутъ конторами, отдѣленіями одного и того же учрежденія. При такомъ устройствѣ промышленности, машины перестанутъ являться бичами для рабочихъ. Кредитъ замѣнится частью прибыли, откладываемой на расширеніе предпріятія, и банки станутъ ненужными. Образованіе рабочаго класса будетъ обезпечено.

Несмотря на всю простоту и видимую безопасность для существующаго порядка дѣлъ этой системы, враги смотрѣли на нее, какъ на нѣчто разрушительное, готовое перевернуть все общество сразу. Но не такъ взглянули на нее работники. Они ожидали отъ осуществленія ея на практикѣ большихъ благъ. Мы увидимъ, какъ она примѣнилась къ дѣлу и кто былъ больше всего виноватъ въ ея паденіи: она ли сама или ея противники.

X.

Никогда еще высшіе классы общества во Франціи не падали такъ низко въ нравственномъ отношеніи, какъ передъ началомъ революціи 1848 года. Мишле, начиная свои лекціи въ «*Collège de France*» въ декабрѣ 1847 года, имѣлъ

полное право назвать всѣ совершившіеся въ истекшемъ году скандалы — «нравственнымъ Ватерлоо» [1]). Подкупы и подлоги были вездѣ. Министры не обращали на это никакого вниманія, и самъ Гизо, управляющій, въ качествѣ перваго министра, дѣлами Франціи, повидимому, утратилъ всякое нравственное чутье въ дѣлѣ подкуповъ и выражалъ очень наивные взгляды на нихъ, сказавъ своимъ избирателямъ въ Лизье: «Если я прикажу построить для васъ дороги и мосты, церкви и школы, ужели вы скажете, что я подкупилъ васъ?» Множество процессовъ открыли публикѣ самыя скандалезныя дѣла въ этомъ родѣ. Такъ изъ процесса, касавшагося управленія военною гаванью Рошфора, публика узнала, что запасы гавани разграблялись, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чиновничествомъ. Морской префектъ и морской министръ знали объ этомъ, но не обращали вниманія на грабежъ. Когда вздумали произвести ревизію въ Тулонскомъ арсеналѣ, то его подожгли, чтобы скрыть слѣды воровства. Въ военномъ хлѣбномъ магазинѣ Парижа открыли недочетъ въ 28 тысячъ центнеровъ, и оказалось, что чиновникъ, указывавшій еще за десять лѣтъ назадъ на грабительство директора, былъ выгнанъ изъ службы и погибъ въ нищетѣ. Одинъ изъ позорныхъ дѣятелей, покровительствуемый правительствомъ, Гранье де Кассаньякъ, получилъ субсидію въ 100.000 франковъ, взятыхъ правительствомъ съ одного директора новаго театра за разрѣшеніе открыть театръ. Сдѣлку эту началъ и довелъ до конца министръ внутреннихъ дѣлъ Дюшатель. Въ надеждѣ на того же министра, Гранье де Кассаньякъ заключилъ формальный договоръ съ содержателями французскихъ почтъ, обязуясь за 1.200.000 франковъ хлопотать о выгодномъ для этихъ содержателей налогѣ на желѣзныя дороги. Еще болѣе скандала надѣлалъ процессъ противъ двухъ членовъ палаты пэровъ, гдѣ, между прочимъ, по словамъ Жирардена, мѣста покупались. Обвиненными явились бывшій военный министръ Кюбьеръ и бывшій министръ общественныхъ работъ Тестъ, занимавшій во время процесса должность президента кассаціоннаго суда. Дѣло шло о покупкѣ одного важнаго дозволенія въ пользу горнопромышленнаго общества. Сначала процессъ выяснилъ только то, что генералъ Кюбьеръ, хотя, можетъ, и не совсѣмъ чистый въ этомъ дѣлѣ, былъ жертвою надувательства. Тестъ же

[1]) *Michelet.* Cours professé au collège de France, 1848.

успѣлъ оправдаться почти совсѣмъ. Но вдругъ въ судъ были представлены документы, показавшіе, что мошенничество было совершено подсудимыми. Тесть былъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію, къ потерѣ гражданскихъ правъ, къ уплатѣ 188.000 франковъ. Кюбьеръ лишился гражданскихъ правъ и уплатилъ 10.000 франковъ штрафа. Еще сильнѣе возбудилъ общественное мнѣніе новый случай подкупа. Нѣкто Нети сознался печатно, что онъ купилъ мѣсто сборщика податей, доставивъ за это своему предшественнику мѣсто въ счетной палатѣ. Послѣднее мѣсто занималось сперва другимъ лицомъ, которому Нети далъ за отказъ отъ должности ежегодную ренту въ 6.000 франковъ. Руководилъ всѣмъ этимъ торгомъ и внушилъ мысль о немъ домашній секретарь самого Гизо. Гизо нисколько не возмутился, узнавъ объ этомъ дѣлѣ; онъ назвалъ его мелочью и далъ понять, что подобная мѣна и торговля мѣстами всегда шла и идетъ въ счетной палатѣ. Общественное мнѣніе было такъ сильно вооружено всѣми этими мошенничествами противъ аристократіи и правительства, что даже убійство герцогомъ Шуазелемъ-Праленомъ своей жены сочло не простымъ частнымъ случаемъ, а результатомъ царящаго въ высшихъ сферахъ разврата и обвиняло не одного герцога, а все дворянство, пэрство и высшихъ правительственныхъ лицъ. Въ парламентѣ шла между тѣмъ сильная борьба. Отъ правительства требовали отчета въ финансовомъ управленіи за 17 лѣтъ. Тьеръ стоялъ во главѣ нападающихъ. Цифры дефицитовъ и долговъ, представленныя имъ, были очень крупны, и правительство не могло сказать, что онѣ не вѣрны. Имѣя передъ глазами подобное правительство, видя страданія народа, либеральныя партіи настойчиво требовали реформы. Но правительство было консервативнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Самъ король признавалъ требованія либераловъ слѣдствіемъ «враждебныхъ и слѣпыхъ статей», какъ онъ выразился въ тронной рѣчи. Оппозиція видѣла, что ей нечего ждать отъ правительства и отъ палаты, гдѣ большинство было предано правительству. Тогда она задумала добиться реформы другими путями и обратиться къ народу. Одилонъ Барро сталъ во главѣ реформистскаго движенія. По его стараніямъ избирательный комитетъ, образовавшійся при распущеніи прежней палаты изъ различныхъ партій либераловъ, снова собрался и составилъ адресъ, который былъ обращенъ къ палатѣ. Въ адресѣ были ярко изображены недостатки и

вредныя стороны избирательной системы. Адресъ долженъ былъ, главнымъ образомъ, повліять на массу народа. Кромѣ того, пустилось въ ходъ другое средство агитаціи. Подъ видомъ обѣдовъ и подъ именемъ реформистскихъ банкетовъ устроены были многочисленныя собранія, гдѣ говорились рѣчи и шли вопросы о реформѣ. Первое изъ этихъ собраній было въ Шаторужѣ, близъ Нарижа, слѣдующія были назначены въ Маконѣ, Дижонѣ, Лиллѣ.

Люди, принимавшіе участіе на банкетахъ и требовавшіе реформы, принадлежали къ различнымъ либеральнымъ партіямъ и не всѣ изъ нихъ стремились къ одной и той же цѣли, не одинаково понимали слово *реформа*. Одилонъ Барро, предводитель династической оппозиціи, былъ адвокатомъ безъ особенно твердыхъ убѣжденій; онъ, въ качествѣ золотой посредственности, не имѣлъ ни отъявленныхъ враговъ, ни сильныхъ завистниковъ. Увлеченные стремленіемъ къ реформѣ, онъ и его друзья производили агитацію посредствомъ банкетовъ, но они стремились только къ перемѣнѣ министерства и никакъ не полагали, что ихъ рѣчи найдутъ слишкомъ сильный отголосокъ въ народной массѣ, которая не удовольствуется замѣной одного министра другимъ, а опрокинетъ самый тронъ короля. Они думали возбудить только буржуазію, но потрясли самый народъ. Очень скоро Одилонъ Барро понялъ, въ какую опасную игру играетъ онъ, когда его исключили изъ числа присутствующихъ на Лильскомъ банкетѣ, исключили за то, что онъ, въ свою очередь, хотѣлъ исключить отъ участія въ празднествѣ Ледрю Роллена. Ледрю Ролленъ и приверженцы газеты «*Реформа*» составляли другую партію, крайне противоположную съ партіей Барро и склонную къ соціализму. Редакторомъ «*Реформы*» былъ Флоконъ, человѣкъ талантливый, твердый, обладавшій опредѣленными и широкими взглядами; онъ былъ тѣсно связанъ съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ своихъ сотрудниковъ, Рибейроллемъ, отличавшимся какою-то дикою силою и оригинальностью. Кромѣ этихъ двухъ литераторовъ къ «*Реформѣ*» примыкали Араго старшій и младшій, Феликсъ Авриль, Бонь, Дюпоти, Жоли, Ламассанъ, Луи Бланъ, Шельхеръ, Дюпра и другіе [1]). Они ясно проповѣдывали соціализмъ, стремились улучшить положеніе работниковъ, и ихъ журнальный органъ пользовался популярностью среди фаб-

[1]) *Louis Blanc.* Révélations, etc., t. I, p. 67.—При описаніи происшествій февральскихъ дней я руководствовался «Révélations» *Луи Блана* и «Исторіей Франціи» *Рожау.*

ричнаго народа. Рядомъ съ этими людьми стояла партія политическихъ республиканцевъ со своимъ журналомъ «*Насьональ*». Этотъ органъ имѣлъ сильное вліяніе на либеральную и развитую часть буржуазіи и могъ опираться такъ же твердо на дѣятельную часть парижскихъ и провинціальныхъ патріотовъ, какъ «*Реформа*» могла опираться на народонаселеніе парижскихъ предмѣстій. Кромѣ этихъ партій стояли еще отдѣльныя личности, недовольныя существовавшимъ порядкомъ дѣлъ, но не примыкавшія ни къ какимъ кружкамъ. Такъ, напримѣръ, Тьеръ, ненавидя шумныя сборища народной массы, не терпя панибратства этой массы, не принималъ никакого участія въ банкетахъ, хотя и одобрялъ движеніе реформистовъ. Чувствительный Ламартинъ тоже негодовалъ на правительство «за его нравственное паденіе», но, кажется, и самъ не зналъ, какъ и что можетъ помочь народу.

13-го февраля члены всѣхъ либеральныхъ партій собрались въ палатѣ для общаго совѣщанія. Послѣ долгихъ преній рѣшено было устроить новый банкетъ, чтобы этимъ дать прямой отвѣтъ министру внутреннихъ дѣлъ Дюшателю, объявившему о недозволеніи правительства устраивать банкеты и повторять реформистскія собранія. 14-го февраля Парижъ былъ встревоженъ извѣстіемъ объ этомъ рѣшеніи реформистовъ, всѣ ожидали очень серьезнаго окончанія этого дѣла, если обѣ стороны не сдѣлаютъ уступокъ. Но реформисты *не могли* дѣлать уступокъ; а Луи-Филиппъ *не желалъ* ни на шагъ отступать отъ своихъ принциповъ и говорилъ: «Реформа поставитъ оппозицію во главѣ управленія, а оппозиція, получившая власть, есть война, есть начало конца. Какъ только оппозиція захватитъ бразды правленія, я долженъ буду удалиться». Въ теченіе пяти дней не было ни слуху, ни духу о комиссіи, приготовлявшей банкетъ, и вдругъ, когда общество уже не надѣялось на осуществленіе торжества, она объявила, что банкетъ назначенъ на 22 февраля въ саду Елисейскихъ полей. Но хотя комиссія и заявила о своихъ намѣреніяхъ, однако, она все же трусила и обрадовалась возможности начать переговоры съ Дюшателемъ, чтобы взаимными уступками предотвратить всякія дурныя послѣдствія празднества. Уступчивость комиссіи была такъ велика, что министръ уже начиналъ соглашаться на предложенія противниковъ и все дѣло остановилось изъ-за настойчивости короля, не желавшаго вести переговоры съ оппозиціей. Еще соглашеніе и переговоры

не пришли къ концу, когда редакторъ «*Насьоналя*» Арманъ Марра издалъ программу реформистскаго праздника. Это было 21-го февраля. Программа объявляла, что завтра будетъ большая праздничная процессія для сопровожденія гостей на банкетъ. Національная гвардія приглашалась къ процессіи и ей назначалось опредѣленное мѣсто въ церемоніи. Программа, несмотря на оговорки о желаніи сохранить порядокъ, имѣла видъ правительственнаго распоряженія. Правительство не могло допустить подобнаго самоуправства. Министръ прервалъ переговоры съ комиссіей и рѣшился употребить всѣ средства, чтобы помѣшать празднику и церемоніи. Это рѣшеніе испугало Одилона Барро и его друзей. Они были настолько наивны, что дѣйствительно считали сначала свою программу очень простымъ явленіемъ и разсчитывали, что правительство приметъ ее и не найдетъ въ ней ничего противозаконнаго. Теперь они начинали понимать важность дѣла. Тогда-то эти трусливые противники правительства написали объясненіе своей программы, гдѣ малодушно доказывали, что они и не думали распоряжаться національной гвардіей, а приглашали ее только для сохраненія порядка и спокойствія. Но, увидавъ трусость враговъ, Дюпатель и Гизо еще тверже отвѣтили, что рѣшенія правительства неизмѣнны.—«Правительство не уступитъ»,—отвѣтилъ Дюпатель, не подозрѣвая, что правительство дѣйствительно не уступитъ, но падетъ. Предводители реформистскаго движенія и особенно Одилонъ Барро были между тѣмъ въ страхѣ, зная, что правительство можетъ подвергнуть ихъ большой отвѣтственности, такъ какъ они рѣшились составить собраніе въ публичномъ мѣстѣ, не испросивъ на это полицейскаго позволенія. Кромѣ того, реформисты боялись столкновенія съ правительствомъ: начиная опасную игру въ агитаторовъ, они не хотѣли ничего болѣе, какъ перемѣны министерства и нѣкоторыхъ измѣненій въ законахъ, теперь же дѣло доходило до уличныхъ волненій, до возстанія народа: одни изъ реформистовъ—умѣренные либералы—просто боялись побѣды народа, другіе изъ нихъ—радикалы—не смѣли и ожидать этой побѣды. Оппозиція, наконецъ, рѣшилась отказаться отъ праздника и вечеромъ 21-го февраля послала въ газеты объявленіе, гдѣ обвиняла правительство, оставлявшее учредителей банкета въ невѣдѣніи до послѣдней минуты. Свой отказъ отъ торжества оппозиція мотивировала желаніемъ сохранить спокойствіе и порядокъ и называла свой поступокъ «вели-

кимъ дѣломъ умѣренности и гуманности». Кромѣ того, въ заявленіи оппозиція обѣщала сдѣлать еще одно «великое дѣло твердости и справедливости». Этими словами намекалось на желаніе оппозиціи потребовать къ суду министерство за цѣлый рядъ преступленій. Все это были громкія и пошлыя фразы, прикрывавшія трусость и мелочность подстрекателей. Но за этими лицами стояла масса, которую не такъ легко испугать, не такъ легко успокоить, если ее однажды раздразнили.

XI.

Утромъ, 22-го февраля, газеты разнесли по Парижу объявленіе оппозиціи, а полицейскій префектъ Дюессеръ велѣлъ прибить на углахъ улицъ прокламацію, въ которой, во имя закона 1790 г., возобновлялъ запрещеніе политическихъ банкетовъ и объявлялъ рѣшеніе правительства разогнать всякія процессіи и сборища. Въ то же время генералъ-лейтенантъ Жакмино, начальникъ національной гвардіи, напоминалъ ей объ ея обязанностяхъ сохранять порядокъ. Кромѣ всего этого, возвѣщалось, что войска направляются со всѣхъ сторонъ къ Парижу; ихъ было отъ 30 до 40 тысячъ. Несмотря на всѣ эти поздніе объявленія и прокламаціи, народъ густыми толпами потянулся по широкимъ улицамъ и бульварамъ по направленію къ церкви Магдалины, площади Согласія и Елисейскимъ полямъ. Особенно сильно было стеченіе народа около мѣста, гдѣ былъ назначенъ банкетъ. Народонаселеніе Парижа, слышавшее къ послѣдніе дни жаркіе толки оппозиціи, узнавшее, что приготовляется манифестація, хотѣло снова доказать, что оно всегда готово поддержать своею силою стремленія тѣхъ людей, которые на словахъ отстаиваютъ права народа. Эта тревожная масса искала депутатовъ оппозиціи, но ихъ не было,—на мѣсто ихъ явились войска. Народа было до 50 т. Онъ былъ безоруженъ, дѣти и женщины мелькали въ шумныхъ толпахъ. Кое-гдѣ слышались звуки «*Марсельезы*» и крики: «Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!» Часть толпы направилась къ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ было разбито нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Народъ на лѣвомъ берегу Сены, не зная еще рѣшенія депутатовъ, отправился ко дворцу палаты депутатовъ черезъ Бургонскую улицу. На мосту Согласія, гдѣ была страшная давка, народъ встрѣтилъ отрядъ войска, попробовавшій штыками преградить путь; но десятки молодыхъ людей смѣло обна-

жили свои груди и крикнули солдатамъ: «стрѣляйте, если хотите, въ своихъ братьевъ!» Солдаты уступили дорогу толпѣ, и она прошла въ палату. По убѣжденію чиновниковъ палаты, говорившихъ, что депутаты еще не собрались, народъ, очистивъ зданіе, разсѣялся. По городу же разнесся слухъ, что народъ угрожаетъ дворцу палаты, и войска бросились туда на защиту. На площади Согласія уже происходили драки между муниципальною стражею, вооруженной саблями, и народомъ, взявшимся за камни. Національная гвардія, явившаяся въ мундирахъ, но безъ оружія, громко роптала на насиліе муниципальныхъ властей. Здѣсь было произведено до двухсотъ арестовъ. Вездѣ, гдѣ появлялись сборища, закрывались лавки. Пассажи въ улицахъ: Сентъ-Оноре, Монмартръ, Монторгейль, Пале-Рояль и Тюльери, все было закрыто. На нѣсколькихъ пунктахъ шли рукопашныя схватки. Человѣкъ тридцать или сорокъ изъ всей массы запаслись ружьями, но скоро и они истратили заряды. Сильнѣе всего дрались въ улицѣ Бобуръ, гдѣ нужно было освободить пятерыхъ плѣнныхъ. И у народа, и у муниципальной власти уже насчитывалось нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Кое-гдѣ построились баррикады. Въ теченіе всего этого дня войско поражало своимъ безмолвіемъ и угрюмымъ, недовольнымъ видомъ. Оно, повидимому, съ негодованіемъ и отвращеніемъ покорялось своимъ обязанностямъ. Его отношенія къ народу были полны снисходительности и возможной осторожности. Оно съ горечью замѣтило, что національная гвардія не была созвана правительствомъ и въ этомъ обстоятельствѣ ясно проглянуло то недовѣріе, съ которымъ относилось правительство къ милиціи гражданъ. Это заронило въ душу солдатъ сомнѣніе.

Въ палатѣ депутатовъ между тѣмъ среди этихъ кровавыхъ сценъ очень хладнокровно вели пренія о какомъ-то провинціальномъ банкѣ. Ни одного слова не было еще высказано насчетъ происходившаго на улицахъ. Хорони бываютъ иногда представители народа. Только поздно вечеромъ въ канцелярію палаты была доставлена просьба высшихъ учебныхъ заведеній, испещренная тысячами подписей. Въ ней требовали обвиненія министерства. Съ другой стороны, депутатъ города Тулузы, Женудъ, сдѣлалъ такое же предложеніе. Тогда-то депутаты оппозиціи написали слѣдующее формальное предложеніе:

«Мы предлагаемъ обвинить министерство, какъ виновное въ томъ, что оно, во-первыхъ во внѣшнихъ дѣлахъ пре-

дало честь и интересы Франціи; во-вторыхъ, измѣнило принципы конституціи; нарушило гарантіи свободы и посягало на право гражданъ, въ-третьихъ, систематическимъ подкупомъ старалось замѣнить свободное выраженіе общественнаго мнѣнія расчетами частныхъ интересовъ и стремилось исказить смыслъ представительнаго управленія; въ-четвертыхъ, торговало, въ видахъ министерскихъ интересовъ, какъ публичными должностями, такъ и всѣми атрибутами и привилегіями власти; въ-пятыхъ, въ виду тѣхъ же интересовъ, разстроило финансы государства и подорвало, такимъ образомъ, силу и величіе націи; въ-шестыхъ, насильственно лишило гражданъ одного изъ правъ, которое неразрывно связано съ каждою свободною конституціею и пользованіе которымъ было гарантировано гражданамъ грамотою, законами и постановленіями; въ-седьмыхъ, при помощи открыто контръ-революціонной политики отмѣнило всѣ завоеванія двухъ предшествовавшихъ революцій и повергло страну въ глубокое смятеніе». Предложеніе было подписано пятьюдесятью двумя членами палаты и назначено для обсужденія на слѣдующемъ собраніи.

Такъ окончился первый день февральской революціи.

XII.

Ночь на 23-е февраля прошла въ приготовленіяхъ съ одной стороны и въ ожиданіи съ другой. Въ народной партіи, повидимому, не было ни предводителей, ни центра, къ которому примыкали бы всѣ силы, готовыя начать атаку противъ враговъ. Казалось, что каждый изъ бойцовъ повиновался одному своему инстинкту. Но опытный наблюдатель могъ понять, что было трудно остановить эту разбушевавшуюся массу. Правительство приготовилось съ утра къ борьбѣ. Главныя мѣстности столицы были заняты войскомъ, на Елисейскихъ поляхъ помѣщались резервы кавалеріи и пѣхоты. Національная гвардія, собранная еще наканунѣ съ трудомъ, хотя и исполняла свои обязанности, высказывала недовольство правительствомъ. Около девяти часовъ утра забили тревогу. Правительство надѣялось на свои силы, оно хотѣло употребить національную гвардію только какъ естественную посредницу между нимъ и народомъ. Но національная гвардія, кажется, была готова помогать не правительству, а народу, и въ ея рядахъ уже слышались крики: «да здравствуетъ реформа! прочь Гизо!»—крики, заронившіе сомнѣніе въ умы солдатъ. Народъ инстинктивно и мол-

чаливо рѣшился идти напроломъ и не уступать ни въ какомъ случаѣ врагамъ. Конституціонная или династическая оппозиція отошла на второй планъ и была забыта. Съ утра 23-го февраля никто и не вспоминалъ о ней. Движеніе началось въ кварталѣ Сенъ-Дени. Еще наканунѣ, около восьми часовъ вечера, толпа блузниковъ окружила ворота Сенъ-Дени; у однихъ были въ рукахъ большія палки, другіе были вооружены ломами; они сломали и повырывали прутья желѣзной рѣшетки, ограждавшей ворота. Проходя отсюда по улицѣ Борегаръ, они пробовали потушить газовые рожки и воздвигнуть баррикаду въ улицѣ Святого Филиппа. Вслѣдствіе этихъ попытокъ, на бульварѣ Бонпувель расположился отрядъ артиллеріи посреди карре, составленнаго частью 52-го полка. Всю ночь подъ страшнымъ дождемъ солдаты провели въ полномъ вооруженіи. Три воза съ сѣномъ и одна фура, принадлежавшіе кавалеріи, были помѣщены противъ воротъ Сенъ-Дени. Здѣсь-то, какъ мы сказали, и началось первое движеніе. Оно началось довольно забавной сценой. Сначала солдаты 52-го полка смотрѣли очень сурово на массу народа, но мало-по-малу они разговорились съ блузниками, и послѣдніе вмѣшались въ ихъ ряды, нѣкоторые изъ блузниковъ влѣзли на возы и фуру. Утромъ получилось приказаніе увезти эти возы, преграждавшіе свободный путь. Солдаты повезли ихъ, смѣясь надъ блузниками, сидѣвшими наверху и сдѣлавшимися совершенно неожиданно героями минуты. Эти тріумфаторы были встрѣчены въ улицѣ Сенъ-Этьенъ новымъ отрядомъ работниковъ, передъ которымъ развѣвалось трехцвѣтное знамя. Обѣ толпы соединились вмѣстѣ и прошли по всѣмъ улицамъ, гдѣ уже воздвигались баррикады. Солдаты старались разрушать эти народныя укрѣпленія, но народъ не унывалъ и воздвигалъ ихъ снова. Схватки, хотя и незначительныя, происходили въ различныхъ мѣстахъ, и вездѣ рабочій народъ и молодежь выказывали рѣдкое мужество и самоотверженіе. Около перваго часа разнесся слухъ, что министерство пало, и въ рядахъ солдатъ начали поговаривать, что все кончено. Народъ торжествовалъ, войско вздохнуло свободнѣе, національная гвардія съ радостью разошлась по домамъ. Но что же дѣлалось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ?

Король смотрѣлъ сначала очень беззаботно на возстаніе; онъ надѣялся, что счастье не измѣнитъ ему, какъ не измѣнило и прежде. Даже самые близкіе люди не могли увѣ-

рить его, что дѣло очень серьезно. Министерство сначала вполнѣ раздѣляло взглядъ короля на дѣло; но около полудня его самоувѣренность начала колебаться и оно попросило объ отставкѣ, на которую Луи-Филиппъ счелъ теперь нужнымъ согласиться. Такая перемѣна совершилась не безъ причины.

Въ палатѣ депутатовъ царствовало волненіе, туда приносились разсказы о патріотическихъ и трагическихъ сценахъ, происходившихъ на улицахъ. Просьбы объ отставкѣ министерства и о реформѣ подавались въ палату въ теченіе всего утра. Одна такая просьба на имя Кремье и Мари была подписана пятью стами человѣкъ, принадлежавшими къ четвертому легіону національной гвардіи. Такъ какъ просители не могли пробраться въ палату, то Кремье и Мари вышли къ нимъ на улицу.

«Господа депутаты,—говорилось въ просьбѣ:—мы, нижеподписавшіеся граждане четвертаго округа, объявляемъ, заявляя наше уваженіе къ истинѣ и къ нашимъ личнымъ убѣжденіямъ, что мы готовы поддерживать въ національной гвардіи ея девизъ: свобода, *общественное спокойствіе*, и для этой цѣли возьмемся за оружіе по приказанію своихъ начальниковъ, чтобы сохранить порядокъ и спокойствіе; но мы формально заявляемъ этою манифестаціею, что мы не можемъ быть поддержкою подкупного или подкупающаго министерства, которое мы отрицаемъ всѣми силами нашихъ политическихъ убѣжденій и поступковъ, требуя со всею искренностью его обвиненія и немедленной отставки». Принимая эту просьбу, Кремье замѣтилъ между прочимъ: «Теперь идите туда, гдѣ поднимаются волненія, возстановите порядокъ, миръ; министерство поражено на смерть, національная гвардія произнесла его приговоръ»... Единодушные крики одобренія заглушили эти слова, повидимому, ясно показывая, что эту взволнованную толпу легко усмирить перемѣною министерства и кое-какою реформою по части системы выборовъ. Въ самой палатѣ Вавенъ, одинъ изъ депутатовъ Парижа, требовалъ объясненій у министровъ. На эти требованія оппозиція отвѣтила рукоплесканіями. Тогда Гизо взошелъ на трибуну и объявилъ, что король намѣренъ призвать графа Моле для составленія новаго кабинета. При этомъ извѣстіи, депутаты правой стороны и центра приблизились къ министру и стали говорить, что это непростительная ошибка, что это пораженіе монархіи. Депутаты лѣвой стороны совершенно успокоились и считали, что цѣль

достигнута. Кромѣ перемѣны министерства они не желали ничего. Въ палатѣ нэровъ было тоже не менѣе волненія. Нэры Альтонъ-Шэ и Буасси предложили потребовать отчетъ у министровъ, почему послѣдніе не созвали ранѣе національную гвардію и не предупредили кровопролитія. Энергическія слова этихъ двухъ нэровъ вызвали такую бурю въ палатѣ, какой въ ней не бывало никогда. Дѣло дошло до того, что президентъ сказалъ Буасси: «Мы не позволимъ одному человѣку высказывать неуваженіе ко всей палатѣ».

Я уважаю палату,—отвѣтилъ среди страшныхъ криковъ Буасси:—но я презираю тѣхъ, которые доходятъ до личной вражды ко мнѣ...

Личную вражду къ нему выказалъ въ эту минуту весь составъ палаты, за исключеніемъ Альтонъ-Шэ. Послѣ этой бури палата нэровъ перешла къ текущимъ дѣламъ [1]).

На улицахъ же всѣ вѣрили въ паденіе министерства, и радость распространилась по всему Парижу. Утѣшительная новость разносилась даже офицерами, командовавшими войскомъ. Національная гвардія твердо заявила, что она вышла для сохраненія порядка и спокойствія и въ то же время для низверженія ненавистнаго министерства. Съ наступленіемъ темноты по городу проходили толпы народа съ криками: «Иллюминацію! Иллюминацію! Да здравствуетъ реформа!» Во многихъ окнахъ дѣйствительно зажглись огни; и массы людей съ пѣснями и радостными криками разгуливали по бульварамъ. Густая толпа окружала домъ министерства иностранныхъ дѣлъ, передъ которымъ стояло подъ ружьемъ до пятидесяти человѣкъ изъ линейныхъ войскъ. Къ восьми часамъ народная масса на этомъ мѣстѣ стала еще плотнѣе; шли толки про Гизо; его ругали; произнеслось нѣсколько угрозъ; вдругъ раздался выстрѣлъ,—кѣмъ онъ былъ сдѣланъ—неизвѣстно. Солдаты сочли этотъ выстрѣлъ за сигналъ къ нападенію и отвѣтили на него залпомъ изъ пятидесяти ружей. Народъ съ ужасомъ разбѣжался, но на мѣстѣ осталось до пятидесяти убитыхъ. Самые смѣлые изъ народа остались на мѣстѣ, положили трупы на двѣ телѣги, освѣтили ихъ факелами и повезли по Парижу съ криками: «Мщеніе! убійство! измѣна! къ оружію!» Эта процессія представляла страшную картину: убитые мужчины, женщины, дѣти лежали на телѣгахъ съ открытыми ранами

[1]) *Teynadier.* Histoire de mémorables journées de février 1848. Paris. 1848.—Въ этой брошюрѣ записаны главныя сцены, происходившія въ собраніи.

и озарялись огнемъ факеловъ. Процессія остановилась у помѣщенія редакціи «*Насьональ*». Арманъ Марра и другіе республиканскіе предводители появились въ окнахъ и обмѣнялись съ народомъ нѣсколькими горячими, возбуждающими словами. Потомъ процессія направилась къ редакціи «*Реформы*», гдѣ ее встрѣтили такъ же горячо. Процессія пошла дальше: въ воздухѣ раздавались мрачные звуки набата: кое-гдѣ гремѣли глухіе выстрѣлы. Была уже полночь, а стрѣльба не утихала. Дѣло правительства было проиграно.

Король, не торопившійся сдѣлать какія-нибудь перемѣны, теперь увидалъ ясно, что торопиться нужно. Онъ снова послалъ за графомъ Моле, котораго условія, несмотря на ихъ умѣренность, онъ не принялъ еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Графъ Моле не пріѣхалъ. Тогда король призвалъ Тьера. Послѣдній явился, былъ принятъ королемъ съ недовольной физіономіей, и объявилъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ Одилона Барро. Луи-Филиппъ удивился, что ему предлагаютъ въ министры его отъявленнаго врага, но не соглашаться теперь было не время. Тьеръ поѣхалъ искать Барро. Король отдалъ приказанія Гизо и легъ спать. Около полуночи Гизо назначилъ начальникомъ гарнизона и національной гвардіи маршала Бюжо. Бюжо былъ очень недоволенъ и ворчалъ, что его назначили такъ поздно, тогда какъ утромъ онъ еще могъ бы сдѣлать какія-нибудь серьезныя распоряженія для усмиренія народа; этотъ человѣкъ былъ популяренъ въ арміи, но народъ ненавидѣлъ его, какъ звѣрскаго и кровожаднаго истребителя. Одно назначеніе его командиромъ надъ войскомъ должно было раздражить еще сильнѣе умы и обѣщать страшную рѣзню. Бюжо не разсуждалъ, почему возсталъ народъ, на чьей сторонѣ правда, и готовъ былъ топтать лошадьми и уничтожать пушечными выстрѣлами эту чернь, не понимая, что и самая побѣда, купленная тысячами труповъ, не принесетъ пользы правительству. Нѣтъ, чѣмъ страшнѣе проявляется звѣрство, чѣмъ больше жертвъ ложится въ этихъ случаяхъ, тѣмъ сильнѣе и глубже западаетъ ненависть въ душу родственниковъ и друзей убитаго народа. Этого не понималъ Бюжо, не понимало и правительство, бросая въ послѣдній разъ перчатку своимъ подданнымъ. Утромъ 24 февраля Тьеръ и Одилонъ Барро начали переговоры съ королемъ о программѣ новаго министерства. Король былъ сговорчивъ, онъ соглашался даже прекратить нападенія со стороны войскъ и распустить палату. Въ восемь часовъ утра была издана прокламація, гдѣ го-

ворилось отъ имени Барро и Тьера о королевскомъ рѣшеніи. Бюжо со своей стороны запретилъ войскамъ вступать въ переговоры съ врагами, но не только офицеры, а и генералы вели эти переговоры и даже отступали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ народомъ. Приказъ о прекращеніи стрѣльбы и назначеніе Ламорисьера начальникомъ національной гвардіи окончательно сдѣлали ненужнымъ Бюжо, и скоро онъ былъ уволенъ. На мѣсто его былъ призванъ любимый народомъ старый маршалъ Жераръ. Народная партія между тѣмъ успѣла въ ночь построить баррикады во всемъ Парижѣ. Тысячи вооруженныхъ людей все ближе и ближе подвигались къ Тюльери. Назначеніе въ министерство Тьера и Барро не произвело никакого дѣйствія на народъ. Онъ теперь не довольствовался министерскою реформою и къ 9-ти часамъ утра было издано новое воззваніе, гдѣ требовали низверженія самого Луи-Филиппа, который, по словамъ воззванія, такъ же приказывалъ стрѣлять въ народъ, какъ Карлъ X. Отправляясь къ зданію ратуши, Одилонъ Барро былъ окруженъ толпой народа и долженъ былъ остановиться передъ одной изъ баррикадъ. Люди, охранявшіе его, Горасъ Верне, Оскаръ Лафайэтъ, Кинетъ, стали очищать дорогу; онъ обратился къ толпѣ.—«Друзья,—промолвилъ онъ:—наши общія старанія побѣдили. Мы завоевали свободу и, что еще лучше, честь...»—«Этого мало!—крикнула толпа, заглушая его голосъ.—Насъ слишкомъ часто обманывали!» Какой-то человѣкъ изъ народной партіи подошелъ къ Барро и энергично объявилъ ему, что уступки сдѣланы слишкомъ поздно и не ведутъ ни къ чему. Барро поспѣшилъ уѣхать. Король былъ до сихъ поръ спокоенъ, но около полудня онъ получилъ извѣстіе, что войска частью переходятъ на сторону народа. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ. Королева энергично начала настаивать, чтобы мужъ появился передъ войскомъ. Онъ въ сопровожденіи герцоговъ Немурскаго и Монпасье выѣхалъ къ войску. Но солдаты приняли его холодно, а національная гвардія крикнула: «да здравствуетъ реформа!» Пришлось вернуться во дворецъ, гдѣ всѣ были въ смятеніи. Тьеръ объявилъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать и надѣется только на популярность Барро. Пока шли толки о составѣ кабинета Барро, явился Эмиль Жирарденъ. «Если ваше величество хотите спасти престолъ,—сказалъ онъ:—то это можно сдѣлать немедленнымъ отреченіемъ». Затѣмъ онъ показалъ проектъ прокламаціи. Король оскорбился и попробовалъ возражать. Королева негодовала

еще болѣе. Но Жирарденъ хладнокровно доказывалъ необходимость отреченія. Черезъ нѣсколько минутъ согласіе короля было получено, и въ Парижѣ уже разносился слухъ объ этомъ, когда маршалъ Бюжо явился во дворецъ и сталъ доказывать, что подобная уступка не поведетъ ни къ чему. Король оживился. Но остальные присутствующіе во второй разъ заставили его отречься отъ престола. Въ часъ пополудни на стѣнахъ Парижа красовалась слѣдующая лаконическая афиша: «Граждане! Отреченіе короля. Регентство герцогини Орлеанской. Распущеніе палаты. Всеобщая амнистія». Король снялъ мундиръ, одѣлся въ партикулярное платье и поѣхалъ. На Карусельской площади онъ попробовалъ обратиться съ нѣсколькими словами къ національной гвардіи и народу, но его голосъ заглушили крики злобы. Онъ поблѣднѣлъ и замолчалъ. Подъ конвоемъ кавалеріи и артиллеріи онъ проѣхалъ до площади Согласія, гдѣ онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на Тюльери и сѣлъ въ простую наемную карету,—его путь лежалъ въ Нельи, въ Версаль, въ Трепоръ и, наконецъ, въ Англію.

Это было въ два съ половиной часа пополудни.

XIII.

Народъ овладѣлъ Пале-Роялемъ и Тюльери. Несмотря на раздраженіе и многочисленность толпы, она вела себя хорошо и одною изъ первыхъ ея заботъ было стремленіе воспрепятствовать грабежу и воровству. Она сожгла въ Пале-Роялѣ золоченую мебель, королевскіе экипажи, но въ то же время народъ несъ на штыкахъ надпись: «*смерть ворамъ*» и импровизированные сыщики шарили въ карманахъ людей, выходившихъ изъ королевскихъ комнатъ. На министерствѣ иностранныхъ дѣлъ появились написанныя мѣломъ вывѣски: «*Домъ народа*», «*Національная собственность*» и «*Лавка, отдающаяся внаймы*». Тронное кресло было отнесено народомъ на площадь Бастиліи и тамъ, обложенное соломою, при звукахъ музыки, оно было сожжено. Битва прекратилась, и въ два часа пополудни на стѣнахъ Парижа появилось слѣдующее объявленіе:

ЖЕЛАНІЕ НАРОДА.

РЕФОРМА ДЛЯ ВСѢХЪ.

Общая амнистія:—исключаются и предаются суду только министры.—Право сходокъ, признанное всенароднымъ объ-

явленіемъ.—Немедленное распущеніе палаты и созваніе низшихъ собраній.—Городская гвардія для исполненія требованій муниципальной власти.—Уничтоженіе сентябрьскихъ законовъ.—Свобода слова, свобода печати, свобода петицій, свобода ассоціацій, свобода выборовъ.—Реформа выборовъ. Каждый членъ національной гвардіи есть лицо избирающее и избираемое.—Реформа парламентская.—Жалованье депутатамъ: лица, отправляющія общественныя должности, на ихъ мѣстахъ.—Реформа палаты паровъ.—Уничтоженіе назначеній по королевскому повелѣнію и по аристократическому праву наслѣдства.—Реформа административная.—Гарантія для всѣхъ служащихъ противъ злоупотребленія высшихъ предпочтеніями и вліяніями.—Уваженіе собственности, но гарантія права на трудъ.—Трудъ, обезпеченный народу.—Союзъ и братская ассоціація между хозяевами и рабочими.—Равноправность въ дѣлѣ воспитанія для всѣхъ: ясли, пріюты, сельскія и городскія школы.—Уничтоженіе притѣсненія и эксплоатаціи дѣтства.—Полная свобода вѣроисповѣданій.—Полная независимость совѣсти.—Защита для всѣхъ слабыхъ, для женщинъ и дѣтей.—Миръ и святой союзъ между народами.—Уничтоженіе войны, гдѣ народъ служитъ добычею пушекъ.—Независимость для всѣхъ національностей.—Франція, защитница правъ слабыхъ народовъ. — Порядокъ, основанный на свободѣ. — Всеобщее братство!

Покуда народъ читалъ эту, наскоро написанную прокламацію, въ палатѣ депутатовъ шли толки о будущемъ устройствѣ государства.

Въ Парижѣ остались изъ королевскаго семейства герцогъ Немурскій и герцогиня Орлеанская со своими дѣтьми. Герцогъ и герцогиня должны были сдѣлаться законными регентами до совершеннолѣтія графа Парижскаго, за которымъ, по волѣ короля, оставлялась корона. Всѣ эти члены королевскаго семейства отправились въ палату депутатовъ, гдѣ депутаты трепетали отъ страха, что народное возстаніе уйдетъ дальше того предѣла, который назначался ими для движенія. Они совѣщались теперь съ Ламартиномъ, имя котораго имѣло значеніе въ народѣ, и готовились поскорѣе провозгласить королемъ графа Парижскаго, а герцогиню—регентшей. Въ этомъ духѣ сказалъ рѣчь Дюпонъ, но Мари и Кремье предложили учредить временное правительство. «Мы должны были перенести революцію, теперь намъ остается вполнѣ довѣриться странѣ», заключилъ свою рѣчь

Кремье. «Господа,—замѣтилъ при этомъ Жендъ:—ничего нельзя сдѣлать безъ содѣйствія всей страны. Въ 1830 г. вы не призвали ее на совѣтъ, и вы видите, что изъ этого вышло. То же выйдетъ и теперь». На эти серьезныя слова Одилонъ Барро отвѣтилъ очень сентиментальными и пустыми фразами, желая поддержать герцогиню Орлеанскую, а можетъ-быть, главнымъ образомъ, удержать за собой министерское мѣсто. «Никогда Франціи не было столько нужно всего ея величія и всей ея силы,—говорилъ онъ.—Въ настоящемъ положеніи наши обязанности опредѣлены. Нашъ долгъ призываетъ насъ соединиться со всѣмъ, что есть наиболѣе великодушнаго въ сердцѣ націи. Іюльская корона покоится на главѣ ребенка и женщины. Это торжественное призваніе...» Голосъ оратора былъ заглушенъ. Всѣ, за исключеніемъ приверженцевъ стараго правительства, понимали, что именно потому и нельзя довѣрять корону этимъ лицамъ, что они слабы, а тронъ не больничная и не пріютская кровать. Черезъ нѣсколько минутъ Барро, прерываемый другими депутатами, началъ говорить снова. За нимъ на трибуну взошелъ Ларошжаклень; онъ сослался просто на народъ и, объявивъ, что палатѣ сообщенъ актъ, написанный королемъ, и потому не имѣющій уже никакой силы, такъ какъ король теперь ничто, прибавилъ, что и сама палата не значитъ теперь ничего, ровно ничего. Въ эту минуту въ палату ворвалась толпа вооруженныхъ людей. Засѣданіе было прервано. Изъ толпы выдѣлился нѣкто Шевалье, взошелъ на трибуну и предложилъ герцогинѣ Орлеанской появиться съ сыномъ на бульварахъ, чтобы узнать настроеніе народа. Но герцогиня уже скрылась изъ залы и искала спасенія, надѣвая на своихъ дѣтей блузы. Затѣмъ говорили Ледрю-Роллень и Ламартинъ, оба они требовали временнаго правительства. Еще послѣдній не кончилъ своей рѣчи, когда на улицѣ раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ, и новая толпа, состоявшая изъ блузниковъ, ворвалась въ залу. Эта толпа была шумна и грозна. Она бурно кричала: «Прочь регентство! Долой Бурбоновъ и новыхъ, и старыхъ! Прочь подкупленную палату и всѣхъ предателей!» Кто-то прицѣлился въ оратора, но ему гнѣвно крикнули: «Не стрѣляйте! Не стрѣляйте! это Ламартинъ говоритъ». Президентъ палаты объявилъ, что засѣданіе болѣе не будетъ продолжаться, и удалился. За нимъ разбѣжались и другіе депутаты, не принадлежавшіе къ партіи движенія. Герцогъ Немурскій, запутавшійся въ стремянахъ въ коридорахъ, успѣлъ добыть

мундиръ національнаго гвардейца и убѣжать изъ Парижа, откуда бѣжала и герцогиня Орлеанская. Вообще эти люди выказали столько слабодушія и трусости и такъ мало сообразительности и самостоятельности, что все ихъ ничтожество ярко бросалось въ глаза. По удаленіи изъ палаты депутатовъ правой стороны, Ламартину удалось возстановить кое-какое спокойствіе въ палатѣ, и онъ призвалъ на президентское мѣсто Дюпона *(de l'Eure)*. Толпа требовала, чтобы прочли имена членовъ, которые будутъ составлять временное правительство. Поминутно прерываемые разными восклицаніями, Ламартинъ и старикъ Дюпонъ прочли имена людей, долженствовавшихъ стать во главѣ республики. Когда они окончили чтеніе именъ, Ламартинъ ушелъ въ сопровожденіи большого числа гражданъ въ ратушу. На трибуну же вошелъ Ледрю-Ролленъ и предложилъ повторить снова имена тѣхъ, кому, повидимому, сочувствовало большинство. «Я попрошу стенографовъ «*Moniteur'a*»,—замѣтилъ онъ:—записывать имена, но мѣрѣ того, какъ я буду называть ихъ, такъ какъ мы не можемъ представить Франціи имена, не признанныя вами». Онъ началъ читать: «Дюпонъ, Араго, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Паже, Мари, Кремье...» Тутъ его прервали восклицаніемъ: «Кремье! это такъ, но не нужно Гарнье-Паже! Хорошій-то Гарнье умеръ». Затѣмъ оставшаяся толпа съ криками: «да здравствуетъ республика и Ледрю-Ролленъ!» отправилась къ ратушѣ. Какой-то работникъ выстрѣлилъ въ портретъ Луи-Филиппа, но другой работникъ тотчасъ же взошелъ на трибуну и произнесъ: «Уваженіе къ памятникамъ! уваженіе къ собственности! Зачѣмъ разрушать! Зачѣмъ стрѣлять въ эти картины! Мы показали, что не должно дурно обращаться съ народомъ; покажемъ же теперь, что народъ умѣетъ уважать памятники и свою побѣду!» Эти слова сопровождались рукоплесканіями рабочихъ, всѣ спѣшили узнать имя этого честнаго мастероваго, оказалось, что это былъ обойщикъ Теодоръ Сизъ.

Народная толпа между тѣмъ все болѣе и болѣе сгущалась въ ратушѣ, около нея и въ смежныхъ улицахъ. Ратуша съ давнихъ поръ была главною квартирой, мѣстомъ освященія революціи, какъ Реймсъ служилъ мѣстомъ коронованія королей, вотъ почему Ламартинъ поспѣшилъ туда, желая предупредить другія революціонныя партіи въ дѣлѣ захвата власти. Ламартинъ уже съ первой минуты составленія временнаго правительства дѣйствовалъ такимъ образомъ что можно было понять, какъ враждебно относится

онъ къ соціалистамъ-революціонерамъ: онъ не внесъ въ списокъ членовъ временнаго правительства Луи Блана, хотя это имя предлагалось очень многими во время совѣщанія въ палатѣ депутатовъ. Дѣйствительно, Луи Бланъ былъ личностью популярною, но Ламартинъ не любилъ его, какъ соціалиста. Несмотря на нежеланіе Ламартина видѣть своимъ товарищемъ Луи Блана, послѣдній вмѣстѣ съ Арманомъ Марра, Флокономъ и работникомъ Альберомъ Бувье, былъ избранъ въ члены временнаго правительства, въ комнатахъ редакціи «*Насьоналя*» и «*Реформы*». Пробираясь въ ратушу, Луи Бланъ былъ стиснутъ толпой; тогда нѣсколько работниковъ подняли его на руки и съ тріумфомъ внесли въ домъ, крича народу: «дайте дорогу члену временнаго правительства!» Этого-то члена новаго правительства и его товарищей, избранныхъ не въ палатѣ депутатовъ, не хотѣли, повидимому, признать остальные правители, избранные въ палатѣ, и Гарнье-Паже первый назвалъ ихъ *секретарями*. Луи Бланъ и его товарищи не спорили о названіи, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ совѣщаній они имѣли равное право голоса съ прочими членами правительства и даже Луи Блану и Флокону удалось болѣе всѣхъ другихъ членовъ повліять при составленіи первой офиціальной прокламаціи. Довольно долго старались члены новаго правительства успокоить толпу, наконецъ, они вошли въ отдѣльную залу, которая охранялась вооруженными политехниками, и тамъ начали совѣщаться насчетъ первой прокламаціи къ народу. Первый вопросъ, представившійся имъ, былъ слѣдующій: «Будетъ ли или не будетъ провозглашена республика?» Кажется, тутъ не было никакихъ сомнѣній въ характерѣ отвѣта,—Ледрю-Роллень, Флоконъ и Луи Бланъ отвѣтили утвердительно; но, къ удивленію ихъ, Дюпонъ, Араго и Мари отвѣтили отрицательно; Ламартинъ склонялся на сторону первыхъ, остальные члены колебались. Такого противорѣчія трудно было ожидать отъ этихъ людей, слывшихъ столько лѣтъ республиканцами. Вслѣдствіе этого разногласія, республика была провозглашена, но только условнымъ образомъ: она могла существовать и не существовать, смотря по всеобщему желанію народа. Покуда шли долгіе толки объ этомъ вопросѣ, народъ началъ шумѣть сильнѣе прежняго. Пришлось снова выйти къ нему и успоконвать волненіе. Ламартинъ и Луи Бланъ, окруженные политехниками, обратились къ толпѣ съ увѣщаніями, и Луи Блану пришла въ голову счастливая мысль; онъ крикнулъ толпѣ:

«Временное правительство желаетъ учредить республику!» Эти слова обрадовали толпу и тутъ же работники отыскали кусокъ холста, написали на немъ углемъ: «Республика единая и нераздѣльная провозглашена во Франціи»,—и вывѣсили этотъ холстъ изъ окна ратуши, освѣтивъ его факелами.

Послѣ этого члены правительства наскоро велѣли переписать въ нѣсколькихъ экземплярахъ составленную ими прокламацію и раскидали ее изъ оконъ народу. Республика была объявлена.

VI.

РЕСПУБЛИКА.

1848—1851.

1.

Распорядительность временнаго правительства въ первыя минуты его существованія была изумительна [1]). Ему пришлось въ теченіе ночи издать десятки декретовъ, отвѣтить на сотни вопросовъ, удовлетворить самымъ разнообразнымъ желаніямъ и требованіямъ. Провозгласивъ республику, приходилось назначить поскорѣе министровъ и въ первую же ночь были назначены слѣдующіе министры: Ламартинъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, Ледрю-Ролленъ — министръ внутреннихъ дѣлъ, Мари—общественныхъ работъ, Араго—флота, адвокатъ Бетмонъ—земледѣлія и торговли, генералъ Бедо — военный министръ, банкиръ Гудшо — финансовъ, Карно — народнаго просвѣщенія, Кремье — юстиціи. Кромѣ того, генералъ Кавеньякъ получилъ начальника алжирской арміи, Гарнье-Паже званіе парижскаго мэра. Должность полицейскаго префекта выпала на долю баррикаднаго героя и заговорщика Коссидьера. Собраніе депутатовъ признавалось распущеннымъ, палатъ впредь было запрещено собираться. Новый порядокъ дѣлъ былъ признанъ всѣми. 24-го же февраля архіепископъ парижскій отдалъ приказаніе священникамъ пѣть въ церквахъ во время богослуженія: *Domine salvum fac populum*, вмѣсто *Domine salvum fac regem*, и въ своемъ посланіи онъ отдавалъ полную справедливость самоотверженію, уваженію къ собственности и благороднымъ чувствамъ народа. Ультрамонтанскій журналъ

[1]) *L. Blanc.* Révélations, t. I.

«*l'Univers*» писалъ, что «февральская революція есть дѣло Провидѣнія», что «никогда не могутъ простые заговоры перевернуть въ столь короткое время цѣлое человѣческое общество». Къ этому было прибавлено: «Кому придетъ теперь въ голову во Франціи защищать монархію? Франція еще считала себя монархической, а между тѣмъ, она была уже республиканской. У монархіи теперь нѣтъ приверженцевъ. И французскіе католики будутъ лучшими и самыми искренними республиканцами». Послѣ подобнаго признанія республики со стороны ультрамонтанцевъ нельзя удивляться, что ее призналъ, напримѣръ, парижскій университетъ, приславшій для выраженія своихъ чувствъ своего депутата Жерюзе, или кассаціонный судъ, выражавшій свое сочувствіе республикѣ чрезъ своего президента Порталиса. Луи-Наполеонъ Бонапартъ тоже поспѣшилъ привѣтствовать республику, возвратившись 28 февраля изъ изгнанія. «Милостивые государи,—писалъ онъ членамъ временнаго правительства:—парижскій народъ разрушилъ, при помощи своего героизма, послѣдніе слѣды вторженія иноземцевъ, и я поспѣшилъ изъ своего изгнанія встать подъ знамена провозглашенной республики. Не имѣя никакихъ другихъ стремленій, кромѣ стремленія служить моей родной странѣ, я объявляю членамъ временнаго правительства о своемъ прибытіи и спѣшу увѣрить ихъ въ моей преданности дѣлу, котораго они служатъ представителями, и въ моей симпатіи къ ихъ личностямъ. Примите, милостивые государи, увѣреніе въ этихъ чувствахъ»

Но въ первыя минуты провозглашенія республики, конечно, дѣло не обошлось безъ бурныхъ сценъ, хотя эти сцены и не были такъ «возмутительны» и не производились такою «пьяною чернью», какъ это описывается у нѣкоторыхъ писателей, не умѣющихъ представить себѣ возставшій народъ иначе, какъ въ пьяномъ видѣ, какъ массой негодяевъ и дураковъ. Уже одно то, что «эта пьяная чернь» могла быть усмирена безъ помощи штыковъ и пушекъ простыми увѣщаніями Ламартина и Луи Блана, показываетъ, что эти «оборванные люди», «бушевавшіе» въ ратушѣ, не имѣли непремѣннаго желанія свергнуть временное правительство. Если бы это желаніе было очень твердо, то какія увѣщанія помѣшали бы исполнить его тѣмъ самымъ людямъ, которые за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ отстояли свое дѣло, подставляя грудь подъ выстрѣлы враговъ? Все дѣло въ томъ, что эта «чернь» даже и въ пьяномъ видѣ

не могла не сомнѣваться въ членахъ временнаго правительства, не могла не спрашивать: «принадлежатъ ли эти люди къ народу? Сражались ли они на баррикадахъ? Не аристократы ли это?» Народъ былъ мало знакомъ съ либеральными представителями его интересовъ. Лучшіе люди того времени сознавали, что они не могутъ написать даже книги для народа, и что союзъ съ народомъ является главною задачею для молодого поколѣнія [1]). Вотъ почему для усмиренія этой массы, «опьянѣвшей отъ вина и ярости», понадобились не пушки, а обѣщанія и клятвы членовъ временнаго правительства дѣйствовать въ пользу рабочаго народа. Поутру 25 февраля рабочій народъ снова собрался съ криками и угрозами къ ратушѣ и ворвался въ залу засѣданія временнаго правительства. Впереди всѣхъ былъ вооруженный блузникъ. Это былъ работникъ Маршъ. Онъ указалъ на площадь и объявилъ, что онъ присланъ народомъ требовать признанія «права на работу». Луи Бланъ отвелъ его въ амбразуру окна и написалъ при его глазахъ слѣдующій декретъ: «Правительство французской республики обязуется гарантировать существованіе работника работою. Оно обязуется гарантировать работу всѣмъ гражданамъ. Оно признаетъ, что рабочіе должны соединиться между собою, чтобы пользоваться законнымъ барышомъ за свой трудъ. Временное правительство выдастъ рабочимъ милліонъ, который выпадетъ на ихъ долю по бюджету». Послѣднее обѣщаніе написано Ледрю-Ролленомъ, весь декретъ утвержденъ подписью Гарнье-Паже и Луи Блана. Кромѣ того, народъ требовалъ принятія краснаго знамени, наблюденія за всѣми совѣщаніями и рѣшеніями временнаго правительства со стороны народныхъ выборныхъ, обезоруженія національной гвардіи и раздачи ея оружія народу. Эти требованія испугали временное правительство, и оно постаралось успокоить народъ обѣщаніями и новыми декретами, въ которыхъ постановлялось дать помощь раненымъ и се-

1) *Michelet.* Cours professé au collège de France, Chamerot, 1848, pp. 9—31. Заканчивая свою лекцію о разъединеніи образованныхъ классовъ и народа, Мишле говоритъ: «Кому должна принадлежать инициатива первыхъ шаговъ къ примиренію? Я нисколько не боюсь прямо высказать на этотъ счетъ свое мнѣніе. Кого избрали Аѳины посредникомъ между богами и народомъ?—юношу. Какъ дитя является посредникомъ въ семьѣ, такъ молодой человѣкъ долженъ быть посредникомъ въ обществѣ гражданъ». Эти слова были встрѣчены рукоплесканіями молодежи, уже давно являвшейся первою помощницею народа въ трудные дни возстаній, эпидемій и т. п.

мействамъ убитыхъ; превратить Тюльери въ пріютъ для инвалидовъ-работниковъ; усыновить отечеству дѣтей убитыхъ; отмѣнить смертную казнь; устроить національныя мастерскія; возвратить свободу всѣмъ политическимъ преступникамъ и пр. Въ городѣ, между тѣмъ, распускались врагами республики различные возмутительные слухи насчетъ стремленія народа овладѣть собственностью зажиточныхъ людей, уничтожить памятники, захватить въ свои руки и изломать машины. Противъ послѣдняго обвиненія возразили сами работники, написавъ слѣдующее письмо: «Братья, мы узнали, что среди радостей побѣды нѣкоторые изъ нашихъ, увлеченные предательскими совѣтами, хотятъ омрачить славу нашей революціи крайностями, мы порицаемъ ихъ со всею нашею энергіею: они хотятъ изломать скоропечатныя машины. Братья, они правы: мы терпимъ, какъ и они, разстройство, внесенное введеніемъ машинъ въ промышленность; но вмѣсто нападенія на изобрѣтенія, сокращающія трудъ и умножающія производство, мы обвиняемъ эгоистическія и непредусмотрительныя правительства. Ихъ не будетъ существовать въ будущемъ. Итакъ, будемъ уважать машины. Бороться съ ними, это значитъ замедлять и заглушать голосъ революціи, дѣлать среди серьезныхъ событій, совершающихся вокругъ, дѣло дурныхъ гражданъ». Письмо было подписано двадцатью шестью мастеровыми.

Соціалисты и коммунисты, съ своей стороны, поспѣшили выразить довѣріе временному правительству и успокоить умы своихъ послѣдователей. Вотъ какъ описывалась въ «*Democratie*» манифестація соціалистовъ [1]): «Торжественная манифестація, способная внести въ умы увѣренность и спокойствіе, была устроена сегодня женщинами, матерями семействъ и дѣтьми. Торжественный кортежъ, состоящій изъ надзирательницъ и покровительницъ пріютовъ, яслей и воспитательныхъ заведеній Парижа, въ сопровожденіи дѣтей, тихо проходилъ по многолюднымъ кварталамъ города къ мѣсту засѣданія временнаго правительства, чтобы ускорить окончательное устройство подобныхъ учрежденій, которыя навсегда обезпечили бы ребенку материнскій уходъ и воспитаніе. Процессія, окруженная вооруженными работниками и національной гвардіей, была предметомъ исполненныхъ уваженія и симпатіи демонстрацій. Вездѣ толпа съ уваже-

[1]) *Legrandier.* Histoire des mémorables journées de février, 1848, pp. 91–99.

пѣмъ уступала дорогу процессіи, привѣтствуя республиканское знамя и значки, на которыхъ виднѣлись надписи: «*Воспитаніе для дѣтей народа*»; «*Ясли, пріюты, школы, ремесленныя училища*»; «*Святой принципъ семьи*»; «*Соединеніе вѣроисповѣданій*»; «*Всеобщее братство*». Вслѣдъ за этими значками шли представители различныхъ вѣроисповѣданій: верховный раввинъ, католическіе священники и протестантскій пасторъ. Народъ хорошо понимаетъ всѣ великія идеи, и потому онъ принялъ съ глубокою симпатіею эту благородную манифестацію, этотъ первый шагъ къ организаціи одной соціальной семьи. Кабе со своей стороны обратился съ прокламаціей къ коммунистамъ, призывая ихъ къ повиновенію временному правительству, отъ котораго онъ ожидалъ свободы ассоціацій, преній и печати, права на трудъ и организацію труда, уничтоженія налоговъ на предметы первой потребности, безплатнаго обученія для народа. «Будемъ уважать чужую собственность,—писалъ онъ между прочимъ:—но будемъ непоколебимо и твердо требовать всѣхъ средствъ, согласныхъ съ справедливостью, для подавленія нищеты. Не станемъ требовать немедленнаго примѣненія нашихъ коммунистическихъ доктринъ. Мы всегда говорили, что мы хотимъ, чтобы онѣ восторжествовали только вслѣдствіе свободнаго обсужденія, вслѣдствіе силы общественнаго мнѣнія, личнаго согласія и народной воли. Останемся же вѣрными своимъ словамъ».

Всѣ эти заявленія очень интересны именно потому, что соціалистовъ и коммунистовъ чаще всего обвиняли историки въ разжиганіи народныхъ страстей, въ натравливаніи народа на временное правительство. Но если, помимо всякихъ постороннихъ подстрекательствъ, народъ самъ по себѣ не могъ мгновенно успокоиться послѣ подобной бури, не могъ не спрашивать, насколько вознаградитъ его новый порядокъ дѣлъ за пролитую имъ кровь, то и само временное правительство всѣмъ своимъ составомъ могло только поддерживать сомнѣнія и волненія. Можно ли было безусловно вѣрить въ его членовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ партіямъ, не высказавшихъ ясно своихъ намѣреній, не имѣвшихъ, можетъ-быть, никакой общей и опредѣленной цѣли, застигнутыхъ революціею врасплохъ? Если члены временнаго правительства не могли единодушно отвѣтить на такой вопросъ, какъ безусловное провозглашеніе республики, то, конечно, еще болѣе противорѣчій должно было возникнуть между ними по такимъ вопросамъ, какъ

организація труда и учрежденіе національныхъ мастерскихъ. За послѣдніе вопросы стояли только соціалисты, сотрудники «*Реформы*», но именно они-то и составляли меньшинство новаго правительства и вошли въ него сначала не какъ члены, а какъ секретари; остальные же правители были люди, ставшіе сторонниками республики со вчерашняго дня, какъ мечтатель Ламартинъ, или принадлежали къ партіи умѣренныхъ демократовъ и республиканцевъ. Обстоятельства, т. е. угрозы народа, заставили ихъ сначала уничтожить названіе секретарей, данное Арману Марра, Луи Блану, Флокону и Альберу, потомъ принудили согласиться на организацію труда и на устройство національныхъ мастерскихъ. Но это были вынужденныя уступки, и правительство стремилось при помощи ихъ только успокоить на время рабочій народъ, оставляя за собой право распорядиться потомъ по-своему.

«28 февраля,—пишетъ Луи Бланъ:—совѣтъ сошелся на засѣданіе. Внезапно изъ оконъ ратуши мы увидѣли, что на площади собирается народъ и какъ будто готовится къ битвѣ. Надъ головами этой массы развѣвались безчисленныя знамена съ надписями: «*Министерство труда! Организація труда!*» Почти въ то же время насъ извѣстили о народной депутаціи. Нужно было принять рѣшеніе. Я, не колеблясь, произнесъ свое мнѣніе за удовлетвореніе народнаго желанія. Революція имѣла соціальный характеръ; нужно было немедленно опредѣлить его. Создать министерство будущаго, замѣнить братскою организаціею труда анархію, прикрывавшую въ своей глубокой неурядицѣ притѣсненія массы и лицемѣрно окрашивавшую рабство краскою свободы,—вотъ что нужно было разрѣшить. Эти мысли встрѣтили упорнаго противника въ Ламартинѣ. Онъ объявилъ, что мы не представляемъ собою учредительной власти; что намъ не позволительно связывать по такимъ важнымъ вопросамъ мнѣніе будущаго собранія; что онъ не сознаетъ необходимости предложеннаго министерства; что, наконецъ, онъ никогда не понималъ и никогда не пойметъ организаціи труда. Большинство рукоплескало, и я тутъ же сказалъ о своей отставкѣ, потому что, по моему мнѣнію, нѣтъ ничего постыднѣе, какъ служить въ правительствѣ представителемъ не своихъ, а чужихъ идей и желать власти для власти — это значитъ быть самымъ ничтожнымъ изъ людей. Мою отставку не хотѣли принять, и такъ какъ я настаивалъ на своемъ, то мнѣ предложили прези-

дентское мѣсто въ комиссіи, гдѣ, въ ожиданіи «Собранія», обсуждались бы и вырабатывались бы соціальные вопросы. Итакъ, вмѣсто министерства, имѣющаго въ распоряженіи свое бюро, своихъ агентовъ, свой бюджетъ, свои административныя средства, вмѣсто дѣйствительной власти, вмѣсто средствъ *примѣненія*, способовъ *дѣйствія*, мнѣ предлагали... что? Открытіе бурной школы, куда я призывался прочитать лекціи о голодѣ передъ голоднымъ народомъ! Нужно ли говорить, съ какой энергіей я отвергалъ это опасное предложеніе! Тогда взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Франсуа Араго, заклиная меня не настаивать на моемъ отказѣ, слѣдствіемъ котораго будетъ возстаніе Парижа. Онъ убѣждалъ меня во имя авторитета своихъ преклонныхъ лѣтъ. Онъ пробудилъ въ моемъ сердцѣ всю силу стараго и искренняго уваженія. Онъ соглашался засѣдать въ комиссіи въ качествѣ вице-президента. Я любилъ Франсуа Араго, я уважалъ его: его искренность никогда не вызывала и никогда не вызвала моихъ сомнѣній; его самоотверженность и смущала, и трогала меня... Но въ подобныя минуты нужно искать только въ себѣ самомъ вдохновенія и совѣтовъ...» Послѣ тяжелой внутренней борьбы Луи Блянъ увидалъ хоть одну утѣшительную сторону въ сдѣланномъ ему предложеніи: онъ увидалъ «возможность передъ лицомъ цѣлой Европы обсудить соціальные вопросы о царствѣ нищеты. Ему казалось, что можетъ потерять только онъ, а не самое дѣло. «Послѣднія соображенія заставили меня рѣшиться,—продолжаетъ онъ.— Было тотчасъ же постановлено, что составится правительственная комиссія для работниковъ, что Альберъ будетъ въ ней вице-президентомъ, что она станетъ собираться въ Люксанбургскомъ дворцѣ. Депутація была впущена. Одинъ работникъ-механикъ, съ твердыми и холодными манерами, съ строгимъ лицомъ, приблизился къ намъ, держа въ рукахъ бумагу, и прочелъ петицію, требовавшую учрежденія министерства труда. Я не могъ отвѣчать по совѣсти, не обнаруживъ происшедшаго спора и не выдавъ своихъ сочленовъ. Заговорилъ Ламартинъ. Покуда онъ говорилъ, недовѣріе начало изображаться на лицахъ народныхъ депутатовъ. Они спрашивали меня взглядами и, какъ будто прочитавъ въ моихъ глазахъ, что происходило въ моей душѣ, безмолвно удалились изъ залы...» Луи Блянъ, какъ мы увидимъ, былъ страшно наказанъ за свою мягкосердечную уступчивость, за свое согласіе на предложеніе своихъ противниковъ. Но еще болѣе пострадалъ рабочій народъ, об-

мапутый, если не обѣщаніями, то молчаніемъ своего любимаго представителя. Это молчаніе было тѣмъ болѣе страшною ошибкою, что въ первыя минуты февральской революціи сила была на сторонѣ народа, и временное правительство должно было бы уступать ему, тогда какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ наступить иной порядокъ дѣлъ, и временное правительство могло укрѣпиться, опираясь на собранную имъ военную силу.

На слѣдующій день въ «*Moniteur*'ѣ» былъ напечатанъ декретъ, гдѣ между прочимъ говорилось: «Принимая во вниманіе, что революція, сдѣланная народомъ, должна быть сдѣлана для него; что настало время положить конецъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ; что вопросъ о трудѣ есть вопросъ высшей важности; что у республиканскаго правительства не можетъ быть болѣе достойнаго занятія, какъ разрѣшеніе этого вопроса... временное правительство постановляетъ: учредить постоянную комиссію, которая будетъ называться *правительственною комиссіею для рабочихъ* и будетъ имѣть главною и спеціальною задачею заботу объ ихъ участи. Рабочіе будутъ призваны въ составъ комиссіи». «*Moniteur*», давая отчетъ о принятіи народомъ этого декрета, описываетъ, съ какимъ энтузіазмомъ отнеслись рабочіе къ Луи Блану, вышедшему на площадь. Невысокій ростъ Луи Блана дѣлалъ его незамѣтнымъ для глазъ большинства и потому нѣсколько рабочихъ подняли его на свои плечи и, подъ привѣтственные крики стѣснившагося народа, пронесли по площади. Эта вспышка наивнаго и добродушнаго энтузіазма глубоко смутила Луи Блана, и новыя сомнѣнія насчетъ будущаго возникли въ его умѣ; ему почти казалось, что онъ обманываетъ народъ. Народъ вѣрилъ, что Люксанбургская комиссія исполнитъ всѣ его ожиданія, и тщетно старался Прудонъ раскрыть глаза народу, что дѣло не поведетъ ни къ чему, что правительство только выиграетъ время, устранивъ изъ своей среды одного изъ своихъ противниковъ. Дѣйствительно, система организаціи труда уже потому не могла имѣть успѣха, что она должна была опираться на правительственное вмѣшательство, а временное правительство не только не думало помогать ея осуществленію, но вполнѣ не сочувствовало ей и старалось подставить ей ногу.

Съ перваго же дня своего переселенія въ Люксанбургскій дворецъ Луи Блану получилъ множество писемъ не только отъ работниковъ, но и отъ мелкихъ мануфакту-

ристовъ, просившихъ помощи или предлагавшихъ ему свои помѣщенія, матеріалы, машины и требовавшихъ за это только принятія ихъ въ число членовъ новой системы. Среди этихъ выраженій сочувствія открылись первыя засѣданія комиссіи. «Граждане-работники,—говорилъ Луи Блапъ:—правительственная комиссія учреждена для подготовки разрѣшенія великихъ задачъ, касающихся васъ; она будетъ стараться исполнить съ неустаннымъ рвеніемъ свое призваніе. Но какъ бы ни было законно ваше нетерпѣніе, комиссія проситъ васъ не забѣгать при ея изысканіяхъ впередъ со своимъ требованіемъ. Всѣ вопросы, касающіеся организаціи труда, очень сложны. Они охватываютъ цѣлую массу интересовъ, противоположныхъ другъ другу, если не въ дѣйствительности, то повидимому. Эти вопросы должны обсуждаться хладнокровно и съ зрѣлою обдуманностью. Излишнее нетерпѣніе съ вашей стороны, излишняя торопливость съ нашей только повредитъ дѣлу. Національное собраніе будетъ немедленно созвано. Мы представимъ его обсужденію проекты законовъ, которые выработаемъ теперь, съ твердымъ желаніемъ улучшить въ моральномъ и матеріальномъ отношеніи вашу участь, — мнѣніе объ этихъ проектахъ дадутъ ваши депутаты...» Такимъ образомъ, вся задача комиссіи главнымъ образомъ сводилась на теоретическія обсужденія законовъ, которые, можетъ-быть, никогда не осуществятся и даже не будутъ одобрены Національнымъ Собраніемъ. За такую-то роль Луи Блану пришлось оставить свое мѣсто среди членовъ временнаго правительства, гдѣ теперь нужнѣе чѣмъ когда-нибудь былъ его голосъ, такъ какъ это правительство готовилось къ реакціи.

II.

Дѣятельность комиссіи должна была распасться на двѣ части: на проповѣдь доктрины, указывавшихъ окончательную цѣль для стремленій работниковъ, и на осуществленіе переходныхъ мѣръ, исполнимыхъ въ данную минуту [1]). «Человѣкъ надѣленъ отъ природы извѣстными способностями,— такъ развивалъ Луи Блапъ свою доктрину.—Онъ любитъ, познаетъ, дѣйствуетъ. Но эти способности даны ему не для одного личнаго употребленія. Онѣ ясно указываютъ ему, что онъ долженъ дѣлать для своего общества. Если онъ вдвое сильнѣе своего сосѣда, то ясно, что онъ долженъ

[1]) *Louis Blanc.* Révélations etc., t. II, pp. 149—226.

нести двойную ношу. Если онъ умнѣе другихъ, онъ долженъ распространять вокругъ себя свѣтъ знанія. Слабость—должница силы, невѣжество—образованности. Чѣмъ больше человѣкъ можетъ, тѣмъ больше онъ долженъ,—вотъ смыслъ прекрасныхъ евангельскихъ словъ: первый изъ васъ да будетъ слугою всѣхъ. Отсюда происходитъ правило: каждому по его способностямъ. Но вмѣстѣ съ способностямм человѣкъ получилъ отъ природы потребности: нравственныя, умственныя и физическія. Нужно стремиться побѣдить преграды, мѣшающія удовлетворенію этихъ потребностей, и достигнуть исполненія второго правила: каждому по его потребностямъ. Мѣра потребностей заключается въ нихъ самихъ: мы перестаемъ ѣсть, когда сыты, мы перестаемъ спать, когда выспимся, мы перестаемъ ходить, когда устанемъ. Ненормальныя потребности и излишества вызываются ненормальнымъ состояніемъ общества. Но, получая отъ общества все, что намъ нужно, мы обязаны дѣлать все, что можемъ, и дѣлать это мы будемъ не только изъ чувства долга, но просто изъ любви къ труду, соотвѣтствующему нашимъ способностямъ и силамъ. Если трудъ бываетъ теперь ненавистнымъ, то только потому, что очень часто человѣку приходится изъ нужды дѣлаться писцомъ, родившись механикомъ, или плотникомъ, родившись музыкантомъ. Отсюда нелюбовь къ труду и лѣнь. Конечно, осуществить эти доктрины можно не при помощи антагонизма, а при помощи ассоціаціи. Проповѣдывать абсолютное равенство нелѣпо, нужно только стремиться къ равному удовлетворенію неравныхъ потребностей и способностей». Сообразно съ этими идеями объ эманципаціи труда комиссія составила проектъ закона, въ которомъ предлагалось: устройство «Министерства Труда», долженствовавшаго мирнымъ путемъ, безъ волненій, уничтожить пролетаріатъ; превращеніе французскаго банка въ государственный; созданіе складочныхъ мѣстъ для товаровъ, за которые выдавались бы векселя, имѣющіе значеніе гарантированныхъ бумажныхъ знаковъ; открытіе рынковъ, которые были бы для мелочной торговли тѣмъ же, чѣмъ были бы складочныя мѣста для оптовой; выкупъ отъ частныхъ лицъ желѣзныхъ дорогъ и различныхъ пріисковъ, доходы съ которыхъ вмѣстѣ съ доходами отъ банка, отъ страховыхъ обществъ, централизованныхъ въ одно государственное общество, и отъ складочныхъ мѣстъ дали бы возможность министерству составить спеціальный бюджетъ для работниковъ, для устройства ассоціацій и со-

зданія земледѣльческихъ колоній; ассоціаціи должны быть солидарны и, развиваясь, должны пріобрѣсти неотчуждаемый, вѣчно-возрастающій общій капиталъ, который убьетъ ростовщичество; за вычетомъ жалованья, процентовъ съ капитала, расходовъ на содержаніе, барыши ассоціацій будутъ дѣлиться слѣдующимъ образомъ: одна четверть пойдетъ на погашеніе долга тому собственнику, съ которымъ государство вошло въ сдѣлку; другая четверть на основаніе вспомогательнаго фонда для больныхъ, стариковъ и т. д., третья четверть дѣлится, какъ прибыль, между рабочими и, наконецъ, послѣдняя четверть оставляется въ резервѣ; для избѣжанія конкуренціи между ассоціаціями одного и того же ремесла назначаются однообразныя цѣны ихъ произведеніямъ; плата въ мастерскихъ назначится пропорціально съ стоимостью жизненныхъ потребностей той мѣстности, гдѣ находится ассоціація; кромѣ солидарности между ассоціаціями одного ремесла должна быть солидарность и вообще между всѣми ассоціаціями, для этой цѣли будетъ подводиться общій итогъ доходовъ во всей промышленности и доходы будутъ дѣлиться между рабочими; кромѣ того, резервныя суммы дадутъ возможность взаимной помощи между всѣми ремеслами; этотъ резервный капиталъ будетъ находиться въ рукахъ совѣта, стоящаго во главѣ всѣхъ мастерскихъ; достигнуть этого нужно постепенно, безъ ломки; государство введетъ свою систему, оставляя нетронутыми и частныя ассоціаціи, и существующія экономическія отношенія; но надо надѣяться, что конкуренція государственныхъ мастерскихъ убьетъ старыя формы труда. На такихъ же кооперативныхъ условіяхъ создадутся колоніи. «По правдѣ сказать,—писалъ Милль по поводу этого плана:—тутъ нѣтъ ничего, что могло бы объяснить тотъ безумный ужасъ, который возбуждается по обѣ стороны Ла-Манша всѣмъ, что носитъ названіе соціализма. Кажется, вполнѣ справедливо просить, чтобы государство ссудами капиталовъ, конечно, въ разумныхъ предѣлахъ, облегчило учрежденіе промышленныхъ общинъ, основанныхъ на соціальныхъ началахъ.

Въ этомъ проектѣ Луи Бланъ уже дѣлалъ уступку экономистамъ и хлопоталъ не о полномъ переустройствѣ промышленности казенными средствами, какъ онъ предлагалъ это прежде въ своей брошюрѣ: «*Organisation du travail*», а вводилъ систему выкупа существующихъ промышленныхъ предпріятій, при содѣйствіи казны, изъ частныхъ рукъ въ руки такихъ же частныхъ ассоціацій. Дѣло теперь должно

было ограничиться вспомоществованіемъ казны для образованія среди частной предпріимчивости образцовъ такой же частной предпріимчивости только въ кооперативной формѣ. Но, несмотря и на эти уступки, ему не удалось привести въ исполненіе своего плана, хотя этотъ планъ очень мало отличался отъ тѣхъ плановъ, которые потомъ предлагались экономистами-конкурентами и осуществились въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Кромѣ изложенія своей доктрины, Луи Бланъ хлопоталъ объ осуществленіи переходныхъ мѣръ. Онъ предложилъ устроить въ густо-населенныхъ кварталахъ Парижа образцовыя зданія для помѣщенія четырехсотъ семействъ работниковъ, чтобы каждая семья имѣла отдѣльное жилище, освѣщеніе, отопленіе, пищу, залы для чтенія, залу для грудныхъ дѣтей, школу, садъ, дворъ и бани. Архитекторы, представившіе смѣту постройки, оцѣнили устройство каждаго подобнаго зданія въ милліонъ. Для покрытія издержекъ Луи Бланъ предлагалъ заемъ; кромѣ того, сборъ пожертвованій во всѣхъ классахъ общества доставилъ бы значительныя суммы. Но и этотъ проектъ не осуществился, отчасти вслѣдствіе мелкихъ придирокъ къ нему, отчасти вслѣдствіе быстро смѣнявшихся печальныхъ событій. Мари и тому подобные правители умышленно не давали денежныхъ средствъ Луи Блану, чтобы распускать слухъ о непримѣнимости его теорій. Но кто же станетъ теперь говорить о невозможности устроить, напримѣръ, такіе дома, какіе предлагалъ онъ, когда въ Европѣ существуетъ уже множество ассоціацій, имѣющихъ цѣлью доставленіе дешевыхъ квартиръ и дешевыхъ товаровъ первой необходимости? Болѣе удачи встрѣтилъ Луи Бланъ въ другомъ предпріятіи. Два декрета временнаго правительства о принадлежности всѣхъ гражданъ къ національной гвардіи и объ уничтоженіи личнаго задержанія за долги сдѣлали необходимымъ шитье большого количества мундировъ для національной гвардіи и освободили отъ жильцовъ Клиши, тюрьму для несостоятельныхъ должниковъ. Луи Бланъ воспользовался случаемъ. Онъ устроилъ ассоціацію портныхъ въ Клиши, которая сразу получила большой заказъ отъ правительства. Портныхъ помѣстилось здѣсь до двухъ тысячъ человѣкъ. Заработная плата была равна, выборные управляли дѣломъ. Противъ равной заработной платы рабочіе не возставали, но противники Луи Блана кричали, что это несправедливость. «Странно,—говоритъ онъ по поводу этихъ нападеній:—

эти люди забыли, что подобная же система равной платы принята вездѣ: въ войскѣ, во флотѣ, во всѣхъ публичныхъ должностяхъ. Я не могу вспомнить безъ улыбки, что въ учредительномъ собраніи, гдѣ каждый членъ получалъ по 25 франковъ въ день, несмотря на свое высокое дарованіе или свою полную бездарность, обрушивались громы на равную заработную плату; эти господа забывали только одно—примѣнить къ самимъ себѣ свою теорію». Конечно, эта мѣра была переходная, такъ какъ самъ Луи Бланъ стремился къ вознагражденію каждаго по его потребностямъ, но иначе сдѣлать было покуда невозможно. Противъ равной заработной платы могли возражать, что она даетъ женатому столько же, сколько холостому. Но вѣдь при неровной, соразмѣрной со способностями, платѣ могло случиться и то, что больной, неумѣлый отецъ семейства получалъ бы меньше здороваго и умѣлаго холостяка. Распредѣлить совершенно справедливо заработную плату, сообразно съ потребностями каждаго, можно было только при нарушеніи существовавшихъ экономическихъ условій и понятій. Но такое нарушеніе не могло примѣняться при осуществленіи частныхъ временныхъ мѣръ. Окончивъ заказную работу, портные основали ассоціацію въ меньшихъ размѣрахъ. Такія же ассоціаціи устроили при помощи Луи Блана сѣдельники, потомъ эполетчики, принявшіе поставку на казну. Вслѣдъ за этими ассоціаціями начали основываться, уже независимо отъ Люксанбурга, хотя подъ его вліяніемъ, другія ассоціаціи, и съ 1848 по 1851 годъ ихъ основалось въ одномъ Парижѣ до 300. Составилось даже общество подъ именемъ комитета сближенія рабочихъ ассоціацій. Ихъ исторія не входитъ въ планъ моихъ очерковъ, и я надѣюсь поговорить объ этомъ предметѣ подробно въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящемъ случаѣ важно только то, что возникновеніе этихъ ассоціацій ясно доказывало принятіе работниками новыхъ людей, хотя эти идеи далеко расходились съ прежнимъ ученіемъ Луи Блана, не признававшаго системы невмѣшательства. Теперь дѣло сводилось на кооперативную предпріимчивость, основанную на собственныхъ силахъ рабочаго сословія. Правительство было тутъ ни при чемъ. И дѣйствительно, энергія рабочихъ, ихъ вѣра въ возможность выбиться изъ тяжелаго положенія — были изумительны. Чего не переносили эти люди, чтобы только дать возможность правительству мирнымъ путемъ дойти до разрѣшенія вопросовъ объ улучшеніи ихъ быта и объ эмансипаціи труда. Ихъ депутаты, засѣ-

давшіе въ Люксанбургскомъ рабочемъ парламентѣ, терпѣли нужду, не получая никакого вознагражденія за присутствіе въ Люксанбургѣ и лишившись работы. Они съ благоговѣніемъ охраняли жизнь Луи Блана и Альбера, тайно назначая ежедневно стражу, которая слѣдовала бы за этими депутатами комиссіи, ходившими пѣшкомъ по небезопаснымъ въ то время улицамъ Парижа. Луи Блапъ приводитъ множество трогательныхъ примѣровъ преданности дѣлу, мужества, терпѣнія и благоразумія этихъ блузниковъ. Въ награду за самоотверженіе покуда они получили очень немного: часы работы были сокращены въ Парижѣ съ 11 часовъ на 10 и въ провинціи съ 12 на 11, да былъ уничтоженъ маршандажъ. Это были единственныя распоряженія, сдѣланныя правительствомъ въ первые два мѣсяца для пользы рабочихъ.

III.

А между тѣмъ консервативная часть населенія и большинство членовъ временнаго правительства не безъ страха смотрѣли на совершавшіяся событія. Ихъ безпокоила не одна Люксанбургская комиссія съ Луи Бланомъ во главѣ. Нѣтъ, не меньшую тревогу вызвали въ этихъ людяхъ циркуляры двухъ членовъ временнаго правительства—Ледрю-Роллена и Карно: первый разослалъ въ провинціи гражданскихъ комиссаровъ съ инструкціями, дававшими имъ неограниченное право въ случаѣ нужды отставлять всѣхъ чиновниковъ и даже офицеровъ, чтобы согласить управленіе страны и настроеніе народа съ принципами революціи и республики. Карно, съ своей стороны, писалъ: «Франція нуждается въ новыхъ людяхъ. Революція должна обновить не только государственныя учрежденія, но и людей. Вмѣстѣ съ дѣломъ надо мѣнять и орудія дѣла». Такъ какъ не слѣдуетъ вливать новое вино въ старые мѣха, то эти распоряженія и не могли удивить революціонеровъ и республиканцевъ; но консервативная часть общества страшно возмегодовала на нихъ, вѣроятно, полагая, что приверженцы монархіи могутъ въ то же время быть и хорошими слугами республики. Не менѣе безпокоила консерваторовъ и умѣренныхъ демократовъ распущенность войска, отчасти униженнаго побѣдой блузниковъ, недолюбливаемаго народомъ и потерявшаго вѣру въ своихъ бывшихъ начальниковъ. Большинство настаивало на увеличеніи количества войска, и даже Ламартинъ требовалъ, чтобы число солдатъ увеличилось

вмѣсто 360.000 на 600.000 человѣкъ. Сообразно съ этою цѣлью дѣйствовалъ Араго, получившій теперь званіе военнаго министра. Внушали опасенія консерваторамъ и клубы, основанные въ безчисленномъ множествѣ прежними заговорщиками и соціалистами. Направленіе умовъ въ большей части этихъ клубовъ было уже ясно изъ одного того, что во главѣ клубовъ стояли такіе люди, какъ Барбесъ, Бланки, Кабе, Распайль, Собрье и др. Но еще яснѣе выражались цѣли клубовъ въ ихъ программахъ, ежедневно появлявшихся на стѣнахъ Парижа. Такъ «*Клубъ гражданскихъ правъ*» поставлялъ себѣ задачею «призваніе массъ къ пользованію гражданскими правами; отысканіе лучшихъ жизненныхъ условій для самаго многочисленнаго класса; удешевленіе жизни; уничтоженіе границъ, раздѣляющихъ людей на столько же кастъ, сколько есть категорій богатства; образованіе массы; организацію труда». «*Клубъ соціальной революціи*» составился съ цѣлью повліять на выборы и писалъ къ своимъ членамъ: «Теперь, когда Франція, къ счастію, не зависитъ отъ подкупающаго, свергнутаго нами правительства, мы не потерпимъ, чтобы монархическая лигатура примѣшалась къ чистому золоту республики... Наша истинная слава,—слава, полезная народамъ, состоитъ въ нашей преданности свободѣ и человѣчеству». «*Общество правъ человѣка и гражданина*», «*Патріотическій и республиканскій клубъ союза*», «*Клубъ національной гвардіи*» и множество другихъ обществъ заявляютъ въ своихъ объявленіяхъ соціалистическія идеи и желанія вліять на выборы, чтобы упрочить дѣло революціи. Въ одномъ изъ подобныхъ воззваній вполнѣ ясно выразилось значеніе клубовъ и серьезное пониманіе этого значенія со стороны ихъ членовъ. Воззваніе это было такого рода [1]).

«Воззваніе къ работникамъ. *Республиканскій клубъ свободныхъ работниковъ*. Клубы—это живыя баррикады демократіи. При помощи вещественныхъ баррикадъ мы опрокинули, 24 февраля, червивые подмостки конституціонной монархіи съ ея подкупностью, привилегіями и злоупотребленіями; при помощи нравственныхъ баррикадъ, называемыхъ *клубами*, мы надѣемся постановить учрежденія, безъ которыхъ республика была бы однимъ пустымъ словомъ. Только клубами, только національнымъ собраніемъ, всегда существующимъ, всегда дѣйствующимъ, можетъ создаться

[1]) *Un Garde National.* Journées de l'insurrection de juin 1848, p. 69.

новый соціальный строй жизни. Изъ среды этихъ-то чисто народныхъ собраній, изъ этого горнила различныхъ мнѣній и жаркихъ споровъ должны выйти, если не окончательно разрѣшенныя, то расширенныя и очищенныя, всѣ вопросы будущаго, которыми, какъ истинный художникъ, воспользуется «Учредительное собраніе» для созданія *дѣйствительнаго* царства равенства; и само «Учредительное собраніе», наконецъ, возникнетъ изъ клубовъ, какъ изъ самыхъ дѣятельныхъ центровъ въ дѣлѣ выборовъ».

Правительство не могло не бояться клубовъ, не надѣясь и не желая дѣйствовать сообразно съ ихъ идеями; потому оно старалось всѣми средствами слѣдить за клубами, и уже съ первыхъ дней существованія временнаго правительства были четыре или пять различныхъ и независящихъ одна отъ другой системъ шпіонства. Каждое значительное министерство устроило свою собственную тайную полицію. Каждую минуту правительство ожидало новыхъ вспышекъ народныхъ волненій, тѣмъ болѣе, что оно съ первыхъ же дней должно было рѣшиться на нѣкоторыя, очень стѣснительныя или подозрительныя для народа финансовыя мѣры. Положеніе казны было очень плохо. Гудшо отказался отъ министерства финансовъ и должность министра финансовъ взялъ Гарнье-Паже. Онъ занялъ 230 милліоновъ у французскаго банка подъ залогъ государственныхъ лѣсовъ, давъ банковымъ билетамъ принудительный курсъ, то-есть создавъ нѣкоторымъ образомъ бумажныя деньги. А именно выпуска бумажныхъ денегъ и боялось само правительство, помнившее объ ассигнаціяхъ первой революціи. Потомъ Гарнье-Паже отсрочилъ выкупъ государственныхъ билетовъ, составлявшихъ около двухъ третей текущаго долга. Остальная часть этого долга состояла изъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ, которые были обращены въ процентныя бумаги. Выплачивался этотъ капиталъ вкладчикамъ наличными деньгами только до суммы въ 100 франковъ. Бо́льшія суммы выдавались процентными бумагами съ уплатой черезъ четыре или шесть мѣсяцевъ. Чтобы удержать вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ отъ требованій выдачи ихъ вкладовъ и чтобы вознаградить ихъ за соединенную съ этимъ потерю, процентъ на вклады былъ возвышенъ на 5%. Гораздо опаснѣе была другая мѣра, на которую рѣшился министръ: онъ увеличилъ на 45% прямой налогъ, что должно было принести до 190 милліоновъ. Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ предвидѣли, какъ дурно отзовется это распоряженіе на на-

строеніи умовъ въ бѣдномъ сельскомъ населеніи, и требовали, чтобы бѣднѣйшіе собственники были освобождены декретомъ отъ надбавки налога, а болѣе богатые внесли бы часть суммы, не внесенной первыми. По расчетамъ Луи Блана, подобная мѣра могла произвести хорошее впечатлѣніе на бѣдняковъ и уже однимъ этимъ могла заставить богачей молчать. Но Гарнье-Паже возразилъ, что онъ можетъ сдѣлать только одно: дать приказаніе сборщикамъ «принимать во вниманіе» матеріальное положеніе собственниковъ и брать отъ нихъ часть налога или совсѣмъ не брать его, смотря по ихъ состоянію. Этимъ давалась полная свобода сборщикамъ притѣснять бѣдняковъ или покровительствовать имъ, смотря по личной прихоти. Но кого же стали бы щадить сборщики? На этотъ вопросъ ясно отвѣтилъ въ засѣданіи временнаго правительства Дюпонъ (de l'Eure): «Я знаю деревню,—замѣтилъ онъ:—я тамъ долго жилъ и знаю, что въ подобныхъ случаяхъ стараются щадить именно богачей, имѣющихъ вліяніе, а не бѣдняковъ, не имѣющихъ никакого значенія». Чего ожидали Луи Бланъ и Ледрю-Роллень, то и случилось: извѣстіе о новомъ налогѣ было принято очень дурно и подорвало въ сельскомъ населеніи довѣріе къ новому правительству. Взносы податей, которые шли сначала очень исправно, внезапно остановились. Противники новаго правительства, конечно, не дремали и пользовались удобнымъ случаемъ для возбужденія ненависти народа къ этому правительству и къ этому «человѣку въ сорокъ пять сантимовъ», какъ назвали въ народѣ Гарнье-Паже. Вопросъ о добавочномъ налогѣ былъ разрѣшенъ 16 марта. Въ этотъ же день произошло другое событіе, взволновавшее Парижъ. Причина волненія была крайне комичная: 14 марта правительство издало приказаніе, которымъ во имя равенства уничтожалось прежнее различіе въ мундирахъ національной гвардіи. Отряды, состоявшіе большею частью изъ зажиточныхъ людей, отличались до сихъ поръ большими мѣховыми шапками. Эти-то неудобныя шапки подлежали уничтоженію. Гренадеры и вольтижеры, украшавшіе свои головы этими мѣховыми колпаками, пришли въ уныніе и рѣшились отправиться массой къ ратушѣ, чтобы принудить правительство къ отмѣнѣ приказа. Добродушные простяки-буржуа не думали, что, погнавшись за шапкой, очень легко иногда потерять и голову въ такую бурю, какая была въ то время въ столицѣ. 16 марта они собрались на площади передъ ратушею къ своихъ

воинственныхъ шапкахъ, но безъ оружія. Сюда же собрались и блузники; они рѣшились воспротивиться «аристократическому» требованію обиженныхъ буржуа. Объ партіи обмѣнялись враждебными словами, дѣло дошло до столкновенія, и буржуа потерпѣли пораженіе, чего и надо было ожидать. Кромѣ того депутація національныхъ гвардейцевъ, добравшаяся до временнаго правительства, получила отказъ на свои требованія и выслушала нравоученіе за свою ребяческую продѣлку. Разумѣется, правители не прибавили къ этому нравоученію сознанія, что болѣе всѣхъ ребячески поступили они сами, заботясь въ такое серьезное время о ненужной отмѣнѣ того или другого украшенія въ формѣ. Правители, должно-быть, видѣли какое-нибудь значеніе въ томъ, какъ будутъ одѣты люди. Но такое, повидимому, пустое дѣло кончилось не шуткой.

Революціонные клубы уже давно толковали объ отсрочкѣ выборовъ; они хотѣли, чтобы Франція успѣла достаточно освоиться съ идеею о необходимости республики, и потому рѣшились воспользоваться удобнымъ случаемъ для устройства демонстраціи въ противномъ буржуазіи смыслѣ и просить правительство отсрочить выборы. При содѣйствіи полицейскаго префекта Коссидьера клубы созвали на слѣдующій день всѣхъ своихъ приверженцевъ на Елисейскія поля, чтобы отправиться къ ратушѣ и выразить правительству взгляды и требованія народа. Народная масса, собравшаяся 17-го марта, считала въ своихъ рядахъ 140.000 человѣкъ. Въ числѣ депутатовъ были Барбесъ, Бланки, Распайль и Кабе. Депутаты, во имя народа, въ очень умѣренномъ тонѣ требовали отъ правительства отсрочки выборовъ въ Національное собраніе, удаленія послѣднихъ остатковъ войска изъ Парижа и избавленія столицы отъ всякаго гарнизона. Всѣ надежды народа могли опираться въ этомъ случаѣ только на Луи Блана и Ледрю-Роллена, такъ какъ остальные правители вообще косо смотрѣли на народъ и возбуждали его недовѣріе все больше и больше; даже Ламартинъ потерялъ значительную долю своей популярности. Но оказалось, что и Ледрю-Ролленъ, и Луи Бланъ испугались требованій народа или, по крайней мѣрѣ, не поняли этихъ требованій. Это ясно видно изъ книги самого Луи Блана, описывающаго мартовскую манифестацію [1]). Онъ говоритъ, что временное правительство должно было или принять диктатор-

[1]) *Louis Blanc.* Révélations historiques, t. 1, pp. 319—329.

скую власть, или немедленно созвать Національное собраніе. Но такъ какъ «провинція Франціи находилась въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и нравственномъ порабощеніи», такъ какъ у «*враговъ прогресса* были всѣ средства воспользоваться голосами невѣжественныхъ, испорченныхъ полувѣковымъ императорскимъ и монархическимъ правленіемъ массъ», то онъ и стоялъ за необходимость *возможно продолжительной отсрочки* выборовъ и за диктаторскую власть временнаго правительства. «Этими же аргументами,—замѣчаетъ Прудонъ:—воспользовались *послѣ умѣренные и честные* республиканцы для облеченія въ законную форму осаднаго положенія, диктатуры генерала Кавеньяка, президентства Луи Бонапарте, объявленія соціалистовъ врагами общества и созданія во время республики деспотизма, что можно было считать освободителемъ перваго встрѣчнаго претендента, готоваго принять корону» [1]). Узнавъ о манифестаціи, готовой поддержать самого Луи Блана въ его требованіяхъ, Луи Бланъ испугался и не могъ повѣрить, что 140.000 работниковъ пройдутъ черезъ Парижъ, не причинивъ ни малѣйшаго безпорядка. Онъ подозрѣвалъ, что тайные агитаторы хотятъ поднять бурю, приведя въ движеніе эту массу. Но оказалось, что тишина и порядокъ не были нарушены ни на минуту, несмотря на то, что временное правительство упорно отказалось сейчасъ же согласиться на требованія народа и просило отсрочить исполненіе этихъ требованій. Толпа въ прежнемъ порядкѣ разошлась отъ ратуши. Но уже одинъ изъ блузниковъ сказалъ Луи Блану: «А такъ и ты тоже предатель!» Сомнѣніе даже въ любимыхъ правителей закрадывалось въ умы народа, и сами эти правители, какъ мы видѣли изъ словъ Луи Блана, начинали не довѣрять благоразумію этой массы. «Но, достигнувъ власти,—говоритъ безпощадный Прудонъ:—люди начинаютъ походить другъ на друга. У нихъ является то же рвеніе повелѣвать, то же недовѣріе къ народу, тотъ же фанатизмъ порядка. Не смѣшно ли видѣть Луи Блана, тайнаго виновника манифестаціи, играющаго ту же самую роль, какую нѣсколько недѣль тому назадъ игралъ Гизо? Порядокъ, вѣчный порядокъ, т.-е. послушаніе, вѣчное послушаніе! Безъ этого у васъ будетъ революція, говорилъ Гизо; безъ этого у васъ не будетъ революціи, говорилъ Луи Бланъ. Съ 17-го марта начиналась та долга реакція, которая послѣдовательно не-

[1]) *P. J. Proudhon.* Les confessions d'un révolutionnaire, pp. 65—75.

рейдетъ передъ нашими глазами отъ соціализма къ якобинству, отъ якобинства къ доктринерству, отъ доктринерства къ іезуитизму, и которой, повидимому, не будетъ конца, если здравый смыслъ общества не вмѣшается въ дѣло».

IV.

Конецъ марта и начало апрѣля прошли въ приготовленіяхъ къ выборамъ въ Національное собраніе. Ультра-республиканцы и соціалисты, соединившіеся подъ именемъ соціальныхъ демократовъ, требовали отсрочки выборовъ. Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ, стоя во главѣ незначительнаго правительственнаго меньшинства, поддерживали это же требованіе въ самомъ правительствѣ и доказывали необходимость подготовить необразованную массу къ новому для нея дѣлу—подачи голосовъ. Бланки, Распайль, Барбесъ и тому подобные люди въ принципѣ стояли попрежнему ревностно за всеобщую подачу голосовъ, но въ настоящемъ случаѣ они открыто говорили, что не подчинятся всеобщему рѣшенію, если это рѣшеніе выскажется не за республику; ее они считали выше всеобщей подачи голосовъ. Они готовы были защищать ее даже противъ національной воли. Подобный образъ дѣйствія навлекъ на нихъ множество порицаній позднѣйшихъ историковъ, не хотѣвшихъ понять, что иначе эти люди не могли дѣйствовать, что масса была окружена приверженцами пораженной монархіи, что эти приверженцы должны были сильно вліять при подачѣ голосовъ, что такимъ образомъ эта подача голосовъ не могла быть слѣдствіемъ свободнаго и разумнаго убѣжденія въ пользѣ того или другого образа правленія. Крайніе революціонеры въ сущности только хотѣли бороться съ своими врагами ихъ же оружіемъ и думали выиграть время для разъясненія массѣ новаго порядка вещей. Послѣ долгихъ споровъ день выборовъ былъ назначенъ на 27 апрѣля. Соціально-демократическимъ клубамъ было полезно послать на казенный счетъ по два или по три посла въ каждый департаментъ, чтобы руководствовать народъ. Ни малый промежутокъ времени, ни малочисленность этихъ пословъ, конечно, не могли обѣщать никакихъ серьезныхъ результатовъ. Бо́льшая часть «крайнихъ» понимала это и въ Парижѣ начали ходить пугающіе слухи о злоумышленіяхъ противъ правительства. Правительство трусило, мѣняло мѣста своихъ засѣданій, подготовлялось къ защитѣ, косо смотрѣло на нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ: Ледрю-

Ролленъ находился въ подозрѣніи, такъ какъ, по слухамъ, ему готовилось мѣсто директора; Луи Бланъ подозрѣвался, какъ коноводъ готовящейся смуты.

Но какую же роль разыграли Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ 16 апрѣля?

«Я получилъ письмо,—пишетъ Луи Бланъ:—гдѣ меня извѣщали объ устройствѣ штаба національной гвардіи и о желаніи выбрать въ него четырнадцать офицеровъ изъ рабочаго класса. Нужно было позаботиться, чтобы ихъ выбрали товарищи. Мнѣ показался этотъ случай удобнымъ для доказательства большинству совѣта, что я исполняю только одно изъ самыхъ жаркихъ желаній народа, стараясь ускорить рѣшеніе вопросовъ, касающихся улучшенія участи рабочихъ и страдающихъ классовъ». Вслѣдствіе этого онъ рѣшился собраться на Марсовомъ полѣ съ работниками, выбрать четырнадцать офицеровъ и идти къ временному правительству, чтобы выразить ему свои симпатіи и предложить «патріотическій даръ», собранный на Марсовомъ полѣ. 14-го апрѣля въ собраніи онъ заявилъ, что рабочіе приготовляются представить петицію; эта петиція уничтожитъ всѣ сомнѣнія насчетъ нравственной необходимости заниматься рабочимъ вопросомъ, безъ котораго республика можетъ сдѣлаться или пустымъ словомъ, или просто надуватольствомъ. Онъ завѣрялъ своихъ товарищей, что демонстрація будетъ мирная и кончится криками: «да здравствуетъ временное правительство!» Это заявленіе испугало членовъ временнаго правительства. Оно начало разузнавать о дѣлѣ и пришло къ убѣжденію, что эта демонстрація тѣсно связана съ коммунистическимъ заговоромъ Бланки. Марра поспѣшилъ распространить въ національной гвардіи слухи, что работники согласились 16-го апрѣля свергнуть временное правительство, что движеніе имѣетъ коммунистическій характеръ, что главные вожаки возстанія—Кабе и Бланки. Но Кабе, врагъ всякихъ насилій, положительно не имѣлъ намѣренія возставать противъ правительства, а Бланки имѣлъ 15-го апрѣля свиданіе съ Ламартиномъ, и послѣдній очень весело и любезно разсуждалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, но не коснулся ни словомъ готовящихся на завтра событій. Если бы онъ вѣрилъ самъ въ тѣ слухи, которые поддерживались имъ самимъ, то, вѣроятно, онъ воспользовался бы этимъ свиданіемъ, чтобы поговорить серьезно съ заговорщикомъ о его планахъ. Между тѣмъ, въ ночь съ 15-го на 16-е число Ледрю-Ролленъ, погово-

ривъ со своими товарищами, тоже поддался страху и рано утромъ поспѣшилъ къ Ламартину, чтобы сообщить ему свои опасенія. Ламартинъ теперь вполнѣ раздѣлялъ эти опасенія насчетъ Бланки, хотя, по его же словамъ, онъ еще наканунѣ убѣдился въ миролюбивомъ настроеніи послѣдняго. Ледрю-Роллень, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, одинъ имѣлъ право созвать національную гвардію, и онъ отдалъ ей приказъ собраться немедленно къ ратушѣ. Черезъ нѣсколько минутъ площадь и дома передъ ратушей были заняты солдатами. По Парижу, между тѣмъ, сновали, по словамъ Луи Блана, неизвѣстные люди, распространявшіе ложные слухи; двое изъ нихъ объявили, между прочимъ, что Луи Планъ убитъ. Въ это же время забилъ барабанъ для сбора національной гвардіи. Въ народѣ послышались крики: «Люксанбургъ въ опасности!» Толпа отправилась въ Люксанбургъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и осталась здѣсь подъ ружьемъ. Комитетъ «Общества человѣческихъ правъ» заявилъ, что онъ по первому сигналу можетъ предоставить въ распоряженіе люксанбургской комиссіи до 3,000 человѣкъ. На другомъ концѣ Парижа, на Марсовомъ полѣ, шпіоны получили приказаніе взбунтовать рабочихъ и превратить въ возстаніе приготовляемую манифестацію. Паролемъ должны были быть слѣдующія слова: «Ледрю-Роллень повѣшенъ, Луи Планъ зарѣзанъ!» [1]). Такимъ образомъ площадь передъ ратушей должна была сдѣлаться мѣстомъ новой междоусобной рѣзни. Но, несмотря на всѣ подстрекательства шпіоновъ, на которыхъ указываетъ Луи Планъ, или необузданныхъ членовъ клубовъ, на которыхъ указываютъ такіе историки, какъ Рохау [2]), работники сохранили полнѣйшій порядокъ и спокойствіе, какъ и 17 марта. Трудно предполагать, чтобы ихъ побудили въ смиреніе легіоны войскъ и шпіоны, кричавшіе *à bas!* противъ коммунистовъ. Парижскій народъ не разъ уже сталкивался съ войсками и зналъ, что перевѣсъ оставался на его сторонѣ. Но, увидавъ войско, работники, даже не захватившіе съ собой оружія, пришли въ негодованіе. «Какъ!—говорили они:—мы пришли выразить наше сочувствіе правительству, мы веземъ передъ своими рядами полную телѣжку приношеній, послѣднія свои средства, а насъ принимаютъ за бунтовщиковъ!» Наконецъ,

---

[1]) *Louis Blanc.* Révélations, t. II, p. 25. Луи Планъ ссылается въ этомъ случаѣ на показанія Клейна, сдѣланныя и подтвержденныя въ судѣ.

[2]) *Рохау.* Исторія Франціи, ч. II, стр. 232.

депутація работниковъ была принята, имъ позволили пройти передъ ратушею по узкому проходу, оставленному для нихъ національной гвардіей. На слѣдующій день правительство поблагодарило работниковъ за ихъ преданность и приношенія. Въ этой комедіи каждый изъ правителей, кажется, хотѣлъ превзойти своихъ собратьевъ въ нелѣпомъ образѣ дѣйствія. Лун Бланъ, ведущій невооруженную массу выражать сочувствіе нелюбимому имъ, подозрѣваемому ею правительству; Ледрю-Ролленъ, составляющій оппозицію въ этомъ правительствѣ и приказывающій собраться войску въ полномъ вооруженіи противъ безоружныхъ; Ламартинъ, бесѣдующій наканунѣ мнимаго возстанія съ главнымъ заговорщикомъ, признающій, что этотъ заговорщикъ просто *un bon garçon*, одобряющій потомъ распоряженія Ледрю-Ролена на счетъ подавленія возстанія и, наконецъ, послѣ демонстраціи почему-то формально запрещающій арестовать Бланки, — всѣ эти люди какъ будто нарочно согласились поиграть народными страстями. Этотъ день Прудонъ назвалъ днемъ реакціи Ледрю-Роллена [1]). Послѣдствія этого дня были гибельны для народа. Ледрю-Ролленъ и его единомышленники упали во мнѣніи народа и потеряли послѣднее значеніе въ глазахъ большинства своихъ умѣренныхъ товарищей по управленію страною. Правительство одержало первую полную побѣду надъ соціально-демократической партіей и съ этого дня уже заботилось болѣе объ «усмиреніи» народа, чѣмъ о его нуждахъ и благополучіи. Оно поспѣшило воспользоваться расположеніемъ къ нему самому національной гвардіи и постаралось сдѣлать изъ нея твердый оплотъ для себя. Съ этою цѣлью 20 апрѣля назначенъ былъ большой смотръ національной гвардіи и были даны ей новыя знамена. Принимая ихъ, она какъ бы давала присягу на вѣрность правительству.

V.

Въ военномъ празднествѣ 20 апрѣля, кромѣ національной гвардіи, должны были принять участіе и нѣкоторые линейные полки, стоявшіе вблизи Парижа. Правительство чувствовало, что оно не можетъ обходиться безъ войскъ, и потому хотѣло пріучить парижскій народъ къ ихъ присутствію въ Парижѣ. Но, прежде чѣмъ показать волчьи зубы, оно сочло нужнымъ выставить на-показъ свой лисій хвостъ

---

[1]) *Proudhon.* Les confessions d'un révolutionnaire, pp. 76—85.

и этимъ способомъ обмануть довѣрчивый народъ. Съ этою цѣлью 18 апрѣля издано было повелѣніе объ отмѣнѣ городской ввозной пошлины на скотъ; въ повелѣніи очень ясно высказывалось, что эта мѣра принимается потому, что «содержаніе народа должно быть одною изъ первыхъ заботъ правительства и что особенно важно поддерживать низкую цѣну съѣстныхъ припасовъ, которые полезны для физическихъ силъ рабочихъ». Для покрытія недочета въ кассѣ, происходившаго отъ этой мѣры, долженъ былъ служить налогъ на квартиры и «налогъ на роскошь», на экипажи, собакъ и мужскую прислугу. Кромѣ того, другое повелѣніе касалось облегченія отяготительныхъ ввозныхъ городскихъ пошлинъ на вино. Въ то же время безсмѣнность чиновниковъ объявили несовмѣстною съ республиканскими государственными принципами и смѣнили многихъ непопулярныхъ членовъ высшихъ судовъ. 20 апрѣля около десяти часовъ утра члены временнаго правительства помѣстились на возвышеніи, которое было устроено въ концѣ Елисейскихъ полей около тріумфальной арки de l'Étoile. Національная гвардія въ числѣ двухсотъ тысячъ человѣкъ, до ста тысячъ солдатъ линейныхъ войскъ, масса парижскаго населенія, все это собралось въ Елисейскія поля. Араго передавалъ знамена отрядамъ съ слѣдующими словами: «Во имя республики мы призываемъ Бога и людей въ свидѣтели, что вы клянетесь въ вѣрности этому знамени». Въ отвѣтъ слышались громкіе и единодушные крики: «Мы клянемся! Да здравствуетъ республика!» Затѣмъ загремѣли пушечные выстрѣлы, раздались революціонныя пѣсни, народъ, повидимому, былъ доволенъ, временное правительство торжествовало. Даже Луи Блапъ, вспоминая объ этомъ «праздникѣ братства», въ восторгѣ, съ довѣрчивостью, говоритъ: «это былъ день примиренія, день сладкаго забвенія прошлаго, живой надежды на будущее». Но каковы бы ни были впечатлѣнія этого дня, онъ не предвѣщалъ ничего хорошаго для соціально-демократической партіи. Не могли служить хорошимъ предзнаменованіемъ для нея ни раздававшіеся то тутъ, то тамъ крики: *à bas le communisme!* ни горячій энтузіазмъ, выраженный народомъ Ламартину, почти потерявшему въ послѣдніе дни всю свою популярность. Это былъ не день примиренія, но день ловкаго надувательства: народъ былъ подкупленъ торжественностью обстановки, громкими словами и искренно отдался своему восторгу.

Время выборовъ между тѣмъ приближалось. Партіи,

клубы, газеты принялись за дѣло съ удвоенною силою. Безчисленное множество кандидатовъ излагало свои взгляды и основало свои права на избраніе то на своихъ познаніяхъ, то на своихъ связяхъ. Такъ, напримѣръ, на стѣнахъ Парижа появилось нѣсколько писемъ, въ которыхъ дѣло шло о кандидатурѣ Дюменіль-Мишле; въ одномъ изъ этихъ писемъ историкъ Мишле просилъ своихъ избирателей арденскаго департамента подать голоса не за него, а за его зятя Дюмениля; въ другомъ съ подобною же просьбою обращался къ своимъ друзьямъ Эдгаръ Кинэ; далѣе хлопотали за этого же человѣка Ламартинъ и Беранже [1]). Иные кандидаты писали свои программы въ стихахъ. Другіе принимали на себя имя «работниковъ», зная, что оно считалось теперь лучшей рекомендаціей. Сами работники, казалось, хотѣли воспользоваться выборами въ свою пользу, и въ числѣ 34 представленныхъ Люксанбургской комиссіей кандидатовъ на парижскіе выборы, до двадцати человѣкъ принадлежали къ рабочему классу. Ледрю-Ролленъ публично просилъ комиссаровъ разъяснить избирателямъ, что необходимо избирать людей съ республиканскимъ образомъ мыслей; онъ замѣчалъ въ своемъ циркулярѣ, «что образованіе страны еще не полно, и она нуждается въ руководителяхъ»; онъ послалъ въ деревни различныхъ агентовъ для распространенія революціонныхъ принциповъ. Но все это не послужило ни къ чему. Враги республики воспользовались всѣми средствами, чтобы очернить временное правительство; враги соціальныхъ демократовъ, то-есть большинство самого правительства, воспользовались тоже всѣми средствами, чтобы поселить въ народѣ ненависть къ этимъ людямъ. Во многихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Ледрю-Роллена называли не иначе, какъ *герцогомъ Ролленомъ;* приписывали ему стремленіе къ роскоши; говорили, печатали, что онъ даетъ завтраки въ Маломъ Тріанонѣ, принимая здѣсь дамъ; что онъ устраиваетъ охоты въ апремонтскомъ паркѣ; что онъ надѣлалъ у одного ювелира долговъ на 25 или на 30.000 франковъ. Про Альбера распускали слухъ, что онъ совсѣмъ не работникъ, а мануфактуристъ и богачъ, что онъ вмѣстѣ съ Луи Бланомъ окружаетъ себя непозволительною роскошью въ Люксанбургѣ и задаетъ лукулловскіе ужины и оргіи. Все это было — наглая ложь. Недовольство сельскихъ жителей добавочнымъ налогомъ въ 45 сантимовъ поддерживалось

[1]) *Un Garde National.* Journées de l'insurrection de juin 1848, pp. 91—93.

тоже очень дѣятельно врагами новаго порядка дѣлъ. Это интриги враговъ новаго правительства; теперь скажемъ нѣсколько словъ объ интригахъ членовъ самого правительства противъ своихъ сотоварищей. Главнымъ дѣятельнымъ противникомъ соціализма былъ въ правительствѣ Марра, мэръ Парижа. Онъ, Мари и Бюше рѣшились сдѣлать смотръ работникамъ національныхъ мастерскихъ, чтобы произвести благопріятное впечатлѣніе на работниковъ и заручиться ихъ поддержкою въ дѣлѣ выборовъ. Начальникъ «Мастерскихъ» Эмиль Тома уже готовъ былъ приготовить рабочихъ къ смотру, когда къ нему пришло письмо съ извѣщеніемъ, что смотръ не можетъ состояться. Несмотря на всѣ хлопоты и переговоры этого умѣреннаго и преданнаго Мари человѣка, смотръ не состоялся. Причина этого была очень проста: Луи Бланъ узналъ о приготовленіяхъ къ смотру и предложилъ въ «Совѣтѣ» всѣмъ членамъ правительства явиться на смотръ рабочихъ или не допускать его совершенно. Марра и Мари должны были отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ имъ нужно было показать работникамъ, что именно они вдвоемъ заботятся объ участи этихъ пролетаріевъ. Болѣе удачно окончилась другая интрига Марра противъ Луи Блана, Альбера, Флокона и Ледрю-Роллена. Въ мэріи напечатали милліонъ экземпляровъ списка кандидатовъ и исключили изъ этого списка имена четырехъ враждебныхъ мэру членовъ правительства. Агенты мэра, или, по выраженію Эмиля Тома, «люди извѣстные за приверженцевъ мнѣній мэріи», были посланы къ окружнымъ мэрамъ, на которыхъ можно было надѣяться, и распространяли списки въ народѣ [1]). Кромѣ того, Эмиль Тома вошелъ, съ вѣдома Мари, въ соглашеніе съ клубомъ «*Союзъ работниковъ*»; клубъ обязывался напечатать на свой счетъ списокъ кандидатовъ, на которыхъ укажетъ министръ, и изложеніе принциповъ самого клуба; министръ съ своей стороны обязывался дать клубу на три дня пятьсотъ агентовъ для распространенія списка. Изъ этого списка тоже вычеркнули имена четырехъ враговъ Мари и ихъ союзниковъ. Агенты этихъ личностей выдавали иногда свои списки за списки Люксанбургской комиссіи, чтобы ловчѣе обмануть народъ, непосвященный во всѣ закулисныя тайны. На эти интриги противъ четырехъ членовъ правительства безъ всякой церемоніи употреблялись не только люди, служившіе

---

[1]) *Emile Thomas.* Histoire des ateliers nationaux, pp. 213—217.

правительству, но и казенныя деньги. Противъ подобныхъ интригъ можно было бороться только равносильнымъ оружіемъ или прямо встать во главѣ массы и идти напроломъ. Луи Бланъ былъ неспособенъ ни на то, ни на другое: ловко интриговать онъ не умѣлъ, энергическихъ насильственныхъ мѣръ боялся, не умѣя выть по-волчьи среди волковъ.

Несмотря на всѣ эти козни, спокойствіе въ Парижѣ не нарушалось; въ провинціяхъ же дѣло выборовъ не обошлось безъ кровопролитія. 27 апрѣля были волненія въ Руанѣ. Генералъ, командовавшій тамъ войскомъ, разогналъ пушечными выстрѣлами толпу, состоявшую частью изъ женщинъ, дѣтей и безоружныхъ работниковъ. Яснымъ доказательствомъ, какъ беззащитна и неопасна была эта толпа, служило то обстоятельство, что во время схватки не было убито ни одного солдата, тогда какъ изъ народа легло до ста пятидесяти жертвъ [1]). Генералъ-побѣдитель имѣлъ смѣлость представить правительству рапортъ, въ которомъ излагалъ событіе съ гордостью, какъ побѣдитель страшнаго врага. Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ настаивали на призваніи генерала къ суду, но правители и, главнымъ образомъ, Араго возстали противъ этого требованія. Поощрить войско на роль народнаго усмирителя было теперь выгодно.

Когда окончились выборы, то оказалось, что ультра-республиканцы и соціалисты потерпѣли полнѣйшее пораженіе. 34 представителя, выбранные столицей, принадлежали по большей части къ «умѣреннымъ». Изъ провинціальныхъ депутатовъ насчитывалось тоже немного «крайнихъ». На 900 членовъ приходилось 150 легитимистовъ и до 300 орлеанистовъ. Эти цифры были многознаменательны и нисколько не утѣшительны для республиканцевъ. 4 мая «собраніе» было открыто съ подобающею торжественностью и даже не былъ упущенъ удобный случай призвать новые отряды войскъ для увеличенія церемоніи. 8 мая «національное собраніе», выслушавъ отчеты министровъ, выразило свою благодарность временному правительству, объявивъ, что оно хорошо служило отечеству. Затѣмъ временное правительство сложило свою должность. Тогда возникъ вопросъ: кому отдать управленіе и въ какой формѣ устроить его? Сначала предлагали отдать власть къ руки Ламартина, назначивъ его президентомъ. Но онъ, зная отношенія къ нему соціа-

---

[1]) *Proudhon.* Idées révolutionnaires, p. 32.

листовъ, ультра-республиканцевъ и рабочихъ изъ національныхъ мастерскихъ, понялъ, какъ опасно будетъ его положеніе въ качествѣ президента, и отклонилъ предложеніе. Послѣ долгихъ преній, 10 мая рѣшились выбрать просто исполнительную комиссію изъ пяти членовъ. Выбранными оказались Араго, Гарнье-Паже, Мари, Ламартинъ и Ледрю-Роллень. Араго, какъ выбранный первымъ, занялъ предсѣдательское мѣсто въ комиссіи. Комиссія составила свое министерство, и его составъ ясно показалъ, что теперь взяла полнѣйшій перевѣсъ надъ другими партіями партія «*Насьоналя*»; одинъ изъ главныхъ ея членовъ Марра остался парижскимъ мэромъ; его враги Луи Бланъ и Альберъ не получили никакихъ должностей; предложеніе Луи Блана учредить «министерство работы и прогресса» было отвергнуто. Люксанбургскіе рабочіе, узнавъ объ отказѣ учредить «министерство работы и прогресса», упрекали національное собраніе въ томъ, что оно отвергало признанное временнымъ правительствомъ «право на трудъ», и отказались участвовать въ «праздникѣ согласія», назначенномъ на 14 мая. 11 мая на стѣнахъ Парижа появилось слѣдующее объявленіе, подписанное депутатами рабочихъ: «Такъ какъ обѣщанія, сдѣланныя на баррикадахъ, не были исполнены, и національное собраніе отказалось на своемъ засѣданіи 10 мая учредить «министерство работы», то работники, выбранные въ Люксанбургскую комиссію, рѣшили единодушно, что они не пойдутъ на праздникъ согласія».

Министръ внутреннихъ дѣлъ принужденъ былъ объявить объ отмѣнѣ праздника «по высшимъ причинамъ». Въ обществѣ слышался ропотъ недовольныхъ. Клубы «крайнихъ», недовольные составомъ національнаго собранія, рѣшились воспользоваться народнымъ недовольствомъ противъ правительства и нашли удобный случай еще болѣе усилить волненіе массъ. Уже давно поляки, проживавшіе въ Парижѣ, тщетно просили поддержки для своей родины у временнаго правительства; потерпѣвъ на этомъ пути неудачу, они сдѣлались членами клубовъ и всѣми силами старались завоевать участіе общества къ польскому вопросу. На стѣнахъ Парижа нерѣдко появлялись объявленія, въ которыхъ или призывалась Франція на помощь Польшѣ, или описывались событія, происходившія въ Краковѣ, Познани и проч. [1]).

---

[1]) *Un Garde National.* Journées de l'insurrection de juin 1848, pp. 99, 152, 153.

10 мая Воловскій, польскій эмигрантъ, натурализованный во Франціи, членъ національнаго собранія, представилъ этому собранію адресъ познанскихъ, краковскихъ и галиційскихъ депутатовъ, просившихъ помощи и защиты у французскаго народа. Адресъ былъ написанъ страстно и могъ возбудить сочувствіе французовъ къ Польшѣ. Обсужденіе этого предложенія назначено было собраніемъ на 15-е мая. Клубисты, главнымъ образомъ, Бланки, Распайль, Собрье и Гюберъ, рѣшились устроить демонстрацію, чтобы подѣйствовать на рѣшеніе собранія. Уже 13-го мая народная толпа въ пять или шесть тысячъ собралась около зданія національнаго собранія и передала черезъ своихъ депутатовъ адресъ въ пользу Польши. Но это было только начало. Главное движеніе должно было начаться 15-го мая. Правительство знало чрезъ своихъ безчисленныхъ шпіоновъ, что ему угрожаетъ опасность, и собрало войско, поручивъ команду надъ военною силою генералу Куртэ. Начало не предвѣщало ничего хорошаго для народа. Барбесъ, Кабе, Луи Бланъ и Прудонъ старались остановить приготовлявшуюся манифестацію. «Что же докажетъ эта манифестація? [1])—писалъ послѣдній 13-го мая въ «*Représentant du Peuple*».—Какова будетъ ея программа, ея идея, ея средства, ея формула, ея рѣшеніе? Что новаго заявитъ она представителямъ? Какое убѣжденіе заронитъ она въ ихъ душу? Патріоты, я вторично повторяю вамъ: обстоятельства сдѣлали васъ государственными людьми. Вамъ не позволительно говорить, какъ пустымъ гуманитаристамъ, или дѣйствовать, какъ безмозглымъ клубистамъ». Далѣе онъ разъясняетъ, что безъ средствъ нельзя вести войны; что капиталы могутъ образоваться только при помощи труда; что основаніемъ служитъ обращеніе денегъ, возможное только при взаимномъ кредитѣ. «Итакъ,—продолжаетъ онъ:—организуйте обращеніе денегъ при помощи взаимнаго кредита и у васъ будутъ и трудъ, и капиталы; у васъ будетъ орудіе для мира и войны». Но подобныя рѣчи были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Утромъ 15-го мая весь Парижъ былъ въ движеніи. Народная масса во сто тысячъ человѣкъ двинулась на площадь Согласія и передъ палатою депутатовъ встрѣтилась съ генераломъ Куртэ. Онъ побоялся заградить дорогу толпѣ и вошелъ съ нею въ переговоры, согласившись допустить

[1]) *Proudhon.* Idées révolutionnaires, pp. 38—45.

въ палату народныхъ депутатовъ. Но народъ не удовольствовался этимъ и черезъ нѣсколько минутъ ворвался черезъ рѣшетки на лѣстницу палаты. Въ палатѣ въ эту минуту шли пренія о польскомъ вопросѣ. Воловскій стоялъ на трибунѣ. «Граждане-представители, — говорилъ онъ: — можетъ-быть, никогда не поднимался передъ вами болѣе серьезный и торжественный вопросъ: онъ несетъ съ собою войну или миръ. Не скрою передъ вами всѣхъ трудностей задачи и все же я предлагаю ее вамъ съ полнымъ довѣріемъ, потому что я думаю, что всѣ ваши идеи по этому великому вопросу сходятся между собою. Я не нанесу никому въ этой средѣ обиды предположеніемъ, что онъ можетъ-быть не вполнѣ преданъ, не твердо преданъ дѣлу Польши». (Въ это время до залы достигли крики народа: «да здравствуетъ Польша!»). Ораторъ продолжалъ свою рѣчь въ томъ же духѣ, а на улицѣ все сильнѣе и ближе раздавались крики. Ораторъ еще не кончилъ рѣчи, когда въ залѣ засѣданія пронеслось извѣстіе, что генералъ Куртэ велѣлъ вложить сабли въ ножны, что залъ будетъ тотчасъ же осажденъ народомъ. Дѣйствительно, залъ наполнился народомъ, и шумъ сталъ настолько силенъ, что не было возможности продолжать пренія. Наконецъ, Распайлю удалось водворить тишину; онъ началъ читать записку, гдѣ требовалось вмѣшательство Франціи въ польскія дѣла. Послѣ Распайля на трибунѣ появился Бланки и кромѣ польскаго вопроса коснулся руанскихъ событій, вопроса о трудѣ и доставленіи народу хлѣба. Шумъ на улицѣ между тѣмъ все увеличивался. Многіе изъ присутствующихъ въ залѣ упрашивали Луи Блана выйти къ народу и успокоить волненіе. Луи Бланъ появился въ окнѣ передъ народомъ и произнесъ примирительную, полную искренняго чувства рѣчь. Когда онъ кончилъ, его окружила толпа народа и унесла изъ залы. Ему пришлось еще разъ обратиться съ успокоительными словами къ толпѣ. Его слова заключались криками народа: «да здравствуетъ всемірная республика!» Оратора понесли на площадь. Сотни голосовъ кричали: «мы хотимъ Луи Блана! мы хотимъ министерства труда». «Десятки разъ,—пишетъ онъ:—падалъ я въ толпу, десятки разъ снова поднимали меня могучія руки. Одинъ работникъ атлетическаго тѣлосложенія, съ улыбкой и ласковымъ выраженіемъ, показалъ мнѣ кулакъ, промолвивъ: «Ахъ, ты, маленькій негодяй, если-бъ ты только захотѣлъ!..» [1]). Дѣйствительно, Луи Блану стоило захотѣть

[1]) *Louis Blanc.* Révélations, t. II, p. 93.

въ эту минуту, и онъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, президентомъ. Но ни Луи Бланъ, ни другіе члены собранія, за исключеніемъ Альбера и потомъ Барбеса, не пристали къ возмущенію. Шумъ дѣлался все страшнѣе. Вдругъ раздался звукъ барабановъ, это былъ военный призывъ къ порядку. Черезъ минуту могла вспыхнуть междоусобная битва. Президентъ собранія Бюше поспѣшно написалъ на клочкѣ бумаги, чтобы прекратили барабанный бой. Какой-то работникъ предложилъ Луи Блану, потерявшему голосъ, написать записку къ народу и попросить его разойтись. Луи Бланъ уже началъ писать, когда на трибуну вошелъ Гюберъ и произнесъ: «Собраніе распущено!» Затѣмъ предводители возстанія назначили временное правительство съ Луи Бланомъ во главѣ и отправились частью въ ратушу, подъ предводительствомъ Альбера и Барбеса, частью къ министерству внутреннихъ дѣлъ подъ начальствомъ Собрье, и наконецъ Коптенъ, приверженецъ Бланки, поспѣшилъ въ люксанбургскій дворецъ, чтобы вытѣснить оттуда исполнительную комиссію. Луи Бланъ, потерявшій силы, былъ увезенъ домой.

Мало-по-малу депутаты собранія сошлись снова подъ защитой собравшейся военной силы. Луи Бланъ тоже пріѣхалъ въ собраніе и былъ встрѣченъ разсвирѣпѣвшею толпой національныхъ гвардейцевъ. Они напали на него, вырывали его волосы, рвали на немъ одежду, старались вывихнуть ему пальцы. Сбѣжавшіеся депутаты, друзья Луи Блана, едва успѣли прекратить эту отвратительную сцену и увести его, окровавленнаго, оборваннаго, въ другія комнаты. Въ залѣ собранія рѣшено было немедленно предать суду Барбеса, Альбера и ихъ товарищей; кромѣ того Ламартинъ, замѣнивъ арестованнаго Куртэ, рѣшился сѣсть на коня и во главѣ войска отправиться въ ратушу для укрощенія возстанія. Съ геройствовавшимъ Ламартиномъ поѣхалъ и Ледрю-Ролленъ. Противъ всякаго ожиданія, не только народъ, но и сами его предводители не оказали въ ратушѣ сопротивленія и были арестованы. На другихъ пунктахъ возстаніе прекратилось также безъ выстрѣла. Ламартинъ еще разъ сдѣлался героемъ дня.

Съ этой минуты реакція начала расти не по днямъ, а по часамъ.

VI.

Усиленіе реакціи видѣлось во всемъ. Легитимисты и орлеанисты смѣлѣе нападали на Ледрю-Роллена. Коссидьеръ

потерялъ мѣсто полицейскаго префекта. Изъ Алжира вызвали въ Парижъ генерала Кавеньяка и поручили ему главное начальство надъ войскомъ. Цифра гарнизона въ столицѣ и ея окрестностяхъ опредѣлилась въ 55.000 человѣкъ. 21 мая состоялся «праздникъ согласія». Въ немъ участвовало до 300.000 вооруженныхъ людей. Онъ стоилъ милліонъ, но едва ли принесъ кому-нибудь удовольствіе. Гости, расходясь по домамъ голодными, могли вынести съ него только одно убѣжденіе, что у правительства теперь есть непобѣдимая военная сила. 31 мая произошло совершенно неожиданное событіе: въ собраніи было прочтено обвиненіе Луи Блана за участіе въ происшествіяхъ 15 мая. Докладъ по этому дѣлу съ особеннымъ рвеніемъ принялъ на себя Жюль Фавръ. «Собраніе» должно было дать свое согласіе на судебное преслѣдованіе одного изъ его членовъ. Этого согласія не было дано, и Луи Планъ былъ освобожденъ отъ суда большинствомъ голосовъ,—но это большинство было очень не велико и равнялось 32 голосамъ. Какъ оказывается, вопросъ о судебномъ преслѣдованіи Луи Блана былъ дѣломъ Марра. Марра хотѣлъ уничтожить ненавистную ему «Исполнительную комиссію», во главѣ которой стояли Ледрю-Роллень и Ламартинъ. Онъ не смѣлъ прямо обвинить этихъ людей и надѣялся, что процессъ Луи Блана выяснитъ какіе-нибудь двусмысленные поступки этихъ людей, хотя онъ самъ поступалъ двусмысленнѣе всѣхъ, тайно покровительствуя одному изъ главныхъ заговорщиковъ, Гюберу. Онъ сдѣлался однимъ изъ отъявленныхъ враговъ «Исполнительной комиссіи». Въ первые дни іюня происходило нѣсколько дополнительныхъ выборовъ въ члены національнаго собранія. Эти выборы ясно показали, что Парижъ не раздѣляетъ реакціоннаго движенія собранія, такъ какъ въ числѣ избранныхъ на первомъ мѣстѣ стояло имя баррикаднаго героя Коссидьера, за этимъ именемъ слѣдовали имена Пьера Леру, Прудона, Лагранжа, Виктора Гюго, Тьера и, наконецъ, Луи Бонапарта. Луи Бонапартъ уже два раза пытался до революціи съ оружіемъ въ рукахъ выставить свои притязанія на корону; теперь передъ его избраніемъ въ низшихъ классахъ народа замѣчалось бонапартистское движеніе и слышались иногда крики: «да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ императоръ!» Онъ былъ разомъ выбранъ въ Парижѣ и трехъ департаментахъ. Не бояться подобнаго депутата правительство не могло, и потому Ламартинъ предложилъ отъ лица «Исполнительной комиссіи» дать силу ста-

рымъ постановленіямъ объ изгнаніи фамиліи Наполеона. Собраніе радостно согласилось на предложеніе. Но на слѣдующій же день оно перемѣнило свое мнѣніе и утвердило избраніе Луи Бонапарта. Въ числѣ ораторовъ, говорившихъ за допущеніе его въ депутаты, былъ довѣрчивый энтузіастъ Луи Бланъ, считавшій несовмѣстною съ достоинствомъ республики боязнь передъ этимъ претендентомъ и вообще еще вѣрившій, что возстановленіе трона во Франціи невозможно. Исполнительная комиссія, увидавъ паденіе своего опредѣленія объ изгнаніи Бонапартовъ, хотѣла подать въ отставку, но, по несогласію нѣкоторыхъ ея членовъ на эту рѣшительную мѣру, предложенную Ламартиномъ, вопросъ объ отставкѣ былъ отстраненъ, и члены комиссіи оставили за собой свои мѣста. Раздоръ между Національнымъ собраніемъ и Исполнительною комиссіею все увеличивался. Одной изъ причинъ раздора были «національныя мастерскія».

Чьимъ же дѣломъ было устройство «національныхъ мастерскихъ»?

Неожиданный и тяжелый переворотъ 1847 года нарушилъ на время развитіе промышленности, испугалъ капиталистовъ и оставилъ значительное число работниковъ безъ дѣла и безъ куска хлѣба. Временное правительство не могло не испугаться этой голодной, вооруженной толпы пролетаріевъ и поспѣшило еще 27 февраля издать слѣдующій лаконическій декретъ: «Временное правительство указываетъ устроить національныя мастерскія. Министру публичныхъ работъ поручается исполненіе этого декрета». Министромъ публичныхъ работъ былъ тогда Мари. Онъ очень хорошо зналъ взгляды Луи Блана на національныя мастерскія и былъ отъявленнымъ противникомъ этихъ взглядовъ. Этому-то противнику соціалистовъ поручили дѣло, за которое по праву долженъ былъ взяться Луи Бланъ; но мы уже видѣли, что временное правительство не согласилось устроить «министерство труда» съ Луи Бланомъ во главѣ. «Соціальныя мастерскія», которыхъ желалъ Луи Бланъ, должны были соединять въ отдѣльныя группы работниковъ каждаго отдѣльнаго ремесла. Работники должны были заниматься производительнымъ трудомъ по заказу государства, раздѣляя между собою общую прибыль и составляя какъ бы одну семью, которой члены связаны общими интересами и полной солидарностью. «Національныя мастерскія», основанныя Мари, скучивали вмѣстѣ работниковъ различныхъ ремеслъ и давали имъ всѣмъ одну и ту же работу. Государство

являлось передъ ними простымъ подрядчикомъ, не дѣлившимъ барышей между рабочими, но платившимъ имъ опредѣленное жалованье. Самая работа, данная бѣднякамъ государствомъ, не была вызвана какими-нибудь разумными потребностями, но являлась просто пересыпаньемъ песку изъ одного мѣста въ другое, походила на милостыню, которая давалась не безусловно, а съ тѣмъ условіемъ, чтобы человѣкъ въ теченіе извѣстнаго времени упражнялся гимнастикой. Общей связи между рабочими не было никакой, если не считать связью раздѣленіе ихъ, какъ солдатъ, на бригады.

Главною причиною устройства «національныхъ мастерскихъ» было стремленіе временнаго правительства ослабить вліяніе Луи Блана на работниковъ, дать имъ на время занятіе, не вредящее частной промышленности, и организовать силу, которая могла бы при случаѣ дать отпоръ членамъ люксанбургской комиссіи. Единственное занятіе, не вредящее, какъ казалось безсмысленной партіи умѣренныхъ, частной промышленности, нашлось въ копаньи земли—и вотъ ювелиры, портные, граверы, наборщики стали землекопами. Но этой нелѣпости было мало. Министерство публичныхъ работъ и инженерное вѣдомство были врагами, а потому послѣднее отвѣтило, что у него нѣтъ никакихъ работъ для «національныхъ мастерскихъ», хотя въ Парижѣ было много работы, по постройкѣ мостовъ, дорогъ и укрѣпленій. Вслѣдствіе этой чиновнической ссоры, рабочимъ поручено было сначала вырывать рвы и насыпать террасы на Марсовомъ полѣ, потомъ снова срывать террасы и засыпать рвы, а тамъ приходилось приниматься опять за ту же работу въ другихъ мѣстностяхъ Парижа.

Люди, устроившіе подобную нелѣпость, и работники, занимавшіеся пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее, не могли серьезно относиться къ этой игрѣ въ трудъ. Одни знали ненужность этого труда, другіе совсѣмъ были неспособны на этотъ трудъ—и скоро всѣ согласились, что занятія рабочаго дня будутъ состоять въ томъ, что работники простоятъ на назначенномъ мѣстѣ безъ дѣла извѣстное число часовъ и отправятся домой, получивъ квитанціи за свое присутствіе гдѣ-нибудь на площади. Но совершать такую легкую работу очень пріятно. Работники начали покидать нѣкоторыя фабрики, видя, что ихъ товарищи получаютъ за бездѣлье столько же, сколько они получаютъ за трудъ, и число работниковъ, бывшихъ въ началѣ марта въ «національ-

нальныхъ мастерскихъ», возросло къ іюню съ 20 на 150.000 человѣкъ. Частная промышленность, вопреки ожиданіямъ умѣренныхъ, страдала отъ ихъ выдумки. Нужно было быть очень плохими экономистами, чтобы не предугадать этихъ послѣдствій. Содержаніе этого, развращаемаго правительствомъ, люда стоило нѣсколькихъ милліоновъ въ мѣсяцъ. Но умѣренные республиканцы, затѣявшіе это дѣло,—Мари, Трела, Эмиль Тома, Бюше,—радовались своей затѣѣ. Они всѣ ненавидѣли крайнія партіи и особенно партію соціалистовъ; ихъ затѣя ставила ихъ во главѣ большого войска накормленныхъ ими людей и въ то же время показывала наглядно всю нелѣпость «организаціи труда». Они сознавали, что Луи Бланъ проповѣдывалъ не такую пошлость, но они старались показать всѣмъ, что они исполняютъ только то, чего требовалъ онъ. Недалекій по уму, хотя и гуманный и благородный «по-своему» Эмиль Тома, начальникъ «національныхъ мастерскихъ», очень ясно высказываетъ цѣли своихъ единомышленниковъ. Онъ находилъ, что было бы разумнѣе помочь несостоятельнымъ фабрикантамъ, чѣмъ давать за бездѣлье деньги рабочимъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ фабрики дали бы работу и хлѣбъ пролетаріямъ, а во-второмъ, пролетаріи привыкнутъ къ оплачиваемой праздности, увлекутъ своимъ примѣромъ работающихъ на фабрикахъ товарищей, которые бросятъ работу и остановятъ промышленность. «А что скажетъ Люксанбургъ? замѣтилъ мнѣ Мари,—продолжаетъ Эмиль Тома.—Развѣ онъ согласится на это? Знаете ли вы доктрины Луи Блана? Знаете ли вы, что Луи Бланъ постоянно проповѣдуетъ работникамъ ненависть къ фабрикантамъ, что онъ стремится не къ чему другому, какъ къ замѣнѣ государствомъ всѣхъ предпринимателей, всѣхъ негоціантовъ, всѣхъ фабрикантовъ, потому что, по его мнѣнію, хозяева жирѣютъ отъ пота работниковъ? Но если мы осмѣлимся помочь этимъ презрѣннымъ хозяевамъ, то всѣ эти работники возстанутъ, и мы погибнемъ. Нѣтъ, нѣтъ,—прибавилъ онъ съ грустью:—надо сохранить принципъ, надо помочь работникамъ, а не хозяевамъ. Мы должны ограничить всю дѣятельность Луи Блана одними словами и не допускать его до дѣла; сдѣлать больше безразсудно». Когда Эмиль Тома спросилъ, зачѣмъ допускали учрежденіе люксанбургской комиссіи, то Мари отвѣтилъ, «что правительство желало допустить этотъ опытъ, такъ какъ онъ принесетъ хорошіе результаты: покажетъ самимъ работникамъ всю пустоту и ложность непримѣнимыхъ теорій

и *заставитъ ихъ вынести всѣ гибельныя послѣдствія, которыя навлекутъ на нихъ самихъ эти теоріи*» [1]). Разсужденіе, достойное республиканскаго правителя народа.

Намѣренія умѣренныхъ республиканцевъ сдѣлать изъ національныхъ мастерскихъ войско для борьбы съ соціалистами ясно выразились въ самомъ устройствѣ мастерскихъ. Ихъ члены дѣлились на десятки работниковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ десятниковъ; пять десятковъ составляли взводъ или бригаду съ капраломъ во главѣ; бригады состояли подъ вѣдѣніемъ поручика; у нихъ были свои знамена; они ходили военнымъ строемъ и пр. Во всей этой военной формалистикѣ было свое значеніе, которое, разумѣется, не имѣло ничего общаго съ желаніемъ прокормить тысячи голодныхъ людей трудомъ. Но, наконецъ, реакція почувствовала въ себѣ такую силу, что увидала возможность вести борьбу съ соціалистами и крайними республиканскими партіями безъ помощи работниковъ. Тогда возникъ вопросъ о распущеніи «національныхъ мастерскихъ».

Работникамъ не предстояло теперь какого-нибудь лучшаго исхода, чѣмъ при началѣ революціи, но умѣреннымъ не было никакого дѣла до этого, они спокойно смотрѣли на грозящую этой массѣ голодную смерть. Прежде всего правительство опредѣлило нѣкоторыя предварительныя мѣры для закрытія мастерскихъ; оно приказало удалить всѣхъ работниковъ, жившихъ въ Парижѣ менѣе шести мѣсяцевъ и отказавшихся принять предложенія частныхъ предпринимателей; кромѣ того, работа въ мастерскихъ должна была оплачиваться не неизмѣнной поденной платой, а по-штучно; часть рабочихъ обязана была удалиться изъ Парижа, чтобы заняться работою въ отдаленныхъ провинціяхъ. Эти приказанія были сообщены Эмилю Тома: онъ воспротивился исполнить ихъ, объявивъ, что закрытіе мастерскихъ противорѣчитъ признанному временнымъ правительствомъ «праву на трудъ» и поведетъ къ кровопролитію. Вмѣсто распущенія «мастерскихъ» Тома представилъ министру публичныхъ работъ Трела свой планъ лучшей организаціи этихъ «мастерскихъ». Бо́льшая часть этого плана была заимствована изъ теорій Луи Блана, хотя Эмиль Тома и продолжалъ бранить какъ самого Луи Блана, такъ и его соціалистическія идеи. Онъ требовалъ устройства промышленныхъ совѣтовъ для каждаго отдѣльнаго ремесла, съ членами изъ магистрата и отъ ре-

---

[1]) *Emile Thomas.* Histoire des ateliers nationaux. pp. 141—143.

мещанниковъ; отдѣльные совѣты должны были бы составлять одинъ общій совѣтъ, подчиненный администраціи министерства публичныхъ работъ или министерства торговли; члены совѣта должны были бы избираться большинствомъ голосовъ; каждый совѣтъ былъ бы обязанъ издать временную таксу для работъ того ремесла, представителемъ котораго онъ служилъ; такса назначалась бы за часовую работу; фабрики, гдѣ остановилась работа, отдали бы за умѣренную цѣну свои помѣщенія и инструменты; нужно бы стараться на первое время заняться производствомъ тѣхъ вещей, гдѣ особенно цѣнится работа, а не матеріалъ; произведенія гарантировали бы государству деньги, выданныя имъ впередъ работникамъ, а получаемыя отъ продажи произведеній прибыли могли бы пойти на устройство вспомогательныхъ кассъ; повсюду слѣдовало бы устроить рабочіе кварталы, состоящіе изъ небольшихъ меблированныхъ домовъ въ два и три этажа, гдѣ жило бы по два или по три семейства работниковъ; эти кварталы были бы снабжены пекарнями, общими кухнями и общими печами, однимъ словомъ всѣмъ, что устраиваетъ ассоціаціонную дешевую жизнь [1]). Конечно, самъ Лун Блан не отказался бы отъ этого плана, но Эмиль Тома воображалъ, что онъ проповѣдуетъ новое и не имѣющее ничего общаго съ соціализмомъ. Его проектъ былъ отвергнуть, и министръ Трела самымъ предательскимъ образомъ выслалъ Тома изъ Парижа подъ полицейскимъ конвоемъ, не давъ ему времени для извѣщенія матери и друзей о выѣздѣ изъ столицы. Въ Бордо Эмиль Тома былъ схваченъ жандармами по приказанію министра, но черезъ нѣсколько часовъ пришло отъ того же министра приказаніе не обращать вниманія на его первое распоряженіе. Вражда Эмиля Тома къ идеямъ Лун Блана и его планъ, согласный во многомъ съ этими идеями; распоряженія министра Трела, отмѣняющаго свои же собственныя приказанія, написанныя передъ тѣмъ за два или за три часа, все это показываетъ, какимъ смысломъ были одарены люди умѣренной партіи. Между тѣмъ слухи о закрытіи мастерскихъ уже сильно волновали народъ; въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Парижѣ самъ Эмиль Тома выдерживалъ бурныя сцены и слышалъ оскорблявшіе его крики: «да здравствуетъ Лун Блан! да здравствуетъ соціальная республика! Долой Эмиля Тома! задушите его!» [2]).

---

[1]) *Émile Thomas.* Histoire des ateliers nationaux, pp. 240—242.
[2]) *Ibid.*, p. 254.

По отъѣздѣ Тома, назначенъ былъ его преемникомъ Леонъ Лаланъ, человѣкъ уже безсильный по одному тому, что никто изъ работниковъ не питалъ къ нему и сотой доли той любви и того уваженія, которыми пользовался долгое время добродушный и гуманный Тома.

Ежедневно стали работники собираться по вечерамъ на бульварахъ; это были такъ-называемые «клубы отчаянія»; тутъ произносились страстныя рѣчи, выражались угрозы; афиши и объявленія работниковъ снова появлялись на стѣнахъ Парижа. Полицейскія и военныя мѣры чрезъ нѣсколько времени прекратили эти собранія, но настроеніе массы не сдѣлалось спокойнѣе. 15 мая Пьеръ Леру въ національномъ собраніи уже пророчилъ близкое возстаніе: «Если вы не хотите отказаться отъ старой политической экономіи, — говорилъ онъ членамъ правой стороны:—если вы хотите непремѣнно уничтожить обѣщанія французской революціи во всемъ ея величіи; если вы не хотите, чтобы христіанство сдѣлало новый шагъ впередъ; если вы не хотите человѣческой ассоціаціи, то, говорю вамъ, вы подвергаете цивилизацію опасности умереть въ страшной агоніи». На это Гудшо отвѣтилъ, что «національныя мастерскія нужно немедленно уничтожить и позаботиться о безплатномъ образованіи для рабочихъ, о менѣе стѣснительныхъ таксахъ, о развитіи кредита и реформѣ покровительственныхъ законовъ труда». Черезъ нѣсколько дней на стѣнахъ Парижа появилась афиша, подписанная работниками національныхъ мастерскихъ. Въ ней говорилось: «Не нашей доброй воли недостаетъ къ работѣ; недостаетъ работы для нашихъ рукъ, работы, — сообразной съ нашими профессіями. Къ ней-то мы стремимся всѣми нашими желаніями. Вы требуете немедленно распущенія 110.000 работниковъ, ожидающихъ каждый день скромной заработной платы для поддержанія себя и своихъ семействъ. Неужели ихъ отдадутъ въ жертву дурнымъ внушеніямъ голода и крайнимъ увлеченіямъ отчаянія?» Еще была возможность предупредить возстаніе, но правительство думало только о томъ, какъ *подавить* это возстаніе, не заботясь о предупрежденіи его. 20 мая министръ общественныхъ работъ потребовалъ въ національномъ собраніи новаго кредита въ 3 милліона для мастерскихъ. Это требованіе встрѣтило противорѣчія, и хотя было исполнено, но изъ диспутовъ явно оказалось, что національное собраніе ждетъ только удобнаго случая для закрытія мастерскихъ. Рабочіе продолжали волноваться. Ихъ волненія поддержива-

лись съ одной стороны происками бонапартистовъ, вербовавшихъ послѣдователей въ національныхъ мастерскихъ; съ другой стороны, смущали работниковъ возвращавшіеся изъ провинціи мастеровые, которыхъ еще недавно послали туда на работу; они разсказывали, что ихъ обманули и что съ ними дурно обращались въ провинціи. Кромѣ всего этого «*Монитеръ*» разнесъ объявленіе, гдѣ говорилось, что будутъ приняты мѣры для вербовки способныхъ къ службѣ холостыхъ рабочихъ отъ 18-ти до 25-ти лѣтъ, для пополненія различныхъ армейскихъ полковъ. «Кто откажется подписать эти *добровольныя* приглашенія,—говорилось въ объявленіи:—тотъ будетъ вычеркнутъ изъ списка національныхъ мастерскихъ». Правительство видѣло грозящую ему опасность и уже давно приготовилось къ ней. Еще 20 мая оно довело цифру парижскаго гарнизона до 25.000 человѣкъ линейнаго войска и до 20.000 человѣкъ подвижной гвардіи. Кромѣ этой силы у него была національная гвардія, на поддержку которой теперь можно было положиться. Генералъ Кавеньякъ приготовилъ формальный планъ предстоящей уличной битвы и былъ увѣренъ, что его не застанутъ врасплохъ, какъ застали королевскихъ военачальниковъ въ іюлѣ 1830 и въ февралѣ 1848 годовъ.

VII.

Терпѣніе работниковъ видимо истощилось. «Мы даримъ республикѣ три мѣсяца нищеты»,—говорили они въ началѣ революціи [1]). Теперь этотъ срокъ прошелъ, а правительство ничего не придумало для облегченія участи пролетаріевъ. 22 іюня въ «Монитерѣ» появилась замѣтка о вербовкѣ рабочихъ, вербовкѣ принудительной, такъ какъ на нее приходилось согласиться во имя голода. Рабочіе собрались на нѣсколькихъ пунктахъ города, въ особенности многолюдны были толпы на площади св. Сульпиція. Бригады національныхъ мастерскихъ, посланныя въ Корбель, поспѣшно вернулись въ Парижъ. Но правительство не покидало своей мысли о распущеніи мастерскихъ, и Ламанъ объявилъ, что «оно желаетъ высылки рабочихъ изъ Парижа». «Нужно, чтобы это желаніе было исполнено сегодня же»,—добавлялъ онъ. Къ этому не прибавлялось никакихъ объясненій насчетъ того, чѣмъ придется имъ заниматься и кормиться въ провинціи.

---

1) *Louis Blanc.* Révélations historiques. T. II, pp. 142—143

Вслѣдствіе всего этого 22 іюня, въ десять часовъ утра, Іюжоль, депутатъ работниковъ, явился съ тремя товарищами къ Мари. Онъ объяснилъ, что работники, проливая свою кровь въ февральскіе дни, надѣялись на учрежденіе демократической соціальной республики, которая прекратила бы, наконецъ, эксплоатацію человѣка человѣкомъ; депутатъ замѣтилъ, что рабочіе рѣшились на всякія жертвы для поддержанія свободы, но что они прежде всего требуютъ устройства мастерскихъ, гдѣ могъ бы найти себѣ пріютъ пролетарій.

— Работники, которые не пожелаютъ подчиниться приказанію,—рѣзко прервалъ депутата Мари:—будутъ высланы изъ Парижа силою.

Но этотъ же самый Мари говорилъ еще недавно Эмилю Тома: «Можете ли вы разсчитывать на рабочихъ? не жалѣйте денегъ: въ случаѣ нужды вамъ дадутъ денегъ изъ секретныхъ суммъ. Быть-можетъ, не далекъ день, когда нужно будетъ выпустить рабочихъ на улицу».

— Гражданинъ-представитель, — отвѣтилъ Іюжоль на рѣзкія слова Мари:—вы оскорбляете людей, носящихъ священное званіе депутатовъ народа; мы удалимся съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вы не желаете ни организаціи труда, ни процвѣтанія рабочаго народа.

— Вамъ вскружили головы,—возразилъ Мари:—это все система Луи Блана: мы ея не желаемъ.

Обмѣнявшись рѣзкими выраженіями, Мари и Іюжоль окончили свиданіе. Ихъ разговоръ былъ быстро сообщенъ всему Парижу. Работники не привыкли къ такому грубому языку, какимъ говорилъ Мари съ ихъ депутатомъ; до сихъ поръ имъ льстило временное правительство, желая ихъ силою сохранить за собою власть; ихъ ласкалъ Мари, желая подкопаться ихъ руками подъ временное правительство; съ ними, какъ съ равными, обращался Луи Бланъ, желая при ихъ помощи добиться разумной организаціи труда. Что-жъ мудренаго, что они воспламенились гнѣвомъ, видя, какъ хладнокровно и грубо ихъ посылаютъ на голодную смерть, посылаютъ потому, что могутъ теперь обойтись и безъ ихъ помощи? Вечеромъ того же дня толпа сошлась на площади Пантеона и большими колоннами, при свѣтѣ факеловъ, двинулась по главнымъ улицамъ Парижа. Въ воздухѣ уже звучали грозныя слова: «Хлѣба или свинцу!» По окончаніи шествія толпа снова собралась на пантеонскую площадь, гдѣ происходило бурное совѣщаніе. Рѣшено было собраться вновь на слѣдующее утро и съ оружіемъ въ рукахъ раз-

считаться съ правительствомъ и національнымъ собраніемъ за нарушеніе данныхъ февральскою революціею обѣщаній. Въ одиннадцать часовъ вечера Мари въ испугѣ написалъ генералу Кавеньяку просьбу о присылкѣ въ Люксанбургъ одного пѣхотнаго и двухъ кавалерійскихъ полковъ. Это было исполнено. Въ два часа ночи къ генералу пришло новое письмо отъ начальника секретаріата исполнительной комиссіи Бартелеми Сентъ-Илера. Въ письмѣ писалось, что рабочіе соберутся на площади Пантеона въ шесть часовъ, а потому нужно подавить возстаніе въ началѣ, пославъ въ Пантеонъ къ пяти часамъ два баталіона пѣхоты и два кавалеріи. Въ концѣ письма Бартелеми Сентъ-Иларъ прибавлялъ, что онъ не знаетъ сущности приказаній, отданныхъ исполнительною комиссіею, а потому предоставляетъ Кавеньяку выбирать то изъ приказаній, которое тотъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ. Это письмо очень важно, оно показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, Бартелеми Сентъ-Иларъ чувствовалъ необходимость и возможность остановить возстаніе въ зародышѣ безъ кровопролитія. Но генералъ Кавеньякъ умышленно не воспользовался благимъ совѣтомъ и не послалъ ни одного солдата въ Пантеонъ. Послѣ, оправдывая себя, Кавеньякъ говорилъ, что онъ счелъ полученныя имъ отъ Мари и отъ Бартелеми Сентъ-Илера письма за одно и то же повторенное приказаніе. А вѣдь, кажется, трудно было смѣшать Люксанбургъ и Пантеонъ. При большомъ количествѣ военной силы, при отсутствіи баррикадъ на улицахъ въ то время, когда толпы народа еще не сплотились въ одну массу, было вполнѣ возможно предупредить рѣзню, и всѣ ея послѣдствія падаютъ несмываемымъ кровавымъ пятномъ на Кавеньяка. Утромъ, когда всѣ депутаты и исполнительная комиссія собралась на совѣщаніе, генералу Кавеньяку предлагали исполнить нѣсколько мѣръ для предупрежденія битвы. Онъ отвѣчалъ, что это невозможно, хотя министръ внутреннихъ дѣлъ Рекюръ утверждалъ противное. Между ними возникъ горячій споръ, и Рекюръ въ волненіи воскликнулъ:

— А, значитъ, хотятъ именно битвы! Это безумно!

Исполнительная комиссія, въ свою очередь, считала необходимымъ прежде всего воспрепятствовать постройкѣ баррикадъ, предлагая послать на важнѣйшіе пункты народныхъ сборищъ не одну національную гвардію, но и, главнымъ образомъ, солдатъ. По мнѣнію Кавеньяка, напротивъ того, слѣдовало прежде всего соединить вмѣстѣ линейные полки и призвать ихъ къ дѣйствію только въ рѣшительную минуту.

«Не будучи пророкомъ,—говоритъ Луи Блапъ:—можно было предсказать, что слѣдствіемъ подобной тактики будетъ слѣдующее: возстаніе, оставленное сначала на безпрепятственное завладѣніе различными мѣстностями и на свободное движеніе, не упуститъ случая широко развиться. Національная гвардія, подъ его натискомъ и безъ всякой поддержки со стороны войска, будетъ разсѣяна. Она начнетъ просить помощи и, не находя этой помощи, сочтетъ себя преданной исполнительною комиссіею, несущею отвѣтственность за положеніе дѣлъ. Реакціонное большинство собранія, горящее желаніемъ уничтожить однихъ республиканцевъ другими, будетъ въ восторгѣ отъ удобнаго случая низвергнуть Ламартина и Ледрю-Роллена при помощи генерала Кавеньяка. Армія, которая выступитъ на сцену только послѣ отступленія національной гвардіи, купитъ побѣду по дешевой цѣнѣ и завоюетъ славу побѣдительницы возстанія. Ея начальникъ сдѣлается необходимымъ лицомъ, и его диктатура, порожденная подъ гнетомъ обстоятельствъ, поднимется въ крови на развалинахъ власти исполнительной комиссіи, низвергнутой, забросанной грязью и проклинаемой» [1]).

Генералъ Кавеньякъ, какъ истый солдатъ, жаждалъ только одного: онъ желалъ отплатить толпѣ, черни, за ея прошлыя побѣды надъ войскомъ. Это желаніе раздѣляли всѣ солдаты. Вслѣдствіе этого по плану начальника полки не должны были дѣлиться на мелкіе отряды, но должны были дѣйствовать массой не столько для усмиренія, сколько для пораженія народа. Главныя военныя силы собрались въ Тюльерійскомъ саду, на площади Согласія и въ Елисейскихъ поляхъ. Генералы Бедо, Дамемъ и Ламорисьеръ защищали ратушу, Люксанбургъ и богатый кварталъ на правомъ берегу Сены. Когда Люксанбургскій дворецъ началъ подвергаться опасности, тогда исполнительная комиссія перенесла свои засѣданія во дворецъ національнаго собранія. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что, въ случаѣ побѣды народа, она и собраніе могутъ удалиться въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ.

Возставшіе собрались съ утра на площади Пантеона. У нихъ не было никакого общаго руководителя, никакого опредѣленнаго плана. Ни одинъ человѣкъ съ военнымъ или политическимъ именемъ не участвовалъ здѣсь; ни одна политическая или соціальная партія не подстрекала народъ

[1]) *Louis Blanc.* Révélations, t. II, pp. 146—147.

къ бою [1]). Это было «возстаніе голода». Извѣстный военный порядокъ и дисциплина царствовали въ этой толпѣ, состоявшей по большей части изъ работниковъ національныхъ мастерскихъ, подготовленныхъ совсѣмъ съ другими цѣлями къ военной службѣ, и изъ монтаньяровъ, которыхъ корпусъ былъ распущенъ. Пюжоль былъ предводителемъ. Онъ сначала повелъ толпу на площадь Бастиліи и здѣсь, на колѣняхъ, толпа выслушала его воззваніе. Отсюда всѣ направились къ Сенъ-Мартинскимъ и Сенъ-Денискимъ воротамъ, гдѣ и начали строить баррикады. До полудня не раздавалось еще ни одного выстрѣла. Но около двѣнадцатаго часу по Сенъ-Мартинской улицѣ прошелъ отрядъ національныхъ гвардейцевъ. Ихъ встрѣтили выстрѣлами и убили изъ нихъ нѣсколько человѣкъ. Завязалась битва, возставшіе были побѣждены и удалились за Сенъ-Денискія ворота. Черезъ полчаса завязался бой на баррикадѣ около этихъ воротъ. На помощь національнымъ гвардейцамъ явился отрядъ изъ войскъ Ламорисьера. Стрѣльба началась страшная; въ отдаленіи виднѣлись массы людей, съ ужасомъ смотрѣвшихъ на борьбу; нѣсколько гвардейцевъ успѣли сдѣлать столько выстрѣловъ, что должны были удалиться съ мѣста битвы за неимѣніемъ зарядовъ [2]). Въ короткое время битва распространилась на бо́льшую часть города. Республиканская и подвижная гвардія почти вездѣ подавали національной гвардіи и войскамъ примѣръ военнаго повиновенія и мужества, хотя сначала на нихъ очень мало разсчитывали. Къ концу дня побѣда не была выиграна ни одною изъ воюющихъ сторонъ. Кавеньякъ рѣшился нанести возстанію рѣшительный ударъ и двинулся на площадь Бастиліи во главѣ семи или восьми тысячъ человѣкъ. Съ ними были Ламартинъ и многіе другіе члены національнаго собранія, какъ, напримѣръ, Вавенъ, Тессье Ламоттъ и проч. Сначала Ламартинъ напрасно растратилъ свое краснорѣчіе для усмиренія рабочихъ; послѣ чего Кавеньякъ напалъ на баррикады и хотя взялъ ихъ при сильномъ кровопролитіи, но не смутилъ возставшихъ и не одержалъ надъ ними желанной «окончательной» побѣды. Ночь прекратила битву. Кавеньякъ отозвалъ войска, чтобы они отдохнули и приготовились къ новой битвѣ на слѣдую-

---

[1]) Этотъ фактъ признаетъ даже *Рохау*, обыкновенно указывающій на Барбесовъ, Бланки, Луи Блановъ, какъ на подстрекателей (см. *Рохау*, Исторія Франціи, ч. II, стр. 262).

[2]) *Un Garde national.* Journées de l'insurrection de juin 1848, pp. 174—175.

ній день. Возставшимъ тоже нужно было собрать силы. Только національное собраніе объявило себя постояннымъ—*en permanence*—и номинально продолжало засѣданіе во всю ночь. Утромъ битва усилилась. Возставшіе старались проникнуть къ ратушѣ со стороны предмѣстій Тампля, Сентъ-Антуана и Сенъ-Жака. До нихъ доходили слухи, что къ нимъ на помощь идутъ рабочіе изъ Руана. Ратушу защищалъ генералъ Дювивье, такъ какъ Бедо былъ раненъ. Съ каждой минутой генералу Дювивье приходилось труднѣе бороться съ массой, и объ этомъ дошли слухи до національнаго собранія, гдѣ продолжались толки о способахъ къ исходу. Члены собранія видѣли теперь только два пути къ своему спасенію: переговоры съ работниками, согласіе сдержать немедленно всѣ обѣщанія февральской революціи или подавленіе бунтовщиковъ военною силою при помощи диктатуры Кавеньяка. За первую мѣру стояли очень немногіе.

Большинство національнаго собранія смотрѣло на возставшихъ отъ голода людей, кричавшихъ: «Хлѣба или свинцу», какъ на какихъ-то разбойниковъ [1]). Марра 23 іюня разослалъ циркуляръ, гдѣ стояли такія фразы: «вы сегодня были свидѣтелемъ попытокъ *небольшого числа безумцевъ*, желавшихъ внести самое живое безпокойство въ массу народонаселенія... Посторонніе агенты присоединились къ врагамъ республики, подстрекаютъ ихъ и *подкупаютъ*. Они хотятъ не только зажечь междоусобную войну среди насъ, но *желаютъ грабежа, соціальнаго распаденія*... Національная гвардія есть первая охранительница общественнаго мира и *собственности*; она должна понимать, что дѣло идетъ главнымъ образомъ о ней, о ея *интересахъ*, о ея *кредитѣ*... Если она не будетъ дѣйствовать, то *она подвергнетъ самымъ страшнымъ бѣдствіямъ семейство и собственность*». Сенаръ выражался еще болѣе рѣзко: «Они требуютъ не республики! Республика провозглашена. Имъ нужна не всеобщая подача голосовъ! Она признана и примѣнена на практикѣ. Чего-жъ они хотятъ? Теперь стало яснымъ: *имъ хочется анархіи, пожара, грабежа!*» Что-жъ мудренаго, что во все время постояннаго засѣданія въ національномъ собраніи предлагались, главнымъ образомъ, не проекты примиренія съ народомъ, не планы новой организаціи труда, а только деспотическія и крутыя мѣры. «Нужно

1) *Proudhon.* Les confessions d'un révolutionnaire, pp. 120—123.— *Un garde national.* Journées, etc., pp. 206—239.

покончить», со слезами въ голосѣ говорилъ Гарнье-Паже, и собраніе, предчувствуя, что онъ хотѣлъ сказать, кричало: «да! да!»—«Нужно покончить съ агитаторами»,—въ волненіи договорилъ онъ, и собраніе загудѣло: «браво, браво!» Бонжанъ предлагаетъ назначить комиссію, «чтобы идти во главѣ національной гвардіи и войска и умереть, если нужно, за защиту порядка». Консидеранъ предложилъ издать прокламацію, чтобы успокоить рабочихъ насчетъ ихъ участи и прекратить братоубійство. Но это предложеніе отвергли, и Базъ отвѣтилъ:

«Наша обязанность невозмутимо оставаться на своихъ мѣстахъ и не входить ни въ какіе переговоры съ бунтовщиками, ни въ какія перемирія при помощи прокламацій». Коссидьеръ былъ возмущенъ этимъ отвѣтомъ. «Я требую,—воскликнулъ онъ: — чтобы прокламація была сдѣлана при свѣтѣ факеловъ, чтобы извѣстное число депутатовъ отправилось въ сопровожденіи членовъ исполнительной комиссіи въ среду возстанія». «Къ порядку! къ порядку!—закричали со всѣхъ сторонъ.—Вы говорите, какъ заговорщикъ. Господинъ президентъ, отложите засѣданіе!» Дегузе, человѣкъ изъ партіи «*Насьоналя*», предложилъ «арестовать всѣхъ редакторовъ соціальныхъ газетъ». Паскаль Дюпра 24 іюня полагалъ, что не худо объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и сдать всю власть въ руки генерала Кавеньяка. «Я противъ диктатуры!» воскликнулъ Ларабн. «Но національная гвардія требуетъ со всѣхъ сторонъ осаднаго положенія», отвѣтилъ Тревенекъ. «Это желаніе народа», прибавилъ Ланглуа. «И надо торопиться, черезъ часъ ратуша будетъ взята», замѣтилъ Бастидъ. «Во имя памяти 1832 года, мы протестуемъ противъ осаднаго положенія», заключилъ Жерменъ Саррю, но его слова заглушились криками: «Къ порядку! къ порядку!» Жюль Фаврь прибавилъ, что предложеніе Дюпра нужно дополнить слѣдующимъ пунктомъ: «Исполнительная комиссія прекратитъ теперь же исполненіе своихъ обязанностей». При страшномъ шумѣ и безпорядкѣ большинствомъ голосовъ были утверждены три параграфа: «1) засѣданіе національнаго собранія объявляется постояннымъ; 2) Парижъ объявляется въ осадномъ положеніи: 3) вся исполнительная власть передается генералу Кавеньяку». Исполнительная комиссія немедленно прислала въ собраніе сообщеніе, гдѣ заявляла, что она, подчиняясь рѣшенію собранія, слагаетъ съ себя власть и вступаетъ въ ряды національныхъ депутатовъ. Министры въ лицѣ Дю-

Клерка, министра финансовъ, заявили генералу Кавеньяку, «что они вполнѣ безусловно будутъ подчиняться ему, покуда будетъ продолжаться битва; когда же она окончится, то они будутъ просить о возвращеніи имъ прежней свободы дѣйствій».

Кавеньякъ, захвативъ въ свои руки всю власть, сталъ дѣйствовать энергично. Еще наканунѣ, когда отъ него требовали въ тѣ или другія мѣстности войска, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Я не хочу разбрасывать и компрометировать свои войска.

Выслушавъ одно изъ подобныхъ необходимыхъ требованій, онъ замѣтилъ:

— Не думаете ли вы, что я присутствую здѣсь для защиты *вашихъ* парижанъ, *вашей* національной гвардіи? Пусть она сама защищаетъ *свой* городъ и *свои* лавки. Я не стану разбрасывать *свои* войска. Я помню 1830 годъ; я помню февральскіе дни. Если хотя одинъ изъ *моихъ* полковъ будетъ обезоруженъ, я размозжу себѣ черепъ; я *не переживу этого безчестья.*

— Но если инсургенты завладѣютъ всѣмъ Парижемъ?— возразили ему.

— Такъ что-жъ,—отвѣчалъ онъ.—Если они завладѣютъ Парижемъ, я отзову *свою армію* въ долину Сенъ-Дени и тамъ вступлю въ бой съ инсургентами.

— Да, если они пойдутъ туда за вами, — окончилъ Араго [1]).

Теперь генералъ поступалъ иначе; онъ издалъ прокламаціи къ національной гвардіи, къ солдатамъ и рабочимъ; отдалъ приказъ запретить продажу и изданіе всякихъ афишъ политическаго содержанія, исходящихъ не изъ офиціальныхъ рукъ; велѣлъ запереть всѣ улицы, еще не тронутыя возстаніемъ; запретилъ показываться на нихъ всякому, кто не имѣлъ вида на право хожденія по улицамъ; запретилъ открывать окна, чтобы обезпечить войска отъ выстрѣловъ изъ домовъ. Всѣ эти насильственныя мѣры могли теперь только радовать тѣхъ самыхъ людей, которые еще такъ недавно ставили осадное положеніе Парижа въ преступленіе правительству Луи-Филиппа. Но зато тогда они были либералами, теперь это были ярые реакціонеры. Къ вечеру Кавеньякъ успѣлъ овладѣть нѣсколькими значительными

---

[1]) *Louis Blanc.* Révélations historiques. T. II, pp. 158—160.

пунктами, въ томъ числѣ Пантеономъ, превращеннымъ въ цитадель.

Лѣвый берегъ Сены былъ почти весь въ рукахъ войска; ратуша была внѣ опасности. Но возставшіе не падали духомъ и ночью съ 24 на 25 іюня укрѣпили оставшіеся за ними пункты и запаслись новымъ оружіемъ и огнестрѣльными снарядами, хотя эти оружія и снаряды были крайне плохи: такъ газовыя трубы были употреблены вмѣсто пушекъ, мелкіе куски желѣза замѣняли пули. Національное собраніе и Кавеньякъ видѣли, что дѣло не такъ просто, какъ они полагали, и потому они постарались дать нѣкоторыя обѣщанія бѣднякамъ. Такъ было рѣшено объявить, что дѣти убитыхъ за отечество гражданъ будутъ усыновлены отечествомъ; что государство назначаетъ три милліона на помощь бѣднякамъ, лишившимся и послѣдней работы; генералъ Кавеньякъ отъ своего имени объявилъ, что онъ именемъ всего святого проситъ работниковъ оставить оружіе, и увѣрялъ возставшихъ, что только ихъ враги могутъ говорить о страшномъ мщеніи, ожидающемъ ихъ за мятежъ, что, напротивъ того, республика приметъ ихъ въ свои объятія [1]). Но всѣ эти мягкія фразы были безплодны, такъ какъ положительнаго въ нихъ не было ничего. Переговоры не имѣли успѣха, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны дошли до ярости. Это была уже не битва, а рѣзня.

Генералы Даменъ, Бреа, Негрье были убиты или смертельно ранены; они одинъ за другимъ принимали команду надъ частью войска, которая должна была напасть на сильно-укрѣпленное Сентъ-Антуанское предмѣстье. Покуда войска ожидали новаго начальника, на площади появился архіепископъ парижскій; онъ хотѣлъ внести духъ примиренія въ среду возставшихъ и прочелъ имъ прокламацію Кавеньяка, гдѣ говорилось о прощеніи. Населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья приняло очень хорошо архіепископа; оно только сомнѣвалось въ дѣйствительности прокламаціи и требовало собственноручной подписи Кавеньяка. Еще не кончились переговоры объ этомъ предметѣ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, вызванный, какъ кажется, ложно понятымъ барабаннымъ сигналомъ и поразившій архіепископа. Возставшіе окружили раненаго съ выраженіями живѣйшаго участія. Выстрѣлъ былъ произведенъ не ими, а, повидимому, солдатами; по крайней мѣрѣ, викарій, бывшій

---

[1]) *Un Garde national.* Journées, etc., pp. 582—275.

съ архіепископомъ, утверждаетъ, что это убійство не было дѣломъ инсургентовъ [1]). Спутники архіепископа, три депутата собранія, были оставлены плѣнными. Возставшіе заявили, что они требуютъ: распущенія собранія, удаленія войскъ изъ Парижа и освобожденія людей, арестованныхъ за событія 15 мая. Депутатамъ, и въ особенности Лабаби, удалось доказать инсургентамъ, что они не могутъ договариваться за правительство. Въ это время назначили вмѣсто убитаго генерала Негрье новаго начальника, генерала Перро. Онъ вошелъ въ переговоры съ возставшими и позволилъ имъ послать двухъ депутатовъ къ Кавеньяку. Кавеньякъ отвѣтилъ, что не вступитъ больше ни въ какіе переговоры и даетъ инсургентамъ срокъ для безусловнаго подчиненія до десяти часовъ утра, а затѣмъ начнетъ приступъ къ Сентъ-Антуанскому предмѣстью. Въ это время генералъ Ламорисьеръ овладѣлъ уже предмѣстьемъ Тампля. Пожаръ, ломка домовъ, избіеніе старыхъ и малыхъ ознаменовали эту побѣду. Теперь оставалось взять Сентъ-Антуанское предмѣстье, но это было не трудно сдѣлать, такъ какъ съ одной стороны войска заняли Тампль, а съ другой—площадь Бастиліи. Въ 10 часовъ утра 26 іюня началась осада послѣдняго убѣжища возстанія. Черезъ часъ это убѣжище было взято, и только отдѣльные выстрѣлы еще гремѣли то тамъ, то тутъ до вечера. Планы генерала Кавеньяка вполнѣ удались; онъ не успокоилъ мятежное настроеніе массы, но разбилъ мятежниковъ; войско смыло съ своей чести пятно пораженій 1830 года и февральскихъ дней; отмщеніе было полное и число жертвъ простиралось до 10.000 человѣкъ; изъ 40 или 50.000 возставшихъ, во время битвы и особенно по окончаніи ея, взято посредствомъ настоящихъ облавъ до 14.000 плѣнныхъ, которыхъ заключили въ казематы парижскихъ укрѣпленій. Ярость солдатъ дошла до того, что пришибали и разстрѣливали гуртомъ даже плѣнныхъ: возставшихъ называли грабителями, ворами, каторжниками; въ собраніи одни члены громогласно заявляли факты въ родѣ того, что арестовали какого-то мальчика, у котораго было 10.000 франковъ золотомъ, другіе члены (напримѣръ Флоконъ) прибавляли къ разсказу, что эти факты не единичны, что есть еще много подобныхъ [2]); никто, конечно, не думалъ заявлять, какъ послѣ іюльской и февральской

---

[1]) *Louis Blanc.* Révélations historiques, .t II, p. 138.
[2]) *Un Garde national.* Journées, etc., p. 238.

революціей, благодарность инсургентамъ за уваженіе собственности, хотя эти нищіе, получившіе названіе грабителей и поджигателей, и теперь не украли ничего, не разрушили безъ надобности домовъ богачей, не сожгли предметовъ роскоши и остались еще болѣе бѣдными, чѣмъ были до возстанія.

VIII.

Даже 27 іюня, когда битва совершенно окончилась, побѣдители продолжали принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности [1]). Отъ времени до времени на аванпостахъ еще слышались отдѣльные выстрѣлы, причинявшіе сильное безпокойство населенію. Всѣ лавки были закрыты и повсюду виднѣлись страшные слѣды гражданской войны. Нѣкоторыя части города выглядѣли такъ, какъ будто онѣ выдержали положительную бомбардировку. Слѣды ядеръ и пуль, трупы, баррикады, дымящіяся развалины, кровь, только отчасти засыпанная пескомъ, боязливыя, скорбныя лица, однимъ словомъ картина полнаго безутѣшнаго отчаянія. Въ полдень начали не безъ страху открывать немногія лавки; на улицахъ осмѣлились показаться одинокіе экипажи. Число убитыхъ и раненыхъ было такъ велико, что для нихъ недоставало мѣста въ госпиталяхъ; пришлось устроить временные лазареты и мертвецкія. Улицы и площади, наполненныя солдатами, хранили видъ лагерей. Многочисленныя толпы плѣнныхъ инсургентовъ, съ руками, связанными за спинами, тянулись подъ стражей національныхъ гвардейцевъ въ тюрьмы. Буржуа встрѣчали привѣтственными криками національныхъ гвардейцевъ; они понимали, что въ предшествовавшіе дни народъ боролся не за перемѣну той или другой династіи, а за полное измѣненіе государства и общества, устроенныхъ къ выгодамъ буржуазіи, собственниковъ и капиталистовъ. Какъ же имъ было не радоваться тому, что народъ былъ подавленъ.

Долгое время послѣ побѣды въ Парижѣ царствовала глухая, угрюмая тишина. Осадное положеніе продолжалось; вездѣ стояли часовые съ заряженными ружьями. Клубы и общественныя собранія были подавлены; журналы крайнихъ партій исчезли; въ церквахъ и даже въ театрахъ валялись непогребенныя тѣла. Никогда не смоютъ съ себя побѣди-

---

[1]) *Sigmund Engländer.* Geschichte der französischen Arbeiter-Association, B. II, pp. 297—347.

тели пятна, которое легло на нихъ вслѣдствіе нарушенія ими условій, заключенныхъ съ побѣжденными. Сдавшись живыми и попавъ въ плѣнъ, послѣдніе испытывали неслыханныя муки. Изъ убитыхъ половина была убита въ плѣну, безъ оружія. Буржуазія дѣйствовала какъ бы въ какомъ-то страшномъ снѣ, какъ бы не понимая, что она дѣлаетъ. Прокламаціи Кавеньяка, обѣщавшія прощеніе сдавшимся, заставляли множество работниковъ оставлять оружіе: ихъ тотчасъ же разстрѣливали. Другихъ вели въ ратушу и пришибали на дорогѣ. Извѣстное число плѣнныхъ было поставлено на Аркольскомъ мосту; подвижная гвардія заняла противоположныя стороны и стала стрѣлять въ середину; нѣкоторыя пули пролетали слишкомъ далеко и достигали до стоящихъ на противоположномъ концѣ моста солдатъ подвижной гвардіи. На мосту Луи-Филиппа болѣе сорока инсургентовъ были брошены въ воду. Такая же участь постигла на набережной ратуши другую толпу возставшихъ; но здѣсь въ брошенныхъ въ воду и поплывшихъ людей стрѣляли. Одинъ инсургентъ вздумалъ въ этомъ случаѣ оказать сопротивленіе, его ткнули штыкомъ въ спину, онъ крикнулъ и обернулся назадъ; видя это, 27 солдатъ подвижной гвардіи выстрѣлили въ него залпомъ и, полагая, что онъ все еще живъ, принялись рубить на куски его тѣло.

Еще страшнѣе происходили картины въ погребѣ ратуши, гдѣ содержали плѣнныхъ. Притиснутые другъ къ другу, они стояли здѣсь въ темнотѣ, по поясъ залитые гнилой водой. Сюда вела лѣстница въ 32 ступени, и какъ только въ ратушу приводили новыхъ плѣнныхъ, такъ тотчасъ же ихъ сталкивали по этой лѣстницѣ. Выламывая члены и разрывая тѣло, скатывались они въ мрачную пропасть. Многіе провели здѣсь до 60 часовъ безъ всякой пищи и когда они кричали, чтобъ имъ дали хотя чистой воды,— подвижная гвардія пускала на удачу пули въ погребное отверстіе. Некуда было удалить отсюда людей, упавшихъ отъ изнеможенія или отъ этихъ выстрѣловъ, и живые, ожидая своей очереди на смерть, стояли среди мертвыхъ въ этомъ болотѣ. Многіе офицеры приговорили къ смерти всѣхъ плѣнныхъ, у которыхъ руки носили слѣды пороха. «Пропустите ихъ!» говорили они солдатамъ; плѣнныхъ пропускали въ опредѣленную дверь, за нею ихъ разстрѣливали или вѣшали, потомъ ихъ тѣла выбрасывали въ кучу на дворъ. Когда погребъ ратуши слишкомъ наполнялся, а

плѣнные все прибывали, тогда національные гвардейцы кричали: «*nous n'avons plus de place, donnez de l'air*» [1]),— это значило: «пристрѣлите лишнихъ». Долго помнилъ Парижъ эту страшную фразу: «*donnez de l'air!*» Кровь лилась ручьями, въ буквальномъ смыслѣ слова. Многіе пункты города превратились въ настоящія бойни инсургентовъ. На площади Сенъ-Жака, напримѣръ, разстрѣливали разомъ цѣлую массу плѣнныхъ, а изъ оконъ смотрѣли женщины и аплодировали.

У многихъ изъ плѣнныхъ нашли въ карманахъ значительныя суммы денегъ. По большей части случаевъ, это не были слѣды кражи, — французскій пролетарій не привыкъ грабить во время борьбы за свое дѣло; эти деньги или составляли послѣднія сбереженія работниковъ, только для битвы оставившихъ свой мирный трудъ, или были получены народомъ отъ агентовъ иностранныхъ правительствъ, легитимистовъ и бонапартистовъ. Послѣдній фактъ—не предположеніе: по слѣдствію оказалось, что всѣ эти партіи хотѣли воспользоваться возстаніемъ въ свою пользу и, прячась за спину работниковъ, подстрекали ихъ на бой. Многіе изъ ихъ агентовъ публично раздавали большія суммы денегъ и медали.

Такъ въ кварталѣ Сенъ-Жака, близъ церкви св. Северина, легитимисты устроили положительно свой штабъ и разсыпали отсюда свои щедроты. Въ улицѣ Вожираръ ихъ же агентъ, графъ де-Нарбонь, былъ убитъ именно въ ту минуту, когда онъ раздавалъ деньги инсургентамъ. Луи-Наполеонъ, льстившій въ своихъ сочиненіяхъ народу и прикидывавшійся соціалистомъ, имѣлъ тоже своихъ приверженцевъ, которые задобривали народъ деньгами. Онъ самъ очень откровенно высказалъ свои цѣли въ письмѣ къ генералу Рапателю: «Генералъ, я наю, какія чувства питаете вы къ моей фамиліи. Если приготовляющіяся событія совершатся въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, то вы будете военнымъ министромъ» [2]). Письмо помѣчено 22 числомъ іюня. Главные участники въ звѣрскомъ убійствѣ генерала Бреа были тоже бонапартистскіе агенты, старавшіеся привлечь народъ на сторону своего патрона. Не мудрено, что масса этихъ подкупателей наградила порядочными суммами денегъ нѣкоторыхъ изъ инсургентовъ. Эти-то

---

[1]) У насъ нѣтъ больше мѣста, дайтѣ воздуху!
[2]) *Louis Blanc.* Révélations, etc., t. II, p. 180.

ценьги дали поводъ національной гвардіи обыскивать плѣнныхъ. Отъ обысковъ она перешла къ тому, что отбирала отъ бѣдняковъ не только деньги, но и порядочныя части одежды, носовые и шейные платки, очки и т. п. Это былъ настоящій грабежъ, не щадившій даже и невинныхъ, такъ какъ въ число плѣнныхъ попадали и тѣ, на которыхъ указали злопамятные личные враги, обиженныя любовницы или желающія свободы жены. Много подобныхъ невинныхъ личностей сидѣло въ погребахъ, служившихъ временными тюрьмами. Здѣсь люди лежали на кучахъ нечистотъ, прижимая къ нимъ свои лица, чтобы хотя немного освѣжиться. Жаръ и духота дошли здѣсь до того, что несчастные принуждены были раздѣваться, и все-таки потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Говорить между собою они не смѣли, потому что на малѣйшій шумъ между ними имъ отвѣчали выстрѣлами. Только эти выстрѣлы да ругань часовыхъ, ходившихъ около погребныхъ отверстій, нарушали тишину этихъ темныхъ могилъ, наполненныхъ живыми и мертвыми. Можно вообразить, какъ рады были плѣнные, когда ихъ вывели изъ погребовъ и съ бранью, ушибая ихъ, нанося имъ удары саблями и пиками, повели въ другія тюрьмы. Они шли безъ фуражекъ, попарно, среди двухъ рядовъ солдатъ. Многіе умерли на дорогѣ отъ истощенія, а между тѣмъ переходъ былъ не великъ. Ихъ перевели въ конюшни кавалерійскихъ казармъ, гдѣ стойла, занимаемыя десятью лошадьми, должны были дать мѣсто для восьмидесяти человѣкъ. Здѣсь плѣнникамъ дали воды и хлѣба. Давали имъ и супу, но онъ до того протухъ, что у несчастныхъ тотчасъ послѣ ѣды поднималась рвота. Многіе изъ нихъ сошли съ ума и бѣшено кричали и днемъ, и ночью; эти крики заставляли не спать всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ, треставшихъ, что солдаты на шумъ отвѣтятъ, по обыкновенію, выстрѣлами. Въ этомъ страшномъ положеніи одни молились, другіе разражались проклятіями; одни говорили сами съ собой, другіе въ остолбенѣніи ничего не видѣли, ничего не слышали и угрюмо молчали; у однихъ были кое-какія надежды, другіе сами кончали разомъ со своей жизнью, налагая на себя руки. Несчастныхъ не оставляли въ покоѣ: ихъ перемѣщали изъ мѣста въ мѣсто, связывая по-четверо вмѣстѣ веревками, — но такъ связывая, что веревки врѣзывались въ тѣло. Наконецъ, мало-по-малу, ихъ всѣхъ свели въ одно мѣсто: въ подземныя каменоломни и подземные ходы на-

рижскихъ укрѣпленій. Эти ходы занимаютъ такое пространство, что въ нихъ могла бы найти себѣ мѣсто половина парижскаго населенія. Холодъ здѣсь страшный; полъ каменный. Приходилось бѣгать или спать другъ на другѣ, чтобы согрѣться. Отъ времени до времени сюда бросали людямъ, какъ собакамъ, хлѣбъ и солому. Плѣннымъ приходилось биться за каждый кусокъ того или другого. Въ этихъ лабиринтахъ подземныхъ галлерей тотчасъ же сложилось нѣчто въ родѣ общественной жизни. Образовались общины, охранявшія хлѣбъ и солому своихъ членовъ. Болѣе сильные люди изъ сожалѣнія оказывали покровительство, подставляя свою грудь вмѣсто подушки, болѣе слабымъ. Каждому проходу было дано названіе какой-нибудь парижской улицы. Устроилось нѣчто въ родѣ суда, гдѣ было рѣшено, что каждый плѣнный, укравшій хлѣбъ собрата, будетъ утопленъ. Иногда иному бѣдняку не доставалось опредѣленной доли хлѣба, тогда для него собирали по кусочку отъ каждаго изъ собратій. Боясь доносовъ и суда, плѣнные приняли выдуманныя имена. Здѣсь были и дѣвушки въ мужскихъ платьяхъ. Теперь парижанамъ трудно было узнать, трудно было найти своихъ сыновей, мужей, братьевъ и друзей. Иногда еще кто-нибудь бѣжалъ изъ подземнаго лабиринта по лѣстницѣ на свѣтъ Божій,—въ него прицѣливалась стража, раздавался выстрѣлъ, и бѣднякъ падалъ мертвымъ. А снизу въ ужасѣ кричали молящіе голоса:

— Не стрѣляйте, онъ сумасшедшій!

Въ галлереяхъ подъ Тюльери сумасшедшихъ насчитывалось нѣсколько сотенъ, и они, вѣроятно, всѣ умерли бы отъ тифа, если бы Карменсенъ не похлопоталъ объ удаленіи ихъ отсюда. Онъ попробовалъ-было спуститься въ это подземелье, но съ нимъ едва не сдѣлался ударъ.

Судить всѣхъ плѣнныхъ считали невозможнымъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, освободить ихъ считали преступленіемъ противъ націи и боялись озлобленія національной гвардіи, готовой кричать: «распни его!» Потому прибѣгнули къ общему огульному рѣшенію относительно возставшихъ: 27-го іюня было рѣшено, что плѣнники, участіе которыхъ въ возстаніи будетъ «доказано», должны быть отправлены въ одну изъ французскихъ колоній, находящихся за моремъ,—за исключеніемъ колоній на Средиземномъ морѣ. Они могли взять съ собою женъ и дѣтей. Согласія на это снисхожденіе съ трудомъ добился Пьеръ Леру. Зачинщики и предводители возстанія, а также пре-

ступники, ушедшіе во время мятежа изъ смирительнаго дома, подверглись военному суду. Отправленію въ колоніи подлежало 4.348 человѣкъ. Тщетно требовали они въ теченіе многихъ лѣтъ суда,—ихъ не судили, и Барошъ осмѣлился громко произнести въ собраніи: «Было бы невозможно произнести судъ надъ сосланными въ Бель-Иль; противъ многихъ изъ нихъ *нѣтъ никакихъ фактическихъ доказательствъ*». Такъ какъ фактическихъ доказательствъ въ виновности не было, и судьи не могли надѣяться, что подсудимыхъ непремѣнно обвинятъ, то они приговорили къ галерамъ до 468 человѣкъ. Между ними былъ Лагардъ, бывшій президентъ депутатовъ Люксанбурга, приговоренный къ десятилѣтней каторжной работѣ; онъ обратился къ начальнику галеры съ вопросомъ, за что его ссылали, и тотъ сообщилъ Лагарду мнѣніе правительства. Оно было слѣдующее [1]): «*Лагардъ, депутатъ Люксанбурга, человѣкъ очень мирный, человѣкъ безупречной честности, всѣми любимый и потому очень опасный въ дѣлѣ пропаганды*». Къ этому факту не нужно никакихъ поясненій.

Самоуправство и тиранія отказали инсургентамъ въ справедливомъ судѣ. Правительство боялось, что судъ ярко озаритъ всѣ соціальныя язвы, вызвавшія возстаніе, и потому оно ссылало безъ разбора и виновныхъ, и невиновныхъ. Какія страшныя сцены, какія драмы происходили въ это время, видно изъ одного простого разсказа, помѣщеннаго въ «*Courrier Français*». «Шеръ Б.,—писали, между прочимъ, въ газетѣ:—былъ схваченъ черезъ нѣсколько дней послѣ іюньскаго возстанія и отвезенъ со многими товарищами по страданью въ фортъ Иври. Б. былъ не очень давно женатъ, и его несчастная молодая жена, не имѣя возможности зарабатывать хлѣбъ по случаю беременности, съ ужасомъ видѣла приближеніе того дня, когда она, быть-можетъ, навсегда будетъ разлучена съ мужемъ. Преждевременные роды увеличили ея горе. Она узнала, наконецъ, отъ женъ другихъ заключенныхъ, что скоро станутъ перевозить много плѣнныхъ въ колоніи и всячески, хотя и тщетно, старалась узнать, будетъ ли въ числѣ ихъ и ея мужъ. Передавъ свое дитя знакомому семейству, продавъ весь свой скарбъ, она успѣла сколотить 70 франковъ. Узнавъ, откуда будутъ отправлять плѣнныхъ, она отправилась въ Гавръ, совершая путь то пѣшкомъ, то по желѣз-

---

[1]) *Louis Blanc.* Révélations etc., t. II, p. 25.

ной дорогѣ. Въ Гаврѣ она прожила три дня въ томительномъ ожиданіи, наконецъ на четвертый день на набережной появилось множество народа и войска. Среди этого сборища проходили люди, навсегда покидавшіе Францію. Внезапно въ толпѣ любопытныхъ раздался дикій крикъ и потомъ хохотъ. Это несчастная жена Б. увидала своего мужа и бросилась, расталкивая солдатъ, къ его ногамъ. Ее подняли и привели въ чувство, но ея блуждающій взглядъ и ея дикій смѣхъ ясно говорили, что несчастная сошла съ ума».

Въ этотъ же день вечеромъ во дворцѣ національнаго собранія былъ блестящій балъ и гулянка, Арманъ Марра открылъ его съ госпожею де-Ламорисьеръ.

IX.

28-го іюня Кавеньякъ сложилъ въ руки національнаго собранія полученныя полномочія и тотчасъ же былъ назначенъ главой исполнительной власти и президентомъ кабинета. Составляя новое министерство, онъ принялъ всѣхъ членовъ партіи «*Насьоналя*», занимавшихъ мѣста въ кабинетѣ исполнительной комиссіи. Реакціонное движеніе все усиливалось: были распущены два легіона національной гвардіи, выказывавшіе въ іюньскіе дни двусмысленное настроеніе, одиннадцать газетъ подверглись запрещенію, опасные клубы закрылись, для газетъ возстановились залоги, высшая цифра которыхъ доходила до 24.000 франковъ, издался строгій законъ противъ преступленій печати, учредилась особая комиссія для надзора за клубами. Осадное положеніе продолжено на неопредѣленное время. Настроеніе общества было мрачно; почти все, пріобрѣтенное революціей, было уничтожено. Но этимъ уничтоженіемъ еще не было куплено спокойствіе реакціонеровъ: недовольство и броженіе чуялись въ самой мертвой тишинѣ. Финансы были въ крайне дурномъ положеніи: къ концу 1848 года ожидался дефицитъ въ 350 милліоновъ франковъ, но еще до конца года новое правительство высчитало этотъ дефицитъ на 250 милліоновъ больше. Это дало поводъ Прудону предложить налогъ на всѣ доходы, которые получаются съ прибыли отъ найма, аренды, капитала, государственныхъ рентъ и т. п. Налогъ долженъ былъ составлять треть доходовъ. Этотъ налогъ на капиталъ долженъ былъ дать республикѣ возможность уничтожить нѣкоторыя тяжелыя и вредныя подати, а затѣмъ основать большое государственное кредитное учрежденіе. «Даровой кре-

дить,—говорилъ онъ:—этими словами на экономическомъ языкѣ можно перевести гарантію труда, — эти два слова, заключающіяся въ проектѣ конституціи. Создадимте національный банкъ, общественный кредитъ и, если мы не желаемъ навсегда поддерживать привилегію и нищету, то ясно, что съ помощью этого банка мы будемъ имѣть, сохранивъ расходы на конторы и администрацію, даровой учетъ векселей, даровой кредитъ и, наконецъ, даровое пользованіе домами и землей».

Противъ Прудона выступилъ жаркимъ противникомъ Тьеръ. Собраніе во все продолженіе диспута этихъ двухъ депутатовъ вело себя въ высшей степени неприлично. «Это 23-го іюня на трибунѣ», кричали одни. Другіе хохотали. Третьи обвиняли Прудона въ низости, въ подлости, «въ отвратительномъ покушеніи на принципы общественной нравственности». Налогъ на капиталъ былъ отвергнутъ единодушно и за него подалъ голосъ только одинъ фабричный работникъ, Греппо. Въ это время, между тѣмъ, работала подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро комиссія, назначенная для изслѣдованія причинъ майскаго и іюньскаго возстанія. Ледрю-Роллену удалось оправдаться,—чего и желалъ Кавеньякъ, боявшійся отчасти слѣдствія надъ бывшимъ членомъ исполнительной комиссіи, который изъ обвиненнаго легко могъ превратиться въ обвинителя. Но Луи Бланъ и Коссидьеръ, по опредѣленію собранія, были подвергнуты судебному преслѣдованію, хотя то же собраніе за то же майское возстаніе еще такъ недавно считало невозможнымъ подвергнуть судебному преслѣдованію Луи Блана, какъ народнаго представителя. Луи Бланъ, по совѣту большинства своихъ друзей, рѣшился бѣжать изъ Франціи въ Англію. Покуда въ его домѣ полиція Кавеньяка захватывала его бумаги, онъ изъ чужого дома, съ одолженными ему деньгами, отправился въ путь. Его другъ, Феликсъ Піа, провожая его, съ горечью замѣтилъ ему: «Вы открываете шествіе, другіе республиканцы послѣдуютъ за вами: мы всѣ, всѣ встрѣтимся тамъ!»

Генералъ Кавеньякъ, способствуя обвиненію Луи Блана и Коссидьера, впалъ въ ту же ошибку, въ какую впала исполнительная комиссія, отвергнувъ при помощи штыковъ требованія національныхъ мастерскихъ; онъ убилъ себя въ виновникахъ своего существованія [1]). Страхъ, наведенный

---

[1]) *Proudhon.* Les confessions d'un révolutionnaire, p. 172.

возстаніемъ, прошелъ, и Кавеньякъ сталъ терять приверженцевъ: они опять стали размѣщаться подъ свои старыя знамена соціальнаго демократизма, чистокровнаго монархизма и пустившагося на происки бонапартизма, поднявшаго голову съ той поры, какъ Луи Бонапартъ открыто объявилъ, что теперь онъ приметъ избраніе въ депутаты. Вступленіе Луи Бонапарта въ собраніе было очень скромно: онъ, подобно своему дядѣ, заявилъ, что желаетъ только одного—возможности служить вѣрой и правдой республикѣ. Національное собраніе, раздѣлившись на партіи, занималось теперь обсужденіемъ новыхъ проектовъ конституціи, составленныхъ Кормененомъ и Марра. Проектъ перваго, составленный въ ультрадемократическомъ духѣ, былъ отвергнутъ. Отдѣльные пункты проекта Марра вызвали продолжительныя, хотя и вялыя пренія, оживлявшіяся только по временамъ рѣчами такихъ горячихъ ораторовъ, какъ Матье (de la Drôme), едва не опрокинувшій трибуны. Главные споры шли о «правѣ на трудъ». Оно, эта главная цѣль стремленій всѣхъ рабочихъ, было отвергнуто и вмѣсто него въ конституцію внеслось неопредѣленное постановленіе, «что республика должна покровительствовать личности гражданина, обезпечивать нуждающимся средства къ жизни, или доставляя работу, или давая имъ пособія, насколько позволяютъ ея средства» и т. д. Отмѣна смертной казни для политическихъ преступленій была подтверждена — (конечно, военнымъ судомъ и при этой отмѣнѣ казнить было можно),—предложеніе же объ отмѣнѣ смертной казни вообще—отверглось. Предложеніе пропорціональнаго налога взяло перевѣсъ надъ предложеніемъ прогрессивнаго. Представительство должно было заключаться въ одной палатѣ. Всеобщая подача голосовъ и прямые выборы приняты безъ противорѣчія. Но важнѣе всего былъ послѣдній вопросъ: кому избирать президента: національному собранію или народу? Феликсъ Піа въ живой рѣчи, полной глубокой политической дальновидности, доказывалъ необходимость избирать президента только въ національномъ собраніи. «Президентъ, избранный большинствомъ голосовъ націи, будетъ имѣть непреодолимую силу. Такое избраніе есть почти второе божественное освященіе, какъ реймское муро или кровь Людовика Святого. Человѣкъ, вышедшій изъ такого избранія, если онъ честолюбивъ, — и Бога не слѣдуетъ подвергать искушенію, а еще менѣе слѣдуетъ подвергать искушенію людей — этотъ избранный на-

родомъ президентъ будетъ въ состояніи сказать національному собранію: я больше, чѣмъ каждый изъ васъ; я равенъ вамъ всѣмъ, вмѣстѣ взятымъ, или больше васъ всѣхъ... Вы—отрывокъ народа, я—весь народъ».

Но предостереженія Піа остались безплодными, и собраніе, подъ вліяніемъ трескучихъ фразъ Ламартина, опредѣлило предоставить выборъ президента народу. Ламартинъ—этотъ Ороей февральскихъ дней, этотъ Цезарь иллюзій, по выраженію Таксиль Делора,—кажется, надѣялся на народное избраніе для себя. Тьеръ, маршалъ Бюжо, генералъ Шангарнье, питали тѣ же надежды [1]). Предложеніе исключить изъ избранія всѣхъ членовъ династій, царствовавшихъ прежде во Франціи, было тоже отвергнуто, и Ламартинъ представилъ смѣшною даже мысль о возможности народнаго избранія для какого-нибудь претендента изъ старыхъ династій. Луи Бонапартъ со смиреніемъ, свойственнымъ и его дядѣ во времена первой революціи, замѣтилъ при этомъ, что онъ формально отклонятъ титулъ претендента, навязываемый ему его врагами. Послѣ этихъ преній избраніе президента было назначено на 10-е декабря. При второмъ чтеніи конституціи были поставлены еще нѣкоторыя правила насчетъ отвѣтственности исполнительной власти и президента, который лишался своего званія, если бы сталъ распускать и отсрочивать собраніе или ставить препятствія для исполненія обязанностей послѣдняго. Противъ новой конституціи подалось только 30 голосовъ, въ числѣ ихъ были голоса соціальныхъ демократовъ: Прудона, Пьера Леру, Феликса Піа; легитимистовъ: Беррье и Ларошжаклена, Виктора Гюго, требовавшаго двухъ палатъ, и др. 12-го ноября новая конституція была объявлена народу.

Въ теченіе всего ноября и начала декабря шли волненія и интриги по поводу предстоявшихъ выборовъ. Кавеньяку трудно было надѣяться на удачу: онъ уже успѣлъ постоять во главѣ правленія, и этого было достаточно, чтобы общество не только охладѣло къ нему, но даже возненавидѣло его. Число нищихъ въ Парижѣ увеличилось до 800.000—виноватъ Кавеньякъ. Промышленность была въ застоѣ—и это вина Кавеньяка. Кавеньякъ спасъ буржуазію въ іюньскіе дни, но теперь ходили толки, что онъ съ намѣреніемъ далъ время іюньскому возстанію стать опаснымъ, чтобы получить

---

[1]) *Taxile Delord.* Histoire du second empire. 5 éd. 1869, t. I, pp. 108—109.

возможность завладѣть диктаторскою властью. Дѣло въ томъ, что положеніе общества было такъ скверно, что послѣднее не могло удовлетвориться тѣмъ или другимъ правителемъ и, находя, что дѣла при каждомъ новомъ правителѣ не перемѣняются къ лучшему, обвиняло его. Тутъ повторилось извѣстное перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто музыкантовъ «Квартета»—перемѣщеніе, отъ котораго музыка все-таки не могла идти на ладъ. Гораздо болѣе надеждъ подавала кандидатура Луи Бонапарта, возвѣщенная его друзьями и приверженцами со дня его вступленія въ собраніе. Сельское населеніе было болѣе склонно къ кандидатурѣ Луи Бонапарта, чѣмъ къ какой-нибудь другой: оно негодовало за увеличеніе податей на 45 процентовъ и надѣялось, что Луи-Наполеонъ заплатитъ эти деньги изъ своего кармана. Объ этомъ уже ходили слухи. Личности, подобныя казненному за іюньскія убійства солдату Лару, разсказывали народу обольстительныя вещи о щедрости претендента въ родѣ того, что онъ, пославъ однажды Лара за табакомъ, не взялъ у него сдачи съ 20 фр. Но сильнѣе всѣхъ этихъ слуховъ помогало Луи Бонапарту его имя. Народъ любилъ Наполеона,—Наполеона, созданнаго народнымъ воображеніемъ, воскресителя Франціи, опоэтизированнаго исторіею, живописью, пѣснью, какъ бы распятаго иноземными королями на крестѣ острова св. Елены, замученнаго вмѣстѣ съ Франціей. Эти идеи и эту любовь народа Бонапарты умѣли поддержать во время своихъ кандидатуръ на престолъ. Достигнувъ желаемаго, они обращались къ своему имперіализму, который былъ такъ пріятенъ большинству зажиточныхъ классовъ, служа имъ порукою за спокойное обладаніе національными имуществами, вызывая континентальною системою новыя отрасли промышленности. Орлеанисты, легитимисты и католики, въ лицѣ Моле, Тьера, Монталамбера, при свиданіяхъ съ Луи Бонапартомъ все болѣе и болѣе убѣждались, что онъ исполнитъ всѣ ихъ требованія, и рѣшились, за неимѣніемъ лучшаго кандидата, стоять за него; такіе люди, какъ генералъ Бюжо, врагъ Кавеньяка и республиканцевъ, стали на сторону Луи-Наполеона, вслѣдствіе разсужденій такого рода: «Генералъ Кавеньякъ, это—республика; Луи Бонапартъ, это—неизвѣстное: я стою за неизвѣстное» [1]). Только республиканцы стояли противъ Луи Бонапарта и не скупились на карикатуры, на насмѣшки, на агитацію, направленныя противъ

[1]) *Tax. Delord.* Histoire du second empire, t. I, pp. 120—123.

него. Бонапартисты платили имъ тѣмъ же, позоря имя Кавеньяка, который уже съ самаго начала видѣлъ, что успѣха ему трудно ждать. Результаты выборовъ 10-го декабря 1848 года были слѣдующіе: Луи Бонапартъ получилъ 5.434.226 голосовъ, Кавеньякъ—1.448.107, Ледрю-Ролленъ—370.719, Распайль—36.329, Ламартинъ—7.910.

Первый пріемъ Луи-Наполеона, какъ президента, въ собраніи былъ холоденъ. Всѣ были какъ-то мрачны и молчаливы. Самъ Луи Бонапартъ былъ не веселъ. Ни одного рукоплесканія, ни одного знака одобренія не слышалось во все это засѣданіе. Луи-Наполеонъ пожалъ руку Кавеньяка, тотъ какъ-то нерѣшительно и неохотно подалъ ему свою. Всѣ какъ будто испугались сдѣланнаго ими дѣла. Кругомъ Тюльери, въ собраніи, на улицѣ стояли войска...

Первымъ дѣломъ новаго правительства было составленіе министерства. Главою министровъ—президентомъ кабинета былъ назначенъ Одилонъ Барро, получившій мѣсто министра юстиціи. Одилонъ Барро принадлежалъ до революціи къ членамъ династической оппозиціи и первый же откажался отъ нея въ день, когда должна была вспыхнуть революція. Ярый противникъ Гизо, онъ нападалъ на послѣдняго за стѣсненія печати, за вмѣшательство полиціи въ дѣло банкетовъ и политическихъ сходокъ. Гизо замѣтилъ ему: «если мы помѣняемся мѣстами, то вы будете дѣлать то же, что дѣлаю я».—«Ручаюсь вамъ, что нѣтъ,—отвѣтилъ Барро. Я даю вамъ торжественно честное слово».—«Я не принимаю ручательства слова уважаемаго Барро»,—презрительно отвѣтилъ Гизо. Теперь Барро сталъ на мѣсто Гизо и дѣлалъ все то, противъ чего боролся прежде. Если бы исторія не сохранила офиціальныхъ документовъ, то было бы можно думать, что подобное противорѣчіе самому себѣ, противорѣчіе въ мельчайшихъ подробностяхъ, противорѣчіе черезъ восемь или девять мѣсяцевъ—немыслимо. Каждая мѣра прежняго врага воскресалась теперь Одилономъ Барро и у него хватало духу защищать свои реакціонныя мѣры тѣми же доводами, которыми защищался противъ него Гизо! «Глава нынѣшней министерской власти,—сказалъ ему Ледрю-Ролленъ въ собраніи:—оправдалъ буквально подозрѣнія Гизо, и въ этомъ я вижу самое жестокое его наказаніе». «Въ жизни государственныхъ дѣятелей,—пробормоталъ Барро:—бываютъ часто и какъ бы по роковой необходимости случаи, что имъ приходится бороться и за свободу, и противъ свое-

волія» [1]). Но возвратимся къ другимъ министрамъ. Остальные члены министерства были избраны изъ бывшей «династической лѣвой» стороны, «лѣваго центра», легитимистовъ и ультрамонтановъ, старыхъ республиканцевъ и старыхъ консерваторовъ. Полицейская префектура досталась въ руки стараго солдата, жандармскаго полковника Ребильо, хотя до сихъ поръ эта должность считалась чисто политическою. Луи-Наполеону предстояло много трудныхъ задачъ: онъ долженъ былъ удовлетворить желаніямъ самыхъ разнообразныхъ партій, начиная съ сельскаго населенія и кончая тѣми авантюристами, которые пристали къ нему въ ожиданіи подаянія. Онъ чувствовалъ, что его избрали скорѣе ради ненависти къ Кавеньяку, чѣмъ ради любви къ нему самому. Онъ сознавалъ, что собраніе враждебно смотритъ на него. Распустить собраніе, исполнившее, повидимому, свою задачу, было опасно, такъ какъ въ этомъ поступкѣ могли бы увидать явное нарушеніе конституціи. Но въ пользу распущенія поднялось множество голосовъ, между которыми были голоса Тьера и Моле; кромѣ того, само собраніе отвергло представленія министра финансовъ Ипполита Пасси, опредѣлявшаго дефицитъ въ 560 милліоновъ, и постановило значительныя пониженія на соль, что должно было произвести новый недочетъ въ 46 милліоновъ. Это должно было вооружить правительство противъ депутатовъ. Вскорѣ между президентомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Мальвиллемъ, вышла ссора, вслѣдствіе отказа со стороны послѣдняго выдать президенту изъ архива бумаги, касавшіяся его прежнихъ политическихъ процессовъ, и нежеланія замѣнить стараго директора музея ничтожнымъ любимцемъ принцессы Матильды. Мальвилль подалъ въ отставку. За нимъ послѣдовалъ и министръ земледѣлія и торговли Биксіо, объявившій, что при нынѣшнемъ правительствѣ республиканцу нѣтъ мѣста. Портфель перваго изъ вышедшихъ министровъ достался Леону Фоше, извѣстному экономисту и либералу, проповѣдывавшему до 1848 года очень близкія къ соціализму идеи и сдѣлавшемуся теперь ярымъ противникомъ соціализма, такъ какъ республика при временномъ правительствѣ не обращала на него вниманія. Во время временнаго правительства онъ распускалъ самыя нелѣпыя сплетни про Луи Блана и Ледрю-Роллена, грозилъ предать позору въ исторіи имена Ламартина, Мари, Ал-

[1]) *A. Vermorel.* Les hommes de 1848, éd. 1839, pp. 29—35.

бера, Дюпона (de l'Eure). Онъ былъ только смѣшонъ, но-куда не имѣлъ офиціальной должности, но на службѣ по-добные люди страшны. Это самолюбивое, неумѣлое и злое со-зданіе, не умѣя даже держать себя съ достоинствомъ, не могло не мстить старымъ врагамъ. Фоше теперь снизошелъ до того, что, роняя званіе министра, пустился въ страстную и грубую полемику съ соціалистами въ офиціальномъ «*Мо-нитерѣ*», и наперекоръ общественному мнѣнію и честности, издалъ приказаніе не дѣлать различія между политическими преступниками и простыми ворами и убійцами. Онъ довелъ свою жестокость до того, что просилъ морского министра лишить политическихъ преступниковъ послѣдняго утѣшенія и сковывать ихъ не между собою, но съ убійцами и во-рами. «Леонъ Фоше,—говоритъ Прудонъ:—принадлежитъ къ числу тѣхъ типовъ, которые встрѣчаются одинъ разъ въ те-ченіе сорока вѣковъ» [1]).

Самъ Луи Бонапартъ поселился въ Элизе-Бурбонѣ со всею пышностію владѣтельной особы. Множество родственниковъ собралось со всѣхъ концовъ свѣта къ счастливому члену ихъ фамиліи, носившему въ своемъ дворцѣ не званіе пре-зидента, а титулъ принца. Поддерживать роскошь, кормить и дарить родню нельзя было на президентское жалованье. Президентъ, какъ монархъ, удержалъ обычай аудіенціи на новый годъ и, не имѣя ораторскаго таланта Луи-Филиппа, говоря по-французски съ нѣмецкимъ акцентомъ, принималъ посѣтителей съ нѣмой торжественностью. Собраніе косилось на него, депутаты не являлись во дворецъ. Первыя по пытки оппозиціи бороться съ правительствомъ выразились съ декабря того же года. Проектъ Фоше о клубахъ, же-ланіе судить обвиненныхъ 15 мая по новому закону, т. е. придать ему обратное значеніе, распущеніе половины по-движной гвардіи,—все это дало поводъ сорока восьми пред-ставителямъ «горы», съ Ледрю-Ролленомъ во главѣ, пред-ложить собранію отдать министерство подъ судъ. Прави-тельство испугалось и полагало, что подготовляется возстаніе. 29-го января дѣйствительно произошло легкое народное движеніе, ограничивавшееся въ сущности вопросомъ по-движной гвардіи о жалованьѣ. Но Фоше тотчасъ же издалъ прокламацію, гдѣ говорилъ: «Бунтовщики хотятъ потрясти республику, самое общество, вѣчныя основы власти; побѣда порядка должна быть рѣшительная и безвозвратная. Пусть

---

[1]) *A. Vermorel.* Les hommes de 1848, p. 68.

каждый исполняетъ свой долгъ, правительство же не замедлитъ исполнить свой». Побѣда была одержана правительствомъ безъ большого труда и безъ кровопролитія. Большинство національнаго собранія, если и не стояло на сторонѣ правительства, то старалось смотрѣть на него, какъ на необходимое зло. Ничтожные по характеру министры были игрушками въ рукахъ президента. Онъ же съ каждымъ днемъ все рѣшительнѣе дѣлалъ разныя неприличныя распоряженія, то назначая Наполеона-Жерома Бонапарта на мѣсто стараго и опытнаго посланника въ Мадридѣ, Лессепса, то поднимая вопросъ объ отдачѣ наслѣдникамъ Мюрата государственныхъ домѣнъ на 10 милліоновъ, то награждая орденами почетнаго легіона офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, помогавшихъ при его страсбургской попыткѣ къ возмущенію и нарушившихъ этимъ свою военную присягу. Желая распущенія собранія, правительство всячески вызывало адресы, гдѣ члены общества просили объ этомъ распущеніи; наконецъ, при помощи интригъ, было объявлено 14 февраля, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ должно послѣдовать избраніе «законодательнаго» собранія, а «учредительное» должно быть распущено.

Въ это время общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за войной Сардиніи противъ Австріи и требовало вмѣшательства Франціи въ дѣла освобождавшейся Италіи. Защитить послѣднюю противъ Австріи казалось дѣломъ необходимымъ. Но президентъ и его министры проповѣдывали политику мира. Послѣ долгихъ преній собраніе рѣшило предоставить правительству свободу дѣйствій въ австрійско-сардинскомъ дѣлѣ и уполномочило президента «занять часть верхней Италіи, если это нужно для защиты Сардиніи и чести Франціи». Правительство истолковало это право по-своему и, получивъ право на кредитъ 1.200.000 фр., послало корпусъ подъ начальствомъ генерала Удино въ Римъ, но не для защиты освобождавшейся Италіи, а для борьбы за папу противъ римскаго народа. Утромъ 7 мая въ Парижѣ разнеслись мрачные и роковые слухи о томъ, что кровь французовъ льется подъ стѣнами Рима, что римляне храбро бьются за баррикадами, и на каждой баррикадѣ выставлены надписи, гдѣ начертаны слова 5 параграфа французской конституціи: «Французская республика никогда не посягнетъ на національность какого-нибудь народа». Негодующіе республиканцы Франціи съ злобой увидали, что французскія войска исполняютъ дѣло войскъ Радецкаго, удушая свою

сестру—римскую республику, и обратились съ вопросамъ къ Барро. Засѣданіе было ночью. Сенаръ, поддерживаемый Ламорисьеромъ, прочелъ докладъ, въ которомъ смѣло и твердо обвинялось правительство за то, что оно обмануло собраніе. Начались пренія, и отъ правительства потребовали отвратить войска отъ противозаконныхъ дѣйствій. Луи-Наполеонъ между тѣмъ въ тотъ же день, послѣ засѣданія, послалъ, написанное подъ вліяніемъ Монталамбера, благодарственное письмо генералу Удино. Это не могло не возбудить негодованія. Съ письмомъ президента въ рукахъ, Ледрю-Ролленъ явился обвинителемъ правительства въ собраніи и требовалъ суда надъ президентомъ; Жюль Фавръ требовалъ только отнятія довѣрія у министерства. Собрали голоса, и оказалось, что изъ 621 голоса 329 были даже противъ предложенія Жюля Фавра. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Фоше разослалъ въ провинціи депеши, гдѣ говорилъ: «Эта подача голосовъ упрочиваетъ общественное спокойствіе. Агитаторы ждали только подачи голосовъ собранія, враждебныхъ министерству, чтобы бѣжать на баррикады и возобновить іюльскіе дни. Парижъ спокоенъ». Этотъ маневръ, совпадавшій со временемъ избранія депутатовъ въ законодательное собраніе и долженствовавшій повліять на выборы напоминаніемъ о предстоявшей рѣзнѣ, не былъ одобренъ даже товарищами Фоше. Собраніе единодушно возстало противъ доноса министра, и онъ долженъ былъ подать въ отставку. 26 мая прекратилось существованіе учредительнаго собранія. На его мѣсто явилось законодательное собраніе, состоявшее большею частію изъ роялистовъ. Этого желалъ бонапартизмъ. Но онъ, кажется, не предвидѣлъ, что другая, тоже не малочисленная часть собранія будетъ состоять изъ соціальныхъ демократовъ съ Ледрю-Ролленомъ во главѣ, получившимъ самое большое послѣ Мюрата число голосовъ. Къ соціальнымъ демократамъ примкнулъ и Жеромъ-Наполеонъ Бонапартъ, оставившій самовольно свой постъ въ Мадридѣ.

28 мая было первое засѣданіе собранія. 2 іюня произошли нѣкоторыя перемѣны въ министерствѣ. Около этого же времени въ Римъ былъ посланъ Лессепсъ для мирныхъ переговоровъ съ тріумвиромъ римской республики. Но генералъ Удино разссорился съ Лессепсомъ и не думалъ прекращать военныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого, Лессепсъ возвратился въ Парижъ, въ жесткихъ выраженіяхъ объясняя собранію, что правительство, пославшее его для мирныхъ перегово-

ровъ, все-таки одобрило поведеніе Удино. Вслѣдствіе этихъ событій, 11 іюня Ледрю-Ролленъ снова напалъ на правительство и требовалъ отдачи подъ судъ президента и его министровъ. Его страстная рѣчь кончилась воззваніемъ къ гражданской войнѣ. Предсѣдатель призвалъ его къ порядку, но онъ отвѣтилъ на это, что одна статья основного государственнаго закона говоритъ: «Защита конституціи поручается патріотизму всѣхъ французовъ». Собраніе снова струсило и высказалось противъ Ледрю-Роллена, но отступать ему было уже невозможно. Надѣясь на поддержку старыхъ республиканцевъ, видя разъединенность и не особенную преданность правительству со стороны умѣренныхъ, пользуясь тѣмъ, что маршалъ Бюжо—страстный врагъ «красныхъ»—умеръ отъ холеры, «красные» рѣшились 13 іюня напечатать воззваніе. Около полудня на бульварахъ собралась толпа работниковъ и нѣсколько сотъ національныхъ гвардейцевъ. Съ криками: «Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Италія!» толпа двинулась къ національному собранію. Шангарнье, сдѣлавшійся вѣрнымъ слугой президента, принялъ нужныя мѣры. Въ улицѣ Мира шествіе встрѣтило три полка кавалеріи и два батальона жандармовъ. Не вступая въ бой, рабочіе разбѣжались съ криками: «къ оружію!». Нѣсколько человѣкъ, раздавленныхъ лошадьми, приколотыхъ штыками и пастигнутыхъ пятью-шестью выстрѣлами, легло на мѣстѣ. Къ тремъ часамъ Парижъ уже былъ спокоенъ; но войска стояли подъ ружьемъ. Ледрю-Ролленъ въ это время находился съ небольшимъ числомъ соціальныхъ демократовъ въ консерваторіи—одномъ изъ зданій улицы Сенъ-Мартенъ, гдѣ строились баррикады,—и обсуждалъ вопросъ объ устройствѣ новаго правительства. Но нѣсколько выстрѣловъ, возвѣстившихъ о разрушеніи баррикадъ и подавленіи возстанія, заставили прекратить это засѣданіе. Народъ потерялъ всякую энергію, всѣ надежды въ этотъ годъ рѣзни, обмановъ, казней, голода и холеры. Парижъ и десять сосѣднихъ департаментовъ снова были объявлены въ осадномъ положеніи. Особенный декретъ запретилъ шесть опасныхъ журналовъ. Составился новый законъ объ оскорбленіи президента — королевская привилегія! Нѣкоторыя типографіи были разрушены по приказанію правительства. Всѣ клубы закрыты на годъ. Окончательное распущеніе трехъ легіоновъ національной гвардіи подтверждено. Въ Ліонѣ, между тѣмъ, разнесся слухъ, что народъ торжествуетъ въ Парижѣ

и вслѣдствіе этого здѣсь вспыхнуло возмущеніе народа, подавленное послѣ восьмичасовой кровавой битвы. Торжествующіе роялисты потребовали обвиненій и судебныхъ преслѣдованій, которымъ и подверглись 33 депутата. Побѣдители не довольствовались побѣдой надъ врагами, они еще прибѣгли къ клеветѣ и чернили побѣжденныхъ, изъ которыхъ главные: Викторъ Консидеранъ, Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Піа и до двадцати другихъ членовъ собранія спаслись бѣгствомъ въ Лондонъ. Ледрю-Ролленъ изъ Лондона съ полнымъ достоинствомъ защищалъ и себя, и свою партію отъ клеветы враговъ. Онъ, подобно Луи Блану, не отрекся отъ своихъ идей и остался однимъ изъ самыхъ чистыхъ дѣятелей 1848 года: онъ могъ ошибаться, но никогда не переходилъ въ чужіе лагери, какъ разные Фоше, Барро и Фавры.

Слово «республика» оставалось на французскихъ монетахъ вплоть до 1851 года, но de facto вторая французская республика умерла 13 іюня 1849 года. Луи-Наполеонъ началъ играть роль, которая возбуждала подозрѣнія насчетъ его честолюбивыхъ намѣреній. Лѣтомъ онъ путешествовалъ по Франціи, гдѣ являлся не просто должностнымъ лицомъ, но принцемъ, племянникомъ Наполеона, человѣкомъ судьбы. Чиновничество и народъ въ провинціи тоже смотрѣли на него именно съ этой точки зрѣнія. Кромѣ того, онъ заискивалъ расположенія у солдатъ. Мысль о возстановленіи имперіи высказывалась все громче и громче.

X.

Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ экономическіе вопросы, — вопросы о рабочихъ отодвигались съ каждымъ днемъ все дальше и дальше на задній планъ. Право на трудъ было давно отвергнуто, но вмѣсто этого были сдѣланы мелкія уступки въ пользу рабочихъ. Такъ совѣтъ присяжныхъ для разбора споровъ между хозяевами и рабочими состоялъ прежде исключительно изъ хозяевъ, теперь же открыли въ него доступъ и рабочимъ, хотя и не всѣмъ, а имѣющимъ патенты, занимающимъ мѣста начальниковъ мастерскихъ и т. п. [1]). Работникъ Альканъ внесъ въ собраніе предложеніе поощрять ассоціаціи, и оно было принято, и ассигновано 3.000.000 франковъ на кредитъ ассоціаціямъ. 56 ассоціацій получили 2.590.000 франковъ болѣе

[1]) *Levasseur.* Histoire des cl. ouvr., t. II, pp. 246—301.

чѣмъ за 6%. Изъ этой же суммы 856.000 выпало на долю 28 парижскихъ ассоціацій. Но большинство этихъ ассоціацій пало къ концу республики. Однако, и при той неурядицѣ, которая губила въ то время каждое дѣло, нѣкоторымъ ассоціаціямъ посчастливилось добиться хорошихъ результатовъ. Такъ, основанная за десять лѣтъ ассоціація типографщиковъ, ликвидируя въ 1858 году свои дѣла, уплатила занятыя 80.000 фр. правительству и раздѣлила между своими членами 155.000 чистой прибыли. Кромѣ того, одинъ декретъ собранія позволялъ министру употреблять на общественныя работы ассоціировавшихся рабочихъ. Изъ этихъ ассоціацій, исполнявшихъ казенныя работы, съ успѣхомъ дѣйствовали только мостильщики. Но вскорѣ и этотъ декретъ, утвержденный учредительнымъ собраніемъ, былъ уничтоженъ законодательнымъ собраніемъ. Если въ первомъ собраніи относились съ ненавистью къ соціализму, то въ послѣднемъ смотрѣли не особенно благосклонно и на самого работника и не только не помогали ему въ стремленіяхъ къ ассоціаціямъ, но даже рѣшались на насильственное закрытіе нѣкоторыхъ ассоціацій. Это собраніе издало только два очень незначительные закона, касавшіеся рабочихъ. Во-первыхъ, законъ ученичества; имъ поставлялось, что мастеръ можетъ имѣть учениковъ, если онъ не былъ подъ судомъ за тяжкія преступленія или загладилъ свою виновность трехлѣтнимъ хорошимъ поведеніемъ, если ему не менѣе 21 года; онъ долженъ относиться къ ученику, какъ добрый отецъ семейства, и не заставлять послѣдняго до двѣнадцатилѣтняго возраста работать болѣе 10 часовъ въ день и до шестнадцатилѣтняго возраста — болѣе 12 часовъ въ день; въ воскресенье онъ можетъ утромъ заставлять ученика только прибирать мастерскую; обучать ремеслу онъ обязанъ послѣдовательно и вполнѣ; ученикъ обязанъ быть вѣрнымъ, послушнымъ и уважительнымъ въ отношеніи къ мастеру. Во-вторыхъ, относительно рабочей книжки было постановлено, что въ нее можетъ вноситься долгъ рабочаго хозяину только не свыше 30 франковъ, что, по мнѣнію министра, давало работнику возможность брать впередъ деньги для пропитанія въ первые дни поступленія на фабрику и въ то же время не давало ему случая впасть въ неоплатный долгъ хозяину. По части филантропическихъ учрежденій было издано нѣсколько законовъ. Такъ ограничились вклады въ сохранныя кассы 1.000 франками. Общества вспомоществованія ограничились въ числѣ членовъ и могли

имѣть не менѣе 100 и не болѣе 2.000 членовъ. Они могли учреждаться и закрываться только съ одобренія правительства и съ условіями, какія сочтетъ нужнымъ предписать имъ общественная власть. Кромѣ того, изданъ законъ насчетъ вспомогательныхъ кассъ, выдающихъ пенсіи старикамъ-работникамъ и наслѣдственные капиталы ихъ дѣтямъ; какъ пенсіи, такъ и капиталы должны были составляться изъ ежегодныхъ взносовъ рабочихъ; пенсіи не могли превышать 600 франковъ въ годъ. Въ новомъ законѣ Фаллу о первоначальномъ образованіи университетъ не игралъ по-прежнему никакой роли; духовенство и гражданскія власти пользовались правомъ наблюденія за школами; обязательности и безплатности образованія не признавалось; зависимость учителей отъ властей увеличилась болѣе прежняго, и единственное хорошее нововведеніе было въ 51 статьѣ закона, говорившей объ обязанности каждой общины, состоящей изъ 800 душъ, *если у нея есть средства*, имѣть школу для дѣвочекъ. Впервые законъ гарантировалъ и признавалъ существованіе первоначальныхъ женскихъ школъ.

Какъ холодно и даже враждебно относилось законодательное собраніе къ рабочему вопросу, видно уже изъ того, что Пеллетье, предложивъ вопросъ «объ уничтоженіи нищеты и пролетаріата», возбудилъ такія грубыя возраженія, на которыя могъ отвѣтить только слѣдующею рѣзкою фразою: «Если бы Іисусъ Христосъ пришелъ на землю, то новѣйшіе язычники во второй разъ распяли бы Его во имя порядка!» Указывая на невниманіе къ рабочему, Пеллетье между прочимъ замѣтилъ: «Народъ давно задаетъ себѣ вопросъ, всѣ ли созданія, сотворенныя Богомъ, имѣютъ право жить? Вопреки мнѣнію мальтузіанцевъ, народъ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ. Но чтобы жить, неужели человѣку нужно зависѣть отъ капризовъ его ближнихъ? Народъ отвѣчаетъ: нѣтъ». Дѣйствительно, народъ всѣми силами старался выбиться изъ своего затруднительнаго положенія, устраивалъ ассоціаціи, прислушивался къ каждому голосу, говорящему ему объ исходѣ изъ этого затруднительнаго положенія, — былъ ли это голосъ представителя христіанско-экономической школы Бюше или голосъ считавшагося крайнимъ матеріалистомъ Прудона. Именно въ это время вышелъ Прудонъ на сцену практической дѣятельности со своимъ народнымъ банкомъ. Мы должны на нѣсколько минутъ остановиться на описаніи этого учрежденія.

Въ дѣятельности Луи Блана было три фазиса развитія:

1) онъ видѣлъ возможность помочь рабочимъ путемъ правительственнаго вмѣшательства и устройства ассоціацій помимо воли, спроса и самодѣятельности рабочихъ; 2) путемъ правительственной помощи для выкупа самими рабочими существующихъ промышленныхъ заведеній и для основанія новыхъ; 3) путемъ личной самодѣятельности рабочихъ. Онъ встрѣтилъ неудачу, какъ на первомъ, такъ и на второмъ пути, и если сдѣлалъ что-нибудь на третьемъ, то въ скоромъ времени долженъ былъ бросить начатое дѣло, спасаясь бѣгствомъ отъ политическаго преслѣдованія. Теперь изъ всѣхъ вождей соціализма оставался въ Парижѣ почти только одинъ Прудонъ. Не видя возможности добиться отъ «собранія» учрежденія національнаго банка, онъ попробовалъ, подобно Луи Блану, осуществить свою идею собственными своими средствами, въ менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ размѣры, предполагавшіеся имъ сперва.

Прудонъ, между прочимъ, доказывалъ, что все существующее экономическое зданіе основано на гипотезѣ, утопіи, на признаніи производительности капитала. Вслѣдствіе этой гипотезы, по его мнѣнію, половина произведеній общества уходитъ, подъ именемъ ренты, найма, процентовъ, роста, изъ рукъ работниковъ въ руки капиталистовъ, собственниковъ и предпринимателей. Эта официальная утопія должна была вызвать утопіи соціалистовъ, которыя тоже отжили теперь свое время и были построены на ошибочномъ стремленіи организовать трудъ. «Я долженъ указать на нѣкоторыя предубѣжденія, которыя, вслѣдствіе долгой привычки къ нимъ, мѣшаютъ намъ видѣть настоящую причину зла и найти лѣкарство,—говоритъ Прудонъ [1]).—Первое изъ этихъ предубѣжденій состоитъ въ желаніи преобразовать все по частямъ, вмѣсто преобразованія всего въ совокупности, въ желаніи разрѣшить одни затрудненія послѣ другихъ и разрѣшить ихъ при помощи нехитрыхъ средствъ, на которыя указываетъ простой здравый смыслъ. Но экономическіе вопросы, до крайности противорѣчивые и сами по себѣ и между собою, нуждаются въ одновременномъ разрѣшеніи и притомъ при помощи высшаго принципа, *который уважалъ бы всѣ права, щадилъ бы и улучшалъ бы всѣ условія, согласилъ бы всѣ интересы.* Временное правительство, повидимому, признало это, говоря, что задача организаціи есть *сложная задача;* но, кажется, опытъ не принесъ

[1]) *Proudhon.* Ogranisation du crédit et la circulation. 32 mars 1848.

пользы правительству, и оно продолжаетъ настойчиво идти по старой отвратительной дорогѣ. Другое предубѣжденіе состоитъ въ томъ, что люди, приписывая причину пауперизма дурному устройству труда, приходятъ къ выводу о необходимости организовать трудъ; они думаютъ, что именно эта часть соціальнаго организма, трудъ, требуетъ лѣкарства. Временное правительство сдѣлалось пропагандистомъ и покровителемъ этой идеи. Люди не хотятъ понять, что трудъ есть синонимъ личной свободы; что за исключеніемъ справедливаго обмѣна, все остальное въ трудѣ должно быть предоставлено абсолютной свободѣ; что правительства должны только покровительствовать свободному труду, но не регламентировать и не стѣснять его. Говоря объ организаціи труда, вы какъ будто предлагаете выколоть глаза свободѣ. Третье предубѣжденіе, являющееся послѣдствіемъ предъидущаго, состоитъ въ желаніи, подавивъ личную инціативу, получить все отъ господствующей власти. Мы требуемъ всего отъ правительства, мы все хотимъ сдѣлать при помощи правительства. Аналогическое съ этимъ предубѣжденіе заключается въ признаніи золота за главный всемірный рычагъ. Золото для насъ есть душа производительности, главный нервъ торговли, предметъ кредита, царь труда. Вотъ почему мы бѣжимъ такъ же за золотомъ, какъ за властью. Правительство, повторяю, должно только слѣдить за справедливостью экономическихъ отношеній, но не регламентировать выраженія свободы. Правительство имѣетъ право только уважать общую волю; оно должно принимать на себя инціативу только въ исключительныхъ случаяхъ. Далѣе я укажу, въ какомъ размѣрѣ можетъ проявиться эта инціатива при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Четвертое предубѣжденіе, наконецъ, самое печальное изъ всѣхъ, заключается въ томъ, что, подъ предлогомъ гармоніи и братства, люди стремятся разрушить различіе мнѣній, противоположность интересовъ, борьбу страстей, антагонизмъ идей, конкуренцію рабочихъ. Это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ стараться уничтожить въ соціальномъ тѣлѣ движеніе и жизнь. Въ этомъ роковая ошибка коммунизма, благосклоннымъ органомъ котораго, неизвѣстно подъ чьимъ вліяніемъ, сдѣлалось временное правительство. Не нужно большихъ усилій мысли, чтобы понять, что справедливость, соединеніе, согласіе, гармонія, братство предполагаютъ двѣ крайности: или нелѣпую систему полнѣйшаго тождества, то-есть полнѣйшаго ничто, или законъ противо-

рѣчія, основной законъ, который я провозглашаю: законъ противорѣчія, всемірный антагонизмъ. Но такъ же, какъ жизнь требуетъ противорѣчія, противорѣчіе, въ свою очередь, нуждается въ справедливости: отсюда второй законъ мірозданія и человѣчества, обоюдное соглашеніе противоположныхъ элементовъ: взаимность—la réciprocité. Взаимность въ мірозданіи есть принципъ существованія. Въ общественной жизни взаимность есть принципъ соціальной дѣйствительности, формула справедливости. Она имѣетъ основаніемъ вѣчный антагонизмъ идей, мнѣній, страстей, способностей, темпераментовъ, интересовъ. Она есть условіе самой любви. Взаимность выражена въ изреченіи: дѣлай другимъ то, что ты хочешь, чтобы они дѣлали тебѣ; изреченіе это переведено въ политической экономіи ея знаменитой формулой: произведенія мѣняются на произведенія. Но губящее насъ зло происходитъ изъ того, что законъ взаимности не признанъ, нарушенъ. Спасеніе вполнѣ заключается въ возстановленіи этого закона. Организація нашихъ обоюдныхъ и взаимныхъ отношеній,—вотъ вся соціальная наука. Итакъ, теперь намъ нужна не организація труда. Организація труда есть продуктъ личной свободы. Мы нуждаемся во взаимности, въ справедливости обмѣна, въ «*организаціи кредита*». Затѣмъ Прудонъ предлагаетъ: «1) уменьшеніе платы рабочимъ: жалованья — служащимъ, пенсій — отставнымъ, въ различныхъ пропорціональныхъ размѣрахъ, такъ что получающій 1 франкъ въ день получалъ бы $^1/_{25}$ частью меньше; получающій 100 франковъ получалъ $^2/_3$ меньше; получающіе же болѣе 20.000 франковъ въ годъ лишались бы кромѣ того всего, что получалось ими сверхъ этой суммы. 2) Пониженіе тарифа платы нотаріусамъ, различнымъ комиссарамъ, адвокатамъ, почтальонамъ и т. д. 3) Пониженіе процента на всевозможные капиталы и платы за квартиры, за арендованіе помѣщеній, машинъ и т. п. 4) Удерживаніе изъ жалованій, пенсій и поденной платы одной недѣли у получающихъ отъ 3 до 6 фр. въ день и одного мѣсяца у получающихъ болѣе 25 фр. въ день. 5) Отсрочка уплаты долговъ на опредѣленный срокъ и т. д. Однимъ словомъ, общая идея этого предложенія была такая: содѣйствовать увеличенію общаго богатства пониженіемъ всякой платы, какъ будто цѣль общества заключалась въ стремленіи заставить всѣхъ работать даромъ, чтобы каждый пользовался всѣмъ даромъ же». Разъясняя свой планъ, Прудонъ замѣчаетъ, что «нищета рабочихъ имѣетъ двѣ при-

чины: общее повышеніе и частное пониженіе цѣнъ; богатство же имѣетъ одну причину: взаимность дешевизны. Изъ двухъ причинъ нищеты соціализмъ поддерживаетъ первую, экономисты же защищаютъ послѣднюю; и тѣ, и другіе соглашаются только въ одномъ, — въ необходимости уничтожить единственный принципъ благосостоянія—всеобщее пониженіе цѣнъ». «Предлагаемая система пониженія цѣнъ справедлива,- - продолжаетъ Прудонъ:—она не исключаетъ никого; она приноситъ каждому, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько беретъ у него; она пропорціонально богатству повышаетъ вычеты. Каждая мѣра для достиженія общественнаго блага должна обрушиваться на всѣ классы гражданъ безъ различія. Это-то правило такъ же часто забывали льстецы пролетаріата, какъ и адвокаты буржуазіи. Одинъ предлагалъ прогрессивный налогъ, другой налогъ на жилища, третій налогъ на доходъ. Каждый желалъ, чтобы государство поразило его сосѣда, пощадивъ его самого. Соберите всѣ эти пристрастныя и завистливыя требованія, обобщите ихъ, и вы найдете истину. Пониженіе платы есть пониженіе цѣнъ на продукты. При всеобщемъ уменьшеніи платы за трудъ можно будетъ при прежнихъ средствахъ увеличить какъ самое производство, такъ и продукты; и человѣкъ останется послѣ пониженія цѣнъ такимъ же богачомъ съ 75.000 дохода, какимъ онъ былъ до того со 100.000 дохода. Работникъ будетъ тоже въ выигрышѣ при пониженіи цѣнъ на продукты и при уничтоженіи стѣснительныхъ пошлинъ и налоговъ». По расчетамъ Прудона, эта система кредита въ одинъ годъ прибавитъ въ обращеніе два милліарда пятьсотъ милліоновъ франковъ. «Но кромѣ этой системы кредита нужно еще уничтожить царство золота, нужно сдѣлать ходячею монетою каждый продуктъ труда; нужно установить обмѣнъ продуктовъ и создать для этого особый банкъ, векселя котораго были бы безыменными, постоянно находились бы въ оборотѣ и уплачивались бы только продуктами или работой». Представивъ проектъ банка, Прудонъ доказывалъ возможность уничтожить значеніе звонкой монеты, уничтожить бо́льшую часть налоговъ и пошлинъ, дать пособіе въ 10 милліоновъ работникамъ, не имѣющимъ работы при открытіи банка, открыть промышленнымъ обществамъ кредитъ въ 50 милліоновъ и т. д. Увидавъ полную невозможность добиться чего-нибудь отъ правительства, Прудонъ основалъ 31 января 1849 года общество народнаго банка. Онъ долженъ былъ быть директоромъ-распорядителемъ этого акціо-

нернаго общества. Цѣль банка была: 1) сдѣлать при посредствѣ кредита общедоступнымъ пользованіе капиталами, орудіями, землями и личнымъ трудомъ; облегчить сбытъ продуктовъ для производителей и нахожденіе работы для работниковъ. Кромѣ акціонеровъ принимались члены-участники, готовые подчиняться уставамъ банка и принимать его бумаги. Акціи банка, числомъ милліонъ, по пяти франковъ каждая, были безпроцентныя и именныя; банкъ производитъ операціи при помощи выпуска безпроцентныхъ векселей на банкъ—bons de circulation—отъ пяти до ста франковъ каждый; члены банка обязываются принимать ихъ вмѣсто уплаты денегъ; члены банка обязаны преимущественно обращаться за заказами и товарами къ членамъ банка; они должны принимать заказы отъ членовъ же банка по уменьшеннымъ цѣнамъ, учетный процентъ опредѣлялся въ 2%, но онъ долженъ былъ постоянно уменьшаться и покуда взимался для покрытія расходовъ на учрежденіе банка; банкъ заботится о сближеніи потребителей и производителей; онъ принимаетъ вклады на храненіе безъ процентовъ; онъ поощряетъ ссудами основаніе ассоціацій, хотя онѣ существуютъ независимо отъ него; его балансъ сводится каждое полугодіе; чистою прибылью погашаются акціи. «Народный банкъ, какъ представлялъ его себѣ Прудонъ, — пишетъ Энглендеръ: [1])— не долженъ былъ быть государственнымъ банкомъ, и въ этомъ Прудонъ отличался отъ всѣхъ прочихъ соціалистовъ, которые не ожидали ничего отъ свободной инициативы народа и не видѣли возможности произвести какую-нибудь реформу, во главѣ которой не стояло бы правительство. Этотъ банкъ не долженъ быть и такимъ обществомъ, которое приносило бы выгоду однимъ акціонерамъ, потому это значило бы опять-таки услуживать монополіи. Основатели банка хотѣли сдѣлать его собственностію всѣхъ гражданъ, которые захотѣли бы воспользоваться ихъ услугами. Въ 1829 году братьями Мацель былъ основанъ банкъ для непосредственнаго обмѣна продуктовъ; опытъ былъ несчастливъ, банкъ палъ. Когда Прудонъ выступилъ со своимъ проектомъ банка, его упрекнули, что онъ подражаетъ братьямъ Мацель. На дѣлѣ же мацелевская система была коммунистическаго происхожденія. Мацель запрещалъ всякую куплю и продажу на деньги и хотѣлъ свести всѣ торговые обороты на непосредственный обмѣнъ продуктовъ. При посредствѣ его банка мѣняли, напр.,

---

[1]) *Sigmund Engländer.* Gesch. etc. B. IV. SS. 61—75.

шляпу на жилетъ, сапоги на брюки. Народный же банкъ положилъ себѣ цѣлью безучетное обращеніе торговыхъ обязательствъ. Прудонъ требуетъ обращенія стоимости продуктовъ, тогда какъ Мацель имѣлъ въ виду обращеніе самихъ продуктовъ. Главнымъ же оживляющимъ дѣло принципомъ народнаго банка была безвозмездность дисконта. Обмѣнъ же Мацеля долженъ былъ приносить его банку 8% прибыли. Соціалисты не поняли мысли Прудона, который видѣлъ всю неполноту ихъ стремленія организовать трудъ и не заботиться объ организаціи дарового кредита, то-есть о прекращеніи монополіи капитала. Пьеръ Леру даже назвалъ идею Прудона «идеею собственника и буржуа»—«propriétarisme et bourgeoisisme» и замѣтилъ, что Прудонъ хочетъ сдѣлать изъ работниковъ буржуа. Но рабочіе лучше поняли Прудона. Въ Парижѣ его проектъ возбудилъ большое вниманіе въ средѣ народа. Изъ всѣхъ ремеслъ стали являться послѣдователи, многія рабочія ассоціаціи изъявили желаніе принять участіе въ дѣлѣ. Даже многіе члены буржуазіи взяли акціи. Въ 12 округѣ, въ этой отчизнѣ нищеты, составилось большое собраніе для обсужденія проекта. Было рѣшено учредить изъ 12 членовъ «Comité de correspondance du 12 arrondissement» съ тѣмъ, чтобы эти члены вошли отъ имени 12-го округа въ сношенія съ народнымъ банкомъ по всѣмъ вопросамъ, которые должны были выясниться желающимъ принять участіе въ дѣлѣ. Во многихъ главныхъ департаментскихъ городахъ образовались также комитеты для народнаго банка, самымъ главнымъ былъ Ліонскій комитетъ. 23 марта 1849 года былъ публикованъ списокъ вступившихъ въ члены банка работниковъ. Тутъ было 1.613 мастеровъ и 8.694 работника. 26 марта число внесенныхъ задатковъ показывало, что число акціонеровъ въ Парижѣ доходило до 11.355, въ Ліонѣ 1.054, въ Реймсѣ 168 и Безансонѣ 82. Вслѣдствіе сношеній своихъ со многими производителями, какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ, банкъ уже облегчилъ многимъ ассоціаціямъ покупку продуктовъ и обѣщалъ съ образованіемъ новыхъ комитетовъ расширить эти сношенія и доставлять продукты по фабричнымъ цѣнамъ. Уже въ самомъ началѣ банкъ могъ стать посредникомъ между ассоціаціями и производителями сырыхъ матеріаловъ, такъ какъ его основатели хорошо знали положеніе ассоціацій. Многія ассоціаціи обращались къ управителямъ банка съ просьбою провѣрить ихъ ассоціаціонныя книги. Народный банкъ предложилъ и другимъ ассоціаціямъ свои услуги

въ этомъ дѣлѣ, чтобы, такимъ образомъ, ввести дѣльное веденіе книгъ. Нужно предположить извѣстное развитіе въ рабочемъ, чтобы онъ посмотрѣлъ съ довѣріемъ на банкъ, желающій производить свои обороты безъ капитала. Бумаги банка были не бумажныя деньги, но бумажный товаръ, деньги труда или, лучше сказать, деньги всѣхъ рабочихъ. Бумажныя деньги замѣняли золото и серебро, бумаги банка заступали мѣсто товара, продукта, работы. Онѣ замѣняли собой не одинъ какой-нибудь извѣстный товаръ, или извѣстную работу, а напротивъ того, обезпечивали всѣ работы, соединяли всѣ производства одно съ другимъ и вводили, такъ сказать, братство стоимостей. Работники поняли, что прежде, чѣмъ все общество приметъ участіе въ дѣлѣ, банку нуженъ капиталъ. Когда же банкъ приметъ національный характеръ, то-есть сдѣлаетъ своими участниками всѣхъ производителей и всѣхъ потребителей, тогда банкъ не будетъ нуждаться въ капиталѣ, такъ какъ его цѣль состоитъ въ обмѣнѣ и обращеніи продуктовъ на основаніи безденежнаго кредита. Даровымъ кредитомъ нельзя было злоупотреблять, такъ какъ онъ оказывался взаимно всѣми сторонами и былъ централизованъ въ мѣновомъ банкѣ. Если бы реакція дала только нѣсколько времени Прудону развить его проектъ и увеличить число участвующихъ, то банкъ, несмотря на свой небольшой капиталъ, конечно, удался бы. Участниками банка становились уже по одному тому, что записывали свое имя, званіе и жилище и обязывались принимать бумаги банка. Для производства работъ и для сбыта продуктовъ нѣтъ непремѣнной необходимости въ деньгахъ. Для этого достаточно, чтобы производители и потребители обязались принимать при расчетѣ бумаги какого-нибудь мѣнового банка. Банкъ, централизующій при помощи учета векселей и другихъ торговыхъ бумагъ всѣ торговыя операціи и выдающій бумаги, представляющія стоимость этихъ операцій, разрѣшалъ задачу превращенія обмѣна въ прямую, непосредственную сдѣлку. Въ настоящемъ торговомъ мірѣ обмѣнъ совершается при посредствѣ денегъ, добываемыхъ производителями за большіе проценты. При прямомъ обмѣнѣ, безъ посредства денегъ, эта дань труда капиталу должна была уничтожиться, кредитъ, являющійся теперь одностороннимъ, такъ какъ имъ пользуется только работникъ отъ капиталиста за извѣстное вознагражденіе, сталъ бы обоюднымъ, такъ какъ каждый работникъ, заявляя желаніе принимать бумаги банка, дѣлался бы одновременно и должникомъ, и кредиторомъ. Трудъ при-

нялъ бы характеръ взаимности, и это обстоятельство объясняетъ то глубокое сочувствіе, которымъ встрѣтили идею банка рабочія ассоціаціи. Сначала работники думали, что необходимо брать акціи банка, чтобы сдѣлаться его участниками. Хотя акціи выдавались при взносѣ 5 фр. и даже выдавались купоны въ 50 сант., но все же это было помѣхою для вступленія большого числа лицъ. Но какъ только рабочіе поняли, что капиталъ банка состоитъ только въ ихъ вступленіи въ банкъ, то число участниковъ значительно увеличилось и возросло бы еще болѣе, если бы этому предпріятію позволено было созрѣть. Вслѣдствіе осужденія Прудона на трехлѣтнее заключеніе, банкъ долженъ былъ ликвидировать свои дѣла; это страшно поразило Прудона. Онъ воображалъ, что старое общество умерло, и вдругъ съ ужасомъ увидалъ, что оно живетъ. Оно всею своею тяжестью опрокинулось на него, оно готовилось раздавить его, оно захватило его дыханіе; онъ чувствовалъ весь этотъ ненавистный гнетъ и если у него сохранилось убѣжденіе, что общество мертво, то тѣмъ страшнѣе было для него быть раздавленнымъ этимъ трупомъ. Съ отчаяніемъ воскликнулъ Прудонъ въ одномъ изъ своихъ газетныхъ листовъ, вскорѣ послѣ приговора къ трехлѣтнему заключенію и къ штрафу въ 10.000 франковъ: «Общество еще не умерло, оно еще живетъ!» Въ своемъ отчаяніи онъ пошелъ такъ далеко, что многіе изъ его сотрудниковъ приняли эту трагическую скорбь за слабость и отшатнулись отъ него. Какъ тяжело должно было быть Прудону и то, что реакціонные журналы заподозрили его при ликвидаціи банка. «*Constitutionel*» утверждалъ, что отчетъ неудовлетворителенъ, и обвинялъ его въ томъ, что 8.147 франковъ изъ подписной суммы показаны въ числѣ издержекъ на устройство банка и этимъ обмануты акціонеры. «*Presse*» смѣялась, что вся подписка состояла изъ 17,933 фр. Точно принципъ банка не основывался на желаніи совершать операціи безъ капитала; точно банкъ не хотѣлъ доказать непроизводительность капитала и исключительную производительность труда; точно Прудонъ не потому только ставилъ цифру въ 50.000 фр. основного капитала, что по французскимъ законамъ каждое общество должно имѣть основной капиталъ и кромѣ того требовались деньги на покрытіе первыхъ затратъ. Нужно удивляться, что пролетарій несъ въ бюро народнаго банка послѣдніе гроши, и многіе акціонеры, имѣвшіе возможность сберечь въ мѣсяцъ какіе-нибудь 50 сант., только въ 10 мѣсяцевъ

могли заплатить пяти-франковую акцію. Работники, берущіе акціи банка, хотя эти акціи не приносили никакихъ процентовъ,—такіе работники заслуживаютъ удивленія. Прудонъ не безъ основанія гордился привязанностью рабочихъ. Эти симпатіи выразились не однимъ устройствомъ многочисленныхъ комитетовъ въ Парижѣ и департаментахъ для сношеній съ банкомъ, но и въ многочисленныхъ подпискахъ, сдѣланныхъ въ пользу журнала «*Le Peuple*». Прудонъ началъ этотъ журналъ съ дефицитомъ въ 12.500 франковъ и безъ денегъ. Кромѣ того, журналъ долженъ былъ внести залогъ въ 24.000 франковъ, и всѣ эти издержки покрылись подпиской. Когда Прудонъ подвергся тюремному заключенію и штрафу, понесъ и его журналъ штрафъ въ 20.000 фр. Число подписчиковъ народнаго банка равнялось 14.000, bons de circulation уже были установлены, когда осужденіе директора-распорядителя банка прекратило существованіе этого учрежденія. Прудонъ и его друзья показывали хорошій примѣръ работникамъ. Ни онъ, ни его сотрудники не брали ни гроша за редакцію газеты. Хотя ежедневно она расходилась въ 50.000 экземпляровъ, но ея собственники употребляли доходы на пользу соціалистической пропаганды, раздавали безплатно сотни нумеровъ солдатамъ парижскаго гарнизона и сельскому населенію; работники помогали этому дѣлу своими деньгами. Невозможно было не удивляться, видя, что не только редакторы, но и сотрудники работали безденежно, хотя газета приносила ежедневно значительный доходъ, который и употреблялся на пропаганду. Не меньшимъ сочувствіемъ пользовался и банкъ Прудона. Въ немъ даромъ вели книги люди, знакомые съ бухгалтеріей. Хозяинъ одного дома предложилъ даромъ квартиру. Рабочія ассоціаціи несли, отказываясь отъ платы, необходимыя банку вещи. Одни работники несли печатные станки, другіе — столы, третьи — какой-нибудь штемпель или счетную книгу. Такъ началось дѣло, и этотъ духъ братства и самоотверженія оставался до послѣдней минуты. Съ полнымъ достоинствомъ была произведена и ликвидація банка. Хотя Прудонъ объявилъ, что онъ выплатитъ всѣ акціи изъ своихъ собственныхъ средствъ, но всѣ работники рѣшили, что они сами понесутъ эту потерю. Такимъ образомъ закрылся народный банкъ въ началѣ апрѣля 1849 года, просуществовавъ неполные три мѣсяца и сдѣлавъ только первыя приготовительныя работы. Однако, этотъ опытъ не могъ пройти безслѣдно для рабочихъ. Они сдѣлали тотъ важный выводъ,

что производители могутъ кредитоваться между собою и обойтись безъ помощи капиталистовъ. Рабочія ассоціаціи воспользовались этимъ опытомъ».

Такъ кончилась практическая дѣятельность Прудона. Въ обществѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе занимались чисто политическими интересами и главнымъ образомъ ролью, которую игралъ Луи Бонапартъ.

XI.

Президентъ республики, окруженный толпой преданныхъ друзей, дѣйствовалъ съ тактомъ, стремясь къ своей цѣли. Собраніе, разъединенное въ своей средѣ, дѣлало ошибку за ошибкой, стараясь подавить соціально-демократическую партію. Онъ зналъ, что оно согласится на всѣ ретроградныя мѣры для уничтоженія этой партіи. Оно не замѣчало, что оно служитъ орудіемъ не только для подавленія этой партіи, но и для собственной своей гибели. Недовольный незначительностію своей роли перваго слуги свободнаго государства, президентъ рѣшился дать отставку министерству Одилона Барро, которое поддерживалось сочувствіемъ большинства въ собраніи. Несмотря на все свое довольно малое политическое значеніе, члены этого министерства казались президенту все-таки слишкомъ яркими личностями, и онъ поспѣшилъ избрать новыхъ министровъ, представлявшихъ собою полнѣйшее ничтожество. Новое министерство было принято собраніемъ съ недовѣріемъ. Государственный переворотъ сталъ предметомъ такихъ толковъ, что правительство поспѣшило заявить въ «*Монитерѣ*», что эти толки—явная клевета, что никто и не думаетъ о переворотѣ. Президентъ, желая добиться популярности въ обществѣ, оказалъ милость преступникамъ возстанія. Это была первая мѣра его личнаго правленія. Она должна была хорошо повліять на расположеніе общества къ президенту, тѣмъ болѣе, что вопросъ о помилованіи былъ уже поднятъ прежде и отвергнутъ собраніемъ при прежнемъ министерствѣ. Собраніе негодовало. Но тѣмъ не менѣе оно сдѣлало новую ошибку и, подрывая еще болѣе свой кредитъ, одобрило сохраненіе налога на напитки, хотя народъ вездѣ возставалъ противъ этого налога. Такимъ образомъ, хорошія мѣры исходили отъ президента, дурные—отъ народныхъ представителей. Новые выборы тридцати депутатовъ дали снова доступъ въ собраніе членамъ соціально-демократической партіи. Партія порядка, буржуазія, испугалась окончательно, и правитель-

ство увидало, что оно, въ данную минуту, можетъ разсчитывать на ея поддержку въ дѣлѣ подавленія соціальныхъ демократовъ. Въ собраніе были внесены проекты законовъ о доставленіи правительству права закрывать не только политическія общества, но и избирательныя собранія и объ ограниченіи развитія прессы при помощи затрудненія въ обязанности представлять залогъ и при помощи возобновленія гитемпельной пошлины, которой подвергался не одинъ журналъ, но въ особенности фельетонъ, если въ немъ печатался романъ. Собраніе добавило къ послѣднему закону пунктъ о необходимости выставлять имя автора подъ статьями философскаго, политическаго и религіознаго содержанія. Мало того, что собраніе согласилось утвердить эти законы, оно еще само представило проектъ закона объ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ. Главнымъ образомъ, хотѣли затруднить подачу голосовъ для «низкой черни»—«vile multitude», какъ выразился Тьеръ. Но этотъ законъ 31 мая вычеркивалъ до 3.000.000 гражданъ изъ списка избирателей и, значитъ, касался не одной этой черни [1]). Прошелъ въ собраніи и законъ о ссылкѣ на Маркизскіе острова — мѣра ненавистная для всего общества. Правительство и буржуазная часть собранія стояли въ отличныхъ отношеніяхъ въ виду необходимости бороться противъ красной республики и соціалистовъ, но эти отношенія тотчасъ же приняли другой характеръ, какъ только президентъ потребовалъ удвоенія своего жалованья, уже удвоеннаго и безъ того при учредительномъ собраніи, и уплаты счетовъ за постройку президентскаго дворца. Буря, поднятая этими требованіями, была страшная, и президентъ услыхалъ очень нелестныя для себя вещи, но тѣмъ не менѣе деньги онъ получилъ. 11 августа собраніе по обыкновенію отсрочило на три мѣсяца свои засѣданія, выбравъ комиссію для замѣны его на это время. Комиссія состояла изъ людей оппозиціи. Это было яснымъ признакомъ, что собраніе недовольно президентомъ. Но президентъ и не надѣялся на поддержку собранія, задумывая осуществить свои планы. Онъ разсчитывалъ на войско и на народъ и предпринялъ путешествіе по Франціи, чтобы узнать расположеніе къ себѣ общества. Пріемъ, оказанный принцу, почти вездѣ былъ холодный и нерадушный. Тѣмъ не менѣе президентъ не очень упалъ духомъ, не скрывалъ своего недовольства конституціей и указывалъ на необходи-

[1]) *Tax. Delord.* Histoire du second empire, t. I, p. 187.

мость ея пересмотра. Главнымъ измѣненіемъ онъ считалъ, конечно, продолженіе срока президентства. Пересмотръ конституціи признался необходимымъ и департаментскими совѣтами, собравшимися осенью. Можно было надѣяться на удачу, такъ какъ срокъ выбора новаго президента совпадалъ со срокомъ выборовъ новыхъ членовъ въ собраніе, а, значитъ, и новыхъ волненій, новыхъ попытокъ соціально-демократической партіи образовать въ собраніи большинство изъ своихъ членовъ. Возвратившись въ Парижъ, президентъ сдѣлалъ смотры войску. Войско не очень любило его, зная, что онъ не имѣетъ никакихъ военныхъ заслугъ. Но смотры сопровождались такимъ обильнымъ угощеніемъ винами, въ особенности шампанскимъ, что кавалерія первая начала кричать: «Да здравствуетъ императоръ!» Но инфантерія покуда молчала. Президентъ освѣдомился о причинѣ молчанія. Оказалось, что генералъ Неймейеръ, командиръ первой дивизіи, напомнилъ офицерамъ законъ, повелѣвающій подъ ружьемъ хранить молчаніе. Генерала Неймейера смѣнили 31 октября [1]). Такъ какъ генералъ Шангарнье, какъ главный начальникъ вооруженной силы, въ дневномъ приказѣ порицалъ виваты войска, то президентъ поспѣшилъ свалить всю вину на военнаго министра, который и вышелъ въ отставку. Въ это же время послѣдовало, по настоянію постоянной комиссіи, закрытіе «Общества 10 декабря», гдѣ проповѣдывалась императорская политика. Предлогомъ для закрытія былъ мнимый заговоръ членовъ «Общества», будто бы думавшихъ убить генерала Шангарнье и Дюпена. Это была сущая нелѣпость, такъ какъ и Шангарнье, и Дюпенъ были личностями безцвѣтными и неопасными для бонапартистовъ. Президентъ потребовалъ отставку комиссара, открывшаго этотъ мнимый заговоръ и надѣлавшаго пустяками большихъ непріятностей. Собраніе, засѣданія котораго уже открылись, не согласилось исполнить это требованіе. Другой такой же ничтожный случай еще болѣе посѣялъ вражду между правительствомъ и собраніемъ. Депутата Могена посадили за долги въ тюрьму. Дюпенъ, президентъ собранія, счелъ это нарушеніемъ преимуществъ законодательнаго корпуса, дарованныхъ конституціею, и послалъ квестора База освободить Могена, если нужно, при помощи вооруженной силы. Могенъ былъ освобожденъ, хотя и безъ помощи солдатъ, но все же угроза была произнесена. Въ

[1]) *Ibid.*, p. 193.

обществѣ толковали о присвоеніи собраніемъ излишней власти. Генералъ Шангарнье поспѣшилъ издать приказъ войскамъ не принимать никакихъ приказаній отъ собранія и другихъ гражданскихъ, судебныхъ или политическихъ вѣдомствъ. Буржуазная партія, консерваторы собранія все болѣе и болѣе впадали въ мелкія, но роковыя для нихъ ошибки. Не менѣе жалкую роль разыгралъ и генералъ Шангарнье, гордившійся тѣмъ, что его называли вторымъ Монкомъ. Онъ не былъ способенъ ни на эту, ни на какую-нибудь другую осмысленную политическую роль. Издавъ дневной приказъ, вызванный превышеніемъ власти національнымъ собраніемъ, Шангарнье поспѣшилъ въ то же время заявить собранію, что его приказъ былъ изданъ для того, чтобы противная собранію партія не воспользовалась помощью войска; такимъ образомъ, возставивъ противъ себя сначала собраніе, онъ возсталъ теперь противъ себя же правительство. Кромѣ того, это объясненіе собранію долженъ былъ дать министръ Шраммъ, а никакъ не Шангарнье. Оскорбленный Шраммъ подалъ въ отставку, его примѣру послѣдовали и другіе министры. Президентъ составилъ новое министерство, которое тотчасъ же отставило Шангарнье и вызвало цѣлую бурю въ собраніи, назначивъ на мѣсто Шангарнье генераловъ Браге д'Илльс и Перро. Обвиненіе заключалось въ томъ, что правительство въ свою очередь превысило свою власть этою отставкою и этими назначеніями. Министры защищались всѣми силами и между прочимъ замѣтили на упрекъ въ стремленіи возстановить имперію, что, напротивъ того, не они стремятся возстановить имперію, а орлеанисты и легитимисты стараются выиграть дѣло въ пользу старыхъ династій, ведя переговоры съ ихъ членами. Защищая дѣло легитимистской и орлеанской партій, вступившихъ въ переговоры съ членами старыхъ династій, Тьеръ замѣтилъ: «Теперь существуютъ двѣ власти: законодательная и исполнительная. Если собраніе уступитъ, то останется только одна власть; когда же будетъ только одна власть, форма правленія будетъ измѣнена. И будьте увѣрены, что имена явятся послѣ. Когда? Я не знаю, да это и не важно. Имя явится, когда это будетъ возможно. Но имперія готова» [1]). Тьеръ обладалъ пониманіемъ совершавшагося, но, къ сожалѣнію, онъ такъ же не умѣлъ дѣйствовать, какъ и всѣ остальные противники бонапартизма,

[1]) *Ibid.*, 206.

какъ всѣ остальные члены собранія и предводители партіи второй республики, начиная съ Луи Блана и кончая Шангарнье. Бурное засѣданіе собранія окончилось тѣмъ, что было заявлено недовѣріе къ новому министерству, и оно пало. Новое «переходное» министерство состояло опять изъ людей до того ничтожныхъ, что собраніе было оскорблено, видя такихъ мелкихъ личностей въ роли посредниковъ между нимъ и президентомъ. Недовольство выразилось отказомъ дать новую прибавку жалованья президенту. Онъ просилъ еще 1.800.000 франковъ. Дѣла почти не двигались впередъ, президентъ волей-неволей согласился составить новое министерство, членами котораго между прочимъ сдѣлались Руэръ, Барошъ, Фульдъ и Леонъ Фоше, еще такъ недавно вызывавшіе неудовольствіе собранія. Оно готовилось снова заявить о своемъ недовѣріи къ министерству, но покуда это предложеніе было отвергнуто незначительнымъ большинствомъ. Миръ, однако, не долго длился. Президентъ произнесъ въ Дижонѣ рѣчь, гдѣ прямо заявилъ: «Въ теченіе трехъ лѣтъ собраніе, какъ можно было замѣтить, постоянно помогало мнѣ, когда дѣло шло о подавленіи безпорядковъ при помощи стѣснительныхъ мѣръ. Но когда я хотѣлъ сдѣлать какое-нибудь благо, улучшить участь народонаселенія, тогда собраніе отказывало мнѣ въ своемъ содѣйствіи» [1]). Въ собраніи опять началась буря, президента осыпали насмѣшками; Шангарнье увѣрялъ, что ни одна рота не двинется за президента. «Уполномоченные Франціи, занимайтесь въ мирѣ своими вопросами», величественно закончилъ онъ свою лаконическую рѣчь и торжественно сѣлъ на свою скамью среди рукоплесканій этихъ «уполномоченныхъ Франціи», которымъ было суждено скоро разбѣжаться совсѣмъ не мирнымъ образомъ. Теперь президентъ заботился болѣе всего о пересмотрѣ конституціи, противъ чего высказывалось собраніе, и объ отмѣнѣ предложеннаго самимъ же правительствомъ стѣснительнаго избирательнаго закона, безъ котораго правительство надѣялось увидать въ собраніи большое число членовъ, согласныхъ на пересмотръ конституціи, такъ какъ общественное мнѣніе было за эту мѣру. Министры, предложившіе въ 1850 году избирательный законъ 31-го мая, не соглашались предложить его отмѣну въ 1851 году и получили отставку. Президентъ, встрѣчая собраніе послѣ обычной трехмѣсячной отсрочки, представилъ положеніе Франціи въ

[1]) *Ibid.*, 221.

очень мрачномъ свѣтѣ, указывая на угрожающія опасности при истеченіи полномочій самого собранія и президента. «Въ этомъ положеніи вещей необходимо найти твердую точку опоры,—говорилось въ посланіи:—съ которой можно бы оказать дѣйствительное сопротивленіе опасности. Эта точка опоры есть всеобщая подача голосовъ, какъ выраженіе верховнаго права народа. Этому принципу всеобщей подачи голосовъ нанесенъ ущербъ закономъ 31-го мая, а потому необходимо отмѣнить этотъ законъ». Собраніе послѣ ненужныхъ словопреній и отказовъ отмѣнить законъ 31-го мая, установило новый избирательный законъ, очень близко подходившій къ закону, изложенному министерствомъ. Но партія горы, партія соціальныхъ демократовъ, стоявшая безусловно на сторонѣ правительства въ этомъ дѣлѣ, негодовала на консервативную оппозицію за несогласіе вполнѣ отмѣнить законъ 31-го мая и рѣшилась отомстить. Случай къ мести представился скоро: квесторъ собранія внесъ предложеніе о томъ, чтобы собраніе присвоило себѣ право распоряжаться военною силою, право, присвоенное себѣ военнымъ министромъ Сентъ-Арно. Это предложеніе было очень дорого консервативной оппозиціи. Но соціально-демократическая партія объявила себя противъ предложенія, и оно пало. Это было удивительно ловкое и остроумное мщеніе: соціальные демократы, чтобы насолить консервативной оппозиціи, отдавали въ руки министра, то-есть креатуры президента, вооруженную силу, чтобы онъ могъ удобнѣе пристрѣлить ихъ самихъ. Съ этой минуты стало ясно для всѣхъ, что для собранія, для республики все потеряно. Луи Бонапартъ, конечно, гораздо раньше зналъ и предвидѣлъ, что передъ нимъ въ лицѣ собранія копошится не живое тѣло, а гнилые остатки распадающихся членовъ труна.

Приготовленія къ государственному перевороту дѣлались уже давно. О немъ говорили у президента уже въ сентябрѣ, и нѣкто Карлье представлялъ свой проектъ переворота. Главными преданными Луи Бонапарту лицами были Морни, Персиньи, Флери, Сентъ-Арно и тому подобные люди довольно темнаго происхожденія. Морни, побочный сынъ королевы Гортензіи, матери Луи Наполеона, прижитый ею съ ея шталмейстеромъ графомъ Флаго, прослуживъ въ африканской арміи, занимался промышленностью, былъ больше извѣстенъ, какъ человѣкъ свѣтскій и спекулянтъ на биржѣ, чѣмъ какъ политическій дѣятель. Остроумный, смѣлый и любезный, онъ находился въ тѣсной связи съ президентомъ

и уже съ 1849 года говорилъ, что все кончится государственнымъ переворотомъ и что произведетъ этотъ переворотъ онъ, Морни, когда его сдѣлаютъ министромъ. Дѣйствительно онъ вступилъ въ министерство въ ночь съ 1-го на 2-е декабря, за нѣсколько часовъ до переворота [1]). Персиньи или, вѣрнѣе, Фіаленъ, унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, принималъ дѣятельное участіе въ страсбургскомъ и булонскомъ покушеніяхъ Луи Бонапарта. Во время февральской революціи онъ организовалъ наполеоновскую пропаганду. Флери, сынъ купца, виверъ, сначала солдатъ, потомъ офицеръ, одинъ изъ первыхъ предложилъ свои услуги въ 1848 г. Луи Бонапарту. Посланный въ Алжиръ, онъ вербовалъ тамъ для дѣла Луи Бонапарта офицеровъ и генераловъ. Онъ познакомилъ президента съ генераломъ Леруа де-Сентъ-Арно. Послѣдній отстаивалъ во дни февральской революціи префектуру, питалъ ненависть къ народу, едва не изрубившему генерала въ то время, и готовъ былъ отомстить парижанамъ. Война въ Кабиліи была предпринята для того, чтобы выставить на видъ генерала де-Сентъ-Арно, и официозные журналы президентства восхваляли его подвиги; все это дѣлалось для того, чтобы возвышеніе его въ званіе министра казалось не слишкомъ рѣзкимъ. Недаромъ президентъ проронилъ однажды такую фразу: «А что если мы надѣлаемъ генераловъ?» [2]) Его клевреты поняли всю глубину этой мысли, такъ какъ сначала въ ихъ рядахъ стояли личности, занимавшія не видныя мѣста и пользовавшіяся небольшой властью. Кромѣ Сентъ-Арно преданными слугами президента были Мопа, префектъ полиціи, и генералъ Маньянъ, главнокомандующій парижской арміей съ 15-го іюля 1851 года. Маньянъ вмѣстѣ съ Сентъ-Арно и докторомъ Вероном въ время приготовленій къ перевороту держались того мнѣнія, что переворотъ нужно совершить именно тогда, когда обществу станутъ вполнѣ ясны всѣ интриги собранія, когда Франція не будетъ считать, что переворотъ сдѣланъ президентомъ изъ личныхъ расчетовъ и стремленій къ власти [3]). Маньянъ въ началѣ ноября долженъ былъ посвятить въ тайну переворота подчиненныхъ ему генераловъ. Ихъ было 21 человѣкъ. Генералъ Рейбель, старшій изъ всѣхъ, отвѣтилъ Маньяну: «Никто не уполномочивалъ меня говорить, генералъ, но я дѣлаю это отъ имени всѣхъ. Вы можете

[1]) *Эженъ Тено.* Парижъ и провинція, 1 декабря 1851 года.
[2]) *Taxile Delord.* Histoire du sec. emp., t. I, p. 197.
[3]) *Ibid*, 237.

разсчитывать, что мы пойдемъ за вами и свяжемъ нашу отвѣтственность съ вашей». Остальные генералы покрыли шумными одобреніями эту не оставлявшую никакихъ сомнѣній рѣчь.

Планъ переворота былъ простъ: ночью префектъ полиціи и его агенты арестуютъ депутатовъ и генераловъ, которые могли быть опасны; войска разставятся по столицѣ и займутъ дворецъ собранія; парламентскія и республиканскія газеты будутъ задержаны и обнародуются декреты о прокламаціи президента. Удача была несомнѣнна: народъ презиралъ большинство членовъ собранія, состоявшихъ изъ буржуазіи, легитимистовъ и орлеанистовъ, и едва ли взялся бы за оружіе для ихъ защиты; войско было подкуплено льстивыми рѣчами, обильными угощеніями, сочувствіемъ перевороту со стороны генераловъ, и наконецъ оно было хорошей опорой уже потому, что «не имѣло идей», какъ выразился поклонникъ переворота, историкъ Мейеръ; само собраніе было разъединено, не имѣло никакой нравственной опоры въ самомъ себѣ и не могло бороться съ президентомъ, но даже готово было помогать ему въ лицѣ такихъ людей, какъ извѣстный Гекернъ. 1-го декабря эта ничтожная личность, занимая мѣсто въ числѣ народныхъ депутатовъ въ собраніи, явилась въ Елисейскій дворецъ и отъ имени Фаллу предложила президенту произвести переворотъ и разогнать собраніе. «Останьтесь у меня обѣдать, мы поговоримъ объ этомъ послѣ», отвѣтилъ президентъ. Однако до самаго разъѣзда гостей, собравшихся во дворцѣ, о переворотѣ болѣе не упоминалось. Принцъ былъ веселъ, любезенъ и спокоенъ. «Что же я отвѣчу Фаллу?» спросилъ Гекернъ передъ отъѣздомъ. «Пріѣзжайте завтра въ десять часовъ утра, мы поговоримъ», сказалъ президентъ [1]). Это было въ 11 часовъ вечера, а въ шестомъ часу утра долженъ былъ совершиться переворотъ. Изъ гостей, бывшихъ на вечерѣ, остались во дворцѣ только Морни, Сентъ-Арно, Мопа и Монаръ, начальникъ кабинета президента. Ночью печатались декреты и прокламаціи, на связкѣ которыхъ Луи Наполеонъ, какъ говорятъ, написалъ «Рубиконъ»; къ четыремъ часамъ они были принесены въ префектуру полиціи. Президентъ занимался писаньемъ писемъ объ увольненіи и назначеніи министровъ; говорятъ, что въ эту ночь была минута, когда онъ выразилъ нерѣшительность и со-

[1]) *Taxile Delord.* Histoire du sec. empire, t. I, p. 270—271.

мѣніе, такъ что Флёри долженъ былъ пригрозить ему заряженнымъ пистолетомъ, если онъ отступитъ назадъ. Начальникъ національной гвардіи дѣлалъ распоряженія насчетъ ломанья ея барабановъ, чтобы она не имѣла возможности бить сборъ; мѣра столько же важная, сколько остроумная. Полицейскій префектъ, забравъ въ префектуру до 800 полицейскихъ солдатъ подъ предлогомъ присутствія въ Парижѣ выходцевъ изъ Лондона, созвалъ около сорока полицейскихъ комиссаровъ и каждому отдѣльно, не допуская ихъ до переговоровъ и обсужденія дѣла, объявилъ о готовящемся событіи. Полковникъ Эспинасъ занялъ врасплохъ дворецъ собранія, это была одна изъ самыхъ важныхъ мѣръ. Съ этой минуты начались аресты. Первый былъ арестованъ квесторъ собранія Базъ, къ которому ворвались ночью полицейскіе агенты. Базъ сопротивлялся энергично. Его полунагая жена кричала о помощи. Но все было тщетно. База въ томъ видѣ, въ какомъ онъ спалъ, дотащили до полицейскаго поста на Бургундской площади и отправили въ тюрьму. Еще возмутительнѣе была сцена ареста генерала Лефло, другого квестора собранія. Эта сцена совершилась въ присутствіи его восьмилѣтняго сына и беременной жены. При арестахъ люди декабрьскаго переворота не стѣснялись нисколько; они грозили Ламорисьеру надѣть на него намордникъ, если онъ станетъ говорить; они говорили на возраженія Лефло: «Убирайтесь, у насъ есть довольно генераловъ-адвокатовъ и адвокатовъ-генераловъ»; они употребляли подкупъ прислуги и обманы. Къ 7 часамъ утра были произведены главные аресты, и Морни вступилъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. На стѣнахъ Парижа уже красовались декретъ о распущеніи собранія, воззваніе къ народу, прокламація къ арміи, объявленіе префекта полиціи парижанамъ. Вездѣ упоминалось, что переворотъ дѣлается для блага народа, что имъ кладется конецъ интригамъ партій, что возстановляется право всеобщей подачи голосовъ, что наконецъ всякое покушеніе на безпорядокъ будетъ немедленно подавлено. Общество было поражено неожиданностью событія, либеральная часть буржуазіи чувствовала, что ея царство кончилось и наступаетъ царство военной диктатуры. Она негодовала. Оставшіеся на свободѣ депутаты собранія сдѣлали попытки сойтись и протестовать противъ насилія. Главное ихъ засѣданіе было въ X мэріи, но ихъ протесты, ихъ пренія не повели ни къ чему. Ихъ разгоняли силою, побоями, отводили въ казармы и разво-

зили въ арестантскихъ каретахъ по тюрьмамъ. Не болѣе удачи встрѣтилъ и Верховный Судъ, объявившій Луи Наполеона Бонапарта виновнымъ въ государственной измѣнѣ; его члены были тоже разогнаны. Государственный совѣтъ постигла та же участь. Удачнѣе было собраніе лѣвой стороны. Въ немъ участвовали между прочимъ Викторъ Гюго, Мишель (изъ Буржа), Шёльхеръ, Эммануэль Араго, Воденъ, Вривъ и другія тому подобныя личности; они рѣшили сопротивляться президенту при помощи вооруженнаго возстанія. Прокламація, изданная этимъ собраніемъ, была напечатана и появилась къ утру на стѣнахъ Парижа. Она начиналась словами: «Луи Наполеонъ есть предатель», и заканчивалась призывомъ къ оружію. Члены этого собранія рѣшились сойтись 3-го декабря въ предмѣстіи св. Антонія. Здѣсь, окруженные толпами рабочихъ, они построили баррикаду. Народъ, не имѣвшій ружей, холодно смотрѣлъ на эти приготовленія къ сопротивленію. Но люди, строившіе баррикаду, хотѣли своимъ примѣромъ, своею кровью пробудить уснувшую, усталую массу. Тутъ были и важныя лица, какъ Жюль Бастидъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, и талантливые писатели, какъ Альфонсъ Эскиросъ, и мелкіе торговцы, хозяева лавочекъ. Представители, стоявшіе на баррикадѣ, вошли въ переговоры съ прибывшими солдатами. Солдаты не стрѣляли, но болѣе нетерпѣливые изъ нихъ отталкивали вышедшихъ переговариваться депутатовъ. Одному изъ республиканцевъ показалось, что солдаты наносятъ удары депутатамъ, и онъ выстрѣлилъ. Тогда солдаты отвѣтили залпомъ. Первый упалъ съ раздробленнымъ черепомъ Боденъ. За нѣсколько минутъ до смерти, уговаривая рабочихъ сопротивляться, онъ услышалъ замѣчаніе одного изъ рабочихъ:

— Что же вы думаете, мы захотимъ дать себя убить, чтобы сохранить вамъ ваши суточные двадцать пять франковъ?

— Останьтесь здѣсь еще минуту, гражданинъ,—отвѣтилъ Боденъ съ горечью:—и вы увидите, какъ умираютъ за двадцать пять франковъ!

Этотъ разговоръ показываетъ вообще, какъ мало уваженія осталось въ рабочихъ къ депутатамъ собранія. И сами депутаты послѣдней минуты подрывали еще болѣе это уваженіе и довѣріе. Такъ народъ вздумалъ освободить депутатовъ, которыхъ везли въ тюрьму мимо баррикады предмѣстья Св. Антонія, но депутаты высунули изъ арестантской кареты головы и стали умолять, чтобы ихъ не освобождали.

— Вы видите,—крикнули въ негодованіи въ толпѣ:—что съ этими людьми ничего не подѣлаешь!

Но какъ бы то ни было, первая схватка, первыя жертвы воспламенили и увлекли массу. Баррикады росли повсюду, хотя ни у кого не было общаго плана возстанія. Рѣзкія прокламаціи взывали одна за другой къ народу, къ арміи. Въ отвѣтъ на это появился Сентъ-Арно, объявлявшій, что каждый, защищающій баррикаду или взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ. Это было безпримѣрное во французской исторіи рѣшеніе власти: до сихъ поръ никогда еще военные министры Франціи не заявляли впередъ, что они будутъ безъ суда, безъ процесса разстрѣливать плѣнныхъ. Собранія республиканцевъ тѣмъ не менѣе продолжались у Ландрена, у Мари. Здѣсь были Мари, Гарнье-Паже, Бастидъ, Мишель (изъ Буржа), Эмиль Жирарденъ и другіе оставшіеся на свободѣ передовые люди. Рѣшено было продолжать сопротивленіе. Во время совѣщанія у Ландрена явился Наполеонъ Бонапартъ. Госпожа Ландренъ, женщина энергичная, знавшая весь ходъ политическихъ дѣлъ, стояла у дверей прихожей, отпустивъ для безопасности всю прислугу.

— Я знаю, что здѣсь собраніе, я приглашенъ,—объявилъ Наполеонъ Бонапартъ.

— Можетъ-быть,—отвѣтила хозяйка:—нѣсколько друзей собралось у моего мужа, но васъ я не могу принять.

— А я хочу войти!

Онъ оттолкнулъ ее на стулъ и вошелъ въ залъ. Его встрѣтили холодно и подозрительно. На собраніи онъ стоялъ сильнѣе всѣхъ за вооруженное возстаніе. Неизвѣстно, былъ ли это предательскій маневръ, или искреннее убѣжденіе. Во всякомъ случаѣ роль кузена президента была и двусмысленна, и неприлична, какъ роль Люсьена Бонапарта въ былыя времена. Онъ казался многимъ какимъ-то agent provocateur. Не менѣе странную роль игралъ Эмиль Жирарденъ, о которомъ Морни счелъ нужнымъ послать слѣдующую депешу: «Министръ имѣетъ важныя основанія не безпокоить Эмиля Жирардена» [1]). Почему? Для отвѣта на этотъ вопросъ еще нѣтъ объяснительныхъ фактовъ. День закончился нападеніемъ полковника Рошфора на массу прохожихъ, кричавшихъ на бульварѣ Тампль: «Да здравствуетъ республика!» Онъ изрубилъ и прикололъ множество изъ этихъ безоружныхъ людей, среди которыхъ было только не-

---

[1]) *Tax. Delord.* His'oire du sec. emp., t. I, p. 354.

много блузниковъ. Къ ночи Парижъ казался спокойнымъ. Луи Наполеонъ приказалъ Флёри раздать солдатамъ послѣдніе имѣвшіеся у него 50.000 франковъ, зная, какъ необходима ему помощь войска. Маньянъ рѣшился дѣйствовать только массами и надѣялся, что жизненныхъ припасовъ хватитъ для арміи, а потому и велѣлъ раздать деньги солдатамъ на личное ихъ распоряженіе. 4-е декабря показало, какъ они распорядились этими деньгами: они были пьяны. Морни между тѣмъ писалъ въ одной изъ депешъ къ Маньяну: «Городскую войну можно вести только съ полнымъ воздержаніемъ, окружая кварталъ и покоряя его голодомъ или наводя на него ужасъ». Все обѣщало страшную рѣзню. Утромъ 4 декабря появилось безчисленное множество баррикадъ. Даже въ кварталахъ, гдѣ рѣдко сочувствовали революціоннымъ движеніямъ, было теперь волненье. Такъ отъ бульвара Пуассоньеръ къ Шоссе д'Антенъ проходили большія, волнующіяся толпы людей, не принадлежавшихъ, однако, къ черни. «Желтыя перчатки,—по словамъ Гранье-де-Кассаньяка,— аплодировали сопротивленію и кричали при видѣ адъютантовъ и тому подобныхъ личностей: «Прочь предателей! прочь преторіанцевъ!» Этихъ же «желтыхъ перчатокъ» было больше всего между убитыми въ этотъ день. Но сколько бы ни было баррикадъ, а все-таки сражающихся вооруженныхъ людей было мало. На позиціяхъ стояло не болѣе 1.200 человѣкъ, противъ которыхъ шло до 30.000 войска, многіе изъ солдатъ были пьяны [1]). Съ двухъ часовъ началась атака баррикадъ, загремѣли ружейные и пушечные выстрѣлы, стрѣльба гранатами и ядрами не умолкала. Генералы Коттъ, Бургонъ, Канроберъ, Рейбелль, Дюлакъ, Эрбильонъ, Марюля и другіе дѣйствовали безъ всякой пощады, обстрѣливая бульвары Bonne Nouvelle, Пуассоньеръ, Монмартръ, Итальянскій, улицы Сенъ-Дени, Сенъ-Мартенъ. Полковникъ Рошфоръ одинъ изъ первыхъ началъ нападеніе въ этотъ день, говоря, что онъ началъ стрѣлять вслѣдствіе услышаннаго имъ пистолетнаго выстрѣла. Каковъ долженъ былъ быть слухъ у Рошфора, если онъ разслышалъ, подъ топотъ 500 несущихся лошадей, произведенный на концѣ улицы пистолетный выстрѣлъ! Но, конечно, на другомъ берегу Сены было еще труднѣе разслышать этотъ выстрѣлъ, однако и тамъ пальба войскъ началась въ то же время. Войска кричали: «закрывайте окна!» и въ то же время

[1]) *Ibid.*, t. I, p. 361, etc.

безъ всякой нужды стрѣляли въ дома, обезображивая стѣны, стрѣляли въ окна, въ людей, шедшихъ съ биржи. Рабочихъ было вообще очень мало въ числѣ сражающихся, еще меньше было блузниковъ, принадлежавшихъ къ ассоціаціямъ. Но тѣмъ не менѣе и они платились жизнью. При обыскѣ у одного виноторговца въ улицѣ Монторгейль нашли съ сотню мирныхъ людей, между ними было до 20 рабочихъ; у нихъ были закоптѣлыя отъ фабричной работы руки: солдаты объявили, что это пороховая копоть, и разстрѣляли ихъ. Но мало того, что разстрѣливали множество безоружныхъ людей, въ точности исполняя приказъ Сентъ-Арно, надъ ними еще издѣвались. Генералъ Эрбильонъ сѣкъ плѣнныхъ моложе двадцати лѣтъ, если ихъ выдавали за инсургентовъ. Солдаты нашли ребенка близъ баррикады, и ихъ капитанъ велѣлъ запереть его на ночь въ комнату съ тремя трупами убитыхъ людей. Другихъ плѣнныхъ ставили на колѣни, заставляли просить прощенье у труповъ убитыхъ солдатъ [1]). По официальнымъ свѣдѣніямъ, цифра убитыхъ инсургентовъ доходила до 380 и разстрѣлянныхъ 100 человѣкъ. Это, конечно, крайне уменьшенныя цифры. Солдатъ и офицеровъ пало до 200 человѣкъ. Убитые инсургенты были обобраны солдатами.

Вслѣдъ за этимъ днемъ тридцать два департамента, вслѣдствіе мелкихъ волненій, объявлены въ осадномъ положеніи и цифра арестовъ доходила до 100.000. Въ одномъ Парижѣ арестовано 26.000 человѣкъ. Доля парижской буржуазіи была огромна, но большинство состояло изъ рабочихъ. Ссылки въ Африку, въ Кайенну, въ Гвіану и изгнанія были безчисленны и поражали людей различныхъ сословій и званій, начиная съ генераловъ Бедо, Ламорисьера, Шангарнье, писателей Эдгара Кинэ, Тьера, Виктора Гюго, и кончая простыми работниками въ родѣ Греппо, приверженца Прудона. Рубиконъ былъ перейденъ. 20 и 21 декабря шла всеобщая подача голосовъ. Было запрещено разсуждать о подачѣ голосовъ подъ страхомъ военнаго суда. Жандармы наблюдали за подающими голоса, обязанными отвѣчать простыми *да* или *нѣтъ*. Результатъ подачи далъ 7.439.216 *да* и 640.737 *нѣтъ*, пустыхъ бюллетеней было 36.880, воздержавшихся отъ подачи голоса было до 1.500.000. Въ парижскомъ округѣ число *да* осталось менѣе половины числа избирателей. Съ этой минуты Наполеонъ дѣлается неограниченнымъ правителемъ Франціи. Совѣщательная комиссія, которая на время должна была занять мѣсто зако-

[1]) *Tax. Delord.* Hist. du sec. emp., t. I, p. 374.

нодательнаго корпуса, не имѣла никакого значенія. Въ церкви уже пѣли: Domine, salvam fac Rempublicam et salvum fac Ludovicum Napoleonem. Наполеонъ переѣхалъ въ Тюльери и 14 января издалъ новую конституцію. Въ конституціи признавалась республика и десятилѣтнее президентство. Законодательная власть раздѣлялась между президентомъ, сенатомъ, имъ назначеннымъ, и законодательнымъ корпусомъ, избираемымъ всеобщей подачей голосовъ. Франція приняла конституцію равнодушно. Гораздо сильнѣе подѣйствовала на общество конфискація имуществъ орлеанской фамиліи. Даже Морни оставилъ вслѣдствіе этого министерскій постъ, перешедшій къ Персиньи. Но, несмотря на недовольство общества, несмотря на стѣсненія, которыми каждый день опутывались то профессора высшихъ учебныхъ заведеній, то судьи, несмотря на интриги правительства при выборахъ, несмотря на централизацію, напоминавшую времена первой имперіи,—въ годовщину декабрьскаго переворота былъ провозглашенъ «Наполеонъ III, Божіею милостію и волею народа, императоръ французовъ».

Республика окончилась, и народъ холодно глядѣлъ на ея гибель. Начавшаяся шумными обѣщаніями и блестящими надеждами, она постоянно обманывала народъ и являлась только ареной для битвъ, начатыхъ буржуазной партіей, ради стремленія подавить соціальную демократію и захватить всѣ выгоды революціи въ свою пользу. Та самая буржуазія, которая возставала когда-то противъ старой аристократіи за желаніе послѣдней все дѣлать для себя, та самая буржуазія, которая вмѣстѣ съ Сіэсомъ хотѣла освободиться отъ своей ничтожной роли и «сдѣлаться чѣмъ-нибудь»,—думала во время республики разыграть ту же роль, какую играла прежде старая аристократія. Она не умѣла понять, что и рабочій классъ тоже хочетъ, подобно ей, сдѣлаться чѣмъ-нибудь, она не умѣла понять глубокихъ мыслей Прудона, что «каждая мѣра, предпринятая для общественнаго блага, должна безъ различія падать на всѣ классы гражданъ» и что «для разрѣшенія экономическихъ вопросовъ нужно найти высшій принципъ, который уважалъ бы всѣ права, щадилъ и улучшалъ бы всѣ условія, соглашалъ бы всѣ интересы». Слѣдствіемъ такого непониманія своей роли, характера февральской революціи было полнѣйшее пораженіе самой буржуазіи, пораженіе тѣмъ болѣе обидное, что оно было приготовлено ея собственными руками. Ей можно было не безъ основанія сказать: «Tu l'as voulu, George Dandin!»

XII.

Здѣсь оканчивается періодъ революціонныхъ волненій французскихъ рабочихъ и періодъ возникновенія новыхъ соціальныхъ и экономическихъ теорій. Къ волненіямъ, какъ мы видѣли, подталкивали рабочихъ, главнымъ образомъ, голодъ, безработица и несправедливости; раздували же эти волненія до революцій, чтобы загрести жаръ чужими руками, либералы, члены династической оппозиціи, чистые республиканцы,—однимъ словомъ, люди, служившіе буржуазіи или стоявшіе въ ея рядахъ. Такъ они волновали народъ, распуская тревожные слухи про аристократовъ, желающихъ погубить дѣло 1789 года; такъ они подкопались подъ правительство реставраціи при помощи парламентской борьбы; такъ они опошлили правительство Луи-Филиппа продажностью, подкупностью и взяточничествомъ ихъ же креатуръ и довели народъ до возстанія своими демонстраціями и банкетами; такъ они же погубили февральскую республику, желая погубить соціальныхъ демократовъ. Если французскій народъ раздражался противъ того или другого изъ французскихъ правительствъ, то виновата въ этомъ была больше всего буржуазія: она была виновницею запрещенія всякой ассоціаціи рабочихъ во времена первой республики; она, наперекоръ здравому смыслу, устраивала самымъ нелѣпымъ образомъ національныя мастерскія, сознавая эту нелѣпость, она предписывала такіе подрывающіе довѣріе къ правительству налоги, какъ добавочный налогъ въ 45 сантимовъ, изданный Гарнье-Паже. Конечная цѣль, во имя которой буржуазія разжигала волненія и ниспровергала одно правительство за другимъ, заключалась въ стремленіи захватить всю власть въ свои руки. Этой-то цѣли ей было трудно достигнуть: заботясь только о себѣ, желая подавить всѣ другія сословія, какъ высшія, такъ и низшія, буржуазія никогда не могла удержаться на высотѣ республиканскаго правленія и становилась подъ сѣнь конституціонной монархіи, чтобы съ большимъ удобствомъ за спиной короля совершать свои грязныя сдѣлки. Но каковъ бы ни былъ король, онъ не могъ удовлетворить требованіямъ буржуазіи, такъ какъ ей нуженъ былъ въ сущности не король, но призракъ короля, нѣчто въ родѣ ширмы или укрывателя чужихъ грѣшковъ, который ничего бы не дѣлалъ и только несъ бы отвѣтственность за все дурное, совершающееся въ обществѣ. «Le roi règne et ne gouverne pas» было люби-

мымъ изреченіемъ буржуазіи, хотя это изреченіе не имѣло никакого здраваго смысла, не могло примѣниться на дѣлѣ и ужъ, конечно, болѣе всѣхъ теорій соціальныхъ писателей подрывало уваженіе народа къ королю и его власти. На эту жалкую роль королевскаго призрака трудно было найти человѣка и потому Людовикъ XVIII, Карлъ X и Луи-Филиппъ должны были пасть отъ интригъ тѣхъ же людей, которые хотѣли стоять и стояли подъ ихъ защитой. Разрушивъ старую монархію, буржуазія, повидимому, имѣла въ виду разрушеніе правительственнаго вмѣшательства и правительственной опеки и стремилась на мѣсто этой системы водворить систему невмѣшательства и свободной конкуренціи,—систему laissez faire, laissez passer. Но что такое въ сущности была эта система въ рукахъ буржуазіи, какъ не возобновленіе въ новой формѣ стараго порядка? При прежней неограниченной монархіи правительство вмѣшивалось во все, но оно оставляло полную свободу дѣйствій и почти безусловную свободу за аристократіей; при новой конституціонной монархіи буржуазія требовала полнѣйшаго невмѣшательства въ свои дѣла, но тотчасъ же прибѣгала къ защитѣ правительства, если аристократія или рабочее сословіе выказывали стремленіе къ самостоятельности. Вотъ почему первая революція нашла болѣе бойцовъ въ средѣ народа-земледѣльца, а послѣдняя въ средѣ народа фабричнаго. И тогда, и теперь шла борьба въ сущности не противъ правительства, не противъ личности короля, а противъ исключительно-господствовавшаго сословія, требующаго всего для себя, не оставляющаго ничего для другихъ сословій. Но при такомъ исключительномъ господствѣ одного сословія и подавленіи имъ всѣхъ другихъ—немыслимо ни существованіе какого-нибудь правительства, ни процвѣтаніе общества, ни дальнѣйшее развитіе самого господствующаго сословія. Деморализація и гибель всегда грозятъ въ концѣ концовъ не одному рабу, но и рабовладѣльцу. Это понимали лучшіе соціально-демократическіе писатели, и они выступили со своими теоріями улучшенія участи самаго многочисленнаго класса, бѣдняковъ-работниковъ. Бо́льшая часть изъ нихъ, подвергнувъ критикѣ существовавшія экономическія отношенія и состояніе общества, пришла къ заключенію, что нужны не какія нибудь частныя измѣненія въ этихъ отношеніяхъ, но полное пересозданіе обществъ и уничтоженіе существующаго порядка дѣлъ.

Эта рѣзкая мысль признавалась справедливою и прово-

дилась на дѣлѣ самою буржуазіею во времена первой революціи, когда буржуазіи нужно было низвергнуть старую монархію и аристократію. Но теперь буржуазія не могла не испугаться этой мысли, не могла не бороться противъ нея, такъ какъ теперь подъ уничтоженіемъ существующаго порядка дѣлъ подразумѣвалось уничтоженіе отношеній самой буржуазіи къ остальнымъ классамъ общества. Увидавъ на первыхъ же порахъ въ соціальныхъ писателяхъ своихъ враговъ, буржуазія уже не могла хладнокровно относиться къ ихъ теоріямъ, не могла разсматривать, не таится ли за этими рѣзкими крайностями хотя что-нибудь хорошее и примѣнимое къ дѣлу, и кричала, что это бунтовщики и поджигатели.

Такъ, напримѣръ, Луи Бланъ, поднявъ вопросъ о конкуренціи, которую проповѣдывала, за которую стояла буржуазія, и о возрастающей зависимости и объ угнетеніи труда капиталомъ, фактахъ, признанныхъ буржуазными экономистами, выяснилъ, что эти два факта не могутъ существовать рядомъ, что зависимость труда отъ капитала и зависимость меньшихъ капиталистовъ отъ большихъ есть ясный признакъ отсутствія конкуренціи, основного требованія буржуазныхъ экономистовъ, что такая зависимость прямо указываетъ на торжество монополіи, что вся бѣда заключается именно въ отсутствіи конкуренціи и торжествѣ монополіи, что защищая конкуренцію, недальновидная буржуазія смѣшиваетъ ее со спекуляціей и монополіей и защищаетъ въ сущности эти принципы, хотя и говоритъ, что ей дорога конкуренція. Но буржуазія, видя всю справедливость этой мысли, не могла въ то же время громко согласиться, что ея врагъ говоритъ правду, что онъ уясняетъ ей ея еще любимыя мысли. Такое неумѣнье взять даже отъ врага все, что есть полезнаго въ его взглядахъ, такая нетерпимость и сплошная брань на все, исходящее изъ враждебнаго лагеря, были присущи буржуазіи и ея писателямъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Характеризуя буржуазію въ лицѣ Луи-Филиппа, я замѣтилъ, что такіе люди не дорожатъ чужимъ мнѣніемъ. И дѣйствительно, имъ дорога не истина, а дорого только то, кто сказалъ ее: если врагъ, — то они признаютъ его слово ложью; если другъ, — то они безусловно вѣрятъ его словамъ. Ярче всего это отношеніе къ мысли видно въ дѣлѣ Мари по національнымъ мастерскимъ. Онъ признавалъ, по его словамъ, что идея національныхъ мастерскихъ есть ложь. Но было ли это ясное и честное убѣжденіе? Не

было ли оно вызвано тѣмъ, что идея проповѣдуется его врагомъ? Если бы это было честное убѣжденіе, то Мари долженъ бы былъ твердо и неуклонно воспрепятствовать осуществленію этой идеи или, если онъ не могъ этого сдѣлать, то онъ долженъ былъ осуществить ее въ той формѣ, въ какой она проповѣдывалась Луи Бланомъ. Онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого и избралъ третій — нечестный — путь: онъ исказилъ идею врага въ такую форму, при которой, по его расчету, она должна была пасть и погибнуть. Результатомъ такого дѣйствія явился вредъ для общества, бросившаго на вздорную и вредную попытку большія деньги; вредъ для рабочихъ, деморализованныхъ нелѣпымъ подаяніемъ за бездѣлье; наконецъ, вредъ для науки, которая практическимъ путемъ могла бы убѣдиться въ правильности или ложности теоретическихъ соображеній Луи Блана, тогда какъ теперь остается только непримѣненная къ дѣлу идея, требующая еще опыта, то-есть новыхъ затратъ, новыхъ случаевъ для примѣненія, чтобы сдѣлаться для всѣхъ очевидной истиной или очевидной ложью. Важнѣе всего для самого Мари и его друзей то обстоятельство, что они своимъ поступкомъ не только не убили враждебной идеи, но дали средство врагу продолжать стоять за эту идею, такъ какъ онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать: «Моя идея оказалась непримѣнимою къ дѣлу не потому, что она сама по себѣ нелѣпа, а потому, что вы побоялись испробовать ее на дѣлѣ и осуществили вмѣсто нея какую-то нелѣпость своего собственнаго изобрѣтенія. Этимъ поступкомъ вы доказали свою боязнь передъ торжествомъ ненавистной вамъ моей идеи; вы знали, что истина должна всегда восторжествовать, и потому-то побоялись примѣнить ее къ дѣлу». Не такими побѣдами дорожатъ люди, ищущіе истины и не заботящіеся о томъ, кто и по поводу чего ее высказываетъ. Дорожа истиной, человѣкъ долженъ брать ее и у враговъ, отыскивать ее и среди лжи. Буржуазія была неспособна пользоваться однимъ правиломъ, — правиломъ отыскивать цѣлебныя свойства даже въ ядѣ. Это правило давно понято естествоиспытателями, и ни одинъ медикъ не станетъ отрицать, что такія ядовитыя вещества, какъ мышьякъ или nux vomica, взятыя въ извѣстномъ количествѣ, имѣютъ цѣлительныя свойства при излѣченіи извѣстныхъ болѣзней.

Съ первой минуты появленія въ обществѣ соціалистовъ буржуазія слѣпо боролась противъ нихъ и для успѣшнаго окончанія этой борьбы соединялась на время съ прави-

тельствомъ, которое тотчасъ же покидала, какъ только замѣчала ослабленіе соціально-демократической партіи. Эта тактика была, конечно, гибельна, какъ для соціальныхъ демократовъ, такъ и для правительства и, наконецъ, для самой буржуазіи. И какъ быстро мѣняла она свои знамена. «Единственная вещь, понятая ею изъ учрежденій 89 года, былъ захватъ національныхъ имуществъ,—говоритъ Прудонъ [1]).— Въ 1814 году она была либеральна, даже склонна къ революціи; въ 1830 году она сдѣлалась консервативною, 1848 годъ сдѣлалъ ее реакціонною, католическою и болѣе чѣмъ когда-нибудь монархическою». И подъ всѣми этими масками скрывалось стремленіе къ безусловному, неограниченному господству въ государствѣ надъ всѣми классами, начиная съ аристократіи и кончая рабочими.

Но если буржуазія не умѣла дѣйствовать съ тактомъ, не умѣла сдѣлаться ни вѣрной союзницей правительства, ни честнымъ врагомъ соціальныхъ демократовъ, то и послѣдніе не отличались особеннымъ умѣньемъ выиграть свое дѣло среди политическихъ смутъ. Вожди соціалистовъ были всегда противниками революціи. Фурье называлъ ее новою плутнею цивилизаціи; Сенъ-Симонъ не вмѣшивался въ революцію и стоялъ въ сторонѣ во время ея полнѣйшаго разгара; Кабе призналъ, что его планы могутъ осуществиться только мирнымъ путемъ и постепенно; Луи Бланъ очень часто вредилъ даже собственному своему дѣлу, боясь крутыхъ мѣръ, когда его враги очень беззастѣнчиво пускали въ ходъ эти мѣры; Прудонъ, вполнѣ трезво глядя на совершающееся вокругъ, видѣлъ, что рѣзнею трудно помочь дѣлу. Несмотря на всю честность взглядовъ этихъ людей, не желавшихъ подталкивать народъ на безполезную бойню, какъ дѣлала это буржуазія, они все-таки много проиграли отъ этой воздержанности, когда другія партіи не считали нужнымъ сдерживать себя. Поступать же иначе не могли, зная, какъ невѣрны результаты возстаній и какъ дорого приходится въ этихъ случаяхъ платить народу иногда за микроскопическія реформы. Но, сознавая необходимость совершить все мирнымъ путемъ, они могли найти свою силу только въ тѣсномъ союзѣ, въ дружномъ стремленіи къ одной цѣли. Эта цѣль заключалась въ благѣ рабочаго класса. Но взгляды на путь, по которому можно было достичь этой цѣли, были крайне противоположны. Такъ Кабе признавалъ

---

[1]) *Proudhon.* Du principe fédératif, p. 59.

необходимость полнѣйшей регламентаціи, полнѣйшаго уничтоженія индивидуализма, полнѣйшаго паденія конкуренціи, полнѣйшаго водворенія деспотизма; онъ хотѣлъ, чтобы люди вставали, работали, пили, ѣли, ложились спать въ назначенные государствомъ часы. «Однако, онъ понималъ, что члены его Икаріи не только братья, но и личности,—замѣчаетъ насмѣшливо Прудонъ:—и потому онъ оставляетъ ихъ свободными на праздники и позволяетъ имъ въ эти дни пить, ѣсть и спать, когда имъ угодно и гдѣ имъ угодно». Діаметрально противоположною теоріи Кабе является теорія Прудона, отрицающаго всякое вмѣшательство государства, требующаго полнаго развитія индивидуальныхъ способностей личности, признающаго главной пружиной соціальной жизни антагонизмъ, наконецъ, отрицающаго всѣ существовавшія формы правленія. Конечно, подобные люди, твердо убѣжденные въ вѣрности своихъ взглядовъ, не могли сойтись въ тѣсный союзъ въ тревожное время борьбы. Они, сознавая, что ихъ теоріи взаимно уничтожаютъ одна другую, должны были враждебно смотрѣть другъ на друга, что и было на дѣлѣ. Такъ Прудонъ является ярымъ противникомъ не только Кабе, но и Луи Блана; послѣдній точно такъ же борется противъ Прудона. Фурье ругаетъ сенъ-симонистовъ, называя ихъ шутами и плутами; послѣдніе не болѣе любезно относятся къ нему. Кромѣ того, нѣкоторые взгляды этихъ дѣятелей давали сильное орудіе ихъ противникамъ: такъ Прудона сенъ-симонисты могли называть ретроградомъ за его взгляды на женщину; Прудонъ же, въ свою очередь, могъ называть ретроградами сенъ-симонистовъ за признаніе ими «живого закона». И чѣмъ тревожнѣе, чѣмъ лихорадочнѣе была окружающая жизнь, чѣмъ грознѣе требовали совершающіяся событія немедленнаго разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ, тѣмъ менѣе было возможности хладнокровно разсуждать съ противниками о тѣхъ или другихъ разъединяющихъ взглядахъ и соглашать эти взгляды при помощи взаимныхъ уступокъ. Зная, какъ трудно быть хладнокровнымъ въ тревожное время политическихъ смутъ и лихорадочнаго волненія, мы не можемъ сказать, что соціальные демократы поступали безчестно или глупо, враждуя между собою. Мы признаемъ неизбѣжность этого явленія, но тѣмъ не менѣе мы признаемъ и то, что въ этомъ явленіи заключалась главная причина ихъ неудачи. Враги били ихъ поодиночкѣ и уничтожали ихъ идеи при помощи соціальныхъ же демократовъ. Такъ, Луи Бланъ вотировалъ про-

тивъ предложенія Прудона, и Прудонъ понялъ всю печальную, роковую сторону этихъ враждебныхъ отношеній соціалистовъ другъ къ другу. Но мало того, что соціальные демократы губили свое дѣло этою враждою, они губили ею и свои идеи, не договорились до исправленія ошибокъ своихъ теорій, до выясненія истины, до возможнаго соединенія въ одну систему такихъ плановъ, какъ, напримѣръ, «Организація Труда» Луи Блана и «Организація Кредита» Прудона, до отреченія отъ такихъ утопій, какъ утопія Кабе. Вслѣдствіе этой вражды соціалистовъ между собою и съ буржуазными экономистами, идеи соціальныхъ писателей до настоящаго времени все еще ожидаютъ серьезной и хладнокровной повѣрки. Покуда онѣ встрѣчаютъ или слѣпую, безсмысленную брань, или столь же слѣпое и безсмысленное поклоненіе. Съ одной стороны, какой-нибудь Сюдръ, плохо и неполно излагая теоріи соціальныхъ писателей, признаетъ ихъ чуть не мерзавцами, идіотами и безумными возмутителями; съ другой стороны, издатели произведеній Сенъ-Симона и Анфантена, собирая каждую строку, каждое изреченіе этихъ людей, выставляютъ ихъ чуть не святыми и ихъ доктрины признаютъ не просто отчасти вѣрною, отчасти ошибочною разработкою тѣхъ или другихъ вопросовъ экономической науки, а религіей. Конечно, ни брань Сюдра, ни молитвословія этихъ издателей не могутъ принести никакой существенной пользы истинѣ, и какъ бы ни бранился Сюдръ, а все же такія идеи, какъ, напримѣръ, взглядъ Луи Блана на конкуренцію, останутся достояніемъ науки, и какъ бы ни восхваляли Сенъ-Симона и Анфантена издатели ихъ сочиненій, а все же такія идеи, какъ, напримѣръ, идеи сенъ-симонистовъ о «живомъ законѣ», никогда не признаются экономическою наукой за серьезную мысль. Но, повторяю, покуда соціальные писатели ждутъ серьезной оцѣнки. Эту задачу должна еще исполнить экономическая наука.

Гораздо успѣшнѣе дѣйствовали среди этихъ революціонныхъ волненій такіе чисто-политическіе дѣятели, какъ Наполеонъ I и Наполеонъ III. Но я уже говорилъ, почему имъ было легче достигнуть своей цѣли. Для захвата власти въ свои руки имъ не нужно было развивать и обдумывать какую-нибудь сложную и часто неисполнимую систему всеобщаго счастья, не нужно было грозить кому-нибудь и чему-нибудь гибелью, но требовалось только составить удачный планъ заговора. Трудность заговора облегчалась въ этихъ

случаяхъ и тѣмъ, что подобные политическіе дѣятели являлись на сцену во время полнаго утомленія общества, требующаго только успокоенія и отдыха отъ безплодныхъ интригъ, безтактныхъ поступковъ, личныхъ мщеній временныхъ правителей и опекуновъ народа въ родѣ Ламартина, Мари, Гарнье-Паже и тому подобныхъ дѣятелей. Захвативъ въ руки власть, людямъ переворота было легко сдерживать въ уздѣ усталое общество и подавлять тѣ или другія партіи. Съ восшествіемъ на престолъ Наполеона III давленіе началось дѣйствительно очень сильное, но усталое и обманутое республикой общество молчало и даже радовалось, слыша, что «Имперія—это миръ».

Но какъ бы то ни было, а все-таки рабочіе успѣли пріобрѣсти и оставить за собой хотя что-нибудь послѣ революціи 1848 года. Главнымъ практическимъ пріобрѣтеніемъ, купленнымъ ихъ кровью, явились ассоціаціи. Не являясь въ настоящемъ какимъ-нибудь радикальнымъ средствомъ для полнаго и быстраго уничтоженія пролетаріата, онѣ все-таки хранятъ въ себѣ задатки лучшаго будущаго и, развиваясь все болѣе и болѣе, служатъ сильнымъ пособіемъ въ дѣлѣ успокоенія общества. Уже въ періодъ второй республики ассоціацій возникло множество не только въ Парижѣ, но и въ провинціяхъ. Просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, эти ассоціаціи пали, но не по несостоятельности самого принципа, а по причинѣ неурядицъ въ промышленности, внесенныхъ въ нее смутными годами волненій, уличной рѣзни, яростной борьбы партій въ средѣ правительства и быстрой смѣны однихъ правителей другими, вчерашнихъ законовъ сегодняшними. При второй имперіи ассоціаціи стали снова возникать, и имперія признала, наконецъ, хотя и не вдругъ, за ними право существованія, воздержавшись отъ возобновленія старыхъ, запрещавшихъ всякую ассоціацію, законовъ. Сама буржуазія, въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, стала сознавать необходимость улучшить положеніе рабочихъ. Такъ, въ Мюльгаузенѣ въ 1853 году, благодаря Дольфусу, двѣнадцать главныхъ фабрикантовъ собрали капиталъ въ 300.000, раздѣленный на 60 акцій, и построили дома для продажи рабочимъ. Послѣдніе вносили за домъ 300—400 франковъ и остальную сумму стоимости дома выплачивали помѣсячно, дѣлаясь въ 12 или 13 лѣтъ собственниками прекрасныхъ помѣщеній съ просторными комнатами и садами. Если филантропія, въ борьбѣ за свое существованіе, вздумаетъ когда-нибудь вычислять свои за-

слуги, то, конечно, она выдвинетъ на первый планъ дѣло мюльгаузенскихъ фабрикантовъ. И дѣйствительно, обществу будетъ трудно отрицать ту пользу, которую могли бы принести подобныя учрежденія, если бы сама филантропія не была такъ скупа на нихъ. Потребительныя общества принесли тоже долю пользы. Такъ, гренобльское потребительное общество продавало съ 1856 по 1859 годъ не менѣе 1.125.205 порцій ежегодно; такимъ образомъ, если каждый человѣкъ бралъ по двѣ порціи ежедневно, то постоянныхъ покупателей было 1.541 человѣкъ. Но еще усиѣшнѣе и быстрѣе развивались ассоціаціи, основанныя самими рабочими. Довольно взглянуть на общества взаимнаго кредита, чтобы понять, какъ быстро шло дѣло. Въ началѣ 1863 г. ассоціацій взаимнаго кредита было только 15, а въ 1865 г. ихъ уже было болѣе 45. Нѣкоторыя производительныя ассоціаціи, какъ, напримѣръ, общество сентъ-этьенскихъ ленточниковъ и общество ліонскихъ ткачей, считали въ 1865 г. около тысячи и даже двухъ тысячъ членовъ. У ассоціаціи фортепьяніщиковъ, напримѣръ, дѣла находились въ томъ году въ слѣдующемъ положеніи: число членовъ 23, помощниковъ 12, заработокъ дневной среднимъ числомъ 5 франковъ 50 сантимовъ, первоначальный капиталъ 250 франк., въ 1865 г. капиталъ 163.000 фр., работъ на 205.602 фр., доходъ ассоціаціи 10.000 фр., помощь на случай болѣзни на человѣка въ день 3 фр. [1]). Результаты очень хорошіе. Движеніе среди ассоціацій усилилось съ 1863 года и все продолжается; онѣ стремятся соединиться не только между собою, но и съ иностранными ассоціаціями, и дѣйствовать общими силами въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ. Какъ бы ни были малочисленны эти оазисы въ пустынѣ, но они все-таки даютъ право надѣяться на будущее, даютъ право думать, что когда-нибудь рабочій классъ выйдетъ изъ своего страшнаго положенія и не будетъ имѣть повода къ тѣмъ стачкамъ, волненіямъ, возстаніямъ, которыя такъ страшно отзывались на французскомъ обществѣ и на самихъ рабочихъ въ теченіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ.

---

[1]) *E. Véron.* Les associations ouvrières, 1865, p. 232: *tableau.*

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АНАБАПТИЗМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Смутное время анабаптизма, эта историческая драма, начинающаяся въ Цвиккау и кончающаяся въ Мюнстерѣ, является самою любопытною и поучительною эпохой въ ряду другихъ эпохъ религіозныхъ и соціальныхъ броженій. Религіозныя и соціальныя броженія никогда не прекращались и не прекращаются въ европейскомъ обществѣ. Они только ослабѣваютъ или усиливаются въ извѣстныя времена, принимая тотъ или другой видъ и характеръ. Каждый разъ, когда является въ болѣе или менѣе тревожные дни какой-нибудь сильный мыслитель или талантъ съ религіозною или соціальною проповѣдью, ищущее исхода общество видитъ въ его проповѣди нѣчто новое, съ жадностью прислушивается къ ней, увлекается ею, ждетъ отъ нея практическихъ результатовъ, иногда даже не подозрѣвая, что нова въ этой проповѣди только форма, а не сущность. Идеи, высказываемыя вошедшимъ на время въ славу талантливымъ пропагандистомъ, обсуждаются, порождаютъ горячихъ сторонниковъ и еще болѣе горячихъ противниковъ, но, по большей части, среди этихъ словопреній никто даже и не подозрѣваетъ, что все это было предметомъ обсужденій и споровъ въ другія, отдаленныя отъ насъ времена. Исторія всегда забывается въ подобныхъ случаяхъ. А между тѣмъ ее надо бы помнить и въ особенности надо бы помнить изъ нея именно тотъ моментъ, когда въ теченіе очень немногихъ лѣтъ извѣстная часть Европы пережила всѣ стадіи въ области религіознаго и соціальнаго броженія, какія потомъ переживались уже не въ той силѣ и не въ той полнотѣ

другими народами. Этотъ моментъ—смутное время анабаптизма. Все, что проповѣдывали и разрабатывали религіозные пропагандисты и соціальные новаторы въ позднѣйшія времена, было уже высказано или хотя намѣчено въ первой половинѣ шестнадцаго столѣтія Мюнцеромъ и его послѣдователями, сподвижниками и преемниками. Въ области соціальныхъ вопросовъ тутъ вы найдете все, начиная съ вполнѣ разумныхъ требованій справедливости, которыя такъ или иначе старались удовлетворить или даже уже удовлетворили въ послѣдующіе вѣка, и кончая самыми чудовищными проявленіями коммунистическаго деспотизма, выразившагося въ страшной, близкой иногда къ безумію, дѣятельности Іоанна Лейденскаго. Въ сферѣ религіозныхъ воззрѣній вы встрѣтите здѣсь то же самое: анабаптисты прошли всѣ ступени отрицаній и сомнѣній, создали въ короткое время цѣлую массу сектъ и толковъ, коснулись и вопросовъ простыхъ церковныхъ обрядностей, и вопросовъ той сущности религіи, которой въ нашъ вѣкъ посвящались цѣлые трактаты Штраусами и Ренанами. Въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ анабаптизмъ передумалъ, высказалъ и пережилъ то, что потомъ передумывалось, высказывалось и переживалось въ остальной Европѣ въ теченіе вѣковъ. Это могло произойти, конечно, только при совершенно случайномъ стеченіи крайне сложныхъ обстоятельствъ той лихорадочной эпохи, и потому мы можемъ болѣе или менѣе спокойно смотрѣть на всѣ крайности и ужасы этого времени, изучая его во всѣхъ проявленіяхъ и сознавая вполнѣ, что оно едва ли повторится снова гдѣ-нибудь въ Европѣ въ той же силѣ, какъ не повторится уже весь тотъ страшный гнетъ, который истощилъ терпѣніе тогдашняго общества. Ломка, происходившая въ то время въ Германіи, была сильнѣе даже ломки, происшедшей во Франціи во время первой французской революціи, такъ какъ въ Германіи во времена появленія анабаптизма вопросъ шелъ не объ измѣненіи одной какой-нибудь стороны общественнаго строя, а о разрушеніи всѣхъ прежнихъ отношеній, всѣхъ сторонъ общественной жизни.

Я пишу не исторію смутнаго времени анабаптизма. Всесторонней и удовлетворительной въ научномъ отношеніи исторіи анабаптизма не существуетъ покуда и въ Германіи. Правда, въ первой половинѣ нашего столѣтія было издано нѣсколько сочиненій объ этомъ предметѣ, въ родѣ труда Гаста, но всѣ эти произведенія давно устарѣли. Новѣйшія же изслѣдованія, несмотря на всѣ ихъ достоинства, являются

или неполными, или односторонними. Такъ, въ исторіи крестьянской войны Циммермана говорится только объ анабаптистахъ времени Мюнцера. Въ сочиненіяхъ Газе и Келлера, посвященныхъ анабаптизму, мы видимъ почти исключительно одну исторію мюнстерскаго царства, тогда какъ предыдущія событія излагаются далеко не полно. Трудъ Корнеліуса по тому же вопросу долженъ бы былъ пролить новый свѣтъ на мюнстерское царство, но онъ покуда остается неоконченнымъ и останавливается какъ разъ при выходѣ на сцену интересной личности Іоанна Лейденскаго. Пользуясь этими работами, я хотѣлъ предложить читателямъ возможно сжатый очеркъ общей картины этого движенія и намѣтить главные моменты развитія новыхъ идей этого времени, не вдаваясь въ мелкія подробности и въ чисто-спеціальные вопросы изъ области религіи. Къ тому же, эти вопросы и были довольно подробно обсуждаемы въ русской литературѣ въ дѣльныхъ сочиненіяхъ гг. А. Вишнякова и А. Несоцкаго, писавшихъ объ анабаптизмѣ, какъ объ одной изъ религіозныхъ сектъ.

I.

Времена реформаціи были, можетъ-быть, самыми смутными и тревожными временами, какія когда бы то ни было переживала Европа. Это были дни, когда люди огнемъ и мечомъ старались покончить со старымъ порядкомъ вещей во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Германія и другія государства, сдѣлавшіяся мѣстами реформаціонной проповѣди, были свидѣтелями кровавыхъ драмъ, отчасти вызванныхъ самой реформаціей, отчасти совпавшихъ съ нею, какъ это всегда бываетъ во времена броженія. Въ общественномъ зданіи трудно расшатать какую-нибудь одну часть, не затронувъ, не пошатнувъ другихъ. Особенно трудно было это сдѣлать въ ту тревожную эпоху, когда проповѣдывалъ Лютеръ.

Теперь не легко представить въ сжатой картинѣ неустройство тогдашняго европейскаго общества вообще и нѣмецкаго въ особенности. Примѣры безправія, жестокости, разврата, грубости мы видимъ тутъ на каждомъ шагу. Среди правящихъ классовъ сплошь и рядомъ встрѣчаются намъ люди въ родѣ знаменитаго своими похожденіями герцога виртембергскаго Ульриха. Всякаго, кто осмѣливался сказать, что слѣдовало бы выполнить блаубейренскій договоръ,—го-

ворить Шлоссеръ: — онъ предавалъ пыткѣ, не для того, чтобы вынудить какое-нибудь признаніе, а просто чтобы только помучить. Одному изъ совѣтниковъ, человѣку хорошей фамиліи, по его приказанію, сначала сожгли руки и ноги, а потомъ тѣло облили спиртомъ и тоже зажгли. Старѣйшему изъ своихъ совѣтниковъ, восьмидесятилѣтнему старику, онъ велѣлъ отрубить голову, а потомъ четвертовать его. За браконьерство онъ выкалывалъ оба глаза [1]). Это былъ не выродокъ, а очень обыкновенный властитель того времени. Эти властители не только обирали народъ, но издѣвались надъ нимъ: одинъ приказывалъ крестьянамъ колотить палками по водѣ пруда, чтобы въ прудѣ не квакали лягушки, другой казнилъ крестьянина за ловлю раковъ въ господскомъ ручьѣ и т. д. [2]). Люди вездѣ люди, и въ Германіи крѣпостное право вызывало тѣ же ужасы, какіе оно вызывало у насъ. Высшее духовенство было до того развратно, что, по свидѣтельству одного епископа, «каждый отецъ долженъ былъ отдать свое дитя лучше въ публичный домъ, чѣмъ въ монастырь: въ первомъ можно было во всякое время свернуть съ дороги порока, изъ второго возврата на честный путь не было» [3]). У всѣхъ монаховъ были любовницы и незаконнорожденныя дѣти, высшія духовныя лица въ Римѣ держали публичные дома, и при Юліи III въ священномъ городѣ было до 40.000 падшихъ женщинъ, дававшихъ доходъ духовенству. Поведеніе самихъ папъ часто было позорно. «Легче ничего не говорить объ этомъ папѣ, чѣмъ говорить о немъ воздержанно (замѣчаетъ одинъ писатель объ Александрѣ VI). Онъ соединилъ въ себѣ самые крайніе пороки и имѣлъ очень мало добродѣтелей или, вѣрнѣе сказать, вовсе не имѣлъ ихъ. Онъ добился власти подкупомъ и сохранялъ ее не болѣе честными средствами. Я не нашелъ до сихъ поръ ни одного автора, который похвалилъ бы его, ни среди его современниковъ, ни среди позднѣйшихъ писателей» [4]). Даже въ самый разгаръ борьбы противъ распространенія реформаціонныхъ идей католическое духовенство устраивало скандальныя процессіи изъ нѣсколькихъ сотенъ голыхъ мужчинъ, женщинъ, юношей и дѣвушекъ, проходившихъ среди бѣлаго дня по городскимъ улицамъ. Проявленія фанатизма въ это время доходили до

---

[1]) *Schlosser.* «Weltgeschichte». Berlin. 1885, B. IX, S. 311.
[2]) *Dieterich.* «Der Bauernkrieg». Ulm, 1144. S. 8—9.
[3]) *Kolb.* «Culturgeschichte». 1873. B. II, S. 297.
[4]) *Perrens.* «Jérome Savonarole». Paris, 1859, p. 77.

крайнихъ предѣловъ: въ концѣ пятнадцатаго вѣка былъ составленъ «молотъ колдуновъ» и уже въ 1484 году начинаются казни этихъ несчастныхъ «по кодексу»; въ пять лѣтъ ихъ гибнетъ до 48 человѣкъ въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ въ одинъ годъ сжигается 41 человѣкъ, и дѣло принимаетъ такіе размѣры, что въ концѣ слѣдующаго столѣтія судья Ремигій сжегъ въ Лотарингіи въ пятнадцать лѣтъ 800 вѣдьмъ [1]). Звѣрства растутъ все сильнѣе, по мѣрѣ того какъ народъ пробуетъ освободиться отъ гнета: въ 1476 году сжигаютъ какого-нибудь Ганса Бегейма, а собравшуюся для его освобожденія толпу разгоняютъ выстрѣлами; въ исторіи же волненій 1525 года мы читаемъ: «Въ воротахъ Цаберна лежали такія груды убитыхъ крестьянъ, что въ городъ можно было проникнуть съ трудомъ, и то проѣзжая на лошади по трупамъ; въ улицахъ и домахъ убитые лежали почти «плотно другъ на другѣ»; францисканскіе монахи, какъ говорятъ ихъ отчеты, похоронили 16.242 трупа да подобрали 1.500 труповъ крестьянъ, убитыхъ во время бѣгства. Въ городѣ Ензисхеймѣ въ 1526 году была моровая язва, «происшедшая, какъ говоритъ историкъ, вѣроятно, отъ массы труповъ казненныхъ людей» [2]). Огрубеніе нравовъ было крайне велико, и даже среди «цвѣта интеллигенціи» полемика велась не иначе, какъ въ «нецензурныхъ» выраженіяхъ, не попадающихъ нынче и въ лексиконы. Эпитеты: «лютеранскій дуракъ», «враль», «тунеядецъ», «откормленная свинья» и т. п. были изъ числа самыхъ вѣжливыхъ, напримѣръ, въ полемикѣ Мурнера [3]). Образцы этой полемики мы еще увидимъ, говоря о Лютерѣ и Мюнцерѣ. Но какъ бы ни казались странны эти литературные пріемы, они имѣли крайне важное значеніе въ то время. Имъ многимъ обязанъ нѣмецкій народъ. Тогда какъ въ Италіи, Франціи и Испаніи литература гналась за созданіемъ изящныхъ художественныхъ произведеній, въ нѣмецкихъ литературныхъ произведеніяхъ преобладалъ плебейскій тонъ и на нихъ лежала рѣзкая и грубая печать чисто-народныхъ ироніи, юмора и полемическихъ пріемовъ. Сатира была здѣсь преобладающею литературною формою. Сатира касалась здѣсь всего: нравственности, церкви, дворянства, двора, и уже въ «*Рейнеке Фуксъ*» говорятся смѣлыя

---

[1]) *Шерръ.* «Исторія цивилизаціи». 1868, стр. 395—400.

[2]) *K. Hartfelder.* «Zur Geschichte des Bauernkriegs». Stuttgart, 1884. SS. 57, 131.

[3]) *R. Koenig.* «Deutsche Literaturgeschichte». 1879. S. 224.

рѣчь про то, что «король и его бароны грабятъ и рѣжутъ и никто не смѣетъ имъ сказать правды; мелкихъ же воришекъ вѣшаютъ, оставляя большихъ управлять землею и замками» [1]). Сатирическіе листки, грубыя брошюры, полныя насмѣшекъ пасквили въ стихахъ и прозѣ противъ поповъ и дворянъ,—все появилось въ Германіи гораздо ранѣе, чѣмъ Лютеръ и его сподвижники взялись за это оружіе, какъ бунты и союзы крестьянъ появились раньше, чѣмъ началъ свою пропаганду Мюнцеръ. Среди такого общества борьба Лютера съ католицизмомъ, попятнутымъ уже въ глазахъ значительной части интеллигенціи и народа и гуситскими войнами, и скандалами людей въ родѣ Борджіевъ, была одною изъ искръ, заброшенныхъ въ горючій матеріалъ, накопившійся въ теченіе многихъ вѣковъ умственнаго и общественнаго гнета. Самъ Лютеръ, конечно, не предвидѣлъ вполнѣ, до чего дойдетъ начатое имъ движеніе и какіе элементы примкнутъ къ нему. Ему приходилось не разъ открещиваться отъ многихъ людей, считавшихъ его своимъ союзникомъ и слышавшихъ отъ него съ горечью слова: «Покарай тебя Богъ, сатана!» Тѣмъ не менѣе, никто не подрывалъ въ глазахъ народа такъ страшно авторитета властей, какъ самъ Лютеръ въ первую эпоху своей реформаторской дѣятельности. Онъ полемизировалъ съ властями, какъ онъ полемизировалъ и съ учеными, на грубомъ языкѣ своего времени: «Короли созданы для народовъ; они должны искать только блага своихъ подданныхъ. Но они принадлежатъ только міру, а міръ врагъ Бога; они живутъ по правиламъ міра и противъ законовъ Бога. Съ начала исторіи очень рѣдко встрѣчается умный князь, еще рѣже князь честный и благородный. Обыкновенно это великіе глупцы и проклятые тунеядцы. Они служатъ Богу ликторами и палачами, когда Онъ хочетъ наказать злыхъ. Нашъ Господь—могущій властитель, ему нужны благородные, славные, богатые палачи и ликторы, подобные существующимъ; Онъ желаетъ, чтобы они жили въ изобиліи, въ богатствѣ и почестяхъ и чтобы ихъ всѣ страшились; Его божественной волѣ было угодно, чтобы мы называли Его палачей милостивыми господами, чтобы мы пресмыкались у ихъ ногъ, чтобы мы были ихъ покорными слугами. Но эти палачи не умѣютъ сами по себѣ дойти до такого искусства, чтобы

[1]) *G. Weber.* «Zur Geschichte des Reformations-Zeitalters». 1874. SS. 42—43.

сдѣлаться добрыми пастырями. Чтобы властитель сдѣлался разумнымъ, честнымъ христіанином, это—великое чудо, это драгоцѣнное свидѣтельство божественной милости, потому что обыкновенно случается такъ, какъ бывало съ евреями, которымъ Господь говорилъ: «Я далъ имъ царя во гнѣвѣ моемъ». Говоря такимъ образомъ о властителяхъ вообще, Лютеръ не менѣе грубо и дерзко относился и къ отдѣльнымъ личностямъ. Про Генриха VIII «Божіею немилостію короля Англіи» [1]), онъ говорилъ: «онъ воплощенное безуміе, онъ лжетъ умышленно, онъ глупъ и тупъ и, кромѣ того, безстыденъ, какъ блудница». Герцога Георга Саксонскаго, какъ злѣйшаго врага реформъ, онъ называлъ «воплощеннымъ дьяволомъ, хуже фараона». Про всѣхъ своихъ властительныхъ противниковъ онъ замѣчаетъ: «Вотъ люди, которыхъ прежде называли бы глупцами, нынче же нужно давать имъ титулы свѣтлостей и сіятельствъ» [2]). Замѣтимъ кстати, что эти грубости не мѣшали Лютеру быть другомъ коронованныхъ лицъ и не отталкивали этихъ особъ отъ него. Таково было тогда время, таковы были нравы. Но какъ бы то ни было, одинъ подобныя непозволительныя рѣзкости, доходя до народа въ формѣ летучихъ листковъ и брошюръ, способны были произвести броженіе въ умахъ, а поводовъ къ этому броженію было довольно и безъ того.

«Народъ страдалъ душой и тѣломъ: онъ былъ суевѣренъ и нищъ; нужно было уничтожить двойное рабство, — говорилъ одинъ изъ современныхъ намъ историковъ. — Думалъ ли Лютеръ взяться за это дѣло? Нѣтъ, потому что въ этомъ революціонерѣ остался живъ монахъ. Лютеръ желалъ видѣть свободнымъ христіанина, — человѣка онъ оставлялъ рабомъ» [3]). Лютеръ былъ, въ сущности, не болѣе, какъ теологъ, и остался теологомъ [4]). Онъ во многихъ случаяхъ даже въ области теологіи доводилъ до крайнихъ предѣловъ свою осторожность и не безъ основательнаго расчета щадилъ внѣшній церковный порядокъ, какъ видно, напримѣръ, изъ его предостереженій, обращенныхъ ко многимъ духовнымъ лицамъ, когда послѣднія стали въ 1520 и 1521 годахъ вступать въ браки [5]). Но въ то же время Лютеръ не

---

[1]) Такъ озаглавлено сочиненіе Лютера, изданное въ 1521 году.
[2]) *F. Laurent.* «Etudes sur l'histoire de l'humanité». Bruxelles. T. VIII, pp. 506—507.
[3]) *L. Blanc.* «Hist. de la révolution française». 1847. T. I, p. 38.
[4]) *I. Шерръ*, стр. 289.
[5]) *Ф. Шлоссеръ.* T. IV, стр. 446.

могъ остановить дальнѣйшаго развитія имъ самимъ начатаго движенія, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ походилъ на чародѣя, вызвавшаго демоновъ, но забывшаго слово заклинанія, необходимое для того, чтобы они снова исчезли. Это проклятіе всѣхъ реформаторовъ, идущихъ впередъ только до извѣстнаго предѣла. Лютеру приходилось поневолѣ бороться съ папой и съ свѣтскими властями, не сочувствовавшими идеѣ реформаціи; такимъ образомъ, онъ самъ ронялъ въ глазахъ народа обаяніе этихъ властей и невольно толкалъ народъ къ той самой политической революціи, на которую онъ смотрѣлъ съ нескрываемымъ ужасомъ, боясь, что она въ своей всесокрушающей бурѣ погубитъ и его дѣло — дѣло всей его жизни. Онъ доводилъ свою миролюбивую осторожность до того, что даже во времена своего всемогущества, изъ нежеланія ссориться съ князьями и рыцарями, допускалъ многое неприглядное въ въ дѣлѣ употребленія церковныхъ имуществъ или протестовалъ противъ борьбы силой даже и тогда, когда она была крайне необходима, какъ во времена Шмалькальденскаго союза [1]). Но никакія его уступки и протесты, благоразумные и неблагоразумные, не могли уже остановить начавшагося урагана. Уже въ діалогѣ, написанномъ однимъ изъ близкихъ Лютеру людей, говорится, что крестьяне полагаются на Зикингена, какъ на защитника Лютера и Гуттена противъ папы и духовенства. На это Зикингенъ отвѣчаетъ, что онъ постоитъ за святое дѣло. «Время близко, когда ложныхъ духовныхъ лицъ обуздаютъ; если Господь изберетъ его, Зикингена, онъ готовъ исполнить Божію волю». Тутъ же выражается надежда, что Зикингенъ, вставъ во главѣ войска, побѣдитъ антихриста. Но недовольство возбуждалось не однимъ католическимъ духовенствомъ; крестьяне волновались не изъ-за религіозныхъ вопросовъ: дворянство угнетало ихъ до послѣдней степени, какъ своихъ рабовъ. Когда этому народу сказали объ «евангельской свободѣ», онъ не могъ не признать ее за синонимъ освобожденія отъ всѣхъ тяготившихъ его обязанностей и учрежденій, являвшихся муками его существованія. Такимъ образомъ, если реформація и не призывала къ войнѣ крестьянъ, какъ говорятъ противники Лютера, то она давала сильный толчокъ движенію, указывала на новое направленіе этого движенія. Изъ мелкихъ бунтовъ ради личныхъ выгодъ движеніе пре-

---

[1]) *Ibid.*, стр. 453, 379.

вращалось теперь въ общее дѣло во имя высокихъ цѣлей [1]). Лютеръ, предчувствуя, до чего можетъ дойти дѣло, предостерегаетъ властителей: «Господа и правители, управляйте съ умѣренностью и справедливостью, такъ какъ ваши подданные не вынесутъ болѣе вашей тиранiи; они не могутъ, они не хотятъ этого; нынѣшнiй мiръ не мiръ былыхъ временъ, когда вы ходили охотиться на людей, какъ на дикихъ звѣрей» [2]). Въ то же время, онъ говорилъ и крестьянскимъ депутатамъ: «Политическая власть иногда несправедлива, но это не касается васъ, вы не имѣете права противиться ей съ оружiемъ въ рукахъ; одинъ Богъ покарастъ виновныхъ, сдѣлавшихъ вамъ зло» [3]). Но властители не послушались; не послушался и народъ; чего не хотѣли дать сверху, то попробовали взять снизу. Народъ пошелъ по указанному пути; Лютеръ, остановившiйся разсчетливо и вполнѣ сознательно на половинѣ дороги, былъ замѣненъ другими вожаками. Покуда онъ возставалъ, главнымъ образомъ, противъ догматовъ и обрядовъ католической церкви, въ Саксонiи явились воодушевленные, страстные проповѣдники, поведшiе дальше его въ своихъ воззрѣнiяхъ и требованiяхъ. Это были такъ называемые цвиккаускiе пророки. Ихъ проповѣдь началась среди сильно возбужденнаго народа, хранившаго въ душѣ память объ иныхъ религiозныхъ движенiяхъ, происходившихъ вокругъ него во имя одинаково дорогихъ для всѣхъ идей.

Что это были за идеи?

Величайшiй принципъ, унаслѣдованный отъ еврейства и легшiй въ основу христiанства, это твердая вѣра въ прогрессъ, то-есть въ лучшее будущее на землѣ. Почти весь древнiй мiръ оплакивалъ золотой вѣкъ, оставшiйся гдѣ-то далеко позади насъ. Иногда являлись мыслители, отвергавшiе этотъ золотой вѣкъ въ прошломъ, подобно Лукрецiю, превосходно нарисовавшему картину жизни первобытнаго человѣка [4]), но эти мыслители, не находя золотого вѣка въ прошломъ, не находили его и въ будущемъ. Христiанство вслѣдъ за еврействомъ, жившимъ вѣчными чаянiями лучшаго будущаго для себя на землѣ, провозглашало, что

---

[1]) *G. Weber.* S. 51—52.; *Diedrich.* S. 13.

[2]) *F. Laurent.* VIII, p. 506.

[3]) *H. Everbeck.* «L'Allemagne et les allemandes». Paris, 1851, p. 333.

[4]) *Т. Лукрецiй Каръ.* «О природѣ вещей». Пер. А. Клеванова. Москва, 1876 г., стр. 145 и слѣд.

золотой вѣкъ находится въ грядущемъ, и этимъ самымъ побуждало человѣка стремиться къ этому свѣтлому грядущему. Во дни бѣдствій, когда нужна была какая-нибудь опора, чтобы не пасть духомъ отъ отчаянія, это ожиданіе золотого вѣка особенно сильно пробуждалось въ народѣ; тогда являлись пророки, возвѣщавшіе приближеніе желаннаго «тысячелѣтняго царства Божія», и люди, пытавшіеся проложить ему путь, осуществить его. Эти попытки и идеи сказывались въ цѣлой массѣ религіозныхъ движеній съ самаго начала христіанства; онѣ же сказывались и въ движеніи, возбужденномъ цвикаускими пророками. Въ своихъ собраніяхъ эти люди проповѣдывали о скоромъ разрушеніи міра, о приближеніи страшнаго суда для истребленія нечестивыхъ и безбожныхъ, о томъ, что міръ очистится кровью и будутъ пощажены только добрые, а затѣмъ начнется царство Бога на землѣ и будутъ одно крещеніе, одна вѣра [1]). Народъ, страдавшій много и не разъ уже соединявшійся подъ знаменами возстанія то въ обществѣ «Башмака», то въ обществѣ «Бѣднаго Конрада», не могъ не откликнуться на страстную, мистическую, но тѣмъ не менѣе пламенную проповѣдь о приближеніи золотого вѣка. Кому плохо живется, тому страстно хочется вѣрить въ лучшее будущее. Кромѣ того, цвикаускіе пророки нашли уже вполнѣ подготовленную почву: ихъ проповѣдь въ самой своей сущности не была чѣмъ-нибудь новымъ для народа, не могла поразить простыхъ людей неслыханною смѣлостью, такъ какъ она говорила то, что говорили раньше и другіе. Еще въ 1176 году молодой пастухъ Гансъ Бегеймъ, прозванный Иванушкой-Свистуномъ, наигрывавшій на своей дудкѣ на церковныхъ праздникахъ и на свадьбахъ, дошелъ до убѣжденія, что близится конецъ несправедливостямъ, сломалъ свою дудку и сталъ проповѣдывать въ вюрцбургской области про общее равенство и про свободу, про новое царство Господне, «гдѣ не будетъ ни князей, ни папы, никакихъ господъ и повинностей, гдѣ всѣ будутъ братья, каждый самъ себѣ будетъ зарабатывать насущный хлѣбъ и никто не будетъ желать имѣть больше, чѣмъ другіе». На его проповѣдь сошлось, какъ говорятъ, до 40.000 крестьянъ [2]). Епископъ вюрцбургскій Рудольфъ велѣлъ его схватить и сжечь, разогнавъ выстрѣлами десятитысячную толпу кре-

[1]) *В. Циммерманъ.* «Исторія крестьянскихъ войнъ въ Германіи». 1866 г. В. I, стр. 175—176.

[2]) *Dieterich.* «Der Bauernkrieg». Ulm, 1884. S. 15.

стьянъ, пришедшихъ съ факелами освободить пророка [1]). То были времена короткихъ судовъ, короткихъ расправъ. Но идеи нельзя ни схватить, ни сжечь. Съ исходомъ второй половины XV столѣтія точно какая-то волшебная нить соединила всѣхъ крестьянъ: слышно было, что какіе-то люди ходятъ по деревнямъ и тайно носятъ разные грозные планы и рѣшенія [2]). Въ 1493 году эти планы и рѣшенія охватили жителей многихъ городовъ и стали явными: составившійся народный союзъ имѣлъ цѣлью преобразовать современный религіозный и политическій порядокъ, ограничить духовенство, отмѣнить духовный и роттвейльскій суды, дать общинамъ самоуправленіе, судъ присяжныхъ, право налагать самимъ на себя подати и т. д. [3]). Знаменитый крестьянскій «Баннмакъ» (Bund-Schuh), поднятый, какъ знамя, говорилъ о тѣсномъ союзѣ всѣхъ крестьянъ: «какъ переплелались вмѣстѣ его завязки, такъ должны были переплестись между собою союзники» [4]). Когда крестьянскія движенія подавлялись въ Германіи, ихъ заговоры, союзы и возстанія основывались въ Швейцаріи, составляя одну неразрывную цѣпь, звенья которой доходятъ вплоть до появленія цвиккаускихъ пророковъ, не только не высказывавшихъ въ началѣ ничего особенно новаго въ сферѣ соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, но не бывшихъ даже въ строгомъ смыслѣ этого слова иниціаторами въ дѣлѣ послѣдовавшихъ возстаній и бунтовъ. Эти возстанія и бунты были и тамъ, куда не достигало ихъ вліяніе. Они явились, главнымъ образомъ, только центромъ, къ которому примкнуло движеніе, и придали этому движенію особенную силу, поставивъ его на религіозную почву. Это всегда нужно имѣть въ виду, чтобы не впадать въ ошибку, въ которую впадаютъ многіе историки, изображающіе цвиккауцевъ иниціаторами всего движенія.

II.

Цвиккау—небольшой городокъ, раскинувшійся въ Рудныхъ горахъ Саксоніи. Кромѣ правящихъ классовъ и монаховъ, въ немъ была довольно значительная партія простого народа, рудокоповъ, суконщиковъ. Среди этой-то части населенія давно началось религіозное движеніе, направле-

[1]) *В. Циммерманъ*, стр. 2.
[2]) *Ibid.*, стр. 3.
[3]) *Ibid.*, стр. 16.
[4]) *H. Ewerbeck*., p. 305.

вое противъ католичества и въ то же время выражавшее недовольство направленіемъ реформаціи. Партія сначала не имѣла особенно ученыхъ представителей, не высказывала ничего рѣшительнаго, не предпринимала ничего важнаго ни противъ папистовъ, ни противъ реформаторовъ. Какимъ путемъ она образовалась, кто были ея первые представители, что она проповѣдывала въ первое время,—все это остается и, вѣроятно, останется навсегда въ области смутныхъ и спорныхъ вопросовъ. Вліяній для зарожденія религіознаго броженія было много и, можетъ-быть, даже пребываніе въ городѣ наглаго торговца мѣстами въ царствѣ небесномъ, Тецеля, не прошло безслѣдно для населенія. Не могло же въ самомъ дѣлѣ не наводить обѣдняковъ на мрачныя мысли сознаніе, что богатые за свои деньги могутъ откупиться даже отъ ада. Но какъ бы то ни было, бо́льшая часть ученыхъ и сами позднѣйшіе представители этой партіи признаютъ, что начало движенія лежитъ въ средневѣковомъ мистическомъ сектантствѣ и, въ частности, въ сектѣ вальденцовъ. Это, можетъ-быть, отчасти вѣрно въ томъ отношеніи, что въ ученіи этихъ сектантовъ было много общаго съ ученіемъ вальденцовъ. Но началось движеніе, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе близкихъ причинъ: броженіе тогда было повсемѣстное, какъ мы уже сказали, и выражалось оно и въ бунтахъ крестьянъ, и въ религіозныхъ сектахъ, многіе представители которыхъ скрывались въ Богеміи. На связь съ Богеміей указываетъ уже то, что городское правительство въ Цвиккау, назначивъ потомъ слѣдствіе противъ возникшей въ городѣ партіи, прямо приписываетъ ея заблужденія «богемскому происхожденію» [1]).

Первыми вожаками этой партіи были люди, оставившіе по себѣ мало слѣдовъ въ исторіи. Однимъ изъ главныхъ называютъ Николая Шторха, простого сукошника, очень сильно вліявшаго на народъ. «Это былъ человѣкъ набожный и святой,—по словамъ одного изъ древнихъ историковъ анабаптизма, Вагнера:—не дозволявшій себѣ роскоши въ жизни; его блестящіе глаза и спокойное лицо невольно располагали въ его пользу́ всякаго, кто имѣлъ съ нимъ дѣло; обращеніе его съ людьми было просто и открыто; сила его слова была такъ могущественна, какъ будто онъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія». Мюнцеръ говоритъ про него

[1]) *Erbkam*. Gesch. der protestant. Sekten. S. Hamburg und Gotha, 1848. S. 490.

съ большимъ уваженіемъ, замѣчая, что «онъ зналъ священное писаніе лучше всякаго священника и истинѣ, проповѣдываемой имъ, присущъ Духъ Святой» [1]). Шторхъ доходилъ до экстаза въ своей проповѣди; пророческія видѣнія составляли исходный пунктъ его дѣятельности. За Шторхомъ слѣдуетъ назвать Марка Штюбнера, бывшаго студентомъ Виттенбергскаго университета. Онъ былъ сначала восторженнымъ слушателемъ Лютера, увлекался первыми произведеніями реформатора, потомъ, подобно многимъ людямъ того времени, пошелъ далѣе, куда вело его логическое развитіе идей Лютера. Третьимъ вожакомъ цвиккаускихъ сектантовъ является Маркъ Ѳома, суконщикъ и мало образованный человѣкъ. Далѣе говорится, что секганты-вожаки имѣли двѣнадцать апостоловъ и семьдесятъ двухъ учениковъ. Вотъ все, что можно сказать о первыхъ цвиккаускихъ пророкахъ. За послѣдователями цвиккаускихъ пророковъ упрочилось названіе «анабаптистовъ-перекрещенцевъ», такъ какъ всѣ они отрицали значеніе крещенія безсознательныхъ младенцевъ и большинство изъ нихъ требовало перекрещиванія взрослыхъ. Названіе это едва ли можно признать удачнымъ, и сами сектанты называютъ себя «баптистами», «крещеными христіанами», «вѣрными», «народомъ избраннымъ», «новымъ израилемъ», но не «перекрещенцами». Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Ѳома Мюнцеръ, вовсе не перекрещивались. Перекрещиваніе, кромѣ того, имѣло мѣсто только для тѣхъ, кто крестился въ дѣтствѣ, и съ теченіемъ времени для дѣтей перекрещенцевъ оно должно было уничтожиться, такъ какъ этихъ дѣтей перекрещенцевъ не крестили до совершеннолѣтія [2]). Вообще было бы трудно, если не невозможно, изложить въ стройномъ порядкѣ ученіе перекрещенцевъ первой эпохи, когда оно еще не успѣло улечься въ опредѣленныя, застывшія формы: оно распадалось на множество различныхъ толковъ, противорѣчившихъ нерѣдко одинъ другому; оно, какъ сама жизнь, постоянно развивалось и часто приходило къ безусловно противоположнымъ воззрѣніямъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о поднятіи меча противъ враговъ: сперва это признавалось страннымъ грѣхомъ; потомъ, подъ вліяніемъ практики и опыта, это стало священнымъ долгомъ. Возможность всѣхъ противорѣчій среди перекрещенцевъ мы поясним сразу, какъ

[1]) *Витняковъ.* «Общество анабаптистовъ» (*Православное Обозрѣніе* 1861 года, № 11, стр. 364).

[2]) *L. Keller*, S. 1; *В. Циммерманъ*, В. 1, стр. 211.

только укажемъ на основное положеніе ихъ ученія: они признавали основаніемъ всего *Новый Завѣтъ* и руководствовались *Ветхимъ Завѣтомъ* настолько, насколько онъ не противорѣчилъ *Новому Завѣту*; но рядомъ съ этимъ они, подобно многимъ другимъ предшествовавшимъ и послѣдующимъ сектамъ, признавали въ самыхъ широкихъ размѣрахъ внутреннее откровеніе. Они говорили: «Если-бъ Богъ хотѣлъ научить писаніемъ, онъ далъ бы библію прямо съ неба» [1]). Въ то же время, они хорошо помнили, что въ *Дѣяніяхъ святыхъ апостоловъ* сказано: «И будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа моего на всякую плоть; и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія; и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ» [2]). Вѣря на основаніи этого въ непосредственное откровеніе Божіе, они считали себя орудіями воли Божіей, способными и пророчествовать, какъ пророчествовали древніе пророки. Вотъ почему у этой партіи не существовало и законченныхъ положеній вѣроисповѣданія и также не существовало внѣшняго или внутренняго единства по всѣмъ вопросамъ, а былъ широкій произволъ для проповѣди отдѣльныхъ лицъ [3]). Уже въ XVI вѣкѣ ихъ насчитывалось до сорока различныхъ толковъ. Но анабаптисты, повидимому, и не гнались за единствомъ въ частностяхъ. Главною ихъ цѣлью было водвореніе на землѣ христіанскаго ученія и христіанской церкви апостольскихъ временъ. Въ богословскія тонкости они старались не вдаваться, ставя религію выше богословія и внутреннюю религіозность выше внѣшней обрядности. Вѣра, по ихъ убѣжденіямъ, должна состоять изъ упованія на милосердіе Божіе и изъ послушанія заповѣдямъ Христа. Вѣру безъ дѣлъ они признавали мертвою. Наслѣдственность грѣха они отрицали, такъ какъ Богъ создастъ только доброе. Въ связи съ этимъ отвергалось и предопредѣленіе, а признавалась свободная воля. Не было бы ея—не было бы отвѣтственности за свои поступки. Этой свободной волѣ давался широкій просторъ и, по выраженію Буллингера, «они предоставляли каждому и думать, и вѣрить, какъ онъ хочетъ». При такомъ вѣроученіи духовенство дѣлалось излишнимъ. Кромѣ того, они считали не христіанскимъ дѣломъ полученіе жалованья или собраніе десятины за ис-

[1]) *Hase*, *S.* 6.
[2]) «*Дѣятельность святыхъ апостоловъ*», II, 17.
[3]) *L. Keller*, *S.* 4; *K. Hase*, *S.* 9.

полненіе священныхъ обязанностей. Въ этомъ сказывалось господствовавшее тогда недовольство ничтожнымъ и алчнымъ католическимъ духовенствомъ, возносившимъ молитвы за грѣшниковъ за извѣстную плату и беззастѣнчиво торговавшимъ мѣстами въ царствѣ Божіемъ: служи обѣдни, спасенъ будешь.

Проповѣдь цвиккаускихъ пророковъ на первыхъ же порахъ произвела не малый переполохъ, увлекая простой народъ, пугая состоятельные классы. Гоненія не заставили себя ждать: не такое было тогда время, чтобы смотрѣть спокойно на зарождавшуюся въ народѣ секту. Всѣ чувствовали себя и безъ того не хорошо, не безопасно. Шторхъ и его единомышленники должны были благодарить судьбу и за то, что съ ними не поступали такъ, какъ поступали еще не особенно давно съ ихъ предшественниками. У многихъ были въ памяти костры, на которыхъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ жгли живыми разныхъ фанатиковъ въ Нордгаузенѣ, Аперслебенѣ, Зондергаузенѣ, Гейденѣ и т. д. Цвиккаускіе пророки были только изгнаны изъ родного города, при чемъ нѣкоторымъ пришлось предварительно посидѣть въ тюрьмѣ. Быть-можетъ, это изгнаніе было большою политическою ошибкой со стороны властей. Пророки, изгнанные изъ города, разсѣялись въ разныя стороны, то-есть понесли свое ученіе изъ маленькаго Цвиккау въ широкій міръ.

Это было въ 1521 году.

Въ числѣ ушедшихъ на проповѣдь былъ и Ѳома Мюнцеръ, уже успѣвшій примкнуть къ новымъ сектантамъ. На этой крупной исторической личности мы и должны остановиться здѣсь.

III.

Ѳома Мюнцеръ былъ единственнымъ сыномъ не особенно бѣдныхъ родителей [1]). Онъ родился въ домѣ Генриха Опенмана въ Штольбергѣ у подножія Гарца въ 1490 году [2]).

---

[1]) *J. Seidemann.* «Thomas Münzer». Eine Biographie. Dresden und Leipzig, 1842. S. I. Ссылающіеся очень часто на Зейдемана авторы говорятъ, что родители Мюнцера были бѣдны. Зейдеманъ говоритъ: «Nicht ganz unbemittelt». Въ другомъ мѣстѣ Зейдеманъ говоритъ, на основаніи одного, къ сожалѣнію, испорченнаго письма Мюнцера, что «мать Мюнцера достаточно принесла съ собою въ Штольбергъ». Еще далѣе у Зейдемана говорится, что «Мюнцеръ наслѣдовалъ послѣ матери много домашняго скарба» (стр. I, 17).

[2]) *В. Циммерманъ* говоритъ (В. I, стр. 169), что онъ гдѣ-то читалъ, что Мюнцеръ родился въ 1493 г. Вейль относитъ время рожденія Мюнцера къ 1498 г. (*A. Weill.* «Der Bauernkrieg». 1847. *S.* 135).

Про дѣтство Мюнцера нечего сказать: оно совершенно неизвѣстно. Конечно, обладая богатою фантазіей, можно не только утверждать, какъ достовѣрный фактъ, извѣстіе о повѣшеніи жестокимъ графомъ Штольбергомъ отца Мюнцера на глазахъ десятилѣтняго ребенка, но и толковать о томъ, какое страшное вліяніе произвело это событіе на впечатлительнаго мальчика, пробудивъ въ немъ съ дѣтства ненависть къ аристократамъ. Но исторія не сказка, и крайне сомнительный слухъ не приходится возводить на степень достовѣрнаго факта. Даже передающій этотъ слухъ Зейдеманъ, главный біографъ Мюнцера, указывая на источникъ, откуда взято это свѣдѣніе, относится къ нему съ сомнѣніемъ [1]). То же говоритъ и Циммерманъ, совершенно вѣрно замѣчая, что Мюнцеръ непремѣнно указалъ бы на этотъ вопіющій фактъ въ своихъ прокламаціяхъ къ народу, если-бъ этотъ фактъ дѣйствительно существовалъ [2]). Еще бы! Мюнцеръ пользовался всѣмъ, что могло возбудить въ народѣ ненависть къ тогдашнему дворянству. Историки, признающіе слухъ о повѣшеніи отца Мюнцера за дѣйствительный фактъ, хотятъ отчасти объяснить этимъ послѣдующую дѣятельность Мюнцера. Можетъ-быть, эти же цѣли заставляютъ ихъ заявлять, что родители Мюнцера были «бѣдны» и даже «очень бѣдны». Но едва ли можно назвать удачнымъ это стремленіе. Люди, подобные Мюнцеру, вообще не нуждаются въ личныхъ страданіяхъ, чтобы сдѣлаться революціонерами, и жажда мести за личныя обиды менѣе всего является побудительною причиной ихъ дѣятельности. Въ тѣ же времена въ подобныхъ побудительныхъ причинахъ къ революціонной дѣятельности не нуждались даже и менѣе увлекающіеся и страстные люди, такъ какъ возбужденіе носилось въ воздухѣ; оно было въ толкахъ народа, въ преніяхъ ученыхъ, въ литературныхъ листкахъ, и Мюнцеръ, вѣроятно, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, съ пеленъ слышалъ повсемѣстные отголоски протестовъ и озлобленія. Крайне мало сохранилось извѣстій и о юности Мюнцера: о ней мы знаемъ почти одно то, что онъ высказалъ

[1]) *J. Seidemann.* S. 1: «Отецъ Оомы Мюнцера былъ похищенъ преждевременною смертью. Не заслуживаетъ довѣрія молва, будто графы Штольбергъ повѣсили его, почему впослѣдствіи сынъ, какъ мститель за поруганіе отца, напалъ со своими крестьянами на графство, чтобы присвоить себѣ послѣднее». Этотъ слухъ распространялся двумя сочиненіями, враждебными Мюнцеру. Авторъ одного изъ нихъ говоритъ, что онъ это слышалъ отъ Меланхтона».

[2]) *В. Циммерманъ.* В. I, стр. 169.

самъ на мучительномъ допросѣ передъ своею смертью [1]). Изъ этихъ показаній все же можно видѣть, что это была за личность.

Онъ былъ коллабораторомъ въ Ашерслебенѣ и Галле. Уже здѣсь онъ устроилъ тайный заговоръ противъ тогдашняго магдебургскаго архіепископа Эрнста II. Это обстоятельство, относящееся ко времени до 1513 года, то-есть до года смерти Эрнста II, показываетъ, что уже въ ранней молодости въ Мюнцерѣ была склонность къ агитаторской дѣятельности. Также рано пробудилась въ немъ лихорадочная неусидчивость, страстная жажда найти подходящую дѣятельность. Изъ Галле онъ быстро пробирается въ Лейпцигъ для изученія богословія; въ 1515 году онъ является какъ magister artium и баккалавръ богословія и получаетъ въ качествѣ богослова мѣсто въ Фрозенѣ близъ Ашерслебена; потомъ въ 1517 году онъ дѣлается учителемъ въ брауншвейгской гимназіи Мартина и въ томъ же году снова возвращается въ Штольбергъ; въ 1519 году онъ хлопочетъ уже въ Лейпцигѣ о новомъ мѣстѣ, его опредѣляютъ капелланомъ и исповѣдникомъ въ монастырь бернардинскихъ монахинь въ Бентицѣ близъ Вейсенфельса; но и это положеніе не удовлетворяетъ его, и онъ въ началѣ 1520 г. вступаетъ въ переговоры съ магистромъ въ Цвиккау, гдѣ ему и даютъ мѣсто проповѣдника въ главной городской церкви св. Маріи. Съ первой же проповѣди здѣсь его имя получаетъ громкую извѣстность, пріобрѣтая ему и друзей, и враговъ. Проповѣдь была произнесена въ воскресный день на текстъ: «Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, стучите и отверзется». Здѣсь, въ Цвиккау, сразу обнаруживается настоящій Мюнцеръ, народный вождь, боецъ-агитаторъ, демагогъ. Страстно воспламененный реформаціей, еще слѣпо вѣрящій въ Лютера, онъ на первыхъ же порахъ вступаетъ въ Цвиккау въ борьбу съ богатыми и сильными нищенствующими монахами. На его сторонѣ были симпатіи народа, такъ какъ гордость и алчность монаховъ давно уже вызывали ропотъ среди низшихъ классовъ. Онъ говорилъ, что «это слѣпые пастыри слѣпыхъ овецъ, которые во время своихъ безконечныхъ молебствій успѣваютъ прибрать къ рукамъ имущество вдовъ и у одра умирающихъ думаютъ не о религіи, а объ удовлетвореніи своей ненасытной алчности».

[1]) *Erbkam*, «Thomas Münzer», «Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt». X. S. 365.

Ненавистные народу монахи сдѣлали, на свою бѣду, ошибку и въ отвѣтъ на проповѣди Мюнцера, ссылавшагося на *Евангеліе*, говорили съ каѳедры, что тотъ «дурно проповѣдуетъ, кто проповѣдуетъ только *Евангеліе*, такъ какъ этимъ онъ противорѣчитъ всѣмъ человѣческимъ установленіямъ, которыя должно соблюдать прежде всего. *Евангеліе* требуетъ многихъ дополненій; не должно жить только по *Евангелію*; если бы смотрѣть на евангельскую бѣдность, то князья и графы не могли бы присвоивать себѣ мірскія сокровища; какъ пастырямъ душъ, имъ пришлось бы быть бѣдными и нищими» [1]). Въ этомъ спорѣ Мюнцеръ еще готовъ былъ подчиниться наумбургскому епископу и обращался за совѣтомъ къ Лютеру, котораго онъ считалъ покуда «образцомъ и свѣточемъ друзей Божіихъ». Едва кончился этотъ споръ, какъ началась въ половинѣ 1520 г. другая борьба съ докторомъ богословія Іоганомъ Виденауеромъ или, какъ его звали, согласно обыкновенію того времени, по мѣсту рожденія, Еграномъ. Егранъ служилъ въ церкви св. Маріи еще до Мюнцера и вращался, главнымъ образомъ, среди аристократіи. Это былъ типичный «свѣтскій» проповѣдникъ; пустой и тщеславный, презрительно смотрѣвшій на невѣжество монаховъ и игравшій роль священника-аристократа, гуманистъ на словахъ и далеко не безупречный по жизни, сочувствовавшій реформаціи, но понимавшій въ узкомъ смыслѣ разныя церковныя реформы. Мюнцеръ вступилъ съ нимъ въ ожесточенную открытую борьбу, перенесшую тоже на церковныя каѳедры, такъ сказать, на гласный судъ народа. Это было въ духѣ той эпохи. Народъ сразу понялъ, что Мюнцеръ является вовсе не реформаторомъ въ одной области богословія, а защитникомъ правъ низшихъ классовъ, политическимъ борцомъ, и примкнулъ къ нему, тогда какъ аристократія стала на сторону Еграна. Сойдясь въ это время съ Николаемъ Шторхомъ, Мюнцеръ сталъ уже во главѣ значительной партіи, требуя чисто-соціальныхъ реформъ. Егранъ долженъ былъ уѣхать изъ города, но спокойствіе отъ этого не возстановилось. Перейдя изъ церкви св. Маріи въ церковь св. Екатерины, Мюнцеръ продолжалъ громить духовныхъ лицъ за ничтожество; теперь его жертвой былъ Николай Гоферъ. Гоферъ бѣжалъ и подалъ жалобу на Мюнцера. Послѣдняго власти позвали къ отвѣту, но онъ съ каѳедры началъ обличать и ихъ. Тогда

[1]) *В. Циммерманъ*, I, стр. 170.

его отставили отъ мѣста. Онъ соединился окончательно съ ткачами, окружавшими Шторха, и дѣло дошло чуть не до настоящаго возстанія. Мюнцеръ, можетъ-быть, и не особенно вѣрилъ тогда въ откровенія и пророчества своихъ добрыхъ друзей и едва ли раздѣлялъ всѣ ихъ мистическія воззрѣнія. Недаромъ же послѣдующіе перекрещенцы не причисляютъ его къ отцамъ секты. Но эти ткачи были нужны ему, какъ сила для борьбы, съ самаго начала своего существованія уже угрожавшая порядку въ Цвиккау. Разыгралась исторія, окончившаяся изгнаніемъ пророковъ; съ ними покинулъ городъ и Мюнцеръ. Въ маріинскую церковь былъ назначенъ дѣятельный и строгій проповѣдникъ Николай Гаусманъ, возстановившій кое-какъ порядокъ. Это назначеніе было сдѣлано по совѣту Лютера [1]).

Изъ этихъ голыхъ фактовъ можно уже отчасти понять, что̀ за личность былъ Мюнцеръ.

Натуры, лишенныя самобытности, энергіи и страстности, проходятъ жизненный путь довольно ровно, если и не мирясь съ выпавшимъ имъ на долю положеніемъ, то подчиняясь ему: онѣ могутъ всю жизнь тянуть одну лямку, вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ, переливать изъ пустого въ порожнее, если именно это имъ опредѣлено судьбою. Не таковы натуры самобытныя, энергичныя и страстныя: только при самой счастливой случайности, при совпаденіи ихъ наклонностей съ выпавшею на ихъ долю дѣятельностью, ихъ жизнь слагается правильно и гармонично, по большей же части, онѣ мечутся въ разныя стороны, рвутся изъ отмежеванныхъ имъ судьбою границъ, тревожно хватаются за сотни дѣлъ, пока не нападутъ на дѣятельность, вполнѣ отвѣчающую ихъ призванію. Такимъ «безпокойнымъ» человѣкомъ былъ и Мюнцеръ. Онъ принималъ на себя различныя обязанности, можетъ-быть, для того, чтобы оказать матеріальную поддержку семьѣ, можетъ-быть, потому, что считалъ сначала эти обязанности подходящими для себя,— этого мы не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью. Но вѣрно то, что каждое принятое имъ мѣсто оказывалось ему не по натурѣ, дѣятельность казалась узкою, и онъ метался съ одного мѣста на другое, пріобрѣтая славу неуживчиваго человѣка. Въ Цвиккау онъ разомъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по натурѣ,—вождемъ народа. Роль учителя, роль духовника, роль проповѣдника въ церкви не

[1]) *Erbkam*: R.-E. von Herzog. [illegible]

могли его удовлетворить. Онъ видѣлъ, что нужна болѣе широкая дѣятельность, чтобы помочь народу. Какъ страдалъ этотъ народъ, — онъ зналъ это хорошо, такъ какъ нужно было быть слѣпымъ и глухимъ въ то время начинавшейся борьбы, возстаній и смутъ, чтобы не знать этого; онъ горячо принималъ къ сердцу положеніе этого народа, какъ принимали это къ сердцу тогда лучшіе люди, какъ могъ принимать это къ сердцу молодой, честный, добрый и пылкій человѣкъ, какимъ и былъ тогда Мюнцеръ. Именно въ эту эпоху своей жизни Мюнцеръ началъ все болѣе и болѣе глубоко сомнѣваться въ Лютерѣ, не дѣлавшемъ ни шагу къ реформамъ, которыя, по мнѣнію Мюнцера, были необходимы христіанамъ, нуждавшимся въ полномъ преобразованіи государства и церкви. По мнѣнію Мюнцера, главная ошибка Лютера была въ томъ, что для него вѣра все, а дѣла ничто. «Эта проповѣдь мертвой вѣры, — говорилъ онъ:—вреднѣе, чѣмъ ученіе папистовъ». Впослѣдствіи самъ Лютеръ писалъ: «Это ученіе объ оправданіи вѣрою заслуживаетъ сердечной благодарности; по немъ должно исправиться и жить благочестиво; къ сожалѣнію, выходитъ наоборотъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Прежде людьми владѣлъ одинъ дьяволъ, а теперь цѣлыхъ семь люди стали скупѣе, хитрѣе, себялюбивѣе, немилосерднѣе, развратнѣе, наглѣе и злѣе, чѣмъ при папствѣ». Но, чтобъ придти къ этому взгляду, Лютеру нужно было прожить еще годы и увидать на практикѣ то, что уже предвидѣлъ Мюнцеръ. Мюнцеръ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости разрушить старую церковь до основанія и уничтожить всѣ существовавшія государственныя отношенія; Лютеръ же въ то время боялся еще снять рясу и надѣть пасторское облаченіе, боялся сдѣлать перемѣны въ богослуженіи, боялся браковъ духовныхъ лицъ,—однимъ словомъ, всего того, что постепенно вводилось помимо его и что онъ потомъ только санкціонировалъ [1]). Мюнцеръ не признавалъ полумѣръ и починокъ, когда была нужна перестройка; Лютеръ же какъ бы говорилъ: «Отрицай то, что уже отрицаю я, и не касайся того, до чего еще не считаю нужнымъ касаться я»,— новый папа уже сказывался въ немъ. Видя кажущуюся непослѣдовательность Лютера, Мюнцеръ принялся еще усерднѣе за богословскія занятія. Поэтъ и эксцентрикъ, въ которомъ чувствительность и воображеніе преобладали надъ

---

[1]) *Ф. Шлоссеръ*, стр. 446, 453.

обширнымъ умомъ, Мюнцеръ читалъ преимущественно исторіи о мужчинахъ и женщинахъ, которымъ приписывались лицезрѣніе Бога и тайныя откровенія. Особенное вліяніе имѣлъ на него, кромѣ мистика Таулера, пророкъ двѣнадцатаго вѣка, калабріецъ аббатъ Іоахимъ, тоже говорившій о близости суда Господня, о наступленіи царства духа, когда водворятся любовь, радость и свобода, о погибели книжной учености и торжествѣ духа надъ буквой и т. д. [1]). Духъ сомнѣнія сталъ усиливаться въ Мюнцерѣ. Онъ уже говоритъ: «Мы, тѣлесные люди, должны быть богами черезъ сдѣлавшагося человѣкомъ Христа и научены и обожествлены Имъ самимъ; мы превратимся въ Него самого и земная жизнь сольется съ небесной». «Библія ничто безъ живого внутренняго откровенія Божія». «Она можетъ замѣнить всѣ законы, но нуженъ новый Даніилъ для ея изложенія, который, какъ Моисей, сталъ бы во главѣ народа». «Бывшіе до настоящаго времени проповѣдники Евангелія являлись только учеными, придерживавшимися буквы писанія». «Смотрите, что вы проповѣдуете, иначе ваша теологія не будетъ стоить ни гроша. Нужно искать внутренняго откровенія» [2]). Вѣра въ откровеніе дошла мало-помалу у Мюнцера до фанатизма; онъ началъ считать себя человѣкомъ, который не только удостоивается Богомъ святыхъ его откровеній, но который самъ можетъ заставить Бога дать желаемое откровеніе. «Удалившись въ уединенное мѣсто,—говоритъ Мюнцеръ:—размышляй о Богѣ, о томъ, что Онъ есть Самъ по себѣ, что по отношенію къ намъ, принимаетъ ли Онъ какое-нибудь участіе въ нашемъ положеніи и заботится ли сколько-нибудь о насъ? Размышляй о томъ, ради ли насъ пострадалъ Іисусъ Христосъ и спасъ ли Онъ насъ, или мы еще находимся подъ гнетомъ бѣдствій и грѣха? Размышляй о томъ, наша ли вѣра истинная, или вѣра турокъ, язычниковъ и іудеевъ? Потомъ, когда думы эти начинаютъ волновать тебя, требуй у Бога знаменія, разрѣшенія твоихъ вопросовъ и успокоенія. Если Богъ такого знаменія скоро не дастъ, тогда не только не нужно отступать отъ Него, но, напротивъ, еще настоятельнѣе требовать, сердиться на Него, поносить, укорять въ неправосудіи. Самъ же Онъ обѣщалъ намъ спасти всякаго, желающаго спастись, учитъ насъ истинѣ и добру, и

[1]) *В. Циммерманъ*, I, стр. 172.
[2]) *Hase*, S. 17. 18.

всегда давать просимое. Какъ же Онъ можетъ отказывать въ знаменіи сердцу, которое жаждетъ познанія о Немъ? Если бы Богъ на самомъ дѣлѣ отказалъ тебѣ въ этомъ знаменіи, Онъ рѣшительно не заслуживалъ бы вниманія къ Себѣ со стороны человѣка. Тотъ Богъ—не Богъ, который не бесѣдуетъ съ нами, какъ съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ...» [1]). Въ этомъ отношеніи Мюнцеръ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Онъ вѣрилъ въ свои непосредственныя бесѣды съ Богомъ такъ же твердо, какъ Лютеръ искренно вѣрилъ, что дьяволъ, о которомъ онъ не мало говорилъ въ застольныхъ бесѣдахъ, «спитъ гораздо ближе къ нему, чѣмъ его Катя» [2]).

Таковъ былъ Мюнцеръ, таковы были событія въ Цвиккау въ то время, когда цвиккаускіе пророки были изгнаны изъ своего роднаго города, чтобы разнести по свѣту свое ученіе.

IV.

Цвиккаускіе пророки появились въ Виттенбергѣ и произвели неслыханный переполохъ. Чтобы понять всю сущность происшедшаго, необходимо нужно поближе познакомиться съ тѣмъ, что и какъ сѣяли эти сѣятели новаго ученія, а также и съ тою почвой, куда должно было быть брошено сѣмя ихъ ученія.

Хороши или дурны были вожаки воинствовавшаго перекрещенства,—это мы увидимъ ниже. Здѣсь же мы должны только замѣтить, что всѣ эти люди,—дѣйствовавшіе теперь Шторхъ, Мюнцеръ и явившіеся въ послѣдующія времена Книппердолингъ, Іоганнъ Бокгольдъ, были не исключеніями, не выродками среди первыхъ перекрещенцевъ, какъ желаютъ увѣрять нѣкоторые изслѣдователи [3]); эти люди оказались только послѣдовательными и, не останавливаясь на одной теоріи, довели ученіе до его логическихъ выводовъ, насколько могутъ быть вполнѣ логическими выводы тамъ, гдѣ признается непосредственное открытіе и пророческія способности всѣхъ и каждаго.

Въ чемъ же должны были заключаться дѣла, безъ которыхъ вѣра мертва?

---

[1]) *Вишняковъ.* «Общество анабаптистовъ и меннонистовъ» «(*Православное Обозрѣніе*» 1861 г. № 1, стр. 359).

[2]) *G. Freitag.* «Aus dem Jahrhundert der Ref.» Leipzig. 1883. S. 118, 134 u. ff.

[3]) *Keller,* S. 2.

Мы нашемъ отрывочныя указанія на проповѣдь перекрещенцевъ въ этомъ смыслѣ. Одна партія высказала суровыя правила относительно ѣды, питья, сна, одежды; она радовалась, когда терпѣла нападеніе, и считала жизнь тяжелымъ гнетомъ; встрѣчая веселыхъ людей, она говорила: «горе вамъ, смѣющимся теперь, такъ какъ скоро вы будете плакать и стонать» [1]). Это были проповѣдники только суроваго аскетизма, строгіе къ другимъ и къ себѣ, воздержанные и трезвые. Другіе смотрѣли на дѣло шире и говорили, что «истинные христіане не нуждаются во властяхъ, такъ какъ законъ данъ только для неправыхъ и непослушныхъ; для тѣхъ, кто охотно исполняетъ долгъ справедливости и слѣдуетъ всѣмъ заповѣдямъ Божіимъ, государство съ его исправительными средствами и наказаніями является зломъ; это зло нужно выносить, покуда рядомъ съ вѣрующими и праведниками живутъ невѣрующіе и невѣрные; покуда власти существуютъ, «братья» должны имъ повиноваться и терпѣть преслѣдованія, какъ училъ Христосъ; но самимъ вѣрующимъ не позволяется принимать на себя какія-нибудь обязанности власти: никто изъ нихъ не долженъ, какъ представитель государства, поднимать мечъ». Далѣе говорилось, что между вѣрующими и невѣрующими не должно быть сношеній, торговли, общенія, а тѣмъ болѣе браковъ; вѣрующіе не должны были судиться; въ военной службѣ не могъ состоять вѣрующій; запрещалась ему также присяга [2]). Вѣрующіе не должны были клясться. Суды, военную службу, присягу, клятвы,—все это уже пробовали отрицать представители различныхъ сектъ и не только послѣ введенія христіанства, руководившагося иногда тѣми или другими положеніями *Новаго Завѣта*, но и гораздо ранѣе. Никто только изъ представителей этихъ ученій не говорилъ, какъ это исполнить на практикѣ. Не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы понять, что всѣ подобныя запрещенія, какъ запрещеніе военной службы, присяги и тому подобнаго, или должны были остаться праздными фразами, или повести къ революціи. Нельзя же представить себѣ, чтобъ государство допустило спокойно въ своей средѣ существованіе подобныхъ отрицателей, освобождавшихъ себя отъ того, что считаютъ за долгъ, отъ чего не могутъ безнаказанно отказаться другіе граждане. Сами граждане, несущіе

---

[1]) *K. Hase*, S. 12.
[2]) *L. Keller*, S. 11.

извѣстныя повинности и тяготы, въ концѣ концовъ возмутились бы противъ подобныхъ сектаторовъ, сознавая, что за каждаго отказавшагося отъ военной службы придется служить другому, за каждаго отказавшагося отъ исполненія судебныхъ обязанностей придется отправлять ихъ другому, и т. д. Относительно имущества ученіе перекрещенцевъ, между прочимъ, говорило: «христіанинъ не долженъ имѣть никакой собственности, но среди христіанъ должна существовать общность имуществъ, какъ это было въ апостольскія времена». Одного этого положенія достаточно было, чтобы повести въ ту смутную эпоху тоже къ революціи со всѣми ея крайностями и ужасами, то-есть вызвать, съ одной стороны, ненависть къ перекрещенству состоятельныхъ классовъ общества, а съ другой—возбудить низкія страсти въ голодающей и разнузданной массѣ. Правда, уже съ самаго начала секты нѣкоторые ея члены пугливо прибавляли къ фразѣ о необходимости общности имуществъ слова: «насколько это возможно», но зато другіе смѣло прибавляли къ этой же фразѣ слова: «во что бы то ни стало» [1]). Первые вмѣняли себѣ на практикѣ въ обязанность только оказывать другъ другу взаимную помощь; вторые готовы были поднять оружіе, чтобы заставить богачей раздѣлить имущество съ бѣдняками. Здѣсь надо опять замѣтить, что первые являлись, въ сущности, пустыми фразерами, забавляющимися произнесеніемъ громкихъ и ни къ чему не обязывающихъ словъ, тогда какъ вторые стремились къ послѣдовательности, какъ и должно людямъ, исповѣдующимъ принципъ, что вѣра мертва безъ дѣлъ, то-есть сознающимъ, что нужно не разговаривать, а дѣйствовать. Народъ, конечно, долженъ былъ примкнуть во время бурнаго движенія къ послѣднимъ. Къ проповѣдующимъ воду и пьющимъ вино послѣдователи не примыкаютъ. Народъ же въ то время, какъ мы уже видѣли, соединялся и до перекрещенцевъ въ союзы во имя тѣхъ же революціонныхъ идей.

Говоря о взглядахъ перекрещенцевъ на общность имуществъ, Газе замѣчаетъ: «Они понимали общность имуществъ не въ коммунистическомъ смыслѣ зависти и алчности, а въ смыслѣ ничтожества собственности вообще и въ смыслѣ любви, не желающей имѣть ничего лично для себя; они признавали собственность не кражей, но грѣхомъ» [2]). Этотъ же взглядъ высказываютъ и другіе писа-

[1]) *Ibid.*, S. 11—13.
[2]) *K. Hase*, S. 14.

тели, Циммерманъ, Вейль. Если это и вѣрно, то вѣрно только для извѣстной части перекрещенцевъ того времени, когда люди возбужденные, страстные, фанатизированные были склонны ко всякимъ крайностямъ, а не къ трусливымъ полумѣрамъ. Недаромъ же нѣкоторые изъ анабаптистовъ заходили даже такъ далеко, что признавали общность женъ и слова: «дай просящему» переводили словами: «отдай себя просящему» [1]). Въ вопросѣ объ общности имущества, какъ его ставили перекрещенцы, мы видимъ зародыши того, что логично развилось въ проповѣди Мюнцера до крайнихъ вредѣловъ, до прямыхъ угрозъ. Если въ проповѣди Мюнцера слышалось стремленіе обновить ветхаго человѣка, образовать истиннаго христіанина не по внѣшности, а по духу, то рядомъ съ этимъ явилось и сознаніе глубокихъ матеріальныхъ бѣдствій простого народа, мѣшающихъ духовному обновленію этой массы. Бѣдный простой народъ въ тѣ страшныя времена всякихъ несправедливостей, отягощенный невыносимыми податями и повинностями, отдающій господамъ все добытое имъ цѣною пота и крови, гибнущій въ нищетѣ и работѣ, среди заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба, не могъ возвыситься до вѣры, до Бога: ему некогда было и думать. Это понимали многіе изъ передовыхъ людей того времени, но именно Мюнцеръ задумалъ измѣнить этотъ порядокъ дѣлъ. И вотъ ожесточенно и безпощадно, совершенно въ духѣ того грубаго и воинственнаго времени, нападаетъ онъ на сильныхъ міра сего, какъ нападалъ на нихъ и Лютеръ, съ тою только разницей, что въ нападкахъ Мюнцера страшна уже не одна форма, а и сущность. Лютеръ бранилъ ихъ. Мюнцеръ возмущаетъ противъ нихъ. «Посмотрите,—пишетъ онъ: главные представители, наши князья и господа, берутъ все въ собственность; рыба въ водѣ, птица въ воздухѣ, растеніе на землѣ,— все это должно принадлежать имъ. Потомъ они же распространяютъ между бѣдняками заповѣдь Божію: «не укради». И если они у бѣднаго земледѣльца или ремесленника грабятъ и отнимаютъ все существенное на землѣ, то онъ за захватъ имъ ничтожнѣйшей вещи будетъ повѣшенъ. Господа дѣлаютъ все, чтобы простой человѣкъ сталъ ихъ врагомъ. Причины возмущенія они не хотятъ уничтожить, чего же хорошаго можно ожидать въ будущемъ? Говоря это, я уже являюсь возмутителемъ». Подобныя рѣчи не

[1]) *Ibid.*, *S.* 13.

могли не дѣйствовать на народъ, тѣмъ болѣе, что онѣ исходили отъ такого человѣка, какъ Мюнцеръ. «Это былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и симпатичныхъ людей реформаціонной эпохи, говоритъ о немъ Циммерманъ: — онъ жилъ и умеръ какъ юнона» [1]). «Это былъ,—замѣчаетъ о немъ Шлоссеръ:—серьезный, нравственный и даже, по свидѣтельству его злѣйшихъ враговъ, Лютера и Меланхтона, вполнѣ достойный уваженія человѣкъ» [2]). «Онъ, этотъ пророкъ революціи,—по выраженію Кауфмана:—стоялъ между аскетическимъ мистицизмомъ ревивалистовъ и строгою воздержанностью пуританъ» [3]). «Сводить на низкія побужденія каждое умственное направленіе, пробивающее, подобно Мюнцеру, путь безъ оглядки, съ разрушительной силой, пишетъ Ал. Штернъ:—это значитъ унижать человѣческую природу. Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что Мюнцеръ слѣдовалъ напору своихъ сокровеннѣйшихъ убѣжденій, когда онъ не оставлялъ камня на камнѣ, пробуя изъ развалинъ стараго общества создать новое. Въ его душѣ соединялись глубокое участіе къ нищетѣ низшихъ классовъ, яростная ненависть противъ существовавшихъ властей, жгучее честолюбіе и мистическая мечтательность. Тройной фанатизмъ, направленный противъ государства, общества и религіи, сошелся въ его душѣ и дѣлалъ его втройнѣ опаснымъ» [4]). Мы нарочно привели эти отзывы о Мюнцерѣ людей разныхъ партій, чтобы показать, что всѣ они сходятся во мнѣніяхъ о немъ, какъ о нравственной личности. Его нравственная личность стоитъ внѣ всякихъ упрековъ, и его ошибки, какъ мы увидимъ дальше, нужно искать не здѣсь. Но чѣмъ безупречнѣе онъ былъ въ отношеніи нравственномъ, тѣмъ сильнѣе онъ долженъ былъ вліять на народъ. Прибавьте къ этому, что онъ былъ честолюбивъ, властолюбивъ и фанатиченъ, что, конечно, могло только содѣйствовать его силѣ, его вліянію на массу. Этотъ молодой человѣкъ въ восточномъ костюмѣ, опущенномъ мѣхомъ, съ длинною густою бородой и правильными чертами лица, имѣлъ патріархальный видъ и внушалъ уваженіе. Онъ ясно и горячо высказывалъ свои крайнія мнѣнія и

---

[1]) *В. Циммерманъ.* «Исторія крестьянской войны въ Германіи». Спб., 1872 г. Т., I. стр. 168.

[2]) *Шлоссеръ.* «Всемірная исторія». Спб., 1865. Т. XII, стр. 33.

[3]) *Kaufmann.* «Socialism und Communism». London. 1883 г. S. 81.

[4]) *Al. Stern.* «Die Socialisten der Reformazionszeit». Berlin, 1883. S. 18—19.

убѣжденія. Простому народу нравилось, что онъ толкуетъ о дѣятельномъ христіанствѣ, о христіанской жизни, а не о вѣрѣ только, какъ лютеране. О вѣрѣ народъ, въ сущности, мало думалъ, особенно въ то время, когда старая вѣра была расшатана, потрясена, а новая проповѣдывалась сотнями людей, каждымъ на свой ладъ, еще не принявъ устойчивыхъ и опредѣленныхъ формъ. Самъ Лютеръ говоритъ: «Въ высшей степени жалокъ видъ церквей; простой народъ ничему не учится и ничего не знаетъ; онъ не молится больше и ничего не дѣлаетъ, кромѣ злоупотребленія свободой; онъ не исповѣдуется и не ходитъ къ причастію, какъ будто теперь онъ освобожденъ отъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ» [1]). Мюнцеръ обратился къ этому народу уже не съ проповѣдью о вѣрѣ, а съ проповѣдью о чисто-земныхъ интересахъ. Его идеаломъ является коммунизмъ. Мюнцеръ не указывалъ, подобно Платону, Томасу Мору или Кампанеллѣ, какъ и въ какой формѣ должна сложиться общественная жизнь при общности имуществъ, онъ не представилъ какого-нибудь теоретическаго плана для осуществленія своего идеала, онъ просто съ крайнею рѣзкостью, совершенно въ духѣ того тревожнаго времени призывалъ людей къ дѣлежу имущества.

Проповѣдники новаго ученія должны были сильно испугать своихъ противниковъ, тѣмъ болѣе, что эти гланатаи новыхъ истинъ были въ то время еще безупречно нравственными людьми и ловкими агитаторами. Даже враждебные имъ историки согланаются съ этимъ. Умѣренные въ пищѣ и питьѣ, простые въ одеждѣ, дружные между собой, кроткіе въ разговорахъ, но страстно горячіе въ спорахъ, готовые лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ своего ученія, они изумляли всѣхъ своимъ нравственнымъ величіемъ. Они покидали дома, женъ и дѣтей для проповѣди, шли въ путь безъ денегъ, безъ посоховъ даже въ рукахъ, проповѣдывали съ крышъ домовъ, дѣлились всѣ между собою [2]). Они были готовы претерпѣть мученія и смерть за свою проповѣдь и вели ее неутомимо; если было возможно, вели явно, если было нельзя, вели тайно въ уединенныхъ домахъ, въ долинахъ. У нихъ были заведены тайныя сношенія съ различными городами: ихъ гонцы пробирались ночью съ разными вѣстями и письмами. «Я желалъ бы,—говоритъ Вицель:—

[1]) *Keller*, *S.* 3.
[2]) *Hase*, *S.* 14.

чтобы всѣ, называющіе себя христіанами, жили подобно имъ» [1]). Но каковы бы ни были эти проповѣдники, они не сдѣлали бы ничего на неподготовленной почвѣ. Почва же была уже вполнѣ готова для принятія ихъ ученій и всего болѣе была она подготовлена въ Виттенбергѣ.

Когда цвиккаускіе пророки появились въ Виттенбергѣ, здѣсь произошло странное, небывалое волненіе. Лютеръ въ это время сидѣлъ въ Вартбургѣ, носились даже слухи, что его погубили враги, его инкогнито старались сохранить самымъ усердным образомъ; въ Виттенбергѣ же возбуждали броженіе, съ одной стороны, монахи, стремившіеся переженится, а съ другой—Карльштадтъ, шедшій все дальше и дальше въ отрицаніи католическихъ обрядностей и въ отсутствіе Лютера игравшій первенствующую роль. Андрей Рудольфъ Боденштейнъ, прозванный по мѣсту своего рожденія Карльштадтомъ, былъ по лѣтамъ немного старше Лютера. Свое богословское образованіе онъ получилъ, какъ предполагаютъ, въ Италіи, потомъ прибылъ въ Виттенбергъ, гдѣ и получилъ ученыя степени и занялъ каѳедру [2]). Его направленіе было сначала чисто-схоластическое и, только вернувшись изъ поѣздки въ Италію въ 1515 году, онъ увидалъ необходимость вступить на новый путь, такъ какъ въ Виттенбергѣ уже выдвинулся Лютеръ и аристотелевская философія замѣнилась изученіемъ Августина. Неуживчивый, любящій деньги, добивающійся извѣстности, мелочно самолюбивый и мучимый сознаніемъ своихъ неудачъ, Карльштадтъ смѣло пошелъ по новой дорогѣ и сталъ дѣйствовать заодно съ Лютеромъ, хотя далеко не искренно относился къ реформатору, завидуя ему въ душѣ. Въ 1521 году онъ уѣзжалъ на короткое время въ Данію, потерпѣлъ тамъ неудачу при введеніи реформъ и въ іюнѣ того же года, вернувшись назадъ и не заставъ уже въ Виттенбергѣ Лютера, съ необычайнымъ рвеніемъ принялся за практическую реформаторскую дѣятельность, если можно такъ выразиться, «на свой страхъ», какъ бы стараясь перещеголять самого Лютера. Нападеніе на безбрачіе духовенства, на монашескіе обѣты, на почитаніе святыхъ, на поклоненіе иконамъ,—всѣ эти вопросы, поднятые имъ, разожгли страсти. Монахи оставляли монастыри, студенты врывались съ криками въ церковь во время

[1]) *В. Циммерманъ*, I, стр. 240.
[2]) *Erbkam.* «Karlstadt» («Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt»). S. 523—532.

богослуженій, били стекла у приверженцевъ старыхъ обрядовъ, совершали безчинства. Началась открытая борьба, отмѣна церковныхъ одѣяній, церковныхъ церемоній. На третій день Рождества, Карльштадтъ неожиданно обручился съ дочерью одного бѣднаго дворянина и обвѣнчалъ одного священника съ сто служанкою. Двадцатаго января состоялась свадьба Карльштадта, надѣлавшая шуму въ городѣ. Скандалы слѣдовали за скандалами. Въ это-то время городъ былъ взволнованъ еще болѣе появленіемъ цвикауских пророковъ, сразу поразившихъ толпу своими одѣяніями, своею суровою наружностью, своими проповѣдями. На Карльштадта они не произвели особенно сильнаго впечатлѣнія, такъ какъ онъ самъ производилъ реформу за реформой. Но съ Мюнцеромъ, явившимся тоже въ Виттенбергъ, онъ вошелъ въ близкія сношенія, много бесѣдовалъ съ нимъ, подпалъ въ извѣстной степени подъ его вліяніе. Въ это время ему удалось законнымъ путемъ провести нѣсколько реформъ относительно измѣненія богослуженія, строгаго нравственнаго надзора, уничтоженія монашества и устройства на мѣсто его попечительства о бѣдныхъ. Но онъ не удовольствовался полумѣрами, потребовалъ уничтоженія образовъ, а затѣмъ, признавая, что простой человѣкъ можетъ понимать священное писаніе не хуже теолога, добился закрытія университета, распущенія студентовъ. Давно уже Карльштадтъ высказывалъ, что весь хламъ схоластическаго богословія не стоитъ ничего и что вся внѣшняя обрядность церкви не имѣетъ никакого значенія. Воспламененный теперь событіями, бесѣдами съ Мюнцеромъ, онъ вдругъ увидалъ передъ собою новое «царство духа», увидалъ въ христіанствѣ не богословіе, а живое дѣло народа. Онъ сталъ говорить, что людей нужно возвратить къ природной простотѣ и потомъ уже образовать вновь, что всякое ремесло лучше и полезнѣе кабинетной учености и т. п. Смѣшавъ понятіе о наукѣ съ понятіемъ о ложномъ ея примѣненіи, онъ вызвалъ первую вспышку фанатизма. Впрочемъ, самъ онъ не участвовалъ въ ней. Монахи, граждане, студенты подъ его вліяніемъ начали разрушеніе образовъ и статуй, подняли гоненія на общественныя удовольствія, заявили требованіе раздачи имущества бѣднымъ.

Это были первые взрывы фанатизма, ударившагося въ крайности. Эта вспышка страшно отразилась на умахъ всѣхъ современниковъ и свидѣтелей ея. Была минута, когда самъ Меланхтонъ спрашивалъ съ сомнѣніемъ, «не исхо-

дить ли извѣстный духъ (spiritus quidam), признанный имъ въ перекрещенцахъ, дѣйствительно отъ Бога», а старый саксонскій курфирстъ Фридрихъ Мудрый, удивленный нерѣшительностью своихъ совѣтниковъ и еще болѣе нерѣшительный, чѣмъ они, сказалъ: «Это великій, могучій вопросъ, котораго я, какъ свѣтскій человѣкъ, не понимаю; но я охотнѣе возьму посохъ въ руки и удалюсь, чѣмъ сознательно пойду противъ Бога» [1]). Лютеръ сразу понялъ опасность возникающей партіи, явился изъ Вартбурга въ Виттенбергъ, въ продолженіе семи дней громилъ нововводителей и, наконецъ, успокоилъ городъ. Но успокоеніе было только слѣдствіемъ уваженія къ Лютеру, а не слѣдствіемъ убѣдительности его доводовъ. Ему пришлось возстать противъ чистаго религіознаго одушевленія, которое его противники хотѣли внести во всѣ частности жизни. Ему пришлось назвать пророчества Шторха просто-на-просто сатанинскимъ наважденіемъ [2]). Онъ волей-неволей долженъ былъ сдѣлать обоюдуострое заявленіе, что въ богослуженіи католической церкви есть обряды, которые слѣдуетъ уничтожить, но въ большинствѣ для христіанина все равно, исполняетъ ли онъ ихъ, или нѣтъ: «отъ уменьшенія внѣшнихъ обрядовъ и уничтоженія образовъ не зависитъ спасеніе души» [3]), т. е. онъ допустилъ въ религіи область безразличнаго, что всегда бываетъ рискованнымъ. Этими доводами онъ заставилъ молчать, но не могъ заставить убѣдиться. Также мало убѣдительны были и другія мѣры, какъ, напримѣръ, запрещеніе университетомъ новой книги Карльштадта. Книги запрещать было легко, но трудно было заставить людей не вѣрить этимъ книгамъ. Это было то самое оружіе, которое пускалось въ ходъ и противъ самого Лютера католичествомъ: вездѣ, гдѣ пребывалъ Карлъ V, по всѣмъ нидерландскимъ городамъ, сочиненія Лютера сжигались на рыночныхъ площадяхъ, и императоръ иронически улыбался, глядя на эти костры и воображая, что уничто-

[1]) *L. Keller*, S. 17—18; *K. Hase*, S. 21; *E. Ranke*, B. II, S. 7—26.

[2]) Сюдръ въ своей исторіи коммунизма называетъ Шторха «однимъ изъ *учениковъ* Лютера», а далѣе говоритъ о Карльштадтѣ, какъ объ *учителѣ* и другѣ Лютера. (*Sudre*. «Histoire du communisme». Paris. 1848, pp. 100—101). И то, и другое совершенно невѣрно: Шторхъ не былъ ученикомъ Лютера, Карльштадтъ не былъ его учителемъ и едва ли ихъ можно назвать друзьями, такъ какъ они дѣйствовали болѣе или менѣе заодно только въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ.

[3]) *Erbkam*. «Karlstadt» («R.-E.», 528).

женіе книгъ равняется уничтоженію ученія [1]). Самъ Лютеръ очень мѣтко выразился объ уничтоженіи книгъ: «Конечно, я знаю, искусство и злодѣяніе двѣ разныя вещи, и я не уважаю неискуснаго злодѣянія: но сожиганіе книгъ дѣло такое легкое, что имъ могутъ заниматься даже дѣти, не говоря уже о святомъ отцѣ и его великихъ ученыхъ, которымъ, по моему мнѣнію, приличнѣе бы дѣлать что-нибудь поискуснѣе, чѣмъ жечь книги [2])». Это не помѣшало ему самому сжечь 10 декабря 1520 года буллу папы и нѣкоторыя сочиненія Эка, а теперь уничтожить книгу Карльштадта. Но появленіе нововводителей охватило его ужасомъ: спасая свое собственное дѣло, какъ любимое дитя, онъ былъ готовъ на все; онъ не только сжигалъ книги, не только говорилъ цыккауцамъ: «Покарай тебя Богъ, сатана»,—онъ смѣло ставилъ на карту свою собственную жизнь, нарушивъ свое инкогнито, явившись въ Виттенбергъ безъ охраны, слыша отъ курфирста, что послѣдній не можетъ оградить его жизни отъ насилія. Именно въ это время были произнесены его знаменитыя слова: «я болѣе желаю охранить вашу милость, чѣмъ вы можете охранить меня» [3]). Въ такія минуты трудно быть разборчивымъ на слова и средства. Борьба Лютера съ нововводителями была тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ яснѣе сознавалъ онъ самъ, что эти люди плоть отъ плоти его, кость отъ костей его; что они только пошли далѣе его, высказывая громко идеи, быть-можетъ, бродившія и въ его головѣ въ молодые годы и откинутыя только ради ихъ неисполнимости, что эти люди не шли на тѣ сдѣлки, въ которыя, въ концѣ-концовъ, отчасти изъ чисто-практическихъ расчетовъ и соображеній вошелъ и долженъ былъ войти онъ. На сторонѣ этихъ людей была логическая послѣдовательность, на сторонѣ Лютера была практическая сдержанность. Лютеръ и его приверженцы сразу поняли страшное значеніе перекрещенцевъ и говорили про нихъ, что «это змѣи въ раю новой церкви», что «они вышли изъ нашей среды, но они не наши», что «тамъ, гдѣ Богъ строитъ церковь, чортъ рядомъ часовню ставитъ» [4]).

Перекрещенцы, такимъ образомъ, явились радикалами и революціонерами реформаціи: она казалась имъ недостаточ-

---

[1]) *Ranke*, II, S. 7.
[2]) *В. Шлоссеръ*, IV, стр. 380.
[3]) *Dr. Plitt*. «Martin Luther». Leipzig. 1883, S. 245.
[4]) *K. Hase*, S. 2.

пой, они хотѣли пополнить, закончить ее не только въ религіозной сферѣ, но, насколько возможно, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ, такъ какъ библію они считали и гражданскимъ сводомъ законовъ. Именно это-то обстоятельство и послужило впослѣдствіи главною причиной кровавой расправы съ этими людьми. Остановить рѣчами и проповѣдями движеніе перекрещенцевъ Лютеру, да и кому бы то ни было,—было не подъ силу, такъ какъ оно вполнѣ отвѣчало вопросамъ и надеждамъ народныхъ массъ. Тщетно были изгоняемы повсюду Шторхъ и его друзья; за ними явились Ѳома Мюнцеръ, Книппердолинкъ, Іоганнъ Бокгольдъ, и проповѣдь этихъ людей касалась, главнымъ образомъ, вовсе уже не теоретическихъ, но чисто религіозныхъ вопросовъ, такъ какъ многіе изъ этихъ людей менѣе всего заботились объ этой сторонѣ движенія. Они были бойцами, главнымъ образомъ, на почвѣ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Съ новою силой было не легко считаться и считаться приходилось не рѣчами съ каѳедры, а мечомъ въ открытомъ полѣ. Когда эту силу подавили огнемъ и мечомъ, перекрещенство потеряло свое первоначальное значеніе, сдѣлавшись одною изъ сотенъ мирныхъ, чисто религіозныхъ, мало привлекательныхъ сектъ.

V.

Мюнцеръ простился съ Цвиккау въ концѣ апрѣля 1521 года и, до прибытія въ Виттенбергъ, нѣкоторое время путешествовалъ по средней Германіи «слова ради», какъ онъ писалъ одному изъ своихъ друзей [1]).

Предыдущая его дѣятельность уже составила ему нѣкоторую извѣстность, и потому всюду къ нему примыкали люди изъ партіи движенія. Въ сентябрѣ того же года мы видимъ его въ Богеміи, и именно въ Заацѣ, гдѣ ютились «богемскіе братья» или, какъ ихъ тогда называли, «пикарды» [2]). Тутъ были и другія подобныя секты, искавшія здѣсь убѣжища отъ преслѣдованій. Слухи о Лютерѣ достигли уже и сюда; всѣ ждали, что нѣмцы будутъ содѣйствовать поднимавшемуся религіозному движенію. Такимъ образомъ, эта мѣстность вообще давала, повидимому, хорошую почву для религіозной пропаганды и агитаціи. Вслѣдствіе этого не удивительно, что Мюнцеръ былъ сначала принятъ въ

[1]) *J. Seidemann*, 122.
[2]) *Ibid.* Beil 14.

Богеміи хорошо. Это обстоятельство дало ему смѣлость дѣйствовать прямо и открыто. Уже 1 ноября въ Прагѣ появляется его Anschlag, гдѣ онъ, объявляя, что онъ не могъ научиться истинной вѣрѣ отъ монаховъ и поповъ, излагаетъ свои взгляды на откровеніе Божіе и на ученіе слова Божія и грозитъ наказаніемъ всѣмъ обманывающимъ народъ. Довольно многословный и спутанный по слогу, этотъ документъ отличается рѣзкостью по мысли, но это еще не революціонная прокламація. Затѣмъ, въ концѣ ноября, Мюнцеръ издаетъ въ Прагѣ свой манифестъ, обращенный къ жителямъ Богеміи. Въ этомъ манифестѣ уже вполнѣ сказались радикальные взгляды Мюнцера. Онъ пишетъ: «Возлюбленные братья Богеміи! Я хочу согласно съ великимъ поборникомъ Христа, Іоанномъ Гусомъ, огласить храмъ новымъ гимномъ. Горе лживымъ священнослужителямъ, не признававшимъ никогда сущности христіанства! Самъ Богъ проклинаетъ ихъ и ихъ кражу Его слова и придетъ судить ихъ, такъ какъ они обманывали Его народъ. Въ самомъ скоромъ времени обрушится на нихъ страшный гнѣвъ Божій за то, что они осквернили цѣль вѣры — свободу; а они должны были бы быть твердою стѣной для народа Божія. Евангелія ради, разгромитъ Онъ ихъ Своимъ громомъ, такъ какъ никто въ мірѣ не вредитъ такъ Святому Духу и живому слову, какъ безполезные священнослужители христіанъ. Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось на нихъ пророчество Іереміи: «Дѣти просили хлѣба, и никто не далъ имъ его». Эти несправедливые, нечестивые домоправители подобны аистамъ, жадно собирающимъ въ поляхъ и лужахъ лягушекъ, чтобы высыпать ихъ въ гнѣзда своимъ дѣтенышамъ; такъ они сбираютъ слово Божіе изъ книгъ, проглатываютъ сырыя буквы и набиваютъ ими желудки. Они не знаютъ, что означаетъ Богъ, вѣра, христіанская добродѣтель, добрыя дѣла. Вѣчно ссылаются они на мертвую букву. «Такъ сказалъ Христосъ, такъ у Павла, такъ у апостоловъ», говорятъ они, вмѣсто стремленія убѣдиться разумомъ. Нелѣпый обычай бросать нищимъ и вопрошающимъ мертвую букву введенъ лѣнью священнослужителей. Полный скорби и состраданія, оплакиваю я отъ всей души гибель истинной церкви Божіей. Среди ея развалинъ христіанство не видитъ египетской тьмы, охватившей его. Болѣе Господь не можетъ наказать церковь, развѣ только стереть ее съ лица земли. Я часто и много читалъ исторіи древнихъ отцовъ; я находилъ церковь не-

занятнанной и дѣвственною послѣ смерти непосредственныхъ учениковъ апостольскихъ. Занятнана и осквернена она была среди ремесленичества и торгашества невѣрныхъ, приносящихъ жертвы священнослужителей. Когда народъ отказался отъ избранія священниковъ, тогда начался обманъ, тогда перестало ученіе церкви соотвѣтствовать слову Божію. Оно вдалось въ дѣтскіе крики, въ фантастическія обрядности, во все, достойное грудныхъ ребятъ. Но радуйтесь! Всходы вашихъ полей склоняются и бѣлѣютъ, готовые для жатвы. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день, и я точу свой серпъ, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ величайшую истину и уста мои проклянутъ безбожниковъ, для обличенія и истребленія которыхъ я переступилъ ваши границы, о, возлюбленные богемскіе братья! Я стремлюсь только къ тому, чтобы вы восприняли живое слово, въ которомъ я живу и дышу, чтобъ оно не было безплоднымъ. Не мѣшайте и помогите мнѣ, чтобы ваши молебствующіе священнослужители устранились. Я обѣщаю вамъ великія почести и славу. Здѣсь возникнетъ и распространится въ міръ апостольская церковь. Спѣшите же навстрѣчу не мнѣ,—я не ищу отъ васъ никакой пользы,—но ея слову, распространеніе котораго будетъ быстро. Церковь молится не нѣмому Богу, но живому и говорящему. Если я солгу въ живомъ словѣ Господа, исходящемъ нынѣ изъ моихъ устъ, то пусть постигнетъ меня участь Іереміи, и я самъ отдаю себя на муки въ настоящей и будущей жизни» [1]). Въ наше время какъ-то непривычно читать воззванія, написанныя съ такою рѣзкостью; но, какъ мы уже указали, въ то время и языкъ Лютера отличался не меньшею грубостью: этотъ тонъ былъ въ духѣ времени, это былъ тогдашній «способъ выраженія». Тѣмъ не менѣе, нужно было имѣть не мало рѣшимости, чтобъ обратиться съ подобнымъ манифестомъ, даже и въ то время, къ чужому народу, въ чужой странѣ. «Но,—говоритъ Циммерманъ:—Мюнцеръ—вполнѣ юноша, полный довѣрія къ себѣ, безразсудно-отважный юноша; у него нѣтъ ничего, кромѣ самого себя, вѣры въ свое предназначеніе и убѣжденія, что настало время дѣйствовать» [2]). Только съ этою вѣрой и можно было вести ту жизнь, которую велъ онъ, безъ отдыха, среди нужды, безъ своего угла. Но Мюнцеръ обманулся въ

---

[1]) *Seidemann*, 122.
[2]) *В. Циммермана*, I, 180.

своихъ расчетахъ; его манифестъ встрѣтилъ въ Прагѣ не только ревнивый отпоръ со стороны каликстинцевъ, но даже навлекъ на автора гоненіе. Вліятельныя лица въ Прагѣ испугались и рѣчей Мюнцера, и его самого: здѣсь могли мечтать о реформаціи, но революція вызвала только страхъ. Мюнцеръ долженъ былъ удалиться изъ города.

Отправившись въ дальнѣйшее путешествіе, Мюнцеръ посѣтилъ Бранденбургъ, потомъ въ 1522 году Виттенбергъ, гдѣ и произошли уже извѣстные намъ безпорядки, куда дважды долженъ былъ являться Лютеръ для усмиренія волненія. Здѣсь Мюнцеръ тѣсно сблизился съ Карльштадтомъ, окончательно порвалъ связь съ Лютеромъ и удалился въ Нордгаузенъ. Въ 1523 году онъ получилъ мѣсто священника въ маленькомъ городкѣ Алштедтѣ въ Тюрингіи. Онъ нашелъ въ городѣ преданную ему паству и товарища по службѣ, Симсона Гаферица, раздѣлявшаго его убѣжденія. Мало того, онъ нашелъ здѣсь семейное счастіе съ любимою подругою жизни, монахиней, оставившей монастырь [1]). Но, несмотря на возможность устроиться здѣсь болѣе или менѣе спокойно, несмотря на свою женитьбу, Мюнцеръ продолжалъ стремиться къ агитаціи, стараясь теперь, главнымъ образомъ, подорвать авторитетъ Лютера, чтобы добиться широкихъ реформъ. Никогда не сознавалъ Мюнцеръ такъ ясно, какъ теперь, что Лютеръ является не только самымъ главнымъ, но и самымъ сильнымъ врагомъ этихъ реформъ; значитъ, прежде всего нужно было подорвать его авторитетъ, развѣнчать, свергнуть его съ пьедестала. Этимъ и занялся теперь Мюнцеръ. Тайныя типографіи печатали его летучіе листки, тайные агенты разносили ихъ повсюду; эти же агенты вербовали ему сообщниковъ; въ самомъ Алштедтѣ онъ вводилъ реформы. Лютеру доносилось обо всемъ и онъ, властный, распоряжающійся дѣлами церкви, обуздывающій увлеченія забѣгавшихъ слишкомъ далеко новаторовъ, потребовалъ Мюнцера къ отвѣту въ Виттенбергъ. Мюнцеръ не явился. Тогда Лютеръ, по своему обыкновенію, обратился съ жалобой къ властямъ. Власти колебались: курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый оказывался всегда нерѣшительнымъ, когда приходилось быть судьею въ религіозныхъ спорахъ; ему все казалось, что онъ въ этихъ случаяхъ идетъ противъ самого Бога. Народъ же стекался въ Алштедтъ слушать проповѣди Мюнцера, какъ на богомолье.

---

[1]) *Seidemann*, 21—22.

Въ началѣ 1524 года въ алштедтскій замокъ прибылъ самъ курфирстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый и его братъ Іоаннъ. Мюнцеръ воспользовался случаемъ, чтобы сказать предъ ними проповѣдь и призвать ихъ къ себѣ на помощь. Именно въ это время у него еще было горячее убѣжденіе, что въ борьбѣ противъ старыхъ золъ должны участвовать всѣ. «Правителей и господъ нужно также приглашать вступать въ союзъ. Должно братски вспоминать о нихъ. Изгонять ихъ и убивать слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если-бъ они отказались вступить въ союзъ и сдѣлаться гражданами новаго царства». «Драгоцѣнные и любезнѣйшіе правители, — говорилъ онъ курфирсту Фридриху и герцогу Іоанну:—если вы видите и понимаете бѣдствія христіанства, то вами должно овладѣть такое же рвеніе, какъ царемъ Іуемъ. Поэтому долженъ возстать новый Даніилъ и показать вамъ откровеніе, и пророкъ этотъ долженъ, какъ учитъ Моисей, стать во главѣ народа. Онъ примирить гнѣвъ государей и негодующаго народа. Господь говоритъ: «Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечомъ». Но на что вамъ мечъ?—На то, чтобъ истреблять и удалять злыхъ, препятствующихъ Евангелію, вотъ что вы должны дѣлать, если хотите служить Богу. Христосъ воистину приказалъ: «Возьмите моихъ враговъ и умертвите ихъ предо Мною!» [1]) За что?—А за то, что они испортили правленіе Христа. Противящихся откровенію Божію слѣдуетъ истребить безъ всякой пощады, какъ истребили Гискій, Іосія, Даніилъ и Илія жрецовъ Вааловыхъ; иначе христіанская церковь не возвратится къ прежнему положенію своему. Необходимо во время жатвы выполоть дурную траву изъ вертограда Божія. Богъ сказалъ: «Не жалѣйте безбожниковъ, разбейте алтари ихъ, разсѣйте идоловъ ихъ и сожгите ихъ, дабы Я не разгнѣвался на васъ!» [2]). Въ этомъ духѣ была проповѣдь Мюнцера въ алштедтскомъ замкѣ. Онъ убѣждалъ истребить идолослуженіе и ввести силой Евангеліе. «Если государи не истребятъ безбожниковъ, то Богъ отниметъ у нихъ мечъ. Вся община имѣетъ силу меча, который хочетъ править самъ, и ему дана вся власть на небѣ и на землѣ. Земля полна тщеславными лицемѣрами и нѣтъ ни одного смѣлаго человѣка, который рѣшился бы высказать истину». Указывая въ очень прозрачныхъ и рѣзкихъ намекахъ на нерѣ-

---

[1]) Ев. отъ Луки, 19, 27.
[2]) *Пиммерманъ* I, 181—128.

нительность и лицемѣріе Лютера, подразумѣвая его подъ именемъ «тихони» и «откормленной свиньи», Мюнцеръ требовалъ не полумѣръ, а радикальнаго переворота [1]). Намъ странно теперь читать эти обращенія къ князьямъ и властителямъ, призывающія ихъ самихъ принять горячее участіе въ дѣлѣ оттачиванія оружія противъ нихъ же. Но таковы были тогда времена: мы указывали, что говорилъ Лютеръ о князьяхъ и властителяхъ, а между тѣмъ въ ихъ средѣ нашлись искренніе его друзья. Вслѣдствіе этого, нечего удивляться наивности Мюнцера и нечего удивляться снисходительности его слушателей-князей. Нерѣшительный курфирстъ не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ Мюнцера послѣ проповѣди послѣдняго, не засадилъ въ тюрьму, не изгналъ изъ города. Можно даже было думать, что смѣлая выходка сошла совершенно безнаказанно для проповѣдника. Но гроза была уже близка. Лютеру пересылали печатаемыя Мюнцеромъ брошюры и доносили о преслѣдованіи иконъ, начатомъ Карлыштадтомъ въ Орламюнде, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто Карлыштадтъ. Дошла до Лютера и проповѣдь Мюнцера. Она не могла не возмутить великаго реформатора, оберегавшаго свое собственное дѣло отъ всякихъ крайнихъ выходокъ. Молчать Лютеръ не могъ. Онъ писалъ: «Кулакамъ воли не давать, или вонъ изъ государства! Вотъ что должны сказать государи пророкамъ. Дьяволъ дѣйствуетъ черезъ смятеніе умовъ». Меланхтонъ писалъ: «Они обращаютъ Евангеліе на служеніе мірской политикѣ». Правители волей-неволей должны были уступать. Они запретили Мюнцеру печатать его летучіе листки и въ маѣ 1524 года призвали его къ отвѣту въ Веймаръ. Мюнцеръ выпутался на этотъ разъ довольно счастливо. Но уже въ іюнѣ близъ Алштедта въ Мальдербахѣ произошло новое тревожное событіе: возмутившійся народъ сжегъ часовню, гдѣ было чудотворное изображеніе св. Маріи. Во время борьбы противъ иконъ вообще, борьба противъ чудесъ, совершаемыхъ иконами, конечно, была еще ожесточеннѣе, и фактъ сожженія этой часовни не былъ единичнымъ, не могъ быть приписанъ исключительно вліянію Мюнцера. Но теперь ему все уже ставилось на счетъ. Въ то же время разнеслись слухи, что Мюнцеръ основалъ тайный союзъ, что заговоръ охватилъ всю Тюрингію, что предполагается истребить паиистовъ и власти. Этотъ слухъ не былъ ложью. Въ Мюнцерѣ произо-

[1]) *Koestlin.* «Martin Luther». 1875, I, 709.

шелъ извѣстный переворотъ: какъ послѣ посѣщенія Виттенберга онъ убѣдился, что нельзя надѣяться на Лютера, что, прежде всего, нужно пошатнуть его авторитетъ, такъ послѣ встрѣчи съ курфирстомъ и его братомъ Мюнцеръ убѣдился, что ему нечего надѣяться и на правителей. Теперь онъ уже понялъ, что правители и господа никакъ не станутъ дѣйствовать съ нимъ заодно, и уже прямо взывалъ къ народу, и только къ народу: «Любезные товарищи, я хочу порасширить дыру, чтобы весь міръ могъ черезъ нее увидѣть и понять, каковы наши больніе Иваны, что это за гадкія чучела». Онъ пишетъ, что Богъ говоритъ его устами, что онъ поставленъ надъ людьми и царствами, чтобъ онъ «кололъ, разбивалъ и опустошалъ, сооружалъ и сѣялъ». «Міру приходится выдержать великій ударъ; начнется игра, которая ниспровергнетъ безбожныхъ съ престола и возвыситъ униженныхъ» [1]). Опасность отъ подобныхъ воззваній была велика. Это долженъ былъ сознавать даже курфирстъ саксонскій. Дѣло шло не о религіи, а прямо о политической революціи.

Мюнцеръ долженъ былъ снова явиться 1 августа въ Веймаръ на допросъ. Этотъ допросъ должно былъ быть тяжелъ: изъ залы совѣта Мюнцеръ вышелъ блѣдный, какъ мертвецъ. Изъ за́мка вышли каноники, смѣясь надъ нимъ. Мальчишки-конюхи кричали ему: «Гдѣ же твой духъ и твой Богъ?» Алштедтскій амтманъ Гансъ Цейсъ спросилъ его: «Ну, что?» — «Да то,—отвѣтилъ Мюнцеръ:—что мнѣ приходится отправиться въ другое государство». И онъ направился въ Алштедтъ, питая надежду на поддержку горожанъ. Однако Алштедтъ не вступился за своего проповѣдника; преданъ ему былъ только простой народъ; бюргеры же, смущенные и испуганные, требовали его удаленія. Была минута, когда Мюнцеръ думалъ еще остаться въ городѣ и защищаться вооруженною силою, если на него нападутъ; онъ даже вооружился для этой цѣли, но тотчасъ же понялъ невозможность борьбы и направился въ Мюльгаузенъ. Едва онъ прибылъ туда, какъ городской совѣтъ получилъ письмо Лютера, предостерегавшее власти противъ бунтовщика [2]).

Послѣдніе дни болѣе или менѣе спокойной жизни кончились для Мюнцера: за нимъ уже зорко слѣдили; противъ него предостерегали еще не знавшихъ его людей. Онъ самъ

---

[1]) *Циммерманъ*, I, 186—187.

[2]) *A. Schmidt.* «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» IV. 1845. S. 365—394. Ст. Гольцгаузена.

уже не надѣялся ни на Лютера, ни на князей, а ждалъ спасенія только отъ народнаго возстанія.

VI.

Какъ тревожно было настроеніе умовъ въ эту тяжелую эпоху, это мы видимъ изъ суевѣрныхъ разсказовъ того времени, передаваемыхъ Циммерманомъ. Разсказывали, что въ 1523 году въ Мюльгаузенѣ на небѣ показывались чудесныя явленія, а въ позднюю осень вторично цвѣли розы и деревья. Въ другихъ мѣстахъ говорили, будто бы видѣли на солнцѣ три круга и внутри ихъ горящій факелъ; на лунѣ представлялись два круга, а внутри крестъ. Въ Венгріи, будто бы, видѣли ночью на небѣ двѣ вѣнчанныя головы, сражавшіяся другъ съ другомъ; на Рейнѣ слышали въ самый полдень въ воздухѣ смятеніе и громъ оружія, какъ будто отъ сраженія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у животныхъ рождались необыкновенные уроды. Въ одномъ мѣстѣ видѣли бой между аистами, въ другомъ—между воронами и галками. Распространился слухъ о землетрясеніяхъ въ южныхъ земляхъ; въ Швабіи, Баваріи и Австріи свирѣпствовали повальныя болѣзни: въ Кемптенѣ, въ Альгау, отъ 1521 и до 1526 г., умерло болѣе 1.600 человѣкъ. Ко всему этому прибавились еще проливные дожди и кометы; времена года перепутались: въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ зима была однажды такъ тепла, что бѣдный народъ ходилъ на босу ногу, какъ въ Михайловъ день; червяки и бабочки ползали и летали точно лѣтомъ; въ февралѣ цвѣли вишни, а на деревьяхъ всѣ почки разбухли и начали развертываться. Къ Святой же вдругъ настала холодная зима; вслѣдствіе сильныхъ бурь и непогодъ плоды были значительно побиты и во всемъ Оберландѣ простой народъ впалъ въ крайнюю нужду. Все это считали предзнаменованіемъ чего-то необыкновеннаго. Но и безъ всякихъ явленій и пророчествъ весь порядокъ вещей, продолжавшійся уже много лѣтъ, предвѣщалъ важный переворотъ. Предсказаніями занимался не только народъ, но и сама высокая наука, которую тогда уважали и которой удивлялись,—сама астрологія признала 1524 годъ за предѣлъ, послѣ котораго долженъ совершиться неслыханный доселѣ переворотъ. «Астрологи, быть-можетъ, говорятъ правду,—писалъ въ началѣ 1520 г. баварскій канцлеръ Экъ своему герцогу.—Трудно предполагать, чтобъ огонь, воспламеняющійся повсюду въ настоящее время, утихъ, не произведя никакого опустошенія». Одна народная поговорка,

распространенная издавна, говорила слѣдующее: «кто въ 1523 г. не умретъ, въ 1524 г. не утонетъ, а въ 1525 г. не будетъ убитъ, скажетъ, что съ нимъ случилось чудо»[1]). Не трудно понять, какое впечатлѣніе производили на народъ всѣ эти явленія, если мы вспомнимъ, что въ тѣ времена самъ Меланхтонъ писалъ: «Въ Римѣ родилась лошадиха, а въ окрестностяхъ Аугсбурга родился двухголовый ребенокъ, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на великую перемѣну въ нашемъ обыкновенномъ строѣ жизни». Потомъ онъ же, излагая біографію Іоанна Регимонтануса, говоритъ: «Такъ какъ я знаю, что на человѣка вліяютъ небесныя явленія, то я долженъ указать, подъ какимъ созвѣздіемъ онъ родился» [2]).

Такое настроеніе умовъ бываетъ только въ самыя смутныя времена, когда броженіе дѣлается повсемѣстнымъ и всеобщимъ; близость грозы предчувствовалъ Лютеръ. Уже въ 1522 году онъ писалъ: «Народъ всюду волнуется и все видитъ; онъ не хочетъ, не можетъ позволить такъ угнетать себя долѣе». Дѣйствительно, куда бы мы ни взглянули въ области, гдѣ совершалось реформаціонное движеніе, вездѣ мы увидимъ вспышки народныхъ волненій и возстаній. Въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Мюльгаузенѣ, произошла безкровная революція, свергнувшая въ городѣ аристократію и замѣнившая ее демократіей въ управленіи; въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Вальдгута, открыто возставшіе крестьяне создаютъ «евангельское братство», положившее цѣлью повиноваться только императору и никому болѣе. Не перекрещенцы, не Мюнцеръ начали это движеніе: народъ страдалъ такъ сильно, что могъ возстать и безъ подстрекателей. Но именно въ это время изгнанный изъ Алштедта Мюнцеръ и его ученики проходятъ по волнующимся областямъ и принимаютъ участіе въ дѣлѣ народа.

Пробывъ недолго въ Мюльгаузенѣ, Мюнцеръ тѣсно сблизился съ Пфейферомъ, бывшимъ монахомъ въ рейнфельштейнскомъ монастырѣ, краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, только-что произведшимъ переворотъ въ Мюльгаузенѣ. Изъ Мюльгаузена Мюнцеръ направился въ Нюрнбергъ, «не для возмущенія народа, а для печатанія книгъ», въ которыхъ безпощадно побивался Лютеръ: *Вавилонская блудница, Дь-*

---

[1]) *Hast.* „Geschichte der Wiedertaüfer". Muenster, 1836. S. 37.
[2]) *Циммерманъ.* I, 190, 247, 248.

ница Мартинъ, Докторъ Враль, Виттенбергскій папа, Драконъ, Левъ, Василискъ,—подорвать авторитетъ Лютера было теперь нужнѣе всего въ началѣ возстанія. Изгнанный изъ Нюрнберга, Мюнцеръ входитъ въ сношенія съ швейцарскими перекрещенцами, только-что возникающею сектой. Затѣмъ мы видимъ его въ Клеггау и Гегау и, можетъ-быть, именно въ это время онъ входитъ въ сношенія съ Гюбмейеромъ, вальдсгутскимъ реформаторомъ. Въ своихъ признаніяхъ передъ смертью Мюнцеръ говоритъ, что онъ «избралъ эту страну, чтобъ узнать тамошнее положеніе дѣлъ, воспользоваться оберландскимъ возстаніемъ и распространить границы преданныхъ ему областей; возстаній же здѣсь онъ не производилъ, такъ какъ они уже произошли раньше»[1]). Пфейферъ прибылъ сюда нѣсколько раньше, Мюнцеръ—позднѣе. Всюду подготовляя почву къ возстаніямъ, раздувая уже вспыхнувшій пожаръ, Мюнцеръ является вдохновителемъ крестьянъ, и если не диктуетъ имъ программы требованій, то во всякомъ случаѣ является «вдохновителемъ», при помощи котораго составились знаменитые двѣнадцать тезисовъ крестьянъ, обобщившіе въ одно болѣе или менѣе стройное цѣлое всѣ требованія народа. Прежніе тезисы, представляемые народомъ, были менѣе сжаты и ясны, чѣмъ эти. Кто написалъ ихъ? Одни утверждаютъ, что Пфейферъ [2]); но тезисы появились въ мартѣ 1525 года, когда Пфейферъ и даже Мюнцеръ уже удалились изъ Швабіи. Другіе говорятъ, что авторомъ ихъ былъ бывшій пфальцграфскій канцлеръ Фукштейнеръ [3]); Веберъ же замѣчаетъ, что эти тезисы «во всякомъ случаѣ были набросаны въ кружкѣ Мюнцера и Гюбмейера» [4]). Но, какъ бы то ни было, Мюнцеръ въ своемъ предсмертномъ признаніи заявилъ, что онъ не составлялъ этихъ тезисовъ, но «выписалъ изъ Евангелія нѣкоторыя положенія относительно управленія», т. е. внесъ въ эти тезисы свою ленту, и, конечно, внесенное имъ было самымъ существеннымъ. Другимъ принадлежала только редакція.

Обращаясь къ христіанскому читателю, этотъ манифестъ говоритъ: «Многіе лицемѣрные христіане по поводу настоящаго соединенія крестьянъ изрыгаютъ хулы на Евангеліе и

---

[1]) *Seidemann*, 152.
[2]) *Циммерманъ*, II, 98.
[3]) *Jörg*. «Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522—1526». Freiburg, 1851. S. 180 und fol.
[4]) *G. Weber*, 57.

говорятъ: «Вотъ каковы плоды новаго Евангелія: никому не повиноваться, повсемѣстно безчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежническими скопищами для того, чтобы реформировать, гонять, даже, быть-можетъ, умерщвлять духовныя и свѣтскія власти». Отвѣтомъ на эти безпутныя и лживыя обвиненія должны служить нижеслѣдующіе тезисы, написанные съ цѣлью снять клевету съ слова Божія. Во-первыхъ, Евангеліе не виновато въ мятежахъ и волненіяхъ, потому что оно вышло изъ устъ Христа, обѣтованнаго Мессіи, котораго слово и жизнь поучаютъ только любви, миру, долготерпѣнію и единенію (Римл. 2); всѣ вѣрующіе во Христа должны жить въ любви, мирѣ и согласіи, а потому всѣ тезисы крестьянъ, какъ всякій ясно увидитъ, направлены только къ тому, чтобы внушить крестьянамъ истинныя евангельскія правила и научить ихъ жить сообразно съ этими правилами. Какимъ же образомъ лицемѣрные христіане могутъ считать Евангеліе причиной неповиновенія? Если есть между христіанами такіе лицемѣры и враги Евангелія, которые съ упорствомъ возстаютъ противъ всѣхъ нашихъ требованій и желаній, то въ этомъ виновато не Евангеліе, а виноватъ дьяволъ, заклятый врагъ Евангелія; онъ-то и вовлекаетъ своихъ сыновъ въ преступленія, возбуждая въ нихъ невѣріе для того, чтобы слово Божіе,—слово любви, мира и единенія,—окончательно заглохло и было предано забвенію. Во-вторыхъ, отсюда слѣдуетъ ясно и безспорно, что крестьяне, желающіе въ своихъ тезисахъ строго придерживаться евангельскихъ правилъ, не могутъ быть названы непокорными и мятежными. Если Господь услышитъ молитву крестьянъ, желающихъ только одного—жить по Его слову, то кто осмѣлится тогда порицать волю Божію? (Римл. 11). Кто осмѣлится вмѣшиваться въ Его судъ? (Ис. 40). Кто осмѣлится противиться Его величію? (Римл. 8). Если Онъ внялъ моленіямъ сыновъ Израилевыхъ, взывавшихъ къ Нему о помощи, и освободилъ ихъ отъ руки фараона, то развѣ Онъ не можетъ и теперь спасти своихъ людей? Да, Онъ пошлетъ имъ свое спасеніе, и пошлетъ немедленно (2 Моис. 3, 14; Лука 18, 8). Итакъ, христіанинъ, читай эти тезисы и глубже вникай и обсуждай ихъ. Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ и единодушно желаемъ, чтобы отнынѣ насъ не лишали нашихъ правъ и преимуществъ, чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника (1 Тимоо. 3) и чтобы прихожане имѣли право смѣнять его, если онъ поступаетъ не по закону (Тит. 1). Выбранный

пастырь долженъ проповѣдывать Евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ своихъ прибавленій, мудрствованій и выпусковъ (Дѣян. Апост. 14). Когда намъ будетъ постоянно проповѣдуема истинная вѣра, мы пріобрѣтемъ право просить у Господа, чтобы Онъ ниспкалъ насъ Своею благодатью, посеилъ и усугубилъ въ насъ живую вѣру (5 Моис. 31). Если благодать Божія не вселится въ насъ, то мы навсегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5 Моис. 10; Іоаннъ 6); въ Писаніи ясно говорится, что только истинная вѣра можетъ приблизить насъ къ Богу, и что спасеніе наше въ Его милосердіи (Галат. 1). Мы нуждаемся въ достойномъ предстателѣ и духовномъ отцѣ, который былъ бы наученъ Писанію такъ, какъ это мы высказали. Во-вторыхъ, несмотря на то, что справедливая десятина, установленная въ *Ветхомъ Завѣтѣ*, была отмѣнена въ *Новомъ*, мы все-таки, охотно будетъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу, въ пользу Его служителей (Евр: Ис. 190). Если въ ней будетъ нуждаться священникъ, проповѣдующій, какъ слѣдуетъ, слово Божіе, то мы спорить не станемъ; пусть тогда эту десятину собираютъ и получаютъ церковные сборщики, назначаемые общиной, а священникъ, выбранный приходомъ, со всѣми своими домочадцами будетъ пользоваться изъ сбора соотвѣтственною частью, по распоряженію всего прихода; остатокъ долженъ быть подѣленъ между бѣдными прихожанами той же деревни, по мѣрѣ ихъ нуждъ и по усмотрѣнію прихода (5 Моис. 25; 1 Тимоѳ. 5; Матѳ. 10 и Коринѳ. 9), а все, что затѣмъ останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастія или войны; изъ этого-то избытка и слѣдуетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ, не обремѣняя бѣднаго населенія налогами. Если бы случилось, что одна или нѣсколько деревень продали свою десятину по какой-нибудь надобности, то купившій долженъ прежде всего доказать дѣйствительность покупки, и тогда мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, смотря по важности дѣла (Лука 6; Матѳ. 5). Но кто не самъ купилъ у деревни десятину, а получилъ ее отъ предковъ, присвоившихъ ее себѣ силой или хитростью, тому мы не хотимъ и не должны ее давать; мы только обязываемся, какъ сказано прежде, содержать священниковъ и, по Писанію, раздавать милостыню нищимъ. Кромѣ того, мы не хотимъ платить ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины, такъ какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе человѣка

(1 Моис. 1). И потому эту десятину мы считаемъ несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будемъ. Въ-третьихъ, до сихъ поръ было въ обыкновеніи считать насъ чужою собственностью, но это противно Священному Писанію, потому что Христосъ Своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе (Ис. 53; 1 Петр. 1; 1 Корине. 7; «Римл.» 13), начиная отъ послѣдняго пастуха до могущественнѣйшаго монарха. Вотъ почему Священное Писаніе говоритъ, что мы свободны и мы хотимъ быть на самомъ дѣлѣ свободными (Премудр. 6; 1 Петр. 2). Это не значитъ, что мы хотимъ необузданной воли и не признаемъ никакихъ властей. Мы должны жить по заповѣдямъ, а не по внушеніямъ грѣховной плоти (5 Моис. 6; Матѳ. 4); мы должны любить Бога, какъ своего Творца, и признавать Его въ ближнихъ, которымъ мы обязаны доставлять все то, что сами желали бы имѣть, по слову Спасителя на тайной вечери (Лука 4, 6; Мато. 5; Іоанн. 13). Поэтому мы не будемъ нарушать заповѣди Божіей, которая вовсе не говоритъ намъ, чтобы мы не повиновались властямъ. Не только предъ властями, но предъ всякимъ мы должны смиряться (Римл. 31). Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому что законъ Божій (Дѣян. Апост. 5) запрещаетъ намъ это. Итакъ, мы не нарушаемъ покорности, потому и вы должны, съ своей стороны, поспѣшить освободить насъ изъ-подъ ига крѣпостного рабства или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами. Въ-четвертыхъ, до сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ни ловить рыбу въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божіимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знатные господа нарочно держатъ животныхъ, чтобы только повредить намъ и увеличить нашу бѣдность. Эти безсмысленныя твари жадно пожираютъ у насъ все, что Богъ далъ человѣку для его пропитанія, а мы должны молчать, хотя этимъ явно наносится оскорбленіе и Богу, и людямъ. Создавъ человѣка, Господь далъ ему власть надъ всякими животными, надъ птицами, въ воздухѣ летающими, и рыбами, въ водахъ плавающими (Моис. 1; Дѣян. Апост. 19; 1 Тим. 4; 1 Корине. 10; Колос. 2). Поэтому мы желаемъ, чтобы всякій, владѣющій рѣкою или озеромъ, представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія, и тогда пусть владѣетъ,—

мы не станемъ употреблять противъ него насилія: надобно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви и братства. Тотъ же, кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего правовладѣнія, пусть отступится отъ захваченнаго въ пользу общины. Въ-пятыхъ, мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ, онъ принужденъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ дѣйствительно желалъ получить. По нашему мнѣнію, лѣса, на владѣніе которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должно быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать отъ общины безплатно дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производства, разумѣется, только съ вѣдома лицъ, выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пріобрѣтетъ собственность честнымъ путемъ, община должна войти въ соглашеніе съ собственниками, по законамъ христіанской и братской любви. Если же лѣсное имущество было сначала куплено однимъ, а потомъ перепродано другому лицу, то съ покупщиками надобно войти въ соглашенія, какія укажетъ дѣло, по духу братской любви и Священнаго Писанія. Въ-шестыхъ, мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою службой, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе и невыносимѣе. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ Божескимъ Писаніемъ (Римл. 10). Въ-седьмыхъ, мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ; всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены въ условіяхъ между господиномъ и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы и ни другого чего даромъ (Лук. 3; Θесс. 6), такъ, чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянинъ долженъ служить охотно и покорно,—впрочемъ, за извѣстное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ. Въ-восьмыхъ, многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокимъ податнымъ окладомъ, котораго не могутъ взносить изъ имущества; отсюда,

крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взимали оброкъ смотря по ихъ стоимости. Крестьянинъ не долженъ работать для себя безъ выгодъ, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы (Матѳ. 10). Въ-девятыхъ, мы чувствуемъ себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несоразмѣрно съ виною, но злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ, соразмѣрно съ виною, а не пристрастно (Ис. 10; Ефес. 6; Лук. 3; Іерем. 16). Въ-десятыхъ, мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторыя лица присвоили себѣ пашни и луга, принадлежащіе общинамъ. Если эти земли пріобрѣтены въ собственность нечестнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены слѣдуемыя деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣльцами, смотря по важности дѣла. Въ-одиннадцатыхъ, мы хотимъ совершенной отмѣны обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ: мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобъ у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божіей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ, подъ разными видами. Вмѣсто того, чтобы защищать и оберегать насъ, многіе обдираютъ, грабятъ поселянъ, и если бы было у нихъ достаточно силы, то они обобрали бы ихъ до послѣдней нитки. Господь не хочетъ этого долѣе терпѣть, и обычай посмертнаго отобранія долженъ быть отмѣненъ: съ этихъ поръ по смерти лица семейство его никому и ничего не платитъ—ни много, ни мало (5 Моис. 13; Мато. 8, 23; Ис. 10). Въ-двѣнадцатыхъ, мы пришли къ такому рѣшенію: если одинъ или нѣсколько изъ нашихъ тезисовъ не согласны съ словомъ Божіимъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по Писанію. И если даже какой-нибудь изъ нашихъ тезисовъ будетъ признанъ достойнымъ вниманія и названъ справедливымъ, а впослѣдствіи окажется неправильнымъ, то мы немедленно отъ него откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена. Если даже многіе тезисы будутъ найдены противными Богу и вредными для ближняго, то мы всѣ ихъ возьмемъ назадъ и будемъ молить Господа, чтобъ Онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію,

потому что этотъ разумъ исходитъ только отъ Бога, а не отъ кого другого. Благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми вами». Мы выписали весь этотъ характерный манифестъ, такъ какъ тутъ важно не одно его содержаніе,—важенъ и его тонъ. Въ этихъ тезисахъ въ сжатомъ видѣ высказано все то, чего требовали крестьяне. Текстъ манифеста былъ, какъ мы видимъ, написанъ въ умѣренномъ тонѣ, очевидно не рукою Мюнцера, всегда рѣзкаго въ своихъ выраженіяхъ и вдающагося въ безконечныя повторенія. Самыя требованія, въ сущности, сводились на то, что теперь не составляетъ предмета споровъ: люди требовали освобожденія отъ рабства, отъ безправія. Тѣмъ не менѣе власть, духовенство и дворяне, стоявшіе за старое положеніе вещей, не могли согласиться ни на какія уступки. И этихъ уступокъ стали добиваться вооруженною силою.

Мюнцеръ, видя вездѣ возстающій народъ, спѣшилъ изъ Швабіи и съ Дуная въ Мюльгаузенъ. Онъ не могъ стать во главѣ крестьянскихъ возстаній въ чужой странѣ и надѣялся захватить власть въ свои руки на родинѣ. Аресты, преслѣдованія, нищета—ничто не смущало его. Онъ просилъ у своихъ друзей куска хлѣба, говоря имъ, что онъ не возьметъ у нихъ ни одного талера: только бы не умереть съ голода,—вотъ все, что было нужно ему. Нуждаясь въ самомъ необходимомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, быстро и смѣло проповѣдывалъ на пути. Выносливость его была изумительна. Когда онъ прибылъ въ Мюльгаузенъ, почва здѣсь была уже подготовлена Пфейфером, прибывшимъ въ городъ гораздо раньше Мюнцера. Революція въ Мюльгаузенѣ была произведена быстро, безъ кровопролитія. Здѣсь былъ выбранъ новый совѣтъ, носившій названіе «вѣчнаго». Пфейферъ занялъ мѣсто священника въ церкви Св. Николая, Мюнцеръ—священника въ церкви Св. Маріи. Вліятельные люди, представители стараго порядка, прежнее духовенство—бѣжали. Начались разсужденія о составленіи совершенно новаго «христіанскаго правительства», административной и судебной дѣятельности—на новыхъ началахъ.

Какой же новый строй вводило это новое правительство? Проповѣдь Мюнцера была проповѣдью коммунизма. Мюнцеръ понималъ коммунизмъ только въ томъ смыслѣ, какъ его понимали въ первыя времена христіанства: кто имѣлъ много, тотъ обязанъ былъ дѣлиться съ тѣмъ, кто не имѣлъ ничего. Дать необходимое, ѣду и одежду неимѣющимъ, не поощрять даровыми подачками тунеядства, не побуждать людей ни

къ праздности, съ одной стороны, ни къ роскоши—съ другой — вотъ о чемъ мечталъ Мюнцеръ. Онъ самъ подавалъ примѣръ умѣренности и скромности въ жизни. Къ несчастію, все это было превосходно въ теоріи, а на практикѣ пришлось встрѣтиться съ алчностью, съ праздполюбіемъ, съ буйными страстями народа. Масса черни, испорченной и развращенной при старомъ порядкѣ вещей, видѣла въ новомъ строѣ только возможность ничего не дѣлать, грабить монастыри, бражничать. Правда, не изъ одного этого отребья состоялъ народъ, но врагамъ бросались въ глаза безчинства только этой горсти людей, и потому на Мюнцера обрушились впослѣдствіи упреки «за разнузданіе страстей». Обвинители, конечно, не могли въ эту эпоху кровавой борьбы хладнокровно взглянуть на дѣло и понять, что предшествовавшій порядокъ дѣлъ былъ здѣсь нисколько не лучше: теперь грабили дворянъ и богатыхъ духовныхъ лицъ, прежде грабили дворяне и богатыя духовныя лица; теперь бражничала городская чернь, прежде бражничалъ городской beau monde; измѣнились только роли, и измѣнились вовсе не по желанію, хотя и по винѣ Мюнцера. Изъ Мюльгаузена возстаніе быстро стало распространяться по окрестностямъ. Ученики Мюнцера разносили новое ученіе. Пфейферъ велъ списки вступавшихъ въ союзъ членовъ.

Видя повсюду возстающихъ крестьянъ, противъ вліянія Мюнцера стали поднимать громкіе голоса люди, желавшіе водворить миръ. Докторъ Штраусъ, священникъ Вицель, проповѣдникъ Эберлинъ дѣйствовали въ этомъ духѣ, уговаривали крестьянъ положить оружіе, обѣщая имъ, въ случаѣ повиновенія властямъ, льготы и милости. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и нѣкоторые князья и дворяне, не рѣшавшіеся вступить, по той или другой причинамъ, въ открытый бой съ народомъ: народная сила на первыхъ порахъ казалась слишкомъ грозною и непобѣдимою, тѣмъ болѣе, что въ раздробленной Германіи между властями было очень мало согласія и единодушія. Иногда эти попытки мирныхъ сдѣлокъ съ крестьянами удавались. Мюнцеръ болѣе всего боялся этихъ миролюбивыхъ соглашеній. «Хитрость, лицемѣріе и предательство—вотъ самые страшные враги народа», какъ думалъ Мюнцеръ. Онъ удваивалъ свою энергію, обращаясь съ воззваніями къ тѣмъ, кого онъ называлъ: «Дорогіе товарищи въ лохмотьяхъ и съ пустыми желудками, съ челомъ, сморщеннымъ отъ нищеты, и съ загрубѣлыми руками». Имъ онъ писалъ: «Чистый страхъ Божій прежде всего. Долго ли

вы будете еще спать? Долго ли вамъ не понимать воли Божіей? Какъ часто я говорилъ вамъ, что такъ должно быть, Богъ не можетъ болѣе открываться. Вы должны стоять. Не сдѣлаете этого, — тщетны будутъ ваши надрывающія сердце жертвы. Вы должны будете снова терпѣть страданія. Говорю вамъ: не хотите пострадать по волѣ Божіей, будете мучениками по волѣ дьявола. Берегитесь же! Не унывайте, будьте бдительны, не льстите больше безсмысленнымъ мечтаніямъ, безбожнымъ злодѣямъ. Дѣлайте дѣло и боритесь во имя Господа. Время настало. Привлекайте своихъ братьевъ, чтобъ они не издѣвались надъ словомъ Божіимъ, иначе они всѣ погибнутъ. Вся Германія, Франція и Италія поднялись. Начнется музыка, погибнутъ злодѣи. На святой недѣлѣ разрушены четыре монастырскихъ церкви на Фульдѣ. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда возстали въ числѣ 30.000 и ихъ ратъ прибываетъ съ каждымъ днемъ. Я боюсь только, чтобы глупыхъ людей не увлекли фальшивыми договорами, въ которыхъ они не разглядятъ злого умысла. Если васъ будетъ хоть трое твердо вѣрующихъ въ Бога, одушевленныхъ однимъ желаніемъ прославить Его имя и честь, вы не побоитесь и сотни тысячъ человѣкъ. За дѣло, за дѣло,—пора! Злодѣи струсили, какъ псы. Возбуждайте вашихъ братьевъ къ согласію и уговаривайте ихъ снаряжаться. Горе выше мѣры теперь. Скорѣй же, скорѣй за дѣло, за дѣло! Не склоняйтесь, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ дружески молить, стонать, плакать передъ вами, — плакать, какъ дѣти, — не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея [1]). Намъ Онъ открылъ то же. Возбуждайте села и города, въ особенности же горцевъ и другихъ бодрыхъ людей. Мы не должны болѣе спать. Мы должны приняться за дѣло, за дѣло,—пора! Ко мнѣ пришло извѣстіе изъ Зальца, что народъ хотѣлъ выбросить изъ за́мка амтмана герцога Георга за то, что онъ замышлялъ тайно погубить троихъ. Крестьяне Эйхсфельда справились съ своими дворянами; они не хотятъ жить ихъ милостью. Со всѣхъ сторонъ передъ вами много примѣровъ. Принимайтесь же за дѣло,—пора! Бальтазаръ и Бартель, Крупфъ, Фельтенъ и Бишофъ, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашимъ товарищамъ горцамъ. Хотѣлъ бы такъ наставить всѣхъ братьевъ, чтобъ

---

[1]) *Моисей*, 5, 7.

ихъ мужество было тверже всѣхъ замковъ безбожныхъ злодѣевъ во всей странѣ. За дѣло, за дѣло! Желѣзо горячо,—куйте! Пусть ваши мечи не охлаждаются отъ крови. Выковывайте ихъ на наковальнѣ Нимврода; пусть падетъ его башня. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха. Вамъ нельзя говорить о Богѣ, покуда они управляютъ вами. Итакъ, за дѣло, покуда еще не ушло время. Вами предводительствуетъ Богъ. Слѣдуйте за Нимъ. Прочитайте, что сказано у Матѳея. Не робѣйте же, съ вами Богъ,—написано во 2 хрон. Богъ говоритъ вамъ: не бойтесь, вамъ нечего пугаться этой толпы. Не ваша идетъ война, а Господня. Не за себя вы боретесь. Мужайтесь. Вы увидите надъ собою руку Господню. Когда Іосафатъ услыхалъ эти слова, онъ палъ ницъ. Не страшитесь же и вы людей, а вѣруйте въ Бога, крѣпко вѣруйте: Онъ подкрѣпитъ васъ. Аминь. Писано въ Мюльгаузенѣ въ 1525 г. Томасъ Мюнцеръ, Божій воинъ противъ безбожниковъ» [1]). Это были страшные призывы, которыми только и можно было въ этотъ критическій моментъ остановить крестьянъ отъ миролюбивыхъ сдѣлокъ.

Но не одинъ Мюнцеръ страшно боялся миролюбивыхъ сдѣлокъ.

Кромѣ него, былъ еще одинъ человѣкъ въ Германіи, не допускавшій этихъ сдѣлокъ и соглашеній. Это былъ Лютеръ. Видя возставшій народъ, слыша съ ужасомъ, что это результаты начатаго имъ самимъ движенія, могучій реформаторъ испугался и примкнулъ къ крайней правой сторонѣ. Это былъ почти паническій страхъ. Если призывы Мюнцера къ возстанію, обращенные къ угнетенному народу, пугаютъ насъ своею необузданною рѣзкостью, то воззванія Лютера, обращенныя къ князьямъ и проникнутыя не меньшею кровожадностью, пробуждаютъ просто отвращеніе. Лютеръ писалъ: «Ну, ну! ступайте истреблять всѣхъ этихъ крестьянъ, всѣми вашими оружіями, какими располагаете, явно или тайно; убивайте всѣхъ этихъ бѣшеныхъ псовъ скорѣе! Христіанское крещеніе дастъ свободу не смертному тѣлу, но только безсмертной душѣ. Ну, ну! Князь демоновъ, вышедшій изъ ада, вселился въ крестьянъ. Каждый воинъ Христовъ, убитый возставшими, внидетъ въ рай, а каждый крестьянинъ сойдетъ въ адъ... Горе тѣмъ, кто проситъ меня быть умѣреннымъ относительно безсовѣстныхъ крестьянъ: крестьянина, какъ осла, нужно бить, чтобы заставить идти.

[1]) *Циммерманъ*, 200—201; *A. Weill*, 324.

Положите ваши мечи, негодные бунтовщики, склоните ваши преступныя головы до окровавленной земли и кричите о прощеніи, иначе ваши тѣла разорвутся въ клочья воинами Господними, а ваши души — адскими дьяволами [1]). Кто чувствуетъ состраданіе къ людямъ, которыхъ самъ Богъ не жалѣетъ, а хочетъ покарать и погубить, тотъ самъ дѣлается бунтовщикомъ. Когда они погибнутъ, крестьяне научатся благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову, чтобы мирно съѣсть другую, а князья узнаютъ, благодаря возстанію, что̀ кроется въ народѣ, которымъ можно управлять только посредствомъ насилія» [2]). Эта страшная проповѣдь рѣзни не имѣла другого оправданія, кромѣ страха за тѣ церковныя реформы, которыхъ добился Лютеръ. Каспаръ Швенкфельдъ замѣтилъ про него: «Лютеръ хочетъ подражать Моисею, но это ему не удастся; онъ вывелъ народъ изъ Египта на середину Чермнаго моря, но онъ не доведетъ его даже до пустыни». Эразмъ Роттердамскій въ томъ же сатирическомъ тонѣ писалъ: «Дорогой саксонскій реформаторъ, ты не правъ, сердясь такъ сильно; твоя духовная реформа была причиной плотской реформы». Лютера приводили въ еще большую ярость подобныя замѣчанія, можетъ-быть, именно потому, что онъ сознавалъ ихъ справедливость [3]). Лютеръ въ своей злобѣ на крестьянъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, что рабство проповѣдуется Евангеліемъ, и, грубо полемизируя съ крестьянами, ссылался на ту же 5 главу Евангелія отъ Матоея, на которую такъ любятъ ссылаться всѣ поваторы, ищущіе себѣ опоры въ Евангеліи. Онъ говорилъ, что крестьяне не смѣютъ противиться злому. «Кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. Кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Это говорилось нищему народу, говорилось тѣмъ самымъ человѣкомъ, который менѣе всего былъ способенъ поступать такъ, какъ онъ совѣтовалъ поступать другимъ [4]). Онъ даже съ какимъ-то мелочнымъ злорадствомъ говорилъ: «Меня радуетъ, что Богъ лишилъ народъ такого великаго дара утѣшенія, какъ пѣсня». Дѣло въ томъ, что у возставшихъ крестьянъ не было своихъ пѣсенъ [5]).

---

[1]) *Ewerbeck*, 340.
[2]) *Циммерманъ*, III, 295.
[3]) *Ewerbeck*, 340.
[4]) *Plitt*. «Martin Luther». S. 302—306.
[5]) *R. Koenig*, 233.

Но не Лютеръ былъ виновникомъ страшной развязки всей этой кровавой драмы. Мюнцеру суждено было погибнуть именно отъ того обоюдуостраго оружія, которымъ онъ самъ пользовался, чтобы властвовать надъ толпой...

Помѣстившись въ іоаннитскомъ монастырѣ, Мюнцеръ приготовлялъ оружіе для борьбы, боевые снаряды, военные запасы и ждалъ удобной минуты, чтобы вступить въ бой. Онъ зналъ свой народъ. Надѣяться на стойкость и боевыя способности мюльгаузенцевъ и тюрингенцевъ онъ не могъ. Надежды могли возлагаться на швабовъ, выросшихъ среди войнъ, на стрѣлковъ изъ Альпъ и Эльзаса, на франконцевъ, составлявшихъ черную рать знаменитаго крестьянскаго вожака Флоріана Гейера. Прежде всего нужно было поднять всѣхъ, заставить отдѣльныя групны одержать верхъ надъ тѣми или другими князьями, пріучить народъ къ войнѣ, закалить его въ боевомъ огнѣ, окрестить въ крови сраженій. Потомъ уже можно было стать во главѣ этого народа и одержать окончательную побѣду. Такъ думалъ Мюнцеръ. Не такъ думалъ Пфейферъ. Пфейферъ былъ, можетъ-быть, умнѣе Мюнцера; онъ, во всякомъ случаѣ, былъ краснорѣчивѣе его, умѣлъ яснѣе выражать свои мысли на бумагѣ, не былъ крайнимъ мистикомъ; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ узко-практическихъ людей, которые всегда болѣе склонны захватить лежащее подъ рукою, чѣмъ хладнокровно обдумывать, нельзя ли пріобрѣсти бо́льшаго при помощи выжиданія. Онъ видѣлъ только выгоды данной минуты, тогда какъ Мюнцеръ ясно сознавалъ бѣдственныя послѣдствія этихъ выгодъ. Произошла роковая распря между двумя вождями движенія, тѣмъ болѣе опасная для дѣла Мюнцера, что Пфейферъ пользовался большимъ вліяніемъ въ родномъ городѣ и своимъ планомъ возбуждалъ низкія страсти черни, чуявшей добычу. Она думала не о побѣдѣ, а о грабежѣ. Но, можетъ-быть, Мюнцеру удалось бы какъ-нибудь одержать верхъ надъ Пфейферомъ, доказать несостоятельность плановъ послѣдняго, если бы Пфейферъ не прибѣгнулъ къ крайнему средству. Въ одно прекрасное утро Пфейферъ объявилъ, что ему было во снѣ внушеніе свыше, откровеніе, повелѣніе Божіе идти войной. Противъ этого заявленія не могло быть возраженій. Самъ Мюнцеръ такъ часто ссылался на откровеніе Божіе, на свои бесѣды съ Богомъ; онъ самъ твердо вѣрилъ въ возможность подобныхъ откровеній и училъ другихъ вѣрить въ это. Никто не удивлялся, заставая его во время громкихъ разговоровъ съ

Богомъ. Да тутъ нечего было и удивляться. Вѣдь бесѣдовалъ же Лютеръ съ дьяволомъ, въ знакъ презрѣнія къ нечистому духу показывая ему даже заднюю часть тѣла [1]). Въ эти сношенія съ Богомъ и нечистою силою вѣрили тогда всѣ. На этой почвѣ не могло быть никакихъ споровъ. Тутъ нельзя было даже уличать человѣка во лжи. Вѣдь не уличали же во лжи самого Мюнцера, когда онъ велъ діалоги съ Богомъ? Нужно было и теперь подчиниться не Пфейферу, а Богу. Пфейферъ это понялъ и воспользовался этимъ.

И вотъ, 26 апрѣля, окруженный 400 тѣлохранителей съ изображеніемъ на бѣломъ знамени радуги, Мюнцеръ вышелъ съ мюльгаузенцами на помощь крестьянамъ, возставшимъ и въ Лангезальцѣ; Пфейферъ направился въ другія мѣстности. Начало похода было удачно, т. е. можно было легко разрушать и грабить, и, одушевленный успѣхами, народъ уже видѣлъ приближеніе того желаннаго времени, когда всѣ нѣмцы, свободные, безъ различія званій и состояній, соберутся вокругъ одного главы. Идея объединенной Германіи, осуществленная только черезъ триста лѣтъ, носилась тогда въ воздухѣ. Она была непосредственнымъ плодомъ реформаціи, когда всюду писали и говорили: «Прежде мы управляли Римомъ, потомъ Римъ управлялъ нами; порвемъ же всякую связь между нимъ и нами и пусть Германія управляетъ сама собою» [2]). Мюнцеръ мечталъ именно о такой, управляющейся сама собою, Германіи—объединенной, имѣющей одного главу, и не номинальнаго, какимъ былъ тогда императоръ, а настоящаго, связаннаго непосредственно съ народомъ. Управлять сама собою Германія могла, дѣйствительно, только сплотившись въ одно цѣлое, имѣя одного императора, а не массу деспотовъ, князей и герцоговъ. Этого могъ желать народъ, къ этому могъ стремиться Мюнцеръ, но не нѣмецкіе князья и господа, привыкшіе къ полному произволу въ одну сторону, къ страшному деспотизму—въ другую. Если бы только это объединеніе должно было явиться плодомъ крестьянскаго возстанія, они и тогда употребили бы всѣ силы, чтобы задушить это возстаніе. Такое объединеніе было для нихъ хуже даже освобожденія крестьянъ. Изъ среды этихъ князей особенно выдѣлялся тогда двадцатилѣтній энергичный ландграфъ гессенскій Филиппъ. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ отдѣльными

---

[1]) *G. Freitag*, loc. cit., 117.
[2]) *Ewerbeck*, 328.

шайками крестьянъ, онъ двинулся къ Франкенгаузену на помощь осажденному графу Альбрехту фонъ-Мансфельду. По дорогѣ къ нему должны были присоединиться герцогъ брауншвейгскій, герцогъ саксонскій и другіе владѣтельные князья. Графъ фонъ-Мансфельдъ былъ въ довольно критическомъ положеніи, стоя лицомъ къ лицу съ многолюднымъ лагеремъ крестьянъ. Чтобы выиграть время, онъ велъ съ крестьянами переговоры, обманывая противниковъ и давая имъ лживыя обѣщанія.

Но если къ графу фонъ-Мансфельду спѣшило подкрѣпленіе, то́ и къ противникамъ тоже шла помощь. Мюнцеръ хорошо понималъ, что настаетъ рѣшительная минута, что франкенгаузенцамъ грозитъ опасность. Онъ писалъ имъ, чтобъ они не поддавались въ ловушку графа, не слушали его обѣщаній, такъ какъ это погубитъ общее дѣло. Къ окрестнымъ вооружившимся крестьянамъ онъ отправилъ гонцовъ, требуя, чтобы всѣ стекались къ Франкенгаузену. То же писалъ онъ къ Пфейферу, ссылаясь на «откровеніе», на «повелѣніе Божіе», чтобы Пфейферъ и всѣ мюльгаузенцы пришли къ нему на помощь. Въ то же время, тономъ, близкимъ къ безумію, онъ угрожалъ въ письмахъ графамъ Альбрехту и Эристу фонъ-Мансфельдамъ, призывая ихъ къ покаянію и пророча имъ гибель [1]). «Брату Альбрехту къ обращенію (отъ идолопоклонства). Ну, что ты такъ безсовѣстно употребляешь апостоломъ Павломъ? Ты хочешь утвердить свою тиранію такъ же, какъ и папа свой стулъ, на апостолахъ Петрѣ и Павлѣ? Но неужели ты думаешь, что Богъ неразумно поступаетъ, когда въ своемъ гнѣвѣ возбуждаетъ народъ отложиться отъ тирановъ? (Осіи, XIII, 3). Не о тебѣ-ли и тебѣ подобныхъ пророчествовала Матерь Божія: «Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя?» Ужели ты представляешь себѣ, что Богъ создалъ птицъ небесныхъ и скотовъ земныхъ для того, чтобъ утолщать плоть князей-тирановъ? Ты думаешь, что Богъ не столько прилежитъ своему народу, сколько вамъ? Именемъ Христа ты хочешь прикрыть свое язычество и Павломъ свою власть? Но послушай! Тебѣ одно изъ двухъ: или ты долженъ признать, что Богъ далъ народу власть управлять, и тогда явись передъ нами, мы облобызаемъ тебя, какъ брата; или, если не хочешь, нѣтъ тебѣ пощады, какъ злѣйшему врагу Христовой вѣры. Знай же это!» Къ графу Эристу фонъ-

[1]) *Циммерманъ*, II, 361.

Мансфельду въ замокъ гельдрунгенскій Мюнцеръ писалъ: «Крѣпость и сила, страхъ Божій и непоколебимое исполненіе воли Господней да будутъ съ тобою, братъ Эрнстъ. Я, Ѳома Мюнцеръ, извѣщаю тебя, ради живого Бога, оставить твое тиранское неистовство и не напрашиваться больше на гнѣвъ Божій. Ты мучишь христіанъ, ты обращаешь христіанскую вѣру въ варварство. Но посмотри, что ты такое? Вѣдь ты ничтожный червякъ. Подумай, Кто тебя поставилъ княземъ народа, который Господь искупилъ честною Своею кровію. Ты обязанъ на дѣлѣ доказать, христіанинъ ты или нѣтъ... Дѣлай же это, или, если не хочешь, я скажу народу о твоемъ упорствѣ, и всѣ братья съ радостью прольютъ кровь свою за христіанство, какъ нѣкогда проливали ее въ войнѣ съ турками. Не смиришься ты передъ нами,—вѣчное поношеніе тебѣ предъ всѣмъ христіанствомъ; ты будешь въ аду, ты мученикъ демона!.. Мы хотимъ имѣть отвѣтъ отъ тебя сегодня, или сейчасъ же толпа воиновъ у тебя во дворцѣ. Такъ повелѣваетъ намъ Богъ... Данъ во Франкенгаузенѣ. Пятница по юбилеѣ 1525 года. Ѳома Мюнцеръ съ мечомъ Гедеона [1])». Эти угрозы были угрозами отчаянія. Впрочемъ, обезумѣть было отъ чего: приближалась многочисленная рать враговъ, привычныхъ къ войнѣ; свои не шли на помощь; подъ руками были небольшія банды людей, вовсе не знавшихъ военнаго дѣла; самъ ихъ вождь никогда не видалъ сраженія, а между тѣмъ не сегодня, такъ завтра нужно было вступить въ бой. Во все время пропаганды и агитаціи Мюнцера одушевляла фанатическая вѣра въ справедливость проповѣдуемыхъ имъ идей; теперь у него должно было явиться горькое сознаніе своего полнаго неумѣнья воевать. Мечты были спугнуты страшною дѣйствительностью. Когда прибылъ непріятель, Мюнцеръ расположился на возвышенности противъ Франкенгаузена за баррикадами изъ повозокъ, окруженный рвомъ. Въ его распоряженіи было не болѣе 8.000 человѣкъ. Но далеко не всѣ эти люди готовы были стоять за свое дѣло. Храбрые и задорные, когда дѣло шло о разрушеніи и ограбленіи замковъ и монастырей, когда въ виду имѣлась добыча, крестьяне трусили, видя грозныя силы враговъ. Въ своего вождя вѣрила только горсть преданныхъ ему людей; у остальныхъ не было даже этой поддержки. Враги понимали, какое настроеніе должно было быть въ

[1]) *Вишняковъ*, стр. 382—383.

крестьянскомъ лагерѣ, и вступили въ переговоры, предлагая помиловать бунтовщиковъ, если они смирятся. Требовали только выдачи Мюнцера. На это не согласились приверженцы Мюнцера, но на это готовы были согласиться тѣ, которые только недавно присоединились къ нему. Нужно было много энергіи, много силы, много отчаяннаго краснорѣчія, чтобы возстановить въ лагерѣ единодушіе и побудить это войско или пасть, или побѣдить. Пришлось даже прибѣгнуть къ двумъ казнямъ. Ихъ потомъ поставили Мюнцеру на счетъ... Мюнцеръ совершилъ чудо: покорилъ непокорныхъ, укрѣпилъ сомнѣвающихся; ему пришлось даже увѣрять людей, что онъ словитъ всѣ непріятельскія ядра въ широкіе рукава своей одежды; сама природа помогла ему въ этомъ дѣлѣ укрѣпленія массы: на безоблачномъ небѣ въ полдень, передъ самою битвой, появилась радуга, и Мюнцеръ указалъ на нее, какъ на знаменіе Божіе. «Въ бой!— крикнули приверженцы Мюнцера.—Нѣтъ пощады кровопійцамъ!» Такъ какъ бой долженъ начаться не тотчасъ, а послѣ отсрочки, данной на размышленіе врагами, то всѣ инсургенты опустились на колѣни для молитвы. Въ эту-то торжественную минуту грянулъ залпъ изъ всѣхъ непріятельскихъ орудій: враги не дождались условнаго срока для начала битвы. Вмѣсто битвы, начались бѣгство, преслѣдованіе бѣгущихъ, взятіе ихъ въ плѣнъ, казни...

Голова скрывшагося Мюнцера была оцѣнена.

«Послѣ того, какъ сраженіе у Франкенгаузена было проиграно,—говоритъ Зейдеманъ:—Мюнцеръ былъ схваченъ однимъ изъ рейтеровъ [1]) въ одномъ городскомъ домѣ у Нордгаузскихъ воротъ, гдѣ Мюнцеръ спрятался, притворившись больнымъ. На вопросъ всадника, кто онъ такой, Мюнцеръ отвѣтилъ, что у него лихорадка, что онъ слабъ и не принималъ участія въ возстаніи. Но сумка у постели, въ которой были письма Альбрехта фонъ-Мансфельда къ Мюнцеру, выдала послѣдняго, и всадникъ предалъ Мюнцера во власть князей. Это произошло если не въ понедѣльникъ же, то во вторникъ, 16-го мая» [2]). Первымъ вопросомъ князей былъ вопросъ о томъ, какъ могъ Мюнцеръ развращать бѣдный народъ и зачѣмъ онъ допустилъ кровопролитіе. Мюнцеръ отвѣтилъ, что съ самой ранней юности его наставлялъ духъ, повелѣвавшій жертвовать отдѣльными лич-

---

[1]) Слугою дворянина фонъ-Эббе.
[2]) *Seidemann*, 86—87.

постями ради великаго дѣла и спасенія всего человѣчества. «Вѣдь жертвовали же людьми вы, князья, ради своего эгоизма, причудъ и потѣхи? Этотъ духъ нисходитъ на меня и поддерживаетъ меня, — говорилъ Мюнцеръ. — Наказать тирановъ требовала сама справедливость; они были всегда врагами Евангелія, врагами христіанской свободы; на нихъ слѣдовало надѣть узду и удила». «Отчего при этомъ пострадали крестьяне, онъ не знаетъ, но, должно-быть, господа сами того пожелали». Молодой ландграфъ гессенскій началъ разъяснять Мюнцеру обязанности подданнаго. Вожакъ народа, проповѣдникъ новыхъ идей даже не отвѣтилъ надменному юношѣ. Тогда началась пытка. «Тяжело тебѣ, Ѳома,—проговорилъ ему герцогъ Георгъ Саксонскій, когда вскрикнулъ Мюнцеръ, которому завинтили въ тиски большіе пальцы, такъ что эти пальцы сплющились:—но подумай, каково было тѣмъ, которые были казнены по твоей милости». Мюнцеръ отвѣтилъ: «Не я,—вы того хотѣли». Пытка не вызвала у него никакихъ признаній [1]). Но не такое было тогда время, чтобъ удовольствоваться этимъ. Мюнцера приковали къ телѣгѣ и повезли къ жестокому брату графа Альбрехта фонъ-Мансфельда, графу Эрнсту, въ Гельдрунгенъ. Здѣсь его посадили на нѣсколько дней въ башню. «Укрѣпленный Гельдрунгенъ и его глубочайшая башня обезсилили Мюнцера»,—говоритъ Зейдеманъ [2]). По свидѣтельству самихъ его враговъ, съ нимъ обращались въ Гельдрунгенѣ «ужасно»—«grewlich daselbst mit im ist umbegangen». Послѣ страшныхъ пытокъ написалъ онъ 17 мая своимъ «братьямъ» въ Мюльгаузенъ трогательное, отправленное съ Христофоромъ Ламбленомъ, письмо, призывая ихъ къ благоразумію, отрекаясь отъ всего земного, признавая себя очистительною жертвой за грѣхи, несправедливости и своекорыстіе другихъ и прося пощады Мюльгаузену, а также женѣ и ребенку его, Мюнцера, и о сохраненіи за ними ихъ небольшой собственности «въ родѣ книгъ и одежды» [3]). Онъ не отрекался, въ сущности, ни отъ чего, онъ признавалъ свое дѣло справедливымъ и необходимымъ, но въ то же время признавалъ, что оно погублено корыстными и личными расчетами людей, что оно должно послужить горькимъ урокомъ.

Измученный пытками, израненный, протомившійся въ тюрьмѣ,

---

[1]) *Циммерманъ*, III, 386.
[2]) *Hast*, loc. cit., 88—90.
[3]) *Seidemann*, 89.

Мюнцеръ былъ привезенъ въ Мюльгаузенъ для казни. Здѣсь увѣщавалъ онъ князей не поступать жестоко съ бѣдными людьми, быть человѣколюбивыми и справедливыми и, не каясь, только сознался, что онъ взялъ на себя «слишкомъ великое, несоразмѣрное съ его силами—majora justo—дѣло». Нѣкоторые писатели говорятъ, что его охватилъ страхъ передъ смертью, что онъ все время пилъ воду, что онъ не могъ прочитать даже Символъ вѣры, который былъ прочтенъ за него герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, что онъ причащался по обряду католической церкви; но все это едва ли вѣрно, такъ какъ подъ вліяніемъ трусости не говорятъ длинныхъ рѣчей, убѣждающихъ враговъ быть кроткими и милосердыми съ народомъ [1]). Прочитать Символъ вѣры было несравненно легче, чѣмъ произнести подобную рѣчь; но Мюнцеръ въ послѣднія минуты думалъ и заботился не о себѣ: и тутъ всѣ его мысли были заняты положеніемъ народа. Взятый въ плѣнъ, Пфейферъ былъ также казненъ: онъ не произнесъ ни слова, не потупилъ глазъ, не дрогнулъ передъ казнью. Тѣла и головы казненныхъ были выставлены на поруганіе на возвышенномъ мѣстѣ около Мюльгаузена. Есть извѣстія, что даже несчастная жена Мюнцера, оставшаяся беременной, не избѣжала насилій и оскорбленій [2]).

Первый актъ этой драмы перекрещенства закончился со смертью Мюнцера; но, прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшаго ея развитія, нужно остановиться на личности Мюнцера, такъ какъ и послѣдовавшія событія тѣсно связаны съ нимъ, хотя приходящіе на смѣну ему дѣятели нерѣдко отказывались и отказываются отъ него, отъ его идей.

VII.

Довольно долгое время въ Германіи имя Мюнцера было какимъ-то пугаломъ и, подъ вліяніемъ страстей, на него взводили всякія небывалыя обвиненія, его смѣшивали съ грязью. Только въ нашъ вѣкъ настало время, когда историки нашли возможнымъ относиться къ Мюнцеру болѣе хладнокровно и потому болѣе справедливо. Скажемъ даже болѣе: въ нашъ вѣкъ нѣкоторые историки, на которыхъ не безъ основанія нападаетъ Шлоссеръ, вдались въ другую крайность и стали безусловно хвалить все, что исходило отъ Мюнцера. Къ числу такихъ писателей принадлежатъ

---

[1]) *Ibid.*, 92—93; *Циммерманъ*, III, 274—275; *Hast*, 90.
[2]) *Seidemann*, 91—92.

Циммерманъ, Вейль и другіе. Преувеличенія и въ ту, и въ другую стороны одинаково ошибочны.

Взглянемъ, прежде всего, на Мюнцера, какъ на личность.

Какъ бы враждебно ни относились теперь люди къ сущности проповѣди Мюнцера, они уже не могутъ не сознавать, что, какъ нравственная личность, онъ стоялъ высоко, едва ли не выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ исполнялъ то, что проповѣдывалъ, отличался суровымъ образомъ жизни, былъ воздержанъ почти до аскетизма, ничего не желалъ лично для себя и имѣлъ въ виду только благо народа. Такіе послѣдовательные люди встрѣчаются рѣдко; это исключительныя натуры. Защищая его отъ взводимыхъ на него клеветъ, Циммерманъ говоритъ: «Юноша, чужестранецъ, онъ заставилъ преклоняться предъ собою гордыхъ гражданъ большого свободнаго города. По словамъ достовѣрнаго лѣтописца, разсказывающаго то, что онъ видѣлъ собственными глазами, Мюнцеръ такъ крѣпко держалъ въ рукахъ свой народъ, что еще долго послѣ его смерти народу казалось, что Мюнцеръ, какъ всевидящій и карающій духъ, постоянно стоитъ за его спиною. Безспорно, это была сильная личность, съ характеромъ, достойнымъ полнаго удивленія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ даже его смертельные враги,—конечно, совершенно невольно, безъ всякаго желанія со своей стороны. Не только Меланхтонъ, великолѣпный филологъ и «отличный органонъ» Лютера, человѣкъ необходимый для реформаціи, но, конечно, менѣе всего способный написать исторію Мюнцера и его дѣятельности, даже и самъ Лютеръ,—оба они, сами того не замѣчая, противъ воли высказываютъ самое высокое понятіе о могуществѣ и силѣ духа Мюнцера. Сквозь всякую строчку, написанную ими о Мюнцерѣ, такъ и просвѣчиваетъ тайный страхъ, что вотъ-вотъ онъ войдетъ и предстанетъ предъ ними въ то время, какъ они упоминаютъ его имя, говорятъ о немъ. Тѣнь давно умершаго Мюнцера оказывала на нихъ такое вліяніе, которое и при жизни бываетъ удѣломъ только немногихъ сильныхъ личностей. Почти въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ ихъ о Мюнцерѣ видно, что онъ давитъ ихъ, какъ кошмаръ, что ихъ постоянно преслѣдуетъ тайный ужасъ; что Мюнцеръ, какъ духъ, «намалеванный на стѣнѣ», вдругъ явится предъ ними въ ту минуту, какъ они произносятъ его имя. Клевета не разъ пыталась очернить самоотверженныхъ, строгихъ и безкорыстныхъ бойцовъ свободы прошлаго вѣка; но теперь даже наука придворныхъ философовъ не

рѣшается отказать имъ въ римскихъ добродѣтеляхъ. Томасу Мюнцеру пришлось испытать то же; клеветники пытались унизить достоинство его личнаго характера, затоптать въ грязь его прахъ. Его жизнь была такъ же строга, какъ и его ученіе; Мюнцеръ былъ постоянно воздержень въ пищѣ и питьѣ. Его любовь къ подругѣ его юности была такъ сильна, что даже среди мученій пытки, передъ лицомъ смерти, онъ думалъ только о ней и объ ея будущности. Несмотря на это, послѣ его смерти клевета коснулась даже и этой добродѣтели: она пыталась приписать Мюнцеру развратъ сумасбродныхъ швейцарскихъ перекрещенцевъ, въ особенности же одну скандальную исторію, случившуюся въ Сентъ-Галленѣ. Въ кружкахъ виртембергскихъ теологовъ тѣшились постоянно разсказами о томъ, какъ Мюнцеръ каждый разъ, когда онъ собирался произнести какую-нибудь блестящую народную рѣчь, собиралъ около себя красивѣйшихъ женщинъ города, говоря, что онъ чувствуетъ божественное дыханіе въ ихъ кругу. То же самое говорили и о Сократѣ, и о Магометѣ, и о многихъ другихъ «великихъ людяхъ». Такимъ образомъ, взводимыя на Мюнцера клеветы скорѣе возвышаютъ, чѣмъ унижаютъ его» [1]). Если бы кто заподозрилъ отзывъ Циммермана въ пристрастіи, тотъ можетъ найти подобные же, хотя и болѣе краткіе, отзывы о личности Мюнцера у Трейчке, Шлоссера, Эвербека, Эрбкама, Вебера, Кольба, Вейля, Ранке, Штерна и у множества другихъ писателей совершенно различныхъ лагерей. Тутъ, въ этомъ вопросѣ, нѣтъ и уже не можетъ быть споровъ: клеветы и инсинуаціи давно разсѣяны строгимъ и безпристрастнымъ изученіемъ того времени.

Но если такова была личность Мюнцера, то каковы же были его идеи?

Изъ крестьянскихъ тезисовъ, навѣянныхъ Мюнцеромъ, мы видѣли, что Мюнцеръ желалъ для народа всего того, что въ теченіе послѣдующихъ трехъ вѣковъ дано народу или пріобрѣтено народомъ, за которымъ признали человѣческія права. Идеи, высказанныя въ этомъ документѣ, далеко опередили свое время. Но Мюнцеръ шелъ далѣе, высказывалъ и болѣе радикальныя требованія. Трейчке говоритъ, что каждая изъ идей Мюнцера, осмѣянныхъ его современниками, нашла впослѣдствіи представителя, нашла послѣдователей. За нѣсколько вѣковъ Мюнцеръ высказалъ

---

[1]) *Циммерман*, III, 174—176.

го, что потомъ осуществлялось на практикѣ выдающимися гуманистами Англіи, Франціи, Германіи. Все это дастъ право Мюнцеру на видное мѣсто въ исторіи.

Но, не отрицая ни высокой нравственности въ Мюнцерѣ, ни возвышенности и глубины его идей, всѣ—и друзья, и враги его—должны сознаться, что ему не удалось при жизни осуществить ничего изъ того, что онъ проповѣдывалъ, къ чему онъ стремился. Этого мало. Нужно даже признать, что онъ не мало способствовалъ усиленію на время реакціи, возбудилъ противъ требованій народа не только князей и дворянъ, но заставилъ и такихъ людей, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, кричать о подавленіи народнаго возстанія. Народъ бунтовалъ и до Мюнцера, но тогда Лютеръ говорилъ: «Народъ не можетъ болѣе терпѣть»; когда народъ бунтовалъ подъ вліяніемъ Мюнцера, Лютеръ писалъ: «Бейте этихъ бѣшеныхъ псовъ». Этотъ крутой поворотъ отъ симпатій къ народу къ страху передъ народною бурей очень легко прослѣдить въ то время.

Гдѣ искать причинъ всего этого.

Дѣло въ томъ, что умъ Мюнцера обладалъ замѣчательною способностію доходить до крайнихъ логическихъ выводовъ, не останавливаясь никогда на половинѣ дороги, не ставя себѣ впереди извѣстныхъ предѣловъ,—«до этой точки и не дальше». Это была совершенная противуположность Лютеру, который могъ сказать себѣ: «нужно добиться того-то и бороться противъ всего, что представится дальше». Вслѣдствіе этого мы видимъ Мюнцера начертывающимъ человѣчеству крайне широкую программу, къ осуществленію которой оно должно стремиться. Основы созданнаго имъ идеальнаго государства слѣдующія: «Перерожденные и святы, и совершенны; значитъ, они не подчинены никакимъ законамъ. Если свободные не подчинены людямъ, то они не исполняютъ никакихъ гражданскихъ повинностей, десятинъ и пошлинъ не платятъ. Совершенно самостоятельные, они не входятъ ни въ какія служебныя отношенія съ другими людьми. Условія земного родства и дружбы не должны быть принимаемы въ расчетъ передъ обязанностями и условіями духовными и небесными. Всѣ люди — духовные братья и сестры. У перерожденныхъ не можетъ быть собственности. Имущество есть общее достояніе братьевъ и сестеръ. Начальства нѣтъ» [1]). Это теорія. Но какъ осуществить ее на

[1]) *Schenkel.* «Das Wesen des Protestantismus». Schaffhausen, 1851. B. III. S. 164.

практикѣ? Здѣсь-то мы и встрѣчаемся съ самою слабою стороной Мюнцера. Онъ не говоритъ, что все это, можетъ-быть, совершится постепенно, въ далекомъ будущемъ, по мѣрѣ развитія и роста человѣчества. Онъ не ограничивается воспитательною проповѣдью своего ученія, подобно проповѣдникамъ Евангелія, говорившимъ при вопросѣ о податяхъ, что нужно давать «кесарево кесарю, а Божіе Богу», и при вопросѣ о раздачѣ имущества — что «человѣку это невозможно, а Богу возможно». Они знали, что политическій и соціальный строй не ломается разомъ, что для его ломки нужно подготовить сначала людей, которые прониклись бы извѣстнымъ ученіемъ. Не такъ смотрѣлъ Мюнцеръ на дѣло. Ему нѣтъ дѣла до того, что въ соціальной жизни не можетъ быть скачковъ, что ея развитіе совершается постепенно. Нѣтъ, онъ мистикъ, онъ фанатикъ, онъ пророкъ. Что значатъ для него разные естественные законы, когда онъ вѣритъ во всемогущество Бога: Богъ захочетъ, и все измѣнится! — Но захочетъ ли Богъ? — Да, захочетъ. Кому же и знать волю Божію, какъ не ему? Онъ вѣритъ въ «небесное откровеніе», въ «непосредственное вдохновеніе», и возглашаетъ смѣло, что «время новаго царства настало». Онъ вѣритъ въ это безусловно и дѣйствуетъ во имя этой вѣры. Чѣмъ страшнѣе были воззванія и угрозы Мюнцера, тѣмъ сильнѣе сплачивалась толпа его враговъ. Даже тѣ, кто могъ бы стоять на его сторонѣ, открещивались отъ него, и если не примыкали къ его врагамъ, то держались въ сторонѣ отъ него. Въ такомъ положеніи трудно было ждать успѣха. Но если-бъ онъ даже не ошибся, еслибъ его партію ждалъ успѣхъ, то что могло бы выйти? Нигдѣ мы не находимъ у него какого бы то ни было строго выработаннаго плана новаго царства, не видимъ даже строгаго плана подготовительныхъ дѣйствій, такъ какъ разбрасываніе прокламацій, горячая проповѣдь, призывъ къ возстанію не есть еще подготовительный планъ дѣйствій. Безграничная вѣра въ помощь свыше дѣлала ненужными всякіе планы и мѣры предосторожности. Богъ захочетъ и все сдѣлается по Его волѣ. Мы видѣли, къ какимъ результатамъ привела эта вѣра. Но если бы даже можно было ожидать побѣды непривычныхъ къ войнѣ крестьянъ подъ предводительствомъ никогда не видавшаго битвъ вождя надъ привычными къ войнѣ солдатами, имѣвшими во главѣ опытныхъ предводителей-князей, то и тогда, послѣ этого «чуда», Мюнцеру, конечно, не удалось бы создать ничего съ имѣвшимся у

него подъ руками живымъ «матеріаломъ», то-есть съ старыми людьми, носившими въ себѣ всѣ сѣмена и плевелы прошлаго строя жизни. Только въ послѣднія минуты жизни, томясь въ тюрьмѣ, готовясь къ смерти, онъ, можетъ-быть, вполнѣ ясно понялъ, что тотъ народъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло,—народъ, деморализованный долгимъ рабствомъ, отупѣвшій отъ вѣчныхъ лишеній, не имѣвшій понятія о Богѣ и считавшій свободой своеволіе, общностью имущества—присвоеніе чужой собственности, новою жизнью—право бездѣльничать, не могъ переродиться внезапно. Въ пору своего полнаго развитія и кипучей дѣятельности Мюнцеръ ни разу не остановился на этой мысли, ни разу не закралось, какъ мы видѣли, сомнѣніе въ его душу. Онъ слишкомъ беззавѣтно вѣрилъ въ свое призваніе, чтобы поддаться духу сомнѣнія. Если бы сомнѣніе хотя разъ закралось въ его душу, Мюнцеръ пересталъ бы быть Мюнцеромъ. Мюнцеръ былъ менѣе всего практикъ. Онъ не заботился о практичности въ своей жизни, онъ не думалъ о практичности и при созданіи своихъ теорій, при развитіи своихъ идей, и дѣйствительная жизнь жестоко насмѣялась надъ нимъ. У нея есть свои законы постепеннаго развитія, и она не позволяетъ глумиться надъ ними, пренебрегать ими. Что долженъ былъ чувствовать Мюнцеръ, когда Пфейферъ заявилъ ему, что голосъ свыше приказываетъ имъ выступить изъ города въ открытое поле и идти на враговъ? Что долженъ былъ чувствовать Мюнцеръ, когда послѣ показавшейся на безоблачномъ небѣ радуги, когда послѣ торжественной молитвы всего его войска, подъ залпъ вражескихъ орудій, онъ увидалъ только бѣгущихъ въ паническомъ страхѣ людей? И сколько, какъ мы увидимъ дальше, страшныхъ событій и злодѣйствъ произошло подъ предлогомъ голоса свыше.

Вотъ главная причина, почему Мюнцеру, нравственная личность котораго выше личности Лютера, пришлось умереть со словами:

«Я взялъ на себя слишкомъ великое, непосильное дѣло!»

VIII.

Мюнцеръ погибъ; не погибли перекрещенцы. Можно сказать даже болѣе: именно съ этого времени, то-есть послѣ смерти Мюнцера, начинается самое сильное развитіе перекрещенства. Успѣхи новаго ученія были до того быстры и поразительны, что нѣкоторые историки перекрещенства, а въ томъ числѣ и противникъ перекрещенства. Себастьянъ

Франкъ, прямо отрицаютъ саксонское происхожденіе перекрещенства и переносятъ мѣсто его рожденія въ Швейцарію, Эльзасъ, Фландрію, Брабантъ, говоря иначе, открещиваются отъ Мюнцера и его сообщниковъ [1]).

Это не вѣрно, но это характерно.

Начало перекрещенства, какъ мы видимъ, совпало со временемъ сильнѣйшаго броженія въ крестьянствѣ. Въ самомъ перекрещенствѣ были идеи, ведущія къ кровавымъ переворотамъ, какъ бы ни отрицали этого историки. Отрицать это можно только, не понимая умышленно неопровержимыхъ фактовъ. Перекрещенцы всегда отвергали существующій строй жизни. Правда, они въ значительной части случаевъ говорили только о пассивномъ сопротивленіи. Но они же говорили, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Сопоставьте эти два тезиса и вы увидите, что проповѣдь о неподниманіи меча является абсурдомъ, безсмыслицей, ширмой. Что такое пассивное отрицаніе военной службы, суда, присяги? Не есть ли это пустыя фразы, вѣра безъ дѣлъ? Отрицая все это въ теоріи, нужно было и на практикѣ не признавать суда, отказываться отъ военной службы, не давать присяги. Но это значило объявить открытую войну существующему порядку, то-есть поднять мечъ противъ него въ защиту своихъ убѣжденій. Правда, есть и другой путь — можно было пассивно сопротивляться, то-есть подставлять свою шею подъ удары и покорно ждать, пока общество перебьетъ всѣхъ, «поголовно не исполняющихъ его требованій». Это абсурдъ. Такой человѣкъ, какъ Мюнцеръ, не могъ этого не понять и долженъ былъ поднять мечъ, чтобы не быть проповѣдникомъ вѣры безъ дѣлъ. Дѣломъ явилась политическая и соціальная революція. Когда она началась, тутъ уже некогда было вести религіозную пропаганду, и представители этой пропаганды смолкли передъ пропагандистами огнемъ и мечомъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончилась кровавая драма. Народъ былъ подавленъ, побѣжденъ, но не успокоенъ, не удовлетворенъ. Онъ еще боролся въ Германіи, но конецъ этой борьбы было не трудно предвидѣть. Броженіе было повсемѣстное, но въ немъ были не отвага и надежды, а подавленность и отчаяніе: «должно быть, приближаются послѣдніе дни; отъ людей нечего ждать спасенія, помочь можетъ только Богъ». На этой почвѣ мистической паники могла дать пышный цвѣтъ проповѣдь, говорившая, что спасенъ

---

[1]) *Keller*, 25.

будетъ претерпѣвшій до конца, что кровью мучениковъ укрѣпится истинная церковь, что самъ Господь придетъ покарать и истребить нечестивыхъ. Это говорили не Лютеръ, не Цвингли, а перекрещенцы; народъ недостаточно смѣлый, чтобы пристать къ своимъ бунтующимъ братьямъ, но страдавшій не менѣе ихъ отъ притѣсненій, примкнулъ къ этимъ проповѣдникамъ, ища у нихъ утѣшенія. Вотъ причины того, что именно въ это время религіозная пропаганда перекрещенцевъ развилась такъ широко, что они считали это время за начало перекрещенства.—«Движеніе перекрещенцевъ, — говоритъ Себастьянъ Франкъ: — шло такъ быстро, что ихъ ученіе скоро прошло по всей странѣ, и они пріобрѣли великое число послѣдователей; многія тысячи крестились и привлекли къ себѣ многія добрыя сердца» [1]).

Новое движеніе началось со Швейцаріи еще въ 1523 году совершенно независимо отъ движенія, бывшаго въ Саксоніи.

Вожакомъ швейцарской реформаціи былъ Цвингли. Подобно Лютеру, онъ, дѣлая свое дѣло, никогда не упускалъ изъ вида чисто-политическихъ соображеній и долго проводилъ въ жизнь только то, что могла принять власть; для этой умѣренности нужно было имѣть много желѣзной воли, непоколебимой стойкости, холодной разсчетливости,—однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми рѣже всего обладаютъ люди въ смутныя времена всеобщаго возбужденія. Вокругъ него образовалась цѣлая масса недовольныхъ его полумѣрами, говорившихъ, что онъ тянетъ на сторону властей и имущественныхъ классовъ, что онъ долженъ отмѣнить употребляемыя во время богослуженія священническія одежды, пѣніе въ церквяхъ, образа и т. п., а онъ дѣлалъ только то, что было возможно въ данную минуту. Объединеніе недовольныхъ началось съ появленіемъ на сцену Конрада Гребеля.

Жизнь этого человѣка была тяжелою драмой противорѣчій. Знатное происхожденіе, замѣчательно доброе сердце, блестящія способности, серьезное классическое образованіе, полученное въ Вѣнѣ и Парижѣ, сильно развитое честолюбіе, толкавшее къ дѣятельности,—все это было дано ему; но рядомъ съ этимъ шли розни съ родителями, увлеченія молодости богатаго студента, начавшаяся еще въ университетѣ болѣзнь, грозившая истощеніемъ силъ и преждевременною смертью, неравный бракъ, окончательно разссорив-

---

[1]) *Keller*, 23.

шій съ сыномъ родителей, а потомъ непривычныя лишенія, борьба изъ-за куска хлѣба. Менѣе всего можно было ожидать, что изъ него выйдетъ реформаторъ въ области богословія. Но именно на этотъ путь толкнула его случайность, игравшая имъ всегда. Когда онъ явился въ Цюрихъ, Цвингли близко сошелся съ нимъ и изъ него, вѣроятно, вышелъ бы одинъ изъ блестящихъ духовныхъ писателей, если бы около этого неудавшагося швейцарскаго Меланхтона стоялъ второй Лютеръ. Но Цвингли не былъ Лютеромъ, не умѣлъ властвовать и управлять сердцами. На первыхъ же порахъ честолюбивый Гребель почувствовалъ себя оскорбленнымъ со стороны Цвингли. Молодой человѣкъ требовалъ отставки вліятельныхъ противниковъ реформаціи, искалъ мѣста преподавателя греческаго языка. Цвингли не согласился ни на то, ни на другое. Гребель обидѣлся и отошелъ въ сторону отъ Цвингли [1]). Впрочемъ, подчинить себѣ Гребеля было не легко: не говоря о его личныхъ нравственныхъ недостаткахъ, въ немъ была полная непривычка къ уздѣ, а именно его-то и нужно было сдерживать въ вопросахъ религіи, такъ какъ онъ совершенно случайно занялся этими вопросами и потому неизбѣжно при своемъ пылкомъ темпераментѣ долженъ былъ впасть въ крайности. Молодой, страстный, неопытный, не знающій условій общественной жизни, Гребель быстро примкнулъ къ партіи, недовольной реформами Цвингли [2]). «Это соединеніе не было слѣдствіемъ религіозныхъ взглядовъ, а было результатомъ личныхъ столкновеній и стремленій Гребеля [3]). Партія, къ которой онъ примкнулъ, признавала, что для истинныхъ христіанъ библія должна быть путеводною нитью. Начались дебаты; Цвингли одержалъ верхъ, то-есть власти приняли только предложенныя имъ реформы. Тогда кружокъ недовольныхъ, съ Гребелемъ, филологомъ Феликсомъ Манцемъ и священникомъ Симономъ Штумифомъ во главѣ, пришелъ къ заключенію, что церковь можетъ состоять изъ истинныхъ христіанъ, что надо слѣдовать апостольскимъ общинамъ, что надо отдѣлиться отъ свѣта и собрать невинный святой народъ [4]). Къ ученымъ проповѣдникамъ примкнулъ кружокъ набожныхъ, мистически настроенныхъ, возбужденныхъ ремесленниковъ. Цюрихская государственная церковь приняла

---

[1]) *Erbkam.* «Gesch. der protest. Sekten». Hamburg, 1848, S. 521.
[2]) *Cornelius,* II, 19, 20.
[3]) *Erbkam,* loc. cit., 521.
[4]) *Cornelius,* II, 21, 22, 23.

формы, соотвѣтствовавшія политикѣ и теологіи Цвингли, а кружокъ отщепенцевъ сталъ собираться въ домѣ матери Феликса Манца и обсуждать дальнѣйшее развитіе своей общины. Прежде всего, пришли къ заключенію, что апостолы не были ни ростовщиками, ни процентщиками, не собирали церковныхъ налоговъ и десятинъ. Дѣйствуя по примѣру первыхъ христіанъ, нужно возстановить беззавѣтный дѣлежъ земныхъ благъ. Не нужно никакихъ начальственныхъ должностей, не нужно меча; единственное оружіе— терпѣніе въ горѣ и братское усовѣщиваніе; если послѣднее не поможетъ, нужно исключать члена общины [1]). Радикалы реформаціи стали искать себѣ опоры въ обществѣ и, между прочимъ, принялись за чтеніе радикальныхъ произведеній Карльштадта, Мюнцера, Штрауса. Съ Мюнцеромъ, путешествовавшимъ тогда близъ Швейцаріи, произошло личное знакомство. Карльштадтъ отвѣтилъ дружески на посланное ему письмо, прислалъ своего довѣреннаго Вестербурга и обѣщалъ побывать лично впослѣдствіи. Шагъ за шагомъ шла новая партія дальше въ своихъ отрицаніяхъ тѣла Христова въ причастіи, крещенія въ дѣтствѣ и только молилась: «О, Господи, пошли намъ безстрашныхъ пророковъ, которые съ вѣрою проповѣдывали бы только Твое единое вѣчное слово безъ прибавленій, исходящихъ отъ ихъ разума» [2]). Священникъ Рейблинъ изъ Швабіи, первый, нарушившій въ С.-Альбанѣ предписаніе о постахъ и потомъ первый же изъ духовенства женившійся въ Ватиконѣ, явился застрѣльщикомъ въ проповѣди объ отрицаніи крещенія дѣтей. До этой минуты правительство не придавало значенія новой партіи. Теперь оно встревожилось: Рейблина заключили въ тюрьму, родителямъ приказали крестить дѣтей. Начались пререканія, диспуты; самъ Цвингли принялъ участіе въ диспутѣ 18-го января 1525 года, побѣдилъ, и затѣмъ явился указъ: «Отказывающихся крестить дѣтей изгонять изъ государства». Нѣсколько вожаковъ новаго ученія получили приказъ удалиться изъ Цюриха въ теченіе восьми дней. Но покуда новая община еще не имѣла значенія церкви. Это значеніе она получила при помощи «простого неученаго попа, который, по милости Божіей, дарованной ему, былъ очень свѣдущъ въ дѣлахъ вѣры». Этотъ попъ, Юргъ, т. е. Георгъ, изъ дома Якова, прозванный по своей

---

[1]) *Cornelius*, II, 24.
[2]) *Ibid.* II, 26.

одеждѣ Блаурокомъ или Синимъ Кафтаномъ, былъ монахомъ изъ Хура; онъ принималъ участіе въ диспутѣ о крещеніи дѣтей. Онъ отличался краснорѣчіемъ настолько, что его прозвали вторымъ апостоломъ Павломъ. Въ жизни онъ былъ послѣдователенъ и, не считая нравственнымъ дѣломъ взиманіе платы за священническія обязанности, жилъ чернымъ трудомъ [1]). Сойдясь потомъ съ Конрадомъ Гребелемъ и Феликсомъ Манцемъ, Блаурокъ разговорился о томъ, что познавшіе истинное ученіе Божіе должны принять христіанское крещеніе для соединенія съ Господомъ. «И напалъ на нихъ страхъ, и проникъ въ сердца ихъ; тогда начали подгибаться ихъ колѣни передъ всевышнимъ Господомъ въ небѣ и призвали они Его, чтобы Онъ позволилъ имъ исполнить Его божественную волю. Тогда Юргъ поднялся и во имя Бога попросилъ, чтобы Конрадъ окрестилъ его настоящимъ христіанскимъ крещеніемъ по его вѣрѣ и по его исповѣданію; опять онъ упалъ на колѣни и былъ окрещенъ Конрадомъ; и всѣ присутствующіе крестились потомъ отъ Юрга». Затѣмъ, въ воспоминаніе о Христѣ, была вечеря съ преломленіемъ хлѣба и чашею вина [2]). Въ этотъ день новая община превратилась въ новую церковь и порвала всякую связь съ господствовавшею въ Швейцаріи церковью. Это было масло, подлитое въ огонь; одушевленіе охватило народъ, и всюду слышалась проповѣдь объ исправленіи жизни, о возвращеніи къ первобытной невинности, о братской любви апостольскихъ временъ. Изъ Цюриха новое ученіе разнеслось въ другіе города Швейцаріи изгнанными изъ города проповѣдниками. Во многихъ городахъ начали креститься взрослые. Но не эти простые люди были главнымъ завоеваніемъ пропагандистовъ; главнымъ ихъ торжествомъ было присоединеніе къ новой церкви Гюбмейера,—личности своеобразной настолько же, какъ были своеобразны Лютеръ, Мюнцеръ, Гребель и тому подобные дѣятели этой эпохи.

Бальтазаръ Гюбмейеръ или Гюбмеръ, какъ онъ самъ подписывался большею частью, былъ уроженцемъ Фридберга близъ Аугсбурга; родился въ 1480 году; былъ студентомъ въ Фрейбургѣ съ 1503 года; изучалъ философію и богословіе; былъ потомъ учителемъ въ Шафгаузенѣ, далѣе по-

---

[1]) *Erbkam,* loc. cit., 526, 527.

[2]) *Cornelius,* II, 27; *Hast:* «Geschichte de Wiedertaeufer». Münster, 1836. S. 112. Келлеръ указываетъ на I. Бредли, священника изъ Цоликона, близъ Цюриха, какъ на перваго изъ швейцарскихъ перекрещенцевъ. *Keller,* 28.

лучилъ мѣсто доцента, профессора и священника въ Ингольштадтѣ. Это былъ вполнѣ ученый, серьезный, строгій, съ пытливымъ умомъ человѣкъ. Въ 1516 году его призвали въ Регенсбургъ священникомъ въ главную церковь. Онъ пріобрѣлъ здѣсь славу отличнаго проповѣдника и, между прочимъ, обличилъ евреевъ за ростовщичество, понудилъ выгнать ихъ изъ города и превратить ихъ синагогу въ капеллу св. Маріи. Это было въ 1519 году. Случилось нѣчто неожиданное: въ капеллу началъ стекаться народъ, стали совершаться чудеса, исцѣленія и т. п. Такіе случаи повторялись въ то время нерѣдко. Этого Гюбмейеръ не ожидалъ: онъ уже склонялся на сторону идей Лютера, обсуждая ихъ серьезно, какъ истый ученый. Извѣстія о чудесахъ, совершающихся въ капеллѣ, были ему, конечно, не по душѣ. Не возстать противъ суевѣрія онъ не могъ. Нѣсколько рѣзкихъ проповѣдей противъ увлеченія чудесами лишили его мѣста, и онъ снова долженъ былъ зарабатывать кусокъ хлѣба въ Шафгаузенѣ въ качествѣ учителя. Въ 1522 году онъ снова получилъ мѣсто священника въ Вальдсгутѣ. Чтеніе сочиненій Лютера, встрѣча въ Базелѣ и Фрейбургѣ съ людьми изъ друзей Зикингена, Целикана, Эразма,—все это сильно возбуждало его, толкало на новый путь. Въ 1523 году съ аббатомъ изъ сіонскаго монастыря, другомъ реформаціи, онъ посѣтилъ С.-Галленъ и побывалъ у Цвингли. Въ дружескихъ бесѣдахъ Цвингли высказалъ ему свой взглядъ на крещеніе дѣтей, и въ этомъ взглядѣ сквозило сомнѣніе въ пользѣ этого крещенія. Потомъ Гюбмейеръ сказалъ нѣсколько блестящихъ проповѣдей въ С.-Галленѣ и вернулся въ Вальдсгутъ, гдѣ съ каждымъ днемъ возрастала его популярность. Въ это время въ Цюрихѣ начался большой диспутъ; Гюбмейеръ принялъ въ немъ участіе, отличаясь серьезностью и мягкостью своего направленія. Въ Вальдсгутѣ, по возвращеніи своемъ домой, Гюбмейеръ хотѣлъ внести нѣкоторыя реформы, но едва не лишился мѣста, такъ какъ австрійское правительство зорко слѣдило за проявленіями реформаторской дѣятельности въ своемъ сосѣдствѣ. Однако, несмотря на угрозы, издавъ сначала 18 проповѣдей, проникнутыхъ новымъ духомъ, Гюбмейеръ рѣшился 14 мая 1524 года созвать собраніе бюргеровъ для принятія евангелическаго ученія и для защиты его проповѣдниковъ. Тогда австрійское правительство потребовало выдачи еретика и грозило усмирить Вальдсгутъ оружіемъ. Не желая подвергать кого бы то ни было опасности, Гюбмейеръ уда-

лился въ Шафгаузенъ. Но городъ вступился за своего любимца; въ это же время изъ Цюриха прибыли въ Вальдсгутъ на помощь городу защитники реформаціи. Тогда Гюбмейеръ счелъ нужнымъ тоже вернуться въ городъ, и реформы стали вводиться уже открыто. Въ это время Гюбмейеръ переписывался со многими учеными и въ особенности съ Эколампадомъ о крещеніи дѣтей. Онъ признавалъ нецѣлесообразность крещенія дѣтей, не имѣющихъ понятія о вѣрѣ, а, между тѣмъ, обязываемыхъ крещеніемъ сохранять всю жизнь извѣстное вѣроисповѣданіе. Въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Гюбмейера, между прочимъ, и Мюнцеръ [1]). Достаточно было прибыть въ Вальдсгутъ изгнаннымъ изъ Цюриха проповѣдникамъ крещенія взрослыхъ, чтобы Гюбмейеръ примкнулъ къ нимъ. На Пасхѣ въ 1525 году Вильгельмъ Рейблинъ крестилъ Гюбмейера и 110 человѣкъ гражданъ Вальдсгута, а потомъ въ теченіе одной недѣли самъ Гюбмейеръ окрестилъ 300 человѣкъ [2]). Такой крупной по учености, по проповѣднической славѣ, по вліянію среди сограждан личности еще не было до этой поры среди швейцарскихъ перекрещенцевъ. Не изъ какихъ-нибудь посторонних дѣлу соображеній, какъ Гребель, примкнулъ онъ къ перекрещенству; не привлекало его къ этому дѣлу, какъ Мюнцера, откровеніе свыше. Нѣтъ, онъ, какъ ученый, шелъ медленно и послѣдовательно въ развитіи своихъ взглядовъ, безъ скачковъ и перебѣжекъ, въ родѣ Карлыптадта, и каждый его новый шагъ былъ слѣдствіемъ все болѣе и болѣе глубокаго изученія занимавшаго его предмета. Въ маѣ 1525 года вышла книга Цвингли противъ перекрещенцевъ, и Гюбмейеръ тотчасъ же издалъ на нее достойный отвѣтъ, надѣлавшій не мало шума. Примѣру Вальдсгута послѣдовали С.-Галленъ, Шафгаузенъ, Бернъ, Базель, Граубинденъ. Особенно успѣшно крестили Юргъ Блаурокъ и Феликсъ Манцъ.

Изъ швейцарскихъ городовъ проповѣдники новаго ученія двинулись дальше, и въ томъ же 1525 году мы видимъ сильное движеніе въ Аугсбургѣ, и опять здѣсь примыкаетъ къ партіи крупная и оригинальная личность—Іоаннъ Денкъ. Не считая нужнымъ останавливаться на массѣ заурядныхъ представителей новаго ученія, мы не можемъ пропускать

---

[1]) *Cunitz.* «Hübmeier». «Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt». VI, 349.

[2]) *Keller,* 30.

безъ вниманія болѣе или менѣе характерныхъ дѣятелей этой эпохи. Поэтому мы должны остановиться и на Денкѣ, какъ на личности, наиболѣе симпатичной среди всѣхъ другихъ перекрещенцевъ,—скажемъ даже болѣе, среди пропагандистовъ вообще. О дѣтствѣ и ранней молодости этого слишкомъ рано погибшаго дѣятеля реформаціонной эпохи нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Одинъ изъ его современниковъ называетъ его «баварцемъ»; другой въ 1527 году называетъ его юношей, изъ чего можно заключить, что онъ родился въ концѣ пятнадцатаго столѣтія [1]). Впервые мы встрѣчаемъ его въ 1522 г. въ Базелѣ, занимающимся корректурой и слушающимъ лекціи Эколампада о пророкѣ Исаіи. Въ Базелѣ же получилъ Денкъ званіе Magister liberalium artium и основательно изучилъ языки греческій, латинскій и еврейскій. Базельскій университетъ стоялъ тогда на высокой ступени, благодаря Дезидерію Эразму. Книжная торговля и издательская дѣятельность были въ рукахъ ученыхъ людей, составившихъ себѣ почтенныя имена. Такимъ образомъ молодой человѣкъ жилъ и вращался въ такихъ кружкахъ, гдѣ было вполнѣ возможно набраться знаній и развиться. По рекомендаціи Эколампада, Денкъ получилъ въ 1523 году мѣсто ректора въ школѣ св. Себальда въ Нюрнбергѣ. Сразу онъ зарекомендовалъ себя здѣсь не особенно благонамѣренно въ области религіозныхъ взглядовъ: его заподозрили въ отрицаніи ученія о св. Троицѣ; безъ утайки онъ заявлялъ себя защитникомъ швейцарскихъ ученій о причастіи; примкнулъ даже къ ученію Мюнцера, имѣвшаго много послѣдователей въ Нюрнбергѣ. Денка призвали къ отвѣту и изгнали изъ города въ концѣ 1524 года, съ обязательствомъ не подъѣзжать къ городу на десять миль. Нѣкоторое время онъ находился при Мюнцерѣ, а послѣ паденія Мюнцера явился въ С.-Галленъ [2]). Здѣсь онъ снова занялся корректурой и познакомился съ перекрещенцами. Примкнулъ онъ къ нимъ окончательно только въ Аугсбургѣ, вѣроятно, въ концѣ 1526 года. «Въ его лицѣ они сдѣлали пріобрѣтеніе, могущее служить украшеніемъ любой партіи,—говоритъ Корнеліусъ [3]):—такъ какъ, несмотря на свою юность, онъ уже былъ извѣстнымъ писателемъ, останавливавшимъ вниманіе современниковъ при помощи своей выдающейся

[1]) *Keller.* Ein Apostel der Wiedertaeufer. Leipzig, 1882, S. 28.
[2]) *B. Riggenbach.* «Hans Denk». «Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt». B. III, S. 540—542.
[3]) *Cornelius,* II, 42.

учености въ священныхъ языкахъ и еще болѣе при помощи самостоятельности и глубины теологическаго мышленія, а также нашедшимъ путь ко многимъ сердцамъ искренностью своихъ мистическихъ произведеній». «Въ этомъ прекрасномъ юношѣ,—говорилъ въ 1540 году противникъ перекрещенцевъ Вадіанъ:—были развиты всѣ задатки такимъ выдающимся образомъ, что онъ стоялъ выше своего возраста и казался выше самого себя». Въ другомъ мѣстѣ выставляются на видъ его любезность и нравственность [1]). Иногда можно было думать, что горячность Денка заведетъ его слишкомъ далеко и заставитъ отвѣчать нападающихъ на него въ ихъ же тонѣ,—можно было думать, что его книги полны клеветъ и обвиненій противъ партіи, преслѣдовавшей несчастнаго до конца его жизни,—ничуть не бывало! Онъ смотрѣлъ на вещи скромно, мягко, гуманно, съ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ, точно онъ соглашался со всѣми, что не мѣшало ему ясно высказывать свои убѣжденія; онъ ихъ высказывалъ безъ назойливости, но и безъ лицемѣрія [2]). Замѣчательны и характерны его собственныя слова, касающіяся споровъ и преслѣдованій. «Нѣкоторые въ такой степени клеветали на меня и обвиняли меня,—говорилъ онъ:—что даже кроткому и смиренному сердцу было очень трудно сдерживать себя въ извѣстныхъ границахъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ всегда было больно стоять въ несогласіяхъ съ нѣкоторыми людьми, которыхъ я все же не могу не признавать своими братьями, молящимися тому же Богу, которому молюсь и я, чтущими того же Отца, котораго чту и я. Потому я хочу (и такъ Богъ хочетъ), насколько это зависитъ отъ меня, не дѣлать изъ моихъ братьевъ противниковъ и изъ Бога судію, но стремлюсь примиряться съ противниками» [3]). «Я прошу, во имя Господа, моихъ враговъ простить мнѣ то, что я, по незнанію и помимо своей воли, совершилъ противъ нихъ. Прошу также за всѣ несчастія, вредъ и позоръ, причиненные мнѣ ими, никогда не мстить имъ» [4]).

Его ученіе было вполнѣ выраженіемъ его прекрасной, кроткой, поэтической души; оно было въ высшей степени гуманнымъ, умиротворяющимъ: «Кто считаетъ себя христіаниномъ, тотъ долженъ идти по дорогѣ Христа, чтобы

---

[1]) *Keller.* Gesch. d. W. 34.
[2]) *Keller.* Ein Apostel, 21, 22.
[3]) *Ibid.*, 44.
[4]) *Ibid.*, 45.

придти въ царство Божіе. Кто не идетъ по этому пути, тотъ будетъ вѣчно заблуждаться». «Христа исповѣдуетъ тотъ, кто слѣдуетъ ему въ жизни». «Священное писаніе выше всѣхъ человѣческихъ сокровищъ, но внутреннее слово гораздо выше, такъ какъ это голосъ самого Бога. Священное писаніе для спасенія полезно, голосъ Бога въ человѣкѣ или внутреннее слово для этого необходимы». «Внутреннее слово, этотъ голосъ совѣсти, эта искра божественнаго духа въ человѣкѣ, дано всѣмъ людямъ, всѣмъ народамъ, даже не знающимъ и не имѣющимъ священнаго писанія». Мысль о благости Божіей была любимою его мыслью, и онъ потому не мирился съ наслѣдственностью грѣха, осуждающаго на гибель еще не грѣшившаго ребенка до его рожденія, не мирился съ невозможностью спасенія для язычниковъ, не получившихъ священнаго писанія, не мирился съ исключительнымъ спасеніемъ при помощи священнаго писанія и церковныхъ обрядовъ: «Лучше отказаться отъ этихъ обрядовъ, чѣмъ злоупотреблять ими». Онъ считалъ Бога воплощеніемъ истинной справедливости, безграничной доброты. Такой Богъ, по его ученію, не могъ обрекать на загробную гибель только-что родившагося ребенка или язычника, не знавшихъ ничего ни о священномъ писаніи, ни о религіозныхъ обрядахъ. Также придавалъ онъ большое значеніе свободной волѣ, и потому былъ защитникомъ практическаго христіанства. Вѣдь и Христосъ училъ не одними словами. Онъ подавалъ примѣръ своими дѣлами, своею жизнью. И точно, что бы это была за религія, если бы она не обязывала человѣка непремѣнно, безусловно быть послѣдовательнымъ, не отдѣлять слова отъ дѣла? Фарисеи всѣхъ вѣковъ и народностей чаще всего любили именно такую религію: проповѣдывать добро и дѣлать зло, надѣясь оправдаться только вѣрою. Но точно ли это вѣра, а не праздныя лицемѣрныя слова о вѣрѣ? Такіе проповѣдники вѣры безъ добрыхъ дѣлъ страшное зло и противъ нихъ нужно бороться всѣмъ и каждому, какъ противъ грозной язвы, растлѣвающей человѣчество. При помощи Денка въ Аугсбургѣ сильно развилось ученіе перекрещенцевъ, и къ поэтическому и гуманному проповѣднику примкнули не одни простые люди, но и значительныя особы. Лютеранскія духовныя лица жаловались на то, что «Гансъ Денкъ убѣдилъ въ Аугсбургѣ большинство настолько, что оно повѣрило ему». Еще бы не повѣрить тому, кто училъ только добру и правдѣ и самъ былъ на дѣлѣ добръ и правдивъ! Болѣе

прекрасный образъ рѣдко встрѣчается въ исторіи. Вліяніе Денка распространилось и далѣе, по Рейну, въ Швейцаріи, въ Франконіи, въ Швабіи, даже до Моравіи. Недаромъ же прозвали его современники перекрещенскимъ «настоятелемъ», «главою», «папой», «Аполлономъ». Гонимый врагами, Гансъ Денкъ, по счастію, избѣгнулъ пытокъ и казней: тяжелый недугъ сломилъ его въ юности и, онъ умеръ въ концѣ 1527 года въ Базелѣ, тихо, какъ жилъ...

Мы указали на трехъ выдающихся въ исторіи швейцарскаго перекрещенства людей: на задорнаго, необузданнаго, честолюбиваго свѣтскаго человѣка Гребеля, сдѣлавшагося случайно богословомъ; на талантливаго проповѣдника и серьезнаго кабинетнаго ученаго Гюбмейера, путемъ изученія дошедшаго до реформаціоннаго радикализма; на глубоко-гуманнаго и восторженнаго ученаго-поэта Денка, видѣвшаго въ религіи, прежде всего, ученіе справедливости и добра. Но за этими людьми стояла еще цѣлая масса проповѣдниковъ, иногда мало уступавшихъ имъ въ учености и вліятельности, иногда извѣстныхъ только потому, что ихъ казнили тутъ или тамъ. Останавливаться на каждомъ изъ нихъ здѣсь было бы излишне: мы пишемъ не церковную исторію перекрещенства, а хотимъ только указать на развитіе въ немъ новыхъ идей, на его отношенія къ обществу и на отношеніе общества къ нему въ тѣ смутныя времена страшной рѣзни.

Когда партія Гребеля познакомилась съ Мюнцеромъ, она отвергла крайности Мюнцера и самымъ положительнымъ образомъ высказалась противъ поднятія меча, хотя въ Цоликонѣ, мѣстечкѣ близъ Цюриха, гдѣ были сборища перекрещенцевъ, и принималось въ теоріи многое изъ крайнихъ взглядовъ о властяхъ и собственности, о военной службѣ и присягѣ и т. д. [1]). Не проповѣдывали кровавыхъ мѣръ и Гюбмейеръ, и Денкъ. Но мирные или немирные перекрещенцы должны были встрѣчать и встрѣтили одинаковое гоненіе со стороны властей и представителей церкви: и у тѣхъ, и у другихъ были въ памяти и виттенбергскія событія, и крестьянская война; входить въ разборъ тонкихъ отличій теперешней проповѣди перекрещенцевъ отъ проповѣди Мюнцера и его сподвижниковъ было трудно, если не невозможно, такъ какъ на это нужны были спокойствіе и хладнокровіе. Теперь были далеки тѣ блаженныя времена

---

[1]) *А. Несоцкій.* „Царство анабаптистовъ и общество меноннтовъ“, гл. II, стр. 432—433. *Sudre,* loc. cit., p. 117.

когда Лютеръ говорилъ: «Оставьте ихъ спокойно и бодро проповѣдывать, что они могутъ и противъ кого хотятъ; я уже говорилъ, что секты должны быть» [1]). Меланхтонъ тоже уже не повторялъ, какъ прежде: «Я не могу выразить, какъ взволновали меня эти люди. Вѣскія основанія привели меня къ тому, что я не могу не придавать имъ значенія. Въ нихъ царствуетъ извѣстный духъ, что ясно изъ многихъ доказательствъ» [2]). Теперь только и слышалось, что перекрещенцы дьяволы, что перекрещенство сатанинское наважденіе. Всѣхъ пугало одно ихъ названіе. И лютеране, и католики одинаково опасались новаго ученія, такъ какъ оно, въ концѣ-концовъ, могло всегда привести къ отрицанію существующаго склада жизни, и тѣмъ сильнѣе должна была казаться опасность, чѣмъ болѣе стойкими являлись проповѣдники, вѣрившіе въ непосредственное откровеніе Божіе, во внутреннее слово Божіе, въ практическое христіанство, и потому всегда готовые перенести всякія мученія. «Мы поймемъ,—говоритъ Гастъ: — неизбѣжность столкновенія, вспомнивъ, чѣмъ были эти люди: перекрещенцы въ своемъ сознаніи видѣли, что они стоятъ выше тогдашняго міра, и потому остаются непонятыми имъ; они были полны теплоты и убѣжденія въ возвышенности своего дѣла; у лучшихъ изъ нихъ не было въ душѣ противорѣчій, была вѣра во Христа, была надежда на Его второе пришествіе, обозначаемое крещеніемъ, какъ символомъ страданія до Его появленія; они горячо презирали свѣтъ съ его благами и презирали поколѣніе людей, исповѣдующихъ Распятаго только устами, хотя и имъ еще далеко не удалось сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они стремились быть,—«изъ злыхъ, тѣлесныхъ, алчныхъ и гордыхъ превратиться въ добрыхъ, духовныхъ, щедрыхъ и смиренныхъ людей, которые гордились бы крестною ношей и бѣдностью, временное счастіе считали бы за несчастіе, любили бы своихъ враговъ и благословляли бы проклинающихъ ихъ» [3]). Даже злѣйшіе враги ихъ, Скультатусъ, Капито, Беза, отдавали имъ справедливость [4]).

Крайне интересны факты, сохранившіеся въ лѣтописяхъ объ этихъ временахъ гоненій и мученичества перекрещенцевъ.

Послѣ крестьянской войны императорскій эдиктъ пове-

[1]) *Keller*, 28.
[2]) *Ibid.*, 17, 18.
[3]) *Hast*, 121.
[4]) *Ibid.*, 132.

лѣвалъ, «чтобы всѣ и каждый изъ перекрещивающихъ и перекрещиваемыхъ мужчины и женщины не дѣтскаго возраста, безъ предварительной инквизиціи духовныхъ судей, отъ естественной жизни приводились къ смерти при помощи огня, меча или тому подобнаго, смотря по положенію личности». Рѣшеніемъ шпейерскаго рейхстага отъ 29 апрѣля 1529 г. это приказаніе нѣсколько смягчилось: тѣ изъ перекрещенцевъ, которые по разслѣдованіи отказывались отъ своихъ заблужденій и соглашались на покаяніе, получали помилованіе, но нарушители мира, вожаки и распространители преступленія перекрещиванія, а также упорно держащіеся его или отпадающіе къ нему казнились безъ милосердія [1]). По этимъ указамъ дѣйствовали во всей Германіи за немногими исключеніями. Перекрещенство являлось государственнымъ преступленіемъ. То же самое мы видимъ и въ Швейцаріи. Въ Цюрихѣ былъ изданъ эдиктъ противъ секты. Согласно этому эдикту, всѣ настоящіе и будущіе перекрещенцы штрафовались сначала деньгами, потомъ тюремнымъ заключеніемъ, и, наконецъ, оставившіе секту и снова возвратившіеся къ ней приговаривались къ смерти [2]). Къ преслѣдованіямъ подталкивали всѣ не принадлежащіе къ сектѣ. Въ католическихъ земляхъ перекрещенцевъ преслѣдовали, какъ «наихудшихъ дѣтей Лютера»; въ евангелическихъ государствахъ ихъ рѣдко щадили уже потому, чтобы избѣжать подозрѣнія въ сообщничествѣ съ ними [3]). Лютеръ говорилъ: «Теперь такія удивительныя времена, что князья достигнутъ царства небеснаго скорѣе при помощи пролитія крови, чѣмъ другіе при помощи молитвы» [4]).

Отъ этихъ подстрекательствъ не удерживало ни Лютера, ни Меланхтона даже и то, что именно въ эту пору начались казни лютеранъ. Первая казнь лютеранъ совершилась 1 іюля 1523 г. въ Брюсселѣ. «Рѣзня началась!»—восклицаетъ по этому поводу Эразмъ, а Лютеръ почти съ радостью говоритъ: «Наконецъ-то Христосъ пожалъ первые плоды нашего слова и создалъ новыхъ мучениковъ». Выражаясь такимъ образомъ, Лютеръ имѣлъ въ виду ту мысль, что «кровью укрѣпляется церковь». Эту мысль выражалъ и Эразмъ, замѣтивъ: «Вездѣ, гдѣ Алеандръ, ярый преслѣ-

[1]) *Hast*, 161—163.
[2]) *Hase*, 41; *Вишняковъ*, 500.
[3]) *Hase*, 34.
[4]) *Ibid*, 34.

дователь лютеранъ, воздвигаетъ костры, онъ какъ бы сѣетъ новыхъ еретиковъ». Лютеранъ мучили жестоко: Рейхлеръ, инквизиторъ, приколачивалъ ихъ за языки къ столбу въ Вюртембергѣ; въ Сѣверной Германіи Генрихъ Цютфенъ жегъ ихъ массами; въ Офенѣ книгопродавца Іоганнеса обложили книгами и зажгли [1]). И все же вожаки этихъ людей науськивали преслѣдователей на перекрещенцевъ.

Только одинокіе голоса иногда раздавались противъ огульныхъ преслѣдованій. Такъ, ландграфъ Филиппъ, иногда возвышающійся надъ понятіями современниковъ, писалъ курфирсту саксонскому: «Перекрещенцы не всѣ одинаковы; нѣкоторые изъ нихъ простые набожные люди. Проповѣдывающіе дѣломъ и хватающіеся за мечъ могутъ быть легко наказаны мечомъ. Съ заблуждающимися же только въ вѣрѣ нужно дѣйствовать благоразумно. Вѣра — милость Божія и стоитъ не во власти человѣка» [2]). Это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Казнили не только по одиночкѣ, но группами. «Ихъ хватаютъ,—говоритъ Себастьянъ Франкъ:— во многихъ мѣстахъ съ большою жестокостью и заключаютъ въ тюрьмы, мучатъ огнемъ, мечомъ, водою и заточеніемъ, такъ что въ немногіе годы ихъ погибло до 2.000 человѣкъ» [3]).

Въ 1527 году въ Зальцбургѣ перекрещенцы были сожжены съ домомъ ихъ сборищъ [4]). Стойкость мучениковъ была изумительна. Одну шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, «почти красавицу», хотѣли пощадить, но ее нельзя было склонить къ отреченію отъ вѣры. Палачъ взялъ ее на руки, отнесъ къ лошадиной водопойнѣ и сунулъ въ воду; когда же она захлебнулась, ея трупъ сожгли.

Въ одномъ изъ швейцарскихъ городовъ подвергли пыткѣ пойманнаго неизвѣстнаго перекрещенца, пытаясь узнать, откуда онъ родомъ и кто его соучастники. За признаніе ему обѣщали свободу.

— Я сынъ земли,— отвѣтилъ онъ: — земля — моё отечество, она же моя могила. Мое тѣло въ вашей власти; разрушайте, рвите, жгите его, если это вамъ угодно, мнѣ все равно. Господь закрылъ мои уста, да не выскажутъ они ничего вреднаго для моихъ братьевъ, такъ какъ ихъ часъ

---

1) *Merle d'Aubigné*. «Geschichte der Reformation». Stuttgart, 1849. III. 120—132.
2) *Ibid.*, 38.
3) *Keller*, 26.
4) *Hase*, 34.

еще не насталъ. Муки не касаются моей души, исполненной радости отъ внутренняго, ниспосланнаго ей Богомъ утѣшенія.

Когда палачъ посовѣтовалъ ему спастись отъ мукъ доносомъ, онъ плюнулъ палачу въ лицо и отвѣтилъ:

— Прочь, сатана! Что ты понимаешь о Богѣ?!

Когда его все же отпустили съ угрозами, онъ сказалъ:

— Вы видѣли на свою погибель исповѣдника новой церкви.

Георгъ Вагнеръ, набожный, безупречный человѣкъ, былъ схваченъ въ Мюнхенѣ. Въ его тюрьму пришелъ самъ герцогъ, чтобы уговорить его, и обѣщалъ прислать къ нему его жену и ребенка, чтобы они смягчили его сердце.

— Я не продалъ бы жену и ребенка за все твое княжество, — отвѣтилъ Вагнеръ. — Но и ради ихъ я не откажусь отъ Господа, не отвергну для Него все и самого себя.

Его сожгли.

Откуда почерпали люди силы къ этой стойкости? Одинъ изъ друзей Цвингли называетъ это наглостью, замѣчая: «Они нагло настаивали на своихъ убѣжденіяхъ до конца». Меланхтонъ, видя отвагу перекрещенцевъ въ виду смерти, предполагаетъ, что «въ нихъ сидитъ дьяволъ, такъ какъ онъ тоже можетъ укрѣплять сердца противъ страха смерти». Лютеръ писалъ: «Этихъ чудовищъ нельзя укротить ни мечомъ, ни отнемъ; они оставляютъ женъ, дѣтей, дома и все, что они имѣютъ». Приписывая стойкость перекрещенцевъ среди мученій дѣлу сатаны, Лютеръ говорилъ: «Святые мученики, какъ нашъ Леонардъ Кейзеръ, умирали со смиреніемъ и великою кротостью относительно враговъ, а эти идутъ на смерть, укрѣпляя свое упрямство гнѣвомъ противъ враговъ» [1]). Но по большей части, никто изъ реформаторовъ, кажется, и не думалъ о томъ, что въ то же время въ католическихъ государствахъ такою же мученическою смертью умирали ихъ единомышленники, выказывавшіе ту же стойкость [2]). Эта стойкость была прямымъ слѣдствіемъ религіознаго воодушевленія и мученичество было масломъ, подливаемымъ въ это пламя. Перекрещенцы, какъ первые христіане, говорили: «Изъ примѣра и проповѣди нашей крови возрастетъ наша церковь» [3]). Они, казалось, были отчасти правы. «Ихъ церковь, — разсказываетъ Себастьянъ Франкъ:—увеличивалась и была обширна; потому

---

[1]) *Hase*, 34—41.
[2]) *Cornelius*, II. 55: *Hase*, 41; *Sudre*, 107.
[3]) *Hase*, 42.

что они терпѣливо страдали, каждый полагалъ, что ихъ дѣло правое, и они одни истинные христіане. Ихъ духъ, возбуждавшій ихъ, дѣлался сильнѣе и непобѣдимѣе съ каждою головой, упавшей подъ сѣкирой. Могущественнѣе, чѣмъ самое ученіе, дѣйствовали подвиги предшественниковъ и тѣснѣе, чѣмъ дѣлами любви, связывались братья сознаніемъ своей общей судьбы и исторіей церкви,—исторіей краткой по времени и богатой по страданіямъ, монотонной и хватающей за сердце по содержанію. Общины записывали имена мучениковъ и раздавали списки другимъ. Отчеты выдающихся свидѣтелей о кончинахъ, отчасти печатные, переходили изъ рукъ въ руки. Всѣ ихъ помыслы были исполнены представленій о кровавой борьбѣ терпѣнія и преданности царству Господню. Духовныя пѣсни, слагавшіяся тогда у нихъ во множествѣ, обращены только на этотъ предметъ. Они пѣли о своихъ мученикахъ, о Христѣ, пришедшемъ снова распространить свое чистое слово на землѣ и встрѣченномъ сатаною, который хочетъ залить кровью святое ученіе; они пѣли о томъ, какъ приходится имъ жить въ лѣсахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, скрываясь отъ огня и меча; какъ ихъ травятъ, подобно дикимъ звѣрямъ, псами [1]).

Какъ велика была вѣра перекрещенцевъ, это мы видимъ изъ множества примѣровъ. Николай Фрей изъ Виндесгейма бросилъ въ 1534 г. свою жену и шестерыхъ дѣтей, такъ какъ его жена не согласилась креститься. Въ Нюрнбергѣ сестра одного значительнаго лица, по ея собственному признанію, имѣла откровеніе Божіе, что она должна сойтись съ Фреемъ, что она и сдѣлала. Фрей увидалъ въ этомъ знаменіе Божіе и былъ убѣжденъ, что у него родится сынъ, который сотретъ главу нечестивыхъ. Фрей и его сожительница перебрались въ Страсбургъ и здѣсь Фрей былъ призванъ къ суду; ничто не могло поколебать его убѣжденій, и онъ былъ утопленъ [2]). Одна женщина пригласила къ обѣду друзей, накрыла столъ и стала ждать съ гостями обѣда съ неба. Въ откровеніи архангелъ Гавріилъ обѣщалъ ей дать обѣдъ, какъ народу израильскому давалась манна. Хозяйка и гости промолились весь день, и только ночью разошлись, голодные. Въ Амстердамѣ, вслѣдствіе откровенія, одинъ перекрещенецъ приказалъ мужчинамъ и женщинамъ

---

[1]) *Cornelius*, II, 60.
[2]) *Hase*, 34–37.

снять одежды и бросить ихъ въ огонь, какъ пріятную Богу жертву, такъ какъ дѣти Божіи должны сбросить все земное, и истина должна быть безъ покрововъ и обнаженною. Въ такомъ видѣ райской невинности они бѣгали по Амстердаму, восклицая: «Горе, горе этому городу!» Въ Базелѣ одна женщина получила откровеніе, что она проживетъ много лѣтъ безъ пищи и питья, какъ Моисей, Илія и Христосъ въ пустынѣ. На десятый день она умерла съ голоду. Въ Сенъ-Галленѣ одна семья, Шуггеры, провела двое сутокъ въ откровеніяхъ и видѣніяхъ, какъ вдругъ одинъ изъ братьевъ приказалъ другому стать на колѣни и, съ его согласія, въ глазахъ родителей, обезглавилъ его, такъ какъ это повелѣлъ ему Богъ [1]). Многіе перекрещенцы, особенно женщины, во исполненіе словъ Спасителя: «Будьте, какъ дѣти», находили христіанское совершенство въ тѣхъ, которые разыгрывали изъ себя дѣтей, принимали ихъ манеры, играли въ ихъ игры, сидѣли на голой землѣ нагіе и т. д. [2]). Другіе, основываясь на словахъ апостола Павла: «Но вся дни умираю» и «спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть», на самомъ дѣлѣ хотѣли умирать ежедневно. Но какъ это сдѣлать?. Перекрещенцы придумали такого рода опредѣленіе смерти: «Смерть есть нечто иное, какъ прикровенное восхищеніе на небо». Отсюда, — говорили они: — чтобы исполнить слова апостола, вовсе не нужно умирать на самомъ дѣлѣ, а достаточно соблюсти подобіе дѣйствительной смерти, восхититься на небо, выслушать тамъ неизреченные глаголы и потомъ снова обратиться къ обыденной жизни. И вотъ они внезапно падали на землю, дрожали всѣмъ тѣломъ, искривляли лицо, ломали руки, рѣдко и тяжело вздыхали, метались по сторонамъ и, измученные, лежали нѣсколько времени неподвижно, какъ мертвые. Потомъ тихо пробуждались, какъ будто понемногу приходили въ себя, и начинали разсказывать, каждый по своему, небесныя видѣнія. Одинъ видѣлъ Цвингли въ аду, другой слышалъ, какъ папу называли ангелы антихристомъ, третій смотрѣлъ книгу, гдѣ написаны имена всѣхъ избранныхъ и отверженныхъ Богомъ, и т. д. И какъ бы ни были нелѣпы эти разсказы, сектанты обязывали другъ друга свято хранить ихъ въ общинѣ, какъ божественное откровеніе, и не терпѣли никакихъ возраженій противъ нихъ,

---

[1]) *Hase*, 3; *Cornelius*, II, 65.
[2]) *Вишняковъ*, 502; *Cornelius*, II, 64.

называя «совопросниковъ» еретиками, обольстителями и возвѣщая имъ: «Горе, горе, геенскій огонь и ожесточеніе сердца!» Но мѣстамъ можно было видѣть такихъ мертвецовъ десятками и сотнями. И тогда, какъ одни изъ нихъ на самомъ дѣлѣ доводили себя до состоянія обморока истязаніемъ тѣла, другіе только шарлатанили [1]). Энтузіазмъ самъ по себѣ заразителенъ и уже одинъ онъ могъ привлечь къ перекрещенцамъ массы народа. Но къ этому нужно еще прибавить, что перекрещенцы поражали народъ множествомъ хорошихъ сторонъ своей жизни. «Я сознаюсь открыто, — пишетъ Кашито: — что у большей части перекрещенцевъ есть страхъ Божій и чистое рвеніе, такъ какъ какихъ же земныхъ преимуществъ могутъ они надѣяться достигнуть, подвергаясь сожженію, пыткамъ и ужасающимъ казнямъ? Передъ Богомъ свидѣтельствую я, что я не могу сказать, будто ихъ пренебреженіе къ жизни происходитъ болѣе отъ ослѣпленія, чѣмъ отъ божественнаго внушенія. Тутъ нѣтъ и слѣдовъ страстности и возбужденія; нѣтъ, съ разсудительностью и достойнымъ удивленія терпѣніемъ идутъ они на смерть, какъ истинные исповѣдники Христова имени». Отъявленный противникъ перекрещенцевъ, Бутцеръ, признаетъ, что между ними есть возлюбленныя дѣти Божіи. Михаилъ Затлеръ называетъ ихъ милыми друзьями Господа и мучениками во Христѣ. Кесслеръ и Вадіанъ рисуютъ Денка, какъ «человѣка любезнаго въ обращеніи, безупречнаго по поведенію, достойнаго великой славы и стоящаго выше всякихъ похвалъ, несмотря на его заблужденія». По словамъ Витцеля, перекрещенецъ Мельхіоръ Ринкъ былъ «человѣкомъ невѣроятной твердости и удивительной учености, и въ немъ нечего рѣшительно осуждать, кромѣ его религіозныхъ заблужденій». Но интереснѣе всего то, что самъ Лютеръ, не зная того, поставилъ, какъ мы указали, въ примѣръ своимъ единомышленникамъ одного изъ перекрещенцевъ, указывая, какъ умираютъ «настоящіе мученики»: Леонардъ Кейзеръ былъ не лютеранином, а представителемъ перекрещенской общины въ Шердингѣ [2]). Даже Себастьянъ Франкъ говоритъ: «Ихъ ученіе обошло быстро всю страну; много тысячъ народу перекрестили они, покоряя простыя сердца, стремившіяся къ Богу, своимъ добрымъ видомъ и буквою писанія,

[1]) *Вишняковъ*. 503—504; *Cornelius*. II, 65.
[2]) *Cornelius*. II. 56; *Keller*. 14.

которую они считали говорящею за нихъ. Повидимому, они учили только любви, вѣрѣ и кресту. Они оказывались терпѣливыми среди многихъ мукъ, кроткими въ жизни; они преломляли между собой хлѣбъ въ знакъ единенія, помогали съ полною готовностью другъ другу ссудами и дарами, и учили, что все должно быть общимъ» [1]). Къ этому надо прибавить умѣнье перекрещенцевъ организоваться и пропагандировать. Ихъ общества сходились тайно въ домахъ, въ лѣсахъ, безъ внѣшнихъ богослужебныхъ обрядовъ, но съ строгою церковною дисциплиной. Преслѣдованія все болѣе и болѣе развивали эту суровую внутреннюю строгость, а страстность поддерживала надежды на близкій переворотъ всего существующаго.

Помимо всего этого, въ самомъ народѣ коренились причины сочувствія къ перекрещенцамъ. Простой народъ чувствовалъ себя выросшимъ, узнавъ, что духъ Божій ставитъ его превыше мудрѣйшихъ людей въ мірѣ, и радовался, вмѣстѣ съ тѣмъ, надеждѣ на общее равенство и братство. Нерѣдко и отдѣльные священники мѣняли свои церковныя преимущества на высокую роль пророковъ, а отдѣльные ученые отдавали свои человѣческія знанія за эту божественную премудрость [2]). Народъ перекрещивался и чувствовалъ облегченіе. Онъ жилъ во время безконечныхъ преслѣдованій и страха, но въ его душѣ уже слышался призывъ къ небу, къ милосердной помощи Всемогущаго. Библейскія предсказанія звучали страшно и, въ то же время, утѣшительно. Къ какому времени могли относиться угрозы и пророчества пророковъ и Христа, какъ не къ настоящему? Развѣ Господь не послалъ своихъ вѣстниковъ, чтобы соединить свой народъ символомъ союза? Теперь Онъ очиститъ свой вертоградъ и накажетъ безбожныхъ. «Благо и радость избраннымъ Господа, и горе, горе міру, закрывшему уши передъ призывомъ къ покаянію и налагающему свои руки на святыхъ Господа!» [3]). И подъ этими впечатлѣніями сектанты находятъ вездѣ пріютъ. «Куда ни проникала нѣмецкая реформація,—говоритъ Газе:—отъ Альпъ до нидерландскихъ дюнъ и далѣе въ Англію и Швецію, вездѣ находились перекрещенцы и небольшія ихъ общины, не бравшія численностью, но бравшія энергіей, господствовали

---

[1]) *Hase*, 42.
[2]) *Ibid.*, 43.
[3]) *Cornelius*, II, 29; *Hase*, 43.

особенно въ Швейцаріи среди крестьянъ и, главнымъ образомъ, среди ремесленниковъ».

И, несмотря ни на что, ни на личную энергію, ни на сочувствіе извѣстныхъ группъ народа, перекрещенцы того времени носили въ самихъ себѣ зачатки разложенія и распаденія. Они были не признанною церковью, а тайнымъ обществомъ; этого было довольно, чтобы погибнуть. Тайному обществу, если не невозможно, то очень трудно придти къ полному единодушію во всѣхъ мелочахъ убѣжденій и образа дѣйствій. Эти вопросы трудно выяснить тайкомъ, прячась по угламъ, боясь преслѣдованій. Еще труднѣе сообщать всѣмъ членамъ общества принятыя рѣшенія, придуманныя мѣры. Уже ради одного этого, въ тайномъ обществѣ, особенно раскинувшемся на такое большое пространство и воспринявшемъ въ себя такіе разнородные элементы, должны были произойти расколы, партіи, отщепенства [1]). Недаромъ же ученые насчитывали уже въ самомъ началѣ перекрещенства десятки различныхъ партій. Но этого мало. Вездѣ и всюду гонимое, преслѣдуемое, тайное общество могло нѣкоторое время говорить, «что оно укрѣпляется своею кровью», но это могло быть вѣрно только до той поры, когда существовали цѣлыми и невредимыми его вожаки. Настало время, когда добрались и до нихъ. Немногимъ вожакамъ, какъ Іоанну Денку, удалось умереть своею смертью или избѣжать казни при помощи удаленія въ укромные уголки, какъ Гутеру. 5 января 1527 года утопили Феликса Манца въ Цюрихѣ. 21 мая того же года въ Ротенбургѣ пострадалъ Михаилъ Затлеръ: у него вырвали языкъ, тѣло разорвали раскаленными щипцами и сожгли. Его жену утопили вмѣстѣ съ его друзьями. Въ томъ же году казнили въ Мюнхенѣ учителя общины, набожнаго и безупречнаго Георга Вагнера. Въ сентябрѣ въ Аугсбургѣ убили Ганса Гута, при его попыткѣ бѣжать изъ тюрьмы, и сожгли его тѣло. Въ Шердингѣ, въ Баваріи, казненъ Леонардъ Кейзеръ. Блаурока сожгли въ 1529 году въ Клаузенѣ, въ Тиролѣ. Въ томъ же году сожжены въ Мюнхенѣ Гансъ Фейеръ и пятеро его товарищей, при чемъ утоплены три женщины. Въ Линцѣ погибли Вольфгангъ, Бандгуберъ и Гансъ Миттермейеръ съ семьюдесятью «братьями». Въ Цюрихѣ въ 1528 году погибаютъ Фалькъ фонъ-Гроссау и Гейнрихъ Рейманъ. Вольфгангъ Уле съ товарищами обезглавленъ въ

[1]) *Cornelius*, 63, 64.

Вальзее. 30 марта 1528 года нашелъ мученическую смерть въ Вѣнѣ Гюбмейеръ [1]).

Было бы долго перечислять всѣ имена этого страшнаго синодика, гдѣ рядомъ съ именами стоятъ роковыя слова: «Утоплено еще столько-то братьевъ». Кто они были? Имена ихъ, Господи, Ты знаешь. И никогда Иванъ Грозный не отдавалъ такихъ приказовъ, какой отданъ былъ, напримѣръ, герцогомъ Вильгельмомъ Баварскимъ: «Кто отречется отъ вѣры—обезглавить; кто не отречется—сжечь»

IX.

Гоненія могли привести къ двумъ исходамъ: или перекрещенцы должны были стушеваться, обезличиться, измельчать, потерявъ въ борьбѣ лучшія силы, или они должны были озлобиться, перейти отъ пассивной роли къ активной, снова поднять мечъ. Случилось послѣднее, но случилось въ такой дикой и страшной формѣ, что эта вспышка могла надолго оттолкнуть отъ перекрещенцевъ всѣ партіи и испугать даже ихъ самихъ. Это была вспышка безумнаго кроваваго террора, за которою должна была послѣдовать неизбѣжная полная реакція и удаленіе перекрещенцевъ со сцены общественной дѣятельности.

Новый фазисъ въ жизни перекрещенцевъ начался съ предсказаній о близкомъ пришествіи царства Божія. Событія, происходившія тогда въ области реформаціоннаго движенія, были такъ страшны, кровавыя расправы съ народомъ, съ лютеранами и перекрещенцами были такъ безчеловѣчно жестоки, что мысль о послѣднихъ временахъ являлась вполнѣ естественною въ экзальтированныхъ умахъ. Разъ Меланхтонъ сталъ вычислять по астрологическимъ наблюденіямъ, что Карлъ умретъ въ 1584 году. Услышавъ это, Лютеръ горячо воскликнулъ: «Да и міръ не простоитъ такъ долго. Когда мы отобьемъ турокъ, пророчество Даніила исполнится,—и конецъ. Тогда и страшный судъ у дверей» [2]). Вообще Лютеръ вѣрилъ, что до страшнаго суда осталось едва ли сто лѣтъ; мнѣніе это сдѣлалось эпидемическимъ среди его послѣдователей [3]). Еще болѣе должно было укрѣпиться это убѣжденіе среди перекрещенцевъ. Мы знаемъ, что самое ученіе ихъ допускало внутреннее откровеніе, даръ пророчества. Теперь эти пророчества приняли

[1]) *Keller*, 43, 44.
[2]) *G. Freitag*, loc. cit., 112.
[3]) *Hast*, loc. cit., 38.

особенный характеръ: въ нихъ начали звучать угрозы. Первымъ изъ представителей этого рода пророковъ явился нѣкто Гансъ Гутъ. Убѣжденный въ томъ, что Богъ избралъ его вѣстникомъ послѣднихъ дней, онъ велъ свою пропаганду словомъ и писаніемъ, пріобрѣтая не малое число послѣдователей. Онъ говорилъ, что «братья» будутъ разсѣяны и испытуемы, но потомъ Господь соберетъ вѣрующихъ, «чтобы наказать грѣшниковъ». Попы, проповѣдывавшіе ложное ученіе, будутъ призваны къ отвѣту, а святые получатъ обоюдуострый мечъ, чтобы отмстить, чтобы наложить цѣпи на князей и заключить знатныхъ въ оковы. Разрушеніе господствующаго царства начнется со вторженія турокъ. Въ это время вѣрующіе должны скрываться въ лѣсахъ и укромныхъ мѣстахъ. Но когда дикіе народы сдѣлаютъ свое дѣло, уцѣлѣвшая горсть вѣрующихъ добьетъ оставшихся грѣшниковъ. Затѣмъ придетъ Христосъ и настанетъ судный день на Пасхѣ 1528 года. Гутъ умеръ, не дождавшись этого желаннаго дня. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1529 году у него явился послѣдователь. Въ 1529 году скорнякъ Августинъ Бадеръ въ Аугсбургѣ возвѣстилъ о возстаніи, послѣ котораго должно начаться тысячелѣтнее царство; въ этомъ царствѣ будетъ царемъ сынъ Бадера, тогда какъ всѣ другіе цари погибнутъ. Этому сыну, еще малолѣтнему, должны были оказывать царскія почести. «Это не были призывы къ насилію, но надежды и ожиданія»,— говоритъ Корнеліусъ [1]).—«Во всякомъ случаѣ здѣсь была увѣренность, что въ извѣстные дни Господь накажетъ міръ при помощи вѣрующихъ, а отъ ожиданія этой минуты призыва къ помощи святыхъ былъ одинъ шагъ до убѣжденія и сознанія, что Богъ дѣйствительно призываетъ, и что вѣрующіе должны взяться за мечъ».—«Въ этихъ надеждахъ, построенныхъ на библейскихъ пророчествахъ, — говоритъ Келлеръ:—отражалось страстное желаніе мести. Уже тогда была тверда мысль о насиліи и свѣтской власти, все то, что принесло такіе страшные плоды» [2]). И не однимъ перекрещенцамъ казалось въ эту эпоху необходимымъ поднять мечъ. Даже осторожный Цвингли уже взывалъ къ защитѣ мечомъ вопросовъ вѣры, и не далеко было время, роковой 1530 годъ, какъ люцернскій палачъ расчетвертуетъ и сожжетъ тѣло павшаго на полѣ сраженія великаго реформатора [3]). Что-жъ

[1]) *Cornelius*, VI, 66.
[2]) *Keller*, 45.
[3]) *Merle d'Aubigné*, loc. cit., 309—400.

мудренаго, что въ эту пору перекрещенцы все сильнѣе пророчествовали о послѣднихъ дняхъ и призывали къ насилію. Впрочемъ, далеко не всѣ перекрещенцы относились сочувственно къ подобнымъ пророчествамъ, и главные представители, еще оставшіеся въ живыхъ, предостерегали «братьевъ» противъ такихъ пророковъ, какъ Гутъ и Бадеръ. Тѣмъ не менѣе, это направленіе начинало овладѣвать почвой, и нуженъ былъ только болѣе сильный, чѣмъ Гутъ и Бадеръ, человѣкъ, чтобы раздуть эту уже заброшенную въ перекрещенство искру. Такимъ человѣкомъ явился Мельхіоръ Гофманъ.

По собственнымъ показаніямъ Гофмана на допросѣ въ Страсбургѣ, онъ родился въ Галлѣ въ Швабіи [1]), былъ скорнякомъ или мѣховщикомъ, какъ выражались тогда [2]), въ Лифляндіи, увлекся реформаціоннымъ движеніемъ и въ 1523 году сдѣлался проповѣдникомъ новаго ученія. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о серьезныхъ знаніяхъ и богословской подготовкѣ; тутъ не было иногда даже умѣнья ясно, толково выражаться, такъ какъ Гофманъ нерѣдко говорилъ темно и сбивчиво, иногда крайне тривіально, иносказаніями и загадочными фразами. Онъ писалъ: «какъ Господь одѣлъ Адама и Еву въ мѣховыя одежды (Röcke), такъ должны и мы быть одѣты Богомъ Отцомъ овчиною Христа Іисуса, иначе все пропало» [3]). Тутъ мы имѣемъ дѣло просто съ непосредственнымъ религіознымъ энтузіазмомъ и съ произвольными толкованіями священнаго писанія. Такихъ проповѣдниковъ было въ тѣ времена не мало не только среди перекрещенцевъ, но и среди лютеранъ. Ученіе Лютера проповѣдывали на поляхъ, на площадяхъ, подъ тѣнью деревьевъ бѣжавшіе изъ монастырей монахи, студенты, частныя лица, собирая толпы народа и руководствуясь однимъ правиломъ: «Даромъ получили, даромъ даемъ». Иногда эти проповѣдники и ихъ слушатели получали даже названіе по мѣсту проповѣди; такъ, въ Госларѣ одинъ студентъ проповѣдывалъ на полѣ подъ липами, и его кружокъ получилъ названіе «липоваго братства» [4]). Перекрещенцамъ, гонимымъ болѣе лютеранъ, не имѣвшимъ покуда точекъ опоры въ церквахъ, приходилось еще чаще вести такую пропо-

---

[1]) *Cunitz.* «Melchior Hoffman». «Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt». B. VI. S. 212—216

[2]) *Hase*, 54.

[3]) *Ibid.*, 55.

[4]) *Merle d'Aubigné*, loc. cit., B. III, S. 85—86.

вѣдь, гдѣ попало. Но немногимъ изъ ихъ проповѣдниковъ выпала такая доля, какъ Мельхіору Гофману. Сначала онъ проповѣдывалъ въ духѣ Лютера, отрицая свободную волю и толкуя о предопредѣленіи. Потомъ, усвоивъ идеи Карльштадта, онъ уже явился иконоборцемъ и въ Дерптѣ не только переломалъ органъ и образа въ нѣмецкихъ церквяхъ, но коснулся и православной церкви [1]). Но онъ не остановился на этомъ. Пламенное воображеніе его было поражено библейскими предсказаніями и пророчествами; онъ началъ задумываться о послѣднихъ дняхъ и сталъ приготовлять нарядъ къ этимъ днямъ, грозя невѣрнымъ погибелью. Онъ въ 1526 году подробно вычислилъ, когда настанетъ день суда: черезъ семь лѣтъ, то-есть въ 1533 году [2]). Гонимый изъ мѣста въ мѣсто, скромный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и нетребовательный въ жизни, Гофманъ дошелъ до того, что все тверже и тверже сталъ вѣрить въ свое великое призваніе. Отвергнутый лютеранами, онъ примкнулъ къ послѣдователямъ Цвингли, но и они отвергли его, познакомившись поближе съ его ученіемъ. Тогда онъ примкнулъ къ перекрещенцамъ. Это было въ Страсбургѣ въ 1530 году; Страсбургъ былъ самою удобною почвой для дѣятельности перекрещенцевъ. Въ этомъ городѣ, болѣе чѣмъ гдѣнибудь, была смѣсь населенія и вліяній: выходцы изъ Германіи, Швейцаріи и Франціи находили здѣсь пріютъ; ученіе Лютера и ученіе Цвингли вели здѣсь борьбу. Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, нужны были смѣлые и рѣшительные представители реформаціи, а ихъ-то и не было въ Страсбургѣ. Здѣшніе представители реформаціи сами сознавались съ каѳедры устами Целле, что «настоящіе проповѣдники придутъ послѣ нихъ» [3]). Не мудрено, что на такой почвѣ могли развиваться всякія ученія и отрицанія доходили до послѣднихъ крайностей. Нерѣшительность проповѣдниковъ, споры между послѣдователями Лютера и Цвингли довели до того, что, напримѣръ, одинъ изъ блестящихъ защитниковъ реформаціи, Яковъ Штурмъ, занимавшій видное положеніе въ городѣ, цѣлые годы не ходилъ къ причастію, такъ какъ споръ проповѣдниковъ о причастіи не былъ рѣшенъ. Городской совѣтъ, видя несогласія проповѣдниковъ между собою, не рѣшался принимать крутыхъ мѣръ противъ радикаловъ реформаціи, когда ему предлагались

[1]) *Hast*, 246—247.
[2]) *Ibid.*, 250.
[3]) *Cornelius*, II, 78.

эти мѣры спорящими защитниками Лютера и Цвингли. Такая почва была очень удобна для перекрещенцевъ, и они болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, пользовались здѣсь успѣхомъ. Къ диспутамъ реформаторскихъ проповѣдниковъ они оставались равнодушны, говоря спорящимъ: «Вы покоряете наши языки, Богъ покоряетъ наши сердца» [1]). Здѣсь-то началъ свое дѣло Мельхіоръ Гофманъ. Его проповѣдь, часто не поддающаяся передачѣ, была полна мистическихъ предсказаній [2]). Читая *Апокалипсисъ*, онъ дѣлалъ изъ него выводы о послѣднихъ дняхъ, такъ какъ именно эта книга открываетъ обширное поле для произвольныхъ умозаключеній и выводовъ. Болѣзненно настроенные умы увлеклись этою туманною и спутанною проповѣдью Мельхіора Гофмана объ ангелахъ-мстителяхъ и въ Страсбургѣ стали появляться пророки и пророчицы. Гофмана называли «Иліей», а Страсбургъ «Новымъ Іерусалимомъ». Что-то похожее на повальное безуміе охватило умы. Но не здѣсь, не въ Страсбургѣ, суждено было разыграться финалу этой мистической вспышки; въ Страсбургѣ разыгрался только ея первый актъ. Издавая брошюру за брошюрой, проповѣдуя и крестя въ Страсбургѣ и въ другихъ ближайшихъ городахъ, убѣждаясь все больше и больше въ близости второго пришествія Христа и угрожая невѣрнымъ, Мельхіоръ Гофманъ, уже имѣвшій цѣлую массу послѣдователей, былъ, наконецъ, заключенъ въ тюрьму. Это было въ 1533 году. Именно въ этомъ году ждалъ Гофманъ второго пришествія. Заточеніе Гофмана въ тюрьму, предсказанное заранѣе,—предсказать этотъ конецъ, конечно, было легко,—должно было быть однимъ изъ предшествующихъ послѣднему дню событій. Гофманъ благодарилъ Господа за то, что «приближается часъ» [3]). Его послѣдователи тоже торжествовали. Гофманъ проповѣдывалъ имъ изъ тюрьмы о близости дня «отмщенія». Но не страсбургскіе послѣдователи Гофмана должны были явиться исполнителями послѣдняго акта страшной драмы. Путешествуя по разнымъ мѣстамъ, Гофманъ передъ тюремнымъ заключеніемъ посѣтилъ, между прочимъ, восточную Фрисландію. Здѣсь уже были заброшены сѣмена перекрещенства, и Гофманъ нашелъ преданныхъ послѣдователей и учениковъ. Когда Гофмана посадили въ тюрьму въ Страсбургѣ, среди его голландскихъ учениковъ выдвинулся вне-

[1]) *Keller*, II, 85.
[2]) *Cornelius*, II, 95—96.
[3]) *Ibid.*, 227.

редъ Янъ Матисенъ, булочникъ изъ Гарлема. Онъ назвалъ себя Енохомъ, сталъ проповѣдывать поднятіе меча противъ властей, выслалъ въ сентябрѣ 1533 года двѣнадцать апостоловъ на проповѣдь. Это былъ прямой результатъ страшныхъ гоненій противъ перекрещенцевъ въ Нидерландахъ [1]).

Въ это-то время всеобщаго одушевленія и подъема духа мельхіориты проникли въ Мюнстеръ.

Мюнстеръ—богатая епископская столица Вестфаліи, носящая и названіе по монастырю, около котораго сгруппировалось городское населеніе. Сорокъ канониковъ, аристократовъ, родныхъ выдающагося рыцарства, получившихъ образованіе, по большей части, въ Италіи, вели здѣсь веселую и роскошную жизнь, какою вообще отличалось высшее духовенство того времени. Нѣсколько купцовъ, путешествовавшихъ по торговымъ дѣламъ, занесли сюда реформаторскія стремленія, а нѣсколько молодыхъ капелановъ стали говорить проповѣди въ этомъ новомъ духѣ. Въ городѣ и въ окрестностяхъ жило коренное нѣмецкое населеніе. Отношеніе этого народа къ духовенству было среднее между завистью и презрѣніемъ [2]). Но мирное теченіе жизни не нарушалось покуда ни первыми реформаціонными идеями, ни отношеніемъ народа къ духовенству. Нужна была искра для начала пожара. Крестьянская война дала здѣсь первый толчокъ къ волненіямъ. Крестьяне попробовали ограбить одинъ монастырь. Предпріятіе не удалось; зачинщики были схвачены, приведены въ ратушу; но на рынкѣ собрались представители гильдій, и виновныхъ пришлось отпустить. Въ маѣ 1525 года ремесленники представили городу рядъ статей, требовавшихъ ограниченія правъ и имущества духовенства. Городской совѣтъ принялъ статьи, но епископъ Фридрихъ фонъ-Видъ, рыцарство и капитулъ отвергли ихъ. Въ то же время эти представители городского блеска, роскоши и разгула оставили городъ. Настала безработица, совпавшая съ подавленіемъ крестьянъ въ другихъ мѣстахъ. Это доставило перевѣсъ защитникамъ стараго порядка въ Мюнстерѣ, и въ мартѣ 1526 года все старое, повидимому, вошло снова въ силу. Оптимисты радовались и прославляли городскіе порядки, видя, что кругомъ идетъ пропаганда перекрещенцевъ и льется кровь возстающихъ, тогда какъ въ Мюнстерѣ царятъ тишина и

---

[1]) *Hase*, 57—58.
[2]) *Ibid.*, 14

порядокъ. Гроза же была близка. Въ это время въ капеллѣ св. Морица, за стѣнами города началась горячая проповѣдь реформаціонныхъ идей Бернтомъ или Бернгардомъ Ротманомъ, изучавшимъ въ Майнцѣ гуманистическія ученія. Власти, вызвавшія его сюда и давшія ему мѣсто, дали ему средства для дальнѣйшаго образованія въ Кельнѣ. Хотѣли ли его просто удалить, или надѣялись на благотворное вліяніе Кельна,—трудно рѣшить. Тѣмъ не менѣе, онъ уѣхалъ, и весной 1531 года мы видимъ его въ Виттенбергѣ. Къ празднику Вознесенія онъ былъ въ Шпейерѣ, потомъ направился въ Страсбургъ. Въ іюлѣ онъ появился снова въ Мюнстерѣ, и съ этой поры все бюргерство города стало стекаться по пятницамъ въ капеллу св. Морица, для слушанія проповѣдей Ротмана. Къ Ротману присоединились еще нѣкоторые прибывшіе изъ Гессена и Нидерландовъ проповѣдники и такимъ образомъ усилили проповѣдь новыхъ идей. Эти идеи угрожали не одной стародавней вѣрѣ, но и господству духовныхъ князей надъ городомъ. Князь-епископъ запретилъ эти проповѣди. Ротманъ издалъ свое profession de foi, въ довольно общихъ чертахъ излагая реформаціонные взгляды на возможность найти спасеніе только во Христѣ. При этомъ отвергалось уже служеніе образамъ и статуямъ, хотя искусство живописи и ваянія признавалось за божественный даръ. Признавалось покуда и повиновеніе властямъ, даже предписывалось выносить тиранію ради христіанской любви, «если только власть не шла противъ Бога». Ротманъ нашелъ откликъ на свою проповѣдь и его повела цѣлая толпа въ церковь св. Ламберта. Такъ какъ церковь была заперта, то ему устроили каѳедру на кладбищѣ, и здѣсь онъ сталъ проповѣдывать о евангельской свободѣ и противъ идолопоклонства. Толпа ворвалась въ церковь, и началось истребленіе иконъ. Католическія процессіи стали осмѣиваться въ карикатурныхъ подраженіяхъ этимъ процессіямъ. Волей-неволей совѣтъ, подъ давленіемъ гильдій, назначилъ евангелическихъ проповѣдниковъ въ приходскія церкви, а Ротмана утвердилъ въ церкви Ламберта. Въ это время произошло очень важное событіе: новый князь-епископъ графъ Францъ фонъ-Вальдекъ рѣшился принять крутыя мѣры, если городъ не выгонитъ новаторовъ. Онъ задержалъ быковъ, пригоняемыхъ въ городъ. Горожане заявили, что они скорѣе перенесутъ голодъ, скорѣе съѣдятъ своихъ дѣтей, чѣмъ выдадутъ новыхъ проповѣдниковъ. Въ то время они наняли триста ландскнехтовъ для обороны и вооружили

изъ своей среды шестьсотъ человѣкъ. Покуда князь-епископъ совѣщался въ своемъ увеселительномъ замкѣ Тельгте, покуда онъ посылалъ съ кроткими увѣщаніями угрожающее посольство въ городъ, вооруженные граждане напали ночью на Тельгте и въ день св. Стефана въ Мюнстеръ въѣзжали три воза съ барабанщикомъ впереди, при крикахъ: «Быковъ веземъ, быковъ! слышите, какъ они ревутъ?» Быками были господа каноники, совѣтники князя-епископа, уѣхавшаго наканунѣ изъ своего замка. Князь-епископъ хотѣлъ наказать городъ, но у города были теперь въ рукахъ важные заложники. Пришлось заключить миръ, и протестанты получили право свободнаго вѣроисповѣданія. Это было 14 февраля 1533 г. Въ то же время на выборахъ въ совѣтъ подъ вліяніемъ Ротмана одержала верхъ бюргерская партія. Не мудрено, что городъ ликовалъ и былъ три дня иллюминованъ [1]). Это была побѣда, но не побѣда лютеранъ. Можетъ-быть, въ началѣ своей реформаторской дѣятельности Ротманъ и былъ искреннимъ лютераниномъ, а не открытымъ поклонникомъ Цвингли. Но во время своего путешествія лѣтомъ 1531 года онъ только мелькомъ посѣтилъ Виттенбергъ, гдѣ едва ли видѣлъ Лютера и гдѣ Меланхтонъ, удивляясь его дарованіямъ, не безъ сомнѣнія отнесся къ стойкости его характера. Изъ Виттенберга его тянуло въ Страсбургъ, который онъ считалъ «первымъ изъ евангелическихъ городовъ». Здѣсь Ротманъ увидалъ весь внѣшній блескъ цвингліанской церкви и, повидимому, понялъ все ея внутреннее безсиліе. Трудно сказать, къ какимъ выводамъ пришелъ онъ, но достовѣрно то, что онъ уже не былъ въ душѣ лютераниномъ [2]). Тѣмъ не менѣе, онъ еще въ 1532 году переписывался и съ Меланхтономъ, и съ Лютеромъ, а также съ представителемъ цвингліанцевъ въ Страсбургѣ. Въ этихъ письмахъ его предостерегали отъ перекрещенцевъ, онъ же писалъ, что «перекрещенцы, благодаря Бога, ушли изъ города». Но религіозныя воззрѣнія въ то время развивались быстро въ живыхъ и воспріимчивыхъ умахъ, ведя ихъ къ радикализму. Уже въ 1533 году Ротманъ жалуется: «Лютеране все намъ угрожаютъ». Угрожать, можетъ-быть, было за что, такъ какъ онъ уже публично, съ рѣзкостью, несвойственной даже цвингліанцу, выступалъ противъ основныхъ догматовъ христіанства. До

---

[1]) *Hase*, 43—49.
[2]) *Cornelius* II. 143—144.

Меланхтона, до Лютера, до членовъ шмалькальденскаго союза стали доходить слухи, что мюнстерская церковь уклоняется отъ лютеранства. Но именно тутъ выказались вполнѣ дипломатическія способности Ротмана, его умѣнье успокаивать противниковъ, располагать въ свою пользу сильныхъ міра. Онъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которыя могутъ своею мягкостью довести человѣка до того, что тотъ станетъ оттачивать топоръ на свою собственную голову. Вѣдь послали же на свой счетъ Ротмана католическія власти Мюнстера изучать богословіе? Вѣдь переписывался же Лютеръ съ Ротманомъ, какъ съ опорой лютеранства въ Мюнстерѣ? Никто и никогда не могъ опредѣлить, когда и какъ переходилъ Ротманъ отъ католичества къ лютеранству, отъ лютеранства къ Цвингли, отъ Цвингли къ перекрещенству: переходя къ новымъ идеямъ, онъ еще носилъ маску старыхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ являлся противоположностью и Гюбмейера, и Карльштадта, которые откровенно и рѣзко мѣняли взгляды. И теперь, уклончиво скользя въ объясненіяхъ своихъ убѣжденій, отдѣлываясь общими растяжимыми фразами, Ротманъ, въ сущности, былъ оставленъ шмалькальденцами хозяиномъ церковныхъ дѣлъ въ Мюнстерѣ. Онъ принялся за это дѣло горячо и ввелъ церковное устройство, напоминавшее страсбургскіе и оберландскіе церковные порядки, то-есть цвингліанскіе. Выборъ проповѣдниковъ предоставлялся кирхшпилямъ, т. е. приходамъ. Выбирались два человѣка, изъ которыхъ одинъ и утверждался назначенными для этого совѣтомъ властями, экзаменаторами. Совѣтъ заботился о школѣ, ставя во главѣ ея ученаго, набожнаго и честнаго человѣка; для дальнѣйшаго богословскаго образованія, совѣтъ нанималъ двухъ преподавателей для чтенія и объясненія *Ветхаго* и *Новаго Завѣтовъ*. Для помощи бѣднымъ въ приходѣ учреждались денежныя кружки и выбирались дьяконы, собиравшіе деньги во время проповѣдей и управлявшіе вмѣстѣ съ епископомъ распредѣленіемъ помощи между бѣдными изъ особыхъ церковныхъ доходовъ. Господа благотворители, назначенные совѣтомъ, имѣли надзоръ за нищими и представляли достойныхъ помощи. Кромѣ того, тотъ же совѣтъ опредѣлялъ господъ исправителей, имѣвшихъ, между прочимъ, обязанность разбирать супружескія несогласія. Въ этомъ законодательномъ актѣ, между прочимъ, говорилось, что избранные проповѣдники должны будутъ разработать уставъ церковныхъ порядковъ, учитель и экзаменаторъ—школьны-

уставъ, а кромѣ того, долженъ составиться исправительный кодексъ для поддержанія религіи и добрыхъ нравовъ [1]). Это былъ проектъ, еще не осуществившійся на дѣлѣ, но, тѣмъ не менѣе, онъ давалъ надежду на прочные новые порядки. Ротманъ въ это время былъ главою мюнстерской церкви, ея правителемъ и законодателемъ. Гильдіи признавали въ немъ своего вожака, совѣтъ былъ обязанъ ему своимъ существованіемъ, евангелическое бюргерство видѣло въ немъ освободителя отъ папства. Отъ него ждали спасенія въ будущемъ, его осыпали почестями, всѣ праздновали его женитьбу на вдовѣ городского синдика, хотя и ходили слухи, что она отравила мужа, чтобы выйти за Ротмана [2]). Никакой праздникъ не обходился безъ Ротмана. Но если при помощи хитрой и ловкой уклончивости и изворотливости Ротману удалось провести всѣхъ своихъ недоброжелателей и устроить свою церковь по-своему, то этихъ качествъ было очень мало, чтобы отстаивать и утверждать созданное, чтобы противустоять такимъ прямолинейнымъ радикаламъ, какъ перекрещенцы. Для борьбы съ ними нужны были не уклончивость и ловкость, а твердыя убѣжденія, которыхъ до этой поры не замѣчалось у Ротмана. Перекрещенцы же были уже на порогѣ Мюнстера. Ротманъ быстро началъ измѣняться: велъ болѣе скромную жизнь, уклонялся отъ пировъ, сталъ блѣденъ. Онъ готовился къ самому рѣшительному шагу въ жизни: какъ отнесутся теперь къ нему люди, еще недавно носившіе его на рукахъ? Уже въ іюлѣ 1533 года Мюнстеръ посѣтили гонимые вожаки голландскаго перекрещенства [3]). Годъ тому назадъ Ротманъ возсталъ противъ перекрещенцевъ, теперь у него въ душѣ было не мало точекъ соприкосновенія съ ними: онъ отвергалъ крещеніе дѣтей, онъ вѣрилъ въ оправданіе дѣлами, онъ такъ же смотрѣлъ на таинства, онъ заботился объ улучшеніи внутренней и внѣшней жизни. Надо прибавить еще, что, по совѣту Гофмана, перекрещенцы теперь не крестили взрослыхъ: Гофманъ совѣтовалъ воздержаться отъ этого на два года [4]). Ротманъ сошелся теперь съ этими людьми. Тщетно епископъ предостерегалъ совѣтъ отъ этихъ проповѣдниковъ: совѣтъ привыкъ повиноваться болѣе всего Ротману, да и перекрещенцы, выгнанные въ одни ворота,

---

[1]) *Cornelius*, II, 147—148.
[2]) *Hase*, 52.
[3]) *Ibid.*
[4]) *Ibid.*, 57.

возвращались въ другія. Собранія этихъ людей происходили тайно, какъ собранія заговорщиковъ, всѣ ждали какихъ-то необычайныхъ событій.

14-го января 1534 года въ Мюнстерѣ появились люди въ странной одеждѣ, принесшіе вѣсть, что не слѣдуетъ болѣе проповѣдывать съ каѳедры и что слѣдуетъ воздерживаться отъ посѣщенія церквей. Это были два апостола, высланные изъ Голландіи Матисеномъ, и одинъ изъ нихъ былъ Іоаннъ Бокельзонъ, самая трагическая личность изъ всѣхъ перекрещенцевъ.

X.

Событія, наступившія теперь въ Мюнстерѣ, были похожи на странный, невѣроятный сонъ, на какую-то небывалую, волшебную сказку. Удивительно тутъ было все: и быстрая смѣна положеній, и возвышеніе людей, и сцены царской роскоши, и сцены жестокихъ кровопролитій. Все, что происходило здѣсь, было возможно только какъ результатъ сильнаго эпидемическаго возбужденія умовъ, повальной экзальтаціи цѣлыхъ массъ людей, совершенно исключительнаго положенія, въ которое были поставлены дѣйствующія лица. Вотъ почему, разсказывая событія и описывая дѣятелей этого времени, приходится не вдаваться въ строгую критическую оцѣнку ихъ дѣйствій, какъ нельзя требовать граціи отъ находящагося въ конвульсіяхъ человѣка или соблюденія всѣхъ правилъ фехтовальнаго искусства въ самомъ разгарѣ кровопролитнаго боя. Прежде всего, надо остановиться на выдающейся личности Іоанна Лейденскаго.

Іоаннъ Бокельзонъ или Бекельцоонъ, то-есть сынъ Бокеля или Бекеля, прозванный уже потомъ Іоанномъ Лейденскимъ, родился въ 1509 или въ 1510 году въ Гаагѣ [1]). Его отецъ,

---

[1]) Сообщая подробности жизни Іоанна Бокеля, я пользовался, главнымъ образомъ, біографіей его, составленной *Б. Резе* въ энциклопедіи *Эрша* и *Грубера* (21 томъ, стр. 438—467, изд. 1843 г.). На другія книги ссылки помѣчены въ примѣчаніяхъ. Всѣ писавшіе объ Іоаннѣ Лейденскомъ пользовались, главнымъ образомъ, тремя сочиненіями: *Дорпа* или *Дорпеуса*, прибывшаго въ Мюнстеръ, когда развалины города были еще свѣжи, *Гресбека*, мюнстерскаго бюргера, свидѣтеля осады, пробывшаго во время ея въ Мюнстерѣ, и *Керсенбройка*, бывшаго ребенкомъ при началѣ осады и бѣжавшаго изъ города. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ современныхъ свидѣтелей, есть еще множество современныхъ же, но не имѣющихъ важнаго значенія, летучихъ листковъ, полемическихъ брошюръ и т. п. Всѣ эти сочиненія написаны противниками перекрещенцевъ, такъ что на видъ выставляются въ этихъ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ, темныя стороны описываемыхъ дѣятелей.

деревенскій староста изъ Графенгагена или Севенгагена; его мать—служанка изъ окрестностей Мюнстера, изъ мѣстечка Додорфа. Аделанда, такъ звали мать Іоанна Бокеля, оставила родителей и пошла на заработки; она поступила въ услуженіе къ Бокелю-отцу, женатому на старухѣ, и Бокель влюбился въ нее. Плодомъ ихъ интимныхъ отношеній былъ Іоаннъ. Лѣтъ черезъ семь Бокель овдовѣлъ и женился на Аделандѣ. Дальнѣйшая судьба родителей Іоанна почти неизвѣстна: вѣроятно, отецъ умеръ очень рано, такъ какъ Іоанна пришлось отдать на воспитаніе къ роднымъ въ Лейденъ. Мать умерла позже. Эти родные отдали мальчика обучаться портяжному ремеслу. Мальчикъ посѣщалъ, кромѣ того, и школу, учился читать и писать, а, можетъ-быть, и латыни. Блестящій по способностямъ, унаслѣдованнымъ отъ матери [1]), онъ учился прилежно и послѣ нерѣдко убѣгалъ отъ работы ради чтенія книгъ. Возмужавъ, онъ совершилъ въ качествѣ подмастерья портного путешествіе въ Англію, гдѣ пробылъ четыре года; побывалъ въ Лиссабонѣ, попалъ во Фландрію, дошелъ до Любека, занимаясь портняжнымъ дѣломъ и торговлею. Потомъ онъ поселился въ Лейденѣ близъ воротъ, откуда дорога вела въ Гаагу. Здѣсь въ форштадтѣ Іоаннъ открылъ пивную «Трехъ селедокъ» [2]). Бокель женился въ это время на вдовѣ матроса и имѣлъ двухъ дѣтей. Среди веселаго кружка молодежи, собиравшагося въ пивной, Іоаннъ игралъ если не первую, то первенствующую роль. Красавецъ собой, высокій, стройный, ловкій молодой [3]), онъ отличался какъ поэтъ, какъ драматургъ, какъ исполнитель своихъ пьесъ, въ которыхъ онъ любилъ особенно роли королей. Вмѣстѣ со своими друзьями онъ образовалъ поэтическое общество, какихъ тогда было не мало въ Голландіи; члены такихъ обществъ назывались «риториками»; собранія ихъ являлись оппозиціею церкви; на представленія ихъ стекались массы народа. Нечего и говорить, что пивная и народные спектакли привлекали не одну порядочную молодежь, но и распущенную сволочь, что и дало потомъ, когда Бокелю приписывалось все дурное, поводъ говорить, что Іоаннъ содержалъ когда-то «кабакъ» и домъ «терпимости». Но это одна изъ той массы клеветъ, которыя впослѣдствіи обрушились на Іоанна: онъ палъ, а

---

[1]) *Hast*, 324.
[2]) *Hase*, 76.
[3]) Портретъ его, исполненный Христофомъ фонъ-Спхемомъ, не даетъ никакого понятія о его красотѣ, о которой говорятъ всѣ его біографы.

«падшимъ—кулаки», какъ говоритъ киргизская пословица. Въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, этотъ двадцатичетырехлѣтній юноша не только принадлежалъ къ протестующему противъ церкви кружку молодежи, занимаясь свѣтской литературой, театральнымъ искусствомъ, актерскою дѣятельностью, но и слѣдилъ, какъ видно, за религіозными движеніями. Это видно изъ того, что, еще не будучи перекрещенцемъ, онъ въ іюлѣ 1533 года ѣздилъ въ Мюнстеръ, чтобы послушать «храбраго проповѣдника—dappere Predicanten», т.-е. Ротмана. Съ ученикомъ и преемникомъ Мельхіора Гофмана, гарлемскимъ булочникомъ, страстнымъ и суровымъ фанатикомъ, Іоганномъ Матисеномъ, онъ познакомился только осенью [1]). Посѣтивъ въ это путешествіе и другіе попутные города, Іоаннъ Бокель останавливался у лицъ, игравшихъ потомъ роль въ послѣднемъ перекрещенскомъ движеніи. Вернувшись въ Лейденъ и сойдясь съ Матисеномъ, онъ принялъ отъ послѣдняго крещеніе, обошелъ нѣкоторые города, крестя народъ, въ томъ числѣ окрестивъ и свою жену, и 13 января 1534 года мы уже видимъ его въ Мюнстерѣ. Перекрещенство переживало именно въ это время критическій моментъ: Гофманъ былъ въ тюрьмѣ; его намѣстникомъ въ Нидерландахъ былъ Іоаннъ Матисенъ; 1533 годъ приходилъ къ концу, а свѣтопреставленія не было; это могло дать поводъ сомнѣваться въ пророчествѣ Гофмана; съ другой стороны, страшно жестокія гоненія въ Нидерландахъ противъ перекрещенцовъ грозили задушить секту; Матисенъ крайне ловко воспользовался этимъ моментомъ и заявилъ, что Страсбургъ прогнѣвилъ Бога, что новымъ Сіономъ избирается Мюнстеръ, а свѣтопреставленіе откладывается на два года. Здѣсь, въ Мюнстерѣ, почва была вполнѣ подготовлена и уже шла невообразимая сумятица. Ротманъ уже въ концѣ 1533 года открыто перешелъ на сторону перекрещенцевъ, а 5 января 1534 года заявилъ громогласно требованіе, чтобы всѣ перекрещивались. Особенно сильно волновались въ это время женщины и по преимуществу оставившія монастырь монахини. Онѣ, казалось, были охвачены какимъ-то безумiемъ и производили наибольшую агитацію. Городскія власти чувствовали себя безпомощными и медлили предпринять какія-нибудь крупныя мѣры. Когда онѣ вздумали взяться за умъ, было уже поздно, такъ какъ городъ былъ, въ сущности, въ ру-

[1]) *Hast*, 325; „R. Enc. von Herzog», B. II, S. 510; *Hase*, 77.

кахъ перекрещенцевъ. Сначала перекрещенцы только ночью рѣшались призывать безбожныхъ къ обращенію, теперь, 7 февраля, уже днемъ раздались по городу жалобные голоса: «Кайтесь и креститесь, чтобы избѣжать мщенія Господа, такъ какъ день близокъ!» Одинъ портной, дѣлая странные жесты, кричалъ, что онъ видитъ на вышинѣ Небеснаго Отца со знаменемъ побѣды въ правой рукѣ, со многими тысячами угрожающихъ ангеловъ. «Кайтесь, кайтесь! Вѣчныя муки ждутъ васъ. Богъ хочетъ очистить гумно свое и сжечь солому въ неугасимомъ огнѣ. Кайтесь, и если хотите избѣжать божественнаго мщенія, то примите знакъ нашего союза» [1]). На слѣдующій день 500 вооруженныхъ перекрещенцевъ собрались на рыночной площади и овладѣли ратушей и оружейнымъ складомъ. Къ ночи городъ раздѣлился на два вооруженныхъ лагеря, между которыми протекала рѣчка Аге, пересѣкающая Мюнстеръ. Перекрещенцы пѣли ночью псалмы, ихъ женщины лежали на землѣ въ молитвахъ. Люди видѣли различныя видѣнія: образъ человѣка съ руками, полными крови; человѣка въ золотой коронѣ, съ мечомъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой; огненное облако, окутавшее городъ, и т. п. Въ это время выступилъ впередъ торговецъ сукнами изъ старинной и почтенной семьи, выгодно женившійся на богатой дѣвушкѣ, Бернтъ Книппердолинкъ, молодой и красивый сорви-голова, насмѣшникъ, кутила, аферистъ, промотавшій наполовину свое и женино состояніе. Не разъ онъ принималъ уже участіе въ уличныхъ безпорядкахъ противъ епископа, посидѣлъ въ тюрьмѣ, видался еще въ 1524 году въ Стокгольмѣ съ Мельхіоромъ Гофманомъ, принималъ участіе въ истребленіи иконъ, поддерживалъ Ротмана въ его реформаціонной дѣятельности, принималъ у себя Матисена и Бокеля. Вся его агитаторская дѣятельность велась какъ-то легкомысленно, съ юмористическимъ оттѣнкомъ, съ извѣстною безшабашностью. Вообще это былъ одинъ изъ самыхъ легкомысленныхъ, но опытныхъ и довольно смѣлыхъ агитаторовъ и бойцовъ. По утру на слѣдующій день послѣ захвата ратуши, Книппердолинкъ бѣгалъ по улицамъ съ перекрещенскимъ евангеліемъ и ворвался даже въ непріятельскій лагерь съ крикомъ: «Кайтесь, безбожные, гнѣвъ Божій надъ главами вашими! О, Отецъ, Отецъ, истреби ихъ!» Раненый однимъ изъ его род-

[1]) *Hase*, 59.

ственниковъ, онъ былъ запертъ въ башню, но и оттуда слышался его хриплый голосъ [1]). Члены совѣта овладѣли двумя воротами и послали за помощью. Уже былъ составленъ планъ атаки, уже на помощь городу шли родные канониковъ, отъ епископа приближалось посольство, когда разнеслась неожиданная вѣсть о заключеніи мира между противниками. Власти города постыдно струсили передъ заносчивостью перекрещенцевъ, побоялись братоубійственной рѣзни, съ сомнѣніемъ отнеслись къ своимъ собственнымъ силамъ, гдѣ были и лютеране, и католики, и, вѣчно нерѣшительные, погубили сами свое собственное дѣло въ самую выгодную, можетъ-быть, единственно выгодную минуту. Миръ былъ заключенъ на томъ основаніи, что каждый можетъ вѣрить, какъ хочетъ, лишь бы не было насилій и и власть оставалась въ покоѣ. Радость перекрещенцевъ трудно описать: «женщины прыгали такъ, точно хотѣли вознестись на небо, семилѣтнія дѣти пророчествовали, лица мужчинъ прояснились и стали снова прекраснаго цвѣта». Это была ихъ первая побѣда. Стремившіеся на помощь городу люди съ негодованіемъ вернулись обратно, предвидя плохой конецъ этого мира. Этотъ же конецъ предвидѣли многіе зажиточные граждане, уѣзжавшіе теперь изъ города, увозя свое имущество, кромѣ оружія и съѣстныхъ припасовъ, на которые было наложено запрещеніе. Запрещеніе уносить съѣстные припасы было такъ строго, что когда при обыскѣ двухъ школьниковъ, уходившихъ изъ города, нашли у нихъ хлѣбъ, то ихъ задержали; дѣти, впрочемъ, напились и съѣли тутъ же свой хлѣбъ; тогда ихъ отпустили. Ротманъ же въ это время призывалъ перекрещенцевъ изъ сосѣднихъ городовъ, говоря, что «въ городъ прибыли два пророка,—Бокель и Матисенъ,—и что они, отличаясь набожностью и святостью жизни, съ невѣроятною мягкостью проповѣдуютъ слово Божіе въ чистотѣ и безъ человѣческихъ прибавокъ». Оставивъ земныя сокровища, перекрещенцы должны были, по словамъ Ротмана, съ женами и дѣтьми стремиться въ Новый Іерусалимъ, въ храмъ Соломона, чтобы установить истинное богослуженіе послѣ истребленія идолопоклонства. Въ Мюнстерѣ, говоритъ Ротманъ, перекрещенцы должны были найти и небесныя сокровища, и земныя блага. Подобный призывъ не могъ остаться безъ отвѣта, когда повсюду перекрещенцы встрѣчали только го-

[1]) *Hase*, 61.

нія, когда ихъ жгли и топили массами. Начался наплывъ перекрещенцевъ, услышавшихъ это приглашеніе. Одни шли для наживы, другіе спасались отъ преслѣдованій. Приходили и бѣдняки съ сумой, приходили и богачи, тащившіе свои богатства. Несчастные люди, гонимые всюду, обрѣли теперь свой Іерусалимъ. Легко понять, къ какимъ результатамъ должны были привести эти два явленія—удаленіе изъ города однихъ, прибытіе въ него другихъ. Власть ежеминутно теряла главныхъ своихъ союзниковъ; перекрещенцы ежеминутно пріобрѣтали новыя подкрѣпленія. Время было такое, что событія смѣнялись не по днямъ, а по часамъ; уже 23-го февраля передъ выборами въ совѣтъ перекрещенцы предвидѣли свое торжество и не ошиблись: бургомистромъ явился Книппердолинкъ. Успѣхъ сразу точно опьянилъ эту массу, о которой уже ходили самые невѣроятные слухи, говорившіе о страшномъ возбужденіи людей на ея ночныхъ собраніяхъ, гдѣ дѣло доходило до конвульсій, до грязныхъ оргій во имя желанія «расплодиться»; теперь эта масса, какъ безумная, бросилась разрушать мѣста «идолопоклонства» и въ нѣсколько часовъ уничтожила памятники вѣковой культуры. Главный монастырь и другіе монастыри были разрушены и опустошены; произведенія искусства разбиты и поломаны; картины изрѣзаны; знаменитая библіотека Рудольфа фонъ-Ланге предана огню. Гербы знатныхъ фамилій, памятники, расписныя окна, органы, драгоцѣнные башенные часы,—все это уничтожалось. Книппердолинкъ приказалъ даже сбить шпили башенъ, такъ какъ «высокое должно быть уничтожено». На платформахъ башенъ поставили пушки, а ограбленный монастырь св. Морица сожгли [1]). Эта была минута дикой расправы, совершившейся подъ вліяніемъ страстнаго чувства, за вѣка дикихъ притѣсненій, совершавшихся съ холоднымъ расчетомъ. Люди едва ли сознавали то, что они дѣлали. Но когда наступило отрезвленіе, они тотчасъ сознали, что все, совершенное ими, не пройдетъ даромъ: мстители найдутся и нужно оградить себя отъ внезапнаго нападенія. Его ждали съ минуты на минуту. 26-го февраля шли совѣщанія «объ очищеніи» Новаго Іерусалима отъ враговъ, т. е. отъ папистовъ и лютеранъ. Матисенъ со свойственною ему мрачною рѣшительностью предложилъ коротко: «убить ихъ всѣхъ». Книппердолинкъ съ большимъ благоразуміемъ возразилъ: «Это во-

---

[1]) *Hast*, 338; *Hase*, 64.

оружить всѣхъ противъ насъ; лучше изгнать ихъ изъ города, если не перекрестятся». На слѣдующій день совершилось изгнаніе «нечестивыхъ». «Послѣ багровой утренней зари,—разсказываетъ историкъ мюнстерскаго царства Керсенбройкъ, одинъ изъ тѣхъ двухъ школьниковъ, которыхъ задержали въ воротахъ Мюнстера за кусокъ найденнаго при нихъ хлѣба: — сѣверный вѣтеръ поднялъ снѣжную вьюгу. Матисенъ крикнулъ по городу: «Вы, невѣрующіе, обратитесь, сама природа ужасается вашимъ постыднымъ дѣламъ. мечъ Господень носится надъ главами вашими! Идите принять знакъ союза, чтобы васъ не исключили изъ народа Божія!» Потомъ онъ объявилъ въ ратушѣ: «Кто не окрестится, долженъ уйти изъ города. Отъ сношеній съ безбожными загрязнится народъ Божій. Прочь, сыны Исава; наслѣдіе принадлежитъ сынамъ Іакова!» Тысячеустнымъ эхо повторили эти слова вооруженные перекрещенцы на всѣхъ улицахъ: «Вонъ, безбожные, Богъ, наконецъ, рѣшился наказать васъ! Кто не обратится, долженъ оставить городъ, иначе Богъ убьетъ его». Многіе позволили крестить себя; на рыночной площади стояли проповѣдники и передъ каждымъ ведро воды, откуда они поливали руками головы преклонявшихъ передъ ними колѣна, крестя, увѣщавая бросить зло и творить добро. Многіе уходили изъ города; замкнутыя двери выбивались и жители выталкивались изъ домовъ. По дорогѣ уходившихъ обыскивали, нѣтъ ли у нихъ чего-нибудь цѣннаго, и если что находили, то отнимали съ глумленіями и бранью. «Были изгнаны люди всякаго состоянія и возраста. Беременныя женщины рожали на снѣгу за городомъ. Матери съ полуодѣтыми дѣтьми, маленькіе мальчики съ своими родителями шли по снѣгу босикомъ, точно также и старики съ посохами въ рукахъ проходили по городу, а въ воротахъ у нихъ отнимали послѣдній грошъ, припрятанный ими». Но если въ городѣ происходили эти страшныя сцены, производимыя опьянѣвшею отъ фанатизма толпой, то за городомъ совершались не лучшіе поступки. Къ городу уже приближался непріятель. Онъ встрѣтилъ довѣрчиво шедшихъ къ нему навстрѣчу бѣглецовъ; среди этихъ несчастныхъ были многіе, содѣйствовавшіе годъ тому назадъ дѣлу реформаціи; совѣтники епископа совѣтовали казнить этихъ несчастныхъ беззащитныхъ людей, и казни совершались. Это было одно изъ новыхъ пятенъ, которыми покрывала себя тогдашняя власть. Слухъ объ этомъ долетѣлъ до Мюнстера и нѣкоторые изъ

гражданъ, еще не успѣвшіе уйти, видя, что казнь ихъ ждетъ и въ городѣ, и внѣ города, шли креститься [1]).

Непріятель уже приближался къ городу и располагался вокругъ него. Надо было готовиться къ защитѣ. Приготовленія дѣлались съ изумительными энергіей и разсудительностью. Все способное къ ношенію оружія населеніе раздѣлялось на отряды и роты; даже женщины были привлечены къ военной службѣ въ качествѣ стражи; дѣти обучались управлять лукомъ и стрѣлами. Противъ пьянства солдатъ и стражей былъ изданъ строжайшій указъ, угрожавшій за пьянство даже смертною казнью, такъ что трезвость защитниковъ Мюнстера сильно отличала ихъ отъ ландскнехтовъ епископа, пьянствовавшихъ по тогдашнему обычаю при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ то же время, главный соборъ превратился въ пороховой заводъ, колокола стали переливать въ пушки; долетавшія до города ядра собирались, чтобы быть посланными обратно. Покуда было возможно, изъ города дѣлались вылазки, съ цѣлью запастись съѣстными припасами на все время осады. Въ это время началась проповѣдь объ общности имуществъ. «Никто не можетъ принимать участія въ союзѣ и разсчитывать на вѣчное блаженство, если онъ не откажется отъ міра и не отброситъ всякихъ украшеній,—проповѣдывалъ Ротманъ.—Горе высокомѣрному Мюнстеру! Горе вамъ, украшающимъ себя золотомъ, драгоцѣнными камнями и дорогими платьями! Васъ отвергнутъ за то, что вы цѣните выше украшенія тѣла, чѣмъ украшенія души. Совлеките же съ себя ветхаго человѣка и его вожделѣнія и облекитесь въ новые панцыри». Призывъ покуда касался раздачи излишняго. Онъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Богачи безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ приносили деньги къ ногамъ Ротмана, разрывали векселя, нѣкоторые даже возвращали полученные по этимъ векселямъ проценты, какъ, напримѣръ, теща Книпердолинка, очень богатая женщина. Подъемъ духа въ этотъ моментъ былъ очень великъ.

Эта мѣра была крайне необходима, такъ какъ въ городѣ было не мало бѣдняковъ, особенно среди пришлаго населенія. Всѣ эти люди были размѣщены по просторнымъ монастырскимъ зданіямъ. Но ихъ надо было содержать, кормить. Послѣ первой проповѣди Ротмана была произнесена

---

[1]) *Hase*, 68.

проповѣдь Матисеномъ. Онъ заявилъ, что Отецъ небесный желаетъ, чтобы всѣ имущества были общими между христіанами, чтобы ими пользовались не по произволу, а по насущнымъ нуждамъ. На третій день онъ назначилъ молитвенное собраніе, чтобы Господь избралъ по своей волѣ семь мужей, которые будутъ раздѣлять между братьями имущество. Въ назначенный день были избраны семь дьяконовъ и посвящены на служеніе. Они должны были, прежде всего, удобно размѣстить бѣдняковъ. Въ это же время приказано было сносить въ одно мѣсто все золото, серебро и драгоцѣнные камни, подъ страхомъ казни за ослушаніе. Лишнія одежды слѣдовало отдавать неимущимъ. Волей-неволей должны были повиноваться и тѣ, кто не отдалъ всего добровольно раньше. Въ городѣ ходили слухи, что двѣ дѣвушки-пророчицы узнаютъ, кто не исполнилъ приказа. Къ казнохранилищу были приставлены три управителя; подати и проценты были отмѣнены, двери домовъ должны были оставаться открытыми днемъ и ночью; защищать ихъ отъ свиней, бродившихъ по городу, можно было только рѣшетками. Душою всѣхъ распоряженій были Матисенъ, Бокель и потомъ Книппердолинкъ; Ротману волей-неволей пришлось теперь стоять на второмъ планѣ. Но правленіе Матисена было кратковременнымъ. Страстный фанатикъ, горячо и слѣпо вѣрившій въ свое призваніе, онъ уже успѣлъ сдѣлать удачное нападеніе на враговъ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія онъ присутствовалъ среди друзей на свадебномъ пиру и «радовался о Господѣ». Тогда его охватилъ духъ пророчества, онъ склонилъ голову и сдѣлался похожимъ на мертвеца. Всѣ смолкли и смотрѣли на него. Когда онъ снова пришелъ въ себя, онъ сказалъ со вздохомъ: «О, возлюбленный Отецъ, не такъ, какъ я хочу, но такъ, какъ Ты хочешь». Онъ всталъ, подалъ руку каждому изъ присутствующихъ, поцѣловалъ каждаго въ губы и, проговоривъ: «Миръ со всѣми вами», удалился съ женою изъ собранія. На слѣдующій день онъ заявилъ, что ему, новому Гедеону, велѣно отбить врага и освободить городъ. Онъ взялъ длинное копье и вышелъ черезъ Андгерскія ворота съ двадцатью избранными тѣлохранителями, точно въ сопровожденіи войска. Съ замираніемъ сердца смотрѣли на удаляющагося пророка жители Мюнстера. Вотъ пророка окружили враги, вотъ блеснуло оружіе и черезъ минуту отъ этого высокаго, чернобородаго предводителя народныхъ массъ остались только куски мяса. На высокой палкѣ под-

нялась его голова и раздались насмѣшки враговъ [1]). Панический страхъ охватилъ городъ, и нужны были сила и вліяніе Бокеля, чтобы успокоить умы. Теперь этотъ человѣкъ, умѣвшій властвовать сердцами мужчинъ при помощи своего краснорѣчія и мужества, умѣвшій побѣждать сердца женщинъ при помощи своей выдающейся красоты и поэтической страстности, выдвинулся на первый планъ [2]). До этой поры оставалась въ Мюнстерѣ старая форма управленія при помощи совѣта. Этотъ совѣтъ былъ избранъ подъ вліяніемъ перекрещенцевъ, тѣмъ не менѣе, въ немъ были двѣ партіи, были разногласія. Послѣ Духова дня покончили и съ этимъ неудобствомъ. Пророкъ проявлялъ необычайное воодушевленіе и на народномъ собраніи Іоаннъ Лейденскій заявилъ: «Отецъ открылъ мнѣ, что новый Израиль получитъ новое законодательство. Существующій совѣтъ поставленъ людьми, теперь выборы должны совершаться по божескому внушенію». Затѣмъ было сказано, что двѣнадцать человѣкъ въ качествѣ старѣйшинъ будутъ управлять свѣтскими и духовными дѣлами двѣнадцати колѣнъ Израиля. Ротманъ прочелъ имена избранныхъ. Совѣту пришлось безмолвно покориться и уступить власть новымъ избранникамъ. Всѣ избранные члены старыхъ фамилій и пришлецы были преданными слугами пророка. Они представились собранію и получали отъ пророка мечъ со словами: «Прими право меча, ввѣреннаго тебѣ черезъ меня Богомъ Отцомъ, и суди по повелѣнію Божію». Потомъ все собраніе послѣ молитвы пророка запѣло: «Слава въ вышнихъ Богу». Вскорѣ послѣ этого Бокель объявилъ, что отнынѣ Книппердолинкъ будетъ носителемъ меча, т. е. палачомъ для истребленія злодѣевъ [3]). Сознаніе необходимости крутыхъ мѣръ въ новомъ положеніи, въ виду окружающихъ городъ враговъ, въ виду поддержанія военной дисциплины, стояло на первомъ планѣ. Уже въ первые дни власти Матисену и Бокелю пришлось казнить одного мюнстерца, волновавшаго народъ толками о томъ, что въ городѣ хозяйничаютъ иноземцы. Виновнаго призвали и Бокель публично поразилъ его алебардою, а Матисенъ прикончилъ выстрѣломъ.

Старѣйшинамъ предстояло не легкое дѣло устройства общества на новыхъ основаніяхъ. Трудно набросать болѣе

---

[1]) *Hase*, 74, 75.
[2]) *Keller*, 138.
[3]) *Hase*, 77, 78.

или менѣе подробную картину этого устройства, но все же любопытно ознакомиться хотя съ нѣкоторыми его сторонами. Мы видѣли, что въ Мюнстерѣ была введена общность имущества, хотя при этомъ извѣстно, что не было уничтожено право наслѣдства, что въ одномъ изъ послѣднихъ постановленій мюнстерскаго царства говорилось: «Кто возьметъ что-нибудь у другого хотя бы въ стоимость яйца, тотъ долженъ умереть». Такимъ образомъ, полной общности имуществъ на дѣлѣ не существовало: практическія развитіе и разработка этого принципа во всѣхъ отношеніяхъ были дѣломъ будущаго. Въ это горячее время было не до созданія законченныхъ законодательныхъ кодексовъ. Матисенъ требовалъ просто, чтобы «никто не имѣлъ собственности и полагался во всемъ на Бога». Деньги и драгоцѣнности, взятыя въ казну, служили для торговыхъ сношеній внѣ города и для закупки всякихъ продовольственныхъ припасовъ, при чемъ разсчитывалось на два года осады. Для трети способнаго носить оружіе населенія, находившагося постоянно на валахъ, пища приготовлялась въ кухняхъ, которыя были внизу. Далѣе говорится: «Что касается пищи и одежды, то каждымъ, нуждавшимся въ этомъ, а равно и его домашними, все получалось достаточно». Въ постановленіи старѣйшихъ значилось: «У воротъ находятся шесть домовъ, гдѣ четыре раза въ день кормятъ общину; братья садятся отдѣльно, сестры также; сидя за столомъ, нельзя говорить дурного. Передъ ѣдою всѣ молятся, потомъ, пообѣдавъ, поютъ псаломъ; во время ѣды читается глава изъ *Ветхаго Завѣта*. Они должны ѣсть и пить то, что подается, безъ ропота. Кто хочетъ имѣть ложку, долженъ приносить съ собою. Кто отрѣжетъ болѣе хлѣба, чѣмъ съѣстъ, того призываютъ къ старѣйшинамъ». Вино давалось исключительно больнымъ по необходимости и старѣйшинамъ въ извѣстныхъ случаяхъ. На ремесленниковъ и мастеровъ возлагалось производство предметовъ первой необходимости, при чемъ выдавались работающимъ сырые матеріалы. Портные должны были наблюдать, чтобы никто не носилъ платьевъ по модѣ и по иноземнымъ образцамъ. Всѣмъ предписывалось: «Для праведныхъ земля и всѣ вещи общія, но каждый долженъ работать, чтобы быть полезнымъ». Обмѣнная торговля была дозволена. Злоупотребленіе трудомъ ближняго въ свою пользу прекратилось. Приготовлялось раздѣленіе между жителями домовъ по жеребью. Люди рѣшились довольствоваться самымъ необходимымъ:

музыкальные инструменты были истреблены, нѣкоторыя женщины разбили свои зеркала, всякія книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и документы, привилегіи, манускрипты были уничтожены, за исключеніемъ того, что̀ спасъ Ротманъ, и вмѣсто всего этого, свѣтскаго, осталась единственнымъ утѣшеніемъ, единственною руководительницей *Библія*; на соборномъ дворѣ сожгли всѣ векселя и росписки, а въ страстную пятницу въ непріятельскій лагерь выгнали старую клячу съ соломенною куклой въ епископской шапкѣ, съ папскими указами въ видѣ украшеній, съ договоромъ о свободѣ евангелическаго вѣроисповѣданія на хвостѣ [1]). Такимъ образомъ, со старымъ порывались всѣ связующія нити. Эти люди жгли за собой мосты и корабли, какъ бы для того, чтобы не имѣть даже искушенія къ возврату на прежній путь. Извѣстный строгій порядокъ сохранялся при помощи старѣйшинъ. Они твердо держали бразды правленія, грозя смертною казнью ослушникамъ законовъ. Эти законы въ формѣ заповѣдей касались всѣхъ мелочей общественнаго строя и свидѣтельствуютъ ясно, что правители не сидѣли сложа руки. Почитаніе Бога, послушаніе власти старѣйшинъ, повиновеніе женъ мужьямъ, домашнихъ отцу семьи, обязанности отца семьи къ домашнимъ, преслѣдованіе разврата, скупости, грабежа, обмана, лжи и клеветы,—все это не было забыто, все это предписывалось подъ страхомъ Дамоклова меча—меча Книппердолинка [2]). Постановленія были совершенно въ духѣ того времени и отлича-

---

[1]) *Hase*, 70—74.

[2]) Пункты, въ отношеніи которыхъ была опредѣлена смертная казнь, слѣдующіе: 1) Чтить Бога и Его св. имя. 2) Почтеніе къ власти и родителямъ. 3) Главенство мужа и подчиненность жены. «Вы, мужи, любите своихъ женъ». Жены должны быть подчинены своимъ мужьямъ, какъ Господу. Поэтому: «Жена да боится мужа». 4) Послушаніе домочадцевъ господину и обязанность послѣдняго въ отношеніи первыхъ. 5) Грѣхи противъ брака. «Ты не долженъ любодѣйствовать» (Исх. XXX, 14). «Кто преступаетъ противъ брака съ женою кого-либо, тотъ смертью да умретъ, оба—любодѣй и любодѣйца» (Левитъ 3, 20, 10). «Кто взглянетъ на жену съ пожеланіемъ, тотъ въ своемъ сердцѣ уже преступилъ съ ней противъ брака» (Мато. V, 28). 6) О блудѣ и нечистотѣ всякаго рода (Исх. 22. Втор. 12). Если кто найдетъ дѣвушку и схватитъ ее, равно о безстыдныхъ и блудящихъ съ мужескимъ поломъ, или кто кровосмѣшничаетъ съ своими сестрами или близкими по крови — то, что воспрещаетъ писаніе (Лев. 18) и подобное (Лев. 20). Кто лежалъ съ женою во время регулъ и совершалъ то, что воспрещаетъ писаніе, тотъ совершаетъ мерзость, и долженъ умереть смертною казнью (1 Кор. VI, 81; Гал. V, 19; Еф. V, 3; Оесс. IV, 4 и 5), да не будутъ именуемы у васъ блудъ и всякая нечистота, какъ поллично святымъ.

лись крайнею строгостью. Но сначала въ Мюнстерѣ не было еще нужды цѣною крови покупать спокойствіе и соблюденіе порядка. Казни были покуда исключительными явленіями. Кровавый періодъ насталъ послѣ провозглашенія царемъ Іоанна Лейденскаго, и именно съ этого времени мы видимъ массу поступковъ, которымъ нѣтъ оправданія.

Іоаннъ Лейденскій, какъ мы знаемъ, былъ красавецъ, поэтъ, страстный двадцатипятилѣтній юноша. Онъ вѣчно былъ окруженъ женщинами, поклонявшимися ему; онъ самъ сладострастно смотрѣлъ на этихъ поклонницъ. Не разъ уже въ эти времена всякихъ «вопросовъ» поднимался вопросъ объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Мы уже упоминали, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ перекрещенцевъ слова «дай просящему» переводились словами «отдайся просящему». Даже въ евангелическихъ кружкахъ возникали тогда вопросы, точно ли божественное учрежденіе—«единоженство», и сомнѣнія насчетъ этого высказывались въ печати, а ландграфъ Гессенскій прямо повѣнчался со второй женой при жизни первой, и Лютеръ далъ на это нѣчто въ родѣ разрѣшенія, не видя тутъ большой бѣды. Не мудрено, что этотъ вопросъ явился на первомъ планѣ у Іоанна Лейденскаго. Пророкъ поднялъ его публично уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, и начались пренія. Ротманъ и его друзья возстали; но, несмотря на ихъ протесты, рѣшено было въ пользу мнѣнія Іоанна Лейденскаго, стоявшаго за многоженство. Въ минуты такого напряженнаго и возбужденнаго состоянія духа, въ какомъ находились мюнстерцы, стремленіе къ многоженству, къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ забвенію всего окружающаго въ объятіяхъ женщинъ было очень понятно. Прибавьте къ этому, что переселеніе въ Мюнстеръ иноземцевъ дало особенный перевѣсъ численности женщинъ надъ чис-

7) Скупость и хищеніе. 8) Воровство. 9) Обманъ и наживаніе прибыли. 10) Ложь и клевета. 11) Постыдныя рѣчи и гадкія слова. 12) Клевета, тайная злоба и нестроеніе въ народѣ Божіемъ. Былъ составленъ чинъ также и для мірского правленія; онъ былъ обнародованъ въ 31 §§. Здѣсь трактовалось объ управленіи общимъ имуществомъ, о разслѣдованіи и наказаніи происходящихъ проступковъ, о защитѣ города и общественномъ продовольствіи мужчинъ и женщинъ, занятыхъ работами въ крѣпостныхъ укрѣпленіяхъ, при чемъ названы поименно отдѣльныя личности, нуждающіяся въ хлѣбѣ и мясѣ, винѣ и пивѣ, одеждѣ, обуви, лошади и др. Между прочимъ, въ § 7 говорится: «О всемъ, что заблагоразсудятъ старѣйшины въ этомъ новомъ Израилѣ, долженъ возвѣщать пророкъ Іоаннъ Лейденскій, какъ вѣрный слуга всесвятѣйшаго и священнаго городского совѣта, Христовой общины и всего собранія Израиля». *Hast*, 353—355.

ленностью мужчинъ, и эти «лишнія» женщины радостно откликнулись на проповѣдь пророка. Пророкъ основывалъ свое ученіе, во-первыхъ, «на откровеніи» Божіемъ, къ которому прибѣгалъ онъ и ему подобные въ затруднительныхъ случаяхъ, а во-вторыхъ, на сказаніяхъ *Библіи* объ Авраамѣ, Іаковѣ, Давидѣ и Соломонѣ, имѣвшихъ по нѣсколько женъ. Онъ первый подалъ примѣръ другимъ и тотчасъ же женился на беременной вдовѣ Матисена, Диварѣ, уже будучи женатъ на служанкѣ Книппердолинка [1]). Не обошлось безъ протеста со стороны женъ; нѣкоторыхъ заключили за это въ тюрьмы, какъ жену Книппердолинка, другихъ даже казнили; были и такія, которыя сами наложили на себя руки. Шагъ, сдѣланный Іоанномъ, былъ рискованнымъ шагомъ; до этой минуты народъ видѣлъ въ немъ строгаго по жизни пророка; въ минуты возбужденія пророкъ то являлся на улицахъ въ темную ночь съ призывами къ покаянію, то вдругъ дѣлался нѣмымъ «по волѣ Господа» и, получивъ способность говорить, передавалъ народу волю Божію [2]). Теперь многіе жители Мюнстера въ проповѣди многоженства увидѣли проповѣдь простого разврата, и начался ропотъ. Послѣ того, какъ одинъ гражданинъ, порицавшій во всеуслышаніе этотъ законъ, былъ преданъ смертной казни, недовольные собрались около кузнеца Молленгека и совѣщались о томъ, чтобъ захватить преступнаго пророка и его народныхъ учителей, предать ихъ епископу, возстановить старое управленіе и вернуть изгнанниковъ. Заговорщикамъ удалось въ количествѣ 200 человѣкъ во время ночного нападенія 30 іюля захватить пророка и всѣхъ его проповѣдниковъ вмѣстѣ съ Книппердолинкомъ и посадить ихъ въ тюрьму; но сами заговорщики чувствовали себя слишкомъ слабыми въ сравненіи съ новаторами для окончательнаго исполненія своего намѣренія. Послѣдователи пророка при помощи женщинъ освободили плѣнныхъ. Заговорщики, спасаясь въ ратушѣ, бросали изъ оконъ свои шляпы, когда противъ нихъ были направлены пушки, просили пощады и предавались въ руки враговъ, не давая себѣ отчета подъ впечатлѣніемъ перваго страха, какой участи они подвергнутся. Двадцать пять заговорщиковъ

---

[1]) *Hase*, 81. *Келлеръ* говоритъ: «на дочери Книппердолинка» (Keller., 138). *Резе* говоритъ, что «Іоаннъ женился, вѣроятно, въ это время на дочери Книппердолинка, живя съ его служанкой».

[2]) *Hast*, 350.

были привязаны къ деревьямъ и на слѣдующій день разстрѣляны, а шестьдесятъ шесть человѣкъ, «чтобы не тратить пороха», на третій день были обезглавлены. «Кто сдѣлаетъ первый выстрѣлъ, — взывалъ Бокель, по словамъ Дорпа:—тотъ этимъ окажетъ услугу Богу». Обезглавливаніе совершилъ Книппердолинкъ съ величайшимъ удовольствіемъ, при чемъ по временамъ не скупился на пророчества для возбужденія духа. Бо́льшая часть плѣнныхъ не обошлась безъ ударовъ и ругательствъ. Самъ Іоаннъ Лейденскій казнилъ нѣкоторыхъ, «чтобы набить руку».

Напряженное состояніе чрезмѣрно строгаго и суроваго воздержанія сразу разрѣшилось теперь въ излишествахъ сладострастія. Люди брали по четыре, по шести женъ, не довольствовались взрослыми женщинами и сходились съ четырнадцати- и двѣнадцатилѣтними дѣвочками. Эти несчастныя, не достигнувшія половой зрѣлости, умирали или болѣли. Начинались тяжелыя времена для города. Тѣмъ не менѣе, городъ еще мужественно защищался. Въ непріятельскій лагерь посылались летучіе листки, имѣвшіе цѣлью посѣлить смуту въ враждебныхъ войскахъ и достигавшіе нерѣдко цѣли. Почти всѣ ландскнехты хотѣли бѣжать въ Мюнстеръ и только казни привели ихъ въ ненадежное повиновеніе. Первый приступъ враговъ 26 мая былъ блистательно отбитъ. Жизнь епископа едва не подверглась опасности. Нѣкто Гилла Фейкенъ рѣшилась явиться второю Юдиѳью. Ее благословили на подвигъ Іоаннъ и Книппердолинкъ, но перебѣжчики предупредили епископа, и бѣдную Фейкенъ казнили. Второй приступъ былъ назначенъ на 31 августа. Іоаннъ Лейденскій предвидѣлъ близость штурма, заставилъ всѣхъ молиться и поститься и, въ то же время, сдѣлалъ всѣ приготовленія къ отпору. Осаждающихъ допустили къ самымъ валамъ и потомъ поразили внезапною пальбой; женщины обливали ихъ кипящею известью и горящею смолой; мальчики посылали въ нихъ мѣткія стрѣлы. На рынкѣ были разставлены люди, чтобы тушить горящія мѣста. Самъ пророкъ разъѣзжалъ всюду, возстановляя порядокъ и ободряя людей. Приступъ возобновлялся нѣсколько разъ въ этотъ день и, наконецъ, послѣдовало отступленіе съ страшною потерей со стороны осаждавшихъ. «Любезные братья,— говорилъ Іоаннъ, обращаясь къ своему торжествующему народу:—нашъ Господь могущественъ и Онъ помогъ намъ. Нашей силѣ не сдѣлали ничего. Будемъ же веселы и возблагодаримъ Отца!» Всѣ опустились на колѣни и запѣли:

«Не будь съ нами въ это время Господь,
Пришлось бы въ отчаяньи пасть намъ» [1]).

XI.

На рыночной площади Мюнстера толпился народъ. Его призвалъ сюда новый пророкъ Іоаннъ Дузентшуръ, хромоногій золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Варендорфа. Онъ объявилъ, что «Іоаннъ Лейденскій, святой мужъ и пророкъ Божій, долженъ быть царемъ всей вселенной, надъ всѣми императорами, королями, князьями, господами и властелинами. Одинъ онъ долженъ господствовать надъ всѣми и никто надъ нимъ. Онъ долженъ царствовать и возсѣсть на престолъ Давида, отца своего, пока Богъ Отецъ не потребуетъ отъ него царства». Потомъ Дузентшуръ потребовалъ мечъ отъ присутствовавшихъ здѣсь двѣнадцати старѣйшинъ и передалъ его новому королю со словами: «Пріими мечъ правосудія и вмѣстѣ съ нимъ всякую власть, но употребляй его такъ, чтобы ты могъ дать отчетъ Христу, когда Онъ явится на судъ». Помазавъ короля, онъ сказалъ: «Я помазую тебя въ короля новаго храма и народа Божія и въ присутствіи народа называю тебя королемъ новаго Сіона». При этихъ словахъ Іоаннъ Лейденскій поклонился до земли и, подобно Соломону, слезно просилъ у Бога разума и мудрости. Потомъ онъ громко произнесъ, что еще задолго до этого Небесный Отецъ открылъ ему о такомъ его возвышеніи, но онъ умалчивалъ во избѣжаніе того, чтобы не навлечь на себя неподобающихъ подозрѣній въ стремленіи къ присвоенію излишняго.

Идея учредить королевство не была новостью среди перекрещенцевъ. Объ этомъ мечтали и Гофманъ, и Веберъ изъ Аугсбурга, и многіе другіе. Объ этомъ мечтали многіе и въ Мюнстерѣ, но, конечно, только Іоаннъ Лейденскій, очень высоко стоявшій въ мнѣніи народа, могъ рискнуть на этотъ шагъ. Народъ остался доволенъ его избраніемъ, и если кое-гдѣ не тотчасъ освободились отъ сомнѣній и изумленія, то сомнѣвающихся должны были успокоить общественныя проповѣди, въ которыхъ предсказанія пророковъ объ ожидаемомъ счастливомъ времени подъ управленіемъ счастливаго короля были отнесены къ новому царству и новому королю Мюнстера. Нечего и говорить о томъ, что все это было подготовлено Іоанномъ Лейденскимъ заранѣе и Дузентшуръ явился только орудіемъ честолюбиваго мечтателя.

[1]) *Hase.* 87, 88.

Новопоставленный король покинулъ свое помѣщеніе у Книппердолинка и занялъ курію выбывшаго каноника на соборной площади, приказавъ убрать домъ по-княжески. Двѣнадцать старѣйшинъ должны были теперь оставить свои прежнія мѣста и получили новыя должности при новоустроенномъ дворѣ. Своимъ намѣстникомъ король поставилъ своего бывшаго хозяина Книппердолинка, проповѣдникомъ Ротмана, гофмаршаломъ Тильбека, канцлеромъ Гейнриха Крехтинга, тайными совѣтниками бывшаго пастора въ Гильдегаузѣ Бернарда Крехтинга, голландца Гергардта Клостера, скорняка Редекера и торговца Рейнинка. Предсѣдателемъ ихъ былъ патрицій Керкеринкъ. Кромѣ того, было учреждено много другихъ должностей и другихъ служебныхъ высшихъ и низшихъ мѣстъ, напримѣръ оберъкухмистеръ, виночерпій, сервировщикъ стола, камердинеръ и камеръ-лакей, придворный пекарь, портной, шорникъ и проч. Герлахъ фонъ-Вюлленъ и Ламбертъ изъ Лютиха, оба дворяне, были сдѣланы главнокомандующими. Самъ монархъ надѣлъ на себя королевскія одежды и королевскія украшенія. Были приготовлены двѣ золотыя, унизанныя алмазами, короны, драгоцѣнная цѣпь, къ которой былъ прикрѣпленъ пронзенный двумя мечами земной шаръ съ надписью: «Одинъ надъ всѣми король правосудія». Съ груди и плечъ спускались золотыя цѣпи на платье; мечъ былъ въ золотыхъ ножнахъ; въ правой рукѣ король держалъ великолѣпный царскій скипетръ; на его пальцахъ нанизаны были золотыя кольца, на одномъ изъ которыхъ съ печатью была надпись: «Король въ новомъ храмѣ приводитъ тебѣ примѣръ» (de König in den nyen Tempel förret dit vor ein Exempel). Великолѣпны были сѣдло и поводья его лошадей, шпоры его были золотыя. Придворные чины, по различію ихъ должностей, носили различныя одежды; 28 королевскихъ тѣлохранителей носили красныя и свѣтло-голубыя куртки, на одномъ рукавѣ коихъ находился королевскій гербъ—земной шаръ, пронзенный двумя мечами. Матеріаломъ для одеждъ служили преимущественно взятыя изъ церквей и монастырей одежды и украшенія. Король не удовольствовался этимъ штатомъ, но завелъ гаремъ, для котораго онъ избралъ пятнадцать или, по другимъ источникамъ, семнадцать красивѣйшихъ дѣвушекъ города; высшее мѣсто, въ качествѣ королевы, заняла юная Дивара, вдова убитаго непріятелями пророка Матисена. Она имѣла свой особый придворный штатъ. Прежнее жилище канони-

ковъ было отдано подъ помѣщеніе для королевскихъ женъ: посредствомъ прохода оно было соединено съ королевскимъ дворцомъ. Въ этомъ восточномъ великолѣпіи сказалась вся своеобразная и страстная художественная натура этого юноши. Сколько разъ мечталъ, быть-можетъ, онъ въ прежніе годы объ этомъ великолѣпіи, создавая свои пьесы и играя въ нихъ роли королей? На это великолѣпіе насмотрѣлся онъ въ своихъ странствованіяхъ въ Лондонъ, въ Лиссабонъ, объ этомъ великолѣпіи онъ читалъ въ *Ветхомъ Завѣтѣ*. Воображеніе художника дополняло эти картины, создавало новыя и новыя, еще болѣе блестящія, чѣмъ видѣнныя или прочитанныя имъ. Вы, можетъ-быть, помните, какъ Константинъ Аксаковъ объяснялъ многіе поступки Ивана Грознаго художественностью его натуры. Не примѣнимо ли и здѣсь въ еще большей степени это объясненіе?

Экзальтированный, мистически настроенный, Іоаннъ Лейденскій даже не могъ задуматься надъ тѣмъ, что онъ грѣшитъ. Онъ находилъ себѣ оправданіе въ жизни Давида и Соломона. Вѣдь и они утопали среди восточной роскоши, вѣдь и про нихъ говорится, что они окружали себя женщинами. Они рисуются, какъ избранники Божіи. Почему же онъ не можетъ послѣдовать примѣру этихъ великихъ царей, оставившихъ по себѣ память въ исторіи? Ему едва ли когда-нибудь даже приходило въ голову сомнѣніе въ правильности своихъ дѣйствій. Потомъ объ его дѣятельности говорили съ ужасомъ и называли его: гнуснымъ лжецомъ, грязнымъ развратникомъ, кровожаднымъ злодѣемъ. Это только эпитеты, но не объясненіе натуры, и объяснять дѣло такимъ образомъ уже слишкомъ легко. Дѣятельность Іоанна Лейденскаго часто была страшна, но въ ней была извѣстная логика, та же ужасающая логика, какъ и въ дѣятельности его двухъ грозныхъ современниковъ — Генриха VIII и Ивана IV, съ которыми въ его характерѣ, въ его вкусахъ, въ его поступкахъ было такое множество точекъ соприкосновенія, точно онъ былъ не лейденскій катабатчикъ, а родной братъ этихъ двухъ коронованныхъ славостолюбцевъ и мучителей. Такъ, какъ онъ, могла дѣйствовать только подобная натура, натура художественная, воспитанная среди многолѣтнихъ путешествій, среди страстнаго чтенія извѣстныхъ эпизодовъ *Ветхаго Завѣта*, проникнутая экзальтаціей и представленіемъ себя въ роли ветхозавѣтнаго пророка и ветхозавѣтнаго царя. Каждый шагъ этого человѣка былъ исполненіемъ какой-нибудь роли, и

непремѣнно роли съ поражающею сценическою обстановкой. Артистъ, въ сущности, никогда не былъ лжецомъ или притворщикомъ; онъ настолько входилъ въ свою роль, что вполнѣ вѣрилъ самъ въ то, что онъ разыгрывалъ, и заставлялъ въ это вѣрить другихъ. Отсюда вытекаетъ извѣстное неотразимое обаяніе, окружавшее его, стремленіе найти ему оправданіе, попытки реабилитировать его. Во всякомъ случаѣ, это былъ не дюжинный человѣкъ; это была своеобразная личность. Трагикомедія его царствованія не продлилась бы и нѣсколькихъ дней, если бы новый король былъ простымъ мечтателемъ, а не былъ бы, въ то же время, умнымъ и энергичнымъ человѣкомъ. «Онъ, — говоритъ Келлеръ: — зналъ средства, которыя могли помочь ему удержать за собой опасный постъ. Съ мудрымъ расчетомъ онъ втянулъ въ свои интересы всѣхъ вліятельныхъ людей города. Среди его придворныхъ совѣтниковъ были всѣ его прежніе сотоварищи по управленію, а среди его вооруженной стражи, напротивъ того, мы видимъ иноземную чернь, обязанную всѣмъ одному ему, и она во имя своихъ интересовъ охраняла короля, какъ самого себя [1]). Не безъ расчета онъ завелъ и блестящую конницу: народъ, видя короля, ежедневно обучающаго своихъ всадниковъ, твердо вѣрилъ въ силу этого короля, а король очень хорошо сознавалъ, что эта конница нужна ему не столько для отпора внѣшнимъ врагамъ, сколько для подавленія внутреннихъ мятежей. Несмотря на свою восточно-сластолюбивую жизнь, король не забывалъ и о дѣлахъ правленія, дѣлая и изъ него «обстановочную» пьесу, уличное зрѣлище. На рыночной площади, противъ вѣсовъ, былъ устроенъ великолѣпный, съ тремя ступеньками, тронъ. Трижды въ недѣлю публично засѣдалъ здѣсь на судѣ король. Тогда на тронъ надѣвались золотые и пурпуровые покровы и клались шелковыя подушки. Король торжественно, въ сопровожденіи придворныхъ, являлся на судъ. Впереди его играли рожки и флейты, затѣмъ слѣдовали два главнокомандующихъ: Герлахъ фонъ-Вюлленъ и Ламбертъ изъ Лютиха, скорнякъ Іоганъ Курзенеръ, ритмейстеръ и начальникъ всадниковъ, и Конрадъ Крузе, полковникъ пѣхоты; они отличались между собою султанами. За ними слѣдовали тайные совѣтники, идя попарно въ пурпуровомъ одѣяніи и съ золотыми цѣпями, затѣмъ маршалъ Тильбекъ съ бѣлою палкою въ рукѣ; за нимъ слѣдовали двѣнадцать красивыхъ и элегантно одѣтыхъ мальчиковъ, и одинъ изъ нихъ — на

[1]) *Keller*. 219.

правой сторонѣ — держалъ *Библію*, другой — на лѣвой сторонѣ — несъ обнаженный мечъ, какъ символы духовной и свѣтской власти. За ними слѣдовалъ король на добромъ конѣ, въ царскомъ нарядѣ и золотой коронѣ. Непосредственно за королемъ слѣдовали его намѣстникъ Книппердолинкъ и проповѣдникъ Ротманъ; за ними слѣдовали Христіанъ Коркеринкъ, предсѣдатель тайнаго совѣта, и Генрихъ Крехтингъ, канцлеръ, затѣмъ меченосецъ Ниландъ со своими помощниками. Въ концѣ процессіи находились остальные чины и вельможи; 28 тѣлохранителей находились по сторонамъ и расталкивали стекавшійся народъ. Достигнувъ площади, король отдавалъ свою лошадь скороходу и садился на королевскій тронъ. Затѣмъ онъ преклонялъ свой скипетръ, послѣ чего ему докладывались гражданскія дѣла новаго Сіона. Всякій, имѣвшій о чемъ-либо заявить, долженъ былъ дважды поклониться и пасть на землю, послѣ чего онъ могъ говорить. Большею частью, дѣла касались брачной жизни и всѣхъ ея неурядицъ. Король изрекалъ свои рѣшенія, иногда смертные приговоры... Иногда король для слушанія проповѣди являлся на площадь въ сопровожденіи всего народа. Въ этомъ случаѣ и королева пріѣзжала на своей смирной лошади, которую велъ скороходъ; впереди нея ѣхали гофмейстеръ Генрихъ Роде и нѣсколько другихъ придворныхъ; за ней слѣдовали приближенныя женщины и четыре тѣлохранителя. Въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ, противъ трона короля, занимала мѣсто королева со своею свитой и тамъ слушала проповѣдь, которая произносилась съ устроенной близъ трона каѳедры. Если проповѣдь произносилась пополудни, то она заканчивалась веселою пляской, которую открывалъ король. Въ этомъ случаѣ участникомъ могъ быть всякій, у кого являлась охота плясать [1]). Вообще, танцы теперь были ежедневно; тотчасъ послѣ обѣда они начинались въ покояхъ короля подъ звуки музыки. Нисколько не удивительно, что сладострастный и жадно осушавшій чашу юноша, жившій точно въ волшебномъ снѣ, вводилъ у себя эти развлеченія. Но было странно слушать проповѣди несчастнаго Ротмана, еще недавняго защитника и проповѣдника суроваго перекрещенскаго воздержанія. Въ этихъ проповѣдяхъ теперь говорилось, что Богъ далъ всему свободу, что всякія пляски, прыганья и другія увеселенія, если въ нихъ нѣтъ злого умысла, пріятны Богу, что все, чѣмъ наслаждаются безбожные, доступно и праведнымъ,

[1]) *Hast.* 363 и 364.

только первые тѣшатъ дьявола, а послѣдніе Бога [1]). Нравственное паденіе «дипломата» шло все ниже и ниже: теперь въ рѣчахъ были уже не «страстныя убѣжденія», не «парадоксы» даже, а просто выдумки и ложь, приноровленныя къ требованіямъ господствующей партіи. Онъ сознавалъ, что его дѣло проиграно, что въ Мюнстерѣ дѣла идутъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, Ротманъ велъ дѣятельную агитацію, стараясь распространить за предѣлами Мюнстера господствовавшія въ новомъ царствѣ идеи. Онъ издавалъ брошюры и книги. Интересно указать на нѣкоторыя стороны этихъ произведеній. Въ книгѣ *Возстановленіе правой и здоровой вѣры*, изданной въ началѣ октября 1534 года, между прочимъ, оспариваются положенія объ оправданіи одною вѣрою и о несвободной волѣ, утверждаются идеи объ уничтоженіи безбожныхъ, о поднятіи меча, объ общности имуществъ. Въ концѣ же книги описывается положеніе дѣлъ въ городѣ: «здѣсь люди отреклись отъ эксплоатаціи ближнихъ; здѣсь никто не жирѣетъ отъ чужого пота; здѣсь нѣтъ ни ростовщиковъ, ни притѣснителей; здѣсь все имущество стало общимъ». «Итакъ, мы скорѣе примемъ смерть, чѣмъ вернемся къ старому,—говоритъ авторъ. — Мы знаемъ, что эта жертва угодна Богу. И никакой христіанинъ не можетъ быть угоднымъ Богу, если онъ не стоитъ въ подобномъ положеніи общности или, по крайней мѣрѣ, не стремится къ этому отъ всего сердца [2])». Въ декабрѣ 1534 года появилась *Книжка о мести*. Это трактатъ о томъ, что царство Божіе приближается и что надо употреблять всѣ средства для отмщенія безбожныхъ [3]). Въ февралѣ 1535 года вышла книга *О сокровеніи писанія царства Христова и днѣ Господнемъ*, гдѣ священное писаніе сравнивается съ ящикомъ, въ которомъ скрыто сокровище познанія Христа. Опять здѣсь говорится, что царство Божіе не въ мнѣніяхъ, словахъ и доброжеланіяхъ, а въ добродѣтеляхъ и подражаніи Христу [4]). Въ этихъ сочиненіяхъ вы найдете только чистое одушевленіе во имя извѣстныхъ гуманныхъ идей, все то, что было лучшаго и прогрессивнаго въ перекрещенствѣ...

До враговъ доходили самые странные слухи о господствующемъ въ Мюнстерѣ образѣ жизни, и они хотѣли узнать

---

[1]) *Hase*, 97 и 98.
[2]) *Keller*, 149 и 151.
[3]) *Ibid.*, 152.
[4]) *Hase*, 101 и 102.

хотя что-нибудь вѣрное о ней отъ очевидца. Для этой цѣли былъ избранъ Фабриціи, какъ человѣкъ, еще имѣвшій связи въ городѣ. Враги предложили чрезъ него: король долженъ отказаться отъ своего званія; должно прекратить многоженство; должно вернуть изгнанниковъ. Іоаннъ Лейденскій отвѣчалъ съ достоинствомъ: королемъ его избралъ самъ Богъ; многоженство отмѣнятъ, если въ писаніи найдется лучшая форма жизни; изгнанниковъ примутъ, если они перейдутъ въ перекрещенство. Фабриціи былъ окруженъ почетною стражей и этимъ ему очень ловко помѣшали снестись съ его старыми знакомыми въ городѣ и увидать здѣсь хотя что-нибудь. А между тѣмъ, любопытнаго было не мало [1]). Всматриваясь въ мелочи жизни Мюнстера, мы видимъ извѣстный строгій порядокъ. Дузентшуръ, хромоногій пророкъ, опредѣлилъ, сколько кто долженъ имѣть того или другого платья. Согласно съ этимъ, дьяконы разъѣзжали по городу съ повозкой и спрашивали: «Кто имѣетъ болѣе, отдай лишнее; кто имѣетъ менѣе, заяви, что̀ ему надо». Такъ шелъ пріемъ, такъ шла раздача вещей [2]). Въ сношеніяхъ между собою всѣ назывались братьями и сестрами,—такъ называлъ всѣхъ король. Желавшіе пожениться, должны были молиться три дня, испрашивая воли Божіей, чтобы они плодились и множились во имя Его. Заявленія согласія на бракъ и подача другъ другу рукъ при двухъ свидѣтеляхъ были достаточны для брака. Каждый долженъ быть женатымъ, такъ какъ бракъ есть божеское учрежденіе. Престарѣлыя вдовы избирали себѣ защитника [3]). Мальчики и дѣвочки обучались въ шести школахъ чтенію, письму, закону Божію и пѣнію псалмовъ, которыми начинались и кончались классныя занятія. Разъ въ недѣлю учащіеся попарно отправлялись въ соборъ, и тамъ имъ читали проповѣдь. Обыкновенно для народа проповѣди говорились на улицѣ, и народъ даже въ холодъ и снѣгъ выстаивалъ на площади, говоря, что это ничтожная жертва для Бога [4]). Прибавьте ко всему сказанному, что осада выносилась съ изумительною стойкостью, что вѣра въ близость спасенія одушевляла людей, что въ городѣ покуда не было перебѣжчиковъ и предателей, и вы поймете, какъ преувеличены были разсказы послѣдующихъ писателей объ ужасахъ, творившихся въ Мюнстерѣ въ эту эпоху.

---

[1]) *Hase*, 98.
[2]) *Ibid.*, 111.
[3]) *Ibid.*, 110.
[4]) *Ibid.*, 112.

Извѣстная распущенность нравовъ, при тогдашней нравственности вообще и при введенномъ въ Мюнстерѣ многоженствѣ въ особенности, должна была существовать неизбѣжно; сама религіозная экзальтація, доводившая до конвульсій, галлюцинацій и пророческихъ видѣній, способствовала тоже извѣстнымъ излишествамъ, какъ это бывало и во времена бичующихся, крестоносцевъ и т. п. Мы знаемъ, какъ кончаются у насъ разныя радѣнія хлыстовъ и голубчиковъ, ведущихъ вић этихъ моментовъ иногда очень строгую жизнь. Эти же явленія были и среди мюнстерскихъ перекрещенцевъ, горѣвшихъ страстнымъ желаніемъ «плодиться и множиться», видѣвшихъ въ *Библіи* прямое «приказаніе» стремиться къ этому. Тѣмъ не менѣе, преувеличенія всякихъ нравственныхъ безобразій въ Мюнстерѣ со стороны враждебныхъ писателей несомнѣнны. Деморализація и предательства явились, но явились потому, что и святые не вынесли бы, не погибнувъ, многомѣсячной осады, кончившейся страшными сценами голода, при сознаніи, что, кромѣ этого клочка земли, у осажденныхъ нѣтъ ни пристанища, ни защиты во всемъ мірѣ.

XII.

Изъ всѣхъ личностей, игравшихъ видную роль въ перекрещенствѣ, Книппердолинкъ является самою непонятной. Описывая ту или другую личность изъ перекрещенцевъ, всегда можно даже по немногимъ уцѣлѣвшимъ о ней свѣдѣніямъ сказать, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и психическихъ процессовъ она дѣйствовала. Говоря о Книппердолинкѣ, этого никогда нельзя сказать, если не желаешь отдѣлываться голословными эпитетами: «шутникъ», «сорви-голова», «сумасшедшій сумасбродъ» и т. п. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что этотъ человѣкъ не вѣрилъ ни во что, относился ко всему съ легкомысленнымъ юморомъ, иногда выкидывалъ полусумасшедшія штуки, представляясь одержимымъ «духомъ». Едва ли когда-нибудь Книппердолинкъ особенно сильно заботился о религіи. Онъ болѣе думалъ о политикѣ. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время онъ высказывалъ взгляды на религію, которые нужно признать послѣднею степенью перекрещенскихъ отрицаній. Онъ говорилъ, что люди будутъ жить по волѣ Отца только тогда, когда они отбросятъ *Ветхій* и *Новый Завѣты* и будутъ руководствоваться только своимъ «духомъ». Въ сущности, это было полное отрицаніе религіи. Іоаннъ Лейденскій, какъ

онъ говорилъ послѣ, сильно оспаривалъ это мнѣніе Книппердолинка. Впрочемъ, Книппердолинкъ высказывался и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, въ шутливой формѣ. Болѣе серьезно задумывался онъ о власти Іоанна Лейденскаго, при избраніи котораго въ короли онъ хранилъ гробовое молчаніе. Именно на его долю выпала роль перваго серьезнаго бунтовщика въ этомъ царствѣ. Были и до него многіе недовольные, но съ ними кончали короткою расправой. Такъ покончить съ нимъ было бы невозможно. Книппердолинкъ очутился послѣ воцаренія на престолъ Іоанна въ положеніи Ротмана: оба они помогли пророку овладѣть властью, оба остались на второмъ планѣ. Честолюбецъ по натурѣ, Книппердолинкъ не могъ не затаить въ себѣ враждебнаго чувства къ королю. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ проявляетъ желаніе свергнуть короля. На нѣкоторое время онъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ и заперся дома. Люди стали толковать, что на него сошелъ духъ, и онъ получилъ откровенія. Появившись послѣ нѣкотораго времени въ городѣ, онъ пошелъ къ воротамъ, гдѣ былъ лагерь солдатъ, созвалъ послѣднихъ и объявилъ имъ, что Господь удостоилъ его откровеній, которыя принесутъ народу великую радость. Что это были за откровенія — неизвѣстно, но извѣстно, что народъ благодарилъ Бога и пѣлъ [1]). Въ другой разъ, 12 ноября, Книппердолинкъ впалъ въ священное безуміе, бѣгалъ по городу, крича: «Покайтесь, обратитесь и будьте благочестивы!» Казалось, онъ хотѣлъ этимъ выразить то, что при существующемъ королѣ люди еще не достигли истиннаго благочестія. Въ народѣ разнесся слухъ, что будетъ чудо. Всѣ бѣжали на рыночную площадь. Здѣсь Книппердолинкъ упалъ на землю, быстро поднялся и закричалъ окружавшей его толпѣ: «Тебя освятилъ небесный Отецъ; прими Духа Святого». Затѣмъ онъ помазалъ слюною глаза одного слѣпца и сказалъ: «Возьми опять зрѣніе твое». Сверхъ того, онъ сказалъ, что въ тотъ же день онъ умретъ и вскорѣ опять воскреснетъ. Танцуя, прыгая, становясь на голову, онъ подступилъ къ королевскому трону и воскликнулъ: «Я танцовалъ съ дѣвами, а теперь мой небесный Отецъ хочетъ, чтобъ я исполнилъ эти танцы предъ глазами моего короля». Казалось, онъ сказалъ это презрительно по отношенію къ королю. Послѣдній, замѣтивъ уловку Книппердолинка, оставилъ тронъ: «Любезные сестры и братья, восхвалимъ Господа и разойдемся по домамъ», —

[1]) *Keller*, 221.

сказалъ Іоаннъ, прекращая эту сцену. Книппердолинкъ однако, не унялся и воскликнулъ: «Господинъ король, ты, говоришь неправильно: *такъ я тебя не училъ*; ты долженъ назвать сперва братьевъ, потомъ сестеръ». На слѣдующій день Книппердолинкъ садится на тронъ и взываетъ: «Меня побуждаетъ духъ: Іоаннъ Лейденскій — король по плоти, я же хочу быть духовнымъ королемъ... *Библія, Ветхій* и *Новый Завѣты* должны быть отвергнуты; человѣкъ долженъ жить не по свѣтскимъ законамъ, но только по предписанію природы и духа». Городъ былъ на шагъ отъ новой революціи, и нужно было имѣть мужество и находчивость Іоанна Лейденскаго, чтобы разомъ пресѣчь волненіе. Король низвергъ Книппердолинка и приказалъ своимъ тѣлохранителямъ посадить его въ тюрьму. Недаромъ онъ окружилъ себя вѣрною стражей. Въ продолженіе трехъ дней находился Книппердолинкъ въ тюрьмѣ, связанный и въ оковахъ, и признался, что его обманулъ злой духъ; въ прошедшую ночь онъ узналъ, по внушенію Небеснаго Отца, какъ высоко надо чтить короля, и онъ болѣе не сомнѣвается, что тотъ есть повелитель всего міра. Интересно письмо Іоанна къ Книппердолинку: «Я увѣщаваю тебя вспомнить прежнюю любовь, — пишетъ Іоаннъ. — Не удаляйся отъ меня. Я не забылъ оказанныя мнѣ тобой и твоею женой благодѣянія, хотя я наказалъ въ тебѣ злое. Останься твердымъ въ вѣрѣ спасенія». Отъ этихъ строкъ вѣетъ теплотой. Вообще Іоаннъ Лейденскій велъ себя съ достоинствомъ въ отношеніи Книппердолинка, несмотря на всѣ выходки послѣдняго. Однажды послѣдній, въ припадкѣ неистовства, потребовалъ, чтобы король отрубилъ ему голову, такъ какъ онъ чрезъ три дня воскреснетъ, — король отстранилъ его и не воспользовался возможностью такъ легко отдѣлаться отъ опаснаго соперника [1]). Теперь король освободилъ его [2]).

Пророкъ Дузентшуръ возгласилъ, что настало время, когда исполнилось писаніе, и Богъ захотѣлъ послать въ міръ апостоловъ своего слова. По предложенію пророка, предварительно была созвана на общій обѣдъ на горѣ Сіонѣ,— такъ назывался соборный дворъ, — христіанская община, состоявшая изъ 1.600 способныхъ къ оружію мужей, 400 старцевъ и дѣтей и почти 5.000 женщинъ, не считая стражи. По окончаніи трапезы, король взялъ прѣсныя печенья и раздавалъ каждому сословію: «Пріимите и ядите, и возвѣ-

[1]) *Hase*, 113 и 114.
[2]) *Hast*, 367; *Keller*, 222.

щайте смерть Господню». А королева держала чашу съ виномъ, приглашала всѣхъ и говорила: «Пейте изъ нея всѣ и возвѣщайте смерть Господню». Затѣмъ король поставилъ всѣхъ въ кругъ и спросилъ, хотятъ ли они повиноваться слову Божію. Толпа закричала: «Не только повиноваться, но, въ случаѣ надобности, пожертвовать жизнію». Трапеза была примирительною вечерью: такъ хотѣлъ король [1]). Послѣ этого событія, завершившаго мрачное облако внутренней распри, Іоаннъ Лейденскій сдѣлалъ новый рѣшительный шагъ: онъ видѣлъ, что въ Мюнстерѣ истощаются съѣстные припасы, что населеніе среди бездѣйствія осады сидитъ праздно и начинаетъ томиться и тяготиться невыносимымъ положеніемъ. Чтобы перемѣнить положеніе дѣлъ, нужно было пріобрѣсти союзниковъ и отвлечь силы непріятеля отъ города. По волѣ короля, передъ собраніемъ народа началъ говорить пророкъ Дузентшуръ: «Небесный Отецъ открылъ мнѣ 27 апостоловъ, которые, охраняемые сѣнью Его крылъ, должны распространить наше ученіе по четыремъ странамъ свѣта, такъ что у нихъ не упадетъ даже ни одинъ волосъ подъ такою охраной. Если же гдѣ-либо власть не захочетъ принять Евангеліе, тамъ они должны оставить золотой гульденъ, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и идти далѣе». Затѣмъ онъ перечислилъ поименно апостоловъ и закончилъ: «Идите въ міръ и возвѣщайте слово Божіе». Еще во время ночи они были выпущены изъ четырехъ воротъ. Во главѣ восьми, шедшихъ въ Заэстъ, стоялъ самъ пророкъ Дузентшуръ. Въ Оснабрюкъ пошли шесть, между ними бывшій пасторъ въ Местрихѣ, Діонисій Винненъ. Въ Цесфельдъ отправились Фризій съ пятью другими, между которыми находился бывшій при новой церкви Варендорфа пасторъ Регевартъ. Въ послѣдній городъ пошли Клопрейсъ и Штралленъ съ четырьмя другими. Это посольство апостоловъ было соломинкой, за которую хватается утопающій. Оно не могло принести пользы въ это время всеобщаго возбужденія противъ перекрещенцевъ. Силы борющихся были слишкомъ неравны. Благополучно достигнувъ мѣстъ своего назначенія, апостолы тотчасъ начали возглашать по улицамъ о покаяніи. Посланные въ Варендорфъ пришли къ члену ратуши Эрно, и пожелали мира всему его дому. Черезъ него они задобрили совѣтъ и подъ его защитой распространяли свое ученіе. Напрасно писалъ епископъ: они надменно говорили о союзѣ съ Мюнстеромъ Тогда епископъ двинулся впередъ,

[1]) *Ibid.*, 368.

и городъ сдался 21 ноября. Перекрещенные граждане были отправлены подъ арестъ въ Засендбергъ, трое изъ нихъ казнены, прочіе поплатились тяжелымъ штрафомъ или продолжительнымъ арестомъ. Изъ апостоловъ Штраллень умеръ въ тюрьмѣ, Клопрейсъ былъ сожженъ въ Кельнѣ, будучи препровожденъ къ кельнскому курфирсту, какъ своему господину; остальные казнены въ Варендорфѣ. Самый Варендорфъ потерялъ права и привилегіи. Посланные въ Зоэстъ казнены тамъ 23 октября. Посланные въ Оснабрюкъ также были схвачены: связанные, они были отправлены въ Ибургъ, гдѣ находился епископъ. Гейнрихъ Гресъ, бывшій учитель въ Боркенѣ, увидя епископа, воскликнулъ: «Неужели начальникъ не имѣетъ власти отпустить связаннаго?»—и получилъ прощеніе за то, что выдалъ всѣхъ своихъ. Этой гнусной личности пришлось сыграть крупную роль. Его спутники потерпѣли смертную казнь. Посланные въ Цесфельдъ были казнены: четверо около города, пятый — въ Горстмарѣ, шестой—въ Боркенѣ, седьмой — въ Бохольдѣ, восьмой—въ Бреденѣ, для того, чтобы въ различныхъ мѣстахъ показать примѣры строгаго правосудія. Послѣ гибели всѣхъ апостоловъ, ночью у стѣнъ Мюнстера появился Гресъ, въ оковахъ на рукахъ... Его узнали и доставили въ городъ. Здѣсь онъ разсказалъ о смерти своихъ собратій и о томъ, какъ ангелъ Господень спасъ его, какъ апостола Петра, изъ тюрьмы Ибурга. Ему повѣрили, его сочли за великаго пророка. Король, несмотря на подозрѣнія нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, послалъ его въ Везель, Лейденъ и Амстердамъ. Гресъ долженъ былъ сформировать въ этихъ городахъ войско для помощи Мюнстеру. Король снабдилъ его 2-го января 1535 года полномочіями и далъ ему на дорогу 300 гульденовъ [1]). Еще бы! Кто же, какъ не чудесно спасенный Богомъ человѣкъ, могъ исполнить трудную миссію? А посолъ отправился въ Ирбургъ и разсказалъ епископу обо всемъ томъ, что онъ развѣдалъ въ Мюнстерѣ, въ особенности о томъ, гдѣ пребывали приверженцы перекрещенцевъ, и объ ихъ планахъ [2]).

Въ Мюнстерѣ, между тѣмъ, усиливался недостатокъ провіанта. Стали ѣсть конину; немного оставшихся коровъ и быковъ сохранялось для королевскаго двора. Начались сцены казней голодныхъ воровъ. Одна женщина, уличенная въ томъ, что при раздачѣ конины дважды требовала себѣ мяса,

[1]) *Hase*, 119.
[2]) *Hast*, 369.

въ наказаніе должна была держать мечъ въ теченіе многихъ часовъ и потомъ, послѣ публичнаго позора, потерпѣть смертную казнь. Точно такъ же одинъ десятилѣтній мальчикъ, вырвавшій для утоленія своего голода нѣсколько какихъ-то овощей и рѣпъ, сначала былъ высѣченъ до крови, а когда голодъ снова принудилъ его къ тому же, былъ повѣшенъ. Вообще казней было не мало. Впрочемъ, не одними казнями обуздывали голодныхъ. Король старался развлечь ихъ шутовскими представленіями: одинъ изъ шутовъ, изъ старыхъ канониковъ, былъ наряженъ въ священническія одежды и говорилъ въ соборѣ шутовскую проповѣдь, при чемъ пѣли Gaudeamus. Проповѣдники съ своей стороны призывали народъ къ посту, увѣщавали не служить мамонѣ [1]). Надежда на спасеніе основывалась только на прибытіи иноземцевъ. Во всѣ стороны были разосланы гонцы и союзъ перекрещенцевъ распространился черезъ Везель, Девентеръ, Амстердамъ, Голландію, Брабантъ до Страсбурга. Они распространяли книги въ окрестностяхъ Мюнстера, чтобы возбудить простой народъ къ возстанію. Этотъ народъ и нерѣдко ландскнехты шли въ Мюнстеръ. Каждый день осажденные ожидали провіанта изъ отдаленныхъ мѣстностей, и если-бъ онъ пришелъ къ Мюнстеру, тогда они захватили бы его, сдѣлавъ для этого вылазку. Усилія не остались безъ извѣстныхъ послѣдствій. Повсюду въ городахъ происходили возмущенія и за ними слѣдовали казни. Такъ, на Рождество—въ Девентрѣ, въ январѣ 1535 г. въ западной Фрисландіи, одновременно—въ Лейденѣ, Амстердамѣ и Везелѣ. Въ Лейденѣ, гдѣ перекрещенцы пытались сжечь городъ, 15 человѣкъ казнено, кромѣ того 5 женщинъ и между ними первая жена Іоанна Бокеля были утоплены.

Въ концѣ марта 300 перекрещенцевъ захватили Альтмюнстерскій монастырь на Шекѣ и назначили его сборнымъ мѣстомъ для остальныхъ: но намѣстникъ Шенкъ осадилъ монастырь и послѣ отчаяннаго сопротивленія взялъ его штурмомъ 7 апрѣля. Противъ перекрещенцевъ, находившихся въ Везелѣ, отправился герцогъ фонъ-Юлихъ и приказалъ казнить шестерыхъ 13 апрѣля. Но никто не рисковалъ такъ, какъ Іоаннъ ванъ-Геель, посланный изъ Мюнстера въ Страсбургъ; онъ бѣжалъ при штурмѣ Альтмюнстерскаго монастыря и удалился въ Амстердамъ къ тамошнимъ перекрещенцамъ. Отсюда онъ обратился къ Маріи,

[1]) *Hase*, 124.

сестрѣ императора, намѣстницѣ нидерландской. Онъ предлагалъ передать Мюнстеръ императору и для взятія его получилъ даже позволеніе вербовать войска. Этимъ онъ воспользовался для того, чтобы произвести переворотъ въ Амстердамѣ. Въ ночь на 13 мая начался штурмъ и послѣ долгой и упорной битвы, въ которой палъ Іоаннъ ванъ-Геель, возставшіе были побѣждены. Пойманныхъ казнили [1]). Въ Мюнстерѣ же все росло неудовольствіе вслѣдствіе голода. Теперь роптали на королевскую пышность, на число его женъ; къ числу недовольныхъ принадлежали тѣ, которые всегда чувствовали раскаяніе въ томъ, что принимали участіе въ заблужденіяхъ и опасныхъ дѣйствіяхъ Іоанна. Но отъ короля не ускользали эти обстоятельства; онъ надѣялся продлить свое господство рядомъ новыхъ законовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смягчить эти законы, сдѣлавъ уступки несогласномыслящимъ для привлеченія ихъ на свою сторону. «Во второй день января 1535 года послѣ Р. Х.» онъ издалъ распоряженіе изъ 27 статей, гдѣ онъ объявляетъ, что завѣщанное Христомъ государство чистоты и святости заключается именно въ немъ, и что онъ сидитъ на тронѣ Давида. Въ этомъ царствѣ онъ отказывалъ въ убѣжищѣ всѣмъ язычникамъ, желающимъ искать защиту въ обществѣ Христовомъ Мюнстера для избѣжанія кары за совершенное преступленіе. Король, его судьи и всѣ его чиновники, говорилось далѣе, исполняютъ свою обязанность, не давая никому преимущества, по слову Божію и милосердію Его; всякое пристрастіе служебныхъ лицъ и противозаконія изслѣдуются самимъ королемъ или намѣстникомъ и строго наказываются. Священное писаніе никто не смѣетъ толковать произвольно,— оно должно толковаться буквально по требованію времени; пророкъ, проповѣдующій несогласно со словомъ Божіимъ, долженъ быть удаленъ отъ народа и умерщвленъ. Пьянство и корыстолюбіе наказываются, какъ источники развращающихъ пороковъ. Принужденіе къ браку запрещается; запрещеніе особенно касалось тѣхъ, которые были поражены отвратительными болѣзнями. Женщины безъ постоянныхъ мужей получаютъ благонамѣренныхъ опекуновъ. Предательство наказывается соразмѣрно преступленію. Тотъ, кому порученъ постъ для охраны города отъ непріятеля, не смѣетъ отлучаться безъ позволенія начальника. Пріобрѣтенная добыча должна доставляться начальству, и что доста-

[1]) *Hast*, 370.

ные фанатики, какъ Гофманъ, Матисенъ, Іоаннъ Бокель. А какой массы лицъ намъ еще не пришлось коснуться! Если бы мы вздумали касаться всѣхъ вожаковъ анабаптизма, намъ не пришлось бы ограничиться этимъ небольшимъ очеркомъ, а пришлось бы написать цѣлый томъ. Энергія, съ которою дѣйствовали многіе изъ этихъ вожаковъ движеній, была тоже изумительна: достаточно вспомнить неустанную дѣятельность и нечеловѣческую выносливость Мюнцера, умѣнье Ганса Денка привлечь на свою сторону сердца и умы людей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества, или неутомимыя путешествія Мельхіора Гофмана изъ Дерпта въ Виттенбергъ, отсюда въ Стокгольмъ, изъ Стокгольма въ Голландію, далѣе въ Страсбургъ, и все это безъ посторонней помощи, почти безъ хлѣба. Мы уже говорили, что сами враги анабаптистовъ завидовали этой неутомимой энергіи въ дѣлѣ пропаганды. Но всѣ эти люди, несмотря на всю энергію, погибли и должны были неизбѣжно погибнуть. Они стремились силою пересоздать моментально все общество, весь его строй, всѣхъ людей; въ своемъ прямолинейномъ радикализмѣ они съ лихорадочною поспѣшностью шли отъ отрицанія къ отрицанію, въ неудержимой экзальтаціи, стирая съ земли всѣ существовавшія религіозныя традиціи, науку, искусство, правительство,—и ихъ горсть сразу очутилась лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полчищемъ враговъ, изъ которыхъ каждый отстаивалъ что-нибудь дорогое для него. На ихъ жестокія крайности общество отвѣтило не менѣе жестокими крайностями: оно было сильнѣе и побѣдило ихъ, не разбирая, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, смѣшивая въ одну кучу и такихъ высоко-гуманныхъ мыслителей, какъ Гансъ Денкъ, и такихъ безумцевъ, какъ Іоаннъ Лейденскій.

Дорого обходятся человѣчеству подобные уроки, но, къ несчастію, оно вообще дорого платитъ за каждый свой шагъ впередъ, иногда даже за простую попытку сдѣлать этотъ шагъ прежде, чѣмъ настало для него время.

ИСТОЧНИКИ КЪ ЦАРСТВУ ДВУХЪ МОНАХОВЪ.

1) *Amabile*, Fra Tommaso Campanella. Napoli. 1882.
2) *Baillet*, Les enfants célèbres. 1688.
3) *Baldacchini*, Vita di Tommaso Campanella. Napoli. 1847.
4) *Labbé de Mably*, Collection complète des oeuvres. Paris. 1794—5.
5) *M. De la Châtre*, Histoire des papes. Paris. 1844.
6) *H. Forneron*, Histoire de Philippe II. Paris. 1881.
7) *Histoire des papes*, t. IV, à la Haye chez Scheurleer. M. D. C. C. XXXIII.
8) *Hase*, Savonarola. Leipzig. 1861.
9) *Kolb*, Culturgeschichte. Leipzig. 1873.
10) *F. Laurent*, La papauté et l'empire. Bruxelles. 1860.
11) *Michelet*, Renaissance. Paris. 1861.
12) *Meier*, Girolamo Savonarola. Berlin. 1836.
13) *Michelet*, Richelieu et la fronde. Paris. 1858.
14) *Michaud*, Biographie universelle. C. Desplaces. 1850.
15) *Perrens*, Jérome Savonarole. Paris. 1859.
16) *Philippson*, Geschichte der Neueren Zeit. Berlin. 1886.
17) *Picus de Mirandula*, Vita R. P. Tr. Hierónymi Savonarolae. 1674.
18) *Prescott*, Histoire du règne de Philippe II. Paris. 1860.
19) *Quinet*, Les révolutions d'Italie. Paris. 1857.
20) *Riebach*, Geschichte der bildenden Kuenste. Berlin. 1884.
21) *A. Rudelbach*, Hieronymus Savonarola. Hamburg. 1835.
22) *Rixner und Seiber*, Leben und Lehrmeinungen berühmter Physiker. Sulzbach. 1826.
23) *Villari*, Geschichte Girolamo Savonarola's. Leipzig. 1868.
24) *Zeller*, Italie et rénaissance. Paris. 1869.

ИСТОЧНИКИ КЪ ПРОЛЕТАРІАТУ ВО ФРАНЦІИ.

1) *L. Blanc*, Histoire de la Révolution, t. I.
2) *L. Blanc*, Histoire de dix ans. Neuvième éd. 1849.
3) *L. Blanc*, Revelations historiques.
4) *Cabet*, Hist. populaire de la révolution. 1839.
5) *Cabet*, Voyage en Icarie.
6) *Proudhon*, Contradiction économique.
7) *Proudhon*, Idée de la révolution etc. 2 éd.
8) *Oeuvres de Robespierre, récueillies par Vermorel*, 1870.
9) *Ch. Fourier*. Oeuvres.
10) *H. Saint-Simon*, Oeuvres, Paris. Naquet. 1832.
11) *Un garde national*, journales de 20 juin et 10 août 1792 et de juillet 1830. Paris. 1848.
12) *Leynadier*, Histoire de memorables journées de février 1848. Paris. 1848.
13) *Н. Чернышевскій*, Борьба партій во Франціи. Въ «Современникѣ» 1858 г. №№ 8 и 9.
14) *Рокау*, Исторія Франціи. Изд. М. Антоновича и Пыпина.
15) *Agricol Perdiguier*, Le livre du campagnonage, deuxième éd.
16) *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières en France. 1867.
17) *Sigmund Englaender*, Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen. 1864.
18) *Dictionnaire de l'économie politique*, 1853.

19) *Sudre*, Histoire du communisme.
20) *Dauban*, Paris et 1794. Ed. 1869.
21) *L. Reybaud*, Etudes sur les réformateurs.
22) *Baron de Nervo*, Les finances françaises, Michel Lévy.
23) *Lucien de la Hodde*, Hist. des sociétés sercètes. Paris. 1850.
24) *Parent-Duchatelet*, De la prostitution etc. Bruxelles. 1836.
25) *Eugène Véron*, Les associations ouvrières. Paris. Hachette. 1865.
26) *Maxime du Camp*. Paris, éd. 1869.
27) *Michelet*, Cours professé au Collège de France. 1848.

ИСТОЧНИКИ КЪ РЕВОЛЮЦІОННОМУ АНАБАПТИЗМУ.

1) *Blanc*, Histoire de la révolution française. 1847.
2) *Cornelius*, Geschichte des Muensterischen Aufruhrs. Leipzig. 1855.
3) *Dietrich*, Der Bauernkrieg. Ulm. 1844.
4) *Ersch und Gruber*, Allgemeine Encyklopaedie, XXI Th. Leipzig. 1842.
5) *Ewerbeck*, L'Allemagne et les allemandes. Paris. 1851.
6) *Erbkam*, Geschichte der protestantischen Sekten. Hamburg und Gotha. 1848.
7) *Freytag*, Aus dem Jahrhundert der Reformation. Leipzig. 1883.
8) *Hast*, Geschichte der Wiedertaeufer. Muenster. 1836.
9) *Hase*, Das Reich der Wiedertaeufer. Leipzig. 1860.
10) *Hartfelder*, Zur Geschichte des Bauernkriegs. Stuttgart. 1884.
11) *Joerg*, Deutschland in der Revolutions-Periode. Freiburg. 1851.
12) *Kaufmann*, Socialism und Communism. London. 1883.
13) *Keller*, Geschichte der Wiedertaeufer. Muenster. 1880. Ein Apostel der Wiedertaeufer. Leipzig. 1882.
14) *Koenig*, Deutsche Literaturgeschichte. 1879.
15) *Kolb*, Die Culturgeschichte. 1873.
16) *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité. Bruxelles.
17) *Лукрецій Каръ*. О природѣ вещей. Москва. 1876.
18) *Merle d'Aubigné*, Geschichte der Reformations. Stuttgart. 1848.
19) *Perrens*, Jérome Savonarole. Paris. 1859.
20) *Песоцкій*. Царство анабаптистовъ и общество менонитовъ («Странникъ». 1869).
21) *Plitt und Herzog*, Real-Encyklopaedie fuer protestantische Theologie. Leipzig. 1878.
22) *Ranke*, Deutsche Geschichte in Zeitalters der Reformation. Berlin. 1856.
23) *Schenkel*, Das Wesen des Protestantismus. Schaffhausen. 1851.
24) *Schmidt*, Zeitschrift fuer Geschichtswissenchaft. IV. 1845.
25) *Stern*, Die Socialisten des Reformations-Zeit. Berlin. 1883.
26) *Schlosser*, Dis Weltgeschichte. Berlin. 1885.
27) *Шерръ*, Исторія цивилизаціи въ Германіи. 1868.
28) *Seideman*, Thomas Muenzer. Eine Biographie. Dresden und Leipzig. 1842.
29) *Sudre*, Histoire du communisme. Paris. 1849.
30) *Випиряковъ*, Общество анабаптистовъ («Православное Обозрѣніе». 1861 г.).
31) *Weber*, Zur Geschichte des Reformations-Zeitalters. Leipzig. 1874.
32) *Weill*, Der Bauernkrieg. Darmstadt. 1847.
33) *Циммерманъ*, Исторія крестьянскихъ войнъ въ Германіи. 1866.

Оглавленіе

XVI ТОМА

стр.

Изъ исторіи народныхъ движеній.

Царства двухъ монаховъ 5

Пролетаріатъ во Франціи 1789—1852 г.

I. Введеніе 207

II. Первая революція 218

III. Первая имперія. 255

IV. Реставрація 301

V. Іюльская монархія. 371

VI. Республика 437

Революціонный анабаптизмъ 537